Русская старина

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Мих. Ив. Семевскаго.

ИЗДАНІЕ ОСНОВАНО 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

DK
1
.R89
v.54

1887 г.

АПРѢЛЬ.—МАЙ.—ІЮНЬ.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

INDIANA UNIVERSIT
LIBRARIES
BLOOMINGTON

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1887.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ГРАФЪ СЕРГІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ СТРОГОНОВЪ,

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ,

Р. 1794 Г., † 27 МАРТА 1882 Г.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРІОБРѢТЕНІЕ ПСКОВА И СМОЛЕНСКА ВАСИЛІЕМЪ III [1].

Михаилъ Глинскій и король Сигизмундъ I. — Возмущеніе Глинскаго и отъѣздъ его въ Москву. — Жалобы псковичей на московскаго намѣстника. — Василій III въ Новгородѣ и поиманіе псковскихъ лучшихъ людей.—Посольство дьяка Далматова и уничтоженіе вѣча.—Василій III въ Псковѣ и выводъ псковичей. — Дьякъ Мисюрь Мунехинъ. — Кончина королевы Елены Ивановны. — Новый разрывъ Литвы съ Москвою. — Троекратная осада и взятіе Смоленска. — Измѣна Глинскаго и Оршинское пораженіе. — Посредничество императора Максимильяна.—Московская дипломатія.—Перемиріе.—Двукратное посольство Герберштейна.

I.

Король польскій и великій князь литовскій Александръ Казиміровичъ, узнавъ о смерти своего тестя Ивана III, думалъ воспользоваться измѣнившимися обстоятельствами, и завязалъ съ Василіемъ переговоры о вѣчномъ мирѣ, требуя возвращенія отнятыхъ у Литвы областей. Разумѣется, такое требованіе было отвергнуто, и Александръ началъ готовиться къ новой войнѣ съ Москвою, опять приглашая къ участію въ ней ливонскаго магистра Вальтера Плеттенберга. Но, во-первыхъ, Плеттенбергъ на сей разъ не показывалъ усердія къ войнѣ; а, во-вторыхъ, въ это время произошла у короля сильная распря съ литовскими вельможами: виновникомъ ея былъ его любимецъ, князь Михаилъ Львовичъ Глинскій.

Сей послѣдній происходилъ отъ одного знатнаго татарскаго выходца временъ Витовта; онъ получилъ образованіе за границею, побывалъ въ Испаніи и Италіи, гдѣ измѣнилъ православной

---

[1] Изъ будущаго, третьяго, тома Исторіи Россіи.

Digitized by Google

вѣрѣ своихъ родителей и перешелъ въ католицизмъ. Нѣкоторое время онъ служилъ при дворѣ и въ войскѣ императора Максимильяна, а также у курфирста Саксонскаго, славился знаніемъ военнаго дѣла, владѣлъ обширными землями и многими замками въ Литовско-русскомъ княжествѣ, и въ качествѣ литовскаго надворнаго маршала сдѣлался самымъ приближеннымъ и довѣреннымъ лицомъ короля Александра. Одинъ его братъ, Иванъ Львовичъ, занималъ важный урядъ въ юго-западной Руси, онъ былъ воеводою кіевскимъ. Другой братъ, Василій Львовичъ, также владѣлъ въ западной Руси многими помѣстьями и замками. Отличаясь гордостію и властолюбіемъ, Михаилъ Глинскій вооружилъ противъ себя многихъ вельможъ, которые, конечно, завидовали его вліянію на короля. Однажды, по его просьбѣ, Александръ отнялъ лидское староство у пана Ильинича и отдалъ его Андрею Дрожжи, кліенту Глинскаго. Ильиничъ обратился съ жалобою къ литовскимъ панамъ-радамъ, во главѣ которыхъ стояли Войтехъ Таборъ, епископъ виленскій, Николай Радивилъ, воевода виленскій, Янъ Заберезинскій, воевода троцкій, Станиславъ Яновичъ, староста жмудскій, Станиславъ Глѣбовичъ, воевода полоцкій, и Станиславъ Кишка, намѣстникъ смоленскій. Эти радные паны сослались на обязательство, данное Александромъ при возведеніи его на литовскій престолъ, не отнимать ни у кого урядовъ, за исключеніемъ такихъ преступленій, за которыя полагалось лишеніе чести и жизни. На семъ основаніи литовская рада недопустила Дрожжи до лидскаго староства и возвратила его Ильиничу. Король, находившійся въ Краковѣ, услыхавъ о томъ, сильно разгнѣвался на литовскихъ пановъ. Есть извѣстіе, что, возбуждаемый Глинскимъ, онъ задумалъ схватить ихъ и посадить въ заключеніе; для чего призвалъ ихъ на сеймъ въ Берестье. Но коронный канцлеръ, Янъ Ласкій, предостерегъ о томъ литовскихъ вельможъ, и они отказались войти въ замокъ. Вмѣстѣ съ духовникомъ королевскимъ онъ отговорилъ Александра отъ насильственныхъ дѣйствій; тѣмъ не менѣе, король отнялъ троцкое воеводство у Заберезинскаго, велѣлъ Ильинича посадить въ тюрьму, а остальнымъ ослушникамъ запретилъ показываться себѣ на глаза. Но потомъ простилъ ихъ по просьбѣ польскихъ пановъ. Вскорѣ самого Александра постигло несчастіе: его разбилъ параличъ. Если вѣрить одному западно-русскому

Digitized by Google

лѣтописцу, это произошло на слѣдующемъ сеймѣ въ Радомѣ, именно послѣ рѣчи епископа Войтеха Табора, который напомнилъ королю его присягу соблюдать литовскія привиллегіи и пригрозилъ небесною карою всякому ихъ нарушителю. Отъ неудачнаго леченія болѣзнь вскорѣ приняла опасный характеръ. Пріѣхавъ въ Литву, больной король собралъ сеймъ въ городѣ Лидѣ; но тутъ вдругъ пришло извѣстіе о вторженіи крымскихъ татаръ.

Занятые своими внутренними распрями, король и литовскіе вельможи мало занимались обороною южныхъ предѣловъ, и татарскіе хищники стали дѣлать почти ежегодные набѣги. Особенно сильное вторженіе произвели они въ августѣ 1506 года, явясь въ количествѣ двадцати или болѣе тысячъ подъ начальствомъ двухъ своихъ царевичей, сыновей Менгли Гирея. Миновавъ Слуцкъ, они остановились таборомъ около замка Клецка и распустили свои загоны во всѣ стороны. Пожарное зарево обозначало пути этихъ хищниковъ, которые принялись повсюду грабить и захватывать людей въ плѣнъ. Нѣкоторые загоны появились въ окрестностяхъ Лиды. Король принужденъ былъ спасаться въ Вильну, куда отправился на носилкахъ, привязанныхъ между двумя конями, сопровождаемый своею супругою, Еленою Ивановной, епископомъ Войтехомъ и коронным канцлеромъ Ласкимъ. До десятка тысячъ наскоро собраннаго литовскаго войска онъ поручилъ великому гетману литовскому, Станиславу Кишкѣ, и своему любимцу, Михаилу Глинскому. Послѣдній поспѣшилъ ударить прямо на главный станъ прежде, нежели возвратятся къ нему распущенные отряды или загоны. Въ походѣ Кишка сильно захворалъ, и все начальство надъ войскомъ сосредоточилось въ рукахъ Глинскаго. Онъ напалъ на татарскихъ царевичей подъ Клецкомъ, и одержалъ надъ ними блистательную побѣду; не только почти всѣ плѣнные были отбиты, но и большая часть хищниковъ или пала, или была взята въ плѣнъ. Когда извѣстіе объ этой побѣдѣ достигло Вильны, король находился уже на смертномъ одрѣ. Лишенный языка, онъ могъ только глазами и слабымъ мановеніемъ руки выразить свою радость о побѣдѣ, и вслѣдъ за тѣмъ скончался. Онъ оставилъ по себѣ память государя чрезвычайно щедраго на подарки и раздачу имѣній своимъ вельможамъ и слугамъ, чѣмъ совершенно истощилъ государственную

Digitized by Google

казну, и раздарилъ едва не всѣ казенныя земли. Его бракъ съ Еленою Ивановною былъ бездѣтенъ.

Согласно съ желаніемъ покойнаго короля, канцлеръ Ласкій хотѣлъ везти тѣло его для погребенія въ Краковъ; но литовскіе вельможи воспротивились тому: они должны были бы сопровождать его; а между тѣмъ, въ ихъ отсутствіе, Глинскій могъ воспользоваться своею славою побѣдителя и собраннымъ войскомъ, чтобы захватить въ свои руки верховную власть въ Литовско-русскомъ княжествѣ. Короля погребли въ Вильнѣ. Вскорѣ затѣмъ прибылъ сюда и выбранный великимъ княземъ литовскимъ младшій Казиміровичъ Сигизмундъ, князь Глоговскій. Опасенія противъ Глинскаго не оправдались. Онъ первый выѣхалъ на встрѣчу Сигизмунду и привѣтствовалъ его, обѣщая съ своей стороны вѣрную службу. Вслѣдъ затѣмъ и польскіе паны-рады выбрали Сигизмунда своимъ королемъ.

Когда вѣсть о кончинѣ Александра Казиміровича достигла Москвы, Василій Ивановичъ отправилъ пословъ подъ предлогомъ навѣстить свою сестру, вдовствующую королеву Елену Ивановну. Но главная цѣль посольства была иная: онъ поручалъ ей внушить литовской радѣ, „чтобы похотѣли его государства и службы бы похотѣли“, т. е. чтобы выбрали его, Василія, на литовскій престолъ, обѣщая ни въ чемъ не нарушать свободы католическаго вѣроисповѣданія. Посламъ поручено было переговорить о томъ же предметѣ съ епископомъ виленскимъ Войтехомъ, Николаемъ Радивиломъ и другими членами рады. Королева отвѣчала, что, по завѣщанію ея покойнаго супруга и по избранію рады, престолъ уже занялъ Сигизмундъ Казиміровичъ. Любопытно, однако, какъ рано въ Москвѣ проявляется идея о возсоединеніи западной Руси съ восточною не одною только силою оружія, но и другими способами.

Сигизмундъ, самый младшій изъ сыновей Казиміра, вскорѣ показалъ, что онъ далеко превосходилъ своихъ старшихъ братьевъ умомъ, энергіей и политическою ловкостію. Природа одарила его, сверхъ того, величественною наружностью, а также замѣчательною тѣлесною крѣпостью и силою: онъ легко ломалъ подковы. Едва вступивъ на польскій и литовскій престолъ, онъ возобновилъ приготовленія своего предшественника къ войнѣ съ Москвою, чтобы отнять у нея завоеванныя Иваномъ русскія области,

Digitized by Google

потеря которыхъ была слишкомъ чувствительна для Литвы. Время для того казалось благопріятнымъ. Москвитяне только что потерпѣли важныя неудачи подъ Казанью. Сигизмундъ вошелъ въ сношеніе съ Магометъ Аминемъ казанскимъ и его вотчимомъ, Менгли Гиреемъ крымскимъ, подговаривая ихъ одновременно съ литовцами идти на Московское государство. Къ участію въ этомъ наступательномъ союзѣ онъ приглашалъ и ливонскаго магистра Плеттенберга. Приготовляя такую коалицію противъ Москвы, Сигизмундъ отправилъ къ Василію Ивановичу посольство съ извѣстіемъ о своемъ восшествіи на престолъ и вмѣстѣ съ новымъ требованіемъ объ уступкѣ литовскихъ областей, захваченныхъ въ предыдущей войнѣ. Въ Москвѣ на это требованіе дали прежній отвѣтъ, что великій князь никакихъ чужихъ отчинъ за собою не держитъ, а держитъ города и волости свои собственные, наслѣдованные отъ своихъ прародителей. На жалобы литовскихъ пословъ относительно нѣкоторыхъ пограничныхъ обидъ и захватовъ со стороны московскихъ людей, московское правительство отвѣчало исчисленіемъ таковыхъ же обидъ отъ литовскихъ людей. Дѣло въ томъ, что благопріятныя для Сигизмунда обстоятельства уже миновали. Съ Казанью Василій успѣлъ помириться и могъ теперь собранныя противъ нея силы обратить въ другую сторону. Крымская орда ограничилась набѣгомъ на московскія украйны (лѣтомъ 1507 года); а затѣмъ Менгли Гирей медлилъ своею помощью, хотя Сигизмундъ старался задобрить его большими подарками. Потворствуя его тщеславію, онъ взялъ у крымскаго хана, какъ бы у прямаго наслѣдника Золотой орды, ярлыкъ не только на земли, которыми владѣлъ, на кіевскую, волынскую, подольскую, смоленскую, но и на тѣ города, которые находились подъ Москвою, каковы: Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій, Курскъ, Путивль, Брянскъ, Мценскъ, Великій Новгородъ, а также Псковъ, Рязань и Пронскъ. Ливонскій магистръ Плеттенбергъ отказывался отъ участія въ войнѣ и, при посредничествѣ императора Максимильяна, хлопоталъ о заключеніи съ Москвою вѣчнаго мира. А, главное, въ самой литовской Руси произошло тогда открытое возстаніе, поднятое Михаиломъ Глинскимъ.

Со вступленіемъ на престолъ Сигизмунда, князь Глинскій утратилъ свое первенствующее значеніе при литовскомъ дворѣ;

Digitized by Google

мало того, новый король оказывалъ ему явную холодность и неловѣріе. Послѣднее особенно выражалось въ томъ, что у брата его, Ивана Львовича, Сигизмундъ отнялъ кіевское воеводство, вмѣсто котораго далъ новогродское, гораздо менѣе значительное. Съ своей стороны враждебные литовскіе паны старались оскорблять и унижать гордаго князя. Янъ Заберезинскій прямо обвинялъ его въ тайныхъ замыслахъ и называлъ его измѣнникомъ. Глинскій тщетно просилъ короля дать ему судъ съ Заберезинскимъ. Напрасно онъ ѣздилъ въ Венгрію къ королю Владиславу, Сигизмундову брату, съ просьбою вступиться въ его дѣло. Пылая мщеніемъ, онъ удалился въ свои туровскія помѣстья. Говорятъ, будто, уѣзжая, онъ сказалъ про короля, что вынужденъ имъ покуситься на такое дѣло, о которомъ послѣ оба они будутъ горько сожалѣть.

Въ Москвѣ, какъ видно, зорко слѣдили за всѣмъ, что происходило въ литовской Руси. Сюда явились посланцы Василія Ивановича съ грамотами, которыя приглашали братьевъ Глинскихъ поддаться съ своими землями великому князю московскому, конечно, подобно тому какъ поддались князья Воротынскіе, Одоевскіе, Бѣлевскіе, Новосильскіе и др. Не вдругъ Михаилъ Львовичъ склонился на эти предложенія, и, вѣроятно, только обѣщанія посадить его на древній княжескій столъ, кіевскій или смоленскій, побудили его оставить колебанія и открыто поднять оружіе (1507). Московскія войска уже воевали литовскіе предѣлы со стороны Смоленска. Михаилъ Глинскій началъ съ того, что съ семью стами всадниковъ явился подъ Гродномъ; здѣсь внезапнымъ нападеніемъ захватилъ своего главнаго врага Заберезинскаго, велѣлъ отрубить ему голову и бросить ее въ озеро. Потомъ онъ соединился съ своими братьями, Иваномъ и Василіемъ, и началъ распространять возстаніе по западной Руси. Братья имѣли множество пріятелей и кліентовъ между русскими боярами и шляхтой, и, очевидно, хотѣли стать во главѣ русской православной партіи, которая была недовольна католической литовской династіей, т. е. начинавшимися притѣсненіями своей церкви, и мечтала о возстановленіи утраченной самобытности. Въ слѣдующемъ 1508 году Глинскій широко распустилъ свои загоны, чтобы препятствовать сбору литовскихъ войскъ; ему удалось взять Туровъ, Мозырь и еще нѣкоторые города, и занять ихъ своими

Digitized by Google

гарнизонами. Но его предпріятія противъ Слуцка и Минска не удались. Напрасно онъ звалъ къ себѣ на помощь московскихъ воеводъ, которые воевали земли по верхнему Днѣпру. По приказу Василія Ивановича самъ Глинскій долженъ былъ идти туда-же на соединеніе съ московскими войсками, и вмѣстѣ съ ними осаждать крѣпость Оршу. Но эта осада затянулась. Между тѣмъ Сигизмундъ собрался съ силами и лично пришелъ на помощь осажденнымъ. При его приближеніи московскіе воеводы, вопреки убѣжденіямъ Глинскаго, уклонились отъ рѣшительной битвы и отступили за Днѣпръ. Остановясь въ Смоленскѣ, король поручилъ начальство надъ войскомъ гетману литовскому, князю Константину Острожскому. Это тотъ самый князь Острожскій, который былъ разбитъ москвитянами и взятъ въ плѣнъ на Ведрошѣ при Иванѣ III. Василій Ивановичъ выпустилъ его на свободу подъ условіемъ службы и пожаловалъ вотчиною. Острожскій далъ клятвенную запись служить вѣрою и правдою и никуда не отъѣхать, за поручительствомъ митрополита Симона, нѣсколькихъ архимандритовъ и игуменовъ. Великій князь поставилъ его въ числѣ своихъ воеводъ; а Константинъ Острожскій, извѣстный своею приверженностію православной церкви, воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ и бѣжалъ въ Литву въ то самое время, когда католикъ Михаилъ Глинскій, наоборотъ, передался московскому государю.

Впрочемъ, на сей разъ война продолжалась недолго, и окончилась въ началѣ слѣдующаго 1509 года. Съ одной стороны, Сигизмундъ опасался, что возстаніе, поднятое Глинскимъ въ Литовской Руси, можетъ распространиться и повести къ новому отпаденію областей въ московское подданство; а съ другой—Василій Ивановичъ убѣдился, что помощь, оказанная ему этимъ возстаніемъ, далеко не соотвѣтствовала его ожиданіямъ. Поэтому онъ охотно согласился на мирныя предложенія Сигизмунда. Миръ былъ заключенъ на основаніи statu quo; но важно то, что за Москвою утверждены спорныя области, захваченныя Иваномъ III. За то братья Глинскіе поплатились своими владѣніями въ Литовской Руси, и должны были искать убѣжища и новыхъ вотчинъ у великаго князя московскаго.

Въ Москвѣ сознавали непрочность мира съ Литвою и воспользовались временнымъ отдыхомъ, чтобы покончить съ самобытностью Пскова — этой послѣдней на Руси вѣчевой общины.

Digitized by Google

Василій Ивановичъ, вѣрный отцовскимъ преданіямъ, поступилъ въ этомъ случаѣ съ великимъ разсчетомъ и крайнею осторожностью.

Послѣднее время псковской самобытности сопровождалось внутренними распрями и смутами. При частой перемѣнѣ великокняжескихъ намѣстниковъ, присылаемыхъ изъ Москвы уже безъ всякаго согласія со Псковомъ; при явномъ упадкѣ вѣчеваго и посадническаго авторитета; при усиленіи черни, покровительствуемой Москвою,—псковское вѣче пріобрѣло болѣе шумный и безпорядочный характеръ; имъ завладѣли крикуны, не слушавшіе другъ друга и часто не понимавшіе того, что сами говорили. Вмѣстѣ съ тѣмъ упадало правосудіе, а безнаказанность поощряла лихихъ людей; появилось такое хищеніе общественныхъ суммъ, о которомъ дотолѣ не было слышно. Въ 1509 году былъ пойманъ въ воровствѣ пономарь Троицкаго собора Иванъ: онъ бралъ деньги изъ ларей, т. е. изъ общественной казны, хранившейся въ кладовой этого собора, и всего успѣлъ наворовать 400 рублей. Псковичи пытали его на вѣчѣ кнутомъ, и заставили во всемъ признаться. Это было на масляницѣ, а весною послѣ Троицына дня его живаго сожгли на рѣкѣ Великой.

Въ началѣ того-же 1509 года Василій Ивановичъ отозвалъ изъ Пскова князя Петра Васильевича Великаго, а на его мѣсто прислалъ князя Ивана Михайловича Рѣпню Оболенскаго (изъ рода суздальскихъ князей), прозваннаго Найденомъ. Прозваніе это псковичи дали ему по слѣдующему поводу. Обыкновенно, при въѣздѣ новаго князя-намѣстника, псковичи выходили къ нему навстрѣчу съ духовенствомъ и со крестами, причемъ служили молебенъ, а потомъ отводили его въ Троицкій соборъ и тамъ совершали торжественный обрядъ посаженія на столъ. Но въ Москвѣ такія церемоніи считали уже излишними, а потому Оболенскій не предупредилъ о своемъ пріѣздѣ и прямо остановился на загородномъ княжемъ дворѣ, гдѣ псковичи его и нашли (оттуда и прозваніе Найдена). Впрочемъ, они послѣ того отслужили молебенъ на Торговой площади и все-таки совершили обрядъ посаженія въ Троицкомъ соборѣ. Этотъ князь-намѣстникъ оказался лютъ и немилостивъ до псковичей, особенно до класса зажиточнаго, помѣщичьяго, такъ что своими притѣсненіями и вымогательствами скоро вызвалъ жалобы великому князю со сто-

Digitized by Google

роны псковскихъ дѣтей посадничьихъ и боярскихъ. Повидимому, уже самое назначеніе Рѣпни Оболенскаго во Псковъ было сдѣлано съ разсчетомъ на его характеръ и на эти жалобы. Великій князь отвѣчалъ псковичамъ, что дастъ имъ управу, какъ скоро пріѣдетъ въ Великій Новгородъ. Въ октябрѣ 1510 года онъ, дѣйствительно, прибылъ сюда, окруженный многочисленною военною силою. Цѣлью сего военнаго похода былъ, конечно, не Новгородъ Великій, а именно Псковъ; но псковичи въ это время дѣйствовали какъ-бы пребывая въ какой-то слѣпотѣ, и сами помогали противъ себя великому князю.

Услыхавъ о пріѣздѣ Василія въ Новгородъ, псковичи отправили туда послами двухъ посадниковъ, Юрія Елисѣевича и Михаила Помазова, и по боярину съ каждаго конца. Посольство поднесло великому князю въ даръ полтораста новгородскихъ рублей и било ему челомъ отъ его отчины Пскова на обиды князя Рѣпни и его людей. Василій принялъ даръ и ласково отвѣчалъ, что онъ хочетъ „свою отчину жаловати и боронити“, а князя Рѣпню обѣщалъ обвинить, какъ скоро соберутся на него многіе жалобники. Воротясь во Псковъ, послы на вѣчѣ передали полученный ими отвѣтъ. Послѣ того князь Рѣпня Оболенскій самъ поѣхалъ въ Новгородъ къ государю съ жалобами на псковичей, которые его будто-бы „безчествовали“. Межъ тѣмъ посадники собирали тѣхъ, кто имѣлъ какое-либо челобитье на князя-намѣстника; посылали розыскивать таковыхъ-же по пригородамъ, и всѣхъ отправляли въ Новгородъ. Въ томъ числѣ поѣхали и такіе псковичи, которые желали воспользоваться великокняжимъ судомъ во взаимныхъ своихъ распряхъ. Такъ, старый посадникъ Леонтій билъ челомъ на посадника Юрія Копыла. Послѣдній долженъ былъ также ѣхать въ Новгородъ, чтобы тягаться со своимъ противникомъ. Этотъ Юрій вскорѣ прислалъ во Псковъ грамоту съ такими словами: „аще не поѣдутъ посадники изо Пскова говорити противу князя Ивана Рѣпни, ино будетъ вся земля виновата“. Очевидно, великій князь не довольствовался собравшеюся въ Новгородѣ толпою псковскихъ челобитчиковъ, а желалъ вызвать къ себѣ какъ можно болѣе начальныхъ или лучшихъ людей изъ Пскова. Тутъ только въ душу гражданъ запало предчувствіе чего-то недобраго или, по выраженію ихъ лѣтописца, „псковичемъ сердце уныло“. Однако, они исполнили

Digitized by Google

совѣтъ: въ Новгородъ отправились еще девять посадниковъ и купеческіе старосты всѣхъ рядовъ. Но великій князь все еще не давалъ имъ никакой управы, и говорилъ только: „копитеся, жалобные люди, на Крещеніе дамъ всѣмъ управу“. Когда насталъ этотъ праздникъ (6 января 1510 года), псковичамъ велѣно было идти на водосвятіе на рѣку Волховъ, куда прибылъ великій князь со всѣми своими боярами и съ духовенствомъ. На ту пору въ Новгородѣ не было владыки: послѣ Серапіона, удаленнаго въ Москву за распри съ Іосифомъ Волоцкимъ, новый владыка еще не былъ назначенъ. Воду святилъ епископъ Коломенскій. Послѣ водосвятія всѣ пошли въ Софійскій соборъ, а псковичамъ великокняжіе бояре кликнули, что государь велѣлъ имъ всѣмъ копиться на владычнемъ дворѣ, гдѣ онъ дастъ имъ управу. Когда они всѣ собрались сюда, московскіе бояре отдѣлили псковскихъ посадниковъ, бояръ и купцовъ, и ввели ихъ въ палату, а молодшіе, т. е. простые люди, остались на дворѣ. Двери палаты накрѣпко затворились за лучшими псковскими людьми. Настала рѣшительная минута.

„Поиманы есте Богомъ и великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ всея Руси“!—громко молвили имъ московскіе бояре.

Этимъ лучшимъ людямъ уже не суждено было увидать свой родной Псковъ: имъ предстоялъ выводъ, т. е. невольное переселеніе въ Московскую область. Ихъ помѣстили въ томъ же архіерейскомъ домѣ въ ожиданіи, пока прибудутъ изъ Пскова ихъ семьи. А молодшихъ людей, переписавъ, роздали новогородцамъ, чтобы тѣ кормили и стерегли ихъ впредь „до управы“.

Въ это самое время одинъ псковскій „купчина“ Филиппъ Поповичъ, ѣхавшій съ товаромъ въ Новгородъ, остановился на Веряжѣ (западный притокъ оз. Ильменя). Тутъ онъ услыхалъ о насильственномъ задержаніи своихъ согражданъ. Бросивъ товаръ, Поповичъ погналъ назадъ, и, прискакавъ во Псковъ, объявилъ народу, что „князь великій посадниковъ и бояръ и жалобныхъ людей переималъ“. Псковичи были поражены скорбію и страхомъ. Созвали вѣче, и начали спрашивать другъ друга: „ставить ли щитъ противъ государя“ и приготовлять ли городъ къ оборонѣ? Но тутъ вспомнили о своемъ крестномъ цѣлованіи великому князю, а главное о томъ, что въ его рукахъ находится значительная часть ихъ посадниковъ, бояръ и другихъ лучшихъ

Digitized by Google

людей, безъ которыхъ трудно было что либо предпринять. Пока граждане раздумывали, не зная на что рѣшиться, изъ Новгорода пріѣхалъ одинъ изъ задержанныхъ тамъ купцовъ, по имени Онисимъ Манухинъ, съ грамотою отъ своихъ товарищей. Московскіе бояре уже успѣли войти въ переговоры съ захваченными псковскими лучшими людьми, объявивъ имъ, что государь за неправды ихъ посадниковъ и судей долженъ возложить на нихъ свою великую опалу, но что онъ, однако, оказываетъ имъ милость и требуетъ только снятія вѣчеваго колокола и водворенія своихъ намѣстниковъ, которые будутъ судить во Псковѣ и по пригородамъ. Въ противномъ случаѣ великій князь грозилъ войною и большимъ кровопролитіемъ. Лишенные свободы, псковичи согласились на эти требованія, и принесли присягу на вѣрное служеніе государю. Въ грамотѣ, которую привезъ Онисимъ Манухинъ, они извѣщали своихъ согражданъ, что уже дали государю крѣпкое слово на его требованія за себя и за всю Псковскую землю. Выслушавъ эту грамоту, псковское вѣче отправило въ Новгородъ гонцомъ сотскаго Евстафія съ смиреннымъ челобитьемъ, чтобы государь сжалился надъ своею „старинною отчиною“. Очевидно, псковичи надѣялись изъявленіемъ полной покорности смягчить великаго князя и отдалить отъ себя судьбу, постигшую ихъ старшаго брата, т. е. Великій Новгородъ. Наивная надежда.

Въ Псковъ пріѣхалъ отъ великаго князя дьякъ Третьякъ Далматовъ. 12 января, въ субботу, уже довольно поздно, собралось вѣче у Св. Троицы. Подлѣ Троицкаго собора находился возвышенный помостъ или „вѣчевая степень“. Далматовъ взошелъ на степень и прежде всего сказалъ Пскову поклонъ отъ великаго князя. А затѣмъ объявилъ двѣ его воли: первая, чтобы вѣча болѣе не было и колоколъ вѣчевой снять; вторая (чтобы посадниковъ болѣе не было, а) быть въ городѣ двумъ намѣстникамъ и по пригородамъ тоже быть намѣстникамъ. „А только тѣхъ двухъ воль не сотворите—заключилъ дьякъ, —ино какъ государю Богъ по сердцу положитъ, ино у него много силы готовой, и то кровопролитіе на тѣхъ будетъ, кто государевы воли не сотворитъ; да государь нашъ князь великій хочетъ побывати на поклонъ ко святѣй Троицы во Псковъ“. Окончивъ свое слово, Далматовъ сѣлъ тутъ же на степени, въ ожиданіи отвѣта.

Digitized by Google

Хотя суровыя московскія требованія уже не составляли никакой неожиданности, однако, псковичи были сильно смущены и молча проливали слезы. Наконецъ, попросили сроку до слѣдующаго утра, чтобы подумать объ отвѣтѣ.

Тяжела была наступившая ночь; въ городѣ слышались плачъ и стенанія; граждане, очевидно, не могли придумать ничего другаго, кромѣ покорности.

На разсвѣтѣ воскресенья 13 января вѣчевой колоколъ въ послѣдній разъ собралъ псковичей на вѣче. И тутъ посадникъ, отъ имени города, далъ такой отвѣтъ Далматову:

— „Въ нашихъ лѣтописцахъ записано крестное цѣлованіе псковичей прадѣду, дѣду и отцу государя, на томъ, чтобы намъ не отойти отъ великаго князя, который будетъ на Москвѣ, не отойти ни къ Литвѣ, ни къ нѣмцамъ, а если сіе учинимъ или начнемъ жить безъ государя, то да будетъ на насъ гнѣвъ Божій, гладъ и огонь, и потопъ, и нашествіе поганыхъ; а если государь нашъ великій князь не учнетъ насъ въ старинѣ держати и то крестное цѣлованіе не будетъ соблюдать, на него такой же обѣтъ, какъ и на насъ. А нынѣ воленъ Богъ, да государь въ своей отчинѣ во градѣ Псковѣ и въ насъ, и въ колоколѣ нашемъ. А мы прежняго своего цѣлованія не хотимъ измѣнити и на себя кровопролитіе приняти, и на государя своего руки подняти, и въ городѣ заперетися не хотимъ. А государь нашъ князь великій хочетъ Живоначальной Троицѣ помолитися и въ своей отчинѣ побывати, и мы своему государю рады всѣмъ сердцемъ; да не погубитъ насъ до конца“.

Вѣчевой колоколъ немедленно спустили съ Троицкой звонницы. Смотря на него, граждане горько плакали о своей старинѣ и минувшей вольности. Въ ту же ночь Третьякъ Далматовъ повезъ его въ Новгородъ къ великому князю.

Спустя нѣсколько дней, во Псковъ прибыли съ передовымъ военнымъ отрядомъ московскіе воеводы: князь Петръ Великій, Хабаръ и Челяднинъ, и начали приводить гражданъ къ присягѣ. За ними слѣдовалъ самъ государь съ главными силами. Псковскіе посадники, бояре и дѣти боярскіе отправились встрѣчать его въ селеніе Дубровну, т. е. на самую границу своей земли. 24-го января въ четвергъ Василій Ивановичъ вступилъ во Псковъ. Граждане вышли къ нему на встрѣчу, за три версты отъ города,

Digitized by Google

и ударили ему челомъ въ землю. Василій спросилъ ихъ о здоровьѣ.

— „Ты бы, государь, нашъ князь великій, царь всея Руси, былъ здоровъ!“—получилъ онъ въ отвѣтъ.

Прибывшій напередъ его коломенскій владыка Вассіанъ Кривой сказалъ псковскимъ священникамъ, что великій князь не велѣлъ имъ выходить далеко къ нему на встрѣчу со крестами. Поэтому духовенство ожидало его со крестами на Торговой площади. Тутъ Василій слѣзъ съ коня, принялъ благословеніе отъ владыки и отправился съ своею свитою въ соборъ св. Троицы, гдѣ отслужили молебенъ и пропѣли многолѣтіе государю. Послѣ чего владыка Вассіанъ, осѣнивъ великаго князя крестомъ, сказалъ:

— „Да благословитъ тебя Господь Богъ, Псковъ вземши“.

Услыхавъ такое привѣтствіе, бывшіе въ церкви псковичи оскорбились и горько заплакали. Очевидно, москвичи не цѣнили ихъ покорность и относились къ нимъ какъ къ побѣжденному непріятелю. „Богъ воленъ, да государь, а мы изстари были отчиною его отцовъ, и дѣдовъ, и прадѣдовъ!“ говорили граждане.

Но мѣра ихъ страданій еще далеко не исполнилась.

Въ ближнее воскресенье, 27-го января, великій князь позвалъ на свой дворъ псковскихъ посадниковъ, дѣтей посадничьихъ, бояръ, купцовъ и житьихъ людей, говоря: „хочу васъ жаловати своимъ жалованьемъ“. Когда псковичи собрались на дворъ, повторилось то же, что произошло въ Новгородѣ. На крыльцѣ стоялъ князь Петръ Васильевичъ Великій, бывшій прежде намѣстникомъ во Псковѣ и, слѣдовательно, хорошо знавшій лучшихъ людей; онъ выкликалъ поименно посадниковъ, бояръ и старѣйшихъ купцовъ, приглашая ихъ войти въ гридню. Тамъ вошедшихъ московскіе бояре немедленно „отдавали за приставы“, т. е. подъ стражу московскимъ дѣтямъ боярскимъ. А молодшимъ людямъ, оставшимся на дворѣ, Петръ Васильевичъ сказалъ: „до васъ государю дѣла нѣтъ, а до которыхъ государю дѣло есть, тѣхъ онъ къ себѣ емлетъ того для, что вы бивали на нихъ челомъ не одинова, что вамъ отъ нихъ чинится продажа и сила великая, а васъ, государь пожалуетъ грамотою своею жалованною, какъ вамъ впередъ жити“. Съ тѣмъ отпустилъ ихъ со двора. Лучшимъ же людямъ, задержаннымъ въ гриднѣ, объявлено, что „во Псковѣ имъ оставаться непригоже по причинѣ многихъ на-

Digitized by Google

нихъ жалобъ и что государь жалуетъ ихъ своимъ жалованьемъ въ Московской землѣ". На другой же день ихъ съ женами, дѣтьми и легкимъ имуществомъ отправили въ Москву въ сопровожденіи отряда боярскихъ дѣтей. Съ ними посланы также жены и дѣти тѣхъ псковичей, которые были прежде задержаны въ Новгородѣ. Всего тогда выведено было изъ Пскова 300 семей. На мѣсто ихъ во Псковъ переведено было столько же семей изъ торговаго сословія разныхъ московскихъ городовъ. При самомъ размѣщеніи ихъ во Псковѣ приняты такія мѣры, которыя лишали его всякой возможности затѣять какое-либо возмущеніе противъ московскаго государя, подобное новогородскому 1480 года. Во первыхъ, псковскій дѣтинецъ или Кромъ (т. е. Кремль) былъ совершенно очищенъ отъ построекъ или клѣтей, наполненныхъ частнымъ имуществомъ (которое хранилось здѣсь для большей безопасности). На ихъ мѣстѣ назначено построить государевъ дворъ и его хлѣбныя житницы. Далѣе, въ Среднемъ городѣ, примыкавшемъ къ Домонтовой стѣнѣ дѣтинца, всѣ дворы отобраны также на государя и розданы переселенцамъ изъ Москвы, а прежніе ихъ обитатели переведены въ Окольній городъ и на посадъ. Въ Среднемъ же городѣ помѣщены были дворы московскихъ намѣстниковъ, а при нихъ, въ видѣ гарнизона, тысяча московскихъ боярскихъ дѣтей и пятьсотъ новогородскихъ пищальниковъ. Сообразно съ этою мѣрою уничтоженъ и главный городской торгъ, находившійся въ Среднемъ городѣ; новое мѣсто для него отведено было также въ Окольномъ городѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнены и самыя условія торговли: прежде во Псковѣ торговля была свободная; въ городѣ не было заставъ или колодъ для взиманія пошлинъ съ привозимыхъ товаровъ, а теперь московскіе гости, по приказу великаго князя, установили московскую тамгу; въѣзды и выѣзды стали охраняться московскими пищальниками и воротниками. Деревни псковскихъ бояръ, сведенныхъ въ Москву, великій князь роздалъ своимъ боярамъ и служилымъ людямъ. Во Псковѣ онъ посадилъ двухъ намѣстниковъ, Григорія Ѳедоровича Морозова и Ивана Андреевича Челяднина, и двухъ дьяковъ—Мисюря Мунехина и Андрея Волосатаго; назначилъ 12 городничихъ, которые завѣдывали городскими укрѣпленіями, огнестрѣльнымъ снарядомъ, пищальниками и воротниками (вѣроятно, двухъ для Пскова, а остальныхъ—для его десяти приго-

Digitized by Google

родовъ). Кромѣ того, опредѣлилъ 12 старостъ изъ коренныхъ обывателей и столько же изъ новыхъ, т. е. московскихъ переселенцевъ. Эти 24 человѣка должны были по очереди присутствовать на судѣ намѣстниковъ и ихъ тіуновъ. Въ память псковскаго взятія Василій Ивановичъ велѣлъ соорудить тутъ церковь во имя Ксеніи, ибо онъ прибылъ во Псковъ въ день ея памяти. Цѣлыя четыре недѣли онъ прожилъ здѣсь, перестраивая старую вѣчевую общину на московскій ладъ. На второй недѣлѣ поста, въ понедѣльникъ, Василій, наконецъ, выѣхалъ изъ Пскова; при чемъ захватилъ съ собою и другой, меньшій, вѣчевой колоколъ или, такъ называемый, Корсунскій вѣчникъ.

Хотя великій князь, согласно помянутому его обѣщанію молодшимъ людямъ, далъ Пскову новую уставную грамоту, по которой его намѣстники въ городѣ и по пригородамъ должны были творить судъ и правду; однако, съ его отъѣздомъ немедленно начались жестокія притѣсненія населенію и вымогательства отъ намѣстниковъ и ихъ тіуновъ. Такъ, напримѣръ, ихъ приставы начали съ подсудимыхъ взимать отъ поруки по пяти, семи и даже десяти рублей; а если псковитинъ не даетъ этихъ денегъ, ссылаясь на грамоту великаго князя, то его подвергали нещаднымъ побоямъ. Присутствіе на судѣ выборныхъ городскихъ старостъ, очевидно, не сдерживало произвола московскихъ чиновниковъ, смотрѣвшихъ на судъ какъ на средство наживы. Отъ ихъ насилій и поборовъ многіе жители покинули свои дома и семьи, и разбѣжались по инымъ городамъ; многіе уходили въ монастыри и постригались; торговые иноземцы также разъѣхались по своимъ землямъ; остались только тѣ псковичи, которымъ некуда было дѣться; такъ какъ, по выраженію ихъ лѣтописца: „земля не разступится, а вверхъ не взлетѣть“.

Живо и поэтично изображаетъ этотъ лѣтописецъ картину бѣдствій, обрушившихся на его родной городъ:

„О славнѣйшій граде Псковe великій! почто бо сѣтуешь и плачешь?—Отвѣчаетъ прекрасный градъ Псковъ: какъ мнѣ не сѣтовати, не плакати и не скорбѣти о своемъ опустѣніи? Прилетѣлъ на меня многокрылый орелъ, исполненный львиныхъ когтей, и взялъ отъ меня три кедра Ливанова, красоту мою, богатство и чада мои похитилъ. Божьимъ попущеніемъ землю пусту сотворили, градъ нашъ раззорили, люди мои плѣнили; одни

Digitized by Google

торжища мои раскопали, а другіе коневымъ каломъ заметали; отцовъ и братію нашу развели туда, гдѣ не бывали отцы и дѣды и прадѣды наши, а матерей и сестеръ нашихъ въ поруганіе дали. Многіе во градѣ постригались въ чернецы, а жены въ черницы, не хотя идти въ полонъ во иные грады... Мы не покаялись, но на большій грѣхъ превратились, на злые поклепы и лихія дѣла и на вѣчѣ кричаніе, не вѣдая главою, что языкъ глаголетъ; не умѣя своего дому строити, хотимъ градъ содержати... И у намѣстниковъ, и у ихъ тіуновъ, и у дьяковъ великаго князя правда ихъ, крестное цѣлованіе, взлетѣла на небо и кривда въ нихъ нача ходити, и нача быти многая злая отъ нихъ, были немилостивы до псковичъ; а псковичи бѣдные не вѣдали правды московскія".

Великій князь, однако, не одобрилъ поведеніе своихъ первыхъ двухъ намѣстниковъ во Псковѣ. Въ слѣдующемъ 1511 году онъ смѣнилъ ихъ; а на ихъ мѣсто назначилъ уже знакомаго псковичамъ князя Петра Великаго и князя Семена Курбскаго. Мѣстный лѣтописецъ замѣчаетъ, что эти намѣстники были добрые, и при нихъ начали возвращаться на родину тѣ псковичи, которые разбѣжались было отъ насилія ихъ предшественниковъ. Великій и Курбскій оставались во Псковѣ четыре года. Вообще, намѣстники здѣсь мѣнялись довольно часто; но одинъ изъ двухъ назначенныхъ сюда дьяковъ, Мисюря Мунехинъ, завѣдывавшій приказными дѣлами, оставался неизмѣнно до самой своей смерти (1528 г.). Пользуясь довѣріемъ великаго князя и умѣя поминками задабривать его приближенныхъ, этотъ опытный, умный дьякъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ почти все управленіе вновь присоединенной области, т. е. ея дѣла гражданскія и церковныя, руководилъ ея внѣшними отношеніями къ сосѣдямъ-нѣмцамъ и постройкою новыхъ укрѣпленій во Псковѣ. Мунехинъ явился здѣсь самымъ виднымъ проводникомъ московской государственности и московскихъ обычаевъ. Между прочимъ, любопытны его отношенія къ сферѣ церковной.

Верстахъ въ пятидесяти отъ Пскова, почти на самомъ рубежѣ съ Ливоніей, не задолго до того времени, возникла небольшая обитель съ двумя храмами, однимъ пещернымъ во имя Успенія Богородицы, другимъ нагорнымъ во имя преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія—очевидно, въ подражаніе монастырю Кіево-

Digitized by Google

печерскому. Во время предыдущей ливонской войны она подверглась раззоренію. Дьякъ Мисюрь вмѣстѣ съ своимъ подьячимъ Ортюшою исковитиномъ излюбили это мѣсто, начали посѣщать его въ богородичные праздники въ сопровожденіи многихъ людей, одѣляли и кормили братію. Это привлекло и другихъ богомольцевъ; слава обители росла вмѣстѣ съ молвою о совершавшихся въ ней исцѣленіяхъ. Мисюрь на собственное иждивеніе раскопалъ гору; возвелъ при старой пещерѣ новый храмъ и братскія келіи; возилъ по большимъ праздникамъ отсюда великому князю просвиры и святую воду, и, такимъ образомъ, сдѣлалъ эту обитель извѣстною и чтимою въ самой Москвѣ. Возобновленный имъ и устроенный, Псково-Печерскій монастырь явился потомъ не только одной изъ главныхъ святынь Псковской земли, но и важнымъ оплотомъ ея отъ Литвы и ливонскихъ нѣмцевъ, благодаря своимъ крѣпкимъ каменнымъ стѣнамъ съ башнями. Далѣе, Василій Ивановичъ, повидимому, имѣлъ намѣреніе осуществить давнее стремленіе псковичей къ самостоятельной епархіи, т. е. къ церковному отдѣленію отъ Новгорода: теперь обѣ общины были присоединены къ Москвѣ и она могла бы безпрепятственно произвести это отдѣленіе. Когда, въ 1528 году, новгородскій владыка Макарій пріѣхалъ во Псковъ на обычный мѣсячный подъѣздъ, тутъ неожиданно для него дьякъ Мунехинъ показалъ ему великокняжую грамоту, по которой ему дозволялось оставаться во Псковѣ не цѣлый мѣсяцъ, а только 10 дней. Вѣроятно, эта мѣра должна была служить переходомъ къ отдѣленію псковской епархіи отъ новгородской. Однако, дальнѣйшихъ мѣръ не послѣдовало, и прежнее положеніе удержалось еще на цѣлые шестьдесятъ лѣтъ. Но именно, въ томъ же 1528 году, умеръ скоропостижно дьякъ Мунехинъ, и погребенъ въ помянутомъ Печерскомъ монастырѣ. Можетъ быть, съ его-то смертію и пришла въ забвеніе мысль объ основаніи псковской епархіи. Послѣ его смерти, по приказу великаго князя, производился какой-то розыскъ объ его „животахъ“, т. е. объ его имуществѣ, при чемъ близкій Мунехину человѣкъ, подьячій Ортюша, подвергся пыткѣ. Повидимому, дѣло это возникло по жалобѣ племянниковъ Мунехина, обманувшихся въ надеждѣ получить отъ него большое наслѣдство. У него найдены были только записи, кому и сколько

Digitized by Google

денегъ онъ роздалъ на Москвѣ (или въ долгъ, или въ поминокъ), боярамъ, дьякамъ и дѣтямъ боярскимъ. Великій князь велѣлъ всѣ эти деньги взыскать въ собственную казну. Лѣтописецъ иронически замѣчаетъ, что послѣ Мисюря дьяки часто мѣнялись и были они „мудры, а земля пуста, и начала казна великаго князя во Псковѣ множиться, а изъ дьяковъ ни одинъ не съѣхалъ по здорову въ Москву, все воевали другъ на друга". Въ псковскихъ городахъ московскіе намѣстники утѣсняли и раззоряли гражданъ, въ особенности „подметомъ и поклепомъ", т. е. привлекая ихъ къ суду съ помощію ложно взводимыхъ преступленій.

Такъ окончила свое почти двухсотлѣтнее самобытное существованіе псковская община. Зависимость отъ Москвы была уже настолько велика, а мѣры, принятыя Василіемъ III, были такъ обдуманы, что присоединеніе Пскова совершилось безъ всякаго пролитія крови. Впрочемъ, матеріальными силами и политическими преданіями онъ не могъ тягаться съ своимъ старшимъ братомъ—Великимъ Новгородомъ. Не захотѣлъ онъ также измѣнять обще-русскому отечеству и искать союза съ исконными своими врагами нѣмцами или вступать въ подданство католическаго короля Польши и Литвы, чтобы противупоставить ихъ Москвѣ. Къ тому не встрѣчаемъ никакихъ даже попытокъ, хотя во Псковѣ не было, конечно, недостатка въ людяхъ, предвидѣвшихъ близкое паденіе самобытности. Съ глубокою скорбію, но тихо, съ молчаливымъ достоинствомъ подчинился Псковъ своей участи, и въ этомъ отношеніи остался вѣренъ своему общему историческому характеру, безспорно имѣющему многія свѣтлыя, симпатичныя стороны. Объединеніе Псковской земли съ Московскимъ государствомъ, какъ мы видѣли, сопровождалось насильственнымъ выводомъ или переселеніемъ ея лучшихъ людей (впрочемъ, далеко не въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, какъ въ Новгородѣ) и важными перемѣщеніями въ самомъ городѣ. Все это, конечно, стоило большихъ экономическихъ или имущественныхъ потерь; затѣмъ, обѣдненіе земли усилилось отъ грубости и неправосудія московскихъ намѣстниковъ, тіуновъ и дьяковъ. Обѣдненіе, смѣшеніе съ московскими переселенцами и вліяніе московскихъ порядковъ не замедлили обнаружиться и на самыхъ

Digitized by Google

нравахъ. По замѣчанію наблюдательнаго иностранца той эпохи (Герберштейна) на мѣсто прежнихъ гуманныхъ и общительныхъ псковскихъ нравовъ появились испорченные московскіе; прежде въ торговыхъ дѣлахъ псковичи отличались честностію и вѣрностію своему слову, а теперь стали прибѣгать ко лжи и обманамъ. Хотя подобное свидѣтельство не чуждо пристрастія и преувеличенія, но несомнѣнно оно заключаетъ въ себѣ долю правды. Огрубѣніе нравовъ, впрочемъ, по разнымъ признакамъ, и здѣсь началось уже прежде.

Покончивъ съ псковскою самобытностію, московскій государь возобновилъ борьбу съ польско-литовскимъ королемъ.

II.

Заключенный въ 1509 году миръ оказался только небольшимъ перемиріемъ. Пограничныя ссоры и взаимныя обиды не прекращались и служили постояннымъ предметомъ жалобъ и пререканій съ обѣихъ сторонъ. Но главнымъ поджигателемъ къ новой войнѣ, повидимому, служилъ Михаилъ Глинскій съ его неудовлетвореннымъ честолюбіемъ и обманутыми надеждами. Сигизмундъ опасался этого безпокойнаго врага и не разъ, хотя тщетно, просилъ его выдачи, обвиняя его то въ смерти своего брата, Александра Казиміровича, то въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ датскимъ королемъ. Глинскій въ свою очередь воспользовался положеніемъ вдовствующей королевы Елены Ивановны, чтобы обострить московско-литовскія отношенія. Устраненная по смерти мужа отъ всякой политической роли, Елена предавалась хозяйственной дѣятельности и попеченіямъ о своихъ литовскихъ имѣніяхъ, данныхъ ей Александромъ и Сигизмундомъ, разъѣзжала по своимъ волостямъ, выдавала разныя грамоты относительно ихъ управленія, и, вѣрная привычкамъ своего рода, копила себѣ большую казну. Василій Ивановичъ, при частыхъ посольскихъ сношеніяхъ съ польско-литовскимъ дворомъ,

Digitized by Google

постоянно справлялся, нѣтъ ли какихъ обидъ его сестрѣ, не принуждаютъ ли ее къ латинской вѣрѣ, держатъ ли въ чести? Очевидно, высшее католическое духовенство Польши и Литвы продолжало съ неудовольствіемъ смотрѣть на вдовствующую королеву, столь непоколебимую въ своемъ православіи; а подъ вліяніемъ духовенства литовскіе католическіе вельможи также стали относиться къ ней недружелюбно; вѣроятно, кромѣ того, они съ завистью смотрѣли на ея имѣнія и богатую казну. Какъ бы то ни было, только въ 1512 году въ Москву пришла слѣдующая жалоба отъ Елены Ивановны: собралась она изъ Вильны, по обычаю, ѣхать въ свое имѣніе, въ городъ Бреславль, куда послала уже напередъ себя своихъ людей. Вдругъ воеводы виленскій Николай Радивилъ и трокскій Григорій Остыковъ съ другими панами не только не пустили ее въ Бреславль, но вывели ее изъ храма Пречистыя, взявъ за рукава; насильно посадили въ сани и отправили въ Троки, говоря, будто она хочетъ уѣхать въ Москву со всей своей казной; а изъ Трокъ отвезли ее въ жмудское мѣстечко Бирштаны; имѣнья и казну у нея отняли, людей ея разогнали и держатъ ее въ неволѣ.

Василій немедленно послалъ къ Сигизмунду съ запросами и укоризнами. Сигизмундъ отвѣчалъ, что никакого насилія Еленѣ не было, а только ее просили не ѣздить въ Бреславль по причинѣ небезопасности пограничныхъ мѣстъ. Но вслѣдъ затѣмъ пришло изъ Литвы другое болѣе скорбное извѣстіе: Елена, находясь въ неволѣ, внезапно скончалась. Дѣло не обошлось, конечно, безъ молвы о томъ, что смерть была насильственная. Такую молву особенно поддерживалъ Михаилъ Глинскій, который узналъ даже подробности этого темнаго дѣла и подалъ о нихъ запись государю. А именно: Елена изъ своей неволи посылала къ королю Сигизмунду жалобу на своихъ притѣснителей, но король никакой управы не учинилъ. Тогда помянутые литовскіе паны умыслили на ея жизнь; они подкупили трехъ человѣкъ изъ прислуги, въ томъ числѣ собственнаго ключника королевы, Митьку Иванова, и прислали имъ лихое зелье. Это зелье подмѣшали въ медъ и дали испить королевѣ въ четвергъ на всеѣдной недѣлѣ. Къ вечеру ея уже не стало. Съ тою вѣстью пригналъ въ Вильну къ панамъ ключникъ Митька. Николай

Digitized by Google

Радивилъ принялъ его въ свою службу и наградилъ имѣніемъ. Правда ли все это, о томъ историку приходится сказать вмѣстѣ съ русскою лѣтописью: „Богъ вѣсть“. Но невѣроятнаго тутъ ничего нѣтъ.

Другая еще болѣе важная причина разрыва заключалась въ коварной политикѣ Сигизмунда по отношенію къ Крымской Ордѣ. Усердными подговорами, подарками хану, его царевичамъ и вельможамъ, Сигизмунду удалось разрушить долголѣтній союзъ Менгли-Гирея съ Москвою и вооружить противъ нея Орду. Не смотря на недавно заключенный миръ съ Василіемъ, король вступилъ въ тайный договоръ съ ханомъ и обязался платить ему ежегодно по 15,000 золотыхъ, если татары будутъ воевать Московское государство. Менгли-Гирей былъ уже старъ и не могъ держать власть твердою рукою, а его буйные сыновья жаждали добычи. Въ теченіе 1512 года крымскіе татары, подъ начальствомъ царевича Ахмата и Бурнашъ-Гирея, сдѣлали три набѣга на Бѣлевскія и Рязанскія украйны и подступали, хотя безуспѣшно, къ самой Рязани. Съ этого времени открылся длинный рядъ опустошительныхъ набѣговъ Крымской разбойничьей орды, имѣвшихъ неисчислимыя послѣдствія для всего Московскаго государства.

Москва имѣла въ Крыму своихъ доброхотовъ и немедленно узнала о договорѣ Литвы съ ханомъ, а также о военныхъ приготовленіяхъ Сигизмунда. Въ думѣ великокняжей рѣшено было предупредить врага. Василій послалъ королю „складную грамоту“ или объявленіе войны, и вслѣдъ за тѣмъ зимою 1513 года самъ выступилъ въ походъ съ Михаиломъ Глинскимъ, воеводами Даніиломъ Щенею и Рѣпнею Оболенскимъ. На сей разъ предпринятая война имѣла опредѣленную цѣль: возвращеніе отъ Литвы древняго русскаго города Смоленска съ его областью. Осада этого города продолжалась шесть недѣль. Смоленскъ, расположенный по крутымъ холмамъ Днѣпровскаго берега, былъ хорошо укрѣпленъ. Великій князь попыталъ взять его нечаяннымъ ночнымъ приступомъ, и для ободренія людей велѣлъ имъ выкатить бочки меду и пива. Въ полночь полупьяные пищальники полѣзли на укрѣпленія, а „посоха“ (пѣшая рать, набранная изъ крестьянъ) несла за ними приметъ; но приступъ былъ отбитъ съ большими потерями. Василій воротился въ Москву, а лѣтомъ

Digitized by Google

того же года онъ вновь осадилъ Смоленскъ. Межъ тѣмъ другая рать, собранная въ Новогородской и Псковской области, ходила на Полоцкъ, а оттуда пришла также къ Смоленску. Хотя москвитяне выиграли открытую битву подъ Смоленскомъ, однако, осада его и на сей разъ не удалась. Московскій пушечный „нарядъ", огражденный турами, громилъ стѣны, но дѣйствовалъ неискусно; а то, что онъ разрушалъ днемъ, осажденные успѣвали исправлять ночью. Опять Василій воротился въ Москву, ограничась опустошеніемъ литовскихъ предѣловъ. Однако, рѣшено было добывать Смоленскъ во что бы ни стало и не медля начали готовиться къ новому походу. Съ особеннымъ усердіемъ хлопоталъ о томъ Михаилъ Глинскій, которому, какъ говорятъ, Смоленскъ былъ обѣщанъ на правахъ удѣльнаго княженія. Онъ посылалъ вѣрнаго человѣка въ Силезію, Чехію и къ нѣмцамъ, чтобы нанимать тамъ въ московскую службу людей, хорошо знавшихъ военное дѣло. Такіе люди, дѣйствительно, были наняты и прибыли въ Москву чрезъ Ливонію.

Императоръ Максимильянъ не только держалъ сторону Москвы, но и усердно возбуждалъ ее къ войнѣ. Онъ имѣлъ виды на Чехію и Венгрію, которыми владѣла тогда династія Ягеллоновъ, именно, братъ Сигизмунда Владиславъ Казиміровичъ. Этимъ видамъ Габсбургскаго дома сильно противодѣйствовала національная венгерская партія, во главѣ которой стоялъ знатный магнатъ графъ Іоаннъ Заполыя; а король польско-литовскій Сигизмундъ не только дружилъ съ этой партіей, но и вступилъ въ бракъ съ сестрою Іоанна Заполыи, Варварою, въ 1512 г., чѣмъ сильно вооружилъ противъ себя Максимильяна. Сей послѣдній предложилъ свой союзъ государю московскому и къ тому же союзу привлекъ молодаго тевтонско-прусскаго магистра Альбрехта Бранденбургскаго, который хотя по матери и былъ родной племянникъ Сигизмунда польско-литовскаго, но стремился уничтожить вассальную зависимость своего ордена отъ польскаго короля и воротить прусскіе города, отнятые поляками при Казимірѣ IV. Кромѣ Тевтонскаго ордена, Максимильянъ старался привлечь къ тому же союзу датскаго короля Христіана II, женатаго на его внучкѣ Изабеллѣ. Михаилъ Глинскій, хорошо знакомый съ отношеніями германскихъ владѣтелей и съ нѣкото-

Digitized by Google

рыми изъ нихъ самихъ, былъ душою ихъ переговоровъ о союзѣ съ Москвою противъ Польши.

Зимою 1514 года цесарскій посолъ (Шнитценпайнеръ) прямо отъ тевтонскаго магистра Альбрехта прибылъ въ Москву, гдѣ именемъ императора заключилъ съ великимъ княземъ формальный договоръ о союзѣ противъ польскаго короля. Съ договорной грамотой онъ отправился въ Германію въ сопровожденіи московскихъ пословъ, и Максимильянъ присягою подтвердилъ договоръ. А лѣтомъ того же года Василій Ивановичъ въ третій разъ подступилъ къ Смоленску. На сей разъ москвитяне выставили большое количество пушекъ и пищалей, которыми принялись громить городъ неустанно; въ то же время дѣлали частые приступы. Смоленскій воевода Юрій Соллогубъ продолжалъ мужественно обороняться и отбилъ нѣсколько приступовъ. Наконецъ, разрушеніе и пожары, произведенные въ городѣ московскими ядрами, привели жителей въ уныніе и они начали требовать сдачи. (Есть извѣстіе, что Глинскій вошелъ съ ними въ тайные переговоры). Тщетно Соллогубъ говорилъ, что самъ король вскорѣ явится на выручку города; русскіе граждане и духовенство, съ владыкою Варсонофіемъ во главѣ, ударили челомъ великому князю, чтобы онъ унялъ свой мечъ, и отворили ему ворота. 31-го іюля, по распоряженію Василія, Даніилъ Щеня вступилъ въ городъ, привелъ его жителей къ присягѣ на вѣрность своему государю и смѣнилъ литовскій гарнизонъ московскимъ. На слѣдующій день самъ великій князь съ своими братьями и боярами торжественно въѣхалъ въ Смоленскъ, встрѣченный на посадѣ народомъ и духовенствомъ съ иконами и крестами. Въ соборномъ Успенскомъ храмѣ пѣли благодарственный молебенъ, послѣ котораго протодьяконъ съ амвона велегласно провозгласилъ многолѣтіе великому князю, повторенное епископомъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и пѣвчими на обоихъ клиросахъ. Епископъ благословилъ государя крестомъ и сказалъ: „Божіей милостію радуйся преславный царю Василій, великій князь, всея Руси самодержецъ на своей отчинѣ и дѣдинѣ града Смоленска, на многа лѣта!“ Послѣ того подходили къ Василію съ тѣмъ же поздравленіемъ его братья, бояре, воеводы и прочіе московскіе люди, а также бояре и граждане. Смольняне обнимались съ москвичами и другъ съ другомъ,

Digitized by Google

радуясь своему освобожденію отъ Литвы, подъ которою находились болѣе ста лѣтъ. Было общее ликованіе. Отслушавъ литургію и побывавъ на древнекняжескомъ дворѣ, великій князь воротился въ свой станъ. Сюда призывалъ онъ смоленскихъ бояръ, лучшихъ гражданъ и дѣтей боярскихъ, угощалъ ихъ обѣдомъ, одѣлялъ соболями, бархатомъ, аксамитомъ, камками, деньгами. Тѣ западнорусскіе служилые люди, которые остались и вступили въ службу московскую, получили награды по два рубля и по сукну на платье, а которые не захотѣли остаться получили по рублю и отпущены въ Литву. Юрій Соллогубъ пожелалъ воротиться къ своему королю, и былъ отпущенъ; но въ Польшѣ его судили какъ измѣнника и отрубили ему голову. Вообще Василій Ивановичъ обошелся съ смольнянами очень милостиво, совсѣмъ не такъ, какъ съ псковичами. Не было ни вывода, ни отобранія имуществъ. Въ Москву переселялись только желающіе, и тѣмъ давали при этомъ вспоможеніе. Особой жалованной граматой Василій подтвердилъ за духовенствомъ, боярами и прочими смоленскими людьми ихъ земли и владѣнія, а также тѣ льготные судебные и гражданскіе уставы, которые даны были смольнянамъ великими князьями литовскими, при чемъ освободилъ ихъ отъ ежегодной сторублевой дани, взимавшейся съ города прежними государями.

Спустя нѣсколько дней по занятіи Смоленска, Василій Ивановичъ отправилъ воеводъ для отобранія другихъ городовъ Смоленской земли. Князь города Мстиславля самъ передался москвитянамъ, и оставленъ въ своемъ Мстиславскомъ удѣлѣ. Жители Кричева и Дубровны также добровольно присягнули на московское подданство. Межъ тѣмъ Сигизмундъ, шедшій съ польско-литовскимъ войскомъ и наемными отрядами чеховъ, нѣмцевъ, венгровъ и пр. на выручку Смоленска, достигъ Минска, когда узналъ о взятіи этого города. Василій отрядилъ на встрѣчу непріятелю Глинскаго, двухъ братьевъ Булгаковыхъ, Челяднина и нѣкоторыхъ другихъ воеводъ. Москвитяне стояли подъ Друцкомъ, а король подвинулся къ Борисову, когда обнаружилась измѣна Глинскаго. Великій князь, конечно, не для того возвратилъ Россіи Смоленскъ, чтобы создавать изъ него особое княженіе для литовскаго выходца; а сей честолюбецъ, обманувшись въ своихъ

Digitized by Google

разсчетахъ, задумалъ измѣнить Василію, и вновь перейти въ Литву, о чемъ и завелъ тайные переговоры съ Сигизмундомъ. Король былъ радъ отнять у своего противника такого энергичнаго и свѣдущаго въ военномъ дѣлѣ помощника, и обѣщалъ Глинскому разныя милости. Но во время ихъ взаимныхъ пересылокъ одинъ королевскій посланецъ попался въ руки москвитянъ; найденныя у него грамоты обнаружили все дѣло; а по другимъ извѣстіямъ собственный слуга Глинскаго донесъ о его бѣгствѣ въ королевскій станъ. Князь Михаилъ Булгаковъ-Голица тотчасъ поскакалъ съ конным отрядомъ въ объѣздъ, опередилъ бѣглеца и устроилъ ему засаду. Глинскій и его люди попали на эту засаду и были схвачены. Василій велѣлъ его заключить въ оковы и отослалъ въ Москву. Хотя измѣннику и не удалось уйти въ непріятельскій лагерь, однако, измѣна его не замедлила отразиться на перемѣнѣ военнаго счастья. Очевидно, онъ успѣлъ раскрыть врагу наши слабыя стороны и приглашалъ его къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Король двинулъ свое войско съ береговъ Березины къ Днѣпру, поручивъ главное начальство великому литовскому гетману князю Константину Острожскому. Тѣснимые имъ, московскіе отряды отступили на лѣвый берегъ Днѣпра и остановились противъ Орши. Сюда приспѣли и другіе московскіе полки. Если вѣрить хвастливымъ польскимъ извѣстіямъ, число московской рати будто бы достигало 80,000 человѣкъ, тогда какъ непріятелей было 35,000.

Изъ многихъ московскихъ воеводъ, собравшихся подъ Оршею, главное мѣсто занялъ бояринъ и окольничій Иванъ Андреевичъ Челяднинъ, вельможа заслуженный, но дотолѣ не отличившійся какими либо военными подвигами. Повидимому, не всѣ воеводы охотно ему подчинялись изъ-за мѣстническихъ счетовъ. Высокомѣріе и недальновидность его простирались до того, что по тѣмъ же иноземнымъ извѣстіямъ онъ будто бы, вопреки совѣтамъ, не хотѣлъ напасть на половину непріятельскаго войска, переправившуюся на лѣвый берегъ Днѣпра, а ожидалъ, пока переправится все войско, надѣясь разбить его и забрать въ плѣнъ помощію великаго своего превосходства въ силахъ. Сообразно съ тѣмъ, онъ растянулъ свои оба крыла такъ, чтобы окружить непріятеля. Битва была очень упорна и длилась до самой ночи;

Digitized by Google

долго побѣда колебалась на ту и на другую сторону. Наконецъ, Константинъ Острожскій притворнымъ отступленіемъ навелъ большой московскій полкъ на то мѣсто, гдѣ стояли пушки, и онѣ произвели такое разрушительное дѣйствіе, что москвитяне не выдержали и бросились назадъ. Тогда непріятели дружнымъ ударомъ довершили наше разстройство и пораженіе. Между Оршею и Дубровной впадаетъ въ Днѣпръ рѣчка Кропивна; эта рѣчка, говорятъ, была запружена тѣлами москвитянъ, тонувшихъ въ ней во время своего бѣгства, такъ что теченіе ея на время остановилось. Челяднинъ, оба брата Булгаковы, два брата Колычевы, князь Иванъ Пронскій, два князя Ромодановскихъ и много другихъ князей и бояръ были взяты въ плѣнъ; а дворянъ и дѣтей боярскихъ захвачено до полутора тысячъ, вмѣстѣ со всѣмъ нашимъ снарядомъ и обозомъ. Всего мы потеряли около половины войска, и только наступившая ночь помогла спастись остальнымъ. Дѣло происходило въ первой половинѣ сентября 1514 года. Велика была радость непріятелей отъ этой побѣды. Константинъ Острожскій, забывъ собственную измѣну русской народности, велѣлъ пѣть благодарственные молебны и давалъ обѣты построить новыя церкви. Сигизмундъ разсылалъ папѣ Льву X и другимъ государямъ вмѣстѣ съ извѣстіемъ о побѣдѣ и русскихъ плѣнниковъ въ подарокъ. А Челяднина и нѣкоторыхъ его товарищей онъ велѣлъ въ оковахъ посадить въ тѣсное заключеніе. Спустя нѣсколько лѣтъ, одинъ иноземный посолъ (Герберштейнъ) посѣтилъ въ Вильнѣ этихъ несчастныхъ узниковъ, слышалъ ихъ жалобы, и далъ имъ въ займы нѣсколько золотыхъ. Московскій государь, повидимому, наказалъ ихъ за пораженіе совершеннымъ пренебреженіемъ къ ихъ участи.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ оршинскаго пораженія было отпаденіе къ Литвѣ князя Мстиславскаго, а также городовъ Дубровны и Кричева, не смотря на ихъ недавнюю присягу. Въ самомъ Смоленскѣ ободрилась партія, непріязненная Москвѣ, и тайно призывала короля, обѣщая сдать ему городъ. Главою заговора, говорятъ, былъ епископъ Варсонофій. Но здѣсь бодрствовалъ московскій воевода, князь Василій Шуйскій. Извѣщенный вѣрными гражданами о затѣянной крамолѣ, онъ схватилъ епископа и отослалъ его къ великому князю, который тогда

Digitized by Google

стоялъ въ Дорогобужѣ. Въ надеждѣ на смоленскихъ измѣнниковъ, Константинъ Острожскій спѣшилъ сюда съ небольшимъ отборнымъ войскомъ. Но, вмѣсто отворенныхъ воротъ, онъ нашелъ городъ приготовленнымъ къ мужественной оборонѣ, а на стѣнахъ его увидалъ заговорщиковъ повѣшенными въ тѣхъ самыхъ собольихъ шубахъ, камкахъ, бархатахъ, съ серебряными чарками и кубками на шеѣ, которыми дарилъ ихъ великій князь послѣ взятія Смоленска. Острожскій попытался было на приступъ, но былъ отбитъ и со стыдомъ ушелъ назадъ. Такимъ образомъ, главная цѣль войны—Смоленскъ все-таки остался въ нашихъ рукахъ. Но громъ оршинской побѣды, конечно, не мало поднялъ духъ противной стороны и надолго вселилъ ей пренебреженіе къ московскимъ силамъ въ открытомъ полѣ.

Взятіе Смоленска и оршинская битва составляютъ два самыхъ крупныхъ событія въ девятилѣтней русско-литовской войнѣ (1513—1522 гг.). Послѣ нихъ обѣ стороны какъ бы утомились сдѣланными усиліями, и хотя продолжали войну, но съ очевидной неохотой, съ перерывами, избѣгая рѣшительныхъ дѣйствій, завязывая постоянно мирные переговоры, но постоянно неудачные. Дѣло въ томъ, что московскій государь, достигнувъ своей главной цѣли, т. е. Смоленска, на сей разъ ни къ чему болѣе не стремился, кромѣ удержанія завоеваннаго; а польско-литовское правительство никакъ не хотѣло уступить такой важный пунктъ, но въ то-же время не имѣло достаточно силъ, чтобы отвоевать этотъ пунктъ обратно. Пользуясь превосходствомъ вооруженія, обученія и тактики, королевскіе полководцы могли иногда одерживать побѣды надъ отсталыми въ военномъ дѣлѣ, нестройными московскими ополченіями; но польско-литовскій король въ своемъ государствѣ не пользовался такою властью надъ военно-служебнымъ сословіемъ, какъ московскій государь въ своей. Сборъ денежныхъ средствъ и военныхъ людей и выступленіе въ походъ сопровождались тамъ многими препятствіями и затрудненіями; уже въ ту эпоху едва ли не главную роль въ военное время стали тамъ играть войска собственно наемныя, набранныя изъ иноземцевъ. А въ умѣніи брать хорошо укрѣпленные города поляко-литвины были почти также неискусны, какъ и москвитяне. Кромѣ того, обѣ стороны были отвлекаемы другими впѣшиими

Digitized by Google

отношеніями: Москва татарскими, а Польша-Литва прусскими, турецкими и отчасти татарскими.

При такихъ условіяхъ воюющія стороны были не прочь отъ иноземнаго посредничества, чтобы добиться мира.

Король Сигизмундъ первый началъ хлопотать объ отвлеченіи Максимильяна отъ союза съ московскимъ великимъ княземъ: хотя императоръ германскій, вопреки заключенному въ 1514 году договору, и не думалъ воевать съ поляками, но онъ возбуждалъ противъ нихъ другихъ враговъ. Посредникомъ въ примиреніи Сигизмунда съ Максимильяномъ явился братъ перваго, венгерскій король Владиславъ, при чемъ польскій король отказывался отъ своего противодѣйствія видамъ Габсбурговъ на будущее венгерское наслѣдство и соглашался на условленный еще въ 1507 году двойной брачный союзъ между внуками Максимильяна и дѣтьми Владислава. Назначенъ былъ съѣздъ трехъ государей во владѣніяхъ Владислава, именно, въ венгерскомъ городѣ Пожогѣ (Пресбургъ), куда Сигизмундъ прибылъ съ многочисленною и роскошно убранною свитою изъ польскихъ и литовскихъ вельможъ. Но императоръ заставилъ себя долго ждать и, наконецъ, пригласилъ обоихъ королей-Ягеллоновъ къ себѣ въ Вѣну. Здѣсь въ одинъ и тотъ же день (въ іюлѣ 1515 г.) совершено торжественное обрученіе десятилѣтняго Владиславова сына Людвига съ внучкою Максимильяна Маріей и тринадцатилѣтней дочери Анны заразъ съ обоими внуками императора, Карломъ и Фердинандомъ, предоставляя будущему окончательный выборъ между ними. Такимъ образомъ, политика Максимильяна увѣнчалась успѣхомъ: эти брачные союзы приготовили будущее господство нѣмецкой династіи въ Чехіи и Венгріи. Съ своей стороны, Максимильянъ обѣщалъ отступиться отъ союза противъ Польши съ магистромъ тевтонскимъ и государемъ московскимъ, содѣйствовать примиренію Сигизмунда съ послѣднимъ и, если возможно, привлечь Москву къ союзу христіанскихъ государей противъ страшныхъ въ то время Османскихъ турокъ.

Сближеніе Сигизмунда съ Максимильяномъ еще болѣе укрѣпилось, когда въ слѣдующемъ 1516 году умеръ Владиславъ, король чешско-венгерскій, и оба они сообща завѣдывали опекою надъ малолѣтнимъ его преемникомъ Людовикомъ. Около того-же

Digitized by Google

времени скончалась польская королева Варвара Заполыя, не оставивъ королю наслѣдниковъ мужескаго пола. Сигизмундъ задумалъ вступить въ новый бракъ и, при посредствѣ того-же Максимильяна, просилъ руки итальянской принцессы Боны изъ дому миланскихъ герцоговъ Сфорца. На этотъ выборъ повліяли красота и богатое приданое принцессы. Предложеніе его было принято. (Бракъ съ нею состоялся въ 1518 году). Межъ тѣмъ, Василій Ивановичъ, узнавъ о переходѣ своего высокаго союзника на противную сторону, не скрывалъ неудовольствія, и пріѣзжавшіе въ Москву Максимильяновы посланцы, хлопотавшіе о примиреніи Москвы съ Польшею, не имѣли никакого успѣха. Тогда императоръ для сей цѣли назначилъ большое посольство, во главѣ котораго поставилъ барона Сигизмунда Герберштейна, не только хорошаго дипломата, но и мужа весьма образованнаго, изучившаго, между прочимъ, славянскій (виндскій) языкъ на своей родинѣ въ Крайнѣ.

18-го апрѣля 1517 года Герберштейнъ съ своею свитою имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву, происходившій по установленному здѣсь для таковыхъ случаевъ церемоніалу. Посольство помѣстили въ домѣ князя Ряполовскаго, куда доставляли всѣ нужные для него припасы; но назначенные къ нему приставы строго слѣдили за всѣми дѣйствіями посла и даже за его разговорами. Спустя три дня, его съ обычными церемоніями проводили во дворецъ, гдѣ онъ представлялся великому князю и вручилъ свою вѣрительную грамоту, а затѣмъ былъ приглашенъ къ царскому обѣду. Двое знатныхъ бояръ, одинъ казначей, одинъ дворецкій и три дьяка были назначены для веденія переговоровъ съ посломъ. Участіе въ нихъ бояръ было болѣе номинальное, а главнымъ лицомъ явился тутъ великокняжій казначей грекъ Юрій Малый, мужъ весьма свѣдущій и опытный въ дѣлахъ—одинъ изъ тѣхъ грековъ, которые пріѣхали въ Москву вслѣдъ за Софьею Палеологъ и служили еще отцу Василія Ивану III. Въ первомъ же совѣщаніи съ этими лицами, Герберштейнъ, восхваливъ могущество, родственныя и дружескія связи своего государя римскаго цезаря Максимильяна съ другими европейскими владѣтелями, объявилъ, что главную его заботу составляетъ утвержденіе общаго мира въ христіанствѣ, такъ какъ

Digitized by Google

невѣрные, т. е. турки и татары, пользуясь несогласіемъ христіанскихъ правителей, все болѣе и болѣе распространяютъ свои завоеванія, поэтому онъ очень желаетъ прекратить пагубную для христіанства брань между Москвою и Польшею. Великій князь чрезъ бояръ отвѣтилъ, что готовъ заключить миръ, если польскій король пришлетъ своихъ пословъ. Герберштейнъ предложилъ, чтобы послы обѣихъ сторонъ съѣхались на границѣ или, такъ какъ пограничныя мѣста опустошены войною и города выжжены, устроить съѣздъ въ Ригѣ. Но московская дипломатія прежде всего заботилась о сохраненіи достоинства своего государства: при Иванѣ III и во время предыдущей войны Василія, польско-литовскіе послы пріѣзжали въ Москву для заключенія мира, а не наоборотъ, и бояре объявили это ужъ обычаемъ или такою стариною, отъ которой Москва не отступитъ. Герберштейнъ отправилъ своего племянника фонъ-Турна къ польскому королю съ просьбою прислать въ Москву своихъ пословъ.

Въ началѣ октября королевскіе послы—католикъ Янъ Щитъ и православный панъ Богушъ Боговитиновъ, дѣйствительно, прибыли къ Москвѣ. Но въ то же самое время пришло извѣстіе, что литовскій гетманъ князь Константинъ Острожскій осадилъ псковскій пригородъ Опочку. Король думалъ этимъ нападеніемъ подкрѣпить свои требованія и произвести, такъ сказать, давленіе на московское правительство. Онъ ошибся въ разсчетѣ: ничто не могло поколебать твердости этого правительства. Королевское посольство не было впущено въ городъ и помѣщено въ подмосковной слободѣ Дорогомиловѣ, а Герберштейну объявлено, что литовскіе послы останутся тамъ, пока воеводы великаго князя „не перевѣдаются“ съ Константиномъ Острожскимъ. Пришлось ждать недѣли три. Наконецъ, прискакали гонцы съ извѣстіемъ, что московскіе воеводы Ѳедоръ Оболенскій, Лопата Телепневъ и Иванъ Лятцкой литовское войско побили и Константинъ Острожскій ушелъ отъ Опочки. Тогда литовскіе послы были введены въ городъ и получили аудіенцію у великаго князя. Переговоры возобновились, но были безуспѣшны. Сначала обѣ стороны предъявили невозможныя условія: великій князь потребовалъ казни тѣхъ пановъ, которые учинили насиліе его сестрѣ Еленѣ, возвращенія ея казны и волостей, отдачи Кіева, Полоцка,

Digitized by Google

Витебска и другихъ городовъ, составлявшихъ отчину его прародителей; а король желалъ не только получить обратно Смоленскъ, но еще половину Новгорода, Псковъ, Тверь и всю Сѣверскую землю. Разумѣется, такія требованія были несерьезны и предъявлялись только съ цѣлью дѣлать какъ бы уступки. При посредничествѣ Герберштейна дальнѣйшіе переговоры свелись къ одному пункту: къ Смоленску. Литва хотѣла непремѣнно его воротить, а Москва ни за что не уступала. Не смотря на всю дипломатическую ловкость и наружное безпристрастіе императорскаго посла, великій князь ясно видѣлъ, что онъ хлопочетъ въ пользу противной стороны. Напрасно Герберштейнъ составилъ увѣщательную записку, гдѣ вздумалъ ссылаться на историческіе примѣры Филиппа Македонскаго, оказавшаго умѣренность послѣ побѣды надъ аѳинянами, на царя Пирра, утратившаго въ одинъ часъ всѣ плоды прежнихъ побѣдъ, на своего государя Максимильяна, великодушно возвратившаго Верону венеціанамъ, на самого Ивана III, который царство Казанское отдалъ назадъ татарамъ. Умные московскіе дипломаты, промолчавъ о древнихъ царяхъ македонскомъ и эпирскомъ, отвѣтили отъ имени великаго князя: „ино то братъ нашъ Максимильянъ, избранный цесарь римскій и наивысшій король, вѣдаетъ, которымъ обычаемъ венецѣяномъ Верону отдалъ, а мы того въ обычаѣ не имѣемъ, ни имѣти хотимъ, чтобы намъ своя отчина отдавати". О царствѣ же Казанскомъ объяснили, что государь Иванъ Васильевичъ не отдавалъ его татарамъ, а просто посадилъ тамъ царя „изъ своихъ рукъ", т. е. зависимаго отъ Москвы. Вообще въ теченіе этихъ долгихъ переговоровъ московская дипломатія показала себя вѣрною завѣту Ивана III и достойною своихъ греческихъ учителей. Ясно сознаваемая цѣль, вѣжливый языкъ, обстоятельныя сужденія и твердость въ національной политикѣ—вотъ тѣ качества, которыя надолго усвоила себѣ эта дипломатія.

По упорству обѣихъ сторонъ, около половины ноября мирные переговоры были, наконецъ, прерваны. Послы королевскіе покинули Москву, а вслѣдъ за ними былъ отпущенъ Герберштейнъ, осыпанный ласками и знаками почета со стороны великаго князя. Передъ окончаніемъ переговоровъ, посолъ передалъ просьбу цезаря отпустить къ нему Михаила Глинскаго. И эту просьбу

Digitized by Google

великій князь отклонилъ; бояре его отвѣтили, что Глинскій за свою измѣну долженъ былъ подвергнуться казни, но онъ изъявилъ желаніе воротиться въ греческую вѣру своихъ родителей, о чемъ билъ челомъ митрополиту Варлааму; поэтому его освободили отъ казни и отдали митрополиту на испытаніе. Съ Герберштейномъ Василій Ивановичъ отправилъ къ императору своего дьяка Племянникова.

Не смотря на неудачу, Максимильянъ не отказался отъ посредничества, и вновь присылалъ своихъ пословъ въ Москву. Но эти сношенія были прерваны его смертью въ 1519 году. Между тѣмъ, военныя дѣйствія продолжались; московскіе полки еще нѣсколько разъ вторгались въ литовскія владѣнія и ихъ опустошали; въ 1518 году они осаждали Полоцкъ, а въ слѣдующемъ доходили до самой Вильны. Взаимныя пересылки Василія съ магистромъ тевтонскаго ордена Альбрехтомъ о союзѣ противъ Сигизмунда повели, наконецъ, къ открытой войнѣ ордена съ Польшею въ 1520 году, причемъ великій князь, не смотря на свою разсчетливость, помогъ Альбрехту деньгами для найма военныхъ отрядовъ въ Германіи. Около того-же времени крымскіе татары сдѣлали нѣсколько опустошительныхъ набѣговъ въ литовско-русскія области. Московское правительство, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ польско-литовскаго государства, старалось вызвать („позадать“) короля на мирные переговоры, и онъ вновь присылалъ своихъ пословъ въ Москву; но опять не сошлись въ условіяхъ, и тѣмъ болѣе, что Москва требовала возвращенія плѣнныхъ, взятыхъ въ „великой битвѣ“ (оршинской). Въ слѣдующемъ (1521) году обстоятельства уже перемѣнились: Альбрехтъ былъ побѣжденъ поляками и заключилъ съ ними четырехлѣтнее перемиріе, а на востокѣ оба татарскія царства, Крымское и Казанское, выступили противъ Москвы соединенными силами. Наконецъ, только въ 1522 г. воюющимъ сторонамъ удалось заключить пятилѣтнее перемиріе, причемъ Москва удержала за собой Смоленскъ, но отказалась отъ возвращенія плѣнныхъ.

При заключеніи перемирія предположено было продолжать переговоры о вѣчномъ мирѣ. Чтобы добиться этого мира и окончательной уступки Смоленска, на которую король ни за что не соглашался, Василій Ивановичъ вновь обратился къ посредничеству

Digitized by Google

германскаго императора, которымъ тогда былъ внукъ Максимильяна, Карлъ V, король испанскій. Московскіе послы (князь Засѣкинъ и дьякъ Борисовъ) ѣздили для того къ Карлу въ Мадридъ (въ 1524 г). Императоръ и его братъ, эрцгерцогъ австрійскій Фердинандъ, благосклонно отнеслись къ этому дѣлу, и отправили въ Москву великое посольство, во главѣ котораго были поставлены графъ Нугароль и тотъ же баронъ Герберштейнъ, которые прибыли въ Москву въ апрѣлѣ 1526 года. Вскорѣ сюда же пріѣхалъ и съ тою же задачею посолъ папы Климента VII, Іоаннъ Францискъ, епископъ скаренскій, сопровождаемый ѣздившимъ въ Римъ московскимъ посломъ Димитріемъ Герасимовымъ. Римская курія пыталась воспользоваться московско-польскою войною для своей завѣтной цѣли, т. е. для подчиненія русской церкви папскому главенству. Она также предлагала свое посредничество для заключенія мира; кромѣ того, предлагала короновать великаго князя королевскимъ вѣнцомъ, а московскаго митрополита возвести въ санъ патріарха; вмѣстѣ съ тѣмъ старалась привлечь Василія къ союзу европейскихъ государей противъ турокъ, маня его „константинопольскимъ наслѣдствомъ“. За всѣ эти блага требовалось только признаніе Флорентійской уніи. Потери, которымъ подверглось тогда папство со стороны начавшейся реформаціи, побуждали его тѣмъ настойчивѣе хлопотать о подчиненіи себѣ Русской церкви, и пересылки наши съ Римомъ продолжались уже нѣсколько лѣтъ. Всѣ подобныя ухищренія куріи, по обыкновенію, остались безплодны. Москва, съ своей стороны, не прочь была поддерживать эти сношенія, но только до тѣхъ поръ, пока считала ихъ нелишними для своихъ политическихъ цѣлей; а затѣмъ рѣшительно уклонилась и отъ уніи, и отъ войны съ отдаленною отъ нея Турецкою державою.

Въ октябрѣ 1526 года пріѣхали литовскіе послы: плоцкій воевода Петръ Кишка и литовскій подскарбій Михаилъ Богушъ-Боговитиновъ. Начались переговоры при посредствѣ пословъ императорскихъ и папскаго. Но Смоленскъ опять послужилъ неодолимымъ препятствіемъ для вѣчнаго мира. Согласились только продолжить пятилѣтнее перемиріе еще на шесть лѣтъ. Императорскіе послы получили отъ великаго князя въ подарокъ парчевые кафтаны, подбитые соболями, и значительное количество дорогихъ мѣховъ. Прямой своей цѣли двукратное посольство

Digitized by Google

Герберштейна не достигло, но оно имѣло важныя послѣдствія въ другомъ отношеніи. Плодомъ его явились знаменитыя „Записки о Московіи“, которыя возбудили большой интересъ въ западной Европѣ, впервые дали ей обстоятельный и довольно правдивый очеркъ Московскаго государства и надолго послужили главнымъ источникомъ, откуда черпали свои свѣдѣнія послѣдующіе иноземные писатели о Россіи.

Д. Иловайскій.

Digitized by Google

РУССКІЕ ИЗБРАННИКИ И СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ

въ XVIII-мъ вѣкѣ [1]).

LXXXIX. ПЕТРЪ ЗАВАДОВСКІЙ.

Петръ Завадовскій былъ сынъ русскаго священника на Украйнѣ. Заботливостью своего отца онъ получилъ еще въ ранней молодости порядочное образованіе, особенно въ латинскомъ языкѣ, исторіи и философіи.

Отецъ привезъ его въ Петербургъ, въ домъ своего земляка, генералъ-фельдмаршала графа Разумовскаго. Здѣсь же находился и молодой Безбородко, съ которымъ Петръ Завадовскій свелъ дружбу, поддерживавшуюся въ теченіи всей ихъ жизни. Въ домѣ боярина, оба эти юные украйнца были не болѣе, какъ слугами. Онъ научилъ ихъ калиграфіи и рекомендовалъ ихъ генералъ-фельдмаршалу графу Румянцеву, который обѣщалъ пристроить ихъ.

Завадовскій поступилъ сперва въ военную службу и такъ отличился въ турецкую войну, что получилъ даже георгіевскій орденъ; потомъ онъ перешолъ въ канцелярію генералъ-фельдмаршала графа Румянцева и вышелъ оттуда, что было тогда въ Россіи очень легко, въ военный штатъ съ чиномъ подполковника.

Когда императрица прибыла въ 1775 году въ Москву, Завадовскій былъ еще въ канцеляріи графа Румянцева. Государыня просила фельдмаршала представить ей нѣсколько людей, которые могли бы

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1886 г., т. L, апрѣль, стр. 1—180; т. LI, іюль, стр. 1—20.; т. LII, октябрь, стр 1—24; изд. 1887 г., т. LIII, стр. 299—328; мартъ, стр. 533—550.

Digitized by Google

быть ея кабинетъ-секретарями. Румянцевъ рекомендовалъ ей Завадовскаго и Безбородко. Обоими онъ былъ чрезвычайно доволенъ. Они также были весьма ему преданы, и только повелѣніе императрицы и то обстоятельство, что они дѣлали этимъ свою карьеру, могло побудить ихъ покинуть его.

Завадовскій пользовался, съ первой же минуты, бо̀льшимъ вниманіемъ, чѣмъ Безбородко, и было замѣчено, что государыня особенно благоволила къ нему. Но она вела себя при этомъ очень осторожно. Завадовскій и Безбородко всегда получали награды, повышенія и подарки одновременно, одинъ не раньше и не больше, чѣмъ другой. Эта осмотрительность была необходима, чтобъ не оскорбить всесильнаго Потемкина.

Въ ноябрѣ 1776 г. Завадовскій переѣхалъ во дворецъ, въ тѣ именно комнаты, которыя занималъ Потемкинъ. Въ то время новый любимецъ, хотя и былъ еще кабинетъ-секретаремъ, имѣлъ уже чинъ генералъ-маіора. У него не было таланта, чтобъ долго удержаться, и онъ самъ послужилъ поводомъ къ своему паденію, которое, быть можетъ, могло бы быть еще отсрочено, благодаря милости императрицы и его собственному великодушію. Именно, онъ, какъ сторонникъ Орловыхъ и графа Румянцева, хотѣлъ свергнуть Потемкина, который превосходилъ его умомъ и могуществомъ и который своимъ въ то время всесильнымъ деспотизмомъ, въ 1777 году, скоро уволилъ его въ отпускъ отъ двора, опасаясь, что онъ есть только орудіе другихъ.

Завадовскій, однако, вскорѣ опять явился ко двору и, считаясь ученымъ человѣкомъ, былъ вскорѣ же опредѣленъ къ дѣламъ. Потемкинъ, вовсе не бывшій мстительнымъ, не препятствовалъ этому. Екатерина II тѣмъ болѣе была рада этому, что дѣйствительно вполнѣ довѣряла Завадовскому. Было время, въ 1780-хъ годахъ, когда, по внушенію своихъ лучшихъ друзей, одинъ только Завадовскій осмѣливался дѣлать въ совѣтѣ возраженія императрицѣ на ея заявленія. Она все выслушивала отъ него и часто выражала ему за это свою благодарность. Можно поэтому уже догадываться, какъ императрица повысила бы его мало-по-малу въ чинахъ, такъ какъ уже въ 1780-хъ годахъ онъ былъ, какъ мы видѣли, членомъ совѣта государыни. Между тѣмъ, его вліяніе не всегда оставалось одинаковымъ и когда падало значеніе его друзей, Воронцова и Безбородко, понижалось и его вліяніе. Однако, изъ всѣхъ избранниковъ этой императрицы онъ одинъ, кромѣ Потемкина, и по удаленіи изъ дворца императрицы, остался въ столицѣ, всегда посѣщалъ дворъ и даже завѣдывалъ важными дѣлами. Въ этомъ положеніи оставался онъ до смерти императрицы и былъ осыпаемъ знаками ея милости, почетными должностями и подарками.

Digitized by Google

Павелъ I продолжалъ съ Завадовскимъ дружескія отношенія своей матери, утвердилъ его во всѣхъ должностяхъ и оказывалъ ему равнымъ образомъ знаки своего благоволенія.

Александръ I слѣдовалъ примѣру своихъ августѣйшихъ предковъ и Завадовскій живетъ, вѣроятно, и теперь еще при дворѣ этого государя, почтенный его довѣріемъ и милостью.

Въ 1799 году онъ былъ графъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, директоръ и начальникъ банка, кавалеръ орденовъ Андрея, Александра Невскаго, Бѣлаго Орла и Станислава, командоръ первой степени ордена св. Владиміра и кавалеръ военнаго ордена св. Георгія четвертой степени.

Завадовскій не обладалъ блестящимъ умомъ, но имѣлъ много здраваго смысла и имѣлъ къ тому же очень хорошую особенность—онъ не считалъ себя умнѣе, чѣмъ былъ. Онъ былъ очень силенъ въ русскомъ языкѣ и могъ изготовлять широковѣщательные манифесты и указы. Нѣкоторыя познанія и обладаніе латинскимъ языкомъ дали ему славу ученаго. Вслѣдствіе этого ему была поручена, вмѣстѣ съ великимъ и почтеннымъ Эпинусомъ, главная дирекція при учрежденіи нормальныхъ школъ. Онъ былъ, впрочемъ, непритязательный, ровный и спокойный человѣкъ. Въ 1790-хъ годахъ ему ставили въ укоръ, что онъ началъ бражничать и, поэтому, сталъ менѣе пригоденъ для дѣла. Въ молодости онъ былъ очень красивъ и въ его глазахъ даже въ старости видно было много живости и любезности.

Онъ имѣлъ дѣтей отъ своей жены, рожденной графини Апраксиной, которая была очень красивая женщина.

Прим. переводчика. Петръ Васильевичъ Завадовскій, 1733—1812. П. С. З., № 15,121, 15,507, 16,507, 17,701, 18,333, 18,885, 18,960, 18,997, 19,904; А. Г. С. I., ч. 1, 657; ч. II, 496, 536, 591; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XXVII, 227, 260, 351, 404; XLII, 232, 277); Финансовые документы (Сборникъ, XXVIII, 417); Мѣсяцесловъ на 1786 г., 10; Письма Завадовскаго (Воронцовъ, XII, 1,316; XXIV, 142; XXVI, 9,25; Архивъ 1876, III, 34); Записка Завадовскаго о правахъ и преимуществахъ сената (Чтенія, 1864, I, 100); Письма Безбородко (Сборникъ, XXVI, 238, 246, 247, 256, 276, 282, 371, 372, 485, 499; XXIX, 532; „Русск. Старина“ 1873, VIII, 888); Бумаги Репнина (Сборникъ, XVI, 403); Письма Гримма (Сборникъ, XXXIII, 256); Воронцовъ, V, 185, 230, 238, 277; VIII, 16, 126, 267; IX, 31; X, 73; XII, 388; XIII, 7, 82, 123, 197, 282, 372, 396; XIV, 46; XVI, 136; XVII, 594; XX, 7, 68; XXVII, 6, 26, 127, 139; Письмо Разумовскаго (Архивъ, 1873, 0467); Письмо Державина (Библіогр. Зап., III, 520); Письма Завадовскому (Архивъ, 1867, 1263; 1876, III, 31); Дипломат. документы (Сборникъ, XIX, 520); Храповицкій, 163, 251, 499; Гарновскій, XV, 16, 25, 259, 477, 692; XVI, III; Державинъ, 529, 567, 655, 664, 761,

Digitized by Google

777; Щербатовъ; 678, Ильинскій, 414, 419: Ségur, I, 412; Masson, 105; Castera, II, 157, 175, 309, 312, 453; Russie, 300, 301, 304, 305, 327, 328, 376; Разсказы о старинѣ (Архивъ, 1868, 1075); Изъ бумагъ Мельгунова (Осмнад. вѣк., I, 362); Петръ Завадовскій (Архивъ, 1865, 402); Гр. Завадовскій (Русск. Старина, IV, 390; V, 245; VII, 491; VIII, 739; X, 781; XI, 54); Мартыновъ, Очеркъ біографіи Завадовскаго (Сынъ Отечества, 1831, XIX); Лонгиновъ, Замѣтка (Библ. Зап., II, 541); Казадаевъ, Біографія Завадовскаго (Воронцовъ, XII, XV); Вейдемейеръ, Дворъ, I, 184; Бантышъ-К., Списки, 233; Соч. Державина, изд. Грота, IX, 668; Григоровичъ, Канцлеръ Безбородко (Сборникъ, XXVI, 214); Записки кн. Голицына (Архивъ, 1874, 1,326); Долгоруковъ, II, 182, 320; Карабановъ-Долгорукій, 118, 196; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 318; Herrmann, VII, 635; Russica, II, 692; Сантовъ, 51.

Е. В.

XC. АЛЕКСАНДРЪ БЕЗВОРОДКО I.

Когда знаешь великіе таланты человѣка, очеркъ жизни котораго мы хотимъ представить, то миришься съ государыней, въ теченіе своего долгаго царствованія поставившей множество выскочекъ на важныя мѣста государственнаго управленія, во главѣ своего войска, при дворѣ, словомъ, вблизи и вдали своей священной особы, на всѣхъ ступеняхъ трона, съ низшей до самой высшей, и бывшей столь несчастливою, что она всегда ошибалась. Но дань уваженія, платимую этому человѣку, мы увеличили бы еще, еслибъ онъ приложилъ болѣе стараній къ развитію своихъ способностей.

Мы должны оставить нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, чей былъ сынъ Александръ Безбородко — мелкаго ли украинскаго дворянина, или же, какъ говорятъ другіе, украинскаго крестьянина, торговца мѣстнымъ рогатымъ скотомъ.

Онъ получилъ обыкновенное школьное образованіе и еще въ юныхъ лѣтахъ былъ привезенъ въ Петербургъ, въ домъ генералъ-фельдмаршала графа Разумовскаго. Здѣсь онъ встрѣтилъ молодаго Завадовскаго, съ которымъ оставался съ этого момента всегда друженъ. Они также сходились въ дружбѣ, какъ расходились въ способностяхъ. По добротѣ фельдмаршала, Безбородко изучилъ науки и языки, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ до совершенства.

Графъ Кириллъ Разумовскій рекомендовалъ его и Завадовскаго генералъ-фельдмаршалу графу Румянцеву, который опредѣлилъ ихъ

Digitized by Google

обоихъ въ свою канцелярію, а особенно Безбородко употреблялъ съ большою пользою въ важныхъ дѣлахъ и при разработкѣ вопросовъ. Здѣсь, гдѣ Безбородко имѣлъ уже значительные доходы, онъ употреблялъ часть ихъ, а равно и время, свободное отъ занятій, на то, чтобъ чрезвычайно увеличить свои познанія по внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ. Равнымъ образомъ и въ наукахъ, особенно же во французской и нѣмецкой литературѣ, сдѣлалъ онъ тогда значительные успѣхи. Онъ научился совершенно правильно говорить на обоихъ языкахъ.

Такимъ образомъ, Румянцевъ имѣлъ право рекомендовать его императрицѣ, которая, въ 1775 году, нуждалась въ двухъ кабинетъ-секретаряхъ. На этомъ мѣстѣ Безбородко, своею ловкостью, сдѣлался совершенно необходимымъ человѣкомъ для императрицы. Она рѣшительно не могла отказаться отъ его помощи, и въ 1781 году онъ все еще былъ кабинетъ-секретаремъ. Ни одинъ изъ государственныхъ министровъ не могъ представить ей такого яснаго доклада, какъ Безбородко, даже по самымъ запутаннымъ дѣламъ и по всевозможнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Одною изъ выдающихся его способностей было его полное владѣніе русскимъ языкомъ. Когда императрица приказывала ему набросать указъ, письмо или что либо подобное—онъ отправлялся въ сосѣднюю комнату и, чрезъ самое короткое время, возвращался и приносилъ проектъ, составленный такъ точно, такъ изящно, что не оставалось желать ничего лучшаго.

Въ 1781 году онъ сталъ генералъ-маіоромъ, т. е. это значило въ то время, что онъ получилъ въ гражданской службѣ рангъ генералъ-маіора и принятъ въ совѣтъ. Съ этимъ оканчивается его прилежаніе. Хотя ему поручали теперь, болѣе еще чѣмъ прежде, самыя важныя государственныя дѣла, и ничего безъ него не дѣлалось, но уже не такъ легко, какъ прежде, его можно было заставить взяться за подробную министерскую работу по дѣламъ еще болѣе важнымъ. У него залеживались всѣ дѣла подобнаго рода и, ради собственнаго спокойствія, онъ часто вовсе не отвѣчалъ даже на письма, которыя ему писали особы царствующихъ домовъ. Отъ него можно было добиться только совѣтовъ, которые онъ щедро раздавалъ. Императрица, конечно, поступила бы гораздо лучше, если бы во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководилась Безбородко, который во всемъ совѣтѣ былъ, послѣ Александра Воронцова, безспорно, самый умный и самый образованный человѣкъ. Но ни при одномъ дворѣ не мѣнялись такъ часто партійныя вліянія, какъ при тогдашнемъ правительствѣ Россіи. Какой нибудь избранникъ, отставной фаворитъ и т. под. затемняли или проясняли политическій горизонтъ и опредѣляли кто долженъ подняться или пасть относительно милости императрицы. Безбородко испытывалъ ту же

Digitized by Google

участь. Воронцовъ, Завадовскій и онъ всегда держались вмѣстѣ. Когда же они чувствовали себя слишкомъ слабыми во мнѣніи императрицы, тогда они придерживались придворныхъ дамъ, Вяземскаго, Потемкина, избранника, наслѣдника, смотря по нуждѣ. При помощи Зубова, коварное тщеславіе и корысть Маркова одержали, наконецъ, верхъ надъ этими тремя лицами: Воронцовъ былъ удаленъ, Завадовскій только терпимъ, Безбородко вытѣсненъ. Такъ какъ императрица никоимъ образомъ не могла довольствоваться ограниченнымъ Остерманомъ, то Безбородко, какъ второй членъ иностраннаго департамента, принялъ портфель иностранныхъ дѣлъ. Зубовъ и Марковъ съ неудовольствіемъ видѣли этотъ портфель въ его рукахъ, но не имѣли приличнаго повода отнять его у Безбородко. Онъ самъ, однако, далъ имъ этотъ поводъ. По смерти князя Потемкина, всегда старавшагося продлить турецкую войну, необходимо было, по желанію императрицы, заключить миръ. Затрудненіе было лишь въ томъ, чтобъ найти человѣка, который могъ бы вести мирные переговоры. Безбородко замѣтилъ это, и отчасти изъ добродушія и изъ рвенія къ славѣ императрицы, отчасти также изъ тщеславія, желая доставить миръ имперіи, онъ предложилъ императрицѣ свою готовность принять на себя веденіе переговоровъ по ея приказанію. Но чтобъ быть увѣреннымъ въ счастливомъ исходѣ своего предложенія, онъ поставилъ условіемъ, чтобъ на время его отсутствія портфель иностранныхъ дѣлъ былъ отданъ Зубову. Этого только и хотѣли: предложеніе Безбородко, обсуженное императрицей съ Зубовымъ и чрезъ него съ Марковымъ, было принято. Безбородко получилъ повелѣніе заключить во что бы то ни стало миръ, такъ какъ кассы истощены и продолжать войну невозможно. При этомъ онъ долженъ тщательно скрывать крайнее желаніе мира, относиться къ османамъ высокомѣрно и вмѣстѣ съ тѣмъ выказать себя великодушнымъ. Этотъ посредникъ отправился. Прибывъ на мѣсто, онъ выказалъ роскошь царствующаго восточнаго сибарита и заключилъ тотъ миръ, который мы всѣ знаемъ. Но прежде еще того, въ самомъ, однако, концѣ переговоровъ, онъ сказалъ турецкимъ комиссарамъ, что у него есть еще одно условіе, безъ котораго онъ никоимъ образомъ не можетъ подписать мира. Турки испугались, пожелали узнать это условіе и пришли въ отчаяніе, узнавъ, что Безбородко, отъ имени императрицы требуетъ чудовищную сумму денегъ, 12 милліоновъ піастровъ, и заявляетъ, что безъ исполненія этого условія должны немедленно начаться враждебныя дѣйствія. Турки были въ ужасномъ положеніи. Миръ имъ былъ крайне необходимъ, но добыть денегъ было невозможно. Сперва они противились и говорили, что, при такомъ условіи, война должна продолжаться. Безбо-

Digitized by Google

родко оказался бы въ страшномъ затрудненіи, если-бъ его поймали на словѣ. Къ счастью, этого не случилось. Напротивъ, комиссары начали торговаться не о суммѣ, такъ какъ сумма не была уменьшена, но о времени уплаты, и Безбородко сдался на ихъ увѣреніе, что деньги будутъ уплачены въ короткіе сроки. Османы написали долговыя обязательства и принесли ихъ. Безбородко взялъ эти росписки въ руки, прочелъ, разорвалъ на части, бросилъ на полъ, и съ гордостью и презрѣніемъ, сказалъ: «Моя государыня не нуждается въ вашихъ деньгахъ». Этотъ поступокъ страшно понравился императрицѣ и, вѣроятно, увеличилъ награды, которыя получилъ Безбородко и которыя были чрезвычайны: онъ получилъ очень обширное имѣніе, по всей Россіи обнародованную благодарность и очень большую и дорогую масличную вѣтвь изъ брильянтовъ.

Впрочемъ, по возвращеніи, онъ былъ весьма чувствительно оскорбленъ, когда императрица сказала ему, что Зубовъ сохранитъ портфель иностраннаго департамента. Безбородко съ грустью увидѣлъ теперь, что все его значеніе пало, и съ достоинствомъ удалился. Онъ жилъ въ Петербургѣ, предаваясь наслажденіямъ всякаго рода, относился ко всѣмъ дѣламъ съ легкостью въ полномъ смыслѣ слова и наѣзжалъ въ Москву, чтобъ навѣстить своихъ друзей, недовольныхъ правительствомъ. Впрочемъ, онъ крѣпко примкнулъ къ наслѣднику и послѣдствія доказали, что онъ поступилъ очень умно. Безбородко первый увѣдомилъ воликаго князя о безнадежномъ положеніи его матери.

Когда Екатерина умерла, Безбородко былъ нѣмецкій имперскій графъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ верховнаго совѣта, обергофмейстеръ императорскаго придворнаго штата, генералъ-почтдиректоръ и кавалеръ русскихъ орденовъ. Онъ держалъ свой домъ на княжескую ногу и его доходы простирались далеко за 100,000 р.

Павелъ I наградилъ привязанность, выказанную ему Безбородко, неограниченнѣйшимъ довѣріемъ. Графъ же Безбородко никогда не колебался въ вѣрности своему государю и всегда давалъ ему самые мудрые совѣты. Въ жизни императора было замѣтно, что онъ слѣдовалъ этимъ совѣтамъ. Величайшія (ошибки) въ царствованіе Павла приходятся на время послѣ смерти Безбородко. Чтобъ удержать навсегда свое значеніе у государя, Безбородко соединился съ Кутайсовымъ, камердинеромъ императора, имѣвшимъ громадное вліяніе на своего государя. Этотъ человѣкъ, убѣжденный, что имъ руководитъ мужъ болѣе умный, чѣмъ онъ, говорилъ и дѣлалъ лишь то, что предлагалъ ему Безбородко.

Впрочемъ, въ это царствованіе Безбородко показалъ, что онъ

Digitized by Google

вполнѣ придворный человѣкъ. Его готовность льстить капризамъ императора доходила до преувеличенія. Когда Павелъ I пріѣхалъ въ Москву на коронацію, онъ остановился во дворцѣ Безбородко, самомъ обширномъ и самомъ роскошномъ во всей Москвѣ. Однажды онъ стоялъ съ императоромъ у окна, изъ котораго видѣнъ былъ великолѣпный садъ. Государь, смотрѣвшій на все съ солдатской точки зрѣнія, сказалъ, что тутъ могъ бы быть прекрасный экзерциръ-плацъ. Это было высказано безъ всякой задней мысли; когда же императоръ на другое утро проснулся и подошелъ къ окну, онъ увидалъ, что садъ обращенъ въ плацъ для обученія солдатъ. При помощи солдатъ, Безбородко въ одну ночь вырылъ всѣ деревья и кусты! Такая угодливость заслуживала большихъ наградъ и мы увидимъ, что Павелъ не остался въ долгу.

Но Безбородко не долго пользовался своимъ великимъ состояніемъ; водяная, послѣдствіе его невоздержной жизни, прекратила его дни въ апрѣлѣ 1799 года, когда ему было съ небольшимъ 50 лѣтъ.

Онъ былъ тогда русскій имперскій князь съ титуломъ свѣтлѣйшаго, носилъ портретъ императора Павла I, имѣлъ чинъ генералъ-фельдмаршала, былъ великимъ канцлеромъ имперіи, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ, генералъ-почтдиректоромъ всей имперіи, кавалеромъ орденовъ Андрея, Александра Невскаго и Анны, большаго креста (странное сопоставленіе) мальтійскаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, русскаго изобрѣтенія, и большаго креста ордена Владиміра первой степени.

Весьма просвѣщенный умъ, всегда вѣрное сужденіе и рѣдкое присутствіе духа поднимаютъ князя Безбородко до генія. Его знаніе языковъ, быстрота его работы и его политическіе взгляды были безподобны, по крайней мѣрѣ для той сцены, на которой онъ стоялъ. Прекрасными чертами его характера были добросердечіе, не знавшее злопамятства, и благодарность за благодѣянія, оказанныя ему въ юности. Никогда Зубовъ и Марковъ не чувствовали его мести и никогда онъ не забывалъ, что̀ сдѣлали для него Разумовскій и Румянцевъ. Эти добродѣтели, въ той обширной и высокой сферѣ, въ которой находился Безбородко, могли бы сдѣлать гораздо болѣе еще добра, еслибъ они не парализовались часто его недостатками. Онъ предавался всяческому сладострастію и когда заходила рѣчь о работѣ, его лѣнь была безпримѣрна. Изъ этихъ двухъ недостатковъ вытекалъ третій, несравненно болѣе вредный—онъ почти никогда не держалъ своего слова. Онъ всегда всѣмъ обѣщалъ, никогда и не думалъ объ исполненіи своихъ обѣщаній, такъ какъ онъ, конечно, часто былъ и не въ состояніи сдѣлать то, чего отъ него просили. Его домъ былъ

Digitized by Google

полонъ просителей. Часто онъ не хотѣлъ отпустить ихъ безъ утѣшенія, иногда же ловко выходилъ изъ затрудненія. Когда вся улица была запружена каретами, привезшими лицъ, ожидавшихъ его въ пріемной, онъ украдкой, черезъ задній ходъ, закутанный въ плащъ, ускользалъ изъ своего дома и оставлялъ всѣхъ просителей, которые тоже расходились по домамъ, замѣтивъ, что солнце уже не появится въ этотъ день. Въ молодыхъ годахъ Безбородко былъ очень красивъ и говорятъ, что онъ нравился многимъ дамамъ, даже высокопоставленнымъ. Въ обхожденіи онъ былъ веселъ, остроуменъ и поучителенъ.

Извѣстная щедрость обоихъ государей, при которыхъ служилъ Безбородко, заставляетъ уже ожидать, что его состояніе было громадно. Въ годъ смерти доходы его были значительно болѣе 200,000 рублей. Онъ владѣлъ 49,000 крестьянъ. Его движимое имущество, кромѣ картинной галлереи, быть можетъ, одной изъ самыхъ большихъ и дорогихъ, бывшихъ когда либо у частнаго лица, и трудно оцѣнимой, опредѣляли въ четыре милліона рублей. Бо̀льшая часть его имѣній были на Украйнѣ и въ Подоліи, но значительно болѣе прелестныя владѣнія имѣлъ онъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Его дворецъ въ Петербургѣ, и другой, на Выборгской сторонѣ, въ саду, были внутри такъ великолѣпны, что едва ли что либо подобное можно видѣть въ этомъ родѣ гдѣ либо еще; но эти дворцы—ничтожество передъ его московскимъ дворцомъ, казавшимся настоящимъ замкомъ фей. Покажется, конечно, невѣроятнымъ, что Безбородко, при такомъ большомъ состояніи, могъ оставить на милліонъ рублей долговъ, но это буквально вѣрно.

Примѣч. переводчика. Александръ Андреевичъ Безборо дко, 1747—1799. П. С. З. № 16,744, 17,708, 17,721, 17,724, 17,736, 17,929, 18,014, 18,137, 18,176, 18,209, 18,326, 18,331, 18,592, 18,594, 18,779, 18,796, 18,855, 19,554; А. Г. С. I, ч. 1, 149, 261, 459, 893; ч. 2, 2, 4, 5 sqq.; Бумаги Екатерины II (Сборникъ, XXIII, 148, 194. 490; XXVII, 227, 270, 356, 481; LVII, 1, 221, 243, 410); Финанс. документы (Сборникъ, XXVIII, 269, 400); Письма Безбородко (Сборникъ, XVI, 57, 149, 206, 288, 318; XXVI, 235, 337, 370, 395, 445, 470, 507, 526; XXIX, 513, 530, 637, 652; Чтенія, 1863, III, 185; Архивъ, 1869, 210; 1871, 234; Воронцовъ, XI, 286; XIII, 3); Записки Безбородко (Сборникъ, XXVI, 339, 385, 444, 466, 514, 528; XXIX, 513, 547, 640, 656); Докладъ о государств. доходахъ (Сборникъ, I, 297); Воронцовъ, IV, 403; V, 237, 274; VIII, 42, 46, 49, 59, 66, 74, 92, 106, 113, 127, 166, 175, 205; IX, 231, 416; X, 45; XII, 218; 221, 223; XIII, 426; XIV, 100, 107, 108, 109, 203, 262, 472, 478, 493; XVIII, 60; XXII, 33; Письмо о кончинѣ Безбородко („Русская Старина“, 1883, XXXIX, 625); Письма Гримма (Сборникъ, XXIII, 181, 218); Храповицкій,

Digitized by Google

4, 7, 15, 41, 241, 377, 431, 432, 446; Гарновскій, XV, 16, 246, 262, 479; XVI, 19; Энгельгардтъ, 58, 137; Державинъ, 597, 625, 631, 648; Записки Комаровскаго (Осмнадц. вѣкъ, I, 342, 349); Пикаръ, 151; Ségur, I, 418, 420; II, 143; Russie, 345, 356, 360; Архивъ, 1872, I, 770; Castera, II, 161, 243, 273, 301, 305, 313, 334, 401, 425; Masson, 142, 143, 293; Карабановъ, V, 677, 771: Разсказы о старинѣ (Архивъ, 1868, 1876); Отзывъ Завадовскаго (Архив., 1883, II, 126); Отзывъ де-Парело (Архивъ, 1875, II, 118; Сборникъ, XXVI, 319); Дмитріевъ, 40; Александръ Безбородко (Архивъ, 1865, 409); Жизнь канцлера Безбородко, Спб., 1805; Князь Безбородко („Р. Ст.“, III, 47; IV, 308, 571; VI, 406; VIII, 732, 887; X, 45, 772; XI, 241); Лазаревскій, Очерки малороссійскихъ фамилій (Архивъ, 1775, I, 311); Григоровичъ, Канцлеръ кн. Безбородко (Архивъ, 1874; Сборникъ, XXVI, XXIX); Вейдемейеръ, Дворъ, I, 184; II, 148; Терещенко, I, 17, II, 166; Бантышъ - К., Словарь, I, 102; Списки, 126, 231; Долгоруковъ, II, 176, 319; Карабановъ-Долгоруковъ, 110, 114, 126, 195, 199; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 340, 362; Карновичъ, Государственный человѣкъ екатерининскихъ временъ (Истор. Вѣстн., 1882, XII, 326); Соч. Державина, изд. Грота, IX, 618; Корфъ, Жизнь гр. М. М. Сперанскаго, Спб., 1861, 378; Трачевскій, Союзъ князей (Вѣстн. Евр., 1876, III, 296); Reimers, II, 354; Herrmann, VII, 395, 410, 535, 591, 593, 601, 625, 634, 637, 650; Саитовъ, 15. В. В.

XCI. БЕЗБОРОДКО II.

Этотъ Безбородко былъ младшимъ братомъ министра. О немъ намъ извѣстно только, что онъ началъ свою карьеру въ военной службѣ, которую вскорѣ оставилъ и поступилъ въ гражданскую. Онъ былъ одновременно съ братомъ возведенъ нѣмецкимъ императоромъ въ графское достоинство.

Въ 1799 году онъ былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ по 3-му департаменту и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго.

Онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ всего состоянія своего брата.

Насколько намъ извѣстно, онъ былъ женатъ [1]) и продолжилъ свой родъ [2]).

---

[1]) На Аннѣ Ивановнѣ Ширяй (1766—1824). В. В.

[2]) Сынъ графа Ильи Андреевича, графъ Андрей Ильичъ, умеръ холостымъ; изъ двухъ дочерей, старшая, Любовь Ильинишна, была за графомъ Григоріемъ Григорьевичемъ Кушелевымъ, а старшій сынъ ея, графъ Александръ Григорьевичъ, принялъ, въ 1816 году, имя и гербъ Безбородко и первый сталъ именоваться графомъ Кушелевымъ-Безбородко. В. В.

Digitized by Google

Примѣч. переводч. Илья Андреевичъ Безбородко, 1756—1815. П. С. З., № 17,606; Виже-Лебренъ, 402; Кушелевъ-Безбородко, Лицей князя Безбородко, Спб., 1859; Лавровскій, Исторія нѣжинскаго института (Извѣстія института, III, 1); Бантышъ-К., Списки, 330; Карабановъ-Долгоруковъ, 199; Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 344 [см. примѣч. подъ № 90].

В. В.

XCII. ЛАЗАРЕВЪ.

Лазаревъ, мелкій армянскій торговецъ, имѣлъ уже небольшое состояніе, когда началъ торговать въ Петербургѣ.

Онъ имѣлъ счастіе познакомиться въ Петербургѣ съ государственными людьми, которые могли помочь ему въ торговлѣ кредитомъ казны. Это были: въ началѣ—Орловы, въ послѣдующія-же времена—Потемкинъ, Вяземскій [1]), Александръ Воронцовъ и Безбородко. Эти господа входили съ Лазаревымъ въ общія предпріятія, въ которыхъ можно было только выиграть, но не проиграть. Такъ, они приняли поставку мѣдныхъ денегъ изъ Екатеринбурга [2]) въ столицы и провинціи имперіи, высылку которыхъ прежде задерживали, пользуясь мѣдью съ большою выгодою, и причиняя тѣмъ повсюду недостатокъ въ этихъ металическихъ знакахъ — обстоятельство, котораго императрица никогда не испытывала.

При участіи этого же Лазарева былъ привезенъ въ Петербургъ огромный брильянтъ. Онъ стоялъ во главѣ этого дѣла, и извлекъ изъ него наибольшую выгоду, такъ какъ выговорилъ себѣ условіе, по которому получалъ ежегодно, пока былъ живъ, пенсію въ 4,000 рублей. Съ его стороны было очень умно поставить такое условіе; но съ другой стороны было очень дурно, что на такое условіе согласились.

При помощи своихъ покровителей въ Россіи, онъ сталъ статскимъ

---

[1]) Князь Вяземскій былъ для финансовъ самымъ полезнымъ, конечно, человѣкомъ, какого когда либо имѣла Россія. Панинъ всегда дурно отзывался о немъ, но онъ былъ неправъ. Для императрицы Вяземскій былъ, быть можетъ, полезнѣе его. Онъ умеръ въ 1790-хъ годахъ, совершенно ослабѣвъ умственно, и былъ вовсе не такъ богатъ, какъ предполагали.

[2]) Екатеринбургъ, заложенный Петромъ I, есть складъ мѣдной монеты. Изъ пуда мѣди, стоящей казнѣ менѣе 5 рублей, чеканится болѣе 16 рублей мѣдной монеты.

Digitized by Google

совѣтникомъ, а чрезъ графа Кобенцля [1]), посла нѣмецкаго императора, нѣмецкимъ имперскимъ графомъ.

Онъ умеръ въ 1801 году и оставилъ 12 мильоновъ рублей.

Его хвалятъ за нѣкоторыя качества. Памятникомъ его благотворительности или тщеславія служитъ построеная имъ на Невскомъ проспектѣ, въ Петербургѣ, армянская церковь, составляющая еще и теперь украшеніе столицы.

Онъ имѣлъ сына, которому съ большими денежными пожертвованіями доставилъ мѣсто адъютанта при князѣ Потемкинѣ — шагъ, при помощи котораго сынъ легко могъ добиться высшихъ должностей. Этотъ сынъ умеръ, въ 1790-хъ годахъ, отъ оспы.

Намъ неизвѣстно, кто наслѣдовалъ большое состояніе Лазарева.

Примѣч. переводчика. Иванъ Лазаревичъ Лазаревъ, 1733—1801. А. Г. С., I, ч. 2, 19, 81, 578; Финанс. документы (Сборникъ, XXVIII, 368); Воронцовъ, XIII, 440; Храповицкій, 281; Державинъ, 863; Masson, 285, 428; Болотовъ, IV, 329, 1,284; Неизданныя сочин. Щербатова (Библіогр. Зап., II, 429); Сумароковъ, Черты Екатерины В. (Архивъ, 1870, 2084); Reimers, I, 258; О большомъ императорскомъ алмазѣ (Архивъ, 1866, 644); Замѣтка Лонгинова (Архивъ, 1863, 452); Карновичъ, Богатства частныхъ людей, 305, 363.

В. В.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Графъ Кобенцль былъ подъ конецъ австрійскимъ государственнымъ министромъ, но потерялъ это мѣсто послѣ аустерлицкой битвы.

Digitized by Google

ЕКАТЕРИНА II ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ СЪ ШВЕЦІЕЮ

Письма и повелѣнія графу В. П. Мусину-Пушкину

1788—1789 гг.

21 [1]).

„Въ С.-П.-Бургѣ. Августа 31 1788 года".

Графъ Валентинъ Платоновичь. Въ дополненіе къ указу, сего числа отъ насъ насъ къ вамъ посланному признали мы за нужное дать вамъ знать, что съ назначаемыми къ вамъ судами отправленъ будетъ одинъ прамъ, который съ пользою противу гребныхъ непріятельскихъ судовъ служить можетъ. Пребываемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

22.

„Въ С.П.бургѣ сентября 4, 1788 года".

Графъ Валентинъ Платоновичь. Нескладное требованіе герцога Сюдерманландскаго [2]) объ оставленіи поста Гангутскаго отъ флота нашего занятаго, и непристойный тонъ въ какомъ составлена его записка, сходствуютъ совершенно со всѣми другими короля Шведскаго и его приближенныхъ; почему Мы и пріемлемъ за благо образъ

[1]) См. „Русск. Стар." изд. 1887 г., т. LIII, мартъ, стр. 551—574.

[2]) Герцогъ Карлъ Зюдерманландскій, 1748—1818, младшій братъ шведскаго короля Густава III, во время малолѣтства своего племянника, Густава VI, былъ регентомъ королевства съ 1792 по 1796 г.; по низложеніи же Густава IV, вступилъ въ 1809 г. на престолъ Швеціи подъ именемъ Карла XIII.

В. В.

Digitized by Google

каковымъ вы на сіе требованіе отвѣтствовали [1]). По настоянію ихъ видно, сколь важенъ для нихъ означенный постъ, котораго занятіе нами, подвергая ихъ корабельный и легкій флотъ опасности, отъемлетъ у нихъ способы обратиться на защиту мѣстъ, сильнымъ нападеніемъ отъ Даніи угрожаемыхъ; для чего и подтвердили мы Адмиралу Грейгу стараться сохранить оный покуда только можно держаться въ морѣ. Вы не оставте теперь приложить всемѣрное стараніе выжить войска шведскія изъ границъ нашихъ по лучшему вашему усмотренію. Для споспѣшества вамъ въ томъ, наипаче-же для пресѣченія повозможности сообщенія между лагеремъ при Гокфорсѣ и Гельзенфорсомъ, суда гребные вооруженные сегодня или покрайней мѣрѣ завтрѣ къ вамъ отправлены будутъ, о которыхъ здѣлайте ваши распоряженія, и на встрѣчу имъ вышлите въ Выборгъ приказаніе ваше, а какъ скоро возвратятся люди на нихъ отъ сюда посланныя, мы и другой транспортъ послать къ вамъ неумедлимъ. Адмиралъ Грейгъ не упуститъ съ своей стороны пособствовать вамъ озабоченіемъ флота карабельнаго и легкой флотиліи Шведскихъ, дабы они необратили большей силы на сіи гребныя суда, и конечно не оставитъ воспользоваться всякимъ случаемъ удобнымъ къ нанесенію вреда и пораженію непріятелю. Пребываемъ впрочемъ вамъ благослонны «Екатерина».

23.

„Въ Царскомъ. 4 сентября, 1788 г.“.

«Изъ присланной при письмѣ вашемъ отъ 2 числа сего месеца копія съ писменнаго предложеніе герцога Сюдерманландскаго явствуетъ, что онъ достойной братъ королевской, ибо и тутъ неоставилъ впутать обиду, дерзость неуместную, и лжи; обида врассужденіе предложеніе чтобъ оставитъ Гангутъ, ибо тутъ обманъ вмыкается тотъ чтобъ войски провести въ швецію противу даніи, да здѣлать Сеймъ

[1]) Въ засѣданіи Совѣта 4 сентября 1788 г. читана „реляція графа Мусина-Пушкина отъ 2 сентября, о привезенномъ полковникомъ шведскимъ Монгомери отъ герцога Карла письменномъ предложеніи, что ихъ войска, въ Гекфорсѣ стоящія, оставятъ совсѣмъ предѣлы здѣшніе, если повелѣно будетъ и адмиралу Грейгу оставить постъ, занятый нашими военными судами у Гангута; упомянутую въ сей же реляціи обратную отсылку сего предложенія въ оригиналѣ и учиненный при томъ отъ графа Мусина-Пушкина отзывъ, что доколѣ не выдутъ шведы изъ предѣловъ здѣшнихъ, не можетъ онъ принимать отъ нихъ никакого предложенія, находилъ Совѣтъ весьма приличными“. Арх. Гос. Совѣта, т. I, ч. 1-я, стр. 604. В. В.

Digitized by Google

вооруженный, не то не другое намъ теперъ неполѣзно; дерзость за мыкается въ самомъ предложеніе, ибо дурная ихъ положеніе безъ денегъ, пропитанія, одежды да и при колебленномъ состояніе, послушаніе поданныхъ. лжи же явные находятся во первыхъ въ томъ, что читаютъ Гогфорса за ихъ граница, тогда когда намъ трактатомъ уступленно вся Кюменногорскую провинція и мы сорокъ пять лѣтъ ей владѣли безспорно, второе солгали будьто перемирье съ обѣихъ сторонъ желается, чево съ нашей стороны и думано не было, вы весьма разумно поступили и съходственно моему предписанію что послали обратно. Сей день къ вамъ отправляется отселѣ знатное число гребныхъ судовъ, кои вы желали имѣть, я надеюсь, что вы ей привѣдены будитѣ въ состояніе съ ползою действовать противу Гогфорскаго посту, люди сухопутные на оной нынѣ отправлены можете употребить какъ нужда дѣлъ того потребуетъ, но буде ихъ возвратите суда, то другой транспортъ судовъ къ вамъ отправить можно будетъ которой безъ нихъ итти не можетъ. дай Боже вамъ щастье и благополучіе, а я тому довольно, что шведской обманъ вышелъ съ наружа. Буде спренгпортенъ вамъ ненуженъ болѣе, то возвратите его къ ево посту. Финнамъ же прикажите внушить, что тонъ Герцога Сюдерманландскаго стольже для насъ оказывается обиденъ, неумѣста, дерзокъ и лживъ какъ самои Королевской, и что мы имъ прарочествуемъ, что онѣ отъ ево поступокъ и поведеніе не болѣе себя имѣютъ ожидать добра какъ отъ самаго ево величество, ибо видно, что оба братья держутся одинакимъ но несноснымъ въ обществѣ правиламъ коварства, и для тово буде къ намъ хотять быть чистосердечно, то бы ево самаго выжили отъ себя».

24.

С.-П.-бургъ, сентября 9, 1788 г.

Графъ Валентинъ Платоновичь. На обѣщанія вывести войски шведскія изъ Гекфорса и изъ границъ нашихъ, мы тѣмъ меньше считать можемъ, что уже оное не одинъ разъ дано было, но безъ исполненія осталося: но правда, что трудно намъ сказать кто обѣщалъ и съ кѣмъ мы теперь имѣемъ дѣло, когда и самые съ нами трактующіе какъ себя назвать не знаютъ, слѣдственно и коимъ образомъ можемъ на нихъ полагаться? Ибо есть-ли они и нынѣ почитаютъ себя зависящими отъ короля шведскаго, то послѣ оказаннаго со стороны ихъ

Digitized by Google

не послушанія, можетъ онъ ихъ или часть ихъ объявить Бунтовщиками, а черезъ то способы къ трактованію съ ними и затруднены будутъ, вмѣсто того что будебы они объявили себя націею вольною и независимою, ищущею помощи и заступленія противу угнѣтателя ихъ вольности и установленныхъ законовъ, тогда весьма удобно намъ будетъ вступить въ точные переговоры съ таковымъ народомъ, и подать ему сильное наше пособіе: но и въ самой сей рѣшимости предлежить крайнему уваженію намѣреніе въ нѣкоторыхъ изъ нихъ оказующееся выбрать главою своимъ Принца Карла. Изъ всѣхъ трехъ Братьевъ [1]), король почитается у собственныхъ своихъ подданныхъ лучшимъ, а принцъ Карлъ самымъ злостнымъ и мстительнымъ. Многіе его поступки, а наконецъ и на сихъ уже дняхъ присланная къ вамъ записка, сильнымъ тому служитъ доказательствомъ что образъ мыслей его не разнствуетъ отъ короля, ибо тоже оскорбленіе въ тонѣ и слогѣ, тѣже дерзость и коварство въ намѣреніи, и тѣ же явныя лжи въ изображеніяхъ тутъ видны. Буде бы онъ достигъ начальства надъ финами, то вышло бы изъ сего что онъ или общее составитъ дѣло съ королемъ, и потому для насъ будетъ вреденъ, или останется нейтральнымъ между нами и братомъ его, въ чемъ кажется нѣтъ возможности, или же противу Короля. Сіе послѣднее могло бы здѣлатся развѣ изъ того повода, что онъ похочетъ открыть путь къ коронѣ шведской; но тутъ найдетъ соперниковъ кромѣ короля, еще сына его съ матерью [2]); а въ случаѣ достиженія имъ короны, Финляндія паки приведена была бы къ Швеціи, и тѣмъ новый поводъ къ безпокойству неизбѣжному откроется. Впрочемъ успѣетъ ли онъ или не успѣетъ въ таковомъ своемъ предпріятіи, производство онаго будетъ наиждивеніи Финляндіи, и слѣдовательно въ крайній убытокъ а не пользу ея гражданъ: Мы же въ преселеніи принца Карла въ Финляндію получимъ весьма худого сосѣда, и по тому не можемъ не настоять тогда чтобы для безопасности нашей, береговая стража съ другой стороны Финскаго залива или большая часть оной намъ въ руки отдана была. Все сіе сказано къ вашему свѣдѣнію и дабы вы руководствуяся онымъ могли заранѣе распологать ваши отзывы и поступки по дѣламъ симъ; но покуда постъ Гекфоркскій и границы наши не будутъ очищены, ни какихъ предложеній слушать не должно, какъ и прежде предписано.

---

[1]) Король Густавъ III, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій и Фридрихъ Адольфъ, 1750—1803, съ 1772 г. герцогъ Остроготскій.

[2]) Будущаго короля Густава IV, съ 1809 г., по отреченіи, полковника Густавсона и его матери, супруги Густава III, королевы Софіи-Магдалины, 1746—1813, дочери датскаго короля Фридриха V. В. В.

Digitized by Google

Бригадира Гастфера [1]) въ добрыхъ его намѣреніяхъ всемѣрно утверждать нужно, и вы здѣлаите ему черезъ Генерала Маіора Барона Спренгпортена обнадеженіе что естьли онъ исполнитъ свое обѣщаніе касательно собранія особаго сейма Финляндскаго, воспользуется Нашею щедротою; какъ скоро же войски шведскія изъ Гекфорса выведены будутъ, то и прикажите барону Спренгпортену сюда пріѣхать для словеснаго съ нимъ о тамошнихъ дѣлахъ и обстоятельствахъ изъясненія. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

«Флотиллья гребная въ пути дай Боже чтобъ скарея къ вамъ благополучно доѣхали».

25.

Въ С.П.бургѣ. Сентября 16 [2]). 1788 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Съ особливымъ удовольствомъ видѣли мы изъ реляціи вашей отъ 14-го Сентября, что Шведскія войски наконецъ оставили крѣпкій постъ ихъ въ Гекфорсѣ и изъ предѣловъ нашихъ вышли. Полную справѣдливость отдаемъ тутъ вашимъ трудамъ и стараніямъ бывъ удостовѣрены что оными и дальнѣйшіе успѣхи способствуемы будутъ. По сіе время вы получили уже указъ нашъ отъ 14-го сего мѣсяца [3]), по содержанію котораго и будемъ ожидать вашихъ донесеній, а между тѣмъ, естьли вы находите что по суровости настоящаго времени войска наши требуютъ отдохновенія, дозволяемъ вамъ ввести оныя въ кантониръ квартиры, располагая

---

[1]) Баронъ Гастферъ, бригадиръ шведскаго войска. Нѣсколько дней спустя, Екатерина II, узнавъ о подпискѣ, данной Гастферомъ барону Спренгпортену, что не подниметъ оружія противъ Россіи, воскликнула: «Какіе измѣнники! Буде бы не таковъ былъ король, то заслуживалъ бы сожалѣнія, но что дѣлать? надобно пользоваться обстоятельствами: съ непріятеля хоть шапку долой». Мѣсяцъ спустя, Гастферъ просилъ 10,000 талеровъ за снятіе осады Нейшлота и просился въ русскую службу—Екатерина сказала: «хорошъ слуга au plus offrant. Однако, заплатить ему надобно». Храповицкій, изд. Барсукова, 149, 172.

[2]) Въ засѣданіи Совѣта 18 сентября 1788 г. признано необходимымъ снабдить гр. Мусина-Пушкина „повелѣніемъ, чтобы онъ, пользуясь выступленіемъ непріятеля изъ границъ нашихъ и столь позднимъ, а потому уже и не весьма удобнымъ къ военнымъ дѣйствіямъ временемъ, учинилъ съ своей стороны надлежащія распоряженія, дабы Фридрихсгамъ и другія крѣпости осмотрѣны, исправлены и приведены были въ состояніе противустоять предпринимаемымъ иногда вновь отъ непріятеля поискамъ". Арх. Гос. Сов. I, 1, 607.

[3]) Этого указа въ бумагахъ нашихъ не оказалось. В. В.

Digitized by Google

такимъ образомъ чтобъ въ случаѣ, буде предстанетъ надобность и возможность здѣлать какой либо на непріятеля поискъ, были они готовы къ самоскорѣйшему выступленію. Баталіоны и эскадроны гвардіи, такожъ и ту гвардейскую команду, которая на судахъ гребныхъ отсюда послана была прикажите отправить въ столицу, оба Кирасирскіе полка отпустите въ ихъ квартиры, а полкъ Карабинерный, буде онъ по усмотрѣнію вашему нуженъ и помѣщеніе его тамъ удобно, можете оставить съ прочими войсками въ Финляндіи. Весьма полезно и нужно было-бы, чтобъ при занятіи Гокфорса и другихъ постовъ служащихъ къ закрытію границъ нашихъ, на оныхъ построены были жилища для выгоднаго помѣщенія войскъ, или командъ, туда отряжаемыхъ; о чемъ вы по лучшему на мѣстѣ усмотрѣнію не оставте здѣлать потребныя распоряженія; а выборгскій губернаторъ и въ общѣ тамошнее земское начальство долженствуютъ вамъ въ исполненіи того подать всякую помощь. Гребные суда въ Кронштадтъ не возвращать, но оставить на зиму въ Выборгѣ; а еще и лучше былобы въ Фридрихсгамѣ, буде можно только, принявъ всѣ мѣры надобныя, какъ къ выгодѣ людей и сохраненію судовъ, такъ и предостереженію, дабы въ зимнее время непріятель не успѣлъ въ какомъ либо на вредъ или истребленіе ихъ покушеніи.

Пребываемъ всегда вамъ благосклонны «Екатерина».

26.

Въ С.П.бургѣ Сентября 28. 1788 г.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Для удобнѣйшаго объясненія о всемъ касающемся до настоящихъ нашихъ дѣлъ съ шведами и финнами и для снабдѣнія васъ дальнѣйшими повелѣніями, я желаю, чтобъ вы сюда [1]) на нѣсколько дней пріѣхали. Пребываю впрочемъ Вамъ благосклонная «Екатерина».

27.

Въ С.П.бургѣ. Октября 18. 1788 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. На будущую компанію противу непріятеля Нашего Короля Шведскаго назначается гребной флотъ, и въ числѣ онаго полагается судовъ по Шведской образъ построен-

[1]) 7-го октября гр. Мусинъ-Пушкинъ былъ уже въ Петербургѣ (Храповицкій, стр. 174), гдѣ засѣдалъ въ Совѣтѣ и, между прочимъ, подписалъ протоколъ засѣданія 2 января 1789 г., когда обсуждался вопросъ о намѣреніи Финляндіи отложиться отъ Швеціи. Арх. Гос. Сов., I, 1, 655—660. В. Б.

Digitized by Google

ныхъ и галеръ по крайней мѣрѣ тридцать, кромѣ шебекъ, катеровъ, бомбардирскихъ, канонерскихъ и иныхъ: а какъ дѣйствія сего гребнаго флота съ таковыми же арміи вами предводимой сопряжены неразрывно; то и поручаемъ вамъ теперь же по сношенію съ вице-президентомъ Адмиралтейской Коллегіи Графомъ Чернышевымъ [1]), сколько какого рода судовъ для составленія помянутаго гребнаго флота имѣется и построено быть можетъ, освидѣтельствовать изъ галеръ тѣ, кои готовы уже, могутъ ли благонадежнымъ образомъ и съ пользою для службы Нашей употреблены быть, или же требуютъ передѣлки или исправленій; да и вообщѣ постановить съ нимъ сколько какихъ судовъ потребно, дабы сія часть силъ Нашихъ на слѣдующій годъ въ преимущественномъ количествѣ предъ непріятелемъ вытти могла, и потому что можно успѣть вновь построить или передѣлать, о чемъ и будемъ ожидать вашего обстоятельнаго репорта. Для осмотра галеръ вы можете взять къ пособію вашему кого разсудите за благо изъ чиновъ Адмиралтейскаго вѣдомства. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны «Екатерина».

28.

Въ С.П.бургѣ. Ноября 10 1788 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Какъ по настоящимъ обстоятельствамъ не можно отнюдь отъ бригадира Гастфера и другихъ финовъ ожидать какого либо въ тамошнихъ дѣлахъ пособія, то и прикажите Генералу Маіору Барону Шулцу извѣстныя три тысячи червонныхъ сюда возвратить. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. «Екатерина».

«Да отъ Рубана отберитѣ данные деньги и потребуете отщетъ въ издержанныхъ».

29.

(4 февр. [2])—6 мая 1789).

«Прикажите изъ Выбурха суда привесть пленнаго шведкаго маладова Армфелда [3]) которой впрошедшую лѣту взять и съ докторомъ и третіи пленны съ ними взятаго и пошлите ихъ теперъ къ

---

[1]) Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, 1726—1797, сенаторъ, дѣйствительный камергеръ.

[2]) 4-го апрѣля 1789 г. „подписанъ рескриптъ къ гр. Мусину-Пушкину о компаніи, согласной съ отзывомъ ея величества, и тутъ приложены оба плана Пистора". Храповицкій, 271. В Б.

[3]) Плѣненіе Армфельда, о которомъ донесено было особою реляціею (Собр. рел. II, 8), подвергавшееся г. Брикнеромъ сомнѣнію, только потому

Digitized by Google

Князю Потемкину, буде же еще есть въ финландіи пленные шведскіе офицеры пришлите ихъ къ нему же да и впредъ не держите не единаго Шведскаго офицера пленнаго въ финландіи».

30.

Въ С. П. Бургѣ. Апрѣля 10 [1]) 1789 г.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Объ отправленіи изъ числа назначенныхъ въ Финляндскую армію баталіоновъ, по одному отъ каждаго полку гвардіи данъ указъ нашъ въ тѣ полки, съ тѣмъ чтобъ Артиллерія, обозы и всѣ тягости переправлены были черезъ Неву, покуда проѣздъ черезъ оную еще безъопасенъ. Какъ скоро сіи тягости перевезены будутъ, прикажите старшему изъ находящихся при нихъ офицеровъ принять ихъ въ команду, покуда самые баталіоны гвардіи съ ними сойдутся; а какимъ образомъ симъ баталіонамъ одному за другимъ слѣдовать дабы въ пути имъ предлежащемъ имѣли нужныя для нихъ выгоды, неоставте здѣлать надлежащія распоряженія, и о томъ, какъ съ полками гвардіи снестися такъ и посылаемому нынѣ при баталіонахъ генералу-маіору и гвардіи Измайловскаго полку преміеръ-маіору Арбеневу [2]) дать ваши предписанія. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

31.

Въ С. П. бургѣ. Апрѣля 23. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Движеніе непріятельское на границахъ, усиленіе постовъ и разныя пріуготовленія можно болѣе приписать опасенію входа Нашихъ войскъ въ его границы; но не меньше нужно и со стороны Нашей брать всѣ мѣры осторожности, о чемъ подтверждая вамъ желаемъ чтобъ вы Насъ извѣстили, какія вами

что „нигдѣ болѣе не упоминается объ этомъ“, должно стать теперь и для него несомнѣннымъ фактомъ. В. Б.

[1]) 17-го апрѣля 1789 г. «подписанъ указъ гр. Мусину-Пушкину, чтобъ въ разныхъ мѣстахъ сильнѣе ударить и привесть ихъ (шведовъ) въ неизвѣстность, откуда опасаться имъ нападенія, а теперь двухъ плѣнныхъ отпустить для истолкованія, что переходили за Кюмень для того, что они начали нападать на наши посты“. Храповицкій, 275.

[2]) Іосафъ Іевлевичъ Арбеневъ. По словамъ Екатерины II, этотъ Арбеневъ, ведя измайловцевъ въ Финляндію, говорилъ, что „съ роду не видалъ людей толь усердныхъ“. См. записку къ П. А. Зубову (Сборн. русс. ист. об., XLII, стр. 338, № 295), время составленія которой опредѣляется теперь довольно точно. В. Б.

Digitized by Google

здѣланы распоряженія относительно исправленія Фридригсгамской крѣпости и вообще приведенія границъ Нашихъ въ оборону, да и объ успѣхахъ въ томъ Насъ ежечасно увѣдомляли. Впрочемъ, мы имѣемъ добрую надежду, что вы такимъ образомъ все устроили, что непріятель не токмо встрѣтитъ для себя уронъ, гдѣ онъ въ предѣлы Наши вторгнуться покусится; но и самъ еще отъ Нашихъ войскъ озабоченъ будетъ на основаніи данныхъ отъ Насъ вамъ предписаній. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны

«Екатерина».

32.

Въ С. П. Бургѣ. Апрѣля 28. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Донесеніе ваше отъ 26-го сего мѣсяца объ отраженіи непріятельскаго нападенія на постъ Нашъ Сомменемскій [1]) и о прогнаніи его съ урономъ, вчера Мы получили. Расторопность начальниковъ и храбрость ихъ и всего войска Нашего заслуживаютъ наше особливое благоволеніе, которое вы имъ объявите. Видѣвъ впрочемъ изъ сего донесенія вашего, что непріятель тутъ имѣлъ пушки, но не усматривая были ли оныя при нашемъ пѣхотномъ отрядѣ, желаемъ, чтобъ вы Насъ о томъ увѣдомили. Сіе весьма было бы полезно и нужно; ибо инако пѣхотнымъ Нашимъ постамъ трудно будетъ держаться противу нападенія такихъ войскъ, которые по видимому вездѣ пушки употребляютъ. Еще бы лучше и надежнѣе было, естьли бы Наши посты и мосты укрѣплены были редантами и редутами, какъ гдѣ удобнѣе, о чемъ и приложите всевозможное стараніе.

По другому донесенію вашему отъ того-же 26-го Апрѣля, объ укрѣпленіи Фридрихсгама и о прочемъ, Мы довольны вашими распоряженіями, и надѣемся, что попеченіемъ вашимъ помянутая крѣпость въ предположенное ей отъ Насъ, а и другія мѣста въ надежное къ оборонѣ состояніе скоро приведены будутъ. Работникамъ отъ земли, къ симъ укрѣпленіямъ наряжаемымъ, прикажите производить мѣсячный провянтъ противъ рядоваго, зачитая имъ оный въ число заработныхъ денегъ: а дабы сія дача ни малѣйшаго оскудѣнія въ пропитаніи войскъ не причинила, велѣно отъ Насъ такое количество, каковое потребно будетъ по числу работниковъ, замѣнить новымъ доставленіемъ въ провянтскіе тамошніе магазеины. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны. «Екатерина».

---

[1]) Собраніе реляцій, II, 22.

Digitized by Google

33.

Въ Царскомъ Селѣ. Мая 4. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Въ слѣдъ за извѣстіемъ, вчера присланнымъ отъ генерала Каменскаго [1]) изъ Молдавіи о весьма удачномъ поискѣ 16-го Апрѣля произведенномъ Генераломъ Порутчикомъ Дерфелденомъ [2]) надъ непріятелемъ при Максиненахъ на рѣкѣ Серетѣ, гдѣ турки потеряли болѣе 400 убитыхъ, мы-же получили въ плѣнъ дву-бунчужнаго Якубъ-пашу, двухъ Бин-башей и болѣе ста другихъ, да въ добычу пушку и четыре знамя, и получила я сегодня новое увѣдомленіе, что 20-го того-же мѣсяца помянутый Генералъ-Порутчикъ Дерфелденъ на Дунаѣ при Галацѣ одержалъ знатную побѣду отаковавъ непріятеля, въ двухъ укрѣпленіяхъ державшагося, и выбивъ его изъ оныхъ по жестокой болѣе трехъ часовъ продолжавшейся оборонѣ. Непріятель потерялъ тутъ убитыми до 1500 человѣкъ: Главнокомандовавшій симъ корпусомъ Ибрагимъ-паша со множествомъ чиновныхъ и болѣе тысячи другихъ турковъ взяты въ плѣнъ. Весь лагерь, обозъ, артиллерія и знамена намъ въ добычу достались. Потеря съ нашей стороны состоитъ до 60 убитыхъ и до ста раненныхъ. Въ слѣдующее воскресеніе принесено будетъ здѣсь при пушечной пальбѣ благодареніе Богу поборнику по справедливости дѣла нашего. Я желаю чтобъ вы то-же и у себя здѣлали, и чтобъ о сихъ произшествіяхъ какъ въ арміи ознаменили такъ и до свѣденія въ сосѣдствѣ довели. Пребываю вамъ благосклонная «Екатерина».

34.

Въ Царскомъ Селѣ. 4 Мая. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь! Разныя извѣстія ваши о поискахъ надъ непріятельскими постами во многихъ мѣстахъ удачно произведенныхъ, Мы получили, видѣвъ съ удовольствомъ храбрость войска Нашего и расторопность начальниковъ, о чемъ вы имъ дайте знать.

---

[1]) Михаилъ Ѳедотовичъ Каменскій, 1738—1809, генералъ-аншефъ, возбудившій своимъ поведеніемъ, по случаю смерти кн. Потемкина, немилость Екатерины II и возведенный Павломъ I, въ день же коронаціи, въ графское достоинство. Сынъ его, графъ Николай Михайловичъ, прославился во время финляндской войны 1808 года.

[2]) Отто Вильгельмъ фонъ-Дерфельденъ, вступилъ въ службу въ 1754 г.; съ 1786 г. генералъ-поручикъ. В. Б.

Digitized by Google

О лошадяхъ для подвижнаго магазеина, который по собственному донесенію вашему нуженъ вамъ будетъ, въ то время когда настанетъ удобность къ наступательнымъ дѣйствіямъ снеситеся съ выборгскимъ губернаторомъ, сколько можно получить подводъ изъ тамошней губерніи, хотя назнача имъ довольную плату, а потомъ сообразя не можно ли будетъ замѣнять еще нѣкоторое число подвозомъ на судахъ наемныхъ пріохраненіи гребнаго флота Нашего, увѣдомте насъ нужно ли еще будетъ въ дополненіе таго имѣть и какое количество подводъ для означеннаго магазеина. Пребываемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

35.

Въ Царскомъ Селѣ. 15 Мая. [1]) 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Храбрый отпоръ Рускольскаго Нашего поста противу непріятельскаго въ превосходныхъ силахъ нападенія, заслуживаетъ особливую похвалу, которую вы отъ именн Нашего тутъ подвизавшимся объявите. За багажъ солдатскій при семъ случаѣ созженный, прикажите заплатить изъ казны Нашей по достовѣрнымъ выправкамъ; да и Офицерамъ, кои тутъ отъ пожара [2]) потерпѣли убытокъ, прикажите такъ же выдать за треть не въ зачетъ жалованье.

Что принадлежитъ до требованія Шведскаго Бригадира Штединга [3]) къ Генералу-Маіору Барону Шульцу и къ Маіору Пистоленкорсу [4]) присланнаго, дабы сей послѣдній будто-бы на слово отпущенный Бригадиромъ Гастферомъ, у нихъ явился, прикажите Генералу-Маіору Барону Шульцу отвѣтствовать, что Пистоленкорсъ не

[1]) 17-го мая 1789 г. гр. Мусину-Пушкину „посланъ указъ“ съ апробаціею его намѣренія взять Христину. Храповицкій, 284.

[2]) „Пожаръ, произшедшій отъ сильнаго огня непріятеля и объявшій позади редута находящееся строеніе, въ которомъ хранились нѣкоторыя аммуничныя вещи и багажъ офицерскій и солдатскій“. Собр. реляцій, II, 25.

[3]) Куртъ Стединг (Stedingk), 1746—1837, позже графъ и фельдмаршалъ. До заключенія верельскаго мира находился при шведскомъ войскѣ а послѣ мира—въ Петербургѣ, шведскимъ посланникомъ; ему же суждено было подписать фридрихсгамскій договоръ 1809 г. Другъ Густава III, уважаемый Екатериною II, боецъ за освобожденіе Америки, храбрость котораго признавалась даже врагами, авторъ „Мемуаровъ“, обличающихъ умъ, талантъ и веселый нравъ.

[4]) Тотъ самый, который „провожалъ“ Стединга въ его посѣщеніи Нишлота и „при переправѣ въ лодкѣ правилъ рулемъ“, если вѣрить письму Стединга отъ 24 іюня 1788 г. Mémoires, I, 88. В. В.

Digitized by Google

могъ отнюдъ почитаться военноплѣннымъ, для того что будучи въ отставкѣ жилъ онъ покойно въ своемъ домѣ, и захваченъ не въ дѣлѣ военномъ, но прежде нежели война со стороны Короля Шведскаго противъ Насъ объявлена была: требуемыхъ же плѣнныхъ Шведскихъ въ замѣну тѣхъ Россійскихъ подданныхъ, кои Бригадиромъ Гастферомъ захвачены и отпущены послать неможно, для того, что у насъ съ королемъ Шведскимъ никакого о размѣнѣ плѣнныхъ постановленія нѣтъ; да и что когда нѣкоторые изъ Шведскихъ плѣнныхъ поединому Нашему великодушію отпущены были, не приняты въ границы: а Мэіоръ Пистоленкорсъ долженъ отвѣтствовать, что онъ ничего самъ сказать не можетъ, а ссылается на отповѣдь начальства. Пребываемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

36.

Въ Царскомъ Селѣ. Мая 22 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Обнародованіе плаката [1]) отъ имени вашего при вступленіи войскъ нашихъ въ Шведскія границы мы почитаемъ нужнымъ, почему въ слѣдъ за симъ доставить вамъ оный неумедлимъ. Карабли и фрегаты изъ Кронштата для составленія флота Адмираломъ Чичаговымъ [2]) предводимаго были уже за нѣсколько дней на рейду выведены, а вчера большая часть ихъ въ путь отправилися. На гребной флотъ съ завтрешняго дня начнутъ сажать войски, и къ скорѣйшей его высылкѣ принято будетъ всевозможное попеченіе. Баталіоны гвардіи отправятся подъ командою бригадира и гвардіи Измайлскаго полку Секундъ-Маіора Кушелева [3]), а для начальства надъ полевыми войсками нужно чтобъ вы поспѣшили прислать сюда Генерала-Маіора Страндмана [4]). Бригадиръ Врангель [5]) наряженъ при морскихъ солдатскихъ баталіонахъ. Впрочемъ

[1]) Еще 29 іюля 1788 г. была «дана записка, чтобы составить плакаты для финцовъ шведовъ, дабы, не пріемля оружія, оставались спокойны въ домахъ своихъ». Храповицкій, 119.

[2]) Василій Яковлевичъ Чичаговъ, 1726—1809, адмиралъ, во время шведской войны особенно отличившійся. Екатерина II высоко цѣнила эти его заслуги, видя въ немъ «послѣдователя примѣра, побѣдителемъ при Чесмѣ показаннаго".

[3]) Иванъ Ивановичъ Кушелевъ, состоявшій при в. к. Александрѣ Павловичѣ; позже сенаторъ.

[4]) Оттонъ Густавовичъ Штрандманъ, который, по отзыву Екатерины II, отъ 19 окт. 1789 г., „почти ослѣпъ", и подлежалъ замѣнѣ другимъ лицомъ.

[5]) Карлъ Ивановичъ Врангель, отличавшійся въ первую турецкую войну, бывши подполковникомъ. В. В.

Digitized by Google

мы не оставимъ взять мѣры чтобъ сіе вооруженіе колико можно сильнѣе было, и чтобъ въ общѣ доставлены вамъ были способы къ надежному произведенію въ дѣйство вашихъ предпріятій. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны. «Екатерина».

37.

Въ Царскомъ селѣ. Іюня 2. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Указомъ Нашимъ отъ 22-го Мая вы уже предъувѣдомлены, что три баталіона пѣхотныя полковъ Нашей гвардіи посажены и отправлены на гребномъ флотѣ подъ командой Бригадира и гвардіи Измайловскаго полку Секундъ-Маіора Кушелева. Какъ скоро по прибытіи сихъ баталіоновъ къ Фридрихсгаму или другому мѣсту отъ васъ назначаемому вы признаете за благо ихъ снять замѣняя прочими войсками, то и прикажите помянутому гвардіи Секундъ-Маіору сюда возвратиться. Но буде бы по обстоятельствамъ баталіоны гвардіи на гребномъ флотѣ такъ скоро сняты и другими войсками замѣнены быть не могли, въ такомъ случаѣ гвардіи маіора Кушелева возвратите, а для команды надъ ними на судахъ пошлите генерала-маіора Арбенева, тѣмъ болѣе что генералъ-маіоръ и гвардіи Преображенскаго полку преміеръ-маіоръ Татищевъ [1]) назначенный при всемъ отрядѣ гвардіи, для принятія начальства надъ нимъ, въ слѣдъ за симъ отправится. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны «Екатерина».

38.

Въ Царскомъ Селѣ. Іюня 2. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Получая сей часъ пріятное извѣстіе о вступленіи войскъ нашихъ въ непріятельскія границы, поздравляю васъ успѣхомъ, тутъ одержаннымъ. Относя оный во первыхъ къ благоразумнымъ вашимъ распоряженіямъ, поручаю вамъ объявить Мое благоволеніе Генералу-Порутчику Михельсону и прочимъ усердно и храбро тутъ подвизавшимся. Ожидаю дальнѣйшихъ отъ васъ извѣстій, между тѣмъ плакаты къ вамъ уже доставлены, и я желаю чтобъ они въ дѣйствіяхъ вашихъ принесли пользу и пособіе. Флотъ гребной изъ Кронштата отправится чрезъ три дня тоесть 5-го Іюня.

---

[1]) Николай Алексѣевичъ.

Digitized by Google

Сіе весьма нужно было для приведенія всего въ лучшую исправность. Остаюсь на всегда вамъ благосклонная «Екатерина».

39.

„Въ Царскомъ селѣ". Іюня 5-го 1789 года".

Графъ Валентинъ Платоновичъ! Пополнительное донесеніе ваше отъ 2-го Іюня о пораженіи непріятеля при Кири и о занятіи Христины, Мы съ особливымъ удовольствомъ получили. Повторяя признаніе Наше къ вашимъ трудамъ, желаемъ чтобъ вы Генералу-Порутчику Михельсону и прочимъ ревность и храбрость тутъ оказавшимъ, преподали новыя увѣренія о нашемъ къ нимъ отличномъ благоволеніи, и что Мы неприминемъ явить имъ знаки онаго. О контузіи, полученной Генералъ-Маіоромъ Денисовымъ [1]), сожалѣемъ и ожидаемъ увѣдомленія въ какомъ онъ нынѣ состояніи. Дай Богъ вамъ благополучные успѣхи и во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

40.

„Въ Царскомъ селѣ. 12-го іюня 1789 года".

Графъ Валентинъ Платоновичъ. При самомъ отправленіи курьера къ вамъ получила я вашу реляцію отъ 10-го іюня о движеніяхъ непріятельскихъ на лѣвомъ вашемъ флангѣ. Я увѣрена что у васъ взяты достаточныя мѣры къ отраженію непріятеля и къ обращенію въ гибель покушеній его какъ къ сторонѣ Фридрихсгама, такъ и на корпусъ Генерала-Порутчика Михелсона буде бы онъ туда обратилъ знатныя силы. Гребной флотъ былъ еще и вчера у Толбухина Маяка по причинѣ противнаго вѣтра. Извѣстія отъ васъ полученныя сообщены Вице-Адмиралу Нассау-Зигенъ [2]), который не преминетъ поспѣ-

---

[1]) Ѳедоръ Петровичъ Денисовъ, походный атаманъ донского войска. Свое участіе въ шведской войнѣ 1789 г. онъ началъ удачнымъ выполненіемъ плана кн. Потемкина (Сборн. русск. ист. общ., XLII, 60) и затѣмъ во все время войны отличался храбростію и распорядительностью (Собр. реляцій, II, 20, 29, 34, 35, 45, 91, 95, 103).

[2]) Принцъ Карлъ Гейнрихъ Нассау-Зигенъ, 1745—1805, въ русской службѣ съ 1780 г.; съ 1788 г. вице-адмиралъ; въ шведскую войну начальствовалъ галернымъ флотомъ, разбилъ шведовъ при Свенскзундѣ, 13-го августа 1789 г., и при Свенскзундѣ же былъ разбитъ шведами, 28-го іюня 1790 г. В. В.

Digitized by Google

шить къ мѣсту отъ васъ назначенному, коль скоро время дозволитъ. Съ удовольствомъ извѣщаюся о производствѣ работъ фридрихсгамскихъ. Пребываю всегда вамъ доброжелательная «Екатерина».

41.

„Въ Царскомъ селѣ. 9-го іюня 1789 года".

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Въ воздояніе усердія къ службѣ и отличной храбрости, генералъ-маіоръ Денисовъ и камеръ-юнкеръ и гвардіи капитанъ Бибиковъ [1]), съ симъ получатъ данные имъ военные ордены Святаго Георгія, первый — третьяго, а послѣдній четвертаго класса. Генералъ-маіору барону Спренгпортену пожаловали мы въ вѣчное и потомственное владѣніе состоящій за нимъ безъ платежа арендныхъ денегъ могилевской экономіи нынче Кулешевскій. Преміеръ-маіору и войска донскаго походному полковнику Леонову [2]) объявите чинъ подполковника. Сына маіора Спренгпортена [3]) жалуемъ арміи нашей въ капитаны предоставляя вамъ помѣстить сходно желанію его въ пѣхотѣ или конницѣ. При награжденіи прочихъ отличившихся чинами, отъ васъ зависящемъ неоставте безъ уваженія и башкирскихъ старшинъ ревность и храбрость ихъ оказавшихъ, для вящаго къ тому сего войска поощренія.

О генералахъ-Маіорахъ баронѣ Спренгпортенѣ, Денисовѣ и Бергманѣ [4]), такожь камеръ-юнкерѣ и гвардіи капитанѣ Бибиковѣ увѣдомте насъ въ какомъ они состояніи послѣ ранъ ими полученныхъ находятся, и дайте имъ знать что мы скорѣйшаго имъ выздоровлѣнія желаемъ. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны «Екатерина».

---

[1]) Александръ Александровичъ Бибиковъ, 1765—1822, предводитель петербургскаго ополченія въ 1812 г. и авторъ „Записокъ о жизни и службѣ А. И. Бибикова". О его подвигахъ въ шведскую войну см. Собр. реляцій, II, 29, 35, 56 и 70.

[2]) „Генералъ-порутчикъ Михельсонъ похваляетъ съ отличною храбростію и неустрашимостью поступавшаго премьеръ-маіора и войска донскаго полковника Леонова, которой вездѣ тамъ находился, гдѣ была наибольшая опасность, потерявъ двухъ лошадей, подъ нимъ убитыхъ". Собр. реляцій, II, 30.

[3]) Раненый „въ дѣлѣ при Сантъ-Михелѣ", баронъ Спренгпортенъ-сынъ былъ позже рекомендованъ кн. Потемкину самою императрицею. Сбор. русск. истор. общ., XLII, 74.

[4]) Петръ Ѳедоровичъ Бергманъ, котораго кн. Потемкинъ предлагалъ въ вице-полковники лейбъ-гренадерскаго полка, „моего любимаго", по словамъ Екатерины II (Сборн. русск. истор. общ., XXVII, 522). О дѣятельности П. Ѳ. Бергмана въ шведскую войну см. Собр. реляцій, II, 34, 35, 84. В. В.

Digitized by Google

42.

Въ Царскомъ Селѣ Іюня 10 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Генералу Маіору Барону Шулцу за его ревностную службу и труды въ охраненіи границъ, и поискъ предъ Сулковымъ надъ непріятелемъ толь удачно произведенный, пожаловали Мы орденъ Святаго Владиміра большаго креста второй степени, который вы ему доставте, прочимъ же въ дѣлѣ семъ подвизавшимся объявите Наше благоволеніе. Мы теперь ожидаемъ дальнѣйшихъ извѣстій о дѣйствіяхъ вашихъ, желая чтобъ они добрыми успѣхами сопровождаемы были. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

43.

Въ Царскомъ Селѣ Іюня 12 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь! Извѣстіемъ о пораженіи непріятеля передъ Сантъ-Михелемъ и занятіи сего мѣста, Мы тѣмъ болѣе обрадованы были, что сіе важное предпріятіе вашими благоразумными распоряженіями и ревностными трудами и храбростію Генерала-Порутчика Михельсона и прочихъ подъ его начальствомъ бывшихъ, произведено было съ малымъ для насъ урономъ. Заслуги тутъ отличившихся Мы неоставимъ безъ надлежащаго воззрѣнія; а между тѣмъ вѣдая вашу добрую волю напередъ увѣрены, что вы пользуяся успѣхами вашихъ предпріятій, оные далѣе и далѣе во вредъ непріятеля Нашего и на пользу Нашу распространять будете. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны «Екатерина».

44.

Въ Царскомъ Селѣ Іюня 26 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Поверхность одержанную отрядомъ нашимъ при Паркалаутѣ подъ командою флота капитана втораго ранга Шешукова надъ Шведами, усмотрите изъ копіи реляціи Адмирала Чичагова. Вы тутъ увидите такъ же что непріятель употребилъ каленыя ядра [1]), чѣмъ далъ право и въ нашу сторону на

[1]) „На батареѣ найденъ сдѣланный горнъ для каленія ядеръ, коихъ 15 были еще въ огнѣ“. Собр. реляцій, II, 44. В. В.

Digitized by Google

употребленіе равныхъ же способовъ къ его истребленію [1]). Постъ при Паркалаутѣ по важности и пользѣ имъ приносимой пресѣченіемъ сообщенія гребнымъ судамъ Шведскимъ между Гелзенфорсомъ и разными мѣстами къ весту лежащими, будетъ удерживаемъ и подкрѣпленъ отъ резервной ескадры, которая какъ вамъ извѣстно во свое время будетъ служить въ пособіе дѣйствій на сухомъ пути и отъ гребнаго флота производимыхъ, какъ скоро токмо Богъ поможетъ отразить первыя непріятельскія усилія, въ чемъ вамъ наилучше успѣть желаемъ. Пребывая всегда вамъ благосклонны «Екатерина».

45.

Въ Царскомъ селѣ [2]) 29 Іюня 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ! Изъ двухъ реляцій вашихъ отъ 27 Іюня, пріятно Намъ было освѣдомиться что непріятельскія покушенія на десантъ, такожъ противу отряда въ Скоби, не имѣли удачи и были отъ нашихъ отражены. Вскорѣ надѣемся получить добрыя извѣстія и о дальнѣйшихъ успѣхахъ вашихъ.

Вице-Адмиралъ Принцъ Нассау, по ревности своей къ службѣ просилъ Насъ, чтобъ въ случаѣ высадки войскъ съ флота, не лишился онъ начальства надъ ними; почему и прикажите буде по усмотренію вашему окажется надобность снять изъ оныхъ знатное количество для дѣйствія на твердой землѣ, имѣть ему надъ ними команду; до возвращенія-же его, на флотѣ гребномъ будетъ начальствовать Генералъ-Маіоръ графъ Литта [3]). Пребываемъ всегда вамъ благосклонны «Екатерина».

«Вы въ особе Принца Нассау получите одново храбраго Предводителя болѣе».

---

[1]) Каленыя ядра не были новостью и для русскихъ войскъ; ихъ употребляли въ борьбѣ съ шайками Пугачева. Дубровинъ, Пугачевъ и его сообщники, II, 269.

[2]) Въ засѣданіи Совѣта 2-го іюля 1789 г. признано необходимымъ „предписать гр. Мусину-Пушкину дать генералу-поручику Тутолмину повелѣніе о сдѣланіи диверсіи произведеніемъ поиска въ предѣлы шведскіе находящимися въ Олонецкой губерніи войсками нашими". Арх. Гос. Сов. I, 1, 710.

[3]) Графъ Юлій Помпеевичъ Литта, 1765—1840, въ русской службѣ съ 1789 г.; за участіе въ роченсальмскомъ сраженіи произведенъ въ контръ-адмиралы; позже онъ былъ полномочнымъ министромъ мальтійскаго ордена.

В. В.

Digitized by Google

46.

Въ Царскомъ Селѣ. Іюля 6-го 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ! Распоряженія вами здѣланныя о дѣйствіяхъ и особливо чтобъ Вице-Адмиралъ Принцъ Нассау-Зигенъ учинилъ высадку войска сухопутнаго на берегъ между Ловизою и Борго, Мы пріемлемъ за благо, въ доброй надеждѣ, что при исполненіи сего взяты будутъ противу непріятельскихъ покушеній всѣ нужныя осторожности къ достаточной оборонѣ и обезпеченію судовъ, съ коихъ сей десантъ учинится. Пребываемъ вамъ всегда благосклонны «Екатерина».

47.

Въ Царскомъ селѣ. Іюля 7. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Съ удовольствомъ получили мы ваше донесеніе отъ 5-го Іюля о разбитіи Генераломъ Маіоромъ Денисовымъ непріятеля [1]) противу него покусившагося, о чемъ подробныхъ извѣстій ожидаемъ пребывая вамъ благосклонны «Екатерина».

48.

Въ Царскомъ Селѣ. Іюля 9 [2]) 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Генералу-Маіору Денисову въ знакъ особливаго нашего благоволенія къ его усердію и храбрости съ каковыми учинилъ онъ отпоръ непріятельскому покушенію отъ Ковалы, пожаловали мы золотую съ алмазами саблю, которую прикажите ему доставить. Объявите и прочимъ, подъ начальствомъ его отличное мужество въ дѣлѣ семъ оказавшимъ что мы съ особливымъ вниманіемъ взираемъ на подвиги ихъ. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны «Екатерина».

---

[1]) Шведскій отрядъ, подъ командою генералъ-маіора Кульбарса, стоявшій при Коувалѣ, былъ разбитъ 4-го іюля и преслѣдуемъ до ночи, при чемъ шведы потеряли болѣе 300 человѣкъ только убитыми (Собр. реляцій, II, 45).

[2]) 9-го же іюля 1789 года, въ Совѣтѣ, послѣ обсужденія предложенія пр. Нассау-Зигенъ, рѣшено „представить“ на благоусмотрѣніе гр. Мусина-Пушкина „употребленіе войскъ десантныхъ“. Арх. Гос. Сов. I, 1, 714.

В. В

Digitized by Google

49.

Въ Царскомъ Селѣ. 14 Іюля 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Три реляціи ваши, первую отъ 10-го Іюля объ отраженіи полковникомъ Фроловымъ Багрѣевымъ нападенія непріятельскаго на постъ въ Тавасталѣ, и обращеніи сего покушенія во вредъ непріятелю [1]); вторую—отъ 11-го о прогнаніи шведскаго войска за Кимень при Коувалѣ и о прочемъ, и наконецъ третію объ отступленіи его къ Анъялѣ, такожъ о добрыхъ распоряженіяхъ вашихъ къ дальнѣйшимъ противу короля шведскаго предпріятіямъ мы получили съ особливымъ удовольствомъ желая вамъ наилучшихъ успѣховъ. Оказавшимъ въ помянутыхъ произшествіяхъ отличное мужество и расторопность объявите наше благоволеніе. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

50.

Въ Царское Село. Іюля 15. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ! Реляціи ваши о дѣлѣ при Сантъ-Михелѣ подробную и потомъ о поверхностяхъ пріобрѣтенныхъ къ сторонѣ Йокаса и при Пумала-Зундѣ Мы получили, усматривая съ крайнимъ удовольствомъ, что вы благоразумными вашими распоряженіями предуспѣли обеспечить правый флангъ вашъ и тѣмъ облегчили себѣ способы при сближеніи настоящемъ гребнаго флота Нашего нанесть заботу и страхъ непріятелю противу лѣваго крыла вашего, въ чемъ мы вамъ добрыхъ успѣховъ желаемъ.

Возобновленіе связей въ Финляндіи весьма полезно и мы оставляя вамъ употребить всѣ удобныя къ тому средства, дозволяемъ по разсмотренію вашему отпускать нѣкоторыхъ изъ плѣнныхъ офицеровъ надежнѣйшихъ, обязывая ихъ реверсами въ продолженіи настоящей войны не поднимать противу насъ оружія и по перьвому позыву явится въ Россію. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны «Екатерина».

---

[1]) „Полковникъ Фроловъ-Багрѣевъ, перебравшись вплавь съ карабинерами и легкими войсками, тревожилъ непрестанно непріятеля до самого того времени, пока густой туманъ воспрепятствовалъ ему гнать за оными далѣе". Собр. реляцій, II, 68. В. В.

Digitized by Google

51.

Въ Царскомъ Селѣ. Іюля 15. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. При реляціи къ намъ отъ Вице-Адмирала Принца Нассау-Зингенъ представлено письмо полученное имъ отъ Генерала-Адъютанта Короля Шведскаго Барона Клингспора [1]) съ припискою своеручною Королевскою содержащею непристойныя израженія, чтобъ помянутый Вице-Адмиралъ наставилъ нашихъ къ лучшему наблюденію правъ военныхъ, и прочее тому подобное. За благо принявъ предварительную отповѣдь Принцемъ Нассау учиненную, что онъ отнесся къ вамъ какъ Главнокомандующему въ Финляндіи на сухомъ пути и морѣ, теперь препровождаемъ вамъ проектъ отвѣта вашего къ нему, который вы ему доставте съ предписаніемъ, дабы онъ послалъ его въ копіи къ Генералу-Адъютанту Короля Шведскаго, оставляя впрочемъ что до взаимства на личныя къ нему учтивости со стороны Короля, на собственную его Принца Нассау волю.

Между тѣмъ желаемъ получить отъ васъ по сей матеріи два свѣденія первое, кто именно былъ офицеръ взятой Шведами при занятіи поста Кюменегордскаго: ибо въ реляціи вашей о плѣненіи такого офицера при означенномъ случаѣ не упоминается [2]); и второе, было ли подлинно что трубачь отъ стороны непріятельской присланный не принятъ и по немъ стреляли [3]). Нужно подтвердить начальникамъ чтобъ при сохраненіи всемѣрной осторожности наблюдаемы были и тѣ правила, которыя между просвѣщенными народами въ войнѣ приняты. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

---

[1]) Клингспоръ, какъ «Svenskt Biografiskt Lexikon», а не Клингепоръ, какъ Арх. Гос. Сов., I, 1, 716.

[2]) Въ реляціи отъ 20 іюля 1789 г. гр. Мусинъ-Пушкинъ представилъ объясненіе „касательно захваченнаго шведами офицера Сибилева, упомянутаго въ письмѣ барона Клингспора". Арх. Гос. Сов., I, 1, 719.

[3]) По мнѣнію Совѣта, на эту жалобу „можно бы изъяснить, что какъ король шведскій началъ войну, да и ведетъ ее совсѣмъ несоотвѣтственнымъ европейскому обычаю образомъ, то ему и не надлежало бы удивляться никакому противу него поступку, но что однако жъ при всемъ томъ не менѣе изслѣдовано будетъ о предъявляемой стрѣльбѣ на эскортъ ихъ, которая произведена конечно отъ одного какого либо недоразумѣнія". Слѣдствіе и начато запросомъ императрицы „подлинно-ли" такой случай имѣлъ мѣсто.

В. В.

Digitized by Google

52.

Въ Царскомъ Селѣ Августа 1. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Поискъ который по приказанію вашему произведенъ за Кюменью [1]) Генераломъ Маіоромъ Денисосовымъ Мы заблаго пріемлемъ, и поручаемъ вамъ объявить помянутому Генералу-Маіору Наше благоволеніе къ его усердію и храбрости. Имѣя многіе опыты что гдѣ войска наши искали и атаковали непріятеля, тамъ поверхность была съ Нашей стороны, Мы полагаемъ, что вы не упустите тѣмъ пользоваться не только тревожа непріятеля, но и стараяся нанести ему чувствительные удары, дабы краткое время для кампаніи остающееся не было потеряно. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

53.

Въ Царскомъ Селѣ Августа 7 1789 года [2]).

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Произведенное мужественное дѣло Инженернымъ Генераломъ-Маіоромъ Фонъ-Сухтеленомъ за рѣкою Кименью [3]) заслуживаетъ Наше особливое благоволеніе, которое вы помянутому Генералу-Маіору объявите съ тѣмъ что Мы по полученіи обстоятельнаго донесенія вашего, не оставимъ безъ награжденія трудовъ и подвиговъ его, такъ какъ и гранодерамъ храбро атаковавшимъ непріятельскую батарею, взявшимъ пушки и защищавшимъ переправу, укажемъ дать серебреные медали на желтыхъ съ чернымъ лентахъ.

Отыты толь частые вяще доказываютъ, колико благоуспѣшны могутъ быть предпріятія съ нашей стороны, естьли они только людьми усердными, храбрыми и исправными производятся въ дѣйство; а по

---

[1]) 28 іюля, по утру, генералъ-маіоръ Денисовъ, „перешедъ на непріятельскую сторону“, напалъ на передовые шведскіе посты, сбилъ ихъ и заставилъ шведовъ бросить даже батарею, при чемъ непріятель „не успѣлъ взять и лафетныхъ передковъ“.

[2]) Указа императрицы отъ 3 августа 1789 г. не сохранилось въ нашихъ бумагахъ; о немъ упомянуто ниже подъ № 59-мъ.

[3]) Штурмъ непріятельской батареи въ ночь съ 3 на 4-е августа. Императрица въ собственноручной припискѣ желаетъ знать число гренадеръ охотниковъ, которые, „не взирая, что непріятель успѣлъ дважды выстрѣлить картечами, ударили въ штыки“. В. В.

Digitized by Google

тому не можемъ и при семъ случаѣ не подтвердить о приложеніи всевозможныхъ стараній вашихъ нанести непріятелю важные и чувствительные удары, дабы время, заботы Наши, и толь многіе издержки вотще потеряны не были.

Отъ Генерала Фельдмаршала Князя Потемкина Таврическаго имѣли Мы уже прежде донесеніе, что онъ далъ приказаніе Генералу Князю Репнину [1]) нетерпѣть непріятеля предъ собою скопляющагося и гдѣ оной сбираться станетъ, атаковать. Вчера ввечеру получили Мы извѣстіе отъ него, что помянутый Генералъ предписалъ Генералу Суворову [2]) итти совокупно съ Римско-императорскимъ Генераломъ Принцомъ Кобургомъ [3]) атаковать турокъ въ числѣ до тридцати тысячъ въ Фокшанахъ собравшихся, что съ помощію Божіею 21-го Іюля съ совершеннымъ разбитіемъ непріятеля исполнено. Сверхъ большаго ему урона взяты лагерь, обозъ, восемь пушекъ и двѣнадцать знаменъ. Солдаты получили знатную добычу, и потеря Наша была весьма мала. Мы ожидаемъ подробнаго увѣдомленія. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны «Екатерина».

«Дайте мнѣ знать сколько числомъ было Гренадеръ, кои у Мемеля мостомъ овладели и батареею подъ картечнымъ выстреломъ».

54.

„Въ С.П.бургѣ Августа 12 1789 года".

Графъ Валентинъ Платоновичь. Послѣ увѣдомленій учиненныхъ приходящими къ порту Кронштатскому шкиперами купеческихъ судовъ о бывшемъ дѣлѣ между Нашимъ и Шведскимъ флотами, объ уходѣ послѣдняго къ Карлскрону и о соединеніи нашего съ эскадрою вице-Адмирала Козлянинова [4]) въ Даніи остававшеюся, получили Мы донесенія въ копіяхъ при семъ сообщаемыя отъ Адмирала Чичагова, который между тѣмъ къ Дагеръ Орту возвратился.

Хотя по содержанію оныхъ, да и по существу всѣхъ произшествій поверхность несумнительнымъ образомъ остается на сторонѣ Нашей,

---

[1]) Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, 1734—1801 г., командовалъ корпусомъ во вторую турецкую войну.

[2]) Александръ Васильевичъ Суворовъ, 1729—1800 г., генералъ-поручикъ.

[3]) Принцъ Фридрихъ Кобургскій, австрійскій генералъ, командовавшій „цесарскими" войсками во вторую турецкую войну.

[4]) Тимоѳей Гавриловичъ Козляниновъ (Козляиновъ), только-что произведенный въ вице-адмиралы; въ „Мѣсяцесловѣ" на 1789 г. онъ значится еще контръ-адмираломъ. В. В.

Digitized by Google

ибо непріятель прежде соединенія флота Нашего не предъуспѣвъ ни мало въ неважной канонадѣ 15-го Іюля случившейся отступилъ, и будучи преслѣдованъ морскими силами Нашими уклонялся отъ боя не одинъ разъ ему представленнаго, а наконецъ и въ портъ свой скрылся, давъ Нашимъ соединиться на виду его и остаться предъ Карлскроною нѣсколько дней ожидая его выходу; не скроемъ однакожъ отъ васъ, что скоропостижное Адмирала Чичагова возвращеніе къ Дагеръ-Орту, тѣмъ болѣе намъ непріятно было, что дѣйствія флота Нашего въ нынѣшнюю компанію не соразмѣрны были съ превосходными его силами и не соотвѣтствовали Нашимъ заботамъ и великому иждивенію на нихъ употребленному; а потому и повелѣли Мы совѣту Нашему сличить поведеніе означеннаго Адмирала съ наставленіями отъ насъ ему данными [1]), какъ то вы усмотрите пространно изъ копіи собственноручной нашей записки, у сего прилагаемой.

Мы желаемъ, чтобъ по разнымъ частямъ Нашего вооруженія съ большимъ трудомъ и знатными издержками учиненнаго, всемѣрное приложено было стараніе, дабы короткое время уже остающееся не втунѣ изчезло, но чтобъ всякій главный начальникъ обратилъ рвеніе и вниманіе его, дабы живыми и усильными дѣйствіями преломить упорство врага Нашего и споспѣшествовать доставленію вожделеннаго мира. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

56.

[Копія]. «Совѣту на примѣчаніе [2]).

«Изъ вчера полученныхъ реляцій Адмирала Чичагова видно, что Шведы аттаковали его а не онъ ихъ; что онъ съ ними имѣлъ перестрѣлку; что на оной потеренъ капитанъ бригадирнаго ранга и нѣсколько сотъ протчихъ воиновъ безъ всякой пользы Имперіи; что наконецъ онъ возвратился къ здѣшнимъ водамъ будто ради прикрытія

---

[1]) Кромѣ остановки предъ Карлскроною, чтобъ „доказать чрезъ то всей публикѣ трусость непріятеля и наше превозможеніе надъ онымъ", Совѣтъ „не усматриваетъ, чтобы адмираломъ Чичаговымъ не исполнены были по случаю предводительства флотомъ данныя Высочайшія предписанія". Арх. Гос. Сов. I, 1, 726—729.

[2]) Въ засѣданіи Совѣта, 6-го августа 1789 г., графъ Безбородко предъявилъ собственноручную Ея Императорскаго Величества записку «на примѣчаніе Совѣту». Арх. Гос. Сов., I, 1, 724—725. В. В.

Digitized by Google

залива Финскаго. Я требую чтобъ поведеніе Адмирала Чичагова въ Совѣтѣ сличено было съ данною ему инструкціею и мнѣ репортовано было за подписаніемъ совѣта, выполнялъ-ли вышеупомянутый Адмиралъ инструкцію ему данную за моимъ подписаніемъ или нѣтъ? дабы я по сему могла взять надлежащія мѣры, ибо примѣчательно становится по Шведской войнѣ: что не дѣйствія аки бы предмѣтъ былъ всѣхъ начальниковъ, тогда когда живое и согласное дѣйствіе вездѣ надъ врагомъ, имъ поверхность дать могло, а Имперіи доставило бъ всѣмъ желаемой міръ, а теперь родится отъ всего сего тройной Имперіи вредъ: первый, непослушаніе и неисполненіе данныхъ предписаній, чрезъ что нынѣ Франція погибаетъ; второе, великіе издержки по пустому употребленныя и умножающіяся медлѣніемъ; третье, потеря по пустому людей и времени».

56.

„Августа 12. 1789 г.“

«Пришло мнѣ на умъ на мѣсто Г. М. Шулца не лутче ли вамъ употребитъ Га. М. и бригадиря Корсакова» [1]).

Сообщ. въ 1870 г. кн. Ив. Гагаринъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Александръ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ, 1753—1840. Приказаніе императрицы было исполнено. Арх. Гос. Сов., I, 1, 733. 19 апрѣля 1790 г. Римскій-Корсаковъ «атаковалъ и разбилъ» шведовъ близь Нишлота. В. В.

Digitized by Google

ДОМЪ И ФАМИЛІЯ ГРАФОВЪ СТРОГОНОВЫХЪ

1752—1887 гг.

IV [1]).

Послѣ разлуки съ своею женою, Александръ Сергѣевичъ остался жить въ Петербургѣ и всецѣло посвятилъ себя служенію двору, отечеству и покровительству искусства.

Во все время длиннаго періода царствованія Екатерины II, Павла Петровича и Александра I, — онъ рѣзко выдѣлялся изъ среды современниковъ и былъ замѣчательнымъ лицомъ своего времени.

Обладая огромнымъ состояніемъ, дававшимъ ему независимое положеніе, онъ не искалъ милости царедворцевъ и не гнулъ передъ ними своей спины.

Давая праздники въ честь императрицы, онъ не писалъ на своихъ воротахъ: твоя отъ твоихъ, или: все отъ щедротъ твоихъ. Ради него не закрѣпощена ни одна крестьянская душа, какъ это дѣлалось въ угоду другихъ вельможъ.

Безъ особаго искательства и униженія онъ достигъ всѣхъ возможныхъ почестей, доступныхъ русскому вельможѣ.

Такимъ образомъ, онъ имѣлъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника I-го класса, былъ сенаторомъ, оберъ-камергеромъ, президентомъ императорской академіи художествъ, директоромъ публичной библіотеки, главнымъ начальникомъ мраморныхъ

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ изд. 1887 г., т. LIII, мартъ, стр. 575—602.

Digitized by Google

ломокъ, кавалеромъ всѣхъ орденовъ, включительно до Андрея Первозваннаго и ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, а въ 1798 г. къ титулу графа Римской имперіи присоединено было званіе графа Россійской имперіи. Первый изъ сихъ титуловъ онъ получилъ отъ императрицы Маріи Терезіи, къ которой онъ посланъ былъ отъ нашего двора для изъявленія чувствъ соболѣзнованія въ горестной потерѣ ею своего супруга.

Въ царствованіе Екатерины или, лучше сказать, во всю ея жизнь, онъ былъ постояннымъ и ежедневнымъ ея собесѣдникомъ, и въ путешествіяхъ неизмѣннымъ и неотлучнымъ ея спутникомъ.

Ѣдетъ ли императрица въ Москву, Ригу, Бѣлоруссію, по Волгѣ, въ Крымъ—Строгоновъ вездѣ съ нею, въ числѣ приближенныхъ къ ней царедворцевъ. Во всѣхъ бесѣдахъ съ нимъ Екатерина II относится къ нему дружески, сердечно, какъ къ своему родному, да и дѣйствительно она считала его таковымъ.

Знаніе имъ придворнаго этикета до тонкости, острота ума, умѣніе вести интересную бесѣду, — все это его отличало отъ всѣхъ другихъ вельможъ.

Богатства его казались неистощимы; Екатерина объ Александрѣ Сергѣевичѣ говорила:

— „Вотъ человѣкъ, который тщетно старается разориться, но не можетъ“.

Не скроемъ, однако-жъ, что графъ Александръ Сергѣевичъ, по своей смерти, оставилъ нѣсколько милліоновъ долговъ, съ уплатой которыхъ сыну не легко было справиться.

Въ домѣ его съ 1766 года, между прочимъ, собирались депутаты г. С.-Петербурга, избранные въ коммисію о сочиненіи проэкта новаго уложенія.

Говоря о городской жизни графа, слѣдуетъ упомянуть и о дачной его жизни въ Петербургѣ, что на Выборгской сторонѣ, около устья Черной рѣчки.

Воспитанникъ его, Воронихинъ, выстроилъ ему тутъ домъ, который по своей особой архитектурѣ до сихъ поръ останавливаетъ на себѣ взоры петербуржцевъ. Живя лѣтомъ при дворѣ, то въ Царскомъ, то въ Петербургѣ, графъ по часту пріѣзжалъ и на дачу. Здѣсь на площадкѣ противу дома раскинуты были палатки, гдѣ каждое воскресеніе играла музыка. Самъ графъ, одѣтый въ куртку изъ зеленой матеріи, вмѣшивался въ ряды

Digitized by Google

гуляющихъ, вступалъ съ ними въ разговоры и казался простымъ добрымъ хозяиномъ-гражданиномъ.

Но балы, даваемые имъ всему двору, въ честь императрицы, были великолѣпны и не только не уступали своею роскошью, изяществомъ и вообще обстановкой баламъ, дававшимся другими лицами, но превосходили ихъ.

Однимъ словомъ, графъ Александръ Сергѣевичъ, вмѣстѣ съ другими вельможами, умѣлъ показать все величіе русскаго двора.

При дворѣ великаго князя Павла Петровича Александръ Сергѣевичъ былъ также частымъ посѣтителемъ и собесѣдникомъ. Въ запискахъ Порошина, описывающаго воспитаніе вел. князя Павла, имя Александра Сергѣевича безпрестанно упоминается.

Разсказываютъ, что Александръ Сергѣевичъ такъ зналъ движенія, тонъ, складъ рѣчи и вообще манеры императрицы, что въ маскарадахъ, по ея приказанію, не рѣдко замѣнялъ ее.

Съ самаго ранняго возраста Александръ Сергѣевичъ, путешествуя со своимъ отцомъ по обширнымъ имѣніямъ, усвоилъ себѣ склонность къ рѣдкостямъ и къ художествамъ.

Въ 1768 году, вскорѣ по основаніи академіи художествъ, имя его блистало въ спискахъ между именами почетныхъ членовъ ея.

Въ путешествіяхъ своихъ по Европѣ въ 1756 и 1770-хъ годахъ прошлаго столѣтія онъ непрестанно и неустанно посѣщалъ всѣ извѣстныя тогда галлереи и мастерскія современныхъ художниковъ и на пріобрѣтеніе картинъ и книгъ онъ не щадилъ своихъ богатствъ, чѣмъ и нажилъ себѣ милліонные долги. Галлерея и библіотека были доступны каждому, кто только хотѣлъ видѣть и пользоваться. Тутъ онъ встрѣчалъ художниковъ, какъ добрый хозяинъ, ободрялъ ихъ въ предпріятіяхъ, помогалъ имъ словомъ и дѣломъ, и раскрывалъ передъ ними сокровища своей галлереи. Такимъ образомъ, до назначенія своего президентомъ академіи художествъ, имя его пользовалось общимъ уваженіемъ, и тѣмъ онъ снискалъ себѣ любовь художниковъ и вообще артистовъ.

Въ 1800 году,—день назначенія графа Александра Сергѣевича президентомъ академіи художествъ, былъ днемъ всеобщей радости для художниковъ. И, въ самомъ дѣлѣ, никогда академія

Digitized by Google

не была въ такомъ блескѣ, она никогда не заключала въ себѣ столько отличныхъ дарованій, достойныхъ стоять на ряду съ первоклассными художниками міра, какъ во время управленія ею графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгоновымъ.

Онъ былъ для нихъ и другъ, и покровитель, и истинный цѣнитель ихъ трудовъ. Стоитъ только вспомнить имена скульпторовъ Мартоса, графа Ѳ. П. Толстого, Гальберга и живописцевъ Шебуева, Егорова, Варнека, Безсонова, Иванова, Левицкаго, Боровиковскаго, Щукина, Кипренскаго, Воробьева, Щедрина, Венеціанова, Шубина, Козловскаго, Демутъ-Малиновскаго, Воронихина и другихъ, чтобы подтвердить наши слова.

Имена этихъ художниковъ тѣсно связаны съ именемъ или временемъ графа Александра Сергѣевича. Многіе изъ нихъ, какъ мнѣ лично извѣстно, жившіе въ 1830-хъ или началѣ 1840-хъ годовъ, не могли безъ сердечнаго умиленія вспомнить о графѣ. Такъ мнѣ разсказывали, что скульпторъ Гальбергъ посѣтилъ галлерею графа Строгонова, спустя 30 лѣтъ послѣ его смерти, гдѣ картины, столикъ, около котораго занимался графъ, а равно и другіе предметы живо напомнили ему прошлое и онъ залился слезами и ничего не могъ говорить отъ печали.

Не одни художники находили въ Строгоновѣ своего покровителя, но все, что носило на себѣ печать таланта, все было доступно его благородной натурѣ и душѣ.

Разсказываютъ, что фонъ-Визинъ лично читалъ ему свои сочиненія, Державинъ посвящалъ ему свои оды, Гнѣдичъ только съ помощію графа могъ приняться за трудный переводъ Иліады, Богдановичъ былъ домашнимъ человѣкомъ въ домѣ графа и едвали не впервые читалъ ему свою „Душеньку“.

Талантливый Бортнянскій былъ одинъ изъ приближеннѣйшихъ его друзей. Иванъ Андреевичъ Крыловъ, какъ по смерти графа въ 1811 г., такъ и до смерти своей въ 1840-хъ годахъ, сохранилъ въ своей душѣ самыя пріятныя воспоминанія о графѣ.

Императоръ Павелъ удостоивалъ его всѣми знаками своей дружбы. Правда, въ самомъ началѣ при воцареніи онъ недовѣрчиво отнесся къ нему, какъ близкому человѣку къ его матери, но вскорѣ все прошло, императоръ ѣздилъ къ Александру Сергѣевичу запросто и пожаловалъ его кавалеромъ ордена Іоанна Іерусалимскаго, а въ 1798 году, апрѣля 21-го, къ титлу

Digitized by Google

графа Римской имперіи прибавилъ титулъ графа Россійской имперіи. Въ послѣдніе годы своего царствованія Павелъ поручилъ графу Строгонову надзоръ за сооруженіемъ на Марсовомъ полѣ, въ С.-Петербургѣ, памятника фельдмаршалу Суворову.

Императрица Марія Ѳеодоровна до самой смерти графа питала къ нему искреннюю дружбу, называя его въ своихъ письмахъ mon bon ami или mon bon vieillard. Она часто прибѣгала къ нему за совѣтомъ по дѣламъ благотворительныхъ учрежденій. Не проходило дня, чтобы кто-либо изъ августѣйшей фамиліи не побывалъ у графа. Въ фамильныхъ бумагахъ Строгоновыхъ находятся отроческія письма вел. кн. Николая Павловича и др.

За симъ скажемъ, что императоръ Александръ Павловичъ, императрица Елизавета Алексѣевна и вообще вся августѣйшая фамилія относилась къ графу Александру Сергѣевичу и его семейству, въ лицѣ его сына, графа Павла, съ особенною благосклонностью.

Однимъ словомъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ, по истинѣ и справедливости, снискалъ отъ современниковъ титло русскаго мецената, а императорскій дворъ нерѣдко называлъ его Несторомъ русскаго двора.

Послѣднимъ памятникомъ художнической жизни графа Александра Сергѣевича было сооруженіе Казанскаго собора.

Въ старческихъ уже годахъ онъ принялъ на себя обязанность строителя собора и не щадилъ ни силъ, ни здоровья для скорѣйшаго окончанія онаго. Здѣсь вполнѣ выразилась его душа въ любви ко всему русскому: ни одинъ иностранный художникъ и мастеровой не были допущены къ участію въ построеніи Казанскаго собора. Воронихинъ, воспитанникъ графа, возведенный имъ на степень высшихъ чиновъ, былъ назначенъ зодчимъ этого великолѣпнаго храма. Художники: Шебуевъ, Щукинъ, Боровиковскій и другіе писали образа; Гордѣевъ, Шубинъ, Мартосъ—работали барельефы. Всѣ русскіе художники несли на это дѣло свои посильные труды. Графъ-же принесъ на жертву онаго свои послѣднія силы и здоровье. Не смотря на свои старческія годы и больныя ноги, онъ не страшился взбираться на лѣса неоконченнаго собора. Въ 10 лѣтъ соборъ былъ оконченъ и 15-го сентября 1811 года освященъ.

Digitized by Google

Дурная погода, слабое здоровье не остановили его быть при освященіи. Послѣ окончанія божественной службы онъ подошелъ подъ благословеніе къ митрополиту и, какъ-бы предчувствуя свою близкую смерть, сказалъ: „Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, съ миромъ“.

Вечеромъ послѣ освященія къ графу собрались многочисленные его друзья — поздравить его съ монаршею милостію (онъ получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 1-го класса) и со счастливымъ окончаніемъ постройки.

Домъ графа былъ украшенъ иллюминаціей, окна были растворены, графъ отъ радости и въ порывѣ привѣтливости къ гостямъ не помнилъ самого себя и жестоко простудился. На другой день ему сдѣлалось дурно, въ нѣсколько дней его нельзя было узнать и 27-го сентября 1811 года этотъ другъ человѣчества умеръ. Въ сердцахъ своего семейства, а равно и друзей и знакомыхъ, онъ оставилъ неизгладимое о себѣ воспоминаніе.

Послѣднее его желаніе было явиться послѣ своей смерти передъ Богомъ въ томъ храмѣ, въ коемъ онъ получилъ предчувствіе о своей смерти, и потому отпѣваніе его останковъ происходило въ Казанскомъ соборѣ. Гробъ его орошенъ былъ слезами многочисленныхъ его друзей, почитателей и облагодѣтельствованныхъ имъ людей.

Императрица Марія Ѳеодоровна горько соболѣзновала о своемъ добромъ другѣ. Императоръ Александръ Павловичъ и вел. кн. Константинъ Павловичъ сопровождали его гробъ до могилы, въ Александро-Невской лаврѣ.

Оканчивая очеркъ о графѣ Александрѣ Сергѣевичѣ, мы могли-бы многое сказать еще о тѣхъ правилахъ, кои онъ преподавалъ своимъ управляющимъ обширными имѣніями въ Пермской губерніи, и о той любви, которую онъ старался внушить своему сыну, графу Павлу Александровичу, по отношенію къ отечеству. Такъ, сбираясь издать книгу для назиданія своего сына подъ названіемъ: „Путешествующій живописецъ“, онъ говорилъ ему, что „отечество въ немъ и онъ въ отечествѣ для него равно любезны“. Слова, достойныя великихъ людей, преданныхъ всею душею и сердцемъ дорогому своему отечеству.

Не могу умолчать еще объ одномъ фактѣ, свидѣтельствующемъ объ истинномъ образованіи гр. Александра Сергѣевича, но фактъ этотъ требуетъ, однако-жъ, повѣрки.

Digitized by Google

Въ былое время мнѣ говорили, что въ актахъ с.-петербургской публичной библіотеки, при которой графъ былъ директоромъ, есть указанія на такое событіе:

Въ библіотеку изъ г. Варшавы привезено было много книгъ, которыя и подверглись разборкѣ. Лица, производившія сію разборку, возбудили вопросъ о томъ, не слѣдуетъ-ли предать сожженію всѣ книги, кои по своему содержанію и направленію противны нравственности и политическому настроенію того времени.

Графъ Александръ Сергѣевичъ всею своею мощію возсталъ противу такого варварскаго заявленія и тѣмъ спасъ разныя изданія библіотеки.

Много еще можно-бы говорить о немъ, но довольно и того, чтобы глубоко чтить и уважать память графа Александра Сергѣевича.

Онъ жилъ 78 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ и 24 дня.

V.

Наслѣдникъ гр. Александра Сергѣевича былъ единственный сынъ его, гр. Павелъ Александровичъ, родившійся, какъ сказано выше, въ 1774 году 7-го іюня во Франціи. Въ годъ смерти отца ему было 36 лѣтъ. Въ изложеніи его біографіи мы будемъ весьма кратки.

Первоначальное воспитаніе онъ получилъ во Франціи, но въ виду распространенія тамъ вредныхъ ученій и обнаруженія того, что его наставникъ Ромъ былъ ярый республиканецъ, онъ, по особому распоряженію, послѣдовавшему въ августѣ 1790 г., былъ вытребованъ въ Россію.

Въ началѣ царствованія Александра I Павелъ Александровичъ Строгоновъ, въ сообществѣ съ Новосильцевымъ и В. П. Кочубеемъ, котораго былъ товарищемъ, по званію послѣдняго министромъ внутреннихъ дѣлъ, является во главѣ высшаго правительства.

Впослѣдствіи изъ тайнаго совѣтника онъ переименованъ въ генералъ-лейтенанты и командовалъ лейбъ-гвардіи второй пѣхотной дивизіей и былъ сенаторомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ генералъ-адъютантомъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ. Боевая жизнь

Digitized by Google

графа Павла Строгонова описана въ книгѣ: „Императоръ Александръ I-й и его сподвижники", 1845 г., см. также: „Исторія царствованія Александра I-го", соч. Богдановича. Скажемъ только, что во весь періодъ отечественной войны и войны за освобожденіе Германіи, онъ принималъ самое дѣятельное участіе и вмѣстѣ съ сыномъ Александромъ участвовалъ въ битвѣ при Краонѣ. Здѣсь графъ Александръ, какъ сказано выше, 23-го февраля 1814 года, пораженъ былъ ядромъ въ голову смертельно.

Съ трудомъ отыскали его тѣло. Горестный отецъ, подавленный жестокою скорбію, возвратился въ отечество съ трупомъ своего любимаго и единственнаго сына.

Тѣло его предано землѣ на кладбищѣ Александро-Невской лавры. Ему было 19 лѣтъ отъ роду.

Описывать горестное состояніе отца и матери его, графини Софіи Владиміровны, не будемъ,—оно понятно всѣмъ и каждому изъ смертныхъ.

По отзывамъ современниковъ можно сказать, что вся императорская фамилія, и особенно въ лицѣ императора Александра и государыни Елизаветы Алексѣевны, была личными друзьями графа Павла Александровича и графини Софіи Владиміровны.

Супруга гр. Павла Александровича, Софія Владиміровна, была дочь князя Владиміра Борисовича Голицына и супруги его Наталіи Петровны, рожденной графини Чернышевой.

Графъ Петръ Григорьевичъ Чернышевъ, какъ извѣстно, въ 1749—1755 гг. былъ полномочнымъ министромъ при дворахъ датскомъ, прусскомъ и англійскомъ и умеръ въ С.-Петербургѣ 1773 года.

Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ, во время перваго своего путешествія заграницей, какъ сказано выше сего, встрѣтился съ нимъ въ Ганноверѣ, о чемъ графъ Петръ Григорьевичъ писалъ къ отцу его, барону Сергѣю Григорьевичу Строгонову.

Гр. Петръ Григорьевичъ во время Екатерины имѣлъ репутацію искуснаго дипломата.

Дочь его, княгиня Наталія Петровна, умерла въ глубокой старости, 20-го декабря 1837 года, на 97 году своей жизни, и была въ свое время въ большой славѣ. Домъ ея, на углу Большой Морской и Гороховой, впослѣдствіи домъ графа Чернышева, былъ средоточіемъ лучшаго общества въ Петербургѣ.

Digitized by Google

Впослѣдствіи она была извѣстна подъ именемъ: la princesse moustache, и дѣйствительно лицо ея было съ замѣтными усами.

Говорятъ, что А. С. Пушкинъ въ своей повѣсти „Пиковая дама“ изобразилъ ее.

Въ дни праздниковъ семейныхъ, когда около нея собирались дѣти, внуки и даже взрослые правнуки, — число ихъ по часту было такъ велико, что она не безъ труда различала ихъ.

У нея были дѣти, также извѣстныя въ свое время.

Во 1-хъ, сынъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ свѣтлѣйшій, впослѣдствіи московскій генералъ-губернаторъ.

Во 2-хъ, дочь Екатерина Владиміровна Апраксина, въ дни молодости извѣстная по роскошной жизни въ Москвѣ, а подъ старость—статсъ-дама при дворѣ вел. княг. Елены Павловны, и въ 3-хъ, Софія Владиміровна, жена гр. Павла Александровича Строгонова. Всѣ эти лица и даже дѣти ихъ отошли уже въ вѣчность, и только немногіе изъ оставшихся въ живыхъ находятся тоже въ старческихъ годахъ.

Графиня Софія Владиміровна Строгонова, жена Павла Строгонова, по своему научному образованію, въ чемъ обязана была сама себѣ, по стойкости характера и своимъ нравственнымъ правиламъ, была женщина высокихъ достоинствъ. Вотъ въ виду такихъ качествъ она была чтима державной четой — Александромъ I и супругою его, Елизаветою Алексѣевною.

Извѣстно, что Александръ I часто давалъ поводъ своей супругѣ нарекать его въ излишнемъ вниманіи къ разнымъ красавицамъ своего времени. Въ порывахъ своей слабости, онъ, какъ говорятъ, обратилъ свои взоры и на графиню Софію Владиміровну, но сія послѣдняя, отклонивъ неумѣстное его искательство, съумѣла воскресить въ немъ сознаніе достоинствъ собственной его супруги, и тѣмъ заставить его полюбить ее снова.

Съ этимъ чувствомъ императоръ Александръ и отошелъ въ Таганрогѣ въ вѣчность и бывшая при немъ неотлучно супруга его, въ порывѣ глубокой скорби, могла съ вѣрою воскликнуть: нашъ ангелъ въ небесахъ!

О такомъ благотворномъ вліяніи гр. Софіи Владиміровны Строгоновой на императора Александра, хотя она изъ скромности и деликатности и не говорила ясно никому, но по свидѣтельству лицъ, приближенныхъ къ ней, фактъ этотъ былъ въ свое время обще-извѣстенъ.

Digitized by Google

Въ ея имѣніи Новгородской губерніи, селѣ Марьино, нынѣ принадлежащемъ ея правнуку, князю Павлу Павловичу Голицыну, въ бытность ея тамъ стоялъ портретъ императрицы Елизаветы Алексѣевны, въ натуральную величину, въ сидячемъ положеніи, а возлѣ него находился когда-то столикъ, на которомъ покоилась шкатулка чернаго дерева съ подлинными письмами государыни Елизаветы Алексѣевны. Въ этихъ письмахъ заключаются доказательства во взаимной ихъ между собой дружбы и любви.

Сюда-то почасту ѣздилъ императоръ Александръ и съ дѣтьми графини обращался какъ самый добрый и нѣжный отецъ. Мнѣ разсказывали одинъ случай, свидѣтельствующій о добромъ отношеніи императора Александра къ этимъ дѣтямъ.

Въ домѣ Софіи Владиміровны Строгоновой или, лучше сказать, въ семьѣ ея, жилъ одинъ весьма достойный, человѣкъ по имени Семенъ Прохоровичъ Лукинъ, въ чинѣ подполковникъ. Онъ былъ наставникъ убитаго при Краонѣ сына ея, Александра Павловича, но дѣти ея, потому ли что слово подполковникъ было труднѣе выговорить, чѣмъ полковникъ, или по другимъ причинамъ, называли его всегда полковникомъ. Императоръ Александръ Павловичъ, посѣщая семью Строгоновыхъ и зная, что Лукинъ былъ подполковникъ, а не полковникъ, позволилъ себѣ сказать имъ, что они ошибаются. Но дѣти стояли на своемъ, упрямо возражая и говоря смѣло государю, что Лукинъ ихъ полковникъ. Тогда государь, видя, что съ упрямыми дѣтьми ничего не подѣлаешь, сказалъ имъ: „Ну, пускай же Лукинъ будетъ и мой полковникъ“. И въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько времени, Лукинъ, по высочайшему повелѣнію, былъ произведенъ въ чинъ полковника, каковымъ онъ и остался до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1840 годахъ.

Не можемъ не упомянуть, что, судя по портретамъ, графиня Софія Владиміровна въ молодости была восхитительно хороша, но съ лѣтами она, разумѣется, утратила свою красоту. Подъ конецъ своей жизни (1845 г. марта 5) она была небольшаго роста старушка, немного горбатая, но нисколько не утратившая силы воли характера и здраваго смысла рѣчей.

Смерть графини Софьи Владиміровны была неожиданна.

Въ 1845 году, на первой недѣлѣ поста, она отговѣла и наслаждалась, по своимъ лѣтамъ, полнымъ здоровьемъ, но параличъ

Digitized by Google

легкихъ мгновенно лишилъ ее силъ и 5 марта 1845 г. ея не стало. Она погребена въ Невскомъ монастырѣ. Гробъ ея орошенъ былъ слезами многочисленныхъ родныхъ и друзей.

Императоръ Николай Павловичъ и императрица Александра Ѳедоровна пріѣзжали въ домъ, поклониться ея праху.

Императоръ Николай, встрѣтивъ на лѣстницѣ внука ея, графа Александра Сергѣевича Строгонова, пожаловалъ его въ флигель-адъютанты.

Супругъ Софіи Владиміровны, графъ Павелъ Александровичъ со смертью своего отца гр. Александра Сергѣевича, былъ обремененъ долгами. Роскошная жизнь сего послѣдняго съ изстари, даже со временъ Екатерины II, и устройство имъ галлереи, стоившей, по отзыву знатоковъ, нѣсколькихъ милліоновъ рублей, а, наконецъ, и другія значительныя траты тяготили его сына.

Графъ Павелъ Александровичъ думалъ сначала прибѣгнуть къ займу въ Англіи подъ залогъ пермскихъ своихъ заводовъ, но Богъ спасъ его отъ сего горя.

Государственный заемный банкъ нашелъ средство ссудить ему нѣсколько милліоновъ и тѣмъ устроить его дѣла. Тяжкимъ горемъ и невыразимою скорбію легла на душу его печаль о смерти сына Александра, убитаго въ сраженіи при Краонѣ, во Франціи, 23 февраля 1814 года.

Графъ Павелъ Александровичъ съ сыномъ находился въ корпусѣ графа Воронцова, когда этотъ корпусъ, въ составѣ не болѣе 15 т., въ теченіи 6 часовъ, выдерживалъ стремительный натискъ всѣхъ силъ Наполеона, простиравшихся свыше 50,000 ч.

Отецъ и сынъ были любимцы всего отряда. Вдругъ во время самаго сраженія пошелъ по линіи и рядамъ солдатъ говоръ и крикъ отчаянія: „Строгоновъ убитъ! Строгоновъ молодой убитъ. Голову ему сорвало“. Ужасная эта вѣсть доходитъ до отца и онъ... но не станемъ описывать отчаянія отца: съ трудомъ въ массѣ труповъ отыскалъ обезглавленное тѣло графа Александра. Понятно, отецъ не могъ нести бремя войны и, по особому приказанію государя, возвратился съ трупомъ сына въ отечество. Сочувствіе къ семейному горю было общимъ выраженіемъ. Графъ Александръ погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ.

Смерть сына заставила графа Павла Александровича

Digitized by Google

невольно подумать о сохраненіи какъ своего имени въ потомствѣ, такъ и о достояніи фамиліи Строгоновыхъ. Въ этихъ видахъ, въ 1817 году графъ Павелъ Александровичъ составилъ маіоратный актъ, по коему всѣ имущества его вошли въ общій составъ подъ именемъ нераздѣльнаго имѣнія. По сему акту, высочайше утвержденному 11 августа 1817 года, супруга его, графиня Софья Владиміровна, вступаетъ, по смерти его, пожизненно во владѣніе маіоратнымъ имѣніемъ, а затѣмъ старшая его дочь Наталья должна наслѣдовать всѣмъ симъ маіоратомъ съ присвоеніемъ мужу ея, въ случаѣ замужества, титла графа.

Между тѣмъ здоровье графа Павла Александровича, со смертію сына, графа Александра, видимо разстроилось. Болѣзнь его была чахотка.

Вотъ для облегченія ему посовѣтовали пользоваться морскимъ воздухомъ и для того онъ отправился въ Копенгагенъ, а оттуда предполагалось ѣхать на югъ Европы.

Его сопровождали графиня Софія Владиміровна и молодой баронъ Строгоновъ, сынъ Григорія Строгонова. Прибывъ въ Копенгагенъ, графъ Павелъ Строгоновъ чувствовалъ себя гораздо лучше, чѣмъ въ Россіи, и настоялъ на томъ, чтобы графиня возвратилась въ отечество, но не прошло и 36 часовъ со времени его отъѣзда изъ Копенгагена, онъ уже былъ мертвъ.

Смерть послѣдовала на кораблѣ, 10 іюня 1817 г., на 43 году его жизни; останки его погребены въ Александро-Невской лаврѣ.

Въ супружествѣ своемъ Богъ благословилъ его, кромѣ сына Александра, убитаго въ 1814 году, дочерьми Наталіею, Аглаидою, по мужѣ княгиня Голицына, Елисаветою, въ замужествѣ княгиня Салтыкова, Ольгою, вышедшею замужъ за графа Ферзена.

Молодой графинѣ Натальѣ въ день смерти отца ея было около 20 лѣтъ.

Въ то время въ С.-Петербургѣ проживалъ баронъ Григорій Александровичъ Строгоновъ, извѣстный впослѣдствіи какъ посолъ нашъ въ Швеціи, Испаніи и Турціи, род. 13-го сентября 1770 г., † 7 января 1857 г., онъ былъ внукъ Николая Григорьевича и племянникъ графа Александра Сергѣевича, президента академіи. Въ 1826 году, во время коронаціи императора Николая, онъ былъ возведенъ въ графское достоинство, но въ описываемое нами время онъ пользовался только титуломъ барона.

Отъ брака своего съ княжною Анною Сергѣевною Трубецкою,

Digitized by Google

родившеюся 8 мая и умершею 21 октября 1824 года, онъ имѣлъ пять сыновей: Сергѣя, Александра, Николая, Алексѣя и Валентина, и дочь Елену, по мужѣ Черткову.

По обстоятельствамъ фамильныхъ дѣлъ ясно было, что одному изъ сыновей его всего удобнѣе было бы предложить свою руку графинѣ Натальѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ унаслѣдовать титулъ графскаго достоинства.

Такъ и случилось: молодой баронъ Сергѣй Григорьевичъ предложилъ свою руку графинѣ Натальѣ.

По разсказамъ современниковъ, баронъ Сергѣй Григорьевичъ сначала отклонялъ отъ себя этотъ жребій, но упрямство его было отстранено, и вотъ явилась новая чета, обновившая въ своихъ дѣтяхъ семью графовъ Строгоновыхъ.

Съ этою женитьбою баронъ Сергѣй Григорьевичъ получилъ титулъ графа.

Отъ нихъ произошли дѣти: сыновья: Александръ, Павелъ, Григорій и Николай, двѣ дочери: Софія, по мужѣ графиня Толстая, и Елисавета, въ замужествѣ за княземъ А. В. Мещерскимъ.

Графиня Наталія Павловна, бабка нынѣшняго владѣльца дома, была смирнѣйшею и почтительнѣйшею дочерью по отношенію къ своей матери, и сама, какъ мать и супруга, была нѣжнымъ и кроткимъ существомъ въ мірѣ.

Въ особенности же она отличалась состраданіемъ къ ближнему и вообще неимущимъ людямъ, такимъ образомъ вся ея жизнь вращалась въ кругу своей семьи, дѣяній добра и другаго міра у ней не было. Такъ она начала свое существованіе, такъ провела всю свою жизнь,—такъ и отошла въ вѣчность 7 октября 1872 года.

Родилась она 7 мая 1796 года. Житія ея было 75 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ.

Погребена въ Невскомъ монастырѣ.

Послѣ нея, въ права маіоратнаго владѣльца, въ силу особаго высочайшаго повелѣнія, вступилъ пожизненно супругъ ея, графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгоновъ, родившійся 8 ноября 1794 г. Между тѣмъ въ теченіи маіоратнаго владѣнія графини Наталіи и графа Сергѣя умираетъ сынъ ихъ, графъ Александръ, бывшій въ супружествѣ съ Татьяной Дмитріевной, рожденной Васильчиковой.

Digitized by Google

Вотъ отъ этого брака произошелъ нынѣшній (1887 г.) владѣлецъ дома и маіората Сергѣй Александровичъ.

Графъ Александръ Сергѣевичъ окончилъ курсъ наукъ въ московскомъ университетѣ, много путешествовалъ, потомъ поступилъ въ военную службу, былъ полковникомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и умеръ въ отставкѣ.

Засимъ слѣдовало бы остановиться и говорить объ отцѣ послѣдняго, гр. Сергѣѣ Григорьевичѣ Строгоновѣ, умершемъ 27 марта 1882 года. Но въ виду недавней его кончины и благоговѣя передъ его памятью, мы не считаемъ возможнымъ оцѣнить всю благотворную его дѣятельность. Скажемъ кратко, что время управленія имъ московскимъ учебнымъ округомъ, и состоянія имъ въ званіи попечителя тамошняго университета, составляетъ эпоху въ исторіи русскаго просвѣщенія. Мы твердо помнимъ то время, когда онъ, живя въ Петербургѣ, назначенный въ 1835 году попечителемъ московскаго университета, собиралъ отовсюду свѣдѣнія о талантливыхъ молодыхъ людяхъ, любящихъ науку и въ особенности исторію.

Разговаривая съ нимъ по этому предмету, и зная, какъ студентъ с.-петербургскаго университета, что окончившій въ ономъ курсъ наукъ Грановскій посвятилъ себя исключительно исторіи и уже написалъ статью о евреяхъ, я указалъ ему на Грановскаго и Печорина, какъ на способнѣйшихъ молодыхъ людей.

Рекомендація моя, какъ юнаго студента, не остановила графа; онъ, увѣрившись въ правдивости моихъ словъ, немедленно вызвалъ Грановскаго и Печорина, предложилъ имъ ѣхать за границу и потомъ занять каѳедры въ московскомъ университетѣ. Послѣдствія всего этого извѣстны.

Но добавимъ, что графъ не только искалъ и поощрялъ талантливыхъ и способныхъ молодыхъ людей къ наукѣ и вообще на полезный трудъ, нѣтъ, онъ дѣлалъ болѣе сего. Онъ слѣдилъ за сими молодыми людьми и научалъ ихъ держаться добра и быть достойными гражданами Россіи... Въ подтвержденіе сего скажемъ, что Печоринъ, избранный имъ на каѳедру, кажется, классической литературы въ Москвѣ, впослѣдствіи измѣнилъ своему назначенію. Отправившись заграницу, онъ, подъ вліяніемъ іезуитовъ, не пожелалъ возвратиться въ отечество и остался тамъ. Графъ несказанно скорбитъ объ этомъ, пишетъ къ нему, напо-

Digitized by Google

минаетъ ему о долгѣ и совѣтуетъ возвратиться въ отечество. Но все было тщетно. Печоринъ остался заграницею.

Многое можно-бы разсказать о плодотворной дѣятельности графа по части развитія рисованія и иконописи, археологіи и другихъ искусствъ, но это увлекло бы насъ очень далеко, для этого тѣсны рамки нашего сжатаго очерка.

По смерти графини Софьи Владиміровны, своей тещи, гр. С. Г. вошелъ непосредственно въ дѣла управленія маіоратнымъ имѣніемъ, сначала какъ повѣренный своей жены, а потомъ какъ самъ пожизненный владѣлецъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, онъ многое устроилъ, привелъ въ порядокъ дѣла и счеты маіората и увеличилъ такимъ образомъ достояніе своихъ наслѣдниковъ.

Въ послѣднее время своей жизни онъ, безъ всякаго ослабленія своей государственной дѣятельности, по званію члена государственнаго совѣта, много заботился объ устройствѣ выкупнаго дѣла въ пермскихъ имѣніяхъ, въ чемъ и успѣлъ.

Къ главному или, лучше сказать, первоначальному маіорату, образованному по акту 1817 года, онъ, съ высочайшаго разрѣшенія, присоединилъ еще другія части Строгоновскихъ имѣній, доставшіяся ему изъ рода своего отца, братьевъ и племянниковъ.

Впрочемъ, опытность по торговлѣ ему обошлась не совсѣмъ дешево. Въ подтвержденіе сего онъ намъ разсказывалъ одинъ весьма оригинальный случай, имѣвшій мѣсто въ Нижнемъ Новгородѣ.

Желая ближе и на дѣлѣ познакомиться съ торговлею желѣзомъ, онъ отправился туда во время ярмарки. Въ первый-же день своего прибытія, онъ собралъ желѣзоторговцевъ и началъ говорить имъ рѣчь въ томъ смыслѣ, что ему странно и даже непонятно, почему сами купцы не сговорятся о цѣнѣ продаваемаго ими товара и не объявятъ о томъ во всеобщую извѣстность, тогда дѣло было-бы ясно и развязка не замедлила-бы послѣдовать.

Купцы, переглядываясь другъ съ другомъ, сказали графу, что они во всемъ согласны съ нимъ.

— Ну такъ что-жъ, повторилъ графъ, поговоримъ, согласимся и объявимъ цѣну.

„Такъ, такъ, ваше сіятельство“, отвѣчали купцы, и дѣйствительно, объяснившись съ нимъ сообща, назначили цѣну желѣзу и разошлись. Засимъ желѣзо графа, въ теченіи нѣсколькихъ дней, въ милліонномъ количествѣ, по назначенной цѣнѣ, быстро

Digitized by Google

было раскуплено; графъ торжествовалъ, но затѣмъ, къ удивленію его, цѣна на желѣзо быстро начала подыматься и графъ ясно уразумѣлъ, что онъ своею поспѣшностью потерялъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей.

Оказалось, что желѣзо, по предварительному сговору, куплено было у него тѣми-же купцами, съ коими онъ краснорѣчиво объяснялся.

Купцы сіи, при свиданіи съ графомъ, говорили ему:

— А вотъ, ваше сіятельство, цѣну-то на товаръ Богъ даетъ, а не люди.

Въ виду такого дорого стоющаго урока, графъ пересталъ ѣздить на нижегородскую ярмарку.

Въ настоящее время (1887 г.), за смертію графа Сергѣя Григорьевича, старшимъ по лѣтамъ въ родѣ Строгоновыхъ, но чуждый маіората, состоитъ братъ его, бывшій министромъ внутреннихъ дѣлъ, графъ Александръ Григорьевичъ.

Нынѣ онъ, сохраняя званіе генералъ-адъютанта и въ качествѣ почетнаго гражданина г. Одессы, живетъ тамъ на покоѣ.

Сыновья его: Григорій, Викторъ и Сергѣй—умерли, не оставивъ по себѣ потомковъ мужескаго рода.

Итакъ, собственно говоря, графъ Александръ Григорьевичъ Строгоновъ самъ лично, а равно дѣти и внуки брата его графа Сергѣя Григорьевича, въ томъ числѣ маіоратный владѣлецъ графъ Сергѣй Александровичъ, представляютъ собою по мужской линіи родъ и фамилію графовъ Строгоновыхъ.

Ко всему изложенному добавимъ, что заслуги Строгоновской фамиліи отечеству и престолу были признаваемы нашими вѣнценосцами съизстари, начиная отъ великихъ князей московскихъ до государей послѣдняго времени.

Такъ, императоръ Николай въ особенности это выразилъ на одномъ изъ журналовъ государственнаго совѣта по тяжебному дѣлу Строгоновской фамиліи съ казною, 9-го апрѣля 1828 г., написавъ собственноручно, что „въ уваженіе заслугъ въ древнія времена Строгоновской фамиліи, равно въ память того, что послѣдній въ родѣ этой фамиліи положилъ животъ на полѣ чести, онъ признаетъ за нею право на надѣлъ ихъ заводовъ изъ

Digitized by Google

казенныхъ земель". (Сборникъ в. у. мнѣній государственнаго совѣта 1850—1851 г., стр. 506).

Высшее довѣріе императора Александра II къ покойному графу Сергѣю Григорьевичу, дѣду нынѣшняго владѣльца дома, выразилось въ предоставленіи ему воспитанія умершаго наслѣдника цесаревича Николая, и въ другихъ дѣлахъ государственной важности.

VI.

Въ заключеніе нашей статьи о домѣ и фамиліи графовъ Строгоновыхъ, считаемъ своею обязанностью сказать нѣсколько словъ и о самомъ составѣ и величинѣ Строгоновскаго маіората и, наконецъ, о галлереѣ ихъ.

Начнемъ съ того, что высочайшій указъ о маіоратѣ 11-го августа 1817 года состоялся по просьбѣ графа Павла Строгонова, поданной имъ передъ своею смертію, а равно и согласно желанію его супруги графини Софіи Владиміровны.

Въ этомъ указѣ выражено, что маіоратъ утверждается въ уваженіе отличнаго усердія и преданности графа Павла къ особѣ государя императора, а равно въ награду ревности и услугъ, оказанныхъ имъ и предками его россійскому престолу.

Имѣнія, поступившія въ составъ маіората, находятся въ Пермской губерніи въ уѣздахъ: Пермскомъ, Оханскомъ, Соликамскомъ, Кунгурскомъ и Екатеринбургскомъ, и заключали въ себѣ, при учрежденіи маіората, т. е. въ 1817 году, 45,875 крестьянъ мужскаго пола.

Равнымъ образомъ, въ составъ сего маіората или, какъ его именуютъ нераздѣльнаго имѣнія, вошло также небольшое имущество, заключавшее въ себѣ 119 душъ Нижегородской губерніи, съ землею и усадьбами въ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ.

Независимо отъ сего, въ составъ маіората вошло два дома въ С.-Петербургѣ, что у Полицейскаго моста, и земля, занимаемая Строгоновскими дачами, что на Выборгской сторонѣ.

По вступленіи во владѣніе симъ маіоратомъ въ 1845 году графини Наталіи Павловны Строгоновой, она исходатайствовала высочайшее разрѣшеніе, чтобы, по смерти ея, весь маіоратъ поступилъ въ пожизненное владѣніе ея супруга, графа Сергѣя Григорьевича, о чемъ и составленъ указъ 3-го апрѣля 1847 года,

Digitized by Google

съ тѣмъ условіемъ, что онъ долженъ отказаться отъ выдѣла ему указной части.

Ко всему этому маіорату графъ Сергѣй Григорьевичъ присоединилъ имѣнія, доставшіяся ему отъ отца своего, графа Григорія Александровича, и брата его, Александра Григорьевича, въ количествѣ свыше 13 т. душъ крестьянъ.

При введеніи уставныхъ грамотъ по освобожденіи крестьянъ, число душъ въ нераздѣльномъ имѣніи было свыше 80 т. человѣкъ, а съ присоединеніемъ къ нему особой собственной части было 94,000 чел. Земли, за надѣломъ крестьянъ, осталось у владѣльцевъ около 1.300,000 дес.

Количество выкупныхъ денегъ опредѣлялось въ пользу владѣльцевъ до 7.570,000 руб.

При утвержденіи выкупныхъ сдѣлокъ, графъ Сергѣй Григорьевичъ сдѣлалъ уступки крестьянамъ свыше 2.317,000 руб.

Введеніе уставныхъ грамотъ и совершеніе выкупныхъ актовъ при громадности имѣній сопровождались большими затрудненіями, но благодаря усиліямъ приглашеннаго для сей цѣли графомъ знатока крестьянскаго дѣла, А. Н. Базилевскаго, нынѣ предсѣдателя кіевской казенной палаты, всѣ препятствія и несогласія по сему предмету были устранены.

Наконецъ, скажемъ, что галлерея гр. Строгоновыхъ, входящая также въ составъ маіората, заключаетъ въ себѣ картины всѣхъ извѣстныхъ въ свое время школъ, именно флорентинской, въ коей причисляютъ Рафаэля, Дель-Сарто и друг., романской, куда относятъ Бенвенуто, Гвидо-Рени и проч., ломбардской и фламандской.

Обстоятельное описаніе этой галлереи заключается въ особомъ изданіи 1835 года, напечатанномъ въ С.-Петербургѣ на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: Collection d'estampes d'après quelques tableaux de la galerie de M. le comte A. Strogonoff.

Итакъ, фамилія графовъ Строгоновыхъ, отличаясь въ теченіе вѣковъ заслугами и достоинствомъ лицъ, принадлежащихъ къ ней, вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ громаднымъ достояніемъ, обезпеченнымъ въ будущемъ, силою маіоратнаго акта.

Николай Колмаковъ.

г. Кіевъ.
15-го ноября 1886 г.

Digitized by Google

Приложеніе.

Извлеченія изъ писемъ барона Александра Сергѣевича Строгонова къ своему отцу барону Сергѣю Григорьевичу, во время путешествія перваго за границею въ 1752—1756 гг.

Путешествіе это было предпринято съ благословенія и соизволенія императрицы Елисаветы Петровны, которая относилась къ барону Сергѣю Григорьевичу, какъ къ доброму своему родственнику и другу.

24-го мая 1752 года баронъ Александръ Сергѣевичъ, въ сопровожденіи своего наставника Антонія, отправился изъ С.-Петербурга за границу.

25-го мая онъ былъ въ г. Нарвѣ, напомнившей ему несчастное сраженіе при Петрѣ Великомъ въ 1700 г.

29-го числа онъ былъ въ Ригѣ. Городъ, по замѣчанію его, обширный, но улицы узки. Купеческіе корабли дѣлаютъ видъ чрезвычайно пріятный.

30-го мая, послѣ обѣда, онъ былъ у Лопухина, а потомъ у рижскаго губернатора Владиміра Петровича Долгорукова.

4-го іюня онъ былъ въ г. Данцигѣ. Предметы, обратившіе на себя его вниманіе, были: крѣпость, оружейный домъ и монастырь.

5-го іюля Александръ Сергѣевичъ былъ въ Берлинѣ и остановился у Монгабери въ Братской улицѣ. Генералъ Кейтъ, губернаторъ Берлина, впослѣдствіи фельдмаршалъ, находившійся въ русской службѣ, былъ короткій знакомый его отца—принялъ его радушно и взялся его познакомить съ досто примѣчательностями Берлина.

17-го іюля Александръ Сергѣевичъ осматривалъ дворецъ, въ которомъ между примѣчательностями было паникадило, вѣсомъ въ 15 центнеровъ, хоры для музыкантовъ, столы и все убранство было изъ серебра, а комната матери короля убрана была золотомъ [1]).

На другой день онъ осматривалъ картинную галлерею, кунсткамеру и библіотеку.

---

[1]) Всѣ эти цѣнности, во время 7-ми-лѣтней войны, обращены были Фридрихомъ Великимъ на военныя потребности.

Digitized by Google

22-го іюля (1752 г.) Александръ Сергѣевичъ ѣздилъ съ визитомъ къ графу Пебло, который пригласилъ его къ себѣ обѣдать; тамъ онъ познакомился съ графомъ Гринсфельдомъ, голландскимъ посланникомъ. Съ симъ послѣднимъ онъ ѣздилъ въ Потсдамъ. Фельдмаршалъ Кейтъ поставилъ его на такомъ мѣстѣ, откуда онъ могъ видѣть церковный парадъ всей гвардіи, произведенный самимъ королемъ. Тотъ же день онъ обѣдалъ у фельдмаршала, потомъ ѣздилъ въ Санъ-Суси и въ тотъ же день возвратился въ Берлинъ.

26-го іюля 1752 г. Александръ Сергѣевичъ выѣхалъ изъ Берлина и направился въ Ганноверъ, гдѣ встрѣтился съ графомъ Петромъ Григорьевичемъ Чернышевымъ, о чемъ уже прежде сего было разсказано.

Впрочемъ, краткое пребываніе свое въ Ганноверѣ Александръ Сергѣевичъ употребилъ на осмотръ тамошней библіотеки, которая отличалась не количествомъ экземпляровъ книгъ, но лучшими сочиненіями.

Дворъ и министры выѣхали изъ Ганновера, но Александръ Сергѣевичъ, по письму графа Петра Григорьевича, еще остался тамъ.

11-го августа онъ былъ въ спектаклѣ, давали Тартюфа; засимъ онъ уѣхалъ въ Касель. Здѣсь онъ представлялся наслѣдному принцу и принцессѣ, съ которыми онъ познакомился въ Ганноверѣ, и въ тотъ же вечеръ у нихъ ужиналъ. Здѣшній Верести-Штетскій садъ съ каскадомъ особенно ему понравился,—каскадъ этотъ, по обилію и высотѣ выбрасываемыхъ водъ, а равно Геркулесова статуя въ 60 футъ, считался тогда первымъ въ Европѣ. Засимъ онъ выѣхалъ въ г. Генау Гессенъ-Кассельскаго курфирства. Проѣзжая мимо соляныхъ варницъ около г. Надгеймо, онъ не могъ не замѣтить, что здѣшнія соляныя варницы гораздо хуже его пермскихъ.

22-го августа онъ пріѣхалъ въ г. Генау,—въ тотъ же день представлялся ландграфу гессенъ-кассельскому. На другой день онъ провелъ цѣлый день во дворцѣ, гдѣ ужиналъ и обѣдалъ. Отсюда онъ отправился во Франфуртъ.

Городъ этотъ разнообразіемъ своихъ жителей, историческими памятниками и совершившимися въ немъ событіями,—привлекъ особенное вниманіе нашего путешественника. Такимъ образомъ, онъ съ особеннымъ вниманіемъ осматривалъ ратушу и въ ней залу избранія нѣмецкихъ императоровъ, Гольдбухъ (Золотую Буллу) императора Карла IV, изъясняющую обязанности курфирста, и церемоніалъ коронованія императоровъ.

Во Франкфуртѣ онъ познакомился съ генераломъ Витгенштейномъ, который собирался тогда ѣхать въ Россію. Витгенштейнъ просилъ барона дать ему рекомендательное письмо въ Россію, что онъ и исполнилъ, говоря, что онъ прежде сего служилъ въ Голландіи маіоромъ и что по всему видно, что онъ честный человѣкъ и принадлежитъ къ той знатной фамиліи, къ которой онъ себя причисляетъ.

Изъ письма Александра Сергѣевича къ отцу видно, что 19-го сентября 1752 года онъ былъ въ Страсбургѣ, гдѣ провелъ только нѣсколько дней.

Digitized by Google

Здѣсь онъ осматривалъ страсбургскія укрѣпленія, состоявшія изъ простыхъ бастіоновъ. Здѣсь, по его мнѣнію, достойны было примѣчанія огромные часы въ католической церкви и дворецъ кардинала Собіескаго, который такъ былъ внутри убранъ, что ничего подобнаго ему не приходилось видѣть у наслѣдныхъ князей; равнымъ образомъ остановила его вниманіе огромная библіотека. Въ это время, какъ пишетъ молодой баронъ Александръ Сергѣевичъ, въ Страсбургъ привезено было тѣло знаменитаго полководца Морица Саксонскаго. Гробъ былъ поставленъ на катафалкѣ въ лютеранской церкви, поднятый членами церкви, а вокругъ гроба картины, писанныя на картузной бумагѣ. Вообще, по описанію, удивленія было достойно, что такой славный генералъ, какъ Морицъ Саксонскій, погребенъ такъ бѣдно.

Кстати замѣтить, что впослѣдствіи надъ могилою Морица поставлена была цѣлая мраморная группа, изображающая маршала, вступающаго одною ногою въ могилу, и вверху надъ нимъ плачущую фигуру Франціи, въ видѣ женщины.

Изъ Страсбурга Александръ Сергѣевичъ отправился въ Швейцарію въ г. Женеву. Городъ этотъ, прекрасный своимъ мѣстоположеніемъ, по берегу озера, съ давняго времени славится своею академіею и многими своими учеными. Однимъ словомъ, городъ этотъ въ XVIII столѣтіи привлекалъ множество иностранцевъ.

По описанію барона Александра Сергѣевича, ученый Вернетъ въ то время въ академіи читалъ исторію и географію, Некеръ физику, Жилиберъ математику и логику, и естественное право адвокатъ Роминъ и другіе. Всѣ эти ученые своими трудами извѣстны были въ Европѣ и вотъ сюда-то онъ и ѣхалъ для окончанія своего образованія. Въ то время учился въ академіи князь Андрей Михайловичъ Голицынъ, сынъ фельдмаршала. Въ то же время въ Женевѣ жилъ Авраамъ Павловичъ Веселовскій, бывшій когда-то посланникомъ при ландграфствѣ Гессенъ-Кассельскомъ.

Веселовскій, какъ извѣстно, замѣшанъ былъ въ дѣло объ укрывательствѣ несчастнаго царевича Алексѣя, и самъ себя осудилъ на изгнаніе. Александръ Сергѣевичъ часто ходилъ къ нему и въ бесѣдѣ съ нимъ и въ особенности историкомъ Вернетомъ и профессоромъ богословія, имя котораго осталось для насъ неизвѣстнымъ, онъ почерпнулъ многія знанія и любовь къ древностямъ. Въ это же время онъ изучалъ фортификацію, архитектуру, логику, латинскій и итальянскій языки, которыми потомъ владѣлъ въ совершенствѣ,—наконецъ, упражнялся въ игрѣ на клавицимбаллахъ.

Во время пребыванія въ Женевѣ Александръ Сергѣевичъ получилъ письмо отца, извѣщавшаго его, что по случаю выхода замужъ двоюродной его сестры, Маріи Николаевны Строгоновой, за дѣйствительнаго камергера графа Мартина Карловича Скавронскаго, въ домѣ его былъ балъ, на коемъ присутствовала императрица Елисавета Петровна, и что самый бракъ этотъ совершился по ея желанію.

Digitized by Google

Живя въ Женевѣ въ кругу ученыхъ людей, учащихся товарищей, Александръ Сергѣевичъ, какъ видно изъ его писемъ, затѣялъ было посвятить всю свою жизнь научнымъ занятіямъ. Вслѣдствіе сего онъ испрашивалъ разрѣшеніе у отца остаться ему какъ можно долѣе въ Женевѣ, чтобъ хорошее основаніе въ наукахъ положить. Въ подтвержденіе чего онъ говорилъ, что въ Женевѣ нѣтъ ни оперъ, ни комедій, ни маскарадовъ, но по тишинѣ можно здѣшній городъ назвать земнымъ раемъ.

Отвѣтъ отца былъ противенъ его просьбѣ, не смотря на то, что Веселовскій просилъ за него у барона Сергѣя Григорьевича,—и потому онъ оставилъ Женеву. 8-го сентября 1754 года былъ уже въ Италіи.

Женева оставила въ душѣ Александра Сергѣевича надолго самыя пріятныя воспоминанія. Разставаясь съ своими знакомыми, онъ роздалъ имъ свои портреты, и когда чрезъ 20 слишкомъ лѣтъ послѣ сего сынъ его, Павелъ Александровичъ, пріѣхалъ въ Женеву, то и тогда о немъ вспоминали, особенно старикъ Вернетъ. Обнимая сына,—со слезами на глазахъ вспоминалъ объ отцѣ.

Предъ отъѣздомъ въ Италію Александръ Сергѣевичъ получилъ отъ графа Михаила Илларіоновича Воронцова рекомендательныя письма ко всѣмъ коронованнымъ особамъ, а нашъ академикъ Миллеръ далъ ему письма ко многимъ ученымъ лицамъ.

Для путешествія по Италіи Александру Сергѣевичу назначено 5 т. руб. сер.

21-го сентября 1754 года онъ уже былъ въ Туринѣ, гдѣ представлялся королю, наслѣдственному принцу и принцессѣ, которые всѣ были къ нему милостивы и ласковы. Въ это же время въ Туринѣ былъ и молодой князь Андрей Михайловичъ Голицынъ; съ нимъ онъ жилъ и вмѣстѣ осматривалъ дворецъ, библіотеку и галлерею. Въ библіотекѣ всякій могъ читать и дѣлать выписки. Въ ней находилось «хорошее собраніе антиквитетовъ, и между прочимъ манускриптъ: путешествія константинопольскаго патріарха Іеремія въ Москву». Сознаемся, что объ этомъ манускриптѣ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

Въ Туринѣ Александръ Сергѣевичъ получилъ отъ отца письмо, съ извѣщеніемъ о рожденіи, 20-го сентября 1754 года, великаго князя Павла Петровича, о крещеніи его 25-го того же мѣсяца и о разныхъ празднествахъ, бывшихъ въ Петербургѣ, по сему случаю, именно: что 9-го октября былъ фейерверкъ съ иллюминаціей, а также маскарады и французскія комедіи.

4-го октября 1754 года Александръ Сергѣевичъ, выѣхалъ изъ Турина, заѣзжалъ на Бароннейскіе острова и 8-го числа того же мѣсяца пріѣхалъ въ Миланъ; здѣсь онъ представлялся дюку Мадскойну и у него же на другой день обѣдалъ.

По словамъ его здѣсь много хорошихъ картинъ и если онъ найдетъ, что либо продажное, то онъ непремѣнно купитъ.

7-го ноября 1754 года Александръ Сергѣевичъ былъ въ Брессіи, бывшей

Digitized by Google

тогда подъ венеціанскимъ владычествомъ; здѣсь онъ познакомился съ кардиналомъ Квирини. Отсюда поѣхалъ въ Верону, сошелся тутъ онъ съ нѣкіимъ Маѳіемъ, названнымъ отцемъ древностей. Въ домѣ Маѳія жилъ тогда Сегюръ. Особенно тѣсная дружба его завязалась съ маркизомъ Сакромозо.

Въ Венеціи Александръ Сергѣевичъ былъ 17-го января 1755 года и нашелъ тутъ карнавалъ; по его отзыву карнавалъ для венеціанъ составляетъ все, и радость, и восторгъ, но для иностранца онъ рѣшительно скученъ.

Вотъ какъ онъ описываетъ тогдашнюю венеціанскую жизнь:

Все народонаселеніе Венеціи съ утра до вечера находится въ скученныхъ массахъ. Веселье состоитъ въ томъ, чтобы гулять на площади св. Марка, а вечеръ проводятъ въ редутѣ, потомъ идутъ въ оперу или комедію.

Вообще Венеція своею свободною жизнію, доходившею до соблазна,—своими обычаями крайне не понравилась Александру Сергѣевичу.

Такъ онъ находитъ, что всѣ венеціанскія дамы имѣютъ Cavalier Galant, которые прислуживаютъ имъ какъ простые слуги. Обязанность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы непремѣнно присутствовать при вставаніи своихъ дамъ и быть при нихъ, когда онѣ въ постелѣ, потомъ присутствовать при ихъ туалетѣ, а послѣ опять съ ними въ Казино.

Казино это маленькій домикъ, убранный со всевозможною роскошью, и служитъ для дамъ, послѣ обѣда, мѣстомъ отдохновенія и часто убѣжищемъ всевозможныхъ скандальныхъ исторій. Вечеромъ дамы, со своими неразлучными кавалерами, ѣдутъ обыкновенно въ редутъ или картежные дома. Здѣсь, по описанію нашего путешественника, молодые благородные венеціанки, въ парадныхъ платьяхъ, привлекаемые грудами золота, разсыпаннаго на столахъ, проигрываютъ достояніе своихъ предковъ. Послѣ редута дамы ѣдутъ въ театръ, и бонъ-тонъ требуетъ—пріѣхать только ко второму акту и, сидя въ ложѣ, проговорить со своимъ кавалеромъ все время, не обращая никакого вниманія на сцену, гдѣ идетъ представленіе; а затѣмъ опять ѣдутъ въ Казино, или, наконецъ, домой,—вотъ жизнь венеціанокъ. Что касается до венеціанъ, то каждый изъ нихъ священною обязанностію своею считаетъ непремѣнно ухаживать за какою нибудь дамой; все же остальное время посвящается азартной игрѣ, — отчего многія богатыя фамиліи страшно обѣднѣли.

Дожъ пользуется этимъ и покупаетъ голоса дворянъ, которые не стыдятся переходить на ту сторону, которая больше давала. Проигравшіе дворяне поступаютъ на жалованье, по днямъ и часамъ, къ жидамъ, которые имъ даютъ деньги и держутъ такимъ образомъ банкъ. Игра продолжается во весь день и ночь. Изнемогшіе отдыхаютъ нѣсколько часовъ, съ передачей на это время игры другимъ лицамъ. Вотъ, въ виду такой жизни, дворяне часто продаютъ мебель, а также картины великихъ артистовъ за безцѣнокъ.

Пользуясь этимъ случаемъ, Александръ Сергѣевичъ купилъ одну картину Кореджіо, находящуюся и теперь въ галлереѣ Строгоновыхъ.

Digitized by Google

Изъ Венеціи Александръ Сергѣевичъ отправился въ г. Болонь, славный въ то время своимъ университетомъ, слушалъ тутъ лекціи по разнымъ наукамъ, а затѣмъ прибылъ въ г. Римъ, представлялся тутъ папѣ и съ нимъ впослѣдствіи даже переписывался; потомъ онъ переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ снова предался слушанію лекцій по разнымъ наукамъ, въ томъ числѣ опытной физики, химіи, металургіи, посѣщая ученые кабинеты академіи наукъ, фабрики и заводы.

Пріобрѣтенныя имъ научныя познанія не остались безслѣдны, но были примѣнены на дѣлѣ въ заводахъ пермскихъ.

Парижская жизнь ему пришлась по душѣ. Но отецъ его, какъ было выше объяснено, сильно настаивалъ на скоромъ возвращеніи его въ отечество, что онъ исполнилъ. Впрочемъ, не скроемъ того, что въ одномъ изъ своихъ писемъ къ отцу изъ Парижа онъ признался въ слабости, извинительной въ тогдашнее время. Такъ разъ онъ просилъ прощенія у своего отца, говоря, что въ Парижѣ онъ имѣлъ несчастіе нѣсколько въ карты проиграть, «хотя игру эту я ненавижу, писалъ онъ, но иначе никакъ нельзя обойтись. Куда ни пойдешь, вездѣ столько оказій, что почти никакъ себя отъ оной удержать не можно.— Я надѣюсь, что вы за мое ребячество и небережливость не прогнѣвитесь».

Сообщ. Н. М. Колмаковъ.

Ноября 15-го дня 1886 г.

Digitized by Google

ТАРАСЪ БУЛЬБА Н. В. ГОГОЛЯ.

главы неизданной редакціи [1]).

VIII [2]).

Большое движеніе происходило въ запорожскомъ таборѣ. Всѣ еще не могли себѣ дать отчета, какъ это случилось, что войска прошли въ городъ. Оказалося, что весь Переяславскій курень, расположившійся передъ боковыми городскими воротами, былъ пьянъ мертвецки и потому не диво, что половина была перебита, а другая перевязана прежде, чѣмъ могли узнать, въ чемъ дѣло. Покамѣстъ ближніе курени, разбуженные шумомъ, успѣли схватиться за оружіе, войско уже уходило въ ворота, и послѣдніе ряды отстрѣливались отъ устремлявшихся въ безпорядкѣ на нихъ сонныхъ и полупротрезвившихся запорожцевъ. Кошевой далъ приказъ собраться всему народу и, когда всѣ, вставши въ ряды по куренямъ, образовали большой (просторно [3]) далеко очерченный, просторный кругъ и всѣ, и старые и молодые, снявъ шапки и понуривъ чубатыя головы, затихли вдругъ, онъ началъ рѣчь: «Итакъ, вотъ что, панове-братове, случилось въ эту ночь. Вотъ до чего довелъ хмель, что оказалъ намъ поруганье въ самыя очи! У васъ, паны братья, видно уже такое заведеніе: коли вамъ позволишь удвоить или, можетъ быть, утроить (порцію какую

---

[1]) См. „Русск. Стар." изд. 1887 г., т. LIII, мартъ, стр. 711—730.

[2]) Эта глава соотвѣтствуетъ VII-й печатнаго текста.

[3]) Сверху этого слова написано: «далеко». Н. Т.

Digitized by Google

нибудь) порцію, такъ вы готовы такъ натянуться, что врагъ христоваго воинства сниметъ съ васъ не только шаровары, но начихаетъ въ лицо вамъ, такъ вы не услышите».

Козаки всѣ стояли, понуривъ головы, зная вину. Одинъ только Уманскій куренный атаманъ Кукубенко отозвался. «Постой, батько», сказалъ онъ: «хоть оно и не въ законѣ, чтобы сказать какое возраженіе, когда говоритъ кошевой передъ лицомъ всего войска, да дѣло не такъ было, такъ нужно сказать. Ты не совсѣмъ справедливо попрекнулъ все христіанское войско. Козаки, конечно, (провинились бы) сдѣлали бы большую вину и достойны были бы смерти, когда бы напились въ походѣ, или на войнѣ, или вообще когда всѣмъ была какая тяжкая работа. Но мы всѣ сидѣли безъ дѣла больше недѣли, маячились понапрасну передъ городомъ. Какже ты хочешь, чтобы человѣкъ не выпилъ? Это не христіанское дѣло, чтобы не удовольствоваться человѣку тѣмъ, что послалъ Богъ, когда нѣтъ (ни поста) подъ тотъ часъ ни поста церковнаго, ни другаго какого положеннаго воздержанія. Они ничѣмъ не согрѣшились. А мы вотъ лучше покажемъ чортовымъ басурманамъ, что̀ такое нападать на безвинныхъ людей. Прежде били добре, а теперь побьемъ еще лучше. Я отвѣчаю за всѣхъ козаковъ, что теперь чорта принесетъ ляхъ (здоровъ) домой здоровыми свои пяты».

Рѣчь куреннаго атамана понравилась козакамъ. «Правда! правда!» говорили они (почти про себя) тихо, наклонивъ немного на сторону уже было совершенно понурившіяся головы; но крикнуть (голосно не могли произнести одобренія, зная, что неприлично) голосно никто не посмѣлъ, зная, что̀ сіе неприлично, когда передъ ними стоитъ главный старшина. «Такъ сказалъ Кукубенко, какъ нужно; лучше и сказать нельзя», говорили другіе куренные атаманы. Одинъ только Тарасъ Бульба, который былъ тутъ недалеко, сказалъ: «А что, кошевой? Кукубенко, видно, правду сказалъ? Что-жъ скажешь на это?»

«А что скажу? Скажу: блаженъ и батько, родившій такого сына. Небольшая мудрость, паны-братія, сказать укорительное слово, но гораздо большая мудрость сказать такое слово, которое бы, не поругавшись надъ бѣдою человѣка, ободрило бы его и придало бы ему духу, какъ шпоры придаютъ духу коню, освѣженному водопоемъ. Я самъ хотѣлъ вамъ сказать потомъ утѣшительное слово, да Кукубенко догадался прежде».

«Добре!» повторилось въ рядахъ запорожцевъ: «и кошевой сказалъ добре». «Добре»! повторилось въ самыхъ дальнихъ рядахъ. И

Digitized by Google

самые сѣдые, стоявшіе какъ сивые голуби, и тѣ кивнули головою и, моргнувши сѣдымъ [1]) усомъ, сказали: «Добре сказанное слово!»

«Теперь слушайте же, панове, что̀ намъ предстоитъ сдѣлать», такъ повелъ опять рѣчь кошевой. «Брать крѣпость, то есть чтобы карабкаться и подкапываться подъ нее, какъ дѣлаютъ многіе чужеземные нѣмецкіе мастера—пусть ей врагъ прикинется!—и неприлично, и не козацкое дѣло. А судя потому, какъ оно есть, да и по [2]) нашему тоже уму-разуму, какой, благодареніе Богу, еще держится въ головѣ нашей, непріятель вошелъ въ городъ не съ большимъ запасомъ, потому что ни возовъ, ни экипажу не замѣтно было. Если-жъ и набрали съ собою, чего догадались взять, то на немного времени станетъ его, потому что народъ и городъ голодный,—поѣдятъ духомъ; да и конямъ тоже, братове, я не знаю, гдѣ они (сѣна) добудутъ сѣна: развѣ съ неба кинетъ имъ на валъ какой нибудь святой.... Только про это еще Богъ знаетъ, а ксензы-то ихъ горазды на одни слова. Такъ я думаю, братья, что они выдутъ изъ города; за сѣномъ ли (или), за хлѣбомъ ли, а ужъ непремѣнно выдутъ... а мы вотъ тутъ, въ полѣ, и дадимъ знать имъ, что̀ за штука—козаки. Становитесь всѣ кучами по всѣмъ дорогамъ. Передъ воротами середними пусть выстроятся, въ четыре ряда, курени Незаймайковскій и Гургузивъ, а по за ними тѣмъ часомъ проберутся курени Дидькивскій съ Корсунскимъ, по за облогами засядутъ въ засаду съ полковникомъ Тарасомъ: мы сдѣлаемъ такъ, что онъ съ своимъ полкомъ тоже въ засадѣ. А чтобы заставить непріятеля выступить скорѣе изъ города, мы вышлемъ впередъ молодцовъ [3]) задорить: ибо у насъ есть такіе молодцы, что, какъ захотятъ, такъ мертваго найдутъ чѣмъ нибудь обидѣть. Голова же у ляха, какъ извѣстно, не дальняго разума, посмѣянья не вытерпитъ, разгорячится: такъ, можетъ быть, они теперь же выступятъ изъ города».

«Такъ и сдѣлаемъ», сказали почти въ одинъ голосъ всѣ куренные атаманы: «не наше дѣло толковать, наше дѣло повиноваться, ибо законъ велитъ въ военное время повиноваться (во всемъ) своему [4]) вождю. Но хоть бы и не было такого закона, все бы ни одинъ изъ козаковъ не посмѣлъ бы (sic!) ослушаться, ибо не можно лучше придумать, какъ придумала [5]) разумная голова твоя».

---

[1]) Слово «сѣдымъ» приписано сверху строки.
[2]) Слово «по» приписано карандашемъ сверху строки.
[3]) Конецъ слова стертъ.
[4]) Слово «своему» написано сверху зачеркнутаго: «во всемъ».
[5]) Въ рукописи: «придумная». Н. Т.

Digitized by Google

«Такъ за работу же, хлопьята, за работу! Перегляди всякой курень свой: въ которомъ недочетъ, пусть пополнитъ его Переяславскимъ. Перечистить и переглядѣть всю сбрую и выбрать оружіе понадежнѣе! Дать на опохмѣлъ всѣмъ по чаркѣ! Выдать каждому по половинѣ хлѣба, потому что на тощій желудокъ не годно начинать дѣла; а впрочемъ и то нужно сказать, что иной, можетъ быть, и вчерашнимъ еще сытъ, потому что—некуды дѣть правды!—вчера понаѣдались всѣ такъ, что дивлюсь, какъ ночью никто не лопнулъ. Такъ за работу, братцы, за работу!»

Такъ (говорилъ) распоряжалъ кошевой, и всѣ поклонились ему въ поясъ и, не надѣвая шапокъ, отправились по своимъ возамъ и таборамъ и, когда уже совсѣмъ далеко отошли, тогда только надѣли шапки. Всякой занялся тотъ же часъ своимъ дѣломъ: пробовали самопалы, точили сабли, палаши и списы, высыпали изъ боченковъ и кожаныхъ мѣховъ порохъ и темныя пули. Уходя съ своимъ полкомъ на засаду, Тарасъ все думалъ и никакъ не могъ понять, куда бы дѣвался Андрій. Полонили ли его вмѣстѣ съ другими и связали соннаго? Только нѣтъ, не таковъ Андрій, чтобы отдаться въ полонъ живымъ. Между убитыми козаками тоже не было видно его. Задумался крѣпко Тарасъ и шелъ тихо, понуривъ сѣдую голову, передъ полкомъ своимъ, не чуя, что его давно называлъ кто-то по имени. «Кому нужно меня?» наконецъ сказалъ онъ, когда услышалъ близко и (во весь голосъ произ) очень громко произнесенное свое имя. Передъ нимъ стоялъ жидъ Янкель, который уже давно кланялся ему и заходилъ со всѣхъ сторонъ, пробуя, не увидитъ ли какъ-нибудь его полковникъ.

«Панъ полковникъ! Панъ полковникъ!» говорилъ онъ поспѣшнымъ и прерывистымъ голосомъ, дававшимъ знать, что (и дѣл) имѣлось объявить дѣло не совсѣмъ пустое. «Я былъ въ городѣ, панъ полковникъ!»

Оглянулся Тарасъ и посмотрѣлъ на жида, подивившись [1]) не мало [2]) тому, какъ жидъ уже успѣлъ побывать въ городѣ и не могъ не сказать: «Какой же врагъ тебя занесъ туда?»

«Я тотчасъ разскажу», сказалъ жидъ Янкель. «Какъ только услышалъ я, что на зарѣ сдѣлался шумъ и козаки стали стрѣлять, я,—ей Богу, вотъ признаюсь пану,—насилу могъ ухватить кафтанъ и уже дорогою бѣгомъ надѣвалъ въ рукава, ибо мнѣ хотѣлось (извѣст) узнать,

---

[1]) При послѣдней редакціи конецъ этого слова переправленъ, такъ что могъ быть возстановленъ только по связи предложеній.

[2]) Написано сверху зачеркнутаго: «сильно». Н. Т.

Digitized by Google

что значитъ этотъ шумъ и что козаки на самой зарѣ стали стрѣлять. Я прибѣжалъ къ самымъ городскимъ воротамъ въ то время, когда послѣднее войско входили (sic!) въ городъ. Я увидѣлъ, какъ шелъ впереди отряда панъ хорунжій Галяндовичъ. Онъ, панъ, (мнѣ) человѣкъ мнѣ знакомый и еще съ третьяго года задолжалъ мнѣ сто червонныхъ. Я за нимъ (чтобы выпро), будто бы затѣмъ, чтобы выправить съ него долгъ, и вошелъ вмѣстѣ съ ними въ городъ».

«Какъ же ты вошелъ въ городъ, да еще и долгъ хотѣлъ выправить?» сказалъ Бульба: «и не велѣлъ онъ тебя тутъ же повѣсить, какъ собаку?»

«А, ей Богу, хотѣлъ повѣсить», сказалъ жидъ. «Уже было слуги совсѣмъ схватили меня, закинули веревки; но я взмолился пану: сказалъ, что подожду долгу, сколько панъ хочетъ, и пообѣщалъ еще дать взаймы, какъ только поможетъ мнѣ собрать долги съ другихъ рыцарей: ибо панъ хорунжій—я все скажу пану — и червоннаго не имѣетъ въ карманѣ. Ей Богу, такъ! не смотря на то, что у него и хутора есть, и усадьбы есть, есть и пашни, есть и земли до самаго Шклова. И теперь, если-бы не вооружили его Бреславскіе жиды, не въ чѣмъ было бы ему и на войну выѣхать. Онъ въ сейму не былъ отъ того»...

«Что-жъ ты дѣлалъ въ городѣ? видѣлъ нашихъ?» спросилъ стремительно Тарасъ.

«Нѣтъ, нашихъ не видѣлъ.... Да панъ о комъ говоритъ? о евреяхъ? коли говоритъ нашихъ».

«Пусть прикинется чортъ твоимъ евреямъ, собачій жидъ! Притянулъ нечистый родъ свой къ христіанскому воинству! Я хочу знать, что дѣлаютъ наши запорожцы».

«Я-жъ ничего не сказалъ. На то панская воля: коли хочетъ панъ, чтобы наши були запорожцы, пусть будутъ наши—запорожцы. Я нашихъ запорожцевъ не видалъ, а видалъ одного пана Андрія».

«Андрія видѣлъ?» вскрикнулъ Бульба, и послышалъ что-то на сердцѣ. «Небось, бѣднага, связанный? Закинули проклятые ляхи куды нибудь въ подвалъ, гдѣ и свѣту божьяго не видно?»

«Какъ можно, чтобы кто связалъ пана Андрія? Теперь онъ тамъ такой важный рыцарь.... Далибугъ, я не узналъ сперва: въ кованныхъ латахъ (золытые), и наплечники въ золотѣ, и нарукавники въ золотѣ, и по поясу золото. Коня самъ воевода далъ своего (подъ верхъ) [1]): два ста червонныхъ стоитъ одинъ конь».

«На что-жъ онъ надѣлъ чужое одѣянье?» спросилъ Бульба и невольно разинулъ ротъ.

---

[1]) „Подъ верхъ“ написано было сверху слова „своего“. Н. Т.

Digitized by Google

«Ибо лучше, чѣмъ козацкое, оттого надѣлъ», продолжалъ жидъ: «и мѣдная шапка съ перомъ, разъѣзжаетъ по улицамъ и учитъ солдатъ и самъ учится такъ, какъ польскій панъ».

«Да врешь ты, жидъ! Да его хоть замучатъ, такъ не принудятъ дѣлать того, что ты говоришь».

«Я-жъ не говорю, чтобы его кто принудилъ. Кто-жъ можетъ принудить пана Андрія? Онъ по своей волѣ дѣлаетъ такъ. Развѣ панъ не знаетъ, что онъ по доброй волѣ перешелъ къ нимъ?»

«Кто перешелъ?»

«Панъ Андрій».

«Куда перешелъ?»

«Перешелъ къ нимъ, на ихъ сторону: онъ теперь ихній».

«Врешь ты, чортовъ жидъ!» вскрикнулъ Тарасъ, весь вспыхнувъ.

«Зачѣмъ же мнѣ врать? Дуракъ я развѣ, чтобы сталъ врать? Я же знаю самъ, что жида повѣсятъ, какъ собаку, коли онъ совретъ передъ паномъ».

«Такъ что выходитъ, онъ, по твоему, продалъ отчизну и вѣру?»

«Я же не говорю, чтобы онъ продавалъ. Я сказалъ только, что (онъ только) перешелъ на ихъ сторону» [1]).

«Да врешь ты, чортовъ сынъ! Такого дѣла и не было еще на христіанской землѣ! Не сдѣлаетъ такого дѣла. Что ты мнѣ путаешь, собака жидъ?»

«Далибугъ же правда. Пусть трава поростетъ на порогѣ моего дома, если я брехню сказалъ».

«Не повѣрю, чортовъ жидъ!»

«Хочетъ панъ, я скажу даже, отъ чего онъ теперь ихъ?»

«Отъ чего?»

«У воеводы есть дочка красавица. Святой Боже, какая красавица!» Здѣсь жидъ постарался, какъ только могъ, выразить въ лицѣ своемъ красоту, разставивъ руки, прищуривъ глазъ и покосивъ немного ротъ, какъ будто чего нибудь отвѣдавши.

«Ну такъ что же изъ того?»

«Онъ же для нея и сдѣлалъ все и перешелъ для нея: коли человѣкъ влюбится, то все сдѣлаетъ».

Крѣпко задумался Бульба; и вспомнилъ онъ, что велика власть слабой женщины, что многихъ, и слишкомъ даже сильныхъ, погубляла она, что податлива съ этой стороны природа Андрія. И думалъ онъ долго, стоя, какъ вкопанный въ землю на томъ мѣстѣ (гдѣ сто).

---

[1]) Слова: „Я сказалъ только“ приписаны сверху строки. Н. Т.

Digitized by Google

«Слушай, панъ, я все знаю», говорилъ жидъ: «я какъ только услышалъ шумъ и увидѣлъ, что проходятъ въ городскіе ворота, я схватилъ на всякой случай съ собой нитку жемчуга, потому что я давно видѣлъ, что въ городѣ есть красавицы, ибо на городской валъ часто выходили женщины дворянскаго рода [1]); «а коли женщины дворянскаго рода»—сказалъ я себѣ, «то хоть у нихъ и голодъ, хоть и ѣсть нечего, а жемчугъ все-таки купятъ». А какъ только хорунжаго слуги пустили меня, я побѣжалъ на воеводинъ дворъ и разспросилъ все у служанки татарки: «что, какъ только прогонятъ запорожцевъ, будетъ свадьба, и что панъ Андрій обѣщалъ прогнать запорожцевъ»

«И ты не убилъ тутъ же на мѣстѣ его, чортова сына?» вскрикнулъ Бульба».

«За что же убить? Онъ перешелъ по доброй волѣ. Тамъ, видно, ему лучше. Чѣмъ же виноватъ человѣкъ, когда перешелъ туда, гдѣ ему лучше?»

«И ты видѣлъ его въ самое лицо?»

«А, ей Богу, въ самое лицо. Я узналъ его еще издалека межъ другими панами. Ай, какой славный воякa! Всѣхъ взрачнѣй. (и) Дай Богъ ему здоровья! Добрый панъ: меня тотчасъ узналъ и (сказ) подозвалъ къ себѣ. Когда я подошелъ къ нему, тотъ часъ сказалъ»....

«Что-жъ онъ сказалъ?»

«Сказалъ: «Янкель!» — «Панъ Андрій!» говорю я. — «Скажи, Янкель, говоритъ, всѣмъ, скажи всѣмъ, что я уже не ихъ: и отцу скажи, что онъ мнѣ не отецъ; и брату скажи, что онъ мнѣ не братъ больше; и всѣмъ, говоритъ, скажи [2]), чтобы и не попадались; что, коли встрѣчусь, говоритъ, съ кѣмъ изъ нихъ, буду биться не на жизнь, а на смерть, какъ съ врагомъ»».

«Да врешь ты, чортовъ жидъ, онъ не говорилъ этого», вскрикнулъ Бульба и разсердился сильно [3]). «Не говорилъ онъ этого, не скажетъ онъ этого».

«Ей, ей, сказалъ».

«Врешь, чортовъ Іуда! Ты и Христа распялъ, проклятый Богомъ человѣкъ!»

«Ей Богу!»

«Да я тебя убью, чортовъ жидъ! Не повѣрю, сатана! Утекай

---

[1]) Слово „рода“ въ рукописи пропущено.

[2]) Это слово въ рукописи написано два раза.

[3]) Фраза: „и разсердился сильно“ приписана сверху, въ замѣну зачеркнутой: „не помня себя“. Н. Т.

Digitized by Google

отсюда, не то вотъ тутъ и смерть тебѣ!» И старый Тарасъ ухватился за свою саблю.

Жидъ, увидѣвъ, что дѣло было плохо, потому что опасно было оставаться [1]) съ разсердившимся Тарасомъ, припустилъ тутъ же, выражаясь простымъ обычаемъ, во всѣ лопатки, какъ только могли вынести его тонкія, сухія икры.

Долго еще бѣжалъ онъ безъ оглядки между козацкимъ таборомъ и потомъ по всему чистому полю, хотя Тарасъ за нимъ вовсе не гнался и, сдѣлавъ два-три шага, опомнился и помыслилъ, что нечего сердиться на жида и что дѣло дитяти вымещать первую [2]) запальчивость на первомъ подвернувшемся.

«Такъ не повѣрю же! не повѣрю!» говорилъ уже самъ себѣ Бульба, «Не было такого страму, чтобы (коза) запорожецъ, козакъ, да еще Тарасовъ сынъ, продалъ бы отчизну и вѣру». (И тутъ же пришло ему вдругъ). Но вдругъ приходила ему мысль о красавицѣ, воеводиной дочкѣ, и вспомнилъ онъ, что Андрій бродилъ прошлую ночь по козацкому табору. Подался сильно старый Тарасъ, а все-таки говорилъ: «Да не повѣрю же! Пока не увижу самъ его, не повѣрю».

Въ это время доубышъ грянулъ въ свои литавры,—тихо, бодро и картинно выступали пѣшіе первые ряды запорожцевъ, которые были готовы; которые не были еще готовы, брали оружіе и подпоясывали; а которые были самые дальніе, тѣ оставляли еще только [3]) съ крупною крымскою солью, бросая (себѣ) на телѣгу или засунувъ себѣ за пазуху, и оправлялись [4]): кто садился на коня, кто присоединялся къ пѣшимъ рядамъ; и выступали по порядку, одинъ за другимъ, курени: Уманскій, Поповичевскій, Коневскій, Стебликивскій [5]), Незамайковскій, Гургузивъ, Тымошевскій. Одного только Переяславскаго не было. Крѣпко курнули козаки его и прокурили свою долю. Кто проснулся связанный во вражьихъ рукахъ; кто, и совсѣмъ не просыпаясь, сонный перешелъ въ сырую землю и самъ (куренный) атаманъ Хлибъ, безъ шароваръ и верхняго убранства, очутился въ ляшскомъ стану [6]).

И расположились запорожцы такъ, что по куреню стало у каж-

---

[1]) Слово „оставаться“ написано сверху зачеркнутыхъ: „имѣть дѣ“....

[2]) Прежде было написано: „что нечего сердиться на жида и неразумно предаваться первой“....

[3]) Послѣ этого въ рукописи пропущено слово „хлѣбъ“, какъ видно изъ предшествующей обработки.

[4]) Такъ въ рукописи. Не слѣдуетъ ли читать: „отправлялись“.

[5]) Было написано: „Стебливскій“; при послѣдней редакціи переправлено въ „Стебликивскій“.

[6]) Прежде было написано: „въ ляшскихъ рукахъ“. Н. Т.

Digitized by Google

дыхъ воротъ, а четыре куреня стали передъ большими воротами. Въ три ряда выстроилась пѣхота, а позади рядовъ стали конные; и сначала всѣ собрались въ одно мѣсто, чтобы сдѣлать непріятелю стѣну, чтобы не увидалъ онъ, какъ два куреня потихонько пошли [1]) въ засаду, а впереди ихъ Тарасъ съ полкомъ своимъ. Въ городѣ, видно, было услышано козацкое вооруженіе, потому что все высыпало на городской валъ, образуя живую картину. Польскіе витязи стояли одинъ другаго красивѣе: на многихъ были мѣдныя шапки, всѣ сіявшія въ солнцѣ [2]), осѣненныя бѣлыми, какъ лебедь, перьями; на другихъ— низенькія голубыя и розовыя шапочки (съ четвероугольнымъ верхомъ) съ заломленнымъ на бекрень четвероугольнымъ верхомъ своимъ; кафтанъ съ откидными рукавами, шитые и нешитые пояса и, наконецъ, пистолеты и сабли, драгоцѣнность, за которую платили тогда много и на убранство которыхъ не одинъ жертвовалъ лучшимъ достояніемъ своимъ. Напереди стоялъ красиво въ красной шапкѣ, убранной золотомъ, Буджаковскій полковникъ. Грузенъ былъ полковникъ, всѣхъ выше,—и широкой дорогой кафтанъ въ силу облекалъ его. На другой сторонѣ, почти къ боковымъ воротамъ, стоялъ другой полковникъ, небольшой человѣчекъ, весь высохшій; но малыя зоркія очи глядѣли живо изъ-подъ густо-наросшихъ бровей и оборачивался онъ скоро на всѣ стороны, указывая бойко тонкою сухою рукою своею и раздавая приказанья. И видно было, что (онъ), не смотря на малое тѣло свое, зналъ онъ хорошо ратную науку. Недалеко отъ него стоялъ хорунжій, длинный, длинный съ густыми усами и, казалось, не было ему недостатка въ краскѣ лица. Любилъ панъ, какъ можно было видѣть даже снизу, крѣпкіе меды и добрую пирушку. И много видно было за ними всякой шляхты, вооружавшейся кто на свои червонцы, кто на королевскую казну, кто на жидовскія деньги, заложивъ все, что ни нашлось въ дѣдовскихъ замкахъ.

Козацкіе ряды стояли тихо передъ стѣнами. Золота немного было видно на нихъ, только развѣ гдѣ блестѣло на сабельныхъ рукоятяхъ. Не любили козаки нашивать себѣ на кафтаны золота, а кто былъ и въ красномъ или иномъ дорогомъ кафтанѣ, то надѣвалъ его, какъ попало. Только одни черныя бараньи шапки густо чернѣли съ разноцвѣтными верхами.

Скоро изъ запорожскихъ рядовъ выѣхали впередъ два козака: одинъ еще совсѣмъ молодой, другой постарѣе, оба зубастые на слова,

---

[1]) Слова: „потихонько пошли“ написаны сверху зачеркнутаго слова: „отправились“.

[2]) Было написано: „въ солнцахъ“. Н. Т.

Digitized by Google

да и на дѣло тоже не плохіе козаки: Охримъ Нашъ и Мыкыта Голокопытенко. А вслѣдъ за ними выѣхалъ и Демидъ Поповичъ, лихой козакъ, уже давно маячившій на Сѣчи, бывшій подъ Адріанополемъ и много натерпѣвшій [1]) на вѣку своемъ: горѣлъ въ огнѣ и прибѣжалъ на Сѣчь съ обсмоленною, почернѣвшею головою и выгорѣвшими усами. Но раздобрѣлъ вновь Поповичъ: пустилъ за ухо оселедецъ, выростилъ усы густые и черные, какъ смоль; и крѣпокъ былъ на ѣдкое слово Поповичъ.

«А, красные жупаны на всему воинству [2])! Да хотѣлъ бы знать, такъ ли красна сила у воинства».

«Вотъ я васъ», кричалъ сверху дюжій полковникъ: «всѣхъ перевяжу! Отдавайте, холопы, сейчасъ ваше оружіе и коней. Видѣли, какъ я перевязалъ вашихъ? Гей! а выведите на валъ запорожцевъ».

(Видно) На валу засуетились, видно, съ тѣмъ, чтобы выполнить полковничій приказъ и чрезъ нѣсколько минутъ показались на валу скрученные запорожцы, а впереди ихъ куренный атаманъ Хлибъ, безъ шароваръ и верхняго убранства, такъ какъ схватили его на хмѣлѣ. И потупилъ въ землю голову несчастный атаманъ, стыдясь наготы своей передъ своими же козаками и что попалъ въ плѣнъ, какъ собака. И въ одну ночь посѣдѣла крѣпкая голова его.

«Не журись, Хлибъ! Выручимъ!» кричали съ низу козаки.

«Не журись, друзьяка!» отозвался съ низу къ нему куренный атаманъ Бородатый.—«Въ томъ нѣтъ вины твоей, что схватили тебя голаго (бѣд). Это случай. Бѣда можетъ случиться со всякимъ человѣкомъ, а стыдно имъ, что выставили тебя на позоръ и не прикрывши прилично наготы твоей».

«Вы, какъ вижу, на сонныхъ людей храброе войско», говорилъ поглядывая на валъ, Голокопытенко.

«Вотъ погодите, поотрѣжемъ мы чубы вамъ!» кричали съ верху.

«А хотѣлъ бы я поглядѣть, какъ онѣ намъ поотрѣзываютъ чубы», говорилъ Поповичъ, поворотившись передъ ними на конѣ, и потомъ, поворотивъ немного голову къ своимъ, сказалъ:

«А ляхи, можетъ, и правду говорятъ, потому, коли выведетъ ихъ вонъ тотъ пузатый, такъ имъ всѣмъ будетъ добрая защита».

«Отъ чего-жъ ты думаешь, что будетъ имъ добрая защита?» сказали нѣкоторые козаки, зная [3]), что Поповичъ не даромъ говоритъ такъ, что уже вѣрно держитъ на умѣ сказать что нибудь такое.

---

[1]) Такъ въ рукописи; читай: „натерпѣвшійся“.

[2]) Потомъ поправлено рукою Гоголя: «всемъ войскѣ».

[3]) Слово „зная“ написано сверху зачеркнутаго: „потому“. Н. Т.

Digitized by Google

«А отъ того, что за нимъ спрячется [1]) все войско: уже чорта съ два достанешь изъ-за его пуза кого-нибудь копьемъ!»

Всѣ засмѣялись; козаки и куренные атаманы, которые стояли близко, засмѣялись; а въ рядахъ, бывшихъ подалѣ, спрашивали одинъ у другаго, что̀ сказалъ Поповичъ; а другіе, которые услыхали, говорили: «Ну ужъ Поповичъ! Ужъ коли кому закрутитъ слово, такъ только ну....», и дальше ужъ и не сказали [2]) козаки, что такое «ну».

«Отступайте! Отступайте отъ стѣнъ!» сказалъ въ это время, подъѣхавши кошевой, замѣтившій по движенію руки низенькаго полковника, что должно чему-нибудь быть. Всѣ попятились назадъ; изъ городскаго валу грянула картечь, но картечь не долетѣла. Въ верху все стало суетиться. Полковники отдавали приказы. Показался самъ сѣдой воевода. Бѣгало много воиновъ взадъ и впередъ. Наконецъ, ворота отворились и выѣхали ровнымъ (строемъ) конным строемъ шитые гусары, за ними другіе въ иныхъ кафтанахъ; съ боковъ и позади каждаго ряда (и впереди каждаго) ѣхало особнякомъ не мало (добры) видныхъ витязей, лучшихъ польскихъ шляхтичей, каждый одѣтый по своему. Не хотѣли гордые шляхтичи смѣшаться въ ряды съ другими, и у котораго не было команды, тотъ ѣхалъ одинъ съ пятью или шестью человѣкъ слугами. Потомъ опять ряды, и за ними выѣхалъ хоружій; за нимъ опять конные ряды, и выѣхалъ дюжій полковникъ; а позади всего уже войска выѣхалъ послѣднимъ низенькой полковникъ.

Все отступали козаки назадъ, пока не вышли послѣдніе изъ воротъ. И какъ только вышли всѣ и заняли лощину, чтобы, какъ слѣдуетъ выстроиться, кошевой далъ приказъ, чтобы не давать ляхамъ, какъ слѣдуетъ, выстроиться, а стараться бы вдругъ смѣшать ихъ: и козаки всѣ, съ боковъ и съ тыла, поднявши крикъ, отъ котораго забиралъ [3]) и не робкое сердце, посыпали козаки на нихъ. «Берите въ руки фитили, да пугайте коней!» кричалъ кошевой: «Пугайте коней»! И козаки, кто попало, кинулись цѣлой кучею и съ фитилями, совсѣмъ закутанные, прямо въ лицо конямъ; и хотя сами были вытоптаны коньми, но смѣшали и перепутали всѣхъ (Безпорядокъ сдѣло) и произвели безпорядокъ на славу, всѣ ряды, и дисциплина пропала: всѣ сошлись въ кучу, многіе [4]) должны были спѣшиться, ибо нельзя

---

[1]) „Спрячется“ написано сверху зачеркнутыхъ: „можетъ спрятаться“.

[2]) Слова: „не сказали“ написаны сверху зачеркнутыхъ: „ничего не говорили“.

[3]) Послѣ этого слова пропущено, кажется, „страхъ“.

[4]) Слово „многіе“ написано сверху зачеркнутыхъ: „и другіе“. Н. Т.

Digitized by Google

было дѣйствовать на конѣ. Велика была и далеко забирала поля сошедшаяся группа и каждому почти изъ воиновъ (почти) довелъ случай показать себя.

Демидъ Поповичъ, завидѣвъ [1]) лучшихъ двухъ шляхтичей, богаче и лучше другихъ снаряженныхъ, сшибъ съ коня того и другаго прежде, чѣмъ успѣли тѣ оглянуться и подумать, какимъ лучше противъ него выкинуть, и выгналъ коней ихъ далеко въ поле, крича стоявшимъ козакамъ перенять ихъ. Потомъ опять пробился въ кучу къ ляхамъ, которые было хотѣли помочь имъ, и одному снесъ (саблею) тяжелою саблею полголовы косякомъ и правую руку, разогналъ двухъ другихъ, а сбитаго съ коня, накинувъ ему на шею петлю, привязалъ къ своему сѣдлу (потомъ выѣхалъ подо), поволокъ его по всему полю и, какъ выѣхалъ подальше въ поле, скинулъ съ него дорогой кафтанъ, саблю съ рукоятью и отвязалъ отъ пояса у него цѣлый черенокъ съ червонцами.

Кобита, добрый козакъ и молодой еще, схватился съ дюжимъ и бравымъ изъ ляшскаго войска; и долго бились они, всѣ покрывши зазубринами свои сабли; и замахнулъ было уже надъ самою головою его ляхъ, да отбивши ударъ, ударился ему головою въ грудь и схватилъ его обѣими руками подъ самыя силы. Дюжій былъ ляхъ и закричалъ сильно; выхватилъ Кобита длинный турецкій ножъ, навостренный съ обѣихъ сторонъ, и всадилъ ему прямо подъ сердце весь по рукоять. Да не уберегся самъ молодой козакъ. Тутъ же въ високъ хлопнула его горячая пуля, и упалъ на поверженнаго на землю ляха, еще не успѣвъ вынуть изъ подъ сердца (своего) его кинжала. Статенъ и высокъ, какъ тополь, носился на буланомъ добромъ конѣ шляхтичъ: не изъ простыхъ онъ былъ,—княжескаго рода, четырехъ сотъ червонныхъ стоилъ одинъ конь. И много удали и богатырскаго боярскаго духу показалъ онъ: двухъ убилъ изъ пистолетовъ, а третьяго, занесшаго было на него руку, коннаго добраго козака, опрокинулъ вмѣстѣ съ конемъ. Грянулся на землю козакъ и конь наверхъ его; но не задавило его конемъ и выпутался бы онъ изъ подъ него, да досталъ его и тамъ удалый шляхтичъ длиннымъ копьемъ прямо (надъ грудью) въ шею надъ грудью: и свернулся въ судорогахъ козакъ, почуя холодное лезвее, вошедшее по [2]) самое древко, нанесшее смертную муку. И много онъ разнесъ страху далеко по всѣмъ кущамъ. Многіе изъ козаковъ, завидя его, не посмѣли подступать къ нему. Одного подпустивши къ себѣ на выстрѣлъ, бойко швырнулъ (на него) прямо

[1]) Послѣ этого слова было приписано сверху: „еще прежде“, потомъ зачеркнуто.

[2]) Въ рукописи: „въ“. Н. Т.

Digitized by Google

ему на голову арканъ, затянулъ ему шею и поволокъ его. Но ужъ давно завидѣлъ [1]) и намѣтилъ его издали бравый куренный атаманъ Кукубенко: припустилъ коня и нагналъ ему прямо въ тылъ и голосно, сильно закричалъ ему, такъ что вздрогнули близь стоявшіе отъ нечеловѣческаго крика. Хотѣлъ поворотить скоро коня и стать въ лицо ему удалый ляхъ; но не послушался конь, испуганный страшнымъ крикомъ, метнулся на сторону и досталъ его ружейною пулею Кукубенко. Вошла въ спинныя лопатки горячая пуля: свалился съ коня бравый ляхъ, схватилъ въ руки саблю, но ослабѣли руки, не могъ ничего онъ сдѣлать саблей. А Кукубенко, взявъ въ обѣ руки свой тяжелый палашъ, вогналъ ему въ самыя поблѣднѣвшія уста: вышибъ два сахарные зуба палашъ, разсѣкъ на двое языкъ, разбилъ горловой позвонокъ и вошелъ далеко въ землю, пригвоздивши на вѣки его къ сырой землѣ. Ключемъ хлынула вверхъ алая, какъ надрѣчная калина, высокая дворянская кровь и выкрасила весь желтый (кафтанъ) съ золотыми шнурками кафтанъ его. Отвязалъ у него тутъ же отъ пояса Кукубенко черенокъ, полный червонцевъ, и дорогую сумку съ тонкимъ бѣльемъ, дорожнымъ серебромъ и длинною дѣвичьею кудрею, сохранно хранившеюся на сердечную память. Завидѣлъ издали хорунжій, какъ нагнулся храбрый куренный атаманъ снимать съ убитаго военную корысть, подъѣхалъ (прямо) [2]) тихо въ тылъ ему вмѣстѣ съ четырьмя слугами: въ лицо не смѣлъ ему стать хорунжій, потому что уже два раза сбивалъ его Кукубенко съ коня и не ушелъ бы онъ отъ него, если-бы не спасли его всадники. (Схваты) Ударилъ онъ со всего размаху острой саблей по широкой козацкой шеѣ нагнувшагося атамана и слетѣла крѣпкая голова неуспѣвшаго оглянуться назадъ атамана. Пошатнулся обезглавленный трупъ и повалился на убитаго (трупъ), все покрывши вокругъ себя еще за минуту могущественно вращавшеюся въ жилахъ кровью, и (пошла) понеслась къ вышинамъ суровая козацкая душа, хмурясь и негодуя и вмѣстѣ съ тѣмъ дивуясь, что такъ рано вылетѣла изъ такого крѣпкаго тѣла. Но не успѣлъ хорунжій ухватить за чубъ (головы) атаманской (sic!) голову и привязать ее къ сѣдлу. Бравый мститель за Кукубенка скоро показался. Какъ ястребъ, давши (нѣсколько) много круговъ сильными [3]) крыльями по воздуху, вдругъ останавливается распластанный на высотѣ [4]) и оттуда стрѣлой бьетъ на раскричавшагося

---

[1]) Написано было: „на завидѣлъ“, потомъ „за“ зачеркнуто.

[2]) Слово „подъѣхалъ“ переправлено изъ „погналъ“; послѣ зачеркнутаго „прямо“ зачеркнуты слова: „на него коня“.

[3]) Слово „сильными“ написано сверху зачеркнутаго „быстрыми“.

[4]) Слово „высотѣ“ написано вмѣсто зачеркнутаго: „воздухѣ“. Н. Т.

Digitized by Google

(въ жнивѣ) у дороги самца перепела: такъ налетѣлъ онъ на хорунжаго и съ одного разу накинулъ ему на шею веревку, и стала еще краснѣе багровая голова хорунжаго, когда затянула шею жесткая петля; все еще успѣлъ онъ схватить пистолетъ и выстрѣлить, но уже не могла направить пули судорожно сведенная рука и даромъ полетѣла въ поле пуля. Остапъ тутъ-же, у его же сѣдла отвязалъ шелковый шнуръ, который возилъ съ собою хорунжій для вязанія плѣнныхъ, и, связавъ его по рукамъ и по ногамъ его же шнуромъ, прицѣпилъ на веревку къ сѣдлу и поволокъ черезъ поле, взывая громко всѣхъ (уманскихъ) козаковъ уманскаго куреня, чтобы шли [1]) отдать послѣднюю честь атаману. Какъ услышали уманцы, что атамана ихъ куреннаго Кукубенка поразилъ рокъ, бросали поле битвы и бѣжали, чтобы поглядѣть на своего атамана: не скажетъ ли онъ чего передъ смертнымъ часомъ? Но уже давно атамана ихъ не было на свѣтѣ: чубастая голова его далеко отскочила отъ своего туловища. И взявъ козаки голову, сложили ее и широкое туловище вмѣстѣ, сняли съ себя верхнее убранство и покрыли имъ его. И стали козаки совѣщаться тутъ-же о томъ, кого выбрать на мѣсто его въ куренные, ибо неприлично, чтобы курень на войнѣ оставался безъ атамана. И всѣ выбрали въ одинъ голосъ Бульбенка Остапа, зная, что онъ, хоть и молодой человѣкъ, но разумъ имѣлъ старый. Всѣ уманцы побѣжали, махая [2]) ему издали, чтобы воротился. Услышавъ о выборѣ своемъ, Остапъ снялъ шапку, поблагодарилъ козаковъ товарищей за честь, не сталъ отговариваться ни молодостью, ни неразуміемъ, зная, что не до того въ военное время, а тутъ же повелъ ихъ прямо на кучу, гдѣ уже давно бились жарко, поднявши пыль подъ самыя небеса и вытоптавъ далеко траву въ полѣ вокругъ [3]). Уже на [4]) рукопашный бой пошло дѣло и трещали могучія спины, какъ Остапъ въ сію минуту ударилъ съ уманцыми (sic) прямо въ крошелъ, и очистилъ вокругъ себя просторъ; и уже не одинъ ляхъ лежалъ опрокинутъ, съ отлетѣвшимъ дыханьемъ, выказавъ открытыя уста и зубы. А въ то-же самое время съ другой стороны ударилъ съ полкомъ своимъ Тарасъ, бывшій въ засадѣ съ двумя другими куренями. Пустивши крикъ, отъ котораго дрожало далеко все, что было вокругъ, они смяли въ одно мгновевіе всю конницу и нагнали ее на пѣшую кучу, и много было бы

[1]) Это слово приписано сверху строки лишь при послѣдней редакціи.

[2]) Слово написано неразборчиво.

[3]) Сначала было написано: „и вытоптавъ на далекое пространство“; потомъ сверху послѣ „вытоптавъ“ вставлено: „далеко траву“; надъ зачеркнутыми словами: „на далекое пространство“ приписано: „въ полѣ вокругъ“.

[4]) Слово „на“ приписано сверху зачеркнутаго „въ“. Н. Т.

Digitized by Google

выбито и пропало народу въ великомъ безпорядку, если-бы, завидѣвъ то, не приказалъ низенькой полковникъ выбросить хоругвь и не закричалъ на своихъ: «Назадъ! въ городъ!» И все пустилось во весь духъ къ городскимъ воротамъ. Отворились ворота и приняли коней и всадниковъ, усталыхъ, изнуренныхъ, воротившихся безъ многихъ своихъ товарищей. Запорожцы гнались за ними и, статься можетъ, ворвались бы многіе за ними по пятамъ въ городъ. Но съ городскихъ стѣнъ грянуло картечью и много не оглянувшихъ (sic!) повалилось. Одинъ Остапъ, однако-жъ, спасъ своихъ уманцевъ, сказавши: «На бокъ, братья! съ валу что нибудь да будетъ». И повалили всѣ на сторону уманцы. Кошевой, подъѣхавшій въ это время, похвалилъ, сказавши: «Вотъ и новый атаманъ, а ведетъ войско такъ, какъ бы и старый». И оглянулся старый Бульба поглядѣть, какой новый атаманъ. Не безъ радости увидѣлъ онъ, что это былъ сынъ его Остапъ, и благодарилъ всѣхъ уманцевъ за честь (которую). Запорожцы опять собрались чинно по куренямъ и стали отступать [1]) къ таборамъ; на городскомъ валу опять показались ляхи, уже съ изорванными епанчами; запеклась кровь на многихъ дорогихъ кафтанахъ и пылью покрылися красивыя мѣдныя шапки.

«Что перевязали?» кричали имъ снизу запорожцы.—«Вотъ я васъ!» кричалъ все также сверху толстый полковникъ, показывая веревку. И все еще не переставали грозить запыленные, изнуренные воины и перекинулись тѣ, которые были позадористѣй, бойкими словами.

А между тѣмъ всѣ разошлись къ (своимъ) таборамъ и положились—кто отдыхать, кто перевязывалъ раны и дралъ на перевязки платки и дорогія одежды, содранныя съ убитыхъ; кто лежалъ просто на спинѣ, выбитый изъ силъ, и тяжко переводилъ духъ, утружденный многими подвигами. А которые были посвѣжѣе и не такъ устали, стали прибирать тѣла и отдавать послѣднюю почесть. Тутъ же вырыли палашами и копьями могилы, шапками и полами выносили землю, сложили честно козацкія тѣла и засыпали ихъ свѣжею землею, чтобы не досталось воронамъ и хищнымъ орламъ выклевывать имъ очи. А нечистыя ляшскія тѣла вязали, какъ попало, десятками къ хвостамъ дикихъ коней и пустили ихъ далеко въ поле, чтобы вездѣ раскидали ихъ въ пищу волкамъ.

Потомъ посадились всѣ курени вокругъ казановъ вечерять, и много ѣли утружденные подвигами, (хотя) а еще больше того говорили каждый о случаяхъ, въ какихъ кто былъ, и о славныхъ дѣлахъ,

---

[1]) Въ рукописи: „оступать“. Н. Т.

Digitized by Google

какія кому достались на часть, на вѣчный разсказъ пришельцамъ и своимъ дѣтямъ, и внукамъ, и всему потомству. Долго не ложились многіе, и въ каждомъ [1]) всю ночь горѣлъ огонь, и у каждаго огня черезъ каждые два часа смѣнялась стража.

И ложась на землю, долго не спалъ старый Тарасъ и думалъ: «Что-жъ это значитъ? Много было всякихъ воевъ ляшскихъ, но Андрія моего не было. Я бы узналъ его, хоть бы какъ онъ далеко ни стоялъ. Вѣрно, посовѣстился Іуда вытти противъ своихъ». Такъ говорилъ Тарасъ, и уже начиналъ было думать, не вретъ ли жидъ, не попался ли онъ просто въ неволю. И потомъ опять [2]) вспомнилъ, что онъ еще прошлую ночь видѣлъ Андрія, прокрадывавшагося [3]) по таборамъ, подобно вору, съ какою то женщиной: не въ мѣру податливо было у Андрія сердце на женскія рѣчи. И почувствовалъ онъ великую скорбь въ душѣ и заклялся сильно въ душѣ противъ полячки, причаровавшей его сына. И исполнилъ бы онъ непремѣнно свою клятву: не поглядѣлъ бы онъ на ея красоту, вытащилъ бы ее за густую пышную косу, поволокъ бы ее за собою по всему полю между всѣми козаками; избились бы о землю, окровавившись [4]) и покрывшись пылью, ея чудныя груди и плечи, блескомъ равныя снѣгамъ, и по частямъ было бы разнесено ея пышное, прекрасное тѣло Но не вѣдалъ Бульба того, что готовитъ Богъ на завтра, и что, можетъ быть, дѣло такое случится, которое много повредитъ ему, и сталъ понемногу забываться Бульба. А въ козацкихъ кругахъ все еще многіе не спали и говорили промежъ собой [5]), и всю ночь у огней смотрѣла пристально во всѣ концы трезвая, не смыкавшая очей стража.

---

[1]) Послѣ этого пропущено слово „куренѣ“, сохраненное предшествующею обработкою.

[2]) Слово „опять“ написано сверху зачеркнутаго „вдругъ“.

[3]) Въ рукописи „прокрадывавшаго“.

[4]) Въ рукописи „окровавшись“.

[5]) Въ рукописи: „промежъ съ собой“. Н. Т.

Digitized by Google

IX.

Еще солнце не дошло до середины [1]) неба и день только начиналъ [2]) парить іюльскимъ тепломъ, доубышъ ударилъ въ свои литавры и (собира) запорожцы собирались на раду. Изъ Сѣчи пришла непріятная вѣсть, что татары напали врасплохъ на оставшіеся курени, перебили и перевязали всѣхъ оставшихся въ живыхъ. Оставшіеся курени, видно, курнули сильно по козацкому обычаю; къ тому же,—что было еще хуже,—татары нашли и вырыли изъ земли войсковой скарбъ, то есть запорожскую казну, державшуюся втайнѣ подъ землею. Съ добычею, плѣнниками, табунами и овечьими стадами, какія только успѣли схватить на пути, они направили путь къ Перекопу. Никто не убѣжалъ изъ плѣна. Одинъ только изъ всѣхъ козаковъ, именемъ Максимъ Голодуха, «добрый пройди-голова», какъ говорили козаки, хитрый на всякія выдумки, убѣжалъ середи дороги изъ татарскихъ рукъ. Выкрутился изъ-подъ веревокъ, которыми былъ привязанъ къ коню, доставшись на часть татарскому мирзѣ. Хоть былъ уже давно онъ почти развязанъ и не держали его веревки, но все прикидывался и ѣхалъ слѣдомъ за мирзой, да доставалъ потихонько изъ сапога длинный турецкій ножъ. Но какъ только отдѣлился мирза отъ слугъ своихъ и опустился въ долину отдохнуть отъ жару и напоить коня,—онъ вылѣзъ изъ-подъ веревокъ, и, подкравшись, ударилъ мурзу [3]) въ шею длиннымъ ножемъ, вогнавъ его по самую рукоять. Отвязалъ у него кошелекъ, полный червонцевъ; одѣлся въ его татарскую одежду, сѣлъ на коня, которому равнаго (не было) по быстринѣ не было между татарскими табунами и, выѣхавъ изъ долины, пустился среди бѣла дня на утекъ. Два дни и одну ночь гналъ онъ коня (гналъ онъ) и, какъ ни силенъ былъ татарскій конь, хоть лучше его не было ни у кого изъ татарскихъ князей [4]), но не выдержалъ и околѣлъ, не сдѣлавъ и половины пути. Кинулъ козакъ коня и бѣжалъ пѣшій степями всю ночь, покамѣстъ на дорогѣ не нашелъ гдѣ то другаго коня за 8 червонныхъ; и того загналъ онъ на смерть и уже на третьемъ конѣ пріѣхалъ въ запорожскій таборъ, услышавъ на пути, что запорожцы были подъ Дубномъ. Только и успѣлъ онъ объявить, что вотъ

---

[1]) Слово „середины“ переправлено изъ „половины“.
[2]) Въ рукописи „начинать“.
[3]) Такъ въ рукописи; въ другихъ мѣстахъ Гоголь пишетъ: „мирза“.
[4]) Прежде было написано: „не было въ татарскомъ таборѣ“. Н. Т.

Digitized by Google

какое зло случилось. Но какъ все это случилось, и почему запорожцы дались въ плѣнъ, и отъ чего татары узнали мѣста, гдѣ зарытъ былъ скарбъ—ничего о томъ не сказалъ, ибо не въ силу было говорить ему: сильно истомился козакъ послѣ неслыханной дороги, распухъ весь, лицо ему пожгло и опалило вѣтромъ. Тутъ же упалъ онъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ и какъ ни ворочали его съ бока на бокъ [1]), чтобы разбудить его и разспросить, что и какъ было далѣе, не могли добудиться. Кошевой приказалъ его [2]) оставить опочить и приготовить для такого добраго козака кухоль сивухи, какъ только проснется, чтобы освѣжить не въ мѣру надорвавшіяся силы. Не могло быть вѣсти непріятнѣе для всего козацкаго запорожскаго табора. Въ подобныхъ случаяхъ водилось у запорожцевъ бросать все и гнаться въ ту жъ минуту за похитителями [3]), стараясь настигнуть ихъ на дорогѣ: иначе плѣнники могли очутиться какъ разъ на базарахъ Малой Азіи: въ Смирнѣ, на Критскомъ острову, и Богъ знаетъ, въ какихъ мѣстахъ не показались бы чубатыя запорожскія головы. Вотъ за какимъ дѣломъ собрались теперь запорожцы на великую раду и все поле (покры) вдругъ покрылось (козацкими далеко чернѣвшими) козацкими шапками, какъ бываетъ осеннею порою или въ раннюю весну: все поле (становится) вдругъ зачернѣетъ и становится покрытымъ несмѣтными тучами налетѣвшихъ галокъ, поднявшихся изъ безлиственныхъ сквозящихъ лѣсовъ. Всѣ до единаго стояли запорожцы въ шапкахъ, потому что пришли не съ тѣмъ, чтобы слушать по начальству атаманскій приказъ, но совѣщаться, какъ ровные между собою. «Давай совѣтъ прежде старшіе», закричали въ толпѣ. «Давай совѣтъ, кошевой!» говорили другіе. И кошевой, снявши шапку, ужъ не такъ, какъ начальникъ, а какъ товарищъ [4]), благодарилъ всѣхъ козаковъ за честь и сказалъ: «Много между нами есть старшихъ и

---

[1]) Въ рукописи: „съ бока на бока".

[2]) Слово „его" написано сверху зачеркнутаго „козака".

[3]) Въ рукописи перечеркнуто карандашомъ все это мѣсто, начиная со словъ: „его и разспросить, что и какъ было", и оканчивая словами: „Въ подобныхъ случаяхъ водилось у запорожцевъ бросать все и". Въ замѣнъ зачеркнутаго Гоголь собственноручно написалъ карандашомъ-же: „и допросить его—не добудились вовсе. Сильно непріятна была такая вѣсть запорожцамъ. Въ такихъ случаяхъ было въ обычаѣ, бросивши все". Но эта поправка не принята Прокоповичемъ въ изданіе „Сочиненій Гоголя" (1842 г.), гдѣ читаются зачеркнутыя авторомъ „Тараса Бульбы" строки: „Въ подобныхъ случаяхъ водилось у запорожцевъ гнаться въ ту-жъ минуту за похитителями".

[4]) Затѣмъ зачеркнуто: „козакъ". Н. Т.

Digitized by Google

совѣтомъ умнѣйшихъ, но, коли меня почтили, то мой совѣтъ—времени даромъ не терять, товарищи-братья, и погнаться за татариномъ: ибо вы сами знаете, что̀ за человѣкъ татаринъ: онъ не станетъ ожидать дома, съ награбленнымъ добромъ, чтобы мы пришли отобрать его, а размытаритъ такъ, что и слѣдовъ не найдешь. Такъ мой совѣтъ: итти (скорѣйшимъ). Мы же погуляли здѣсь не мало. Знаютъ ляхи, что̀ такое козаки. За вѣру отмстили, сколько было по силамъ. Корысти же намъ не предстоитъ здѣсь теперь большой, ибо, если бы и случилось взять городъ, то, сами знаете, съ голоднаго города немного придется взять поживы. И такъ мой совѣтъ: итти».

«А что-жъ? Такъ и мы думаемъ. Итти!» раздалось голосно въ запорожскихъ куреняхъ. Одному старому Тарасу Бульбѣ не пришлись по душѣ такія слова, и навѣсилъ еще гуще онъ на очи свои изъ-черна бѣлыя брови, подобныя кустамъ на высокомъ темени горы, которыхъ верхушки занесъ пушистый сѣверный снѣгъ, и только сверху и снизу все еще чернѣетъ темная чаща сухихъ сплетенныхъ вѣтвей и сучьевъ.

«Нѣтъ, неправъ совѣтъ твой, кошевой!» сказалъ. «Не то ты говоришь, что̀ нужно. Ты видно позабылъ, что въ плѣну остаются наши, захваченные ляхами? Что же мы будемъ послѣ тогда, когда не уважимъ перваго святаго закона товарищества и оставимъ въ руки имъ кровныхъ нашихъ, дѣлившихъ съ нами и удачи, и горькія напасти? оставимъ ихъ на то, чтобы (они) содрали съ нихъ живыхъ кожу по своему безбожному обычаю, изчетвертовавъ козацкое ихъ тѣло на части, развозили бы ихъ по городамъ и селамъ, какъ сдѣлали они доселѣ съ гетьманомъ и лучшими русскими витязями на Украйнѣ? Развѣ еще мало они поругались и безъ того надъ святынею? Какой же послѣ этого будетъ козакъ? Что-жъ за козакъ, спрашиваю я всѣхъ васъ, который не защитилъ въ бѣдѣ своего кровнаго товарища, а кинулъ его, какъ собаку, пропасть на чужбинѣ, да еще пропасть лютою смертью? Не достоинъ-ли онъ того, чтобы плюнулъ ему въ очи его сотоварищъ, не уваживъ ни сѣдины его, и обидно попрекнули бы, какъ подлюку, его свои же дѣти и потомки?» [1]).

Всѣ понурили головы запорожцы послѣ такихъ словъ. Долго

---

[1]) Къ этому первоначальному тексту сдѣлано было Гоголемъ, сверхъ строкъ, слѣдующее дополненіе: „Такъ же покрай же (пускай же?) не укоритъ меня никто ни изъ старыхъ, ни изъ молодыхъ, которые теперь живутъ и которые послѣ будутъ. (укоритъ меня позоромъ.) Кто куда, я остаюсь съ своимъ полкомъ“. Н. Т.

Digitized by Google

молчали и, наконецъ, сказали: «Нѣтъ, не сдѣлаемъ такого безчестнаго дѣла, не выдадимъ своихъ».

«Постойте же, паны-братья, дайте же и мнѣ сказать на это слово», сказалъ кошевой. «А позабылъ развѣ ты, бравый полковникъ, что у татаръ въ рукахъ тоже наши товарищи? что если мы теперь ихъ не выручимъ, то жизнь ихъ будетъ предана на вѣчное невольничество язычникамъ, что̀ хуже всякой лютой смерти? что тутъ, можетъ быть, пропадаетъ десятокъ нашихъ, а тамъ десятковъ пять, шесть, можетъ быть? Да и позабыли вы развѣ, что̀ у нихъ теперь вся казна наша, добытая кровью козацкою христіанскою?»

Затихли всѣ козаки и не знали, что говорить имъ. Долго стояли они, раздумывая, ибо видѣли, что правъ кошевой; но никому не хотѣлось также, чтобы кто-нибудь попрекнулъ ихъ, что не соблюли козацкой чести [1]).

Тогда вышелъ впередъ всѣхъ старѣйшій годами во всемъ запорожскомъ войскѣ Касьянъ Бовдюгъ. Въ чести былъ онъ отъ всѣхъ козаковъ, два раза уже онъ былъ [2]) избираемъ кошевымъ и на войнахъ былъ сильно добрый козакъ; но уже давно состарѣлся онъ и не бывалъ въ походахъ и совѣтовъ тоже не любилъ давать никому, а любилъ старый вояка лежать на боку у козацкихъ круговъ, слушая разсказы про всякіе бывалые случаи, когда разсказывали [3]) козаки про походы на морѣ и на сушѣ, которымъ дивились не мало турецкія, бусурманскія поморья. Никогда не вмѣшивался онъ въ ихъ рѣчи и все только слушалъ, да прижималъ пальцемъ золу изъ своей коротенькой трубки, которой не выпускалъ изо рта, и долго сидѣлъ потомъ, прижмуривъ слегка очи, и не знали козаки, спалъ-ли онъ или все еще слушалъ. Всѣ походы оставался онъ дома [4]), но сей разъ разобрало стараго. Сказалъ, махнувъ рукою по козацки: «А некуды! [5]) пойду и я: можетъ быть, въ чемъ буду пригоденъ козачеству». Всѣ козаки вдругъ притихли, когда выступилъ онъ теперь передъ собраніе, ибо давно не слышали отъ него никакого слова, и всякій сильно любопытствовалъ, что такое скажетъ Бовдюгъ. «Пришла очередь и

---

[1]) Послѣ этого стоятъ два слова, которыхъ намъ не удалось разобрать.

[2]) Это слово не дописано въ первоначальномъ текстѣ; стоитъ одна буква „б“. Потомъ „былъ“ написано сверху строки.

[3]) Сверху этого слова приписано: „плавно плели свои рѣчи“.

[4]) Слова: „онъ дома“ приписаны уже при послѣднемъ пересмотрѣ повѣсти сверху строки.

[5]) Такъ и въ первоначальномъ наброскѣ. Послѣ этого слова въ послѣдней редакціи приписано сверху строки: „пошло!“ Н. Т.

Digitized by Google

мнѣ сказать слово, паны братья», такъ началъ старый Бовдюгъ. «По слушайте стараго. Мудро сказалъ кошевой; и, какъ голова козацкаго войска, обязанный приберегать его и печись о войсковомъ скарбѣ, мудрѣе ничего онъ не могъ сказать. Вотъ что! Это пусть будетъ первая моя рѣчь! А теперь послушайте, что скажетъ моя другая рѣчь. А вотъ что она скажетъ: «Большую правду сказалъ и Тарасъ, полковникъ: дай Боже ему побольше вѣку, и чтобъ такихъ полковниковъ было побольше на Украйнѣ! Первый долгъ и первая честь козака есть соблюсти товарищество. Сколько ни живу я на вѣку, не слышалъ я, паны братья, чтобы козакъ покинулъ гдѣ или продалъ какъ нибудь своего товарища. И тѣ, и другіе намъ товарищи; меньше ихъ, или больше, все равно—все товарищи, всѣ намъ дороги. Такъ вотъ какая моя рѣчь: тѣ, которымъ милы [1]) захваченные татарами, пусть отправляются за татарами; а которымъ милы полоненные ляхами и которымъ не хочется оставлять праваго дѣла, пусть остается [2]). Кошевой, по долгу, пойдетъ съ одною половиною за татарами, а другая половина выберетъ себѣ наказнаго атамана. А наказнымъ атаманомъ, коли хотите послушать бѣлой головы, не пригоже быть никому другому, какъ (развѣ) только одному (полковнику) Тарасу Бульбѣ. Нѣтъ изъ насъ никого, равнаго ему въ доблести».

Такъ сказалъ Бовдюгъ и затихъ; и немало обрадовались всѣ козаки, когда навелъ ихъ такимъ образомъ на умъ старый. Всѣ вскинули вверхъ шапки и закричали: «Спасибо тебѣ, батько! Молчалъ, молчалъ, долго молчалъ, да вотъ, наконецъ, и сказалъ: недаромъ говорилъ, когда собирался въ походъ, что будешь пригоденъ козачеству,— такъ и сдѣлалось».

«Что согласны вы на то?» спросилъ кошевой.

«Всѣ согласны», закричали козаки.

«Стало быть, радѣ конецъ?»

«Конецъ рàдѣ!» кричали козаки.

«Слушайте-жъ теперь войсковаго приказа, дѣти!» сказалъ кошевой, выступилъ впередъ и надѣлъ шапку; а всѣ запорожцы, сколько ихъ ни было, сняли свои шапки и остались, съ непокрытыми головами и утупивъ очи въ землю, какъ бывало всегда между козаками, когда собирался что говорить старшій.

«Теперь отдѣляйтесь, паны братья! Кто хочетъ итти, ступай на

---

[1]) Слово „милы“ написано сверху зачеркнутаго: „дороги“.

[2]) Читай: „остаются“. Н. Т.

Digitized by Google

правую сторону; кто остается, отходи на лѣвую! Куды большая часть куреня переходитъ, туда и атаманъ; коли меньшая часть переходитъ, приставай къ другимъ куренямъ».

И всѣ стали переходить, кто на правую, кто на лѣвую сторону. Котораго куреня большая часть переходила, туда и куренный атаманъ переходилъ; котораго малая часть [1]), то приставала къ другимъ куренямъ; и вышло безъ малаго не по ровну на всякой сторонѣ. Захотѣли остаться: весь почти Незамайковскій курень, большая половина Поповичевскаго куреня, весь Уманскій курень, весь Коневскій курень, большая половина Стебликовскаго куреня, большая половина [2]) Тимошевскаго куреня. Всѣ остальные вызвались итти въ догонъ за татарами. Много было на обѣихъ сторонахъ дюжихъ и храбрыхъ козаковъ. Между тѣми, которые рѣшились итти вслѣдъ за татарами, былъ Череватый, добрый старый козакъ, Покотыполе, Лемишъ, Прокоповичъ Хома (Потовичъ), Демидъ Поповичъ тоже перешелъ туда, потому что былъ сильно завзятаго нрава [3]) козакъ: не могъ долго высидѣть на мѣстѣ. Съ ляхами попробовалъ уже онъ дѣла, хотѣлось попробовать еще съ татарами. Много еще другихъ, славныхъ и храбрыхъ козаковъ захотѣло попробовать меча и могучаго плеча (съ та) въ схваткѣ съ татариномъ. Не мало также добрыхъ, сильно дюжихъ козаковъ было и между тѣми, которые захотѣли (дожи) остаться на мѣстѣ; можетъ быть даже, было между ними и больше такихъ, про которыхъ успѣла далеко прозвонить могучая слава. Вотъ кто были: Вовтузенко, Черевиченко, Степанъ Гуска, Охримъ Гуска, Мыкола Густый, Балабанъ, Задорожній, Метелица, Иванъ Закрутыгуба, Мосій Шыло, Діогтяренко, Сыдоренко, Писаренко, потомъ другой Пысаренко, потомъ еще Пысаренко, и много было другихъ добрыхъ козаковъ. Всѣ были люди сильно бывалые, хожалые и ѣзжалые. Ходили по (Крымск) Анатольскимъ берегамъ, по Крымскимъ солончакамъ и степямъ, по всѣмъ рѣчкамъ, большимъ и малымъ, которыя впадали въ Днѣпръ, по всѣмъ заходамъ и Днѣпровскимъ островамъ; бывали въ Молдавской, Волошской, въ Турецкой землѣ; изъѣздили все Черное море; нападали въ пятьдесятъ челновъ въ рядъ на самые богатые и высокіе корабли, перетопили не мало турецкихъ галеръ, и много, много (выстр пороху) выстрѣляли пороху на своемъ вѣку; не разъ [4])

---

[1]) Прежде было написано: „коли малая часть куреня".
[2]) Прежде было написано: „часть".
[3]) Слово „нрава" написано сверху зачеркнутаго: „характера".
[4]) Слова „не разъ" приписаны сверху строки. Н. Т.

Digitized by Google

драли на онучи дорогіе паволоки и оксамиты; не разъ череши у штанныхъ [1]) очкуровъ набивали все чистыми цѣкинами. А (счесть бы нельз) сколько всякій изъ нихъ попропивалъ добра, ставшаго бы иному на всю жизнь, того и счесть нельзя. Все спустили [2]), по козацки угощая виномъ весь міръ и нанимая музыку по улицамъ, чтобы всѣмъ было весело за весельемъ добрыхъ козаковъ. Еще и теперь у рѣдкаго изъ нихъ не было закопано добра: кружекъ серебряныхъ, ковшей и запястьевъ, подъ камышами, на Днѣпровскихъ островахъ, чтобы не довелось татарину найти его, если въ случаѣ посчастливится ему напасть врасплохъ на Сѣчь; но трудно было бы татарину найти его, потому что и самъ хозяинъ уже сталъ забывать, въ которомъ мѣстѣ закопалъ его. Такіе-то были козаки, захотѣвшіе остаться и отмстить ляхамъ за вѣрныхъ товарищей и христову вѣру! Старый козакъ Бовдюгъ захотѣлъ также остаться съ ними, сказавши: «Мнѣ хорошо будетъ и здѣсь: я сдѣлался теперь не такой [3]), чтобы гоняться за татарами, а тутъ есть (Дѣ) мѣсто, гдѣ бы опочить доброю козацкою смертью. Давно уже просилъ я у Бога [4]), чтобы, если придется кончать жизнь, то чтобы кончить ее на войнѣ за святое и христіанское дѣло. Такъ оно и случилось. Славнѣйшей кончины уже не будетъ въ другомъ мѣстѣ для стараго козака».

Когда отдѣлились всѣ и стали на двѣ стороны, въ два ряда куренями, кошевой прошелъ промежъ рядовъ и сказалъ: «А что, довольны козаки одна сторона другою?»

«Всѣ довольны, батько!» отвѣчали козаки.

«Ну, такъ поцѣлуйтесь же и дайте другъ другу прощаніе, потому что Богъ знаетъ, приведется ли въ жизни еще увидѣться. Слушайте своего атамана, а исполняйте то, что̀ сами знаете: сами знаете, что̀ велитъ козацкая честь».

И всѣ козаки, сколько ихъ ни было, перецѣловались между собою. Начали первые атаманы и, поведши рукою сѣдые усы свои, поцѣловались навкрестъ и потомъ взялись за руки и крѣпко держали руки. Хотѣлъ одинъ другаго спросить: «Что, пане брате, увидимся, или не увидимся?» да и ничего не спросили, и замолчали, и зага-

---

[1]) Слова: „не разъ череши у штанныхъ“ написаны сверху зачеркнутыхъ: „череши у очкуровъ шараварныхъ“.

[2]) Слова: „того и счесть нельзя, все спустили“ написаны сверху зачеркнутыхъ: „Поспустилъ почти каждый изъ нихъ все“.

[3]) Прежде было написано: „теперь я не такъ старый“.

[4]) Прежде было написано: „Я давно просилъ у Бога“. Н. Т.

Digitized by Google

дались обѣ сѣдыя головы, и одинъ Богъ только знаетъ, о чемъ они думали и гадали. А козаки, до одного всѣ, прощались, зная, что много будетъ работы тѣмъ и другимъ; но не повершили, однако-жъ, тотчасъ разлучиться, а повершили дождаться темной ночной поры, чтобы не дать непріятелю увидѣть убыль въ козацкомъ войскѣ. Потомъ всѣ отправились по куренямъ обѣдать. Послѣ обѣда всѣ, которымъ предстояла дорога, легли отдыхать и спали крѣпкимъ долгимъ сномъ, какъ будто чуя, что, можетъ, послѣдній сонъ доведется имъ вкусить на такой свободѣ. Спали до самаго заходу солнечнаго, а какъ зашло солнце и немного стемнѣло, стали мазать телѣги; и какъ все снарядилось, пустили впередъ возы, а сами, пошапковавшись еще разъ съ товарищами, тихо пошли за ними и спускались все ниже по дорогѣ и скоро совсѣмъ ихъ не видно было въ темнотѣ. Глухо отдавались топотанья конныхъ, да скрипъ инаго (телѣги) колеса, которое еще не расходилось или не было (за темнотою) хорошо подмазано за ночною темнотою.

Долго еще остававшіеся товарищи [1]) махали имъ издали руками хотя и не было ничего видно; а когда [2]) сошли и воротились по своимъ мѣстамъ, когда увидѣли при высвѣтившихъ ясно звѣздахъ, что половины телѣгъ уже (не стояло) не было на мѣстѣ, что многихъ-многихъ нѣтъ, не весело стало у всякаго на сердцѣ и задумались противъ воли, утупивши въ землю гульливыя свои головы, козаки. Видѣлъ Тарасъ, что смутны стали козацкіе ряды и что (то) унынiе, неприличное храброму, стало тихо обнимать козацкія головы, но молчалъ: онъ хотѣлъ дать время всему, чтобы пообыклись они и къ унынію, наведенному (товарищу) прощаньемъ съ товарищами; а въ тишинѣ готовился разомъ и вдругъ разбудить ихъ всѣхъ, гикнувши по козацки, чтобы вновь и съ большею еще силою, чѣмъ прежде, воротилась бодрость [3]). . . . . .

. . . . . .

---

[1]) Слова „остававшіеся товарищи“ написаны сверху зачеркнутыхъ: „стоявшіе передъ оврагомъ козаки“.

[2]) Слова: „а когда“ написаны сверху зачеркнутыхъ: „и потомъ“.

[3]) Въ этомъ мѣстѣ двѣ строки первоначальнаго текста совершенно затерты, такъ что нельзя разобрать ничего. Но въ первоначальномъ наброскѣ (о которомъ сказано выше) это мѣсто читается такъ: „чтобы вновь и съ большею еще силою, чѣмъ прежде, всякой бы обратился и почуялъ, что̀ бываетъ только съ одной великодушною славянскою душою. Зналъ Тарасъ также, чѣмъ и какъ (возбудить) сдѣлать, чтобы въ одинъ мигъ они настроились всѣ, какъ одинъ, и далъ приказъ“... При окончательной редакціи на мѣстѣ этихъ д в у х ъ тщательно вытертыхъ строкъ написано ясными чернилами слѣдующія ш е с т ь строкъ:

Digitized by Google

и зналъ, какъ (чтобы) въ одинъ мигъ всѣхъ настроить, какъ одного, и далъ приказъ слугамъ своимъ итти къ большому возу распаковать его. Больше и крѣпче всѣхъ другихъ въ козацкомъ обозѣ [1]) былъ одинъ возъ: двойною крѣпкою шиною были обтянуты дебелыя колеса его, грузно былъ онъ навьюченъ, укрытъ сверху попонами и крѣпкими воловьими кожами и увязанъ туго (крѣпкими) засмоленными веревками. Въ томъ возу были все баклаги и боченки стараго добраго вина. Все время стоялъ онъ закрытый и увязанный, потому что зналъ Бульба, какъ неприлично и не годится давать войску въ походѣ и дѣлѣ вина, ради гульливой козацкой натуры [2]). Но взялъ на сей разъ самаго лучшаго и крѣпкаго вина, какое было въ погребахъ его про торжественный случай: если случится какая великая минута и будетъ предстоять дѣло, сильно достойное на передачу потомкамъ, то чтобы всякому до единаго козаку досталось выпить по доброму ковшу заповѣднаго вина, чтобы въ великую минуту великое и чувство владѣло человѣкомъ. Услышавъ полковничій приказъ, слуги бросились къ возамъ, палашами перерѣзывали крѣпкія веревки, снимали толстыя воловьи кожи и попоны и стаскивали съ воза баклаги и боченки.

«А берите всѣ», сказалъ Бульба: «(берите) всѣ, сколько ни есть, берите (все), что у кого есть: ковшъ, или корчикъ, которымъ поитъ коня, или рукавицу, или шапку, а коли что, то и просто подставляй обѣ горсти».

И козаки всѣ, сколько ни было ихъ, почули великую радость и всякій бралъ: у кого былъ ковшъ, у кого корчикъ, которымъ поилъ коня, у кого рукавица, у кого шапка, а кто подставлялъ и такъ обѣ горсти. Всѣмъ имъ слуги Тарасовы, расхаживая промежъ рядами, наливали изъ баклагъ и боченковъ. Но не приказалъ никому изъ

„прежде воротилась бодрость каждому въ душу, на что способна одна только славянская порода, широкая, могучая порода (поправлено изъ „природа“): передъ другими, что море передъ мелководными рѣками. Коли время бурно, все превращается оно въ ревъ и громъ, бугря и подымая валы, какъ не поднять ихъ безсильнымъ рѣкамъ. Коли же безвѣтренно и тихо, яснѣе всѣхъ рѣкъ разстилаетъ оно свою неоглядную стеклянную поверхность, вѣчную негу очей“.

[1]) Слова „въ козацкомъ обозѣ“ приписаны сверху строки.

[2]) Прежде было написано: „Закрытый и увязанный стоялъ онъ все время: ибо старый Бульба зналъ хорошо, что въ походѣ неприлично и не годится давать козакамъ вина, потому что гульлива русская натура, и, попробовавъ, какъ говорится, ногою, захочетъ тотъ же часъ войти по горло“. Н. Т.

Digitized by Google

нихъ Тарасъ пить до тѣхъ поръ, пока онъ не дастъ знаку, чтобы выпить имъ всѣмъ разомъ. Видно было, что онъ хотѣлъ что-то сказать; ибо зналъ Тарасъ, что, какъ ни доброе само по себѣ (слово) старое доброе вино и какъ ни способно оно укрѣпить духъ человѣка, но если къ нему да (прибав) присоединится еще приличное слово, то вдвое будетъ крѣпче сила духа.

«Я угощаю васъ, паны братья», такъ сказалъ Бульба: «не въ честь того, что вы сдѣлали меня своимъ атаманомъ, (хотя) какъ ни велика подобная честь,—не въ честь также прощанья съ братьями-товарищами: нѣтъ! въ другое время прилично и то, и другое; не такая теперь передъ нами минута. Передъ нами дѣла великаго поту и всей козацкой доблести. Итакъ, выпьемъ, товарищи, всѣ разомъ, всѣ, сколько ни есть, выпьемъ за святую православную вѣру: чтобы пришло, наконецъ, такое время, чтобы по всему свѣту разошлась и была вездѣ одна святая вѣра и всѣ, сколько ни есть бусурмановъ, всѣ бы сдѣлались христіанами! Да за однимъ уже разомъ и за Сѣчь: чтобы долго она стояла на погибель всему бусурманству, чтобы съ каждымъ годомъ выходили изъ нея молодцы одинъ одного лучше, одинъ одного краше! Да уже вмѣстѣ выпьемъ и за нашу собственную славу: чтобы сказали внуки и сыны тѣхъ внуковъ, что были когда-то такіе, которые не постыдили товарищества и не выдали своихъ. Такъ за вѣру, пане братове, разомъ за вѣру!»

«За вѣру!» загомонѣли всѣ стоявшіе въ ближнихъ рядахъ густыми голосами. «За вѣру!» подхватили дальніе. И все, что ни было, и старое, и молодое выпило за вѣру.

«За Сичь!» сказалъ Тарасъ и высоко поднялъ надъ головою руку.

«За Сичь!» отдалося густо въ переднихъ рядахъ. «За Сичь!» сказали тихо старые, моргнувши сѣдымъ усомъ; и встрепенувшись, какъ молодые соколы, повторили молодые: «За Сичь!» И слышало далече поле, какъ поминали козаки свою Сичь.

«Теперь послѣдній глотокъ и выпьемъ, товарищи, за славу и за всѣхъ христіанъ, какіе живутъ на божьемъ свѣтѣ!»

И выпили козаки послѣднее—весь глотокъ, какой оставался [1]) въ ковшахъ за славу и христіанъ. И долго еще повторялось по всѣмъ рядамъ, промежъ всѣми куренями [2]): «за славу и за христіанъ!» Давно

---

[1]) Слова: „весь глотокъ, какой оставался" написаны сверху зачеркнутыхъ: „что оставалось".

[2]) Эта фраза написана сверху зачеркнутой: „Звучно повторялось старыми и молодыми голосами". Н. Т.

Digitized by Google

уже было пусто въ ковшахъ, а все еще стояли козаки, держа въ рукахъ ихъ и не опуская мускулистыхъ загорѣлыхъ рукъ своихъ. Хоть весело глядѣли очи ихъ всѣхъ, просіявшія виномъ, но сильно загадалися они. Не о корысти и о военномъ прибыткѣ теперь думали, не о томъ, кому посчастливится набрать червонцевъ, дорогаго оружья, шитыхъ кафтановъ и черкесскихъ коней,—загадалися они, какъ орлы, сѣвшіе на вершинахъ каменистыхъ горъ, съ которыхъ далеко видно разстилающееся безпредѣльно море съ несущимися по немъ, какъ мелкія птицы, галерами, кораблями и всякими судами и чуть мелькали тонкою чертою поморья съ прибережными, какъ мошки, городами и склонившимися къ низу лѣсами. Какъ будто всѣ они озирали вокругъ себя мысленными очами все поле и будущую, чернѣющую вдали судьбу свою, гадая, что будетъ, будетъ все поле съ облогами и дорога покрыта торчащими ихъ бѣлыми костями, щедро обмывшись [1]) козацкою ихъ кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями. Далече раскинутся чубатыя головы съ перекрученными и запекшимися въ крови чубами и красиво запущенными къ низу лоснящими [2]) усами. Будутъ, налетѣвъ, орлы выдирать и выдергивать изъ нихъ козацкія очи. Но добро великое въ такомъ широко и вольно разметавшемся смертномъ ночлегѣ. Не погибаетъ ни одно великодушное дѣло, и не пропадетъ, какъ малая порошинка съ ружейнаго дула, козацкая слава. Будетъ, будетъ бандуристъ съ сѣдою по грудь бородою, а, можетъ, еще полный зрѣлаго мужества, но бѣлоголовый старецъ вѣщимъ (—ій?) духомъ, и скажетъ онъ про нихъ свое густое могучее слово. И пойдетъ дыбомъ по всему свѣту о нихъ слава, и все, что ни народится потомъ, заговоритъ о нихъ: ибо далеко разносится могучее слово, будучи подобно гудящей колокольной мѣди, въ которую много повергнулъ мастеръ дорогаго чистаго серебра, чтобы далече по всѣмъ городамъ и весямъ, лачугамъ и палатамъ разносился звонъ, созывая равно всѣхъ на святую молитву.

---

[1]) „Щедро обмыв“ написано сверху зачеркнутаго: „тучно покрыв(шись)“.
[2]) Слово „лоснящими“ написано сверху зачеркнутаго „бравыми“. Н. Т.

Digitized by Google

X [1]).

Никто не узналъ въ городѣ, что половина запорожцевъ выступила въ погоню за татарами. Видѣли съ магистратской башни стоявшіе часовые, что потянулась часть возовъ за лѣсъ; но подумали всѣ, что (самъ) козаки готовились сдѣлать засаду, и того-же мнѣнія былъ и самъ французскій инженеръ. А между тѣмъ въ городѣ сталъ оказываться значительный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Слова кошеваго оправдались. Казалось, по обычаю прошедшихъ вѣковъ, войска, вступая въ городъ, не слишкомъ разочли, что̀ имъ нужно и для нихъ, и для гражданъ. На зарѣ положили сдѣлать вылазку, но довольно неудачно: половина была тутъ же перебита козаками, а половина прогнана въ городъ ни съ чѣмъ. При всемъ томъ вылазка доставила городу пользу: пользуясь ею, жиды узнали, Богъ знаетъ, какимъ средствомъ, что въ таборѣ осталась только половина (в) запорожскихъ (sic), а другая половина пошла вовсе не въ засаду, а въ погонь за татарами вмѣстѣ со всѣми военными старшинами.

Тарасъ видѣлъ уже по всему, что въ городѣ что-то готовилось, и не сомнѣвался, что непріятель выйдетъ въ поле, и потому далъ приказъ строиться всѣмъ въ три таборы, окруживъ себя возами въ видѣ крѣпостей—родъ битвы, больше всего удававшійся запорожцамъ, въ которомъ они были непобѣдимы. Въ сторону отъ возовъ велѣлъ Тарасъ убить часть поля острыми кольями, изломаннымъ оружіемъ, какое попадалось на битвенномъ полѣ, копьями и прочими остріями, чтобы нагнать потомъ на нихъ непріятельскую конницу; а часть (sic!) своего полку и двумъ куренямъ велѣлъ засѣсть въ засаду, чтобы, какъ только [2]) непріятели завяжутъ (дѣло) перестрѣлку съ таборами, ударить имъ въ тылъ. Отдавши приказъ, что̀ и какъ долженъ дѣлать каждый, Тарасъ захотѣлъ сказать еще короткую рѣчь къ козакамъ не для того, чтобы ободрить и свѣжить: зналъ онъ, что они всѣ и безъ того крѣпки духомъ; а такъ просто хотѣлось высказать самому все, что было на сердцѣ.

«Хотѣлось бы мнѣ вамъ, паны братья», такъ началъ говорить Тарасъ: «сказать, какъ важно наше товарищество и что̀ такое оно есть на самомъ дѣлѣ. Вы знаете всѣ, въ какой великой славѣ была

---

[1]) Эта глава соотвѣтствуетъ IX-й печатнаго текста.

[2]) Слова „чтобы какъ только“ написаны два раза. Н. Т.

Digitized by Google

земля наша. Были князья царскаго рода, пышные города, храмы божіи [1]): все разграбили и опустошили бусурманы; все пропало; ничего нѣтъ. Остались мы сирые и святая старая земля наша также сирая, покинутая. И подали мы руку на братство, чтобы, какъ вдовицу безпомощную, какъ дряхлую мать, защитить отъ посрамленья. Вотъ, братья, на чемъ стоитъ наше товарищество, которое и безъ того уже есть святое дѣло [2]). Нѣтъ сильнѣе узъ товарищества. Любовь материнская, отцовская—все не то: и звѣрь любитъ дитя свое. Но выбрать себѣ родство по душѣ, а не по крови, можетъ только одинъ человѣкъ. Вездѣ, во всякое время, и во всякой землѣ, водились товарищи; но такихъ товарищей, какъ въ русской землѣ, такихъ нѣтъ; есть, да не такіе. Можетъ быть, случалось вамъ пропадать на чужбинѣ, въ плѣну или такъ по [3]) своей волѣ,—видишь: и тамъ тоже люди, сначала свыкаешься съ ними, а какъ разговоришься о томъ, о чемъ бы хотѣлось разговориться въ сердечную минуту—видишь: нѣтъ! умные люди, а не тѣ; такіе же люди, а не тѣ. Нѣтъ, братцы, такъ любить, какъ русская душа, любить не умомъ, а всѣмъ, чѣмъ далъ Богъ, что ни есть въ тебѣ, любить всей душею—такъ любить никто не можетъ. Конечно, теперь подло завелось на нашей землѣ [4]). Думаютъ только, какъ бы цѣлы были хлѣбные скирды, да при нихъ были бы конные табуны ихъ, овечьи стада, да степовые хутора; перенимаютъ, чортъ знаетъ, какіе бусурманскіе обычаи, гнушаются говорить языкомъ своимъ. Милость короля, а чтобы еще болѣе сказать по правдѣ, милость польскаго магната, который жолтымъ чоботомъ своимъ бьетъ ихъ въ морду, для нихъ дороже всякаго братства. Но у послѣдняго подлюки, каковъ ни есть, потерявшаго имя человѣка въ низкопоклонничествѣ, есть и у него,—будь только онъ русскаго рода, а не какая чуждая [5]) примѣсь,—есть чувство въ душѣ. Хоть хочь говори (sic), а я стою, что есть русское чувство и когда нибудь да проснется оно въ немъ—и схватитъ [6]) онъ, горемычный, обѣими руками себя за голову, и вскрикнетъ [7]) и проклянетъ всю подлую жизнь, готовый

---

[1]) Въ рукописи описка: „божья“.

[2]) Прежде было написано: „товарищество святое дѣло“.

[3]) Слово „по“ въ рукописи пропущено.

[4]) Прежде было написано: „на свѣтѣ“.

[5]) Слово „чуждая“ написано сверху зачеркнутаго „иноземная“.

[6]) Слово „схватитъ“ написано сверху зачеркнутаго: „ударится“.

[7]) При послѣдней редакціи къ этому слову прибавлено было: „громко на весь міръ“, но прибавка эта зачеркнута. Н. Т.

Digitized by Google

смертными муками искупить покрытыя позоромъ дѣла свои. Такъ пусть же теперь знаетъ все бусурманство, что̀ такое значитъ товарищество въ русской землѣ и какъ стоятъ въ немъ братъ за брата. Если же умирать, такъ пусть они придутъ, посмотрятъ, какъ мы будемъ умирать. Да никому же изъ нихъ и не доведется, и во снѣ не приснится такъ умирать, какъ станемъ умирать. Никому! Никому! Пусть они и не думаютъ о томъ, и въ мысль пусть о томъ не приходитъ то нестаточное для всякаго другаго: не человѣческихъ силъ ему нужно для того. Нѣтъ! не доведется никому! никому!» [1]).

Такъ говорилъ атаманъ и, когда кончилъ, все еще трясъ посеребрившеюся боевою головою. Всѣхъ, кто ни стоялъ, разобрала сильно такая рѣчь, дошедъ далеко до самаго сердца. Самые старѣйшіе въ рядахъ стояли неподвижны, потупивъ сѣдыя головы въ землю; слеза тихо накатывалась въ старыхъ очахъ, медленно стирали они ее рукавомъ. И потомъ всѣ, какъ будто сговорившись, махнули въ одно время рукою и потрясли бывалыми головами. Знать, видно, много напомнилъ имъ старый Тарасъ знакомаго и лучшаго (на сердцѣ у всякаго человѣка), что бываетъ на сердцѣ у человѣка, котораго умудрили горе, напасти, радость, и удаль, и всякое невзгодье [2]) жизни (или еще не познавшаго ихъ чующею молодою жемчужною душою) или который, не познавъ ихъ, много почуялъ молодою жемчужною душою на вѣчную радость старцамъ родителямъ, родившимъ его: ибо мудростью равенъ Богу человѣкъ, когда, не испытавъ, уже чуетъ, что̀ такое радость, горе.

А между тѣмъ, ударяя въ трубы и литавры, съ подбоченившеюся удалью, выступали одинъ за другимъ (польскія войска) изъ городскихъ воротъ польскія войска. Козаки всѣ въ одинъ мигъ кинулись по своимъ мѣстамъ и стали за телѣги: сильно каждый изъ нихъ хотѣлъ попробовать дѣла. Немного было такихъ, которые были на коняхъ; всѣ стояли въ таборахъ пѣшіе. Между непріятелями тоже много было пѣшихъ: какъ видно, узнали ляхи, что конницею немного можно было взять тамъ, гдѣ уже укоренились козаки и стали въ таборы. Тотъ же самый толстый полковникъ, разъѣзжая на сивомъ [3]) аргамакѣ, давалъ приказы,—и стали наступать тѣсно ляхи на козацкіе таборы, грозя и нацѣливаясь въ пищали, сверкая очами и блеща

---

[1]) Позднѣе, послѣ этого слова, приписано: „такъ умирать какъ русскому, никому, никому!“

[2]) Слова: „и всякое невзгодье“ приписаны съ боку, на полѣ.

[3]) Слово „сивомъ“ написано сверху зачеркнутаго: „добромъ“. Н. Т.

Digitized by Google

мѣдными доспѣхами. Какъ только завидѣли козаки, что подошли на ружейный выстрѣлъ, всѣ разомъ грянули въ семипядныя пищали (палили) и, не перерывая, все палили изъ пищалей. И далеко понеслось громкое хлопанье по всѣмъ окрестнымъ полямъ и нивамъ, сливаясь въ безпрерывный гулъ. Дымомъ затянуло все поле. А запорожцы все палили, не переводя духа. Задніе только заряжали пищали, да подавали переднимъ, наводя изумленіе на непріятелей, не могшихъ понять, какъ стрѣляли козаки, не заряжая ружей. Уже не видно было, за великимъ дымомъ, обнявшимъ то и другое воинство, не видно было, какъ то одного, то другаго не ставало въ рядахъ; но чувствовали ляхи, что густо летѣли пули и жарко становилось дѣло; и когда попятились назадъ, чтобы удалиться немного отъ дыма и оглядѣться, то многихъ не досчитались въ рядахъ своихъ; а у козаковъ, можетъ быть, другой-третій былъ убитъ на всю сотню. И все продолжали палить козаки изъ пищалей, ни на минуту не давая промежутка. Самъ иноземный инженеръ изумился, и будучи въ душѣ истый артистъ, не вытерпѣлъ, чтобы не закричать: «Браво, месье запороги! Вотъ она, Сакредьѣ, настоящая тактика! Вотъ что нужно завести у насъ!» Полюбовавшись еще издали и видя, что нельзя взять перестрѣлкою изъ мелкаго ружья, онъ далъ совѣтъ полковнику обратить всѣ пушки прежде на одинъ таборъ и грянуть въ ядра. Попятились и отступили ряды (обря а меж), стрѣляя только для виду, а сзади артиллеристы наводили пушки. Тяжело ревнули широкими горлами чугунныя пушки: дрогнула, далеко застугунѣвши, земля и вдвое больше затянуло дымомъ все поле. Почули запахъ пороху середи улицъ и площадей [1]) въ дальнихъ городахъ. Но слишкомъ высоко взяли нацѣлившіе: выгнули слишкомъ высокую дугу раскаленныя ядра и, страшно засвиставъ по воздуху, перелетѣли черезъ головы всего табора и углубились далеко въ землю, взорвавъ и взметнувъ далеко на воздухъ черную землю. Ухватилъ себя за волосы французскій инженеръ при видѣ такого неискусства и прискакалъ на конѣ изъ другой батареи, которую равнялъ и наводилъ, и самъ принялся наводить пушки подъ самыми выстрѣлами, потому что запорожцы въ отвѣтъ грянули тоже изъ четырехъ фальконетовъ,—не ядрами, а мелкою картечью. Но не убоялся (бравый) бодрый духомъ инженеръ выстрѣловъ мѣтко палившей [2]) пушки,

---

[1]) Слова: „и площадей“ приписаны сверху строки позднѣе.

[2]) Въ рукописи: „павшей“. Н. Т.

Digitized by Google

далъ приказъ подвезти [1]) еще другія двѣ и съ фитилемъ въ рукѣ [2]) самъ взялся выпалить изъ огромной пушки, какой еще и не видали дотолѣ козаки. Страшно глядѣла она широкою пастью и тысяча смертей глядѣло оттуда. Уже всѣ поднесли фитили и одинъ (только) мигъ, и не было бы въ поминѣ лучшей части козацкаго табора—всего уманскаго и поповичевскаго куреня, досталось бы незамайковскому тоже; но въ это время ударилъ съ полкомъ своимъ и стебликывскими козаками прямо въ тылъ атаманъ Тарасъ. Выбили фитили изъ рукъ передніе козаки и съ крикомъ потѣснили (поль) смѣшавшіеся польскіе ряды на таборы, а таборные козаки разомъ приняли ихъ въ картечи. Увидѣли ляхи, что не можно [3]) отбиваться (защищ) съ двухъ сторонъ и защищать разомъ и грудь, и спину, выбѣжали въ поле вмѣстѣ съ хоругвью, гдѣ уже строились [4]) вновь полки, выкинувъ шестеро малеванныхъ знаменъ.

«А ну-же, всѣ охочьи, бойкіе на коняхъ, знающіе, какъ вывернуться по козацкому обычаю, скорѣй назадирачь! [5]) Кто хочетъ (пробиться) славы добиться, сквозь непріятеля пробиться?» крикнулъ на козаковъ атаманъ Тарасъ. И тотчасъ стали садиться на коней всѣ, которые были позадорнѣй и любили погулять (по) рыцарскимъ обычаемъ одиночкой (межь) съ конемъ по непріятельскимъ рядамъ: (По) Мыкола Густый, (Хома) Задорожній, Иванъ Закрутыгуба поскакали на коняхъ впередъ. Но (еще) удалось ли бы имъ прорваться еще [6]) сквозь непріятельскую конницу или нѣтъ, а уже куренный атаманъ Кукубенко, забравши съ собою десятковъ пять козаковъ, ударилъ какъ снѣгъ на голову: истопталъ [7]) конями не мало народу, пробился сквозь ряды, всѣхъ сбивши съ [8]) мѣстъ и прискакалъ (на коняхъ) съ пойманными на арканъ невольниками прямо къ козацкимъ таборамъ, подведя такимъ образомъ всѣхъ, которые погнались, опять подъ козацкіе выстрѣлы. (Козакъ) Мыкола Густый ворвался слѣдомъ за нимъ и вбился глубоко въ кучу: не подгадилъ козацкой славы, изсѣкъ въ

---

[1]) Въ рукописи: „подвести“.

[2]) Въ рукописи: „въ руку“.

[3]) Слова: „не можно“ написаны сверху зачеркнутаго: „трудно“.

[4]) Въ рукописи: „строили“.

[5]) Послѣднія буквы неясны.

[6]) Прежде было написано: „Но еще прорвались ли бы они“.

[7]) Сначала было написано: „истоптали“, потомъ послѣдняя буква переправлена въ „ъ“.

[8]) Въ рукописи „съ“ пропущено. Н. Т.

Digitized by Google

капусту первыхъ, которые попались, разрубилъ на ихнемъ [1]) (Бунчужномъ) капитанѣ желѣзную рубашку съ блестѣвшими на ней серебрянными и мѣдными кольцами; да схватили, однако-же, его самого три копья и подняли [2]) передъ казацкими рядами, а сотникъ королевскаго войска, прискакавшій на конѣ, однимъ взмахомъ сабли отрубилъ ему могучую голову. Только и успѣлъ выговорить бѣдняга: «Дай, Боже, міръ всему христіанству и поношеніе недовѣркамъ католицкимъ!» Завидѣлъ Иванъ Закрутыгуба, что уже могучая голова Мыколы выкинута на копьѣ передъ войскомъ, кинулся впередъ, какъ голодный волкъ кидается на баранье стадо, позабывъ про то, что есть лихія собаки въ стадѣ и что не даромъ приставленъ расторопный пастухъ. Изъ старыхъ былъ онъ козаковъ; много претерпѣлъ онъ на вѣку, подстрекнутый рыцарскою доблестью на сильно отважныя дѣла. Шесть лѣтъ атаманствовалъ на морѣ надъ семью тысячами козаками, и чего не испытали они всѣ? Погуляли они прежде (сильно) на турецкомъ поморьѣ: (четы) пять городовъ обратили въ пень и пепелъ, обобрали мечеть, набрали безъ счету дорогихъ киндяковъ, турецкой бѣлой габы, парчей и всякихъ золотошвейныхъ убранствъ; да не успѣли уйти отъ вражьихъ галеръ: всѣхъ ихъ поймали недовѣрки бусурманскіе и забрали въ неволю. Желѣзными цѣпями взяли по рукамъ и по ногамъ и стянули больно каждаго тройнымъ корабельнымъ канатомъ; по цѣлымъ недѣлямъ не давали пшена и поили противной морской водой. Все выносили и терпѣли бѣдные невольники, только бы не перемѣнять православной вѣры; (одинъ) не вытерпѣлъ только атаманъ Закрутыгуба; истопталъ ногами святой законъ, скверною чалмой обвилъ грѣшную свою голову, вошелъ въ довѣренность къ пашѣ, сталъ ключникомъ на кораблѣ и главнымъ начальникомъ надъ плѣнниками. Много опечалились отъ того бѣдные невольники, ибо знали, что, когда свой братъ (перемѣнивши), продавшій душу и приставшій къ угнетателямъ, сдѣлается начальникомъ, то вдвое тяжелѣй рука его и горьше подъ нимъ быть, чѣмъ подъ всякимъ нехристомъ. Такъ и сбылось. Велѣлъ исправить (на всѣхъ) Закрутыгуба на всѣхъ невольникахъ новые замки; взялъ въ новыя цѣпи, посадивши ихъ тѣсно по три въ рядъ; прикрутилъ до самыхъ бѣлыхъ костей жестокія веревки, всѣхъ перебилъ по шеямъ, не про-

---

[1]) Въ рукописи: „игнемъ“.

[2]) Слова: „и подняли“ приписаны позднѣе, сверху строки, другими чернилами. Н. Т.

Digitized by Google

пустивъ никого, угощая зуботычинами и напотыльниками: коренастый и широкоскулистый былъ у козака кулакъ. Обрадовался паша и турки, что имѣли такого вѣрнаго слугу, дарили его и стали пировать. И когда перепились одинъ разъ всѣ турки, позабывши турецкій законъ и коранъ свой, Закрутыгубъ пилъ (и самъ) съ ними, угощалъ и разливалъ вино (всѣмъ); пилъ и самъ, а еще больше того выливалъ черезъ бортъ. И какъ повалились сонные всѣ на земь, онъ принесъ всѣ шестьдесятъ четыре ключа и роздалъ (плѣнникамъ) невольникамъ, чтобы отмыкали себя, бросали бы цѣпи и кандалы въ море, брали сабли и рубили бы всѣхъ турковъ. Много набрали тогда козаки добычи и воротились со славою въ отчизну. И долго бандуристы прославляли Закрутыгубы. Выбрали бы его въ кошевые, да былъ совсѣмъ чудный козакъ, такъ что иной разъ и понять его было трудно: сдѣлаетъ иногда такое дѣло, какого и мудрѣйшему не придумать, а иногда просто дурь одолѣвала имъ. Мало того, что пропилъ все, что ни было, что задолжалъ каждому козаку, сколько ихъ ни было на Сѣчи; мало всего этого,—онъ еще въ добавку прокрался, какъ уличный воръ: ночью залѣзъ въ чужой курень, забралъ всю козацкую сбрую и заложилъ шинкарю. За такое позорное дѣло привязали его на базарѣ къ столпу и положили возлѣ его дубину, мало не въ пудъ вѣсомъ, чтобы всякой по силамъ своимъ отвѣсилъ....

Сообщ. Н. Тихонравовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Digitized by Google

ЗАПИСКИ Н. Н. МУРЗАКЕВИЧА

1806—1883.

XIII [1]).

Рожденіе сына у М. М. Кирьякова.—Поѣздка Николая Никифоровича въ Москву.—Вновь основанный уѣздный городъ Бобринецъ.—Новое свиданіе съ митрополитомъ Евгеніемъ; его сѣтованія объ уничтоженіи древностей Кіева.—Открытіе Кіевскаго университета (1835 г.).—Предложеніе попечителя Е. Ѳ. Брадке Николаю Никифоровичу Мурзакевичу занять мѣсто старшаго учителя гимназіи и хранителя университетскаго минцъ-кабинета.—Встрѣча въ Батуринѣ съ харьковскимъ попечителемъ А. А. Перовскимъ.—Москва.—М. Т. Каченовскій и его отношенія къ современнымъ ученымъ.—Древности Оружейной палаты.—Знакомство съ московскимъ попечителемъ гр. С. Г. Строгановымъ и съ А. Д. Чертковымъ; Е. Шуховъ, Ѳ. Г. Солнцевъ, И. М. Снегиревъ, Н. П. Полевой и М. П. Погодинъ.

Зиму провелъ я, болѣе чѣмъ когда-либо, нездорово. Домашняя радость, лѣтомъ этого года, была о рожденіи у Михаила Михаиловича Кирьякова сына, названнаго также Михаиломъ. Довольно было между нами толковъ о воспитаніи новорожденнаго; мечтали уже какое дать образованіе; взаимно отстаивали свои мнѣнія чуть не до гнѣва. Но непредвидѣнная смерть отца все измѣнила. Сынъ пошелъ не по университетскому поприщу, и уланскій мундиръ соблазнилъ неопытнаго юношу. Богъ тому судья, кто совратилъ съ пути „единаго отъ сихъ малыхъ!“

Ожидаемаго новаго лицейскаго устава и въ 1835 году не

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., томъ LIII, январь, стр. 1—46; февраль, стр. 263—298; мартъ, стр. 651—666.

Digitized by Google

являлось. Обширнѣйшій проектъ Покровскаго, педантически-утомительно составленный, въ министерствѣ не имѣлъ значенія. Тамъ готовился свой. Неизвѣстность моего положенія, наконецъ, стала утомлять; но внутренній голосъ говорилъ: „терпѣлъ больше, потерпи еще немного!“ Съ успокоенною мыслію и новымъ жаромъ я принялся за „Сборникъ русскихъ древностей“. Пользуясь вакаціею, пустился въ Москву. Дорога моя шла опять на Кіевъ. За станцію, не доѣзжая Елизаветграда, я видѣлъ какъ село Сугаклей, новопроизведенное въ уѣздный городъ Бобринецъ, обводилось межевою чертою. Точно Римъ обозначался рвами, съ тѣмъ различіемъ, что Римъ разросся, а Бобринецъ чахнетъ и доселѣ. И все это по прихоти графа Витта, пожелавшаго обратить Елизаветградъ въ военный городъ.

Радостно встрѣтилъ меня митрополитъ; до мелочи разсмотрѣлъ часть моихъ работъ, одобрилъ и сообщилъ мнѣ нѣсколько рисунковъ кіевскихъ древностей. Каждый день, отъ 5 до 9 часа, бесѣда наша шла о любимыхъ древностяхъ. И въ этотъ разъ старецъ сѣтовалъ на уничтоженіе историческихъ слѣдовъ. Кіевскій генералъ-губернаторъ Левашовъ, въ видахъ улучшенія города, вѣками построеннаго не по плану, для выпрямленія улицъ коснулся тѣхъ древнихъ земляныхъ валовъ, которые, въ нашествіе Батыево, нѣкоторое время защищали такъ называемый Старый Кіевъ съ княжьими теремами и Десятинной церковью. Остановить вандализма митрополитъ не могъ; планъ улицъ былъ конфирмованъ императоромъ; знай онъ, что сглаживается почтенная старина, никогда-бы не утвердилъ представленной нелѣпости. Смоленскія стѣны, безразсудно разрушаемыя барономъ Ашемъ, какъ выше я сказалъ, были спасены отъ дальнѣйшаго разбиранія единственно по ходатайству Николая. Бывъ въ Смоленскѣ въ 1816 г., еще великимъ княземъ, его высочество тогда-же остановилъ безразсудное разрушеніе. 15-го іюля присутствовалъ я при открытіи кіевскаго университета. Празднество прошло слишкомъ скромно и малолюдно. На актѣ митрополитъ представилъ меня кіевскому попечителю Е. Ѳ. Брадке. На слѣдующій день я былъ у него; по подачѣ экземпляра Descriptio nummorum, Брадке предложилъ: не пожелаю-ли я остаться въ Кіевѣ и принять мѣсто старшаго учителя въ гимназіи и хранителя университетскаго минцъ-кабинета. Я, поблагодаривъ за доброе расположеніе, упро-

Digitized by Google

силъ дать мнѣ время на размышленіе и на объясненіе съ теперешнимъ моимъ начальствомъ.

Проживя въ Кіевѣ недѣлю, обошелъ всѣ его закоулки; затѣмъ чрезъ Батуринъ пустился въ Москву. На Батуринской станціи, въ ожиданіи (съ вечера до утра) лошадей, я разговорился съ какимъ-то помѣщикомъ, также ожидавшимъ лошадей. Разговоръ нашъ склонился на учебное вѣдомство. Воззрѣнія наши на обязанности учителей и ихъ начальства рѣзко не сходились. Не смотря на все это, проѣзжающій разстался со мною благосклонно. На спросъ у смотрителя: кто этотъ проѣзжій?—А. А. Перовскій, прежній харьковскій попечитель (онъ-же впослѣдствіи авторъ „Монастырки“).

По пріѣздѣ въ Москву, я прежде всего явился къ М. Т. Каченовскому, изъ профессоровъ мною болѣе любимому. Въ дальней части города, въ деревянномъ домикѣ, по обычаю московскому, съ мезониномъ (чердакомъ), уединенно жилъ одинъ изъ лучшихъ университетскихъ профессоровъ. Журнальныя шайки разныхъ цвѣтовъ бросали въ Каченовскаго всякою всячиною, начиная съ эпиграммъ Пушкина, Вяземскаго и до грубостей Н. А. Полеваго и М. П. Погодина. Всему виною было несходство взглядовъ на литературу и на исторію. Полевой писалъ мечтательную „исторію русскаго народа“ на тему Нибура; Погодинъ, желая доказать тождество варяговъ съ норманнами и древность дошедшихъ до насъ русскихъ лѣтописей Нестора, по словамъ остряка Снегирева, при доказательствахъ не токмо божился, но и крестился, говоря, что „ей-Богу, Несторъ былъ, писалъ и мощи его лежатъ въ Кіевѣ, въ Печерахъ“. Къ сожалѣнію, часть всего этого подтвердилъ и Каченовскій. Онъ-же сообщилъ мнѣ, что его скептицизмъ, т. е. не бездоказательное непризнаніе древними тѣхъ предметовъ, которые въ дѣйствительности не суть такіе, московскій недалекій и плохой антикварій А. Ѳ. Малиновскій, начальникъ московскаго государственнаго архива и, кажется, оружейной палаты, заявилъ его антипатріотическимъ; это по поводу такъ называемыхъ „Мономаховыхъ бармъ и скиптра“, которые, можетъ, были въ свое время древними, но послѣ вновь передѣланы, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Разсказалъ тоже о шутливой брошюрѣ, напечатанной студентомъ, кажется, Аксаковымъ, подъ именемъ: „Изслѣдо-

Digitized by Google

ваніе о царѣ Горохѣ", отчасти подтрунивавшей надъ методомъ доказательствъ профессорскихъ: его—Каченовскаго, Давыдова и друг. [1]). Въ домашнемъ быту, въ любимомъ чердачкѣ, въ старыхъ—халатѣ и креслахъ, чуть не по шею заваленный книгами, журналами и брошюрами, Каченовскій былъ не тотъ суровый, недовѣрчивый профессоръ, но образецъ простодушной наивности, юмора и удивительной начитанности, передаваемой, впрочемъ, безъ тяжелаго педантизма. Начатый трудъ мой М. Т. одобрилъ, но не предсказалъ успѣшнаго окончанія по многимъ причинамъ; а между прочимъ и по той, что всѣ наши историческіе памятники любителямъ и изслѣдователямъ ихъ недоступны, начиная съ оружейной палаты, Троице-Сергіевой Лавры и каждаго монастыря, до послѣдней церкви. Корысть наложила на двери замки, чтобъ даромъ не смотрѣли; невѣжество-же—запрятало, чтобъ не тревожили сладкаго покоя синекюристовъ. Слова Каченовскаго оправдались на дѣлѣ. Въ оружейную палату я могъ пробраться, только благодаря своей настойчивости, также и въ ризницу патріаршую. Но у Троице-Сергіевой Лавры не отдѣлался отъ „легкаго поминка" отцу ризничему. Въ оружейной палатѣ я открылъ годъ дѣланія скипетра, приписываемаго Мономаху, но въ дѣйствительности принадлежащаго царю Михаилу Ѳеодоровичу, такъ-же точно, какъ и бармы и прочіе вѣнцы царствъ—астраханскаго, казанскаго и сибирскаго. Не упомню, который вѣнецъ изъ двухъ послѣднихъ имѣлъ на своемъ верху крестъ. Да, крестъ! — Въ подлинности Мономаховой шапки по тонкой филиграновой работѣ я и тогда не сомнѣвался, а теперь, видѣвши такъ много въ Европѣ древне-византійскихъ издѣлій, положительно древность ея утверждаю.

По случаю переданной Каченовскимъ брошюры „Descriptio" попечителю московскаго университета графу С. Г. Строгонову, этотъ недоступный богатый нумизматъ пожелалъ со мною познакомиться. Квартиры его и моя находились недалеко, на Дмитровкѣ, и посему, послѣ перваго свиданія, кончившагося горячимъ споромъ о монетѣ, признаваемой графомъ подлинною, а мною

[1]) Изслѣдованіе о царѣ Горохѣ см. въ „Русской Старинѣ" изд. 1878 г. томъ XXII, стр. 347—368; томъ XXIII, стр. 161. Авторомъ этой шутки-сатиры былъ не Аксаковъ, а Касторъ Никифоровичъ Лебедевъ, впослѣдствіи сенаторъ. Ред.

Digitized by Google

сомнительною, посѣщенія мои къ нему сдѣлались частыми. У него перваго я увидѣлъ богатое собраніе русскихъ монетъ. Затѣмъ, чрезъ посредство М. П. Погодина, познакомился съ Александромъ Дмитріевичемъ Чертковымъ. Такого радушія, какъ у этого благороднаго барина, готовности служить совѣтами, библіотекою я никогда болѣе не встрѣчалъ. Домъ его, кабинетъ, онъ самъ въ сюртукѣ съ накидкою по нему халата, разбросанныя статуетки, книги, книжки, книжечки по столамъ, стульямъ,— со мною какъ бы сроднились. Нигдѣ такъ пріятно и полезно не проводилъ я времени, какъ въ гостепріимномъ домѣ Черткова. Коллекція русскихъ монетъ Черткова мнѣ показалась единственною. Одно возмущало меня—это постоянное появленіе множества денежекъ, приписываемыхъ удѣльнымъ княжествамъ. Чертковъ и графъ Строгановъ на перебой покупали новоявленныя монеты, платя за нихъ большія деньги. Егоръ Шуховъ, о которомъ говорилъ выше, былъ въ это время неотлучнымъ моимъ спутникомъ по монастырямъ, церквамъ и окрестностямъ. Этотъ страстный любитель старины имѣлъ даръ рисовкою великолѣпно переводить на бумагу причудливѣйшія затѣи памятниковъ. Что же касается до рисовки монетъ, то, по моему мнѣнію, ему въ то время не было равнаго. Съ нѣкотораго времени Шуховъ сталъ показывать разные мѣдные древніе пулы (отъ слова фульсъ— мѣдная монета) всяческихъ мелкихъ русскихъ княжествъ. Я сначала дивился ихъ рѣдкости и ихъ продажной высокой цѣнѣ; но когда Шуховъ показалъ только что откуда-то полученный пулъ смоленскій, то очарованіе мое исчезло. На монеткѣ, преискусно сдѣланной, увидѣлъ пушку съ лафетомъ! Не говоря о томъ, что никогда и нигдѣ до сего не открывались смоленскія деньги, „пушка съ лафетомъ“ обличала грубую поддѣлку. Извѣстно, что у удѣльныхъ князей гербовъ не бывало. Первая „печать княжества смоленскаго“ является такою: княжій вѣнецъ на креслѣ съ подножіемъ. По взятіи Смоленска Сигизмундомъ III (посредствомъ измѣны обывателя этого города Семена Дедешина), въ въ 1611 году, гербъ Смоленска установленъ такой: Архангелъ Михаилъ съ мечемъ въ рукѣ, попирающій ногами діавола. По отобраніи Смоленска у поляковъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, что было въ 1655 г., установлена печатью княжества пушка на лафетѣ; гораздо послѣ прибавлена сидящая на ней

Digitized by Google

райская птица. Вотъ какое разстояніе пушки съ лафетомъ—изобрѣтенія XVII вѣка—отъ вѣковъ XII и XIII, когда обращались ганзейскія артуги и т. п. Оказалось, что изобрѣтателемъ почти многихъ удѣльныхъ пулъ и отчасти восточныхъ монетъ былъ Егоръ Осиповичъ Шуховъ съ компаніею. Правда, что онъ мнѣ положительно не сознался въ своихъ мистификаціяхъ, но никогда и не оспаривалъ подозрѣній, постоянно ему высказываемыхъ.

Ѳ. Г. Солнцевъ искусствомъ рисовать русскую старину достигъ званія академика,—члена академіи художествъ, почестей и денегъ [1]); но Шуховъ, если бы только не упрямство его отца, закоренѣлаго старообрядца, державшаго сына при себѣ неотлучно, когда бы поступилъ ученикомъ въ академію художествъ, положительно говорю, превзошолъ бы Солнцева. При вѣрности глаза, быстрота Шухова въ работѣ была изумительная.

Пріятны были для меня знакомства съ И. М. Снегиревымъ и Н. А. Полевымъ. Первый мнѣ показался—Демокритомъ, другой—Гераклитомъ. Послѣдній былъ въ правѣ слезно смотрѣть на ученый тогдашній русскій міръ. Бѣдный Полевой и въ нуждѣ, послѣ прекращенія „Московскаго телеграфа“, не отказывался отъ своихъ взглядовъ. Крайность матеріальная, наконецъ, сломила и его: Полевой пустился въ водевили и прочее сему подобное. Иванъ Михайловичъ, отстраненный въ это время отъ профессорской кафедры латинской литературы, до того мило и забавно описывалъ своихъ преслѣдователей, — первымъ изъ нихъ Надеждина, что, дѣйствительно, можно было бы хохотать, если бы, въ то же время, не было грустно. Отъ остраго слова не уходилъ и его добрый сосѣдъ по мѣсту жительства у Троицы на прудахъ, — митрополитъ московскій Филаретъ. Этотъ строгій монахъ не любилъ тучныхъ священниковъ и архимандритовъ, которыми въ то время сильно обиловала Москва; такихъ сухой пастырь удалялъ съ своихъ глазъ. Снегиревъ по этому поводу говорилъ: „Нашъ высокопреосвященный митрополитъ великій постникъ: онъ разъ въ сутки съѣстъ два пискарика, да попикомъ закуситъ“. Погодина не иначе звалъ, какъ Мишка-разбойникъ, послѣдователь варяговъ-ворюговъ! хотя самъ принадлежалъ къ воря(ю)гамъ,

---

[1]) Записки профессора археолог. живописи Ѳедора Григорьевича Солнцева напечатаны въ „Русской Старинѣ“ изд. 1876 г., томы XV и XVI.

Digitized by Google

задержавъ у себя изъ моего портфеля нѣсколько рисунковъ. Богатое собраніе (сдѣланное Снегиревымъ) Ростопчинскихъ (въ 1812 г.) афишъ и старинныхъ русскихъ лубочныхъ картинъ съ притчами—въ это время въ Россіи было чуть не единственное.

XIV.

А. Ѳ. Панагіодоръ-Никовулосъ и А. Я. Фабръ.—И. П. Бларамбергъ и И. Л. Стемпковскій.

Въ этомъ же году скрѣпилось мое знакомство съ истиннымъ антикваріемъ — Александромъ Ѳедоровичемъ Панагіодоръ-Никовулосомъ и правителемъ канцеляріи графа М. С. Воронцова—А. Я. Фабромъ. Замѣчательна личность перваго.

Никовулъ былъ сыномъ фанаріота, состоявшаго сначала при дворѣ прусскаго короля Фридриха II, въ качествѣ политическаго драгомана при Портѣ, а послѣ перешедшаго на русскую службу, въ штатъ князя Потемкина-Таврическаго. Александръ Ѳедоровичъ, пользуясь „случаемъ“ отца, уважаемаго свѣтлѣйшимъ, съ дѣтства былъ записанъ въ армію офицеромъ и 17 лѣтъ уже числился маіоромъ драгунскаго полка. Со смертію Потемкина кончилась номинальная служба молодаго человѣка, изучавшаго науки. Императоръ Павелъ всѣхъ не явившихся въ срокъ на службу исключалъ. Въ числѣ ихъ былъ и нашъ юный маіоръ, на нѣкоторое время причислившійся къ русскому посольству въ Константинополѣ, при посланникѣ Кочубеѣ. Устройство домашнихъ дѣлъ заставило Никовула, съ двумя сестрами, переселиться въ Россію, гдѣ его отцу было пожаловано 10,000 десятинъ земли на р. Бугѣ, въ Херсонской губерніи. Большую часть своего времени Никовулъ провелъ въ Крыму, въ имѣніи генерала Бороздина, имѣвшаго въ домѣ богатую ученую библіотеку. На досугѣ Никовулъ сталъ изучать греческихъ историковъ, и при знаніи языковъ латинскаго, арабскаго и турецкаго, окруженный классическою мѣстностью, какова вся Таврида, изъ драгунскаго маіора выработался начитанный антикварій. Счастливая память ему служила почти до его смерти.

Digitized by Google

Переселясь въ Одессу, въ собственный домъ, неподалеку греческой Троицкой церкви, не занятый общественными и даже домашними дѣлами, предоставя это на заботу сестеръ, Никовулъ сдѣлался археологическимъ магазиномъ, ментором новороссійскихъ антикваріевъ И. П. Бларамберга, И. А. Стемпковскаго [1]). Оба сіи трудолюбивые антикваріи не знали ни греческаго, ни латинскаго языка; на французскіе же переводы классиковъ не полагались, и потому всегда за указаніями источниковъ обращались къ Никовулу, который съ безпримѣрными для грека безкорыстіемъ и скромностью охотно сообщалъ просимое; Стемпковскій, впрочемъ, отъ него скоро отсталъ, по случаю горячихъ замѣчаній, сдѣланныхъ на его сочиненіе: „Изслѣдованія о мѣстоположеніи древнихъ греческихъ поселеній на берегахъ Понта Евксинскаго, между Тирасомъ и Борисѳеномъ. Спб. 1826 г.“; но Бларамбергъ до смерти своей остался послушнымъ ему, какъ онъ самъ писалъ въ своихъ запискахъ.

Съ этимъ оригиналомъ по физіономіи и по одеждѣ, несообразжаемой ни съ модою, ни съ временами года, я познакомился у одесскаго жителя Варлама. Знакомство наше съ Никовуломъ скоро обратилось въ пріязнь и дружбу. Нумизматика мало занимала Панагіодора; но за то древняя исторія всего его поглощала. Онъ жилъ въ древнемъ мірѣ и о какомъ-либо Фарнакѣ или Спартакѣ говорилъ съ такими подробностями, какъ будто это были вчерашніе знакомые. Не забуду обѣда у Варлама, когда нѣкто князь Суццо, поверхностно знакомый съ эллинскою литературою, и подъ вліяніемъ новыхъ журнальныхъ мнѣній, позволилъ себѣ доказывать, что Омира въ дѣйствительности не существовало, а что это есть лицо собирательное. Можно себѣ представить огорченіе Панагіодора, почитателя Омира, знавшаго его Иліаду и Одиссею наизусть, и какъ это огорченіе постепенно перешло въ гнѣвъ и ярость. Панагіодоръ настоятельно вызывалъ невоинственнаго Суццо на дуэль. Много потребовалось увѣщаній, чтобы успокоить разогорченнаго старца. При участіи Никовула, я прочелъ Діома Хрисостома и всѣ Эллин-

[1]) Иванъ Стемпковскій, служившій адъютантомъ у герцога Ришелье, умеръ въ должности Керчь-Еникольскаго градоначальника.

Кн. В. Д.

Digitized by Google

скія Ольвійскія надписи, въ это время извѣстныя. Ему я признателенъ за многіе совѣты и указанія. До послѣднихъ минутъ его жизни я былъ его собесѣдникомъ. Біографія этого „невиннаго старца“ помѣщена въ Запискахъ одесскаго общества исторіи и древностей.

Личность другаго—А. Я. Фабра—примѣчательна въ иномъ отношеніи. Получившій начальное хорошее образованіе, отъ неизвѣстнаго намъ отца, Фабръ, какъ правитель канцеляріи, былъ примѣрнымъ по дѣятельности, молчаливости и исполнительности. Не бывъ лакомымъ на взятки, Фабръ отличался неописанною любостяжательною скупостью. Скупость его сдѣлалась притчею. Въ 1833 г., по случаю отправленія вспомогательныхъ войскъ въ Турцію, имѣлась надобность въ помѣщеніи пороха. Озабоченный графъ Воронцовъ на спросъ у окружающихъ: „гдѣ бы безопаснѣе помѣстить порохъ?“ получилъ отвѣтъ отъ А. А. Нарышкина, любителя острот: „на кухнѣ Фабра“. Въ спискѣ чиновниковъ, нуждающихся въ пособіи, онъ не совѣстился поставлять себя первымъ. Свободные часы, запершись, проводилъ въ процентныхъ разсчетахъ на капиталы, помѣщенные въ кредитныхъ установленіяхъ. Капиталы его по смерти оказались до 250,000 рублей серебр., не считая земель и угодій въ Крыму. Желая заявить предъ графомъ Воронцовымъ нѣкоторое свое образованіе, Фабръ, придя ко мнѣ на квартиру въ лицеѣ, попросилъ принять участіе въ пересмотрѣ давно сдѣланнаго имъ съ французскаго перевода: „Арріанова Перипла Понта Евксинскаго“. Намѣреніе его было напечатать и посвятить книжку графу Воронцову. Разумѣется, переводъ былъ передѣланъ вновь, сообразно съ греческимъ подлинникомъ, снабженъ пояснительными примѣчаніями и географическою картою. Такимъ путемъ началось наше знакомство и продолжалось до смерти оригинала, завѣщавшаго все свое имущество на учрежденіе въ Симферополѣ первоначальной школы для мальчиковъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Фабръ издерживалъ отъ 13 до 14 р. 25 к. въ мѣсяцъ. Какъ начальникъ, онъ былъ не злопамятенъ, щедръ на обѣщанія и скупъ на всякую помощь.

Осень и зиму этого года я провелъ довольно разсѣянно; причиною было увлеченіе прекрасною Г. К. Дм. Д. Благожелательный другъ мой заговаривалъ о женитьбѣ, чего ни служебное, ни

Digitized by Google

денежное мое положеніе не дозволяли. Быть же управителемъ имѣнія своей жены я не находилъ удобнымъ. „Останешься бобылемъ, Мурза!“ сказалъ Кирьяковъ. „Чему быть—того не миновать“, отвѣчалъ я.

XV.

Ученыя работы Николая Никифоровича, относящіяся къ исторіи Новороссійскаго края (1836 г.).—Поѣздка въ Крымъ.—Встрѣча съ преосвящ. Иннокентіемъ и М. А. Максимовичемъ.—Посѣщеніе гр. М. С. Воронцова.—Характеристика графа.—Его библіотека.—Сдѣланная въ ней Николаемъ Никифоровичемъ находка неизвѣстныхъ дотолѣ „Псковской Судной граматы“ и „подлинныхъ писемъ царевича Алексѣя Петровича“.—Особенная заботливость графа Воронцова о сохраненіи находящихся въ его библіотекѣ историческихъ памятниковъ.

Наступившій 1836 годъ засталъ меня за подготовкою матеріаловъ для исторіи Новороссійскаго края, которую я думалъ изложить въ легонькихъ газетныхъ статейкахъ. Такимъ порядкомъ мною были помѣщены въ Одесскомъ Вѣстникѣ (газетѣ, учрежденной въ 182... г. графомъ Воронцовымъ): 1) О заселеніи Новороссійскаго края, № 1; 2) Краткая исторія древняго города Херсона, № 3—4; 3) Еще о заселеніи Новороссійскаго края, № 15—16; 4) О чеканеніи монеты въ Крыму, № 30; 5) Археологическое извѣстіе о надписи, отысканной вблизи Очакова, № 42; 6) О присоединеніи къ Россіи Очаковской земли, № 43. Въ одно со мною время сталъ исключительно заниматься исторіею Новороссійскаго края А. А. Скальковскій. Кирьяковъ вмѣстѣ со мною рекомендовалъ его вниманію Фабра, а этотъ представилъ составленный имъ планъ ученаго путешествія по архивамъ Новороссійскаго края для собранія историческихъ матеріаловъ графу М. С. Воронцову. Просвѣщеннѣйшій вельможа своего времени не только благосклонно принялъ проектъ Скальковскаго, но и снабдилъ всѣми пособіями: рекомендаціями мѣстнымъ начальствамъ и деньгами. Увидѣвъ, что замышленное нами не говорится на словахъ, но начинаетъ исполняться на дѣлѣ, и передавъ Скальковскому все, что было въ моихъ рукахъ, я направилъ досужее свое время на другой путь. Въ вакаціонное время я вознамѣрился посѣтить Крымъ. Начальный путь мой

Digitized by Google

на дурномъ пароходѣ „Наслѣдникъ“, сопровождаемый морскою зыбью, ознаменовался сильною морскою болѣзнью до такой степени, что я было далъ себѣ обѣщаніе никогда по морю не плавать; но новость предметовъ, горы, которыхъ я до сего не видѣлъ, и, наконецъ, разнообразіе великолѣпной крымской природы уничтожили сдѣланное обѣщаніе. Начавъ путь свой съ Евпаторіи, я продолжилъ его чрезъ Симферополь, Бахчисарай, Севастополь, Южный берегъ, Ѳеодосію до Керчи. Видѣнное и замѣченное по пути я напечаталъ въ слѣдующемъ (1837 г.), подъ заглавіемъ „Поѣздка въ Крымъ въ 1836 году“, въ журналѣ нашего министерства, въ книгѣ XIII, стр. 625—691.

Въ Бахчисараѣ я возобновилъ знакомство, начатое въ Кіевѣ, съ ректоромъ кіевской духовной академіи — архимандритомъ Иннокентіемъ, авторомъ „Страстной седмицы“. А въ Ялтѣ снова съѣхался съ М. А. Максимовичемъ, въ это время ректоромъ кіевскаго университета. Въ Ялтѣ же, вмѣстѣ съ Максимовичемъ, былъ представленъ таврическимъ губернаторомъ А. И. Казначеевымъ только-что пріѣхавшему изъ Одессы графу М. С. Воронцову. Встрѣча татарами графа была радостная и непринужденная; замѣтно, что они чувствовали и понимали ту защиту, которую имъ оказывалъ графъ противъ высасывающаго ихъ плоть и кровь земскаго и уѣзднаго начальства. Осмотрѣвъ внимательно южный берегъ и въ особенности Керчь съ ея безчисленными курганами, разрываемыми въ это время самымъ нелѣпымъ образомъ самозванными археологами Ашикомъ и Карейшею, я возвратился оконечностями берега, начавъ отъ Ѳеодосіи и Судака до самой Алушты. Здѣсь съ Иннокентіемъ [1]) и Максимовичемъ [2]) былъ условленъ нашъ съѣздъ, чтобы затѣмъ вмѣстѣ обозрѣть собственно, такъ называемый, „Южный берегъ“, начинающійся отъ Алушты и кончающійся Байдарскими Воротами. Но различныя цѣли наши разстроили всѣ предположенія; посему я одинъ направился на Байдары. Въ проѣздъ мимо

---

[1]) Иннокентій (Борисовъ), впослѣдствіи епископъ чигиринскій, а позже архіепископъ херсонскій и таврическій, — извѣстный духовный ораторъ.

[2]) Мих. Александр. Максимовичъ—ректоръ и профессоръ университ. св. Владиміра, ботаникъ, литераторъ и собиратель южно-русскихъ пѣсенъ.
Кн. В. Д.

Digitized by Google

Алупки, чрезъ посредство сопутствовавшаго мнѣ почтъ-инспектора П. Д. Крупеникова, я получилъ приглашеніе графа Воронцова придти къ нему. Но одежда моя отъ пути и лазанья по руинамъ была въ такомъ состояніи, что я не рѣшился въ ней явиться и потому просилъ извиненія чрезъ посланнаго ко мнѣ чиновника Фацарди. Повторенное приглашеніе я долженъ былъ исполнить. Въ поношенныхъ сапогахъ, въ истертомъ сюртукѣ и проч. я предсталъ въ старомъ алупкинскомъ домѣ въ блистательное общество. Не смотря на это, встрѣча хозяина отличалась такимъ радушіемъ и благосклонностью, что на меня было обращено общее вниманіе. Я былъ представленъ графинѣ Елисаветѣ Ксаверьевнѣ, Ол. Ст. Нарышкиной и графу Ив. Ос. Витту. Цѣлый часъ графъ Воронцовъ провелъ со мною въ разспросахъ: гдѣ былъ и что видѣлъ? Тутъ я доложилъ графу, что слѣдуетъ не только списать и перевести по русски всѣ находящіяся въ Бахчисараѣ ханскія надгробныя надписи, но и издать ихъ. Графъ съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ какъ это предложеніе, такъ и другія, касавшіяся мѣръ сохраненія мѣстныхъ памятниковъ. Тогда же было поручено списаніе бахчисарайскихъ надписей состоявшему при графѣ переводчику восточныхъ языковъ А. А. Борзенко. Вечеромъ, еще часа полтора, графъ почтилъ меня своимъ разговоромъ. Здѣсь я узналъ рѣдкое качество графа Воронцова: сколько нибудь полезнымъ людямъ не надлежало искать покровителей для представленія ему; онъ самъ ихъ отыскивалъ, сближался съ ними и затѣмъ неизмѣнно оставался одинаково расположеннымъ къ нимъ. Въ послѣдующей моей жизни обстоятельства сближали меня со многими „сильными міра сего“, у которыхъ я всегда встрѣчалъ вниманіе и почетъ; но я никогда ни въ комъ не находилъ той душевной простоты, соединенной съ теплотою сердца, какою былъ одаренъ графъ Михаилъ Семеновичъ. Такимъ для меня онъ оставался по день его кончины.

Когда зимою графъ возвратился въ Одессу, то на другой же день послалъ за мною. Снова завелъ онъ рѣчь о Крымѣ и его древностяхъ и отъ нихъ перешелъ къ древностямъ кавказскимъ. Смѣшнымъ себя показалъ профессоръ Нордманъ: вмѣшавшись въ разговоръ, расхвастался о поѣздкѣ, сдѣланной имъ въ 1833 году съ ботаническою цѣлію по восточному берегу Чернаго моря, и, войдя въ жаръ отъ опасностей (мнимыхъ), имъ встрѣченныхъ,

Digitized by Google

разболтался до того, что будто бы онъ въ Илори или Драндахъ видѣлъ церковь, существующую уже „двѣ тысячи лѣтъ“. Графъ, улыбнувшись, замѣтилъ: „значитъ до Р. Х.?“, — прекратилъ съ нимъ разговоръ.

6 декабря (1836 г.), на блистательномъ балѣ, которымъ открывались зимнія увеселенія, графъ почти два часа имѣлъ разговоръ со мною объ архитектурѣ древнихъ церквей. Послѣ этого графъ почти еженедѣльно за чѣмъ либо сталъ приглашать меня къ себѣ по утрамъ въ кабинетъ, независимо отъ обѣдовъ и вечеровъ. Чтобы болѣе не возвращаться къ графу, скажу здѣсь все, что о немъ знаю.

Изъ частыхъ сношеній съ графомъ М. С. Воронцовымъ я примѣтилъ въ характерѣ его врожденную доброту, доходившую иногда до слабости. Ею-то пользовались наглецы и нахалы, какими были: П. Я. Марини (побочный сынъ князя В. П. Кочубея), О. Рено, А. Ашикъ, Э. С. Андреевскій (домашній докторъ съ 183... года) и др. Они выканючивали себѣ деньги, чины и кресты, такъ сказать, за „здорово живешь“. Вотъ образчикъ, какъ это бывало. Однажды г. Марини пожелалось какого-то креста, что графъ старался вѣжливо отклонить. Но неуступчивый Марини, изготовя написанное представленіе, явился съ нимъ въ кабинетъ графа; тотъ, желая избавиться, ушелъ въ садъ, куда и Марини послѣдовалъ, и тамъ снова просилъ подписать; озадаченный графъ, желая затруднить нахала, спросилъ: „какъ же, любезнѣйшій, я подпишу?“ Марини подставилъ спину, и графъ подписалъ. Такъ разсказывали мнѣ въ свое время: se non e vero, e ben trovato! Снисходительность и необычайное терпѣніе при выслушаніи какихъ бы то ни было разговоровъ, просьбъ или жалобъ были примѣрныя. Каждый чиновникъ смѣло могъ придти къ нему и объяснить свое недоразумѣніе или промахъ, и графъ прехладнокровно говорилъ: „въ такомъ случаѣ, любезнѣйшій, это надо уладить такъ!“ Трудолюбіе его было безпримѣрное: работалъ съ 6 часовъ утра и до 5 пополудни. Мнѣнія по важнымъ предметамъ, обширные проекты, какъ-то: о пароходствѣ, о каменноугольныхъ пріискахъ, введеніе въ топливо антрацита, о внутреннемъ каботажѣ, о вольныхъ матросахъ, о трапезундской торговлѣ и т. п., всѣ письма буквально были диктованы самимъ графомъ; секретари его, С. В. Сафоновъ, М. П. Щербининъ (домашній „потѣшный“), баронъ А. П. Николаи, были ничѣмъ болѣе,

Digitized by Google

какъ скорописцами. Графъ, продиктовавъ проектъ, записку или что иное, сряду часа три, переходилъ для отдыха къ другому занятію: разговору съ пришедшимъ лицомъ, а на другое утро, спросивъ: „на чемъ стали?“, продолжалъ начатое. За то только крайняя нужда могла заставить графа работать послѣ обѣда, который былъ обыкновенно въ 5 или 6 часовъ. Самая прогулка его, пѣшкомъ или верхомъ, по городу служила Одессѣ на пользу. О всякомъ замѣченномъ непорядкѣ тотчасъ сообщалъ онъ кому слѣдуетъ, и городъ видимо во всемъ улучшался. Совѣты и возраженія графъ любилъ выслушивать и по нимъ принималъ рѣшенія, но только тогда, когда они дѣлались наединѣ. Противодѣйствій его планамъ и цѣлямъ не терпѣлъ; противниковъ не щадилъ. Нарушенія общественнаго приличія, жестокаго обращенія съ низшимъ классомъ и отъявленнаго взяточничества не выносилъ, равно и презрѣнія къ установленному порядку. Генералъ-лейтенанта Загряжскаго и маіора Иванова, за нарушеніе карантинныхъ и таможенныхъ правилъ, преслѣдовалъ настойчиво и тогда только успокоился, когда ихъ выключили изъ службы. Въ цѣлые десятки лѣтъ графъ однажды вышелъ изъ себя; поймавъ дежурнаго штабъ-офицера Семякина на неточномъ докладѣ, онъ швырнулъ ножницами и выгналъ его изъ кабинета. Впрочемъ, при увольненіи далъ такую рекомендацію, что Семякинъ вскорѣ получилъ въ командованіе полкъ, а теперь состоитъ на очереди командованія корпусомъ войскъ.

Простота въ обращеніи и одеждѣ (любилъ носить Нарвскаго егерскаго полка сюртукъ), скромность и застѣнчивость составляли черты замѣчательныя. За то скрытность и долгопамятность добра или зла были ему прирожденны и долговременны. Графъ, если составилъ о комъ либо хорошее или дурное мнѣніе, то надо было слишкомъ много времени и настояній, чтобы онъ измѣнилъ прежнее понятіе. Щедрый на добрыя и полезныя дѣла, а также поощренія, графъ въ домашнемъ быту былъ разсчетливъ и хозяинъ добрый. Всему была справедливая мѣра и вѣсъ! Сверхъ еженедѣльныхъ (въ Одессѣ) зимою вечеровъ и нѣсколькихъ великолѣпныхъ баловъ, бывали у него еженедѣльно два обѣда: къ нему приглашался по очереди весь городъ; но когда случались лишніе гости, утромъ приглашенные, то графъ лично озабочивался ихъ приборами и виномъ, по вкусу. Довольство и непринужденность господствовали у графа повсюду. Семейный

Digitized by Google

его слуга получалъ къ обѣду по бутылкѣ крымскаго вина, холостой полубутылку и приличное помѣщеніе. Въ Алупкѣ, гдѣ графъ большею частью проводилъ лѣто и осень, сиживало за обѣдомъ отъ 70 до 120 особъ; послѣ обѣда гостей накрывался другой столъ—для прислуги. Каждый „приглашенный“ гость въ Алупку имѣлъ двѣ компаты и третью для слуги; сюда подавали чай или кофе, завтракъ; но къ обѣду и вечернему чаю надлежало приходить въ общую столовую и время проводить вмѣстѣ съ хозяевами. Для прогулокъ „гость“ имѣлъ экипажъ или верховую лошадь.

Графъ велъ ежедневный журналъ, который утромъ писалъ по-англійски. Независимо отъ многихъ библіотекъ, бывшихъ у него въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Мошнахъ (Кіевской губ.) и Алупкѣ, въ Одессѣ была главная: она состояла изъ сочиненій по политической экономіи, географіи, статистикѣ и путешествій, новѣйшихъ, частію на англійскомъ языкѣ, но болѣе на французскомъ. Всѣ хорошія сочиненія русскія доставлялись въ нѣсколькихъ экземплярахъ, для всѣхъ библіотекъ. Находилась, возлѣ большаго кабинета, гдѣ онъ постоянно работалъ, — комната, наполненная шкафами по всѣмъ стѣнамъ съ хранящимися въ нихъ рукописями. Это были дипломатическія, финансово-экономическія бумаги, проэкты, доклады, письма, сочиненія, собранные канцлеромъ и министрами графами Воронцовыми и княгинею Е. Р. Дашковою, во время ихъ служенія. Имѣлось достаточное число старинныхъ рукописей русскихъ; между ними я открылъ впослѣдствіи: „Псковскую судную грамату“, дотолѣ неизвѣстную, и подлинныя „письма царевича Алексѣя Петровича“. Въ эту комнатку графъ дозволялъ входить только исключительно мнѣ одному и тамъ заниматься. Какъ графъ (съ 1845 года князь) дорожилъ этимъ собраніемъ, вотъ сему доказательство.

Военная гроза съ запада Европы уже стягивалась надъ черноморскими русскими берегами. Въ числѣ многихъ другихъ писемъ, которыми издавна удостоивалъ меня князь Михаилъ Семеновичъ, всегда на нихъ подписывавшійся (пропускъ), такъ писалъ онъ мнѣ изъ Тифлиса, отъ 1-го февраля 1854 года: „Княгини (Елизаветы Ксаверіевны) воображенію представляется, что въ одесскомъ домѣ нашемъ можетъ случиться пожаръ, первою жертвою

Digitized by Google

котораго будутъ наши фамильныя бумаги и манускрипты, имѣющіе столько историческаго значенія, и поэтому желаетъ, чтобы все это было сложено въ особые ящики и поставлено въ безопасной для этого части дома. Хотя я подшучиваю надъ ея неосновательнымъ страхомъ и не вѣрю, чтобы могъ случиться пожаръ въ домѣ, не имѣющемъ жильцовъ; однако, дѣйствительно, очень жаль было-бы потерять эти бумаги, столь интересныя для насъ и для будущаго; поэтому обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою, оказать Шпигановичу (управляющему домомъ) дружеское содѣйствіе къ собранію и укладкѣ всѣхъ моихъ манускриптовъ, въ особые ящики, въ такомъ порядкѣ, какой найдете лучшимъ, и при особыхъ описяхъ, что въ какой ящикъ положено. Затѣмъ мнѣ остается просить васъ, не говорить объ этомъ предметѣ никому, потому что эта самая обыкновенная вещь при нынѣшнемъ тревожномъ состояніи Одессы можетъ дать поводъ къ какимъ-либо толкамъ и заключеніямъ; вы сами видите, что и всѣ наши вещи, не мало стоющія, оставляемъ тамъ, и однѣ лишь бумаги, не имѣющія цѣны для другихъ, но важныя для насъ, желаемъ сохранить въ томъ самомъ домѣ. Прощайте, любезный Николай Никифоровичъ, и вѣрьте моей преданности. М. Воронцовъ".

Укладку манускриптовъ въ ящики я началъ 15-го марта и кончилъ къ 1-му апрѣля. 10-го апрѣля сотни ядеръ пронеслись черезъ домъ князя, господствующій надъ одесскою практическою гаванью, гдѣ была „батарея Щеголева"; нѣсколько конгреговыхъ ракетъ увязло въ стѣнахъ дома, и сѣновалъ уже загорался. Ящики съ манускриптами, числомъ 17, были опущены въ подземную мину. Прочія богатства дома: библіотека, картины, серебро — оставались на своихъ мѣстахъ. Просвѣщенный вельможа не дорожилъ убыткомъ свыше, чѣмъ на милліонъ руб. сер., но спасалъ сокровища исторіи и науки съ свойственнымъ ему великодушіемъ.

Николай Никифор. Мурзакевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Digitized by Google

Флигель-адъютантъ Михаилъ Андреевичъ Шумскій

въ Соловкахъ

1836—1851.

Во многихъ разсказахъ о флигель-адъютантѣ Шумскомъ, сынѣ графа Аракчеева, между прочимъ, и на страницахъ «Русской Старины» приведены преданія о судьбѣ этого злосчастнаго человѣка. Всѣ эти извѣстія не болѣе какъ легенды, не смотря на кажущуюся ихъ правдоподобность [1]).

Я имѣлъ случай видѣть въ Соловецкомъ архивѣ дѣло за № 756 о перемѣщеніи изъ Юрьева монастыря въ Соловецкій монастырь на жительство поручика Михаила Шумскаго, откуда и заимствую данныя о пребываніи Шумскаго въ Соловкахъ.

М. А. Шумскій былъ, по высочайшему повелѣнію, согласно его просьбѣ, переведенъ изъ Юрьева монастыря Новгородской губерніи въ Соловки въ 1836 г. Сосланъ онъ былъ въ монастырь не какъ арестантъ, не въ тюрьму, а жилъ свободно въ монастырѣ, ему было запрещено только выѣзжать оттуда. По разсказамъ монаховъ, которые помнятъ Шумскаго, онъ былъ человѣкъ далеко не глупый, очень добрый, но въ высшей степени безхарактерный, непостоянный, безалаберный. Одинъ день онъ щедрою рукою даетъ всякому, кто у него попроситъ, а на другой день беретъ взаймы безъ отдачи; сегодня вольнодумствуетъ, кощунствуетъ, завтра напускаетъ на себя аскетизмъ: ходитъ къ полунощницамъ, читаетъ, поетъ на клиросѣ, гнетъ поклоны и проч. То представляетъ изъ себя «образъ кротости», то надсмѣхается надъ монахами и дебоширничаетъ. Впрочемъ, безобразничалъ

---

[1]) „Русская Старина", изд. 1875 г., т. XII, стр. 121—123, и изд. 1878 г., т. XXI, стр. 184.

Digitized by Google

онъ въ пьяномъ видѣ, и его насмѣшки и обиды не носили характера злости, звѣрства, скорѣе это были шутки, веселящія и его самого и окружающихъ людей. Такъ онъ за булку заставлялъ одного послушника, въ зимнее время, босаго, безъ нижняго бѣлья обходить кругомъ монастырской крѣпости. Среди окружающаго грубаго, невѣжественнаго общества ему было, конечно, невыносимо скучно, и единственный въ то время развитой человѣкъ, іеромонахъ Николай (авторъ Соловецкаго патерика и акаѳиста преп. Савватію и Зосимѣ), былъ частымъ его собесѣдникомъ, и подъ вліяніемъ его Шумскій до того увлекся монашествомъ, что рѣшился принять монашество и получилъ отъ Государя разрѣшеніе поступить въ число послушниковъ Соловецкаго монастыря.

Теперь сообщаю оффиціальныя данныя о пребываніи Шумскаго въ Соловкахъ. Вотъ его послужной списокъ, находящійся въ Соловецкомъ архивѣ, при дѣлѣ о Шумскомъ:

«Предъявитель сего поручикъ и кавалеръ орденовъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ и 4-й, Михаилъ Андреевъ, сынъ Шумскій, который, какъ значится изъ формулярнаго полковаго списка, имѣетъ медали за персидскую и турецкую войны, отъ роду 30-й годъ. Изъ дворянъ грекороссійскаго исповѣданія. За нимъ и родителями его никакого недвижимаго имѣнія не состоитъ. Въ службу вступилъ изъ камеръ-пажей двора его императорскаго величества лейбъ-гвардіи въ конную артиллерію прапорщикомъ 1821 г., марта мѣсяца 26-го дня; отъ роду тогда имѣлъ осмнадцать лѣтъ. Произведенъ подпоручикомъ 1823 г., августа 11-го, въ оной же артиллеріи. По высочайшему приказу назначенъ флигель-адъютантомъ къ его императорскому величеству 1824 г. апрѣля 6-го, поручикомъ 1824 г. іюня 12-го, съ назначеніемъ состоять для особыхъ порученій при главномъ начальникѣ военныхъ поселеній, генералѣ отъ артиллеріи графѣ Аракчеевѣ. По высочайшему приказу за неприличные поступки переведенъ въ Владикавказскій гарнизонный полкъ 1826 г. октября 7-го; изъ онаго полка, за отличіе въ сраженіи противъ персіянъ, переведенъ въ бывшій Ширванскій пѣхотный (что нынѣ пѣхотный же генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго гр. Паскевича-Эриванскаго) полкъ 1827 г. октября 2-го. Во время службы былъ въ походахъ и дѣлахъ противъ непріятеля и удостоился получить награды: 1827 г. подъ командою генералъ-адъютанта Бенкендорфа въ слѣдованіи авангардныхъ войскъ отъ селенія Шулаверъ до монастыря Эчміадзина, и за трудный переходъ черезъ горы Аазибіюкъ и Безобдалъ; получилъ высочайшее благоволеніе, 14-го апрѣля, въ дѣлѣ противъ персидской

Digitized by Google

конницы у дер. Верхней Аиглангу; 16-го въ перестрѣлкѣ съ куртинскою конницею подъ монастыремъ Эчміадзиномъ; того же числа, при разбитіи на Карасубами (?) куртинской конницы подъ предводительствомъ Гассанъ-хана; того же числа ночью, при канонадѣ противъ крѣпости Сардаръ-Абада; 24-го апрѣля въ дѣлѣ противъ многочисленной конницы, предводимой Гассанъ-ханомъ и части гарнизона эриванскаго, подъ пушечными выстрѣлами со стѣнъ сей крѣпости; при занятіи 25-го Иракліевой горы; 26-го Сѣвернаго Эриванскаго форштадта; съ того же времени по 15-е іюля при блокадѣ крѣпости Эривани; мая 3-го при рекогносцировкѣ къ дер. Вахгапертъ подъ командою генеральнаго штаба полковника Гурко; 4-го при рекогносцировкѣ къ рѣкѣ Горончай, подъ командою фл.-адъют. его и. в. полковника барона Фридерикса; въ сраженіи съ многочисленною конницею подъ начальствомъ Гассанъ-хана; съ 9-го по 12-е іюня при работѣ траншей и заложеніи батарей на правомъ берегу р. Занги противъ крѣпости Эривани, подъ начальствомъ главнокомандовавшаго высочайше ввѣреннымъ мнѣ корпусомъ генералъ-фельдмаршала кн. Варшавскаго гр. Паскевича-Эриванскаго; іюня съ 15-го по 28-е отъ монастыря Эчміадзина до гор. Нахичевани; 28-го отъ Нахичевани по Тавризской дорогѣ для открытія непріятеля и осмотра брода чрезъ Араксъ, у селенія Джульфы; того же числа при рекогносцировкѣ крѣпости Аббасъ-Абада и перестрѣлкѣ съ вышедшею изъ крѣпости кавалеріею; съ 28-го іюня по 4-е іюля въ походѣ для открытія новаго сообщенія Нахичевани съ Карабахомъ; 29-го іюня при рекогносцировкѣ Аббасъ-Абада, подъ усиленнымъ прикрытіемъ и обложеніи сей крѣпости; съ 1-го по 8-е ч. іюля при осадѣ до сдачи оной, а 5-го того же мѣсяца въ дѣйствительномъ сраженіи противъ персіянъ, предводительствуемыхъ принцемъ Аббасъ-Мирзою, при разбитіи и преслѣдованіи оныхъ, и за отличіе въ семъ сраженіи переведенъ въ означенный полкъ. Съ 20-го по 22-е іюля въ походѣ отъ Аббасъ-Абада до селенія Карабабы; съ 26-го августа въ походѣ отъ означеннаго селенія до мон. Эчміадзинъ; оттуда 9-го сентября, при движеніи на Араксъ до селенія Кельгархъ; 14-го того же мѣсяца въ слѣдованіи до крѣпости Сардаль-Абада и обложеніи оной; съ того же числа по 20-е при дѣйствительной осадѣ, взятіи и преслѣдованіи гарнизона сей крѣпости; 22-го въ походѣ къ Эривани; съ 24-го сентября по 1-е октября при дѣйствительной осадѣ и покореніи сей важной крѣпости со всѣмъ находившимся въ ней гарнизономъ, причемъ взятъ въ плѣнъ Гассанъ-ханъ, сардарь и многіе другіе ханы и чиновники, и за отличіе въ сихъ сраженіяхъ получилъ высочайшее благоволеніе; съ 7-го по 19-е октября въ походѣ отъ Эривани въ Таврисъ, а оттуда до перехода черезъ Араксъ по 20-е

Digitized by Google

марта 1828 г., и за кампанію сію получилъ всемилостивѣйше пожалованное не въ зачетъ жалованье; того-жъ года съ 1-го по 5-е августа при рекогносцировкѣ крѣпости Ахалцыха и разбитіи непріятельской кавалеріи; 9-го при пораженіи непріятельскаго 30 т. корпуса, подъ предводительствомъ трехбунчужнаго паши Магметъ-паши и Мустафа-паши, и при завладѣніи четырьмя непріятельскими лагерями и контръапрошними укрѣпленіями; съ 9-го по 15-е при осадѣ крѣпости Ахалцыха, а 15-го при взятіи штурмомъ этой крѣпости, и за отличіе въ семъ сраженіи награжденъ орденомъ св. Анны 4 ст. Въ 1829 г., за отличіе во время 12-ти-дневной осады непріятельской крѣпости Ахалцыха, награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. съ бантомъ. Обучался ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, коническимъ сѣченіямъ, полевой и долговременной фортификаціи, атакѣ крѣпостей, артиллеріи, физикѣ, статистикѣ, механикѣ, черченію плановъ и рисованію; россійскому, нѣмецкому и французскому языкамъ. Въ дальнихъ отпускахъ не бывалъ. Бывшій начальникъ главнаго штаба его и. в. сообщилъ предмѣстнику моему, генералъ отъ инфантеріи Ермолову, отъ 8-го октября 1826 г., что поручикъ Шумскій высочайше переведенъ изъ гвардіи, за неприличные поступки, тѣмъ же чиномъ, безъ сохраненія званія флигель-адъютанта, которое онъ имѣлъ, и что государь императоръ, желая доставить ему случай раскаяться и хотя нѣсколько загладить сдѣланные имъ поступки, повелѣть соизволилъ употребить на службу въ дѣйствующія войска отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Холостъ, состоялъ въ комплектѣ. Къ повышенію чиномъ аттестуется достойнымъ. А 1830 г. іюня 18-го, по выс. его и. в. приказу, уволенъ отъ службы за болѣзнію тѣмъ-же чиномъ. Во свидѣтельство, чего по высочайше предоставленному мнѣ уполномочію, сей указъ данъ поручику Шумскому, за моимъ подписаніемъ съ приложеніемъ герба моего печати. При корпусной квартирѣ въ Грузіи, г. Тифлисѣ. Мая 29-го дня 1833 г. Баронъ Розенъ».

Соловецкая монастырская община, съ ея общественнымъ строемъ, съ ея образцовымъ хозяйствомъ и полнымъ исполненіемъ обрядовой стороны монашества, сильно повліяла на пылкаго флигель-адъютанта. Къ тому же отсутствіе посторонняго, мірскаго вліянія и бесѣды о. Николая скоро увлекли его въ сторону монашества. Черезъ полгода по своемъ прибытіи въ монастырь, онъ подаетъ архимандриту монастыря слѣдующую просьбу: «По прошенію, поданному мною на высочайше его императорскаго величества имя, о увольненіи меня изъ новгородскаго

Digitized by Google

Юрьева монастыря въ сей Соловецкій монастырь, я уволенъ изъ оного послѣдовавшимъ въ Юрьевъ монастырь высочайшимъ указомъ.

«Нынѣ, имѣя ревностное желаніе положить основаніе къ пріобученію себя трудамъ, иноческой жизни соотвѣтствующимъ, въ обители, начальству вашего высокопреподобія ввѣренной, для заслуженія монашескаго образа, покорнѣйше прошу ваше высокопреподобіе, принявъ сіе прошеніе мое, не оставить учинить распоряженіе ваше о включеніи меня въ штатъ послушниковъ Соловецкаго монатыря. 1836 г. ноября 22-го дня. Отставной поручикъ Михайло Шумскій».

Архимандритъ представляетъ эту просьбу синодальному оберъ-прокурору гр. Протасову при слѣдующемъ отношеніи:

«Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь! Во ввѣренномъ мнѣ Соловецкомъ монастырѣ проживаетъ, съ 4-го іюня истекшаго 1836 г., отставной поручикъ Шумскій, который перемѣщенъ сюда изъ новгородскаго Юрьева монастыря, по высочайшему соизволенію, согласно прошенію его, какъ о семъ дано мнѣ знать посланнымъ изъ святѣйшаго синода указомъ отъ 28-го февраля сего года.

«Нынѣ онъ, Шумскій, подалъ на имя мое прошеніе, въ коемъ, изъявляя желаніе посвятить себя иноческой жизни, проситъ о принятіи его въ число штатныхъ послушниковъ для пріобученія къ оной и къ дальнѣйшей заслугѣ монашества.

«Я, со своей стороны, согласенъ бы его принять по предоставленному св. синодомъ нраву настоятелямъ соловецкимъ опредѣлять въ послушники самимъ, такъ какъ онъ, Шумскій, ведетъ себя смирно и несетъ добровольно монастырскія послушанія, хотя противъ другихъ и легкія, — но нахожусь въ нерѣшимости, ибо онъ высочайшимъ повѣленіемъ помѣщенъ здѣсь только для жительства. Посему осмѣливаюсь утруждать ваше сіятельство покорнѣйшею просьбою удостоить меня вашимъ наставленіемъ можно-ли мнѣ принять его въ желаемое имъ послушническое званіе.

«Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего графскаго сіятельства, милостиваго государя всепокорнѣйшій слуга и усердный богомолецъ архимандритъ Иларій».

На это отношеніе архимандритъ отъ графа Протасова получаетъ слѣдующее рѣшеніе:

«Высокопреподобнѣйшій о. архимандритъ, милостивый государь! Отношеніе ко мнѣ в. в—бія отъ 14-го прошедшаго мая о желаніи перемѣщеннаго, по высочайшему соизволенію, въ ввѣренный вамъ монастырь отставнаго поручика Шумскаго поступить въ число штатныхъ послушниковъ онаго монастыря, для пріобученія себя къ монашеской жизни, я имѣлъ счастіе докладывать государю императору.

Digitized by Google

«Его императорскому величеству благоугодно было изъявить на то высочайшее соизволеніе.

«Извѣщая о семъ в. в—біе для зависящаго распоряженія, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ в. в—бія покорный слуга графъ Протасовъ».

Какъ скоро горячій умъ Шумскаго увлекся монашескою жизнію, такъ скоро и разочаровался въ ней. Едва прошло два года съ тѣхъ поръ, какъ просилъ дозволенія быть послушникомъ, онъ пишетъ прошеніе къ государю освободить его отъ этого неудобоносимаго для него бремени. Вотъ его просьба:

«По титулѣ: просить Соловецкаго первокласснаго монастыря послушникъ Михаилъ Андр. сынъ Шумскій, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

«1) Въ сообразность желанія моего указомъ вашего императорскаго величества опредѣленъ я въ Соловецкій монастырь послушникомъ;

«2) Но въ продолженіе двухъ лѣтъ, съ одной стороны, здѣшній суровый и нездоровый климатъ, съ другой, бремя, неудобоносимое для силъ моихъ и начальнаго еще иночества, разслабивъ все мое здоровье, привели меня не въ состояніе долѣе вмѣщать монастырскую жизнь, сколь ни ревностно къ этому прежде было мое желаніе.

«Почему для возстановленія моего здоровья в. и. в. всеподданнѣйше прошу освободить меня отъ прохожденія монастырской жизни, предоставить избрать состояніе, сообразное и силамъ, и званію моему. Августа 20-го дня 1838 г.»

Отвѣтъ на это прошеніе былъ таковъ:

«Его имп. в. благоугодно было повелѣть спросить Шумскаго какое онъ избираетъ состояніе, гдѣ желаетъ поселиться и какіе имѣетъ способы къ существованію».

Въ отвѣтъ на эти вопросы Шумскій снова пишетъ всеподданнѣйшее прошеніе такого рода:

«По титулѣ: указомъ в. и. в. повелѣно принять меня, нижеименованнаго, въ Соловецкій монастырь, прошеніемъ же своимъ я утруждалъ ваше величество, что, по суровости климата и лишенію совершенно способовъ къ поддержанію болѣзненнаго состоянія своего, положеніе мое становится тяготительнѣе и неминуемо совлечетъ меня въ состояніе, когда уже никакіе способы не будутъ дѣйствительны.

«На сіе прошеніе мое в. в., яко отецъ отечества, благоволили высочайше повелѣть потребовать отъ меня объясненія: 1) какое состояніе я избрать намѣренъ, 2) въ какомъ мѣстѣ, 3) какіе способы имѣю къ своему существованію.

«На сіе всеподданнѣйше в. в. доношу: намѣреніе мое, при подаваніи перваго прошенія моего, состояло, дабы, по увольненіи меня изъ

Digitized by Google

Соловецкаго монастыря, припасть къ стопамъ в. в., объяснить все горестное положеніе свое и умолять всемилосердую десницу в. в. о милосердіи, если не лично, ибо в. в. воспрещенъ мнѣ въѣздъ въ обѣ столицы, чего я, по всеподданнѣйшей присягѣ, преступить не дерзнулъ и не осмѣлюсь.

«Я не утруждалъ в. в. доселѣ, ибо до кончины благодѣтеля моего графа Аракчеева, хотя я имѣлъ пребываніе въ монастырѣ, но получалъ отъ него щедрое пособіе по 100 руб. въ мѣсяцъ съ обѣщаніемъ положить для меня капиталъ, съ коего я могъ бы пользоваться процентами, но непредвидѣнная смерть его разрушила всѣ сіи предположенія, тѣмъ болѣе, что я не находился при кончинѣ его, а потому и остался всего лишеннымъ.

«Нынѣ же, по воспослѣдовавшему повелѣнію в. в., дерзаю, послѣднѣйшій изъ подданныхъ в. в., просить хотя малаго ежегоднаго пособія, которое, при монастырской жизни, было бы для меня весьма достаточнымъ для поддержанія болѣзненнаго состоянія моего, сколько в. в—ву благоугодно будетъ повелѣть производить; если же окажусь сего не заслуживающимъ, то высочайше повелѣть о назначеніи мнѣ отъ короны мѣста засѣдателя или подобныя сему, сообразно чину моему, куда и въ какой губерніи в. в—ву благоугодно будетъ меня опредѣлить, ибо болѣзненное состояніе мое происходитъ не отъ чего инаго, какъ отъ лишенія способовъ къ поддержанію здоровья моего.

«На третій же пунктъ, чѣмъ намѣренъ поддерживать состояніе свое, доношу в. в—ву, что, безъ сего всемилосердаго повелѣнія о оказаніи мнѣ пособія, я совершенно остаюсь лишеннымъ всѣхъ способовъ къ поддержанію состоянія своего.

«Всемилостивѣйшій государь! воззри всемилосердымъ окомъ на несчастнаго, простри всемилосердую десницу твою и извлеки его изъ погибельнаго отчаянія; тебѣ вручена Всевышнимъ участь Россіи. Ты печешься о благосостояніи всѣхъ вѣрноподданныхъ твоихъ отъ великаго до малаго; ужели я одинъ несчастный буду отвергнутъ в. в—вомъ? ужели проступокъ неопытной молодости навсегда исключаетъ меня изъ сыновъ Россіи, полагающихъ надежду свою на тебя, государь, отца отечества, и я увѣренъ, что в. в—во не оставите дѣтей своихъ сирыхъ, ибо вся Россія дѣти твои. Мая 11-го дня 1839 г.».

Шумскій не ошибся, разсчитывая на государя, ибо получилъ нижеслѣдующій милостивый отвѣтъ:

«Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему (гр. Протасова) о принесенномъ находящимся въ Соловецкомъ монастырѣ отставнымъ поручикомъ Шумскимъ на высочайшее имя его и. в. прошеніи, доставленномъ мнѣ, при отношеніи вашемъ отъ 12-го

Digitized by Google

минувшаго мая, всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: производить Шумскому изъ кабинета его в—ва въ пенсіонъ по тысячѣ двѣсти руб. въ годъ.

«Увѣдомляя в. в—преподобіе о таковой высочайшей волѣ, я покорнѣйше прошу, по объявленіи оной поручику Шумскому, отобрать отъ него и доставить мнѣ окончательное свѣдѣніе, желаетъ-ли онъ засимъ оставаться въ Соловецкомъ монастырѣ, или по суровости тамошняго климата имѣть жительство въ какомъ либо другомъ монастырѣ въ Россіи, и въ какомъ именно?»

На послѣдній вопросъ, гдѣ онъ желаетъ жить, въ Соловецкомъ или иномъ монастырѣ, онъ отвѣчалъ, что желаетъ пребывать въ Соловецкомъ монастырѣ.

Разсказываютъ, что Шумскій, подавая государю прошеніе о пенсіи, далъ обѣтъ, въ случаѣ назначенія пенсіи, пожертвовать въ монастырь третью часть его. И дѣйствительно, получивъ такой большой пенсіонъ, Шумскій на радостяхъ объявилъ, что онъ каждогодно жертвуетъ на монастырь по 300 руб. изъ своего пенсіона. Прошелъ годъ, Шумскій не только промоталъ весь остальной пенсіонъ, но даже много задолжалъ. Чтобы выйти изъ такого неловкаго положенія, пишетъ архимандриту прошеніе, чтобы монастырь не бралъ изъ его пенсіона 300 руб., а только 100 руб. въ годъ, что и было уважено. Пьянствовалъ онъ въ это время сильно и настолько ослабѣлъ нравственно, что не могъ владѣть своими поступками. Бралъ деньги взаймы, а когда требовали отдачи, ругался, отказывался отъ долга, заводилъ скандалъ; закладывалъ свои вещи и требовалъ, безъ возврата денегъ, ихъ обратно. Отсюда выходила масса непріятностей. Настоятель монастыря сдѣлалъ Шумскому энергическое внушеніе за такое поведеніе, — и вотъ онъ пишетъ на имя игумена, конечно, по внушенію монастырскаго начальства, слѣдующее комическое прошеніе:

«Ваше высокопреподобіе, всечестивѣйшій о. игуменъ! Чувствуя свою слабость и немощь, и по болѣзненному положенію своему и лѣтамъ, желая спасенія душевнаго, припадаю къ стопамъ вашимъ и всепокорнѣйше прошу приказать какъ братіи св. обители и скитовъ, такъ и штатнымъ служителямъ и рабочимъ, дабы не вѣрили и не давали мнѣ, нижеподписавшемуся, взаймы денегъ, ибо росписки будутъ считаться не дѣйствительными и не будутъ пріемлемы, а равно вещей и платья отъ меня не принимать. Отставной поручикъ М. Шумскій».

Резолюція: «согласно сей просьбѣ отставнаго поручика М. Шумскаго о недаваніи ему взаймы денегъ, а равно о неприниманіи отъ него никакихъ вещей и платья, поручаю о. намѣстнику объявить о томъ всему братству нашему, такъ и всѣмъ безъ изъятія живущимъ

Digitized by Google

здѣсь и въ скитахъ людямъ. А просьбу сію хранить впредь въ конторѣ при дѣлѣ о Шумскомъ. Февраля 15-го дня 1845 г. Игуменъ Димитрій».

Къ этому же времени относится его попытка, подобно древнимъ отшельникамъ, удалиться для безмолвія и богомыслія въ лѣсъ Анзерскаго острова, вдаль отъ живыхъ людей. Въ 1841 г. онъ подалъ настоятелю просьбу, что онъ жертвуетъ 600 руб. на постройку въ лѣсѣ Анзерскаго острова часовни и кельи, гдѣ бы онъ могъ въ тишинѣ, вдали отъ людскаго соблазна, упорядочить свою жизнь. Настоятель разрѣшилъ ему это. Выстроили келью, куда вскорѣ отправился отшельникъ—флигель-адъютантъ. Изъ людей съ собою, правда, онъ никого не взялъ, но за то сдѣлалъ изрядный запасъ «пьянственнаго питія». Скитскіе старцы, узнавъ о новомъ отшельникѣ и пустынникѣ, начали стекаться къ нему для благочестивыхъ бесѣдъ и общихъ молитвъ, а обратно въ скиты возвращались подъ напитіемъ духа веселія, а не рѣдко во образѣ четвероногихъ.

Такъ какъ это было отъ монастыря за 25 верстъ, куда въ зимнее время иногда и проникнуть нельзя, по случаю морскаго пролива, отдѣляющаго Соловецкій островъ отъ Анзерскаго, то монастырское начальство долго не знало, какіе подвиги выдѣлываетъ новый пустынникъ. Вѣсть о подвигахъ новаго отшельника и его учениковъ все-таки дошла до монастыря, и монастырское начальство попросило старца паки возвратиться въ монастырь, на что онъ охотно согласился, тѣмъ болѣе, что живительная влага испарилась вся, а новый запасъ въ зимнее время сдѣлать было невозможно. Тѣмъ и кончились отшельническіе подвиги Шумскаго, продолжавшіеся около трехъ мѣсяцевъ.

Грѣхи молодости и почти постоянное «пьянственное житіе» подъ старость стали сказываться въ Шумскомъ настолько серьезно, что онъ забоялся жить въ суровомъ климатѣ Соловокъ, безъ всякой врачебной помощи, проживъ тамъ 15 лѣтъ, и началъ хлопотать о переводѣ на родину, въ Новгородскую губернію, въ Филиппо-Ирбскую пустынь. Его хлопоты оказались удачными; въ началѣ навигаціи 1851 года Соловецкій архимандритъ получилъ изъ синода слѣдующій указъ:

«Свят. прав. синодъ, по выслушаніи предложенія г. оберъ-прокурора гр. Протасова о томъ, что государь императоръ, по докладу г. военнаго министра просьбы отставнаго поручика Шумскаго, высочайше повелѣлъ: перевести Шумскаго изъ Соловецкаго монастыря въ Филиппо-Ирбскую пустынь Черепов. уѣзда, Новгор. губ., и по желанію его отпустить ему, изъ архангельскаго казначейства, въ счетъ пожалованнаго ему пенсіона, впредь за одну треть, въ количествѣ 400 рублей».

Digitized by Google

Но Шумскому не судилъ Богъ доѣхать до Новгородской губ. и увидать свою родину. Доѣхавъ до Архангельска, онъ заболѣлъ настолько серьезно, что принужденъ былъ лечь въ архангельскую больницу, гдѣ вскорѣ и померъ, 48 лѣтъ отъ роду. Вотъ отношеніе архангельскаго губернатора о его смерти:

«Настоятелю Ставропигіальнаго Солов. монастыря. Назначенный на жительство въ Филиппо-Ирбскую пустынь отставной поручикъ Михайло Шумскій, по прибытіи его изъ Соловецкаго монастыря въ гор. Архангельскъ, будучи болѣнъ, 10-го сего іюня умеръ въ больницѣ архангельскаго приказа общественнаго призрѣнія. Оставшіеся по смерти Шумскаго разные документы, доказывающіе его происхожденіе и званіе, а равно и деньги отъ пенсіона, ему слѣдовавшаго за май мѣсяцъ, препровождены вмѣстѣ съ симъ въ архангельскій уѣздный судъ на законное опредѣленіе о правѣ наслѣдства послѣ Шумскаго. О чемъ имѣю честь увѣдомить в. в—преподобіе и присовокупить, что пакетъ вашъ за № 83, при которомъ слѣдовалъ Шумскій въ Филиппо-Ирбскую пустынь, отосланъ мною по принадлежности къ строителю той пустыни, при увѣдомленіи о смерти Шумскаго. Іюня 17-го дня 1851 года. Гражданскій губернаторъ».

Изъ всего вышеозначеннаго видно, что Шумскій съ 1836 г. прожилъ безвыѣздно 15 лѣтъ въ Соловецкомъ монастырѣ.

Сообщ. **Мих. Андр. Колчинъ.**

Digitized by Google

Отзывы одесскихъ газетъ

1837 г.

о смерти Пушкина.

Въ новомъ библіографическомъ трудѣ почтеннаго В. И. Межова, посвященномъ Пушкину и носящемъ названіе „Puschkiniana“, немного указано голосовъ, появившихся въ русской литературѣ по поводу безвременной и трагической кончины великаго нашего поэта. Правда, не много и было этихъ голосовъ. Ибо въ то время, назадъ тому 50 лѣтъ, не было еще въ русской публикѣ ни особенной привычки къ печатному слову, ни даже насущной свободы самаго этого слова... Все же г. Межовъ кое-какіе голоса и пропустилъ въ своемъ библіографическомъ сводѣ статей о Пушкинѣ [1]). Такъ, не указалъ онъ статей о смерти Пушкина, появившихся въ тогдашнихъ одесскихъ газетахъ.

Въ Одессѣ тогда издавалось двѣ газеты: одна на русскомъ языкѣ—„Одесскій Вѣстникъ“, а другая на французскомъ „Journal d'Odessa“... Обѣ были полуофиціальныя и находились подъ контролемъ князя Воронцова... Въ той и другой появились статьи, посвященныя памяти Пушкина, когда вѣсть о его смерти достигла и Одессы. Статьи были теплыя, прочувствованныя... Тѣмъ больше чести кн. Воронцову, не воспрепятствовавшему ихъ напечатанію...

Прежде всего появилась замѣтка о смерти Пушкина въ „Journal d'Odessa“—именно въ № отъ 12 февраля 1837 г. Статейка эта произвела самое благопріятное впечатлѣніе въ кругу кн. Воронцова и особенно привела въ восхищеніе княгиню Воронцову. Она поручила М. П. Щербинину (бывшему домашнимъ секретаремъ у князя) — просить А. Г. Тройницкаго, редактора „Одесскаго Вѣстника“, чтобы онъ помѣстилъ эту статью и у себя... Но въ это время братъ редактора и главный помощникъ его по веденію литературнаго отдѣла газеты—Николай Григорьевичъ Тройницкій — уже написалъ свою собственную статью по поводу смерти Пушкина; она была напечатана

---

[1]) Г. Межовъ указалъ на одну статью о смерти Пушкина, появившуюся въ 1836 г. — значитъ за годъ до смерти поэта. Именно, статью въ «Московскомъ Наблюдателѣ»... г. Межовъ не объяснилъ какъ это могло случиться...

Л. М.

Digitized by Google

въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ въ № отъ 13 февраля 1837. Но редакція не рѣшалась пустить ее отъ своего имени и подъ статьею появилась подпись: „сообщено“.

Такъ какъ статьи „Journal d'Odessa“ и „Одесскаго Вѣстника“ 1837 г. о смерти Пушкина, появившись въ провинціальныхъ изданіяхъ, — могутъ остаться совсѣмъ неизвѣстны для публики (не зналъ же о нихъ ничего даже и записной библіографъ...),—то мы считаемъ нелишнимъ воспроизвести ихъ вновь на страницахъ такого распространеннаго историческаго журнала, какъ „Русская Старина“. Къ этому присовокупляемъ и замѣтку г. Тройницкаго, написанную уже имъ теперь— въ январѣ 1887 г.– въ объясненіе подписи сообщено подъ статьей его 1837 г. и вообще о томъ впечатлѣніи, какое произведено было тогда въ Одессѣ смертію Пушкина... Старый одесскій литераторъ, Николай Григорьевичъ Тройницкій — личность замѣчательная. Писалъ онъ на смерть Пушкина въ 1837 г. горячо, восторженно— и чрезъ 50 лѣтъ по смерти великаго нашего поэта—ему же опять пришлось писать о Пушкинѣ, и онъ опять написалъ съ такимъ же живымъ чувствомъ, съ такою же горячею любовію къ памяти великаго поэта. Н. Г. Тройницкій былъ въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ братомъ Пушкина, Львомъ Сергѣевичемъ, когда этотъ послѣдній служилъ въ Одессѣ,—онъ хорошо знакомъ былъ съ Гоголемъ... Разсказы Николая Григорьевича о Львѣ Пушкинѣ, о знакомствѣ съ Гоголемъ появятся, если Богъ дастъ, на страницахъ „Русской Старины“.

Помѣщаемъ также и письмо М. П. Щербинина къ брату Н. Г. Тройницкаго и главному редактору „Одесскаго Вѣстника“ Александру Григорьевичу Тройницкому—по поводу статьи о смерти Пушкина въ „Journal d'Odessa“. Письмо это сообщено намъ тѣмъ же достопочтеннымъ Н. Г. Тройницкимъ.

Л. М—чъ.

27 января 1887 г.
Одесса.

I.

«Journal d'Odessa». 12 февраля 1837 г., № 13.

«Les journaux de St.-Pétersbourg nous ont apporté une nouvelle bien douloureuse. Le nom le plus glorieux de la littérature russe s'est éteint: Alexandre Pouchkine est décédé à St.-Pétersbourg le 29 Janvier, à 2 heures et trois quarts après-midi, aprés de courtes souffrances. Il nous a été enlevé à l'âge de 37 ans, dans un âge où l'on pouvait encore fonder sur lui les plus belles espérances.

«Qui ne connait pas en Russie le nom de Pouchkine? C'est à l'âge de 15 ans, que quelques poésies de lui nous ont révélé l'existence d'un de ces talens supérieurs, qui font l'honneur d'une nation. Les espérances qu'ont fait naître la richesse et la fraicheur de l'imagination, que respiraient ses premières productions, n'ont pas été déçues depuis. Son beau génie a grandi, pour ainsi dire, et s'est développé à mesure qu'il avancé en âge; et c'est avec orgueil que nous avons vu plus tard en lui cette profondeur d'idées, cette puissance et cette verve du génie, qui dénotent un des hommes destinés à

Digitized by Google

briller d'un éclat permanent dans les fastes d'un peuple. Dans les dernières années, où il s'était livré à des travaux sérieux, ce n'est que rarement qu'il laissait échapper de sa plume quelques poésies: mais ces poésies paraissaient presque toujours empreintes d'une force admirable de pensée et d'une énergie de style, fruits d'une imagination puissante, relevée par des études et des méditations profondes. Contemporains de Pouchkine, témoins, pour ainsi dire, de ses succès de tous les jours, il nous est difficile d'apprécier au juste toute la valeur des services qu'il a rendus à notre langue et à notre littérature. Nous croyons cependant pouvoir affirmer, que personne n'a poussé aussi loin que lui la perfection de notre langue poétique; personne ne savait rendre si énergique et concise et en même temps si suave et harmonieuse la belle langue des russes... Et c'est lui que le destin a déjà choisi pour victime parmi nous, ses contemporains; lui, aux jeunes succès de qui la Russie avait applaudi avec tant de délices et qui plus tard est devenu poète d'idées profondes, et poète éminemment national; lui, un de ces élus qui reçoivent de la Providence le don sublime de rendre impérissable l'idée qu'il traçent sur le papier; un de ses génies, que nous présentions avec tant d'orgueil à l'Europe comme notre compatriote!.. Oh, il nous sera difficile de nous faire à cette idée si triste et si douloureuse! Il se passera bien du temps, avant que nous, contemporains de Pouchkine, nous pussions nous faire à l'idée, qu'il n'est plus parmi nous!....»

(Переводъ). Петербургскія газеты принесли намъ весьма горестное извѣстіе. Не стало славнѣйшаго представителя русской литературы: Александръ Пушкинъ скончался въ С.-Петербургѣ 29 января въ 2¾ часа пополудни, послѣ кратковременныхъ страданій. Смерть похитила его у насъ на 38 году жизни—лѣта въ которыя можно было еще возлагать на него самыя свѣтлыя надежды.

Кому не извѣстно въ Россіи имя Пушкина? Пятнадцатилѣтнимъ юношей онъ уже заявилъ себя нѣсколькими стихотвореніями, въ коихъ тогда же сказалось одно изъ тѣхъ крупныхъ дарованій, которыя составляютъ гордость народа. Надежды, вызванныя богатствомъ и живостью фантазіи, отличавшей его первыя произведенія, оправдались вполнѣ. Его замѣчательный геній, такъ сказать, выросъ и развился съ лѣтами, и мы съ гордостью подмѣтили въ немъ впослѣдствіи ту глубину мысли, ту силу и мощность дарованія, коими бываютъ отмѣчены люди, которымъ суждено стяжать себѣ неувядаемую славу въ лѣтописяхъ народа. Въ послѣдніе годы жизни, когда онъ занялся болѣе серьезными трудами, изъ-подъ его пера лишь изрѣдка выходило какое-нибудь стихотвореніе, но почти всѣ они отличались замѣчательною глубиною мысли и выразительнымъ слогомъ—плодомъ могучаго воображенія и серьезныхъ занятій и размышленій.

Намъ, современникамъ Пушкина, бывшихъ, такъ сказать, свидѣтелями его ежедневныхъ успѣховъ, трудно сдѣлать вѣрную оцѣнку заслугъ, оказанныхъ имъ нашему языку и нашей литературѣ. Мы считаемъ себя, однако, въ правѣ утверждать, что никто до него не довелъ нашего стихотворнаго языка до такого совершенства, никто не умѣлъ придать такой силы, мѣткости, и въ то же время такой нѣжности и гармоніи прекрасному русскому языку.... И вотъ судьба избрала его своею жертвою среди насъ, его современниковъ; его, чьи первые успѣхи Россія привѣтствовала съ такимъ восторгомъ и который сдѣлался впослѣдствіи пѣвцомъ глубокихъ мыслей, поэтомъ истинно

Digitized by Google

народнымъ и былъ однимъ изъ тѣхъ избранниковъ, которыхъ Провидѣніе надѣляетъ чудеснымъ даромъ окрылять безсмертіемъ мысль, излагаемую ими на бумагѣ, однимъ изъ тѣхъ геніевъ, которымъ мы такъ гордились передъ Европой какъ нашимъ соотечественникомъ!... Какъ трудно будетъ намъ привыкнуть къ этой грустной и скорбной утратѣ! Пройдетъ много времени, прежде нежели мы, современники Пушкина, освоимся съ мыслію, что его нѣтъ болѣе среди насъ!....

II.

„Одесскій Вѣстникъ“ 13 февраля 1837 г., № 13.

„Всѣ петербургскія газеты извѣщаютъ о незамѣнимой утратѣ, постигшей русскую литературу.

„Всюду разнеслась уже горестная вѣсть, что представитель нашей поэзіи, владыка русскаго слова, писатель, на котораго съ гордостью указывали мы Европѣ, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, скончался во цвѣтѣ лѣтъ, на 37-мъ году своего возраста. Онъ умеръ 29-го января, въ пятницу, въ половинѣ 3-го часа пополудни.—Мы помнимъ его еще цвѣтущимъ юношею, когда онъ жилъ нѣкогда въ Одессѣ и написалъ здѣсь многія изъ своихъ очаровательныхъ произведеній.

„Своими чудными звуками, своими вдохновенными созданіями, онъ выражалъ всѣ поэтическія стороны современной жизни русскаго міра, и выражалъ ихъ такъ глубоко, такъ прямодушно, такъ возвышенно. Онъ указывалъ намъ на все великое нашего вѣка, доступное всеобъемлющему чувству его души, чувству такому могучему, такому поэтическому. Пѣвецъ въ высшей степени народный, онъ одинаково понималъ и сокровеннѣйшія тайны русскаго міра и общія черты жизни человѣчества. Картины внѣшней природы и глубокія явленія міра нравственнаго облекались въ его твореніяхъ въ такую свѣжесть, въ такую силу, въ такую образность выраженія. Ознаменованный печатью высокаго генія, онъ разсыпалъ въ разнообразныхъ произведеніяхъ своихъ столько могущества и фантазіи, что чѣмъ долѣе и глубже всматриваешься въ нихъ, тѣмъ болѣе открываются въ нихъ цѣлые міры неподражаемыхъ красотъ.

„Съ ранняго возраста прислушивались мы къ этимъ очаровательнымъ пѣснопѣніямъ, къ этимъ незнаемымъ дотолѣ оборотамъ русской рѣчи, къ этой неслыханной у насъ гармоніи языка. Съ любовію слѣдили мы каждый шагъ поэтическаго поприща его жизни, дорожили его славою, потому что видѣли въ ней нашу собственную славу — славу Россіи. Мы привыкли считать эту славную жизнь неотъемлемымъ, безсмертнымъ достояніемъ русской литературы; мы никогда не думали, мы не постигали возможности лишиться нашего незабвеннаго... Пушкинъ! Пушкинъ! Зачѣмъ-же такъ рано, такъ нежданно!... И нѣтъ преемника тебѣ, вѣщій пѣвецъ нашего времени!

„О, надъ могилою твоей обольется горькими слезами каждый сынъ Россіи, кому дорога русская слава, въ комъ горитъ святая любовь ко всему родному!

(Сообщено)“.

Digitized by Google

Примѣчаніе 1887 г. Н. Тройницкаго. Статейка, о которой идетъ рѣчь, писана полвѣка тому назадъ. Въ газетѣ явилась она безъ подписи только съ отмѣткою въ концѣ: «сообщено». Страннымъ казалось-бы, чтобы какой либо періодическій листокъ, хотя-бъ провинціальный и полуофиціальный, какимъ былъ тогдашній „Вѣстникъ", напечаталъ у себя извѣстіе о смерти Пушкина, потому только, что кому-то вздумалось прислать въ редакцію сообщеніе о такомъ крупномъ фактѣ, поразившемъ всю Россію.

Объ этомъ-то „сообщено" и о томъ давно-протекшемъ времени хочу сказать теперь нѣсколько словъ.

Когда Пушкинъ проживалъ въ Одессѣ, мы (я съ моими школьными товарищами) находились въ младшемъ классѣ Ришельевскаго лицея. Мнѣ ни разу не довелось встрѣтиться съ Пушкинымъ, потому что онъ онъ заходилъ въ старшіе классы, заходилъ, между прочимъ, и въ ту классную комнату, которая обращена теперь въ пивную, въ домѣ Вагнера (прежнее зданіе лицея). Проходя какъ-то по лицейскимъ коридорамъ и классамъ, онъ сказалъ: „Какъ это напоминаетъ мнѣ мой лицей!" Въ другой разъ, заставъ одного воспитанника за чтеніемъ „Онѣгина", онъ шутя замѣтилъ ему: „Охота вамъ читать этотъ вздоръ!"—Наша классная комната выходила окнами на Ланжероновскую улицу, и изъ нихъ видно было море, теперь заслоненное домами. Нижняя часть окошекъ была задѣлана камнемъ, чтобы мальчики, сидя за урокомъ, не развлекались улицею. Помню, кто-то однажды крикнулъ: „Пушкинъ идетъ, Пушкинъ!" Кинулись къ окошкамъ. Я тоже вскарабкался, но не могъ просунуться за окошко чрезъ вдѣланную въ него рѣшетку. Я замѣтилъ, однакожъ, человѣка, съ палкою на плечѣ, какъ онъ поворачивалъ за уголъ лицея; онъ шелъ проворно, какой-то развалистой походкой. Это былъ Пушкинъ. Походка его очень напоминала такую-же походку брата его, Льва Сергѣевича, съ которымъ позже я находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Изъ этихъ-же оконъ я видѣлъ, однажды, какъ лѣниво двигался по той же Ланжероновской улицѣ фигурирующій въ „Онѣгинѣ"

... сынъ Египетской земли,
Корсаръ въ отставкѣ Морали,

въ своей шитой золотомъ курткѣ и съ арсеналомъ оружія за поясомъ. Пушкинскую желѣзную палку, очень памятную одесситамъ, усердно разыскивалъ мой лицейскій товарищъ, покойный профессоръ К. П. Зеленецкій, напавшій на ея слѣдъ у бывшаго полицейскаго пристава Берга, въ его домѣ, на углу Итальянской и Мало-Арнаутской ул.; но куда она затѣмъ дѣвалась—неизвѣстно.—Какъ разъ противъ лицея, на Дерибасовской улицѣ, стоялъ небольшой одноэтажный домъ, на которомъ красовалась вывѣска съ надписью большими золотыми буквами: César automne restaurateur. Здѣсь былъ извѣстный въ то время ресторанъ, въ которомъ Пушкинъ любилъ коротать свои невольные досуги, въ веселомъ кругу друзей, и помянулъ о немъ въ одной изъ строфъ „Онѣгина".

Обращаюсь къ январской катастрофѣ 1837 года. Въ первыхъ числахъ февраля этого года я возвращался поздно вечеромъ къ себѣ. Я проходилъ мимо лицея. На встрѣчу мнѣ шелъ одинъ мой знакомый. Онъ остановился на углу Дерибасовской и Екатерининской улицъ и, видимо, поджидалъ меня, наблюдая, чтобы я не прошелъ какъ нибудь мимо. Глядя на меня пристально, въ упоръ, онъ какъ-то потерянно проговорилъ:

„А вы ничего не знаете?"

Digitized by Google

— А что?

„Получено письмо. Пушкинъ дрался на дуэли; раненъ смертельно; пишутъ, не будетъ жить". Я не сказалъ ничего и пошелъ дальше. Хотѣлъ, казалось, уйти и отъ слышанной вѣсти, и отъ самаго факта, о которомъ она вѣщала..... Жду почты съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Пришла, наконецъ! Я въ газеты. Боже! Что-жъ это такое? И одна, и другая, и всѣ какъ одна, категорически, съ жестокой ясностью свидѣтельствуютъ все объ одномъ; все о томъ-же—о смерти...

Бѣгу въ типографію, помѣщавшуюся, смежно съ полиціей, на Преображенской улицѣ; прошу дать мнѣ бумаги, и въ такомъ возбужденномъ настроеніи набрасываю статейку для „Вѣстника". Но печатать ее безъ разрѣшенія графа Воронцова, управлявшаго краемъ, нельзя было. Представили статью графу. Онъ сталъ читать ее, читалъ очень внимательно, и дозволилъ печатать, замѣтивъ при этомъ: „да ужъ не много-ли тутъ сказано? вѣдь у насъ были Державинъ, Ломоносовъ...." Впрочемъ, графъ всегда относился къ Пушкину благосклонно и даже покровительствовалъ ему, не взирая на нѣкоторыя изъ его школьническихъ выходокъ — какъ слѣдствіе темперамента и молодости поэта. И вотъ статья набрана и сверстана, но редакція поставлена была въ недоумѣніе: какъ отнесутся въ Петербургѣ къ полуказенной газетѣ, выражающейся съ нескрываемымъ глубокимъ уваженіемъ къ Пушкину? Извѣстно, что въ высшихъ сферахъ столицы, въ кругу нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ сановниковъ, Пушкина не любили. Правда, въ салонахъ его всегда выставляли какъ талантливаго и даже высоко-даровитаго стихотворца, но, въ то-же время, какъ человѣка безпорядочной жизни, дерзкаго, вреднаго и даже опаснаго. И умеръ-то онъ, толковали, какою-то какъ-бы неразрѣшенною, недозволенною смертью, на дуэли. Всѣ такія соображенія побудили редакцію „Вѣстника" поставить подъ статьею о Пушкинѣ слово „сообщено". Многіе такъ и приняли, что статейка сообщена какимъ нибудь почитателемъ поэта, постороннимъ редакціи.

Н. Тройницкій.

Январь 1887 г.

III.

Записка М. П. Щербинина къ редактору «Одесскаго Вѣстника» А. Г. Тройницкому — по поводу статьи о смерти Пушкина въ „Journal d'Odessa".

Почтеннѣйшій Александръ Григорьевичъ! Статья, сегодня помѣщенная въ Journal d'Odessa по случаю смерти Пушкина, принята была всѣми, а въ особенности графинею Воронцовою, съ восхищеніемъ. Такъ какъ вѣроятно она же, т. е. статья сія, будетъ помѣщена и въ „Одесскомъ Вѣстникѣ", то я спѣшу повергнуть предъ вами мысль, родившуюся у графини Елисаветы Ксаверіевны, т. е. что бо́льшая часть стихотвореній Пушкина созданы были въ Одессѣ, во время его здѣсь пребыванія. Мысль сія достойна быть обработанною. Впрочемъ, Богъ знаетъ, что́ скажутъ въ Петербургѣ...

Вашъ покорнѣйшій слуга М. Щербининъ.

12 февраля 1837 г.

Сообщ. Л. С. М—чъ.

Digitized by Google

Квартира Александра Сергѣевича Пушкина

въ концѣ января 1837 г.

Въ одномъ изъ иллюстрированныхъ журналовъ въ 1885 году былъ помѣщенъ рисунокъ «Прибытіе раненаго Пушкина домой послѣ дуэли». Въ немъ представлено, что раненаго Пушкина вносятъ на его квартиру изъ кареты чрезъ «крыльцо на улицѣ». А въ текстѣ написано, что камердинеръ его «бережно понесъ вверхъ по лѣстницѣ».

Все это невѣрно относительно дѣйствительнаго расположенія квартиры А. С. Пушкина. Конечно, эта невѣрность можетъ имѣть интересъ серьезный только для художниковъ, при составленіи изображеній различныхъ моментовъ бытія нашихъ знаменитостей, и потому, вѣроятно, желающихъ имѣть необходимые для того матеріалы вполнѣ достовѣрные. А такъ какъ очевидцевъ квартиры Пушкина, когда онъ лежалъ въ гробу, теперь остается уже очень мало, то я и рѣшился составить прилагаемый при этомъ, «приблизительно» дѣйствительно вѣрный, планъ той части квартиры, въ которую впускалась публика во время печальнаго прощанья. Расположеніе квартиры и ея обстановка мнѣ врѣзались въ память вѣрно потому, что, бывъ въ то время гардемариномъ Морскаго корпуса, мы всѣ частыми упражненіями съемки мѣстностей—незамѣтно себѣ усвоивали нѣкоторый навыкъ припоминать вѣрно представленіе видѣннаго.

Квартира А. С. Пушкина находилась въ нижнемъ этажѣ дома княгини Волконской—на набережной Мойки; если идти по Невскому проспекту отъ Казанской площади къ Адмиралтейству, то, не переходя Полицейскій мостъ, поворотить направо по набережной, затѣмъ поворотить отъ Пѣвческаго моста по той же Мойкѣ; № дома я не помню. Для входа въ квартиру требовалось (какъ значится на планѣ) съ набережной Мойки пройти чрезъ ворота во дворъ и тотъ же часъ налѣво войти по двумъ ступенямъ на крыльцо *F*, обдѣланное шкафомъ съ окномъ вверху. Потомъ — въ прихожую *A*; по сторонамъ вѣшалки для верхняго платья. Столовую *B*: налѣво въ ней буфетъ *a*, направо столы *b*, зеркало *c*. Кабинетъ *C*: *a* круглый

Digitized by Google

письменный столъ на четырехъ внутрь вогнутыхъ и кругами внизу и въ срединѣ связанныхъ ножкахъ, обдѣланный бронзой и покрытый черной клеенкой,—словомъ, столъ такого фасона, какой можно было тогда видѣть во многихъ старинныхъ помѣщичьихъ домахъ; *b* и *c* диваны изъ краснаго дерева, обтянутые матеріей изъ чернаго конскаго волоса; *d* небольшой застекленный шкафъ съ книгами; кой-гдѣ одного фасона со столомъ кресла, — обитыя бронзой, спинки рѣшетчатыя. Въ комнатѣ *D* на столѣ стоялъ гробъ *a*; при входѣ налѣво, въ углу *b*, одинъ на другомъ 2 простыхъ сундука, на верхнемъ стулъ, на которомъ предъ мольбертомъ сидѣлъ академикъ Бруни, снимавшій портретъ съ лежавшаго въ гробу, головой къ окнамъ на дворъ, Пушкина; *c* зеркало, завѣшенное холстомъ, *d* запертая дверь въ остальную часть квартиры, *e* запертая дверь въ комнату *E*, въ которой, какъ говорили, скончался Пушкинъ. Полы во всѣхъ комнатахъ (порядочно потертые) были выкрашены красно-желтоватой краской; стѣны комнатъ *B* и *C* были выкрашены клеевой краской блѣдно-голубоватаго цвѣта, а *D* яркожелтою. Вышина комнатъ была, вѣроятно, около 4 аршинъ, ибо когда Бруни подымался со стула, то едва не доставалъ головой до потолка. Размѣры каждой изъ комнатъ *B*, *C* и *D* были приблизительно около 8 аршинъ длины и 6 аршинъ ширины.

Вообще квартира имѣла самую скромную обстановку.

Если не измѣняетъ мнѣ память, 30-го января 1837 г., въ 3 часа пополудни, я пошелъ съ своими тремя братьями (одинъ гардемаринъ, а два старшіе юнкера школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ), на квартиру Пушкина. День былъ пасмурный и оттепель. У воротъ дома стояли въ треуголкахъ двое квартальныхъ съ сытыми и праздничными физіономіями, какія у нихъ тогда обыкновенно складывались при повѣщеніи публики о «происшествіи»; около нихъ съ десятокъ любопытныхъ прохожихъ. Въ гробовой комнатѣ *D* мы застали не болѣе 30 человѣкъ—и то большею частью изъ учащейся молодежи, да отдыхавшихъ въ комнатѣ *C* человѣкъ 5. Небольшое число любопытныхъ встрѣтили и на другой день въ 3 часа пополудни.

Пушкинъ былъ въ черномъ фракѣ, его руки въ желтыхъ перчаткахъ изъ толстой замши. У головы стоялъ его камердинеръ,—высокій красивый блондинъ съ продолговатымъ лицомъ, окаймленными маленькими бакенбардами, въ синемъ фракѣ съ золотыми пуговицами, бѣломъ жилетѣ и бѣломъ галстукѣ,—который постоянно прыскалъ голову покойнаго одеколономъ и разсказывалъ публикѣ, всѣмъ теперь извѣстные, эпизоды смерти Пушкина. Никого изъ близкихъ покойному при гробѣ не было. Помнится, что какой-то плотный господинъ

Digitized by Google

съ черными усами, въ синемъ фракѣ съ золотыми пуговицами и какимъ-то орденомъ на шеѣ, видимо изъ кожи лѣзшій обратить на себя вниманіе публики, заливался предъ ней своими сожалѣніями о потерѣ своего закадычнаго друга. Замѣтивъ у камердинера саркастическую улыбку, я его спросилъ: кто этотъ господинъ? — «Въ первый разъ вижу»,—тотъ отвѣтилъ.

У сидѣвшаго за мольбертомъ академика Бруни были тогда длинные крѣпко посѣдѣвшіе волосы, а одѣтъ онъ былъ въ какой-то свѣтло-зеленый засаленный балахонъ.

По выходѣ изъ гробовой комнаты *D*, мы усѣлись отдохнуть въ кабинетѣ *C* на диванѣ *b* предъ столомъ *a*, на которомъ, къ величайшему удивленію, увидѣли съ письменными принадлежностями въ безпорядкѣ наваленную кучу черновыхъ стихотвореній поэта. Мы съ любопытствомъ стали ихъ разсматривать. Прислуга, возившаяся около буфета *a* въ комнатѣ *B*, конечно, видѣла очень хорошо наше любопытство, но ее главное вниманіе было поглощено укупоркой въ ящики съ соломой столовой посуды. Изъ проходившей публики мы никого не замѣтили, кто бы поинтересовался остановиться предъ рабочимъ столомъ поэта и заглянуть въ безпорядкѣ разбросанные его манускрипты. Индиферентизмъ проходившей публики стоялъ какъ разъ въ уровень съ небрежностью близкихъ къ поэту, которые не озаботились припрятать его бумаги для сохраненія. Разсматривая черновыя стихотворенія поэта—съ множествомъ помарокъ, мы еще за четверть вѣка до критическаго ихъ разбора воочію удостовѣрились, что и великіе мастера слова, геніальные поэты, не легко отыскиваютъ прожигающія душу выраженія.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Пушкина разсказывали слѣдующее. Въ какой-то крѣпостцѣ на Кавказѣ ожидали проѣздомъ въ Петербургъ персидскаго посла. Комендантомъ въ этой крѣпостцѣ былъ какой-то чудакъ изъ людей «восточныхъ», которому былъ хорошо извѣстенъ будто бы совершаемый въ Персіи церемоніалъ при встрѣчѣ сановниковъ: что при вступленіи сановника въ какой-либо городъ, начальникъ таковаго обязанъ собственноручно при немъ зарѣзать барана, чтобы тотъ величественно переступилъ чрезъ трупъ въ городъ.

Шутники офицеры стали подтрунивать надъ нѣсколько уже оевропеившимся «восточнымъ» человѣкомъ, что ему придется исполнить этотъ унизительный для его достоинства церемоніалъ, т. е. собственноручно зарѣзать предъ посломъ барана. Этотъ повѣрилъ, и для избѣжанія посрамленія, въ день проѣзда посла, сказался больнымъ. На

Digitized by Google

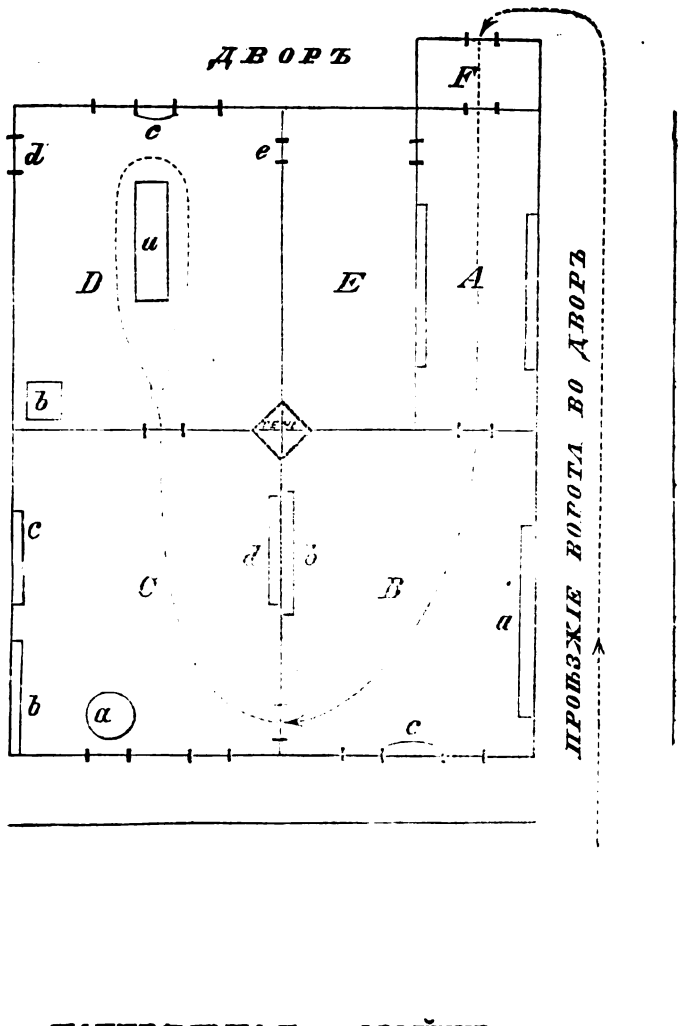
дверяхъ его квартиры нашли афишу съ весьма вѣрнымъ изображеніемъ «восточнаго» человѣка съ ослиными ушами. Затѣмъ слѣдовала подпись:

Въ знакъ дружбы двухъ державъ — Россіи и Ирана,
И изъ почтенья къ вамъ, степеннѣйшій посолъ —
Я-бъ самого себя зарѣзалъ, какъ барана,
Но что-жъ мнѣ дѣлать — я оселъ!

Хотя это четырестишіе и приписывали А. С. Пушкину, но достовѣрныхъ того подтвержденій не было.

Сообщ. въ 1885 г. **В. Н. Давыдовъ.**

Планъ части квартиры А. С. Пушкина.



КОНСТАНТИНЪ ДМИТРІЕВИЧЪ КАВЕЛИНЪ.

II [1]).

Мнѣніе о лучшемъ способѣ разработки вопроса объ освобожденіи крестьянъ.

(1857 г.).

Всѣ великодушныя попытки нашихъ Государей упразднить или даже только смягчить крѣпостное право въ Россіи доселѣ не имѣли результатовъ, вслѣдствіе двухъ главныхъ причинъ: тайнаго или явнаго сопротивленія лицъ, на которыхъ возлагалось обсужденіе предмета, и вслѣдствіе непониманія ими дѣла.

Нельзя, конечно, сказать, чтобъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ былъ теперь совершенно и окончательно выясненъ. Для этого много еще предстоитъ работы. Но въ послѣднее время кое что въ этомъ вопросѣ уже выработалось и можно указать на нѣсколько мѣръ на пути къ упраздненію крѣпостнаго права, которыя, не требуя никакихъ пожертвованій со стороны владѣльцевъ и правительства, громко и единогласно указываются и призываются общественнымъ мнѣніемъ. Отчего же онѣ до сихъ поръ не разрѣшаются правительствомъ? Вслѣдствіе систематическаго нежеланія вести этотъ вопросъ къ разрѣшенію!

Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что доселѣ крестьянскій вопросъ предлагаемъ былъ на разсмотрѣніе исключительно лицамъ высшаго государственнаго управленія, которыя всю почти жизнь свою провели въ Петербургѣ, и по воспитанію, а въ особенности по роду службы и занятій, или всегда были, или по крайней мѣрѣ мало по

[1]) Смотри „Русская Старина", изд. 1887 г., томъ LIII, стр. 431—463.

Digitized by Google

малу стали чужды сельскому и крестьянскому быту. Даже предположивъ въ такихъ лицахъ полную добрую волю и желаніе привести крѣпостной вопросъ къ разрѣшенію, они, очевидно, не въ состояніи были бы этого сдѣлать по недостатку нужныхъ свѣдѣній.

Можно не обинуясь сказать, что пока эта обстановка вопроса о крѣпостномъ правѣ не измѣнится, онъ не подвинется ни на шагъ впередъ, ибо только отъ людей, понимающихъ дѣло и искренно, добросовѣстно желающихъ его успѣха, должно ожидать и серьезнаго изученія предмета со всѣхъ сторонъ и полезныхъ указаній, воспользоваться или не воспользоваться которыми будетъ уже зависѣть отъ правительства.

Для вполнѣ успѣшнаго хода предварительныхъ работъ по вопросу объ упраздненіи крѣпостнаго права, должно обратить еще вниманіе и на слѣдующее, весьма важное, обстоятельство. Крѣпостное право по существу своему находится въ полнѣйшей связи и взаимодѣйствіи съ юридической, административной, экономической, финансовой и сельско-хозяйственной сторонами нашего быта и потому упраздненіе этого права, очевидно, требуетъ предварительнаго тщательнаго обсужденія задачи со всѣхъ этихъ сторонъ. При теперешней неразработанности ея едва-ли можно предположить, чтобъ одно лице въ одинаковой степени ясно и отчетливо обнимало всѣ эти стороны и соединяло въ себѣ всѣ нужныя свѣдѣнія для ихъ безошибочнаго и точнаго опредѣленія. Сколько до сихъ поръ замѣтить можно, люди, сознающіе настоятельную необходимость упразднить крѣпостное право, разсматриваютъ эту задачу, большею частію, съ одной какой нибудь стороны, которую потому видятъ и оцѣниваютъ подробнѣе и лучше, чѣмъ другія. Необходимо было бы, для пользы дѣла, соединить всѣ эти разрозненныя силы и свѣдѣнія въ одно,— въ спеціальной комиссіи. Соотвѣтственно различнымъ сторонамъ предмета, исчисленнымъ выше, эта комиссія могла бы состоять изъ нѣсколькихъ отдѣленій, изъ коихъ каждое занималось бы своею спеціальностью. Въ случаѣ надобности, могли бы происходить общія совѣщанія отдѣленій.

При семъ прилагается списокъ лицъ, извѣстныхъ своими свѣдѣніями по предметамъ, входящимъ въ разрѣшенія крѣпостнаго вопроса, и искренностію своихъ убѣжденій относительно необходимости упразднить крѣпостное право:

По части юридической: генералъ-комиссаръ по морскому министерству, кн. Оболенскій; состоящій на службѣ въ томъ же министерствѣ Глѣбовъ; профессоръ Кавелинъ; Иванъ Сергѣев. Аксаковъ.

Digitized by Google

По части административной: гофмейстеръ Хрущовъ; дѣйств. ст. сов. Милютинъ; дѣйств. ст. сов. Головнинъ.

По части политико-экономической и финансовой: дѣйств. ст. сов. Заблоцкій-Десятовскій и Арапетовъ; дѣйств. ст. сов. Рейтернъ; членъ комитета желѣзныхъ дорогъ Абаза; секретарь географическаго общества В. П. Безобразовъ; бывшій секретарь общества Ламанскій; состоящій на службѣ по министерству госуд. имущ. Соловьевъ (авторъ статистическаго обзора Смоленской губ.).

Часть сельско-хозяйственная могла бы быть представлена,—не говоря о нѣкоторыхъ уже изъ названныхъ лицъ (напр., дѣйств. ст. сов. Заблоцкомъ), слѣдующими болѣе или менѣе значительными помѣщиками, расположенными къ дѣлу освобожденія: для Малороссіи Вас. Вас. Тарновскимъ, Григ. Павл. Галаганомъ; для прочихъ частей Россіи: генер.-адъют. кн. Викт. Иллар. Васильчиковымъ, дѣйст. ст. сов. княз. Григ. Алексѣев. Щербатовымъ (попечителемъ С.-Петербургскаго учебн. округа), Ю. Ѳ. Самаринымъ, А. И. Кошелевымъ, кн. В. А. Черкаскимъ (значительными владѣльцами и составителями проэктовъ объ эманципаціи). Слѣдовало бы также пріискать столько же благонадежныхъ лицъ для представленія сельскохозяйственныхъ и владѣльческихъ интересовъ западнаго края и степной полосы имперіи, Новороссіи и Заволжья.

К. Д. Кавелинъ.

Digitized by Google

III.

Чтеніе въ профессорскомъ клубѣ въ Боннѣ, объ историческомъ значеніи освобожденія крестьянъ въ Россіи.

(1863—1864).

ПРОГРАММА.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Освобожденіе крестьянъ als Anknüpfungspunkt. Цѣль—пояснить это событіе исторически.

Краткій взглядъ на русскую исторію.

Колыбель ея—западно-русскія племена—малороссійское и бѣлорусское. На югѣ: Кіевъ, Галиція, Козачина; на сѣверѣ: Полоцкъ, Смоленскъ, Псковъ и въ особенности Новгородъ. Эти племена не могли образовать государства и подпадали подъ власть и вліяніе Литвы, Польши, Московіи. Въ нихъ вырабатывался, рано или поздно, аристократическій элементъ, которымъ тяготились массы, и недоставало сильной центральной власти.

Русское государство основано великорусскимъ племенемъ (теперь оно составляетъ отъ 35 до 40 милліоновъ). Возникаетъ лишь въ XII вѣкѣ выселками изъ бѣлорусскаго и малороссійскаго племени въ страны на востокъ, заселенныя финскими племенами. Новгородцы колонизировали сѣверъ—Двинскую область, Вологду, Вятку, Пермь, съ юга потянулись колоніи въ Рязань, Владиміръ, Москву. Новгородскія поселенія были, кажется, главнымъ образомъ—торговыя; княжескія, судя по послѣдующему времени, по преимуществу—военныя, при участіи, однако, церкви и свободнаго движенія русскаго племени. Заселеніе азіатской и европейской Россіи русскимъ племенемъ продолжается безпрерывно и до сихъ поръ и составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ, господствующихъ интересовъ внутренней исторіи.

Какъ образовалось великорусское племя, отличное отъ малороссійскаго и бѣлорусскаго, сказать трудно. Можетъ быть отличія зависятъ отъ другихъ географическихъ условій (евреи въ Сибири); но болѣе чѣмъ вѣроятно, что финскій элементъ примѣшанъ въ этомъ племени къ русско-славянскому, что доказывается: 1) тѣмъ, что

Digitized by Google

прежде тутъ жили финскія племена; 2) мѣстными названіями и финскими словами въ великорусскомъ діалектѣ; 3) особенно постепеннымъ обрусеніемъ финскихъ племенъ; это совершается теперь, на нашихъ глазахъ, и не могло не быть прежде, съиздавна.

Въ древнѣйшія времена замѣтно яркое различіе великорусскаго племени отъ западно-русскихъ. Послѣднія смотрѣли на первое свысока, съ презрѣніемъ. Въ немъ нѣтъ почти индивидуальнаго начала, нѣтъ поэтическаго характера, личной храбрости, удальства, рыцарства; дѣйствуетъ массами, не пускается на рискованное дѣло, выжидаетъ, страшно выдержанно. Князья на этой почвѣ перерождаются: изъ переселяющихся изъ области въ область и воюющихъ становятся осѣдлыми и уже въ XII вѣкѣ мечтаютъ о единодержавіи. Андрей Боголюбскій и Всеволодъ напоминаютъ послѣдующихъ московскихъ царей.

Нашествіе татаръ остановило на двѣсти лѣтъ развитіе великорусскаго племени; но, наконецъ, и съ татарами оно справилось. Московскіе князья начали понемногу дѣло освобожденія. Умѣли подольститься къ ханамъ (Иванъ Даніиловичъ), прикинуться ихъ вѣрнѣйшими слугами и такъ искусно вели дѣла, что ханы имъ повѣрили, предоставили старшинство надъ всѣми прочими и сдѣлали ихъ главными сборщиками податей. Князья московскіе умѣли съ необыкновеннымъ искусствомъ воспользоваться этимъ положеніемъ: ордынскія подати употребляли на подкупы въ ордѣ и на покупку себѣ владѣній; клеветали на своихъ соперниковъ ханамъ, какъ на мятежниковъ, выпрашивали себѣ, для ихъ усмиренія, татарскую помощь и стали мало по малу всесильны въ Россіи. Окрѣпнувши, они сняли маску, заговорили другимъ языкомъ съ ордой и къ концу XV вѣка окончательно сбросили иго орды.

Итакъ, государство образовано великорусскимъ элементомъ — единственнымъ между славянскими племенами, съумѣвшимъ основать прочное государство.

Историческій типъ, который легъ въ основаніе этого новаго государственнаго тѣла, есть типъ des Guts und Hausherrn. Въ этой чистотѣ и послѣдовательности онъ нигдѣ и никогда не былъ проведенъ въ исторіи. Къ нему, правда, примѣшались смутныя воспоминанія западно-русскаго развитія, татарскаго господства, византійскіе элементы, польско-аристократическія черты; но всѣ эти элементы играли очень второстепенную роль и остались на поверхности. Корень и сущность историческаго типа государства—Guts und Hausherr. Онъ развивался неудержимо и совершенно выработался въ мельчайшихъ подробностяхъ въ XVII вѣкѣ.

Digitized by Google

Главныя черты этого типа:

1) Дружина свободная обратилась въ дворъ и дворню. Слуга — высшій титулъ и награда. Названіе холопъ (Knecht) стало общимъ для всѣхъ служащихъ московскому царю, не исключая высшихъ сановниковъ. Писались полуименами, въ унизительномъ смыслѣ. Получали сперва области и города, потомъ земли въ кормленіе. Это была милость (жалованье). Совершенно и безусловно зависѣли отъ царя, какъ принадлежащая ему собственность (аристократическія стремленія, занесенныя изъ Польши, рушились на этой почвѣ). Анекдотъ о кн. Вяземскомъ и его отношеніяхъ къ Ивану Грозному.

2) Массы народа назывались, въ отношеніи къ царю, сиротами. Этимъ выражалось, что царь былъ ихъ защитникъ, опекунъ, оберегатель отъ сильныхъ людей, своихъ дворовыхъ.

3) Царь былъ государь—безусловный господинъ и наслѣдственный владѣлецъ земель. Такъ какъ другаго типа государственности не было, то онъ дѣлилъ всѣ свои владѣнія между женою и дѣтьми, какъ частныя лица. Это продолжалось даже тогда, когда появилась надежда и увѣренность освободиться отъ монгольскаго ига. Лишь съ Дмитрія Донскаго (конецъ XIV в.) младшіе князья стали получать меньшія части противъ старшаго. Эти части все уменьшались и уменьшались и съ XVII в. ихъ вовсе перестали давать.

4) Въ XVII вѣкѣ строго проведено начало обязанности всѣхъ и каждаго нести въ пользу государства личную службу, натуральную повинность. Вытекая изъ начала рабства, эта обязанность простиралась на всю жизнь и на все потомство. Необходимое раздѣленіе занятій родило общественные разряды, наслѣдственные; начало рабства выразилось въ томъ, что они были приписаны къ землѣ или къ вѣдомству, учрежденію, заведенію. Примѣры: служащее дворянство, составлявшее многіе разряды, было росписано по городамъ и областямъ; горожане—тоже; крестьяне—по деревнямъ и селамъ; стрѣльцы къ Москвѣ и городамъ; казаки, даже артиллеристы и наборщики. Вообще, какъ только требовались люди для какого нибудь дѣла, — они приписывались съ женами и дѣтьми къ вѣдомству и отправляли дѣло до изнеможенія силъ или до смерти и наслѣдственно и сначала безвозмездно. Въ XVIII и даже XIX вѣкѣ, до нашего времени, это начало, переставши быть всеобщимъ, какъ прежде, удержалось въ большихъ размѣрахъ: солдатъ, поступая на службу, совершенно вырывался изъ среды своей и наслѣдственно переходилъ навсегда въ военное вѣдомство, составляя особое званіе; казенныя и многія частныя фабрики (поссесіонныя) имѣли своихъ приписныхъ людей, мастеровыхъ и крестьянъ, которые работали наслѣдственно на фабрику, то же

Digitized by Google

продолжалось съ печатниками московскаго университета; солевозы, лашманы, казаки etc. Въ XVII вѣкѣ, какъ сказано, всѣ служили лицомъ или отправляли натуральныя повинности—хлѣбомъ, припасами, напр., рыбою, птицами и проч. Нужны были мастеровые,—каменьщики, плотники, ремесленники—ихъ собирали со всего государства и посылали куда нужно. Оригинальна была служба купцовъ. Въ XVII вѣкѣ продажа водки была регаліей и существовали внутреннія и внѣшнія таможни; кромѣ того, казна получала изъ Сибири подать отъ инородцевъ мѣхами и торговала ими. Всѣ эти вѣтви финансоваго управленія завѣдывались московскими купцами, которыхъ посылали съ этою цѣлью въ города. Мѣха сдавались имъ по оцѣнкѣ и они должны были ихъ продать, на свой страхъ, не ниже оцѣнки. Сборы кабацкіе и таможенные должны были быть не меньше положеннаго. Эта служба была раззорительна. Отъ нея бѣгали и чѣмъ меньше становилось купцовъ, тѣмъ чаще приходилось служить. Они жаловались. И вотъ выбираютъ богатѣйшихъ купцовъ изъ городовъ и переселяютъ ихъ въ Москву, чтобъ облегчить московское купечество. За заслуги давалось званіе гостя, которое такимъ образомъ изъ торговаго занятія обратилось въ чиновническое отличіе.

Этотъ типъ удержался въ строгой послѣдовательности до XVIII вѣка, не смотря на византійскія и польскія вліянія, которыя оставались на поверхности и не проникали въ глубину жизни. Типъ des Haus und Gutsherrn повторялся отъ царя до послѣдняго подданнаго. Въ этомъ отношеніи бытъ представлялъ удивительное единство. Всѣ и все было крѣпостное, обязанное нести службу или отправлять работу до смерти и наслѣдственно. Да и служба едва, едва спеціализировалась; въ концѣ концовъ, въ силу крѣпостнаго права, можно было заставить каждаго дѣлать все, что угодно, отправлять всякаго рода работу.

Такимъ образомъ индивидуальность не имѣла простора; начала личности не было вовсе. То, что составляетъ основаніе всего европейскаго развитія, что опредѣлило европейскую жизнь,—именно этого у насъ не было.

Такой бытъ, конечно, объясняется исторически. Другаго не могло быть, и при данныхъ обстоятельствахъ онъ былъ полезенъ и благодѣтеленъ, потому что помогъ образоваться и установиться политическому тѣлу. Никакое другое славянское государство не устояло, даже при блестящей постановкѣ обстоятельствъ; всѣ пали отъ чрезмѣрнаго развитія аристократіи и слабости центральной власти. Очевидно, что въ этомъ племени государство могло образоваться и упрочиться только подъ условіемъ сильной центральной власти и при

Digitized by Google

данныхъ обстоятельствахъ она не могла образоваться иначе, какъ по указанному типу.

Но, признавъ это, надо сказать, что индивидуальность въ этихъ условіяхъ задыхалась. Если мы европейскій народъ и способны къ развитію, то и у насъ должно было обнаружиться стремленіе индивидуальности высвободиться изъ-подъ давящаго ее гнета; индивидуальность есть почва всякой свободы и всякаго развитія; безъ нея немыслимъ человѣческій бытъ. И вотъ, въ концѣ XVII вѣка у насъ начинается броженіе, которое предвѣщало появленіе этого начала. Явилось оно къ намъ изъ Европы и въ европейской формѣ (князь Хворостининъ).

Крѣпостное начало проникаетъ до XVIII в. весь нашъ частный и публичный бытъ. Это основаніе всего. Есть и другіе элементы: воспоминаніе западно-русскаго происхожденія (вѣчи и соборы), аристократическое начало (западно-русское княжеское и польское) и византійское (въ быту церковномъ и во внѣшнихъ аттрибутахъ власти съ Іоанна III); но всѣ эти элементы остались на поверхности и не проникли въ глубь (соборы прекратились къ концу XVII вѣка, аристократическія стремленія подавлены Иваномъ IV и династіей Романовыхъ, церковь тоже приведена въ должныя границы при Иванѣ IV и Алексѣемъ Михайловичемъ въ борьбѣ съ Никономъ). Безличность быта не была навязана, наложена насильственно. Она была въ нравахъ большинства. Масса свободныхъ шла въ кабалу. Взглядъ на наказанія: женъ (по Олеарію, пѣснямъ и пословицамъ), крестьянъ и солдатъ (анекдоты и видѣнное). Странно, но не позорно и естественно.

Но жизнь есть только извѣстное опредѣленіе данныхъ элементовъ. Всѣ они, самые противуположные, всегда, во всякую данную минуту на лицо. Начало личности было и у насъ изстари и рвалось на свободу. Бѣглецы, разбойники, казаки, какъ другая сторона медали. Дикая, безграничная, необузданная воля, воспѣтая въ особомъ отдѣлѣ народной литературы. Дѣлами о разбойникахъ завалены архивы. Стенька Разинъ, казаки (Ермакъ Тимоѳеевичъ, покоритель Сибири). Эти проявленія индивидуальности идутъ въ параллель съ крѣпостнымъ началомъ, соотвѣтствуютъ ему и доказываютъ неспособность индивидуальности создать гражданскій бытъ; этимъ объясняютъ крѣпостное начало.

Въ сложившемся такимъ образомъ быту личное начало могло быть вызвано, пробуждено къ нравственному, духовному развитію только извнѣ и только начиная съ высшихъ слоевъ, потому что внутри, въ частной и гражданской жизни, не было для этого элементовъ.

Digitized by Google

Это пробужденіе выразилось, въ началѣ XVIII вѣка, въ Петрѣ Великомъ.

Петръ—первая свободная великорусская личность, со всѣми ея характеристическими чертами: практичностью, смѣлостью, широтою и со всѣми недостатками, обусловленными тою средою и тѣми обстоятельствами, при которыхъ она появилась. Въ обществѣ, построенномъ на крѣпостномъ началѣ, личность могла заявить себя не иначе, какъ съ большою ненавистью къ порядку дѣлъ, который ее давилъ, со всею необузданностью и гнѣвомъ сгнетенной силы, рвущейся на просторъ, съ пристрастіемъ къ цивилизованной Европѣ, гдѣ личность служитъ основаніемъ общественнаго быта и права, свобода ея признаны и освящены. Далѣе, личность могла выступить только со всею неопытностью, мечтательностью, пренебреженіемъ къ дѣйствительности, какъ является всякое новое начало, вѣрующее только въ себя и въ свою силу. Всѣ эти черты мы находимъ въ Петрѣ: онъ съ ненавистью смотритъ на старину и окружающее его, всѣ его предъубѣжденія въ пользу европейскаго быта и европейскаго просвѣщенія. Съ неудержимой, ужасающей силой и вѣрой въ свой идеалъ, онъ пересоздаетъ весь нашъ бытъ отъ азбуки до синода, отъ бороды и платья отъ ассамблеи до сената. Никакія препятствія его не останавливаютъ. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ лежитъ въ основаніи убѣжденіе, что нѣтъ ничего невозможнаго, что можно все пересоздать сразу, и онъ спѣшитъ сдѣлать въ свое царствованіе то, что въ обыкновенномъ порядкѣ историческаго развитія есть дѣло вѣковъ и поколѣній. Только передъ смертію онъ понялъ, что человѣкъ слабое твореніе. Своему дѣлу, своей мысли Петръ посвятилъ себя вполнѣ, безгранично, съ полнымъ самопожертвованіемъ. Его искренность и самоотверженіе также велики, какъ его дѣла. Онъ высказываетъ начало, что его наслѣдникомъ долженъ быть тотъ, кто наслѣдуетъ ему по духу, а не по плоти. Онъ страшный, неумолимый деспотъ, но не во имя своего лица, а во имя принципа, и потому деспотизмъ его просвѣтленъ идеею и не оскорбляетъ. Поставя начало, онъ самъ первый ему слѣдуетъ: учится, работаетъ, выслуживается до чиновъ за дѣйствительныя заслуги и выигранныя сраженія. Передъ цивилизаціей чувствуетъ себя варваромъ, стыдится (случай въ собраніи въ Голландіи. Съ горестью говоритъ дочерямъ, что не получилъ образованія съ дѣтства). Во всемъ этомъ Петръ—новое, небывалое, чрезвычайное явленіе въ русской исторіи. Онъ — цѣлая революція и какъ всякая революція—болѣе программа для будущаго, которую пришлось выполнить по слѣдующему времени. Но было бы ошибочно думать, что Петръ какая-то случайность въ русской исторіи. Можно доказать положительными

Digitized by Google

данными, что всѣ его преобразованія, не исключая ни одного, были постепенно подготовлены предшествующимъ временемъ и развитіемъ; всѣ вопросы рѣшены имъ въ томъ духѣ, въ какомъ они поставлены предшествующей исторіей, только рѣшены рѣзко, круто, быстро. Петръ—фокусъ, въ которомъ они внезапно сосредоточились и ярко разрѣшились. Отъ того онъ сталъ на грани между двумя періодами русской исторіи и заслонилъ собою прошедшее. Онъ выразилъ собою стремленіе прогрессивнаго меньшинства, которое тяготилось бытомъ тогдашняго времени, и стоялъ въ его главѣ. Называть его измѣнникомъ родинѣ за пристрастіе къ иностранному, упрекать и ненавидѣть его за то, что онъ былъ деспотъ, отыскивать въ немъ пятна, съ точки зрѣнія гуманности — смѣшно и жалко. Это судить его съ точки зрѣнія, подъ которую онъ не можетъ подходить. Петръ—варваръ, и не могъ быть другимъ, но великій человѣкъ, нашъ герой и полубогъ, наша надежда и знаменіе русскаго народа. Страна, создавшая такого человѣка, не можетъ не имѣть будущности. Эта мысль служила намъ утѣшеніемъ въ самыя тяжкія, безотрадныя минуты и, исцѣляя наши душевныя язвы, заставляла умолкать отчаяніе, какъ мѣдный змій въ пустынѣ. Съ Петромъ Великимъ начало личной свободы было поставлено въ Россіи, какъ программа, какъ требованіе, которое должно было постепенно осуществиться въ дѣйствительности. Задача была необыкновенно трудна. Надобно было провести ее очень искусно, не подвергая опасности выигранное государственное начало, идя постепенно сверху внизъ, отъ высшихъ слоевъ русскаго общества къ низшимъ. Эту задачу разрѣшаютъ, въ нашемъ внутреннемъ быту, XVIII и первая половина XIX вѣка. Теперь она разрѣшена вполнѣ и постепенное ея развитіе для насъ очень ясно и крайне интересно. Бросимъ бѣглый взглядъ на то, какъ это сдѣлалось.

Первая личность — Петръ Великій наноситъ сильнѣйшій ударъ исторически образовавшимся общественнымъ разрядамъ и ставитъ идею государства, которому всѣ и каждый должны служить. Самъ онъ первый подаетъ этому примѣръ. Упраздняетъ форму des Haus und Gutsherrn и замѣняетъ ее европейскими государственными формами.

Дворянство. Петръ разрушаетъ дворянство какъ исключительную служебную касту, имѣющую служебныя привиллегіи. При Аннѣ Ивановнѣ прекращается обязанность дворянъ служить вѣчно, до смерти. Положенъ 25-ти-лѣтній срокъ. Петръ III и потомъ Екатерина II освобождаетъ дворянство вовсе отъ обязанности служить, отъ тѣлеснаго наказанія, отъ лишенія правъ личныхъ и имущественныхъ безъ суда; предоставлено право свободно жить въ Россіи и за границей. Образованы дворянскія корпораціи, съ выборными представителями,

Digitized by Google

съ нѣкоторою долею самоуправленія, съ правомъ ходатайствовать передъ правительствомъ о своихъ пользахъ и нуждахъ.

Городское сословіе, въ высшихъ своихъ разрядахъ, именно купечество, получило тѣ-же самыя почти права. Низшее городское населеніе (мѣщане и ремесленники) получило ихъ только отчасти, въ гораздо меньшей степени. Но и съ 1846 года положено начало, при организаціи управленія С.-Петербурга, самоуправленію городовъ, посредствомъ выборныхъ отъ всѣхъ городскихъ обывателей. Въ нынѣшнее царствованіе это распространено на Москву и Одессу. Есть проектъ сдѣлать то же самое для другихъ городовъ.

Въ 1832 или 1833 году художники, ученые, образованные люди всѣхъ классовъ и разрядовъ освобождены отъ подушной подати и тѣлеснаго наказанія. Долго торговавшіе купцы получили наслѣдственное право не платить подушной и не подвергаться тѣлесному наказанію.

Тѣ же права получило, мало по малу, и бѣлое духовенство съ семействами, которое у насъ до сихъ поръ образуетъ особое сословіе.

Начиная съ Александра I, подымается вопросъ о такомъ же постепенномъ освобожденіи низшихъ городскихъ и сельскихъ классовъ. Еще Екатерина II запретила свободнымъ добровольно записываться въ крѣпость. Но она ввела крѣпостное право въ Малороссіи и раздала множество населенныхъ имѣній, съ людьми, въ частную собственность. Только съ Александра I совершенно и навсегда прекратилось въ Россіи обращеніе людей въ частную собственность, и крѣпостныя государства рѣзко отличены отъ крѣпостныхъ дворянства (другіе классы, имѣвшіе тоже право владѣть крѣпостными, лишились постепенно этого права). Освобожденіе тѣхъ и другихъ идетъ параллельно, не перерываясь, до нашего времени.

Низшіе городскіе и сельскіе классы получаютъ при Александрѣ I право пріобрѣтать недвижимую собственность, поступать въ высшія учебныя заведенія (крестьяне—переходить въ городскіе классы), и, получивъ дипломъ, всѣ права высшихъ классовъ, освобожденныхъ уже прежде. При Николаѣ водворяется принципъ, что крѣпостные крестьяне государства—свободные люди, сельскія общества образуютъ особыя общины, подъ управленіемъ выборныхъ, множество натуральныхъ повинностей, по владѣнію казенной землей, отмѣняется и замѣняется денежными; многіе разряды крестьянъ освобождены отъ тѣлеснаго наказанія. Юридически ихъ бытъ установленъ и права признаны. Допущенъ свободный переходъ изъ городовъ въ села, изъ селъ въ города, подъ извѣстными условіями (какія?) [1]. Но надъ свободными

[1]) Этотъ вопросъ поставленъ К. Д. Кавелинымъ. Д. К.

Digitized by Google

крестьянами тяготѣетъ правительственная опека и произволъ чиновниковъ. Кромѣ того, по прежнему остается еще наслѣдственное званіе солдатъ; рекрутъ, солдатъ—все еще рабъ государства и употребляется въ фабричныхъ и заводскихъ работахъ, обращается въ разныя невоенныя должности и солдатское званіе продолжаетъ быть наслѣдственнымъ. Равнымъ образомъ, удерживаются еще очень многіе разряды крестьянъ и мастеровыхъ, приписанныхъ къ фабрикамъ, вѣдомствамъ, заведеніямъ, наслѣдственно, съ обязанностію почти безплатной и почти безсрочной работы. Они и солдаты были свободны только по имени. Въ нынѣшнее царствованіе совершается (отчасти уже совершилось) совершенное ихъ освобожденіе. Всѣ приписные къ вѣдомствамъ освобождены отъ обязательной работы. Солдаты перестали быть наслѣдственнымъ званіемъ, сроки ихъ службы сокращены на 10 лѣтъ (вмѣсто 25—15) и употребленіе солдатъ въ другія должности, кромѣ военной, если не совсѣмъ еще отмѣнено, то значительно сокращено. Тѣлесныя наказанія—по суду. Самое важное то, что опека чиновниковъ снимается. Для удѣльныхъ крестьянъ это уже сдѣлано, для государственныхъ должно сдѣлаться на дняхъ. Крестьянскія общества получаютъ право выкупить занимаемыя ими казенныя земли и чрезъ это обратиться въ свободныя общины. Идетъ рѣчь объ отмѣнѣ подушной подати (для низшихъ городскихъ сословій это уже сдѣлано). Кнутъ отмѣненъ. Тѣлесныя наказанія только по суду. Число вовсе освобожденныхъ отъ тѣлесныхъ наказаній чрезвычайно расширено. Женщины освобождены отъ нихъ вовсе. Уничтоженіе крѣпостнаго права дворянства, совершившееся въ наше время, подготовлено тоже непрерывнымъ рядомъ постепенныхъ ограничительныхъ мѣръ, которыя начались съ первыхъ годовъ царствованія Александра I, значительно усилены и умножены при Николаѣ, который все свое царствованіе мечталъ объ освобожденіи крѣпостныхъ дворянства, но не справился съ этимъ дѣломъ. Теперь это совершилось. Главныя основанія: 1) дворовые освобождены безвозмездно; 2) крестьяне получили всѣ гражданскія права, наравнѣ съ прочими, свободными, и образуютъ общины, съ выборными и съ большою долею самоуправленія; 3) удержали за собою бо́льшую часть господскихъ земель, которыя обработывали при крѣпостномъ правѣ на себя, по извѣстной оцѣнкѣ и за нее или работаютъ, или платятъ оброкъ, опредѣленный закономъ,—то или другое по своему усмотрѣнію. 4) По соглашенію или по одностороннему желанію господина, надѣлъ можетъ обратиться въ полную собственность крестьянъ, за сумму, опредѣленную заранѣе закономъ, при чемъ государство выдаетъ сумму частью деньгами,

Digitized by Google

частью облигаціями и платитъ на нихъ проценты, а крестьяне платятъ государству эти проценты и погашеніе (разсрочка погашенія на 49 лѣтъ). Въ 9-ти западныхъ губерніяхъ въ 1863 году введенъ обязательный выкупъ, по причинамъ политическимъ. На этомъ основаніи, изъ 10 милліоновъ мужескаго пола душъ уже теперь можно считать половину свободными собственниками. На остальныхъ, кромѣ полученія оброка или права требовать работы (и то безъ принудительныхъ мѣръ отъ себя, а лишь черезъ посредника), помѣщики не имѣютъ никакихъ правъ, никакого юридическаго вліянія.

Выводы. 1) Прекращеніе частнаго крѣпостнаго права не есть у насъ особнякомъ стоящая разумная политическая и соціальная мѣра, какою была вездѣ въ Европѣ, а была заключительнымъ, послѣднимъ явленіемъ въ ряду цѣлаго историческаго нашего движенія въ теченіе XVIII и XIX вѣка, котораго существенный смыслъ—водвореніе на нашей почвѣ личнаго начала, нравственной почвы и условія развитія и упраздненія историческаго типа, подъ которымъ сложилось русское государство. Процессъ начался сверху и шелъ постепенно внизъ, въ массы, пока не совершился вполнѣ въ наше время.

2) Отмѣна частнаго крѣпостнаго права сопровождалась и отмѣною государственнаго крѣпостнаго права относительно сельскихъ массъ; а сельскія массы составляютъ у насъ болѣе $^{5}/_{6}$ населенія, за исключеніемъ всѣхъ другихъ классовъ и даже солдатъ и низшаго городскаго населенія. Мы—мужицкое царство. Оттого освобожденіе сельскихъ массъ у насъ безъ сравненія важнѣе, чѣмъ было въ Европѣ, гдѣ самостоятельно развились, имѣли свою жизнь, свою блистательную исторію церковь, дворянство, средніе классы, монархическая власть, а крестьянство не составляло, какъ у насъ, всего, или почти всего, какъ опредѣляющій элементъ внутренней жизни. У насъ всѣ другіе общественные элементы развились поздно, слабо, несамостоятельно. Они были плохой копіей съ превосходныхъ образцовъ. Сельская масса была у насъ издавна и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе опредѣляющимъ началомъ, камертономъ внутренней жизни, хотя и безсознательно, пассивно. Ею опредѣляется весь строй русской исторіи, хотя она нигдѣ до сихъ поръ не выступала впередъ, на первый планъ, какъ планета Нептунъ производила пертурбаціи въ движеніи небесныхъ свѣтилъ, хотя до недавняго времени о ней ничего не знали.

3) Наше движеніе историческое совершенно обратное съ европейскимъ. Послѣднее началось съ блистательнаго развитія индивидуальнаго начала, которое болѣе и болѣе вставлялось, вдвигалось въ условія государственнаго быта; у насъ исторія началась съ совершеннаго

Digitized by Google

отсутствія личнаго начала, которое мало по малу пробудилось и подъ вліяніемъ европейской цивилизаціи начало развиваться. Конечно, должно наступить, рано или поздно, время, когда оба развитія пересѣкутся въ одной точкѣ и тѣмъ выравняются. Но теперь это глубокое различіе задатковъ развитія, общихъ предположеній, есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ, что мы другъ друга мало понимаемъ. Образованныхъ русскихъ находятъ въ Европѣ чрезмѣрно радикальными, забывая, что это крайность индивидуальнаго принципа, который именно у насъ и развивается теперь. Мы не можемъ относиться ко всему нашему иначе, какъ отрицательно. У насъ же просвѣщенные люди находятъ европейскій бытъ узкимъ, не довольно широкимъ, слишкомъ обусловленнымъ историческими преданіями, и, конечно, мы не правы, потому что мы смотримъ съ точки зрѣнія еще не опредѣлившейся, не жившей, только проснувшейся индивидуальности, которая потому и не видитъ еще ясно, что опредѣлиться она можетъ только въ исторической формѣ и ни въ какой другой, и что ей предстоитъ у насъ то же самое со временемъ. Это главный источникъ всѣхъ недоразумѣній и взаимнаго отчужденія.

4) Не только въ Европѣ, но въ особенности мы сами теперь относимся очень отрицательно къ нашей исторіи, видимъ въ ней только дикость, только варварство, находимъ, что мы тысячу лѣтъ спали, не сдѣлавъ рѣшительно ничего, что въ нашемъ прошедшемъ нѣтъ человѣческаго смысла, что наша исторія не европейская, а азіятская—глубочайшая неподвижность. Справедливо ли это? Я не думаю. Наша исторія длится съ появленія великорусскаго элемента, который ее опредѣляетъ и до сихъ поръ (отъ 35 до 40 милл. на населеніе въ 70 милл.), слѣдовательно съ XII вѣка, и продолжается не 1000 лѣтъ, а 700. Случайное призваніе князей варяжскихъ сѣверными племенами, исчезающее въ общемъ ходѣ исторіи по внѣшнимъ. случайнымъ причинамъ, считается началомъ русской исторіи. Въ эти 700 лѣтъ мы успѣли, по возможности, колонизировать огромное пространство, образовать огромное государство. Не имѣя предшественниковъ на своей почвѣ, которые бы передали намъ по наслѣдству, фактомъ, какую нибудь цивилизацію, учась всему у другихъ изъ книгъ, по слуху, по впечатлѣніямъ немногихъ путешественниковъ, по немногимъ заходившимъ къ намъ отголоскамъ Европы, большею частью, особливо сначала представляемой у насъ не лучшими ея представителями, мы осуждены были жить своимъ умомъ, должны были вобрать въ себя множество элементовъ, которые нельзя считать принадлежащими къ аристократіи человѣческаго рода; вынесли въ самомъ началѣ двухсотлѣтнее иго монголовъ. Не смотря на всѣ эти неблагопріят-

Digitized by Google

ствующія условія, страшно замедлявшія развитіе, мы успѣли выработать кой какіе зачатки гражданскаго общежитія, гдѣ ихъ прежде вовсе не было; успѣли сбросить историческую форму безличности, которая на насъ тяготѣла. Выработавши почву, возможность нравственнаго развитія въ свободной личности, мы начинаемъ внутреннюю жизнь, внутреннее развитіе, не имѣя строго разграниченныхъ сословій, не имѣя за собой преданій сильной аристократіи, сильной и самостоятельной церкви съ свѣтскою властью, съ огромнымъ землевладѣльческимъ сельскимъ населеніемъ, котораго соціальное положеніе и привычки 'дѣлаютъ насъ надолго, если не навсегда, обезпеченными противъ самыхъ страшныхъ изъ всѣхъ волненій,—волненій народныхъ массъ противъ высшихъ, образованныхъ, владѣющихъ классовъ. Нельзя сказать, чтобъ при тѣхъ условіяхъ, съ которыхъ мы начали, всего этого не было достаточно для 700-лѣтней дѣятельности!

Дальнѣйшій ходъ нашей исторіи и внутренняго развитія есть тайна для насъ самихъ. Почва приготовлена. Что на ней выростетъ, что она принесетъ въ сокровищницу всемірной исторіи—это покажетъ будущее. Вѣрно то, что на нашихъ глазахъ второй періодъ русской исторіи окончился, исчерпанъ совсѣмъ и для насъ начинается другое время, другая жизнь. Вѣрно также, что мы развивались, страдали, боролись, работали въ прошедшемъ, и въ этомъ крестномъ, терновомъ пути развитія залогъ нашего будущаго.

Европѣ готовится сюрпризъ 'видѣть въ мнимыхъ ордахъ—способное къ развитію спокойное племя.

К. Д. Кавелинъ.

Digitized by Google

19-е февраля 1887 года.

Годовщина великаго дня освобожденія Россіи отъ крѣпостнаго ига празднуется во многихъ мѣстахъ нашего отечества.

Въ С.-Петербургѣ въ этотъ день въ 1887 году—собрался на обычный, дружескій обѣдъ, подъ предсѣдательствомъ достоуважаемаго К. К. Грота—кругъ ближайшихъ участниковъ въ трудахъ по крестьянскому вопросу.

Этотъ небольшой уже кругъ дѣятелей конца 1850-хъ и начала 1860-хъ годовъ почти съ каждымъ годомъ несетъ тяжкія утраты.

За обѣдомъ 19-го февраля этого года участники сходки уже не видѣли въ своей средѣ Александра Васильевича Головнина. Смерть похитила его изъ среды русскаго общества—къ великому и искреннему горю всѣхъ, кто зналъ этого наидостойнѣйшаго человѣка и глубоко искренняго патріота.

Друзья покойнаго—К. К. Гротъ, В. А. Арцимовичъ и Е. П. Старицкій почтили память усопшаго нѣсколькими, отъ сердца сказанными, словами.

На обѣдѣ, за отъѣздомъ изъ С.-Петербурга, не присутствовали—нѣкоторые изъ его ежегодныхъ участниковъ.

Ред.

Digitized by Google

Памяти Якова Александровича Соловьева

въ 26-ю годовщину освобожденія крестьянъ.

Имя и труды сенатора Я. А. Соловьева извѣстны не одной просвѣщенной Россіи. Всякія новыя данныя къ освѣщенію его личности и дѣятельности представляютъ поэтому особенный интересъ, а служебно-дѣловыя отношенія къ Я. А. такого сподвижника покойнаго государя Александра II, какъ Н. А. Милютинъ, заслуживаютъ полнаго вниманія. Въ виду сказаннаго и въ интересѣ истины, кажется необходимымъ пополнить одинъ пробѣлъ въ сочиненіи французскаго автора г. Леруа Больe: Un homme d'état russe (Nicolas Milutine), Paris, 1884. Въ сочиненіи этомъ, на стр. 282, приведено около 1/4 доли одного изъ писемъ Н. А. Милютина къ Я. А., помѣченнаго въ Варшавѣ 23-го марта (4-го апрѣля) 1864 г., въ которомъ Милютинъ формулируетъ основанія и планъ своихъ преобразовательныхъ дѣйствій въ Польшѣ; но это лишь предварительная часть письма; ее самъ писавшій называетъ „чрезмѣрно отвлеченными разсужденіями", путемъ которыхъ ему „хотѣлось установить исходную точку" въ служебно-дѣловомъ обращеніи своемъ къ покойному Я. А., какъ человѣку одного образа мыслей и компетенціи съ писавшимъ. Иностранный авторъ, быть можетъ, и не имѣлъ въ своемъ распоряженіи полной черновки или копіи этого письма, или же не нашелъ отвѣчающимъ своей задачѣ печатать его цѣликомъ; а между тѣмъ опущеніе послѣднихъ 3-хъ долей письма небезразлично для памяти и трудовъ обоихъ названныхъ дѣятелей. Нельзя поэтому не порадоваться, что въ богатомъ собраніи бумагъ и писемъ сенатора Соловьева, находящемся въ распоряженіи семьи Я. А., оказалось и подлинное письмо Милютина съ указанной выше датой мѣста и времени, и супруга покойнаго Я. А., Ольга Алексѣевна (во второмъ бракѣ Ларіонова), охотно согласилась напечатать это письмо цѣликомъ [1]) въ „Русской Старинѣ". Въ своемъ полномъ

[1]) Съ малыми лишь пропусками.

Digitized by Google

составѣ оно, несомнѣнно, послужитъ къ лучшему уразумѣнію основаній, задачъ и характера преобразовательной вообще дѣятельности какъ Н. А. Милютина, такъ равно и Я. А. Соловьева.

Ред.

Варшава, 23-го марта (4-го апрѣля) 1864 года.

Надѣюсь, что вы получили, душевно уважаемый Яковъ Александровичъ, посланные мною съ Дюлу указы и матеріалы по польскому крестьянскому дѣлу. Это первый шагъ къ реформамъ, которыя должны получить теперь энергическое развитіе и коснуться всѣхъ частей управленія: финансовъ, народнаго образованія, полиціи и судовъ. Все это, разумѣется, должно совершиться въ томъ же духѣ и съ ясно сознанною цѣлью: поднять и поставить на ноги угнетенную массу, противупоставивъ ее олигархіи, которою проникнуты до сихъ поръ всѣ польскія учрежденія. Съ радостію могу сказать, что таковы убѣжденія и твердыя намѣренія государя. Могу также добавить, что съ каждымъ днемъ убѣждаюсь въ возможности выполнить эту программу. Со временемъ, въ самой Польшѣ можно будетъ найти дѣятельные элементы, чтобы на нихъ опереться. Но теперь, пока, нужны русскіе дѣятели, и они необходимы не только вслѣдствіе ненормальнаго положенія края, но и по причинѣ совершеннаго отсутствія организаторской способности самихъ поляковъ внѣ ихъ нелѣпыхъ традицій. Эта способность проснется у нихъ только тогда, когда связь съ этой традиціей порвется и явится на сцену новый, невѣдомый въ польской исторіи, дѣятель: народъ.

Извините меня за эти чрезмѣрно отвлеченныя разсужденія. Хотѣлось установить, прежде всего, исходную точку, а куда именно идетъ рѣчь?—Вы, вѣроятно, догадываетесь. Могу ли я не вспомнить о васъ, осужденныхъ на бездѣйствіе въ то время, когда является такая настоятельная надобность въ сильныхъ и энергическихъ распорядителяхъ. Конечно, не съ сегодняшняго дня возникла у меня и у многихъ вашихъ пріятелей мысль посягнуть на вашу свободу. Но пока цѣль не была ясно сознана и утверждена, пока не выяснилось еще положеніе, которое могли бы вы занять въ Царствѣ, я не рѣшался писать вамъ. Теперь, позвольте объясниться прямо и со всею искренностію.

Digitized by Google

Вы уже знаете, что здѣсь образованъ учредительный комитетъ. Его задача не только вести и развивать крестьянское дѣло (въ этомъ отношеніи онъ будетъ играть роль русскаго главнаго комитета), но и разработать, а впослѣдствіи ввести всѣ прочія органическія преобразованія въ Царствѣ. Стало быть, кругъ дѣятельности обширный, а насколько удастся захватить предметовъ въ этомъ обширномъ кругу, — это будетъ зависѣть отъ личнаго состава комитета . . . . . Черкасскій (какъ я убѣдился на мѣстѣ) будетъ чрезмѣрно поглощенъ комиссіею внутреннихъ дѣлъ, въ которой онъ назначенъ главнымъ директоромъ и которую надо всю переформировать. Если-бъ вы согласились принять званіе члена учред. комитета, то отъ васъ зависѣло бы повести все дѣло. Вы, вѣрно, замѣтили въ указѣ, что одинъ изъ членовъ завѣдываетъ дѣлами комитета. Въ нашихъ понятіяхъ, коллегіальное обсужденіе полезно только для важнѣйшихъ законодательныхъ и высшихъ административныхъ вопросовъ; распорядительная же власть, какъ по крестьянскому дѣлу, такъ и по прочимъ преобразованіямъ, должна принадлежать члену, завѣдывающему дѣлами комитета. Конфликтовъ быть не можетъ, потому что комитетъ есть высшая инстанція въ Царствѣ, которой положительно подчинены коммиссіи (министерства) и всѣ административныя власти. Въ канцелярскихъ средствахъ недостатка не будетъ. Штатъ будетъ составленъ членомъ, который приметъ на себя завѣдываніе комитетомъ. Что касается до мѣстныхъ его органовъ, то въ настоящее время формируется, въ видѣ опыта, 14 мѣстныхъ коммиссій по крестьянскимъ дѣламъ. . . . . Вотъ вамъ полный отчетъ дѣла, насколько можно умѣстить въ рамкахъ письма. Теперь подумайте и рѣшите. Я не взываю къ патріотическому чувству; оно, я увѣренъ, само заговоритъ. Смѣло могу сказать, что дѣло есть и дѣло по истинѣ великое, что положеніе ваше будетъ самостоятельное и независимое, и что, по моему убѣжденію, вы, вѣрно, не будете пенять на меня, если примете мое предложеніе.

Вы, вѣрно, спросите, отчего же я самъ не принимаю этой роли? Не говоря о моемъ семейномъ положеніи, которое не позволяетъ мнѣ поселиться даже на годъ въ Варшавѣ, государю угодно было назначить меня въ польскій комитетъ, учрежденный при немъ . . . . . Въ этомъ комитетѣ управляющимъ дѣлами—Жуковскій, и вмѣстѣ съ нимъ я надѣюсь быть полезнѣе самому учред. комитету—въ Петер-

Digitized by Google

бургѣ болѣе, чѣмъ въ Варшавѣ. Здѣсь я нахожусь временно, и временно же исправляю должность члена, завѣдывающаго дѣлами у. к. Къ Святой долженъ вернуться въ Петербургъ для окончательнаго рѣшенія всѣхъ личныхъ вопросовъ. Пожалуйста, отвѣчайте мнѣ до того времени. Не могу скрыть отъ васъ, что отказъ вашъ будетъ сильнымъ ударомъ для дѣла.

Время не позволяетъ мнѣ писать болѣе. Дружески жму вашу руку. Не пугайтесь ни незнанія польскаго языка, ни новостію мѣстныхъ обстоятельствъ. По опыту ручаюсь вамъ, что звѣрь не такъ страшенъ, какъ кажется издали. Многое могъ бы сказать, чтобы подкрѣпить свое предложеніе. Но повѣрьте, что оно сдѣлано въ полномъ убѣжденіи, что оно вполнѣ соотвѣтствуетъ и пользѣ дѣла, и вашимъ законнѣйшимъ интересамъ.

Искренно вамъ преданный Николай Милютинъ.

Александръ Константиновичъ Абрамовъ

† 26 октября 1886 г.

Въ статьѣ: „Дворянскій полкъ 1807—1859 гг.“, напечатанной въ „Русской Старинѣ“ изд. 1887 г., т. LIII, книга мартъ, при перечисленіи воспитанниковъ Дворянскаго полка, оставившихъ по себѣ память какими-нибудь особенными заслугами Отечеству, не упомянуто о недавно скончавшемся въ Симферополѣ начальникѣ 13 дивизіи, генералъ-лейтенантѣ Александрѣ Константиновичѣ Абрамовѣ († 26 октября 1886 г.). Имя этого доблестнаго въ высшей степени скромнаго и замѣчательно храбраго человѣка не умретъ въ Туркестанѣ, гдѣ онъ воинскими своими подвигами, своею честностью и гуманнымъ отношеніемъ къ русскому солдату заслужилъ себѣ, поистинѣ, вѣчную память.

Екатерина Сысоева,
Редакторъ-Издательница дѣтскаго журнала „Родникъ“.

5 марта 1887.

Digitized by Google

РЯЗАНСКАЯ УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ КОМИССІЯ

1884—1887.

I.

13-го апрѣля 1884 года, по почину извѣстнаго архивиста и археолога Н. В. Калачова (род. 1819, † 25-го октября 1885 г.) и при поддержкѣ и дѣятельномъ участіи президента императорской академіи наукъ, гр. Д. А. Толстаго, воспослѣдовало распоряженіе правительства, положившее начало открытію, въ разныхъ городахъ нашего отечества, «ученыхъ архивныхъ комиссій и историческихъ архивовъ».

Основанія, на которыхъ высочайше утвержденнымъ 13-го апрѣля 1884 г. положеніемъ комитета министровъ предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ разрѣшать открытіе таковыхъ учрежденій въ губерніяхъ, между прочимъ, слѣдующія:

Мѣстные историческіе архивы учреждаются для сосредоточенія и вѣчнаго храненія архивныхъ дѣлъ и документовъ, не требующихся для текущаго дѣлопроизводства, но болѣе или менѣе важныхъ въ историческомъ отношеніи. Собираніе и приведеніе въ порядокъ означенныхъ архивныхъ дѣлъ и документовъ возложено на учреждаемую для сего въ губерніи ученую архивную комиссію.

«Ученыя губернскія архивныя комиссіи составляются, по взаимному соглашенію директора археологическаго института въ С.-Петербургѣ съ мѣстнымъ губернаторомъ, какъ изъ служащихъ, такъ и не состоящихъ на службѣ въ губерніи лицъ, могущихъ быть полезными комиссіи своими познаніями и усердіемъ къ дѣлу. Губернаторъ есть непремѣнный попечитель таковой комиссіи.

«Предсѣдатель, помощникъ предсѣдателя и правитель дѣлъ ученой комиссіи избираются самою комиссіею.

Digitized by Google

«На обязанности ученой комиссіи возложено: а) разборъ дѣлъ и документовъ, предназначенныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ разныхъ вѣдомствъ къ уничтоженію, для выдѣленія изъ нихъ тѣхъ столбцовъ и бумагъ, которыя, по представляемому ими интересу въ научномъ отношеніи, подлежатъ передачѣ для храненія въ «Историческій архивъ»; б) составленіе таковымъ документамъ и дѣламъ надлежащихъ описей и указателей и в) расположеніе ихъ въ таковомъ порядкѣ, чтобы они были доступны для ученыхъ занятій. Независимо отъ этой прямой своей обязанности, ученыя комиссіи могутъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, включать въ кругъ своихъ занятій розысканіе, описаніе и объясненіе всякихъ другихъ памятниковъ старины».

При появленіи этого правительственнаго распоряженія, мало надеждъ возлагалось на то, чтобы это дѣло, польза котораго была, однако, ясна для каждаго образованнаго человѣка, пошло успѣшно. Матеріальныхъ средствъ не было предоставлено никакихъ; расходы, необходимые на содержаніе и занятія ученыхъ губернскихъ архивныхъ комиссій (по силѣ 8-й статьи помянутаго постановленія), предполагалось покрывать «изъ средствъ, имѣющихся (?) въ распоряженіи директора археологическаго института, и изъ мѣстныхъ пожертвованій на пользу науки». Въ Петербургѣ же, по крайней мѣрѣ, хорошо было извѣстно, что матеріальное положеніе самого археологическаго института далеко не было настолько удовлетворительно, чтобы представлялась еще возможность со стороны сего учрежденія или его директора оказывать существенную матеріальную помощь долженствующимъ возникнуть губернскимъ архивнымъ комиссіямъ и историческимъ архивамъ. Съ другой стороны, провинціальное общество, именно общество губернскихъ городовъ, хорошо извѣстно: это собраніе чиновниковъ, съ губернаторомъ во главѣ, въ большинствѣ случаевъ не по долгу остающимся на своемъ посту,—люди, занятые утромъ въ канцеляріяхъ, вечеромъ—картами. Въ виду этого, трудно было надѣяться на успѣхъ. Но, однако, въ самомъ новомъ учрежденіи были задатки весьма существенные для его жизни, а въ будущемъ, хотя и далекомъ, и его процвѣтанія.

Новыя учрежденія вовсе не стѣснены излишнею регламентаціею; комиссіи не обязаны ставить въ своей главѣ непремѣнно губернатора, лицо, нерѣдко связанное съ краемъ только случайностью его назначенія на постъ начальника именно этой, а не другой губерніи; слѣдовательно, ученой архивной комиссіи (не такъ, какъ мѣстнымъ статистическимъ комитетамъ) предоставляется полная возможность избрать изъ среды мѣстнаго общества лицо, болѣе или менѣе расположенное

Digitized by Google

къ наукѣ, интересующееся стариною вообще и исторіею въ особенности. Затѣмъ связь архивныхъ мѣстныхъ комиссій съ археологическимъ институтомъ въ столицѣ имѣла и имѣетъ весьма важное нравственное значеніе; чрезъ посредство этого учрежденія, быстро снискавшаго сочувствіе въ большомъ кругу лицъ столичнаго общества, интересующихся отечественною исторіею, археографіей и археологіей, мѣстныя архивно-историческія учрежденія могли становиться какъ бы на виду передъ всею Россіею; кромѣ того, на мѣстныхъ особенно усердныхъ дѣятелей на пользу науки отечественной исторіи не могло отнынѣ не обращать вниманіе высшее ученое учрежденіе въ Россіи, Императорская Академія наукъ, такъ какъ, по силѣ помянутаго положенія 13-го апрѣля 1884 г., «о таковыхъ дѣятеляхъ, оказывающихъ особыя услуги мѣстнымъ архивнымъ комиссіямъ,—директоръ археологическаго института обязанъ представлять на усмотрѣніе президента Императорской академіи наукъ».

Итакъ, довольно широкое поле для дѣятельности архивной комиссіи, нѣкоторая ихъ самостоятельность, при обязательномъ содѣйствіи имъ со стороны мѣстной администраціи, связь съ учеными учрежденіями въ столицѣ, а отсюда нравственная поддержка и защита ученыхъ комиссій отъ могущихъ быть прижимокъ и стѣсненій со стороны мѣстной администраціи,—все это были и есть задатки къ жизненности возникшихъ учрежденій.

II.

13-го апрѣля 1884 г. Государь Императоръ высочайше соизволилъ на учрежденіе, «въ видѣ опыта», губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій и историческихъ архивовъ въ губерніяхъ Тверской, Тамбовской, Рязанской и Орловской.

15-го іюня, того же 1884 г. послѣдовало открытіе таковой ученой комиссіи въ г. Рязани. Ее открылъ лично покойный директоръ археологическаго института, сенаторъ Н. В. Калачовъ.

Въ рѣчи, сказанной по этому случаю, почтенный ученый, — весь проникнутый идеей, его одушевлявшей,—между прочимъ, сказалъ:

«...Ученая Рязанская коммисія, нынѣ открываемая, должна посвятить свои заботы и труды изученію Рязанскаго края въ историческомъ отношеніи. Ближайшею поэтому цѣлью членовъ такой комиссіи должно быть собираніе и разработка матеріаловъ, имѣющихся въ архивахъ разныхъ вѣдомствъ.... Но, конечно, работа надъ архивными

Digitized by Google

документами не единственное и исключительное занятіе членовъ учреждаемой вновь ученой архивной комиссіи.

«Историческое значеніе многихъ городовъ и пригородовъ, селеній и монастырей, а также урочищъ Рязанской губерніи переноситъ насъ сразу въ ту отдаленную эпоху, когда Рязанское княжество занимало видное мѣсто среди удѣльныхъ княжествъ древней Россіи; а углубляясь еще далѣе въ историческую судьбу этого княжества, мы видимъ себя въ области исторической географіи и этнографіи, гдѣ для выясненія древнѣйшаго народнаго быта и свидѣтельствующихъ о немъ памятниковъ,—названій разныхъ мѣстностей, рѣкъ и озеръ, городищъ, кургановъ, валовъ и другихъ насыпей,—требуются не только тщательныя розысканія по древнѣйшимъ источникамъ, но и мѣстныя раскопки и изслѣдованія въ нѣдрахъ земли. Необходимо остановить вниманіе и на этой отдаленной старинѣ Рязанскаго княжества, потому что, среди практическихъ потребностей нынѣшняго вѣка, у насъ обыкновенно не достаетъ времени углубляться въ такую древность, а отъ этого все болѣе и болѣе исчезаютъ не только самые памятники, но даже и слѣды ихъ. Между тѣмъ, не одно праздное любопытство удовлетворяется такими розысканіями; скажу болѣе, не одно собираніе матеріаловъ, необходимыхъ для историческихъ изслѣдованій, получается результатомъ этихъ работъ надъ памятниками древности разнаго рода; нѣтъ, мѣстные историческіе архивы, въ которыхъ соберутся на храненіе и изученіе древнія рукописи, музеи, въ которыхъ выставятся для публики разные памятники минувшаго быта, культуры разнаго времени, зодчества и т. под., содѣйствуютъ, въ свою очередь, развитію въ народѣ образованія и вкуса, и чрезъ это усиливаютъ не только въ высшемъ классѣ, но и въ простолюдинахъ, любовь къ своей странѣ, къ своему родному краю»....

Эти разумныя, прекрасныя слова покойнаго Н. В. Калачова—должны послужить какъ бы завѣтомъ для всѣхъ вообще ученыхъ архивныхъ комиссій и историческихъ архивовъ или музеевъ, по мысли его возникшихъ и имѣющихъ еще возникнуть въ разныхъ губерніяхъ нашего отечества.

Въ той же рѣчи знаменитый архивистъ остановилъ вниманіе собранія на то, что возникающія учено-историческія учрежденія прямо ставятся подъ сѣнь императорской академіи наукъ и въ непосредственную связь съ археологическимъ институтомъ въ С.-Петербургѣ, директору каковаго института мѣстныя архивныя комиссіи, въ ноябрѣ мѣсяцѣ каждаго года, должны представлять годовые отчеты о своей дѣятельности; директоръ же института, въ концѣ каждаго года, представляетъ общій отчетъ о дѣятельности всѣхъ таковыхъ комиссій императорской академіи наукъ.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, въ іюнѣ 1884 года, ученая архивная комиссія была открыта въ Рязани, открыта была «въ видѣ опыта».

Любитель науки отечественной исторіи, оглядываясь на недавнее прошлое этой комиссіи, всего два года и девять мѣсяцевъ, можетъ сказать съ полнымъ удовольствіемъ, что этотъ опытъ вполнѣ былъ удаченъ.

Предъ нами сборникъ «Журналовъ засѣданій рязанской ученой архивной комиссіи съ 15-го іюня 1884 г. по 22-е сентября 1886 г.», сборникъ печатный въ 4 д., въ два столбца, 128 + 90 стр. Это лѣтопись рязанской комиссіи, и внимательно, съ живѣйшимъ интересомъ прочитавъ ее, — мы вполнѣ знакомимся съ ея плодотворною дѣятельностію для русской археологіи, археографіи и исторіи, и прежде всего— Рязанскаго края. Въ самомъ дѣлѣ, при совершенномъ почти отсутствіи матерьяльныхъ средствъ, такъ какъ, напр., за весь 1885 годъ комиссія имѣла лишь 596 рублей прихода и столько же расходу, такъ что перешла въ 1886-й годъ съ девятнадцатью рублями, изъ которыхъ, какъ она серьезно замѣчаетъ въ своемъ за 1885 годъ отчетѣ, расходъ въ 11 р. 60 к. уже былъ предназначенъ,—итакъ почти безъ денегъ комиссія сдѣлала много полезнаго, исключительно благодаря просвѣщенному вниманію избраннаго ею предсѣдателя Г. В. Кандріота-Скандербека, въ особенности благодаря энергіи, знанію и полной преданности своему дѣлу правителя дѣлъ комиссіи—Андрея Васильевича Селиванова, а также благодаря трудамъ нѣсколькихъ своихъ членовъ [1]),—дѣятельности, ничѣмъ совершенно не вознаграждаемой, кромѣ нравственно удовлетвореннаго сознанія той пользы наукѣ и родному краю, которую они приносятъ своими трудами.

Рязанская ученая комиссія приступила къ разсмотрѣнію мѣстныхъ архивовъ, какъ въ Рязани, такъ и въ уѣздныхъ городахъ губерніи; уже къ концу 1885 года было разсмотрѣно ею до 3,500 дѣлъ; отдѣлила изъ нихъ и помѣстила въ «Историческій архивъ», къ концу 1885 г., 826 дѣлъ, составила имъ описи, въ числѣ которыхъ перенесены, между прочимъ, въ этотъ архивъ дѣла бывшихъ Рязанской воеводской и провинціальной канцелярій, не считая дѣлъ, которымъ

---

[1]) Назовемъ здѣсь наиболѣе усердныхъ ревнителей къ исторіи и археологіи Рязанскаго края, основателей и членовъ ученой мѣстной комиссіи: от. архимандритъ Владиміръ, А. П. Доброклонскій, А. А. Маринъ (сотрудникъ, между прочимъ, нашего журнала „Русская Старина"), А. В. Селивановъ, Ф. Н. Китаевъ (неутомимый и опытный изслѣдователь мѣстныхъ кургановъ), И. В. Добролюбовъ (главный въ 1885 г. жертвователь въ рязанскій историческій архивъ), Д. П. Побѣдоносцевъ, Е. Н. Муромцева и др.

Digitized by Google

еще не составлены описи. Комиссія возбудила вопросъ и ввела въ практику, чтобы ни одно изъ общественныхъ старинныхъ зданій или памятниковъ въ предѣлахъ губерніи, а прежде всего церкви, не позже 1750 г. построенныя, отнюдь не исправлялись и не передѣлывались безъ предварительнаго сношенія съ ученою архивною комиссіею; та же комиссія приступила къ постройкѣ часовни на мѣстѣ храма и усыпальницы князей рязанскихъ въ Старой Рязани, павшихъ при нашествіи монголовъ; обратила вниманіе на древнія кладбища хановъ татарскаго Касимовскаго царства (въ предѣлахъ края, городъ Касимовъ); раскрыла и изслѣдовала уже къ концу 1885 г., т. е. въ 1½ года, до 70 кургановъ; находки изъ этихъ кургановъ (къ концу 1885 г.—165 различныхъ предметовъ) послужили вкладомъ въ возникшій отнынѣ «Рязанскій историческій архивъ или музей»; въ тотъ же архивъ или музей комиссія съумѣла привлечь пожертвованія книгами (теперь ихъ до 500 названій въ библіотекѣ музея), старинными вещами: иконы, кресты, холщевой антиминсъ 1741 г. (времени императора Іоанна Антоновича) и разныя древности; собраніе череповъ и окаменѣлостей разныхъ допотопныхъ животныхъ; цѣлыя коллекціи монетъ—и все это, повторяемъ, почти безъ всякихъ средствъ! [1]). Кто повѣритъ, напр., что раскрытіе 67 кургановъ въ 1885 г. обошлось комиссіи всего лишь въ 19 р. 20 к.!

Группа изъ пятнадцати лицъ, собравшихся при открытіи рязанской ученой архивной комиссіи, разрослась, къ сентябрю 1886 года, безъ малаго до сотни человѣкъ, которые и состоятъ нынѣ членами этой комиссіи. Надо надѣяться, что всѣ эти лица вошли въ ея составъ не изъ минутнаго порыва и обычной отзывчивости русскаго человѣка, на первыхъ порахъ, на всякое хорошее дѣло, а изъ дѣйствительнаго интереса къ наукѣ отечествознанія, въ прежнихъ судьбахъ его и бытѣ, въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Да, будемъ надѣяться, что подъ высшею сѣнью и при нравственной поддержкѣ академіи наукъ—губернскія ученыя архивныя комиссіи, конечно, не всѣ и не въ одинаковой степени, но принесутъ большую пользу русской археологіи, исторіи, нумизматикѣ, и въ стѣнахъ «Историческихъ русско-губернскихъ архивовъ или музеевъ» сохранятся хотя остатки тѣхъ важныхъ для науки предметовъ, которые еще не успѣли на Руси погибнуть ни при нашествіяхъ татаръ, литвы,

---

[1]) Собраніе крестовъ и другихъ старинныхъ вещей, принадлежащихъ рязанскому музею (архиву), уже описано въ 1885 году Ю. Д. Филимоновымъ, спеціалистомъ этого дѣла; нѣкоторыя вещи оказались XII—XIV вв., а одинъ каменный образокъ отнесенъ имъ къ X—XI вв.

Digitized by Google

поляковъ и французовъ, не изгибли и въ пожарахъ, столь на Руси издавна обычныхъ, ни отъ невѣжества мѣстныхъ правителей стараго времени, ни по грубости, небреженію и необразованію большинства населенія за все время крѣпостнаго періода въ жизни русскаго народа.

III.

Рязанская ученая комиссія имѣла въ 1884—1887 годахъ рядъ засѣданій.

Собирая въ свой «Историческій архивъ» различные акты, документы и дѣла, имѣющіе историческій или бытовой интересъ и значеніе, она нѣкоторые изъ нихъ напечатала въ приложеніяхъ къ журналамъ своихъ засѣданій.

Въ этомъ отдѣлѣ ея изданія много любопытнаго; на первомъ планѣ изъ этихъ матеріаловъ мы должны поставить обширный и весьма важный для исторіи Рязанскаго края трудъ, подъ заглавіемъ: «Рязанскія достопамятности, собранныя архимандритомъ Іеронимомъ» († 1828 г.).

Это обширная лѣтопись, сводъ сказаній и актовъ о всѣхъ историческихъ событіяхъ, въ предѣлахъ Рязанскаго края съ 993 года совершившихся, но такъ какъ съ 1820-хъ годовъ, когда этотъ сводъ былъ сдѣланъ, прошло болѣе шестидесяти лѣтъ, въ теченіи которыхъ явилось въ печати множество новыхъ источниковъ историческихъ знаній, до Россіи относящихся, то «Рязанскія достопамятности» были теперь обставлены, при изданіи ихъ комиссіей, массою необходимыхъ, весьма заботливо собранныхъ примѣчаній и выписокъ; это трудъ одного изъ самыхъ ревностныхъ къ наукѣ членовъ ученой Рязанской коммисіи — И. В. Добролюбова.

Необходимо также упомянуть о весьма полезномъ сообщеніи И. Ф. Токмакова—трудолюбиваго дѣятеля въ главн. архивѣ министерства иностр. дѣлъ въ Москвѣ: «Списокъ матеріаловъ по археографіи Рязанскаго края, хранящихся въ названномъ архивѣ». Списокъ этотъ напечатанъ въ приложеніяхъ къ обозрѣваемымъ нами журналамъ Рязанской ученой комиссіи.

Затѣмъ въ приложеніяхъ къ журналамъ комиссіи мы находимъ до шестидесяти историческихъ актовъ. Изъ нихъ довольно значительная группа относится до внутренняго, хозяйственнаго быта монастырей Рязанскаго края, преимущественно въ XVII вѣкѣ; здѣсь поземельные споры монастырей-землевладѣльцевъ, челобитья братій

Digitized by Google

на ихъ настоятелей, приговоры братіи объ исключеніи монаховъ за непотребное житіе, мѣры епархіальныхъ властей къ исправленію нравственности и жизни духовенства, розыски о разбояхъ, при чемъ, какъ видно изъ одного акта, въ разбоѣ 1643 г. принималъ участіе одинъ священникъ, котораго подвергли за это, нѣсколько разъ, при разспросѣ, пыткамъ и жгли огнемъ; грамота царя Алексѣя Михайловича Вердеревскому о закупкѣ хлѣбныхъ запасовъ на жалованье ратнымъ людямъ и въ донской отпускъ (1661 годъ); грамота того же царя воеводѣ Кондыреву, въ Михайловъ (1663 г.) и друг.; грамота царя Ѳедора Алексѣевича въ Данковъ Ѳедору Ильину, объ убійствѣ Иваномъ и Яковомъ Муромцовыми дѣтей боярскихъ Марка Ряховскаго съ товарищами (1676 г.); нѣсколько характерныхъ челобитень XVII вѣка — не маловажныхъ для знакомства съ бытомъ того времени; списокъ убитыхъ и разграбленныхъ помѣщиковъ во время крестьянскаго бунта (1667—1770 гг.); столовой обиходъ, поднесенный отъ Солотчинскаго монастыря царю Петру, на пути его подъ Азовъ (1695 г.); вирши въ честь Петра I по случаю похода его подъ Азовъ; письма царевича Алексѣя Петровича и близкаго къ нему человѣка Ивана Афанасьева къ Д. Крюкову—1713 года. Остановимся на послѣднихъ документахъ.

Собственноручныхъ писемъ злополучнаго царевича извѣстно въ печати сравнительно не много, поэтому каждое вновь открытое его письмо и его ближнихъ есть уже находка, въ историческомъ отношеніи,—цѣнная. Вотъ эти письма:

Письма царевича Алексѣя Петровича и И. Афанасьева къ Д. Крюкову [1]).

1.

Ісъ Питербурга, 16 Августа, 1713.

Дмитреі Крюковъ. Пришли сюда немешкавъ трехъ мужиковъ, кому бъ за скотиною ходить, выбравъ которые ненатеглѣ ізъ гулящихъ, іли изъ бѣдныхъ, которые немогутъ платить; послано къ вамъ въ црковь великомученика Георгия црковнои утвари, ризы, патрахель, поручи, подризникъ, стихарь діаконскои; когда примешъ отпиши; ізъ Новагорода отъ казначея присланыль книги и сколко ихъ, і какие? Алексѣй.

2.

Исъ Питербурха, 17 Августа, 1713.

Дмитреи Крюковъ. Пришли въ Курвицкую мызу плотниковъ двадцать чловъкъ сподмогою, чтобъ надва мсца немедленно. Алексѣй.

---

[1]) Сообщилъ Е. М. Крюковъ.

Digitized by Google

3.

Августа въ 20 де., 713-го году.

Мой пріятель Дмитръ Семеновичъ, Здравствуй. По писму вашему, которое писано отъ васъ къ его Высочеству о присылке борановъ, яіцъ і ..... [1]) і потому писму здесь принето Августа въ 14 де. всо вделости у Понкратя Пожарскова стоварыщи, да снимжи Пожарскимъ послано къ тебе священническая одежда, ризы, подризникъ, потрахиль, поручни, стихарь — и ты ізволь то всо отдать въ цркву мчника Георгия, что въ Осмине. Впротчемъ, желая вамъ блгополучного здравия. Иванъ Аѳонасъевъ, і посдравляю вашему дружилюбию. Августа, въ 16, ісъ Питербурха.

Подалъ сие писмо дрвни Полосокъ крестьянинъ Понкратей Пожарской.

Подалъ сей указъ вселѣ Осминахъ Куровинской (?) мызы крестьянинъ дрвни Грязны Михаля Емельяновъ.

Августа 24-го дня, 713-го году.

Наказъ царицы Прасковьи Ѳедоровны (род. 1664 г., † 1723 г.) дворовому ея человѣку, Ивану Дружинину, объ управленіи волостями, данъ 30 ноября 1716 года.

Тѣ, кто читали нашъ историческій очеркъ «Царица Прасковья»,—тѣ знакомы съ этою, въ высшей степени типическою, представительницею русскаго общества — эпохи Петра Великаго. Нынѣ открытый Рязанской комиссіей — «Наказъ» составляетъ весьма интересное дополненіе къ сообщеннымъ нами извѣстіямъ. Предъ нами царица Прасковья—какъ помѣщица. Она, вмѣстѣ съ младшею дочерью своею, царевной Прасковьей Ивановной, получила отъ царя Петра, между прочими, земли съ крестьянами въ Новгородскомъ уѣздѣ, пять волостей съ селами и деревнями. Дворовому своему человѣку Ивану Дружинину царица повелѣла «въ тѣхъ волостяхъ быть на приказѣ». Въ имѣніи томъ было 377 дворовъ. Вотъ что, по наказу царицы Прасковьи, должно было Дружинину ежегодно сбирать съ крестьянъ того имѣнія и ежегодно же отправлять къ ней, царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, въ Петербургъ: «съ первово снопа,—ржи—188 четвертей съ осминой; и велѣть (ее) перемолоть и съ примоломъ присылать въ Санктъ-Петербургъ, а рожь собирать съ крестьянъ добрую; а овса также сбирать, съ перваго снопу,—1,131 четверть; солоду ячнаго—64 четверти, 6 четвериковъ и 1½ шайки; солоду оржаной—23 четверти, 4 четверика и 2 шайки; а тѣ солоды, перемоловъ, присылать добрые; пшеницы—42 четверти, 2 четверика; крупъ всякихъ 17 четвертей,

---

[1]) Неразобрано.

Digitized by Google

6 четвериковъ; гороху—23 четверти, 4 четверика и 2 шайки; конопель—тожъ число; хмѣлю 14 пудъ, 5 фунтовъ съ $^1/_2$ фунтомъ; меду тожъ число; сукна сѣраго 188 аршинъ съ $^1/_2$ аршиномъ; холста льняного тожъ число. Денегъ—за вино, за дрова, за соль—377 рублевъ; живности: куръ индѣйскихъ—188, гусей—377, утокъ—тожъ число, куръ русскихъ—2,262; свиныхъ мясъ—377 пудъ, а свиныя мяса присылать добрыя и съ потрохами; поросятъ—188 съ полпоросенкомъ; масла коровья—56 пудъ 22 фунта; быковъ—17, барановъ 377; яицъ 18,850; масла коноплянаго—11 ведеръ».

Затѣмъ въ наказѣ слѣдуетъ распредѣленіе сбора всего этого запаса, по сколько сбирать со всякаго крестьянскаго двора и къ какимъ изъ назначенныхъ царицею въ году четырехъ сроковъ доставлять въ Петербургъ; «а чтобъ дорогою, пишетъ царица Прасковья, тѣхъ вышеписанныхъ птицъ всякую живность не поморить потомъ, тебѣ приказать накрѣпко тому, съ кѣмъ посланы будутъ; а присылать ту живность съ старостою; а ежели та живность дорогою станетъ мереть, и тебѣ бъ править ту живность на крестьянѣхъ, на старостѣ, на проводникахъ».... «А посуловъ бы тебѣ,—гласилъ наказъ въ обычное въ таковыхъ документахъ назиданіе,—съ крестьянъ не брать, и въ нашихъ податяхъ отнюдь крестьянамъ не наровить, и въ обиду ихъ постороннимъ людѣмъ никому не давать, за ними смотрѣть накрѣпко, чтобъ отъ нихъ воровства не было, также и постороннимъ людѣмъ обиды не было-жъ; и ежели ты станешь съ крестьянъ посулы брать, а нашихъ податей съ нихъ не станешь сбирать, ни на С.-Петербургъ присылать, и тебѣ быть жестоко наказанье».

Повелѣвъ затѣмъ о недержаніи «подъ смертною казнію» въ ея волостяхъ бѣглыхъ солдатъ и пришлыхъ всякихъ людей, которыхъ повелѣно было—«выбивать вонъ», «также виномъ и табакомъ чтобы крестьяне не торговали и корчмы никакой не держали-бъ, и съ воровскими людьми не знались», царица Прасковья напоминаетъ: «а вамъ, крестьянамъ, конечно, прикащика во всемъ слушать и расправу межъ вами ему, прикащику, чинить».

Жалованье прикащику Дружинину было опредѣлено брать съ крестьянъ, а именно, по 30 рублевъ въ годъ и опредѣленное количество живности. Для облегченія крестьянъ въ доставкѣ птицъ въ Петербургъ—царица разрѣшила, въ наказѣ Дружинину, брать, вмѣсто живности, деньгами, опредѣляя при этомъ: «за гуся, за утку и за курицу-индѣйку по 5 алтынъ, по 4 деньги, а за русскую курицу по 3 алтына, по 2 деньги» и проч.

«А которыя крестьянскія дѣвки и вдовы похотятъ идти въ постороннія вотчины замужъ — ихъ выпускать, а выводу имать по 5 рублевъ.

Digitized by Google

«Да сбирать бы тебѣ, прикащику, со крестьянъ, по вся годы: съ 50 дворовъ—рысь; съ 30 дворовъ—медвѣдь; съ 20 дворовъ—волкъ; съ 15 дворовъ — лисица; съ 10 дворовъ — куница, и присылать въ Санктъ-Петербурхъ».

Съ пустыхъ деревень и съ пустошей — наказано было сбирать оброчныя деньги «по вкладнымъ книгамъ». «Съ послѣдними припасами» прикащикъ долженъ былъ каждый годъ пріѣзжать въ С.-Петербургъ, «не отымаяся ни чѣмъ».—А которыя пашни и сѣнные покосы въ пустыхъ деревняхъ и въ пустошахъ отдавались постороннимъ крестьянамъ, и тѣ земли у нихъ побравъ и пахать на насъ, а постороннимъ никому не отдавать Царица Прасковія» [1]).

Изъ документовъ, не маловажныхъ для изученія бытовой стороны въ жизни нашихъ предковъ, начала XVIII-го вѣка, можно еще указать въ ряду документовъ, изданныхъ рязанскою комиссіею, на денежную расходную тетрадь старосты села Преображенскаго, Танбовской вотчины, Солотчинскаго монастыря, за 1713—1714 годы. Эта весьма интересная запись всѣхъ тѣхъ взятокъ, какіе доводилось хитрому мужичку-старостѣ, представителю крестьянскаго населенія одной изъ монастырскихъ вотчинъ, давать разнымъ исполнителямъ царскихъ указовъ, являвшимся съ ними въ вотчину; а давались тѣ взятки и подносились эти дары «въ почесть», — чтобы получить какую-либо понаровку въ высылкѣ людей на царскія работы, въ поставкѣ рекрутъ въ платежѣ разныхъ сборовъ и проч. и проч. Вотъ обращикъ таковыхъ записей:

— «Въ нынѣшнемъ 714 году въ Мартѣ мѣсяцѣ, по указу Великаго Государя, пріѣзжалъ дворянинъ съ указомъ, Денисъ Резанцовъ съ служилыми людьми, съ тремя человѣки, для выбору рекрутовъ съ пятидесятъ дворовъ по человѣку, да къ нимъ же, на подставку, на человѣка по два человѣка. И за понаровку, и за срокъ, дано ему, въ почесть, мірскихъ денегъ 16 алтынъ 4 ден. (50 коп.). Да служилымъ троимъ дано вопчѣ 8 алт. 4 ден. (26 коп.).—И по вышеписанному Государеву указу, возили въ Тонбовъ, переловя шесть человѣкъ рекрутовъ съ подставочными къ отдачѣ, и за тою отдачею живя въ Тонбовѣ двѣ недѣли, похарчено мірскихъ денегъ въ почести коменданту и подъячимъ, и рекрутамъ давано на прокормленіе, на покупку хлѣба, и всего того изошло на всякую харчь 2 руб.».

Спору нѣтъ, таковыя записныя тетради, да вообще массу матеріаловъ для знакомства съ бытомъ XVII и XVIII вѣковъ мы уже

---

[1]) Сообщ. А. В. Селивановъ.

Digitized by Google

давно имѣемъ въ разныхъ изданіяхъ, между прочимъ и въ нашемъ сборникѣ «Русская Старина»,—но и все, что издано Рязанскою комиссіею является весьма полезнымъ дополненіемъ къ тому, что уже издано задолго до нея. Каждый актъ вноситъ хотя крупицу, хотя черту новую для характеристики быта нашихъ предковъ и потому нельзя не пожелать, дабы комиссія возможно расширила отдѣлъ приложеній къ своимъ журналамъ.

Изъ документовъ, относящихся ко второй половинѣ XVIII-го вѣка, которые мы находимъ въ обозрѣваемомъ изданіи, особенно характерно духовное завѣщаніе одного изъ сыновей знаменитаго сподвижника Петра Великаго, фельдмаршала кн. Мих. Мих. Голицына,—князя Дмитрія Михайловича Голицына [1]). Этотъ вельможа, д. тайн. совѣтникъ, въ теченіи слишкомъ тридцати лѣтъ былъ чрезвычайнымъ полномочнымъ русскимъ посломъ при императорскомъ дворѣ въ Вѣнѣ (род. 1721, умеръ 1793 г.). Его завѣщаніе, сохранившееся въ копіи въ архивѣ Рязанской семинаріи,—прекрасно рисуетъ, дѣйствительно, одного изъ лучшихъ русскихъ людей прошлаго столѣтія. Князь завѣщалъ (въ 1792 г.), между прочимъ, значительную сумму (10 т. руб.) «въ пользу заведенной попеченіемъ и иждивеніемъ покойнаго своего родителя генералъ-фельдмаршала кн. М. М. Голицына въ Украинскомъ городѣ Харьковѣ публичной семинаріи [2])»... «Для приведенія оной въ лучшее и обществу полезное состояніе» и, слѣдовательно, для содержанія искусныхъ и достойныхъ учителей» и проч.; завѣщатель опредѣлилъ извѣстные доходы съ своихъ имѣній на содержаніе заведенныхъ имъ, кн. Д. М. Голицынымъ, богадѣленъ и школъ, въ его деревняхъ, на такомъ основаніи, на какомъ оныя отъ него содержались. Всякаго званія дворовыхъ своихъ людей завѣщатель отпустилъ на волю съ женами и дѣтьми ихъ; простилъ всѣ недоимки, какія могли оказаться на крестьянахъ, ко дню его кончины, причемъ завѣщатель «увѣщевалъ своихъ наслѣдниковъ (племянниковъ), яко человѣковъ, содержать всѣхъ его крестьянъ въ отеческомъ призрѣніи, какъ то и при мнѣ было—пишетъ князь въ 1792 г.—и не отягощать ихъ свыше силъ человѣческихъ, помня, что и они суть ближніе наши».—

Кстати о крестьянахъ. Въ числѣ мѣстныхъ архивовъ, разсмотрѣнныхъ уже Рязанскою комиссіею, есть архивъ Рязанскаго губернскаго предводителя дворянства. Изъ этого архива, въ числѣ 3,000 дѣлъ,

---

[1]) Сообщ. И. Ф. Перовъ.

[2]) Этотъ коллегіумъ былъ зародышемъ нынѣшняго въ Харьковѣ университета.

Digitized by Google

пересмотрѣнныхъ А. В. Селивановымъ, оказалось 361 дѣло, имѣющихъ историческій интересъ, а потому поступившихъ въ Рязанскій историческій архивъ. Изъ этихъ дѣлъ, за время съ 1850 по 1861 г., оказалось 118 дѣлъ «по предметамъ жестокаго обращенія помѣщиковъ съ крестьянами, изнуреніи ихъ работами, о неповиновеніи и о возмущеніи послѣднихъ, о побѣгахъ, покушеній на жизнь и убійство помѣщиковъ» и проч. И это въ одной губерніи, притомъ изъ среды дворянства, изъ котораго вышло много замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ служенія отечеству! Вотъ тутъ и окрашивай въ розовую краску время крѣпостнаго ига, какъ то дѣлается у насъ въ послѣднее время!

Весьма хорошо дѣлаетъ Рязанская ученая комиссія, что вполнѣ пользуется даннымъ какъ ей, такъ и всѣмъ таковымъ учрежденіямъ (пунктъ 7-й высочайше утвержденнаго 13 апрѣля 1884 г. положенія комитета министровъ), что она, «по мѣстнымъ обстоятельствамъ, включаетъ въ кругъ своихъ занятій розысканіе, описаніе и объясненіе всякихъ памятниковъ старины». Такимъ образомъ Рязанскою комиссіею отыскано и издано, въ приложеніяхъ къ журналамъ своихъ засѣданій, нѣсколько указовъ, повелѣній и рескриптовъ Екатерины II, Павла Перваго (довольно много—къ Рехенбергу и Руничу), а также письма разныхъ выдающихся, почему либо, русскихъ людей XIX-го вѣка до эпохи освобожденія крестьянъ, къ каковому только времени и кончается наша старина и начинается новая эра въ исторіи Россіи.

Изъ этихъ писемъ можно указать: на письма Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина (1826 г., къ императору Николаю), гр. А. Аракчеева, гр. Ѳ. В. Ростопчина, кн. А. Н. Голицына, изувѣра архим. Фотія, В. А. Жуковскаго, на приказы и письма Ив. Ник. Скобелева, Ник. Ив. Надеждина (уроженца Рязанскаго,—очень важныя для его біографіи, архіепископа Филарета Гумилевскаго,—особенно интересныя, за время пребыванія его въ Остзейскомъ краѣ, въ эпоху борьбы его съ баронами и пасторами за православіе и угнетенное ими крестьянство, и проч.

Приводимъ нѣкоторые изъ документовъ этого отдѣла, какъ служащіе дополненіемъ къ обширнѣйшему собранію матеріаловъ, данныхъ «Русскою Стариною» по отношенію къ помянутымъ лицамъ,—данныхъ и въ обработанныхъ монографіяхъ, и въ цѣлыхъ серіяхъ писемъ, оставшихся неизданными до появленія ихъ въ «Русской Старинѣ».

Digitized by Google

Указы императора Павла Фонъ-Рехенбергу [1]).

1.

Марта 14 дня 1797 года. Тверь.

Государь Императоръ соизволилъ указать, рапортъ вашъ отъ 1-го Марта яко непоформѣ написанной возвратить обратно. А постановленная форма при семъ прилагается. Генералъ-адъютантъ Растопчинъ.

Его высоксбла: Г-ну маіору Рехенбергу.

2.

Петровской дворецъ Марта 26, 1797.

Господинъ Маіоръ Рехенберхъ. Для содержанія караула въ проѣздъ мой въ Нижнемъ Новѣ городѣ, нарядите полку вашего полную роту со знамямъ, кою въ день пріезда Моего вывесть на караулъ къ дому назначенному для ночлегу. О полученіи же сего повѣленія, и о назначеніи офицеровъ коего имянно, прислать донесеніе. Пребывая вамъ благосклонный Павелъ.

3.

Маія 2 дня 1797 года. Москва.

Государь Императоръ соизволилъ указать, что по притчинѣ послѣдовавшей перемѣны въ пути его императорскаго величества, рота полку вашего поставленная для содержанія караула въ проѣздъ, должна отмяннтся. Генералъ-адъютантъ Растопчинъ.

Его высокоб: Г-ну маіору Рехенберху.

4.

Маія 11 дня 1797 года. Минскъ.

Государь Императоръ соизволилъ указать, чтобъ всякой мѣсяцъ къ 1-му числу присылали таксу вами здѣланную. Генералъ-адъютантъ Растопчинъ.

Его высоксблагор: г-ну маіору и нижегородскому коменданту Рехенбергу.

5.

Іюля 15 дня 1797 года. Павловскъ.

Государь Императоръ соизволилъ указать, чтобъ вы къ 1-му числу каждаго мѣсяца присылали таксу по приложенной при семъ формѣ. Имянъ же въ

---

[1]) Петръ Астафьевичъ фонъ Рехенбергъ былъ шефомъ Московскаго гарнизоннаго полка. Свѣдѣнія о немъ имѣются въ «Преданіяхъ и Воспоминаніяхъ» В. В. Селиванова. Спб. 1881 г. А. В. С.

Digitized by Google

рапортахъ и донесеніяхъ нечьихъ неписать, а называть только одними фамиліями. А баталіоны и роты не по номерамъ, а именовать по ихъ командирамъ. Генералъ-адъютантъ Растопчинъ.

Его высокоб: Г-ну маіору и нижегородскому коменданту Рехенберху.

6.

Іюня 9 дня 1797 года. Павловскъ.

Государь Императоръ соизволилъ указать, чтобъ вы рапорты о состояніи полку вашего присылали одинъ разъ въ мѣсяцъ къ 1-му числу; кромѣ того доносилибы единственно въ таковомъ случаѣ, когда что необыкновенное случится. Генералъ-адъютантъ Растопчинъ.

Его высокоблагор: Г-ну маіору и нижегородскому коменд: Рехенбергу.

7.

Іюня 15 дня 1797 года.

Государь Императоръ соизволилъ указать на донесеніе ваше отъ 31 Маія отвѣчать слѣдующее: что должность комендантская заключаетъ въ себѣ и управу благочинія, которая состоять имѣетъ подъ его вѣдомствомъ. И что требованіи ваши, равномѣрно и представленіи суть лишнія, и что лутче гораздо вамъ читать болѣе Уставъ, чемъ составлять новую Комендантскую инструкцію. Генералъ-адъютантъ Растопчинъ.

Его Высокобла: Г-ну маіору и нижегородскому коменданту Рехенберху.

8.

Іюня 30 дня 1797 года. Павловскъ.

Государь императоръ соизволилъ указать, увидя изъ донесенія вашего показаннаго флейщика при командѣ посланнаго для усмиренія крестьянъ, что флейщика при мушкетерскихъ ротахъ быть недолжно. И для чего онаго флейщика, и ежели у васъ еще есть оные въ полку, а число барабанщиковъ некомплектное, то помѣстить ихъ въ барабанщики. Естли же барабанщики въ комплектѣ, то въ рядовые. Генералъ-Адъютантъ Растопчинъ.

Его высокоб: Г-ну маіору и нижегородскому коменданту Рехенберху.

9.

Сентября 3-го дня 1797 года Гатчино.

Государь Императоръ соизволилъ указать зделать вамъ примѣчаніе, что адъютантъ полку вашего Дмитріевъ посланъ въ Москву для принятія суконъ. Противъ Устава, въ сіи должности употреблятся долженъ аудиторъ, а адъютантъ долженъ быть всегда при полку. Генералъ-адъютантъ Растопчинъ.

Его высокобл: Г-ну маіору Рехенберху.

10.

Декабря 14 дня 1797 года С: Петербургъ.

Государь Императоръ соизволилъ указать, чтобъ вы нямѣдленно достали вѣдомость о непременныхъ квартирахъ полку вашего, означа весь л

Digitized by Google

полкъ расположенъ въ одномъ мѣстѣ, или по ротно, показавъ въ какомъ селеніи чья стоитъ рота. Генералъ-адъютантъ Растопчинъ.

Его высокобл: Г-ну подполковнику Рейхенберху.

11.

Марта 16 дня 1798 года. С. Петербургъ.

Государь Императоръ соизволилъ указать, чтобъ ваше высокоблагородіе выбравъ достойнаго изъ недворянъ унтеръ-офицера представилибъ въ полкъ имяни вашего въ аудиторы. Генералъ Адъютантъ Нелидовъ.

Его высокаб. Г-ну подполковнику Рехенберху.

12.

Апрѣля 8 дня 1798 года С. Петербургъ.

Государь Императоръ видя изъ рапортовъ, присылаемыхъ Шефами Гарнизонныхъ полковъ, что многіе изъ нихъ пишутъ не по формѣ къ нимъ доставленной, соизволилъ указать написать слѣдующія подтвержденія:

1-е. Гарнизонный полкъ недолженъ называться помѣсту, гдѣ онъ расположенъ квартирами или имяновался мушкетерскимъ; а показывать просто Гарнизанной полкъ генералъ маіоръ или полковника такогото.

2-е. Баталіоны и роты неномеровать, какъ напримѣръ 1-й или 2-й, а называть имянами ихъ командировъ.

3-е. Роты хотя и должны росписываться въ командованія, по чинамъ въ штатѣ положеннымъ, но за непмѣніемъ при полкѣ оныхъ росписываются по наличному числу Штабъ и оберъ-афицеровъ, разсматривая однакожѣ ихъ способности; и ежели кто небудетъ къ тому удостоенъ означать причины, по чему имянно: слѣдственно когда отъ полка командируется рота кудабы то нибыло, непремѣняетъ она своего командира, какъ многіе Шефы по неведѣнію своему то дѣлаютъ, а слѣдуетъ въ назначенное ей мѣсто съ ея командиромъ.

4-е. Прежняго названія: Сержанты, Каптенармусы, Фургеры и Капралы, имянуются всѣ унтеръ офицерами, кромѣ фельдфебѣлей и подпрапорщиковъ, сохраняющихъ и нынѣ сіе званіе.

5-е. Штабъ и оберъ офицеровъ показывать больныхъ сколько днѣй, командированныхъ съ котораго числа, куда и зачѣмъ, отпускныхъ тожь съ котораго числа, и на сколько; а арестованныхъ зачто, и когда, что всѣ и писать на своемъ мѣстѣ какъ о томъ въ формѣ рапортовъ показано; о исполненіи чего, и имѣетѣ объявить всѣмъ ротнымъ командирамъ, какъ при полкѣ, равно и въ откомандировкѣ находящимся, чтобъ сіе предписаніе было строго всегда наблюдаемо. Генералъ Адъютантъ Нелидовъ.

Его высокоб: Г-ну подполков: Рехенберху.

13.

Село Асташиха, 31 Маія 1798.

Милостивый государь мой. Посылаю при семъ копья къ древкамъ, кои должны уже у васъ быть готовы для прибитія знаменъ въ день пріезда императора въ Нижній новгородъ.

Digitized by Google

Честь имѣю пребыть съ моимъ къ вамъ почитаніемъ, милостивый государь мой, вашъ покорный слуга А. Нелидовъ.

Его высок: Г-ну Рейхенберху.

14.

Іюля 31-го дня 1798 года. Петергофъ.

Государь Императоръ соизволилъ указать, на рапортъ вашъ, отъ 13 іюля, дать вамъ знать, что больныя, командированныя и арестованныя Штабъ и офицеры показываются подъ послѣднею графою рапорта съ раздѣленіемъ одно отъ другаго на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, какъ формою предписано; а вы въ томъ рапортѣ сего не соблюли и написали во всю строку. Генералъ-Адъютантъ Нелидовъ.

Его высокобла: Г-ну подполковнику Рехенберху.

15.

Октября 4-го дня 1798 года. С: П: Бургъ.

Государь Императоръ соизволилъ указать представленныхъ вашимъ высокоблагородіемъ, полка вашего унтеръ офицеръ къ отставкѣ, изъ службы исключить. Генералъ Адъютантъ Ливенъ.

Его высокоб: Г-ну полковнику Рехенберху.

16.

№ 2888. Октября 27 дня 1798 года.

Милостивый Государь мой Петръ Астафьевичъ!

Обращаясь съ отзывомъ моимъ на письмо ваше, отъ 7-го числа истекшаго Сентября, скажу вамъ, Милостивый Государь мой, что въ отношеніи устройства Градской Полиціи, дѣлается всеобщее постановленіе, за состояніемъ коего можете и о замѣщеніи чиновниковъ избираемыхъ вами достойными къ заступленію мѣстъ по званіямъ къ обязанности сей относящимся, употребить при удобномъ случаѣ ваше посредство, соображаясь правиламъ того положенія, какое въ виду имѣть будете. Есмь въ протчемъ съ истиннымъ почтеніемъ, Милостивый Государь мой, вашъ покорный слуга Петръ Лопухинъ.

Его высокобла-дію Г-ну Рехенберху въ Нижнемъ Новгородѣ.

17.

Декабря 2 дня 1798 года С: П: Бургъ.

Государь Императоръ соизволилъ указать, дать знать вашему высокоблагородію, что представленной вами полка вашего Маіоръ Бѣляевъ, къ утвержденію въ инвалидную должность считаясь давно уже неспособнымъ, остается онъ въ инвалидной ротѣ вашегожъ полка. Генералъ-Адъютантъ Ливенъ.

Его высокобл: Г-ну полковнику Рехенберху.

Digitized by Google

18.

Ноября 30-го дня 1798 года С: П: бургъ.

Государь Императоръ соизволилъ указать, представленіе вашего высокоблагородія отъ 16-го ноября съ приложеніемъ именнаго списка полка вашего оберъ-офицерамъ представляемымъ къ производству, между коими вы написали и капитановъ въ маіоры, возвратить вамъ обратно съ надписаніемъ по причинѣ, что въ маіоры производятся безъ шефскаго представленія самимъ Государемъ. Генералъ-Адъютантъ Ливенъ.

Его высокоблагор: Г-ну полковнику Рехенберху.

19.

С. Петербургъ. 26 Декабря 1798 г.

Господинъ Полковникъ Рехенберхъ. Съ посланнымъ къ вамъ при семъ фелтъ-егеремъ, повѣлеваю орестовавъ отправить сюда полка вашего полковаго командира Маіора Попова. Пребываю къ вамъ благосклонный Павелъ.

20.

№ 3201. въ С. Петербургѣ. Декабря 25 дня 1799 года.

Государь Императоръ желая знать доброту отпускаемыхъ отъ Комиссаріата въ гарнизонной полкъ имяни вашего мундирныхъ и Амуничныхъ вѣщей, указать соизволилъ, чтобы ваше высокоблагородіе при каждомъ полученіи оныхъ доставляя мѣсячныя рапорты ваши, присылали отъ всякаго сорта сукна, каразѣй и холста образщыкъ Его Императорскому Величеству. Генералъ-Адъютантъ Графъ Ливенъ.

Его высокоблагор: Г-ну полковнику Рехенберху.

21.

№ 195. С. Петербургъ Генваря 28 дня 1800 года.

Государь Императоръ по представленію вашему указать соизволилъ, желающихъ вступить въ воинскую службу изъ дворянъ недорослей Иконникова и Менделѣева опредѣлить въ гарнизонный полкъ имяни вашего Юнкерами. Генералъ-Адъютантъ Графъ Ливенъ.

Его высокоб. Г-ну полковнику Рехенберху.

22 [1]).

Генваря 26 дня 1800-го года С. Петербургъ.

Господинъ Полковникъ Рехенберхъ, получилъ я образцы принятыхъ вами вещей изъ московскаго комисаріатскаго депо на въ веренной вамъ полкъ, похваляя доброту техъ особливо которыя искуплены вами по штатнымъ ценамъ, объявляю вамъ за сіе доказывающее усердіе ваше къ службе Мое благоволеніе. Пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

---

[1]) Весь рескриптъ написанъ собственноручно Императоромъ Павломъ.

Digitized by Google

23.

№ 539. С.-тъ Петербургъ Февраля 22 дня 1800 года.

Государь Императоръ указать соизволилъ Генералу Кригсъ-Коммисару Борщову доставить во всѣ полки образцы суконъ, холста и каразеи, по которымъ впредь всѣмъ шефамъ полковъ отъ коммисаріатскихъ коммисіонеровъ вещи принимать нениже тѣхъ образцовъ, въ слѣдствіе чего когда потѣмъ образцамъ для ввѣреннаго вамъ полку вещи или на покупку какихъ либо вещей отъ коммисаріата деньги вамъ отпущены будутъ, то при каждомъ полученіи въ полкъ оныхъ вещей присылать Его Императорскому Величеству образчики, а сверхъ того присылать такъ же образцы тесьмы, косныхъ лентъ, кисточекъ съ снурками на шляпу и темляки. Генералъ-Адъютантъ Графъ Ливенъ.

Его высокобла: Г-ну Полковнику Рехенберху.

Сергѣй Никифоровичъ Маринъ.

Поэтъ конца XVIII и начала XIX вѣка—извѣстный своими рукописными стихотвореніями, пѣснями и романсами съ 1790 по 1811 г., о немъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г. (томъ XXXVIII, стр. 499 и слѣдующія), Н. П. Селифонтовъ напечаталъ интересную замѣтку и привелъ три его стихотворенія.

Племянникъ поэта А. А. Маринъ, — членъ Рязанской ученой архивной комиссіи,—нѣсколько лѣтъ тому назадъ сообщилъ было намъ сборникъ рукописныхъ произведеній своего даровитаго дяди. Если не ошибаемся, изъ этого сборника напечатано нынѣ въ обозрѣваемомъ изданіи слѣдующее, по своему времени талантливое, стихотвореніе:

ХВОСТЫ.

Отецъ боговъ! Тебѣ пеняю,
Что ты не кстати заслонилъ
Отверстіе, что по случаю
Къ сердцамъ намъ Момусъ продолбилъ.
Съ тѣхъ поръ въ нихъ стали кладовыя
Обмановъ, злости, суеты;
Услугой сей довольны злые,
Но добрыхъ тѣмъ обидѣлъ ты.

Съ тѣхъ поръ мы дружбы убѣгаемъ,
Страшимся лесть найтить подъ ней,
И различить никакъ не знаемъ
Людей коварныхъ отъ друзей.

Digitized by Google

Ты сдѣлалъ вещью невозможной,
Чтобъ друга по виду судить,
За чтожъ, любви давъ знакъ неложной,
Забылъ имъ дружбу надѣлить?

Всегда красавица узнаетъ,
И даже въ темнотѣ ночной,
Старикъ ли дряхлый подступаетъ,
Или любовникъ молодой.
А намъ и солнце не поможетъ
Изгибы сердца проницать,
И что въ собакахъ всякъ знать можетъ,
То въ людяхъ трудно распознать.

Юпитеръ, днесь мое моленье
Услышь: въ Олимпѣ сидя ты,
Окончи въ дружествѣ сомнѣнье,
Дай, какъ собакамъ, намъ хвосты.
Придѣлай самъ сей знакъ надежной
Ты ко хребтамъ твоихъ рабовъ.
Онъ будетъ знаменъ дружбы нѣжной,
Сердечныхъ стрѣлкою часовъ.

Ты отъ хвоста сего пружины
Старайся къ сердцу протянуть
И чтобъ безъ истинной причины
Нельзя имъ было шевельнуть.
Тогда бы за версту умѣли
Льстеца мы съ другомъ различать:
Друзья хвостами бы вертѣли,
Льстецы должны бы хвостъ поджать.

Тогда бы видѣлъ всякій ясно,
Въ комъ совѣсть истинно чиста
И полагаться-бъ не напрасно
Могъ на движеніе хвоста.
Не слышно-бъ было клятвъ притворныхъ
И словъ двоякій оборотъ,
И даже бы языкъ придворныхъ
Съ хвостами сталъ совсѣмъ не тотъ.

Юпитеръ, внявъ мое моленье,
Рѣшился чудо сотворить
И далъ Меркурью повелѣнье,
Чтобы глаза мнѣ просвѣтить.
О страхъ, о зрѣлище ужасно!
Я вижу всѣхъ людей съ хвостомъ,
Движенье вижу несогласно
Хвоста сего съ ихъ языкомъ.

Digitized by Google

Я вижу въ городѣ, въ деревнѣ,
Между крестьянъ, купцовъ, вельможъ,
Въ палатахъ, въ хижинѣ, въ харчевнѣ
Одну и точно ту же ложь.
Другъ друга всякій увѣряетъ,
Что съ нимъ готовъ онъ все терпѣть,
Жметъ руку, къ сердцу прижимаетъ,
А хвостъ-злодѣй виситъ какъ плеть!

Я вижу предъ царемъ собранье,
И если по виду судить,
У всѣхъ въ сердцахъ одно желанье,
Чтобъ для него на все идтить;
Но изо всѣхъ, что тутъ кружатся
Съ улыбкой, съ выгнутой спиной,
Хвостовъ десятокъ шевелятся,
А прочіе—кишка кишкой!

Страстямъ, порокамъ все послушно,
Являютъ ясно то хвосты,
Нельзя смотрѣть мнѣ равнодушно,
Что всѣхъ прельщаютъ здѣсь мечты,
Такъ зрѣлище сіе я чудно,
Юпитеръ, видѣть не хочу,
За любопытство безразсудно
И такъ я дорого плачу.

Возми-жъ твой даръ назадъ обратно,
Сыми очарованье съ глазъ,
Оно ужаснѣе стократно
Того, что получилъ Мидасъ.
Я вижу всѣхъ коварствъ сплетенье.
Ты справедливъ, боговъ отецъ,
Что лучше въ вѣчномъ быть сомнѣньи,
Чѣмъ знать всю черноту сердецъ.

С. Маринъ.

Digitized by Google

Филаретъ Гумилевскій

епископъ Рижскій.

Рязанская комиссія напечатала нѣсколько собственноручныхъ писемъ этого достопамятнаго іерарха русской церкви. Дѣятель науки, трудолюбивый и ученый историкъ русской церкви—онъ на кафедрѣ рижскаго епископа въ 1841—1848 гг. явился истиннымъ поборникомъ православія, но долженъ былъ отступить предъ нѣмецкою ратью бароновъ и пасторовъ, опиравшихся на сильную партію въ С.-Петербургѣ.

Впослѣдствіи Гумилевскій († 1866 г.) былъ архіепископомъ черниговскимъ. Обзоръ его плодотворной, труженической жизни сдѣланъ уже былъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1881 г.

Въ тяжелые годы служенія своего въ прибалтійской окраинѣ Россіи, Филаретъ нашелъ друга въ графѣ Д. Н. Толстомъ. «Командированный въ Ригу въ 1845 году, графъ Толстой, по свидѣтельству С. З., основанному на отзывахъ сослуживцевъ графа, былъ однимъ изъ самыхъ почтенныхъ и энергическихъ русскихъ дѣятелей въ Прибалтійскомъ краѣ. Общее дѣло, при одинаковости воззрѣній на него и при одинаковой возбужденности въ дѣйствіяхъ, скоро установило между преосвященнымъ Филаретомъ и гр. Толстымъ самыя лучшія отношенія».

Вотъ письма Филарета Гумилевскаго къ графу Д. Н. Толстому.

1 [1]).

Любезный Графъ! Дѣло Калланга — сокрушительное. Семь человѣкъ дѣтей остались безъ отца и безъ всякаго призору. Дѣло ведено, извините, судомъ Шемякинымъ. Не возьмете ли на себя труда пересмотрѣть его? Если бы что нибудь подобное сдѣлано (было) со стороны православія противъ какого-нибудь Нѣмца: Нѣмцы не только протрубили бы о томъ по всей Россіи, но напечатали бы во всѣхъ газетахъ Европы.

Ожидаю Васъ съ нетерпѣніемъ. Бога ради, возвращайтесь скорѣе. Съ любовію о Господѣ грѣшный Ф. е.

2.

1847 г. Апр. 23 дня.

Боголюбивѣй Графе! виждь писанія нѣкоего боголюбца и добролюбца, усердствующаго совершити приношеніе св. храму православныя нашея вѣры. Еже хощетъ, да азъ такожде разсужду дѣло его, нѣсть благо..... [2]) ми.

---

[1]) Письмо безъ даты, относится, вѣроятно, къ началу 1846 года.

[2]) Неразобрано.

Digitized by Google

Прошу же и молю боголюбивую ти душу, да аще возможеши, пріимеши на ся дѣло и разсудиши право. О семъ молитъ твою свѣтлость недостойный молитвенникъ убогій Филаретъ Еп.

3.

1847 г. Іюня 16 д.

Ваше Сіятельство Милостивый Государь! Слово Вашего Сіятельства немедленно исполняю: вновь подтверждаю, чтобы Ивановъ остался въ Аренсбургѣ, съ яснымъ прибавленіемъ, что не долженъ участвовать въ дѣлѣ присоединенія крестьянъ. Что касается до запрещенія священнослуженія: то взойдите, Ваше Сіятельство, въ мое положеніе, что я имѣю только что донесеніе самого священника о дѣлѣ и ничего болѣе. На чемъ же могу основать запрещеніе священнослуженія? Впрочемъ, я дѣлаю секретное распоряженіе негласное о неслуженіи.

Я написалъ Панову, чтобы какъ угодно будетъ Вашему Сіятельству, такъ и былъ спрошенъ Конюшевскій.

Господомъ прошу Васъ — употребите стараніе не для лица, а для св. церкви и православія, которыя подвергаются тяжкой опасности. Съ душевнымъ уваженіемъ имѣю честь пребыть Вашего Сіятельства, Милостиваго Государя, покорнѣйшій слуга и Богомолецъ Е. Филаретъ.

4.

1847 г. Іюля 20 д.

Ваше Сіятельство Милостивый Государь! Препровождаю къ Вашему Сіятельству двѣ бумаги о раскольникахъ. Хотѣлось бы видѣть возвращеніе блуждающихъ къ св. церкви. Не найдетъ ли любовь Вашего Сіятельства къ св. церкви—отклонить преграду тѣмъ или другимъ путемъ? Постараюсь побывать у Вашего Сіятельства, между прочимъ, чтобы попить чайку. Съ любовію о Господѣ Вашего Сіятельства недостойный молитвенникъ Е. Ф.

5.

Ваше Сіятельство! Изъ опасенія, чтобы въ свѣдѣніи о Фемитскомъ пасторѣ и крестьянинѣ Маргусѣ Вазѣ не была допущена какая либо ошибка, можетъ быть, одного писца, я по возвращеніи изъ Вашего собесѣдованія взялъ въ руки записки и, сдѣлавъ справки, нашелъ слѣдующее:

а) Мыза Узни — иначе по эстски Узнамойсъ, по нѣмецки Теннасильмъ.

б) Помѣщикъ ея, если не ошибаюсь, Графиня Шарлотта фонъ-Сиверсъ, урожденная фонъ-Мюленъ.

Приношу Вамъ искреннюю благодарность за умныя бесѣды..... Превосходно ощипали пѣтуха. Е. Ф.

6.

Любезный и Боголюбивый Графъ! Посылаю къ Вамъ записку, но не съ тѣмъ, чтобы отъ моего имени дѣлалось что нибудь. Дѣло въ томъ, что за тѣмъ же хлѣбомъ прибыло съ той же мызы много другихъ крестьянъ въ

Digitized by Google

Ригу, говорятъ, что рѣшительно нѣтъ хлѣба. Для Господа творите милость и предупреждайте козни. Не говорите, пожалуйста, Е. А. [1]) о моемъ имени. Были у Васъ: но ихъ не пустили.

7.

Ваше Сіятельство! Съ вопросомъ къ Вамъ о милости. По слухамъ у Васъ получены суммы для нижнихъ чиновниковъ въ пособіе по случаю голода. У меня особенно одинъ терпитъ бѣдность, какъ многосемейный. Можно ли будетъ или, точнѣе, должно ли обратиться къ Вамъ съ просьбою о пособіи для него?

Не сдѣлаете ли той милости для меня, чтобы сообщить копіи съ замѣчаній Дидибеля и Вашихъ отвѣтовъ, или, по крайней мѣрѣ первыхъ? Разумѣю замѣчанія на мѣры въ огражденіе православія. Нужно же знать и голосъ враговъ, чтобы при случаѣ умѣть и найтиться — оборонять дѣло. Съ молитвою и любовію Е. Ф.

8.

1848 г. Октября 26.

Ваше Сіятельство Боголюбивый Графъ! Не знаю, какія послѣдствія имѣла бумага. Вы были столько добры, что обѣщали слѣдить за ходомъ дѣла. Вслѣдъ за однимъ дѣломъ послано нѣсколько другихъ. Что будетъ послѣдствіемъ? Вопросъ этотъ тревожитъ меня. Нельзя ли, по крайней мѣрѣ, извѣстить? Моя такая доля, что меня бьютъ и меня же обвиняютъ. К. С—въ проповѣдуетъ всею крѣпостію о себѣ, что онъ ревностный сынъ православія. Странно, что люди до такой степени могутъ противорѣчить словами своими дѣламъ своимъ. Не понимаю такой совѣсти. Господь—судія. Спасенія о Господѣ желаю Вамъ. Вашего Сіятельства, Милостиваго Государя, признательный Богомолецъ Е. Ф.

P. S. Поздравилъ бы Васъ со днемъ Ангела, который былъ и моимъ Ангеломъ: но—боюсь ошибиться.

Пріѣхалъ ли въ Петербургъ Преосвященный Иннокентій?

Не примете ли на себя труда похлопотать о введеніи правилъ объ училищахъ въ дѣло? Писалъ, писалъ, просилъ, просилъ и—дѣло не подвигается ни на пядь. Между тѣмъ крестьяне сильно скорбятъ, а враги смѣются. Пусть бы измѣнили положеніе, какъ хотятъ: но оставлять дѣло въ нерѣшенномъ положеніи цѣлые годы при такихъ обстоятельствахъ, каковы обстоятельства Лифляндіи, это превышаетъ всѣ силы терпѣнія. Если уже о самомъ существенномъ дѣлѣ для св. вѣры такъ мало заботъ; почему же требуютъ отъ меня каменнаго терпѣнія? Жалѣютъ и вола.

9.

30 Октября 1848. Рига.

Ваше Сіятельство Боголюбивый Графъ Дмитрій Николаевичъ! Душевноблагодарю Васъ за боголюбивыя... Какъ желали, такъ написано. Теперь дѣло за Вами. Странное положеніе! Со всѣхъ сторонъ жутко. Впрочемъ,

[1]) Евг. Ал. Головинъ—генералъ-губернаторъ Остзейскаго края.

Digitized by Google

для настоящаго дѣла ждалъ я времени. Если и послѣ сего не будетъ достойной защиты: пусть находятъ болѣе меня могущаго.

Прошу не осуждать и меня. Сколько имѣлъ способовъ и силъ, сражался не ложась на отдыхъ, не уклоняясь отъ битвы изъ страха. Вы знаете, что нѣкоторые молчатъ. Это многое объяснитъ.

Надобно бы писать о многомъ. Съ глубочайшимъ уваженіемъ къ Вамъ имѣю честь пребыть Вашего Сіятельства, Милостиваго Государя, недостойный богомолецъ Епископъ Филаретъ.

10.

Любезный Графъ! Душа рвется побывать къ Вамъ.... Но — истинно боюсь. Боже мой! Что моя жизнь?

Знаете ли, за чѣмъ хочется мнѣ къ Вамъ? За тѣмъ, чтобы поклониться Вамъ въ ножки за многое, за многое, равно и за прилагаемое при семъ.

Благодать Господа Іисуса Христа да хранитъ Васъ. Грѣшный Ф. Е.

Какъ тяжело на душѣ!

11.

1853 г. Іюня 28 д.

Ваше Сіятельство Дмитрій Николаевичъ! Въ знакъ искренней любви и искренняго уваженія къ Вамъ всегда неизмѣнныхъ, посылаю Вамъ новое изданіе „Исторіи русской Церкви“, но только двухъ первыхъ частей. Прочія еще въ цензурныхъ тискахъ, которые, какъ знаете, очень крѣпки теперь. Патріаршій періодъ—въ Синодѣ. Сколько съ нимъ было хлопотъ! Давно бы время было ему возвратиться ко мнѣ,—и, однако, все еще жду.

Одесскій Иннок. былъ въ Харьковѣ; но не засталъ меня, потому что я былъ въ крестномъ ходу съ чудотворною ахтырскою иконою Божіей Матери. И это къ лучшему. Пріятно-ли встрѣчаться съ людьми, которые не любятъ правды?

Я слышалъ, Васъ хотѣли поставить противъ меня, Вамъ говорили о мнѣ Богъ знаетъ, какія странности. И Вы вѣрите? Не вѣрю. Вы знаете меня. Говорю объ этомъ потому, что люблю Васъ и дорожу Вашимъ расположеніемъ. И въ знакъ любви искренней скажу Вамъ искреннее слово: пожалѣйте того, кто до того зачернился, что по одному страху, не говорятъ ли о немъ всей правды, дозволяетъ себѣ дѣлать низости. Sat sapienti.

Четыре года прошло, какъ изъ Р. [1]) не имѣю ни одной строки, за исключеніемъ пустыхъ оффиціальныхъ. Тружусь тамъ, гдѣ по тавленъ трудиться. И, слава Богу, не безъ пользы тружусь. Что трудолюбивый и смѣтливый преемникъ Р—ій? [2]). Такъ много говорили о его ловкости, о его умѣньи правительственномъ! Много успѣховъ? Ловитъ вѣтеръ? Знающіе его не ожидали большаго. Въ самомъ дѣлѣ, не порадуете-ли меня какою либо вѣстію о Р.? [3]). Иначе что-то дико не знать ничего добраго.

Все это между нами, которые не даромъ же вмѣстѣ пили медъ полынный. Обнимаю Васъ любовію Христовою. Васъ искренно любящій Ф. Е. Х.

Сообщилъ С. Звѣревъ.

---

[1]) Риги.

[2]) Епископъ рижскій Платонъ, преемникъ Филарета.

[3]) Гр. Толстой въ это время былъ управляющимъ дѣлами Остзейскаго комитета.

Digitized by Google

Наконецъ, вотъ еще одинъ документъ, который мы приводимъ, чтобы показать какъ разнообразно и интересно собраніе историческихъ и историко-литературныхъ матеріаловъ, отыскиваемыхъ и издаваемыхъ Рязанскою ученою архивною комиссіей:

Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ

въ письмѣ къ князю В. А. Черкасскому

[августъ 1859 г.].

Хотя ко многому сталъ я равнодушенъ, но не къ рѣшенію участи русскаго народа, которое совершается теперь въ Петербургѣ, и вотъ почему считаю я необходимымъ написать вамъ, князь, и высказать вамъ совершенно откровенно мои мысли. Когда дѣло идетъ о бо́льшемъ или меньшемъ надѣлѣ землею, о цѣнности усадьбъ, я, во первыхъ: въ этомъ дѣлѣ мало понимаю, во вторыхъ: это не такъ еще важно. Но когда дѣло дошло до души русскаго народа, до его жизненнаго общиннаго начала, до міра, до сходки, — то я, сколько нибудь разумѣя это дѣло, не могу молчать.

Я прочелъ докладъ административнаго отдѣленія № 5 и пришелъ въ ужасъ. Духъ жизни русскаго народа преслѣдуется въ послѣднемъ его убѣжищѣ отъ государства. Когда разнеслась вѣсть объ эмансипаціи, я писалъ Хомякову, что кому принесетъ она положительную пользу, такъ это помѣщикамъ; за нихъ можно было положительно радоваться и поздравлять ихъ съ избавленіемъ отъ безобразнаго и безнравственнаго ихъ права; но что касается до крестьянъ, то здѣсь надежда на лучшее казалась мнѣ не вполнѣ вѣрною. Помѣщичья власть—въ нѣкоторой части имѣній барщинскихъ и въ имѣніяхъ чисто оброчныхъ вообще служила для крестьянъ какъ бы стекляннымъ колпакомъ, избавлявшимъ ихъ отъ государственной регламентаціи, отъ наружнаго административнаго благоустройства. Подъ защитою этихъ стеклянныхъ колпаковъ жила жизнь нашего народа во всей самобытности своихъ началъ при отсутствіи той чуждой нашему духу опредѣленности, которая равняется ограниченности и уродуетъ живое, извнутри образующее себя начало. Здѣсь-то (въ оброчныхъ имѣніяхъ Ярославской губерніи напримѣръ) являлся міръ не Киселевскій, не устроенный какимъ нибудь господиномъ, ничего не разумѣющимъ въ дѣлѣ русской жизни,—міръ, самъ себя составляющій, самъ себя опредѣляющій, съ своимъ единогласіемъ и съ своею окончательною верховностью. Когда же эмансипаціею, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ богопротивнаго помѣщичьяго права, будутъ разбиты и эти по мѣстамъ встрѣчающіяся крышки, подъ которыми спасалось начало русской жизни, русской общины (не Киселевской)—я боялся, чтобы государственность учрежденій не легла всѣмъ гнетомъ на бѣдныхъ крестьянъ. Но вотъ вызваны были въ Петербургъ вы и Самаринъ. Вы засѣдаете въ административномъ отдѣленіи. Можно было думать, что русскій народъ въ васъ найдетъ хоть какую нибудь защиту. Явился докладъ административнаго отдѣленія № 5-й: о сходахъ, подписанный вами, а вы еще, какъ слышно въ Москвѣ, на товарищей вашихъ имѣете вліяніе. Что же видимъ мы въ этомъ докладѣ?

Digitized by Google

Ни болѣе, ни менѣе, какъ совершенное нарушеніе всей сущности русскаго общиннаго начала, полнѣйшее истязаніе міра, уничтоженіе своей самобытной, общественной свободы русскаго народа и предоставленіе ему, на чужой образецъ, составленнаго подобія гражданскихъ общественныхъ правъ. Самостоятельность, жизнь, принципъ — все выкидывается вонъ — и что-жъ остается? Чисто механическое, совершенно безполезное существованіе уже не общества, а извѣстнаго множества людей.

Вы предоставляете себѣ опредѣлить: когда міръ есть міръ. Первый nonsens и первая дерзость противъ народа. Когда міръ признаетъ себя міромъ, тогда онъ и міръ. Другаго опредѣленія тутъ быть не можетъ. Вы говорите: но въ такомъ случаѣ нѣсколько лицъ могли бы рѣшить дѣло всего общества. Да, предоставьте это самому обществу, дайте ему больше простору. Повѣрьте, ужъ оно само позаботится, чтобъ нѣсколько человѣкъ не рѣшали за него его дѣлъ. Хорошъ міръ, когда не самъ себя признаетъ и опредѣляетъ. Предоставьте что нибудь человѣку самому. Вѣдь вы не со скотами имѣете дѣло, а напротивъ съ народомъ, который въ общественномъ дѣлѣ смыслитъ гораздо побольше васъ, членовъ благороднаго дворянскаго собранія съ правомъ голоса и шара на знаменитыхъ дворянскихъ выборахъ. Пожалуй, Перовскій дошелъ же до того въ образцовыхъ селахъ, что даже разставилъ въ избѣ крестьянина всю его утварь; такъ что ведро должно было стоять на этой, а ухватъ на той сторонѣ: за несоблюденіе благодѣтельнаго порядка—палка.

Но далѣе: посягнувши на самостоятельность самаго міра, вы посягаете на самостоятельность его рѣшенія. Вы осмѣливаетесь опредѣлять ему, что такое есть его собственное рѣшеніе, осмѣливаетесь наступить на то начало, которое составляетъ самую основную его силу, тайну его жизни, именно: единогласіе. Вы вводите большинство, ту дикую, матеріальную силу, которая, бо́льшею частью изъ чувства рабскаго подобострастія передъ Европою, не признается нами за такую,—большинство, столь противное духу русской земли. Запустивъ руку прямо въ душу русскаго человѣка, вы идете еще далѣе. Вы говорите, что на мірской сходкѣ первое лице староста. Когда міръ собранъ, то первое лице здѣсь одно: міръ, а другаго нѣтъ, и быть не можетъ. Какой тутъ староста на міру! Міръ разошелся — староста опять явился. Хорошъ міръ, на которомъ есть начальникъ, или, по крайней мѣрѣ, первое лице и распорядитель. Вы говорите: первое мѣсто на сходахъ и охраненіе на нихъ должнаго порядка принадлежитъ старостѣ. Итакъ, староста будетъ распоряжаться совѣщаніемъ?! Широкое поприще открывается старостѣ чрезъ охраненіе должнаго порядка. Мало ли что можетъ показаться ему нарушеніемъ порядка. Міръ подъ предсѣдательствомъ, подъ руководствомъ старосты. Жалкій міръ! И даже въ случаѣ равенства голосовъ, на чьей половинѣ голосъ старосты, та и права. Что же это за міръ? Да такого рода міръ можно найдти въ любомъ клубѣ, и въ англійскомъ, и въ дворянскомъ. И все это извращеніе міра, все это нравственно-общественное обезображеніе дѣлается вѣдь насильственно! Не та же ли это все Петрова палка, за которую взялись въ свою очередь и вы? Это гораздо похуже насильственнаго бритья бороды, къ которому былъ такъ пристрастенъ.....

Такимъ образомъ вы уничтожаете, убиваете самое начало нашей жизни, вы убиваете нашу русскую свободу, нашу общину, нашъ міръ, обращая его въ какое то жалкое подобіе дворянскихъ выборовъ. Я уже не говорю о вашей

Digitized by Google

попечительной заботливости, чтобы крестьяне въ нетрезвомъ видѣ на сходъ не допускались. Предоставьте самому міру: кого допускать, кого не допускать; у него на это есть свои основанія, есть свой тысячелѣтній обычай. Онъ допуститъ и не допуститъ кого хочетъ; инаго пьянаго онъ прогонитъ, а инаго пьянаго, который скажетъ дѣло, выслушаетъ. Какая надобность тутъ еще соваться? И стоило ли бы кажется и говорить объ этомъ?— Нѣтъ, элементъ полицейской благопристойности такъ силенъ, видно, въ администраторахъ, что они никакъ не могли, при сей вѣрной оказіи, не проявить его.

Вы скажете: «какъ однако же узнать, что это рѣшилъ точно міръ, и что онъ именно такъ рѣшилъ?» Спрашивается: кому нужно узнать? Если самому міру, такъ онъ всего короче это знаетъ, или, лучше, ему и узнавать нечего: онъ ли рѣшилъ, или нѣтъ, и какъ рѣшилъ? А если правительству нужно узнать, по тѣмъ только дѣламъ, разумѣется, въ которыхъ съ правительствомъ соприкасается крестьянство (напр., кого отдать въ рекруты), для этого довольно выборныхъ отъ крестьянъ, которые и завѣрятъ, что это рѣшеніе міра. Если же (чего быть не можетъ), кто бы нибудь изъ крестьянъ назвались выборными или сообщили бы небывалое рѣшеніе міра, то потомъ пришлось бы этимъ крестьянамъ сильно поплатиться передъ міромъ. Но это случай просто невозможный. Впрочемъ, для бо́льшаго удостовѣренія или для того, чтобы имѣть у себя документъ, правительство можетъ получить грамоту отъ міра за руками: вотъ все, чего можетъ оно хотѣть, но не болѣе. Это дѣлалось и въ старину; въ такихъ грамотахъ встрѣчается и формула: „во всѣхъ крестьянъ мѣсто, по ихъ велѣнью, такой то руку приложилъ“.—Грамоты за руками встрѣчаются въ древней Руси во многихъ случаяхъ, наприм.: при выборѣ въ цѣловальники, въ старосты и въ цари.

Да и чего вы боитесь?—Что кто нибудь прикинется міромъ?—Успокойтесь. Давно стоитъ міръ; у насъ бывали самозванные цари, а самозванца міра не бывало.

Когда оставляетъ васъ духъ русскаго народа, тогда оставляетъ и языкъ его. Что за смыслъ въ выраженіяхъ: мірской сходъ, волостной сходъ? Почему міръ есть только сельское явленіе? Нѣтъ, изъ вашихъ словъ видно, что вы этого сказать не хотѣли. Какая путаница въ понятіяхъ происходитъ при такомъ употребленіи словъ. Вдругъ міръ будетъ только въ селѣ, а въ волости міра не будетъ. Развѣ [1]) міръ значитъ только село? Ужъ говорили бы вы: сельскій сходъ, волостной сходъ. По понятіямъ русскаго духа и языка, міръ можетъ быть и вся Русь. Міръ можетъ быть и губернія, и волость, и деревня. Міръ есть собраніе народное бо́льшей или меньшей мѣстности. Міръ есть народъ, какъ одно мыслящее, говорящее и дѣйствующее цѣлое. Царь Алексѣй Михайловичъ, въѣзжая въ Москву, весь міръ спрашивалъ о здоровьи. Говоря о совѣщаніи всенародномъ, бывшемъ о царѣ Василіи, Гермогенъ выражается: весь міръ. А по вашему не такъ: по вашему ужъ это былъ бы не міръ, а городской сходъ.

Больно и отвратительно было мнѣ читать 5 № доклада административной комиссіи. И добро бы это были все петербуржцы или западники; а то тутъ вы! Я думалъ, что вы русскій и что вамъ хоть сколько нибудь близокъ русскій народъ. Къ чему же было все дѣло наше, все изученіе рус-

[1]) Зачеркнуто: «ужъ Божій».

Digitized by Google

скихъ началъ, быта древней Руси, крестьянскаго устройства? Неужели плодъ всего этого нѣсколько пустыхъ фразъ о самоуправленіи общественномъ, о возможно бо́льшемъ устраненіи вліянія администраціи на мірскія дѣла — пустыхъ фразъ, повторяю, ибо тутъ же дѣлается совсѣмъ другое.

Вы подняли руку на народъ: злое дѣло, худое дѣло! Вы посягнули на душу народа; это уже настоящее душегубство. Остается утѣшаться тѣмъ, что не всегда же будетъ Русская Исторія сочиняться въ Петербургѣ и что вамъ, господа, совершить душегубства надъ русскимъ народомъ — на дѣлѣ не удастся.

Васъ не смутитъ мое письмо—что васъ смутитъ?! Но задумайтесь хотя на одну минуту.—Припомните: жиды, распиная Христа, не смущались тѣмъ, что̀ ихъ ожидаетъ, и, конечно, не думали, что станутъ они живымъ позоромъ между людьми, и имя ихъ обратится въ брань. Вы распинаете теперь русскій народъ, и не думаете, конечно, что имена ваши станутъ браннымъ словомъ, и что поношеніе ляжетъ на память вашу.

Въ моемъ письмѣ секретовъ нѣтъ; можете показать мое письмо вашимъ товарищамъ и кому угодно.

Константинъ Аксаковъ.

IV.

Что необходимо Рязанской ученой архивной комиссіи?

Съ первыхъ же дней своего бытія, дѣломъ ли случая или умѣньемъ ея основателей, она собрала въ свою среду нѣсколько весьма усердныхъ для нея тружениковъ, а также вкладчиковъ въ ея историческій архивъ или музей. Но для полнаго обезпеченія ея бытія, для вящшей пользы, какую она принесетъ какъ мѣстному краю, такъ и всему отечеству, необходимы матеріальныя средства. Вотъ почему ей необходимо отыскать оныя, а отыскать ихъ надо въ собраніи дворянъ Рязанской губерніи, въ собраніи представителей сословія купеческаго, наконецъ, въ губернскомъ и уѣздныхъ земствахъ этого края. Ей, т. е. комиссіи, быть можетъ, скажутъ, что какъ сословныя учрежденія, такъ и земство и безъ того несутъ тяготу и всякаго рода самообложеніе. Да, но вѣдь дѣло поддержки архивно-историческихъ учрежденій въ главномъ городѣ своего края дѣло далеко не второстепенной важности; напротивъ, оно необходимо для образованія, въ самомъ обширномъ смыслѣ, какъ современнаго, такъ и грядущихъ поколѣній. Это понять уже теперь не трудно. Подъ сѣнью мѣстнаго историческаго архива-музея постепенно можетъ быть соединено все, что составляетъ гордость и интересъ края: его археологическіе и историческіе памятники, произведенія его уроженцевъ на поприщѣ науки, художествъ, литературы, портреты наиболѣе выдающихся его дѣятелей прошлаго времени или въ предѣлахъ края, или только его уроженцевъ, но выдвинувшихся на службѣ всему отечеству и проч. Сколько полезнаго найдутъ въ коллекціяхъ

Digitized by Google

такого музея, хорошо устроеннаго и все болѣе и болѣе обогащаемаго, дѣти, внуки и правнуки нынѣшнихъ рязанцевъ! какое они скажутъ имъ спасибо, въ свое время, за основаніе и поддержку этого хранилища науки, художествъ и искусства дорогой ихъ родины!

Взгляните за рубежъ земли русской: каждый, мало мальски значительный, городъ въ Германіи, во Франціи имѣетъ музей. Зайдите въ него въ воскресенье. Толпы народа его наполняютъ, и сколько тутъ людей изъ простаго народа: крестьянъ, ремесленниковъ, солдатъ! Все это смотритъ и, разбирая надписи на предметахъ, читая указатель,—учится и учится.

Поддержка музея и историко-архивнаго учрежденія для населенія края такъ же важна, какъ поддержка школы, поддержка церкви.

Дворянство, купечество, земство, въ большинствѣ своихъ почтенныхъ представителей, поймутъ это. Явитесь къ нимъ съ челобитными, и вы, комиссія, получите на первыхъ порахъ немного, сотни рублей, но они будутъ въ бюджетѣ расходовъ сословій и земства, и вамъ, участники въ трудахъ ученой комиссіи, представится возможность отличнымъ устроеніемъ принятаго на себя для пользы края дѣла снискать вящшую довѣренность населенія, изъ среды котораго, изъ года въ годъ, явятся наиболѣе усердные помощники вамъ и трудомъ, и пожертвованіями.

V.

Сообщу еще нѣсколько замѣчаній, быть можетъ, не безполезныхъ, какъ для этой, такъ и для другихъ возникшихъ таковыхъ же мѣстныхъ ученыхъ комиссій.

1) Всѣ изъ живущихъ современниковъ, потрудившихся для края, (въ данномъ, напр., случаѣ Рязанскаго) на поприщѣ науки, должны бы быть членами означенной комиссіи. Мы не видимъ, однако, въ спискѣ членовъ этой комиссіи Д. И. Иловайскаго. Между тѣмъ, авторъ превосходнаго изслѣдованія Исторіи Рязанскаго княжества долженъ бы быть ея сочленомъ и комиссіи слѣдовало бы просить о томъ даровитаго нашего историка и ученаго.

2) Изъ рязанцевъ много вышло людей государственныхъ, ученыхъ, писателей, писательницъ, художниковъ. Мы говоримъ о живыхъ лицахъ. Комиссія должна была бы также, такъ или иначе, но привлечь этихъ лицъ къ участію въ ея дѣятельности и соединить въ своемъ архивѣ, его библіотекѣ и музеѣ всѣ ихъ труды. Назовемъ: Я. К. Грота, гр. Д. А. Толстаго, гр. Д. Н. Толстаго, Н. П. и П. П. Семеновыхъ, В. П. Титова (предсѣдателя археограф. комиссіи; съ 1886 г. В. П.,

Digitized by Google

впрочемъ, состоитъ уже членомъ рязанской комиссіи и сдѣлалъ громадный вкладъ въ библіотеку музея), Н. Д. Хвощинскую (Зайончковскую), даровитѣйшую изъ русскихъ современныхъ писательницъ, рязанку по происхожденію, профессора И. П. Пожалостина (лучшаго въ Россіи гравера на мѣди) и многіе другіе.

А сколько опочившихъ сномъ смерти достопамятныхъ рязанцевъ: не перечисляя длиннаго ряда именъ, вспоминаю профессора Д. И. Ростиславова. Комиссіи слѣдовало бы озаботиться собрать въ музей рукописные и печатные труды этого замѣчательнаго труженика.

3) Комиссіи слѣдуетъ бить челомъ во всѣ археологическія и историческія русскія общества, равно въ географическое и въ разныя ученые и учебные правительственные комитеты. Кладовыя этихъ учрежденій, подвалы ихъ помѣщеній, какъ говорится, ломятся отъ книгъ весьма цѣнныхъ, весьма полезныхъ, весьма хорошихъ. Раскупаются онѣ очень, очень плохо — по разнымъ причинамъ; между тѣмъ, поступивъ въ музей, онѣ будутъ ближе и доступнѣе всѣмъ и каждому въ краѣ. Просите—и вамъ ихъ пожертвуютъ [1]).

4) Изъ журналовъ Рязанской коммисіи, между прочимъ, видно, что къ ней доставляютъ иногда цѣлые кувшины, даже пудами вырываемыя изъ земли коллекціи монетъ прошлаго вѣка и болѣе ранняго времени. Комиссія выбираетъ лучшіе экземпляры, а прочіе отказывается пріобрѣтать даже за сущій безцѣнокъ. Намъ, кажется, этого дѣлать не слѣдуетъ. Если таковую находку можно пріобрѣсть, то ее слѣдуетъ пріобрѣсть цѣликомъ; впослѣдствіи комиссія будетъ имѣть случай подѣлиться своими дублетами съ другими провинціальными музеями, связь съ которыми должна быть установлена самая тѣсная.

5) Комиссія должна позаботиться собрать въ библіотеку своего музея все, что когда-либо было печатано о Рязанскомъ краѣ, были-ли то отдѣльные книги или журнальныя статьи и замѣтки, а равно все (включая и административныя распоряженія и афиши), что когда либо было напечатано въ предѣлахъ Рязанскаго края. Равно собрать портреты замѣчательныхъ русскихъ людей по происхожденію изъ Рязанскаго края.

6) Рязанская комиссія, какъ и другія, ей подобныя, не можетъ не знать, что дворянскія имѣнія съ ихъ усадьбами, съ ихъ нерѣдко громадными помѣщичьими домами, изъ году въ годъ переходятъ во

---

[1]) Приглашая другихъ къ пожертвованію, пишущій эти строки поспѣшилъ отправить въ даръ, въ библіотеку Рязанскаго музея, экземпляръ тѣхъ изъ годовъ „Русской Старины“, которые еще у насъ имѣются, хотя и въ небольшомъ количествѣ. Ред.

Digitized by Google

владѣніе крестьянъ. Нарождается и народилось уже новое помѣстное сословіе. Въ иныхъ уѣздахъ (мы не знаемъ—какъ именно въ Рязанской губерніи) до половины дворянскихъ земель перешло во владѣніе крестьянъ. Пока, съ помощью образованія, не переродилось это новое поколѣніе помѣщиковъ изъ крестьянъ, эти Колупаевы и Деруновы—они для памятниковъ старины хуже полчищъ Батыя, Мамая и Тохтамыша. Члены комиссіи должны зорко слѣдить за переходомъ какой нибудь барской усадьбы въ руки такого Дерунова, и какъ только роковое мгновеніе настало, являться туда и убѣдить новаго «барина», вмѣсто того, чтобы уничтожать книги, рукописи и разные предметы искусства, передавать ихъ въ музей. Вотъ тутъ-то «непремѣнный попечитель» комиссіи и музея, т. е. начальникъ губерніи, можетъ оказать весьма серьезную услугу.

7) Какъ только раздобудется комиссія опредѣленными, обезпеченными средствами на свои изданія, слѣдовало бы улучшить ихъ внѣшній видъ: вмѣсто неудобной формы въ 4 д. принять форматъ общеупотребительный для книгъ (какъ, напр., изд. «Русской Старины»). Бумагу, шрифтъ, свидѣтельствующіе теперь о недостаточности средствъ губернской типографіи, милостію которой (спасибо ей хотя и за это) комиссія и пользуется нынѣ, замѣнить лучшими.

Наконецъ, еще одно замѣчаніе. 8) Отдѣльные оттиски журналовъ своихъ засѣданій и матеріаловъ, издаваемыхъ комиссіей, должны имѣть свои систематическія оглавленія, но не такое, какое мы нашли въ изд. Рязанской коммисіи за 1884—1885 гг. Статьи и матеріалы въ оглавленіи должны быть размѣщены не по времени ихъ напечатанія, а въ порядкѣ хронологіи описываемыхъ въ нихъ событій или жизни тѣхъ лицъ, до которыхъ они относятся; при чемъ предисловія и статьи по поводу матеріаловъ должны упоминаться тутъ же, при матеріалахъ, не отдѣльно, какъ то сдѣлано теперь; алфавитный указатель (его теперь нѣтъ) необходимъ.

Вотъ все, что мы имѣемъ пока сказать по поводу трудовъ Рязанскихъ Ученой архивной комиссіи и Историческаго архива или музея, прекрасно начавшихъ свою дѣятельность. Да помогутъ рязанцы этимъ учрежденіямъ также энергично и плодотворно продолжать свою дѣятельность, какъ они ее начали—на пользу родины и во славу дорогаго всѣмъ намъ отечества.

Мих. С.

11-го марта 1887 г.

Digitized by Google

Статья наша была уже набрана и даже сверстана, когда мы получили, въ отвѣтъ на наши вопросы, дополнительныя свѣдѣнія отъ достопочтеннаго правителя дѣлъ Высочайше учрежденной Рязанской Ученой Архивной Комиссіи — А. В. Селиванова, отъ 7-го марта 1887 г., о трудахъ этой комиссіи и ея архивѣ.

Съ основанія комиссіи ея членами описано до 5,000 дѣлъ и столбцевъ, (въ одномъ 1886 г. разобрано до 8,000 дѣлъ разныхъ мѣстныхъ архивовъ), которые частью уже переданы въ «Историческій архивъ» рязанской комиссіи, частью еще находятся въ другихъ мѣстныхъ архивахъ.

Къ 5-му марта 1887 г. членовъ комиссіи состояло семьдесятъ пять человѣкъ.

Архивъ и музей къ осени 1887 г. будутъ имѣть всего шесть комнатъ въ зданіи присутственныхъ мѣстъ, вполнѣ хорошо обставленныхъ.

Матеріальныя средства комиссіи по прежнему остаются все еще ничтожными. За 1886 годъ, какъ видно изъ годичнаго отчета, было всего въ приходѣ 269 руб. (почти исключительно взносы отъ мѣстныхъ членовъ; члены, внѣ предѣловъ Рязанской губерніи живущіе, освобождены отъ взносовъ); въ расходѣ 177 р. Въ этой суммѣ на раскопки издержано 17 руб. 54 коп., книгъ куплено на 25 р. 50 к.

Въ 1887 г. комиссія вступила съ суммою въ 91 р. 99 к.

Выше, въ своемъ мѣстѣ, мы говорили уже, что, по почину и ходатайству архивной рязанской комиссіи, — сдѣлано распоряженіе (архіепископомъ рязанскимъ Ѳеофилактомъ) по епархіи, чтобы передѣлка и исправленіе церковныхъ строеній, построенныхъ ранѣе средины XVIII вѣка, разрѣшались консисторіей не иначе, какъ по предварительному сношенію съ архивною комиссіею, которая собираетъ необходимыя свѣдѣнія и даетъ заключеніе о томъ, могутъ ли быть допущены передѣлки или нѣтъ.

Въ 1886 году комиссія уже составила списокъ всѣхъ церковныхъ строеній, построенныхъ не позднѣе 1750-хъ годовъ, а также и тѣхъ зданій, время построенія которыхъ неизвѣстно. Въ недавнее время, какъ заявлено въ отчетѣ комиссіи, возбуждено новое ходатайство передъ епархіальнымъ начальствомъ о томъ, чтобы реставрація и исправленіе древнихъ церковныхъ иконъ также производились не иначе, какъ съ разрѣшенія архивной комиссіи, которая должна взять на себя посредничество въ пріисканіи художника, опытнаго въ дѣлѣ реставраціи древнихъ иконъ.

Благое дѣло, прекрасная мѣра, ограждающая отъ порчи и искаженія памятниковъ древняго искусства!

Въ 1886 г. произведены раскопки въ Касимовѣ, въ усыпальницѣ

Digitized by Google

татарскихъ хановъ, вырыты три надгробные камня, съ татарскими надписями, чрезвычайной важности, по замѣчанію отчета комиссіи, для исторіи Касимовскаго царства. Надписи переведены спеціалистами учеными.

Изданіе трудовъ рязанскою комиссіею продолжается. Комиссія при этомъ постановила издавать ихъ отнынѣ въ формѣ ежемѣсячнаго періодическаго изданія (въ добрый часъ!). Оно будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: историческіе матеріалы и изслѣдованія, протоколы засѣданія, замѣтки и смѣсь. Хорошо бы и назвать это изданіе «Рязанская Старина».

Быть можетъ, найдутся лица, которыя, прочтя нашъ обзоръ трудовъ рязанской ученой комиссіи, спросятъ: почему комиссія печатаетъ много и такого, что не относится до рязанскаго края, какъ, напр., автографы изъ обширнаго и интереснаго собранія г-жи Муромцовой, письма разныхъ достопамятныхъ людей русской земли и пр.

Но въ этомъ отношеніи рязанская ученая архивная комиссія поступаетъ вссьма разумно, придерживаясь слѣдующей системы: она печатаетъ эти любопытные для отечественной исторіи или исторіи литературы матеріалы на томъ основаніи, что эти матеріалы составляютъ достояніе Историческаго рязанскаго архива или вообще хранятся въ архивахъ въ предѣлахъ Рязанской губерніи; документы являются рязанскою собственностью и этого, конечно, довольно для того, чтобы они явились на страницахъ рязанскаго сборника памятниковъ старины. Что же касается до архивныхъ документовъ, хранящихся гдѣ нибудь въ Москвѣ или Петербургѣ, то изъ нихъ, въ изданіи рязанской ученой комиссіи, появляются и будутъ появляться лишь тѣ, которые имѣютъ прямое отношеніе къ рязанскому краю.

Къ 1-му марта 1887 г. въ библіотекѣ и музеѣ рязанской комиссіи было 507 названій книгъ, древнихъ вещей—до 300 экз., монетъ (большею частью серебряныхъ)—до 700, череповъ человѣческихъ—46.

Въ заключеніе «Русская Старина» искреннѣйше желаетъ полнаго успѣха въ упроченіи и дальнѣйшемъ развитіи дѣятельности рязанской ученой архивной комиссіи.

Вмѣстѣ съ симъ приглашаемъ всѣхъ любителей отечественной исторіи и древностей, въ особенности рязанцевъ по происхожденію, оказать возможное содѣйствіе этой дѣятельности, столь почтенной, столь плодотворной за первые три года существованія этой комиссіи (іюнь 1884—1887 гг.).

15-го марта 1887 года.

Мих. Семевскій.

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЯ ВРАЧА О М. Д. СКОБЕЛЕВѢ

1880—1881 гг.

II [1]).

Мы уже упомянули, что Скобелевъ былъ тяжелый паціентъ для своихъ врачей и что онъ нерѣдко болѣлъ во время кампаніи [2]). Но съ другой стороны и его смѣлость и неосторожность не мало тревожили его друзей, и въ особенности безпокоили тѣхъ, которые считали себя болѣе или менѣе отвѣтственными за его здоровье и благополучіе. Онъ не зналъ никакой осторожности, не избѣгалъ никакой опасности, напротивъ того, онъ искалъ ее будто нарочно не только передъ непріятелемъ, но и въ будничной жизни.

Въ осеннемъ періодѣ отдыха въ Красноводскѣ Михаилъ Дмитріевичъ, какъ уже сказано, бросилъ верховую ѣзду и всякое движеніе, сидѣлъ, читалъ, писалъ и диктовалъ. Нѣсколько разъ я убѣждалъ его дѣлать какое-либо движеніе, и заручился, наконецъ, его обѣщаніемъ предпринимать послѣ обѣда гигіеническія прогулки верхомъ; но каждый разъ, когда наступало время исполнить это обѣщаніе, то генералъ раздумывалъ и оставался дома. Разъ, за общимъ столомъ, я опять настаивалъ на своемъ и просилъ М. Д. сейчасъ послѣ обѣда съ нами ѣхать кататься. Скобелевъ согласился и немедленно мы послали за

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., т. LII, стр. 391—404.

[2]) Изъ записокъ Э. И. Тотлебена видно, что М. Д. и на Дунаѣ нѣсколько разъ заболѣвалъ. Изъ Бухареста Эдуардъ Ивановичъ пишетъ: „Генералъ Скобелевъ былъ болѣнъ, оставался потому нѣсколько времени въ Бухарестѣ“, а изъ Тученицы отъ 6-го ноября: „Скобелевъ былъ дважды контуженъ и долженъ нѣкоторое время лежать“, а дальше еще разъ: „Скобелева я нашелъ совершенно больнымъ; для насъ было бы большой потерей, если бы ему пришлось отказаться отъ боевой дѣятельности, что можно предвидѣть“.

О. Г.

Digitized by Google

лошадьми. Вставъ изъ-за стола, мы сѣли на лошадей и стали ожидать у подъѣзда нашего молодаго героя; его бѣлая лошадь стояла, какъ вкопанная, передъ самой лѣстницей, какъ вдругъ явился ординарецъ и сообщилъ:

— Генералъ велѣлъ извиниться, они не могутъ принимать участіе въ прогулкѣ.

— Скажите его превосходительству, что мы не можемъ принять никакихъ извиненій, а ждемъ ихъ самихъ.

Спустя минуту, Михаилъ Дмитріевичъ явился съ улыбкой на лицѣ и сказалъ:

— «Противъ такого тиранства ничего не подѣлаешь», и сѣлъ на лошадь. Его лошадь была киргизская и только что ему приведена.

Бѣлый генералъ и въ Ахалъ-Теке предавался своей любви къ бѣлымъ лошадямъ. Кромѣ одной темно-рыжей, всѣ его лошади были бѣлыя и рѣдко проходила недѣля, чтобы не приводили ему новаго бѣлаго коня изъ Персіи, изъ Туркменіи, изъ Россіи. Киргизъ, о которомъ я упомянулъ выше, была совершенно бѣлая, не молодая лошадь, типической наружности, съ густыми и длинными гривою и хвостомъ, съ горбатымъ носомъ, съ спокойными, умными глазами, средняго роста, но крѣпко сложенная.

Мы съ генераломъ, съ адъютантомъ, ординарцами и тѣлохранителями двинулись отъ губернаторскаго дома по набережной, при чемъ пришлось переѣхать рельсы, идущіе отъ гавани къ провіантскимъ магазинамъ. «Киргизъ» генерала остановился, вытянувъ шею, и осматривалъ осторожно это, ему въ степной жизни не представлявшееся, препятствіе, но не рѣшился его перейти. Михаилъ Дмитріевичъ далъ коню осмотрѣться, потомъ пытался шпорами и нагайкой его заставить перейти рельсы. Но «Киргизъ», сохраняя свое спокойствіе, упорно отказывался исполнить волю своего сѣдока. Наконецъ, Скобелевъ покраснѣлъ отъ досады, подобралъ повода, и лошадь однимъ прыжкомъ взяла препятствіе, какъ барьеръ въ манежѣ. Какъ послѣ этого лошадь ни шла ровно и хорошо, она проиграла свою репутацію у генерала; возвратившись домой, онъ ее подарилъ поручику А., а генералъ болѣе на ней не ѣздилъ [1]). На прогулкѣ М. Д. провелъ насъ

---

[1]) При этомъ никакъ нельзя не разсказать о Скобелевскихъ лошадяхъ. Въ концѣ экспедиціи у генерала былъ, дѣйствительно, настоящій маршталль бѣлыхъ лошадей, изъ которыхъ каждая занимала по одной кибиткѣ. Самая красивая, по моему, лошадь была совершенно бѣлый кровный персидскій жеребецъ, подаренный ему персидскимъ посломъ Даудъ-Дауле-Ханомъ. Это нѣжное животное, подъ золотомъ обшитой уздечкой и уборкѣ, представляло великолѣпную картину. Другая, сѣрая, туркменской

Digitized by Google

по голымъ горамъ и скаламъ, гдѣ едва было достаточно мѣста и гдѣ тропинки оказались годными только для дикихъ козъ. Мѣсто было не безопасное и насъ застала ночь. Лошади были покрыты потомъ и пѣной, и было уже совершенно темно, когда мы пустились въ обратный путь.

Подъѣхавъ ко мнѣ такъ близко, что онъ могъ наблюдать выраженіе моего лица при разговорѣ, М. Д. спросилъ:

— Ну, докторъ, вы хотѣли непремѣнно ѣхать верхомъ, какъ вамъ понравилась эта прогулка?

— Я все время безпокоился и опасался за васъ. Если бы вы сломали ногу въ этихъ скалахъ, то я считалъ бы себя виновникомъ и нашъ походъ разстроился бы; если же вы выбрали такое мѣсто для прогулки, съ цѣлью наказать меня за мое упрямство, съ которымъ я васъ уговаривалъ ѣхать верхомъ, то наказаніе было слишкомъ суровое.

— Благодарю васъ за дружеское участіе, но не безпокойтесь на счетъ меня; я умѣю ѣздить верхомъ,—такъ легко со мной ничего не случится.

Еще была у него привычка, которая не мало безпокоила его окружающихъ. Нерѣдко онъ выѣзжалъ съ ночлега нѣсколькими часами позже войскъ и догонялъ ихъ уже въ пути; иногда онъ на дорогѣ останавливался и пропускалъ мимо себя весь отрядъ для провѣрки порядка вообще, каждаго наѣздника и каждую вьючную лошадь въ отдѣльности. Потомъ съ маленькой свитой, иногда всего съ нѣсколькими казаками или осетинами, онъ какъ-то забывался, оставался назади и мы его въ теченіи нѣсколькихъ часовъ не видали.

породы, тоже подарокъ туземнаго хана, была выше и сильнѣе первой, но не такъ элегантна. Подъ конецъ похода прибылъ еще другой персидскій конь, сѣроябочный, съ бѣлой длинной шеей, какъ фламинго. На немъ генералъ ѣздилъ, когда онъ подполковнику Кузьмину-Караваеву, возвратившемуся только что изъ Тегерана, показывалъ крѣпость и объяснялъ штурмъ, происходившій во время его отсутствія. Пришлось намъ скакать черезъ рѣчку. Но персіянинъ неохотно взялъ это препятствіе и скоро былъ удаленъ изъ маршталля навсегда. Одна любимая сѣрая лошадь была взята въ плѣнъ текинцами.

Когда я, въ концѣ октября, кончилъ инспекцію обѣихъ военныхъ дорогъ и утромъ рано хотѣлъ выѣхать изъ Дузъ-Олума, то комендантъ послалъ просить, чтобъ я взялъ съ собой, подъ покровительство моего конвоя, сѣрую лошадь командующаго; безъ того онъ будетъ обязанъ отправить ее съ особеннымъ конвоемъ.

Я согласился и ждалъ, потомъ тихонько, шагомъ, черезъ мостъ отправился по дорогѣ. Наконецъ, явились два верховые и между ними великолѣпная русская лошадь, темно-сѣрой масти, выписанная поручикомъ Б. изъ своихъ собственныхъ заводовъ для Михаила Дмитріевича. Лошадь отъ ушей

Digitized by Google

Другимъ, напротивъ, строго запрещено было отлучаться отъ отряда, въ какую бы сторону ни было, потому что текинцы всегда и вездѣ насъ окружали невидимымъ образомъ. Такъ, мы часто видѣли, какъ на горизонтѣ исчезало нѣсколько всадниковъ или мы находили свѣжіе слѣды; самихъ же текинцевъ мы не встрѣчали; между прочимъ, разъ взяли въ плѣнъ бѣлую любимую лошадь генерала, около Бендесенскаго перевала (18-го августа, какъ о томъ Скобелевъ самъ рапортовалъ отъ 20-го февраля 1881 года, за № 2637), а 21-го декабря, при большой кавалерійской рекогносцировкѣ генерала Петрусевича вокругъ Геокъ-Тепе, двое нижнихъ чиновъ, лошади которыхъ были слабыя, отстали немного, были взяты въ плѣнъ и 23-го числа мы получили обратно ихъ трупы, съ признаками жестокихъ истязаній. Можно легко себѣ представить, въ какомъ безпокойствѣ всѣ находились, когда генералъ пропадалъ на нѣсколько часовъ или даже на цѣлую ночь.

Когда послѣ долгаго подготовительнаго періода, наконецъ, 21 ноября, началось движеніе впередъ, то Скобелевъ оставилъ главныя силы, которыя подъ командою генерала Петрусевича двинулись по Атрекской военной дорогѣ въ Бами, а самъ онъ съ кавалерійскимъ отрядомъ отправился по р. Чандыръ черезъ горы Дамана и Куха и Копедъ-Дагъ прямо на Келатъ. 21 ноября послѣ продолжительныхъ дождей былъ первый холодный и солнечный день. Нашъ кавалерійскій отрядъ съ ранняго утра былъ готовъ къ походу, сформировалъ каре, внутри котораго служили молебенъ. Скобелевъ сказалъ нѣсколько словъ офицерамъ, поздоровался съ солдатами и прямо оттуда мы двинулись. Спустившись къ Чандыру, мы поднялись на противуположный крутой берегъ рѣки и двинулись дальше по незнакомой намъ

до пятокъ была одѣта англійскимъ клѣтчатымъ суконнымъ попономъ, съ красными паспуалами; на колѣняхъ несла кожанные изящные надколѣнники (подвязки). Кромѣ двухъ проводниковъ, былъ у лошади и аттестатъ, по которому вахтера въ ночлегахъ отпускали ей ячмень и сѣно. При выѣздѣ, приходилось мнѣ неоднократно ждать своего четырехножнаго спутника до тѣхъ поръ, пока онъ былъ накормленъ, напоенъ, очищенъ и одѣтъ. Когда я передалъ коня Скобелеву въ Чикишлярѣ, я сказалъ: „Привелъ вамъ лошадь, за которою вездѣ такъ ухаживали, что она мнѣ, волей-неволей, напоминала лошадь римскаго императора Калигулы, назначенную консуломъ". Такія шутки нравились Скобелеву, и какъ очень образованный человѣкъ, онъ не обижался, а принималъ ихъ добродушно. Мы между собой продолжали называть этого коня „римскимъ консуломъ". Но прекрасному консулу не было назначено долго жить. Во время осады онъ былъ убитъ непріятельскими пулями, подъ генераломъ или же около него. Какъ вообще текинскія пули, назначенныя собственно для Михаила Дмитріевича, убивали или ранили его врачей, ординарцевъ и лошадей, а его же не трогали, то какъ солдаты, такъ и азіаты вѣрили, что онъ неуязвимъ (хранимъ). О. Г.

Digitized by Google

до сихъ поръ и разнообразной мѣстности въ юго-восточномъ направленіи. Михаилъ Дмитріевичъ, пропустивъ всю колонну, не послѣдовалъ за нами и въ теченіи нѣсколькихъ часовъ не показывался. Мы уже стали безпокоиться и спрашивали другъ друга, что̀ могло случиться съ нашимъ генераломъ, когда М. Д., почти въ сумерки, съ горстью людей, прискакалъ и занялъ свое мѣсто въ колоннѣ, какъ будто бы онъ все время былъ при ней.

Не совсѣмъ такъ просто и счастливо окончилась нѣсколько дней позднѣе подобная же выходка. Шелъ уже седьмой день, какъ отрядъ отдѣлился отъ главныхъ силъ, о которыхъ ничего не было слышно, такъ же какъ и о гарнизонахъ въ Хаджамъ, Кале и Бами; летучій отрядъ былъ какъ отрѣзанъ отъ остальнаго міра. Положеніе не совсѣмъ успокоительное, тѣмъ болѣе, что провіантъ и фуражъ изсякали. Начался, наконецъ, спускъ съ высоты (28 ноября); въ долинѣ уже различались текинскіе аулы и крѣпости; авангардъ уже приближался къ степи, а аріергардъ, находившійся еще въ горахъ, вдругъ былъ окутанъ туманомъ, который быстро распространился и на долину. Въ это время какъ разъ оказалось, что командующаго войсками нѣтъ на лицо. Аріергардъ справлялся у авангарда, авангардъ у средняго отряда, но его не было ни тутъ, ни тамъ. Другіе офицеры были всѣ на мѣстѣ, слѣдовательно кромѣ нѣсколькихъ осетинъ никто съ нимъ не могъ быть. Наступала ночь и ждать нельзя было, также, какъ неизвѣстно было въ какую сторону послать на розыски. Въ часъ ночи отрядъ достигъ крѣпости Келатъ, которую подъ командою полковника Навроцкаго взяли штурмомъ. Между тѣмъ начальникъ отряда, генералъ Скобелевъ, сначала нѣсколько отставшій отъ отряда, настигнутый туманомъ, оставался съ двумя или тремя осетинами въ горахъ между скалами, изъ которыхъ никакъ не могъ выбраться. Скобелевъ намъ впослѣдствіи самъ разсказывалъ, что, услыхавъ гулъ стрѣльбы и догадавшись по силѣ и продолжительности ея о серіозности дѣла, былъ внѣ себя съ отчаянія, что не могъ исполнять своей обязанности и поспѣшить на помощь своимъ подчиненнымъ,—обязанность, которую онъ такъ часто называлъ святою, обязанность, которую онъ особенно требовалъ отъ начальниковъ, доказательствомъ чему служитъ его приказъ отъ 15 мая 1880 г. за № 32 изъ Чикишляра.

...«Считаю священнымъ долгомъ напомнить доблестнымъ войскамъ, нынѣ мнѣ ввѣреннымъ, что основаніемъ боевой годности войска служитъ строгая служебная исполнительность, дисциплина.—Дисциплина въ полномъ значеніи этого слова быть тамъ не можетъ, гдѣ начальники позволяютъ себѣ относиться къ полученнымъ ими приказаніямъ небрежно. Это должно отзываться на отношеніи

Digitized by Google

нижнихъ чиновъ къ долгу службы».... И въ приказѣ изъ г. Сливно отъ 5 мая 1879 г. за № 68 онъ писалъ: «Никогда не слѣдуетъ забывать, что для успѣха начальникъ долженъ водить свою часть въ бой». А въ приказѣ изъ Дузъ-Олума отъ 16 ноября 1880 г. № 479 сказано: «О порядкѣ движенія.....въ общихъ же чертахъ я требую слѣдующее: На походѣ самовольно отсталыхъ я вообще не допускаю—со всѣхъ самовольно отсталыхъ строго взыскивать», и раньше въ Адріанополѣ генералъ пишетъ отъ 10-го января 1878 года за № 12: «Предупреждаю всѣхъ чиновъ ввѣреннаго мнѣ отряда, что за всякую самовольную отлучку виновники будутъ преданы полевому суду»—а въ траншеяхъ подъ Плевной отъ 5 октября 1877 года № 335: «дабы свято до конца исполнить, чего требуетъ отъ него долгъ, присяга и честь имени русскаго».

Каждому честному военному понятно, какъ Михаилъ Дмитріевичъ долженъ былъ страдать, когда, по стеченію обстоятельствъ и не безъ его собственной вины, онъ слышалъ бой, зналъ опасность своихъ, но не могъ къ нимъ добраться [1]). Конечно, въ отрядѣ была большая радость, когда, утромъ 29 ноября, Скобелевъ возвратился къ нему съ помощью охотниковъ, которые, проискавъ его всю ночь, наконецъ, его отыскали. Въ отрядѣ уже думали, что генералъ въ скалахъ ушибся или попалъ въ руки непріятеля.

Во время 3-хъ недѣльной осады крѣпости Геокъ-Тепе Михаилъ Дмитріевичъ жилъ въ траншеяхъ. Однажды утромъ, я вижу, какъ онъ съ полковникомъ Вержбицкимъ вышелъ изъ траншей на открытое пространство между лагеремъ и крѣпостью. Имѣя всегда съ собой хирургическій приборъ и первую перевязку, я пошелъ прямо къ нему, чтобы въ случаѣ раненія быть готовымъ подать необходимую помощь. Онъ встрѣтилъ меня съ восклицаніемъ: «Что такое, докторъ, зачѣмъ вы пришли сюда; развѣ вы не видите, что здѣсь совсѣмъ открытое для непріятельскихъ пуль мѣсто?»—«Поэтому я и пришелъ, гдѣ вы, тамъ и я долженъ быть».—«Нѣтъ, нѣтъ, не ваша обязанность такъ экспонировать себя; довольно уже раненыхъ и убитыхъ врачей. Если васъ здѣсь убьютъ текинцы, то на меня опять будутъ нападать».—«А если вы будете раненымъ, то мое мѣсто здѣсь возлѣ васъ».—«Не буду раненъ. Та пуля еще не вылита, которая меня убьетъ. Впрочемъ, обѣщаю вамъ, послать за вами, если что нибудь со мной

---

[1]) Неоднократно подтверждаетъ это г. Шаховской въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ объ ахалъ-тэкинской экспедиціи 1880—1881 гг., въ „Русской Старинѣ“ 1885 года, апрѣль и май. О. Г.

Digitized by Google

случится, а если вы теперь не уйдете отсюда, ей Богу, я велю арестовать васъ и проводить домой».—Мнѣ ничего не оставалось, какъ возвратиться въ лагерь. Во время прохода по открытому пространству, текинскія пули ударяли въ землю направо и налѣво отъ меня: я почувствовалъ, что подобное отступленіе гораздо труднѣе, нежели идти на встрѣчу пулямъ. Если бы я не зналъ, что за мною слѣдитъ наблюдательный взглядъ нашего молодаго героя, можетъ быть я побѣжалъ бы до траншей и старался бы такимъ образомъ сократить свое неловкое положеніе. Но здѣсь мнѣ ничего не оставалось какъ «contre mauvaise fortune tenir bonne contenance» и спокойными, но большими шагами добраться до укрѣпленія. Скобелеву, по его приказанію, подали стулъ, онъ сѣлъ лицемъ къ стѣнамъ Геокъ-Тепе и продолжалъ бесѣду съ начальникомъ артиллеріи.

Когда же нѣсколько дней предъ штурмомъ я просилъ Михаила Дмитріевича разрѣшить мнѣ рядомъ съ нимъ принять участіе въ этой долго ожидаемой и страстно желаемой катастрофѣ и верхомъ слѣдить за штурмомъ, онъ мнѣ отвѣтилъ: «Вы, какъ и я, мы будемъ въ главномъ резервѣ. Ни дѣло командующаго, ни отряднаго врача принимать участіе въ наступательномъ движеніи... Вы вѣдь видите, какъ я самъ держуся позади?» Онъ назвалъ свой образъ дѣйствія «держаться позади».... Фактъ этотъ требуетъ всетаки объясненія, отчего онъ сдѣлался такимъ нервознымъ по отношенію къ тѣмъ опасностямъ, которыя угрожали врачамъ. Это происходило вслѣдствіе того, что въ теченіи экспедиціи уже два врача были убиты и третій раненъ.

Въ смерти одного изъ нихъ, доктора Студицкаго, общее мнѣніе обвиняло, и можетъ быть не совсѣмъ напрасно, самого Скобелева. Вотъ что Михаилъ Дмитріевичъ самъ мнѣ разсказалъ.

При рекогносцировкѣ въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ 1880 г., противъ Геокъ-Тепе, Скобелева провожалъ его другъ докторъ Студицкій, въ качествѣ врача Краснаго Креста. Опытъ раньше и впослѣдствіи показалъ, что ученыя и гражданскія лица, разъ попавши на войну и находясь въ сѣдлѣ, увлекаются и нерѣдко утрируютъ своимъ рыцарствомъ; это самое случилось и со Студицкимъ [1]).

Около Хаджамъ-Кале, гдѣ почва уже поднимается и гдѣ путь по причинѣ попадающихся скалъ и кустарниковъ уже не безопасенъ, палъ отъ пули солдатъ въ тылу колонны.

---

[1]) Но что весь этотъ эпизодъ былъ вполнѣ въ духѣ Михаила Дмитріевича, то показываетъ разсказъ Макъ-Гахана о подобной поѣздкѣ самого Скобелева, во время Хивинскаго похода. Только тогда онъ самъ смѣло и удачно исполнилъ свою задачу съ нѣсколькими казаками изслѣдовать путь песковъ, по которому Маркозовъ съ отрядомъ не могъ добраться до мѣста назначенія. О. Г.

Digitized by Google

Отрядъ продолжалъ путь, но въ разговорѣ въ свитѣ Скобелева поднятъ былъ вопросъ, была ли пуля текинская, непріятельская или же измѣнника туркмена проводника? Если пуля имѣлась бы въ рукахъ, то вопросъ этотъ можно было бы быстро разрѣшить. Студицкій предложилъ возвратиться и вырѣзать пулю у покойника. Михаилъ Дмитріевичъ снабдилъ его конвоемъ въ 15 или 20 казаковъ и вслѣдъ за нимъ велѣлъ выступить части пѣхоты. Едва только Студицкій съ конвоемъ удалился изъ вида колонны, какъ на встрѣчу ему вдругъ показались текинскіе всадники, которые, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, ускакали. Студицкій ихъ преслѣдовалъ и такъ какъ его лошадь была лучше другихъ, то онъ вскорѣ оставилъ конвой далеко за собой и пространство между самими казаками все болѣе и болѣе увеличивалось; пѣхоты же сзади нихъ уже вовсе не было видно. Тогда вдругъ со всѣхъ сторонъ показались непріятельскіе всадники и окружили Студицкаго съ нѣсколькими казаками и оттѣснили ихъ къ бугру. Началась горячая перестрѣлка; наши скрывались за камнями и защищались какъ львы. Но при самомъ малѣйшемъ движеніи, когда показывалась рука или голова изъ-за камня, мѣткія текинскія пули ихъ поражали. Численный перевѣсъ непріятеля подавлялъ нашихъ, а помощь была далека. Такъ кончилъ жизнь бѣдный Студицкій и долго еще на камняхъ была видна кровь, гдѣ докторъ и храбрый его конвой погибли.

Вслѣдъ за этимъ между текинской конницей и нашей колонной завязалась горячая стычка около Бендесенъ, съ большими потерями съ обѣихъ сторонъ. Свидѣтельство тому приказъ Скобелева изъ Бами отъ 9 іюля 1880 года за № 128:

«Сего числа я имѣлъ счастіе получить отъ его императорскаго высочества главнокомандующаго кавказскою арміею телеграмму слѣдующаго содержанія: «Жалую отъ себя знаки военнаго ордена первой степени всѣмъ оставшимся въ живыхъ, геройски защищавшимся 21-го іюня. Семействамъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ назначаю единовременно по 100 рублей пособія». — Скобелевъ и многіе военные обвиняли Студицкаго въ томъ, что онъ самъ виноватъ въ своей смерти, потому что слишкомъ увлекся. Очень трудно въ этомъ отношеніи положеніе врачей. Если они храбры, то ихъ въ томъ обвиняютъ, что они напрасно увлекаются, что храбрость не ихъ дѣло. Если же они осторожны, то смѣются надъ ними, какъ надъ трусами. Въ дѣйствительности, на войнѣ мы находимся нерѣдко въ необходимости или защищаться, или даже предпринимать что нибудь и поступать къ офензивѣ, не получивъ никакихъ инструкцій и не будучи вовсе подготовленными къ подобнымъ дѣйствіямъ. Хорошо, у кого есть умѣнье

Digitized by Google

владѣть оружіемъ и у кого способность стрѣлять и ѣздить верхомъ. А все-таки понятія о тактикѣ, объ условіяхъ обороны и наступленія мы, врачи, не имѣемъ и поэтому можемъ дѣйствительно ошибаться и увлекаться тамъ, гдѣ не слѣдуетъ.

Что я не подвергся такому же случаю, какъ Студицкій, отъ этого спасли меня ни моя собственная, ни Скобелева предусмотрительность, а одна только судьба.

На второй день послѣ отъѣзда изъ Дузъ-Олума съ кавалерійскимъ летучимъ отрядомъ въ Арты-Кале, Михаилъ Дмитріевичъ получилъ телеграмму изъ Тифлиса, которая вызвала медицинскаго инспектора изъ отряда. Вслѣдствіе этого мое присутствіе при главныхъ силахъ оказалось необходимымъ. Онѣ, между тѣмъ, также выступили изъ Дузъ-Олума и были на дорогѣ къ Бами.

Чтобы не потерять время и соединиться съ главными силами какъ можно скорѣе, Скобелевъ выбралъ для меня по картѣ прямую дорогу черезъ Копетъ-Дагъ въ Бендесенъ. Онъ снабдилъ меня проводникомъ туркменомъ и конвоемъ, но прибавилъ намъ верблюдовъ, вьючныхъ лошадей и разныя тяжелыя вещи, которыя оказались весьма неудобными для летучаго отряда. Разсчетъ оказался не правильнымъ въ томъ отношеніи, что прямая дорога, ведущая черезъ два хребта высокихъ горъ, вовсе не была такъ коротка, какъ онъ думалъ, и что, имѣя съ собой тяжелый транспортъ, мы вообще не могли быстро слѣдовать, такъ что я остался въ бездѣйствіи и удаленнымъ отъ главнаго отряда на 6 дней отъ 21-го до 26-го ноября 1880 г. Такое бездѣйствіе во время весьма важнаго періода экспедиціи отразилось тяжелымъ образомъ и надолго на врачебной части въ отрядѣ.

Простившись съ Скобелевскимъ отрядомъ, мы шли по дикимъ горамъ, по узкимъ тропинкамъ, между оврагами; верблюды не охотно шагали по такой дорогѣ; первая ночь насъ застала въ горахъ и вынудила насъ ночевать на мѣстѣ. Офицеръ, командовавшій колонною, страдалъ куриной слѣпотой и при началѣ сумерекъ уже не видалъ ни шагу передъ собой, такъ что онъ просилъ меня распоряжаться за него. Я выбралъ ночлегъ около ручейка, образовалъ каре, разставилъ караулъ и назначилъ патрули; самъ же поперемѣнно съ офицеромъ не спалъ. Костры по причинѣ холода и для варенія чая мы развели, не смотря на то, что они могли служить сигналами для непріятеля. Нѣсколько текинцевъ, знающихъ мѣстность лучше насъ, могли бы напасть и уничтожить весь нашъ маленькій конвой. Съ наступленіемъ дня мой спутникъ опять хорошо видѣлъ и освободилъ меня отъ отвѣтственности распоряжаться. На второй день мы рано достигли брошеннаго жителями города Кара-Кала на Сумбарѣ, и тамъ остановились на ночь.

Digitized by Google

Всѣ осторожности были приняты еще днемъ, для того, чтобы непріятель не могъ нечаянно на насъ напасть. И съ разсвѣтомъ мы опять тронулись и круто стали подниматься на Копетъ-Дагъ. Часто приходилось снимать вьюки съ лошадей, и на рукахъ переносить ихъ черезъ скалы и ручейки. Верблюдовъ мы отправили изъ Кара-Кала въ Дузъ-Олумъ. Природа была южная и величественная, солнце теплое, видъ обширный. Въ кустарникахъ множество пѣвчихъ птицъ; свѣжіе слѣды кабановъ, дикобразовъ и даже тигровъ указывали на богатство страны. Листья и трава были зеленые, мѣстами цвѣли цвѣты; вообще флора оказалась разнообразной и интересной. Въ другое время все это меня бы восхищало; но тогда мучили меня нетерпѣніе и мысль, что отрядному врачу слѣдовало находиться при войскахъ, а не лазить, какъ туристъ, въ подснѣжныя области Копетъ-Дага. Туркменъ-проводникъ былъ похожъ на глухо-нѣмаго и если говорилъ, то его слова, какъ оракулъ, темны и двусмысленны. Двое или трое текинцевъ, спрятавшіеся за скалами, могли бы насъ перестрѣлять по одиночкѣ, какъ куропатокъ, а проводникъ нашъ, можетъ быть, не повернулъ бы и головы.

Наконецъ, мы перешли хребетъ и очутились вдругъ въ холодномъ зимнемъ краѣ; спускались внизъ зигзагами, какъ длинная змѣя, немногимъ быстрѣе, нежели поднимались, но все-таки медленно.

Мы спрашивали его:

«Гдѣ Бендесенъ?»

— «Тамъ!» отвѣтилъ туркменъ и показалъ въ долину.

«Далеко-ли? Когда мы будемъ въ Бендесенѣ?»

— «Если поѣдемъ немного быстрѣе, нежели теперь, то будемъ тамъ до захода солнца».

А колоннѣ никакъ нельзя было двинуться скорѣе. Наконецъ, маіоръ С. и я рѣшили, что онъ останется при отрядѣ, и что я со своимъ казакомъ поѣду впередъ и вышлю изъ Бендесена пѣхоту на встрѣчу колоннѣ. Я долженъ согласиться, что главная причина такого рѣшенія было мое нетерпѣніе, наконецъ, попасть на свое мѣсто, узнать, что̀ за это время случилось и вступить въ какую нибудь дѣятельность. Я, мой казакъ и даже наши лошади были рады, наконецъ, опять пуститься рысью. Вначалѣ мы двинулись быстро впередъ. Но вскорѣ ночь насъ застала въ дорогѣ; ни отряда сзади насъ, ни Бендесенской крѣпости передъ нами не видать; дороги нѣтъ, слѣдовъ даже не замѣтно. Казакъ слѣзъ съ лошади, изслѣдовалъ дорогу, приложилъ ухо къ землѣ: не слышно-ли текинской конницы. Далѣе мы могли пробираться только шагомъ; иногда арыкъ или оврагъ останавливали насъ. Наконецъ, передъ нами мелькнулъ огонекъ, исчезъ и опять засіялъ, потомъ уже другой огонь показался дальше, больше,

Digitized by Google

нѣкоторые выше, другіе ниже. Это была крѣпость Бендесенъ. Вскорѣ послышался пріятный окликъ: «кто идетъ!» Поздно вечеромъ мы пріѣхали. Комендантомъ уже не былъ мой другъ Верещагинъ, а дагестанецъ, также знакомый, добрый малый, опытный офицеръ, который уже болѣе года жилъ въ Ахалъ-Теке. Онъ испугался, видя, что мы вдвоемъ съ казакомъ ночью пріѣхали, и сдѣлалъ мнѣ упреки за неосторожность. (Когда Скобелевъ услыхалъ объ этомъ, то онъ прибавилъ, съ своей стороны, еще выговоръ). Послалъ пѣхоту на встрѣчу нашему отряду, угостилъ насъ, голодныхъ и усталыхъ, чѣмъ самъ былъ богатъ. На слѣдующій день мы прибыли въ Бами, гдѣ генералъ Петрусевичъ стоялъ съ главнымъ отрядомъ.

Въ началѣ этого похода былъ еще эпизодъ съ врачемъ. По приказанію Михаила Дмитріевича назначить ему врача въ дорогу, только не изъ поляковъ, я выбралъ молодаго серьезнаго врача ***. Правду сказать, кромѣ двухъ или трехъ изъ своихъ товарищей и сослуживцевъ, я никого лично не зналъ и за знаніе ихъ и спеціальную способность, еще менѣе за характеръ и принципы, ручаться не могъ. Но выборъ мой палъ на врача *** потому, что онъ находился уже полтора года въ Закаспійскомъ краѣ, былъ, слѣдовательно, акклиматизированъ и, принимая участіе въ разныхъ походахъ охотниковъ, оказался неутомимымъ, храбрымъ и, кромѣ того, сколько я могъ видѣть относился къ своему дѣлу серіозно. Когда М. Д. его увидѣлъ, то увелъ меня въ сторону и сказалъ: «скажите, пожалуйста, кого назначили вы ко мнѣ; не нигилистъ-ли это?»

— Не думаю, отвѣтилъ я, —правда, сердце ни у кого не видишь. Но что онъ сказалъ или сдѣлалъ, что вы считаете его нигилистомъ?

— Не говорилъ и не дѣлалъ ничего; но смотрите сами, какъ онъ выглядитъ; эти длинные волосы, эта небритая борода, этотъ оборванный сюртукъ? Развѣ это военная аккуратность? А эти манеры, этотъ видъ, эта осанка? Просто, похожъ на нигилиста...

— Помилуйте, отвѣчалъ я съ улыбкой,—кто полтора года жилъ въ этомъ краѣ и все время находился въ сѣдлѣ, у того давно не было и возможности стричься, бриться, починять одежу или тащить съ собой на конѣ запасный сюртукъ, или eau de Botot [1]) и другіе реквизиты туалета. Если другаго ничего не имѣете противъ него, то я предложилъ бы, чтобы вы его пока приняли за хорошаго человѣка и медика.

Молодой эскулапъ остался у М. Д., отъ 21-го ноября до 12-го

[1]) Eau de Botot—любимое полосканіе генерала, которое онъ нѣсколько разъ въ день употреблялъ во все время похода. О. Г.

Digitized by Google

декабря, когда онъ, при рекогносцировкѣ, проѣзжая рядомъ съ Скобелевымъ, былъ раненъ и выбылъ изъ дѣятельности. Онъ пользовался въ высшей степени расположеніемъ и довѣріемъ генерала, который потомъ хлопоталъ за него о пенсіи ему.

7-го января 1881 года я собралъ товарищей въ запасномъ лазаретномъ шатрѣ для совѣщанія. Мы прочли полученную отъ начальника штаба диспозицію для штурма и расположенія восьми перевязочныхъ пунктовъ санитарнаго персонала на нихъ. Только что начали чтеніе, когда пуля упала между нами, потомъ вторая и третья. Очевидно, текинцы замѣтили, что нѣсколько человѣкъ собралось въ этотъ шатеръ и начали обстрѣливать его. Третья пуля ударила врача Миловидова, котораго только толстое зимнее пальто защитило отъ раненія. Мы оставили столъ и сѣли въ крайнемъ углу на полъ. Секретарь, Малиновскій (теперь морской врачъ), писалъ протоколъ и остался для этой цѣли около стола. Пули продолжали падать; мы насчитали уже десять, когда Малиновскій былъ раненъ въ бокъ. Мы унесли его въ лазаретъ, изслѣдовали и перевязали его; засѣданіе уже не продолжалось. Когда я объ этомъ доложилъ Скобелеву, онъ разсердился и закричалъ:

— Васъ всѣхъ слѣдовало арестовать за эту неосторожность.

Я не сейчасъ понялъ въ чемъ состояла наша неосторожность. А потомъ я наблюдалъ, что командующій самъ всегда приглашалъ совѣщаться поздно вечеромъ, когда фактъ собиранія и мѣсто было скрыто темнотою отъ взглядовъ текинцевъ. Впрочемъ, во время трехнедѣльной осады, мы постоянно жили подъ пулями текинцевъ; каждый день отъ 5 до 7 человѣкъ въ центрѣ нашего лагеря были ранены или убиты. Когда я съ тяжелой флегмонозной жабой лежалъ нѣсколько дней въ своемъ шатрѣ, я насчиталъ 15 пуль, которыя пали на мою кибитку; одна ударила въ кровать, прямо подъ голову, съ такимъ шумомъ, что люди мои бросились съ испугомъ въ палатку ко мнѣ узнать не раненъ ли я. Если мы переходили изъ одного шатра въ другой, они насъ обстрѣливали какъ зайцевъ. Мулъ мой, подарокъ М. Д., стоялъ около кибитки съ моими лошадьми; его текинская пуля пронзила насквозь и убила на мѣстѣ. Когда рѣчь объ этомъ шла, я сказалъ Скобелеву, что «надѣюсь, что мулъ умеръ за меня, какъ знаменитый баранъ за Изака, и что я могу быть теперь увѣреннымъ, что не буду тронутъ непріятельскими пулями». Эти трудныя обстоятельства не препятствовали врачамъ усердно исполнять свои обязанности; никто не думалъ о себѣ или о своемъ самосохраненіи. Только когда раненые и больные въ постеляхъ и внутри лазаретовъ были вторично ранены, между ними и Яблочкинъ, инженерный офицеръ, то я

Digitized by Google

объ этомъ формальнымъ образомъ доложилъ командующему и требовалъ какихъ-нибудь мѣръ для защиты раненыхъ и больныхъ. Тогда было приказано окопаться внутри палатокъ землею и устроить брустверъ около лазарета изъ кулей провіантскаго магазина. Это помогло до нѣкоторой степени, а между тѣмъ уже новая и гораздо худшая опасность угрожала нашимъ больнымъ при ночныхъ нападеніяхъ текинцевъ.

Какъ извѣстно, послѣ неудачи 23-го декабря 1880 г., когда убиты были генералъ Петрусевичъ, маіоръ Булыбинъ, есаулъ Ивановъ и 19 солдатъ, а ранены сотникъ Алейниковъ [1]) и 49 нижнихъ чиновъ, текинцы перешли въ наступленіе и напали на насъ ночью 28-го декабря (1880 г.).

23-го и 24-го декабря первая траншея была заложена, 25-го и 26-го устроена первая параллель, 27-го и 28-го вторая параллель. Вначалѣ текинцы не поняли этой работы, но говорили, какъ наши въ траншеяхъ слышали: «Русскіе роются направо и роются налѣво, какъ свинья рыломъ». А потомъ они наблюдали, какъ часть нашихъ войскъ исчезла внутри траншей; на самыя эти траншеи они направили свои вылазки. Ночи этихъ декабрьскихъ дней 1880 г. наступали очень рано и были темныя. Когда огонь у насъ въ лагерѣ угасалъ, шумъ утихалъ, то они знали, что гарнизонъ лежитъ въ первомъ снѣ.

Пользуясь такими условіями, вечеромъ, 28-го декабря, нѣсколько тысячъ текинцевъ выступили изъ крѣпости и неслышно подобрались благодаря своей мягкой обуви, къ нашему лагерю. Черезъ низкіе брустверы они бросились въ первую траншею и начали рубить нашихъ несчастныхъ апшеронцевъ, которые эту ночь были въ караулѣ. Многіе были убиты и изрублены. Пушка и штандартъ были взяты; резерву только удалось выгнать ихъ назадъ съ большими потерями. Съ нашей стороны были убиты 1 врачъ, 5 офицеровъ и 91 нижнихъ чиновъ, ранены 1 офицеръ, 1 фельдшеръ и 30 солдатъ. Раненыхъ и умирающихъ привезли къ намъ въ лазаретъ, гдѣ, съ помощью нѣсколькихъ товарищей и даже фармацевта [2]), я зашивалъ и перевязывалъ раны всю ночь. Какое освѣщеніе могло быть въ шатрахъ степнаго лазарета—понятно. Къ счастью, у меня всегда находился фонарь съ восковыми свѣчами, которыя оказались весьма кстати. Стульевъ, столиковъ и настоящихъ

---

[1]) Алейниковъ, раненый въ черепъ, съ раздробленіемъ височной кости выздоровѣлъ. Я его въ теченіи трехъ сезоновъ лечилъ въ Пятигорскѣ, а въ 1887 г. онъ поступилъ въ офицерскую кавалерійскую школу въ Петербургѣ.

[2]) Фармацевтъ этотъ былъ провизоръ Лыщинскій, который, видя нужду, охотно взялся за работу; онъ шесть лѣтъ позже еще помнилъ съ удовольствіемъ этотъ моментъ. О. Г.

Digitized by Google

кроватей не было, такъ что мы обязаны были работать стоя на колѣняхъ или сидя на корточкахъ. Большинство были тяжело раненые; у нѣсколькихъ было много ранъ; у одного 22 отъ головы до ногъ. Я ихъ зашивалъ серебряными нитками и кетгутомъ. У другаго обѣ руки, вмѣстѣ съ перчатками, были изрублены какъ котлеты; видно, что, проснувшись, онъ инстинктивно поднялъ обѣ руки къ защитѣ. У двухъ животъ былъ разрѣзанъ и внутренности выпали до ногъ. Обоимъ были вправлены внутренности и рана была соединена двойнымъ швомъ, шелкомъ и серебромъ. Этихъ четырехъ человѣкъ я потомъ встрѣтилъ здоровыми въ Бами [1]). Но между тѣмъ, какъ мы одному помогали, другіе съ зіяющими ранами груди или головы стонали около насъ и нѣсколько, съ раскроеиными черепами, умерли ранѣе, чѣмъ помощь достигла до нихъ. Говорятъ, что тогда около насъ былъ убитъ фельдшеръ непріятельской пулей; но мы не замѣтили, будучи поглощены нашей работой. Когда около 3-хъ часовъ, утромъ, командующій прислалъ за мною, бо́льшая часть дѣла была уже сдѣлана. Весь мокрый отъ пота, руки въ крови, не умываясь, не одѣвая пальто, я поспѣшилъ къ Скобелеву, по открытому пространству, при свѣжемъ утреннемъ вѣткѣ, и пріобрѣлъ эту тяжелую ангину, которая чуть не стоила мнѣ жизни и мѣшала мнѣ нѣсколько недѣль исполнять свои обязанности. Скобелева я нашелъ совсѣмъ блѣднаго и разстроеннаго. Онъ обвинялъ себя [2]), солдатъ,

---

[1]) Причина этого результата было то обстоятельство, что между раненіемъ и перевязкой прошло не болѣе нѣсколькихъ минутъ.

[2]) Нельзя думать, что Скобелевъ не предвидѣлъ возможности ночныхъ нападеній, напротивъ, въ инструкціи отъ 18-го декабря 1880 года сказано: „Напоминаю о необходимости принятія строгихъ мѣръ охраненія во время ночлеговъ у Геокъ-Тепе. Начальники передовыхъ постовъ должны выяснить себѣ значеніе путей, ведущихъ къ бивуаку и пунктамъ, гдѣ непріятель можетъ собираться въ массахъ для нападенія... Опытъ ночныхъ боевъ показалъ, до какой степени трудно руководиться боемъ ночью. Всякое отклоненіе отъ прямаго направленія можетъ повести къ стрѣльбѣ по своимъ и къ замѣшательству. Обращаю вниманіе на пользу установленія условныхъ знаковъ“.

Мнѣ непонятно, какъ послѣ такихъ инструкцій нападенія были возможны и могли удаваться и достигать своей цѣли до такой степени! Михаилъ Дмитріевичъ особенно сердился на то, что спали въ траншеяхъ, на что я ему говорилъ, что онъ несправедливъ, потому что заранѣе черезъ мѣру утомленные и изнуренные люди, когда вступаютъ въ это спокойное помѣщеніе, гдѣ пули перестаютъ ихъ тревожить, то сейчасъ успокаивается нервная напряженность и сонъ является непреодолимымъ. О. Г.

Digitized by Google

офицеровъ; спросилъ меня сколько раненыхъ, сколько убитыхъ, и назначилъ въ 7 часовъ эвакуацію всѣхъ раненыхъ въ Самурское (12 верстъ назадъ). Я не хотѣлъ дать своихъ только что перевязанныхъ и уложенныхъ тяжело раненыхъ. Михаилъ Дмитріевичъ возразилъ, что я самъ постановилъ въ принципѣ постоянную эвакуацію и что завтра лагерь будетъ двинутъ впередъ, ближе къ крѣпости, такъ что лазареты все-таки будутъ потревожены.

Я сказалъ, что у нѣсколькихъ раненыхъ жизнь и исходъ леченія зависятъ отъ того, что они, по крайней мѣрѣ, трое сутокъ не будутъ потревожены. А онъ стоялъ за эвакуацію и уступилъ только, чтобы я могъ удержать самыхъ трудныхъ для будущаго транспорта.

Возвратившись въ лазаретъ, я съ товарищами выбралъ болѣе легкихъ и старыхъ случаевъ (отъ 23-го и 24-го декабря) для эвакуаціи, оставляя самыхъ трудныхъ. Приготовленіе къ отправкѣ и кормленіе отправляемыхъ должно было начать немедля. Когда транспортъ, утромъ, 29-го декабря, былъ отправленъ, я сопровождалъ начальника штаба, тогда полковника Гродекова, на новое для лагеря выбранное мѣсто, съ цѣлью опредѣленія мѣстности подъ два лазарета. Когда это было исполнено, я замѣтилъ Гродекову, что при такомъ расположеніи больные будутъ совсѣмъ подъ пулями текинцевъ. «Да», отвѣтилъ онъ, «да, къ сожалѣнію, они будутъ совершенно подъ пулями, но что дѣлать!»—Такъ въ теченіи девяти дней совершилось третье перемѣщеніе лагеря и санитарныхъ учрежденій. Каждая лазаретная палатка была снята и поставлена опять, каждый больной и раненый былъ перенесенъ на рукахъ и помѣщенъ опять, каждый предметъ былъ упакованъ и вновь вынутъ. Наконецъ, лазареты были поставлены, больные разсортированы, уложены, накормлены и перевязаны. Отрядная аптека была опять кой-какъ устроена, наше собственное помѣщеніе опять въ порядкѣ; весь санитарный персоналъ, какъ и больные, устали и надѣялись провести, наконецъ, спокойную ночь. Тогда совершено было второе ночное нападеніе. Если первый разъ нападали на фронтъ нашего лагеря, то теперь атаковали лѣвый флангъ; если тогда шли тихонько, подкравшись, какъ кошки, то въ этотъ разъ свою вылазку дѣлали съ страшными криками. А когда всѣ наши силы и все вниманіе было сосредоточено на угрожаемый лѣвый флангъ, то вдругъ и около праваго фланга, гдѣ стояли лазареты, поднялся многоголосный крикъ и выстрѣлы. Насъ находилось тамъ всего числомъ семь человѣкъ и мы рѣшили защищать больныхъ и свою собственную жизнь; каждый взялъ что ему попалось подъ руку, секретарь изъ медиковъ Малиновскій — ружье, фармацевтъ Гольдбергъ

Digitized by Google

револьверъ, фельдшеръ Кравцовъ то же, я взялъ кавказскую шашку, далъ пистолетъ своему деньщику и такъ мы стояли передъ палаткой тѣсно другъ возлѣ друга.

«Не сдаваться живыми, не оставлять другъ друга. Защищаться до послѣдней силы!» были единственныя слова, слышанныя между нами. Пули летали кругомъ; иногда залпъ освѣщалъ ночь, такъ что бѣлые шатры и наши блѣдныя лица на мгновеніе были видны. Потомъ опять наступала непроницаемая тьма, черезъ которую глаза тщетно старались проникнуть, что происходило. Сколько мыслей и представленій могутъ пробѣжать въ мозгу въ подобную минуту—и высокаго, и простаго, близкаго и дальняго. Мгновенная мольба, спазмотическое сокращеніе сердца при воспоминаніи о близкихъ и семьѣ, опасеніе за судьбу больныхъ, если текинцы черезъ изрубленныя наши тѣла проникнутъ въ лазаретъ; ужасъ, что среди насъ имѣются женщины тѣнь сожалѣнія, что наши труды, образованіе, знанія могутъ унижаться этими дикарями. Рядомъ съ этимъ промелькнуло мелочное странное желаніе, что лучше получить пулю въ грудь, нежели въ черепъ. Послѣ этихъ первыхъ хаотическихъ мгновеній поднялись чувства и мысль далеко отнеслась отъ земли въ область покоя и безстрастія, въ которомъ все было свѣтло и недвижно и которая не была доступна ни сожалѣнію, ни страху, ни боли [1]). Все ближе и ближе слышались крики: Аллахъ, Аллахъ!—все чаще и чаще пули ударяли въ шатеръ за нами. Вдругъ послышалась ритмическая поступь многочисленныхъ дисциплированныхъ ногъ; баталіонный огонь потрясъ воздухъ и освѣтилъ окрестность. Русскіе крики донеслись до насъ, русскіе мундиры видны. Явилось сознаніе спасенія. Напряженіе нервовъ упало: жизнь больныхъ и наша собственная спасены. Это была рота ширванцевъ, которая прибѣжала и бросилась между нами и текинцами.

Мы бросили оружіе, схватили скорѣе фонари и перевязочныя средства и отправились отыскивать раненыхъ. Вскорѣ же мы наткнулись на распростертыя тѣла убитыхъ; мы нагибались и освѣщали ихъ фонаремъ. Текинцы лежали съ угрюмыми темными лицами, съ

---

[1]) Это состояніе человѣческаго мозга, когда реально окружающій насъ міръ какъ будто бы отдѣляется и утрачивается чувство пространства, когда всѣ обыкновенно насъ занимающіе интересы уничтожены и, вѣроятно, даже физическая боль не чувствуется, происходитъ концентрація мысли на одномъ пунктѣ и ближе подходитъ къ гипнотизму.

Digitized by Google

грозными жестами и саблями въ охладѣвшихъ уже рукахъ и рядомъ, какъ спавшія дѣти, наши юноши-солдатики. Надъ тѣми и другими молчаніе смерти. Немного дальше подняли мы раненаго. Скоро офицеръ окликнулъ насъ и проводилъ въ траншеи, предупреждая, что, идя съ нашими фонарями, мы можемъ прямо попасть въ руки непріятеля. Въ траншеяхъ уже производилась перевязка раненыхъ военными врачами и членами Краснаго Креста; я особенно помню встрѣчу въ траншеяхъ съ камергеромъ Балашевымъ.

Въ полночь все было кончено; тишина господствовала кругомъ. Но сонъ пропалъ на эту ночь и на многія будущія ночи. На слѣдующее утро Скобелевъ посѣтилъ меня и спросилъ, какъ и гдѣ мы пережили нападеніе? Я разсказалъ ему и мнѣ уже какъ будто бы смѣшно показалось, что мы, ничтожная горсть людей, хотѣли защищать госпиталь! Но Михаилъ Дмитріевичъ отнесся къ этому дѣлу серьезно и очень сочувствовалъ намъ. Онъ спросилъ, кто былъ со мною, и хвалилъ моихъ товарищей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлалъ нѣсколько саркастическихъ намековъ на другіе случаи, происходившіе во время нападеній въ лагерѣ. Но вообще эти ночныя атаки дѣйствовали очень сильно на него самого.

— «Никто не можетъ сомнѣваться въ моей храбрости», говорилъ онъ: «mais ces attaques nocturnes me font l'éffet, comme si j'avais bu de l'eau de Kissingen».

Если эти вылазки такъ дѣйствовали на героя, какъ М. Д., то понятно, что и другіе страдали отъ постояннаго ночнаго безпокойства. Особенно пришлось платиться санитарному персоналу. Траншеи считались самымъ спокойнымъ мѣстомъ и случалось, что мы шли туда нарочно, чтобъ отдохнуть нѣсколько часовъ. Но при ночномъ первомъ нападеніи врачъ Троицкій былъ тамъ убитъ, находясь при своей ротѣ. Сестра милосердія, Анна Стрякова, была контужена въ шатрѣ при исполненіи своихъ обязанностей. При штурмѣ я получилъ контузію головы, которая до сихъ поръ чувствуется. Послѣ 12-го января 1881 г. заболѣли тифомъ доктора Ковальскій, Жасминовъ, Ауновскій и еще три врача и нѣсколько фельдшеровъ.

Если въ небольшомъ походѣ 3 врача и 1 фельдшеръ убиты, 2 врача ранены, 2 врача и сестра контужены, 1 врачъ умеръ отъ удара, 7 врачей заболѣли тяжелымъ тифомъ, изъ которыхъ умеръ 1, и, расплачиваясь, такимъ образомъ, кровью и здоровьемъ, санитарный персоналъ переносилъ всѣ трудности походной жизни, то можно ему отдать честь за геройское исполненіе службы. Часто вспоминаю слова

Digitized by Google

Бисмарка [1]) изъ франко-нѣмецкой войны о томъ, что врачамъ слѣдуетъ дать желѣзный крестъ наравнѣ съ комбатантомъ, потому что ихъ пассивное мужество требуетъ самыхъ высокихъ нравственныхъ силъ. Броситься верхомъ съ холоднымъ оружіемъ на противника, идти въ сомкнутомъ строѣ противъ непріятельскихъ пуль, это хотя опасно, но увлекательно и эффектно. Это блестящая храбрость всегда приноситъ и славу, и награды, и болѣе или менѣе обезпеченіе на всю остальную жизнь.

Но не принимать участія въ атакѣ, а ждать позади въ одиночествѣ исхода битвы и своей судьбы, перевязывать сослуживцевъ, ожидая смерти: тутъ блестящаго или увлекательнаго ничего нѣтъ и это получаетъ нерѣдко свою единственную награду только въ своей собственной совѣсти.

Нѣкоторые врачи отличались и свою активною храбростью. Молодые медики Сорокинъ и Вельяминовъ, какъ джигиты, ѣздили съ казаками и драгунами при рекогносцировкѣ 21 декабря и при несчастномъ дѣлѣ 23-го декабря 1880 г. Врачъ Цвибакъ съ Самурскимъ баталіономъ и лазаретомъ находился весь походъ въ авангардѣ и поражалъ всѣхъ своею храбростью и дѣятельностью. Они всѣ трое при этомъ всегда были довольны и веселы. Одинъ только врачъ не могъ до конца переносить всѣ эти тягости. Послѣ того какъ онъ состоялъ при Скобелевскомъ летучемъ отрядѣ, при переходѣ черезъ Копетъ-Дагъ, при рекогносцировкѣ 4, 12 и 18-го декабря 1880 г. и въ осадѣ Геокъ-Тепе до начала января 1881 г., онъ, наконецъ, попросился въ тылъ, говоря, что онъ болѣе не можетъ переносить, жить день и ночь подъ пулями. Я зналъ преданность къ службѣ этого врача, который уже годъ находился въ Закаспійскомъ краѣ, зналъ его дѣятельность въ разныхъ дѣлахъ. Установивши несомнѣнный фактъ ненормальнаго возбужденія нервной системы, я отправилъ его съ транспортомъ раненыхъ въ Самурское, гдѣ онъ остался при госпиталѣ № 4. Его здоровье никогда послѣ этого не поправилось. Черезъ 2 года онъ лечился въ Пятигорскѣ и Кисловодскѣ, гдѣ я опять встрѣтился съ нимъ. Изъ здороваго, веселаго, молодаго человѣка онъ превратился въ сухого изнуреннаго гипохондрика; патологическая раздражительность нервовъ никогда не поправилась.

Остается еще описать увлекательную сторону храбрости нашего молодаго полководца.

18 декабря 1880 г. мы дѣлали изъ Самурскаго (Еганъ-Батырь-

---

[1]) Busch: Bismark und seine Leute.

Digitized by Google

Кала) рекогносцировку подъ самыя стѣны Геокъ-Тепе и Анги-Кала, съ цѣлью прочесть тамъ, на мѣстѣ, диспозицію на 20-е число. Генерала окружили всѣ начальники частей, адъютанты и ординарцы съ конвоемъ двухъ сотенъ казаковъ. А изъ Самурскаго, въ видѣ прикрытія, вышло нѣсколько ротъ пѣхоты. Разстояніе между Еганъ-Батырь-Кала и Анги-Кала было около 12 верстъ. На незначительномъ возвышеніи, съ котораго можно было оглядѣть окрестность, мы остановились, столпились кругомъ Скобелева, какъ наѣздники въ Гайдъ-Паркѣ, и полковникъ Гродековъ сталъ читать инструкцію, (Смотри приказы отъ 17 и 18 декабря 1880 года, стр. 123 [1]).

Большинство въ первый разъ видѣло передъ собою знаменитую крѣпость Геокъ-Тепе; она протягивалась влѣво отъ насъ, въ видѣ

---

[1]) Инструкція отъ 18-го декабря содержала, между прочимъ, слѣдующее: „Обстановка, среди которой приходится намъ дѣйствовать, такова: Бой за мѣстные предметы предстоитъ ожесточенный. Непріятель храбръ и искусенъ въ одиночномъ бою; стрѣляетъ мѣтко и снабженъ хорошимъ оружіемъ, но онъ дѣйствуетъ въ разсыпную, въ разбродъ или отдѣльными кучами, мало послушными волѣ предводителя, а потому не способенъ, не смотря на свою подавляющую многочисленность, къ единству дѣйствій и маневрированію массами. Обстоятельства, отдаленность и свойства театра военныхъ дѣйствій заставляютъ насъ, ограничиваясь здѣсь немногочисленными войсками, въ то-же время вести войну наступательную. Современный европейскій боевой порядокъ, при малочисленномъ составѣ нашихъ отрядовъ, здѣсь неумѣстенъ. Въ открытомъ полѣ храбрая непріятельская конница на быстрыхъ коняхъ, ловко владѣющая холоднымъ оружіемъ, будетъ постоянно дѣйствительно угрожать длиннымъ и растянутымъ линіямъ, пѣхотныя-же массы, хотя и нестройныя, но также состоящія изъ воодушевленныхъ, сильныхъ и ловко владѣющихъ оружіемъ людей, доведя дѣло до рукопашнаго боя, уравновѣшиваютъ въ свою пользу шансы борьбы.

„Какъ основной принципъ—въ Средней Азіи всесиленъ сомкнутый строй.

„При дѣйствіяхъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, противъ непріятеля, защищающагося на позиціи, покрытой садами, зданіями, стѣнками, укрѣпляемой имъ столь продолжительное время, имѣющей для него особое нравственное значеніе, какъ вслѣдствіе успѣха, одержаннаго въ прошломъ году, такъ и потому, что здѣсь собраны семьи и все имущество противниковъ — мы должны будемъ одолѣть упорное сопротивленіе за каждымъ закрытіемъ. Можетъ, наконецъ, встрѣтиться отчаянный смертельный бой на ножахъ и ятаганахъ.

„Будемъ бить противника тѣмъ, чего у него нѣтъ. Воспользуемся дисциплиною и нашимъ скорострѣльнымъ оружіемъ“ и т. д.

Надо все таки прибавить, что у текинцевъ была одна недвижимая старая пушка, ружья всѣхъ разныхъ калибровъ и системъ, хорошія, но и весьма плохія шашки, повѣшенныя на веревки, и на мѣсто пикъ старые ножи, привязанные къ палкамъ. О. Г.

Digitized by Google

неровнаго овала, окруженная высокими валами, какъ древняя Троя съ нѣсколькими отдѣльными выдающимися фортами. Направо передъ нами виднѣлся на незначительной высотѣ конгломератъ укрѣпленныхъ садовъ съ калами и башнями. Это укрѣпленное мѣсто называлось Анги-Кала и представлялось издалека важнѣе, нежели оказалось въ дѣйствительности. Всѣ стѣны этихъ укрѣпленій были покрыты людьми, а въ степи между ними держалась многочисленная текинская конница и за ними пѣхота.

Послѣ чтенія диспозиціи, Михаилъ Дмитріевичъ объяснилъ театръ дѣйствій и показалъ гдѣ 6 іюля онъ стоялъ съ летучимъ отрядомъ, гдѣ 28 августа 1879 года наши были разбиты; потомъ демонстрировалъ, откуда при предстоящемъ на 20-е число наступленіи колонна Куропаткина должна спускаться, откуда Козелковъ долженъ наступать и гдѣ долженъ находиться главный резервъ. Пока все это происходило, цѣпь нашихъ казаковъ окружала насъ, сдерживая густой кругъ текинцевъ, которые безпрерывно насъ обстрѣливали. У насъ были вообще въ этотъ день 5 тяжело, 4 легко раненыхъ, 2 контужены, 1 лошадь убита и 1 ранена. Каждый разъ, когда мы окружали раненаго съ цѣлью поднять, изслѣдовать и перевязать его, текинцы обсыпали эту группу пулями. При этомъ, былъ моментъ, когда они насъ такъ щедро обстрѣливали, что я посовѣтовалъ перевязывающему доктору Журавлеву взобраться съ раненымъ въ одноколку и дать тамъ ему помощь. Вообще оказалось весьма неудобно для верховаго врача давать помощь раненымъ. Ему надо каждый разъ слѣзать съ сѣдла и отдавать лошадь свою держать другому человѣку, который былъ бы полезнѣе при больномъ. Когда дѣло кончено, надо опять садиться на лошадь и догонять колонну, которая, между тѣмъ, продолжаетъ идти.

Скобелева ни градъ пуль, ни многочисленность непріятеля, ни близость крѣпости, ни дерзость текинской конницы, нисколько не тревожили, — ничего этого какъ-бы не существовало для него. Сидя спокойно и равиодушно на конѣ, онъ только занятъ былъ тѣмъ, чтобъ хорошо намъ растолковать планъ дѣйствій въ связи съ мѣстностью, лежащею передъ нами. Только изрѣдка онъ прерывалъ свое объясненіе короткими приказаніями. Это спокойствіе дѣйствовало и на другихъ, какъ психическая зараза; никто не думалъ объ опасности, никто не безпокоился, всѣ старались держаться подобно командующему, не смотря на то, что большинство были далеко не такіе опытные военные, какъ Михаилъ Дмитріевичъ, а нѣкоторые даже въ первый разъ нюхали порохъ. «Поѣзжайте впередъ», кликнулъ

Digitized by Google

М. Д. графу Орлову-Денисову, «запретите казакамъ заводить дѣло; прикажите медленно отступать; пора домой». Графъ въ сѣрой черкескѣ, сгибая тѣло на шею коня, полетѣлъ какъ стрѣла по открытой мѣстности, какъ со всѣхъ сторонъ непріятельскія пули направились на него. Возвратившись, спустя 10 минутъ, онъ доложилъ генералу, что онъ контуженъ. «Попросите Гейфельдера васъ изслѣдовать», — обратился М. Д. къ намъ обоимъ. Мы отъѣхали въ сторону. Оказалось, что пуля ударила въ лѣвую пятку, но что твердая и эластичная кожа сапога парализировала силу удара. Первая боль уже прошла, графъ торопился назадъ на свое мѣсто: «контузія незначительная»,—я доложилъ генералу.—«Не хочу знать»,—отвѣчалъ М. Д.

Демонстрація кончилась; поворотили лошадей назадъ и тихимъ шагомъ, весело разговаривая между собой, отправились къ Самурскому укрѣпленію. Текинская конница стала насѣдать на насъ назойливѣе и не переставала стрѣлять. Пули иногда падали передъ нами въ песокъ, иногда пугали лошадей и ранили кого-нибудь. Скобелевъ, Анненковъ, Гродековъ и я ѣхали впереди, какъ вдругъ пуля со свистомъ пролетѣла между нами, — «кого она ранила?» — спросилъ Скобелевъ въ то время, какъ каждый вопросительно смотрѣлъ на другаго. «Кажется, я раненъ», — сказалъ генералъ Анненковъ и показалъ правый рукавъ пальто, гдѣ виднѣлись два отверстія. «Не лучше-ли сейчасъ изслѣдовать?» — обратился М. Д. ко мнѣ. Мы остановились, я изслѣдовалъ руку, констатировалъ, что ранены мягкія части, кость цѣла и что значительнаго кровотеченія нѣтъ, и наложилъ повязку. Мы сѣли на лошадей и продолжали путь. Но черезъ нѣсколько минутъ генералъ поблѣднѣлъ, такъ какъ вообще при раненіи ударъ нервовъ (shok) обнаруживается только спустя нѣкоторое время. По требованію Скобелева мы выѣхали съ М. Н. Анненковымъ изъ ряда, рана была снова изслѣдована и опять перевязана. Мы оба тогда [1]) еще не были привыкшими къ атмосферическимъ феноменамъ степи и къ обманчивымъ представленіямъ пространства. Намъ показалось, что Самурское лежитъ передъ нами и что наша пѣхота маневрируетъ тутъ не дальше версты. «Поѣдемте лучше скорѣе домой, гдѣ вы можете раздѣться и гдѣ можно уже окончательно изслѣдовать раненіе», — предложилъ я генералу Анненкову. Такъ мы и сдѣлали; сѣли опять на лошадей и съ однимъ только про-

---

[1]) Генералъ-лейтенантъ Михаилъ Николаевичъ Анненковъ наканунѣ только-что пріѣхалъ въ лагерь изъ Михайловскаго, гдѣ онъ строилъ желѣзную дорогу. О. Г.

Digitized by Google

водникомъ, моимъ казакомъ, поскакали впередъ. Минутъ десять мы уже скакали, когда казакъ остановилъ насъ, говоря: «эта цѣпь передъ нами не наши казаки, а текинцы; они сейчасъ насъ возьмутъ въ плѣнъ». Теперь мы и сами замѣтили, что пространство все болѣе и болѣе съуживается, а кругъ наѣздниковъ, находящійся впереди насъ, дѣйствительно не казаки, а враги. Это, впрочемъ, удостовѣрили и выстрѣлы, которымъ мы уже и подпали. Нечего дѣлать, мы возвратились и соединились опять съ главными силами. Поѣздка продолжалась еще почти часъ. Мы въѣхали въ лагерь со Скобелевымъ какъ будто церемоніальнымъ маршемъ. Мы, врачи, немедленно приступили къ перевязкѣ раненыхъ и помѣщенію ихъ въ лазареты.

Наканунѣ, 20-го декабря 1880 г., уже поздно ночью, М. Д. пригласилъ меня къ себѣ. На кровати лежалъ мундиръ съ эполетами, орденами, перчатками и шашкой. Все было приготовлено для слѣдующаго дня, какъ на свадьбу, до послѣдней мелочи, какъ нельзя лучше и аккуратнѣе. Онъ самъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, глаза блестѣли, лицо сіяло. «Такъ я всегда приготовляюсь къ бою», — говорилъ генералъ, показывая на мундиръ и другія принадлежности. «А теперь поговоримъ о чемъ-нибудь пріятномъ, не о дѣлахъ, не объ окружающемъ, о чемъ нибудь постороннемъ и интересномъ; послѣ такого разговора можно хорошо заснуть. (Voyons, docteur, causons agreablement, mais pas de ce qui nous entoure. Parlons plutôt de sujets intéressants et lointains, qui nous transportent dans d'autres sphères et qui facilitent la transition dans un sommeil agréable et profond, dont je voudrais jouir avant la bataille).

Разговоръ шелъ о франко-нѣмецкой войнѣ и особенно объ императорѣ Вильгельмѣ, Роопѣ, Мольтке, и продолжался довольно долго.

20-го декабря 1880 г., утромъ, Скобелевъ, противъ привычки, рано всталъ и явился верхомъ къ войскамъ, которыя уже стояли въ полной готовности и боевомъ строѣ. Его бодрое, веселое расположеніе духа распространилось на всѣхъ. Мы всѣ съ нетерпѣніемъ ждали движенія впередъ, ждали рѣшительныхъ дѣйствій послѣ долгаго ожиданія. Весь отрядъ раздѣлялъ самоувѣренность командующаго, мы всѣ были въ праздничномъ настроеніи. День былъ прекрасный, солнечный, какъ иногда въ сентябрѣ въ Петербургѣ. Мы выступили безъ палатокъ и обоза. Правая и лѣвая колонны единовременно наступили съ сѣвера и съ юга противъ Анги-Кала, которая, послѣ незначительнаго сопротивленія, сдалась. Потери текинцевъ были значительныя, наши весьма умѣренныя—1 убитый и 15 раненыхъ. Когда мы на полѣ сраженія встрѣтились со Скобелевымъ и я

Digitized by Google

съ радостію доложилъ, что у насъ только 5 контуженныхъ и 10 раненыхъ, онъ опять отвѣчалъ: «Не хочу знать. Не говорите мнѣ никогда о раненыхъ. Это только деморализируетъ полководца, когда онъ слышитъ о раненыхъ и убитыхъ». Изъ такихъ словъ генерала, обнаруживалось внутреннее волненіе; но во время дѣла оно не было замѣтно. Напротивъ, онъ сидѣлъ спокойно на великолѣпномъ конѣ; его стройная, элегантная фигура виднѣлась издалека. Глаза слѣдили за движеніемъ войскъ, лицо было неподвижное; иногда только брови сдвигались и его звучный голосъ перебивалъ шумъ битвы и его приказы слышались далеко. Конечно, солдаты съ восторгомъ смотрѣли на такого командира и другіе находились, да и всѣ мы подпадали подъ вліяніе его военнаго энтузіазма и геройской натуры.

О. Ф. Гейфельдеръ.

Digitized by Google

Василій Андреевичъ Жуковскій.

(1821).

Баронесса Александра Васильевна Верманъ, дочь поэта В. А. Жуковскаго, хранитъ у себя, какъ святыню, нѣсколько альбомовъ, наполненныхъ собственноручными рисунками, исполненными ея отцомъ, В. А. Жуковскимъ. Эти альбомы хранятся въ Висбаденѣ, на виллѣ у г-жи Верманъ, въ особомъ шкапу, устроенномъ изъ сдвинутыхъ стѣнокъ кровати, на которой скончался нашъ дорогой поэтъ. Рисунки всѣ исполнены карандашемъ и состоятъ, преимущественно, изъ видовъ тѣхъ мѣстностей, которыя посѣщалъ Жуковскій въ своихъ путешествіяхъ по Германіи. Попадаются въ альбомахъ и стихи, весьма, впрочемъ, немногіе. Вотъ одно изъ стихотвореній, написанное, если только не ошибаемся, рукою К. Н. Батюшкова. Вотъ оно:

Жуковскій, время все проглотитъ,
Тебя, меня и славы дымъ:
Но то, что въ сердцѣ мы хранимъ,
Въ рѣкѣ забвенья не потопитъ!
Нѣтъ смерти сердцу, нѣтъ ее,
Доколь оно для блага дышетъ!
А чѣмъ исполнено твое
И самъ П—[1]) не опишетъ.

Дрезденъ, 1821,
la ville de Berlin.

Многознающій учитель-иностранецъ.

„Москов. Вѣдомости“ 1785 г.

Объявленіе. Недавноприбывшій въ Москву Антонъ Ле Меръ (Le Maire), изъ г. Люневиль во Франціи, желаетъ получить мѣсто въ публичной школѣ или въ частномъ домѣ, чтобы учить слѣдующему: французскому, нѣмецкому, итальянскому, польскому, англицкому, шведскому, испанскому, латинскому, греческому и турецкому языкамъ; кромѣ того, географіи, исторіи, миѳологіи, ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, алгебрѣ, высшей математикѣ, фортификаціи, артиллеріи, химіи, логикѣ, метафизикѣ, правовѣдѣнію, навигаціи и гидравлики. Сверхъ этого онъ знаетъ еще разныя искусства, напримѣръ: дѣлаетъ изъ сломаннаго фаянса (fayence) самый лучшій фарфоръ и другія вещи, принадлежащія къ химіи. Онъ и можетъ преподавать рисованіе, играть на фортепіано, пѣнію и удивительно легко волтижируетъ.

Жительство имѣетъ на Дѣвичьемъ полѣ, возлѣ фабрики Темза (Thames), въ домѣ ветошника Корешкова, подъ № 95.

(Перев. изъ „Hamburger Nachrichten“, Sonntags Beilage, № 6, 1887 г.).

Сообщ. г. Ланценау.

---

[1]) Слово не разобрано.

Digitized by Google

Императоръ Александръ II въ Александрійскомъ институтѣ въ Новой Александріи.

Въ дѣтствѣ всѣ впечатлѣнія живо воспринимаются и скоро забываются, но особенно выдающіеся случаи оставляютъ неизгладимое впечатлѣніе. Такое впечатлѣніе произвело на меня первое посѣщеніе нашего института государемъ Александромъ Николаевичемъ. Вскорѣ послѣ каникулъ у насъ прошелъ слухъ, что скоро государь императоръ будетъ къ намъ. Ажитація ужасная; толковъ, ожиданій самыхъ невозможныхъ—пропасть.

Наконецъ, наступилъ желанный день. На насъ все съ иголочки. Мы въ классахъ, но уроковъ нѣтъ. Волнуемся страшно, когда же, когда же, наконецъ!

Вдругъ слышимъ—ѣдетъ, ѣдетъ! Мы устремились въ залъ и мгновенно выстроились въ ряды (передъ этимъ было много репетичекъ). Вошла начальница, окинула насъ опытнымъ взглядомъ, покраснѣла, поблѣднѣла, насилу перевела духъ отъ волненія и какъ взвизгнетъ:

— «Панну Новаковску, сховала пелерину подъ фартуху и зробила таку дужу бржуху!»

Мы, сначала перепуганныя, онѣмѣли, но когда услыхали ея польскую рѣчь (она никогда не говорила по польски), не утерпѣли и разразились хохотомъ. Новаковская (она была самая маленькая и стояла въ первомъ ряду первой; чтобы не утерять пелерины, она ее приколола булавкой подъ передникомъ къ платью; передники были батистовые, прозрачные, оттого эта пелерина, въ видѣ бѣлаго пятна на платьѣ, издали бросалась въ глаза) растерялась, чуть не расплакавшись; ужъ кто-то изъ подругъ догадался отколоть у нея пелерину и

Digitized by Google

бросить на ближайшій стулъ. Вдругъ слышимъ движеніе на лѣстницѣ—мгновенно водворилась тишина и императоръ вошелъ въ залъ.

Мы сдѣлали глубокій поклонъ, затѣмъ раздался гимнъ «Боже Царя храни», чудное «Боже Царя храни», съ тѣхъ поръ я не слыхала такъ пропѣтымъ этого гимна; мы видѣли, что у императора были слезы на глазахъ, потомъ онъ прошелъ вдоль нашихъ рядовъ, со многими ласково бесѣдовалъ, потомъ насъ отправили завтракать.

Вслѣдъ за нами, только мы успѣли сѣсть по мѣстамъ, вошелъ въ столовую Государь; онъ велѣлъ намъ сидѣть покойно и ѣсть, самъ занялъ мѣсто за столомъ I-го класса, бесѣдовалъ съ малышами и ѣлъ наши котлетки съ аппетитомъ, какъ намъ казалось, не уступавшимъ нашему. Послѣ завтрака мы съ нимъ во главѣ пошли гулять.

Садъ у насъ былъ чудный и состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей. Въ часть фруктовую насъ никогда не пускали, вторая треть его расположена была на возвышенности, она состояла изъ нѣсколькихъ тѣнистыхъ аллей и лужаекъ, а третья, нижняя, совсѣмъ запущенная, съ плохо прочищенными дорожками, называлась у насъ паркомъ. Съ верхней въ нижнюю надо было спускаться по крутой горкѣ. Его величество, все время шедшій среди насъ и дружелюбно съ нами бесѣдовавшій, дойдя до этой горки, обратился къ намъ: «кто скорѣй, ловите!» и побѣжалъ впередъ.

Мы за нимъ, окружили его внизу. «Что не ловите, боитесь меня?» Мы замялись, мы боялись не его, а начальницы, которая далеко отъ насъ отстала. Кто-то, однако, расхрабрился, подобрался къ нему и давай вытирать ему спину передникомъ. «Что такое?» спрашиваетъ удивленный императоръ и оглядывается. — «Да у васъ, ваше величество, мундиръ испачканъ известью». Онъ поблагодарилъ и мы продолжали странствіе по парку, толкая, перегоняя другъ друга и теряя туфли: всѣмъ хотѣлось поговорить съ нимъ, посмотрѣть на него поближе.

Затѣмъ мы отправились въ классы, а такъ какъ уроковъ не было, принялись передавать другъ другу наши впечатлѣнія. Оказалось, что мы всѣ его обожаемъ. Конфектъ, бала не было, но мы всѣ были безконечно радостны, счастливы. Тутъ же мы узнали, что одна изъ классныхъ дамъ, mademoiselle G., завладѣла ножомъ и вилкой, которыми ѣлъ государь императоръ, завтракая съ нами. Она говорила, что будетъ ихъ хранить, какъ семейное сокровище. Намъ стало до-

Digitized by Google

садно, почему мы не догадались сдѣлать того же. Въ этотъ день мы его болѣе не видѣли.

На слѣдующее утро мы вышли въ садъ въ 9 часовъ. Смотримъ, передъ домикомъ инспектора стоитъ запряженный экипажъ (въ этомъ домикѣ была приготовлена квартира для его величества), а на крыльцо вышелъ императоръ. Мы его обступили. Онъ ласково съ нами прощался, пожелалъ намъ успѣховъ, счастія въ жизни. Мы его просили оставить намъ что нибудь на память—не хотѣлъ. Попытались утащить тихонько перчатки—не удалось. Просили пріѣхать къ намъ снова, это онъ обѣщалъ и вскорѣ сдержалъ слово.

Въ концѣ этого же лѣта онъ еще разъ посѣтилъ институтъ, вмѣстѣ съ государыней Маріей Александровной, но тогда ихъ величества пробыли у насъ очень недолго. Маленькіе классы (я была въ нихъ) имѣли счастіе видѣть августѣйшихъ гостей всего нѣсколько минутъ въ актовомъ залѣ, а потомъ намъ приказали отправиться внизъ. Мы повиновались со слезами на глазахъ. Послѣ этого мы не видѣли ихъ величествъ. Вотъ почему у меня почти ничего не сохранилось въ памяти объ этомъ посѣщеніи.

Л.

Фрейганги.

Въ 12 книгѣ „Русской Старины“ изд. 1886 г., въ статьѣ „И. Н. Скобелевъ“, на 583 стран., помѣщена записка графа Бенкендорфа и сказано, что Скобелевъ рекомендовалъ ему Фрейганга, при этомъ въ скобкахъ замѣчено, съ вопросительнымъ знакомъ: Андрей Ивановичъ?

По всему вѣроятію, это былъ не Андрей Ивановичъ, пресловутый цензоръ, а братъ его, Петръ Ивановичъ, который умеръ генераломъ корпуса жандармовъ. Портретъ его дочери, Анны Петровны, былъ помѣщенъ, въ числѣ русскихъ красавицъ, въ альманахѣ „Утренняя заря,“ изд. извѣстнаго Владиславлева.

У Андрея и Петра Ивановичей былъ еще братъ Василій Ивановичъ, умершій за границею русскимъ консуломъ; онъ былъ отцомъ покойнаго Андрея Ивановича, литератора, извѣстнаго русскаго дѣятеля и честнѣйшаго человѣка.

Николай Палибинъ.

Digitized by Google

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ

(1844 г.).

Одинъ изъ нашихъ библіографовъ пишетъ намъ, что литературная дѣятельность знаменитаго нашего сатирика началась нѣсколько ранѣе указаннаго нами 1847 года (См. «Русскую Старину», изд. 1887 г., (т. LIII, книга февраль, стр. 529—531).

Михаилъ Евграфовичъ, еще въ бытность въ Александровскомъ лицеѣ, писалъ и печаталъ свои произведенія въ тогдашнихъ журналахъ; именно къ 1844 году относятся его стихотворенія, помѣщенныя имъ въ «Современникѣ», издававшемся тогда бывшимъ другомъ Пушкина, П. А. Плетневымъ; равнымъ образомъ, г. Салтыковъ помѣщалъ свои, тогда еще весьма юныя, произведенія (стихи) въ «Библіотекѣ для Чтенія».

Желательно было бы вполнѣ точно опредѣлить время перваго появленія въ печати произведеній нашего даровитѣйшаго сатирика-художника.

Несомнѣнно, однако, то, что разсказъ «Забытое дѣло», явившійся въ 1847 году на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ», было первое произведеніе пера Салтыкова,—уже состоявшаго тогда на службѣ въ военномъ министерствѣ,—которое своею бойкостью и талантливостью обратило на автора вниманіе читающей публики. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, тогда же явился на молодаго писателя извѣтъ, и Михаилъ Евграфовичъ совершилъ невольную поѣздку въ Вятку. Достойно вниманія, что самъ авторъ считалъ этотъ разсказъ слабымъ и ни одному изъ издателей своихъ сочиненій не дозволялъ впослѣдствіи включить его «Забытое дѣло».

Десятилѣтнее пребываніе въ глухой провинціи доставило возможность М. Е. Салтыкову, въ высшей степени наблюдательному и воспріимчивому писателю-художнику, глубоко изучить, прежде всего, тогдашнюю чиновничью Россію, съ которою онъ находился въ ежедневныхъ соотношеніяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и со всѣми слоями русскаго общества... И вотъ результатомъ явились «Губернскіе очерки», а за ними цѣлый рядъ высоко талантливыхъ произведеній, повторяемъ, по силѣ творчества и сатиры, по своей жизненной правдѣ, не имѣющихъ себѣ равныхъ ни въ одной изъ европейскихъ литературъ.

М. С.

Digitized by Google

НА ПОРОХОВЫХЪ ЗАВОДАХЪ

въ 1779—1781 гг.

Его сіятельству высокоповелительному господину генералъ-фельдмаршалу, главнокомандующему кавалеріею и украинскою дивизіею, малороссійскому государеву намѣстнику, коллегіи малороссійской президенту, кирасирскаго военнаго ордена полку полковнику, всѣхъ россійскихъ орденовъ, прусскаго Чернаго Орла и голштинскаго святыя Анны кавалеру, графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому

Рапортъ.

Въ 779-мъ году, при поступленіи моемъ въ нынѣшній чинъ, въ тогдашнюю по артиллеріи перемѣну, случилось мнѣ, по росписанію, опредѣлену быть на санкт-петербургскіе пороховые заводы командиромъ, куда переѣхавши, потребовалъ я отъ находящагося тамъ комиссара сдачу команды и всего завода; ему показалось это чудно, и началъ мяться, но не смѣя мнѣ отказать, сталъ помаленьку отбывать подъ видомъ, что у него то то еще не готово, то другое, чтобъ я ему въ томъ потерпѣлъ, а онъ бы, между тѣмъ, успѣлъ посовѣтоваться о томъ съ своими пріятелями (людьми канцелярскими); и пошептавши съ ними, въ одно утро приходитъ ко мнѣ и объявляетъ, что онъ спрашивалъ у судьи Мерлина, такъ онъ-де ему приказалъ одно только теченіе командныхъ дѣлъ мнѣ сдать, то есть: опись куда, въ какой день табели и рапорты подавати, а «ты-де, какъ коммисаръ, то въ коммисарствѣ своемъ самъ отчетъ отдаешь».

Я, услышавъ отъ него сіи слова и пересказавъ ему какъ у насъ въ походѣ дѣлалось, приступилъ формально къ смѣнѣ; а продолжая оную, вскорѣ получилъ и циркулярный указъ изъ канцеляріи о имѣніи надзиранія командирамъ за своими приходчиками и расходчиками, въ противномъ же случаѣ, за слабое смотрѣніе, весь начетъ взыщется съ командира. Сіе меня подкрѣпило и я рѣшился осмотрѣться, а между тѣмъ, не открою-ли и нѣкоторую мною только лишь еще предвидимую шалость коммисара моего; и такъ, осмотрѣвши казну, щовши матеріальныя книги и вынесши остаточныя вещи на бумагу,

Digitized by Google

приступаю къ наличному осмотру; тутъ вижу смятеніе больше поднялось, пріѣзжаетъ секретарь къ коммисару въ гости, заходитъ и ко мнѣ, разсказываетъ мнѣ исторію, какая имъ нужда случилась въ порохѣ одинъ разъ, что они принуждены были употребить въ казенную надобность и имѣющійся тогда подъ сохраненіемъ полковой бомбардирскій и канонирскій (порохъ), и поговоря, отходитъ; а на его мѣсто бѣжитъ позовъ, чтобы я завтрашній день явился къ его высокопревосходительству Ивану Ивановичу Меллеру.

Пріѣзжаю къ генералу, встрѣчаетъ меня репримандомъ за совсѣмъ постороннюю вещь, а то было казенный лугъ запроданный коммисаромъ, а я увидя то, пріостановилъ, покуда спрошуся у его же высокопревосходительства, такъ-ли ему быть или нѣтъ? припоминаетъ онъ мнѣ, когда я буду командиромъ, тогда бы я располагалъ, а теперь какъ я смѣю чужія дѣла критиковать? и что я тамъ въ конторѣ шарюсь по бумагамъ, канцелярія извѣстна, что послѣ наводненія какъ мосты, такъ и все заводское строеніе исправлено, а въ окончаніе всего потрясши за руку сказалъ: «вѣрь мнѣ! что коммисаръ твой честный и бѣдный человѣкъ».

И такъ огорченъ будучи, не знавъ что это значитъ, и какъ его слова разумѣти? принялъ оставить ту посторонность, хотя бы онъ тѣмъ и попользовался, а самъ обратился опять къ начатому уже своему дѣлу (осмотра магазина) и, окончивши оное, нашелъ я тутъ сверхъ значущихся по книгамъ матеріаловъ излишнихъ и вовсе безгласныхъ: угля 346 пудъ, сѣры 52 пуда, пороху 1,300 пудъ, который отъ меня прикрывали во все время полковымъ, бомбардирскимъ и канонирскимъ экономическимъ.

Отсель я уже увидѣлъ, что мнѣ на этомъ мѣстѣ быти не можно, а къ тому услышалъ и угрозы объ смѣнѣ меня, то не дожидаяся долго и подалъ прошеніе, чтобы, при первой будущей вакансіи, помѣстить меня опять въ полкъ; а какъ долго оная не открывалась, то и продолжилась до нынѣшняго году.

1780 г. Между тѣмъ наступаетъ весна, поднимаются дѣлать порохъ, присылаютъ мастера, комплектуютъ заводъ людьми и лошадьми и вступаютъ въ работу; излишніе матеріалы, уголь и сѣра обращены въ казенную надобность, а съ порохомъ некуда дѣваться; продолжая работу, содержутъ глубочайшій секретъ и происходитъ шептанье по всему заводу; о свѣдѣніи какомъ ни спрошу, всякъ ссылается на коммисара, что онъ одинъ знаетъ; отъ него же самаго инаго не слышу, какъ только, что «у насъ такъ дѣлается»; и такъ что могъ узнать, то было одно лишь производимое составленіе пороховъ, а такъ-ли имъ быть надобно; затѣмъ погнался въ свое школьничество, рыться, копаться, считать, повѣрять и пріискалъ приложенную при семъ задачу.

Digitized by Google

Не трудно уже мнѣ было по ней догадаться, для чего мнѣ высочайшей конфирмаціи о порохахъ въ глаза не показано, и свѣдѣнія о томъ изъ канцеляріи никакого не дано, ибо оныя въ практикѣ фальшиво составляются; убавляютъ селитры, какъ самонужнѣйшаго матеріалу въ порохѣ, чѣмъ онъ и красенъ, по 9 и 10 фунтовъ отъ закладки, а тѣмъ обезсиливаютъ порохъ и тотъ вѣсъ дополняютъ угольком, а отсюда-то и каналъ происходитъ матеріямъ на тотъ безгласный порохъ, каковымъ ему подобнымъ и всѣ крѣпости государства наполняютъ, а чрезъ то ни его хранити долгое время, ни въ дѣлѣ желаемаго отъ него дѣйствія надѣяться можно. И такъ то, что блаженныя и вѣчно достойныя памяти государь императоръ Петръ Великій съ трудомъ пріобрѣлъ и устроилъ въ оборону своего государства на всегдашнее время, то нынѣ разрушили; такъ удивительно-ли вашему сіятельству теперь покажется, что и Пугачевъ нашихъ комендантовъ перевѣшалъ, сіе и впредь достанется, когда оборонительная вещь останется подъ таковымъ подлогомъ, ибо важности оной ни кому изъ партикулярныхъ не ввѣрена, а принята единственно подъ казенный присмотръ и состоитъ въ государствѣ подъ секретомъ, то въ такомъ случаѣ не всякъ уже изъ служащихъ и повѣрить ее можетъ, а полагаются безъ сумнѣнія на правленіе, которому поручено, а тутъ-то сіи пронырства и происходятъ.

1780 г. Я вашему сіятельству и еще перескажу, что на моихъ глазахъ случилось: прошедшаго лѣта адмиралтейство отправляло корабли въ море, а артиллерія снабжала ихъ порохомъ, то адмиралтейство, увидѣвши изъ вѣдомости, представленной отъ артиллеріи, сколько гдѣ изъ крѣпостей пороху имѣется? и нашевши, что въ Кронштадтѣ слишкомъ 3,000 пудъ состоитъ, обрадовалось и ассигновало весь поднять, чтобы тѣмъ избѣжать провозу, а достальное число принять съ моихъ заводовъ, почему и отрядило коммисіи: одну въ Кронштадтъ, а другую ко мнѣ на заводъ; кронштадская коммисія, вступивши въ пріемъ, едва могла набрать изъ всего числа 60 бочекъ, который бы ровнялся указной 70 футовой пробѣ, да и то пробуя фальшивымъ конусомъ, чѣмъ они и всѣ команды обманываютъ, а прочій весь негоденъ; и такъ отрепортовавши, коллегію перемѣнили и взяли весь отъ меня; но какъ и тотъ, что на ту пору свѣжъ дѣлался, а притомъ и пробовали его тоже не своимъ конусомъ, хотя и годился, чтобъ съ рукъ сбыть, но какъ постоитъ, то сами увидятъ, ибо зерно, будучи тоще, составлено изъ мякины, сырость его хватитъ, насквозь проймѣтъ и должно исчезнуть, то какъ можно таковымъ порохомъ обороняться, а матеріалы ежегодно изводить и въ государствѣ пороховъ нѣтъ, о чемъ вашему сіятельству впредь осторожность честь имѣю открыть.

Digitized by Google

Не безъ любопытно будетъ вашему сіятельству узнать также и это, какъ со мною въ сіе время поступили?

Увидѣвши съ пріемовъ смѣны моей, что я имъ не гожуся, то и принялись тотчасъ, за обыкновенный свой канцелярскій обрядъ, изнурять и положили меня на гарнизонный окладъ, не смотря на то, что прежде меня бывшіе, да и нынѣ состоящіе на прочихъ заводахъ сотоварищи мои всѣ на полевомъ окладѣ состоятъ; сверхъ сего невозбранно было тѣмъ прежде меня бывшимъ трудиться и пользоваться, какъ имъ и мѣсто позволяло, огородами для домашней своей надобности, которое заведеніе и я уже засталъ, но они и того меня лишили и отдали коммисару моему, а я изъ этого куска 24 года уже служу и жизнь и способность свою государству продаю, но за таковыми обстоятельствами дойти не могу и какъ человѣкъ не богатый веду жизнь мою мздою наемничью, то это для меня и весьма избыточнымъ было изнуреніемъ, перенести текущее, да и впредь еще остающееся покуду оправлялось время, и хотя о томъ его высокопревосходительству и приносилъ мою просьбу, но оная вниманія не стоила и, вмѣсто удовольствія, во все время гнули, тѣснили, а раззоривши и пустили. Ушелъ, не оглядываяся изъ рукъ ихъ въ полкъ.

Артиллеріи маіоръ Антонъ Лазаревъ.

Октября .... дня 1781 года.
Кіевъ.

Кн. Багратіонъ-Мухранскій.

Въ примѣчаніи къ стихотворенію Аксакова, стр. 641 дек книги изд. 1886 г., сказано: „Кн. Г. К. Багратіонъ-Мухранскій былъ статсъ-секретаремъ, сенаторомъ и предсѣдателемъ судебной палаты, умеръ тамъ въ 1877 году. Ѳ. Б.“.

Князь Георгій Константиновичъ Багратіонъ-Мухранскій, котораго глубоко уважали и грузины, и русскіе, никогда не былъ предсѣдателемъ тифлисской судебной палаты; до открытія палаты онъ былъ директоромъ судебнаго департамента главнаго управленія намѣстника кавказскаго, который никакихъ судебныхъ функцій не отправлялъ; по открытіи судебной палаты, первымъ предсѣдателемъ которой былъ Е. П. Старицкій, судебный департаментъ былъ упраздненъ и кн. Г. К. былъ назначенъ членомъ совѣта, въ каковой должности онъ и умеръ во время своего заграничнаго леченія.

Николай Палибинъ.

Тифлисъ.
1886 г.

Digitized by Google

Орудіе пытки въ 1847 году.

Въ одномъ изъ примѣчаній къ Запискамъ Я. И. Невѣрова („Русск. Стар." 1883 г., ноябрь, стр. 440) упоминается объ орудіяхъ пытки, практиковавшихся между помѣщиками и служилыми людьми 1820-хъ годовъ, и приводится высочайшее повелѣніе 9 февраля 1827 г.—о повсемѣстномъ истребленіи подобныхъ орудій.

Должно быть любителямъ ощущеній не легко было разстаться съ такими орудіями, потому что они употреблялись даже двадцатью годами позже приведеннаго высочайшаго повелѣнія, употреблялись не гдѣ либо въ захолустьяхъ, а въ Петербургской губерніи, не среди помѣщиковъ и служилыхъ людей, подчасъ малообразованныхъ или безъ всякаго образованія, но такими людьми, какъ пасторы лютеранскихъ приходовъ, и, къ тому же, съ вѣдома своего начальства—консисторіи. Вотъ доказательство.

Въ 1847 г. ямбургскій уѣздный судъ потребовалъ къ производящемуся въ немъ частному дѣлу колодку, употреблявшуюся какъ орудіе пытки, при Малосковицкомъ лютеранскомъ приходѣ, Петербургской губерніи, Ямбургскаго уѣзда [1]). Требованіе это, правда, было исполнено, но петербургская лютеранская консисторія, тѣмъ не менѣе, просила судъ „возвратить сіе орудіе мѣстному пастору, по минованіи въ немъ надобности". Случай этотъ сдѣлался извѣстнымъ бывшему въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскому, который потребовалъ свѣдѣній отъ консисторіи. Послѣдняя отвѣтила, что „до 1833 г. въ лютеранскихъ церквахъ употреблялось сіе орудіе, по распоряженію пасторовъ и церковныхъ старостъ, для наказанія крестьянъ", умолчавъ, однако, о подробностяхъ и о своемъ требованіи къ возвращенію колодки пастору. Министръ, „имѣя въ виду, что подобныя колодки признаны законами нашими родомъ пытки, и потому давно запрещены даже въ мѣстахъ заключенія арестантовъ, предложилъ протестантской генеральной консисторіи немедленно сдѣлать зависящее отъ нея распоряженіе къ истребленію могущихъ еще быть при церквахъ ея вѣдомства колодокъ и всякихъ подобныхъ орудій, внушивъ притомъ всѣмъ, подвѣдомственнымъ ей проповѣдникамъ и церковнымъ старостамъ, что они отнюдь не имѣютъ права подвергать прихожанъ, за какіе бы то ни было проступки, не только тѣлеснымъ наказаніямъ, но даже аресту, ибо, на основаніи существующихъ законовъ, право сіе принадлежитъ одной гражданской власти".

Вслѣдъ затѣмъ министръ, узнавъ о требованіи консисторіи относительно возвращенія колодки пастору, довелъ объ этомъ случаѣ до высочайшаго свѣдѣнія. Государю Николаю I „угодно было признать сіе требованіе

---

[1]) Малосковицы находятся въ 1-мъ станѣ, въ 30 верстахъ отъ Ямбурга; населеніе финское. Г. С.

Digitized by Google

нелѣпымъ и незаконнымъ", почему и сдѣлано было распоряженіе, „чтобы ямбургскій уѣздный судъ не удовлетворялъ требованія консисторіи и истребилъ колодку, по минованіи въ ней надобности для производящагося о томъ суднаго дѣла".

Колодка Малосковицкаго лютеранскаго прихода была предметомъ переписки между министромъ и бывшимъ въ то время петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ Храповицкимъ, давшимъ въ этомъ смыслѣ предложенія по инстанціи 14 и 17 февраля 1847 г.

Сообщ. Г. И. Студенкинъ.

На смерть Александра Пушкина.

Погасъ лучъ неба, свѣтлый геній,
Великій бардъ полночныхъ странъ,
Чья слава въ сонмѣ поколѣній
Взростетъ со славой Россіянъ.

Найдутъ далекіе потомки
Средь лавровъ царскаго вѣнца
Вплетенный миртъ тому, чье око
Хранило бурный вѣкъ пѣвца;

Кто, озаботясь имъ какъ сыномъ,
Послѣдній далъ пѣвцу привѣтъ
Безъ скорби перейти въ тотъ свѣтъ
И умереть христіаниномъ.—

1837.

Абр. Серг. Норовъ.

Сообщ. Павелъ Семеновъ.

Звѣрьяда.

Подъ этимъ названіемъ, какъ извѣстно, М. Ю. Лермонтовъ написалъ, въ бытность свою въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, шутку-сатиру, въ стихахъ, на всѣхъ преподавателей школы.

Эта шутка, не лишенная остроумія, ходила по рукамъ, въ спискахъ, между воспитанниками этой школы, и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ ея питомцевъ передѣлывалась и дополнялась, но главный остовъ все таки оставался въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ-подъ пера Лермонтова. Послѣднія измѣненія были въ 1858 г.

Не сохранился ли у кого списокъ этой шутки юнкера М. Ю. Лермонтова?

Е. А. Теляковскій.

Digitized by Google

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПИРОГОВЪ

въ его посмертныхъ Запискахъ.

26-го мая 1881 года, на торжественномъ обѣдѣ, который былъ данъ представителями науки, литературы и различныхъ ученыхъ и учебныхъ учрежденій Николаю Ивановичу Пирогову, въ Москвѣ, по случаю пятидесятилѣтняго юбилея его ученой и общественной дѣятельности, Николай Ивановичъ, оставляя, послѣ окончанія обѣда, въ сопровожденіи бывшаго ректора московскаго университета, зало собранія, подошелъ къ пишущему эти строки и въ самыхъ добрыхъ, дружескихъ выраженіяхъ заявилъ намъ, что его, Пирогова, Записки, послѣ его кончины, появятся на стр. «Русской Старины».

Объ этомъ драгоцѣнномъ для насъ завѣтѣ знаменитаго русскаго человѣка мы заявили, почти немедля послѣ его кончины, на страницахъ нашего же журнала.

Высокоуважаемая вдова Николая Ивановича, А. А. Пирогова, свято исполнила волю своего покойнаго супруга.

Въ 1884 году мы получили, чрезъ посредство пасынковъ г-жи Пироговой, сыновей Николая Ивановича, весьма объемистую рукопись, писанную, на отдѣльныхъ большихъ листахъ, собственною рукою Пирогова; одинъ уже связный почеркъ, кривыя строки, нерѣдко опускающіяся совсѣмъ къ низу страницъ, мѣстами въ высшей степени неразборчиво написанныя слова—свидѣтельствовали, что этотъ манускриптъ писанъ уже въ послѣдніе годы (1879—1881) жизни славнаго ученаго и общественнаго русскаго дѣятеля.

Съ благоговѣніемъ приступили мы къ перепискѣ, а затѣмъ и къ печатанію посмертныхъ Записокъ геніальнаго хирурга и великаго мыслителя.

Каждую строку, каждое слово этихъ Записокъ мы, пріобыкшіе печатать на страницахъ «Русской Старины» всѣ мемуары и матеріалы съ наивозможною точностью, — воспроизводили съ особенною тщательностью.

Записки Н. И. Пирогова появились въ сентябрьской, октябрьской, ноябрьской и декабрьской книгахъ нашего журнала изд. 1884 года, а затѣмъ съ первой по седьмую книгу «Русской Старины» изд. 1885 г.

Digitized by Google

Записки, какъ извѣстно читателямъ, ведутся Пироговымъ по днямъ въ формѣ дневника.

Со 2-го марта по 27-е число того же года Пироговъ, на семидесяти листахъ, глубоко потрясенный ужасною, роковою вѣстью о кончинѣ Государя-Освободителя, изложилъ свой взглядъ на минувшее царствованіе, на то состояніе русскаго общества, въ какомъ оно было послѣ царствованія Николая, на личный характеръ Монарха-Освободителя, его великія достоинства и присущіе, какъ и каждому человѣку, недостатки, на благость намѣреній гуманнаго сердца Александра II и на результаты совершенныхъ имъ реформъ. Какъ философъ-врачъ, совершивъ самую внимательную діагнозу какъ нравственнаго существа Преобразователя, такъ и всего совершеннаго имъ, — Пироговъ развиваетъ свои взгляды на то, что, по его мнѣнію, должно быть совершено для дорогаго нашего отечества, дабы оно могло идти по пути прогресса, на который выдвинула его державная рука гуманнѣйшаго изъ государей, котораго, по мнѣнію Пирогова, когда либо имѣла Россія.

По обстоятельствамъ, не отъ редакціи зависѣвшимъ, эти листы изъ книги «Вопросы жизни, дневникъ стараго врача»,—такъ назвалъ Николай Ивановичъ свои посмертныя Записки,—не могли своевременно явиться на страницахъ «Русской Старины».

Но вотъ, въ концѣ 1886 года, вдова покойнаго, А. А. Пирогова, издала первый томъ собранія сочиненій своего незабвеннаго супруга:

Сочиненія Н. И. Пирогова. Спб. Томъ первый. 1887 года, 8 д. стр. VII+525. Съ портретомъ автора и двумя видами: 1) Домъ въ с. Вишня, 2) Церковь на могилѣ Н. И. Пирогова. Цѣна три рубля.

Вышедшій томъ занятъ изданными нами ранѣе посмертными Записками Н. И. Пирогова, но на стр. 239—295 книги мы съ удовольствіемъ прочли часть того очерка Н. И. Пирогова, къ изданію котораго мы встрѣтили препятствіе. Эти страницы мы поспѣшили перепечатать въ январьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1887 г., томъ LIII, стр. 133—180.

Текстъ посмертныхъ Записокъ Н. И. Пирогова вышелъ, такимъ образомъ, въ двухъ тисненіяхъ: на страницахъ «Русской Старины» 1884, 1885 и 1887 гг. и въ отдѣльномъ изданіи, занявъ первый томъ сочиненій Пирогова:

«Вопросы жизни, дневникъ стараго врача, писанный исключительно для самого себя, но не безъ задней мысли, что, можетъ быть, когда нибудь прочтетъ и кто другой. 5-го ноября 1879 года—22 октября 1881 года».

Digitized by Google

То и другое изданіе не отличается другъ отъ друга ни единымъ словомъ.

Изданіе «Русской Старины» съ полною тщательностію воспроизвело подлинную рукопись Записокъ Пирогова. Вышедшее нынѣ изданіе сдѣлано по нашему печатному тексту, съ помянутою выше вставкою изъ оригинала рукописи, напечатанною затѣмъ дословно и нами (въ январьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1887 г.).

Для отдѣльнаго же изданія—мы предоставили извѣстные уже читателямъ «Русской Старины»—портретъ Н. И. Пирогова и два вида: домъ въ селѣ Вишня и церковь на могилѣ Н. И. Пирогова.

При всемъ тождествѣ того и другаго изданія, мы живѣйшимъ образомъ рекомендуемъ нашимъ читателямъ вышедшую книгу. Наше изданіе Записокъ Н. И. Пирогова растянуто въ книгахъ «Русской Старины» въ теченіи трехъ лѣтъ (1884, 1885 и 1887), между тѣмъ здѣсь Записки эти являются въ одной книгѣ, которая притомъ и продается отдѣльно (въ книжномъ магазинѣ г. Стасюлевича, въ Спб., Вас. Остр., 2 линія, д. № 7. Цѣна три рубля).

Каждый, кто только имѣетъ хотя бы небольшое собраніе книгъ, конечно, поспѣшитъ украсить свою библіотеку Записками Н. И. Пирогова; онѣ, правда, все еще явились не вполнѣ [1]), но, заключая въ себѣ въ высшей степени поучительную жизнь знаменитаго мыслителя-труженика, представляютъ развитіе многихъ вопросовъ философскихъ и общественныхъ, соприкасавшихся съ его временемъ,—вопросовъ, имѣющихъ важное значеніе не только въ исторіи прошлаго русскаго общества, но и для его настоящаго и будущаго развитія.

Ред.

23-го февраля (7-го марта) 1887 года.

---

[1]) Пропуски находятся лишь въ указанномъ выше очеркѣ эпохи Александра II (на стр. 239—295) и начало ихъ почти вездѣ обозначено точками. Выпущено всего нѣсколько болѣе двухъ съ половиною печатныхъ листовъ (всего до 79,000 буквъ). Мы, однако, не скажемъ, чтобъ эти пропуски были бы указаны издателями, такъ какъ это было бы несправедливо.

Digitized by Google

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ

въ эпоху освобожденія крестьянъ.

Письмо его къ Л. М. Муромцову.

. . . [1]) Вотъ вы тамъ гуляете себѣ въ Италіи, веселяся и потѣшаяся, радуясь особенно поправленію здоровья К. Н. (чему я очень и очень сочувствую), а мы брошены единымъ словомъ царя въ самую глубь и кипѣніе жизни общественной, гражданской, политической и всякихъ жизней, кромѣ жизни покойной.

Впрочемъ, зная меня, вы легко угадаете, что это никакъ не ропотъ съ моей стороны.

Дадеся ми царь по сердцу моему! Великій ловецъ предъ Господомъ какъ Нимвродъ, и великій освободитель людей какъ Маккавей!

Вы знаете, что я все это умѣю цѣнить.

Батюшка вашъ очень сочувствуетъ этому послѣднему качеству, но увы! грѣхъ сказать, чтобы такое сочувствіе было общимъ. Н. П. Шишковъ нисколько не приходитъ въ восторгъ и это настроеніе довольно общее. Какъ это понять? Стоитъ-ли дворянство за рабство? Нисколько, или, по крайней мѣрѣ, слабо, а просто оно растерялось; не знаетъ какъ за дѣло взяться. Нужно подумать; а мы отъ всякой думы серьезной такъ отвыкли, что съ перваго приступа голова болитъ, а мы вымѣщаемъ свою досаду фрондерствомъ.

Народъ очень хорошъ: никогда не былъ такъ послушенъ и тихъ, вовсе не отъ равнодушія, ибо онъ сильно заинтересованъ и безпрестанно объ этомъ говоритъ, но по какому-то чувству, которое я иначе не могу опредѣлить, какъ словомъ историческаго чувства.

Таковъ долженъ быть характеръ народовъ великихъ, и не смотря на это и на важность минуты, дворяне не очнутся. Кто вистуетъ, кто засѣкаетъ по прежнему: просто гадко. (Нѣкоторые въ Спб.) стараются парализировать добрыя намѣренія государя, мнимые аристократы хотятъ выбарышничать невозможные барыши, надувая народъ и царя; а за всѣмъ тѣмъ я увѣренъ, что переломъ будетъ не къ болѣзни, а къ здоровію.

. . . . Про себя вы ничего не говорите, но я увѣренъ, что вамъ очень нескучно въ этой негодной Европѣ, противъ которой я всячески протестую по своему славянофильскому званію, но отъ которой я и не прочь.

Прощайте, укрѣпляйтесь здоровіемъ, запасайтесь веселіемъ и не забывайте преданнаго вамъ домосѣда.

Вашъ отъ души А. Хомяковъ.

[Изъ собранія автографовъ г-жи Муромцевой].

Сообщ. **А. В. Селивановъ.**

---

[1]) Начало письма имѣетъ дѣловой характеръ.

Digitized by Google

А Л А М Ъ [1]).

Именнымъ указомъ, даннымъ въ бытность царя Петра Алексѣевича въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ, 9-го сентября 1689 года, было повелѣно сослать князя Василія Васильевича и сына его князя Алексѣя Голицыныхъ въ Каргополь, а помѣстья ихъ и вотчины и дворы московскіе и животы отписать на великихъ государей.

Вслѣдствіе этого было приказано думному дворянину Ивану Семеновичу Ларіонову, да дьяку Якову Никонову ѣхать изъ Троицко-Сергіева монастыря къ Москвѣ, для переписки упомянутыхъ животовъ, то есть движимаго имущества князей Голицыныхъ, при чемъ было наказано: «и все что у переписки ни явитца, переписать имянно, и учинить тому всему роспись въ тетратехъ въ десть, порознь, съ цѣною, и привезти тое роспись и книги въ Троецко-Сергіевъ монастырь, за своими руками, и объявить въ Розрядномъ шатрѣ боярину Тихону Никитичю Стрешневу».

Получивъ по сему наказную память, думный дворянинъ Ларіоновъ и дьякъ Никоновъ отправились въ Москву, гдѣ, при пособіи дьяковъ Ивана Козлова и Василія Телицына, переписали все оказавшееся на лицо имущество князей Голицыныхъ, какъ въ ихъ московскихъ домахъ, такъ и привезенное изъ другихъ мѣстъ, и оцѣнили каждую вещь чрезъ свѣдущихъ торговыхъ людей и мастеровыхъ, всего: «на сорокъ на семь тысячь на триста на пятдесятъ на пять рублевъ на шеснадцать алтынъ на пять денегъ».

Изъ переписки этой образовалась книга въ 954 страницы, въ листъ, хранящаяся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, въ дѣлахъ малороссійскаго приказа, подъ № 109-мъ.

Въ книгѣ этой, при перепискѣ и оцѣнкѣ роскошныхъ княжескихъ

---

[1]) Читано въ бесѣдѣ Археологическаго Института, 17-го января 1887 г.

Digitized by Google

одеждъ, упоминается неоднократно о томъ, что у шубъ и у многихъ изъ кафтановъ «пугвицы, запаны и аламы отпороты»,—или «пугвицъ, запанъ и аламовъ нѣтъ»,—или же «запанъ или аламовъ нѣтъ».—Это приводило къ предположенію, что между запанами и аламами существовало сходство, какъ по виду, такъ и по примѣненію ихъ къ употребленію для украшенія кафтановъ и шубъ. Но, къ сожалѣнію, повѣрить такое предположеніе было не почему, потому что изъ оказавшихся въ гардеробахъ князей Голицыныхъ шубъ и 126 кафтановъ ни на одномъ не оказалось бывшихъ на большей изъ нихъ части аламовъ, которые не явились и отдѣльно въ наличности; такъ что изъ описной книги видно одно, что на нѣкоторыхъ шубахъ и кафтанахъ были нашиты аламы, но отпороты, а затѣмъ, какое употребленіе было дано этимъ аламамъ — неизвѣстно. Тогда какъ состоявшіе на тѣхъ же шубахъ и кафтанахъ вмѣстѣ съ аламами запаны частью найдены пришитыми къ одеждамъ и вещамъ, а въ остальномъ оказались въ наличности и, черезъ это, были описаны и оцѣнены.

Изъ описей и оцѣнки запанъ видно, что они служили украшеніемъ не для однихъ мужскихъ кафтановъ, шубъ и шапокъ, но и для женскихъ вѣнцовъ, обручей, ожерелій, серегъ, перстней и рукавковъ, а также и для сѣдельныхъ арчаговъ.

Для доказательства въ этомъ считаю не излишнимъ привести изъ описной книги нѣсколько выписокъ по каждому платью или вещи отдѣльно.

«Кафтанъ,—объярь бѣлая, на собольихъ пупкахъ, опушенъ соболми, около его круживо золотное неболшое; аламы или запаны отпороты; въ рукавахъ собольи жъ пупки. Цѣна 60 рублевъ.—Шуба-объярь осиновая, рукава короткіе, полы собольи пластинчатыя, а въ стану и въ клиньяхъ собольи шейки, опушена огонками, снуры золотные; аламовъ и запанъ нѣтъ; въ рукавахъ исподы собольи. Цѣна 40 рублевъ.—Шапка, бархатъ алой, околъ лисица черная, тулейка пупковъ собольихъ; на ней 2 запаны золотыя: одна съ каруною, а другая круглая, въ нихъ алмазы и искры алмазныя. Цѣна, кромѣ запанъ, 5 рублевъ, а запанамъ цѣна 60 рублевъ.—Двѣ запаны съ алмазы, двойныхъ, и въ томъ числѣ одна въ серебрѣ, цѣна 850 рублевъ; а въ другой дву алмазовъ нѣтъ; цѣна 300 рублевъ. Запана, а въ ней 7 изумрудовъ, межъ изумрудовъ по два алмаза, и того 12-ть; у запаны чепь золотая, на концѣ у чепи яхонтъ лазоревой. Цѣна 300 рублевъ.—Вѣнецъ на цкѣ серебряной—золочена, низанъ жемчюгомъ, на проволокѣ серебряной живые репьи; а по немъ въ срединѣ 8 запанъ алмазныхъ съ яхонты и съ изумруды; межъ запонъ 7 камней яхонтовъ лазоревыхъ и изумрудныхъ въ серебреныхъ гнѣздахъ, да лалъ на проволокѣ, 4 изумруда

Digitized by Google

болшихъ на проволокѣ жъ, да въ нижнемъ поясу къ челу 20 запанъ алмазныхъ и яхонтовыхъ и изумрудныхъ, лазоревыхъ 7 камней въ гнѣздахъ въ коронкахъ, 8 запонъ алмазныхъ и яхонтовыхъ и изумрудныхъ, у короны 4 камня изумрудныхъ и яхонтовыхъ лазоревыхъ; и кругъ верхнева и середнева и нижнева репьевъ на серебреной проволокѣ зерна гурмицкія и кафинскія крупныя и мелкія, а межъ зеренъ каменье—изумрудцы и лялики и запанки неболшія. Подложенъ вѣнецъ камкою желтою. Цѣна 700 рублевъ.—Обручь съ шапки женскія, низанъ по серебреной цкѣ жемчюгомъ крупнымъ; а по обручю 16 запанъ изумрудныхъ и алмазныхъ съ искры яхонтовыми и изумрудными. Цѣна 285 рублевъ.—Ожерелейцо женское алмазное, а на немъ 25 запанъ, а въ запанкѣ по алмазцу; а межъ запанъ 50 зеренъ итольянскихъ малыхъ. Цѣна 60 рублевъ.—Серги, подъ концами запанки съ алмазами, и у обоихъ 2 камня вислыхъ, лалы китайскіе. Цѣна 200 рублевъ.—Персни золотые и съ запоны алмазными и одинокіе.—Рукавокъ, исподъ соболей и опушенъ соболемъ же; а на немъ: на одной сторонѣ 9 запонъ алмазныхъ, а на другой сторонѣ 8 запонъ съ алмазы жъ; а въ нихъ въ срединѣ 3 изумруда, а девятой запоны нѣтъ; а кругъ тѣхъ запонъ обнизано крупнымъ жемчюгомъ, въ срединѣ 6 камней алмазовъ въ гнѣздахъ, да запонка алмазная, а кругъ еѣ искры алмазныя, да 3 камня изумруда; кругомъ алмазовъ и изумрудовъ обнизано мелкимъ жемчюгомъ репьи, а въ репьяхъ изумруды и лалы и яхонтовыя искры. Цѣна 260 рублевъ.—Арчагъ, а у него оправа серебреная сканкая золоченая, а въ каймахъ искры яхонтовыя, а на лукахъ и на извѣстяхъ на передней и на задней лукѣ 10 запонъ въ золотѣ съ алмазы и яхонты, подушка и крылца и тебекки шиты волоченымъ золотомъ и серебромъ по зеленому бархату. Цѣна 60 рублевъ».

Что же касается до аламовъ, то, какъ сказано, во всей описной книгѣ имущества князей Голицыныхъ, за исключеніемъ отмѣтокъ, что аламы или отпороты, или ихъ нѣтъ,—чего либо другаго, могущаго послужить къ объясненію ихъ вида и употребленія—не имѣется.

По обстоятельству этому пришлось обратиться къ недавно изданной въ свѣтъ «Художественной Энциклопедіи», въ коей подъ словомъ «Аламъ» напечатано слѣдующее: «Аламъ пристяжное или накладное ожерелье, украшенное образцами, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, съ лопастями напереди, на плечахъ и назади; къ лопастямъ иногда прикрѣплялись кисти, а иногда отъ передней лопасти дѣлались нашивки, простиравшіяся до подола».

При такой очевидной несоотвѣтственности объясненія слова аламъ съ тѣмъ предположеніемъ, какое представляется объ этомъ словѣ изъ

Digitized by Google

описныхъ книгъ имущества князей Голицыныхъ, явилась необходимость искать другихъ источниковъ.

Но въ первомъ же изъ нихъ, именно: въ «Описаніи старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора», составленнаго П. И. Савваитовымъ въ 1865 году, оказалось, что въ «Художественной Энциклопедіи», для объясненія слова аламъ, помѣщено буквально то самое, что сказалъ про это слово П. И. Савваитовъ въ своемъ «Описаніи», и не сдѣлано отмѣтки о томъ, что источники, изъ которыхъ г. Савваитовъ почерпнулъ свое объясненіе, можно видѣть въ изданномъ имъ, г-мъ Савваитовымъ, «Описаніи»,— въ которомъ, вслѣдъ за вышеизложеннымъ объясненіемъ слова аламъ, помѣщено слѣдующее:

«Карамзинъ говоритъ, что «аламами» назывались наплечки съ застежками».—Но въ духовныхъ завѣщаніяхъ русскихъ князей, возражаетъ на это г. Савваитовъ, наплечки отличаются отъ аламовъ, какъ принадлежности ихъ, напр., въ духовной великаго князя Іоанна II-го Іоанновича (1356 г.) сказано: «далъ... князю Ивану.. аламъ жемчюжный... наплечки золоты съ круги съ каменьемъ и съ женчюги; аламъ малый съ женчюги, что ми дала княгиня Марья». Далѣе продолжаетъ П. И. Савваитовъ: «Висковатовъ считаетъ аламы нашивкою.— Въ Древностяхъ Россійскаго Государства аламами называются въ одномъ мѣстѣ наплечки, въ другомъ стоячій воротникъ или козырь, а въ третьемъ вообще воротники стоячіе и лежачіе. У И. Е. Забѣлина: аламы или образцы—большіе запаны. Д. И. Языковъ говоритъ, что аламъ—татарское испорченное слово, собственно «халомъ», но не объясняетъ его значеніе. В. В. Вельяминовъ-Зерновъ полагаетъ, что слово это можно производить отъ арабско-татарскаго слова аламъ—знакъ, значекъ, образецъ,—а отсюда, сказано въ книгѣ П. И. Савваитова, можно заключать, что наши пристяжныя или накладныя ожерелья получили названіе аламовъ отъ главнаго украшенія ихъ образцами» [1]).

Признавъ посему, что аламы суть пристяжныя или накладныя ожерелья съ лопастями напереди, на плечахъ и назади, П. И. Савваитовъ въ рисункахъ, приложенныхъ къ его «Описанію», помѣстилъ слѣдующія, подъ №№ 1, 2 и 3, изображенія аламовъ, тождественныхъ съ даннымъ имъ объясненіемъ этого слова.

Усматривая изъ приведенныхъ выписокъ, что единственнымъ поводомъ къ наименованію аламами ожерелій съ лопастями послужило

---

[1]) Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, стр. 149—151.

Digitized by Google

г-ну Савваитову исключительно то, что русское слово образецъ заключается въ арабско-татарскомъ словѣ аламъ, я попросилъ г. профессора Василія Дмитріевича Смирнова разъяснить—дѣйствительно ли это такъ?—на что и получилъ въ отвѣтъ, что по справкѣ съ турецко-арабо-персидскимъ лексикономъ Zenker'a, подъ словомъ «ъалэмъ» не значится, чтобъ въ числѣ производныхъ отъ него словъ состояло бы и слово образецъ [1]).

Но если бъ было и наоборотъ, то нѣтъ повода къ заключенію, что ежели главнымъ украшеніемъ одежды служатъ образцы или аламы, то де и одеждѣ присваивается названіе аламъ,—такъ какъ не одни пристяжныя ожерелья, но и другія одежды, какъ, напр., ферезеи и армячки украшались также образцами или аламами, и даже въ большемъ, противъ пристяжныхъ ожерелій, количествѣ, но все таки и ферезеи и армячки остались при своихъ именахъ и не переименовались въ аламы.

Къ этому необходимо присовокупить, что во всей книгѣ «Выходы Государей», за время 1632 по 1682 годъ, пристяжныя ожерелья встрѣчаются очень часто, но чтобъ они назывались аламами—не упоминается ни разу.

Но такъ какъ слово аламъ объяснялъ и И. Е. Забѣлинъ, въ статьѣ «Утварь мужскихъ и женскихъ нарядовъ», помѣщенной въ 8-мъ томѣ «Записокъ Императорскаго Археологическаго Общества», за 1853 годъ,

---

[1]) علم =ъалэмъ= „значокъ, штандартъ, знамя; знаки на храмахъ или иныхъ публичныхъ зданіяхъ; украшеніе на одеждахъ, галунъ, кайма, отворотъ, обшлагъ".

Zenker, Dictionnaire Turc-Arabe-Persan.

Digitized by Google

то слѣдовало ознакомиться и съ этимъ объясненіемъ, говорящимъ, что «Аламы или образцы, большіе запаны, полагаемыя на ѣздовомъ платьѣ, напр., на ферезеѣ, на чугѣ, одинъ на груди, другой на спинѣ, а остальные по плечамъ,—и что на нихъ изображались орлы, инроги и грифы».

Для доказательства такого заключенія г. Забѣлинъ привелъ слѣдующую выписку изъ «Выходовъ Государей»: «Да на той чюгѣ на грудяхъ и назади и на плечахъ нашиты четыре круги, по нихъ низаны орлы жемчюгомъ мелкимъ, да въ кругу жъ въ орлахъ по изумруду» [1]).

Дозволяю себѣ сказать, что круги, о которыхъ говорится въ выпискѣ, не имѣютъ отношенія ни къ аламамъ, ни къ образцамъ, ни къ запанамъ, потому что эти круги имѣли мѣсто только на царскихъ чюгахъ, при чемъ иногда они назади и не нашивались, на что и указываетъ слѣдующая выписка о другой чугѣ, а именно: «Чюга—отласъ золотной по червчатой землѣ, оксамиченъ; подпушка—отласъ по серебряной землѣ травы золотыя; подкладка тафта зелена; кружево и чепи низаны жемчюгомъ съ канителью по вишневому бархату; да на той же чюгѣ на грудяхъ и на плечахъ нашито четыре круга: въ томъ числѣ два круга, въ нихъ низано кресты и коруны съ яхонты червчаты и съ изумруды; два жъ круга, въ нихъ низаны орлы, въ орлахъ въ грудяхъ по яхонтику червчатому въ золотыхъ гнѣздехъ, да подъ переднимъ кругомъ двѣ пугвицы, обнизаны жемчюгомъ» [2]).

При этомъ изъ «Выходовъ Государей» нигдѣ не видно, чтобъ не то что на аламахъ, но и въ кругахъ вынизывались бы львы, инроги

[1]) Записки Импер. Археол. Общества, т. V-й, стр. 103—104.
[2]) Описаніе П. И. Савваитова, стр. 69–70.

Digitized by Google

и грифы, тогда какъ изображенія этихъ звѣрей вынизывались на образцахъ,—что и видно изъ той же книги, въ которой, на стр. 287-й, значится: «1653 г. іюня въ 16 день, Государю отпущено платья: ферези,—зуфь малинова, обрасцы инроги, низаны жемчюгомъ; іюня въ 17-й день, подано Государю платья: ферези ѣздовые,—зуфь сизова, подпушка отласъ золотной; образцы львы и грифы низаны жемчюгомъ».

Не находя посему нигдѣ не то что точнаго, но даже приблизительно-подходящаго объясненія слова аламъ, я обратилъ вниманіе на послѣднюю выписку, помѣщенную г. Савваитовымъ въ его «Описаніи», въ концѣ заключенія о словѣ аламъ, и говорящую о томъ, что аламы съ шубки царицы Агаѳьи Симеоновны были отданы на окладъ къ образу. Выписку эту г. Савваитовъ сдѣлалъ изъ Переписной книги одеждъ, оставшихся послѣ упомянутой царицы, гдѣ и значится слѣдующее: «Шубка столовая, бархатъ червчатъ; подкладка тафта желта, безъ пугвицъ и безъ аламовъ?»—Помѣчено: «А по справкѣ съ кроелною книгою аламы съ тое шубки выданы изъ хоромъ въ Серебряную полату на окладъ образа Пресвятыя Богородицы, что въ церквѣ на Потѣшномъ Дворѣ» [1]).

А такъ какъ въ сочиненіи И. Е. Забѣлина «Домашній бытъ Русскихъ царицъ» есть выписки изъ Кроельныхъ книгъ и изъ записокъ издѣльныхъ и другихъ расходовъ, то, благодаря этимъ выпискамъ, нашлось вѣрное указаніе на то, что именно называлось на Руси аламомъ.

Вѣрное указаніе дали первоначально Кроельныя книги, въ которыхъ значится: «1636 года марта 29, царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ скроена шубка накладная въ бархатѣ въ червчатомъ въ гладкомъ; въ кроенье пошло бархату 7 арш., да на подкладку 3 арш. 6 вершк. тафты желтой; да нашиты аламы кованы, серебряны, золочены, обнизано около аламовъ жемчюгомъ»,—и «1648 года генваря 14-го, на бархатную червчатую шубку нашивано круживо съ аламами». Въ расходныхъ же запискахъ значится «1681 года генваря 6-го, царицы Агаѳьи Симеоновны шубку, роспашня, бархатъ червчатъ гладкой, съ аламами серебряными, золоченными, чеканными, выдала изъ хоромъ боярыня княгиня Агаѳья Горчакова, а сказала: жемчюгъ, которой около тѣхъ аламовъ былъ обнизанъ, весь снятъ, и пугвицы отняты въ хоромехъ у государыни царицы, и отъ ожерелья нижній аламъ отнятъ же, въ хоромехъ же.—И, марта въ 3-й день, съ сей шубки оламы всѣ, щетомъ 46 мѣстъ, вѣсу въ нихъ 12 фунтовъ 83 золотника, сняты и сданы въ Серебряную палату [2])».

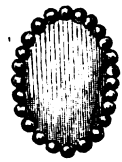
---

[1]) „Описаніе" г-на Савваитова, стр. 135.

[2]) Домашній бытъ русскихъ царицъ, стр. 97, 156, 168.

Digitized by Google

Изъ этихъ выписокъ видно, что аламами назывались кованныя или чеканныя серебряныя вызолоченныя пластинки, вѣсомъ отъ 26 до 27 золотниковъ въ каждой, которыя нашивались на женскія шубки и ожерелья, а затѣмъ обнизывались около жемчугомъ. Впослѣдствіи же, при надобности, онѣ отпарывались, при чемъ снималась съ нихъ и жемчужная обнизь, и пластинки эти, какъ вещи металлическія или серебряныя и при томъ не имѣющія на себѣ никакихъ украшеній или изображеній, долженствовавшихъ придать имъ особую, противъ заключающагося въ нихъ серебра, цѣнность, передѣлывались на другія издѣлія, а въ числѣ послѣднихъ и на оклады къ образамъ. Общеупотребительныя формы для аламовъ были: или совершенно круглыя, или же овальныя,—что и видно на рисункахъ русскихъ старинныхъ одеждъ.



Изъ описныхъ же книгъ движимаго имущества князей Голицыныхъ видно, что не одни женскія шубки и ожерелья, но и мужскіе кафтаны и шубы украшались аламами, вмѣстѣ съ запанами; при чемъ главнѣйшее отличіе аламовъ отъ запанъ состояло въ томъ, что на отшлифованной и вызолоченной пластинкѣ аламовъ не было ни одного хотя бы и изъ драгоцѣннаго камня пятна, тогда какъ запаны были загромождаемы не одними крупными алмазами, яхонтами, изумрудами, но и цѣлыми группами мелкихъ камней и ихъ искръ, и жемчуга, отличаясь, при этомъ, изяществомъ отдѣлки и разнообразіемъ формъ или оправъ.

Но такъ какъ драгоцѣнность камней, изящество отдѣлки и разнообразіе оправъ могли поражать только при ближайшемъ осмотрѣ ихъ и при умѣньи оцѣнивать стоимость камней, искусство отдѣлки и изящество оправъ, то аламы, не взирая на свою малоцѣнность и простоту, рѣзко выдѣлялись на одеждахъ между запанами, производя среди своей драгоцѣнной жемчужной обнизи, своими блистающими пластинками, большій эффектъ, чѣмъ запаны,—то этимъ, какъ мнѣ кажется, они вполнѣ удовлетворили тщеславію нашихъ щеголей и щеголихъ до-Петровскаго русскаго общества.

Аскалонъ Труворовъ.

Digitized by Google

Заводчикъ Александръ Яковлевъ

1828 г.

Встрѣтивъ на страницахъ „Русской Старины“ имя бывшаго владѣльца Холуницкихъ заводовъ, коллежскаго ассесора Саввы Яковлевича Собакина, впослѣдствіи переименовавшагося въ Яковлева и умершаго въ концѣ прошлаго столѣтія, я считаю не лишнимъ привести здѣсь письмо одного изъ его внуковъ, довольно живо переносящее насъ въ эпоху крѣпостнаго права.

У сына Собакина—коллежскаго совѣтника Ивана Саввича Яковлева († въ 1806 году), былъ сынъ надворный совѣтникъ Александръ Ивановичъ Яковлевъ († въ 1844 году), богатый заводовладѣлецъ; печатаемое ниже письмо было писано имъ, отъ 19 мая 1828 года, къ управителю Павлу Митюнину; приводимъ его съ буквальною точностію и съ соблюденіемъ подлинной орфографіи. Подобное письмо г. Яковлева уже однажды было напечатано въ „Русской Старинѣ“ изд. 1879 г., книга сентябрь.

Василій Ведерниковъ.

19 мая 1828 года.

Павелъ Митюнинъ. По всему мнѣ здается что закоснелые люди въ грубомъ невежествѣ, понимать и исполнять приказаніи и предписаніи, отъ помещиковъ рабамъ и Служащимъ имъ, сколько имъ очемъ нетверди понять онѣ немогутъ, послѣднее же Для сего имъ Средство быть Должно, нестолько уже словами Сколько Самымъ Дѣломъ, напримеръ раба Крепостнаго неисполняющаго приказанія Помещика Его Какъ Ослушника инегодяя чтобъ Симъ много неразглагольствовать къ досаде и огорченію Своему, Лутчее средство отдать въ Солдаты, а раба Служащаго Свободнаго, обременнаго нерадѣніемъ и такъ же неисполненіемъ приказаніевъ Жалованье Ему Дающаго, Согнать съ Заводу, Тѣмъ и дѣло кончить, нетъ тогда не шуму инеудовольствія,—вышеизложенное вразуми ты хорошенько и крепко въ Свежей памяти содержи чтобъ неподпасть тебѣ къ чему либо непріятному,—вышеизложенноежъ объясню я тебѣ къ чему относится,—вчерашней День съ отъездомъ твоимъ съ Климковскаго завода, на случай отлучьки твоей по силѣ предписанія моего, по заводамъ тобою управляемымъ велѣно было занятся Старому б..... Тебенькову, и ты какъ мнѣ лично докладывалъ, что

Digitized by Google

препоручилъ упомянутому Тебенькову, тотъ часъ по отъ Езде Твоемъ отправится напристань, по спешить Сильнѣйше пришедшую на пристань барку выгрузкою которая погружена была хлебомъ, и накидавъ барку Чугуномъ Тотъ Часъ Сюда отправить, которую по распоряженію Твоему и ожидалъ. Я нынешней День поутру приходомъ, но иносіе еще оная къ Травному неподошла, между тѣмъ двадцать березъ безъ молотовъ стоятъ, уголь железо горитъ, А тяги нѣтъ; послѣ этаго чего гнилой Тебеньковъ Заслуживаетъ, и безъ действенное распоряженіе его ковреду моему, недолжно ли Его съ завода выгнать, а ты молодой человѣкъ такъ же прснебрегъ обязанность свою, ипріехавши въ Климковской заводъ какъ полагать Я долженъ, не позже шести часовъ послеполудни, должно было тотъ часъ узнать объ отправленіи барки, и Естьли оная попріезде твоемъ не была отправлена тотъ часъ на пристань Гнать и барку отправленіемъ Сильнейше турить, посіе тобой Ето не исполнено, Я заоное Остаюсь на тебя въ большомъ неудовольствіи,—и скажу тебе решительно, Слушай митюнинъ! Служить нетужить, а Естьли и каково поступать будешъ, туга тебе такая будетъ, что ты уже оную нестужишъ, вотъ я тебе напередъ Сказалъ, Следственно Естьли стобой что Случится тогда ты на меня не пеняй.

Отправленіе сюда барокъ какъ только Для барки перечень чугуна Тысячи полтары пудовъ подойдетъ, то тотъ часъ оную и Есть что наличнаго железа въ хвостъ и въ Голову Гони, очемъ Симъ Снарочнымъ и даю тебе Знать, на встречу же идущей Каждой барки во всякое время Гонца посылай изузнавъ где барка идетъ тотъ часъ и опоспешнейшемъ подъемѣ объ оной Замышляй.

выплавкою Чугуна за 17-е число и при употребленіи Кричнаго Сока 200-хъ пудъ Остаюсь вѣсьма Я недовольнымъ,—Митюнинъ! внимай какъ настоящимъ деломъ Заниматся, Званіе свое оправдывать и отъ Онаго помещику Своему пользу доставлять.

По Приложенному при Семъ регистру на щетъ перевоски съ Чернохолуницкаго Завода Чугуна усмотрилъ какъ именно, кто изъвощиковъ Заподряженъ, а потому Закаждые Сутки подоставленіи съ Чернохолуницкаго завода на пристань Чугуна Закого Именно Заподрядившаго Служителя вощикомъ вывезено отмечай противъ каждаго Именника и объ ономъ по прошествіи Сутокъ доставляй мне Окуратное Сведеніе.

Старый Скотъ Тебеньковъ Доставилъ ко мне неверное Сведеніе оперевезенномъ съ Чернохолуницкаго Завода железе, онъ руководствовался махинально по приЕмке железа Служителемъ Ельшинымъ, незанявшись означенная Старая Скотина настоящею проверкою Ерлыковъ поприходу железа, Здѣсь попроверке Зуевымъ найдено что Служитель Ельшинъ отъ одного именника Плюснина на приходъ поставилъ Два пріема железа Каждый по 158 пудъ, а оттого и невѣрность послѣдовала, съ ожиданіемъ съ Чернохолуницкаго завода осемъ окуратнаго донесенія откроется то что Должно

Александръ Яковлевъ.

Digitized by Google

Вольныя и невольныя дѣянія стараго суда.

Мнѣ уже 56 лѣтъ и потому я хорошо помню то время, въ которое, по весьма вѣрному и мѣткому выраженію Аксакова, Россія была:

„Въ судахъ полна неправды черной!“

Диво, непонятно, откуда берутся защитники по истиннѣ ужаснаго прошлаго. Или они не были свидѣтелями того, что мы пережили, или просто стояли такъ высоко на іерархической лѣстницѣ, что не могли и не хотѣли замѣчать, что̀ вокругъ ихъ творилось. Правда, взятка въ то доброе старое время царила открыто вездѣ, но въ судахъ въ особенности, кромѣ того на подначальный судъ имѣла широкое вліяніе администрація и вообще лица со связями, съ вѣсомъ, и все это, конечно, должно было прикрываться и прикрывалось завѣсою, именуемою «сохраненіемъ канцелярской тайны». Само по себѣ формальный судъ не могъ быть судомъ по совѣсти; не имѣя права вдаваться въ разсужденія о побудительныхъ причинахъ и обстоятельствахъ преступленія, онъ рубилъ по буквѣ закона, съ плеча, хотя часто, по разнымъ причинамъ, и самый законъ попадалъ подъ пяту не только судей, но даже и секретаря. Вотъ изъ этого-то восхваляемаго и нынѣ иными времени хочу я увѣковѣчить два эпизода, глубоко врѣзавшіеся мнѣ въ память.

Дѣло было въ концѣ 1840-хъ или началѣ 1850-хъ годовъ и происходило въ небольшомъ губернскомъ городѣ. У зажиточнаго старика Бобова было три взрослыхъ сына; всѣ они были извощики-лихачи. Само собой разумѣется, что извощики этого сорта должны и знаютъ «милыхъ, но падшихъ созданій», служащихъ утѣхой и молодежи, и старичкамъ, офицерству и купеческимъ сынкамъ, и т. д.

Вотъ ѣдетъ разъ извощикъ молодой, красивый парень Бобовъ на биржу, увидала его дѣвица красная, правда невысокаго полета, ибо ходила еще не въ шляпкахъ, а въ платочкѣ на головѣ, проситъ лихача

Digitized by Google

подвезти ее по пути; тотъ согласился, да изъ любезности и докатилъ фею до ея невзрачнаго домика. Парень былъ навеселѣ и сталъ напрашиваться въ гости, но встрѣтилъ грубый отказъ; раздосадованный, онъ потребовалъ за провозъ деньги. И въ томъ отказъ; «нашла коса на камень»; завязалась ссора, извощикъ въ азартѣ схватилъ съ дѣвицы платокъ, а она съ него шапку, и была такова.

Въ прежнее время подобнаго рода дѣла кончались ничѣмъ; много, если буяна возьмутъ въ полицію, да заставятъ мести улицу. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, не тянуть же въ судъ, въ которомъ дѣла тянулись по пяти и болѣе лѣтъ, при чемъ во всякомъ случаѣ требовались и расходы. Но вотъ тутъ на бѣду парня, обиженная имъ оказалась изъ числа многихъ, покровительствуемыхъ однимъ виднымъ полицейскимъ чиновникомъ, сказать, между прочимъ, большимъ ходокомъ по женской части.

Дѣло загорѣлось, полиція начала слѣдствіе. Свидѣтели сосѣди, конечно, были,—ссора-то происходила днемъ и въ многолюдномъ кварталѣ города, но въ то время и свидѣтели боялись соприкасаться съ судомъ не менѣе подсудимыхъ. Разумѣется, всѣ они или поскрывались, или «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю». Бобовъ тоже заперся; ему предъявили шапку. На вопросъ: «его-ли?» отвѣчалъ отрицательно, но вотъ мать старуха, бывшая при допросѣ, закричала: «что ты отпираешься, Ваня, отъ своей-то шапки, шапка-то твоя». Эта улика и испортила дѣло. Конечно, Бобовъ былъ виноватъ, но бѣда въ томъ, что обвиненіе-то на него возвели тяжкое; ни много ни мало начали судить за произведеніе деннаго грабежа,—преступленіе, тяжко наказуемое. Нѣтъ сомнѣнія, знай старикъ Бобовъ къ чему клонится дѣло, смягчить судъ у него нашлось бы еще чѣмъ, но мудрено было предполагать, что повидимому и въ сущности не Богъ вѣсть какой проступокъ кончится бѣдой. Оскорбившійся же, въ тайнѣ, покровитель поналегъ; дѣло пошло необычайно спѣшно и судъ изъ ссоры извощика съ дѣвицей выкроилъ обвиненіе въ грабежѣ съ увеличивающими вину обстоятельствами. Приговоръ суда, на ряду съ другими, получилъ утвержденіе, виновный былъ возведенъ на эшафотъ, наказанъ плетьми и сосланъ въ Сибирь.

На позорномъ и тяжкомъ наказаніи присутствовалъ и полицейскій чиновникъ, иниціаторъ этого дѣла, и преравнодушно выслушалъ упреки со стороны своихъ знакомыхъ.... Происшествіе это волновало городъ; гласности не существовало еще и въ поминѣ....

Другой случай. Судился самоѣдъ-дикарь, извлеченный усердіемъ становаго изъ сѣверной тундры. Дѣло было такъ: праздновалась самоѣдская свадьба, на свадьбѣ появился самоѣдъ колдунъ; знахарь

Digitized by Google

этотъ расхвастался своими знаніями; оказалось: онъ зналъ заговоръ, по которому пуля его изъ ружья не брала... Нашлись скептики, завязался споръ, и вотъ болѣе энергичный взялся испытать, правда ли, что знахаря не беретъ пуля. Зарядили винтовку, колдунъ пробормоталъ заклинаніе, и вотъ, при всей честной компаніи, стрѣлокъ самоѣдъ прицѣлился, спустилъ курокъ и, къ удивленію компаніи, положилъ знахаря на мѣстѣ. Подсудимый пренаивно удовлетворялъ любопытство судей такъ: «онъ говоритъ не сустрелишь, а я говорю сустрелю, вотъ и сустрелилъ»; свидѣтели тоже говорятъ, что не находили въ этомъ ничего необычайнаго: герой вѣдь, вѣрно, зналъ какія либо слова, которыя побили и заговоръ уважаемаго знахаря.

Судъ, конечно, безспорно на законномъ основаніи, приговорилъ дикаря къ публичной казни, только полагаю едва ли удачный стрѣлокъ и вся его компанія поняли, за что вмѣсто ожидаемой славы и похвалы пришлось несчастному вынести и тяжкое наказаніе, и идти въ Сибирь.

Возможны ли,—спрошу я противниковъ современнаго суда,—подобнаго рода рѣшенія при судѣ съ присяжными, хотя бы при самомъ неудачномъ ихъ составѣ.

Да, судъ по формѣ уже самъ по себѣ мертвый судъ, а судъ зависимый и того хуже, послѣдній тянетъ уже за собой знаменитую канцелярскую тайну и отсутствіе гласности....

Нѣтъ, возвратиться на полстолѣтіе невозможно, какъ невозможно забыть того, что мы пережили встарь... Нѣтъ, не пойдетъ нашъ судъ ковылять на обѣ ноги. Не приложима будетъ къ нашему времени пословица: «съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись».

«Правда и милость да царствуетъ въ судахъ».

А. Кузнецовъ.

Digitized by Google

Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій

† 1865 г.

Милостивый государь Михаилъ Ивановичъ! Въ опроверженіе нелѣпаго разсказа о томъ, что будто бы нѣкій Фроловъ, въ 1865 году, заложилъ въ Берлинѣ тѣло бывшаго московскаго генералъ-губернатора графа Закревскаго, каковой разсказъ былъ напечатанъ въ одномъ изъ московскихъ журналовъ 1886 года и перепечатанъ въ одной изъ газетъ въ Кіевѣ, долгомъ считаю сообщить на страницахъ всѣми читаемой «Русской Старины» слѣдующее:

Покойный графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій похороненъ въ Италіи, въ нашемъ имѣніи «Галочето» въ четырехъ верстахъ отъ города Прато (Тоскана). Тѣло его покоится вмѣстѣ съ его супругой и дочерью, моей покойной женой, въ усыпальницѣ, сдѣланной изъ старинной католической церкви, освященной покойнымъ священникомъ посольской флорентинской церкви, Михаиломъ Никифоровичемъ Орловымъ.

Графъ скончался во Флоренціи 11-го января 1865 года. Въ городъ онъ переѣхалъ въ декабрѣ 1864 года. Всю же осень 1864 года онъ провелъ въ Галочето. Дѣйствительно, если не ошибаюсь, въ сентябрѣ 1864 года, какъ-то разъ утромъ увидалъ я подъѣзжавшаго къ Галочето Фролова и, зная, по моей предъидущей жизни въ Москвѣ, о ссылкѣ его въ Колу, не мало смутился его пріѣздомъ. Я встрѣтилъ и принялъ Фролова. Онъ тотчасъ меня успокоилъ, заявивъ на первыхъ же порахъ, что счелъ своею обязанностью, попавъ во Флоренцію, явиться къ графу Закревскому и поблагодарить его, такъ какъ ссылкой въ Колу онъ изъ него сдѣлалъ человѣка. Послѣ этого перваго визита, Фроловъ во всю бытность свою во Флоренціи не разъ пріѣзжалъ въ Галочето. Былъ онъ тогда далеко не молодъ и вполнѣ отказался отъ той жизни на широкую ногу, которую ему приписываетъ цитируемый газетой анекдотъ.

Послѣ кончины графа Закревскаго, тѣло его временно находилось въ часовнѣ протестантскаго флорентинскаго кладбища fuori la porta Pinti; затѣмъ, когда усыпальница въ Галочето была готова,—гробъ былъ перевезенъ, въ маѣ 1865 года, въ эту усыпальницу, гдѣ и находится до сихъ поръ.

Надѣюсь, послѣ всего мною сказаннаго,—излишне было бы заявлять, что въ упомянутомъ анекдотѣ нѣтъ ни слова правды.

Князь Д. В. Друцкой-Соколинскій

Digitized by Google

Эпизодъ изъ быта помѣщиковъ

(1847 г.).

Будучи постояннымъ подписчикомъ „Русской Старины“ съ 1872 года, я съ особеннымъ удовольствіемъ вижу, что редакція съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ представляетъ быль въ настоящемъ ея видѣ и охотно помѣщаетъ дѣлаемыя поправки и возраженія.

Прочитывая въ февральской книгѣ изд. 1887 г. историческій очеркъ „Борьба крестьянъ съ помѣщичьею властью въ царствованіе императора Николая I-го“, я былъ удивленъ, что на стр. 405, гдѣ говорится объ убійствахъ дворовыми крестьянами помѣщ. Лесневскаго, убійства эти приписаны и вызваны злоупотребленіемъ помѣщичьей власти [1]). Факты эти, вѣроятно, взяты изъ вывода комиссіи, производившей слѣдствіе; между тѣмъ дѣло это, происходившее въ первыхъ числахъ января 1847 года, у меня свѣжо въ памяти и въ дѣйствительности такъ мнѣ представляется.

П. Лесневскій, пожилыхъ лѣтъ, вдовь, бездѣтный, богатый, жилъ хотя скромно, но открыто; домъ его, кромѣ родныхъ, былъ пріютомъ посторонникъ, по праздникамъ же сборнымъ пунктомъ для сосѣдей. При такой жизни ему не было ни надобности, ни даже времени, серіозно заниматься хозяйствомъ и угнетеніемъ крестьянъ, положенію которыхъ въ то время завидовали сосѣдніе крестьяне.

Убійцы были дворовыми съ малыхъ лѣтъ; Афонька, главный зачинщикъ, былъ незаконнорожденнымъ. Занятіе ихъ было только прислуживать какъ самому владѣльцу, такъ его гостямъ; въ матеріальномъ отношеніи дворовые были обезпечены и при томъ были вполнѣ грамотны, что для того времени можетъ служить доказательствомъ гуманности Лесневскаго, а потому въ свободное время занимались чтеніемъ газетъ.

Газеты 1846 года, какъ извѣстно, были полны извѣстіями о происшествіяхъ въ Галиціи, въ которыхъ крестьянинъ Шеля, какъ атаманъ, сдѣлался извѣстнымъ Европѣ и какъ тогда молва, а отчасти газеты, утверждали, что Шеля, кромѣ поддержки своей среды, пользовался поддержкой австрійскаго правительства въ лицѣ кн. Меттерниха.

---

[1]) Въ статьѣ В. И. Семевскаго въ данномъ случаѣ вовсе не говорится о какихъ либо особенныхъ злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, а на основаніи всеподданнѣйшаго отчета министра внутреннихъ дѣлъ сказано, что убійство было вызвано наказаніемъ розгами двоюроднаго брата убійцъ и «издавна замѣченнымъ» въ нихъ «нерасположеніемъ и даже ненавистью къ помѣщичьей власти». На то, что Галиційскія волненія 1846 г. могли повліять на усиленіе волненій въ западной Россіи, указано въ другомъ мѣстѣ статьи (стр. 412—413), но думать, что въ данномъ случаѣ «Афонька» (по выраженію г. Есмана) непремѣнно размышлялъ о томъ, что «находитъ поддержку въ народѣ и правительствѣ австрійскомъ»,—нѣтъ никакихъ основаній. Ред.

Digitized by Google

Афонька, главный зачинщикъ, вполнѣ разсчитывалъ, что то, что находитъ поддержку въ народѣ и правительствѣ австрійскомъ, то само можетъ осуществиться въ Россіи, и что только слѣдуетъ взять на себя починъ, а потому, подговоривъ товарища, однажды утромъ, 8 или 9 января 1847 г., произвелъ нѣсколько убійствъ въ своемъ фольваркѣ; но видя, что, кромѣ ихъ двухъ изъ дворовыхъ и рабочихъ, никто болѣе участія не принимаетъ, взяли съ конюшни лошадь и отправились въ им. Стайки Поренбскихъ, полагая найти тамъ болѣе сочувствія своему предпріятію.

Убивъ обоихъ Поренбскихъ и видя, что дворовые, объятые ужасомъ, отъ нихъ скрылись и бѣгутъ, отправились въ им. Плино Коморскаго, гдѣ, послѣ убіенія одного только Коморскаго, тотъ самый встрѣтили пріемъ со стороны дворовыхъ, что въ Стайкахъ, почему рѣшили уже спастись бѣгствомъ и бѣжали по направленію къ Украйнѣ, но подъ Чечерскомъ, въ 20 верстахъ, были пойманы.

Ярославъ Есманъ,
помѣщикъ Мог. губ.

1887 г. февраля 27.

С. И. Зарудный.

Въ нашемъ біографическомъ очеркѣ „А. В. Головнинъ“ (№ 3, мартъ, 1887 г., „Русск. Стар.“) въ числѣ лицъ, бывшихъ весьма близкими съ покойнымъ, мы забыли упомянуть Сергѣя Ивановича Зарудnаго, одного изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей въ эпоху созданія „Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II“ и введенія въ Россіи судебной реформы.

Глубоко уважая А. В. Головнина, С. И. Зарудный посвятилъ свой замѣчательный переводъ „Божественной комедіи“ Данта Александру Васильевичу Головнину.

Ред.

Поправки.

(См. мартовскую книгу „Русской Старины“ изд. 1887 г.).

Стран. 538,	строка 19	сверху,	напечатано: 1860 гг.,	слѣдуетъ читать: 1760 гг.
„ 710	„	6 снизу	Дмитріева	Дмитріеву
„ 718	„	5 сверху	ея	его
„ 792	„	4 —	молодость	молодежь
„ 794	„	10 снизу	1805 г.	1808 г.

544—545 (Неправильно размѣщены примѣчанія: прим. на стр. 544 (о гр. Румянцовѣ) должно быть отнесено на стр. 545 первымъ примѣчаніемъ, а первое прим. на стран. 545—слѣд. отнести на стр. 544).

Въ Воспоминаніяхъ князя Павла Арсеньевича Путятина, напечатанныхъ въ январьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1887 г., на стр. 130 напечатано: принцъ Евгеній Максимильяновичъ Лейхтенбергскій, слѣд. читать: принцъ Николай Максимильяновичъ Лейхтенбергскій. Кн. П. П.

Digitized by Google

Продается оставшееся въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ изданіе:

АЛЬБОМЪ

Русскіе дѣятели въ гравюрахъ

академика Л. А. Сѣрякова

[пятьдесятъ гравюръ].

ЦѢНА **шесть** РУБЛЕЙ.

Подписчики «Русской Старины» по 1-е мая 1887 г. могутъ получить этотъ **Альбомъ** за **ДВА** руб. съ пересылкою.

Книга: «**Русскіе дѣятели въ портретахъ**», *изданныхъ редакціею историческаго журнала «Русская Старина»,* **второе собраніе**,— *разошлась сполна и не имѣется для продажи ни одного экземпляра.*

Въ непродолжительномъ времени поступитъ въ продажу книга:

ДНЕВНИКЪ

ПРЕБЫВАНІЯ

ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ

ВЪ ДУНАЙСКОЙ АРМІИ

въ 1877 году.

Составилъ Л. М. Чичаговъ.

Изданіе второе.

Печатано съ Высочайшаго разрѣшенія.

Спб. 1887 г., 517 стр.

ЦѢНА **3 р. 50 к.**

Подписчики «Русской Старины» могутъ получить эту книгу по уменьшенной цѣнѣ, именно за **ДВА** *руб.* **50** *коп. съ пересылкою.*

Digitized by Google

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ИЗД. 1886 Г.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Содержаніе: Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII в. Состав. Гельбигъ.—Зап. Ал. Мих. Тургенева,—Павла Вас. Чичагова,—ген. Чаплица (1812 г.),—Э. И. Стогова,—Ѳ. Я. Мирковича (1840 г.),—Л. А. Загоскина, 1822—1826,—М. Я. Ольшевскаго (1826—1833 гг.),—докт. Я. А. Чистовича.—Литературная кофейня въ Москвѣ, 1830—1840 гг., воспом. А. Д. Галахова.—Старый судъ, очерки и воспом. Н. М. Колмакова. — Моск. университетъ, въ очеркѣ и характеристикѣ А. Н. Афанасьева (1850 г.).—Нѣмецъ и французъ въ запискахъ о Россіи 1839 г.—Въ учил. правовѣдѣнія, воспом. И. А. Тютчева и К. К. Арсеньева.—На Дунаѣ и въ Севастополѣ, 1854—1855 гг., зап. П. В. Алабина и Н. А. Крыжановскаго. — Воспом. декабристовъ А. П. Бѣляева и М. И. Муравьева-Апостола. — Воспом. Татьяны Петр. Пассекъ. — Польская смута, 1861 — 1863 гг., въ очеркахъ А. Вязмитинова и В. Баратынскаго. — Театральное училище, изъ зап. Н. И. Куликова.—Петерб. итал. опера 1840-хъ гг., изъ воспом. А. Н. Яхонтова.—Война 1877—1878 гг., зап. ген.-отъ-инф. П. Д. Зотова.—Плевненское сидѣнье 1877 г., очеркъ Н. К. Шильдера.—Къ новѣйшей исторіи Болгаріи, 1881—1883 гг.—Записки композ. Гавр. Як. Ломакина,—артиста Л. Л. Леонидова.—Зап. Дм. Ив. Киніани.—Ѳеофилактъ Лопатинскій, архіеп. тверской, 1706—1741 гг., очеркъ И. Я. Морошкина.—Митроп. Іоаннъ Максимовичъ, † 1715 г.—Филаретъ Дроздовъ, митр. московскій, 1782—1867 гг.—Елена Андр. Ганъ, біогр. очеркъ Е. С. Некрасовой. — Ник. Ив. Костомаровъ, очерки и воспоминанія В. И. Семевскаго, Д. Л. Мордовцева и Н. А. Бѣлозерской.—Проф. К. А. Коссовичъ. — Н. И. Пироговъ, очеркъ жизни и разсказы о немъ. — В. И. Водовозовъ, воспом. о немъ и посмертн. стихотв.—Проф. живоп. И. И. Кёлеръ.—Гр. Дм. Ал. Милютинъ 1861—1881 гг.—М. И. Муравьевъ-Апостолъ, † 1886 г. — Фетх-Али-шахъ и его дѣти, истор. очеркъ Ад. П. Берже. — Война съ Польшею въ перепискѣ имп. Николая I съ гр. Дибичемъ, 1831 г. — Цесар. Александръ Николаевичъ въ письмахъ къ К. К. Мердеру.—Разсказы объ имп. Николаѣ I ген.-л. Е. А. Егорова.—Записка К. Д. Кавелина объ освобожденіи крестьянъ.—Крѣпостное право въ народныхъ пѣсняхъ, собралъ П. В. Шейнъ. Стихотворенія: Ив. Серг. Аксакова, 1841—1844 гг.,—С. Т. Аксакова, 1857 г., — С. П. Шевырева, 1858 г., — Н. М. Языкова,—А. Н. Яхонтова,—А. Подолинскаго,—Н. Добролюбова, — Н. А. Некрасова,—Походъ русской арміи въ Индію, проектъ ген.-л. Евг. Егорова, 1854 г.—Николаевская жел. дорога, очеркъ А. И. Штукенберга.—Кавказъ и его военачальники, 1854—1864 гг., очеркъ И. С. Кравцова.—Послѣдніе дни въ русской Америкѣ, 1867 г., очерки очевидца М. И. Вавилова.—Письма Н. В. Гоголя къ М. С. Щепкину,—Ив. Серг. Тургенева къ его брату, 1863—1878 гг.,—А. Н. Островскаго, и многіе другіе статьи и матеріалы.

Портреты: въ Бозѣ почивающій императоръ Александръ II, гравюра на мѣди Ѳ. А. Мѣркина. — Гр. Вик. Ник. Панинъ и сенаторъ Як. Александр. Соловьевъ, гравир. И. И. Матюшинъ.—Генер. Н. И. Евдокимовъ, гравир. Грачевъ.—Ген.-отъ-инф. П. Д. Зотовъ, грав. Матэ.—Ген.-ад. гр. Дм. Алексѣев. Милютинъ, гравир. на мѣди акад. И. И. Пожалостинъ (отпечат. въ Парижѣ).—Проф. Т. Н. Грановскій,—композ. Г. И. Ломакинъ, грав. В. В. Матэ.—Э. И. Стоговъ, грав. Г. И. Грачевъ,—Ад. П. Берже и В. И. Водовозовъ, грав. на мѣди Ѳ. А. Мѣркинъ. — М. И. Муравьевъ-Апостолъ, † 1886 г.,—проф. И. И. Кёлеръ, грав. И. И. Матюшинъ.—Петръ Мих. Еропкинъ, † 27 іюня 1740 г., гравир. Г. И. Грачевъ. Рисунки: Памятники Александру II, сооруженные крестьянами;—видъ дома и церкви въ селѣ Вишнѣ, въ имѣніи Н. И. Пирогова; — памятникъ на общей могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хрущова, сооружен. въ 1885 г., и барельефъ на этомъ памятникѣ, гравюры В. В. Матэ; — памятникъ гр. Н. И. Евдокимову, грав. Г. И. Грачевъ;—памятникъ Славы въ Спб. (сооруж. въ 1886 г.), грав. А. И. Даугель.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Константинъ Батюшковъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЕКАТЕРИНА II ВЪ ПЕРЕПИСКѢ СЪ ДОКТОРОМЪ ЦИММЕРМАННОМЪ

1784—1791.

I.

Сношенія императрицы Екатерины съ извѣстными учеными и писателями въ западной Европѣ характеризуютъ ту замѣчательную роль, которую она играла въ качествѣ посредницы между Россіею и другими народами. Такъ называемая литература просвѣщенія оказывала сильное вліяніе на Россію, главнымъ образомъ, чрезъ императрицу. При составленіи знаменитаго «Наказа» образцами служили капитальные труды Беккарія и Монтескье; Вольтеръ сдѣлался наставникомъ и другомъ не только самой императрицы, но и нѣкоторыхъ русскихъ вельможъ, путешествовавшихъ по западной Европѣ; Екатерина сдѣлалась членомъ Берлинской академіи наукъ; ея переписка съ Дидеро и Даламберомъ, съ барономъ Гриммомъ и Фальконетомъ и пр. свидѣтельствуетъ объ оживленной связи, существовавшей между корифеями умственнаго быта на западѣ и высшими слоями русскаго общества.

Съ нѣкоторыми изъ своихъ западно-европейскихъ корреспондентовъ императрица была лично знакома. Дидеро пріѣхалъ въ Россію на нѣкоторое время и пользовался особеннымъ вниманіемъ Екатерины. Гриммъ два раза пробылъ въ Россіи по нѣсколько мѣсяцевъ; старанія императрицы удержать его въ Петербургѣ, давъ ему нѣкоторую должность, оказались тщетными. Фальконетъ, трудившійся надъ статуею Петра Великаго, прожилъ въ Россіи нѣсколько лѣтъ. Принцъ де-Линь бывалъ неоднократно въ Россіи, и, въ качествѣ остроумнаго собесѣдника Екатерины, занималъ весьма видное мѣсто при русскомъ дворѣ.

За то нѣкоторые другіе знаменитые представители литературы,

Digitized by Google

искусства, науки, находившіеся на западѣ и состоявшіе въ сношеніяхъ съ императрицею Екатериною, никогда не бывали въ Россіи. Вольтеръ мечталъ было о поѣздкѣ ко двору «Семирамиды Сѣвера», но его путешествіе не состоялось. Когда Екатерина пригласила Даламбера пріѣхать въ Петербургъ для занятія должности наставника и воспитателя великаго князя Павла Петровича, знаменитый философъ отказался отъ принятія этого предложенія. Когда знаменитый американскій писатель и государственный дѣятель Беньяминъ Франклинъ выразилъ желаніе пріѣхать въ Россію, Екатерина, интересовавшаяся и его личностью, и его трудами, все таки совѣтовала ему не предпринимать столь далекаго путешествія, опасаясь, что отъ этого можетъ пострадать здоровье знаменитаго старца и руководствуясь въ то же время другими соображеніями.

Къ лицамъ, пользовавшимся особеннымъ вниманіемъ Екатерины, но никогда лично не познакомившимся съ нею, принадлежалъ докторъ Іоганнъ Георгъ Циммерманнъ. Около семи лѣтъ продолжалась довольно оживленная переписка между Циммерманномъ и Екатериною; неоднократно въ продолженіе этого времени была рѣчь о пріѣздѣ въ Россію этого знаменитаго врача-философа. Однако его путешествіе не состоялось. Циммерманнъ оставался въ Германіи.

Вся переписка доктора Циммерманна съ императрицею Екатериною хранится въ настоящее время въ королевской библіотекѣ въ Ганноверѣ, куда она перешла изъ наслѣдства Циммерманна.

Въ 1803 году въ Бременѣ явился трудъ ольденбургскаго лейбъ-медика Г. М. Маркарда: «Zimmermanns Verhältnisse mit der Kayserin Catharina II und mit dem Herrn Weikard». Это сочиненіе имѣетъ чисто полемическій характеръ. Оно направлено противъ Вейкарда, издавшаго въ 1802 году мемуары, заключавшіе въ себѣ довольно сильныя выходки противъ доктора Циммерманна. Маркардъ, другъ Циммерманна, полемизируя противъ Вейкарда, сообщаетъ въ этой книгѣ разныя любопытныя данныя о перепискѣ знаменитаго медика съ императрицею, а въ приложеніи къ своему труду напечаталъ важнѣйшія письма, которыми обмѣнялись Екатерина и Циммерманнъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ (1785—1791). Къ сожалѣнію, тутъ не появилась вся корреспонденція. Маркардъ прямо говоритъ (на стр. 301), что имъ издана лишь нѣкоторая часть переписки («einen Theil der Correspondenz»), а далѣе изъ предисловія къ этому приложенію и изъ самаго изданія писемъ видно, что письма напечатаны не безъ пропусковъ [1]).

[1]) Маркардъ, 301—396.

Digitized by Google

Русскій переводъ изданія Маркарда явился въ 1803 же году въ Петербургѣ подъ заглавіемъ «Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II съ докторомъ Циммерманномъ съ 1785 по 1792».

Сколько намъ извѣстно, письма Циммерманна къ императрицѣ затѣмъ нигдѣ не были напечатаны. За то письма Екатерины къ Циммерманну изданы въ русскомъ переводѣ въ III-мъ томѣ «Сочиненій императрицы Екатерины II» (изд. А. Смирдина, С.-Петербургъ, 1850, стр. 435—482). Въ изданіи Императорскаго Историческаго Общества «Бумаги императрицы Екатерины», въ которомъ помѣщены письма государыни къ разнымъ ученымъ и писателямъ, помѣщены весьма лишь немногія письма Екатерины къ Циммерманну, т. е. изъ около двадцати писемъ, помѣщенныхъ въ изданіи Маркарда, не болѣе пяти. За то въ «Сборникѣ Историческаго Общества» (въ XXVII томѣ, стр. 388, 397 и 461] напечатаны три письма Екатерины къ Циммерманну, до сихъ поръ совершенно неизвѣстныя.

Таковъ матеріалъ, находящійся въ нашемъ распоряженіи при составленіи слѣдующаго очерка.

II.

Очеркъ жизни Циммерманна.

Іоганнъ Георгъ Циммерманнъ родился въ 1728 году, въ мѣстечкѣ Бруггъ, въ кантонѣ Аарау, въ Швейцаріи. И въ качествѣ врача, и какъ писатель, затрогивавшій философскіе вопросы, онъ пріобрѣлъ извѣстность и внѣ предѣловъ своего отечества, въ особенности же въ Германіи, куда онъ переселился и гдѣ онъ оставался до конца жизни. Порою онъ имѣлъ сношенія съ коронованными лицами, какъ-то съ королемъ англійскимъ Георгомъ III, съ Фридрихомъ Великимъ и пр. Между его сочиненіями заслуживали наибольшаго вниманія: «Vom Nationalstolze» (появилось сначала въ Цюрихѣ первымъ изданіемъ уже въ 1758 году, а затѣмъ вторымъ изданіемъ въ 1789), «Von der Erfahrung in der Arzneiwissenschaft» (въ двухъ томахъ; первое изд. явилось въ 1764 году, второе въ 1787), «Fragmente über Friedrich den Grossen» (въ трехъ томахъ, явилось въ 1790 году); изъ другихъ менѣе важныхъ трудовъ Циммерманна можно назвать еще его біографію знаменитаго врача Галлера, сочиненіе о кровавомъ поносѣ и проч. Самымъ извѣстнымъ трудомъ Циммерманна была книга «Ueber die

Digitized by Google

Einsamkeit». Это сочиненіе, какъ мы увидимъ ниже, послужило главнымъ средствомъ сближенія между Циммерманномъ и императрицею Екатериною. Первое изданіе явилось уже въ 1755 г.; въ совершенно новомъ и гораздо болѣе обширномъ видѣ оно вышло вторымъ изданіемъ въ 1784 г., въ четырехъ большихъ томахъ, и именно второе изданіе, попавъ въ руки Екатерины, произвело на нее глубокое впечатлѣніе.

Литературная дѣятельность доставила Циммерманну громкую извѣстность. Кромѣ того, онъ и въ качествѣ врача пользовался замѣчательною репутаціею. Къ нему обращались больные изъ разныхъ странъ; онъ состоялъ лейбъ-медикомъ при англійскомъ королѣ, что, впрочемъ, не мѣшало его постоянному пребыванію въ Ганноверѣ. Разумѣется, всему этому соотвѣтствовало блестящее матеріальное положеніе.

Циммерманнъ отличался не только замѣчательною эрудиціею въ наукахъ, но также особенною утонченностью внѣшняго лоска въ обращеніи съ людьми. Въ высшихъ сферахъ тогдашняго общества господствовалъ французскій языкъ. И при нѣмецкихъ дворахъ въ то время говорили почти исключительно по французски. Императрица-королева Марія-Терезія переписывалась со своими сыновьями и съ дочерью Маріею Антуанетою не иначе, какъ по французски. Король Фридрихъ II владѣлъ хуже нѣмецкимъ языкомъ, нежели французскимъ. Екатерина, нѣмка, въ перепискѣ съ Гриммомъ, въ сущности также бывшимъ нѣмецкаго происхожденія, употребляла почти исключительно французскій языкъ, и развѣ только въ видѣ особенной шутки примѣшивала къ своимъ письмамъ кое-какія нѣмецкія фразы.

Циммерманнъ прекрасно владѣлъ французскимъ языкомъ, и это обстоятельство содѣйствовало его сношеніямъ съ разными вельможами и коронованными лицами. Отличаясь необычайною способностью къ остроумной бесѣдѣ, умѣя льстить высокопоставленнымъ лицамъ, онъ легко могъ разыгрывать роль царедворца. Въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма, во время распространенія либеральныхъ доктринъ при дворахъ, воззрѣнія на разныя вещи коронованныхъ лицъ часто сходились съ убѣжденіями писателей-прогрессистовъ. Іосифъ II, Фридрихъ II, Екатерина II проповѣдывали свободу, республиканцы-швейцарцы, какъ, напр., Лагарпъ и Циммерманнъ, могли разыгрывать важную роль въ сношеніяхъ съ коронованными лицами. Екатерина, такимъ образомъ, въ разныхъ отношеніяхъ имѣла много общаго съ Циммерманномъ.

Впрочемъ, Циммерманнъ ни въ своихъ сочиненіяхъ, ни въ своихъ

Digitized by Google

письмахъ не затрогивалъ вопросовъ государственнаго права. Его гораздо болѣе занимали предметы философіи, задачи изящной литературы, вопросы медицины. Онъ былъ то, что называется «bel-esprit», «Schöngeist». Все это дѣлало его способнымъ быть пріятнымъ собесѣдникомъ особенно такихъ высокопоставленныхъ лицъ, которыя, какъ, напр., Фридрихъ II и Екатерина, занимались охотно литературою, были нѣкоторымъ образомъ философами. Между Циммерманномъ и этими властелинами, игравшими роль меценатовъ, покровителей ученыхъ и писателей, не могли возникнуть какія либо недоразумѣнія. Угождая великимъ міра, онъ никогда имъ не противорѣчилъ. Онъ дорожилъ своими сношеніями съ монархами, высоко цѣня дарованныя ими почести и награды.

Циммерманнъ часто страдалъ разными болѣзнями и вообще не отличался крѣпкимъ здоровьемъ. Этимъ, какъ кажется, главнымъ образомъ объясняется, особенно въ послѣднее время его жизни, чрезвычайная раздражительность, которая болѣе всего обнаруживается въ его столкновеніяхъ съ другими писателями. Въ его разладѣ съ докторомъ Вейкардомъ нельзя не приписывать бо́льшую долю вины Вейкарду, однако, въ образѣ дѣйствій Циммерманна при этомъ случаѣ проглядываетъ нѣкоторое самолюбіе. Особенно рѣзко Циммерманнъ столкнулся также въ послѣдніе годы жизни съ извѣстнымъ писателемъ Книгге, авторомъ знаменитаго сочиненія «Ueber den Umgang mit Menschen».

Циммерманнъ былъ годомъ старше Екатерины. Онъ годомъ раньше ея умеръ, въ 1795 году [1]).

---

[1]) Существуетъ нѣсколько біографій Циммерманна. О немъ писали Тиссо, Дернигъ и Бодеманнъ. Сочиненіе послѣдняго автора появилось въ Ганноверѣ въ 1878 году. Къ сожалѣнію, мы не могли пользоваться ни однимъ изъ этихъ трудовъ. В.

Digitized by Google

III.

Встрѣча Циммерманна съ Григ. Григ. Орловымъ.

До первыхъ сношеній, завязавшихся между императрицею Екатериною и Циммерманномъ, достойна вниманія его встрѣча съ княземъ Орловымъ.

Григорій Орловъ, послѣ того, какъ онъ лишился своего значенія при дворѣ Екатерины и былъ замѣненъ другими фаворитами, какъ извѣстно, женился въ 1777 году на своей родственницѣ, молодой Зиновьевой. Въ 1780 году онъ, вмѣстѣ со своею супругою, отправился путешествовать по Европѣ. При этомъ случаѣ онъ, весною этого же года, нарочно пріѣхалъ въ Ганноверъ, для того, чтобы познакомиться съ знаменитымъ врачемъ-писателемъ. Княгиня Орлова, скончавшаяся нѣсколько мѣсяцевъ позже, уже въ это время была довольно серьезно больна. Быть можетъ, поѣздка Орловыхъ въ Ганноверъ была вызвана желаніемъ посовѣтоваться съ Циммерманномъ, какъ съ замѣчательнымъ медикомъ, о положеніи княгини. Однако, такъ какъ вообще мы почти никакихъ подробностей этого путешествія не знаемъ, мы ничего положительнаго не можемъ сказать и по этому предмету [1]).

Орловы пріѣхали въ Ганноверъ исключительно изъ-за Циммерманна. Князю Циммерманнъ чрезвычайно понравился, и Орловъ на Циммерманна произвелъ чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе. Они сблизились, и новая дружба была поводомъ тому, что Циммерманнъ послѣ того, какъ Орловы нѣсколько дней провели въ Ганноверѣ и отправились на воды въ Эмсъ, былъ ихъ спутникомъ и прожилъ съ ними въ Эмсѣ цѣлый мѣсяцъ.

Въ Эмсѣ Орловъ до того полюбилъ Циммерманна, что не желалъ болѣе съ нимъ разставаться. Поэтому онъ сдѣлалъ ему предложеніе, не въ качествѣ доктора, а въ качествѣ друга и собесѣдника, жить у него на чрезвычайно выгодныхъ условіяхъ. Богатство Орлова давало ему возможность предложить Циммерманну весьма щедрое вознагражденіе. Циммерманнъ въ то время состоялъ впрочемъ, какъ кажется, лишь номинально, лейбъ-медикомъ при англійскомъ королѣ Георгѣ III.

---

[1]) Въ интересной біографіи Гр. Орлова, составленной Н. П. Барсуковымъ („Русскій Архивъ“, 1873), объ этомъ путешествіи говорится лишь кратко. В.

Digitized by Google

Орловъ обѣщалъ дать вдвое болѣе того жалованья, которое Циммерманнъ получалъ отъ короля, т. е. 2,400 талеровъ. Циммерманнъ долженъ былъ послѣ пріѣзда съ Орловымъ въ Россію занять даровую квартиру или во дворцѣ Орлова въ Петербургѣ, или на его дачѣ въ Гатчинѣ; кромѣ того, онъ долженъ былъ имѣть экипажъ, прислугу, столъ и пр. Орловъ умолялъ его принять это предложеніе, выставляя на видъ, что если Циммерманнъ не захочетъ оставаться при Орловѣ, онъ, по истеченіи одного года, можетъ удалиться изъ Петербурга куда хочетъ, съ правомъ полученія пожизненной пенсіи, въ размѣрѣ 1200 талеровъ. До чего доходило сильное желаніе Орлова удержать при себѣ Циммерманна, видно изъ его предложенія, тотчасъ же пригласить изъ Вецлара стряпчаго для составленія документа о контрактѣ съ Циммерманномъ и обезпечить на всякій случай пожизненную пенсію сего послѣдняго внесеніемъ въ амстердамскій или лондонскій банкъ капитала, проценты котораго соотвѣтствовали бы суммѣ 1,200 талеровъ ежегодно.

Циммерманнъ не принялъ предложенія Орлова. Тогда князь сдѣлалъ ему другое предложеніе. Циммерманнъ не въ качествѣ врача, а для занятія какого то другаго мѣста долженъ былъ поступить на службу у императрицы съ окладомъ 10,000 рублей [1]).

Объ этихъ предложеніяхъ, сдѣланныхъ Циммерманну Орловымъ, мы знаемъ не только изъ письма Циммерманна къ Вейкарду, писаннаго четырьмя годами позже, а именно, въ 1784-мъ году, но также изъ сочиненія Маркарда, разсказывающаго, что Циммерманнъ въ 1780-мъ году изъ Эмса писалъ въ Ганноверъ объ этомъ дѣлѣ, а также впослѣдствіи устно разсказывалъ ему, Маркарду, о подробностяхъ предложенія князя [2]).

Достойно вниманія то обстоятельство, что Орловъ считалъ себя въ правѣ вести переговоры съ Циммерманномъ, не имѣя прямаго порученія отъ императрицы, но дѣйствуя какъ бы въ ея интересѣ, отъ ея имени. Трудно сказать, какую должность при русскомъ дворѣ Орловъ могъ имѣть въ виду для знаменитаго доктора. Едва ли Циммерманнъ годился бы для занятія какого либо мѣста въ высшей администраціи, а между тѣмъ громадное жалованье, которое сулилъ Орловъ Циммерманну, прямо указываетъ на очень важную должность. Легко возможно, что эксцентрическій, увлекающійся князь Орловъ, скоро послѣ этого

---

[1]) Dies war aber nicht eine medicinische Stelle; denn der Fürst glaubte, dass die Kaiserin mich auch in anderen Fächern gebrauchen könnte". Изъ письма Циммерманна къ Вейкарду въ сочиненіи Маркарда, 46. В.

[2]) Маркардъ, 13—14, 45—46.

Digitized by Google

путешествія тяжко заболѣвшій и скончавшійся въ 1783-мъ году въ полномъ сумасшествіи, уже тогда ошибался, слишкомъ высоко цѣня свое положеніе при русскомъ дворѣ и обманываясь въ отношеніи къ мѣрѣ довѣрія къ нему императрицы.

Какъ бы то ни было, Циммерманнъ не принялъ и втораго предложенія, сдѣланнаго ему Орловымъ. Рѣшеніе Циммерманна состоялось въ послѣдніе дни пребыванія его вмѣстѣ съ Орловыми въ Эмсѣ, когда уже въ ближайшемъ будущемъ предстояла разлука между докторомъ и княземъ. Въ письмѣ Циммерманна къ Вейкарду отъ 3 августа 1784-го года разсказаны слѣдующія любопытныя подробности:

«Князь, обнимая меня, заливался слезами. Княгиня, особа, склонная къ порывамъ страсти и любившая упрямиться, выходила изъ себя, шумѣла. Князь до этого говорилъ, что за мое путешествіе въ Эмсъ и мое четырехъ-недѣльное пребываніе въ этомъ мѣстѣ подаритъ мнѣ табакерку цѣною въ 5,000 рублей и еще 1,000 червонцевъ наличныхъ денегъ. Однако, я не получилъ ни гроша. Я всегда думалъ, что тутъ меня какъ-то обманули [1]). Князь отправился изъ Эмса сухимъ путемъ въ Кобленцъ. Я же сопровождалъ княгиню туда же водою, и на пути во время поѣздки на Рейнѣ близь Кобленца спасъ жизнь княгини и сопровождавшихъ ее дамъ, госпожи Протасовой и г-жи Каменской, и всѣхъ лицъ тѣмъ, что взялъ на себя управленіе судномъ, находившимся въ крайней опасности вслѣдствіе страшной бури, грозы и ливня».

Какъ скоро Циммерманнъ послѣ этой поѣздки въ Эмсъ встрѣтился съ Маркардомъ, онъ ему разсказалъ и объ этомъ эпизодѣ, случившемся на Рейнѣ. Шкиперъ судна, на которомъ находились путешественники, видя опасность, совершенно растерялся, и Циммерманнъ своею рѣшимостью и хладнокровіемъ съумѣлъ распорядиться движеніемъ корабля, такъ что все кончилось благополучно.

Когда на другой годъ графы Алексѣй и Иванъ Орловы за старшимъ братомъ Григоріемъ пріѣхали въ Пирмонтъ, Алексѣй Орловъ встрѣтилъ находившагося тутъ же доктора Циммерманна словами: «Вы спасли мою невѣстку и ея дамъ отъ кораблекрушенія». Изъ этого обстоятельства, разсказаннаго Маркардомъ, какъ очевидцемъ, можно заключить, что повѣствованіе Циммерманна въ письмѣ къ Вейкарду не было пустымъ хвастовствомъ [2]).

---

[1]) „Ich bin aber wahrscheinlich betrogen, wie ich immer glaubte". Не значитъ ли это, что не столько князь Орловъ обманулъ Циммерманна, сколько люди, его окружавшіе?

[2]) Marcard, 45—49. В.

Digitized by Google

Князь Орловъ, продолжая свое путешествіе, имѣлъ несчастіе лишиться страстно любимой имъ супруги. Княгиня скончалась зимою на 1781-й годъ. Отчаяніе князя не знало предѣловъ и тутъ началась душевная болѣзнь, которая двумя годами позже свела его въ могилу.

Лѣтомъ 1781-го года Орловъ былъ въ Пирмонтѣ, куда пріѣхали и докторъ Циммерманнъ и Маркардъ. Послѣдній, какъ свидѣтель, разсказываетъ о томъ, съ какою дружбою, съ какимъ уваженіемъ и сколь ласково князь Орловъ обращался съ Циммерманномъ. Циммерманнъ покинулъ Пирмонтъ раньше другихъ, и Маркардъ слышалъ, съ какимъ жаромъ князь Орловъ послѣ отъѣзда знаменитаго врача хвалилъ его характеръ и его способности.

Нѣтъ сомнѣнія, что Екатерина послѣ возвращенія князя Орлова и его свиты въ Россію имѣла случай узнать кое-что о Циммерманнѣ. Быть можетъ и фрейлины Протасова и Каменская говорили ей о знаменитомъ докторѣ. Также изъ писемъ и записокъ доктора Вейкарда мы узнаемъ, что Орловъ въ бесѣдѣ съ императрицею съ похвалою отзывался о Циммерманнѣ [1]).

IV.

Начало сношеній Екатерины съ Циммерманномъ.

Между бумагами императрицы, хранящимися въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, былъ найденъ списокъ съ собственноручнаго письма Екатерины къ Циммерманну слѣдующаго содержанія:

„Съ 1766 года я страдала головными болями такъ-же часто, какъ и нестерпимо; иногда онѣ сопровождались тошнотою и рвотою; долго не замѣчали, что эти боли были двоякаго рода: во первыхъ боль сопровождалась спазмами и рвотою, во вторыхъ почти летаргическимъ сномъ. Я никогда не хотѣла прибѣгать ни къ какому лекарству, наконецъ, года три или четыре тому назадъ, я сама придумала, при окончаніи пароксизма и когда чувствовала слабость головы во всемъ тѣлѣ, принять Бестужевскія капли по напечатанному рецепту, и вотъ уже два года, какъ эти капли совершенно избавили меня отъ этихъ ужасныхъ головныхъ болей. Желательно было бы, чтобы онѣ могли произвести такое же спасительное дѣйствіе и на его прусское величество [2])“.

---

[1]) Маркардъ, 15—17. Автобіографія Вейкарда, стр. 360.

[2]) Сб. истор. общ., XXVII, 388. Этого письма нѣтъ въ изданіи Маркарда. Вѣроятно, подлинникъ его находится въ Ганноверской библіотекѣ. В.

Digitized by Google

На спискѣ этого письма нѣтъ числа. Такъ какъ въ немъ упомянуто о Фридрихѣ II, оно писано не позже осени 1786 года, однако, есть возможность, что оно писано за нѣсколько лѣтъ до кончины короля. Достойно вниманія то обстоятельство, что почти во всѣхъ другихъ письмахъ Екатерины къ Циммерманну не говорится о болѣзняхъ; императрица писала обыкновенно не къ врачу-Циммерманну, а какъ къ человѣку, умѣвшему пріятно бесѣдовать о разныхъ предметахъ, о современныхъ политическихъ событіяхъ, о произведеніяхъ литературы и пр. Поэтому письмо Екатерины о головныхъ болѣхъ представляетъ собою чрезвычайный случай. Далѣе нельзя не удивляться тому, что на этомъ лоскуткѣ бумаги говорится исключительно объ этомъ предметѣ, между тѣмъ какъ въ другихъ письмахъ затрогиваются обыкновенно самые разнообразные вопросы. Опредѣлить точно время составленія этой записки пока нѣтъ возможности. Рѣшеніе этого вопроса обусловливается подробнымъ знакомствомъ исторіи состоянія здоровья Екатерины и Фридриха и исторіи отношеній Циммерманна къ прусскому королю. Легко возможно, впрочемъ, что подлинникъ письма Екатерины, вѣроятно, находящійся въ Ганноверской библіотекѣ, снабженъ числомъ.

Быть можетъ, эта записка не имѣла точнаго вида письма Екатерины къ Циммерманну и относилась къ тому времени, когда не было еще регулярныхъ сношеній между Екатериною и знаменитымъ врачемъ.

О началѣ этихъ сношеній сохранились кое какія данныя.

Въ февралѣ 1784 года въ Петербургъ пріѣхалъ докторъ Вейкардъ для занятія должности придворнаго врача. Екатерина приняла его благосклонно. При первой встрѣчѣ съ Вейкардомъ императрица, бесѣдуя съ нимъ о нѣмецкой литературѣ, заговорила и о Циммерманнѣ [1]). О частностяхъ этого разговора мы не знаемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Екатерина въ первое время пребыванія Вейкарда въ Петербургѣ заговорила съ нимъ о Циммерманнѣ, выразивъ желаніе, чтобы послѣдній пріѣхалъ въ Россію для занятія какой-то должности, и что Вейкарду было поручено вести переговоры по этому дѣлу. Есть основаніе думать, что Циммерманнъ долженъ былъ сдѣлаться лейбъ-медикомъ императрицы.

Вейкардъ писалъ объ этомъ въ маѣ 1784 года два раза. Циммерманнъ отвѣтилъ на это предложеніе не раньше какъ 3-го августа. Въ его письмѣ сказано, между прочимъ, слѣдующее:

---

[1]) Вейкардъ разсказываетъ въ своей автобіографіи: „Die Kaiserin hatte schon einstens durch Fürst Orloff und die Fräulein Protassoff von Zimmermann gehört, und liess sich desto leichter über diesen ein“. Стр. 246. Б.

Digitized by Google

«Вы хотѣли осчастливить меня, но ввергли меня въ море сомнѣній.... Вы мои соображенія можете передать императрицѣ. Нѣтъ во всей Европѣ никого, кто бы могъ имѣть болѣе высокое понятіе о величіи и добротѣ вашей монархини, какъ я. И это понятіе возобновляется ежедневно. Въ моей комнатѣ находится большой, писанный въ Петербургѣ, портретъ императрицы. Мои глаза не могутъ оторваться отъ этого портрета; видъ его возвышаетъ мою душу, согрѣваетъ мое сердце.... Я знаю все, что знаютъ во всей Европѣ о добродѣтеляхъ императрицы».

.... «Въ 1780 году проживая четыре недѣли въ Эмсѣ съ графомъ Орловымъ и ежечасно находясь съ нимъ въ самыхъ дружескихъ и почти братскихъ сношеніяхъ, я былъ восхищенъ Россіею, императрицею... О ней мнѣ разсказывалъ съ жаромъ покойный г. Шраутенбахъ, бывшій въ Петербургѣ вмѣстѣ съ ландграфинею Дармштатской. Вы видите, любезный другъ, что я умѣю цѣнить счастье, которое вы мнѣ представляете въ будущемъ, къ тому же я здѣсь недоволенъ; я скучаю въ Ганноверѣ. Однако, мое матеріальное положеніе выгодно. Отъ короля я получаю ежегодно 1700 талеровъ; моя практика, состоящая, главнымъ образомъ, изъ консультацій, даетъ мнѣ 4—5000 талеровъ. Вы скажете: для философа это слишкомъ много. Нѣтъ, мой другъ, этого слишкомъ мало для философа. Я пока не накопилъ столько, сколько нужно для того, чтобы купить себѣ небольшое имѣніе и свободу. Вотъ цѣль моего желанія. Пока она не достигнута, я бѣденъ.—Вы скажете: такъ пріѣзжайте въ Россію, гдѣ можно разбогатѣть; оставайтесь десять лѣтъ въ Петербургѣ, а затѣмъ вы можете удалиться къ вашимъ альпійскимъ горамъ въ Швейцаріи и купить себѣ имѣніе. На это я вамъ отвѣчаю, скрѣпя сердце и не безъ слезъ: нѣтъ. Я не крѣпокъ здоровьемъ; мои нервы слишкомъ слабы; я раздражителенъ; я бы употребилъ чрезмѣрныя старанія заслужить себѣ милость величайшей монархини въ мірѣ и этимъ я бы погубилъ себя. Скажите все это откровенно императрицѣ. Finis....»

Циммерманнъ далѣе говоритъ въ этомъ же письмѣ: «Слава Богу, что императрица здорова. Я этому радуюсь отъ души. Это и видно изъ ея портрета, который я давно поцѣловалъ-бы, если бы только у меня для этого хватило смѣлости. О Боже, любезный Вейкардъ, не говорите мнѣ болѣе, что мы могли бы жить вмѣстѣ счастливо въ Петербургѣ, что мы какъ братья могли бы ходить къ императрицѣ! это мнѣ раздираетъ сердце!» [1]).

---

[1]) Маркардъ, 34—40.

Digitized by Google

Какъ видно, всѣ эти восторженныя фразы, тирады и восклицанія въ письмѣ къ Вейкарду были писаны для самой императрицы. Не имѣя основанія сомнѣваться въ нежеланіи Циммерманна переселиться въ Петербургъ, мы убѣждены въ томъ, что онъ былъ радъ случаю льстить Екатеринѣ. На этотъ счетъ онъ былъ ни хуже, ни лучше другихъ писателей и ученыхъ, любившихъ всячески угождать властелинамъ. Быть можетъ, онъ въ самомъ дѣлѣ былъ восхищенъ способностями Екатерины. Едва-ли, впрочемъ, при этомъ случаѣ имъ руководило корыстолюбіе. По крайней мѣрѣ, оно не находилось на первомъ планѣ. Циммерманну тогда было 56 лѣтъ; онъ часто хворалъ; онъ не нуждался въ деньгахъ; зная хорошо пріемы придворнаго быта, онъ не могъ не понимать, что пріѣздъ въ Петербургъ былъ сопряженъ со многими опасностями. Поэтому онъ и въ 1784 году, какъ четырьмя годами раньше, не принялъ сдѣланнаго ему предложенія

Вскорѣ послѣ этого явилось другое средство сближенія между Циммерманномъ и Екатериною.

V.

Сочиненіе «Ueber die Einsamkeit».

Весною 1784 года появилось второе изданіе сочиненія Циммерманна «Ueber die Einsamkeit». Въ письмѣ къ Вейкарду сказано: «Я къ вамъ отправилъ чрезъ Ригу экземпляръ моего труда и надѣюсь, что онъ уже давно находится въ вашихъ рукахъ; мнѣ бы очень хотѣлось знать о впечатлѣніи, произведенномъ на васъ моею книгою. Я удивился вашему рѣшенію показать это сочиненіе императрицѣ. Прочтите, ради Бога, сначала всю книгу, чтобы знать точнѣе, можно ли отважиться на это??? Вся книга написана въ халатѣ и въ колпакѣ» [1]).

Сочиненіе Циммерманна, заключая въ себѣ кое-какія философскія разсужденія о жизни, добродѣтели, о выгодахъ отшельнической жизни, далѣе кое-какія историческія данныя о святыхъ и монахахъ, напримѣръ, біографію св. Іеронима, представляло собою въ сущности очень легкое, мѣстами довольно занимательное, чтеніе. Здѣсь и тамъ въ немъ встрѣчались скабрезныя вещи въ духѣ тогдашней беллетристики.

---

[1]) Маркардъ, 41.

Digitized by Google

Изданіе было чрезвычайно изящное, можно прямо сказать, даже роскошное. Нѣтъ сомнѣнія, что вся книга въ четырехъ большихъ томахъ стоила очень дорого. И содержаніемъ, и внѣшнимъ видомъ этотъ трудъ казался какъ бы созданнымъ для высшихъ классовъ общества, для богачей и высокопоставленныхъ лицъ.

Какими судьбами сочиненіе Циммерманна попало въ руки императрицы, мы не знаемъ. Едва-ли можно думать, чтобы докторъ Вейкардъ имѣлъ случай поднести ей эту книгу.

Лѣтомъ 1784 года умеръ Ланской. Екатерина оплакивала его скоропостижную кончину и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не была въ состояніи заниматься регулярно дѣлами; около двухъ мѣсяцевъ даже она не могла возвратиться къ любимому занятію переписываться съ Гриммомъ. Именно въ этомъ періодѣ унынія, скорби она начала читать книгу Циммерманна, которая при печальномъ положеніи, въ которомъ иаходилась императрица, оказала чрезвычайно благопріятное дѣйствіе.

Быть можетъ, Екатерина, прочитавъ въ любомъ каталогѣ книгъ заглавіе сочиненія Циммерманна, сама выписала для себя этотъ трудъ. Съ Вейкардомъ она въ это время не встрѣчалась. Послѣ кончины Ланскаго Вейкардъ жилъ въ нѣкоторомъ уединеніи. Во время болѣзни фаворита между нимъ и императрицею возникли кое-какія недоразумѣнія. Онъ мечталъ о возвращеніи въ Германію, не надѣясь на карьеру въ Россіи. Вообще въ это время императрица почти никого у себя не принимала, и поэтому едва-ли чрезъ Вейкарда могла получить книгу «Über die Einsamkeit». Самъ Циммерманнъ, сколько намъ извѣстно, не отправилъ къ ней экземпляра этой книги [1]).

Какъ бы то ни было, Екатерина, занявшись сначала лишь первымъ томомъ Циммерманновой книги, осталась ею очень довольна. Вейкардъ пишетъ: «это сочиненіе именно, при тогдашнемъ настроеніи ея сердца, было какъ бы создано для императрицы». Впослѣдствіи, прочитавъ и слѣдующіе томы, она сказала Вейкарду:

— «Я теперь, окончивъ третій томъ, занимаюсь четвертымъ, и всѣ они мнѣ очень нравятся, потому что мнѣ нравятся душа и голова Циммерманна» [2]).

Вейкардъ въ октябрѣ 1785 года писалъ къ Циммерманну. «Мнѣ бы очень хотѣлось при случаѣ заявить публично, что императрица, одобривъ ваше сочиненіе, оказала этимъ самымъ важную услугу чело-

---

[1]) См. соч. Маркарда, стр. 41, 58—59, 61—62, а также и въ автобіографіи Вейкарда, стр. 282.

[2]) Вейкардъ, 283 и 363. В.

Digitized by Google

вѣчеству. Быть можетъ похвальный отзывъ ея послужитъ поводомъ, что книга будетъ имѣть нѣсколько тысячъ читателей, которые безъ этого не читали бы ея и которые такимъ образомъ узнаютъ истину» и проч. [1]).

Впослѣдствіи тотъ же самый Вейкардъ, при составленіи своей автобіографіи, разсказывалъ, будто второй томъ сочиненія Циммерманна понравился Екатеринѣ гораздо менѣе перваго, и что вообще благопріятное впечатлѣніе, произведенное на нее этою книгою, было какъ бы дѣломъ случая [2]).

Екатерина писала къ барону Гримму 20-го іюля 1785 года: «если объ этомъ еще не знаете, такъ вы должны знать, что я въ послѣднюю зиму читала сочиненіе «Von der Einsamkeit», которое меня совершенно вылечило отъ этой болѣзни (т. е. отъ страсти къ уединенію) и которое дало мнѣ высокое понятіе объ авторѣ» и пр. [3]).

Чтобы выразить Циммерманну свою благодарность, Екатерина въ началѣ 1785 года послала ему въ подарокъ драгоцѣнный перстень и медаль съ ея портретомъ; къ этому была приложена собственноручная записка Екатерины: «къ королевскому великобританскому надворному совѣтнику и лейбъ-медику Циммерманну въ знакъ благодарности за многіе полезные рецепты, которые прописаны человѣчеству въ книгѣ объ уединеніи» [4]).

Мало того: императрица, уже до этого желавшая пріѣзда Циммерманна въ Петербургъ, теперь еще болѣе хотѣла лично познакомиться съ знаменитымъ писателемъ; чрезъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Гамбургѣ она пригласила Циммерманна лѣтомъ 1785 г. посѣтить ее на нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ.

Разумѣется Циммерманнъ считалъ своею обязанностью въ письмѣ къ императрицѣ выразить ей благодарность и за драгоцѣнные подарки, и за приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ.

Письмо Циммерманна отъ 28-го января 1785 года не издано. Нѣтъ сомнѣнія, что въ немъ, какъ и въ другихъ письмахъ Циммерманна къ императрицѣ, обнаруживался необычайный литературный талантъ въ соединеніи съ умѣніемъ доставлять удовольствіе комплиментами. Въ заключеніе письма было сказано, что, если будетъ «человѣческая возможность», онъ пріѣздомъ въ Россію исполнитъ самое искреннее желаніе всей своей жизни [5]).

---

[1]) Маркардъ, 61.

[2]) Вейкардъ, 233.

[3]) Сб. Ист. Общ., XXIII, 243.

[4]) Маркардъ, 62.

[5]) „S'il est humainement possible, je réaliserai l'été prochain, aux pieds de Votre Majesté Impériale, le plus beau rêve de ma vie". Маркардъ, 63. **В.**

Digitized by Google

Тотчасъ же послѣ полученія Циммерманнова письма Екатерина отвѣтила ему. Въ ея письмѣ отъ 22-го февраля 1785 года сказано: «Вы не знаете, въ какой мѣрѣ я вамъ обязана. Сначала я боялась было раскрыть вашу книгу, потому что, судя по заглавію, опасалась, чтобъ она не усилила во мнѣ ипохондріи, къ которой я безъ того нѣсколько мѣсяцевъ чувствовала въ себѣ наклонность; однако, эта книга, напротивъ, остановила, уменьшила эту наклонность. Въ этой книгѣ есть сила, величіе и красота души. Судя по дѣйствію на меня сей драгоцѣнной книги, думаю, что она можетъ быть лучшимъ лекарствомъ отъ всѣхъ припадковъ ипохондрическихъ. Всякій хорошій докторъ долженъ бы вписать ее въ реестръ своихъ рецептовъ, и часто была бы она полезнѣе многихъ лекарствъ, къ которымъ я нисколько не расположена, что можетъ вамъ подтвердить вашъ пріятель Вейкардъ; годовой счетъ изъ аптеки собственно на мою особу рѣдко бываетъ больше тридцати копѣекъ. Хотя газеты и пишутъ обо мнѣ, что я умерла, умираю, нахожусь при послѣднемъ концѣ жизни и хвора, однако-жъ, по сіе время ничего этого не бывало. Итакъ, когда я желала, чтобъ вы сюда пріѣхали, то сіе желаніе отнюдь не отъ того происходило, чтобы воспользоваться вашими врачебными совѣтами, но чтобъ познакомиться съ человѣкомъ остроумнымъ, одареннымъ необыкновенными способностями и свѣдѣніями. Вотъ какого я о васъ мнѣнія. Общій нашъ пріятель, покойный князь Орловъ и многіе другіе не мало къ тому способствовали, а болѣе всего ваши сочиненія. Откровенность и чистосердечіе, господствующія въ вашихъ письмахъ, усиливаютъ мое желаніе видѣть васъ поближе» и пр.

Digitized by Google

VI.

Переговоры о пріѣздѣ Циммерманна въ Россію.

Занятіе императрицею сочиненіемъ Циммерманна «Ueber die Einsamkeit» подало поводъ къ приглашенію его въ Россію. Мы видѣли выше, что два предложенія князя Орлова не были приняты Циммерманномъ. Желаніе императрицы въ 1784 году чрезъ Вейкарда склонить Циммерманна ко вступленію въ русскую службу также не было исполнено. Теперь же, въ началѣ 1785 года, Екатерина выразила надежду на поѣздку знаменитаго писателя въ Петербургъ въ качествѣ гостя.

Однако, Циммерманнъ, условно обѣщавшій Екатеринѣ пріѣхать въ Россію на нѣкоторое время лѣтомъ 1785 года, въ то же время опасался чрезмѣрнаго утомленія при такомъ путешествіи [1]), а далѣе, по всей вѣроятности, онъ ожидалъ, что императрица авось пожелаетъ удержать его въ Петербургѣ; зависимость отъ придворнаго этикета, случайность, господствовавшая при личныхъ и близкихъ отношеніяхъ къ коронованнымъ лицамъ, суровый климатъ Петербурга и пр.—все это заставило его отказаться отъ этого путешествія, хотя мы и не знаемъ, какимъ образомъ онъ довелъ до свѣдѣнія Екатерины свое рѣшеніе. Въ письмѣ императрицы къ Циммерманну, отъ 22-го февраля 1785 года, сказано: «Какъ я вижу, что вы не можете отважиться на безпокойства столь далекаго путешествія, не подвергнувъ опасности своего здоровья, а поѣздка моремъ могла бы имѣть также свои слѣдствія, то мнѣ совѣстно упрашивать васъ далѣе по этому предмету, тѣмъ болѣе, что, можетъ быть, жизнь многихъ изъ вашихъ больныхъ зависитъ единственно отъ вашихъ о нихъ попеченій; да и здѣсь, хотя я съ своей стороны не стану говорить о медицинѣ, другіе не преминутъ надоѣдать вамъ приглашеніемъ на консультаціи и этимъ лишатъ васъ того благоденствія, въ которомъ я желала бы васъ видѣть. Итакъ, я, хоть не безъ сожалѣнія, предпочитаю надежнѣйшее для васъ удовольствію васъ видѣть, сколько бы я того не желала. Я ограничусь тѣмъ, что буду писать къ вамъ иногда» и пр. [2]).

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ Циммерманнъ тогда же писалъ къ русскому дипломату Гроссу въ Гамбургѣ; см. соч. Маркарда, стр. 68.

[2]) Маркардъ, 302—303. **Б.**

Digitized by Google

Въ письмѣ императрицы къ Гримму, отъ 20-го іюня 1785 года, сказано: «Я вступила въ переписку съ Циммерманномъ не для того, чтобы пользоваться его совѣтами для моего здоровья или по случаю болѣзней, а чтобы бесѣдовать съ нимъ о разныхъ предметахъ; онъ мнѣ пишетъ письма, преисполненныя умомъ и причудами; эта голова идетъ иногда неизвѣстно куда, но всегда заходитъ далеко, дальше, чѣмъ можно ожидать. Я желала, чтобы онъ пріѣхалъ сюда; онъ самъ хотѣлъ этого, но когда онъ уже было соглашался, я сама отсовѣтовала ему предпринять это путешествіе; онъ страдаетъ болѣзнію, не дозволяющею ему путешествовать; не смотря на это, онъ готовъ былъ ѣхать, но я не пожелала его смерти» [1]).

Въ своемъ отвѣтѣ на письмо императрицы, отъ 22-го февраля, Циммерманнъ (29-го марта 1785 г.) замѣтилъ, что рѣшился бы ѣхать и тогда, когда зналъ бы, что на дорогѣ ждетъ его смерть, но что такъ какъ она даетъ ему полную свободу ѣхать или не ѣхать, ему остается только благодарить императрицу за ея вниманіе къ его здоровью и пр. [2]).

Другъ Циммерманна, Маркардъ, не раздѣляя мнѣнія, что состояніе здоровья знаменитаго врача мѣшаетъ ему отправиться въ Петербургъ, и, напротивъ, думая, что такая поѣздка можетъ быть полезною для здоровья Циммерманна, уговаривалъ его не покидать этого плана. Къ тому же Маркардъ не полагалъ, чтобы предположеніе Вейкарда о желаніи императрицы удержать Циммерманна въ Петербургѣ имѣло основаніе [3]).

Вейкардъ въ то время, когда уже начался его споръ съ Циммерманномъ, замѣтилъ въ одномъ изъ своихъ желчныхъ писемъ къ послѣднему, что Екатерина не безъ нѣкотораго раздраженія узнала объ опасеніяхъ Циммерманна, и въ запискѣ къ Вейкарду сказала о Циммерманнѣ: «Онъ боленъ и боится; я не желаю, чтобы съ нимъ случилось что либо при путешествіи [4])».

Мы не думаемъ, чтобы Екатерина была раздражена отказомъ Циммерманна. Иначе она не повторила бы своего предложенія весною 1786 года. Уже въ концѣ 1785 года въ запискѣ Екатерины къ Вейкарду сказано: «Зачѣмъ вашъ пріятель все только мечтаетъ о

---

[1]) Сб. Ист. Общ. XXIII, 343.

[2]) Маркардъ, 307.

[3]) Маркардъ, 66—67.

[4]) Маркардъ, 40 и 199. Указывая на письма Циммерманна къ Гроссу, Екатерина, какъ разсказываетъ Вейкардъ, писала Вейкарду: „Lesen Sie diesen Schnickschnack“ и пр.

Digitized by Google

томъ, какъ бы спрятаться въ Швейцаріи?... Я не смѣю высказаться на этотъ счетъ, но я уже прежде сдѣлала другое предложеніе и отказалась отъ него, видя, что здоровье вашего друга можетъ пострадать». Затѣмъ еще разъ, въ маѣ 1786 года, она писала Вейкарду: «Если бы онъ, Циммерманнъ, пріѣхалъ, онъ бы могъ разсчитывать на хорошій пріемъ. Я теперь въ Царскомъ Селѣ. Если бы г. надворный совѣтникъ Циммерманнъ явился у моихъ дверей, я бы отворила ихъ тотчасъ же и попросила его войти ко мнѣ... Все, что я о немъ слыхала чрезъ князя Орлова, заставляетъ меня думать, что эта первая аудіенція едва ли была бы послѣднею».

Узнавъ объ этомъ чрезъ самого Циммерманна, Маркардъ, въ то время не находившійся въ Ганноверѣ, сталъ уговаривать своего друга тотчасъ же предпринять поѣздку въ Россію. Циммерманнъ отвѣчалъ Маркарду: «Я могъ бы ѣхать въ Петербургъ и даже оттуда вмѣстѣ съ императрицею въ Тавриду, но въ концѣ концовъ я долженъ былъ бы оставаться въ Петербургѣ и умереть тамъ. Въ этомъ и годъ тому назадъ заключалось главное намѣреніе императрицы; этого же она желаетъ и теперь. Совѣтуя мнѣ ѣхать въ Петербургъ, вы не знаете въ чемъ дѣло. Мнѣ бы стоило только сказать одно слово и тотчасъ же Вейкардъ пріѣхалъ бы сюда за мною по порученію и на расходы императрицы, но я не скажу этого слова».

Еще до этого Маркардъ старался устранить препятствіе, заставлявшее Циммерманна отказаться отъ поѣздки въ Петербургъ. Онъ еще въ мартѣ 1786 года писалъ къ Вейкарду, что ни подъ какимъ видомъ не должно задерживать Циммерманна въ Петербургѣ. «Если бы даже, писалъ Маркардъ, Циммерманну дали 20,000 рублей жалованья, онъ не могъ бы оставаться въ Россіи; при его лѣтахъ и при состояніи его здоровья, это было бы чрезвычайно опасно. За то поѣздка лѣтомъ была бы не чѣмъ инымъ, какъ partie de plaisir» и пр. Поэтому Маркардъ умолялъ Вейкарда убѣдить Екатерину отказаться отъ своего намѣренія удержать Циммерманна въ Россіи.

Вейкардъ показалъ письмо Маркарда императрицѣ, а въ письмѣ къ Маркарду замѣтилъ, что Екатерина предоставитъ рѣшеніе вопроса оставаться ли въ Россіи или нѣтъ усмотрѣнію Циммерманна [1]). Все это не повело къ желанной цѣли. Циммерманнъ не пріѣхалъ въ Петербургъ. Въ одномъ изъ его писемъ къ Вейкарду было высказано опасеніе, что онъ лично не произведетъ особенно благопріятнаго впечатлѣнія на императрицу и что она, послѣ того, какъ она была довольна

[1]) Маркардъ, 80—83.

Digitized by Google

его трудами и письмами, скажетъ въ разочарованіи, увидавъ его: «Mon Dieu, n'est ce que cela?»—Екатерина, узнавъ объ этомъ опасеніи Циммерманна, въ запискѣ къ Вейкарду высказала свое убѣжденіе, что она никогда не сказала бы этого, и пр.

Переговоры о пріѣздѣ Циммерманна въ Россію происходили, такъ сказать, косвенно чрезъ Вейкарда, Гросса, Маркарда. Послѣ того, какъ въ самомъ началѣ корреспонденціи Екатерины съ Циммерманномъ былъ затронутъ этотъ вопросъ и рѣшенъ отрицательно, къ нему въ этой перепискѣ болѣе не возвращались.

VII.

Приглашеніе врачей въ Россію чрезъ Циммерманна.

Уже въ XV столѣтіи бывали случаи пріѣзда въ Россію иностранныхъ врачей; число ихъ умножалось постепенно въ слѣдующихъ столѣтіяхъ. Русскихъ врачей мы до второй половины XVIII вѣка не встрѣчаемъ. Потребность же во врачахъ усиливалась постоянно, такъ что даже въ то время, когда уже начали являться русскіе медики, русскому правительству приходилось выписывать врачей изъ-за границы. Особенно во время царствованія императрицы Екатерины, при развитіи санитарной части въ администраціи вообще и при военныхъ дѣйствіяхъ съ турками и шведами въ особенности, Россія не могла обойтись безъ врачей-иностранцевъ.

И вотъ главнымъ агентомъ русскаго правительства на этотъ счетъ сдѣлался докторъ Циммерманнъ въ Ганноверѣ.

Напрасно Вейкардъ впослѣдствіи, во время непримиримой вражды съ Циммерманномъ, обвинялъ и его, и Екатерину въ томъ, что порученіе, данное Циммерманну, имѣло лишь цѣлью послужить поводомъ къ тому, чтобы дать Циммерманну орденъ св. Владиміра. Нѣтъ сомнѣнія, что Россія нуждалась въ медикахъ и что именно князь Потемкинъ, управлявшій южною Россіею, желалъ приглашенія иностранныхъ врачей для своего намѣстничества. Въ письмахъ Циммерманна и Екатерины обсужденіе этого дѣла занимаетъ столь видное мѣсто, что нѣтъ возможности вѣрить разсказу Вейкарда объ орденѣ св. Владиміра.

Еще до начала переписки съ императрицею, Циммерманнъ иногда имѣлъ случай своею рекомендаціею помочь людямъ, желавшимъ

Digitized by Google

сдѣлать карьеру въ Россіи. Такъ, напр., въ августѣ 1784 года онъ, чрезъ Вейкарда, предложилъ русскому правительству купить коллекцію минераловъ, собранную какимъ-то швейцарцемъ Андреэ [1]). Другой разъ онъ ходатайствовалъ передъ императрицею за извѣстнаго натуралиста Форстера, до участія въ кругосвѣтномъ путешествіи Кука, находившагося въ Вильнѣ и желавшаго вступить въ русскую службу [2]), и пр.

Нельзя удивляться тому, что многіе люди, узнавшіе о личномъ расположеніи къ Циммерманну императрицы Екатерины, надѣялись чрезъ его ходатайство получить выгодное мѣсто въ Россіи. Особенно молодые врачи пользовались покровительствомъ знаменитаго доктора, у дома котораго часто можно было видѣть экипажи русскихъ курьеровъ, доставлявшихъ ему собственноручныя письма Екатерины.

Первые врачи, рекомендованные Циммерманномъ для вступленія въ русскую службу, были Мейеръ и Фалькенбергъ. Мейеръ долженъ былъ стать во главѣ медицинской части въ Крыму. Неоднократно Екатерина съ Вейкардомъ бесѣдовала объ этомъ дѣлѣ, говоря о желаніи Потемкина, чтобы доктора Мейеръ и Фалькенбергъ скорѣе пріѣхали на мѣсто назначенія, и пр. И съ самимъ Потемкинымъ Екатерина переписывалась по этому предмету [3]).

Циммерманнъ былъ очень доволенъ этимъ порученіемъ, какъ видно, между прочимъ, изъ его писемъ къ Маркарду отъ 17 февраля и отъ 10 марта 1786 года [4]). Это занятіе доставляло ему развлеченіе; къ тому же онъ, по своему добродушію, охотно помогалъ всѣмъ и каждому. Заключеніе контрактовъ съ докторами, рекомендованными Циммерманномъ, лежало на обязанности русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Гамбургѣ, Гросса, съ которымъ Циммерманнъ находился постоянно въ оживленныхъ сношеніяхъ. Всѣ эти дѣла не обходились безъ разныхъ непріятностей, однако, какъ видно изъ писемъ Екатерины, въ которыхъ говорится объ этомъ предметѣ, она была очень довольна услугами, оказанными ей Циммерманномъ. Мы имѣемъ основаніе думать, что послѣдній при этомъ случаѣ поступалъ добросовѣстно и осмотрительно, стараясь имѣть въ виду въ одно и то же время и интересы врачей-нѣмцевъ, и пользу Россіи. Число такихъ спеціалистовъ, отправившихся въ Россію и занимавшихъ тамъ мѣста докторовъ въ

---

[1]) Маркардъ, 49—50.

[2]) Маркардъ, 360.

[3]) См., напр., рескриптъ въ „Сборн. Истор. Общ.“, XXVII, 371—372, и записку къ Безбородкѣ въ „Сб. Ист. Общ.“, XLII, 273.

[4]) Маркардъ, 91.

Digitized by Google

различныхъ мѣстностяхъ, дошло, наконецъ, до двадцати четырехъ человѣкъ [1]).

Въ письмахъ Циммерманна къ Екатеринѣ очень часто и весьма подробно говорится объ этихъ докторахъ, въ особенности о Мейерѣ, Фалькенбергѣ, Труссонѣ и Штейнѣ. Въ письмѣ отъ 10-го января 1786 года императрица говоритъ о врачахъ: «Мы въ нихъ очень нуждаемся». Циммерманнъ, входя во всѣ подробности дѣла, въ одномъ изъ своихъ писемъ излагаетъ правила, которыми онъ руководствуется при исполненіи порученія императрицы, и обращается къ ней съ просьбою по возможности защитить медиковъ-нѣмцевъ отъ произвола медицинской коллегіи при размѣщеніи ихъ въ разныхъ городахъ. Въ письмѣ Екатерины отъ 12 октября 1786 года сказано: «Отнюдь не сомнѣваюсь въ усердіи, которое вы ко мнѣ изъявляете, ибо имѣю въ томъ доказательства. Вы прислали къ намъ людей хорошихъ и надѣюсь, что они хорошо помѣщены, когда вы говорите, что они довольны. Я вамъ очень обязана за тѣ великіе труды, кои вы принимали на себя по сему случаю». О нѣкоторыхъ изъ этихъ пришельцевъ въ этой перепискѣ говорится очень подробно. Такъ, напр., Циммерманнъ старался оправдывать одного изъ этихъ молодыхъ людей, доктора Штейна, который, пріѣхавъ въ Петербургъ, вскорѣ послѣ этого опять вернулся къ Германію. Екатерина, между прочимъ, подробно писала о докторѣ Труссонѣ [2]), почему-то остававшемся недовольнымъ своимъ положеніемъ въ Россіи, и пр. [3]).

Понятно, что Циммерманнъ за свои труды получалъ награды. Орденъ св. Владиміра, котораго удостоился знаменитый врачъ, по мнѣнію недоброжелателей его, былъ чрезмѣрною милостью, оказанною ему императрицею. Вейкардъ былъ очень недоволенъ. Въ одной французской газетѣ появилась очень рѣзкая выходка противъ Циммерманна и Екатерины, по поводу этого ордена [4]). Предположеніе Вейкарда, что Циммерманнъ выпросилъ себѣ этотъ орденъ, кажется, лишено всякаго основанія. Другъ Циммерманна, Маркардъ, положительно утвер-

---

[1]) Маркардъ, 91—98. Тамъ же подвергнуты критикѣ замѣчанія Вейкарда объ образѣ дѣйствій Циммерманна.

[2]) См. зап Храповицкаго 16-го января 1789 г.

[3]) Маркардъ, 323, 326, 332, 341, 342 и слѣд. 373, 379. О ходатайствѣ Циммерманна за Коцебу въ 1791 году см. письма Гримма къ Екатеринѣ въ „Сб. Ист. Общ.“, XLIV, стр. 424 и 432.

[4]) „Catherine avait decoré Zimmermann — ce charlatan méprisable — du cordon de je ne sais quel Saint brutal Russe“ и пр. Маркардъ, 100—101.

Digitized by Google

ждаетъ, что Циммерманнъ никакъ не ожидалъ этой награды [1]). Въ этомъ же смыслѣ Циммерманнъ писалъ и къ императрицѣ, выражая благодарность за награду [2]).

Въ Запискахъ Храповицкаго 1-го февраля 1788 года сказано: «Позванъ послѣ обѣда, чтобъ для Циммерманна, живущаго въ Ганноверѣ, сшить соболью шапку и послать лучшаго чаю и кофе». Изъ письма Екатерины къ Циммерманну отъ этого же числа видно, что Циммерманнъ просилъ императрицу прислать ему эти вещи [3]).

VIII.

Разрывъ Циммерманна съ Вейкардомъ.

Около того времени, когда Вейкардъ, въ началѣ 1786 года, переселился въ Россію, отношенія между нимъ и Циммерманномъ были совершенно благопріятными. Передъ государынею они оба безпрестанно хвалили другъ друга. Нѣтъ сомнѣнія, что Циммерманнъ, дѣйствительно, былъ высокаго мнѣнія о способностяхъ Вейкарда, желалъ ему всякаго добра и успѣха и не ожидалъ отъ него враждебныхъ дѣйствій. Въ письмахъ къ императрицѣ Циммерманнъ называетъ, въ 1785 году, Вейкарда своимъ любезнымъ и добрымъ другомъ, хвалитъ его, какъ врача, выставляетъ на видъ, что всѣ больные, которыхъ пользовалъ Вейкардъ, уважали и любили его, съ восторгомъ говоритъ о немъ какъ о философѣ, и пр. [4]).

Мы не намѣрены изложить подробно исторію ожесточенной борьбы, открывшейся между Циммерманномъ и Вейкардомъ, и довольствуемся указаніемъ на главныя причины разлада.

Циммерманнъ считалъ Вейкарда удобнымъ орудіемъ поддерживать благопріятныя отношенія между нимъ, Циммерманномъ, и императрицею. Письма Циммерманна къ Вейкарду, въ которыхъ обыкновенно въ тонѣ восторга говорилось о Екатеринѣ, были назначены собственно для нея. Вейкардъ не всегда регулярно исполнялъ порученія Цим-

---

[1]) Маркардъ, 106.

[2]) Маркардъ, 336.

[3]) Этого письма нѣтъ въ изданіи Смирдина. Оно напечатано у Маркарда, 361—363, и въ Сборникѣ Истор. Общества, XXVII, 470—473.

[4]) Маркардъ, 307, 321—322. „En Allemagne il serait partout un homme rare; sous le sceptre de Votre Majesté il sera avec honneur tout ce qu' Elle voudra".

Digitized by Google

мерманна показывать эти письма императрицѣ. Циммерманнъ былъ сильно раздраженъ этимъ образомъ дѣйствій Вейкарда, который къ тому же надоѣдалъ Циммерманну своими вѣчными жалобами на неловкость своего положенія, на недостаточное матеріальное вознагражденіе, которое, будто, врачи въ Россіи получали. Наконецъ, Вейкардъ не охотно содѣйствовалъ предпріятію Циммерманна доставлять мѣста въ Россіи молодымъ нѣмецкимъ докторамъ.

Такимъ образомъ, сношенія между Циммерманномъ и Вейкардомъ становились все болѣе и болѣе враждебными. Они писали другъ другу рѣзкія письма, и даже Вейкардъ старался какъ то повредить своему бывшему пріятелю въ Германіи [1]).

Циммерманну, между прочимъ, чрезвычайно не нравились безпрестанныя выходки Вейкарда противъ Россіи. Въ одномъ изъ писемъ Циммерманна къ Вейкарду сказано было, между прочимъ: «Вы злѣйшій врагъ Россіи; васъ бы слѣдовало сослать въ Сибирь» и т. под. Вейкардъ считалъ Циммерманна способнымъ погубить его доносомъ. Все это происходило уже лѣтомъ 1786 года. Однако, не раньше какъ въ октябрѣ, въ одномъ изъ писемъ Циммерманна къ императрицѣ сказано, какъ-бы въ видѣ порыва страшнаго гнѣва: «У меня есть врагъ, злѣе всѣхъ, которыхъ я имѣлъ когда либо: это Вейкардъ» [2]).

Въ отвѣтномъ письмѣ Екатерина, слегка коснувшись этого дѣла, спросила: «Что значитъ Вейкардова вражда! я бы хотѣла считать это шуткою; я не видала его больше двухъ мѣсяцевъ; въ чемъ могъ бы онъ на васъ пожаловаться?» [3]). Затѣмъ Циммерманнъ, въ письмѣ отъ 28 ноября 1786 года, писалъ между прочимъ: «Вейкардъ былъ моимъ другомъ; для меня это воспоминаніе неизгладимо. Онъ заставилъ меня говорить ему откровенно всю правду, для его же пользы. Тогда онъ старался всячески обезчестить меня и въ Петербургѣ, и въ Германіи, лишить меня благосклоннаго вниманія вашего величества. Я считалъ себя обязаннымъ сообщить вамъ объ этомъ, чтобы Вейкардъ, считавшійся вашимъ величествомъ моимъ другомъ, не употребилъ во зло этого обстоятельства» [4]).

Екатерина, съ свойственнымъ ей тактомъ, нисколько не вмѣшивалась въ этотъ споръ между обоими врачами. Развѣ только въ одномъ изъ ея писемъ къ Циммерманну сказано: «Обоимъ намъ должно

---

[1]) Все сочиненіе Маркарда и значительная часть автобіографіи Вейкарда посвящены этому дѣлу.

[2]) Маркардъ, 340.

[3]) Маркардъ, 341.

[4]) Маркардъ, 347—348.

Digitized by Google

побѣдить своихъ непріятелей, и я надѣюсь, что мы съ ними управимся». Можно считать вѣроятнымъ, что тутъ былъ намекъ на разладъ Циммерманна съ Вейкардомъ. Послѣднему она, однажды, писала, опять таки намекая на его споръ съ бывшимъ пріятелемъ: «Мнѣ кажется, что господамъ ученымъ слѣдовало бы оставить лишнюю брань и споры; при этомъ бываетъ мало чести» [1]).

Вейкардъ питалъ свою ненависть къ Циммерманну еще послѣ кончины послѣдняго. Екатерина не имѣла повода возвращаться къ этому эпизоду.

А. Г. Брикнеръ.

---

[1]) Вейкардъ, 337.

Digitized by Google

ЕКАТЕРИНА II ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ СЪ ШВЕЦІЕЮ.

Письма и повелѣнія графу В. П. Мусину-Пушкину

1788—1789 гг.

57 [1]).

„Въ С. П. бургѣ. Августа 28 [2]) 1789 года".

Графъ Валентинъ Платоновичь. Отъ Вице-Адмирала Принца Нассау-Зигенъ извѣщены Мы, что бывшій при немъ французскій морской офицеръ кавалеръ Деваражъ [3]), во время преслѣдованія бѣжавшаго изъ границъ Нашихъ Короля Шведскаго съ войскомъ его, убитъ Башкирцами и хотя присланный отъ помянутаго Вице-Адмирала Камеръ-Юнкеръ и гвардіи Капитанъ Бибиковъ объявляетъ, что тотъ кавалеръ имѣя на себѣ синій суртукъ отъ Башкирцевъ былъ принятъ за Шведа, тѣмъ болѣе что они крестъ съ него снятый принесли какъ знакъ, что удалося имъ убить непріятельскаго офицера; Мы однакожъ находимъ нужнымъ, чтобъ вы приказали надлежащимъ образомъ о семъ произ-

[1]) См. „Русск. Стар." изд. 1887 г., т. LIII, мартъ, стр. 551—574; т. LIV, стр. 47—70.

[2]) Въ рескриптѣ отъ 26 августа, гр. Мусину-Пушкину „предписано поспѣшать простертіемъ дѣйствій его до Гельзингфорса". Арх. Гос. Сов. I, 1, 736.

[3]) О послѣдствіяхъ морскаго пораженія шведовъ при Свенскзундѣ, 13 авг. 1789 г., Екатерина II выразилась: „le roi de Suède s'est enfuit comme un chien qu'on chasse de la cuisine, les oreilles pendantes et la queue entre les jambes", чѣмъ вѣрно передала сущность донесенія гр. Мусина-Пушкина (Собр. реляцій, II, 64—71), во всякомъ случаѣ несравненно вѣрнѣе, чѣмъ это изображено г. Брикнеромъ (стр. 206—209), по которому шведы не бѣжали, а лишь „поспѣшно удалялись" и „быстро отступали", причомъ онъ болѣе чѣмъ смѣло утверждаетъ: „весьма чувствительною потерею для русскихъ была смерть кавалера де-Ваража". Кто же этотъ кавалеръ де-Варажъ? Французскій морской офицеръ, служащій при русской арміи иностранецъ—по опре-

Digitized by Google

шествіи изслѣдовать, и разсмотрѣть не корысть ли и своевольство Башкирцовъ были тому причиною; и естьли сіе послѣднее окажется, въ такомъ случаѣ съ виновными поступить по всей строгости законовъ. Между тѣмъ изъ предъосторожности противу подобныхъ произшествій, надобно совѣтовать служащимъ при арміи Нашей иностранцамъ, во время войны, носить мундиры и суртуки службы Нашей.

Пребываемъ всегда вамъ благосклонны «Екатерина».

58.

Въ С. П. бургѣ. Августа 29. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Для свѣденія вашего приложена у сего копія реляціи Адмирала Чичагова о появившемся непріятельскомъ флотѣ, и о поспѣшеніи помянутаго Адмирала итти въ море для поиска на сей флотъ. Онъ имѣетъ достаточныя отъ Насъ наставленія на всѣ подобные случаи, такъ какъ и на препятствіе буде бы симъ оказательствомъ флота Шведы хотѣли покрывать транспорты войскъ для усиленія себя въ Финляндіи чинимыя. Впрочемъ предводители флота нашего имѣя двадцать три линейныхъ кораблей и въ числѣ ихъ шесть сто-пушечныхъ и шесть фрегатовъ, кромѣ эскадръ Вице-Адмирала Круза [1]) и капитана Тревенена [2]), готовыхъ въ надобности на его подкрѣпленіе, можетъ съ помощью Божіею стать противу мореходному Шведскому ополченію.

Пребываемъ всегда вамъ благосклонны «Екатерина»

дѣленію императрицы; находившійся въ должности дежурнаго при вице-адміралѣ принцѣ Нассау-Зигенѣ — по офиціальнымъ донесеніямъ! Это даже не „дежурный галернаго флота“, какъ его титулуетъ г. Брикнеръ. Въ донесеніяхъ де-Вражъ упомянутъ всего два раза, считая въ томъ числѣ и извѣстіе о его смерти (Собр. реляцій, II, 60 и 69). Почему же „для русскихъ потеря его должна быть „чувствительною“, да еще и „весьма?“ Вся эта чувствительность выразилась въ слѣдующей записи Храповицкаго: „Вержа убили наши башкирцы; самъ виноватъ: скакалъ, выпуча глаза, на чухонской лошади, въ синемъ сертукѣ и не зналъ ни слова по русски“ (стр. 305). Ссылаться на Castera, II, 358 (Paris, 1797), какъ дѣлаетъ г. Брикнеръ, значитъ ослаблять свои доводы, а не подкрѣплять ихъ. В. В.

[1]) Александръ Ивановичъ Крузъ, 1727—1798.

[2]) Тревененъ, англійскаго флота поручикъ, принятый въ русскую службу съ чиномъ капитана 1-го ранга, много сжегъ непріятельскихъ кораблей и оказалъ большія услуги въ шведскую войну, во время которой получилъ орденъ св. Георгія и рану. В. В.

Digitized by Google

59 [1]).

Въ С. П. бургѣ. Сентября 1-го [2]) 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Въ реляціи вашей отъ 28 августа предъявляя затруднѣнія въ перенесеніи оружія нашего за Кимень, неизъяснили вы: полагаетели оставить войски наши вамъ ввѣренныя подъ именемъ оборонительной войны въ полномъ недѣйствіи до окончанія нынѣшней компаніи, или же по крайней мѣрѣ возможнымъ считаете хотя не утверждая крѣпкой ноги въ землѣ непріятельской, произвести какіе-либо поиски на корпусы или хотя важнѣйшіе посты Шведскіе; почему и убѣждаемся мы сообщить вамъ наши мысли и усмотрѣнія.

Видѣвъ изъ многихъ донесеній вашихъ, что къ произведенію важныхъ противъ непріятеля дѣйствій, отъ арміи вами предводимой, ожидали вы только таковыхъ на лѣвомъ флангѣ вашемъ отъ галернаго флота нашего, полагали мы, что вы между тѣмъ по крайней мѣрѣ употребите стараніе ваше тревожить непріятеля частыми и значущими поисками, которыхъ удачи оправдалися при переходѣ за Кимень Генераловъ-Маіоровъ Денисова и Фонъ-Сухтелна. Въ семъ удостовѣреніи неупустили мы вамъ примѣтить, что какъ вездѣ, гдѣ наши атаковали, успѣхъ былъ въ нашу сторону, то и нужно тѣмъ пользоваться; къ сожалѣнію нашему однако-жъ, кромѣ двухъ помянутыхъ случаевъ, нездѣлано было болѣе на то попытокъ, и непріятель спокойнымъ образомъ могъ брать свои мѣры на усиліе его. По связи дѣйствій и по зависимости отъ васъ галернаго флота, сообщили мы вамъ планъ атаки отъ него на непріятеля производимой, въ удостовѣреніи, что вы по искусству вашему неоставите здѣлать нужныя распоряженія, дабы въ то самое время когда сія атака возметъ свое

---

[1]) Къ протоколу Совѣта отъ 30 августа 1789 г. приложена слѣдующая записка, писанная рукою графа Безбородко: „Ея Императорскому Величеству угодно, чтобъ гг. члены Совѣта завтра, то есть въ пятницу, 31 августа, собрались въ Совѣтъ для выслушанія разныхъ нужныхъ бумагъ“. Когда въ Совѣтѣ, 31 августа, была выслушана реляція гр. Мусина-Пушкина, то гофмейстеръ гр. Безбородко объявилъ Высочайшую волю, чтобъ Совѣтъ „изъяснилъ мысли свои о удобнѣйшихъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ при окончаніи нынѣшней кампаніи“. Арх. Гос. Сов. I, 1, 737. Плодомъ этого „изъясненія“ является этотъ рескриптъ.

[2]) Въ засѣданіи 10 сентября, „Совѣту предъявлена копія съ даннаго гр. Мусину-Пушкину высочайшаго повелѣнія отъ 7-го сего мѣсяца, въ коемъ изъяснена ему надобность перейти за Кюмень и произвесть еще поиски надъ непріятелемъ“. Арх. Гос. Сов. I, 1, 740. В. В.

Digitized by Google

исполненіе, разнымъ корпусамъ непріятельскимъ могла быть учинена диверсія не только отъемлющая способы обратить часть силъ его на подкрѣпленіе армейскаго его флота, но и возможный вредъ въ тѣхъ мѣстахъ ему наносящая. Мы также были въ доброй надеждѣ, что для открытія вашихъ дѣйствій вы ожидали таковыхъ отъ галернаго флота, и зная въ подробности, что и какъ сей послѣдній здѣлать былъ долженъ, за временно учредите свой планъ коимъ образомъ при одержаніи поверхности пользоваться временемъ, котораго потеря невозвратна, и какъ прикосновеннымъ къ галерному флоту частямъ, войти съ нимъ въ связь и распространеніе общихъ и дальнихъ поисковъ. Видѣли мы однако-жъ съ прискорбіемъ, что когда Вице-Адмиралъ Принцъ Нассау, въ слѣдъ за одержаніемъ знаменитой побѣды надъ Шведскимъ галернымъ флотомъ, хотѣлъ приступить къ высадкѣ войскъ позади корпуса въ Гекфорсѣ и Кименегордѣ державшагося, и требовалъ отъ сухопутныхъ войскъ нашихъ содѣйствія, начальствующіе ими не были предварительно наставлены. Время прошло въ ожиданіи отъ васъ приказаній, потомъ въ разныхъ распоряженіяхъ, и наконецъ непріятель успѣлъ отвратить гибель ему предстоявшую своимъ отступленіемъ. Не можемъ мы отнюдь почитать важнымъ пріобрѣтеніемъ оставленіе со стороны Шведской поста въ Гекфорсѣ. Прошедшаго года былъ онъ ими оставленъ. Войски наши въ немъ при началѣ нынѣшней компаніи находилися; но непріятель весьма удобно и безъ большой отъ нашихъ обороны, предъуспѣлъ овладѣть онымъ. Должно опасаться, что при недѣйствіи нашемъ и при наступленіи времени къ занятію кантониръ или и зимнихъ квартиръ, можетъ онъ ипаки туда войти и укрѣпиться, а можетъ быть и далѣе простерть свои покушенія. Такимъ образомъ слѣдующая компанія имѣетъ быть начинаема паки съ тѣхъ пунктовъ, съ которыхъ и нынѣшняя, естьли еще непріятель и далѣе не предъуспѣетъ. Мы оставляемъ вамъ рѣшить, сходствуетъ-ли съ пользою и славою Нашею и Имперіи Нашей, чтобъ труды, иждивенія, и потеря людей ни чемъ неоцѣненная, вотще обратилися.

О подкрѣпленіи котораго непріятель ожидалъ, Мы вамъ дали знать въ указѣ нашемъ отъ 3-го августа [1]), присовокупя тутъ точно что «въ сихъ обстоятельствахъ вы сами судить можете, колико нужно есть употребить всѣ тѣ способы, коими подобное непріятельскихъ силъ умноженіе упреждено, и вредныя отъ него слѣдствія отвращены были бы; а потому на ваше усердіе къ службѣ, искусство и храбрость Мы имѣемъ добрую надежду, что вы не упустите воспользо-

[1]) Указа этого въ бумагахъ не оказалось, но смыслъ его изложенъ тутъ-же. В. В.

Digitized by Google

ваться всякимъ случаемъ, къ одержанію надъ непріятелемъ поверхности, къ нанесенію ему ощутительныхъ ударовъ, и чтобъ ожидаемыя имъ свѣжія войска не весьма дѣятельное принесли ему подкрѣпленіе». Мы и тутъ считали, что вы упредите нанесть врагу нашему толь чувствительный уронъ, что и самое подкрѣпленіе, ими ожидаемое, непринесло бы ему большой пользы.

Въ такомъ положеніи дѣлъ, естьли вы усматриваете непреодолимыя затрудненія къ перенесенію полнымъ образомъ оружія нашего въ шведскую Финляндію, по крайней мѣрѣ не можете-ли приказать произвести поискъ на непріятеля отъ лѣваго фланга вашего, обще съ галернымъ флотомъ къ сторонѣ Луизы? Мы имѣемъ извѣстіе отъ Вице-Адмирала Принца Нассау, что онъ часть войска съ галеръ признанныхъ имъ за неспособные къ плаванію, ссадилъ на берегъ, чѣмъ сухопутная часть и болѣе подкрѣпляется. Сверхъ того, продолжая плаваніе свое, покуда возможно, неупуститъ онъ естьли только удобность дозволитъ здѣлать высадку на берегъ: но надобно, чтобъ начальствующіе на лѣвомъ флангѣ вашемъ соображалися его дѣйствіямъ, и на случай оныхъ у него яко младшіе у старшаго, подъ командою состояли. При рѣшимости на подобный поискъ, должны вы будете принять мѣры къ удержанію непріятеля противу Коувалы и Мемели держащагося отъ обращенія всѣхъ, или покрайней мѣрѣ знатныхъ силъ его на свой правый флангъ, учиня ему отъ васъ диверсію съ наблюденіемъ надлежащей осторожности. Подтверждаемъ тутъ что всего нужнее, естьли поискъ сей назначенъ будетъ, дѣйствовать скорѣе и нетерять времени въ перепискахъ и другихъ медлѣніяхъ. Ожидая въ подробности, что и какимъ образомъ вы учредите, пребываемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

60.

Въ С. П. бургѣ. Сентября 7-го. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Ожидавъ по сей день донесенія вашего на указъ нашъ отъ 1-го сентября, получили мы оное, и видимъ, что еще нѣсколько дней надобно потерять въ перепискѣ, когда уже для дѣла не много времени остается. Вы тутъ изъясняете что ожиданія вами пособій отъ лѣваго крыла почти всякій разъ тѣмъ или другимъ подвергалися затрудненіямъ, и что и нынѣ положенія ваши должны остаться безъуспѣшны. На сіе не можемъ оставить безъ примѣчанія, что отъ собственнаго вашего предусмотрѣнія зависѣло воспользоваться успѣхами галернаго флота нашего, на дѣйствія самыя

Digitized by Google

полезныя и рѣшительныя, ибо вы знали планъ отъ насъ тому флоту начертанный, а по мѣрамъ тутъ принятымъ и по силѣ онаго могли заключать объ удобности исполненія, слѣдовательно ежели-бы, имѣя за правило что нигдѣ, въ военномъ же ремеслѣ всего болѣе, не должно тратить времени, наставили вы командующихъ на лѣвомъ вашемъ флангѣ въ запасъ заранѣе, чтобъ они первымъ счастливымъ моментомъ пользовалися на непріятеля на носу у нихъ стоявшаго, а въ ту-же самую минуту и сами вы въ недѣятельности не остались, то успѣхи далеко были бы уже простерты, въ пользу и честь государства: но время протекло въ перепискѣ и распоряженіяхъ, а непріятель успѣлъ ретироваться, заимствовалъ нѣкоторое подкрѣпленіе, и наконецъ опомнился отъ страха ему нанесеннаго. Мы находимъ, что и теперь отъ галернаго флота нашего учинено вамъ немалое и сугубое пособіе, ибо съ одной стороны, три баталіона гвардіи и три пѣхотные полки съ него ссаженные доставляютъ знатное умноженіе войскамъ вами предводимымъ; съ другой же въ ескадрѣ бригадира Слизова немалое число судовъ обращено на охраненіе береговъ нашихъ, когда извѣстнымъ образомъ непріятель лишившися большей части своего армейскаго флота, лишенъ способовъ тому противуборствовать. Далѣе представляете что по наступившему сырому и холодному времени, истребленію подножныхъ кормовъ и трудностямъ въ доставленіи провянта и фуража, не обнадеживаете себя по переходѣ за Кимень, пріобрѣсти знатныя надъ непріятелемъ поверхности, особливо же буде онъ нерѣшася при самомъ переходѣ дать сраженіе, начнетъ отступать, и задерживать продолженіе пути вашего полевыми защитами и что въ такомъ случаѣ не останется вамъ иннаго какъ учинивъ нѣкоторые поиски возвратиться съ арміею въ свои границы. Положимъ, что непріятель станетъ уклоняться отъ сраженія съ вами; сіе однако-жъ по собственнымъ словамъ вашимъ, не помѣшаетъ здѣлать надъ нимъ нѣкоторые поиски; и такъ, естьли вамъ удастся нанести врагу нашему пораженіе, очистить противный берегъ Кименя, отогнавъ оттуда шведовъ колико можно далѣе, и воспользоваться открытою чрезъ отступленіе ихъ землею, чтобъ отнять у нихъ удобность на остальное время года дѣлать покушенія на границы наши; возвращеніе ваше изъ-за Кимени на здѣшній берегъ не будетъ вредно, и конечно полезнѣе недѣятельности въ которой мы никакихъ выгодъ не усматриваемъ. Основався на семъ еще одинъ разъ подтверждаемъ, что вамъ надобно приложить всемѣрное стараніе, посредствомъ движенія войскъ вами предводимыхъ отъ лѣваго фланга и отъ главной части вашей произвесть надъ непріятелемъ поиски внутри земли его, отогнать его отъ противнаго берега рѣки Кимени,

Digitized by Google

и простерть дѣйствія ваши за оною по возможности, хотя уже и не съ тѣмъ, чтобъ тамъ взять твердую ногу, но по крайней мѣрѣ чтобъ очистить землю на нѣкоторое разстояніе и отнять у непріятеля удобности и средства войти въ наши предѣлы, а потомъ и возвратиться въ оные.

Естьли вы и тутъ, паче чаянія нашего встрѣчаете преграды въ исполненіи, то по крайней мѣрѣ объясните намъ во всей подробности, что именно инако далѣе вы дѣлать намѣрены; какія пользы находите, въ подобномъ недѣйствіи арміи нашей, и какія преграды можете вы надежнымъ образомъ полагать на случай непріятельскихъ покушеній на Гекфорсъ и инныя мѣста, наипаче-же когда настанетъ время отшествія войскъ нашихъ въ кантониръ, или зимнія квартиры. Намъ таковыя свѣденія необходимо нужны дабы мы могли взять мѣры сходственныя къ обезпеченію границъ нашихъ и чести оружія нашего. Пребываемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

61.

Въ С. П. бургѣ. Сентября 18-го 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Послѣ реляціи вашей отъ 10-го сентября неимѣвъ никакихъ отъ васъ новѣйшихъ извѣстій, признали мы за нужное симъ предписать чтобъ, буде вы по сіе время за Кимень не перешли и въ дѣло съ непріятелемъ не вступили, въ такомъ случаѣ оставили уже всякое предпріятіе, и войска наши приказали на первое время расположить въ кантониръ-квартиры не утѣснительнымъ образомъ, а насъ увѣдомили гдѣ оныя расположены, какія взяты будутъ осторожности противу впаденія непріятельскаго въ границы наши, въ которыхъ мѣстахъ назначаются и какимъ войскамъ зимнія квартиры и гдѣ отъ которой части и въ какомъ числѣ учредятся посты для охраненія предѣловъ нашихъ. Естьли же сіе застанетъ, что вы перешли Кимень, то не вдаваяся далеко въ непріятельскую землю, по произведеніи только первыхъ и удобнѣйшихъ поисковъ, долженствуете возвратиться въ наши границы, и относительно введенія войскъ въ кантониръ-квартиры и другихъ распоряженій поступить по вышеписанному. Пребываемъ вамъ благосклонны

«Екатерина».

Digitized by Google

62.

Въ С. П. бургѣ. Сентября 20-го. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Для свѣденія вашего приложена у сего копія рескрипта [1]) отъ насъ даннаго Вице-Адмиралу Принцу Нассау-Зигенъ о пріуготовленіи галернаго флота на будущую компанію. Вы не оставте предписать кому надлежитъ о пособіи ему въ исполненіи на него возложеннаго. При расположеніи войскъ въ зимнія квартиры, нужно чтобъ вы старалися помѣстить войска на флотъ назначенныя по близости и удобности гдѣ его исправленіе и вооруженіе производимы будутъ; что же касается до Елецкаго пѣхотнаго полку, нынѣ въ отдаленности находящагося, оный вы можете въ теченіи зимы замѣня другимъ сближить къ мѣстамъ для флота назначеннымъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

63.

Въ С. П. бургѣ. Сентября 25-го. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Всевышній благословилъ повсюду оружіе наше противу врага имени христіанскаго знаменитыми успѣхами. Мы сегодня получили отъ Генерала Фелдмаршала Князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго изъ главной его квартиры у Каушанъ извѣстіе,что 7-го Сентября Бригадиромъ и войска донскаго походнымъ атаманомъ Орловымъ [2]), разбитъ на рѣкѣ Салчѣ турецкій пятитысячный корпусъ, при которомъ самъ Сераскеръ Гассанъ паша бывшій капитанъ пашею находился; 8-го Сераскеръ паша при сближеніи войскъ нашихъ оставя свой лагерь и пушки бѣжалъ къ Измаилу. 11-го Генералъ Суворовъ и Римско-Императорскій Генералъ Принцъ Саксенъ Кобургскій [3]) съ корпусами ихъ у Фокшанъ, разбили на голову турецкія силы верховнымъ везиремъ предводимыя, взявъ 80 пушекъ, 50 знаменъ, весь лагерь и обозъ, причемъ непріятель потерялъ убитыми до шести тысячь человѣкъ. 12-го Сераскеръ Гассанъ паша загнанъ въ крѣпость Измаилъ, гдѣ и заперся. 13-го въ Коушанахъ трехъ-бун-

---

[1]) Указаннаго приложенія не оказалось.

[2]) Сборникъ русс. ист. об., XLII, 36.

[3]) Отзывъ о немъ Екатерины II: „Что Кобургъ послѣ побѣды храбрится, тому не дивлюсь, имъ удача не въ привычку". Сборникъ русс. ист. об., XLII, 33. В. В.

Digitized by Google

чужный Заиналы-Гассанъ паша Беглербей Анадольскій и бывшій въ прошломъ году Сераскеромъ у Рябой магилы, взятъ козаками подъ командою полковника Платова [1]), съ подкрѣпленіемъ конныхъ егерей: сей отрядъ былъ подъ предводительствомъ Генерала-Поручика Принца Ангальтъ-Бернбургскаго [2]), при чемъ взято 3 пушки, 2 знамя и 160 плѣнныхъ, убито же болѣе семисотъ человѣтъ. 14-го Замокъ Аджибейскій взятъ Генераломъ-Маіоромъ Рибасомъ [3]), въ виду всего флота непріятельскаго. Принося благодареніе Богу помощнику Нашему, поспѣшаемъ вамъ о томъ сообщить для обнародованія въ арміи вамъ ввѣренной. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

64.

Въ С. П. бургѣ. Октября 5-го. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичь. Преміеръ-Маіору Муханову [4]), въ награжденіе отличной его храбрости доказанной взятьемъ непріятельской батареи пожалованный отъ Насъ крестъ четвертаго класса военнаго ордена при грамотѣ съ симъ посылаемый, прикажите ему доставить, и при томъ всѣмъ въ дѣлѣ семъ участвовавшимъ Наше благоволеніе объявите. Подтвердите Бригадиру Римскому-Корсакову и прочимъ знатнѣйшими частями войскъ Нашихъ начальствующимъ, что мы

---

[1]) Матвѣй Ивановичъ Платовъ (позже графъ), 1751—1818, полковникъ отъ арміи и старшина донскаго войска. Любопытное письмо о немъ кн. Потемкина императрицѣ Екатеринѣ II помѣщено въ „Русской Старинѣ“ 1876, XVI, 459. Вскорѣ онъ былъ сдѣланъ бригадиромъ и войсковымъ атаманомъ екатеринославскихъ казаковъ обѣихъ сторонъ Днѣпра (Сборникъ русс. ист. об., XLII, 64). Новѣйшія о немъ свѣдѣнія см. въ „Русской Старинѣ“ 1885, XLVIII, .

[2]) Принцъ Викторъ Амедей Ангальтъ Бернбургскій, генералъ-поручикъ русской службы, былъ вскорѣ вызванъ въ Финляндію для участія въ третьей кампаніи противъ шведовъ и въ первомъ же дѣлѣ 19 апрѣля 1790 г. „повергся на землю отъ жестокой полученной имъ раны“ и чрезъ нѣсколько дней скончался. Собр. реляцій, II, 78—86.

[3]) Осипъ Ивановичъ Рибасъ, генералъ-маіоръ, позже адмиралъ, награжденъ за взятіе Хаджибея орденомъ св. Георгія 2-й ст. Имъ начата постройка Одессы на мѣстѣ Хаджибея.

[4]) Мухановъ сдѣлалъ всѣ три кампаніи шведской войны и въ реляціяхъ заключается значительная часть его послужнаго списка, такъ какъ онъ является въ нихъ капитаномъ, секундъ-маіоромъ и премьеръ-маіоромъ Бѣлозерскаго пѣхотнаго полка (Собр. реляцій, II, 24, 32, 77). В. В.

Digitized by Google

отъ усердія и мужества ихъ ожидаемъ, что и по расположеніи войскъ въ кантониръ или и зимнія квартиры, недопустятъ они непріятеля вторгнувшися въ границы Наши остаться въ нихъ; но при случаѣ покушенія его отразятъ его со вредомъ для него чувствительнымъ.

Для свѣденія вашего приложена у сего копія указа Нашего къ Адмиралу Чичагову посланнаго, объ окончаніи настоящей кампаніи на морѣ по причинѣ поздаго и суроваго времени. Пребываемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

65.

Въ С: П: бургѣ Октября 5 дня 1789 года.

[Копія]. Василій Яковлевичь. Въ разсужденіи настоящаго поздаго и суроваго времени трудно предполагать, чтобъ флотъ Шведскій могъ вытти въ море, а еще меньше ожидать можно, чтобъ онъ покусился направить плаваніе свое въ Финской заливъ; почему и находимъ нужнымъ повелѣть вамъ первое, корабли и прочія суда требующія большихъ починокъ и въ морѣ держаться уже не могущіе, отправить въ Кронштатъ; второе, съ остальными кораблями, фрегатами и прочими судами держаться вамъ сколько можно при Ревелѣ, дозволяя вамъ при томъ войти на рейду тамошнюю когда вы заблагоразсудите; третіе, между тѣмъ назнача тѣ корабли и другія суда, кои въ Ревельскомъ портѣ должны остаться на зиму сколько ихъ безопасно и безъ утѣсненія по разсмотрѣнію вашему помѣстится можетъ, вскорѣ за перво отсылаемыми въ Кроиштатъ отправить и прочія, дабы они надежно и безъ бѣдственно туда дойти успѣли; четвертое, а какъ для продовольствія войскъ Нашихъ въ Финляндіи, отправлено будетъ изъ Риги нѣкоторое количество судовъ съ хлѣбомъ; то дабы оныя безопасно дошли къ сторонѣ Выборга, и недостался въ руки непріятелю, по примѣру недавно попавшагося ему галіота съ тысячью семью стами кулями муки, приказано означеннымъ судамъ дошедъ противу Ревеля отнестися къ вамъ, дабы вы могли при настоящей отсылкѣ кораблей, фрегатовъ и катеровъ взять мѣры къ обезпеченію плаванія ихъ; пятое, посты Перкалаутскій и Борзундскій снять по лучшему вашему усмотрѣнію одинъ за другимъ, распорядя, чтобъ изъ сихъ постовъ суда, коимъ надлежитъ итти къ Кронштату, туда прямо и посланы были. О всѣхъ распоряженіяхъ, кои вами учинены будутъ въ слѣдствіе таковой воли Нашей, Мы будемъ ожидать отъ васъ извѣстія, пребывая вамъ благосклонны.

Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: «Екатерина».

Digitized by Google

66.

Въ С. П. бургѣ. Октября 10. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Въ слѣдствіе указа Нашего отъ 18-го Сентября [1]) по ввѣденіи войскъ въ кантониръ квартиры, Мы ожидаемъ отъ васъ росписанія и о зимнихъ квартирахъ съ показаніемъ подробнымъ и картою, гдѣ и какія имянно полки и команды располагаются, кто при нихъ изъ Генераловъ находится будутъ, въ которыхъ мѣстахъ, и какія посты для охраненія границъ отъ непріятельскаго впаденія назначаются, гдѣ полагаются зборные мѣста, да и въ общѣ какія мѣры для надежнаго между войсками сообщенія и касательно осторожности пріемлются. Между тѣмъ по волѣ Нашей отъ военной коллегіи получитъ приказаніе Инспекторъ войскъ Нашихъ, Генералъ-Порутчикъ Волковъ [2]) осмотрѣть всѣ полки и баталіоны узаконеннымъ порядкомъ, освидѣтельствовать въ нихъ исправность людей и вещей, для донесенія о томъ благовременно, дабы все требующее пополненія или поправленія могло тотчасъ здѣлано быть: а какъ при таковомъ осмотрѣ нужно быть особливо-же полковымъ, баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ каждому на своемъ мѣстѣ, да и послѣ для приведенія войскъ въ состояніе къ службѣ на слѣдующую компанію, а наипачѣ въ необходимомъ пріученіи рекрутъ, не отлучаться; то Мы сіе препоручаемъ наблюденію вашему, съ тѣмъ чтобъ вы подтвердили всякому что неисправности и упущенія, кои могли бы оказаться по всей строгости законовъ неминуемо взысканы будутъ. Пребываемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

67.

Въ С. П. бургѣ. 14 Октября 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Въ прилагаемой при семъ Газетѣ Гамбургской подъ № 161-мъ во второмъ артикулѣ изъ Гамбурга напечатана переписка [3]) между Генераломъ-Маіоромъ Барономъ Шульцомъ и Шведскимъ Генераломъ-Маіоромъ Барономъ Стедингомъ, въ

[1]) См. выше № 61.

[2]) Аполлонъ Андреевичъ Волковъ. О донесеніи его отъ 17 мая 1790 г., изъ Ревеля, упомянуто въ Арх. Гос. Сов. I, 1, 788.

[3]) Означеннаго приложенія не оказалось. Уже второй разъ императрица вынуждена обращать вниманіе на обнародованіе въ нѣмецкихъ газетахъ извѣстій, касающихся шведской войны: въ первый разъ, ревельскій губернаторъ А. И. Врангель помѣщалъ въ „Reichs-Post-Reiter, за 1788 г., рескрипты и указы Екатерины II. Сборникъ рус. ист. общ., XXVII, 528. В. В.

Digitized by Google

которой внесено ругательство на Санкпетербургскія вѣдомости, которыя издаются по дозволенію Нашему, и въ коихъ относительно военныхъ и политическихъ дѣлъ наблюдается дабы ни что съ правдою не сходное и неприличное печатаемо небыло. Мы желаемъ знать самъ ли собою или съ позволенія вашего означенный Баронъ Шульцъ вступилъ съ Стедингомъ въ сію переписку, и присылалъ ли онъ вамъ копіи съ оной, о чемъ и дайте намъ знать; есть ли же вы о томъ не были извѣстны, то истребуйте отъ него объясненіе [1]), равно какъ и о причинахъ для чего онъ таковую переписку оставилъ безъ надлежащаго вамъ донесенія. Пребываемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

68.

Въ С.П.бургѣ. Октября 14 [2]). 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Вчера съ присланнымъ отъ Россійско-Императорскаго посла князя Голицына [3]) изъ Вѣны курьеромъ получено извѣстіе, что по овладѣніи арміею Его величества Императора Римскаго предводимою генераломъ фелдмаршаломъ бароном Лаудономъ [4]) въ 21-ый день Сентября двумя главными предмѣстіями города и крѣпости Бѣлграда, сей городъ утѣсняемый дѣйствіемъ артиллеріи осаждающей 27-го Сентября здался на капитуляцію; и въ слѣдствіе того войсками Римско-Императорскими Королевскими занятъ.

Въ слѣдъ затѣмъ сего утра получила Я отъ генерала фелдмаршала князя Григорья Александровича Потемкина-Таврическаго увѣдомленіе, что городъ и крѣпость Бѣлгородъ на устьѣ рѣки Днѣстра 30-го Сентября здался намъ на капитуляцію, при чемъ получено въ добычу пушекъ пятьдесятъ одна, знаменъ тридцать два и множество всякихъ запасовъ. Сіи знаменитыя произшествія соизволяемъ чтобъ въ арміи вами предводимой были празднованы, принося благодареніе Всевышнему благословящему оружіе Наше и Союзника Нашего противу врага всего христіянства. Пребываемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

---

[1]) Объясненіе генерала-маіора барона Шульца и постановленіе Совѣта („переписку сію вновь напечатать въ тѣхъ же вѣдомостяхъ“) см. въ Арх. Гос. Сов., I, 1, 748.

[2]) 19-го октября 1789 г. посланъ „указъ къ Пушкину о выходѣ шведскаго флота“. Храповицкій, 313.

[3]) Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, русскій посолъ въ Вѣнѣ съ 1762 по 1792 г.

[4]) Баронъ Гедеонъ Эрнестъ Лаудонъ, австрійскій фельдмаршалъ, умеръ въ 1790 году. В. В.

Digitized by Google

69.

Въ С. П. бургѣ. Октября 23 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Прилагая при семъ именной списокъ находящимся въ Фридрихсгамской Госпиталѣ нижнимъ воинскимъ чинамъ, кои за полученными въ сраженіи съ непріятелемъ ранами болѣе службы продолжать не въ состояніи, и которыхъ потому, на основаніи рескрипта Нашего отъ 22 Августа сего года Вице-Адмиралу Принцу Нассау-Зигенъ даннаго, и къ вамъ въ копіи при указѣ того же числа сообщеннаго [1]), слѣдуетъ пристроить къ мѣстамъ приличнымъ для ихъ пропитанія, соизволяемъ, чтобъ вы чрезъ кого заблагоразсудите отобрали у каждаго изъ нихъ желаніе естьли у нихъ семейства, и къ нимъ ли желаютъ они переселиться, гдѣ и будутъ получать опредѣляемое отъ щедротъ нашихъ содержаніе; объ остальныхъ же, кои не имѣютъ родственниковъ и не похотятъ возвратиться на прежнія жилища, не умедлимъ дать Наше повелѣніе о надлежащемъ ихъ пристроеніи. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

70.

Въ С. П. бургѣ. Ноября 15 [2]) 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Вчера въ 10 часу пополудни получила Я отъ генерала фелдмаршала князя Григорья Александровича Потемкина Таврическаго извѣстіе, что по начатіи дѣйствій отъ арміи имъ предводимой противу города и крѣпости Бендеръ, командующій тамъ Сераскеръ и два еще трехъ-Бунчужные паши 3-го ноября пополуночи въ первомъ часу прислали къ Генералу фельдмаршалу отдаяся въ его волю; въ слѣдствіе чего 4 Ноября Наши войска введены въ помянутые городъ и крѣпость снабдѣнныя изобильно орудіями, снарядами и магазейнами. Сіе знаменитое произшествіе соизволяемъ, чтобъ въ арміи вамъ ввѣренной было празднуемо принесеніемъ благодаренія Всевышнему благословящему толь великимъ успѣхомъ оружіе Наше противу врага имени Христіанскаго. Пребываемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

---

[1]) Ни указа, ни копіи рескрипта нѣтъ.

[2]) Отъ 20-го ноября 1789 г. графу В. П. Мусину-Пушкину посланъ былъ указъ объ отправкѣ въ Екатеринославскую губернію „добровольно выходящихъ изъ Швеціи русскихъ бѣглецовъ“. П. С. З., № 16,817. В. В.

Digitized by Google

71.

Въ С. П. бургѣ. Декабря 12 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Съ прибывшимъ вчера изъ Вѣны курьеромъ получила я извѣстіе, что Министръ мой Булгаковъ [1]) освобожденъ изъ заключенія, въ которомъ онъ со дня объявленія неправедной противъ меня войны содержанъ былъ, и что бывъ отпущенъ отъ Порты, пріѣхалъ въ Тріестъ 22 Ноября стараго стиля. Увѣдомляя васъ о семъ произшествіи, желаю чтобъ вы оное пристойнымъ образомъ довели до свѣденія въ войскѣ Шведскомъ и въ Шведской Финляндіи. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонная

«Екатерина».

72.

Въ С. П. бургѣ. Декабря 29 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. Прибывшую съ шведской стороны женьщину [2]), по имяни Фалькъ, можете приказать съ надлежащею осторожностью отпустить обратно за границу. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

73.

Въ С. П. бургѣ. Декабря 29. 1789 года.

Графъ Валентинъ Платоновичъ. По представленію вашему въ разсужденіи болѣзненныхъ вашихъ припадковъ, позволяемъ вамъ пріѣхать сюда [3]), пребывая впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина».

Сообщ. 30 дек. 1870 г. кн. Ив. Гагаринъ.

---

[1]) Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, 1743—1803, русскій посланникъ въ Константинополѣ, проведшій болѣе двухъ лѣтъ въ Семибашенномъ замкѣ, гдѣ онъ перевелъ съ французскаго „Всемірнаго Путешественника".

[2]) Въ реляціи гр. Мусина-Пушкина отъ 4-го октября 1789 г. говорится „о присланномъ подъ бѣлымъ флагомъ суднѣ шведскомъ... для возвращенія шести человѣкъ вольныхъ россійскихъ мореходцевъ и одной женщины (не Фалькъ-ли?), взятыхъ на отправленномъ изъ Риги съ мукою галіотѣ". Арх. Гос. Сов., I, 1, 745.

[3]) 5-го января 1790 г., графъ Мусинъ-Пушкинъ представлялся уже императрицѣ, при чемъ Храповицкій записалъ въ своемъ „Дневникѣ": „худой пріемъ". 17-го же января въ совѣтѣ читаны указы, данные военной коллегіи „объ отзывѣ сюда генерала графа Мусина-Пушкина и объ опредѣленіи на его мѣсто главнокомандующимъ финляндскою арміею генерала графа Салтыкова". Арх. Гос. Сов. I, 1-ая, 759. В. В.

Digitized by Google

ЗАМѢЧАНІЯ НА ЗАПИСКИ О РОССІИ

генерала Манштейна,

изданныя въ 1879 г. подъ именемъ графа Петра Панина,

1725—1744 гг.

[Переводъ В. В. Тимощукъ съ нѣмецкой рукописи].

Кто занимался болѣе спеціально изученіемъ русской исторіи за время съ 1725-го по 1744-й годъ, тотъ знакомъ, вѣроятно, съ сочиненіемъ, появившимся въ печати подъ заглавіемъ: «Замѣчанія на записки Манштейна», и безъ сомнѣнія задавался вопросомъ о томъ, кто же въ дѣйствительности былъ авторомъ этого, мѣстами весьма интереснаго, сочиненія.

По этому поводу дѣлались различныя догадки и этотъ вопросъ долгое время оставался спорнымъ, пока онъ не былъ, наконецъ, какъ-бы рѣшенъ окончательно, хотя и не вполнѣ правдоподобно, при помощи новой гипотезы, которую до сихъ поръ никто еще не оспаривалъ. Но наука, въ интересахъ истины, требуетъ такихъ доказательствъ, которыя въ состояніи были бы выдержать, не колеблясь, болѣе строгую критику; поэтому мы и позволимъ себѣ подвергнуть подобной оцѣнкѣ всѣ высказанныя, по этому поводу, мнѣнія и попытаемся подтвердить результатъ нашего изслѣдованія болѣе вѣскими доказательствами, нежели это дѣлалось до нынѣ. При этомъ мы, конечно, будемъ вынуждены вдаться въ такія частности и подробности, которыя представляютъ интересъ лишь для спеціалиста, но которыя совершенно неизбѣжны при рѣшеніи этого вопроса.

Digitized by Google

I.

Какъ извѣстно, «Замѣчанія» были изданы на русскомъ языкѣ два раза. Впервые въ «Отечественныхъ Запискахъ», изд. Свиньина, гдѣ они появились, къ сожалѣнію, небольшими отрывками въ слѣдующихъ томахъ: 1825 г. т. XXI, XXII, XXIII; 1826 г., т. XXV; 1828 г., т. XXXV и XXXVI; 1829 года, т. XXXVIII и XXXIX. Приведенная въ этихъ главахъ нумерація страницъ, указывающая на соотвѣтствующія событія у Манштейна, относится къ русскому изданію записокъ Манштейна — Глинки (1810 г.), но при этомъ нѣтъ тѣхъ указаній на соотвѣтствующія страницы, которыя помѣчены самимъ авторомъ въ рукописи; въ этомъ изданіи встрѣчаются также нѣкоторые пропуски противъ оригинала, вызванные, вѣроятно, требованіями цензуры. «Замѣчанія» появились безъ подписи автора, который былъ неизвѣстенъ издателю, и подъ заглавіемъ «Замѣчанія на записки г. Манштейна о Россіи».

Второе изданіе «Замѣчаній», въ которомъ оригиналъ впервые воспроизведенъ вполнѣ точно безъ пропусковъ, появилось въ XXVI томѣ «Русской Старины», изд. 1879 г. (стр. 359—410 и 567—616), съ приложеніемъ статьи П. Н. Петрова (стр. 616 — 626), въ которой онъ доказываетъ, на первый взглядъ довольно правдоподобно, что авторомъ этихъ «Замѣчаній» былъ не кто иной, какъ гр. Петръ Ивановичъ Панинъ. Подъ вліяніемъ изслѣдованія г. Петрова, это сочиненіе было издано, нѣсколько поспѣшно, подъ именемъ гр. Панина и подъ заглавіемъ: «Русскій дворъ въ 1725—1744 годахъ, замѣчанія гр. Петра Ивановича Панина на записки Манштейна о Россіи». Событія, описанныя Манштейномъ, цитируются въ этомъ изданіи согласно новому изданію Записокъ Манштейна, появившемуся въ 1875 г. въ приложеніи къ «Русской Старинѣ».

Къ сожалѣнію, въ этомъ, вообще весьма тщательномъ, изданіи [1]) не указано на связь, существующую между «Замѣчаніями» и «Записками» Миниха-сына , и ни въ примѣчаніяхъ, ни въ текстѣ особымъ шрифтомъ не указаны тѣ мѣста, въ которыхъ оба эти сочиненія сходствуютъ буквально, вслѣдствіе чего всякому, подробнѣе занимающемуся изученіемъ этихъ источниковъ, приходится вновь трудиться надъ сличеніемъ обоихъ текстовъ.

Обратимся теперь къ вопросу: кто былъ авторомъ «Замѣчаній» и какимъ образомъ возможно его доискаться?

---

[1]) Между прочими, впрочемъ незначительными, ошибками въ текстѣ слѣдовало бы исправить опечатку въ „Русск. Стар.“ т. XXVI, стр. 581: „О пожалованіи (Миниха) герцогомъ курляндскимъ“, вмѣсто чего должно быть: „герцогомъ украйнскимъ“. А. Ю.

Digitized by Google

Рѣшая этотъ вопросъ, нельзя пройти молчаніемъ тѣ предположенія и догадки, которыя дѣлались по этому поводу до сихъ поръ.

Тогда какъ первый издатель «Замѣчаній» ничего не могъ сказать объ авторѣ этого сочиненія и не дѣлаетъ даже по этому поводу никакого предположенія, въ 42 части «Отечественныхъ Записокъ» (1830 г.) «Замѣчанія» приписаны гр. Ѳеодору Андреевичу Остерману, сыну вице-канцлера [1]), а въ «Военно-энциклопедическомъ лексиконѣ» (1-е изданіе), изд. бар. Зедделера, въ статьѣ «Манштейнъ» [2]) они приписаны другому сыну вице-канцлера, Ивану Андреевичу Остерману; между тѣмъ оба эти предположенія весьма гадательны и не основаны ни на какихъ положительныхъ данныхъ. Затѣмъ, въ 1859 г., появилась небольшая статья П. К. Щебальскаго (см. Чтенія въ имп. общ. ист. и древн. россійск. 1859 г., III, 141—146): «Кто написалъ Замѣчанія на Записки Манштейна о Россіи?», въ которой онъ прямо отрицаетъ авторство Ивана Остермана и старается доказать, что «Замѣчанія» написаны Минихомъ, сыномъ извѣстнаго фельдмаршала. Однако, доказательства, приведенныя имъ въ подтвержденіе своего мнѣнія и основанныя лишь на однихъ умозаключеніяхъ, весьма не многочисленны; они не имѣютъ подъ собою твердой почвы и поэтому не носятъ характера непреложной истины, и хотя звучатъ правдоподобно, все-таки не производятъ впечатлѣніе неизбѣжныхъ выводовъ, вслѣдствіе чего ихъ не трудно было опровергнуть.

Главнѣйшіе аргументы, приводимые Щебальскимъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, слѣдующіе: младшій Остерманъ, говоритъ онъ, не можетъ быть авторомъ этого сочиненія потому, что въ немъ часто порицается вице-канцлеръ, его отецъ, тогда какъ фельдмаршалъ и первый министръ, Минихъ, напротивъ того, превозносится и восхваляется. Вообще, въ этихъ Запискахъ видно желаніе кого-то оградить и отстоять противъ нападеній Манштейна и онѣ не что иное, какъ апологія фельдмаршалу Миниху. Это желаніе оправдать Миниха высказывается особенно ясно въ защитѣ его военныхъ дѣйствій подъ Очаковымъ (1737 г.) и въ попыткахъ доказать, что онъ былъ не причастенъ въ убійствѣ маіора Синклера [3]), а равно и въ характеристикѣ фельдмаршала, написанной яркими красками, при чемъ авторъ упоминаетъ лишь вскользь о его честолюбіи и вспыльчивости.

Отдѣльными поправками къ разсказу Манштейна объ арестѣ Бирона авторъ заявляетъ себя во всякомъ случаѣ какъ лицо, стоявшее весьма близко къ фельдмаршалу Миниху.

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ т. XXVI, стр. 618, въ изслѣдованіи г. Петрова.

[2]) См. Чтенія въ имп. общ. ист. и др. 1859 г., т. III, стр. 141, въ статьѣ Щебальскаго, гдѣ по ошибкѣ стоитъ: „Андрей Ивановичъ Остерманъ“ вмѣсто „Иванъ Андреевичъ“.

[3]) Фамилія пишется: „Sinclair“, а не „Zinkler“ (см. Russische Revue, 1886, IV, стр. 447). А. Ю.

Digitized by Google

Но самымъ вѣскимъ доводомъ, подтверждающимъ предположеніе объ авторствѣ Миниха-сына, Щебальскій считаетъ разсказъ о совѣщаніи обоихъ Миниховъ съ бар. Менгденомъ на другой день ареста Бирона, когда они рѣшали вопросъ о томъ, какъ наградить вліятельнѣйшихъ сановниковъ имперіи, и фельдмаршалъ диктовалъ своему сыну списокъ тѣхъ наградъ и повышеній, о которыхъ говорится въ «Замѣчаніяхъ». Только одинъ изъ этихъ трехъ лицъ могъ, по мнѣнію Щебальскаго, сообщить такъ обстоятельно всѣ эти подробности. Такъ какъ Менгденъ, насколько извѣстно, не оставилъ никакихъ записокъ, а фельдмаршалъ Минихъ написалъ только одно большое сочиненіе [1]: «Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie», то ихъ могъ написать одинъ только молодой Минихъ, авторъ извѣстныхъ записокъ (издан. 1817 г.), который воспользовался для опроверженія Манштейна отрывками изъ этого сочиненія, написаннаго имъ уже въ 1758 г. [2]. Далѣе мы коснемся еще того, что говоритъ Щебальскій о сходствѣ этихъ двухъ сочиненій и о первоначальномъ текстѣ «Замѣчаній».

Между тѣмъ, въ недавнее время, г. Петровъ, въ вышеупомянутой статьѣ своей («Составитель Замѣчаній на Записки Манштейна о Россіи», «Русская Старина», изд. 1879 г., т. XXIV, 616—626), опровергнулъ, также на первый взглядъ довольно правдоподобно, мысль объ авторствѣ Миниха-сына [3]) и обоихъ графовъ Остермановъ и назвалъ авторомъ «Замѣчаній» гр. Петра Ивановича Панина, подкрѣпивъ свое мнѣніе довольно вѣскими аргументами. Надобно сознаться, что авторъ излагаетъ свою мысль и подтверждаетъ ее доказательствами съ такою послѣдовательностью, что она невольно подкупаетъ читателя на первыхъ порахъ, но, вникнувъ въ нее поглубже, замѣчаемъ вскорѣ всю ея несостоятельность.

Доводы, на основаніи которыхъ Щебальскій приписываетъ авторство «Замѣчаній» Миниху-сыну, имѣющіе за собою только долю вѣроятія, опровергаются г. Петровымъ также на основаніи простыхъ предположеній и кажущихся противорѣчій; весьма естественно, что при столь шаткихъ доказатель-

---

[1]) Это доказательство не достаточно убѣдительно, ибо кромѣ „Ebauche“ фельдмаршалъ Минихъ оставилъ еще записки (см. Russische Revue, 1886 г., III, 318—343) и слѣдовательно въ этомъ отношеніи предположеніе Щебальскаго оказывается несостоятельнымъ; гораздо проще было бы, отрицая мысль объ авторствѣ Миниха, привести въ подтвержденіе этого мнѣнія тотъ фактъ, что авторъ „Замѣчаній на записки Манштейна“ ссылается на изданіе этихъ записокъ, появившееся въ 1771 году, между тѣмъ какъ фельдмаршалъ скончался уже въ 1767 году.

[2]) Записки Миниха-сына, какъ мы увидимъ далѣе, во многихъ мѣстахъ сходствуютъ почти буквально съ „Замѣчаніями на Записки Манштейна“.

[3]) Г. Петровъ неоднократно называетъ его Іоаннъ Эрнстъ, тогда какъ его звали просто Эрнстомъ. А. Ю.

Digitized by Google

ствахъ могъ получиться лишь шаткій выводъ [1]). Индуктивный методъ изслѣдованія, котораго придерживался авторъ, проведенъ также не совсѣмъ полно и послѣдовательно; то-же самое можно сказать о сравненіи въ этой статьѣ «Замѣчаній» съ «Записками» Миниха-сына, иначе г. Петровъ замѣтилъ бы свою ошибку.

Его методъ изслѣдованія заключается въ слѣдующемъ: по содержанію и тексту «Замѣчаній» онъ выводитъ заключеніе объ авторѣ и объ обстоятельствахъ его жизни; затѣмъ, по методу исключенія, оба Остермана и Минихъ-сынъ объявляются неподходящими подъ требуемыя условія, и, наконецъ, графъ Панинъ, будто бы отвѣчающій всѣмъ этимъ условіямъ, признается авторомъ этого сочиненія.

Мы попытаемся теперь разобрать критически тѣ доводы, которые г. Петровъ приводитъ въ опроверженіе мысли объ авторствѣ Миниха-сына и со своей стороны постараемся, если возможно, привести новыя доказательства, заимствованныя нами изъ самаго текста «Замѣчаній», которыя могли бы подтвердить это предположеніе. Затѣмъ мы постараемся выяснить отношеніе этихъ фактовъ къ личности графа Эрнста Миниха, котораго, по примѣру Щебальскаго, и мы считаемъ несомнѣнно авторомъ «Замѣчаній на Записки Манштейна».

Наконецъ, чтобы придать нашему предположенію характеръ непреложной истины, мы постараемся подкрѣпить его новыми, до сихъ поръ никѣмъ еще не высказанными, но неопровержимыми доказательствами.

Г. Петровъ полагаетъ:

1) что авторъ «Замѣчаній», поправляя Манштейна, говоритъ о походахъ Миниха 1736 и 1737 гг. и о взятіи Очакова несомнѣнно какъ очевидецъ и что его сужденія о фельдмаршалѣ и его дѣйствіяхъ не допускаютъ сомнѣнія въ томъ, что онъ самъ былъ подчиненный ему генералъ и притомъ командовавшій корпусомъ (Русск. Стар. XXVI, стр. 617), ибо онъ не только дополняетъ разсказъ Манштейна, но и возстановляетъ истину, сообщая различныя подробности, которыя почерпнуты имъ навѣрно не изъ реляцій, а коихъ онъ самъ былъ очевидцемъ. Таковы, напр., слѣдующія подробности:

а) Авторъ «Замѣчаній» говоритъ: «нерѣдко случалось, когда вѣтеръ бывалъ противный русскимъ, татары зажигали траву. Тогда не оставалось инаго средства, какъ наскоро вырыть ровъ и сдѣлать насыпь, дабы остановить разъяренное пламя» («Замѣчанія», стр. 389). На это можно возразить, что намъ навѣрно извѣстны не всѣ реляціи, изъ коихъ могли быть заимствованы эти свѣдѣнія, и далѣе, что это мѣсто есть не болѣе, какъ пересказъ того, что говоритъ Манштейнъ, хотя съ добавленіемъ нѣкоторыхъ подробностей, до которыхъ, однако, можно было дойти по собственнымъ соображеніямъ; наконецъ,

[1]) Было бы весьма пріятно, если бы г. Петровъ подкрѣпилъ свои доводы и цитаты надлежащими указаніями на соотвѣтствующія страницы источниковъ, что значительно облегчило бы ихъ провѣрку.

Digitized by Google

авторъ могъ знать эти подробности изъ разсказовъ очевидцевъ похода и, быть можетъ, передаетъ только ихъ слова.

Весьма интересно также замѣтить, что вышеприведенное мѣсто «Замѣчаній» сходствуетъ почти буквально съ однимъ итальянскимъ сочиненіемъ прошлаго столѣтія. Въ Viaggi di Russia графа Algarotti (Opere, tomo VI, стр. 108, Cremona, 1780) мы читаемъ:

Avveniva talvolta, che i nemici, se in faccia de' Russi tirava il vento, mettesser fuoco all'erbe... Ne ci era via da ripararsi, se non col cavar fossi, e levar terra; e così far argine a quello incendio, che correa per la campagna vittorioso.

Слѣдующее мѣсто «Замѣчаній» также весьма сходно съ разсказомъ Альгаротти:

Замѣчанія (Русская Старина, т. XXVI, изд. 1879, стр. 386):

Армія, проходя чрезъ пространныя степи, на коихъ взоръ ничего не встрѣчалъ кромѣ камыша, непрестанно долженствовала отражать нападенія буйныхъ татаръ; почти на каждомъ шагу встрѣчали ихъ. Отбитые въ одномъ мѣстѣ, исчезали они и въ мигъ появлялись въ другомъ.

Ограждаясь отъ непріятеля рогатками, отражали пушечными выстрѣлами, высылали противу него казаковъ и легкую конницу.

Algarotti. (Opere, Tomo VI (Cremona, 1780), p. 107):

L'esercito marciava... Altro non si vedeva intorno, che erba, e cielo, e i Tartari, che venivano in più nodi ad attacar l'esercito qua e là. Sguizzavano respinti da una banda, ed ecco, che poco stante comparivano da un' altra, e talvolta anche accerchiavano tutto l'esercito. Tanta ne era la moltitudine.

Si opponevano a costoro i Cosacchi, e i Dragoni... e ad ogni caso venivano sostenuti dalla fanteria, che... portava dei cavalli di Frisia, che piantati ben presto in terra tenevan luogo di trincieramento.

Графъ Альгаротти предпринялъ, какъ извѣстно, въ 1739 году, путешествіе въ Петербургъ и описалъ его въ своихъ письмахъ, которыя, повидимому, были впослѣдствіи имъ передѣланы и изданы вмѣстѣ съ очеркомъ внутренняго быта и политическаго состоянія Россіи и съ описаніемъ турецкой войны 1736—1739 гг., въ которой участвовалъ Миних.

Мы вполнѣ убѣждены въ томъ, что авторъ «Замѣчаній» былъ знакомъ съ описаніемъ Альгаротти, и воспользовался имъ мѣстами для своего труда; это подтверждается нѣкоторыми обстоятельствами. Альгаротти скончался въ 1764 году, тогда какъ «Замѣчанія» написаны, очевидно, лишь въ семидесятыхъ годахъ, слѣдовательно позднѣе итальянскихъ писемъ. Не подлежитъ сомнѣнію,

Digitized by Google

что, при обработкѣ послѣднихъ, Альгаротти пользовался постороннимии источниками, напр., рукописью Манштейна [1]); но насколько можно утверждать, не имѣя болѣе обстоятельныхъ данныхъ, онъ навѣрно не могъ пользоваться «Замѣчаніями», которыя были написаны, по всей вѣроятности, только послѣ его смерти.

Также намъ кажется неправдоподобнымъ, чтобы Альгаротти и Эрнстъ Минихъ оба могли пользоваться однимъ и тѣмъ же источникомъ, по крайней мѣрѣ, намъ объ этомъ ничего не извѣстно; но за то мы знаемъ, что между ними существовали извѣстныя отношенія, что оба они были коротко знакомы съ Воронцовыми и что итальянскій графъ посвятилъ даже великому канцлеру Воронцову свое «Путешествіе въ Россію» (см. также Архивъ кн. Воронцова, томъ XVII, стр. 476, письмо С. Р. Воронцова отъ 29 мая 1818 г.). Поэтому врядъ ли подлежитъ сомнѣнію, что Эрнстъ Минихъ былъ отлично знакомъ съ произведеніемъ Альгаротти, въ которомъ подробно говорится о турецкой войнѣ его отца, фельдмаршала Миниха, и впослѣдствіи воспользовался мѣстами этимъ сочиненіемъ. На такія именно мѣста ссылается отчасти г. Петровъ, полагая, что авторъ «Замѣчаній», какъ очевидецъ военныхъ дѣйствій, разсказываетъ о нихъ по своимъ собственнымъ воспоминаніямъ. Далѣе мы укажемъ еще въ нашемъ изслѣдованіи на такія мѣста, которыя, повидимому, заимствованы у Альгаротти.

Впрочемъ, Минихъ-сынъ въ своихъ «Запискахъ» также говоритъ о событіяхъ этого времени и о переходахъ по степи и зачастую описываетъ травы и животныхъ, фауну и флору такъ подробно, какъ могъ бы описать только очевидецъ, и тѣмъ не менѣе онъ все таки не былъ очевидцемъ разсказаннаго, а только прекрасно умѣлъ пользоваться источниками. Такъ, напр., онъ разсказываетъ въ своихъ Запискахъ (стр. 108): «нерѣдко солдатамъ случалось окружить зайца и тогда они прямо хватали его руками». Такъ можетъ говорить только очевидецъ, сказалъ бы г. Петровъ. Но Минихъ-сынъ заимствуетъ это замѣчаніе изъ того же источника, которымъ онъ часто пользуется, именно изъ записокъ Манштейна (см. француз. изд. 1771 г., Лейпц., стр. 181).

b) Далѣе: автору «Замѣчаній» также отнюдь не было надобности присутствовать лично при взрывѣ двухъ пороховыхъ погребовъ, причиненномъ разрывною бомбою; тѣмъ болѣе, что Эрнстъ Минихъ во время турецкихъ походовъ постоянно видѣлся въ зимнее время съ отцомъ въ Петербургѣ, и фельдмаршалъ могъ многое разсказать ему; кромѣ того, молодой Минихъ встрѣчался въ столицѣ съ своимъ родственникомъ гр. Сольмсомъ [2]), также участвовавшимъ

---

[1]) См. наше изслѣдованіе: Algarotti und Manstein въ журналѣ „Russische Revue“, St.-Petersburg, 1887 г. 2 Heft.

[2]) О Сольмсѣ см. также Russ. Revue, 1886, IV, стр. 488. А. Ю.

Digitized by Google

въ походахъ, и, наконецъ, въ Петербургъ же былъ присланъ съ извѣстіемъ о взятіи Очакова племянникъ Миниха, ген.-ад. Вильдеманъ [1]), который несомнѣнно также могъ сообщить подробно объ этомъ событіи, и его разсказы, навѣрно, живо запечатлѣлись въ памяти молодаго Миниха.

с) Наконецъ, г. Петровъ находитъ, что защита военныхъ дѣйствій фельдмаршала изобличаетъ человѣка военнаго и притомъ командира отдѣльной части, ибо чиновникъ не могъ бы, по его мнѣнію, обратить вниманіе на всѣ тѣ ничтожныя обстоятельства, на которыя обращаетъ вниманіе авторъ «Замѣчаній».

Это возраженіе кажется намъ совершенно неосновательнымъ; можно не быть военнымъ и все-таки имѣть о военномъ дѣлѣ нѣкоторое понятіе, которое давало бы право и возможность высказывать свое собственное сужденіе; это достушно въ особенности тогда, когда вращаемся въ кругу офицеровъ и генераловъ. Почему же Минихъ, сынъ стараго полководца, не могъ быть судьею въ этомъ дѣлѣ, въ особенности, когда оно касалось его отца, въ интересахъ котораго онъ навѣрно постарался собрать самыя точныя свѣдѣнія относительно военныхъ событій? Къ тому же, какъ намъ извѣстно, онъ былъ очень хорошо знакомъ съ такими личностями, какъ Кейтъ, Левендаль, Сольмсъ и др.! Нѣтъ, г. Петровъ не убѣждаетъ насъ въ томъ, что авторъ этого сочиненія непремѣнно долженъ былъ быть очевидцемъ описываемыхъ событій [2]).

Такъ какъ австрійскій полковникъ ф.-Беренклау далъ вслѣдъ затѣмъ неблагопріятный отзывъ объ осадѣ Очакова [3]), то Миниху-сыну навѣрно были также извѣстны тѣ доводы, на основаніи которыхъ отецъ его защищался противъ этого обвиненія.

2) Авторъ «Замѣчаній» поправляетъ показаніе Манштейна (Manstein, Mémoires (1771, Leipz.), стр. 74 и слѣд.), полагавшаго, что китайское посольство, прибывшее въ Петербургъ въ 1732 г., было первымъ китайскимъ посольствомъ при русскомъ дворѣ. Онъ говоритъ, что подобное же посольство посѣтило Россію уже въ предшествовавшемъ году. О посольствѣ 1732 года авторъ «Замѣчаній» распространяется болѣе подробно, но мѣстами говоритъ о немъ то-же самое, что и Манштейнъ, однако, поправляетъ послѣдняго въ свою

---

[1]) Записки Миниха-сына, стр. 119.

[2]) На упрекъ Манштейна, что Минихъ заставилъ войска идти въ самую сильную жару, авторъ „Замѣчаній“ („Русск. Стар.“, т. XXVI, стр. 386) говоритъ: „вѣроятно, что и фельдмаршалъ желалъ бы воспользоваться ночною прохладою“ и т. д. Очевидецъ и генералъ зналъ бы все это навѣрно и не сказалъ бы „вѣроятно“, если бы онъ участвовалъ въ походѣ. Эти слова выражаютъ собою не болѣе, какъ догадку.

[3]) См. Woltmann's Zeitschrift: Geschichte und Politik (1801, Berlin), II, 159—182, а также Соловьева, „Ист. Россіи“, т. XX, стр. 465. А. Ю.

Digitized by Google

очередь, когда тотъ говоритъ, что русскимъ не особенно понравились манеры этихъ китайцевъ, замѣчая: «напротивъ, я самъ неоднократно имѣлъ случай видѣться и разговаривать съ послами и съ прочими чиновниками, къ свитѣ принадлежавшими: всѣ они были люди вѣжливые, разсудительные и обходительные». («Замѣчанія», «Русск. Стар.», т. XXVI, стр. 379).

Г. Петровъ вполнѣ основательно задаетъ вопросъ: какимъ образомъ Минихъ-сынъ, прибывшій въ Петербургъ лишь въ началѣ апрѣля 1733 года (см. Зап. Миниха-сына, стр. 58), могъ бесѣдовать съ китайскимъ посольствомъ, которое посѣтило Россію въ 1732 году?

Мы не отрицаемъ того, что это обстоятельство можетъ служить аргументомъ противъ авторства Миниха-сына, но оно не является таковымъ неизбѣжно. Мы не коснемся здѣсь того факта, что Эрнстъ Минихъ сообщаетъ иногда хронологическія данныя не вполнѣ точно, какъ это можно замѣтить уже въ его Запискахъ; этотъ вопросъ мы разсмотримъ впослѣдствіи, но въ данномъ случаѣ мы можемъ высказать нѣкоторыя предположенія, устраняющія до извѣстной степени вышеприведенное недоразумѣніе.

Вѣроятно, это китайское посольство, какъ второе, оставалось въ Россіи болѣе долгое время, нежели первое посольство, и на него было возложено выполненіе въ Петербургѣ многихъ дѣлъ, требовавшихъ болѣе продолжительнаго тамъ пребыванія. Съ другой стороны, также весьма возможно, что оно прибыло въ нашу столицу лишь въ концѣ 1732 г. и оставалось тамъ, по крайней мѣрѣ, до весны или до лѣта слѣдующаго года (1733), а быть можетъ и долѣе.

За болѣе долгое пребываніе его говорятъ также слова автора «Замѣчаній», что онъ «неоднократно» видѣлъ посольство и «разговаривалъ» съ нимъ.

Но чтобы Панинъ (кандидатъ г. Петрова на авторство), бывшій въ то время 11 или 12 лѣтнимъ мальчикомъ (см. ст. Петрова, Русская Стар., т. XXVI, стр. 623), «неоднократно» бесѣдовалъ съ китайцами и уже въ такомъ возрастѣ могъ составить себѣ понятіе объ ихъ «разсудительности» и «обходительности» и впослѣдствіи высказать подобное мнѣніе, это eo ipso крайне неправдоподобно; за то Минихъ-сынъ (род. 1707 г. стар. стиля) прибылъ въ это самое время въ Петербургъ со своего поста въ Парижѣ, гдѣ онъ, преисполненный живѣйшимъ интересомъ къ внѣшней политикѣ, былъ тотчасъ (см. Зап., стр. 58) представленъ ко двору и вообще былъ въ состояніи лично слѣдить за всѣмъ, происходившимъ въ высшихъ сферахъ и въ политическомъ мірѣ.

Итакъ, этотъ аргументъ, клонящійся къ отрицанію авторства гр. Эрнеста Миниха, не можетъ считаться существеннымъ и, въ значительной степени, соотвѣтствуетъ всему остальному.

О китайскомъ посольствѣ 1731 г. авторъ «Замѣчаній» говоритъ гораздо менѣе и не упоминаетъ о томъ, пришлось ли ему также бесѣдовать съ нимъ.

Digitized by Google

Между тѣмъ, кажется, что онъ читалъ даже рѣчь, произнесенную вторымъ посольствомъ, и пользуется ею, какъ источникомъ для своего разсказа. (Авторъ «Замѣчаній» говоритъ, стр. 378: «Главный изъ нихъ (пословъ) въ произнесенной рѣчи, между прочимъ, упоминаетъ (настоящее время! до этого и послѣ весь разсказъ веденъ въ прошедшемъ)» что, и т. д.).

3) Авторъ „Замѣчаній“ говоритъ далѣе о событіяхъ, относящихся къ царствованію Елисаветы и коихъ онъ былъ очевидцемъ. Онъ находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ генералами Кейтомъ и Левендалемъ, которые не всегда были хороши съ фельдмаршаломъ; послѣдняго изъ этихъ двухъ генераловъ (Левендаля) онъ посѣтилъ еще послѣ восшествія на престолъ Елисаветы. Объ обоихъ онъ отзывается съ хорошей стороны и считаетъ смерть ихъ большою потерею для Россіи.

Характеристика этихъ двухъ генераловъ, знакомыхъ ему лично, также согласуется почти буквально съ описаніемъ Альгаротти:

Замѣчанія («Русс. Стар.» томъ XXVI, 612):

Графъ Владиміръ Левендаль... былъ человѣкъ умный, просвѣщенный, храбрый и искусный на полѣ сраженія. Одаренный краснорѣчіемъ, Левендаль хорошо говорилъ почти на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ; превосходно зналъ и положеніе дворовъ, и состояніе войскъ европейскихъ.

Стр. 612:

Яковъ Кейтъ... имѣлъ умъ самый основательный и просвѣщенный, кротостію своею привлекалъ сердца подчиненныхъ.

Среди звука оружія не переставалъ онъ заниматься науками и съ необыкновеннымъ мужествомъ соединялъ превосходныя знанія въ военномъ искусствѣ.

Algarotti, Viaggi di Russia (opere VI, p. 85; 1780, Cremona).

Levendal, uomo d'ingegno finissimo, bel parlatore, che sa tutte le lingue, e conosce tutte le corti, e tutti gli eserciti di Europa, pieno di valore (e che dicesi servire singolarmente alla fortuna).

Стр. 85 и 86.

Keith, uomo di posatissimo giudizio, che con la dolcezza ha ottenuto dagli uffiziali Russi più sommissione, che qualunque altro con la severità, che in mezzo all'armi non ha punto trascurato le lettere, e congiunge con la pratica della guerra la teoria più ragionata e più profonda.

Точно также и характеристика генерала Ласси сходна съ тѣмъ, что говоритъ о немъ Альгаротти:

Замѣчанія, стр. 384:

Петръ Петровичъ Ласси, видѣвшій возраждающуюся славу россійскаго

Algarotti, 86.

Lascy incanutito sotto l'elmo, che sotto Pietro vide sorgere la gloria

Digitized by Google

оружія при Петрѣ Великомъ, никогда не вмѣшивавшійся въ дѣла государственныя, посѣдѣлый на поляхъ брани, былъ человѣкъ самый кроткій, обходительный, хладнокровный, любимый ратникомъ и дорожащій кровью его. Всегда безпрекословно повиновался онъ всѣмъ начальникамъ, отъ правительства назначаемымъ.

della Russia, che non s'intrigò mai in affari di Stato, e seppe ubbidire a chiunque fu preposto per comandare. . . . . .

Ha la riputazione di esser economo del sangue, paziente aspettator della occasione, e da' soldati vien salutato col nome di padre, baska (батюшка).

a) Авторъ «Замѣчаній» говоритъ въ дополненіе къ словамъ Манштейна [1]) о враждѣ, существовавшей между Кейтомъ и фельдмаршаломъ Минихомъ, что, не смотря на эту вражду, они не переставали взаимно уважать другъ друга, и приводитъ слѣдующій случай въ подтвержденіе своего «заключенія»: При возмущеніи гвардіи въ лагерѣ подъ Выборгомъ, бывшей подъ командою гр. Ласси, Кейтъ, въ присутствіи многихъ офицеровъ, сказалъ: «очень примѣтно, что не Минихъ предводительствуетъ сими войсками. Желательно, дабы хотя на одни сутки явился онъ предъ лицомъ ихъ: съ появленіемъ Миниха все бы приняло иной видъ» (Замѣчанія, стр. 388) [2]).

Изъ этого разсказа, однако, вовсе не слѣдуетъ, что авторъ непремѣнно долженъ былъ находиться въ это время въ Выборгѣ и лично слышать слова Кейта, какъ склоненъ думать г. Петровъ (см. «Р. Ст.», 623). Тѣ-же «многіе офицеры» могли сообщить ему этотъ эпизодъ, иначе къ чему бы онъ упоминалъ объ ихъ присутствіи? Если бы онъ самъ слышалъ слова Кейта, то навѣрно заявилъ бы объ этомъ, тогда какъ онъ только передаетъ этотъ фактъ какъ слышанное и на основаніи его выводитъ «заключеніе», что Кейтъ все таки уважалъ фельдмаршала.

b) Авторъ «Замѣчаній» описываетъ (Зам., стр. 612) генерала Левендаля, какъ человѣка умнаго, просвѣщеннаго и храбраго, и говоритъ: «Левендаль, обращавшійся со мною дружески, вскорѣ по вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны, открывался мнѣ, что онъ твердо рѣшился оставить россійскую службу» и пр.

---

[1]) Mémoires (1771), стр. 211.

[2]) Панинъ присутствовалъ при этомъ возмущеніи и содѣйствовалъ его усмиренію (см. „Русск. Стар.“, XXVI, стр. 623); это обстоятельство, конечно, могло бы говорить въ пользу его авторства, но не обусловливаетъ его непремѣнно. Панинъ служилъ и въ 1736 и 1737 гг. подъ начальствомъ этихъ обоихъ генераловъ; Манштейнъ (Mém. Leipz. 1771, p. 461) говоритъ, впрочемъ, что это возмущеніе было усмирено Кейтомъ и ничего не упоминаетъ о Панинѣ. А. Ю.

Digitized by Google

Если, судя по этому отрывку, можно признать авторомъ разсказа гр. Панина, служившаго подъ начальствомъ Левендаля и, быть можетъ, относившагося къ нему также доброжелательно и даже дружественно, то въ этомъ случаѣ намъ все-таки кажется возможнымъ признать авторомъ и Миниха-сына, даже если мы возьмемъ во вниманіе время, о которомъ здѣсь говорится (царствованіе Елисаветы), тѣмъ болѣе, что нѣкоторые побочные факты дѣлаютъ наше предположеніе довольно правдоподобнымъ. Эрнестъ Минихъ также восхваляетъ въ своихъ Запискахъ (стр. 116) генерала Левендаля, называя его «храбрымъ», и разсказываетъ, что онъ былъ «раненъ подъ Очаковымъ въ руку». Это обстоятельство не заимствовано имъ изъ обычнаго источника (см. Зап. Манштейна, франц. изд. 1771 г., Лейпц., стр. 208), но скорѣе указываетъ на личное знакомство, точно также какъ названіе «храбрый», данное этому генералу, свидѣтельствуетъ о дружескомъ къ нему расположеніи. Далѣе, Минихъ-сынъ, «вскорѣ по вступленіи на престолъ Елисаветы», все-таки имѣлъ еще нѣкоторую возможность говорить съ Левендалемъ или принимать его у себя [1]).

Фельдмаршалъ и его сынъ были арестованы въ ночь съ 25-го на 26-е ноября [2]); процессъ ихъ тянулся около трехъ мѣсяцевъ. Однако, можно предполагать, что арестованный гр. Эрнстъ Минихъ пользовался относительною свободою, такъ какъ онъ получилъ, вмѣстѣ со своею женою, дозволеніе навѣстить отца въ крѣпости, передъ отправленіемъ его въ заточеніе. Фельдмаршалъ уѣхалъ въ Сибирь лишь въ началѣ февраля 1742 г. [3]), тогда какъ сынъ его оставался, быть можетъ, въ Петербургѣ еще довольно долго—точныхъ свѣдѣній объ этомъ мы не имѣемъ—и затѣмъ былъ сосланъ въ деревню, и, наконецъ, переведенъ въ Вологду, гдѣ онъ жилъ на свободѣ подъ надзоромъ; впрочемъ, надобно полагать, что за нимъ слѣдили не особенно строго, такъ какъ ему дозволялось вести переписку и до него доходили также политическія новости; весьма вѣроятно, что его посѣщали даже старые знакомые.

Слѣдовательно, періодъ времени отъ конца ноября 1741 г. до февраля 1742 г. могъ быть тѣмъ временемъ, „вскорѣ по вступленіи на престолъ Елисаветы“, о которомъ говоритъ авторъ „Замѣчаній“; во всякомъ случаѣ, мы не видимъ въ этомъ серьезнаго довода противъ авторства Миниха-сына.

---

[1]) Левендаль, дѣйствительно, посѣтилъ гр. Миниха-сына, вскорѣ послѣ паденія фельдмаршала, какъ говорится въ „Замѣчаніяхъ“ (стр. 601).

[2]) Согласно Бюшингу (Büsching, Magazin, III, 506) въ ночь съ 24-го на 25-е ноября.

[3]) См. семейныя записки Миниха (Familienbuch) въ Mittheilungen aus d. Gb. d. Gesch. Liv-, Est- u. Curlands, 1845, III, 359. А. Ю.

Digitized by Google

c) На 612 и послѣд. стр. „Замѣчаній“ приведенъ благопріятный отзывъ о Кейтѣ; хотя авторъ не упоминаетъ о своемъ знакомствѣ съ нимъ, но легко допустить, что онъ зналъ его лично. Миних-сынъ (Зап., 116) отлично помнитъ, что Кейтъ былъ раненъ подъ Очаковымъ въ колѣно—онъ не могъ заимствовать этого у Манштейна (см. Mémoires, Leipz., 1771, 208). Эта подробность заставляетъ также предполагать, что ему случалось бесѣдовать съ Кейтомъ; въ самомъ дѣлѣ, могъ ли бы Миних помнить раны всѣхъ генераловъ, если бы онъ не былъ знакомъ съ ними, не принималъ въ нихъ участія и не слышалъ бы отъ нихъ самихъ о разныхъ случайностяхъ ихъ жизни?

Точно также гр. Эрнстъ Миних могъ узнать еще въ Петербургѣ до своего заточенія [1]), а быть можетъ слышалъ даже лично отъ Кейта, или узналъ позднѣе о томъ, что этотъ генералъ „тотчасъ по восшествіи на престолъ Елисаветы“ (Зам., 613) получилъ приглашеніе поступить на службу въ Пруссію. Вѣдь Миних не былъ лишенъ возможности получать извѣстія о текущихъ событіяхъ и, по всей вѣроятности, по возвращеніи изъ Вологды, также постарался многое узнать обстоятельно, прежде нежели принялся за свои «Замѣчанія».

d) Автору «Замѣчаній» не было никакой надобности лично находиться въ Петербургѣ, во время заговора противъ Елисаветы (1743 г.), о которомъ онъ говоритъ (стр. 613 и послѣд. стр.), поправляя отчасти показанія Манштейна; напротивъ того, то мнѣніе «многихъ людей, достойныхъ всякаго вѣроятія [2]), о которомъ онъ упоминаетъ въ началѣ разсказа о заговорѣ, какъ бы свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ получилъ эти свѣдѣнія отъ этихъ людей и не былъ очевидцемъ описываемаго событія.

Заключительныя слова, дышащія ненавистью противъ Елисаветы, могли вылиться у Миниха-сына изъ глубины души, такъ какъ онъ могъ видѣть въ ней разрушительницу своего собственнаго счастья и виновницу бѣдствій своего отца. Онъ порицаетъ также слѣдующимъ образомъ варварское наказаніе заговорщиковъ [3]), виновность которыхъ не была даже вполнѣ доказана. «Жестокое сіе наказаніе, свойственное варварскимъ временамъ, конечно, не послужитъ въ похвалу государыни, коея великодушіе и сострадательность къ человѣчеству съ толикимъ тщаніемъ старались превознести“ (стр. 614).

---

[1]) Петровъ полагаетъ (стр. 618 внизу), что Минихъ-сынъ былъ арестованъ и сосланъ одновременно съ отцомъ, но это обстоятельство, насколько намъ извѣстно, никѣмъ не подтверждено.

[2]) „Многіе люди, достойные всякаго вѣроятія, называли сей заговоръ вымышленнымъ“.

[3]) Нѣкоторымъ изъ нихъ былъ отрѣзанъ языкъ (Manstein, Mémoires (1771, Leipz.), стр. 520). А. Ю.

Digitized by Google

4) Авторъ «Замѣчаній» разсказываетъ (стр. 578—580) о тайномъ совѣщаніи обоихъ Миниховъ и барона Менгдена относительно наградъ, которыя надлежало роздать высокопоставленнымъ лицамъ; по смыслу, а нерѣдко и буквально, онъ говоритъ то же самое, что мы читаемъ объ этомъ въ запискахъ Миниха-сына (Спб. 1817, 207—210). Во время этого совѣщанія Минихъ сынъ, вооружившись перомъ, записывалъ то, что диктовалъ ему отецъ; когда росписаніе производствъ и наградъ было готово, разсказываетъ онъ въ своихъ Запискахъ (стр. 209 и послѣд.), «то приказалъ мнѣ отецъ мой списать съ того росписанія копію, съѣздить во дворецъ и поднесть оное принцессѣ на утвержденіе. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ пріѣхалъ онъ и самъ, и получилъ ея согласіе на всѣ изображенныя въ росписаніи статьи». Нѣсколько подробнѣе и немного иначе разсказываетъ объ этомъ авторъ «Замѣчаній» (стр. 579 и послѣд.). «Такимъ образомъ, составя роспись о повышеніи чинами и пожалованіи орденами, по уходѣ молодаго Миниха и барона Менгдена, фельдмаршалъ велѣлъ секретарю [1]) своему переписать оную на-бѣло. Но снѣдаемый тщеславіемъ, котораго не могъ онъ преодолѣть, прибавилъ къ статьѣ, до него относившейся, неприличное выраженіе: «что достоинство генералиссимуса предоставляетъ онъ принцу Брауншвейгскому». Росписаніе сіе было утверждено великою княгинею».

Г. Петровъ полагаетъ, что столь явное порицаніе фельдмаршала Миниха, столь откровенное осужденіе его тщеславія не могло быть высказано сыномъ, который въ своихъ Запискахъ только восхваляетъ отца, но Панинъ могъ узнать отъ секретаря, о которомъ говорится въ «Замѣчаніяхъ» (а не въ «Запискахъ»), эти подробности, которыя не могли быть извѣстны молодому Миниху, такъ какъ онъ удалился изъ комнаты.

Намъ будетъ понятно, что молодой Минихъ не могъ порицать отца въ своихъ Запискахъ, если мы припомнимъ, что онъ писалъ ихъ для своихъ дѣтей и что отецъ его въ то время былъ еще живъ. Требуя отъ своихъ собственныхъ дѣтей должнаго повиновенія и уваженія, съ его стороны было бы весьма не педагогично подать имъ дурной примѣръ, осуждая ихъ дѣда, хотя, по нашему мнѣнію, порицаніе фельдмаршалу высказывается и въ «Запискахъ Миниха-сына» въ томъ, что авторъ не умалчиваетъ о самолюбивомъ стремленіи фельдмаршала получить званіе генералиссимуса.

Мы можемъ съ своей стороны привести примѣръ тому, что Эрнстъ Минихъ позволялъ себѣ иногда осуждать поступки отца. Бюшингъ [2]), вынужденный въ 1765 г. оставить занимаемое имъ мѣсто пастора въ церкви св. Петра

---

[1]) Г. Петровъ почерпнулъ откуда-то свѣдѣніе, что его звали Эмме (стр. 620), но не указываетъ изъ какого источника оно заимствовано.

[2]) См. Büschings eigene Lebensgeschichte, стр. 489 (Halle, 1789).

А. Ю

Digitized by Google

въ Петербургѣ вслѣдствіе обнаружившейся внезапно и ничѣмъ не мотивированной вражды къ нему стараго фельдмаршала, сообщаетъ намъ какимъ образомъ отнесся къ этому факту молодой Минихъ: «Послѣдній поступокъ его отца по отношенію ко мнѣ не понравился ему».

Мы можемъ привести еще одинъ примѣръ честности и справедливости гр. Эрнста Миниха, который не измѣнялъ своему долгу даже ради сыновнихъ чувствъ и родственныхъ отношеній. Послѣ ссылки онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ таможень. Гадебушъ [1]) разсказываетъ: «мнѣ говорили, что при взиманіи пошлины онъ не дѣлалъ снисхожденія даже своему отцу».

«Замѣчанія», долженствовавшія навѣрное появиться безъ подписи автора, могли быть написаны болѣе объективно, нежели Записки, и въ нихъ Минихъ могъ рѣшиться высказать порицаніе отцу, если это согласовалось съ истиною.

Г. Петровъ упустилъ изъ виду одно обстоятельство, которое онъ могъ бы привести въ подтвержденіе своего мнѣнія, а именно: Минихъ-сынъ разсказываетъ (Зап., 209), что онъ списалъ, по приказанію отца, копію съ упомянутой росписи; между тѣмъ мы читаемъ въ «Замѣчаніяхъ», что фельдмаршалъ, послѣ ухода сына, велѣлъ переписать роспись на-бѣло секретарю [2]). Въ этомъ заключается противорѣчіе, если мы не будемъ считать «копію» и «переписку на-бѣло» за одно и то-же; впрочемъ, мы не видимъ въ этомъ никакой необходимости. Эрнстъ Минихъ, какъ камергеръ, безъ сомнѣнія читалъ также экземпляръ росписи, переписанный секретаремъ на-бѣло и представленный правительницѣ, и увидѣлъ въ немъ приписку о достоинствѣ генералиссимуса. Иначе трудно себѣ объяснить это мѣсто «Замѣчаній».

Впрочемъ, легко допустить, что Эрнстъ Минихъ, писавшій свои «Замѣчанія» приблизительно лѣтъ 30 спустя послѣ этихъ событій, перепуталъ въ своей памяти иныя обстоятельства и не придавалъ особеннаго значенія нѣкоторымъ подробностямъ и тѣмъ выраженіямъ, которыя онъ употреблялъ. Примѣненіе строгой логики къ противорѣчивымъ историческимъ разсказамъ вообще довольно затруднительно въ этомъ мірѣ, полномъ всевозможныхъ противорѣчій, и число предположеній, которыя можно дѣлать въ подобномъ случаѣ, доходитъ нерѣдко до безконечности.

Намъ удалось, надѣемся, по крайней мѣрѣ, доказать, что этотъ четвертый пунктъ, кажущійся г. Петрову столь вѣскимъ, еще не исключаетъ возможности авторства Миниха-сына.

5) Г. Петровъ находитъ (стр. 622), что авторъ «Замѣчаній» такъ часто отступаетъ въ своемъ разсказѣ отъ взглядовъ, высказанныхъ Минихомъ-сыномъ въ его Запискахъ, что оба эти сочиненія никакъ не могутъ принадлежать

---

[1]) Исторія лифляндскаго дворянства. Рукопись въ г. Дерптѣ.

[2]) Зам., стр. 579. А. Ю.

Digitized by Google

перу одного и того же лица. («Духъ автора «Замѣчаній» совершенно противуположенъ и несовмѣстимъ съ понятіями почтительнаго оберъ-гофмейстера двора принцессы Анны Леопольдовны» [1]).

Между тѣмъ какъ въ «Запискахъ» Минихъ-сынъ крайне воздержень въ своихъ сужденіяхъ, авторъ «Замѣчаній» выражается рѣзко и нападаетъ на нѣкоторыя личности, какъ, напр., на Бирона, о которомъ въ Запискахъ мы встрѣчаемъ довольно хорошій отзывъ (см. «Записки», стр. 49; однако, особенно благопріятнаго впечатлѣнія онъ, по нашему, и тутъ не производитъ!), тогда какъ въ «Замѣчаніяхъ» (391, 392) онъ названъ тираномъ, «кровожаднымъ временщикомъ» и «иноплеменнымъ извергомъ». Этотъ отзывъ не согласуется съ кроткимъ, апатичнымъ характеромъ Миниха.

Мы должны, однако, сознаться, что эта аргументація г. Петрова не достаточно убѣдительна. Во первыхъ, Минихъ писалъ свои «Записки» въ ссылкѣ, гдѣ онъ не могъ быть совершенно увѣренъ въ томъ, что надъ нимъ не будетъ контроля, и поэтому навѣрно остерегался высказывать рѣзкія сужденія вообще о любимцахъ императрицъ. Во вторыхъ, приблизительно тринадцать лѣтъ спустя послѣ окончанія «Записокъ», и подъ вліяніемъ продолжительной ссылки, его взгляды могли нѣсколько измѣниться; наконецъ, онъ писалъ «Замѣчанія», очевидно, съ намѣреніемъ остаться неизвѣстнымъ и поэтому не стѣснялся высказать въ нихъ болѣе рѣзкія сужденія.

Далѣе, г. Петровъ [2]) обращаетъ вниманіе на сентенціи [3]) въ «Замѣчаніяхъ», имѣвшихъ цѣлью также задѣть кое-кого и свидѣтельствующихъ о томъ, какъ страдаетъ государство, когда въ немъ злоупотребляютъ властью любимцы, властвующіе надъ правителями.

Слѣдующій примѣръ доказываетъ, однако, что подобныя мысли не были чужды и Эрнесту Миниху. Въ 1765 г. онъ высказалъ Бюшингу довольно пессимистическій взглядъ, замѣтивъ аллегорически и съ ироніей, что «русское государство имѣетъ передъ другими то преимущество, что оно управляется непосредственно самимъ Богомъ, ибо иначе нельзя объяснить себѣ какимъ образомъ оно можетъ уцѣлѣть». Бюшингъ говоритъ по этому случаю: «я не согласился съ тѣмъ, что это особое преимущество Россіи, и мы поняли другъ друга» [4]).

Итакъ, мы разсмотрѣли критически тѣ доводы, которые приводитъ г. Петровъ въ опроверженіе авторства Миниха-сына; всѣ вышеприведенные имъ пункты и доказательства клонятся, по его мнѣнію, къ тому, чтобы установить

---

[1]) Впрочемъ, на стр. 618 онъ самъ оговаривается: „разность взгляда и оцѣнки лицъ, хотя, положимъ, не существенная“...

[2]) Стр. 622.

[3]) Напримѣръ, на стр. 374; особенно на стр. 410 и на 592.

[4]) Büsching, eigene Lebensgeschichte, 489.

А. Ю.

Digitized by Google

тотъ фактъ, что „Замѣчанія“ могли быть написаны только гр. Петромъ Панинымъ, къ которому они такъ или иначе оказываются подходящими; мы же полагаемъ, что намъ удалось съ своей стороны доказать, что почти всѣ эти обстоятельства точно также могутъ говорить и въ пользу авторства Миниха-сына и, во всякомъ случаѣ, не находятся въ совершенномъ противорѣчіи съ этимъ предположеніемъ. Однако, мы не намѣрены воспользоваться этими доводами, какъ положительнымъ доказательствомъ, подтверждающимъ наше мнѣніе, такъ какъ они построены, по большей части, лишь на нашихъ собственныхъ соображеніяхъ и не выходятъ изъ области предположеній; но этого отрицательнаго результата для насъ пока совершенно достаточно, чтобы показать, по крайней мѣрѣ, возможность авторства Миниха-сына.

Въ «Замѣчаніяхъ» есть еще одно мѣсто, какъ бы говорящее противъ авторства Миниха-сына или, по крайней мѣрѣ, затрудняющее доказательство этого предположенія. На 403 стр. мы читаемъ: «Упомянемъ объ одномъ престранномъ и вовсе необыкновенномъ зрѣлищѣ, которое видѣли мы во дни Анны Іоанновны въ Петербургѣ». Затѣмъ, слѣдуетъ короткое описаніе «Ледяной крѣпости», воздвигнутой на Невѣ въ 1732 году, и разсказывается обстоятельно съ малѣйшими подробностями, изобличающими очевидца, о «Ледяномъ домѣ», сооруженномъ зимою 1739 года.

Такъ какъ Минихъ прибылъ въ Петербургъ лишь въ апрѣлѣ 1733 г., то очень можетъ быть, что онъ уже не видалъ «Ледяной крѣпости», но, конечно, разспрашивалъ объ этомъ необыкновенномъ произведеніи искусства, о которомъ, безъ сомнѣнія, говорилъ весь городъ. Слѣдовательно, подъ названіемъ «необыкновеннаго зрѣлища во дни Анны Іоанновны», которое онъ самъ видѣлъ, подразумѣвается, по всей вѣроятности, только «Ледяной домъ», описанный авторомъ подробно; ибо не легко допустить, что «Ледяная крѣпость» стояла еще на Невѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Такимъ образомъ и этотъ примѣръ не служитъ неопровержимымъ доказательствомъ противъ авторства Миниха-сына.

Digitized by Google

II.

Обратимся теперь къ положительной сторонѣ нашихъ доказательствъ.

Г. Петровъ основываетъ свои заключенія на однихъ предположеніяхъ и догадкахъ, поэтому доказательства его не могутъ быть убѣдительными; кромѣ того, онъ недостаточно воспользовался текстомъ «Замѣчаній», по которому можно вывести заключеніе о личности и общественныхъ отношеніяхъ автора. Его индуктивный методъ изслѣдованія, если можно такъ выразиться, не выдержанъ до конца и поэтому не привелъ къ положительному заключенію. Г. Петровъ многаго не замѣтилъ и не провѣрилъ вполнѣ тщательно и съ должнымъ вниманіемъ текста «Замѣчаній», зачастую тождественнаго съ текстомъ записокъ Миниха-сына. По этой причинѣ онъ упустилъ изъ виду, точно также, какъ до него Щебальскій, самое существенное обстоятельство, говорящее въ пользу авторства гр. Эрнста Миниха.

Обстоятельство это слѣдующее: авторъ «Замѣчаній» разсказываетъ въ первомъ лицѣ объ одномъ разговорѣ, который онъ имѣлъ однажды съ маркизомъ де-Ботта, и передаетъ содержаніе этой бесѣды и свои собственныя выраженія при этомъ весьма подробно.

Что же мы находимъ по этому поводу въ «Запискахъ» Миниха-сына? Тотъ же самый разсказъ объ этой бесѣдѣ, переданный также въ первомъ лицѣ, такъ что не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что оба автора представляютъ собою одно и то же лицо. Для большей убѣдительности мы сопоставляемъ здѣсь оба эти разсказа:

«Записки Миниха - сына», Спб. 1817 г., стр. 230—232:

«Маркизъ де-Ботта, будучи мой всегдашній другъ, посѣтилъ меня спустя нѣсколько дней послѣ увольненія отца моего отъ службы. Вопросивъ, доволенъ ли онъ графомъ Остерманомъ, не могъ онъ нахвалиться добрыми его расположеніями. Какъ онъ окончилъ свою рѣчь, то сказалъ я, что не могу удержаться, дабы не открыть ему моихъ мыслей, а именно: что по мнѣнію моему вѣнскій дворъ скорѣе достигъ бы цѣли желаній своихъ, еслибъ отецъ мой при

«Замѣчанія» («Русская Старина», 1879 г., т. XXVI, стр. 589—590):

«Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего происшествія, при свиданіи моемъ съ маркизомъ де-Ботта, посланникъ сей превозносилъ похвалами графа Остермана, увѣряя, что россійскія войска вскорѣ выступятъ въ походъ. На что я замѣтилъ ему, что, по мнѣнію моему, вѣнскій дворъ болѣе бы выигралъ, ежели бы графъ Минихъ оставался въ министерствѣ; что фельдмаршалъ никогда не противорѣчилъ обязанности вспомоществовать австрійскому дому тѣмъ или другимъ средствомъ; что я

Digitized by Google

министерствѣ остался, нежели теперь, когда воля графа Остермана всему рѣшеніе подавала; что отецъ мой внутренно никогда не отдаленъ былъ австрійскому дому способствовать, и если бы другихъ требованій кромѣ вспомогательнаго войска не было, то я увѣренъ, что не много стоило бы труда преклонить его на то; но что касается до графа Остермана, у него обѣщать и сдержать двѣ вещи различныя; что онъ издревле былъ другъ прусскаго двора, а вѣнскому никогда не благопріятствовалъ; что теперешняя его преклонность другаго повода не имѣла, какъ чтобы раздражить принцессу на возраженія отца моего... (стр. 232) Предсказаніе мое сбылось совершенно, ибо въ самое то время графъ Остерманъ увѣрилъ прусскаго министра барона Мардефельда по довѣренности своей», и т. д.

увѣренъ, ежели бъ Австрія потребовала токмо вспомогательнаго войска, предопредѣляя оному дѣйствовать противу другаго какого непріятеля, а не противу прусскаго короля, то несомнѣнно-бъ получила сіе пособіе. Что принадлежитъ до графа Остермана, то я мыслю, что вѣнскій дворъ немного можетъ ожидать отъ него, ибо министръ сей всегда былъ постояннымъ доброжелателемъ прусской монархіи и никогда не прилѣплялся къ пользамъ Австріи; а при настоящихъ обстоятельствахъ мнимая его ревность устремлена была единственно къ погубленію фельдмаршала. И дѣйствительно, вскорѣ маркизъ де-Ботта убѣдился въ справедливости моего мнѣнія. Въ то самое время графъ Остерманъ не переставалъ увѣрять барона Мердефельда объ усердіи своемъ къ пользамъ прусскаго короля», и т. д.

На это намъ могутъ, пожалуй, возразить, что авторъ «Замѣчаній» списалъ, можетъ быть, по забывчивости, это мѣсто въ первомъ лицѣ изъ того источника, изъ коего онъ черпалъ свои свѣдѣнія, т. е. изъ Записокъ Миниха-сына. Однако, не трудно убѣдиться въ совершенной несостоятельности подобнаго предположенія, ибо авторъ «Замѣчаній» здѣсь отнюдь не пользуется своимъ источникомъ буквально, но частью измѣняетъ и добавляетъ кое что отъ себя. Уже изъ этого видно, что онъ работалъ сознательно и со вниманіемъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Эрнестъ Минихъ говоритъ въ «Запискахъ»: «Отецъ мой», тамъ мы читаемъ въ «Замѣчаніяхъ» постоянно «фельдмаршалъ». Наконецъ, просматривая то мѣсто, гдѣ говорится второй разъ объ Остерманѣ, мы убѣждаемся въ томъ, что авторъ «Замѣчаній» сознательно говоритъ отъ своего имени: «что принадлежитъ до графа Остермана, то я мыслю», и т. д. Между тѣмъ, въ Запискахъ онъ не настаиваетъ болѣе въ этомъ мѣстѣ на томъ, что высказываетъ свое личное мнѣніе. Только одинъ и тотъ же авторъ могъ такъ свободно высказать мысли и воспоминанія, принадлежащія ему лично, такъ что желая отрицать тождественность автора въ обоихъ этихъ случаяхъ, пришлось бы отвергнуть всѣ законы психологіи и допустить, что авторъ «Замѣчаній»,—говоря въ первомъ лицѣ точно также, какъ говоритъ

Digitized by Google

авторъ того сочиненія, изъ котораго онъ черпаетъ свои свѣдѣнія, и приписывая себѣ, такимъ образомъ, мысли и событія, пережитыя Эрнстомъ Минихомъ—умышленно хочетъ ввести читателя въ обманъ; между тѣмъ, мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія дѣлать подобное предположеніе.

Въ подтвержденіе нашего, и безъ того уже достаточно доказаннаго, мнѣнія, мы постараемся привести еще нѣсколько фактовъ, говорящихъ въ пользу авторства Миниха и противъ гр. Панина; при этомъ мы можемъ воспользоваться даже такими доводами, которые на первый взглядъ имѣютъ лишь немного правдоподобія и вѣроятія, такъ какъ всѣ они построены на незыблемомъ основаніи. Съ этой цѣлью мы просмотримъ съ особенною тщательностью текстъ «Замѣчаній».

А. Я. Юргенсонъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Digitized by Google

ДОНОСЫ ФИСКАЛОВЪ НА НИКИТУ ДЕМИДОВА.

Изъ исторіи отечественнаго горнозаводства въ царствованіе Петра I.

1711—1717 гг.

Въ 1711 году Петръ Великій учредилъ по всѣмъ провинціямъ должность фискаловъ въ смыслѣ прокуроровъ «ока государева», которыхъ обязанность состояла розыскивать тайнымъ и явнымъ образомъ о кражахъ казны, и вообще о злоупотребленіяхъ должностныхъ лицъ по всѣмъ частямъ управленія, а равно и частныхъ торговыхъ и промышленныхъ людей. Для исполненія своей мысли царь указывалъ выбирать на новыя должности людей «добрыхъ, не обходя и купечества». Но, къ сожалѣнію, выборы, въ большинствѣ случаевъ, оказывались мало удачными: въ фискалы попадали, кромѣ немногихъ исторически извѣстныхъ лицъ, люди изъ мелкаго подьячества, или изъ промышленнаго и торговаго сословія, которые не замедлили обнаружить свои корыстныя наклонности [1]).

Вотъ изъ этой-то среды лица, облеченныя въ фискальскія должности, вскорѣ по открытіи своихъ дѣйствій въ Москвѣ, напали на Никиту Демидова, преслѣдуя его торговлю желѣзомъ. У Демидова

---

[1]) До какой степени фискалы злоупотребляли своею властью, видно изъ того, что изъ числа ихъ рѣдко кто кончилъ свое служебное поприще добромъ: кто угодилъ въ ссылку или, предчувствуя бѣду, бѣжалъ и скрылся гдѣнибудь въ украинахъ, кто битъ кнутомъ „нещадно“, а помощникъ оберъфискала Алексѣй Нестеровъ, изучившій свое ремесло до тонкости и хвалившійся тѣмъ, что образовалъ правительству законченнаго фискала изъ роднаго сына своего, начавъ подготовку его съ раннихъ лѣтъ, заслужилъ даже петлю и былъ повѣшенъ. Не даромъ въ народѣ ихъ обзывали „уличными судьями“, „антихристами“, а сенаторы не очень жаловали ихъ, даже называли просто „плутами“.

Digitized by Google

въ Москвѣ были заведены большіе дворы для склада металловъ, и, конечно, онъ былъ тогда самымъ крупнымъ торговцемъ ими. Московскимъ фискаламъ почему-то показалось, что онъ очень дорогою цѣною ставитъ въ казну металлы (боевые снаряды и сортовое желѣзо), а при продажѣ ихъ на волю вовсе не платитъ торговыхъ по уставу пошлинъ и другихъ сборовъ. Первые доносы на Демидова поданы въ августѣ мѣсяцѣ 1712 года фискалами отъ купечества—Михайломъ Андреевымъ (сыномъ) Нечаевымъ и Косовымъ—«въ противленіи Никиты Демидова именнымъ государевымъ указамъ по продажѣ всякаго чина людямъ разнаго желѣза, дѣланнаго безпошлинно». Спустя два мѣсяца, тѣ же фискалы, 1-го ноября, донесли своимъ начальникамъ—Модесту Желябужскому и Алексѣю Нестерову слѣдующее: «Пришли Никитины 15 струговъ съ невьянскихъ и ѳедьковскихъ заводовъ изъ Сибири со всякимъ желѣзомъ, и тѣ струги, не допуская до Москвы, онъ поставилъ тайно на Москвѣ-рѣкѣ у «Котловъ», ниже Данилова монастыря, дабы ему тако-жъ безпошлинно и безъ вѣсчаго продать тайно, а только свезъ желѣзо изъ трехъ струговъ въ гостиный дворъ полосатое (полосовое) и связное тому назадъ недѣли съ три, а изъ 12-ти струговъ желѣзо выгрузилъ многое на берегъ тамо-жъ, у «Котловъ», и укрылъ тѣсомъ, чтобъ было никому незнатно, опричь того, что у него усмотрѣно на дворѣ, котораго по вѣсу будетъ тысячъ съ тридцать» [1]). Затѣмъ, фискалы предлагаютъ: желѣзо (въ стругахъ у «Котловъ») осмотрѣть, перевѣсить при фискалѣ и приставить караулъ, а Никиту Демидова и людей его и караульныхъ допросить каждаго порознь. «А по розыску за такую его вымышленную безпошлинную продажу то желѣзо побрать, по торговому уставу, на великаго государя, дабы впредь ему такъ чинить было неповадно». Доносъ этотъ написанъ и поданъ въ сенатъ 3-го ноября (1712 г.). На другой день сенатъ сдѣлалъ распоряженіе о наложеніи секвестра на желѣзо, и 5-го числа Никита Демидовъ стоялъ уже въ сенатѣ для допроса. Онъ показалъ: «чье это желѣзо, онъ не знаетъ, и до него ему дѣла нѣтъ; пусть сенатъ велитъ взять его въ казну на государя». По справкамъ впослѣдствіи оказалось, дѣйствительно, что то желѣзо казенное, приведено изъ уральскихъ заводовъ и сложено на берегу за мелководіемъ. Значитъ, фискалы тутъ промахнулись. Но это не смутило ихъ и они въ тотъ же день, 5-го ноября, по сообщенію младшаго фискала Аполона Лапина, подали другой доносъ слѣдующаго содержанія: «Увѣдомились

---

[1]) О желѣзѣ, сложенномъ въ амбарахъ Демидова, при домѣ его, поданъ доносъ въ сенатъ ранѣе 23-го сентября оберъ-фискаломъ Желябужскимъ.

Digitized by Google

мы чрезъ нѣкоторое извѣстіе, что у Никиты Демидова сложено тайно изъ струговъ на Москвѣ-рѣкѣ, ниже села Бронницъ, на винокуренномъ заводѣ Данила Евстафьева, желѣза сибирскихъ заводовъ до 20 тысячъ пудовъ, которое и нынѣ лежитъ у него скрытнѣ для безпошлинной продажи». Фискалы просили запечатать и это желѣзо, приставить караулъ, «а Демидова допросить для подлиннаго изобличенія». Послали на мѣсто склада желѣза подьячаго Герасима Турова, который въ «доѣздѣ» своемъ написалъ: «доски, числомъ 2,700, въ длину и ширину по 1¼ аршина, а толщиною пальца въ два; на каждой доскѣ надпись, вылитая большими уставными словами—имя князя М. П. Гагарина» (сибирскаго генералъ-губернатора).

10-го ноября Никита Демидовъ былъ снова призванъ въ сенатъ и на допросѣ показалъ, что «сложенное у села Бронницъ на винокуренномъ заводѣ Евстафьева за мелководіемъ желѣзо состоитъ изъ чугунныхъ половыхъ одноаршинныхъ досокъ, счетомъ 2,700, и тѣ чугунныя доски отлиты у него на невьянскомъ заводѣ по приказанію сибирскаго генералъ-губернатора и для него привезены, а на какое дѣло, того не знаетъ; что доски тѣ привезены не на продажу, и что кромѣ ихъ, ни здѣсь, на винномъ заводѣ, ни на другомъ мѣстѣ его скрытнаго желѣза нѣтъ».

Фискалы еще ранѣе, при самыхъ первыхъ доносахъ, желая преслѣдованіе Никиты Демидова обратить въ систему, просили сенатъ снабдить ихъ вѣдомостями изъ приказовъ сибирскаго, артиллерійскаго и адмиралтейскаго: сколько Демидовъ обязанъ доставлять въ ихъ вѣдомства металловъ «для усмотрѣнія и доношенія сенату о государевыхъ интересахъ, такъ какъ пропало и пропадаетъ повсегодно его, государево, многое добро несмотрѣніемъ». Фискалы обратили вниманіе сената и на то, что кромѣ завода въ Сибири у Демидова есть еще алексинскіе заводы подъ Тулою, «гдѣ нынѣ промышляетъ сынъ его, Григорій, а изъ Алексина писалъ къ фискальнымъ дѣламъ въ Москву фискалъ и прислалъ за руками алексинскихъ бурмистровъ прошлаго-де 1711 г. и нынѣшняго 1712 г. вѣдомости, что отъ сына его въ обьявкѣ у нихъ въ таможнѣ съ тѣхъ заводовъ никакого желѣза для пошлиннаго взятья и въ отпускъ къ Москвѣ и никуда нѣтъ. Да они же, фискалы, провѣдали именно, что и на тѣхъ алексинскихъ заводахъ по его, Никитину, велѣнью сынъ его продаетъ желѣзо всякое разное дѣльное многія тысячи по вся годы безпошлинно-жъ, отъ чего получаютъ себѣ по вся годы многія тысячи, а государю ничего не платятъ. И нынѣ на томъ заводѣ всякаго желѣза изготовлено на продажу многія-жъ тысячи. Надлежитъ и на томъ заводѣ для пошлиннаго взятья тако-жъ описать и перевѣсить, и для того же положить

Digitized by Google

на прошлые году по стольку же, отъ чего сбору будетъ нынѣ и впредь по вся годы не малое число».

Но не смотря на эти извѣты, сенатъ медлилъ и затребованныхъ фискалами вѣдомостей изъ приказовъ имъ не доставилъ вовсе. Тогда фискалы, главные въ Москвѣ, повторили свою просьбу, при чемъ подали въ сенатъ новый доносъ, которымъ думали нанести сильный ударъ Демидову, смять его совсѣмъ. Доносъ написалъ Модестъ Желябужскій въ сообществѣ съ своими помощниками — Алексѣемъ Нестеровымъ и Степаномъ Шепелевымъ—безъ обозначенія года.

«Въ минувшихъ числахъ подано нами доношеніе о взятьѣ вѣдомостей изъ приказовъ для усмотрѣнія государственныхъ интересовъ, въ которыхъ приказахъ пропало и пропадаетъ повсягодно много добра несмотрѣніемъ, и тѣ вѣдомости по сіе число не взяты, а безъ нихъ намъ наизусть о всемъ подлинно написать немочно. А изъ насъ Алексѣй Нестеровъ узналъ, что въ амбарахъ Никитина двора, въ Москвѣ, скрытно складено желѣза для безпошлинной продажи тысячъ тридцать (пудовъ), просимъ амбары тѣ запечатать и перевѣсить, и Демидова допросить [1]). А сего сентября 23-го дня (1712 г.), въ доношеніи калуженина посадскаго человѣка Ивана Степанова Кадмина, да кадашевца Михаила Анисимова Олисова, написано: въ прошлыхъ-де годахъ въ Сибири, въ Верхотурскомъ уѣздѣ, отданы туленину Ник. Демидову невьянскіе желѣзные готовые заводы со всякими мастеровыми и крестьяны, и земляными, и другими угодьи на урочныя 10 лѣтъ, его худобою и промысломъ утая отъ другихъ охочихъ, и не давъ ни съ кѣмъ, ни здѣсь, ни тамъ торгу; а тотъ заводъ строился Садовой слободы Семеномъ Куприяновымъ (сыномъ Викуловымъ). Да у него-жъ, Никиты, построенъ на рѣкѣ Чусовѣ на пристани дворъ и амбаръ для складки желѣза и струговой пристани. И ежели царское величество, взявъ о всемъ вѣдомости изъ сибирскаго приказа, велитъ оные заводы со всѣмъ принадлежащимъ къ нимъ, какъ есть во владѣніи Демидова, отдать имъ на 20 лѣтъ безъ перекупки (т. е. безъ торговъ), и они е. ц. в. будутъ платить сверхъ окладу Никиты Демидова по тысячѣ руб. въ годъ».

При этомъ челобитчики просили:

---

[1]) По перевѣскѣ при фискалѣ Мининѣ, желѣза въ амбарахъ оказалось 17 тысячъ пудовъ. Спрошенный въ сенатѣ Н. Демидовъ показалъ, что то желѣзо привезено изъ-подъ Тулы. Онъ могъ бы сказать, что оно еще не продано, а только при продажѣ онъ обязанъ платить пошлину. Однако, весь складъ въ амбарахъ оставался запечатаннымъ, какъ увидимъ, на-долго.

Digitized by Google

а) выдать имъ единовременно 10 тыс. руб. на 10 лѣтъ съ уплатою сего долга и % желѣзомъ связнымъ по 4,500 пуд. въ годъ;

б) сколько дано будетъ имъ изъ казны денегъ, и за тѣ деньги они будутъ ставить въ казну желѣзомъ и всякими воинскими припасами по настоящей цѣнѣ погодно, но за эти наряды торговыхъ пошлинъ не имать;

в) за изготовленное на вольную продажу желѣзо, пошлины только записывать въ книги, и за эти пошлины челобитчики будутъ ставить въ казну связное желѣзо во всѣ 20 лѣтъ по 2,250 пуд. каждый годъ.

Въ заключеніе челобитчики просятъ на владѣніе заводомъ указа, «а у него, Никиты, взять въ скорости сказку съ «подкрѣпленіемъ»: по скольку онъ со владѣнія своего заводомъ за желѣзо платилъ пошлинъ въ годъ, и что̀ (и сколько) у него мастеровыхъ людей поимянно, и снастей, чтобы онъ, Никита, тѣхъ мастеровыхъ и снасти куда (нибудь) не свѣлъ».

Въ сенатѣ на это доношеніе положена резолюція рукою оберъ-секретаря Анисима Яковлевича Щукина: «допросить, согласно съ изложеннымъ у фискаловъ, Никиту Демидова и обоихъ челобитчиковъ».

Кадминъ и Олисовъ на допросѣ въ сенатѣ показали, что они люди не грамотные, дѣломъ желѣзнымъ никогда не занимались, а промышляли у казны: первый поставляя ей муку, крупу и масло, а другой—находился у вымѣна изъ обращенія мелкой серебряной монеты на новую въ сибирскихъ провинціяхъ; оба хвалились своею честностію и просили отдать имъ заводы «безъ порукъ» (залога), такъ какъ они таковыхъ не найдутъ. По всему видно, что они соблазнялись прибытками Никиты Демидова, но до него не доросли ни знаніемъ, ни трудами. Сенату стоило только справиться о царской грамотѣ 1702 года, данной Никитѣ Демидову при отдачѣ ему во владѣніе невьянскаго завода безсрочно, т. е. на вѣчныя времена, чтобъ бросить все дѣло и челобитчикамъ отказать.

Въ свою очередь Никита Демидовъ показалъ слѣдующее:

— «Со владѣнія своего заводомъ, желѣзо сибирское, связное, полосное и дощатое продавалъ въ городахъ Казанской губерніи, и съ продажи пошлины платилъ, а сколько и какого желѣза, и почему на годъ сходилось пошлинъ, того не упомнитъ. А на тѣхъ заводахъ мастеровыхъ и ремесленныхъ людей человѣкъ 70, кромѣ работниковъ, а кто именно и какихъ чиновъ и сколь давно работаютъ, того не упомнитъ же; а тѣ мастеровые и ремесленные люди всѣ русскіе, и иноземцовъ нѣтъ, въ томъ числѣ есть и купленные имъ люди, и всѣ научены желѣзному дѣлу отъ него, Никитина, ученія, будучи на тѣхъ заводахъ; за работу имъ платитъ свои деньги, а не государевы.

Digitized by Google

А что-де калуженинъ Кадминъ и кадашавецъ Олисовъ въ своемъ доношеніи написали, будто ему, Никитѣ, тѣ заводы отданы на урочные годы, на 10 лѣтъ, и то-де они пишутъ ложно, похотя его раззорить напрасно: тѣ заводы по именному в. г. указу отданы ему во владѣніе, а не на урочные годы, и обнадѣясь на ту его, государеву, милость на тѣхъ заводахъ построилъ и завелъ, проча себѣ великій заводъ и всякое строеніе, которое стало ему близко ста тысячъ руб., и нынѣ такихъ заводовъ и строенія къ нимъ въ Московской и во всѣхъ губерніяхъ нигдѣ нѣтъ».

Казалось бы въ виду отвѣтовъ Никиты Демидова, ясныхъ и точныхъ, исключающихъ всякое сомнѣніе въ правотѣ его, сенатъ могъ рѣшить всѣ дѣла, поднятыя фискалами и новыми «охочими» людьми, безотлагательно. Но сдѣлано иначе: велѣно все дѣло передать для розыска извѣстному начальнику «Розыскной канцеляріи», отъ лейбъ-гвардіи капитанъ-поручику Ивану Никифоровичу Плещееву, который протянулъ розыскъ на три года. Въ это время Плещеевъ безпрестанно посылалъ на дворы Демидова своихъ сыщиковъ съ «памятями», захватывалъ людей его, по долгу державъ ихъ въ «желѣзахъ» (кандалахъ), призывалъ самого Демидова для допросовъ. Демидовъ терпѣливо выносилъ всѣ напасти отъ страшнаго начальника Розыскной полиціи, терпѣлъ убытки и ни разу не пожаловался на притѣсненія. Онъ хорошо зналъ, что протесты и жалобы могли бы только навлечь на него новую бѣду, и, можетъ быть, хуже прежнихъ. И у него на заводахъ въ Сибири было больное мѣсто, за которое онъ могъ жестоко пострадать, особенно при не совсѣмъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ тогда находился: до царя далеко, да онъ и не любилъ тѣхъ, которые не соблюдали его указовъ; властный благопріятель (думный дьякъ Андрей Андреевичъ Виніусъ) сошолъ со сцены, а за плечами стоялъ еще неутомимый Иванъ Никифоровичъ съ своимъ «розыскомъ». Дѣло могло принять очень скверный оборотъ: долгія руки начальника Розыскной канцеляріи уже протягивались къ этому больному мѣсту, и тобольскіе воеводы, по настоятельнымъ требованіямъ Плещеева, наводили справки о людяхъ на заводахъ Демидова, а онъ и прежде, когда мѣстные воеводы касались по разнымъ случаямъ этой статьи, не могъ переносить равнодушно, и сынъ его, Акинфій Никитичъ, жившій постоянно въ Невьянскомъ, всегда подъ разными предлогами, болѣе или менѣе благовидными, отклонялъ ихъ намѣренія пересчитать поименно его заводскихъ людей. Дѣло въ томъ, что въ числѣ заводскихъ мастеровыхъ и рабочихъ на заводахъ Демидова нашлось бы много бѣглыхъ рекрутъ, старообрядцевъ, нѣсколько человѣкъ (37) изъ военно-плѣнныхъ шведовъ, бѣжавшихъ изъ мѣстъ

Digitized by Google

своего поселенія, и множество пришлыхъ, гулящихъ и даже тяглыхъ людей, сошедшихъ съ разныхъ концовъ Россіи безъ «отпусковъ» (паспортовъ), за которыхъ заводовладѣлецъ не платилъ въ казну подушныхъ денегъ ни копѣйки. Значитъ, были весьма сильные поводы для Никиты Демидова держаться во всемъ поднятомъ дѣлѣ осторожно, не настаивать и выжидать какого-либо благопріятнаго случая. Къ счастію его, подобный случай подвернулся, хотя поздно, черезъ три года, и по обстоятельству, также скверному для Демидова. Однако, какъ увидимъ, онъ воспользовался имъ необыкновенно искусно и съумѣлъ ловко повернуть его на свою сторону.

Въ мартѣ 1715 года все тотъ-же фискалъ, Михайло Андреевъ Нечаевъ, подалъ новый доносъ на Никиту Демидова и на этотъ разъ прямо царю.

«Во извѣстіе в. ц. в. предлагаю»:

Изложивъ въ началѣ извѣстную исторію объ отдачѣ Демидову невьянскаго завода и о казенныхъ нарядахъ, фискалъ продолжаетъ такъ: «А судейскимъ нерадѣніемъ, безъ свидѣтельства, учинена великая передача напрасно, а именно: за полосное желѣзо въ выдачѣ ему, Никитѣ, по 14 алтынъ за пудъ, а я доподлинно увѣдомился, съ вышеписанныхъ заводовъ до Москвы и до Твери со всякими харчами и съ мастерствомъ, и съ работными наемными людьми, и въ своихъ стругахъ, станетъ желѣзо истинною цѣною по 10 алт. у пуда, а не по 14, итого въ передачѣ 4 алт. Также и у другихъ многихъ припасовъ передача есть. Да сверхъ казенныхъ нарядовъ, онъ же, Никита, продаетъ постороннимъ людямъ всякаго желѣза многія тысячи пудъ по 15 алт. и больше».

Фискалъ, предлагая по этимъ статьямъ допросить заводчика, кончаетъ такъ: «а ежели онъ, Никита, не боясь Бога, скажетъ неправду, при допросѣ мною въ неправдѣ уличенъ будетъ».

На подлинномъ доношеніи рукою князя Долгорукаго помѣчено: «противъ сего допросить».

Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, тогда генералъ-лейтенантъ и гвардіи подполковникъ, завѣдывалъ особою канцеляріею и доносъ фискала подвернулся какъ нельзя кстати: адмиралтейство нуждалось въ корабельномъ желѣзѣ и якоряхъ, и государь поручилъ князю Долгорукому подрядить на поставку желѣза для флота заводчика Никиту Демидова. Это было въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ 1715 г. Получивъ доносъ, царь отправилъ его къ кн. Долгорукому для разбора подъ его личнымъ наблюденіемъ.

Призванный въ канцелярію кн. Долгорукаго 27-го марта 1715 г. Никита Демидовъ сказалъ слѣдующее:

Digitized by Google

«Ему даны заводы и крестьяне (приписные), которые работаютъ у него по 8 недѣль въ году, и за эту работу онъ платитъ въ казну за нихъ подати. Когда онъ принялъ заводъ, то въ немъ была одна домна и мало молотовъ, а плотину хотѣли переносить на другое мѣсто, и онъ плотину перенесъ, построилъ вновь три домны, 15 молотовъ и много жилыхъ строеній на многія тысячи рублей. А по грамотѣ ему велѣно ставить желѣзо и припасы по уговорнымъ цѣнамъ, и сколько онъ сдалъ въ казну, того не упомнитъ. А въ прошломъ 1713 году, по царскому указу, правительствующій сенатъ, слушавъ выписку, приговорилъ: ему, Демидову, ставить артиллерійскіе всякіе припасы, по уступкѣ съ торгу противъ Вахрамѣевыхъ дѣтей Миллеровъ [1]); гранаты по 10 денегъ, бомбы и ядра по 6 алт. 2 деньги за пудъ, картечь въ 1/4, 1/2, 1 1/4 и 1 1/2 фунта по 2 деньги за ядро и съ провозомъ въ указанныя мѣста. Деньги за эти припасы онъ получаетъ изъ артил. приказа долго спустя послѣ сдачи ихъ. За полосное желѣзо онъ беретъ отъ казны плату по уговорной цѣнѣ. Никита Демидовъ самъ смотритъ за заводами съ дѣтьми, отъ чего ему и есть въ томъ барышъ, а изъ за него и другимъ. Желѣзо обходится ему самому иногда по 10 алт., но въ доброе время, а когда въ домнахъ и молотахъ бываютъ неполадки, и плотину прорываетъ, или пожаръ, или на рѣкахъ струги тонутъ съ грузомъ, и онъ долженъ наймовать людей, и отъ того бываютъ убытки, и тогда желѣзо и припасы цѣною выходятъ дороже. При томъ онъ получаетъ отъ казны деньги часто спустя три года и болѣе послѣ сдачи, и ежели Ц. В. укажетъ выдавать ему тотчасъ по пріемѣ металловъ въ мѣстахъ поставки, то онъ можетъ сбавить цѣну противъ даже уговорной, иначе невозможно сбавить цѣны. Съ 1712-го по 1715 г. было поставлено имъ одного желѣза 50 тысячъ пудъ и, въ томъ числѣ, въ Москву 30 тысячъ пудъ. Пошлинъ съ поставляемыхъ въ казну металловъ онъ не платилъ, о чемъ заявлено имъ въ московской губернской канцеляріи, а не платилъ потому, что другіе заводчики иноземцы (братья Миллеры) и Нарышкинъ также не платятъ; а съ желѣза, продаваемаго на волю, всѣ пошлины

---

[1]) Эти заводы въ Калужской и Тульской губ. были построены по указу царя Алексѣя Михайловича, въ компаніи двухъ иноземцевъ Марселиса и Филимона Акемы, извѣстныхъ тогда въ Москвѣ. Впослѣдствіи компаньоны раздѣлили между собою заводы, и изъ нихъ одни (калужскіе) перешли по наслѣдству Вахрамѣю Миллеру, женившемуся на вдовѣ роднаго племянника Филимона Акемы, а другіе заводы Марселиса, какъ выморочные, отданы были ближнему боярину Л. К. Нарышкину, родному дядѣ Петра.

Digitized by Google

платилъ, а сколько именно, о томъ можно справиться въ таможенныхъ книгахъ».

Въ дополненіе къ сему показанію, Никита Демидовъ подалъ кн. Долгорукому письменное объясненіе: «При отдачѣ мнѣ завода (Невьянскаго) я взялъ за поставку военныхъ припасовъ половину цѣны противъ иноземческихъ (все тѣхъ же Миллеровъ) заводовъ, за желѣзо взялъ менѣе по 5 алт. у пуда; но тогда металлы на Чусовую пристань перевозили черносошные крестьяне; они же клали кучи (для сженія древеснаго угля), строили струги и нагружали оные припасами [1]); а нынѣ въ доносѣ фискала Михаила Андреева (сына Нечаева) написано, будто я беру лишнія деньги, и онъ же пишетъ: «допряма знаетъ, что желѣзо обходится въ Москвѣ по 10 алт.». И то у меня бываетъ, только въ благополучное время; но бываютъ прорухи на заводахъ, и тогда желѣзо обходится дорого; и если Государь укажетъ, то я готовъ убавить цѣну съ желѣза противъ даже уговорной».

Князь Долгорукій, для удостовѣренія въ показаніяхъ Демидова, просилъ сенатъ доставить ему свѣдѣнія: сколько, отъ кого именно и по какой цѣнѣ доставлено въ артиллерію и другія казенныя вѣдомства металловъ, и сколько ихъ продавалось на волю съ уплатою пошлинъ. Но въ сенатѣ этихъ свѣдѣній не нашли, и тогда кн. Долгорукій потребовалъ ихъ отъ генералъ-фельдцейхмейстера Брюса, написалъ также въ адмиралтейство и сибирскій приказъ. Оказалось по этимъ справкамъ, что цѣны Демидова (до 1713 г.) были по нѣкоторымъ статьямъ вдвое менѣе цѣнъ прочихъ заводчиковъ, по другимъ статьямъ только нѣсколько дешевле, и не явилось ни одной статьи, гдѣ бы цѣны его превышали цѣны другихъ заводовъ. Брюсъ доставленныя свѣдѣнія дополнилъ еще слѣдующими соображеніями: прежде, до Демидова, сибирское желѣзо доставлялось изъ сибирскаго приказа и чрезъ подрядчиковъ, по цѣнѣ отъ 20 до 24 алт. 2 деньги, нынѣ оно ставится по 16 алт. за пудъ; шведское желѣзо покупалось по 30 алт., а нынѣ его въ продажѣ нѣтъ; съ заводовъ Нарышкина связное и прутковое покупается по 16 алт. 4 деньги, а на гвозди и другія мелочи по 20 алт. Въ артиллерію каждый годъ шло сибирскаго желѣза 7,532 п., вахрамѣевскаго 715 п. Изъ сибирскаго приказа дьякъ Иванъ Чепелевъ отвѣтилъ, что Н. Демидовъ за поставляемое въ казну желѣзо пошлинъ не платитъ, «для того, что въ договорѣ о платежѣ

[1]) По первой царской грамотѣ Н. Демидовъ выговорилъ для себя пользоваться работою сихъ крестьянъ; но они были „ясачные“, и ихъ впослѣдствіи освободили отъ заводскихъ работъ.

Digitized by Google

ихъ не написано». Другіе заводчики также не платили. Кн. Долгорукій потребовалъ отъ Н. Демидова подлинныя грамоты и памяти, и оставилъ въ своей канцеляріи копіи съ нихъ [1]).

Безсмысленность послѣдняго фискальскаго доноса на Демидова, такимъ образомъ, была доказана до очевидности, и онъ могъ надѣяться на самый благопріятный для себя исходъ дѣла. Но этого ему было мало: Демидову хотѣлось навсегда развязаться съ розыскною полиціею, съ самимъ Плещеевымъ; добиться, чтобы сняты были печати съ его желѣза въ амбарахъ; онъ хотѣлъ поставить себя внѣ вліянія всякихъ канцелярій, не исключая и сибирскаго приказа, выйти изъ всѣхъ розысковъ не только безупречнымъ, но и побить своихъ недоброжелателей. Ему уже удалось сыграть съ фискалами злую шутку, осмѣять передъ сенатомъ публично ихъ усердіе не по мѣрѣ. Припомнимъ: по одному доносу фискала Нечаева (о стругахъ съ желѣзомъ на р. Москвѣ близь села Котлы) поднялась страшная тревога: сенатъ, получивъ доносъ, велѣлъ послать самаго бойкаго изъ подьячихъ Ѳедора Полунина, который вмѣстѣ съ фискаломъ-доношикомъ осмотрѣлъ струги, перевѣсилъ желѣзо, запечаталъ и написалъ «доѣздъ». У склада стоялъ караулъ изъ солдатъ отъ Сибирскаго приказа. Караульный капралъ Ѳедоръ Широковъ показалъ, что то желѣзо взято изъ струговъ Н. Демидова, а какъ давно привезено, того не знаетъ, такъ какъ караулъ смѣняется ежедневно. Призваный тогда же въ сенатъ для допроса, Н. Демидовъ отвѣтилъ коротко: «Чье желѣзо у села Котлы и перевезенные изъ 3-хъ струговъ въ гостиный дворъ, онъ не знаетъ, и до того желѣза ему дѣла нѣтъ». Напротивъ, Демидовъ очень хорошо зналъ, что это желѣзо казенное, привезено съ Алапаевскаго и Уктусскаго заводовъ, и за мелководіемъ сложено тутъ на берегу. По всей вѣроятности служители Демидова съ лукавымъ умысломъ натолкнули фискаловъ на этотъ кладъ; зная, что эти послѣдніе не пропустятъ «сей вѣрной оказіи» показать свою ревность къ соблюденію казенныхъ интересовъ, и донесутъ, какъ и случилось. Для удостовѣренія, сенатъ спросилъ о заколдованномъ желѣзѣ сибирскую губ. канцелярію, и она разрѣшила недоумѣніе, подтвердивъ, что желѣзо то въ количествѣ 18,643 п. съ казенныхъ заводовъ и перевезено въ сопровожденіи тобольскаго дворянина Петра Желютина. Сибирская канцелярія подтвердила также о чугунныхъ доскахъ, отлитыхъ Демидовымъ, по приказанію кн. Гагарина.

---

[1]) Все розыскное дѣло по доносамъ на Демидова фискаловъ съ грамотами его поступило къ кн. Долгорукому изъ сената; оно находится теперь въ 1284-мъ томѣ Горнаго Архива.

Digitized by Google

Но Никита Демидовъ зналъ, что осмѣять врага не значитъ еще избавиться отъ него, и что осмѣянный врагъ изъ всѣхъ самый опасный; онъ терпѣливо выжидалъ случая побить ихъ наповалъ, и черезъ три года этотъ благопріятный случай представился. Выше мы замѣтили, что государь поручилъ кн. В. В. Долгорукому уговориться съ Никитой Демидовымъ о поставкѣ корабельнаго желѣза и якорей. По этому поводу въ канцеляріи князя Василія Владиміровича отмѣчено: «сего 3 апрѣля (1715 г.) именнымъ е. ц. в. словеснымъ указомъ въ канцеляріи вѣдѣнія кн. В. В. Долгорукова приняты изъ адмиралтейства разныхъ ругъ образцы и вѣдомость: какого и сколько желѣза туда надобно. и тѣ образцы Никитѣ Демидову казаны».

По вѣдомости требовалось 77,500 п. все тонкаго желѣза, очень труднаго въ выдѣлкѣ по неимѣнію въ то время на заводахъ вальцовыхъ машинъ. И вотъ черезъ 6 дней послѣ перваго допроса, гдѣ Н. Демидовъ давалъ отвѣты, какъ обвиняемый, онъ стоитъ въ той же канцеляріи и передъ тѣмъ же княземъ Василіемъ Владиміровичемъ, но совсѣмъ въ другомъ положеніи, какъ человѣкъ, на котораго указалъ самъ царь для услуги правительству. На этотъ призывъ Н. Демидовъ отозвался, какъ всегда это дѣлалъ, съ полною готовностью, и по выслушаніи предложенія объявилъ свои условія, которыя мы приведемъ здѣсь дословно, какъ они записаны въ канцеляріи.

— «Никита Демидовъ, осмотрѣвъ образцы, сказалъ, что онъ готовъ ставить требуемое адмиралтействомъ желѣзо, а возьметъ цѣну за пудъ съ провозомъ: за полосное осьмигранное по 15 алт., тонкое толщиною въ 1/2, 3/4 и 1 дюймъ по 16 алт. 2 деньги; да на тѣхъ же заводахъ своихъ будетъ дѣлать укладъ (сталь), и для того дать ему мастеровъ съ Олонца, а цѣною укладъ по 1 р. за пудъ, и тѣхъ мастеровъ будетъ содержать на своихъ проторехъ. А въ нынѣшнемъ году которое восьмигранное выйдетъ изъ Сибири, и того желѣза, сколько его будетъ вѣсомъ, поставитъ онъ въ С.-Петербургъ по вышеописанной цѣнѣ, ежели успѣетъ до зимняго времени, а ежели не успѣетъ, то бы въ вину ему не причтено было; и на рѣкахъ бы съ того желѣза и съ военныхъ припасовъ, которые и впредь будутъ ставиться, и со струговъ никакихъ прибылей и оброковъ и на слѣдахъ (въ пути водою) пропускнаго, также привальнаго и отвальнаго, и мостовщины и съ работныхъ людей поголовныхъ денегъ въ Московской, Казанской и Нижегородской губерніяхъ не имать для того, что желѣзо станетъ ставить въ казну; также пошлины и вѣсчаго и съ найму подводъ не имать же. Деньги за металлы выдавать ему безъ задержанія, а безъ денегъ у него желѣза не имать, понеже за такою волокитою деньги будутъ обращаться

Digitized by Google

ему года въ три. Для склада желѣза и военныхъ припасовъ въ пути: въ Рыбной слободѣ, Твери, Вышнемъ-Волочкѣ, Ладогѣ и въ С.-Петербургѣ, гдѣ пристойно дать подъ дворы мѣста по близости къ рѣкамъ; а принимать бы то желѣзо и припасы по извѣстію его въ мѣсяцъ, или два того ради, чтобы ему не было отъ того лишнихъ харчей и волокиты; а когда въ это время желѣзо и припасы не примутся, и то желѣзо отдавать въ казну онъ не повиненъ, чтобы прикащикамъ у отдачи не зажиться и съ заводовъ не отбывать по долгу». Въ заключеніе своихъ условій Никита Демидовъ проситъ, во-первыхъ: «подтвердить новыми имянными указами право на владѣніе Невьянскими заводами на основаніяхъ прежнихъ грамотъ, и во-вторыхъ, вѣдать бы тѣ заводы и его, Никиту, съ дѣтьми, прикащики и съ мастеровыми и работными людьми и со крестьяны въ канцеляріи, которая здѣсь, въ С.-Петербургѣ, подъ вѣдѣніемъ кн. В. В. Долгорукаго, и о томъ дать указъ, чтобы ему впредь какихъ убытковъ не было».

Всѣ условія Никиты Демидова были приняты царемъ, который словесно указалъ князю Долгорукому заключить формальный договоръ. Вслѣдствіе того изъ канцеляріи князя Василія Владиміровича и за подписаніемъ его отъ 12 мая 1715 г. вышелъ указъ, въ которомъ было повторено все то, что требовалъ Демидовъ, съ прибавленіемъ только, чтобы онъ татарамъ и уѣзднымъ иноземцамъ желѣза, ружей и военныхъ припасовъ отнюдь не продавалъ. Въ концѣ указа сказано: «И тѣми желѣзными Невьянскими заводами, со всѣми угодьи и со крестьяны владѣть ему, Никитѣ, по прежнимъ великаго государя указамъ, каковы ему даны изъ сибирскаго приказа и изъ сената, и вѣдать его, Никиту, съ дѣтьми и со всѣми желѣзными заводы во всякихъ дѣлахъ, кромѣ разбойныхъ и убивственныхъ, въ канцеляріи въ С.-П.-Бургѣ, подъ вѣдѣніемъ генералъ-лейтенанта и отъ лейбъ-гвардіи подполковника князя В. В. Долгорукова, а въ Сибирской и другихъ губерніяхъ и въ приказахъ его, Демидова, съ дѣтьми не вѣдать».

Достигнувъ такимъ образомъ желанной цѣли, Никита Демидовъ позаботился развязаться съ розыскной канцеляріей, и снять печати съ своихъ амбаровъ съ желѣзомъ. И здѣсь онъ поступилъ осторожно и обдуманно. Получивъ въ руки послѣдній указъ отъ 12 мая, 1715 г. онъ подалъ въ канцелярію князя Долгорукаго доношеніе на имя Государя: «по именному В. В. указу я привезъ желѣзо для Адмиралтейства и на вольную продажу; но вся партія сего желѣза въ Москвѣ, по доношенію калуженина Ивана Кадмина, при домѣ моемъ въ амбарахъ

Digitized by Google

запечатана, и я рабъ твой нижайшій допрашиванъ, а то желѣзо подлежитъ къ сдачѣ въ адмиралтейство, а безъ твоего Ц. В. указа распечатать и отпустить не смѣю. Повели распечатать и отпустить въ С.-Петербургъ, а что останется въ излишкѣ, то продать на волю съ уплатою таможенныхъ пошлинъ». На подлинномъ доношеніи помѣчено рукою князя Долгорукаго: «справиться съ Плещеевымъ».

Но Иванъ Никифоровичъ отвѣтилъ, что такого подлиннаго фискальскаго дѣла о Никитѣ Демидовѣ въ канцеляріи его нѣтъ, и оно отправлено изъ Москвы въ С.-Петербургъ по требованію сената. Сенаторъ Стрешневъ, по запросу князя Долгорукаго, прислалъ въ копіяхъ полное розыскное дѣло, увѣдомивъ князя, что «туленина Никиты Демидова желѣзо въ амбарахъ и другихъ мѣстахъ, по доношеніямъ фискальскимъ, описано, перевѣшано и кому беречь указано, и о томъ къ вашему сіятельству прилагается копія».

Этого только и нужно было Демидову. Спустя два дня, 17 мая онъ подалъ новому своему начальнику два доношенія. Въ первомъ просилъ: «нынѣшнею весною идутъ струги съ желѣзомъ для адмиралтейства, и о томъ желѣзѣ я опасенъ, чтобы струги тѣ гдѣ (либо) не замедлились, не дойдя до мѣста, а я нынѣ задержанъ здѣсь въ Петербургѣ для допросовъ. Повели меня отпустить и снабдить почтовыми подводами». Разрѣшеніе дано немедленно. Во второмъ доношеніи Н. Демидовъ повторяетъ просьбу свою снять печати съ амбаровъ съ желѣзомъ, «такъ какъ въ фискальной канцеляріи (у Плещеева) до него, Демидова, дѣла нѣтъ, а между тѣмъ адмиралтейство торопитъ его поставить сколь возможно скорѣе корабельное желѣзо, а оно все запечатано, и онъ безъ указа снять печати не смѣетъ»...

Наконецъ, 27 іюня 1715 г. вышелъ изъ канцеляріи кн. Долгорукаго, за его подписью, давно желанный указъ царскій: «Туленину Никитѣ Демидову амбары съ желѣзомъ распечатать, взявъ съ тебя обыкновенныя по торговому уставу пошлины въ Московской губерніи, и какъ получишь сей указъ, и ты бы по своему договору желѣзо, которое у тебя въ Москвѣ и въ Твери и иныхъ городахъ, отпускалъ въ С.-Петербургъ для доставки въ адмиралтейство немедленно, чтобы тамъ дѣлу корабельному остановки не учинилось». Московскому губернатору боярину Алексѣю Петровичу Салтыкову приказано исполненіемъ сего дѣла поспѣшить.

Никита Демидовъ, выйдя изъ всѣхъ, какъ онъ называлъ, «тюрбацій» неповинными, воспользовался своимъ благопріятнымъ положеніемъ превосходно. Онъ выпросилъ, чтобы дворы его въ Москвѣ были свободны отъ солдатскаго постоя, такъ какъ отъ того (чинилось) много

Digitized by Google

покражы желѣза; чтобы всѣ розыскныя дѣла были переданы князю Долгорукому; чтобы давать ему для разъѣздовъ ямщицкія подводы за прогоны. На все это царь согласился. Впрочемъ, не смотря на царскія повелѣнія, подьячіе и таможенные приставники не упускали случая притѣснять Демидова. Такъ онъ жаловался, что въ московской губернской канцеляріи ландратъ Григорій Каменскій насчиталъ на него и взыскиваетъ 1939 руб., а за что—не знаетъ, просилъ дѣло передать на разбирательство своему новому благодѣтелю кн. Долгорукому. При продажѣ желѣза на волю брали съ Демидова въ таможняхъ пошлину какъ съ купеческаго товара по гривнѣ съ рубля, тогда какъ указная пошлина съ него, какъ съ заводчика-производителя, была, по торговому уставу, въ половину менѣе. На возраженія прикащиковъ противъ такихъ незаконныхъ дѣйствій, ихъ задерживали и сажали подъ стражу за «грубость». Не лишена интереса жалоба Демидова по подобному поводу на С.-Петербургскую таможню: здѣсь прикащика его Неклюдова держали 8 мѣсяцевъ, и все таки взяли пошлину выше законной, объясняя, что пошлина возвышена за грубость прикащика.

Не оставлялъ въ покоѣ Демидова и наводившій на современниковъ страхъ Иванъ Никифоровичъ Плещеевъ. Изъ челобитной, поданной Демидовымъ царю 4 іюля 1717 года, видно: упомянувъ, что его велѣно вѣдать кн. Долгорукому по всѣмъ дѣламъ, и что онъ озабоченъ исправною поставкою корабельнаго желѣза, продолжаетъ: «а нынѣ мнѣ учинилась на Москвѣ напрасная многая волокита отъ Ив. Никиф. Плещеева, что непрестанно отъ него приходятъ ко двору моему солдаты съ «сыскными памятями», и справиться мнѣ въ твоихъ государевыхъ дѣлахъ отъ такой волокиты не мочно, а прикащикамъ моимъ въ Москвѣ отъ такихъ напрасныхъ волокитъ для отправленія дѣлъ и быть тамъ опасно». Также и фискалы не оставляли его въ покоѣ: ихъ долгія руки достали и князя М. П. Гагарина въ Тобольскѣ: Алексѣй Нестеровъ въ доносѣ на него прибавилъ, между прочимъ, что имъ отданъ Никитѣ Демидову Невьянскій заводъ, съ крестьянами, за 2,000 руб., а казнѣ обошелся во 100 тысячъ руб. [1]).

Въ заключеніе этой частной исторіи мы приведемъ объ услугахъ Никиты Демидова относительно вліянія его на современныя цѣны на желѣзо и чугунныя отливки. До него подрядчики (вольные, не изъ заводчиковъ) ставили въ казну русское желѣзо отъ 60 до 74 к. за пудъ, шведское жезѣзо покупалось по 90 к., послѣ объявленія войны

[1]) Невьянскій заводъ стоилъ казнѣ 11 тысячъ руб. и эту сумму Н. Демидовъ уплатилъ въ 2½ года металлами.

Digitized by Google

цѣна ему поднялась до 3 р. за пудъ, и вскорѣ потомъ его нельзя было достать и за эту цѣну. Нарышкинъ съ своихъ заводовъ ставилъ дѣльное желѣзо на мелкія поковки по 60 к., братья Миллеры (Калужской губерніи) ставили въ казну: бомбы и пушки по 30 к., ядра пушечныя 25 к., гранаты 14 к., картечь мелкую (въ 1/4, 1/2 и 3/4 фунта) по 1 к., а крупную (отъ 1 до 2 ф.) по 1 1/2 к. по-штучно; дѣльное желѣзо на мелкія поковки 60 к., связное 45 к., колесное (шинное) 90 к. за пудъ. Нарышкинъ и Миллеры обязаны были ставить въ казну металлы по договорамъ, причемъ имъ выдавались денежныя пособія въ кредитъ, кромѣ приписныхъ крестьянъ. Никита Демидовъ, еще до завладѣнія заводомъ на Уралѣ, съ своихъ заводовъ подъ Тулою, и не получая еще никакихъ пособій [1]), сбавилъ цѣну противъ другихъ заводчиковъ, по договору въ 1701 году, съ бомбъ, гранатъ и ядеръ на половину, а съ колеснаго желѣза сбавилъ 20 к. съ пуда, то есть продавалъ по 70 к. Послѣ появленія въ Москвѣ сибирскаго желѣза съ заводовъ Демидова и частію съ казенныхъ заводовъ цѣна ему упала съ 70 к. на 45 к. По этой цѣнѣ Н. Демидовъ обязался въ казну ставить металлъ. Въ 1713 г. съ нимъ сдѣланъ былъ новый договоръ, по которому онъ обязался ставить металлы въ Москву и другіе города по слѣдующимъ цѣнамъ: гранаты 5 к., картечь мелкую (менѣе фунта) по 1 1/2 к. за 3 штуки, а крупную по 1 к. за штуку съ доставкою въ Тверь (для С.-Петербурга) и въ Бѣлевъ (для Кіева), бомбы и ядра по 20 к. за пудъ. По договору въ 1715 г. (съ кн. Долгоруковымъ) онъ ставилъ полосовое восьмигранное желѣзо по 45 к., тонкое въ 1/4 и до 1 дюйма, по 50 к. съ доставкою въ С.-Петербургъ. При этомъ, сбавивъ цѣну, Н. Демидовъ просилъ только, чтобы не весь нарядъ былъ положенъ на него одного, но раздѣленъ и между другими заводчиками. Ясно, что Никита Демидовъ много способствовалъ установленію у насъ сходныхъ продажныхъ цѣнъ, не только остановилъ ихъ возвышеніе, но еще помогъ царю замѣтно понизить ихъ. Самъ Петръ, строго наблюдавшій за расходами казенныхъ денегъ, зналъ объ услугахъ его и благоволилъ къ нему. Князь В. В. Долгорукій писалъ 9 апрѣля 1716 года изъ Данцига управляющему своею канцеляріею, полковнику Кушелеву: «его величество, чтобы на всѣхъ желѣзныхъ заводахъ въ подрядѣ и продажѣ желѣзо и прочія вещи въ малой цѣнѣ были, указалъ освидѣтельствовать продажу ихъ: по какой цѣнѣ пудъ, на какомъ заводѣ въ продажѣ имѣется и

---

[1]) Мельница на р. Тулицѣ, гдѣ онъ построилъ свой первый чугунно-литейный и желѣзный заводъ, уступлена ему не даромъ, а за „денежное и хлѣбное жалованье“ какъ казенному оружейнику.

Digitized by Google

потомъ выправясь и сравнивъ оныя цѣны съ подрядными туленина Н. Демидова, по чему онъ въ адмиралтейство ставитъ, и съ пріобщеніемъ копіи съ заключенныхъ съ нимъ условій, представить о семъ сенату (для наблюденія), чтобы на всѣхъ заводахъ цѣны желѣзу и другимъ (изъ него издѣліямъ) противъ Демидова верстаны были». Недаромъ Петръ Великій относился къ нему съ довѣріемъ, зналъ его лично и пожаловалъ ему съ потомками дворянское достоинство (въ 1721 г.). Какъ успѣлъ въ томъ бывшій простой кузнецъ не трудно понять: изучивъ технику желѣзнаго производства на практикѣ, трудами своихъ рукъ, онъ зналъ и съумѣлъ выработать и поставить свои заводы въ самомъ началѣ въ правильныя и выгодныя экономическія условія, «самъ смотрѣлъ и руководилъ работами, отъ того ему прибыль». «Заводы, яко малое дѣтище, требуютъ ухода за ними и хозяйскаго глаза», говоритъ онъ при другомъ случаѣ. Старшій сынъ его, Акинфій Никитичъ, служилъ ему по управленію заводами хорошимъ помощникомъ.

Сообщ. въ 1884 г. В. Рожковъ.

Digitized by Google

КЪ ИСТОРІИ ВОЕННО-УЧЕБНОЙ РЕФОРМЫ

императора Александра II-го

1856—1870.

«Русская Старина» помѣстила уже нѣсколько статей, относящихся къ реформамъ императора Александра II. Въ краткомъ отчетѣ о дѣятельности бывшаго военнаго министра Д. А. Милютина, въ январьской книжкѣ 1886 г., между прочимъ, представлены результаты преобразованія по военно-учебной части. Въ настоящей статьѣ мы рѣшились передать на страницахъ почтеннаго журнала знакомые намъ факты, имѣющіе значеніе для надлежащей оцѣнки причинъ и повода къ военно-учебной реформѣ, начатой за долгое время до вступленія Д. А. Милютина въ управленіе министерствомъ и приведенной имъ въ исполненіе, согласно предначертаніямъ императора Александра II. При этомъ, кромѣ личныхъ воспоминаній, мы пользуемся мало доступными матеріалами, давно нами собираемыми.

Недавно исполнилось 30 лѣтъ послѣ Восточной войны съ Турціей и ея союзниками, окончившейся паденіемъ Севастополя и заключеніемъ Парижскаго мира.

Тридцать лѣтъ, по исчисленію статистиковъ, составляютъ эпоху человѣческой жизни. Не много остается уже живыхъ свидѣтелей благихъ начинаній императора Александра II, вступившаго на престолъ въ такое время, когда каждый офицеръ чувствовалъ себя какъ бы виноватымъ передъ своимъ отечествомъ. Въ этой войнѣ каждый исполнилъ свято свой долгъ — и на Дунаѣ подъ Ольтеницей и Четати, и за Кавказомъ — подъ Карсомъ, и въ Крыму — при защитѣ Севастополя: сражались храбро и умѣли умирать въ открытомъ полѣ, въ траншеяхъ и на бастіонахъ. А между тѣмъ, по возвращеніи на

Digitized by Google

родину, всѣ чувствовали себя какъ-бы униженными и оскорбленными. Не весело встрѣчали насъ мирные соотечественники....

Съ того времени прошло тридцать лѣтъ.... Не пора-ли подвести итоги одной изъ наиболѣе капитальныхъ реформъ императора Александра II, на долю котораго выпалъ тяжкій крестъ и вѣчная благодарная память за все сдѣланное имъ для своего народа, для русской арміи и для чести отечества. Настало новое поколѣніе, явились новые дѣятели, для которыхъ теперь намѣчаются новыя цѣли, открываются новыя перспективы; въ преобразованіяхъ прошлаго царствованія они, безъ особеннаго труда, могутъ отыскивать нѣкоторые пробѣлы, извиняемые чрезмѣрною сложностью задачъ и лихорадочною торопливостью приведенія ихъ въ исполненіе. Но новые дѣятели не могутъ порвать органической связи, соединяющей ихъ съ своими предшественниками; они обязаны вспоминать и о томъ благѣ, которое сдѣлано трудами ихъ предшественниковъ. Ибо всякое преобразованіе должно имѣть историческую почву, оправдываться обстоятельствами прошлаго и потребностями современныхъ явленій. Иначе зданіе будетъ строиться на пескѣ. И мы намѣрены представить рядъ фактовъ въ доказательство, что военно-учебная реформа, предпринятая въ прошедшее царствованіе, вызывалась самымъ ходомъ жизни нашей арміи, составляя въ томъ именно видѣ, въ какомъ она была осуществлена, лишь результатъ самой исторіи военнаго быта въ нашемъ государствѣ.

I.

«Что дѣлать, чтобы улучшить способы комплектованія корпуса офицеровъ арміи?» таковъ былъ первый вопросъ каждаго военнаго начальника отъ полковника до главнокомандующаго обѣихъ армій— графа Лидерса и князя Горчакова, послѣ возвращенія войскъ съ театра военныхъ дѣйствій.

Въ этомъ вопросѣ являлся какъ-бы упрекъ вѣдомству военно-учебныхъ заведеній, стоившихъ государству большихъ денегъ, а между тѣмъ присылавшихъ въ армію только единицы.

Графъ Ридигеръ, извѣстный боевой генералъ въ Венгерскую войну, въ письмѣ 28 марта 1856 года къ военному министру князю В. А. Долгорукову, въ мрачныхъ краскахъ представляетъ безвыходное положеніе вольно-опредѣляющихся, большею частью изъ дворянъ, и отсутствіе въ арміи образованныхъ офицеровъ. Графъ Лидерсъ, 30-го

Digitized by Google

августа 1856 года, въ день тезоименитства императора, открываетъ школу для образованія подпрапорщиковъ, при штабѣ 4-го корпуса въ Воронежѣ. Князь Горчаковъ дѣлаетъ распоряженіе о собраніи юнкеровъ и вольноопредѣляющихся въ учебныя команды въ полкахъ 1-й арміи и ходатайствуетъ о необходимости дать средства для образованія 1,500 вольноопредѣляющихся въ его арміи.

Эти рѣшительные шаги сдѣланы были главными боевыми генералами русской арміи за нѣсколько лѣтъ до высочайшей резолюціи о преобразованіи кадетскихъ корпусовъ въ военныя училища и военныя гимназіи и объ учрежденіи, на остатки суммъ отъ сихъ преобразованій, юнкерскихъ училищъ для пѣхоты, кавалеріи и казачьихъ войскъ.

Вопросъ объ улучшеніи способовъ комплектованія корпуса офицеровъ поднимался не разъ и въ царствованіе императора Николая Павловича. Но тогда единственнымъ надежнымъ источникомъ для образованія офицеровъ считались кадетскіе корпуса. Послѣ смерти цесаревича Константина Павловича вѣдомство военно-учебныхъ заведеній, въ 1832 г., принялъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Ему предстояло развить воспитательныя задачи корпусовъ, увеличить ихъ число и усовершенствовать военное воспитаніе и образованіе кадетъ.

Въ короткое время, кадетскіе корпуса появились, кромѣ столицъ, во многихъ губернскихъ городахъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ. Правительство стремилось развернуть большія средства для развитія благотворительныхъ цѣлей и умноженія способовъ военнаго образованія офицеровъ изъ дворянъ.

Въ 1825 году въ Россіи было 5 кадетскихъ корпусовъ съ 400 наставниковъ и 5,300 воспитанниковъ и на содержаніе ихъ расходовалось до 1 мил. руб., въ 1855 число этихъ заведеній достигло 23, съ 8,300 воспитанниковъ при 1,400 офицерахъ и наставникахъ, и на содержаніе ихъ расходовалось до 3-хъ мил. рублей.

Въ корпуса могли поступать только сыновья потомственныхъ дворянъ.

Дворянство и чиновныя лица во весь періодъ царствованія Николая Павловича пожертвовали на эти заведенія единовременно до 2.625,000 руб., а ежегодные взносы дворянъ въ пользу этихъ заведеній достигали 200,000 рублей (на 300 кадетъ).

Кадетскіе корпуса въ соединеніи съ академіями подняли у насъ военную науку, но въ нихъ упущены были изъ виду другія задачи; вѣдомство военно-учебныхъ заведеній, стоя особнякомъ отъ арміи, не

Digitized by Google

прислушивалось къ ея нуждамъ и могло давать собственно армейскимъ частямъ лишь крайне ограниченное число образованныхъ офицеровъ.

Ближайшимъ сотрудникомъ в. к. Михаила Павловича былъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, назначенный въ 1835 году начальникомъ штаба его высочества по управленію военно-учебными заведеніями.

Изъ нѣсколькихъ писемъ Я. И. Ростовцева къ великому князю, изданныхъ г. Лалаевымъ 1885 году въ Педагогическомъ Сборникѣ (№ 5), мы позволяемъ себѣ взять нѣсколько отрывковъ, чтобы видѣть дѣятельность Ростовцева, который прилагалъ большое усердіе для оправданія оказываемаго ему довѣрія. Онъ дѣлалъ, что могъ, чтобы усовершенствовать кадетскіе корпуса и, нужно отдать справедливость, въ свое время сдѣлалъ очень много для ихъ благоустройства и расширенія ихъ благотворительныхъ цѣлей.

Ростовцевъ писалъ великому князю въ сентябрѣ 1835 года: «всѣ преобразованія пріостановлены, я почти ежедневно бываю въ заведеніяхъ, наблюдая лично, чтобы прежнія преобразованія ваши приводились въ исполненіе, вижу, что всѣ мѣры, указанныя вашимъ высочествомъ, мало по малу прививаются, а нѣкоторыя изъ нихъ съ ощутительною пользою; обращеніе съ преподавателями и начальниковъ и воспитанниковъ перемѣнилось, учителя ожили; много дурныхъ учителей замѣнено новыми лучшими; воспитанники, совершенно до того къ ученью равнодушные, въ нѣкоторыхъ предметахъ сдѣлали замѣчательно быстрые успѣхи и прилежаніе къ наукамъ замѣтно дѣйствуетъ и на улучшеніе нравственности».... «заведенія съ проселочной дороги выведены, и шоссе вами для нихъ уже приготовлены, теперь надо, чтобы они только шли по немъ».... (18 сентября 1835 г.).

Спустя годъ, Ростовцевъ писалъ изъ Полоцка, гдѣ въ теченіе 16 дней осматривалъ корпусъ во всѣхъ подробностяхъ: «я производилъ экзамены по всѣмъ предметамъ и во всѣхъ классахъ, нѣсколько разъ дѣлалъ фронтовое ученіе, былъ ежедневно съ воспитанниками, днемъ и ночью и т. д. и въ утѣшеніе сердцу вашего высочества пріятнѣйшимъ и священнымъ поставляю себѣ долгомъ, довести до вашего свѣдѣнія, что корпусъ этотъ находится въ блестящемъ состояніи....» «Всѣ офицеры отмѣнно счастливо набраны, преданы душою своему долгу, помогаютъ радушно инспектору классовъ въ наблюденіи за ученіемъ воспитанниковъ, и, наконецъ, учатся сами, чтобы не знать менѣе того, что воспитанники знаютъ, однимъ словомъ, они осуществляютъ мой идеалъ корпуснаго офицера». Письмо это оканчивается заявленіемъ о необходимости назначенія въ Полоцкій корпусъ

Digitized by Google

нижнихъ чиновъ «для обученія воспитанниковъ ружейнымъ пріемамъ». (Письмо 24 ноября 1836 г.).

Спустя полгода, Я. И. Ростовцевъ, получивъ точное приказаніе отъ его величества государя, составить подробный, по возможности, отчетъ о всѣхъ улучшеніяхъ, сдѣланныхъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ за время управленія таковыми в. к. Михаиломъ Павловичемъ, писалъ его высочеству: «Всѣ эти перемѣны и улучшенія, дѣлавшіяся вашимъ высочествомъ отдѣльно и какъ бы незамѣтно, когда зачали соединяться въ умѣ моемъ въ одинъ итогъ, то составили такую массу, что я, по совѣсти говоря, не знаю, чѣмъ зачать и чѣмъ кончить, ибо каждая отрасль получила рѣшительное преобразованіе, и соединить всѣ преобразованія вмѣстѣ, въ одной системѣ—значитъ одно и то-же, что написать новый уставъ для военно-учебныхъ заведеній». (Письмо 20 апрѣля 1837 г.).

И дѣйствительно, въ 1836, 1838, 1843 и 1848 гг. появились важныя законодательныя работы, которыми опредѣлялись: положеніе преподавателей, цѣль учрежденія корпусовъ, ихъ составъ и устройство по всѣмъ частямъ, положеніе о центральномъ управленіи военно-учебными заведеніями и «наставленіе для образованія военно-учебныхъ заведеній» (1848 г.).

Спустя годъ послѣ изданія «наставленія», 12 августа 1849 года Ростовцевъ писалъ великому князю, между прочимъ, слѣдующее: «8 числа князь Петръ Михаиловичъ (Волконскій) дѣлалъ отряду (кадетъ) маленькое ученье: ружейные пріемы всѣмъ полкомъ, баталіоны впередъ, три построенія и церемоніальный маршъ. Я просилъ его свѣтлость вызвать и застрѣльщиковъ, но онъ сего учить не могъ, не довѣряя своимъ силамъ». (Письмо 12 августа 1849 г.).

Окончилась восточная война, въ кадетскихъ корпусахъ начались разныя исторіи, одна изъ нихъ въ Константиновскомъ корпусѣ, переименованномъ въ 1855 г. изъ Дворянскаго полка, надѣлала много шуму въ публикѣ, такъ что осенью 1858 г. Ростовцевъ, какъ увидимъ ниже, призналъ необходимымъ приступить къ его коренному преобразованію.

Со времени Восточной войны въ военныхъ кружкахъ приходилось слышать глухое нареканіе на систему воспитанія кадетъ въ корпусѣ, на неудовлетворительный въ нихъ составъ офицеровъ-наставниковъ, нечестное обращеніе съ кадетами. Особенное впечатлѣніе производили статьи Пирогова, по поводу воспитанія малолѣтнихъ дѣтей въ закрытыхъ заведеніяхъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ Я. И. Ростовцевъ такъ выразилъ свое оправданіе на дѣланные въ обществѣ упреки кадетскимъ

Digitized by Google

корпусамъ: „Какъ идутъ военно-учебныя заведенія, лучше ли противъ прежняго или хуже,—судить объ этомъ дѣло не мое; если же они идутъ дурно, то это происходитъ или отъ причинъ, отъ меня независящихъ, или отъ моего неумѣнія, но уже, конечно, Богъ мнѣ видѣтель, не отъ моего нежеланія". (Изъ частн. письма Ростовцева 8 ноября 1858 г.).

Это сказано въ ту пору, когда уже послѣдовало распоряженіе о преобразованіи Константиновскаго корпуса изъ воспитательнаго заведенія въ заведеніе учебно-служебное.

Но еще ранѣе, тотчасъ по окончаніи Восточной войны, какъ замѣчено, графъ Ридигеръ, бывшій тогда командиромъ гвардейскаго корпуса, писалъ военному министру князю Василію Андреевичу Долгорукову (28 марта 1856 г.): „Продолжительная, 56-лѣтняя служба убѣдила меня какъ въ полкахъ арміи мало по малу уменьшалось число образованныхъ офицеровъ: есть цѣлыя дивизіи, въ которыхъ некому дать полка, баталіона и роты". Въ войскахъ арміи (въ гренадерскихъ и шести армейскихъ корпусахъ) служило до 4,500 юнкеровъ и вольноопредѣляющихся, большею частью изъ дворянъ (въ 1852 г. 3,754 ч. въ пѣхотѣ и 652 въ кавалеріи). Въ три года Восточной войны, съ 1853 г. по апрѣль 1856 г., въ армію поступило вольноопредѣляющимися болѣе 10,000 человѣкъ, большею частью сыновей дворянъ, изъ этого числа произведено въ прапорщики и корнеты до 8 тысячъ, и засимъ въ 1856 г., тотчасъ послѣ заключенія Парижскаго мира, въ частяхъ арміи (кромѣ гвардіи и спеціальныхъ родовъ войскъ) состояло по спискамъ 6,190 чел.

«Важнѣйшая причина неудовлетворительнаго состоянія корпуса офицеровъ, по моему мнѣнію, писалъ Ридигеръ военному министру, происходитъ отъ неудовлетворительности мѣръ для пополненія арміи офицерами, произведенными изъ юнкеровъ. Юнкера, изъ которыхъ составляется наибольшая часть офицеровъ нашей арміи, поступаютъ на службу безъ всякой подготовки и не только не могутъ развить себя, но, находясь постоянно между нижними чинами, теряютъ до производства въ офицеры и тѣ немногія свѣдѣнія, которыя имѣли". „Цѣль моя, заключаетъ Ридигеръ, состоитъ въ томъ, чтобы юнкеровъ, которые проводятъ зимніе мѣсяцы въ совершенной праздности, безъ всякаго надзора за ихъ нравственностью, въ деревняхъ, въ кругу солдатъ или поселянъ, въ городахъ — если не среди самаго низкаго, то среди наименѣе нравственнаго слоя общества, вывести изъ этой среды, подчинить ближайшему надзору высшаго начальства, давъ имъ вѣрное и примѣнимое къ будущей ихъ службѣ образованіе».

Мнѣніе графа Ридигера раздѣлялось графомъ Лидерсомъ, княземъ

Digitized by Google

Горчаковымъ, Данненбергомъ и другими извѣстными въ то время боевыми генералами, а равно профессорами военной академіи, въ то время подчиненной графу Ростовцеву. Неудовлетворительность способовъ образованія офицеровъ принималъ къ сердцу особенно профессоръ военной администраціи П. С. Лебедевъ, редакторъ «Русскаго Инвалида».

Между тѣмъ статьи „Военнаго Сборника", особенно талантливая статья „Изнанка крымской войны", дѣлали важныя разоблаченія и раскрывали глубокія язвы въ нашей администраціи. Въ то время каждый могъ говорить, что думалъ о причинахъ неудачъ крымской кампаніи. Разоблаченія періодической печати охватывали разныя стороны быта русскихъ войскъ въ минувшее царствованіе: системы содержанія, образованія войскъ, образованія офицеровъ и т. п.

Ридигеръ представилъ въ 1856 г. соображенія объ устройствѣ юнкерскихъ школъ, корпусныхъ и дивизіонныхъ, приблизительно на 3,000 юнкеровъ и вольноопредѣляющихся. Государь одобрилъ его проектъ и для начертанія „положенія о юнкерскихъ школахъ" повелѣлъ учредить комитетъ подъ предсѣдательствомъ самого Ридигера; въ составъ комитета были назначены генералъ-адъютанты: Ростовцевъ, Катенинъ (дежурный генералъ), графъ Барановъ, генералъ-лейтенантъ Энгельгардтъ и свиты е. в. генералъ-маіоръ Милютинъ (въ то время уже оставившій профессорскую каѳедру въ военной академіи).

Но скоро умеръ графъ Ридигеръ; его предсѣдательское мѣсто занялъ генералъ-адъютантъ Плаутинъ; Д. А. Милютинъ вызванъ на Кавказъ. Труды комитета, въ которомъ дѣятельное участіе принималъ также и графъ Ламбертъ (назначенный впослѣдствіи въ Варшаву), выразились тѣмъ, что составленный проектъ былъ представленъ военному министерству 20 мая 1857 года, для внесенія въ военный совѣтъ, который, на случай открытія училищъ, опредѣлилъ вносить въ смѣту по коммисаріатскому департаменту изъ остатковъ 200,000 р.

Проектъ, однако, подлежалъ предварительному разсмотрѣнію начальника главнаго штаба его величества по военно-учебнымъ заведеніямъ Ростовцева, который, а равно какъ и Герштенцвейгъ, назначенный дежурнымъ генераломъ на мѣсто Катенина, представляли болѣе или менѣе существенныя препятствія, дѣлали затрудненія и на нѣсколько лѣтъ похоронили дѣло объ устройствѣ училищъ.

Digitized by Google

II.

Обратимся къ другимъ фактамъ, которые не могли остаться безъ вліянія на принятіе рѣшительныхъ мѣръ къ реформѣ военно-учебной части въ Россіи.

Въ тридцатыхъ годахъ надѣялись улучшить комплектованіе арміи офицерами посредствомъ развитія военно-воспитательныхъ заведеній для малолѣтнихъ дворянъ. Съ этою цѣлью были открыты послѣдовательно новые корпуса въ губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ—въ Полоцкѣ, Полтавѣ, Брестѣ, Орлѣ, Воронежѣ. Открытіе корпусовъ происходило въ присутствіи Я. И. Ростовцева, который, какъ видно изъ его писемъ къ великому князю Михаилу Павловичу, велъ переговоры съ предводителями и другими именитыми дворянами, стараясь вызвать пожертвованія дворянства въ подмогу значительныхъ затратъ государственной казны на ихъ устройство.

Въ теченіе 30 лѣтъ, съ 1825 по 1855 г., изъ всѣхъ кадетскихъ корпусовъ въ офицеры выпущено было въ сложности 17,754 человѣка, т. е. среднимъ числомъ ежегодно до 575 человѣкъ. Въ послѣднія 15 лѣтъ, съ 1841 по 1855 г., на содержаніе кадетскихъ корпусовъ употреблено было болѣе 37 милл. рублей и въ офицеры выпущено 8,795 чел. (въ годъ по 585 чел.).

При полномъ своемъ развитіи, военно-учебныя заведенія (съ 8,400 воспитанниковъ) могли выпускать въ офицеры не болѣе 600 человѣкъ. Образованіе одного кадета еще 1835 г., по исчисленію Ростовцева, стоило въ годъ 800 руб. ассигн. [1]). Въ сороковыхъ годахъ воспитаніе каждаго офицера, выпущеннаго изъ корпуса, обходилось государству свыше 4,500 р., а съ процентомъ стоимости зданій расходы на содержаніе и образованіе каждаго офицера доходили до 6,000 руб. сер., а впослѣдствіи еще болѣе, до 8 и даже 9 тысячъ, если исключить выпускаемыхъ въ гарнизоны, къ гражданскимъ дѣламъ и юнкерами.

Изъ числа 17,754 человѣкъ, выпущенныхъ въ офицеры изъ корпусовъ, по среднему выводу ежегодно назначалось на сто: въ гвардію 16, въ артиллерію, саперы, инженеры 24, въ армію (въ грена-

---

[1]) Такъ, въ письмѣ 3 іюля 1835 г., по поводу пожертвованій дворянства Витебской губерн., которое принимало на свой счетъ содержаніе 12 кадетъ въ Полоцкомъ корпусѣ (каждый уѣздъ по одному), онъ говоритъ: „если примѣру сему послѣдуютъ дворянства и другихъ губерній, то число таковыхъ воспит. можетъ усилиться до 50, что правительству сдѣлаетъ до 40,000 р. (ассигн.) выгоды въ годъ.

Digitized by Google

лерскій и армейскіе корпуса, въ пѣхоту и въ кавалерію) 38, въ линейные батальоны болѣе 6, въ корпусъ внутренней стражи (въ гарнизонъ) болѣе 14, въ казачьи войска менѣе 3.

Замѣтимъ, что изъ числа назначенныхъ въ армію лучшіе кадеты въ послѣдніе годы шли въ стрѣлковые батальоны (съ 1841 года) и въ гренадерскій корпусъ; наоборотъ, въ гарнизонъ и линейные батальоны назначались большею частью лѣнивые и неудачные по выпуску, что ежегодно по слабости здоровья уходило до 20 челов. на службу гражданскую и что неопредѣленное число взрослыхъ кадетъ за дурное поведеніе ссылалось въ полки юнкерами [1]).

Въ сороковыхъ годахъ, когда кадетскіе корпуса были въ полной силѣ, главный контингентъ, служившій для пополненія офицерскихъ вакансій въ армейской пѣхотѣ, составляли подпрапорщики или юнкера (сыновья потомственныхъ дворянъ) и унтеръ-офицеры изъ дворянъ и вольноопредѣляющихся (сыновья личныхъ дворянъ, потомственныхъ и почетныхъ гражданъ, священно-и церковнослужителей и другихъ разночинцевъ).

Общее число такихъ лицъ, по десятилѣтней сложности съ 1833 по 1844 г., въ войскахъ пѣхоты и конницы, въ линейныхъ и гарнизонныхъ батальонахъ, достигало постоянно среднимъ числомъ до 4,600 чел., а именно: юнкеровъ 2,190 и унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ и вольноопредѣляющихся 2,470 чел. [2]).

Увеличеніе кадетскихъ корпусовъ нисколько не уменьшило наплыва вольноопредѣляющихся въ нашей арміи. Такъ, въ 1852 г., юнкеровъ и вольноопредѣляющихся во всѣхъ частяхъ арміи (т. е. за исключеніемъ гвардіи, артиллеріи и саперъ) состояло 4,409 чел. Въ теченіе войны въ 1853, 1854 и 1855 гг. поступило вновь въ ряды одной только арміи болѣе 10,000, а затѣмъ, по окончаніи войны, вслѣдствіе производства въ офицеры 7,931 чел., находилось на службѣ 6,190 человѣкъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ восточной войны, когда стали развиваться желѣзныя дороги, телеграфы и разныя частныя предпріятія—

---

[1]) Данныя эти основаны на отчетахъ бывшаго штаба военно-учебныхъ заведеній.

[2]) Мы могли бы представить данныя о числѣ вольноопредѣляющихся во всѣхъ корпусахъ арміи: гренадерскомъ, шести пѣхотныхъ, кавказскомъ и оренбургскомъ, въ линейныхъ батальонахъ: финляндскихъ, грузинскихъ, черноморскихъ и кавказскихъ, въ кавалерійскихъ дивизіяхъ, составлявшихъ резервную кавалерію, кирасирскихъ, драгунскихъ и уланскихъ.

Замѣтимъ только, что въ общемъ числѣ 4,600 чел. имѣлось въ пѣхотѣ 3,541 и въ кавалеріи 1,119 чел. Свѣдѣнія бывшаго инспект. департ.

Digitized by Google

стали ощущать недостатокъ офицеровъ въ полкахъ, вслѣдствіе оставленія рядовъ арміи, преимущественно изъ числа воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ.

На укомплектованіе открывавшихся вакансій въ мирное время на всю армію, въ которой числилось до 30,000 генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, требовалось отъ 2-хъ до $2^1/_2$ тысячъ; въ то число кадетскіе корпуса могли давать ежегодно не болѣе $^1/_6$ доли, но изъ этой доли только одна треть съ небольшимъ направлялась въ армейскую пѣхоту и конницу, между тѣмъ какъ болѣе $^2/_3$ шло въ гвардію и спеціальные роды войскъ; наконецъ, окончившіе курсъ слабо и за неодобрительное поведеніе обращались въ линейные батальоны и гарнизоны.

Какъ слабо было вліяніе кадетскихъ корпусовъ, на улучшеніе состава армейскихъ частей, слѣдуетъ сказать, что въ этихъ частяхъ (кромѣ стрѣлковыхъ баталіоновъ) офицеры изъ кадетъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ составляли не болѣе 12% въ пѣхотныхъ и 25% въ конныхъ, между тѣмъ какъ число офицеровъ изъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся достигало въ армейской пѣхотѣ 80% ($^4/_5$), въ армейской кавалеріи 66% ($^2/_3$).

Была еще третья категорія офицеровъ—это офицеры, произведенные за выслугу лѣтъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи (12 лѣтъ), или за отличіе. Въ офицеры этой категоріи попадали, большею частью, воспитанники баталіоновъ военныхъ кантонистовъ, выпускаемые на службу унтеръ-офицерами или писарями. Офицерами „изъ бурбоновъ“, какъ тогда ихъ называли, дорожили начальники войскъ, поручая имъ нестроевыя команды или вообще мѣста хлѣбныя. По понятіямъ того времени о военномъ хозяйствѣ, были особенно полезны люди подобнаго закала: они умѣли прятать концы и очень хорошо понимали свои интересы. Нѣкоторые „бурбоны“ въ арміи дѣлали карьеру не хуже родовитыхъ дворянъ, случайно попадавшихъ туда на службу или высылаемыхъ изъ гвардіи за какіе либо проступки. Число офицеровъ изъ нижнихъ чиновъ достигало въ пѣхотѣ 7% и въ кавалеріи 5% челов. Офицера изъ „бурбоновъ“ легко было отличить отъ всей прочей массы армейскихъ офицеровъ, въ которой, однако, совершенно терялись офицеры изъ кадетъ. Первые жили особнякомъ и большею частью были въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ чинами полковаго штаба; напротивъ, офицеры изъ кадетъ, по своей неопытности, легко подчинялись вліянію господствующей среды въ полку. Въ званіи ротнаго командира не было никакой уже разницы между офицеромъ изъ юнкеровъ, не получившимъ почти никакого образованія, и офицеромъ изъ

Digitized by Google

кадетъ, на воспитаніе котораго государство дѣлало, однако, значительныя затраты. Молодой, неопытный юноша, прапорщикъ изъ кадетъ, не будучи вовсе знакомъ съ требованіями службы и практическими условіями жизни, съ первыхъ же дней дѣйствительной службы нуждался въ руководителѣ—дядькѣ и взводный унтеръ-офицеръ становился его „ментором“, училъ „барина“ отправленію караульной службы, въ которой только и заключалась въ то время дѣятельность субалтернаго офицера. Въ то время много говорилось также о неудобствахъ привиллегированныхъ офицеровъ, которые, являясь изъ гвардіи въ качествѣ командировъ полковъ и отдѣльныхъ баталіоновъ, тормазили движеніе по службѣ заслуженныхъ армейскихъ полковниковъ. По этому поводу въ шестидесятыхъ годахъ завязалась серіозная полемика, особенно въ „Военномъ Сборникѣ“. Дѣйствительно, вся тяжесть восточной войны лежала на арміи.

Въ то время, когда Россія напрягала всѣ свои матеріальныя и нравственныя силы для борьбы съ врагами, когда для защиты угрожаемыхъ границъ государства, даже на отдаленномъ востокѣ, нужно было выставить болѣе милліона штыковъ, на укомплектованіе офицерскихъ вакансій, въ три года, поступило:

	Въ 1853 г.	Въ 1854 г.	Въ 1855 г.	Итого.	Средній % въ три года.
Произведенныхъ изъ воспитанниковъ кадетск. корпусовъ	690	710	688	2,148	18,7 %
Произведенныхъ изъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся	1,525	2,806	3,600	7,931	69,2 %
Произведенныхъ изъ нижнихъ чиновъ (фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ)	—	—	—	1.383	12,1 %
Всего				11,462	человѣка во всѣ роды войскъ;

но въ армейскія части, въ линейные и гарнизонные баталіоны произведено было въ офицеры: изъ кадетскихъ корпусовъ — 862 (въ годъ по 287 чел.), изъ юнкеровъ же и вольноопредѣляющихся — 7,183 (въ годъ по 2,394 чел.). Другими словами, въ каждой сотнѣ произведенныхъ въ офицеры для укомплектованія открывавшихся армейскихъ вакансій приходилось: изъ кадетъ—10 чел., изъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся—90 чел. Образованіе первыхъ стоило государству въ сложности болѣе 8 тысячъ каждаго, образованіе послѣднихъ, большею

Digitized by Google

частью прерванное или недоконченное, трудно было даже и опредѣлить въ цифрахъ. Такія данныя краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій объясняютъ поводы къ реформѣ военно-учебной части въ Россіи и оправдываютъ настоятельныя представленія наиболѣе компетентныхъ въ боевомъ дѣлѣ генераловъ.

Но вотъ еще фактъ, который нельзя оставить безъ вниманія. Главнокомандующій первою арміею князь Горчаковъ, представляя государю необходимость неотлагательнаго принятія мѣръ для правильнаго устройства въ войскахъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся, писалъ слѣдующее во всеподданнѣйшей докладной запискѣ 8-го (20-го) октября 1860 года: «Военно-учебныя заведенія почти не даютъ офицеровъ въ армію: изъ 895 воспитанниковъ, въ нынѣшнемъ году изъ кадетскихъ корпусовъ (и спеціальныхъ училищъ), назначено въ армейскіе полки только 19. Поэтому крайне трудно выбирать адъютантовъ, квартермистровъ, казначеевъ». Были полки, въ которыхъ изъ воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ не было ни одного офицера, или же ихъ было въ полку не болѣе двухъ—трехъ на 60 человѣкъ!

Въ массѣ молодыхъ людей, служившихъ главнымъ, можно сказать, естественнымъ источникомъ для формированія армейскихъ офицеровъ, находилось до 85% дворянъ, которые нигдѣ не оканчивали учебнаго курса или получали кое-какое домашнее образованіе отъ случайныхъ учителей и гувернёровъ. Учебныя заведенія, выключеніемъ неудачниковъ, создали цѣлый классъ недоучекъ, воспитаніе многихъ изъ которыхъ было прервано въ 13—14 лѣтъ; не малое число отпадало отъ учебныхъ заведеній, вслѣдствіе бѣдности родителей, не имѣвшихъ никакихъ средствъ для завершенія ихъ дѣтьми едва начатаго курса образованія. Куда дѣться родителямъ съ неудачникомъ и недоучкою куда направить недоросля, лишеннаго возможности или средствъ получать образованіе? Отвѣтъ былъ простъ: отдать въ юнкера. Это было лучшимъ выходомъ для дворянина, избалованнаго жизнью, отвыкшаго отъ всякаго умственнаго труда, а между тѣмъ не привычнаго къ труду простому, физическому. Пока былъ даровой трудъ крѣпостныхъ, мелкопомѣстный дворянинъ кое-какъ прокармливалъ свою семью, но послѣ 1861 года положеніе тысячи дворянъ-помѣщиковъ, имѣвшихъ на своихъ рукахъ взрослыхъ недоучекъ, становилось крайне тяжелымъ, безвыходнымъ, и единственнымъ выходомъ являлась военная служба.

Въ военную армейскую службу съ давнихъ поръ направляли дѣтей своихъ обѣднѣвшіе дворяне Россіи и Царства Польскаго; только въ исключительныхъ случаяхъ вольноопредѣляющимися въ армію поступали дѣти зажиточныхъ дворянъ и богатыхъ купцовъ, когда уже, за всѣми испытанными лазейками и по недостатку образованія, некуда

Digitized by Google

было дѣваться. И для неимущихъ неучей, и для избалованныхъ «маменькиныхъ сынковъ» военная служба представляла вѣрный и легчайшій способъ стать на хорошую, а то и на завидную дорогу.

Къ пестрой массѣ сыновей титулованныхъ и нетитулованныхъ дворянъ, генеральскихъ избалованныхъ сынковъ, да кадетъ, исключенныхъ за дурное поведеніе, нужно присоединить незначительное число дѣтей разныхъ другихъ сословій съ правами четырехъ и шестилѣтней службы въ нижнемъ чинѣ, до производства въ офицеры.

Полковая жизнь не вносила въ среду этой молодежи, безвременно оторванной отъ науки и привычной къ разгулу и бездѣлью, ни образованія, ни военнаго воспитанія. Въ полкахъ не въ состояніи были занимать чѣмъ-либо умъ юнкеровъ, да и не имѣли средствъ для того, чтобы удерживать массу молодыхъ людей съ превратными наклонностями, легкомысленныхъ шалуновъ или совершенно облѣнившихся отъ бездѣлія и праздной жизни.

И что могъ бы сдѣлать полковой командиръ съ людьми, пріобрѣтавшими еще до поступленія въ военную службу превратныя умственныя понятія, съ людьми, частью уже изломанными жизнью, или же съ такими нравственными уклоненіями, съ какими не могла справляться ни семья, ни правильно устроенное воспитательное заведеніе... Родители и опекуны толкали несчастныхъ сыновей своихъ въ юнкера, пусть, молъ, служитъ офицеромъ, тамъ его исправятъ! Между тѣмъ, при отсутствіи дѣйствительнаго наблюденія за вольноопредѣляющимися въ армейскихъ полкахъ, пускались въ ходъ угрозы и наказанія; но такія отрицательныя мѣры, при отсутствіи положительныхъ, никогда не поднимутъ душевныхъ силъ. Каждый человѣкъ на что-либо да употребляетъ свои силы, а если мы не позаботимся употреблять ихъ на хорошее дѣло, то онѣ грубѣютъ и еще сильнѣе втягиваютъ насъ въ болотную тину.

Единственнымъ стимуломъ для поднятія образованія юнкеровъ и вольноопредѣляющихся, казалось, былъ экзаменъ на производство въ офицеры по такъ называемой программѣ 6-го мая 1844 года, отъ котораго освобождались только имѣвшіе аттестатъ объ окончаніи гимназическаго курса. Послѣдніе производились въ прапорщики или корнеты безъ экзамена по прослуженіи одного года. Но юнкеровъ одногодниковъ служило столь ограниченное число въ арміи, что на этомъ вопросѣ не стоитъ и останавливаться. Мы говоримъ о юнкерахъ-дворянахъ, служившихъ на двухъ-лѣтнемъ правѣ, которые обязаны были подвергаться экзамену изъ нѣкоторыхъ предметовъ, въ объемѣ курса уѣздныхъ училищъ, съ присоединеніемъ устава о строевой службѣ (не далѣе баталіоннаго ученія въ пѣхотѣ и полковаго—

Digitized by Google

въ кавалеріи). Замѣтимъ, что эта программа 1844 г. не требовала отъ будущихъ офицеровъ ни знанія гарнизонной (караульной) службы, ни знакомства, хотя бы элементарнаго, съ тактикой, фортификаціей и топографіей. Таковы были принципы линейной тактики въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ; эти принципы пошатнулись только послѣ тяжкихъ, кровавыхъ уроковъ Восточной войны. До этой войны полагали, что для стройнаго движенія массы въ линіяхъ колоннъ или развернутымъ фронтомъ, отъ офицера нужно требовать только одного—знанія фронта и повиновенія командѣ для стройнаго движенія массою. Здѣсь приходятъ невольно на умъ положенія «о волонтёрахъ» Петра Великаго, который, въ своемъ Уставѣ 1716 года, рекомендовалъ производить въ офицеры вольноопредѣляющихся, свѣдущихъ въ военныхъ наукахъ и аттестованныхъ во всѣхъ отношеніяхъ достойными носить офицерское званіе. «Ежели волонтёры не токмо въ военныхъ экзерціяхъ при кавалеріи и инфантеріи, но и въ прочихъ военныхъ наукахъ, а особливо въ артиллеріи и фортификаціи, обучены, то толь лучше еще могутъ при нѣкоторыхъ акціяхъ въ томъ себя оказать и отъ другихъ, которые въ такихъ наукахъ неискусны, отмѣниться, и скорѣе чинъ получить». И еще: «Однако жъ, потребно есть, чтобъ оные себя честно, трезво, умѣренно, учтиво и храбро вели и поступали: понеже изъ ихъ добровольныхъ, а непонужденныхъ дѣлъ и поступка легко разсудить, какую пользу и плодъ при будущемъ повышеніи отъ его службы уповать можно».

Можетъ быть, это слишкомъ старо! Во всякомъ случаѣ уроки прошедшаго у насъ, какъ видно, забывали... Программѣ 1844 года большинство вольноопредѣляющихся удовлетворить не могли; экзамены при корпусныхъ и дивизіонныхъ штабахъ обращались въ пустую формальность; въ штабѣ выдавались фиктивныя аттестаціи съ удовлетворительными отмѣтками завѣдомымъ невѣждамъ. И могло ли быть иначе, не смотря на строгіе циркуляры инспекторскаго департамента. Ихъ обыкновенно клали подъ сукно, когда являлась нужда въ пополненіи открывавшихся въ полкахъ штатныхъ офицерскихъ вакансій. Поэтому всякая кампанія обращала эти циркуляры въ мертвую букву. Кто изъ офицеровъ генеральнаго штаба, обязанныхъ производить экзамены въ комиссіи подъ предсѣдательствомъ оберъ-квартирмейстера корпуса, не знакомъ съ этою, тягостною для нравственнаго чувства, формальностью. Подписывать экзаменный листъ юнкеру N, не знающему даже грамоты, приходилось скрѣпя сердце, и это было въ первые года послѣ Восточной войны, которую мы и проиграли по своему невѣжеству. На подобное послабленіе военное начальство давно привыкло смотрѣть сквозь пальцы, лишь бы соблюдены были формальности на бумагѣ.

Digitized by Google

Послѣ войны съ венграми, прославившей русское оружіе, къ военному дѣлу стали относиться въ арміи спустя рукава, съ нѣкоторою даже самоувѣренностью. Внѣшняя сторона въ строю казалась блистательною, но внутри его все проржавѣло.

И въ голову никому тогда не приходило обучать взрослыхъ недорослей военному дѣлу, да и зачѣмъ ихъ обучать, когда они такъ хорошо знали ружейные пріемы и имѣли нужныя снаровки для движенія развернутымъ баталіономъ. Качество офицера мѣрилось, странно сказать, не чѣмъ инымъ, какъ выслугою опредѣленнаго числа лѣтъ въ нижнемъ чинѣ; поэтому въ офицеры легко попадали унтеръ-офицеры, бывшіе воспитанники баталіоновъ военныхъ кантонистовъ, рѣже—сданные по рекрутскому набору. А въ иномъ полку столбовой дворянинъ засаживался на вѣкъ юнкеромъ. Только немногіе прозорливые и опытные боевые начальники (напримѣръ, графъ Ридигеръ, командовавшій третьимъ корпусомъ въ Венгерскую войну, Данненбергъ—4-мъ, Лидерсъ—5-мъ и другіе) думали иначе: они пытались установить въ полкахъ сборныя команды юнкеровъ, чтобы не только обучать ихъ строю, но и занимать тѣми науками, какія нужны военному человѣку, будущему офицеру. Они мечтали воскресить «юнкерскія школы», на подобіе бывшихъ когда-то при штабахъ 1-й и 2-й армій, въ Тульчинѣ и Могилевѣ на Днѣстрѣ, и производить въ офицеры не иначе, какъ окончившихъ курсъ этихъ школъ.

Однако, юнкерскимъ командамъ, устроеннымъ на скорую руку передъ Венгерскою войною, не посчастливилось: то выходила непріятная исторія, то разбивали публичный домъ, то являлся неожиданно какой-либо скандалъ. Послѣ Венгерской войны кое-кто изъ начальниковъ подумывалъ о возобновленіи сбора юнкеровъ въ полковыя команды. Но тутъ возникали вопросы: на какія средства содержать эти команды? гдѣ взять учителей? кому поручить надзоръ за ними? Эти вопросы требовали серіознаго размышленія, а содержаніе команды на счетъ экономическихъ суммъ полковъ не могло нравиться въ то время, когда всякая экономія была на счету у командира полка. Порядочныхъ учителей не было даже въ гимназіяхъ. Да и зачѣмъ учить, когда и безъ науки бьемъ враговъ и въ Венгріи, и на Кавказѣ? Такъ разсуждали тогда не только армейскіе генералы, но и болѣе высокопоставленные начальники. При такихъ условіяхъ наступила въ 1853 г. Восточная война.

Digitized by Google

III.

Пока «комитетскій проектъ» о юнкерскихъ школахъ съ 1858 г. лежалъ подъ сукномъ, а въ смѣты военнаго министерства вписалась сумма въ 200,000 руб. къ условному отпуску на случай открытія училищъ (впрочемъ, совѣтъ министерства финансовъ исключилъ изъ бюджета на 1860 г. эти деньги, осенью 1859 г.), произошло слѣдующее: 1) школа подпрапорщиковъ 4-го корпуса въ Воронежѣ, открытая въ 1856 году, давала столь очевидные результаты, что по ея образцу начали устраивать, съ 1860 года, юнкерскія школы въ корпусахъ 1-й арміи и даже въ нѣкоторыхъ дивизіяхъ. 2) Константиновскій кадетскій корпусъ, 14-го мая 1859 года, переименованъ въ военное училище, а кадеты и экстерны (приходящіе) названы «юнкерами», состоящими на дѣйствительной службѣ, съ обращеніемъ военнаго заведенія воспитательнаго—въ военное заведеніе служебное. Такъ различали тогда Константиновскій корпусъ отъ другихъ кадетскихъ корпусовъ.

Эти событія произошли до кончины Ростовцева, бывшаго тогда полнымъ хозяиномъ военно-учебнаго вѣдомства, къ которому военный министръ, генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, имѣлъ лишь косвенное отношеніе.

Необходимо остановиться на такихъ важныхъ событіяхъ, случившихся за нѣсколько лѣтъ до начала общей военно-учебной реформы въ 1863 году, и спокойно обсудить ближайшіе поводы къ коренному перевороту всей военно-воспитательной системы.

Къ устройству училища подпрапорщиковъ 4-го корпуса приложили особенное стараніе корпусный командиръ баронъ Врангель, начальникъ штаба корпуса баронъ Дельвигъ и оберъ-квартирмейстеръ, полковникъ Вессель. Первому удалось исходатайствовать средства на вознагражденіе начальника школы (маіора Агламазова), трехъ строевыхъ офицеровъ и преподавателей, изъ числа офицеровъ генеральнаго штаба, а равно на обзаведеніе учебниками и учебными пособіями и убѣдить воронежскаго губернатора объ отведеніи подъ училище отъ города приличнаго помѣщенія, съ платою изъ суммъ квартирной комиссіи по 1,400 руб. с. въ годъ. Полковникъ Вессель, въ качествѣ инспектора училища, установилъ учебную часть, составилъ программы, выбралъ учебники и назначилъ преподавателей, отличавшихся любовью къ дѣлу. Въ двухъ классахъ преподавались общіе и военные предметы: Законъ Божій, русская словесность, алгебра и геометрія; географія и исторія проходились почти въ объемѣ старшихъ двухъ классовъ общаго курса кадетскаго корпуса. Военныя же науки—тактика, артиллерія, фортификація, топографія

Digitized by Google

съ ситуаціоннымъ черченіемъ и законовѣдѣніе, со включеніемъ военно-уголовныхъ законовъ и судопроизводства, преподавались въ объемѣ спеціальнаго курса кадетскаго корпуса, за исключеніемъ судопроизводства, которое не входило въ курсъ кадетскаго образованія. Такимъ образомъ, юнкера Воронежскаго училища въ два года должны были изучать почти то же самое, на что въ кадетскомъ корпусѣ употреблялось четыре года. Очевидно, что подобная постановка учебнаго курса была разсчитана на хорошо подготовленныхъ, наиболѣе талантливыхъ и способныхъ юношей. И первоначально въ училище принимались юнкера, хорошо подготовленные и наиболѣе способные.

Въ дѣйствительности-же, въ составѣ вольноопредѣляющихся всего корпуса было немного выдавшихся по своей подготовкѣ и способностямъ молодыхъ людей; познанія большинства не могли идти далѣе курса уѣзднаго училища или требованій программы 6-го мая 1844 г.

Лѣтомъ 1858 года Воронежское училище посѣтилъ генералъ-квартирмейстеръ баронъ Ливенъ, который произвелъ выпускнымъ испытаніе въ наукахъ и строевой службѣ и въ своемъ докладѣ, представленномъ 13-го августа военному министру Сухозанету, изложивъ весь ходъ учебныхъ и строевыхъ занятій, сочувственно отнесся къ благому начатію училища на пользу образованія армейскихъ офицеровъ и ходатайствовалъ о немедленномъ производствѣ въ офицеры успѣшно окончившихъ курсъ юнкеровъ, не стѣсняясь сроками выслуги на дѣйствительной службѣ, и притомъ исключительно въ войска 4-го корпуса. Ту же мысль въ своей запискѣ приводилъ графъ Ридигеръ еще ранѣе, въ 1856 году, и о томъ же представлялъ начальникъ штаба корпуса баронъ Дельвигъ въ 1858 году. Но пока существовали въ силѣ законоположенія о производствѣ по правамъ происхожденія, то есть не иначе, какъ по выслугѣ въ званіи нижнихъ чиновъ двухъ, четырехъ, шести и двѣнадцати лѣтъ, представленія барона Дельвига и ходатайство генералъ-квартирмейстера были отклоняемы. Генералъ Ростовцевъ въ этомъ усматривалъ нарушеніе привиллегіи корпусному образованію, генералъ Герштенцвейгъ видѣлъ обходъ буквы закона.

Дежурный генералъ, руководствуясь силою закона, даннаго въ сороковыхъ годахъ, въ своемъ рапортѣ командиру 4-го корпуса, отъ 24-го февраля 1859 года, писалъ слѣдующее: «относительно производства слѣдуетъ руководствоваться общими правилами; тѣ, которые при опредѣленіи на службу выдерживали въ наукахъ экзаменъ по программѣ (6-го мая 1844 года), приложенной къ 7 ст. V т. Св. Воен. Пост., по 5-му продолженію, не смотря на малые успѣхи въ наукахъ, производятся въ офицеры за выслугу лѣтъ, если по поведенію, усердію къ службѣ и знанію фронта, будутъ того заслуживать; ибо хотя учрежденіе этого училища удостоено высочайшаго одобренія, но

Digitized by Google

дѣйствія, которымъ бы отмѣнены были установленные экзамены для производства дворянъ и вольноопредѣляющихся, по вышеупомянутой программѣ (т. е. 6-го мая, при корпусныхъ и дивизіонныхъ штабахъ) не существуетъ, а равно и повелѣнія, воспрещающаго производство не выдержавшихъ экзаменъ въ юнкерскомъ училищѣ по программѣ, не послѣдовало».

Слѣдовательно, одинъ изъ органовъ военнаго министерства отрицалъ то, что другой органъ того же министерства, департаментъ генеральнаго штаба, считалъ необходимымъ: первый стоялъ на буквѣ закона, послѣдній указывалъ, что условія и обстоятельства службы въ арміи измѣнились и обратили этотъ законъ въ мертвую букву. Генералъ Ростовцевъ, между тѣмъ, продолжалъ отстаивать преимущества корпусовъ, полагая, что школы, подобныя Воронежской, убьютъ военно-учебныя заведенія.

Инспекторскій департаментъ вмѣстѣ съ штабомъ его выс. по военно-учебнымъ заведеніямъ, или лучше сказать, представители двухъ высшихъ установленій, Герштенцвейгъ и Ростовцевъ, дѣйствовали вопреки стремленію и департамента генеральнаго штаба, и лучшихъ представителей арміи, признававшихъ необходимость помогать войскамъ посредствомъ образованія юнкеровъ въ школахъ и неоднократно указывавшихъ на преимущества въ служебномъ отношеніи такихъ офицеровъ, даже передъ офицерами изъ кадетъ. На практикѣ, между тѣмъ, выходило, что окончившіе курсъ съ успѣхомъ юнкера и унтеръ-офицеры изъ дворянъ продолжали служить въ званіи нижняго чина, а сверстники ихъ, полные невѣжды, выпущенные за дурное поведеніе изъ корпусовъ, производились въ офицеры! Однако, и такое ненормальное положеніе вопроса о правахъ по выпуску окончившихъ курсъ въ училищѣ 4-го корпуса не препятствовало его процвѣтанью. Даже болѣе — оно стало образцомъ для учрежденія другихъ юнкерскихъ школъ въ войскахъ и, какъ увидимъ сейчасъ, косвенно послужило образцомъ для реформы Константиновскаго корпуса въ военное училище.

Положеніе объ «училищѣ подпрапорщиковъ 4-го корпуса» было напечатано при департаментѣ генеральнаго штаба въ 1860 г. и разослано для свѣдѣнія во всѣ части арміи, а вслѣдъ за симъ отъ главныхъ начальниковъ войскъ въ военное министерство стали поступать настоятельныя ходатайства объ учрежденіи подобныхъ-же училищъ. Ходатайство свое начальники подкрѣпляли указаніями на недостатокъ образованныхъ офицеровъ изъ кадетскихъ корпусовъ, на крайне тяжелое положеніе вольноопредѣляющихся въ войскахъ; нѣкоторые военные начальники въ своихъ представленіяхъ доказывали недостаточность практической подготовки въ строевомъ дѣлѣ тѣхъ немногихъ офицеровъ, изъ кадетъ, которые поступали въ армейскія части.

Digitized by Google

Мы уже сказали о всеподданнѣйшей докладной запискѣ князя Горчакова, главнокомандующаго 1-й арміей. Въ этой запискѣ онъ указывалъ на необходимость безотлагательнаго разрѣшенія устройства въ частяхъ ввѣренной ему арміи школъ двухъ категорій съ годичнымъ курсомъ: полковыхъ — для менѣе подготовленныхъ вольноопредѣляющихся, и дивизіонныхъ—для лицъ, прошедшихъ полковыя школы или окончившихъ курсъ гимназій, служившимъ на 6-ти мѣсячн. и годовомъ правѣ. Въ первыхъ школахъ, или командахъ, полагалось проходить общіе предметы по программѣ 6-го мая 1844 г.; въ дивизіонныхъ же школахъ—математику, начальныя основанія военныхъ наукъ (тактику, фортификацію, артиллерію или курсъ объ оружіи), топографію, дѣлопроизводство, придерживаясь программы училища 4-го корпуса. Въ то время въ 1-й арміи состояло 1,500 дворянъ и вольноопредѣляющихся, и для нихъ, по проекту князя Горчакова, полагалось устроить 36 полковыхъ (по 20 чел. въ каждой) и 9 дивизіонныхъ школъ (по 80 чел. въ каждой). На содержаніе всѣхъ школъ 1-й арміи съ 1,440 юнкеровъ требовалось 54,000 руб.

Нельзя не замѣтить, что программы, составленныя въ штабѣ 1-й арміи оберъ-квартирмейстеромъ Черницкимъ, ближе отвѣчали среднему уровню образованія юнкеровъ, чѣмъ программы 4-го корпуса, но самый проектъ устройства школъ, въ полкахъ и дивизіяхъ, оказался сложнымъ и неудобо-осуществимымъ. Особенно неудобна была раздробленность школъ по полкамъ и дивизіямъ. Представленію князя Горчакова данъ былъ надлежащій ходъ; но вмѣсто 45 полковыхъ и дивизіонныхъ школъ, на 1,440 обучающихся юнкеровъ, военное министерство полагало (въ апрѣлѣ 1860 г.) устроить три училища, при штабахъ 1, 2 и 3 армейскихъ корпусовъ, на 600 юнкеровъ (по 200 въ каждомъ), съ двухъ-лѣтнимъ курсомъ, съ тѣмъ, чтобы на содержаніе каждаго корпуснаго училища, согласно положенію училища 4-го корпуса, опредѣлено было изъ остатковъ интендантства 1-й арміи по 13,500 р. Эти соображенія военнаго министра Сухозанета получили высочайшее разрѣшеніе (21 августа 1861 г.).

Занятія съ вольноопредѣляющимися, которыхъ на зиму собирали въ полкахъ въ 1-й арміи еще съ осени 1858 года, не получили желаемой военнымъ начальствомъ постановки; только въ нѣкоторыхъ полкахъ, благодаря особенному вниманію командировъ, въ занятіяхъ строевою службою и науками введена была надлежащая система. Юнкера занимались усердно и, не смотря на то, что многіе изъ нихъ, достигнувъ 25 лѣтъ и болѣе, отвыкли отъ умственной работы, оказывали хорошіе успѣхи, напримѣръ, какъ намъ извѣстно, въ Новоингерманландскомъ полку, расположенномъ въ гор. Вильнѣ, командиръ котораго,

Digitized by Google

полковникъ Насакинъ, старался сдѣлать что-либо для поднятія образованія юнкеровъ. Съ этою цѣлью юнкерамъ, въ зимніе мѣсяцы, преподавались элементарныя свѣдѣнія изъ тактики и фортификаціи, повторялись уставы и общіе предметы по программѣ 1844 г. Экзаменъ, произведенный юнкерамъ весною 1859 года, въ присутствіи начальника корпуснаго штаба Минквица, вызвалъ полное одобреніе.

По ходатайству главнокомандующаго 1-й арміей разрѣшено было открыть училище при штабахъ 1, 2 и 3 корпусовъ, по образцу воронежскаго училища, на 200 человѣкъ каждое, не ожидая высочайшаго утвержденія. Такимъ образомъ, въ исходѣ 1860 года появились корпусныя юнкерскія училища въ Вильнѣ, Новогеоргіевскѣ и Житомірѣ, о чемъ и дано знать военному министру 3 октября и 12 ноября 1860 г. Въ училищѣ должны были руководствоваться инструкціей главнокомандующаго (приложенной къ приказу военнаго министра 1 іюля 1860 г., № 131), которая предписывала — въ младшемъ классѣ преподавать общіе предметы, по программѣ 6 мая 1844 г., съ добавленіемъ Закона Божія; въ старшемъ классѣ проходить тѣ военные предметы, какіе преподавались въ училищѣ 4-го корпуса, съ замѣною артиллеріи курсомъ о ручномъ огнестрѣльномъ оружіи. Для производства выпускныхъ экзаменовъ назначить особую комиссію подъ предсѣдательствомъ генерала, по избранію главнокомандующимъ, изъ начальника штаба или оберъ-квартирмейстера и двухъ или трехъ офицеровъ генеральнаго штаба. Выдержавшихъ успѣшно экзаменъ и выслужившихъ срокъ службы, по происхожденію, производить не по старшинству выслуги лѣтъ, а въ порядкѣ старшинства суммы балловъ; но имѣющимъ знаки отличія военнаго ордена, раны и бывшимъ въ дѣлахъ отдавать старшинство противъ сверстниковъ.

Едва училища 1-й арміи открыли свои дѣйствія, какъ наступила польская смута, отраженія которой опасались въ Вильнѣ и Житомірѣ, поэтому училища 1 и 3 корпусовъ были закрыты; училище же 2-го корпуса переведено было изъ Новогеоргіевска сначала въ Ловичъ, а потомъ въ Варшаву, гдѣ оно и сохранилось подъ именемъ «юнкерскаго училища войскъ Царства Польскаго», и удержалось, можно сказать, случайно, до общаго рѣшенія вопроса о юнкерскихъ училищахъ при округахъ во всей арміи. Въ этомъ отношеніи особенную услугу, какъ кажется, оказалъ генералъ Черницкій.

Между тѣмъ общее передвиженіе войскъ 1-го резервнаго (бывшаго 4-го) корпуса изъ Воронежской губерніи въ Курскую для приближенія ихъ къ предѣламъ сѣверо-западныхъ губерній, лѣтомъ 1863 года, привело къ упраздненію и воронежскаго училища подпрапорщиковъ, не смотря на то, что, существуя 7 лѣтъ, оно успѣло получить хорошее устройство, подготовило для своего корпуса 219

Digitized by Google

офицеровъ, которыми въ войскахъ были весьма довольны, и стало, можно сказать, моделью для устройства подобныхъ учебно-служебныхъ заведеній въ Россіи. Ходомъ занятій и результатомъ этого училища заинтересовано было уже давно военное министерство.

Заступившему мѣсто умершаго въ 1862 году полковника Весселя, подполковнику Бобровскому предписано было, по ознакомленію съ положеніемъ учебной части и внутренняго порядка въ училищѣ, представить свои соображенія въ комиссію при инспекторскомъ департаментѣ. Новый оберъ-квартирмейстеръ 1-го резервнаго корпуса исходатайствовалъ разрѣшеніе начальника штаба, А. П. Никитина, понизить требованія по программѣ какъ общихъ, такъ равно и спеціальныхъ предметовъ [1]), и, воспретивъ подпрапорщикамъ, имѣвшимъ средства, жить на частныхъ квартирахъ, разрѣшить увольненіе со двора ежедневно не долѣе, какъ до вечерней зари, съ тѣмъ, чтобы всѣ юнкера обязательно ночевали въ училищѣ.

Лѣтомъ подпрапорщики, по обыкновенію, выступали въ свой лагерь, гдѣ обучались строю, гимнастикѣ, фехтованію, стрѣльбѣ въ цѣль, дѣланію патроновъ, разбивкою и постройкою полевыхъ укрѣпленій, глазомѣрною съемкою, примѣненію къ мѣстности и полевой службѣ. Но въ концѣ іюня 1863 года, вслѣдствіе передвиженія войскъ 1-го резервнаго корпуса въ Курскую губернію, какъ сказано, послѣдовало распоряженіе о закрытіи училища: юнкера были разосланы въ полки, имущество же училища сдано командиру батальона внутренней стражи, а библіотека оставлена при штабѣ и впослѣдствіи перевезена была въ Курскъ. Подробный отчетъ оберъ-квартирмейстера о состояніи воронежскаго училища (общія начала устройства, порядокъ занятій, начальствующія лица, власть ихъ по наложенію взысканій, права при выпускѣ, постановка учебной части, содержаніе юнкеровъ и хозяйство училища), представленный въ военное министерство, былъ впослѣдствіи напечатанъ въ «Военномъ Сборникѣ».

Послѣ восточной войны были открыты юнкерскія школы еще и при нѣкоторыхъ дивизіяхъ, также двухклассныя: въ младшемъ классѣ повторялись предметы, по программѣ 6-го мая, и уставы, а въ старшемъ преподавались военныя науки, стрѣлковое дѣло и уставы; лѣтомъ же юнкера производили съемку и разбивку укрѣпленій (таковыя

---

[1]) Въ составѣ учащихся юнкеровъ въ 1862—63 году въ воронежскомъ училищѣ находилось: неокончившихъ курсъ гимназій и семинарій 26,85%, вышедшихъ изъ низшихъ классовъ гимназій (не далѣе 3-го класса), окончившихъ и неокончившихъ курса уѣздныхъ училищъ и получившихъ неудовлетворительное домашнее образованіе 48,54%, выписанныхъ изъ кадетскихъ корпусовъ на различные сроки (отъ 2-хъ до 5 лѣтъ) по неуспѣхамъ или за дурное поведеніе 24,61%.

Digitized by Google

училища были: въ 16, 17 и 23 дивизіяхъ). Но эти школы были также закрыты при началѣ польской смуты, вслѣдствіе ожидаемаго передвиженія войскъ.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще о «Военной школѣ въ Финляндіи», устроенной начальникомъ 21-й дивизіи Мандерштерномъ, съ цѣлью обученія русскому языку и военнымъ наукамъ на этомъ языкѣ подпрапорщиковъ и унтеръ-офицеровъ изъ вольноопредѣляющихся финляндскихъ уроженцевъ. Она была открыта 6 декабря 1846 года на основаніи высочайше одобреннаго положенія 18 сентября 1845 года; впослѣдствіи, въ 1861 году, графъ Бергъ призналъ нужнымъ сдѣлать въ школѣ, названной «юнкерскимъ училищемъ войскъ, въ Финляндіи расположенныхъ» (положеніе 6 мая 1861 г.), замѣтныя улучшенія, и исходатайствовать на содержаніе училища, въ подкрѣпленіе къ штатнымъ суммамъ, ежегодную субсидію отъ военнаго министерства на сумму въ 3,000 руб.

Въ теченіе 15 лѣтъ (съ 1848 по 1862 г.) финляндское училище подготовило болѣе 200 офицеровъ. Въ немъ были допущены и пансіонеры, дѣти мѣстныхъ чиновниковъ, русскіе уроженцы. На содержаніе училища расходовалось среднимъ числомъ до 7,000 руб., такъ что образованіе каждаго юнкера стоило въ годъ менѣе 100 рублей (98 р. 93$^{4}/_{5}$ коп.), кромѣ провіанта, отпускавшагося въ натурѣ отъ казны, и помѣщенія, даннаго городомъ Гельсингфорсомъ.

Итакъ, до начала общей реформы военно-учебныхъ заведеній, почти во всѣхъ частяхъ арміи были уже устроены или намѣчены къ устройству учебныя заведенія. Изъ всѣхъ этихъ школъ—училище 1-го резервнаго (бывшаго 4-го) корпуса въ Воронежѣ было заведеніемъ уже достаточно благоустроеннымъ и результаты этого училища за 7 лѣтъ были извѣстны комиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ графа Сиверса, съ цѣлью устройства училищъ. Въ арміи, стало быть, послѣ окончанія восточной крымской войны, какъ бы сами собою, подъ вліяніемъ насущной потребности, возникли училища подъ различными названіями и имѣвшія не одинаковый составъ предметовъ обученія, условныя средства для содержанія, но одну и ту же общую цѣль—образованіе строевыхъ офицеровъ изъ среды подпрапорщиковъ, юнкеровъ и унтеръ-офицеровъ изъ вольноопредѣляющихся, между которыми большинство были потомственные дворяне, или недоучки, или неудачники.

Digitized by Google

ВЪ ВИДУ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.

Замѣтки дипломата при петербургскомъ и лондонскомъ дворахъ

1852—1855.

Въ 1886 году изданы въ Штутгардтѣ воспоминанія графа Фицтума-фонъ-Экштедта, бывшаго, въ 1852 году, саксонскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ, а потомъ назначеннаго посланникомъ въ Лондонъ.

Записки эти явились подъ заглавіемъ: «St.-Petersburg und London in den Jahren 1852—64». Начало ихъ относится къ одному изъ интереснѣйшихъ моментовъ царствованія императора Николая Павловича (преддверію Крымской войны) и представляютъ новыя данныя для характеристики какъ самого государя, такъ и приближенныхъ къ нему лицъ изъ высшаго петербургскаго общества того времени.

Хотя графъ Фицтумъ къ нѣкоторымъ вещамъ относится съ своей, «иностранной», точки зрѣнія и обнаруживаетъ, въ иныхъ случаяхъ, непониманіе русской жизни, тѣмъ не менѣе, записки его, изложенныя весьма объективно, заслуживаютъ вниманія и представляютъ не мало страницъ, занимательныхъ для русскаго читателя.

Вслѣдствіе сего, мы представляемъ здѣсь извлеченія изъ этихъ записокъ, касающіяся пребыванія гр. Фицтума въ Россіи (куда онъ пріѣхалъ въ началѣ іюня 1852 года); что касается до послѣдующихъ его воспоминаній, мы извлечемъ изъ нихъ лишь то, что непосредственно касается нашего отечества и политическаго положенія дѣлъ въ послѣдніе годы царствованія императора Николая I.

Digitized by Google

I.

Въѣздъ въ Петербургъ по величественной Невѣ, въ тотъ часъ, когда золотой куполъ Исаакіевскаго собора ярко просвѣчиваетъ сквозь утренній туманъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто внушительное. Первое впечатлѣніе вскорѣ, однако, исчезаетъ, потому что Петербургъ, съ его обширными, но пустынными площадями, съ его безконечными, широкими, но безлюдными, сравнительно съ Парижемъ и Лондономъ, улицами—носитъ на себѣ или тогда носилъ (по крайней мѣрѣ, лѣтомъ) отпечатокъ провинціальнаго города. Въ этомъ морѣ домовъ, выдвинутыхъ изъ бездонной топи волею могучаго властителя, видишь сейчасъ же, что здѣсь и почва и человѣческая жизнь не имѣютъ той же цѣнности, какъ въ болѣе древнихъ и естественно-разросшихся большихъ городахъ. Подобно тому, какъ импровизированнымъ центральнымъ пунктамъ Австраліи и Америки, такъ и русской столицѣ не достаетъ историческаго освященія, такъ что, вопреки всему, сдѣланному для Петербурга Петромъ I и Екатериною II, вполнѣ понимаешь, что русскіе стараго закала признаютъ Москву за единственную и настоящую столицу государства.

Въ самый день моего прибытія я, между прочимъ, познакомился съ личностію, которая вскорѣ послѣ того пріобрѣла большую извѣстность. То былъ морской министръ, генералъ-адъютантъ князь А. С. Меншиковъ—человѣкъ уже престарѣлый, благообразный, высокаго роста и отмѣнно вѣжливый; на губахъ его играла та саркастическая улыбка, которою онъ обыкновенно сопровождалъ свои знаменитыя остроты. Князь принадлежалъ къ числу немногихъ лицъ, которыя пользовались полнымъ довѣріемъ императора Николая и осмѣливались все высказывать ему. Дѣлать это, конечно, нужно было осмотрительно и пилюлю правды подслащать шуткою. Въ этомъ искусствѣ князь Меншиковъ не имѣлъ себѣ равнаго.

Разсказываютъ, будто однажды понадобилось обратить вниманіе государя на злоупотребленія, позволяемыя себѣ нѣкіимъ сановникомъ, пользовавшимся его высочайшею милостію и игравшимъ важную роль въ управленіи московскою желѣзною дорогою. Меншиковъ принялъ на себя неблагодарную задачу раскрыть глаза монарху. Въ одно изъ воскресеній, послѣ развода, князь явился во дворецъ въ полной парадной формѣ, украшенный всѣми орденами. На вопросъ государя, откуда онъ явился, Меншиковъ отвѣчалъ: «я изъ Исаакіевскаго собора; тамъ случилось со мною нѣчто, чрезвычайное. Подошелъ я исповѣдоваться къ одному вовсе мнѣ незнакомому священнику; а онъ мнѣ вдругъ шепчетъ на ухо: «ваше отпущеніе ни къ чему не послужитъ, если вы не откроете мнѣ всѣхъ грѣховъ вашихъ; вѣдь вы важный сановникъ, и на совѣсти у васъ лежатъ, вѣроятно, сомнительныя дѣла. Подумайте, что если

Digitized by Google

вы безнаказаннымъ ходите передъ людьми, то Богъ видитъ всякій подлогъ, который вы можете сдѣлать». Не считаю нужнымъ докладывать вашему величеству, съ какимъ негодованіемъ отвергъ я подобное подозрѣніе. Священникъ покачалъ головою, однако отпущеніе мнѣ далъ, и я причастился. Когда, по окончаніи службы, я сталъ выходить изъ церкви, духовникъ мой палъ предо мною на колѣни, говоря: «простите меня!—въ потемкахъ я принялъ васъ за другаго: мнѣ показалось, что вы генералъ N».

«Какъ!—и онъ тоже?» вскричалъ государь, засмѣявшись. Однако, было наряжено слѣдствіе, которымъ вполнѣ подтвердились подозрѣнія священника, и генералъ N лишился своего доходнаго мѣстечка.

При хорошо всѣмъ извѣстной продажности, царившей въ высшихъ сферахъ администраціи, понятнымъ было то довѣріе, коимъ императоръ Николай дарилъ немногихъ людей, у которыхъ руки были чисты. Въ числѣ ихъ, на первомъ планѣ стояли Меншиковъ и Ал. Өед. Орловъ.

Въ то время Петербургъ не имѣлъ ни желѣзнодорожныхъ, ни электрическихъ сообщеній съ иностранными государствами. Поэтому дипломатическій корпусъ былъ какъ бы отрѣзанъ отъ всемірныхъ международныхъ сношеній. Между всѣми представителями иноземныхъ дворовъ, прусскій посланникъ, генералъ-лейтенантъ Роховъ, считался за наиболѣе знающаго и наиболѣе вліятельнаго. Роховъ не обладалъ крупными государственными способностями, но былъ человѣкъ добродушный, общительный, всецѣло принадлежалъ старой школѣ и такъ сжился съ идеями императора Николая, что послѣдній охотно разговаривалъ съ нимъ, часто вслухъ предъ нимъ выражалъ свои мысли и показывалъ ему болѣе довѣрія, нежели своимъ собственнымъ министрамъ. Нерѣдко случалось, что государь сообщалъ прусскому посланнику какія либо важныя политическія рѣшенія, о которыхъ графъ Нессельроде ничего не зналъ, и Рохову приходилось просить дозволеніе—въ интересахъ дѣла—сообщить о томъ г. государственному канцлеру. Этотъ странный порядокъ веденія дѣлъ даетъ характеристическое указаніе на положеніе министра иностранныхъ дѣлъ въ то время.

Графъ Нессельроде, довѣренное лицо импер. Александра I, пріятель Меттерниха, одинъ изъ подписавшихъ вѣнскій трактатъ 1815 г., государственный человѣкъ, котораго за границею считали душою русской политики—былъ, въ глазахъ государя, не болѣе, какъ чиновникъ, которому онъ оказывалъ довѣріе лишь настолько, насколько считалъ это потребнымъ для дѣлъ. Но и въ средѣ петербургскаго общества, пріятность обращенія и высокое служебное положеніе графа не могли заставить забыть, что онъ былъ сынъ иностранца и не принадлежалъ православной церкви. Рожденный на англійскомъ военномъ кораблѣ, крещенный по англиканскому обряду, графъ никогда и не думалъ измѣнять своему вѣроисповѣданію и исправно посѣщалъ англиканскую церковь. Подчиненные его очень любили; на службѣ онъ былъ строгъ, но общителенъ;

Digitized by Google

особенную важность придавалъ ясному и изящному изложенію бумагъ. Онъ былъ убѣжденъ, что всѣ канцеляріи завидуютъ ему и его вѣрному Лабенскому — главному редактору бумагъ. Дѣломъ редакціи и самъ онъ любилъ заниматься, при чемъ терялъ много времени на тщательную отдѣлку своихъ докладовъ.

Занятіями этими онъ, однако, не отвлекался отъ своихъ оранжерей на Аптекарскомъ островѣ, особенно въ пору расцвѣтанія камелій. Цвѣты и музыку онъ любилъ страстно; къ женскому полу имѣлъ склонность до глубокой старости.

Однажды,—въ самую пору расцвѣтанія камелій,—маленькій человѣчекъ этотъ, съ своими большими очками на носу, уже сидѣлъ въ саняхъ, собираясь ѣхать изъ оранжерей домой, какъ вдругъ явился къ нему фельдъегерь съ депешами. Нессельроде взялъ ихъ и велѣлъ призвать Лабенскаго. Когда тотъ прибылъ въ оранжереи, канцлеръ успѣлъ уже прочесть депеши, заключавшія въ себѣ первыя извѣстія о февральской революціи 1848 г. въ Парижѣ. Онъ стоялъ передъ группою ярко-красныхъ камелій и, указывая на нихъ, сказалъ Лабенскому: «такой видъ представляетъ теперь Парижъ; тамъ провозглашена республика».

Нессельроде хвалился тѣмъ, что у него въ мозгу находится нѣсколько вѣеровъ, которыхъ онъ, по своей прихоти, можетъ раскрывать или складывать: такъ, онъ могъ временно забывать все, дабы устремить полную силу своего ума на изслѣдованіе вопроса, предлежавшаго ему въ данную минуту. Эта способность сосредоточиваться помогала ему справляться съ массою налегавшихъ на него крупныхъ и мелкихъ дѣлъ. Творческимъ умомъ онъ не обладалъ; но умѣлъ пользоваться чужими мыслями и уяснять ихъ. Здравостію его сужденій и способностію къ упорной, неутомимой дѣятельности объясняется то, что онъ успѣлъ удержаться въ своемъ положеніи въ продолженіи трехъ царствованій. Съ особенною гибкостію умѣлъ онъ примѣняться и къ обстоятельствамъ, и къ расположенію духа государей. Этимъ объясняются и тѣ противорѣчія, которыя, какъ говорятъ, встрѣчаются мѣстами въ его дипломатическихъ бумагахъ. При Александрѣ I онъ былъ не тотъ, что при Николаѣ, а затѣмъ, при Александрѣ II явился опять подъ инымъ обличіемъ.

Благодаря отличному знанію дѣлъ, ему удавалось обходить эти противорѣчія. Хотя, по натурѣ своей, онъ былъ весьма склоненъ къ миру и къ уваженію чужихъ правъ, однако, всегда готовъ былъ отдать въ распоряженіе монарха свое перо, когда рѣчь шла о томъ, чтобы выставить дѣломъ необходимости какой нибудь насильственный актъ, могущій повести къ войнѣ, для него самого противной. Рѣшающаго вліянія онъ, повидимому, не имѣлъ — по крайней мѣрѣ на императора Николая, предъ которымъ трепеталъ.

Только при подобномъ первомъ министрѣ положеніе Рохова было мыслимо. Послѣдній обязанъ былъ этимъ, преимущественно, императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, которая, и на русскомъ тронѣ, осталась прусскою принцессою. Воз-

Digitized by Google

мущеніе 14-го декабря 1825 г., съ которымъ Николаю Павловичу пришлось управляться при самомъ восшествіи на престолъ, сильно потрясло нервную систему его августѣйшей супруги... Это нервное разстройство постоянно озабочивало государя; одного напоминанія о нихъ было достаточно, чтобы остановить взрывы его гнѣва, или опрометчивыя рѣшенія, когда — (что съ 1848 года нерѣдко случалось)—поведеніе прусскаго правительства возбуждало въ немъ неудовольствіе [1]).

Гомеопатическій врачъ государыни, докторъ Мандтъ, который лѣчилъ и государя—(не всегда цѣлесообразно, какъ полагали его коллеги)—игралъ роль посредника между нимъ и прусскимъ посланникомъ.

Еще большую симпатію питалъ царь къ только что назначенному австрійскому послу, графу Менсдорфу-Пульи. Менсдорфъ особенно понравился ему за откровенное признаніе, что предпочелъ бы командовать кавалерійскою бригадою гдѣ нибудь въ Кечкеметѣ (венгерскій городокъ), чѣмъ разъигрывать роль посла въ Петербургѣ, такъ какъ въ политикѣ ничего не смыслитъ. По матери своей, Менсдорфъ приходился родственникомъ многимъ членамъ владѣтельныхъ домовъ, между прочимъ и супругѣ вел. кн. Константина, вслѣдствіе чего съ нимъ обращались почти какъ съ членомъ императорской фамиліи; и дворъ, и общество разсыпались въ предупредительныхъ любезностяхъ передъ новымъ царскимъ любимцемъ. У женщинъ, которыя всѣ, какъ по командѣ, въ него влюбились, онъ имѣлъ развѣ только одного соперника—итальянскаго пѣвца Маріо, который въ то время еще не потерялъ своего голоса и сводилъ съ ума всѣхъ петербургскихъ дамъ. Безъ замѣтныхъ усилій, безъ мелкихъ ухищреній старой дипломатической школы, графъ Менсдорфъ, однимъ своимъ спокойнымъ прямодушіемъ дѣлалъ для Австріи болѣе, чѣмъ могъ бы сдѣлать какой либо старый, испытанный дѣлецъ.

Замѣчательнѣйшимъ изъ представителей иностранныхъ дворовъ былъ, конечно, англійскій посолъ сэръ Гамильтонъ Сеймуръ. Занимая въ теченіи многихъ лѣтъ довѣренный постъ личнаго секретаря при лордѣ Кестльри, впослѣдствіи маркизѣ Лондондерри, онъ имѣлъ случай основательно изучить всѣ европейскія обстоятельства. Вскорѣ послѣ смерти маркиза Лондондерри, Гамильтонъ сдѣланъ былъ посланникомъ и являлся представителемъ Англіи во Флоренціи, Брюсселѣ и Лиссабонѣ. Во время пребыванія во Флоренціи, онъ, по просьбѣ королевы Гортензіи, выручилъ будущаго императора, Луи-Наполеона, изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыя тотъ попалъ вслѣдствіе приключенія въ Форли. Въ Лиссабонѣ онъ явился защитникомъ королевы Маріи-де-Глоріа противъ инсургентовъ, за что

[1]) О томъ, какъ велико было неудовольствіе императора Николая, возбужденное въ немъ дѣйствіями прусскаго правительства,—свидѣтельствуютъ собственноручныя записки самого императора Николая Павловича, напечатанныя въ „Русской Старинѣ", изд. 1870 г. (третье изданіе), томъ I, стр. 295—303.

Digitized by Google

награжденъ былъ орденомъ Бани. Изъ этого мы видимъ, что Гамильтонъ былъ уже не новичкомъ, когда, въ первые мѣсяцы 1853 года, императоръ Николай изумилъ его своими откровенными рѣчами относительно Турціи,—рѣчами, которыя потомъ такъ существенно содѣйствовали къ возбужденію общественнаго мнѣнія Англіи въ пользу Крымской войны. Усердный и дѣятельный, притомъ спокойный и опытный въ дѣлахъ, Сеймуръ не былъ, однако, человѣкомъ, который бы могъ импонировать такому государю, какъ императоръ Николай.

Французскій посланникъ, генералъ Кастельбажакъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ военныхъ дипломатовъ, которыхъ дѣловой тактъ часто оставляетъ еще многаго желать. Онъ, повидимому, искренне повѣрилъ изрѣченію Наполеона III: «l'Empire c'est la paix» [1]) и, можетъ быть, содѣйствовалъ поддержанію въ императорѣ Николаѣ убѣжденія въ невозможности англо-французскаго союза. Такъ, уже при открытіи Восточной войны, онъ испросилъ у государя особую аудіенцію для принесенія поздравленій съ побѣдою при Синопѣ,—не предчувствуя даже, что побѣда эта сдѣлала разрывъ съ западными державами неизбѣжнымъ.

Впрочемъ, и для болѣе искуснаго дипломата, задача французскаго посла въ то время была бы весьма затруднительна. Въ этомъ я убѣдился изъ откровенной бесѣды съ генераломъ Роховымъ, въ которой онъ разъяснилъ мнѣ настоящее положеніе дѣлъ.

Генералъ началъ съ сердечныхъ изліяній относительно князя Феликса Шварценберга (австрійскаго премьера), умершаго за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Меня не могло удивить, что прусскій посланникъ не любилъ этого министра, но поразило то, что онъ, къ человѣку, уже перешедшему въ иной міръ, относился съ такою глубокою ненавистью. Я спросилъ, что причиною тому?

— «Боже мой», вскричалъ Роховъ, «я понимаю, что этотъ Шварценбергъ завидывалъ положенію, занятому нами въ Германіи, и старался его вырвать у насъ. De mortuis nil nisi bene! Но мы можемъ лишь благодарить Бога, за то, что избавилъ насъ отъ такого человѣка. Я, съ своей стороны, въ состояніи все простить ему, только не то, что онъ, князь Шварценбергъ и первый министръ императора австрійскаго, могъ забыть всѣ традиціи своего двора и своей собственной фамиліи, чтобы увлекаться этимъ авантюристомъ, героемъ Страсбурга и Булони, и попирать ногами принципъ легитимности».

«Позвольте, генералъ, возразилъ я, вы, кажется, заходите слишкомъ далеко и, повидимому, имѣете не довольно вѣрныя свѣдѣнія».

— «Невѣрныя свѣдѣнія! Помилуйте! да я вѣдь читалъ записку, которую этотъ несчастный, не за долго передъ своею смертію, написалъ графу Нессельроде и въ которой онъ изложилъ передъ нимъ свое вѣроисповѣданіе; и замѣтьте, что то была не одна изъ такихъ депешъ, которыя, обремененный

[1]) Имперія—это миръ.

Digitized by Google

занятіями, министръ иногдапод писываетъ, не читая; нѣтъ, то было собственноручное, частное письмо, единственное, которое Нессельроде получилъ отъ него».

Тутъ я понялъ, о чемъ шло дѣло, хотя и не постигалъ еще возбужденія, въ которомъ находился мой собесѣдникъ.

Въ этомъ собственноручномъ, конфиденціальномъ письмѣ (которое, какъ кажется, отправлено было въ мартѣ 1852 года), австрійскій премьеръ, прежде всего, высказывалъ свое убѣжденіе, что Лудовикъ Наполеонъ не дастъ пройти текущему (1852) году, не провозгласивъ себя императоромъ. Посему необходимымъ было бы прежде, чѣмъ это событіе совершится—условиться на счетъ тѣхъ отношеній, въ которыя три сѣверныя державы станутъ къ новому французскому императору.

«Прежніе договоры—такъ, приблизительно, продолжалъ Шварценбергъ въ своемъ письмѣ—не допускаютъ никого изъ фамиліи Бонапартовъ къ занятію французскаго престола. Въ силу этихъ договоровъ, Австрія, Россія и Пруссія имѣли бы полное право отказаться отъ признанія новаго императора и объявить Франціи войну. Если будетъ на то воля императора Николая и прусскаго короля, то Австрія, всегда вѣрная заключеннымъ договорамъ, не отстанетъ отъ нихъ и выставитъ къ услугамъ своихъ союзниковъ армію въ 300,000 человѣкъ. Если же русскій кабинетъ колеблется въ рѣшеніи признать принятіе Лудовикомъ Наполеономъ императорской короны за casus belli, то желательно было бы избѣжать ошибки, которую сдѣлали въ 1830 году, отнесясь весьма нелюбезно къ признанію Лудовика Филиппа королемъ. Отъ третьей реставраціи Бурбоновъ наврядъ ли можно ожидать возстановленія на продолжительное время легитимнаго королевства. Конечно, при помощи чужеземныхъ штыковъ, Генрихъ V можетъ быть приведенъ въ Парижъ, но что бы онъ тамъ долго могъ удержаться, это, судя по прежнимъ примѣрамъ, трудно предположить. Во всякомъ случаѣ, наслѣдникъ Наполеона I имѣетъ болѣе шансовъ, нежели преемникъ Лудовика Святаго, возстановить монархію въ расшатанной революціею странѣ. Если онъ этого захочетъ, то собственными своими интересами будетъ вынужденъ, подобно своему дядѣ, подтянуть бразды правленія и стать противникомъ революціи. Въ этой-то точкѣ интересы державъ сходятся съ его собственными интересами. Поэтому, если признать его императоромъ, при conditio sine qua non его положительнаго подчиненія договорамъ 1815 года и при опредѣлительномъ завѣреніи, что три сѣв. державы сочтутъ всякія завоевательныя попытки за casus belli, то подобное признаніе должно быть сдѣлано въ предупредительной формѣ, если хотятъ разсчитывать на его искреннее содѣйствіе противъ партіи переворота».

Въ настоящее время каждый безпристрастный человѣкъ долженъ будетъ согласиться, что изложенныя въ вышепомянутомъ письмѣ Шварценберга мнѣнія были вполнѣ логичны. Если бы этому совѣту послѣдовали въ Петербургѣ, то можетъ быть избѣгли бы Крымской войны. Прусскій посланникъ, замѣстившій

Digitized by Google

Рохова (сначала во Франкфуртѣ, а потомъ въ Петербургѣ), наврядъ бы раздѣлялъ негодованіе своего предшественника. По крайней мѣрѣ, въ «собственноручномъ мемуарѣ касательно отношеній Пруссіи къ Франціи», который написанъ Бисмаркомъ 2 іюня 1857 года, развиты идеи, которыя представляютъ замѣчательное согласіе съ основными мыслями Шварценбергова письма.

Какъ бы то ни было, но непритворное негодованіе Рохова было характеристичнымъ для анти-бонапартистскаго настроенія, преобладавшаго въ то время при русскомъ дворѣ; поэтому не могу не привести здѣсь заключительныхъ разсужденій этого генерала:

— «Слава Богу, воскликнулъ онъ,—мнѣ удалось, хотя и не безъ труда, возвратить императора Николая къ правильному воззрѣнію на положеніе вещей. Маленькій Нессельроде, совершенно забывая, что онъ самъ подписывалъ договоры 1815 года, тоже заразился этими извращенными идеями Шварценберга и уже склонилъ къ нимъ своего государя. Мнѣ наврядъ ли удалось бы заставить послѣдняго измѣнить свое мнѣніе, если бы опять не явился въ Вѣнѣ истинно-государственный человѣкъ. Во время пребыванія здѣсь посланникомъ графа Буоля, императоръ Николай не распозналъ, что̀ это была за личность, и, вопреки всѣмъ моимъ представленіямъ, обходился съ нимъ нехорошо. Между тѣмъ, какъ я уже сказалъ, Буоль—государственный человѣкъ, и доказалъ это тѣмъ, что, при вступленіи своемъ въ должность, сейчасъ возстановилъ принципъ легитимности и предложилъ хотя и признать этого Наполеона, но отказать ему въ титулѣ «брата». Этимъ покажутъ выскочкѣ, что императоры австрійскій и русскій столь же мало, какъ и мой всемилостивѣйшій государь, глядятъ на него, какъ на себѣ равнаго».

Относительно графа Буоля,—какъ во время, такъ и послѣ Крымской войны сложились мнѣнія, не совсѣмъ согласныя съ мнѣніемъ Рохова. Извѣстно также, что̀ произошло съ придуманнымъ имъ средствомъ относительно титулованія новаго императора. Австрійскій императоръ и прусскій король измѣнили свой образъ мыслей и не отказались назвать французскаго императора своимъ братомъ. Къ сожалѣнію, ни изъ Вѣны, ни изъ Берлина не было сообщено русскому кабинету объ этомъ отступленіи отъ прежде принятаго рѣшенія, такъ что императоръ Николай остался одинъ вѣрнымъ предварительному уговору, и хотя призналъ Наполеона III, но обратился къ нему, какъ къ президенту Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, называя его «Mon grand ami». Такимъ образомъ, неудовольствіе французскаго государя, вызванное исполненіемъ предложенія Буоля, обратилось исключительно противъ Россіи и не осталось безъ послѣдствій.

Во время рождественскаго праздника 1852 г., на которомъ присутствовали Менсдорфъ и Роховъ, гнѣвъ императора Николая разразился въ упрекахъ, которыми онъ, въ присутствіи своихъ генераловъ, осыпалъ представителей Австріи и Пруссіи за то, что—какъ онъ говорилъ—въ вопросѣ о при-

Digitized by Google

знаніи Наполеона союзники покинули и предали его. Должно полагать, что эта, для всѣхъ весьма тяжелая, сцена особенно больно отозвалась на генералѣ Роховѣ, который долженъ былъ припомнить, что самъ отклонилъ государя отъ послѣдованія разумнымъ совѣтамъ Шварценберга и не въ мѣру преувеличилъ политическій тактъ господина Буоля.

Мнѣ лично эти откровенныя сообщенія прусскаго посланника, на такой совершенно мнѣ незнакомой почвѣ, дали ключъ для разгадки многихъ явленій. Сколь же ограничена должна была быть на дѣлѣ власть руководящаго политикою министра, если Нессельроде, въ вопросѣ величайшей важности для интересовъ Россіи, и вопреки тому, что логика была въ его пользу, все таки долженъ былъ отступить передъ внушеніями иноземнаго посланника!

Это поражало тѣмъ болѣе, что, судя по всѣмъ признакамъ, Николай I достигъ въ то время вершины своего могущества и серьезно воображалъ, что вся Европа лежитъ у ногъ его.

II.

На лѣто 1852 г. импер. Николай съ августѣйшею супругою своею переселился въ Петергофъ, куда вскорѣ затѣмъ прибыли и многочисленные гости, приглашенные для присутствія на большихъ маневрахъ подъ Краснымъ Селомъ.

На это военное зрѣлище получили приглашеніе отъ государя принцы: Альбертъ Саксонскій и Фридрихъ-Вильгельмъ Прусскій. Оба молодые принца были старшими сыновьями наслѣдниковъ престола и въ первый еще разъ посѣщали русскій дворъ. Кромѣ ихъ явились и самыя выдающіяся личности австрійской и прусской армій, и вскорѣ Петергофъ и окружающіе его лѣтніе дворцы наполнились множествомъ блестящихъ мундировъ. Императоръ лично принялъ въ Кронштадтѣ обоихъ принцевъ на свою яхту и повезъ ихъ, прежде всего, въ Зимній дворецъ. Когда, черезъ нѣсколько дней послѣ этого, принцъ Альбертъ переѣхалъ въ Петергофъ, то я, согласно принятому обычаю, получилъ, на время пребыванія тамъ его высочества — квартиру, въ томъ же самомъ дворцѣ. Старикъ Роховъ былъ моимъ сосѣдомъ и потому намъ нерѣдко представлялись случаи къ откровенному обмѣну мыслей.

Въ воскресенье, 8 (20) іюля, послѣ обѣдни, я былъ принятъ императоромъ. Это хотя не согласовалось съ этикетомъ, такъ какъ государь обыкновенно давалъ приватныя аудіенціи только посламъ и посланникамъ, но, по причинѣ присутствія принца Альберта, сдѣлано было исключеніе, которому я обязанъ однимъ изъ интереснѣйшихъ часовъ въ моей жизни. Церемоніймейстеръ довелъ меня до самаго кабинета и остановился въ нерѣшительности у двери, не зная, долженъ ли онъ или нѣтъ присутствовать при этой необычной

Digitized by Google

аудіенціи. Не сказавъ ни слова, а только энергически указавъ на дверь, государь отвѣтилъ этимъ на нѣмой вопросъ придворнаго чиновника. Мы остались одни и я очутился впервые глазъ на глазъ съ могущественнѣйшимъ и наиболѣе внушавшимъ страхъ монархомъ. Не смотря на 56-ти-лѣтній возрастъ императора Николая, вся его классическая фигура дышала юношескою силою. По такой модели Фидій могъ бы изваять статую Зевса или бога войны. Одѣтъ онъ былъ въ сюртукъ одного изъ гвардейскихъ полковъ. Наблюдая за его, почти обнаженною отъ волосъ, головою, я замѣтилъ, что лобъ былъ низокъ, мало развитъ и сливался въ одну линію съ правильнымъ носомъ. Задняя часть головы, гдѣ френологи полагаютъ сѣдалище силы воли, была необычайно развита; вся же, вообще, голова была относительно малыхъ размѣровъ, но покоилась на шеѣ, достойной геркулеса Фарнезскаго.

Вся наружность монарха имѣла нѣчто рыцарское и внушительное; я понялъ теперь, какъ стоявшій передо мною колоссъ однимъ движеніемъ руки усмирилъ бунтъ на Сѣнной площади, вспыхнувшій во время холеры 1831 г. Великій моментъ этотъ представился моему воображенію, когда я взглянулъ императору въ глаза. Выраженіе этихъ глазъ показалось мнѣ какимъ-то неопредѣленнымъ. Нервное подергиваніе мускуловъ у угловъ рта имѣло въ себѣ что-то болѣзненное и производило непріятное впечатлѣніе.

Поговоривъ чрезвычайно любезно о принцѣ Альбертѣ и объ удовольствіи, доставленномъ его посѣщеніемъ, императоръ какъ будто совсѣмъ позабылъ, что передъ нимъ стоитъ молодой дипломатъ, котораго онъ никогда не видалъ и о которомъ едва ли и слыхалъ что нибудь. Съ довѣрчивостью, какъ будто обращаясь къ старому знакомому, онъ сталъ разсказывать мнѣ про свое, только что оконченное, путешествіе. Онъ побывалъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ; посѣтилъ въ Прагѣ императрицу Марію Анну; не миновалъ Веймара и Дармштадта, равно какъ и Штутгардта, куда заѣхалъ, чтобы обнять свою дочь Ольгу Николаевну. Въ продолженіе немногихъ дней, орлиный взглядъ его увидѣлъ все, и онъ, ни мало не стѣсняясь, выражался о томъ, что замѣтилъ при своемъ инспекціонномъ объѣздѣ. Хуже всего отозвался онъ о Берлинѣ, и прямо выражалъ негодованіе противъ слабости своего шурина.

Когда я попытался смягчить эти взрывы гнѣва замѣчаніемъ, конечно, банальнымъ, что король все таки имѣетъ наилучшія намѣренія и привлекательнѣйшія душевныя качества,—царь загремѣлъ мнѣ въ отвѣтъ:

«Tant pis pour ses qualités aimables! Quant à ces bonnes intentions, je vous dis, moi, qu'il ne sait jamais ce qu'il veut. Ce n'est pas un roi cela; il nous gâte le métier. Sachez le donc»,—тутъ онъ топнулъ ногою:—«le sol sous mes pieds est miné comme sous les vôtres. Nous sommes tous solidaires. Nous avons tous un ennemi commun: la révolution. Si on continue à la cajoler comme on le fait à Berlin, l'incendie deviendra bientôt général. Ici je ne crains rien pour le moment. Tant que je

Digitized by Google

vivrai on ne bougera pas. Car moi je suis soldat; monsieur mon beau-frère ne l'a jamais été.—Tel que vous me voyez»,—продолжалъ онъ уже болѣе спокойно и придавъ голосу своему всю его чарующую интонацію, — «tel que vous me voyez, j'ai trente huit ans de service, car j'ai fait mes premières armes en 1813. Oui, je suis soldat. C'est mon métier à moi. L'autre métier, que la Providence m'a imposé»,—эти слова онъ произнесъ медленно и почти шепотомъ — «je le fais parce qu'il faut bien le faire et qu'il n'y a personne pour m'en délivrer. Mais ce n'est pas mon métier» [1]).

Было что-то трагическое въ этомъ признаніи. Видно было, какимъ тяжкимъ бременемъ лежали на императорѣ Николаѣ правительственныя заботы, которыя онъ уже въ продолженіи двадцати семи лѣтъ одинъ долженъ былъ нести. Прекрасные глаза его совершенно затуманились и взглядъ утратилъ свою твердость. Отпущенъ я былъ съ аудіенціи самымъ благосклоннымъ образомъ.

Передъ этою аудіенціею я былъ представленъ императрицѣ, которая изволила завтракать въ столовой, окруженная обоими германскими принцами и болѣе, чѣмъ сотнею иностранныхъ и русскихъ генераловъ. По окончаніи завтрака, императрица тотчасъ же подошла ко мнѣ. Красота ея уже давно увяла; но въ чертахъ, измѣненныхъ болѣзнію, видны были слѣды сходства съ ея очаровательною родительницею, королевою Луизою. Нервы ея, очевидно, были крайне разстроены.

Первыя слова, обращенныя ко мнѣ императрицею, были нельзя сказать чтобы ободряющаго свойства и легко могли повергнуть меня въ смущеніе передъ чужимъ и многочисленнымъ обществомъ. «Почему это король посылаетъ къ намъ только повѣреннаго въ дѣлахъ?»—таковъ былъ первый и произнесенный въ безусловно-дурномъ настроеніи духа вопросъ. Я съ минуту глядѣлъ на государыню совершенно спокойно и отвѣчалъ, ни мало не измѣнившись въ лицѣ: «Могу увѣрить ваше величество, что я гораздо охотнѣе пріѣхалъ бы въ качествѣ посла». Императрица засмѣялась и стала бесѣдовать со мною самымъ любезнымъ образомъ.

---

[1]) [Переводъ]. Тѣмъ хуже для его прекрасныхъ качествъ! Что же касается до его добрыхъ намѣреній, то я вамъ говорю, что онъ никогда не знаетъ чего хочетъ. Это не король; онъ намъ портитъ наше дѣло. Знайте же, что почва подъ моими ногами минирована также, какъ и подъ вашими. Мы всѣ солидарны. У всѣхъ насъ одинъ врагъ: революція. Если станутъ продолжать нѣжничать съ нею, какъ то дѣлаютъ въ Берлинѣ, то пожаръ вскорѣ сдѣлается всеобщимъ. Здѣсь я пока ничего не боюсь. Пока я живъ, никто не пошевелится. Потому что я солдатъ; а мой господинъ шуринъ никогда имъ не былъ. Таковъ, какъ вы меня видите, я служу 38 лѣтъ, потому что первые боевые шаги сдѣлалъ въ 1813 году. Да, я солдатъ. Это дѣло по мнѣ. Другое же дѣло, которое возложено на меня Провидѣніемъ—я исполняю его потому, что долженъ исполнять и потому что нѣтъ никого, кто-бы меня отъ него избавилъ. Но это не по мнѣ дѣло.

Digitized by Google

Пребываніе въ Петергофѣ было для меня весьма пріятно и поучительно. Между австрійскими и прусскими офицерами я встрѣтилъ нѣсколькихъ старыхъ знакомыхъ, какъ, напр., графа Клама, фельдцейхмейстера Гесса и др.

Изъ празднествъ, устраиваемыхъ въ честь пріѣзжихъ принцевъ, особенно выдался балъ, данный великою княгинею Маріею Николаевною, герцогинею Лейхтенбергскою, на собственной ея дачѣ близь Петергофа. Великая княгиня, въ то время еще писанная красавица, вполнѣ унаслѣдовала греческій профиль своего отца и считалась его любимою дочерью. Она была столь же умна, какъ и весела. Ростъ ея былъ скорѣе маленькій, но она отличалась статностью и граціею; платья носила весьма короткія для того, чтобы, по мнѣнію злыхъ языковъ—пощеголять своею маленькою ножкою. Бѣдный герцогъ, мужъ ея, былъ смертельно болѣнъ, однако, долженъ былъ встать съ постели, чтобы принять императора, который явился позже, нежели его ожидали.

Уже въ первый день маневровъ принцъ Альбертъ завоевалъ себѣ симпатію царя, умѣя назвать каждый изъ участвующихъ на маневрахъ полковъ его русскимъ названіемъ. Пріятно было государю и то, что когда принцу предложили на выборъ званіе шефа того или другаго полка, онъ предпочелъ простой егерскій мундиръ блестящему гусарскому. Въ такомъ выборѣ императоръ Николай узналъ настоящаго солдата.

Вскорѣ по окончаніи маневровъ послѣдовала смерть двухъ близкихъ государю людей. Престарѣлый князь Петръ Мих. Волконскій, одинъ изъ довѣреннѣйшихъ придворныхъ сановниковъ, умеръ послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни. Онъ сталъ, такъ сказать, заживо разлагаться, но вліяніе его на царскую фамилію сохранилось до послѣдняго издыханія. Императоръ, императрица, великіе князья и княжны ежедневно посѣщали больнаго князя. Похороны устроены были со всевозможнымъ великолѣпіемъ. По желанію императора, весь дипломатическій корпусъ и всѣ сановники государства должны были на нихъ присутствовать. Когда, по окончаніи богослуженія, надо было закрывать гробъ, государь вошелъ на ступени катафалка, поцѣловалъ тѣло усопшаго и долго стоялъ передъ гробомъ, преклонивъ колѣни. Затѣмъ, поднявшись, онъ далъ знакъ двѣнадцати унтеръ-офицерамъ полка покойнаго князя взяться за гробъ и нести его къ могилѣ. Только что они двинулись съ мѣста, царь отстранилъ фланговаго солдата, взялся за ручку гроба и самъ понесъ тѣло своего вѣрнаго слуги изъ церкви. Вся церемонія продолжалась болѣе получаса, въ продолженіи котораго всѣ взоры были устремлены на императора. Говорятъ, что Наполеонъ I передъ всякимъ публичнымъ торжествомъ, напр., передъ своею коронаціею, совѣтовался съ актеромъ Тальма, и съ нимъ, въ извѣстной степени, разучивалъ свою роль. Никакой Тальма не могъ бы научить Николая I тому величію и той граціи, которыми отличались вся его осанка и всѣ его движенія. Онъ самъ былъ отъ природы совершеннымъ артистомъ, и величайшіе актеры могли бы еще у него поучиться. Все казалось

Digitized by Google

такъ просто, такъ естественно, но чувствовалось между тѣмъ, что все разсчитано на эффектъ. Очевидно было намѣреніе произвести внушительное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ, въ особенности же, явиться самымъ смиреннымъ и самымъ вѣрующимъ сыномъ православной церкви. Для того и парадный мундиръ, и ордена, блистающіе алмазами. То былъ императоръ всероссійскій, оказывающій послѣднюю почесть своему вѣрному слугѣ.

Совсѣмъ иначе держалъ себя императоръ на отпѣваніи умершаго черезъ нѣсколько дней зятя своего. Герцогъ Лейхтенбергскій былъ католикъ. Тесть его не могъ или не хотѣлъ отсутствовать при богослуженіи, но, какъ православный царь, считалъ долгомъ соблюдать какъ бы инкогнито, находясь въ латинской церкви. Одѣтый въ обыкновенную форму и безъ орденовъ, онъ стоялъ прислонясь къ колоннѣ, разсѣянно и безучастно относясь ко всей происходившей предъ нимъ церемоніи. Онъ, впрочемъ, питалъ мало расположенія къ покойному и выбралъ его только потому, что тотъ обязался оставаться въ Петербургѣ и не разлучать государя съ его дочерью.

Искуственное равнодушіе, выказанное государемъ, относилось, вѣроятно, не столько къ усопшему, сколько къ католическому духовенству и служенію, которыхъ онъ переносилъ лишь съ отвращеніемъ. Я, случайно, стоялъ по близости и могъ хорошо наблюдать за игрою его физіономіи. Ничто не напоминало о православномъ царѣ, котораго мы видѣли на похоронахъ Волконскаго. Но преднамѣренность была и тутъ замѣтна. Проглядывало нѣчто искуственное во всей манерѣ держать себя. И здѣсь приходилось удивляться мимическому таланту, обратившемуся во вторую природу.

По окончаніи маневровъ, принцы со своею свитою поѣхали въ Москву. Графъ Менсдорфъ не могъ сопровождать ихъ, такъ какъ заболѣлъ тифомъ. Государь отчески заботился о больномъ и многократно навѣщалъ его. Въ половинѣ сентября, по выздоровленіи своемъ, Менсдорфъ долженъ былъ отправиться въ Чугуевъ, куда государь пригласилъ его на большіе кавалерійскіе маневры. Такъ какъ путь графа лежалъ черезъ Москву, то я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы въ его обществѣ посѣтить старую столицу.

Мы помѣстились въ приготовленномъ для графа вагонѣ-салонѣ и черезъ 24 часа были въ Москвѣ. Самый переѣздъ представлялъ мало интереснаго, такъ какъ желѣзная дорога эта не прикасается ни одному значительному городу. Императоръ Николай, не стѣсняясь никакими соображеніями, обозначилъ этотъ первый русскій рельсовый путь, на картѣ, прямою красною линіею. Инженеры не осмѣлились отступить отъ высочайшаго начертанія, хотя намѣченная линія пролегала черезъ безчисленныя болота—что, конечно, не облегчало постройки. Станціи, заново возведенныя среди пустырей, содержались весьма чисто и были снабжены обильными буфетами, гдѣ можно было найти всевозможныя явства и столь любимое въ Россіи шампанское. Мы были такъ удобно помѣщены въ нашемъ вагонѣ, что не имѣли побужденія выходить.

Digitized by Google

Впрочемъ, осмотрѣвъ одну изъ станціонныхъ залъ, мы видѣли и остальныя, такъ какъ всѣ онѣ походятъ одна на другую.

За нѣсколько станцій до Москвы явился къ намъ русскій полковникъ, князь Абамеликъ, приставленный къ гр. Менсдорфу на время его пребыванія въ Москвѣ. Онъ проводилъ посланника и его адъютанта въ Кремль.

III.

Я остановился въ Москвѣ въ одной изъ ближайшихъ ко дворцу гостинницъ и не мало былъ удивленъ, когда черезъ нѣсколько минутъ по моемъ прибытіи получилъ приглашеніе къ царскому столу. Внимательностію этою я былъ обязанъ гофмаршалу Боде. Князь Абамеликъ оказался весьма свѣдущимъ чичероне. Придворные экипажи всегда были къ нашимъ услугамъ и, такимъ образомъ, мы въ три дня ознакомились со всѣми достопримѣчательностями Москвы лучше, нежели другіе туристы въ теченіи мѣсяца.

Во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ мы встрѣчаемы были чиновниками, одѣтыми въ обыкновенную форму, но въ знаменитомъ воспитательномъ домѣ—одномъ изъ величественнѣйшихъ богоугодныхъ заведеній въ свѣтѣ—насъ приняли цѣлые отряды кормилицъ, облеченныхъ въ воскресный нарядъ. Каждый изъ этихъ отрядовъ отличался особымъ цвѣтомъ кокошника, которому соотвѣтствовалъ и цвѣтъ остальнаго одѣянія. На рукахъ у всѣхъ этихъ зеленыхъ, синихъ и красныхъ кормилицъ лежали ихъ питомцы, которыхъ, какъ намъ разсказывали, онѣ кормятъ по командѣ. Въ регистровой книгѣ, куда записываются поименно всѣ отданныя въ этотъ домъ дѣти, мы раскрыли страницы 1812 года, относящіяся ко времени пребыванія въ Москвѣ французовъ, и нашли тамъ значительное число маленькихъ «Наполеоновъ» (??!). Какъ видно, это имя было въ ту эпоху излюбленнымъ для подкидышей.

Отпечатокъ чего-то азіятскаго нисколько не стертъ съ Москвы великимъ пожаромъ 1812 года. Тѣмъ не менѣе, видъ этой массы домовъ, раскинувшихся на огромномъ пространствѣ, вовсе не соотвѣтствующемъ количеству народонаселенія, являетъ величественное зрѣлище. Сотни позолоченныхъ куполовъ, множество высокихъ деревьевъ представляются глазамъ, когда смотришь на столицу съ возвышенія, у большой Смоленской дороги. Съ этого пункта Москва впервые представилась и взглядамъ Наполеона.

Во время прогулокъ по Москвѣ князь Абамеликъ завезъ насъ, между прочимъ, и къ послѣднему изъ «бояръ», болѣе чѣмъ восьмидесятилѣтнему, громадно богатому князю Сергію Михайловичу Голицыну, жившему въ собственномъ дворцѣ, по близости отъ столицы. То былъ одинъ изъ высшихъ сановниковъ въ Россіи, и императоръ Николай, при каждомъ посѣщеніи

Digitized by Google

Москвы, непремѣнно заѣзжалъ къ нему. Князь Голицынъ, съ его бѣлокурымъ парикомъ и фальшивыми зубами, производилъ, отчасти, впечатлѣніе автомата или восковой фигуры, но оказался гостепріимнымъ, привѣтливымъ старцемъ, который вновь оживалъ, когда рѣчь заходила о добромъ, старомъ времени, о дняхъ его молодости. Въ Дрезденѣ ему пришлось побывать въ послѣдній разъ въ началѣ девятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Что съ тѣхъ поръ происходило въ Германіи—было ему, повидимому, совсѣмъ неизвѣстно. Сраженія при Іенѣ и Лейпцигѣ прошли для него безслѣдно, но о пожарѣ Москвы онъ говорилъ, какъ будто это происходило вчера. Кутузовъ и Растопчинъ были его друзьями юности. Одному изъ своихъ племянниковъ онъ поручилъ показать намъ свои хозяйственныя заведенія. Скотный дворъ былъ полонъ превосходными коровами іоркширской породы, нарочно привезенными изъ Англіи на особыхъ, для сего нанятыхъ, корабляхъ. Проводникъ нашъ замѣтилъ, что наслѣдники князя наврядъ ли будутъ въ состояніи продолжать подобную роскошь, такъ какъ литръ молока обходился его дядюшкѣ нѣсколько дороже литра шампанскаго. Въ отличныхъ лошадяхъ, преимущественно рысистой орловской породы—тоже не было недостатка. Однимъ словомъ, то была образцовая ферма въ величественнѣйшемъ стилѣ, воздвигнутая среди голой степи. Однако, грязь дурно содержимыхъ дорогъ все таки напоминала Россію. Въ настоящее время съ княземъ Сергѣемъ Михайловичемъ Голицынымъ исчезъ послѣдній представитель русскаго боярства.

IV.

Проводивъ гр. Менсдорфа, уѣхавшаго подъ покровительствомъ фельдъегеря на югъ Россіи, я возвратился опять въ Петербургъ. Городъ былъ еще довольно пустъ, но въ дачныхъ помѣщеніяхъ, особенно на островахъ, общество сходилось ежедневно. Вечеромъ съѣзжались на такъ называемомъ «Pointe»—крайней оконечности Елагина острова, откуда вдалекѣ видно море. Тутъ можно было видѣть самую пеструю смѣсь экипажей; мужчины переходили отъ одной коляски къ другой, любезничая въ одномъ мѣстѣ съ какою нибудь знатною дамою, въ другомъ—съ модною актрисою. Здѣсь представлялся для дамъ случай блеснуть своими парижскими туалетами, а для мужчинъ заводить знакомства во всѣхъ кругахъ петербургскаго общества. Кромѣ обычныхъ сплетень, тамъ узнавались и политическія новости, благодаря присутствію большаго числа членовъ дипломатическаго корпуса.

Что меня поразило—и впослѣдствіи, при открытіи великосвѣтскихъ салоновъ, должно было еще болѣе поразить — это тотъ свободный тонъ, которымъ совершенно открыто говорили о правительственныхъ мѣрахъ и критиковали

Digitized by Google

ихъ. Маркизъ Позе навряд ли нашелъ бы здѣсь нужнымъ просить о свободѣ мысли; потому что не только мысли, но и слова были достаточно свободны,—если только ихъ не печатали.

Пріятнѣйшимъ домомъ на островахъ былъ дворецъ великой княгини Елены, вдовы вел. князя Михаила, младшаго брата государева. Она обладала замѣчательнымъ умомъ и высокимъ образованіемъ, и многимъ артистамъ оказывала свое сильное покровительство.

Съ наступленіемъ зимы, наступили и политическія бури. Раздутыя французскимъ посломъ въ Константинополѣ, Лавалетомъ, мелкія ссоры между греческимъ и латинскимъ духовенствомъ въ Іерусалимѣ, обострились до серьёзнаго раздора, и вскорѣ злополучный «восточный» вопросъ вновь появился на политическомъ горизонтѣ Европы. Императоръ Николай, который, по выраженію Нессельроде, «не былъ дипломатомъ», снова ощутилъ потребность поговорить о «больномъ человѣкѣ». Онъ призвалъ сэра Гамильтона Сеймура и имѣлъ съ нимъ извѣстный разговоръ, который и былъ послѣднимъ обнародованъ.

Лордъ Абердинъ, который въ 1844 году (когда императоръ Николай въ послѣдній разъ посѣтилъ Лондонъ), занималъ мѣсто статсъ-секретаря по внѣшнимъ дѣламъ, теперь—къ великой радости царя—сдѣлался премьеромъ, во главѣ, повидимому, крѣпко сплоченнаго министерства. Лордъ Абердинъ, старый шотландецъ, посѣдѣвшій въ государственныхъ дѣлахъ, имѣлъ, подобно большинству приверженцевъ сэра Роберта Пиля, извѣстную склонность къ православной греческой церкви, въ которой политики эти мнили усматривать слѣды древлехристіанской, апостольской общины. Это религіозное направленіе императоръ Николай, въ 1844 году, съумѣлъ усилить и воспользоваться имъ, чтобы подготовить въ Англіи почву для соглашенія по восточному вопросу. Никакихъ положительныхъ договоровъ не было; но относительно извѣстныхъ случайностей можно было обмѣняться мыслями, что государю—иногда очень оптимистически глядѣвшему на вещи, могло внушить убѣжденіе, что Россія можетъ безусловно разсчитывать на Англію, пока лордъ Абердинъ стоитъ во главѣ правленія. Въ виду сего, русскій монархъ считалъ, что теперь настало время для составленія протокола, подобнаго тому, который въ 1826 году подписанъ былъ герцогомъ Веллингтономъ. Прежде чѣмъ выступить съ этою идеею, онъ пожелалъ, однако, знать, согласится ли, и на какихъ условіяхъ, Англія на изгнаніе турокъ изъ Европы и на раздѣлъ османскаго государства. Его, уже весьма опаснаго свойства, раздражительность проявилась въ порицаніяхъ «больнаго человѣка», и сэръ Гамильтонъ, можетъ быть и вопреки своему желанію, еще усилилъ ее, вмѣсто того, чтобы смягчить. Послѣднее, по мнѣнію князя Метерниха, Сеймуръ долженъ бы былъ сдѣлать.

Я обязанъ самому сэру Гамильтону сообщеніемъ нижеслѣдующаго разговора, который онъ, уже послѣ смерти императора Николая и долгое время

Digitized by Google

спустя по заключеніи Парижскаго мира, состоя англійскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, имѣлъ съ престарѣлымъ государственнымъ канцлеромъ.

— «Знаете ли, любезный сэръ Гамильтонъ—такъ началъ князь Метернихъ—что вы настоящій баловень счастія? Хотя я и не одобрялъ обнародованія вашей Secret and Confidential Correspondence, но прочелъ ее съ интересомъ, и вынесъ впечатлѣніе, что вы можете похвалиться счастіемъ».

Сэръ Гамильтонъ недоумѣвалъ, въ чемъ тутъ было его счастіе.

— «Eh bien!—продолжалъ князь—вѣдь вы бесѣдовали съ императоромъ Николаемъ наединѣ. Ну, какъ императоръ отрекся бы отъ своихъ словъ? Что было бы тогда? Какъ я сказалъ: вы можете почитать себя счастливымъ; потому что вся Европа повѣрила бы не вамъ, а императору».

Пораженный сэръ Гамильтонъ ничего не отвѣтилъ, сознавая всю справедливость этого замѣчанія. Но князь Метернихъ, приведя его къ тому пункту, куда хотѣлъ, не подарилъ ему и послѣдней горькой нилюли.

— «Я хочу сказать этимъ, что было весьма опасно и вовсе не входило въ вашу задачу—заставлять императора высказывать все, что у него было на умѣ (lui tirer les vers du nez). Вѣдь вы не первый, которому онъ говорилъ о «больномъ человѣкѣ». Эта мысль преслѣдовала его уже годами! Ваша задача состояла въ томъ, чтобы вовсе не дать ему говорить, или сейчасъ же привести къ молчанію. Желаете ли знать, какъ *я* это сдѣлалъ, когда онъ заговорилъ со мною о «больномъ человѣкѣ?» Это было въ Мюнхенгрецѣ, за обѣденнымъ столомъ. Я сидѣлъ противъ ихъ величествъ. Нагнувшись черезъ столъ, царь спросилъ меня: «Prince Metternich, que pensez vous du Turc? C'est un homme malade, n'est pas?» [1]). Я какъ бы не разслышалъ вопроса, и притворился такимъ же глухимъ, когда онъ вторично и съ тѣмъ же обратился ко мнѣ. Когда же онъ въ третій разъ повторилъ вопросъ, пришлось все таки отвѣтить. Я отвѣтилъ не прямо, а встрѣчнымъ вопросомъ: «Est-ce au médécin ou à l'héritier que Votre Majesté adresse cette question?» [2]). Отвѣта не послѣдовало, и императоръ Николай никогда уже не заговаривалъ со мною о «больномъ человѣкѣ».

Эта тонкая критика, обнаруживающая настоящаго государственнаго человѣка, заставляетъ полагать, что князь Метернихъ хорошо зналъ императора Николая. Можетъ быть, удалось бы воспрепятствовать нелѣпой Крымской войнѣ, если бы въ то время въ Петербургѣ находился посланникъ, который своею тактичностію и аргументами здраваго человѣческаго ума съумѣлъ бы одолѣть неотступно преслѣдовавшую несчастнаго монарха идею.

---

[1]) Князь Метернихъ, что вы думаете о туркѣ? Вѣдь это больной человѣкъ—не правда ли?

[2]) Къ кому, ваше величество, адресуете этотъ вопросъ?—врачу, или наслѣднику?

Digitized by Google

Нѣтъ ничего удивительнаго, если императоръ Николай считалъ возможнымъ осуществленіе увлекавшихъ его мыслей относительно Турціи. Стоитъ вспомнить, какимъ авторитетомъ пользовался онъ въ ту эпоху, какую роль онъ игралъ въ 1849 и 1850 годахъ. Какое впечатлѣніе должно было произвести на его гордый умъ уже одни тѣ слова, которыми начиналось донесеніе князя Паскевича: «Венгрія у ногъ вашего величества!»—Но этого еще мало! Развѣ черезъ годъ послѣ того, въ Ольмюцѣ, Австрія и Пруссія не подчинились его рѣшающему приговору? Послѣ этого можно ли было изумляться, если царь смотрѣлъ на монарховъ обѣихъ державъ не какъ на союзниковъ, а почти какъ на вассаловъ? Относительно Австріи онъ хвалился передъ Сеймуромъ, что совершенно въ ней увѣренъ; а о Пруссіи даже и не удостоивалъ говорить. Съ его точки зрѣнія, само собою разумѣлось, что въ Берлинѣ будутъ послушны каждому его мановенію. Въ замѣчательномъ ослѣпленіи своемъ, онъ совершенно забывалъ принимать въ разсчетъ еще «Monsieur Son Grand Ami» и вполнѣ поглощенную революціею Францію. И такой взглядъ на вещи былъ не у него одного. Общественное мнѣніе—насколько оно могло высказываться въ Россіи—только укрѣпляло его въ убѣжденіи, что вся Европа расшатана революціею и что государи и народы вынуждены будутъ молить бѣлаго царя о милости, дабы взялъ подъ свое могучее покровительство ихъ жизнь и имущество. Эта иллюзія была такъ распространена, что ее высказывали повсюду самымъ наивнымъ образомъ, и никакая лесть не могла быть болѣе пріятна самому императору.

Въ психологическомъ отношеніи было, поэтому, совершенно понятно, что Николай Павловичъ, зимою 1852—53 годовъ, совершенно серьёзно воображалъ себѣ, что стоило ему лишь войти въ соглашеніе съ Англіею, гдѣ его другъ Абердинъ сдѣлался премьеромъ, дабы рѣшить судьбу Оттоманской имперіи, какъ вздумается. Считаю возможнымъ сомнѣваться въ томъ, чтобы онъ, дѣйствительно, намѣревался покорить Константинополь. Намѣреніе его состояло въ томъ, чтобы опутать Турцію всякими договорами и трактатами и подчинить совершенно своему авторитету. Когда онъ замѣтилъ, что англичане не шли на приманку, показанную имъ въ видѣ пріобрѣтенія Египта, то попытался окончательно разсорить Австрію съ Турціею.

Въ Вѣнѣ негодовали на султана за пристанище, дарованное имъ поляку Бему, Кошуту и другимъ венгерскимъ бѣглецамъ. На сухомъ пути стягивались войска; австрійскіе военные корабли принимали угрожающее положеніе, которое, впрочемъ, при перевѣсѣ турецкаго флота, было не безопаснымъ для нихъ самихъ. Пограничныя распри между турками и черногорцами дали австрійскому кабинету благопріятный предлогъ къ миссіи графа Лейнингена, — о которой, для публики, мало что сдѣлалось извѣстнымъ. Помянутый графъ поѣхалъ въ Константинополь, предъявилъ тамъ какія-то требованія, совѣщался съ императорскимъ интернунціемъ, съ членами дивана (повидимому, безуспѣшно) и,

Digitized by Google

наконецъ, поставилъ ультиматумъ, угрожая, что не только онъ, но и интернунцій потребуютъ свои паспорты, если въ теченіи 24-хъ часовъ Порта не одумается.

Казалось, дѣйствительно, что султанъ готовъ довести дѣло до этой крайности; русскій повѣренный въ дѣлахъ, Озеровъ, считалъ разрывъ дипломатическихъ отношеній между Австріею и Портою неизбѣжнымъ. Въ такомъ смыслѣ онъ написалъ донесеніе и отправилъ его, съ фельдъегеремъ, въ Петербургъ. Фельдъегерь, по обыкновенію, привезъ свои депеши не въ министерство иностранныхъ дѣлъ, а въ Зимній дворецъ. Вскрывъ пакетъ и прочитавъ бумаги, царь послалъ за Нессельроде. Войдя къ государю, канцлеръ нашелъ его въ самомъ радостномъ возбужденіи.

— «Ну, вотъ оно!—вскричалъ онъ—что я вамъ всегда говорилъ? Съ этими турецкими собаками ничего не подѣлаешь. Они отвергли справедливыя требованія австрійскаго императора; Лейнингенъ уѣхалъ, а интернунцій потребовалъ свои паспорты. Теперь для насъ насталъ давно ожидаемый моментъ дѣйствій. Возьмите, прочтите сами!»

Министръ взялъ донесеніе Озерова и прочелъ его съ обычнымъ спокойствіемъ, но съ напряженнымъ вниманіемъ.

— «Ну, что же—нетерпѣливо воскликнулъ государь—кончили вы?»

«Прошу простить меня, ваше величество, но вы не прочли постскриптума».

— «Какого постскриптума?»

«Точно такъ, в. в. Нашъ повѣренный въ дѣлахъ доноситъ слѣдующее: когда я собирался запечатывать эту депешу, мнѣ принесли извѣстіе, что Порта, въ послѣдній часъ дарованнаго ей на размышленіе срока, согласилась на исполненіе всѣхъ австрійскихъ требованій. Интернунцій остается, Лейнингенъ же, по увѣнчаніи его миссіи успѣхомъ, оставляетъ Константинополь».

Какого рода впечатлѣніе произвело на государя это извѣстіе, разрушавшее всѣ его надежды и совершенно для него неожиданное, — объ этомъ я самъ могъ судить черезъ нѣсколько дней затѣмъ.

23-го февраля, послѣ опернаго представленія въ Зимнемъ дворцѣ сервированъ былъ роскошный ужинъ. За однимъ изъ столовъ помѣщался дипломатическій корпусъ, и мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ графомъ Францомъ Зичи, который былъ тогда въ Петербургѣ единственнымъ «знатнымъ иностранцемъ». Въ Россію прибылъ онъ по частнымъ дѣламъ своей жены, которая владѣла тамъ недвижимыми имѣніями; но при дворѣ знали его хорошо, такъ какъ въ предшествовавшемъ году онъ велъ въ Варшавѣ переговоры относительно уплаты военныхъ издержекъ по оказанному содѣйствію въ усмиреніи Венгріи, и закончилъ это дѣло пріятнымъ для русскаго императора образомъ.

Николай Павловичъ не ужиналъ, но пришелъ въ столовую залу и вдругъ остановился за стуломъ моего сосѣда. Послѣдній хотѣлъ было подняться, но

Digitized by Google

былъ удержанъ двумя могучими руками. Когда императоръ заговорилъ по нѣмецки, то я тоже счелъ нужнымъ встать, дабы напомнить, что я понимаю нѣмецкій языкъ. Но мнѣ было указано сидѣть, и государь продолжалъ говорить, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, и излагать графу Зичи, который черезъ нѣсколько дней хотѣлъ ѣхать въ Вѣну, свои словесныя порученія императору Францу Іосифу. Въ продолженіе всего ужина царь говорилъ безъ перерыва, а графъ Зичи слушалъ его молча. Перейдя самъ къ болѣе привычному для него французскому языку, Николай Павловичъ сталъ изливать свое сердце съ тою не стѣсняющеюся откровенностію, замѣтить которую я уже имѣлъ случай при моей первой аудіенціи. Темою рѣчи были укоризны туркамъ, — «ces chiens de Turcs», по неоднократному выраженію его величества. «Ихъ государство въ Европѣ не можетъ быть долѣе терпимо, и онъ разсчитываетъ на то, что императоръ австрійскій, котораго онъ любитъ какъ сына, сообща съ нимъ положитъ конецъ гнусному порядку вещей на Босфорѣ и угнетенію бѣдныхъ христіанъ этими невѣрными басурманами».

Эта филиппика, нерѣдко переходившая въ рѣшительно-повелительный тонъ, невольно напомнила мнѣ о катоновскомъ caeterum censeo. Если бы узналъ объ этомъ графъ Нессельроде, то поправилъ бы, по своей привычкѣ, очки на носу и произнесъ бы: «Мой государь не дипломатъ!» Само собою разумѣется, что я, какъ въ Петербургѣ, такъ потомъ въ Лондонѣ, и не заикнулся о томъ, что слышалъ.

V.

Но приготовленъ я былъ теперь на все, и потому меня нисколько не удивило, когда вскорѣ послѣ этого я услыхалъ, что государь внезапно повелѣлъ привести на военное положеніе 4-й и 5-й армейскіе корпуса, расположенные близъ турецкой границы. Извѣстіе это дошло до меня отъ одной, теперь уже давно умершей, придворной дамы, изъ приближенныхъ императрицы. Источникъ этотъ показался мнѣ не совсѣмъ надежнымъ, и такъ какъ молодыя дамы не слишкомъ компетентны въ военныхъ вопросахъ, онъ могъ основываться на какомъ нибудь недоразумѣніи. Поэтому я отправился къ моему пріятелю Сеймуру, спросить, слыхалъ ли и онъ что нибудь про это. Вслѣдствіе своихъ откровенныхъ бесѣдъ съ государемъ (о «больномъ человѣкѣ»), про которыя онъ мнѣ, конечно, ничего не могъ разсказывать,—британскій посланникъ лучше меня былъ въ состояніи оцѣнить все опасное значеніе этой мѣры. Оказалось, что онъ ничего не зналъ; но тѣмъ сильнѣе встревожился. «Это невозможно!—вскричалъ онъ,—но, если такъ, то вѣдь война неизбѣжна. Я сейчасъ соберу свѣдѣнія и потомъ сообщу вамъ, что узналъ».

Digitized by Google

Часа черезъ два по возвращеніи моемъ домой, мнѣ доложили о пріѣздѣ сэра Гамильтона Сеймура. Въ величайшемъ волненіи бросился онъ на кресло и сказалъ: «Завтра отправляю курьера. Лордъ Кларендонъ теперь, благодаря Бога, занимаетъ мѣсто статсъ-секретаря по внѣшнимъ дѣламъ. Для меня у него нѣтъ отказа, и я буду просить, чтобы меня отозвали. Здѣсь мнѣ больше не вытерпѣть: у меня земля горитъ подъ ногами».

— Но помилуйте, старый пріятель мой, что же случилось? Вы же мнѣ часто говорили, что вамъ здѣсь очень нравится.

— «О! противъ общества я ничего не имѣю. Но я вѣдь здѣсь не для того, чтобы развлекаться; а служебныя обязанности мои я могу выполнять успѣшно лишь тогда, когда имѣю дѣло съ людьми, на которыхъ могу полагаться; а такихъ здѣсь нѣтъ. До сихъ поръ я сносилъ это, будучи убѣжденъ, что, по крайней мѣрѣ, маленькій Нессельроде есть джентльменъ. Сегодня онъ мнѣ доказалъ противное. Извѣстіе, которое вы мнѣ сообщили, было мнѣ подтверждено изъ надежнѣйшихъ источниковъ. Тогда я поспѣшилъ къ канцлеру, чтобы съ его помощію остановить, если возможно, эту злополучную мобилизацію у турецкой границы. А онъ, представьте себѣ, пожимаетъ плечами, смѣется и увѣряетъ меня, до наглости спокойно, что извѣстіе это должно быть выдумкой, потому что онъ ровно ничего о немъ не знаетъ. Это уже черезъ-чуръ. Съ этимъ министромъ я не могу имѣть дѣла!»

— Но, позвольте—возразилъ я, желая успокоить Сеймура,—кто же вамъ сказалъ, что Нессельроде говоритъ не чистую правду?

— «Развѣ вы считаете возможнымъ, чтобы первый министръ государства ничего не зналъ о такой мѣрѣ, отъ которой зависитъ миръ Европы? И еще такой человѣкъ, котораго я до сихъ поръ считалъ главнымъ поборникомъ, главною надеждою мира!»

— Вы дольше меня живете въ этой странѣ и потому должны бы были лучше меня знать, что императоръ Николай—самодержецъ въ полномъ смыслѣ слова, что онъ часто принимаетъ рѣшенія, не говоря о нихъ ни слова своимъ министрамъ. Кто вамъ поручится, что и теперь не случилось того же? Поэтому, прежде чѣмъ просить увольненія, обождите спокойно и не торопитесь осуждать графа Нессельроде.

Черезъ нѣсколько дней Сеймуръ опять зашелъ ко мнѣ и сказалъ: «Вы были правы. Ни Нессельроде, ни военный министръ кн. Долгорукій, ни даже самъ Орловъ ничего ровно не знали объ этой несчастной мобилизаціи. Императоръ получилъ депеши изъ Константинополя, прочелъ ихъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, позвонилъ, приказалъ позвать дежурнаго адъютанта, вручилъ ему запечатанный пакетъ и сказалъ только: «въ Чугуевъ, и живѣе!» Вотъ и все. Теперь я остаюсь и попытаюсь съ помощію маленькаго исправить ошибку высокаго. Но это будетъ трудно: такъ какъ я слышу, что Меньшиковъ долженъ отправиться въ Константинополь, съ секретнымъ порученіемъ.

Digitized by Google

Черезъ день или два послѣ того, что дежурный адъютантъ, по порученію государя, поскакалъ въ Чугуевъ, везя съ собою несчастныя депеши, императоръ пришелъ на вечернее собраніе въ гостинную императрицы; онъ былъ, повидимому, въ наилучшемъ расположеніи и, подойдя къ прусскому военному агенту графу Мюнстеру, къ которому весьма благоволилъ, спросилъ у него: «Ну, что новаго?»

— Я ничего не знаю. Можетъ быть, ваше величество мнѣ что нибудь сообщите.

— «Ну, такъ да будетъ вамъ извѣстно, что я приказалъ привести 4-й и 5-й корпуса на военное положеніе».

— Этого вы, ваше величество, могли бы и не дѣлать!

Государь не мало не оскорбился такимъ смѣлымъ замѣчаніемъ, а только воскликнулъ:

— «Ну вотъ! То же мнѣ и Орловъ сейчасъ говорилъ».

Однако, князь Орловъ поплатился за эту мобилизацію довольно тяжелыми минутами. Сановникъ этотъ, по смерти Волконскаго, былъ самымъ довѣреннымъ лицомъ у его величества. Онъ оказалъ своему государю, при самомъ его вступленіи на престолъ, одну изъ такихъ услугъ, которыя не легко забываются. Неблагодарность, въ которой такъ часто упрекаютъ властителей, не имѣла мѣста въ благородномъ характерѣ императора Николая, и кто, подобно Орлову, оказалъ бы ему существенную услугу, тотъ могъ всегда разсчитывать на его милость. Быстро поднимаясь по ступенямъ служебной іерархіи, Орловъ, въ 1853 г., былъ начальникомъ 3-го отдѣленія и шефомъ жандармовъ, въ вѣдѣніи коего была вся высшая тайная полиція. Власть его была сильнѣе власти любаго перваго министра: передъ нимъ все трепетало.

А между тѣмъ и съ этимъ могущественнымъ человѣкомъ императоръ обращался, иногда, какъ съ школьникомъ. Въ данномъ случаѣ, дѣло, вѣроятно, сложилось такъ, что Нессельроде заговорилъ съ его величествомъ о вышепомянутомъ запросѣ Сеймура относительно мобилизаціи двухъ армейскихъ корпусовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изобразилъ тягостное впечатлѣніе, которое эта неожиданная мѣра произведетъ на Европу. Разгнѣванный государь велѣлъ позвать Орлова и принялъ его весьма дурно.

— «На что у меня полиція?» вскричалъ онъ.

— Это вашему величеству должно быть лучше, чѣмъ кому либо, извѣстно.

— «Совершенно справедливо; только я не знаю куда она годится. Если вы мнѣ черезъ 24 часа не назовете измѣнника, разгласившаго тайну мобилизаціи 4-го и 5-го корпусовъ—то вы уволены!»

— О! спокойно отвѣчалъ Орловъ, — у меня полиція такая отличная, что я не нуждаюсь въ 24-хъ часахъ, чтобы назвать измѣнника.

— «Такъ онъ вамъ извѣстенъ? Вы знаете?»

Digitized by Google

— Я знаю, что знаю, ваше величество, но высказать это могу лишь по высочайшему повелѣнію.

— «Даю вамъ это повелѣніе!».

— Измѣнникъ, котораго ваше величество изволите разыскивать, называется Николай Павловичъ, императоръ всероссійскій, который, говоря въ гостинной императрицы о государственныхъ дѣлахъ — и именно о военныхъ мѣрахъ — всегда благоволитъ забывать, что у каждой изъ присутствующихъ тамъ придворныхъ дамъ есть не только два уха, но братья и родственники, служащіе въ арміи, которымъ она все пересказываетъ. И вотъ какимъ образомъ всяко произнесенное государемъ слово раздается по городу, словно бѣглый огонь.

Послѣ такого полицейскаго отчета, Орлова не уволили отъ должности. Тѣмъ не менѣе, государь продолжалъ говорить о томъ, что̀ его занимало, не только на вечернихъ собраніяхъ у императрицы, но и повсюду.

При всемъ томъ, дипломатія стала прилагать стараніе, какъ бы дать мирный исходъ всему дѣлу. Искуснѣйшимъ работникомъ по этой части былъ графъ Нессельроде. Никто болѣе его не былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что завоеваніе Турціи, если бы оно и удалось, было бы безуміемъ, которое могло бы поставить на карту самое существованіе русскаго государства.

Впрочемъ, эта мобилизація, импровизированная прихотью государя, объясняется частію тѣмъ, что согласіе Порты, исполнить австрійскія требованія, доказывало, въ глазахъ императора, слабость ея.

VI.

Въ морскихъ романахъ и въ описаніяхъ путешествій главную роль играетъ маленькое черное облачко, въ которомъ опытные капитаны кораблей видятъ предвѣстіе бури, между тѣмъ какъ пассажиры, не предчувствуя ничего дурнаго, услаждаются видомъ яснаго неба и спокойнаго моря. Подобно сему, и то маленькое черное облачко, которое появилось надъ Іерусалимскими стѣнами, нисколько не помѣшало увеселеніямъ, которымъ предавалось знатное петербургское общество, въ зиму 1852—1853 г.

Весьма ощутительно было для меня здѣсь отсутствіе того простаго, естественнаго тона, который придаетъ общественной жизни въ Вѣнѣ характеръ семейственности. Я скоро замѣтилъ разницу между австрійскою и русскою аристократіею. Хотя положеніе послѣдней уже не было столь незавидныхъ, какъ въ царствованіе Павла I, который однажды поразилъ одного иностраннаго дипломата слѣдующею фразою: „En Russie il n'y a de noble que celui à qui je parle et tant que je lui parle» [1]), тѣмъ не менѣе, главная

[1]) Въ Россіи благороденъ лишь тотъ, съ кѣмъ я говорю, и пока я съ нимъ говорю.

Digitized by Google

суть состояла гораздо болѣе въ служебномъ положеніи, въ чинѣ—нежели въ знатности происхожденія. Были, конечно, древніе роды, хвалившіеся тѣмъ, что происходятъ отъ Рюрика, и потому звавшіеся рюриковичами. Между четырехъ глазъ, члены этихъ семействъ, можетъ быть, похваливались и тѣмъ, что ихъ фамиліи старше Романовыхъ.

Старо-русское направленіе, которое такъ усилилось послѣ крымской войны, въ то время было только еще въ зародышѣ. Однако, въ гостинныхъ начинали уже съ нѣкоторою афектаціею говорить по русски, сравнивать историка Карамзина съ Тацитомъ, а поэта Пушкина съ Гете. А между тѣмъ исторія Россіи, Карамзина, написана in usum Delphini. Пушкинъ, какъ стихотворецъ, конечно много содѣйствовалъ тому, чтобы мелодичному языку своего народа сообщить достоинство языка письменнаго. Но универсальнымъ геніемъ, подобнымъ Гёте, онъ не былъ; а для иноземцевъ имѣетъ мало значенія въ смыслѣ культурно-историческомъ,.

Это національничанье выразилось, между прочимъ, и въ ненависти къ нѣмцамъ. Правда высшія мѣста въ арміи и дипломатіи были заняты нѣмцами [1]). Многочисленные сыны остзейскаго дворянства глядѣли на русское государство въ родѣ того, какъ младшіе сыновья англійской аристократіи, въ былыя времена, глядѣли на Индію — т. е. какъ на неистощимую сокровищницу почестей и богатствъ. Но если государи русскіе избирали довѣреннѣйшихъ своихъ слугъ изъ этихъ потомковъ нѣмецкихъ рыцарей меченосцевъ, то имѣли на то основательныя причины. Силою здраваго сужденія, выдержки въ трудѣ а особенно вѣрностію и честностію, нѣмцы рѣшительно превосходили русскихъ.

Одинъ изъ этихъ курляндцевъ, котораго я знавалъ еще въ Дрезденѣ и который занималъ одно изъ высшихъ мѣстъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, увѣрялъ меня, что онъ самъ предостерегалъ императора отъ заносчивости русской партіи и прямо, будто, сказалъ ему: „Если вы, ваше величество, не обратите вниманія на это безобразіе, то мы еще въ ваше царствованіе дождемся Варѳоломеевской ночи, устроенной для всѣхъ нѣмецкихъ чиновниковъ“. По словамъ моего пріятеля, государь выслушалъ это заявленіе весьма серьёзно и обѣщалъ принять свои мѣры.

Что нѣмецъ Нессельроде отдавалъ предпочтеніе своимъ соотечественникамъ, въ томъ нельзя было упрекать его, потому что Мейендорфа въ Вѣнѣ, Брунова въ Лондонѣ, равно какъ и Будберга въ Берлинѣ не легко было бы замѣнить русскими. Пришлось, вѣдь, даже корсиканцу Поццо-ди-Борго, въ теченіи многихъ лѣтъ, быть представителемъ Россіи въ Парижѣ, потому что

---

[1]) Одинъ русскій генералъ нѣмецкаго происхожденія доказалъ мнѣ, съ именнымъ спискомъ генераловъ и офицеровъ въ рукахъ, что съ каждою возвышающеюся степенью чина процентное отношеніе нѣмцевъ увеличивается.

Digitized by Google

болѣе способнаго не могли найти. Впрочемъ, въ высшемъ обществѣ, эта нѣмцофобія весьма мало обнаруживалась.

Между домами, открытыми для насъ, иностранцевъ, отличался домъ графа Строгонова. Престарѣлый восьмидесятилѣтній хозяинъ былъ слѣпъ, но сохранилъ свой свѣжій и живой умъ. Въ молодости своей онъ былъ представителемъ Россіи при многихъ дворахъ и не прерывалъ своихъ старыхъ связей.

Вторая супруга его, Юлія, рожденная графиня Ойнхаузенъ (Oynhausen) была дочерью или внучкою ганноверца, проживавшаго въ Португаліи, гдѣ она и родилась. Графиня Юлія была лѣтъ на двадцать моложе своего слѣпаго мужа, но отличалась рѣдкою живостію чувствъ и общительностію. Прекрасный домъ ихъ, украшенный всевозможными сокровищами искуствъ, былъ съ утра до вечера полонъ посѣтителями. По старинному русскому обычаю, у нихъ каждый день былъ открытый столъ, у котораго и для званныхъ, и для незванныхъ всегда находилось мѣсто. Старшій сынъ отъ перваго брака (уже шестидесятилѣтній старикъ), генералъ гр. Строгоновъ, былъ въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ и слылъ за энергическаго служаку. Младшій, Григорій, полковникъ и флигель-адъютантъ, послѣ кончины герцога Лейхтенбергскаго сочетался морганатическимъ бракомъ съ великою княгинею Маріею Николаевною. Нельзя было сказать, чтобы графиня Юлія отличалась выдающимся умомъ, но она была сердечно добра и съ трогательною внимательностію ухаживала за своимъ слѣпымъ супругомъ. Нѣсколько молодыхъ племянницъ, изъ которыхъ назову лишь прелестную графиню Орлову-Денисову—(впослѣдствіи вступившую во второй бракъ, съ графомъ Шуваловымъ) — оживляли этотъ европейскій салонъ.

Изъ министровъ, бывшій посолъ въ Парижѣ, а теперь управлявшій государственными имуществами, графъ Киселевъ, былъ тоже весьма любезенъ съ иностранцами.

Оберъ-прокуроръ синода, генералъ-адъютантъ Протасовъ, котораго въ шутку называли русскимъ папою, тоже охотно принималъ у себя, особенно лѣтомъ на своей дачѣ.

Кромѣ того, открыто жили: графъ Кушелевъ, графъ Воронцовъ-Дашковъ и многіе другіе.

Особенными свойствами отличался салонъ дочерей историка Карамзина, изъ которыхъ старшая была замужемъ за княземъ Мещерскимъ. Сама она хворала; но ея младшія, не замужнія сестры, равно какъ и ихъ зять, очень любили, когда послѣ баловъ еще заѣзжали къ нимъ. Если являлись къ нимъ около четырехъ часовъ утра, то это никого не удивляло. Часто приходилось намъ уже засвѣтло уходить изъ этого гостепріимнаго дома.

Во дворцѣ Бѣлосельскихъ — одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ во всемъ городѣ (нынѣ велик. князя Сергія Александровича) жила въ то время княгиня Елена Кочубей, рожденная Бенкендорфъ, недавно потерявшая своего мужа.

Digitized by Google

Она хотя и допускала гостей въ свой траурный будуаръ, но сама въ эту зиму не показывалась въ пріемныхъ залахъ. Тамъ играла роль хозяйки только что вышедшая замужъ дочь ея отъ перваго брака, княгиня Елисавета Трубецкая, она же распоряжалась и празднествами. Одно изъ нихъ, на которомъ я присутствовалъ, состояло изъ живыхъ картинъ, аранжированныхъ съ большимъ вкусомъ; другое было оригинальнѣе: то было обычное пасхальное розговѣнье, послѣ продолжительнаго русскаго поста. Во многихъ изъ знатныхъ русскихъ домовъ содержались, какъ при дворѣ, особые хоры пѣвчихъ, которые пѣли за богослуженіемъ въ домашнихъ церквахъ. Всѣ эти пѣвчіе носили кафтаны цвѣтовъ фамильнаго герба, и, по большей части были хорошо обучены. Русскіе по природѣ музыкальны, такъ что эти хоры могли смѣло состязаться въ пѣніи съ знаменитою сикстинскою капеллою. Разница лишь въ томъ, что, вмѣсто тамошнихъ кастратовъ, здѣсь поютъ мальчики.

Вышепомянутое празднество во дворцѣ Бѣлосельскихъ началось, какъ обыкновенно, въ 10 часовъ вечера (12 ?). Церковь была въ нижнемъ этажѣ, а верхняя ея часть съ хорами—на одной высотѣ съ пріемными залами. Тутъ происходило постоянное движеніе въ церковь и обратно, продолжавшееся во все время службы. Молящіеся и любители музыки заходили на хоры, на четверть часа, а затѣмъ снова возвращались въ гостинную. Пріѣхавшія изъ Зимняго дворца придворныя дамы, въ ихъ роскошныхъ русскихъ нарядахъ, еще болѣе оживили это непрерывное коловращеніе между молитвою и свѣтскими разговорами. Когда въ церкви запѣли „Христосъ воскресъ!"—всѣ мужчины и женщины стали обниматься, а затѣмъ поспѣшили вознаградить себя, за многонедѣльное воздержаніе, благословенными явствами, которыми былъ богато уставленъ столъ. Зрѣлище, для чужестранца, очень своеобразное! Русскіе полагаютъ доказательство своего православнаго благочестія въ томъ, что, въ день пасхи, разъ тысячу повторятъ „Христосъ воскресъ!" и утверждаютъ это обязательнымъ отвѣтомъ „Во истину воскресъ!"—Даже самъ государь цалуется съ гренадерами, занимающими караулы у дворца.

Digitized by Google

VII.

Но каково было положеніе дѣлъ подъ ногами этого новѣйшаго Агамемнона, этого короля королей, который, достигнувъ вершины могущества и величія, любилъ смотрѣть на себя какъ на опору государственнаго порядка Европы, какъ на защитника прочихъ властителей, угрожаемыхъ революціею? Онъ гордился тѣмъ, что, во всякое время дня и ночи, могъ прогуливаться по улицамъ свой столицы безъ всякой охраны. Я встрѣчалъ его почти ежедневно на пути къ его дочери, великой княгини Маріи: издалека уже можно было узнать его высокую фигуру, въ старой поношенной военной шинели — той самой, которую онъ, однажды, долженъ былъ оставить извощику въ видѣ залога. Много ходило разсказовъ въ доказательство близости къ народу и общительности этого самодержца. Его могущество имѣло опору въ массахъ; онъ былъ верховнымъ главою своего народа, общинный бытъ котораго имѣлъ почти коммунистическій и чисто-демократическій характеръ,—народа, который въ царѣ видѣлъ своего отца, свое земное божество. Всѣ эти разсказы звучали весьма красиво, но относились къ дѣйствительности приблизительно такъ же, какъ искусственно-тропическая атмосфера оранжерей, которыми знатныя русскія дамы украшали свои дворцы, относится къ климату Ниццы или Мадейры.

Простой случай обнаружилъ предо мною то, что скрывалось подъ блестящею поверхностію, что происходило внутри волкана, на которомъ такъ самоувѣренно веселились.

Весьма обыкновенное канцелярское дѣло—изъ тѣхъ, какія ежедневно встрѣчаются при посольствахъ—неожиданно навело меня на уразумѣніе истины. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ Дрезденѣ, я познакомился, въ домѣ знатной польской дамы, съ однимъ молодымъ русскимъ, котораго, — чтобы не называть его фамиліи—окрещу просто Иваномъ Ивановичемъ. Онъ обладалъ привлекательною наружностію и манерами самаго лучшаго общества. Онъ посѣщалъ германскіе университеты. Его весьма явныя симпатіи къ младогегеліанской школѣ Фейербаховской окраски особенно поразили меня, такъ какъ я изъ хорошихъ источниковъ зналъ, что онъ состоитъ въ числѣ фаворитовъ графа Нессельроде и считается однимъ изъ отличнѣйшихъ чиновниковъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Въ Петербургѣ я еще не имѣлъ времени съ нимъ повидаться, какъ получилъ порученіе напомнить ему объ уплатѣ одного счета.

По наведеннымъ мною справкамъ оказалось, что Иванъ Ивановичъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ не состоитъ въ министерствѣ, и никто не могъ или не хотѣлъ сообщить мнѣ его адреса. Мнѣ не оставалось ничего болѣе,

Digitized by Google

какъ прибѣгнуть къ офиціальнымъ письменнымъ сношеніямъ, чтобы закончить это малозначущее дѣло. На мою бумагу я получилъ письменный отвѣтъ, что Ив. Ив. сосланъ въ Сибирь и политически умеръ, такъ что совершенно невозможно потребовать отъ него признанія того долга, а отъ его наслѣдниковъ—уплаты. Въ продолженіе долгаго времени я тщетно старался разузнать что либо болѣе подробное о причинахъ этой ссылки. Наконецъ, уже . Г., въ то время управлявшій политическою тайною полиціею, сообщилъ мнѣ, подъ строгою тайною, слѣдующее:

Иванъ Ивановичъ принадлежалъ, несомнѣнно, къ отличнѣйшимъ чиновникамъ графа Нессельроде, и его выдающіяся способности открывали ему полную надежду на блистательную дипломатическую карьеру. Но, къ сожалѣнію, молодой человѣкъ этотъ допустилъ увлечь себя въ тайное общество, цѣлью котораго было разрушеніе всего существующаго. Полиція еще во-время напала на слѣды. При домовомъ обыскѣ нашлись многія, большею частью шифрованныя, письма, разобрать которыя, впрочемъ, было легко, такъ какъ ключъ находился при нихъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, Ив. Ив. и его сообщники были уже подъ стражей. «Могу вамъ сказать только,—заключилъ князь—что все дѣло ведено было съ истинно-дьявольскою геніальностію. Развѣтвленія общества шли по всѣмъ нашимъ провинціямъ. Въ одинъ и тотъ же день, здѣсь, въ Петербургѣ, должны были быть убиты: нѣкоторыя высокопоставленныя лица, а въ провинціяхъ всѣ губернаторы и полицейскіе чиновники, и Россія должна была обратиться въ федеративную республику. Молодой человѣкъ этотъ, какъ я уже сказалъ, есть настоящій геній и явился главою опаснѣйшаго изъ заговоровъ, какіе намъ случалось открывать со временъ вступленія нынѣшняго императора на престолъ. Я, впрочемъ, имѣю всѣ причины предполагать, что Бакунинъ, котораго вы, три года тому назадъ, поймали въ Саксоніи, состоялъ въ тѣснѣйшей связи съ Иваномъ Ивановичемъ. Бакунинъ въ настоящее время здѣсь, такъ какъ австрійское правительство выдало намъ его. Я самъ допрашивалъ его. Жаль этого человѣка! Не думаю, чтобы въ русской арміи нашелся хотя одинъ артиллерійскій офицеръ, который могъ бы сравниться съ нимъ въ познаніяхъ. Въ настоящемъ случаѣ Провидѣніе явно охраняло насъ, и оба преступника, какъ Ив. Ив., такъ и Бакунинъ, поплатятся за свои происки каторгою».

Князь Г. былъ истый джентльменъ и патріотъ, искренне преданный своему царю и отечеству. Извѣстно было, что онъ исполнялъ свои тяжкія обязанности съ кротостію и справедливостію.

Итакъ, императоръ Николай сказалъ мнѣ неприкрашенную правду: Le sol était miné sous ses pieds. Но и въ томъ онъ также обманывался, что въ продолженіе его царствованія партія переворота будетъ оставаться спокойною. Далеко развѣтвившіеся заговоры, подобные тому, въ которомъ участвовалъ Иванъ Ивановичъ, повторяются не каждый день. Раскрытіемъ ихъ обез-

Digitized by Google

печивается спокойствіе на нѣкоторое время. Сколь коротко было это время—намъ извѣстно. А до какой силы могутъ разрастись эти тайныя общества (нигилисты по нынѣшнему названію), доказываетъ злодѣйское умерщвленіе Александра II.

Если представить себѣ, какого рода впечатлѣніе должно было быть произведено этимъ открытіемъ на императора Николая, то не удивляешься, что онъ подпалъ искушенію отвратить внутреннюю опасность посредствомъ внѣшней диверсіи. Точно такимъ же образомъ, въ 1870 году, Наполеонъ III, надѣясь избѣгнуть грозившей внутренней революціи, бросился въ войну, за которую поплатился короною и свободою. Причины, побудившія миролюбиваго Александра II начать войну съ Турціею, истекали повидимому, также изъ опаснаго внутренняго положенія страны при этомъ монархѣ.

Такимъ-то образомъ, пребываніе мое въ Петербургѣ, — хотя оно продолжалось менѣе года,—дало мнѣ достаточно матеріала для того, чтобы въ извѣстной степени ознакомиться съ внутреннимъ и внѣшнимъ положеніемъ Россіи. Не безъ радостнаго чувства привѣтствовалъ я вскрытіе Невы. Рѣшено было, что съ первымъ отходящимъ кораблемъ я оставляю русскую столицу.

Когда приблизилось время отъѣзда, я испросилъ себѣ прощальныя аудіенціи и покончилъ текущія дѣла; императоръ принялъ меня съ обычною вѣжливостію, но я нашелъ его весьма измѣнившимся, омраченнымъ, скупымъ на слова и разсѣяннымъ. Болѣе сообщительнымъ оказался наслѣдникъ-цесаревичъ, будущій императоръ Александръ II—человѣкъ любезный и добродушный.

Въ то время, кратчайшимъ путемъ въ Германію былъ путь морской. Въ продолженіе тѣхъ мѣсяцевъ, когда Нева не покрыта льдомъ, отходилъ еженедѣльно пароходъ въ Штетинъ. Наканунѣ моего отъѣзда, графъ Нессельроде послалъ просить меня еще разъ побывать у него. Онъ встрѣтилъ меня весьма привѣтливо и былъ, повидимому, въ наилучшемъ расположеніи духа. „Извините меня, что я васъ сюда пригласилъ,—сказалъ онъ; но я хотѣлъ лично вручить вамъ это письмо, такъ какъ для меня чрезвычайно важно, что бы оно не попало туда, куда не слѣдуетъ. Въ награду за передачу, сообщу вамъ и его содержаніе. Нынѣче ночью получена мною изъ Константинополя депеша, принесшая столь давно и столь жадно ожидавшееся мною извѣстіе, что несчастный вопросъ о Святыхъ мѣстахъ, наконецъ, покончен. Такъ какъ вслѣдствіе этого миръ обезпеченъ, то я, въ письмѣ къ моему старому пріятелю Шредеру (русскій посланникъ въ Дрезденѣ), назначаю ему въ будущемъ іюнѣ свиданіе въ Киссингенѣ".

Я поблагодарилъ канцлера. Лучшаго заключенія моей миссіи мнѣ нельзя было ожидать.

По прибытіи въ Свинемюнде, я немедленно поспѣшилъ въ телеграфное бюро, чтобы переслать эту мирную вѣсть въ Дрезденъ.

Digitized by Google

Когда черезъ нѣсколько дней я самъ прибылъ туда, то мнѣ сообщили, что телеграмма моя была тотчасъ же отправлена въ Вѣну; но оттуда, по телеграфу же, былъ полученъ отвѣтъ, что вопросъ о ключахъ (отъ Іерусалимскаго храма), дѣйствительно, былъ покончень, но что миръ вовсе не обезпеченъ, такъ какъ Меншиковъ, между тѣмъ, ставитъ въ Константинополѣ такія требованія, которыхъ Порта не будетъ имѣть возможности исполнить.

— Этимъ доказывается только, замѣтилъ я, что графъ Нессельроде и на этотъ разъ не былъ посвященъ въ тайну.

VIII.

Почти непосредственно послѣ пребыванія своего въ Петербургѣ, графъ Фицтумъ назначенъ былъ саксонскимъ посланникомъ въ Лондонъ. Сюда попалъ онъ въ самый разгаръ Восточнаго вопроса. Приводимъ изъ его лондонскихъ воспоминаній тѣ мѣста, которыя прямо касаются Россіи и отношенія къ ней какъ англійскихъ государственныхъ людей того времени, такъ и англійскаго общества.

Описавъ всѣхъ выдававшихся личностей дипломатическаго корпуса, графъ Фицтумъ слѣдующимъ образомъ характеризируетъ тогдашняго представителя Россіи при англійскомъ правительствѣ.

Способнѣйшимъ изъ всѣхъ представителей великихъ державъ, въ 1853 г., былъ, несомнѣнно, русскій посолъ, баронъ фонъ-Брунов. Впервые обратилъ онъ на себя вниманіе императора Николая во время кампаніи 1828 года. По наружности, это былъ человѣкъ высокаго роста, необычайно ширококостый и крѣпко сложенный. Если правда, что всякій человѣкъ имѣетъ какой нибудь прототипъ изъ царства животныхъ, то Брунова можно было бы сравнить съ бегемотомъ: въ немъ было нѣчто допотопное. Громадный ротъ его обнаруживалъ коллекцію фальшивыхъ зубовъ. Глазами онъ тоже напоминалъ гиппопотама. Подобно этому звѣрю, когда онъ вылѣзаетъ изъ воды, Брунов тоже имѣлъ привычку пыхтѣть и фыркать. Онъ слылъ за отличнѣйшаго редактора и, можетъ быть, придавалъ болѣе важности формѣ, нежели содержанію своихъ депешъ, которыя считались образцовыми. Когда онъ присутствовалъ на конференціяхъ и рѣчь заходила о составленіи какого нибудь протокола или конвенціи, то онъ употреблялъ всѣ старанія для того, чтобы ему было довѣрено изложеніе ихъ на бумагѣ, и къ этой его слабости охотно снисходили. Въ обхожденіи съ людьми онъ афектировалъ простодушіе, которое было весьма далеко отъ его природы. Онъ принадлежалъ къ старой дипломатической школѣ. Онъ льстилъ изъ принципа, но съ такою изысканностію, изъ-за которой намѣренія его ясно проглядывали и заставляли собесѣдника быть на сторожѣ.

Digitized by Google

Англичане подсмѣивались надъ этими маленькими хитростями; но тѣмъ не тѣмъ не менѣе легко поддавались авторитету его опытности и знанія дѣлъ...

Министерство лорда Абердина не просуществовало еще и пяти мѣсяцевъ, когда требованія, предъявленныя Портѣ княземъ Меншиковымъ, вызвали Восточную войну, подвергшую таланты англійскихъ государственныхъ людей весьма тяжелому испытанію.

Эта серьезная европейская смута—первая со временъ 1815 года, застала всѣ, безъ исключенія, кабинеты не приготовленными. Правда, что уже русско-турецкая война 1828—29 годовъ, равно какъ четверной союзъ противъ Франціи, въ 1840 году, выдвинули опять Восточный вопросъ на сцену. Но тогда удалось его локализировать и воспрепятствовать открытію войны между двумя или нѣсколькими европейскими великими державами....

Изъ первыхъ моихъ бесѣдъ съ лордомъ Кларендономъ, о возникающихъ на Востокѣ недоразумѣніяхъ, я могъ заключить, что, вопреки вызывающему поведенію князя Меншикова въ Константинополѣ, довѣріе англійскаго статсъ-секретаря къ лояльности императора Николая еще не было поколеблено. Всегда охотно вѣрятъ тому, чего желаютъ; а англійскіе министры, по крайней мѣрѣ лордъ Абердинъ и лордъ Кларендонъ, ничего искреннѣе не желали, какъ сохраненіе мира. Къ Турціи симпатіи не питали, и, въ началѣ, англичане были весьма далеки отъ мысли вести войну съ Россіею изъ-за этого невѣрнаго полуистлѣвшаго государства. При этомъ особенно ясно обнаружилось свойственное англійскимъ государственнымъ людямъ незнакомство съ положеніемъ дѣлъ на континентѣ и надменное къ нимъ равнодушіе.

Ошибочнымъ было бы предполагать, что конфиденціальная корреспонденція сэра Гамильтона Сеймура, веденная въ январѣ и февралѣ, т. е. во время тайныхъ переговоровъ съ императоромъ Николаемъ, произвела на руководителей англійской политики такое же впечатлѣніе, какое письменный документъ этотъ, будучи прочитанъ черезъ годъ послѣ того въ парламентѣ, произвелъ на общественное мнѣніе. Предложеніямъ царя придано было, такъ сказать, только академическое значеніе, и такъ какъ о нихъ не стали разсуждать, то и считали дѣло покончennымъ. Даже когда князь Меншиковъ, по отклоненіи его ультиматума, оставилъ Константинополь, а русскія войска заняли Дунайскія княжества,—даже и тогда еще продолжали надѣяться, что кризисъ разрѣшится дипломатическимъ путемъ.

Продолжавшіеся въ теченіи нѣсколькихъ недѣль переговоры имѣли результатомъ Вѣнскую „ноту", въ которой можно было найти Меньшиковскія требованія въ болѣе мягкой формѣ, но гдѣ не было и намека объ очищеніи Дунайскихъ княжествъ. Россія поспѣшила изъявить согласіе; но державы вели свои разсчеты не спросивъ хозяина и считали согласіе Порты дѣломъ, не подлежащимъ сомнѣнію, а между тѣмъ она заявила самый рѣшительный протестъ.

Digitized by Google

При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, у Дивана, можетъ быть, не достало бы мужества отвергнуть Вѣнскую ноту; но англійскій посолъ въ Константинополѣ, лордъ Стратфордъ-Редклифъ, былъ не такимъ человѣкомъ, чтобы пропустить подобный случай для отомщенія императору Николаю, который воспротивился назначенію этого страстнаго дипломата посломъ въ Петербургъ. Безгранично честолюбивый, высоко-талантливый и энергическій лордъ взялъ Порту подъ свое покровительство и обратилъ Диванъ въ послушное орудіе своей желѣзной воли. Сомнительно, вообще, чтобы посолъ когда либо игралъ столь авторитетную роль, какъ лордъ Стратфордъ: онъ повелѣвалъ не только въ Константинополѣ, но и въ Лондонѣ.

Англійскіе министры сначала не знали, что́ дѣлать; но скоро убѣдились, что нечего было и думать о томъ, чтобы заставить Порту принять Вѣнскую ноту. Вслѣдствіе сего, мнимо-сильное правительство попало въ такое положеніе, въ которомъ событія стали господствовать надъ нимъ, вмѣсто того, чтобы ему господствовать надъ событіями. Его, противъ воли, толкали въ войну. Въ такомъ смыслѣ и выразился Кларендонъ, въ палатѣ лордовъ....

Между тѣмъ, Бруновъ мало, повидимому, заботился о томъ, чтобы сообщать своему правительству всю истину о положеніи дѣлъ. Онъ зналъ, что государь его, надѣясь на извѣстное всѣмъ миролюбіе лорда Абердина и на подписанный совмѣстно съ нимъ, въ 1844 году, (совсѣмъ при иныхъ обстоятельствахъ), протоколъ, считалъ двѣ вещи вполнѣ невозможными: 1) чтобы Англія объявила войну Россіи, и 2) чтобы она вступила, противъ Россіи, въ союзъ съ Франціею. Съ этими предвзятыми мыслями надо было считаться, по мнѣнію Брунова, а привычка прикрашивать свои депеши (обратившаяся у него во вторую природу) побудила его умалчивать обо всемъ, что не согласовалось съ мнимыми аксіомами царя. Если предположить даже, что такой тонкій наблюдатель, какъ Бруновъ, не придавалъ должной цѣны фактору англійскаго общественнаго мнѣнія, а миролюбивымъ рѣчамъ Кобдена и Квакера Брейта приписывалъ значеніе, какого онѣ не имѣли,—то для него не могла оставаться тайною та „entente cordial“, которая, при самомъ началѣ кризиса, завязалась между Англіею и Франціею.

За оффиціальнымъ обѣдомъ, который, въ іюнѣ 1853 г., давалъ Кларендонъ, по случаю дня коронаціи королевы Викторіи, французскій посолъ Валевскій сидѣлъ подлѣ хозяина, а Бруновъ рядомъ съ Валевскимъ. Какъ Кларендонъ, такъ и Валевскій единогласно увѣряли меня впослѣдствіи, что они обстоятельно и, нарочно, весьма громко—чтобы Бруновъ могъ слышать, разсуждали о восточномъ кризисѣ и о тѣхъ мѣрахъ, которыя Англія и Франція сообща вынуждены будутъ принять, если Россія не измѣнитъ своей агрессивной политикѣ относительно Порты. Едва ли можно допустить, чтобы Бруновъ счелъ все это за пустыя угрозы. Если же онъ доносилъ объ этомъ, то, вѣрно, постарался не слишкомъ рѣзко противурѣчить предвзятымъ идеямъ сво-

Digitized by Google

его государя. Очень можетъ быть и то, что онъ слишкомъ хорошо зналъ императора, дабы вообразить себѣ, что донесенія посланника отклонятъ его отъ разъ принятаго рѣшенія.

Впрочемъ, насколько мало заботились о мнѣніяхъ Брунова, при этихъ, столь опасныхъ для Россіи, обстоятельствахъ, доказываетъ тотъ замѣчательный фактъ, что ни императоръ, ни графъ Нессельроде не подумали вызвать этого дипломата въ Петербургъ, когда онъ, вслѣдствіе объявленія войны, оставилъ Лондонъ. Какъ бы то ни было, но одно, повидимому, вѣрно—это то, что Бруновъ въ означенное время все игнорировалъ, или, по крайней мѣрѣ, не доносилъ ни о чемъ такомъ, что какъ нибудь могло не понравиться его государю.

При тѣхъ интимныхъ отношеніяхъ, которыя Бруновъ, въ 1850 году, завязалъ съ лордомъ Пальмерстономъ, онъ долженъ былъ знать, что этотъ государственный человѣкъ, въ личныхъ своихъ интересахъ, прилагалъ всѣ старанія, чтобы возбудить общественное мнѣніе противъ Абердина и Двора и чтобы, вопреки миролюбію Абердина и Кларендона, сдѣлать войну неизбѣжною. Усерднѣйшимъ ему помощникомъ при этомъ былъ Наполеонъ III. Послѣдній не забылъ услуги, оказанной ему Пальмерстономъ послѣ извѣстнаго „coup d'Etat", 2 декабря 1851 года....

Наполеону III, по вступленіи его на престолъ, очевидно, представлялся выборъ: основать ли свою систему на союзѣ съ Россіею, или на союзѣ съ Англіею. Первое, можетъ быть, было бы популярнѣе во Франціи и выгоднѣе для нея, если бы имѣлись въ виду только политическіе, а не династически-персональные интересы. Но послѣднимъ (какъ это сейчасъ понялъ новый французскій императоръ) могъ послужить на пользу лишь союзъ съ Англіею. Луи-Наполеонъ слишкомъ долго жилъ въ Англіи частнымъ человѣкомъ, чтобы не знать, что — какъ выразился однажды его довѣренный человѣкъ, Персиньи—есть двѣ великія силы въ мірѣ, безъ которыхъ никакое правительство во Франціи не можетъ прочно установиться; это—лондонская биржа и англійская пресса. Но не одной защиты отъ внутреннихъ враговъ искалъ Наполеонъ III въ британскомъ союзѣ, а еще и средствъ занять самому то положеніе, которое занималъ въ Европѣ императоръ Николай, и уже потому,—по крайней мѣрѣ, въ самомъ началѣ своего царствованія,—онъ не могъ вступать въ союзъ съ Россіею. „Nous en avons fait un empereur,—говорилъ мнѣ въ то время Валевскій,—nous allons en faire l'arbitre des destinées du monde" [1]).

Мечтанія эти, которымъ, хотя и на короткое время, суждено было осуществиться, поощрялись преимущественно лордомъ Пальмерстономъ. Благородный виконтъ былъ о себѣ и о своей странѣ слишкомъ высокаго мнѣнія, чтобы

[1]) Мы сдѣлали его императоромъ; теперь сдѣлаемъ распорядителемъ судебъ всего міра.

Digitized by Google

опасаться честолюбія Лудовика-Наполеона. Онъ хорошо зналъ этого мечтателя и, наружно льстя ему, рѣшился заставить его служить своимъ собственнымъ планамъ. Пальмерстона нельзя было причислять къ людямъ, питавшимъ слѣпую ненависть къ Россіи. Онъ достигъ уже почти 70-ти лѣтъ; ему хотѣлось, наконецъ, сдѣлаться премьеромъ и, на послѣдніе дни своей жизни, добиться, по возможности, покоя на Востокѣ. Поэтому желанія его вовсе не стремились къ тому, чтобы поднять противъ Россіи истребительную войну. Онъ надѣялся, при помощи Наполеона, обуздать, хотя только на пятьдесятъ лѣтъ (по его словамъ, а въ сущности—на остальное время своей жизни) честолюбіе Россіи. Независимость Турціи его не заботила; но ему казалось лишь полезнымъ имѣть на Босфорѣ привратника, который оберегалъ бы этотъ морской путь, въ интересахъ Англіи.

Не смотря, однако, на все вышесказанное, ни Наполеонъ, ни лордъ Стратфордъ Редклифъ, ни даже самъ Пальмерстонъ не склонили бы англійскаго народа (убаюканнаго Манчестерскою школою въ мечтаніяхъ о вѣчномъ мирѣ) къ этой безсмысленной войнѣ кита съ медвѣдемъ, если бы не второе „untoward event“, подобное Наваринскому бою, не воспламенило страстей въ массахъ. Русскій кабинетъ, даже послѣ занятія Дунайскихъ княжествъ, повсюду разсыпалъ увѣренія въ желаніи соблюсти миръ; особенно же лорду Абердину неоднократно повторяли, что императоръ Николай не имѣетъ намѣренія нарушать мира, а желаетъ лишь удовлетворенія своихъ правъ, подтвержденныхъ письменными договорами съ Портою.

Поэтому, когда пришло по телеграфу совершенно неожиданное извѣстіе объ истребленіи турецкаго флота у Синопа (30 ноября 1853 г.), то впечатлѣніе, произведенное этою катастрофою въ Англіи, было необычайно.

Воинственный задоръ англичанъ обнаружился тутъ съ особенною силою, потому что національное тщеславіе этихъ современныхъ венеціянцевъ ничѣмъ такъ не раздражается, какъ морскими битвами. Синопскій бой, совмѣстно съ вышеуказанными факторами, можно, посему, считать поворотнымъ пунктомъ въ политикѣ, сдѣлавшимъ войну неизбѣжною. Теперь уже ничего нельзя было исправить; друзья мира замолкли, и печать стала на всѣ тоны повторять излюбленную тему о европейской цивилизаціи, угрожаемой русскимъ варварствомъ. Что сдѣлала или могла сдѣлать Турція для европейской цивилизаціи, этого, конечно, нельзя было усмотрѣть; но боевой возгласъ, the cry, какъ называютъ его при парламентскихъ выборахъ—былъ найденъ, и его стали сильно эксплуатировать съ добавкою, что Россія провинилась въ нарушеніи даннаго слова.

Digitized by Google

IX.

Подъ предлогомъ желанія посмотрѣть на первое, со времени учрежденія второй имперіи, празднованіе дня Наполеона, я отправился на нѣсколько времени въ Парижъ, дабы ознакомиться и съ тамошнимъ положеніемъ вещей. Среди официальныхъ празднествъ мнѣ не трудно было составить себѣ понятіе о настроеніи умовъ. Армія и массы были, безспорно, на сторонѣ новаго императора; но его склонность къ Англіи подвергалась строгой критикѣ, и даже среди генералитета мысль о войнѣ съ Россіею, повидимому, не одобрялась.

На дѣлѣ, только весьма немногія лица (въ самомъ Парижѣ, можетъ быть, только Морни и Персиньи) были посвящены въ тайны наполеоновской политики. Сильно ошибались тѣ, которые думали, что Наполеонъ увлекается къ тому, чтобы, на Востокѣ, вытаскивать для Англіи каштаны изъ огня. Напротивъ, онъ обманывалъ англичанъ и заставлялъ ихъ, противъ ихъ воли, служить его цѣлямъ. Дабы понять причины, вызвавшія Крымскую войну, недостаточно указывать на чрезмѣрное честолюбіе императора Николая. Это честолюбіе нарочно возбуждали и преднамѣренно раздражали. Лудовикъ Наполеонъ и его совѣтники съ самаго начала разсчитывали на Восточный вопросъ, подобно тому, какъ тореадоръ на красный платокъ (cápo), когда надо раздразнить боеваго быка до высшей степени ярости. Отчасти изъ чувства мщенія за отказъ въ титулѣ брата, главнымъ же образомъ для подготовки задуманнаго общеевропейскаго 2-го декабря, въ Парижѣ было рѣшено открыть атаку противъ существовавшихъ на Востокѣ договоровъ. Въ качествѣ agent-provocateur'a (какъ впослѣдствіи выразился Кларендонъ) въ Константинополь посланъ былъ Лавалетъ. Онъ подвелъ свои мины къ самому чувствительному мѣсту и раздулъ въ яркій пламень вражды то, никогда не усыпающее, соревнованіе, которое существуетъ между православными и римско-католическими охранителями Святаго Гроба. Едва послѣдовалъ тутъ взрывъ, какъ посольство Меншикова доказало, что цѣль достигнута. При этомъ представлялась возможность (чтобы ввести британскихъ миролюбцевъ въ еще пущее заблужденіе) дезавуировать Лавалета и протянуть притворно-примирительную руку Россіи для устраненія спора о Святыхъ мѣстахъ. Вторая имперія существовала еще только нѣсколько недѣль, а лордъ Кларендонъ лишь нѣсколько дней занималъ свое мѣсто, когда, въ февралѣ 1853 года, Валевскій заключилъ съ послѣднимъ союзъ западныхъ державъ. Согласились на томъ, что Франція постарается покончить споръ о Святыхъ мѣстахъ, а Англія, до времени, будетъ соблюдать доброжелательный нейтралитетъ. Но за рѣшеніемъ этого дѣла, обѣ державы, по всѣмъ вопросамъ, которые могутъ возникнуть на Востокѣ, обязывались дѣйствовать сообща, сохранять связь какъ

Digitized by Google

въ переговорахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ и не говорить и не писать ни одного слова безъ обоюднаго соглашенія. Въ этомъ тайномъ уговорѣ Кларендонъ видѣлъ средство держать Францію подъ шахомъ и принудить ее къ поддержанію мира, между тѣмъ какъ французы усматривали въ этомъ ручательство къ возбужденію войны и къ увлеченію въ нее Англіи.

Чего добивался Наполеонъ этою войною—было ясно: во первыхъ, какъ уже было сказано, вырвать у императора Николая ту нравственную гегемонію, которою тотъ обладалъ на материкѣ Европы, а затѣмъ, побѣдивъ Россію, пріобрѣсти свободу дѣйствій для того, чтобы уничтожить трактаты 1815 года, возвратить Франціи ея, такъ называемыя, естественныя границы и измѣнить карту Европы сообразно съ наполеоновскими идеями. Это называли въ Парижѣ европейскимъ 2-мъ декабремъ.

Кларендонъ былъ тѣмъ легче обманутъ, что царственный фокусникъ пріобрѣлъ, какъ выше указано, въ Пальмерстонѣ такого помощника, на котораго могъ разсчитывать. Дружба между обоими этими господами имѣла, впрочемъ, участь всѣхъ подобныхъ дружбъ. Сначала игра шла совсѣмъ хорошо. Наполеонъ и Пальмерстонъ дѣлали выгодные гешефты, конечно, на счетъ обѣихъ странъ, которыя должны были безполезно пожертвовать тысячами храбрыхъ солдатъ и многими милліонами денегъ. Впослѣдствіи, когда плутовскимъ образомъ захвачены были Савойя и Ницца, а Пальмерстонъ пріобрѣлъ всѣ шансы на то, чтобы до конца жизни остаться премьеромъ, то послѣдній отшатнулся отъ своего партнера, показалъ ему зубы и вышвырнулъ за дверь довѣреннаго посредника Наполеона, господина Персиньи....

Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Парижѣ, графъ Фицтумъ вернулся въ Лондонъ въ первыхъ числахъ января 1854 года. Здѣсь онъ убѣдился, что дѣла приняли такое положеніе, при которомъ сохраненіе мира являлось невозможнымъ. Продолжавшіеся еще, въ теченіи нѣкотораго времени, дипломатическіе переговоры не привели къ удовлетворительнымъ результатамъ, и уже 17 февраля 1854 г. лордъ Джонъ Россель произнесъ въ палатѣ депутатовъ свою обвинительную рѣчь противъ русскаго правительства. Вскорѣ за тѣмъ предъявлено было парламенту и донесеніе сэра Гамильтона Сеймура о его интимныхъ бесѣдахъ съ императоромъ Николаемъ о „больномъ человѣкѣ“. Этимъ англійскій кабинетъ достигалъ двоякаго результата: 1) склоненія общественнаго мнѣнія собственной страны въ пользу войны, и 2) предъявленія прочимъ европейскимъ кабинетамъ очевиднаго, яко-бы, доказательства въ безкорыстіи Англіи. Сверхъ того, этимъ не только закрѣплялся союзъ съ Франціею, но обнаружено было передъ вѣнскимъ и берлинскимъ кабинетами то пренебрежительное равнодушіе, которое императоръ Николай, бесѣдуя съ Сеймуромъ, выказывалъ къ Австріи и Пруссіи.

Digitized by Google

X.

27 марта 1854 г. послѣдовало объявленіе войны Россіи. О перипетіяхъ этой международной драмы много уже было писано, и записки Фицтума нельзя, повидимому, считать особенно крупнымъ вкладомъ въ существующую уже, по сему предмету, литературу. Приводимъ изъ нихъ лишь довольно курьезную замѣтку, относительно несчастнаго для насъ сраженія подъ Инкерманомъ. Вотъ что говоритъ по этому предмету гр. Фицтумъ:

Въ дѣйствительности, сраженіе подъ Инкерманомъ было проиграно лишь благодаря словоохотливости императора Николая. По свидѣтельству всѣхъ свѣдущихъ людей, планъ нападенія, на бумагѣ, являлся превосходнымъ. Русскій генеральный штабъ работалъ надъ нимъ, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. подъ глазами самого государя. Русская дунайская армія, которая, вслѣдствіе занятія австрійцами Молдавіи и Валахіи, сдѣлалась свободною, равно какъ и другія военныя силы, остававшіяся еще въ распоряженіи, двинуты были къ Севастополю и соединились съ находившимися тамъ войсками. Расположеніе союзниковъ было хорошо извѣстно. Русскіе знали, что позиція англичанъ на правомъ флангѣ была весьма изолирована и что французы съ сардинцами находились отъ нея слишкомъ далеко для того, чтобы своевременно отбить задуманное нападеніе. Можно было, поэтому, надѣяться захватить англичанъ врасплохъ, раздавить ихъ превосходными силами, а затѣмъ, на слѣдующій день. атаковать французовъ, оставшихся безъ поддержки, разбить ихъ и оттѣснить къ берегу. Разъ, что русскіе заручились превосходствомъ силъ, самая атака казалась дѣломъ весьма легко-исполнимымъ, и императоръ Николай такъ радовался будущему несомнѣнному успѣху, что объяснилъ этотъ планъ, со всѣми его подробностями, прусскому военному агенту, графу Мюнстеру. Послѣдній счелъ своимъ долгомъ немедленно послать прусскому королю донесеніе о томъ, что слышалъ изъ устъ самого царя. Донесеніе это было отправлено непосредственно на королевское имя, чѣмъ графъ Мюнстеръ полагалъ избѣжать возможныхъ канцелярскихъ нескромностей; но онъ не могъ знать того, что кабинетъ его величества въ Потсдамѣ именно и доставлялъ англійскому и французскому посольствамъ наилучшіе матеріалы для ихъ донесеній. Подобно тому, какъ, передъ семилѣтнею войною, Фридрихъ II, черезъ подкупленнаго имъ кабинетскаго чиновника Менцеля, въ Дрезденѣ, получалъ копіи съ самыхъ секретныхъ актовъ саксонскаго кабинета,—такъ и лордъ Лофтусъ имѣлъ въ Потсдамѣ своего Менцеля, посылавшаго ему копіи бумагъ, которыя оплачивались соотвѣтственно важности ихъ содержанія. Такимъ же путемъ англійскій посланникъ получилъ и только что прибывшее донесеніе Мюнстера, вмѣстѣ съ планомъ атаки подъ Инкерманомъ. Предчувствуя важность этого сообщенія, Лофтусъ послалъ его

Digitized by Google

шифрованною телеграммою въ Лондонъ. Оттуда, едва лишь депеша была дешифрирована—она полетѣла къ лорду Раглану и приспѣла къ нему какъ разъ во-время, чтобы имѣть возможность принять соотвѣтствующія мѣры и извѣстить маршала Канробера объ угрожающемъ нападеніи. Послѣдній немедленно поднялъ дивизію Боске, между тѣмъ какъ Раглань притянулъ и сардинцевъ поближе.

Когда, послѣ этого несчастнаго для русскихъ боя, Меншиковъ былъ отозванъ, то, какъ говорятъ, извинялся передъ императоромъ такою фразою: «Que voulez vous, Sire, vous avez un ministre de la guerre qui n'a ni senti, ni inventé, ni envoyé la poudre» [1]).

* *

Поэтъ Д. В. Веневитиновъ.

Г-нъ М. А. Веневитиновъ въ своей „Замѣткѣ", напечатанной въ № 3 „Русской Старины" за 1887 г., говоритъ относительно моего указанія (см. „Русская Старина", январь, 1887 г., стр. 202), на упущенное г. Веневитиновымъ стихотвореніе на смерть Д. В. Веневитинова—барона А. А. Дельвига, что я, дѣлая это указаніе: 1) упустилъ изъ виду статью г. Веневитинова о поэтѣ, напечатанную въ Рус. Арх., и 2) что я будто бы отношу стихъ Веневитинова, вырѣзанный на его надгробной плитѣ, Ив. Ив. Дмитріеву. На это отвѣчу, что относительно перваго пункта я, дѣйствительно, сознаюсь, что не обратилъ вниманія на указаніе г. Веневитинова касательно стихотвореній на смерть безвременно-угасшаго поэта, въ его статьѣ о поэтѣ въ Рус. Арх.; что же касается втораго пункта, то я ни въ какомъ случаѣ Веневитиновскаго стиха, во 1) „эпитафіей" назвать бы не могъ, а 2) и не отнесъ бы его Дмитріеву. Говорю же я въ своей „Замѣткѣ" о дѣйствительной „эпитафіи" поэту, написанной старикомъ Ив. Ив. Дмитріевымъ, вотъ она:

Здѣсь юноша лежитъ подъ хладною доской,
Надъ нею роза дышетъ,—
А старость дряхлою рукой
Ему надгробье пишетъ.

Петръ Устимовичъ.

Варшава.
6-го марта 1887 г.

---

[1]) Что-жъ вы хотите, государь!—у васъ такой военный министръ, который ни нюхалъ, ни выдумалъ, ни присылалъ пороха.

Digitized by Google

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

изъ его альбома предсмертныхъ стихотвореній

1841 г.

Въ альбомъ, полученный въ подарокъ отъ кн. Влад. Өед. Одоевскаго, передъ послѣднимъ роковымъ выѣздомъ на Кавказъ, Лермонтовъ внесъ свои, почти предсмертныя, стихотворенія, изъ коихъ послѣднее—„Пророкъ“. Въ только что вышедшемъ изданіи стихотвореній Лермонтова (изд. Глазунова 1887 г.) дѣлается описаніе находящимся въ этомъ альбомѣ стихотвореніямъ (т. I, стр. 541): „Всѣхъ полныхъ стихотвореній двѣнадцать, изъ которыхъ одно французское; его нельзя прочитать, потому что карандашъ почти стерся“.

Съ своей стороны, я желаю познакомить читателя съ этимъ французскимъ стихотвореніемъ, которое, какъ оказывается, читается легко.

Не ручаемся, однако, точно ли это стихотвореніе принадлежитъ Лермонтову или только списано его рукой для того, чтобы затѣмъ перевести на русскій языкъ. Встрѣчается же въ альбомѣ переводъ съ нѣмецкаго—изъ Гейне: „Они любили другъ друга, такъ долго и нѣжно“ и т. д. На мысль, что французское стихотвореніе не сочинено Лермонтовымъ, а только списано имъ, наводитъ то, что оно писано безъ помарокъ, но съ другой стороны, нельзя не признать французскій языкъ стихотворенія изобличающимъ въ авторѣ не природнаго француза.

Во всякомъ случаѣ, нахожденіе этого стихотворенія, между послѣдними произведеніями поэта, любопытно. Что Лермонтовъ писалъ стихи на французскомъ и даже нѣмецкомъ языкѣ—извѣстно [1]); они печатались въ журналахъ, но, какъ и многое, не внесены въ послѣднее изданіе сочиненій нашего поэта.

Вотъ стихотвореніе, о которомъ идетъ рѣчь:

---

[1]) См., между прочимъ, въ „Русской Старинѣ“, изд. 1882 г., т. XXXV, стр. 391, и „Р. Мысль“, дек. 1881 г., стр. 71.

Digitized by Google

Je l'attends dans la plaine sombre...
Au loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement —
Eh non! trompeuse espérance!
C'est un vieux bouleau qui balance
Son tronc desséché et luisant.

* * *

Je me penche et longtemps j'écoute,
Je crois entendre sur la route
Le son qu'un pas léger produit.
Non, ce n'est rien! c'est dans la mousse
Le bruit d'une feuille qui pousse
Le vent parfumé de la nuit.

* * *

Rempli d'une amère tristesse
Je me couche dans l'herbe épaisse
Et m'endors d'un sommeil profond.
Tout-à-coup, tremblant je m'éveille:
Sa voix me parlait à l'oreille,
Sa bouche me baisait au front.

[Лермонтовъ].

[Переводъ]. Я жду тебя въ темной долинѣ,
Въ отдаленіи вижу бѣлѣетъ призракъ,
Призракъ тихо приближается—
Но нѣтъ! обманчива надежда,
То старая береза колеблетъ
Свой изсохшій блестящій стволъ.

* * *

Я склоняюсь и долго прислушиваюсь,
Мнѣ сдается, я слышу по дорогѣ
Звукъ легкихъ шаговъ....
Нѣтъ, не то! это шумъ
Отъ прорастающаго во мху листка,
Отъ благовоннаго вѣтра ночи.

* * *

Полный горькой тоски
Опускаюсь я въ густую траву
И засыпаю глубокимъ сномъ.
Но вдругъ, содрогаясь, проснулся я:
Ея голосъ мнѣ на ухо шепталъ,
Уста мнѣ лобзали чело.

Сообщ. Пав. А. Висковатый.

Digitized by Google

ПОЭТЪ И ПРОФЕССОРЪ

ФРИДРИХЪ БОДЕНШТЕДТЪ

1819—1887.

I. Фр. Боденштедтъ, очеркъ его біографіи.

II. Воспоминанія его о пребываніи въ Россіи въ 1841—1845 гг.

III. Переписка Ив. Серг. Тургенева съ Фр. Боденштедтомъ въ 1861—1865 гг.

IV. Поэтъ С. Я. Надсонъ и Фр. Боденштедтъ въ 1885—1887 гг.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЯ ФРИДРИХА БОДЕНШТЕДТА

1841—1887.

I.

Очеркъ его жизни и трудовъ.

Въ бытность нашу, зимой 1886—1887 гг., въ Висбаденѣ (Пруссія) мы имѣли удовольствіе познакомиться съ весьма извѣстнымъ въ Европѣ писателемъ Фридрихомъ Боденштедтомъ.

Почти первый по времени и до сихъ поръ самый лучшій переводчикъ на нѣмецкій языкъ многихъ произведеній Пушкина и Лермонтова, а въ прозѣ Тургенева, Боденштедтъ оказалъ большія заслуги, ознакомивъ своихъ соотечественниковъ съ перлами русской словесности, притомъ въ такихъ переводахъ, которые, по общему отзыву, вполнѣ достойны подлинниковъ.

Фр. Боденштедтъ, какъ поэтъ-переводчикъ, для нѣмецкой словесности то же, чѣмъ былъ Вас. Андр. Жуковскій для русской.

Признавая заслуги талантливаго поэта-переводчика, «Московское общество любителей россійской словесности», уже четверть вѣка тому назадъ (въ засѣданіи 19-го апрѣля 1863 г.), по предложенію С. А. Соболевскаго, избрало Боденштедта своимъ почетнымъ членомъ. Это старѣйшее, съ 1811 г., въ Россіи литературное общество имѣло тогда только одного почетнаго члена изъ иностранцевъ—Merimé.

Многіе наши писатели, каковы С. Т. Аксаковъ, М. П. Погодинъ, И. С. Аксаковъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, В. П. Чижовъ, г-жа Новикова (рожд. Кирѣева), С. А. Соболевскій, А. И. Герценъ, И. С. Тургеневъ, Д. В. Григоровичъ, поэты—кн. П. Я. Вяземскій, Ѳ. И. Тютчевъ, гр. А. К. Толстой, Н. А. Некрасовъ, Н. П. Огаревъ, М. Л. Михайловъ, Н. В. Гербель, А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій, Людвигъ Эссенъ (поэтъ-переводчикъ,

Digitized by Google

въ Спб., съ русскаго на нѣмецкій языкъ), въ позднѣйшіе годы С. Я. Надсонъ, присылали свои труды г. Боденштедту, съ надписями отъ авторовъ, вели съ нимъ переписку и выражали къ нему чувства глубокаго и, всеконечно, самаго искренняго уваженія [1]).

Приводимъ нѣсколько свѣдѣній, до біографіи г. Боденштедта относящихся, сообщенныхъ Т. М. С—й и нами дополненныхъ.

I.

Фридрихъ Боденштедтъ родился 22-го апрѣля 1819 года въ бывшемъ королевствѣ Ганноверъ; въ молодости онъ готовился быть купцомъ, но скоро отказался отъ этого намѣренія и сталъ посѣщать университеты въ Геттингенѣ, Мюнхенѣ и Берлинѣ; его, въ особенности, занимало изученіе языковъ и увлекала литература. Въ декабрѣ 1841 года, когда ему было всего только двадцать два года, Боденштедтъ принялъ приглашеніе кн. Михаила Голицына (двоюроднаго брата генералъ-губернатора московскаго) поступить къ его сыновьямъ наставникомъ. Съ этимъ семействомъ г. Боденштедтъ прибылъ въ Россію и провелъ почти три года въ самомъ ея сердцѣ, въ Москвѣ, гдѣ и жилъ въ семействѣ богача кн. Михаила Голицына, въ домѣ Олсуфьева, на Тверской.

Молодой лингвистъ въ скоромъ времени сдѣлалъ первый опытъ перевода нѣкоторыхъ произведеній Пушкина и Лермонтова (издано въ Лейпцигѣ въ 1843 г.) [2]).

Изъ Москвы Боденштедтъ, по приглашенію начальника Кавказа, генерала Нейдгардта, отправился въ Тифлисъ, въ качествѣ наставника-наблюдателя и преподавателя иностранныхъ языковъ. Путешествіе его было неторопливое. Боденштедтъ побывалъ на Дону, въ казацкихъ станицахъ, и съ увлеченіемъ собиралъ пѣсни казаковъ.

---

[1]) С. Я. Надсонъ, уже больной, былъ въ Висбаденѣ въ 1885 году; Боденштедтъ посѣтилъ молодаго поэта. На экземплярѣ стихотвореній Надсона, подаренномъ Ф. Ф. Боденштедту, мы прочли слѣдующій автографъ молодаго, покойнаго русскаго поэта: „Widmung von Nadson dem hochgeehrten, jedem Russen recht theuren Herrn Professor Friedrich von Bodenstedt als ein Zeichen der tiefsten Verehrung. С. Надсонъ, 1885 г.“.

[2]) Это изданіе, по несовершенному еще тогда знакомству поэта-переводчика съ русскимъ языкомъ, онъ самъ впослѣдствіи тщательно розыскивалъ, покупалъ и уничтожалъ. Но маленькая книжечка такая была новинка для нѣмцевъ, что быстро разошлась. Ред.

Digitized by Google

Въ 1845 г. Боденштедтъ оставилъ свое мѣсто педагога въ одномъ изъ тифлисскихъ учебныхъ заведеній (въ гимназіи), но продолжалъ заниматься изученіемъ восточныхъ языковъ; онъ познакомился, вскорѣ по пріѣздѣ въ Тифлисъ, съ нѣкіимъ Мирза-Шафи, подъ руководствомъ котораго и изучалъ татарскій и персидскій языки [1]); на Кавказѣ же г. Боденштедтъ занимался языками грузинскимъ и армянскимъ.

Впослѣдствіи Фр. Боденштедтъ настолько ознакомился съ литературою сочиненій объ Арменіи, что справедливо сталъ считаться однимъ изъ спеціалистовъ по исторіи и литературѣ Арменіи; ему, между прочимъ, принадлежитъ публичная лекція, прочитанная имъ, 2-го марта 1850 г., въ Берлинѣ, въ одномъ ученомъ обществѣ (Singakademie): «Die Einführung des Christenthums in Armenien». (Berlin, въ 8 д., стр. 34).

Плодомъ пребыванія Боденштедта за Кавказомъ былъ обширный его трудъ: «Народы Кавказа и ихъ борьба съ Россіей за независимость», (Франкфуртъ, два тома, 1848 г.; 2-е изданіе, Берлинъ, 1855 г.), — а также книга: «Тысяча и одинъ день на востокѣ» (Берлинъ, изд. 1850 г., три тома; изданіе третье 1859 г.).

«Tausend und ein Tag im Orient» (изд. 1850 г.) Боденштедта, равно какъ и обширный трудъ его о Кавказѣ имѣли большой успѣхъ и при томъ не въ одной Германіи, но и въ другихъ странахъ. Такъ, напр., въ Англіи оба эти сочиненія выдержали два или три изданія (въ 1851—1853 годахъ), при чемъ переводчиками были извѣстныя, по положенію и образованію, лица. «Times» и многія другія газеты Англіи осыпали, въ то время, нѣмецкаго писателя большими похвалами.

Въ 1845 году Боденштедтъ издалъ „Поэтическую Украйну“ (Штутгардтъ), едва ли ни первое собраніе, на нѣмецкомъ языкѣ, малороссійскихъ пѣсенъ, съ приложеніемъ очерка исторіи и быта казаковъ:

— Die poetische Ukraine. Eine Sammlung kleinrussischer Volkslieder. Ins Deutsche übertragen von Fr. Bodenstedt. Studtgart, 1845 г. (въ мал. 8 д., 138 стр.). Эта книжечка была окончательно приготовлена къ печати осенью 1844 г. въ Тифлисѣ, гдѣ г. Боденштедтъ перечитывалъ, съ однимъ весьма образованнымъ полякомъ-изгнанникомъ, собранныя имъ, г. Бодештедтомъ, а также заимствованныя у гг. Афанасьева-Чужбинскаго, Максимовича и Росковшенко, малороссійскія пѣсни; книжечка эта у насъ мало извѣстна, но въ Германіи она была тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ замѣчена. Знаменитый Менцель привелъ изъ нея, въ одномъ изъ своихъ трудовъ, большія выписки, именно

[1]) Мирза-Шафи былъ учителемъ въ Тифлисской гарнизонной школѣ и впослѣдствіи, по ходатайству г. Боденштедта, былъ помѣщенъ учителемъ-же татарскаго языка въ тифлисской гимназіи. Ред.

Digitized by Google

какъ образцы малороссійской народной поэзіи. Не менѣе извѣстный Dr. Johann Scherr также помѣстилъ нѣсколько малороссійскихъ пѣсенъ, въ переводѣ Боденштедта, въ обширномъ классическомъ своемъ трудѣ: Bildersaal der Weltliteratur. Aus dem Literaturschatz (Stutgart, 1848 г., въ б. 8 д., см. стр. 1185 и др.).

Книга „Поэтическая Украйна", равно какъ и нѣкоторыя другія изданія г. Боденштедта, сдѣлались большою библіографическою рѣдкостью и очень дорого цѣнятся.

Въ 1846 г., чрезъ Черное море, Крымъ, Одессу, Константинополь, Малую Азію и Греческіе острова—поэтъ-оріенталистъ возвратился въ Германію, въ Мюнхенъ. Отсюда, въ 1847 году, совершилъ онъ путешествіе, съ художественно-литературными цѣлями, въ Италію. Въ сентябрѣ 1849 года мы видимъ его на конгрессѣ мира въ Парижѣ, въ числѣ представителей Германіи; предсѣдателемъ конгресса былъ Викторъ Гюго. Съ 1848-го же года г. Боденштедтъ водворяется въ Германіи и дѣлается усерднымъ сотрудникомъ разныхъ газетъ и журналовъ, а одно время былъ и самъ редакторомъ газеты (именно «Везерской газеты», 1850—1852 гг.).

Въ 1854 г. мы видимъ г. Боденштедта въ Мюнхенѣ, гдѣ онъ, по приглашенію короля Баварскаго Максимиліана II, въ теченіи двѣнадцати лѣтъ (1854—1866), преподавалъ въ университетѣ литературы славянскихъ народовъ и древнюю литературу англійскую.

Въ бытность свою въ Мюнхенѣ профессоромъ въ университетѣ, г. Боденштедтъ особенно много занимался съ чехами, поляками и другими славянами, руководилъ ихъ въ сравнительномъ научномъ изученіи языковъ,—руководилъ ихъ чтеніемъ, ихъ трудами, какъ оригинальными, такъ и переводами. Не менѣе двадцати русскихъ сочиненій были, по его указанію и подъ его редакціею, переведены, въ тѣ годы, въ Мюнхенѣ, слушателями и учениками Боденштедта. Между прочими, довольно указать на переводъ на нѣмецкій языкъ, исполненный, подъ его редакціею, г. Шмидтомъ (тогда, въ 1856 году, лейтенантъ баварской службы),—переводъ превосходнаго сочиненія графа Д. А. Милютина: Война Россіи въ 1799 году въ Италіи, подъ начальствомъ Суворова. Переводъ этотъ былъ изданъ въ пяти громадныхъ томахъ—иждивеніемъ принца Карла Баварскаго (дяди короля Максимиліана II), въ 1856 году, и заслужилъ большое одобреніе всѣхъ любителей историческаго чтенія. Кстати замѣтимъ, что при этомъ трудѣ г. Боденштедтъ, хорошо ознакомившись съ личностями императора Павла, Суворова, Кутайсова и ихъ современниками, воспроизвелъ ихъ въ трагедіи «Императоръ Павелъ». Она была впервые

Digitized by Google

поставлена на сцену въ Пресбургѣ, зимой 1864 г., и имѣла громадный успѣхъ.

Въ бытность же свою въ Мюнхенѣ профессоромъ, г. Боденштедтъ весьма былъ близокъ къ королю Максимиліану II. Этотъ горячій и искренній любитель и покровитель наукъ, литературы и искусствъ искренно любилъ и уважалъ г. Боденштедта. Поэтъ бывалъ у короля часто, читалъ въ его обществѣ, велъ оживленныя съ нимъ бесѣды о литературѣ, и притомъ нерѣдко о литературѣ русской, а когда король желалъ видѣть на сценѣ придворнаго своего театра пьесы классическихъ авторовъ, каковы пьесы древне-греческія, либо Шекспира, то король Максъ обыкновенно поручалъ интенданту своего театра Дингельштедту обращаться за совѣтомъ и руководствомъ по сему предмету къ профессору Боденштедту.

Въ концѣ 1866 года, уже по кончинѣ своего Августѣйшаго друга короля Макса, г. Боденштедтъ, по приглашенію Мейнингенскаго герцога Георга (отличнаго живописца), переѣзжаетъ въ Мейнингенъ, гдѣ становится во главѣ театра; это тотъ самый театръ, который такъ прославился въ Европѣ и такое высокое мѣсто занялъ среди сценъ всего міра, по необыкновенно тщательной, можно сказать, научной постановкѣ классическихъ пьесъ всѣхъ литературъ древнихъ и болѣе позднихъ эпохъ, въ переводахъ, конечно, на нѣмецкомъ языкѣ. Внѣшнею обстановкою пьесъ занимался исключительно самъ герцогъ Георгъ, человѣкъ до страсти любящій театръ, отличный живописецъ и археологъ; по его рисункамъ дѣлалась вся обстановка каждой пьесы.

Между тѣмъ, поэтъ-профессоръ Боденштедтъ продолжалъ неутомимо знакомить нѣмцевъ съ сокровищами славянской, преимущественно русской, литературы. По отношенію къ нѣмцамъ, это былъ, какъ мы уже сказали, Жуковскій, т. е. какъ В. А. Жуковскій прелестно воспроизводилъ на русскомъ языкѣ лучшія поэтическія произведенія германскихъ поэтовъ, такъ Фридрихъ Боденштедтъ передалъ, въ отличныхъ нѣмецкихъ стихахъ, лучшія произведенія величайшихъ русскихъ поэтовъ.

Въ 1852 году г. Боденштедтъ издалъ поэзію Лермонтова (Берлинъ, 2 тома), гораздо ранѣе онъ перевелъ «Чернецъ», поэму И. Козлова, а два года спустя издалъ превосходный переводъ множества лучшихъ произведеній Александра Пушкина (Берлинъ, 1854—1855 гг., три тома). Кстати отмѣтимъ здѣсь, что, не смотря на прелесть оригинала, не менѣе прелестно, съ удивительнымъ талантомъ воспроизведеннаго на нѣмецкомъ языкѣ г. Боденштедтомъ, изданіе его перевода Пушкина расходилось довольно медленно и

Digitized by Google

въ десять лѣтъ едва-едва разошлось до 2,000 экз. Такъ мало еще интересовались нѣмцы, тридцать лѣтъ тому назадъ, русскою словесностью, такъ мало расположены они были вообще къ Россіи, въ особенности въ эпоху ополченія всей почти Европы противъ нашего отечества, въ царствованіе императора Николая Павловича.

Лѣто 1859 г. г. Боденштедтъ провелъ въ Лондонѣ, трудясь надъ изслѣдованіемъ исторіи англійской драмы. Все высшее общество въ Лондонѣ приняло нѣмецкаго поэта съ большимъ вниманіемъ и радушіемъ; во главѣ общества стоялъ принцъ Альбрехтъ, мужъ королевы Викторіи. Наиболѣе интимнымъ другомъ поэта былъ министръ Henry Danby Seymour. Не было дня, чтобы г. Боденштедтъ, въ бытность въ Лондонѣ, не былъ бы почетнымъ и желаннымъ гостемъ у того или другаго изъ представителей лучшаго общества въ Лондонѣ. Онъ сохранилъ о томъ времени самое лучшее воспоминаніе.

Между тѣмъ, въ 1851-мъ году, въ Берлинѣ, явилось первое изданіе стихотвореній Мирзы-Шаффи, будто-бы персидскаго поэта, въ переводѣ г. Боденштедта. Германскій поэтъ явился здѣсь поэтомъ въ высшей степени талантливымъ, оригинальнымъ; прикрывши свой сборникъ поэтическихъ произведеній именемъ своего бывшаго учителя при изученіи восточныхъ языковъ (1844 — 1845 гг., въ Тифлисѣ), г. Боденштедтъ излилъ, подъ покровомъ, навѣяннымъ восточною, персидскою поэзіею,—свои думы, свои впечатлѣнія, свои правила..... Сдѣлалъ онъ это частью потому, какъ объяснялъ онъ намъ, что, въ формѣ переводчика съ персидскаго, ему было легче сказать многое своимъ соотечественникамъ въ тѣ годы, когда въ Германіи не было еще той свободы слова и печати, которая установилась впослѣдствіи. Какъ бы то ни было, но Мирза-Шаффи быстро былъ замѣченъ не одною Германіею, но всѣми, рѣшительно всѣми народами, у которыхъ имѣется литература. Въ двадцать шесть лѣтъ Боденштедтъ-Мирза-Шаффи въ одной Германіи выдержалъ пятьдесятъ нѣмецкихъ изданій; общее же число изданій этого поэта (Мирза-Шаффи), на всѣхъ языкахъ, доходитъ до 125.

Лучшіе поэты-переводчики посвятили въ другихъ странахъ свои труды воспроизведенію Мирзы-Шаффи. Онъ переведенъ на языки итальянскій (знаменитымъ писателемъ Росси), французскій, есть отличные, роскошно изданные, переводы его на языки англійскій три перевода), шведскій, голландскій, датскій, испанскій, португальскій, русскій, чешскій и на всѣ, рѣшительно всѣ славянскія нарѣчія, также на нарѣчіе фламандское, языки венгерскій, древне-еврейскій; послѣдній переводъ сдѣланъ однимъ ученымъ, отличнымъ знатокомъ древне-еврейскаго языка. Цѣлый шкапъ въ кабинетѣ г. Боденштедта,

Digitized by Google

въ Висбаденѣ, наполненъ подношеніями ему отъ переводчиковъ его Мирзы-Шаффи; всѣ эти изданія, бо́льшею частью въ роскошныхъ экземплярахъ, съ надписями отъ переводчиковъ; нѣкоторыя изъ изданій (на нѣмецкомъ и другихъ языкахъ) выполнены съ украшеніями въ восточномъ вкусѣ, иныя миніатюрны, другія, напротивъ, громадны, in folio. На русскомъ экземплярѣ—«Пѣсни Мирзы-Шаффи, съ прологомъ Фридриха Боденштедта, въ переводѣ Н. И. Эйферта» (Москва, 1880 г., въ 16 д., стр. XXIV+208+IX) читаемъ:

«Славному творцу сихъ пѣсенъ, господину Ф. фонъ-Боденштедту почтительно посвящаетъ Н. И. Эйфертъ. Москва, 25 октября 1880 г.».

— «Пѣсни Мирзы-Шаффи,—пишетъ г. Эйфертъ въ предисловіи къ своему изящно изданному переводу, одно изъ любимѣйшихъ въ Германіи произведеній современной поэзіи».....

Русскій переводъ г. Эйферта, впрочемъ, не блещетъ поэтическими красотами, но, по замѣчанію самого г. Боденштедта, довольно добросовѣстенъ. Переводчикъ занимался имъ съ любовью и всецѣло отдалъ три года этой трудной работѣ. Гораздо ранѣе, именно двадцать пять лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ русскихъ переводчиковъ нѣмецкихъ поэтовъ, М. Л. Михайловъ, столь злосчастно кончившій свою жизнь, познакомилъ русскихъ читателей съ нѣсколькими перлами поэзіи г. Боденштедта.

Напомнимъ здѣсь отрывокъ изъ этихъ переводовъ М. Л. Михайлова.

Пѣсни Мирзы-Шаффи.

Мирза-Шаффи! пчелой прилежной
Ты долго по свѣту леталъ;
Тебя поили влагой нѣжной
Фіалъ лилеи бѣлоснѣжной
И розы пурпурный фіалъ.

Пора изъ рощи благосклонной,
Мирза-Шаффи, тебѣ домой.
Съ своею ношей благовонной
На крыльяхъ пѣсни легкозвонной
Лети къ подругѣ молодой!

Распахни покрывало! не прячь ты себя!
Вѣдь не прячутся розы въ саду у тебя...
Красота тебѣ Богомъ, какъ розѣ, дана;
Ты, какъ роза, на радость очей создана.....
Создана ты подъ солнцемъ цвѣсти и сіять.
Перестань же чадрою лицо закрывать!

Digitized by Google

Распахни покрывало! Увидитъ весь свѣтъ,
Что пышнѣй и желаннѣй красавицы нѣтъ.
Пусть огнемъ по сердцамъ пробѣгаетъ твой взглядъ,
А уста многоцѣннымъ рубиномъ горятъ,
И одна только ночь самоткапной чадрой
Облекаетъ твой ликъ и твой станъ молодой!

Покажись!... Предъ лицемъ твоимъ, блѣденъ и нѣмъ,
У султана въ Стамбулѣ смутится гаремъ.
Да и гдѣ-же, когда-же, какой падишахъ
Передъ взглядомъ такимъ не упалъ бы во прахъ?..
Не тумань же чадрой лучезарныхъ очей,
Торжества красоты и блаженства людей [1])!

Довольно долго восхищенные читатели поэзіи Мирза-Шаффи—полагали, что г. Боденштедтъ, дѣйствительно, только перевелъ произведенія до него неизвѣстнаго персидскаго поэта. Постепенно, однако, эта милая мистификація выяснилась. Между прочими, нашъ дорогой, нынѣ уже покойный, другъ—оріенталистъ Ад. П. Берже, въ 1870 г., напечаталъ живой и полный юмора разсказъ въ «Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft», въ которомъ передалъ подробности о мнимомъ персидскомъ поэтѣ.

Ад. П. Берже въ 1851 году, по пріѣздѣ въ Тифлисъ, встрѣчалъ на улицахъ скромнаго, лѣтъ подъ 60, татарина, который былъ учителемъ въ одной изъ мусульманскихъ школъ. То былъ Мирза-Шафи; когда Берже въ слѣдующемъ 1852 г. розыскивалъ его, дабы съ нимъ познакомиться, Мирза-Шафи умеръ отъ разстройства желудка, объѣвшись, между прочимъ, виноградомъ. Когда пріятель его, видя его страждущимъ, удерживалъ Мирзу ѣсть виноградъ, грозя ему смертью, тотъ спокойно отвѣчалъ: «а что за бѣда и умереть, для чего жить, развѣ я мало повозился уча дураковъ армянъ въ школѣ?» Онъ, дѣйствительно, и умеръ. Это былъ добрый, простой человѣкъ, татаринъ по происхожденію и персіянинъ по воспитанію.

Въ одномъ изъ послѣднихъ, на нѣмецкомъ языкѣ, изданій мнимой поэзіи Мирзы-Шафи, именно въ пятидесятомъ (Лейпцигъ, 1887 г.), г. Боденштедтъ приводитъ выписку изъ разсказа Ад. П. Берже (стр. 210—217) и отъ себя разъясняетъ ту роль, какую игралъ, по отношенію къ нему, Мирза-Шафи: этотъ учитель, для котораго кисетъ табаку и стаканъ вина были предѣломъ счастія—объяснялъ своему слушателю ударенія въ персидской версификаціи, пѣлъ ему персидскія пѣсни и ознакомилъ, такимъ образомъ, его, г. Боденштедта, съ духомъ

[1]) Стихотворенія М. Л. Михайлова, изд. 1862, «Боденштедтъ», стр. 280—281.

Digitized by Google

восточной поэзіи; самъ Мирза-Шафи ничего не написалъ; что имя его было взято въ шутку—г. Боденштедтъ выразилъ это въ написаніи онаго чрезъ два ff, что напоминало слово Schaff (овца), въ то время какъ по персидски слѣдовало имя Мирза-Шаффи писать чрезъ одно f.

Въ 1852 году г. Боденштедтъ издалъ собраніе своихъ стихотвореній (Бременъ, 1852 г.; третье изд. въ 1860 г.), причемъ выказалъ себя поэтомъ-философомъ школы Гете; затѣмъ въ послѣдующіе годы онъ писалъ и печаталъ многое, тутъ были и эпическія произведенія, разсказы, романы, путевые очерки и замѣтки (авторъ совершилъ въ 1879—1880 гг. путешествіе въ Америку) и трагедіи; ему, между прочимъ, принадлежитъ трагедія: «Димитрій», изд. Берлинъ, 1856 г., навѣянная „Борисомъ Годуновымъ" Пушкина; эту послѣднюю пьесу—король баварскій Максимиліанъ II хотѣлъ поставить на своемъ придворномъ театрѣ въ Мюнхенѣ, но въ виду несценичности „Бориса Годунова"—Пушкина, Боденштедтъ написалъ пяти-актную трагедію: «Димитрій» [1]). Ему же принадлежатъ нѣкоторыя историческія хроники (романы) изъ англійской исторіи и переводъ на нѣмецкій языкъ нѣсколькихъ драматическихъ произведеній Шекспира [2]). Въ 1865—1869 гг. вышло

---

[1]) Трагедія „Димитрій" посвящена была авторомъ, въ 1856 г., баварскому королю Максимиліану II. Приводимъ здѣсь въ подлинникѣ посвященіе, такъ какъ оно показываетъ тѣ чувства уваженія и благодарности, которыя привязывали поэта къ этому покровителю наукъ и художествъ и его августѣйшему другу:

Empfange huldvoll diese kleine Gabe
In Deinem Schutz begonnen und vollendet,
Als Opfer reinen Dankes Dir gespendet
Bis ich einst Reiferes zu bieten habe.

Meist ehren Könige Dichter nur im Grabe —
Du hast Dich zu den Lebenden gewendet,
Dein Sorgen ist: dass And'rer Sorgen endet,
Dein Scepter ward der Kunst zum Zauberstabe,

Ein hohes Ziel hast Du uns ausersehn.
Dir bleiben Ruhm und Ehre—wenn wir siegen,
Ruhm auch und Ehre—wenn wir unterliegen.

Denn nimmer kann des Fürsten Ruhm vergehn,
Von dem man sagen muss nach Seinem Leben
Er gab der Kunst mehr als sie Ihm gegeben.

F. B.

[2]) См. Списокъ главнѣйшихъ трудовъ Ф. Боденштедта за время по 1874 г. въ „Meyer's Konversations-Lexikon. Dritter Band, Лейпцигъ", 1874, стр. 416—417;

Digitized by Google

собраніе сочиненій г. Боденштедта въ двѣнадцати томикахъ (8 д., Берлинъ)—хорошенькое изданіе, которое мы и озаботились пріобрѣсти для своей библіотеки; нѣкоторыя части цѣликомъ наполнены переводомъ лучшихъ произведеній Пушкина и Лермонтова.

Въ 1854 или 1855-мъ годахъ тогда еще молодой, нынѣ извѣстный всему міру, славный русскій маэстро Ант. Григорьевичъ Рубинштейнъ, въ шести выпускахъ, издалъ переложенныя имъ на музыку—стихотворенія Фр. Боденштедта и Гейне и посвятилъ ихъ герцогинѣ Веймарской.

Всѣ эти труды его настолько извѣстны въ образованномъ классѣ германской націи, что когда г. Боденштедтъ, въ 1879—1880 г., совершилъ поѣздку въ Америку, то въ тѣхъ штатахъ, гдѣ населеніе было въ большинствѣ нѣмецкаго происхожденія, его принимали съ большимъ почетомъ. Такъ, напр., въ городѣ Милыоки (Milwaukee, въ штатѣ Wisconsin)—этихъ Аѳинахъ Соединенныхъ Штатовъ—не было конца торжествамъ въ честь дорогаго гостя: были пуги, обѣды, иллюминація,—все это происходило въ мартѣ 1880 г.; въ этомъ городѣ до 120 тыс. нѣмцевъ.

II.

Въ 1861 году г. Боденштедтъ познакомился съ нашимъ знаменитымъ писателемъ И. С. Тургеневымъ.

До какой степени высоко цѣнилъ Иванъ Сергѣевичъ талантъ г. Боденштедта, какъ поэта-переводчика, свидѣтельствуютъ собственноручныя письма Тургенева къ г. Боденштедту. Письма эти, съ предисловіемъ и примѣчаніями маститаго нѣмецкаго поэта, мы помѣщаемъ далѣе, вслѣдъ за его же разсказомъ изъ воспоминаній о давнемъ пребываніи его въ Россіи. Письма Тургенева тщательно свѣрены самимъ г. Боденштедтомъ, въ корректурѣ, съ подлинниками, хранящимися въ библіотекѣ г. Боденштедта.

При самомъ бѣгломъ знакомствѣ съ библіотекой Фр. Боденштедта

списокъ дальнѣйшихъ, съ 1874 г., трудовъ того же автора, за время съ 1874 по 1887-й годъ, сообщенный намъ самимъ поэтомъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1887 г., помѣщенъ въ этой же книгѣ „Русской Старины“, ниже.

По нашей просьбѣ г. Боденштедтъ сообщилъ, въ 1887 г., въ Спб., въ „Лермонтовскій Музей“ свой портретъ и собственноручный переводъ на нѣмецкій языкъ (автографъ) двухъ стихотвореній Лермонтова: „Измаилъ-бей“ и „Хаджи-Абрекъ“—съ подлежащими надписями, въ даръ „Лермонтовскому музею“. Ред.

Digitized by Google

мы съ удовольствіемъ замѣтили съ какимъ вниманіемъ и тщательностью собиралъ онъ и хранитъ, въ теченіи почти полувѣка, различныя книги и многотомныя изданія, знакомящія его съ Россіей. Въ самомъ дѣлѣ, къ книгамъ, вывезеннымъ изъ Россіи еще въ 1845-мъ году, поэтъ просоединялъ, по мѣрѣ выхода ихъ въ свѣтъ, многое, что интересовало его по отношенію къ нашему Отечеству. Такъ, между прочими книгами, мы нашли здѣсь:

«Повѣсти и преданія народовъ славянскаго племени», изд. П. Боричевскаго, Спб., 1840 г.;—Самоучитель грузинскаго языка, Спб., 1820 г.;—Тоже персидскаго языка, Тифлисъ, 1839 г.;—Энеида Виргиліева, переложенная Котляревскимъ, Спб., 1809 г.;—«Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсенъ», Спб., 1812 г.;—«Украинскія народныя пѣсни»—въ изд. Мих. Максимовича (М., 1834 г.);—Исторія Россіи Ломоносова въ изд. 1768 г.;—Лѣтопись Нестора;—«Малороссійскія и червонно-русскія народныя думы и пѣсни», Спб., 1836 г.;—Собр. соч. Пушкина въ изд. 1838—1842 гг.;—Исторія Новой Сѣчи А. Скальковскаго, Одесса, 1841 г., и проч., и проч. Изъ позднѣйшихъ книгъ мы замѣтили: «Кіевскіе богатыри»—Авенаріуса (сборн. былинъ);—Повѣсти Марка-Вовчка;—Собраніе стихотвореній Тараса Шевченко (1862 г.);—стихотворенія чешскихъ и польскихъ поэтовъ;—разныя изданія Н. В. Гербеля, бывшаго довольно усерднымъ корреспондентомъ г. Боденштедта;—«Nordische Revue, internationale Zeitschrift für Literatur, Kunst und öffentliches Leben»—отличное періодическое изданіе покойнаго ученаго докт. Вильгельма Вольфсона, издававшееся въ Лейпцигѣ въ 1864—1865 гг., съ пособіемъ отъ просвѣщенной великой княгини Елены Павловны; въ этомъ журналѣ было множество статей о Россіи и однимъ изъ сотрудниковъ его былъ г. Боденштедтъ, который именно здѣсь помѣстилъ переводъ повѣстей Тургенева: «Фаустъ» и «Призраки»; другой нѣмецкій журналъ—«Archiv Russland», издававшійся Эрманомъ еще въ 1842 г. въ Берлинѣ, съ поддержкой отъ тогдашняго министра народн. просвѣщенія въ Россіи—гр. Сергѣя Семен. Уварова, также имѣется въ библіотекѣ г. Боденштедта («Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland») и мн. др. книги о Россіи.

Въ томъ-же кабинетѣ, среди рукописей, вывезенныхъ нѣмецкимъ поэтомъ изъ Россіи болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, имѣются кои множества стихотвореній русскихъ поэтовъ, цѣлыя тетради, бо́льшею частью руки самого г. Боденштедта; написаны онѣ замѣчательно четко, красиво и правильно,—наглядное свидѣтельство, какъ заботливо и добросовѣстно изучилъ этотъ, молодой еще тогда (въ 1841—1845 гг.), человѣкъ

Digitized by Google

русскій языкъ; а кто не знаетъ, какъ туго дается этотъ языкъ—нѣмцамъ![1]). Въ этихъ тетрадяхъ мы нашли стихи: Пушкина, Дельвига, Жуковскаго, Козлова, Кольцова, Дениса Давыдова, Тютчева, кн. Вяземскаго, Лермонтова, Подолинскаго, Баратынскаго, Бенедиктова и другихъ поэтовъ,—пользовавшихся въ Россіи извѣстностью въ концѣ 1830-хъ и въ началѣ 1840-хъ годовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній, въ бытность г. Боденштедта въ Россіи, не были еще напечатаны, ходили въ рукописныхъ спискахъ, но потомъ всѣ они вошли либо въ собранія сочиненій этихъ поэтовъ, либо явились на стр. „Русской Старины“ и другихъ журналовъ.

Извѣстно, что г. Боденштедту принадлежитъ переводъ семнадцати маленькихъ стихотвореній Лермонтова, яко бы переведенныхъ имъ съ копіи, списанной однимъ изъ кавказскихъ товарищей поэта, но не бывшихъ, за утратою оригиналовъ,—напечатанными въ русскомъ подлинникѣ. Стихотворенія эти явились, такимъ образомъ, впервые въ печати въ нѣмецкихъ прекрасныхъ стихахъ г. Боденштедта и были, между прочимъ, напечатаны въ нашемъ журналѣ „Русская Старина“ на нѣмецкомъ языкѣ, но съ переводомъ въ стихахъ и въ прозѣ. (См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., томъ VII, стр. 394—402, и изд. 1879 г., т. XXVI, стр. 353—358).

Мы просили г. Боденштедта поискать въ его бумагахъ помянутой русской копіи стиховъ Лермонтова, но уважаемый переводчикъ уклонился отъ этого, утверждая, что не можетъ ихъ отыскать.

Да проститъ намъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ (такъ зовутъ русскіе г. Боденштедта), но доколѣ не отыщется русскій текстъ, хотя бы только копія, помянутыхъ стиховъ Лермонтова, то оставаться будетъ невольное сомнѣніе, что переводъ г. Боденштедта, будто бы съ рукописи стиховъ Лермонтова, есть не что иное, какъ оригинальное произведеніе маститаго нѣмецкаго поэта, лишь навѣянное прекрасно извѣстною ему поэзіею Лермонтова[2]).

Оставя Мейнингенъ въ 1874 году, г. Боденштедтъ провелъ два года въ Ганноверѣ, а затѣмъ съ 1876 г. водворился съ семьей своей на житье—въ Висбаденѣ, гдѣ и живетъ въ настоящее время (1887 г.),

---

[1]) Въ настоящее время (1887 г.), то есть болѣе сорока лѣтъ спустя послѣ возвращенія изъ Россіи, г. Боденштедтъ декламируетъ по русски, на память, отдѣльныя строфы изъ „Евгенія Онѣгина“, свободно читаетъ по русски, но уже не ведетъ бесѣдъ и не пишетъ на русскомъ языкѣ. Ред.

[2]) Когда я передалъ мое предположеніе г. Ф. Боденштедту о томъ, что я сообщу его въ „Русск. Старинѣ“, онъ отвѣчалъ, улыбаясь: „пожалуй, сообщите, это меня не мало не безпокоитъ; впрочемъ, я продолжаю еще разыскивать желаемую вами рукопись“.

Кстати замѣтимъ, что Лермонтовъ настолько хорошо зналъ языкъ

Digitized by Google

сказали бы живетъ на покоѣ, — въ виду его 68 лѣтъ,—но о немъ этого нельзя еще сказать.

Всѣми уважаемый старецъ продолжаетъ трудиться.

Онъ состоитъ, съ 1880 г., издателемъ (впрочемъ, лишь номинальнымъ) выходящей въ Берлинѣ газеты: «Tägliche Rundschau», пишетъ иногда для газеты (расходящейся около 20 тыс. экз.) статьи, стихи, сочиняетъ драмы [1]), романы и разсказы [2]), переводитъ Шекспира, ведетъ громадную переписку. Каждый день почта приноситъ ему—корректуры, рукописи, письма; весьма многіе изъ тѣхъ, кто только подвизаются на поприщѣ нѣмецкой поэзіи, священнымъ долгомъ считаютъ препровождать свои произведенія, весьма часто въ рукописи, на его предварительное одобреніе и заключеніе.

Многіе писатели въ прозѣ, беллетристы начинающіе, также направляютъ къ нему свои манускрипты для отзыва или даже исправленія ихъ слога, такъ какъ г. Боденштедтъ имѣетъ репутацію прекраснаго стилиста. Чтеніе этой массы рукописей и переписка по ихъ поводу очень обременяетъ поэта, глаза котораго довольно уже ослабѣли отъ многолѣтнихъ трудовъ.

Кстати скажемъ, пріятно видѣть, какъ чтутъ нѣмцы своихъ лучшихъ литературныхъ дѣятелей: портреты и бюсты Боденштедта продаются повсюду; при выходѣ его на улицу въ городѣ, имѣющемъ до 60 т. жителей, большинство встрѣчающихся привѣтствуетъ его поклонами и, конечно, множество изъ этихъ лицъ вовсе ему не знакомы, но прекрасно знаютъ его. Во многихъ обществахъ и союзахъ (ферейнахъ) онъ либо почетный членъ, либо почетный, всегда радушно встрѣчаемый, гость; о немъ жители Висбадена упоминаютъ иностранцамъ, какъ о предметѣ гордости своего города, этой нѣмецкой

нѣмецкій, что писалъ на немъ стихи. Вотъ четверостишіе Лермонтова, найденное въ черновыхъ его тетрадяхъ профессоромъ П. А. Висковатовымъ:

Sie ist zu schön um tugendhaft zu sein,
Um treu zu lieben, ist zu lieblich sie,
Wohl tausend Herzen könnte sie erfreun,
Doch selbst, selbst glücklich wird sie nie.

[1]) Напр., „Alexander in Karinth", Schauspiel in drei Akten, von Fr. Bodenstedt, Ганноверъ, 1876 г. Въ первый разъ она представлена на ганновер. королев. театрѣ 12 марта 1876 г.

[2]) Напр.: Die letzten Falkenburger, Roman von Friedrich Bodenstedt (Berlin);—Lady Penelope, Erzählung von F. Bodenstedt (Berlin); Eine Mönchsliebe. Erzählung von Fr. Bodenstedt, и проч. Впрочемъ, эти разсказы и романы—давно уже имъ написаны. Ред.

Digitized by Google

Ниццы. Карнавальная процессія, въ февралѣ 1887 года бывшая въ Висбаденѣ, въ лицѣ своихъ «принца и принцессы», съ ихъ громадною свитою и въ весьма нарядныхъ костюмахъ, во время цуга по городу, сдѣлали визиты: принцессѣ Луизѣ (племянницѣ императора), президенту города и г. Боденштедту...

Когда-то у насъ на Руси будутъ достойно чтить нашихъ писателей—при ихъ жизни? Вспоминаютъ ли у насъ, напр., когда либо, при какихъ либо случаяхъ, маститаго романиста нашего Ивана Александровича Гончарова? Не заживо ли онъ забытъ? А между тѣмъ сколь велики заслуги автора «Обыкновенной исторіи», «Обломова», «Обрыва»!...

А за то сколько дешевыхъ слезъ въ некрологахъ и звонкихъ рѣчей проливается у насъ—по кончинѣ того или другаго изъ нашихъ писателей!

Мы, впрочемъ, не умѣемъ достойно цѣнить своихъ писателей и, конечно, еще менѣе цѣнимъ тѣхъ иностранцевъ, которые посвящаютъ свой, изъ ряду выходящій, талантъ на воспроизведеніе на иностранныхъ языкахъ,—въ отличныхъ переводахъ, лучшихъ нашихъ писателей....

Но оставляя сѣтованія, выскажемъ горячее пожеланіе, дабы наша академія наукъ, по отдѣленію языка и словесности, въ виду болѣе XLV-ти лѣтнихъ трудовъ профессора Фр. Боденштедта, во славу русской словесности въ Европѣ, избрала бы его въ число своихъ почетныхъ членовъ.

13-го апрѣля 1887 г.

М. И. Семевскій.

Digitized by Google

II.

ВОСПОМИНАНІЯ ФРИДРИХА ВОДЕНШТЕДТА

о пребываніи въ Россіи въ 1841—1845 гг.

[Переводъ В. В. Тимощукъ съ нѣмецкой рукописи автора].

I.

Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ, исполняя ваше желаніе, чтобы я сообщилъ для „Русской Старины" кое что изъ моихъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ Россіи, и о моихъ занятіяхъ и знакомствахъ, составленныхъ въ этой странѣ, я могу писать только по воспоминаніямъ, ибо въ Москвѣ, гдѣ я жилъ болѣе продолжительное время и гдѣ я пріобрѣлъ наиболѣе знакомствъ въ русскомъ обществѣ, я не велъ дневника, въ которомъ заключалось бы что либо достойное упоминанія на этихъ страницахъ.

Во время моего трехъ-лѣтняго пребыванія въ качествѣ воспитателя въ домѣ кн. Михаила Голицына, все мое время днемъ было поглощено занятіями съ моими воспитанниками и надзоромъ за ними и только по вечерамъ, когда они засыпали, я начиналъ работать для себя, при чемъ на первомъ планѣ стояло изученіе русскаго языка. Ознакомившись до нѣкоторой степени съ грамматикой, я принялся тотчасъ за переводъ стихотвореній, что для меня было наиболѣе удобнымъ способомъ закрѣпить въ моей памяти пріобрѣтенный запасъ русскихъ словъ. Чѣмъ болѣе труда стоило мнѣ выяснить себѣ, съ помощью словаря, значеніе какого нибудь непонятнаго для меня слова, тѣмъ прочнѣе запечатлѣвалось оно въ моей памяти, и когда мнѣ удастся, бывало, усвоить смыслъ цѣлаго стихотворенія, то я вскорѣ зналъ его

Digitized by Google

наизусть, и результатомъ этого являлась, обыкновенно, попытка передать его, въ стихахъ-же, на нѣмецкій языкъ, съ точнымъ соблюденіемъ стихотворнаго размѣра (Versbildung) и риѳмы.

Изъ сочиненій, написанныхъ прозою, я прочелъ первымъ „Исторію государства Россійскаго“ Карамзина и сдѣлалъ изъ нея много выдержекъ, въ особенности изъ эпохи борьбы съ татарскимъ игомъ и съ Великимъ Новгородомъ. Описаніе свирѣпыхъ казней и раззоренія, произведеннаго Іоанномъ Грознымъ въ этомъ несчастномъ городѣ, послѣ того какъ онъ овладѣлъ имъ, послужило мнѣ первымъ толчкомъ къ моему собственному эпическому стихотворенію „Марѳа и Андрей“.

Мнѣ рѣдко представлялся случай упражняться въ правильной разговорной русской рѣчи; съ воспитанниками моими я говорилъ по нѣмецки; въ домѣ общеупотребительнымъ языкомъ былъ французскій, по русски же приходилось говорить только съ прислугою.

Я помню, что однажды младшій мой воспитанникъ, кн. Михаилъ Михаиловичъ, разсказывалъ за столомъ своему старшему брату что-то по русски и получилъ за это слѣдующее замѣчаніе: „Michel, ne parlez donc pas toujours russe comme les paysans“ [1]).

II.

Изъ трехъ учителей, которые во время моего пребыванія въ домѣ кн. Голицына (съ начала 1841 до конца приблизительно 1843 г.) преподавали въ немъ русскій языкъ, литературу и исторію, перваго звали Шараповъ, втораго Красовъ, а третьяго Катковъ.

Шараповъ былъ небольшаго роста, красивый юноша съ живыми темными глазами, всѣмъ своимъ существомъ болѣе походившій на уроженца юга, нежели на сына холоднаго сѣвера. Онъ былъ хорошо образованъ, привѣтливъ и пользовался хорошей репутаціей какъ педагогъ. Желаніе его получить постоянное мѣсто при какой нибудь гимназіи вскорѣ осуществилось, благо-

[1]) Миша, не говори же постоянно по русски, какъ мужикъ.

Digitized by Google

даря протекціи благоволившаго къ нему графа Строгонова, который былъ въ то время попечителемъ московскаго университета. Со мною онъ бесѣдовалъ постоянно на французскомъ языкѣ, но его преемникъ Красовъ владѣлъ этимъ языкомъ хуже, нежели я русскимъ, поэтому мы говорили съ нимъ всегда по русски, что принесло мнѣ большую пользу, такъ какъ Красовъ, по своему происхожденію, по своимъ симпатіямъ и по роду занятій, глубоко коренился въ русскомъ народномъ мірѣ, и представлялъ живой контрастъ съ высшимъ русскимъ обществомъ, болтавшимъ по французски; его своеобразная рѣчь и обращеніе внушили мнѣ совершенно новый взглядъ на русскій народный духъ и на его отличительныя свойства.

Такъ какъ Красовъ ѣздилъ съ нами въ деревню Никольское, имѣніе князя, лежавшее въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, на берегу Яузы, гдѣ мы проводили лѣто, то я имѣлъ тутъ случай чаще разговаривать съ нимъ, нежели въ городѣ. Въ тѣ часы, когда мои воспитанники брали уроки музыки, рисованія, закона Божьяго и французской литературы, мы гуляли въ окрестныхъ лѣсахъ, и Красовъ разсказывалъ мнѣ разные эпизоды изъ своей, богатой событіями, жизни, при чемъ онъ выражался такъ образно, что я переживалъ, казалось, всѣ эти событія вмѣстѣ съ нимъ. Съ живой фантазіей въ немъ соединялся замѣчательный талантъ къ мимикѣ, который онъ сдерживалъ, однако, въ строгихъ границахъ и къ счастію давалъ ему волю только въ кругу людей, съ которыми онъ чувствовалъ себя совершенно безъ стѣсненія. Въ своихъ разсказахъ, выливавшихся постоянно въ формѣ отдѣльныхъ сценокъ и эпизодовъ, онъ умѣлъ передать чрезвычайно мѣтко разговоръ людей разнаго типа, но вышедшихъ изъ народа, начиная съ простаго мужика и кончая священникомъ и мелкопомѣстнымъ дворяниномъ стараго закала, при чемъ онъ передавалъ неподражаемо вѣрно всѣ особенности ихъ рѣчи и самое выраженіе ихъ лица, но положительно не могъ представить маломальски сносно лицъ высшаго круга, вращавшихся въ тѣхъ салонахъ, гдѣ разговоръ велся не иначе, какъ на французскомъ языкѣ; тамъ, гдѣ въ его разсказахъ выступали подобныя личности, изъ нихъ выходили всегда каррикатуры. Его безъискуственная внѣшность представляла рѣшительную противуположность съ тѣмъ, что мы привыкли понимать подъ аристократическою

Digitized by Google

наружностью, въ современномъ значеніи этого слова. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ заключать, что его можно было бы назвать неряшливымъ: это была воплощенная чистоплотность; выбритый всегда тщательно, безъ малѣйшей пылинки на платьѣ, но для него было безразлично какъ это платье на немъ сидѣло, лишь бы онъ чувствовалъ себя въ немъ удобно. Средняго роста, коренастый и плотнаго сложенія, онъ старался придать своимъ членамъ гибкость всевозможными тѣлесными упражненіями, былъ превосходный пловецъ, смѣлый наѣздникъ и даже ловкій танцоръ, что, какъ извѣстно, между поэтами встрѣчается рѣдко.

Во время студенческой жизни въ Москвѣ, положеніе его было, повидимому, незавидное, такъ какъ ему приходилось, по большей части, заработывать себѣ средства къ жизни уроками. Когда же вслѣдствіе продолжительной болѣзни, лишившей его всякаго заработка, онъ не могъ, однажды, нѣсколько мѣсяцевъ платить за столъ и квартиру, то это вызвало самыя непріятныя сцены съ его пожилой и сварливой хозяйкой, которая, забравъ у него во время болѣзни, въ обезпеченіе, всю одежду и всѣ сколько нибудь цѣнныя вещи, хотѣла, наконецъ, выселить его среди зимы на улицу, въ одномъ халатѣ и туфляхъ. Онъ старался разъяснить ей, что не дорожитъ жизнію, но что въ ея собственныхъ интересахъ выгоднѣе ускорить его выздоровленіе хорошимъ уходомъ; но она не дала ему договорить и разразилась потокомъ такой брани, которая придала ей выраженіе разсвирѣпѣвшей дикой кошки.

Больной вскочилъ, схватилъ со стѣны маленькое зеркальце и, держа его передъ ея разъяреннымъ лицомъ, воскликнулъ: „смотри, негодяйка и трепещи передъ твоимъ собственнымъ изображеніемъ!“

Дѣйствіе было поразительное; увидѣвъ себя въ зеркалѣ, женщина была поражена ужасомъ и прежде, нежели она была въ состояніи произнести что либо, вошелъ врачъ, докт. Дитрихъ, нѣмецъ, родившійся въ Россіи, человѣкъ высокаго роста, съ благородными чертами лица, высокимъ лбомъ и большими темными глазами. Нѣсколькихъ словъ было достаточно, чтобы объяснить ему странную сцену, которую онъ засталъ войдя къ больному. Женщина бросилась передъ нимъ на колѣни и просила прощенія,

Digitized by Google

объясняя, что она съ горя хватила слишкомъ много водки, чтобы утѣшиться, но теперь пришла въ себя и готова сдѣлать все, что отъ нея потребуютъ.

Никакое перо не въ состояніи передать этотъ разсказъ такъ живо, наглядно и съ такимъ захватывающимъ интересомъ, съ какимъ разсказывалъ его Красовъ, представляя его въ лицахъ; необыкновенный даръ подражанія давалъ ему возможность представить свою злую старую хозяйку, съ ея кошачьимъ лицомъ, такъ реально, что она стояла передо мною какъ живая.

Докторъ Дитрихъ, возлагавшій на Красова большія надежды, помогъ ему выйти изъ его временно стѣсненнаго положенія, и послѣдствіемъ этого было, если не ошибаюсь, то обстоятельство, что Красовъ рѣшился напечатать въ журналахъ нѣкоторыя свои стихотворенія, при чемъ вновь понадобилось содѣйствіе добрыхъ друзей, чтобы обезпечить ему хорошій гонораръ, но уже первыя произведенія его музы обратили на себя вниманіе публики, такъ что ему было уже не трудно помѣщать свои послѣдующія работы. Однако, успѣхъ не ослѣпилъ его: онъ всегда предъявлялъ къ самому себѣ строгія требованія, писалъ, въ общей сложности, весьма мало и еще менѣе печаталъ, такъ какъ не желалъ имѣть дѣла съ цензурой, въ то время весьма строгой. Главная выгода, которую доставили ему его стихотворенія, заключалась въ томъ, что они сдѣлали его имя извѣстнымъ во всей Россіи, и, такимъ образомъ, облегчили ему дальнѣйшій успѣхъ въ жизни.

Красовъ не получилъ никакой спеціальной подготовки. Къ занятіямъ врача онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго призванія, еще менѣе желанія имѣлъ сдѣлаться священникомъ или адвокатомъ и содрагался при одной мысли о чиновничьей карьерѣ. Такимъ образомъ, какъ прежде, такъ и послѣ, ему не оставалось инаго средства обезпечить себѣ кусокъ хлѣба, какъ давая уроки.

Вскорѣ по окончаніи курса онъ получилъ мѣсто домашняго учителя въ Малороссіи, и тутъ, живя среди народа, столь богатаго пѣснями, онъ получилъ новый толчекъ къ поэтическому творчеству. Впослѣдствіи онъ возвратился въ Москву, гдѣ давалъ въ богатыхъ домахъ уроки языковъ и литературы и, бывая часто въ обществѣ, велъ весьма пріятную жизнь; онъ не былъ женатъ, но часто влюблялся и раза два, по его собственному выраженію,

Digitized by Google

любилъ „безъ памяти“ (auf Leben und Tod), пока не настало время, когда онъ воскликнулъ вмѣстѣ съ Лермонтовымъ:

Что страсти? вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка.

Красовъ не былъ, на литературной нивѣ, богатымъ собственникомъ, который могъ пожинать обильную поэтическую жатву, обезпечившую бы ему вездѣ солидный капиталъ; онъ походилъ скорѣе на беззаботнаго путника, поддающагося впечатлѣніямъ минуты и умѣющаго срывать въ лѣсу и въ полѣ самые прекрасные цвѣты, чтобы составлять изъ нихъ душистые букеты. Насколько мнѣ извѣстно, онъ не издалъ полнаго собранія своихъ стихотвореній, которыя разсѣяны только по журналамъ и хрестоматіямъ [1]). По сжатому способу изложенія, они съ трудомъ поддаются переводу; однако, слѣдующее стихотвореніе можетъ служить примѣромъ того, что они производятъ и на нѣмецкомъ языкѣ самое полное и отрадное впечатлѣніе.

Ночной товарищъ.

Въ чистомъ полѣ, что есть силы,
Скачетъ конь мой вороной.
Все кругомъ, какъ бы въ могилѣ,
Полно мертвой тишиной.

Въ чистомъ полѣ, на просторѣ,
Мчусь я съ пѣснью удалой.
Кто-то, слышу, въ темномъ борѣ
Перекликнулся со мной....

Полночь била; въ темной дымкѣ
Полумѣсяцъ молодой,
Чую: кто-то невидимкой
Скачетъ объ руку со мной....

---

[1]) Собраніе стихотвореній поэта Красова, если не ошибаемся, было издано въ 1860-хъ годахъ П. В. Шейномъ. Ред.

Digitized by Google

Der nächtliche Begleiter.

Windschnell trug beim Sterngefunkel
Durch das Blachfeld mich mein Ross,
Wo in grabesstillem Dunkel
Alles um mich her zerfloss.

Klang ein Lied aus meinem Munde
Wie im Takt zum Rosshufschall,
Da—aus dunklem Föhrengrunde
Hört ich klaren Widerhall.

Mitternacht. Der Halbmond gleitet
Wie ein Kahn durch's Nebelmeer,
Und—ich spür's—unsichtbar reitet
Jemand neben mir einher.

Красовъ былъ прекрасный человѣкъ и его образъ неизгладимо запечатлѣлся въ моемъ воспоминаніи. Онъ относился ко мнѣ постоянно съ искреннимъ расположеніемъ и я, съ своей стороны, былъ признателенъ ему за нѣкоторые практическіе совѣты, данные мнѣ, такъ какъ его стараніе быть мнѣ полезнымъ простиралось до мелочей. Такъ, напримѣръ, когда мнѣ приходилось дѣлать какія нибудь покупки, то онъ всегда являлся мнѣ на помощь, чтобы меня не обманули. Когда же я отправлялся на Кавказъ, то онъ купилъ мнѣ все необходимое для этой поѣздки гораздо дешевле, нежели я разсчитывалъ. Затѣмъ онъ настоялъ, чтобы я ѣхалъ въ тарантасѣ, такъ какъ онъ опасался, что я могу захворать, совершивъ этотъ утомительный путь въ телѣгѣ, тѣмъ болѣе, что погода (это было въ октябрѣ) уже совсѣмъ походила на зиму: по ночамъ бывали сильные морозы, смѣнявшіеся мятелями и снѣгомъ, который превращался днемъ въ невылазную грязь.

Василій Ивановичъ (Красовъ) купилъ тарантасъ за сто рублей серебромъ, сказавъ, что я могу продать его за ту же цѣну во Владикавказѣ, что оказалось вполнѣ справедливымъ.

Послѣднія покупки состояли изъ оружія, которымъ всякому путешественнику приходилось запасаться изъ предосторожности, такъ какъ военныя дѣйствія на Кавказѣ въ то время были въ самомъ разгарѣ.

Digitized by Google

Когда я поблагодарилъ отъ души моего заботливаго друга за его хлопоты, то онъ намекнулъ мнѣ, что я сдѣлаю ему большое одолженіе, взявъ подъ свое покровительство одну даму, отправлявшуюся также на Кавказъ, но которая опасалась пуститься въ путь одна со своей горничной. Она ѣхала къ своему мужу, занимавшему тамъ довольно видное положеніе по службѣ: онъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій, въ Тифлисѣ, куда отправился вмѣстѣ съ новымъ командующимъ кавказскимъ корпусомъ Ф. Нейдгардтомъ и не имѣлъ возможности взять съ собою жену.—„Это хорошенькая, скромная и молодая женщина, лѣтъ двадцати восьми, весьма кроткаго характера, говорилъ Красовъ, которая васъ отнюдь не стѣснитъ, а напротивъ того, будетъ съ своей служанкой дѣлать все возможное чтобы доставить вамъ въ дорогѣ всякія удобства"; что въ самомъ дѣлѣ она исполнила вполнѣ добросовѣстно. Анна Петровна не говорила по французски и, такимъ образомъ, мнѣ пришлось первый разъ въ жизни, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, не слышать инаго языка, кромѣ русскаго. Но лучшее, чѣмъ я обязанъ моей спутницѣ, было маленькое стихотвореніе, которое В. И. Красовъ вручилъ мнѣ на прощанье и которое безъ вышеприведеннаго разсказа было бы непонятно. Я привожу его здѣсь лишь съ автографа, сохранившагося въ моемъ альбомѣ, потому что вы, многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ, этого желаете:

Ѳ. Ѳ. Боденштедту.

Что пожелать на путь для васъ?
Пусть будетъ цѣлъ вашъ тарантасъ—
Съ Лубянки Малой до Кавказа,
Да не коснется васъ зараза,
Ни пуля горца, ни арканъ,
Да будетъ полонъ вашъ карманъ,
И горъ гранитные узоры
Пускай обрадуютъ вамъ взоры.
Но вашихъ спутницъ, юныхъ дамъ,
Доставьте-жъ въ цѣлости.... мужьямъ
И послѣ пейте за одно
амъ Кахетинское вино.

В. Красовъ.

Digitized by Google

Вообще, Красовъ предпочиталъ имѣть дѣло съ прекраснымъ поломъ, нежели съ сановитыми мужчинами. Въ этомъ случаѣ имъ руководилъ не только поэтическій складъ его характера, но также извѣстная осторожность, вслѣдствіе которой онъ держался правила: избѣгать въ большомъ обществѣ всякихъ политическихъ разговоровъ. По этой же причинѣ онъ былъ не прочь осушить, съ глазу на глазъ, цѣлую бутылку вина до послѣдней капли, но въ большомъ обществѣ не позволялъ себѣ выпить ни одной рюмки, такъ какъ вино развязывало ему языкъ, и тогда онъ не былъ уже въ состояніи говорить осмотрительно. При своей добровольной сдержанности онъ былъ робокъ и застѣнчивъ, никому не навязывался съ своимъ знакомствомъ, но если кто самъ старался сблизиться съ нимъ, то встрѣчалъ въ немъ человѣка искренно преданнаго. Однако, съ теченіемъ времени, суета свѣтской жизни наскучила ему и онъ, мало по малу, совсѣмъ отсталъ отъ общества. Какъ ни дорожилъ онъ своею сравнительною независимостью, однако, онъ сталъ находить, что она обходилась ему слишкомъ дорого, поглощая все его время: заботы о насущномъ хлѣбѣ были его злѣйшимъ врагомъ. Всякій разъ, какъ онъ намѣревался сосредоточиться и обдумать какое-нибудь большое произведеніе, ему являлись помѣхою денежныя затрудненія, такъ какъ ему приходилось заботиться не только о себѣ, но и о бѣдныхъ родственникахъ, которые были столь же неутомимы въ своихъ просьбахъ, какъ онъ въ помощи имъ. Зачастую онъ брался помогать слишкомъ много и черезъ это терялъ здоровье и бодрость духа. По возвращеніи нашемъ изъ деревни, онъ нанялъ снова частную квартиру и выбралъ ее, повидимому, довольно неосмотрительно, такъ какъ она имѣла весьма вредное вліяніе на его здоровье. Посѣтивъ его въ одинъ воскресный день на этой квартирѣ, послѣ того, какъ мы не видались цѣлый мѣсяцъ, я нашелъ его сильно измѣнившимся. Подходя къ дверямъ, я разслышалъ, что онъ что-то громко декламируетъ и, войдя, просилъ его прогнать меня, если я мѣшаю ему работать.

Нѣтъ, возразилъ онъ, я не работаю: я говорилъ стихи Лермонтова, которые вполнѣ выражаютъ мое настроеніе:

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды....
Желанья!... что пользы напрасно и вѣчно желать?
А годы проходятъ—все лучшіе годы!

Digitized by Google

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ нашей разлуки, до меня дошло извѣстіе о его смерти, ближайшія обстоятельства которой остались для меня неизвѣстными. Мнѣ также не пришлось нигдѣ прочесть что-либо о его жизни и все то, что описано мною здѣсь, основано лишь на личныхъ воспоминаніяхъ....

О Катковѣ, съ которымъ я также провелъ одно лѣто въ Никольскомъ, у меня сохранилось меньше воспоминаній, такъ какъ въ немъ не проявлялось еще въ то время ни малѣйшаго задатка той склонности къ политической дѣятельности, которая сдѣлала его имя извѣстнымъ впослѣдствіи всему міру. Серьезный отъ природы, получившій основательную философскую подготовку, Михаилъ Никифоровичъ Катковъ, по разностороннему научному образованію, стоялъ гораздо выше поэтическаго и вѣтреннаго Красова. Незадолго передъ тѣмъ, какъ я познакомился съ нимъ, Катковъ возвратился изъ поѣздки за границу, гдѣ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ, съ цѣлью дополнить свое образованіе, побывалъ во Франціи, Бельгіи и Германіи и жилъ болѣе продолжительно въ Берлинѣ, гдѣ онъ посѣщалъ, въ теченіи трехъ семестровъ, лекціи философіи Шеллинга. Пріѣхавъ на родину, онъ сталъ усердно готовиться къ полученію профессорской каѳедры въ московскомъ университетѣ и, между дѣломъ, умѣлъ весьма интересно разсказывать о своей заграничной жизни. Съ особеннымъ одушевленіемъ говорилъ онъ о Шеллингѣ и Яковѣ Гриммѣ. Въ домѣ Шеллинга онъ былъ принятъ весьма радушно и часто посѣщалъ его. Въ воспоминаніяхъ объ этомъ знакомствѣ играла не малую роль прелестная дочь Шеллинга, съ которой я познакомился впослѣдствіи, когда она была уже замужемъ за барономъ Цехъ (Zech). Катковъ говорилъ о ней всегда съ большимъ уваженіемъ, тогда какъ вообще онъ не находилъ особеннаго удовольствія въ дамскомъ обществѣ. Нѣмецкимъ языкомъ, разговорнымъ и письменнымъ, Катковъ владѣлъ въ такомъ совершенствѣ, что мнѣ ни разу не случилось подмѣтить въ его рѣчи какого-нибудь иностраннаго выраженія и я могу объяснить себѣ только политическими причинами то обстоятельство, что его тогдашнее пристрастіе ко всему нѣмецкому уступило впослѣдствіи мѣсто совершенно противуположнымъ взглядамъ.

Digitized by Google

Подобное же явленіе я наблюдалъ и въ нѣкоторыхъ другихъ моихъ русскихъ знакомыхъ, которыхъ симпатіи къ Германіи ослабѣвали по мѣрѣ того, какъ возрастало политическое значеніе нашей страны. Покуда мы были слабы и разрозненны въ политическомъ смыслѣ, нѣмцы не могли пожаловаться на недостатокъ радушія въ Россіи. Но съ тѣхъ поръ, какъ Германія объединилась и стала могучимъ государствомъ, въ Россіи, по крайней мѣрѣ въ извѣстной части ея общества, произошелъ неблагопріятный для насъ поворотъ, о чемъ я, въ мои преклонныя лѣта, искренно сожалѣю, такъ какъ я полюбилъ въ молодости русскій народъ.

Въ то время Катковъ былъ еще далекъ отъ тѣхъ стремленій, которыя направлены противъ періода реформъ, введенныхъ Петромъ Великимъ, и, обращая взоры на родную старину, желаютъ видѣть возрожденіе Россіи только съ помощью ея собственныхъ силъ.

Однако, я не намѣренъ вдаваться здѣсь въ область политики; замѣчу только, что я обязанъ Каткову многими свѣдѣніями по части русской исторіи и литературы.

Изъ прочихъ лицъ русскаго общества, съ которыми я познакомился въ домѣ кн. Голицыныхъ, весьма немногіе представляли настолько интереса, чтобы о нихъ стоило здѣсь упомянуть. Въ числѣ этихъ лицъ я назову, прежде всего, отца княгини, весьма престарѣлаго уже въ то время, кн. Вяземскаго, имя и отчество котораго я позабылъ; я упоминаю здѣсь объ этомъ обстоятельствѣ лишь потому, чтобы его не смѣшивали съ поэтомъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ, съ которымъ я познакомился много лѣтъ спустя въ Германіи. Оба они были люди высокаго роста и достигли глубокой старости, но поэтъ не отличался такими изящными и благородными чертами лица, какъ его московскій двоюродный братъ, бывшій даже, подъ старость, замѣчательно красивымъ мужчиной. Дѣти походили на него красотою: княгиня Голицына лицомъ была вылитый отецъ. Въ то время, когда я познакомился съ нимъ, кн. Вяземскій былъ женатъ вторымъ бракомъ на вдовѣ, которая навязала на его шею трехъ взрослыхъ дочерей и разрѣшилась еще отъ бремени сыномъ, носившимъ

Digitized by Google

фамилію своего отца, Вяземскаго, между тѣмъ какъ дочери назывались по ея отцу, который былъ потомкомъ знаменитаго мореплавателя Беринга.

Старый князь былъ ходячей хроникой; его воспоминанія заходили далеко въ область прошлаго столѣтія. Онъ слушалъ въ молодости лекціи въ геттингенскомъ университетѣ, былъ знакомъ съ Бюргеромъ, Лихтенбергомъ и Кестнеромъ и считалъ года, проведенные имъ въ Германіи, счастливѣйшею эпохою своей жизни, и охотнѣе говорилъ о ней, нежели о своей жизни при блестящемъ дворѣ Екатерины II и о своихъ столкновеніяхъ съ императоромъ Павломъ и его преемникомъ Александромъ I. Объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ онъ совершенно умалчивалъ въ своихъ бесѣдахъ. Особенно разговорчивъ бывалъ князь, когда рѣчь заходила о тѣхъ лицахъ, имена которыхъ прославились въ русской литературѣ. Онъ былъ со всѣми ими знакомъ отъ Карамзина до Марлинскаго (Бестужева) и Гоголя и умѣлъ характеризовать ихъ жизнь и произведенія совершенно своеобразно; истинное значеніе его словъ я постигъ лишь впослѣдствіи, когда мнѣ удалось самому ознакомиться съ сочиненіями этихъ писателей, но въ то время мнѣ приходилось довольствоваться тѣми понятіями, которыя я могъ получить о нихъ изъ хрестоматіи А. Д. Галахова, появившейся въ 1843 году: „Полная русская хрестоматія или образцы краснорѣчія и поэзіи“. Я нашелъ въ ней всего понемногу, но безъ руководящихъ предисловій и точныхъ указаній. Такъ, напр., мнѣ бросились въ глаза баллады Гете, Шиллера и Гедлица, напечатанныя просто подъ именемъ Жуковскаго, безъ указанія на ихъ нѣмецкое происхожденіе. Такимъ образомъ читатель, незнакомый съ нѣмецкой литературой, могъ подумать, что Жуковскій былъ авторомъ балладъ Лѣсной Царь, графъ Габсбургскій или Ночной смотръ. Что подобное предположеніе дѣлалось многими, въ этомъ я имѣлъ, неоднократно, случай убѣдиться впослѣдствіи. Что касается превосходнаго перевода этихъ стихотвореній, сдѣланнаго Жуковскимъ, то лучшимъ доказательствомъ этого, разумѣется, могло служить то, что переводы эти признавались за оригинальныя стихотворенія.

Къ числу ближайшихъ родственниковъ дома кн. Голицыныхъ, съ которыми они часто видѣлись, принадлежало также семейство

Digitized by Google

Олсуфьевыхъ; старшій сынъ ихъ, Павелъ, весьма интересовался моими работами и во многихъ случаяхъ былъ мнѣ полезенъ. Онъ зналъ нѣмецкій языкъ также хорошо, какъ русскій; къ тому же, дѣйствительно, интересовался поэзіей и понималъ въ ней толкъ, что было въ то время рѣдкостью не только въ Россіи, но и въ Германіи, и могъ при моихъ переводахъ подать мнѣ хорошій совѣтъ, разъясняя нѣкоторыя темныя мѣста и обращая мое особенное вниманіе на такія стихотворенія, которыя какъ бы вылились изъ самаго сердца народа и поэтому имѣли неотразимую прелесть и переходили изъ устъ въ уста. Павелъ Олсуфьевъ, не отличаясь особенно видною наружностью, выдѣлялся, однако, весьма замѣтнымъ образомъ благодаря своимъ обширнымъ познаніямъ и своему уму среди большинства юношей знатныхъ фамилій, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться въ Москвѣ, и, безъ сомнѣнія, онъ игралъ бы впослѣдствіи видную роль, если бы смерть не похитила его въ молодыхъ годахъ. Онъ умеръ вскорѣ послѣ обрученія своего съ дѣвицею фонъ-Стааль, дочерью московскаго коменданта.

Послѣ Павла Олсуфьева, наиболѣе даровитымъ среди молодыхъ москвитянъ того времени считался Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ, съ которымъ я также часто встрѣчался въ домѣ кн. Голицыныхъ, но съ которымъ я не сблизился. Онъ былъ друженъ съ старшими братьями моихъ воспитанниковъ, кн. Николаемъ и Львомъ Михайловичами Голицыными, которые служили въ Петербургѣ, но часто пріѣзжали въ Москву въ довольно продолжительный отпускъ. Николай Михайловичъ былъ юноша высокаго роста, серьезный, получившій основательное образованіе; онъ служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и ему скоро стали давать весьма важныя порученія. Я видѣлъ его послѣдній разъ, когда онъ отправлялся въ Сибирь съ слѣдственной комиссіей, въ которой участвовалъ также молодой графъ Ферзенъ.

Кн. Левъ Михайловичъ служилъ въ гвардейской кавалеріи. Въ Москвѣ только одинъ молодой человѣкъ превосходилъ его красотою, то былъ кн. Павелъ Гагаринъ; обладая стройною фигурою, тонкими чертами лица, огненными глазами и отъ природы вьющимися темными волосами, онъ считался, въ свое время, самымъ опаснымъ кавалеромъ и побѣдителемъ женскихъ сердецъ.

Digitized by Google

О побѣдахъ, одержанныхъ имъ, разсказывали самыя удивительныя вещи.

Кн. Левъ Михайловичъ, при своей мужественной красотѣ, былъ олицетвореннымъ добродушіемъ. Мой старшій воспитанникъ, Дмитрій, имѣлъ съ нимъ большое сходство. Младшій, Михаилъ, имѣлъ такіе великолѣпные глаза, что изъ-за нихъ не замѣчались нѣкоторыя неправильности его лица. Онъ былъ самый способный изо всѣхъ своихъ братьевъ, но ему не суждено было долго жить.

Изъ родственницъ Голицынскаго дома выдавалась своимъ величественнымъ ростомъ и умственнымъ превосходствомъ супруга весьма вліятельнаго въ то время сановника, Васильчикова. При необыкновенномъ тѣлесномъ и умственномъ развитіи ей не только было суждено играть въ салонахъ первую роль, какъ grande dame, но она слыла образцовою матерью, умѣвшею съ особою заботливостью слѣдить за домашнимъ воспитаніемъ своихъ дѣтей.

III.

Въ большинствѣ семействъ находились въ то время гувернеры нѣмцы и гувернантки француженки. Для болѣе взрослыхъ юношей приглашались, кромѣ того, учителя французы, по возможности, парижане, преподававшіе имъ исторію литературы.

Какъ для учителей, такъ и для гувернантокъ, не было лучшей рекомендаціи въ московскомъ обществѣ, какъ совершенное незнаніе ими постороннихъ живыхъ языковъ, ибо по общепринятому тогда мнѣнію, французъ, владѣвшій нѣсколькими языками, не могъ уже преподавать своего роднаго языка безупречно, а что касалось другихъ языковъ, то считалось, что на его познанія все таки нельзя вполнѣ полагаться. Къ учителямъ и гувернанткамъ англичанамъ не предъявлялись столь строгія требованія. Только одна madame Васильчикова составляла въ этомъ отношеніи исключеніе. Ее не удовлетворяли оба учителя англійскаго языка, m-r Frears и m-r Harvey, пользовавшіеся въ то время въ Москвѣ наибольшею

Digitized by Google

извѣстностью, и она выписала изъ Кембриджскаго университета откормленнаго магистра, который въ 32 года успѣлъ уже отростить себѣ порядочное брюшко. Его звали m-r Thomas Shaw, и онъ умѣлъ придавать своимъ урокамъ особую торжественность тѣмъ, что во время занятій постоянно носилъ свою объемистую университетскую тогу и обязательную шапочку. Ничего подобнаго не видали въ Москвѣ у домашнихъ учителей и m-r Shaw сдѣлался вскорѣ предметомъ разговора во всѣхъ салонахъ. Его авторитетъ въ глазахъ барынь увеличился еще болѣе, когда онѣ услыхали, что m-r Shaw читаетъ со своими старшими воспитанниками евангеліе на греческомъ языкѣ, что онѣ считали верхомъ премудрости.

Вообще, блестящее положеніе, доставленное madame Васильчиковой въ своемъ домѣ мистеру Shaw (который читалъ впослѣдствіи лекціи въ с.-петербургскомъ университетѣ), не мало содѣйствовало тому, что изученіе англійскаго языка въ Москвѣ вошло въ моду.

Въ это же время нѣсколько молодыхъ людей изъ знатныхъ фамилій рѣшили составить общество, имѣвшее цѣлью стараться изо всѣхъ силъ о томъ, чтобы русскій языкъ въ каждомъ домѣ сдѣлался преобладающимъ. Первую мысль къ этому подалъ, если не ошибаюсь, Ал. Ст. Хомяковъ, къ которому примкнули Юрій Самаринъ, Константинъ Аксаковъ и другіе. Какіе идеалы преслѣдовались этимъ кружкомъ въ связи съ вышеупомянутою цѣлью, объ этомъ я узналъ лишь въ то время, когда покинулъ Россію и случай привелъ меня, въ 1846 г., въ Прагу, въ то время, когда въ этомъ городѣ происходилъ великій славянскій конгрессъ, производившій впечатлѣніе маскарада, такъ какъ всѣ члены его носили старинные костюмы своихъ національныхъ племенъ, что, при ихъ многочисленности, представляло самую пеструю картину, достигавшую, впрочемъ, вполнѣ своей цѣли—отличить ихъ отъ нѣмцевъ. Однако, при засѣданіяхъ конгресса вскорѣ обнаружилось, что, говоря на славянскомъ языкѣ, невозможно достигнуть взаимнаго пониманія, поэтому не оставалось инаго исхода, какъ употреблять при совѣщаніяхъ и рѣчахъ, понятный всѣмъ, нѣмецкій языкъ.

Еще въ началѣ того года, въ концѣ коего я уѣхалъ изъ Москвы

Digitized by Google

на Кавказъ (1843 г.), появилась книга [1]), въ которой заключались первыя попытки моихъ переводовъ произведеній русскихъ поэтовъ, съ приложеніемъ нѣсколькихъ оригинальныхъ стихотвореній моихъ, написанныхъ въ это время. Первою попыткою моею былъ переводъ стихотворенія Козлова, такъ какъ мнѣ говорили о его „Чернецѣ“, какъ о вещи сравнительно легкой для пониманія; это было любимое стихотвореніе княгини Голицыной. Затѣмъ встрѣча съ Лермонтовымъ, который въ послѣднюю свою поѣздку изъ Петербурга въ Тифлисъ останавливался на нѣсколько дней въ Москвѣ у своей тетки, графини Мамоновой, побудила меня перевести нѣкоторыя изъ его стихотвореній, въ особенности „Мцыри“, которое произвело на меня совершенно иное впечатлѣніе, нежели „Чернецъ“ Козлова. Вскорѣ послѣ того было получено извѣстіе о смерти Лермонтова, и только съ этихъ поръ имя его сдѣлалось популярнымъ, ибо до этого времени, кромѣ нѣсколькихъ стихотвореній, появлявшихся въ журналахъ, былъ извѣстенъ только одинъ небольшой томъ его произведеній, изданный въ Петербургѣ въ 1840 году. Лишь въ концѣ 1842 г. появилось болѣе полное собраніе стихотвореній Лермонтова, а годъ спустя былъ изданъ его романъ „Герой нашего времени“. Большая часть стихотвореній, написанныхъ имъ въ послѣднее время, ходила по рукамъ въ рукописяхъ, нѣкоторыя изъ нихъ находятся у меня до сихъ поръ.

Когда мои переводы очутились впервые въ моихъ рукахъ въ печатномъ экземплярѣ, то я провелъ изъ за нихъ безсонную ночь. Въ нихъ было такъ много опечатокъ самаго грубаго свойства, что я не могъ успокоиться по этому поводу и написалъ г. Кольману, чтобы онъ пріостановилъ продажу этой книги и оставилъ бы всѣ непроданные экземпляры въ мое распоряженіе въ складѣ. Требованіе мое было исполнено и мнѣ пришлось,

---

[1]) Вотъ полное заглавіе этой книги: „Kaslow, Puschkin, Lermontow Eine Sammlung aus ihren Gedichten. Aus dem Russischen übersetzt von Friedrich Bodenstedt. Leipzig, bei Christian Ernst Kollmann. 1843. Фр. В.

Digitized by Google

разумѣется, понести довольно значительный убытокъ; этотъ случай послужилъ мнѣ урокомъ впредь быть осмотрительнѣе съ изданіемъ моихъ трудовъ. Между тѣмъ, книга эта, не смотря на многочисленныя искаженія текста, встрѣтила бо̀льшій успѣхъ, нежели я могъ ожидать. Ее не только расхвалили въ нѣмецкихъ газетахъ, но и Александръ Ивановичъ Герценъ отозвался о ней въ такомъ тонѣ, какъ будто переводы мои были образцовые. Что эти похвалы были не вполнѣ заслуженныя, лучше всего чувствовалъ я самъ, но похвала послужила мнѣ стимуломъ къ тому, чтобы заслужить ее впредь моими послѣдующими трудами; однако, при этомъ я твердо вознамѣрился никогда не печатать такихъ переводовъ, которые не производили бы вполнѣ впечатлѣнія оригинальныхъ стихотвореній.

Между тѣмъ, книга эта пріобрѣла мнѣ много друзей какъ въ нѣмецкомъ, такъ и въ русскомъ обществѣ, не только въ Москвѣ, но и въ Тифлисѣ, куда она проникла впервые съ семьей генерала Нейдгардта, который, бывъ нѣсколько лѣтъ московскимъ генералъ-губернаторомъ, отправился лѣтомъ 1843 года намѣстникомъ на Кавказъ, гдѣ ему было суждено печально окончить свою жизнь. Я бывалъ часто въ его домѣ еще въ Москвѣ и въ Тифлисѣ, встрѣтилъ также радушный пріемъ въ его семействѣ, гдѣ и имѣлъ случай сдѣлать массу интересныхъ знакомствъ въ военномъ и гражданскомъ мірѣ. Изъ гражданскихъ чиновниковъ ближе всего стояли къ намѣстнику Фридрихъ Коцебу и Алексѣй Крузенштернъ, съ которыми я провелъ много прекрасныхъ дней, точно также какъ съ штабъ-докторомъ (Stabsarzt) фонъ Нодтомъ, бывшимъ домашнимъ врачемъ намѣстника. Изъ лицъ военнаго круга я посѣщалъ чаще всего генерала Гурко, ф. Гротенгельма, Каханова и Ропберга. При послѣднемъ состоялъ еще въ то время дежурнымъ штабъ-офицеромъ (Ordonnanz-officier) Кауфманъ, прославившійся впослѣдствіи какъ боевой генералъ.

Особенно интересно было мнѣ познакомиться съ Глѣбовымъ, долгое время бывшимъ въ плѣну у черкесовъ и тяжело раненымъ

Digitized by Google

въ лѣвую руку, которую онъ носилъ на перевязи; онъ былъ отпущенъ на свободу только тогда, когда за него былъ внесенъ большой выкупъ. Глѣбовъ принадлежалъ, точно также какъ и докторъ Нодтъ, къ числу ближайшихъ друзей Лермонтова, и они оба много разсказывали мнѣ о немъ. Изъ числа прочихъ молодыхъ офицеровъ, съ коими я познакомился въ то время, я назову только двухъ, достигшихъ впослѣдствіи большой извѣстности: то были генералъ графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ и князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ, нынѣшній намѣстникъ кавказскій.

Въ Тифлисѣ я изучалъ преимущественно восточные языки, но двое знакомыхъ малороссовъ: Раевскій, въ домѣ котораго я жилъ, и Расковшенко, бывшій инспекторомъ гимназіи, возбудили во мнѣ охоту заняться также маллороссійской народной поэзіей. Такимъ образомъ, возникла моя книга: „Die poetische Ukraine. Eine Sammlung kleinrussischer Volkslieder [1]), изданная въ 1845 г. J. G. Cotta въ Штутгардтѣ.

Такъ какъ я предпринималъ изъ Тифлиса поѣздки по Арменіи, въ Ахалцыхъ и т. п. и по возвращеніи оттуда, путемъ на родину, черезъ Черное море и Турцію [2]), я долгое время продолжалъ заниматься восточными языками, а потому имѣлъ возможность заняться вновь русскими поэтами лишь въ началѣ 1850-хъ годовъ.

Прежде всего появились: Стихотворенія Михаила Лермонтова (Michael Lermontow's poetischer Nachlass), переведенныя мною впервые съ соблюденіемъ стихотворнаго размѣра (Vers-

---

[1]) Поэтическая Украйна. Собраніе малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ.

[2]) Кстати отмѣчу здѣсь, что въ Константинополѣ я провелъ нѣсколько весьма пріятныхъ недѣль; съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю о тогдашнемъ русскомъ послѣ В. П. Титовѣ и его прелестной супругѣ. Я былъ у нихъ принятъ весьма радушно. На балѣ, данномъ русскимъ посломъ, 23-го іюля 1845 г., великому князю Константину Николаевичу, я имѣлъ честь быть представленнымъ 18-ти лѣтнему генералъ-адмиралу и былъ пріятно пораженъ, встрѣтивъ въ молодомъ человѣкѣ обширное и отличное образованіе, много веселости и добродушнаго юмора. Великій князь, между прочимъ, превосходно владѣлъ французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками.

Фр. В.

Digitized by Google

massen) оригинала, съ моимъ введеніемъ и пояснительными примѣчаніями, два тома, Берлинъ, 1852, у Р. ф. Декера [1]).

Въ 1854 г. появились въ томъ же магазинѣ:

Стихотворенія Александра Пушкина.

Переводъ съ русскаго

Фридриха Боденштедта.

Три тома.

Оба труда мои были приняты критикой весьма сочувственно и разошлись во множествѣ экземпляровъ. Но такъ какъ они были изданы весьма роскошно и поэтому стоили довольно дорого, то я включилъ впослѣдствіи большинство этихъ стихотвореній въ дешевое изданіе „Собраніе моихъ сочиненій", присоединивъ къ нимъ еще нѣсколько избранныхъ стихотвореній другихъ русскихъ поэтовъ. Многое изъ этого перешло въ христоматіи и въ сборники литературныхъ образцовыхъ произведеній. Іоаннъ Шеръ перепечаталъ въ своемъ сборникѣ „Dichterkönige"—„Пѣсню про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова" Лермонтова, въ моемъ переводѣ, безъ пропусковъ, присоединивъ къ ней еще нѣкоторыя другія стихотворенія. Не менѣе того заимствовалъ онъ и изъ моихъ переводовъ — Пушкина. Мнѣ пришлось бы здѣсь слишкомъ распространиться, если бы я сталъ говорить объ интересныхъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ мною, по поводу различнаго впечатлѣнія, которое эти два русскіе писателя производили въ разное время на нѣмецкую публику. Я возвращусь къ этому подробнѣе въ слѣдующемъ, второмъ очеркѣ моихъ воспоминаній и коснусь въ то-же время тѣхъ выдающихся русскихъ писателей, которые пожелали познакомиться со мною въ Германіи и съ которыми я былъ знакомъ болѣе продолжительное время.

---

[1]) Изданіе это сдѣлалось библіографическою рѣдкостью и въ бытность нашу въ Германіи, въ 1886—1887 гг., мы долго его тщетно искали. Ред.

Digitized by Google

Въ настоящемъ очеркѣ я ограничился воспоминаніемъ о тѣхъ русскихъ поэтахъ, которые передали, такъ сказать, въ своихъ произведеніяхъ самыя сокровенныя чувства своего народа, проникли, такъ сказать, въ его сердце и при томъ доказали всѣмъ, понимающимъ поэзію, что русскій языкъ не уступаетъ въ метрическомъ размѣрѣ и въ поэтическихъ выраженіяхъ ни одному изъ прочихъ живыхъ языковъ.

Въ слѣдующемъ очеркѣ я буду болѣе говорить о тѣхъ писателяхъ, которые достигли извѣстности, писавши прозою, безъ стиха и риѳмы, и оттѣснили даже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ на задній планъ Пушкина и Лермонтова. Выясняя причину этого явленія, я надѣюсь доказать, что оно представляетъ собою лишь явленіе преходящее.

Фридрихъ фонъ-Боденштедтъ.

Перев. съ нѣм. рукоп. автора В. В. Тимощукъ.

Висбаденъ.
20 апрѣля 1887 г.

Digitized by Google

III.

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

въ его письмахъ къ Фр. Боденштедту

1861—1865.

Wiesbaden, 28 März 1887.

Verehrtester Michail Iwanowitsch [1])! Nach langem Suchen habe ich unter meinen alten Papieren aus der ersten Hälfte der sechziger Jahre eine beträchtliche Anzahl Briefe meines verstorbenen Freundes Iwan Turgéniew [2]) gefunden, wovon ich Ihnen auf Ihren Wunsch gern Abschriften zur Veröffentlichung in Ihrer—auch in Deutschland sehr geschätzten—«Русская Старина» überlasse. Da die Bedeutung Ihrer Veröffentlichungen, welche schon manchem historischen und litterarhistorischen Werke als Quellen gedient haben, wesentlich in ihrer gründlichen Zuverlässigkeit besteht, so gestatte ich Ihnen auch gern die Vergleichung der Abschriften mit den Originalbriefen, wozu ja Ihr längerer Aufenthalt in Wiesbaden die beste Gelegenheit bietet.

Ihnen sind aus mündlicher Unterhaltung mit mir die Umstände bekannt, unter welchen die Briefe geschrieben wurden; für die Leser der

---

[1]) Писано къ ред. „Русской Старины"—М. И. Семевскому.

[2]) Замѣтимъ, что уважаемый Фр. Боденштедтъ первый въ Германіи сталъ писать вполнѣ правильно фамилію знаменитаго нашего романиста, именно: Turgénjew, а не Turgenew, какъ писали, а иногда и до сихъ поръ еще пишутъ, въ нѣмецкихъ книгахъ, а въ началѣ и самъ Тургеневъ также неправильно подписывался. Ред.

Digitized by Google

«Русской Старины» aber bedarf es, zum richtigen Verständniss des Inhalts der Briefe, einiger erläuternder Vorbemerkungen, um Zusammenhang in das Ganze zu bringen. Ich werde mich dabei so kurz wie möglich fassen.

Iwan Turgénjew (dessen Namen ich deutsch immer so schreibe, dass er ganz der russischen Aussprache gleichkommt) besuchte mich in München zuerst im Frühling 1860 und machte von vornherein auf mich und meine Familie den gewinnendsten Eindruck; dasselbe war überall der Fall, wo ich ihn einführte. Zunächst wünschte er Paul Heyse kennen zu lernen, mit welchem er später ebenfalls Briefe gewechselt hat und von welchem auch in den hier mitgetheilten Briefen öfter die Rede ist.

Es gefiel Turgénjew in München so gut, dass er seinen Besuch eine Reihe von Jahren hindurch öfter wiederholte und so allmählig die meisten hervorragenden Gelehrten, Poeten und Künstler kennen lernte, welche damals dort lebten.

Es berührte ihn sehr anheimelnd, gleich bei seinem ersten Aufenthalt in München zu finden, dass in unserm Kreise seine «Записки охотника» schon durch Uebersetzungen von Boltz und Fiedler bekannt waren und aufrichtige Bewunderer fanden. Er selbst trat als Autor sehr bescheiden auf und gestand, dass er mit seinen ersten poetischen Schöpfungen, in Vers und Reim, wenig Glück gehabt und deshalb lange an seiner Begabung gezweifelt habe; erst als er, fern von der Heimat, angefangen in Prosa zu schreiben, sei der Erfolg gekommen und das Selbstvertrauen zurückgekehrt. Dieses Selbstvertrauen ward aber nie zur Selbstüberhebung bei ihm, der mir wiederholt sein Bedauern ausdrückte, nicht im Stande zu sein, in rein poetischen Formen ebenso wirksam zu schaffen, wie in prosaischen, da in diesen das Höchste doch nie erreicht werden kann, wie zum Beispiel Goethe's «Faust» in Prosa undenkbar sei.

Es mag hierbei bemerkt werden, dass Goethe's «Faust» Turgénjews Lieblingsdichtung war, deren ersten Theil er fast auswendig wusste... Eine grosse Freude war es für Iwan Ssergéitsch, in München eine ihm befreundete Familie aus Russland wiederzusehen: die Fürstin Chilkow mit ihren beiden Töchtern Pauline und Olga, mit denen ich viel verkehrte und die sich überhaupt in München, wo sie nach einer Reise durch Italien mehrere Jahre zubrachten, wegen ihrer hohen Bildung und anmuthigen Formen grosser Beliebtheit und Verehrung erfreuten. Die Prinzessin Olga Chilkow verheirathete sich in München mit dem damals dort der russischen Gesandtschaft attachirten Herrn v. Nelidow, jetzigen Botschafter in Constantinopel.

Digitized by Google

Es war nöthig, dieser Namen und Umstände hier Erwähnung zu thun, weil sich viele Stellen in den Briefen darauf beziehen. Im Uebrigen bilden den Hauptinhalt der Briefe drei Angelegenheiten, welche Turgénjew sehr am Herzen lagen. Zunächst wünschte er, der sehr vertraut mit meinen Schriften war, mich als Mitarbeiter für den «Современникъ» zu gewinnen und mich so zu seinem Bundesgenossen zu machen, da er selbst für das von ihm sehr begünstigte, mit grossen Plänen in's Leben getretene Journal, welches eine Art russischer «Revue des deux Mondes» werden sollte, eifrig schrieb.

Meine Beiträge sollten vor Allem dienen, die russischen Leser mit den Zielen und Strömungen der deutschen Literatur dieses Jahrhunderts bekannt zu machen.

Ich konnte mich nur nach langem Widerstreben entschliessen, eine so zeitraubende Arbeit zu unternehmen, welche, auf einen begrenzten Leserkreis berechnet, später für mich werthlos werden musste. Indess der liebenswürdige Turgénjew wusste es doch durchzusetzen, dass ich seinen Wunsch erfüllte, woraus mir dann — nicht durch seine Schuld, sondern in Folge widriger Umstände, die in den Briefen eingehend geschildert sind — grosser Schaden und viel Aerger erstehen sollte.

Der «Современникъ» wurde von der Regierung unterdrückt, ein Redakteur in Haft gebracht, ein anderer (Михайловъ) nach Sibirien geschickt, u. s. w. — Ein ganzes Jahr verging, ehe ich überhaupt erfahren konnte, was aus meinem nach Petersburg geschickten, viele Bogen füllenden Manuskripte geworden war...

Turgénjew, um mich für meinen Verlust einigermassen zu entschädigen, kam nun mit seinem zweiten, in sehr delikater Form ausgedrückten Wunsche: einige seiner Erzählungen gegen ein angemessenes Honorar von mir in's Deutsche übersetzt zu haben. Den dritten Wunsch endlich that er im Namen und Auftrage seiner von ihm hochverehrten Freundin M-me Pauline Viardot-Garcia. Doch das Nähere darüber möge man in den Briefen selbst lesen, deren mehrere Zeugniss davon geben, wie er ganz unter dem Einfluss dieser bedeutenden Frau stand, welche ihn auch seit dem Jahre 1866, als die französischen Rheingelüste wieder auftauchten, Deutschland, wo er so gerne lebte, einigermassen zu entfremden suchte. Er konnte nicht ohne sie leben und folgte ihr nach Paris, wo er dann auch in ihrer Pflege gestorben ist. Erotische Beziehungen waren, meines Wissens, bei diesem seltenen Seelenbunde nicht im Spiele und so mag er als Beweis dienen, dass eine wirklich innige Freundschaft zwischen einer verheiratheten Frau und einem unverheiratheten Manne doch möglich ist. Turgénjew stellte diese Freundshaft hoch über alle Liebesanwandlungen; deshalb spielt

Digitized by Google

auch das Goethe'sche Wort «Du sollst entsagen» in seinen Schriften eine so grosse Rolle.

Ich schliesse diese prosaische Einleitung mit einem von mir übersetzten, ergreifenden poetischen Nachruf, welcher der kürzlich verstorbene junge russische Dichter C. Надсонъ dem älteren Dichter gewidmet hat:

Надъ могилой И. С. Тургенева.

Schon lange scholl's trübe von Munde zu Munde,
Nicht heimlich,—das Unglück trat offen zu Tag;
Doch als das Gerücht ward zu wirklicher Kunde:
Wie schwer traf uns Alle der schmerzliche Schlag!
Von den wenigen Führern der beste gefallen!
Nun fehlt's uns an Männern wie er einer war;
Wessen Herz wird den Schmerz seines Volks widerhallen?
Wessen Geist wird uns führen aus Noth und Gefahr?

Fern deiner Heimat, in Jahren voll Schmerzen,
Unser Lehrer und Freund, botst du wenig zuletzt.
Konnt'st nicht mehr künden wie russische Herzen
Dulden und brechen, von Unheil gehetzt.
Doch du lebtest im Glauben an all unser Gutes
Und sankst überwältigt von Leiden in's Grab,
Ein Märtyrer russischen Geistes und Blutes—
Auf dem ruhmvollen Posten löst Keiner dich ab.

Nicht hier, nicht bei Weihrauch und Herzengefunkel,
Nicht im bunten Gedräng bei lautschallender Brust
Oder leisem Gebet, erhellt sich das Dunkel
Und fassen wir ganz unsern bittren Verlust:
Erst wenn wir daheim deine Schriften erschliessen,
Uns an hoher und lichtvoller Schöpfung erbau'n,
Dass wir Thränen sogar des Entzückens vergiessen,
Können ganz wir in deiner Grösse dich schau'n!..

Und lange noch Abends beim traulichen Schimmer
Der Lampe im Freundes- und häuslichem Kreis,
Im Garten am Fluss, im Studentenzimmer,
Auf der Schulbank und wo man noch sonst von dir weiss—
Wirst als Herzensvertrauter du unter uns weilen,
Und Widerhall finden in jeglicher Brust
Werden stets deine schöpferisch lebenden Zeilen,
Worin du uns selbst neu zu schaffen gewusst!

Friedrich Bodenstedt.

Wiesbaden
2 April 1887.

Digitized by Google

Ив. Серг. Тургеневъ—Фр. Боденштедту.

I.

Paris, le 10/22 décembre 1861.

Il y a bien longtemps que j'ai l'intention de me rappeler à votre bon souvenir et si je ne l'ai pas fait jusqu'à présent — ce n'est pas faute d'y avoir pensé! Depuis que j'ai eu le plaisir de vous voir, j'ai passé à peu près 7 mois en Russie et me vois de retour ici depuis 2 mois et installé pour l'hiver. Il m'a été impossible de revenir par Münnich comme j'en avais l'intention—et ce n'est qu'au printemps suivant que je pourrai visiter de nouveau votre belle ville si aimable et si hospitalière.

J'espère que vous avez reçu depuis longtemps un exemplaire de la nouvelle édition de mes ouvrages que je vous ai expédié de Moscou. Si vous l'avez reçue en effet, veuillez m'en informer et je vous enverrai une petite liste des plus grossiers errata, dont elle fourmille malheureusement.

J'ai assez peu travaillé cette année—d'autres occupations m'ont absorbé; pourtant j'ai achevé un assez grand roman qu'on publiera dans les premiers mois de l'année suivante. Quant à vous, qu'avez-vous fait ou publié? On sait très peu à Paris ce qui se passe en Allemagne surtout dans le monde littéraire. Je vous serais bien reconnaissant si vous vouliez bien me communiquer en deux mots, ce qui est passé de plus interessant.

La famille Khilkoff est elle à Münich? Si elle s'y trouve, vous seriez bien bon de me rappeler à son souvenir. Je vous prie en même temps de saluer de ma part M-r Heyse [1]) et les autres personnes que j'ai connues à Münich.

Je serais très heureux de reçevoir un petit mot de réponse que vous adresserez rue Rivoli, 210. Il va sans dire que vous pouvez m'écrire en allemand, je ne comprends pas pourquoi je ne me suis pas servi mois même de cette langue. Je ne sais pas votre adresse, mais vous devez être suffisamment connu à Münich; une poste qui se respecte doit savoir où demeure un homme tel que vous.

Je vous serre cordialement la main et vous dis mille amitiées.
J. Turgéneff.

---

[1]) Знаменитый поэтъ и романистъ. Ред.

Digitized by Google

II.

Paris, le 29 dec. 1861.

Permettez moi de commencer ma lettre par l'expression bien sincère de mes remerciments: vous m'avez repondu si vite et si bien, que je suis tenté de crier pour la centième fois: Vivent les Allemands! (je rougis en même temps de vous écrire en français, mais décidément cette langue m'est plus commode quand j'ai la plume à la main). Pour vous prouver que je sais apprécier une pareille exactitude, je vous réponds sur le champ.

Je n'ai malheureusement pas reçu la lettre que vous m'avez envoyé à Spasskoié, j'avais dejà quitté la campagne à cette époque et je ne crois pas même qu'elle soit parvenue à sa destination, car on me l'aurait expediée ici. Lors de mon passage par St. Pétersbourg je n'ai pas vu les redacteurs du «Contemporain»: il faut vous dire que dans le courant de cette année il s'est élevé une espèce de brouille contre nous, causée en partie par la divergence de nos opinions politiques et en partie parce que j'ai donné de mes travaux à une Revue de Moscou (le «Русскій Вѣстникъ») opposée à la leur. Cependant je suis persuadé qu'ils auraient accepté avec empressement un article venant de vous; mais ils ont beaucoup de tracas: l'affaire des étudiants, dans laquelle ils ont pu reconnaître le fruit de leurs doctrines, la mort d'un de leurs principaux collaborateurs et critiques—et d'autres raisons qu'il serait trop long d'énumérer ici, m'expliquent jusqu'à un certain point leur silence. Pourtant, comme il serait fort à désirer que votre travail parût aussitôt que possible, voici ce que je vous propose: je chargerai un de mes amis d'aller de ma part au «Contemporain» s'informer s'ils ont reçu votre article et s'ils se proposent de le publier au prix de 50 roub. arg. la feuille (outre les frais de traduction); s'ils font des difficultés mon ami portera sur le champ votre manuscrit à la rédaction d'une autre revue le «Время», avec laquelle je suis dans les meilleurs rapports et qui, quoique récente, à pris une très belle position dans la presse. Le «Время» serait enchanté d'insérer votre article—et vous pouviez toucher l'argent dès le commencement de l'année prochaine.

Comme je suppose que vous me donnerez votre autorisation, je n'attendrai pas votre réponse pour écrire à mon ami. Je suis bien content de vous voir en pleine activité litéraire et j'attends avec impatience l'envoi de votre traduction des sonnets de Shakespeare dont on dit partout le plus grand bien, et qui ne peut être qu'excellente,

Digitized by Google

à en juger par celles que vous avez dejà faites. Je suis tout fier de l'honneur que vous me faites, en me traduisant aussi, et je désire de tout mon coeur qu'on ne vous reproche pas d'avoir consacré votre talent à reproduire un original indigne de lui. Je me permettrai de vous envoyer des traductions de moi, qu'on va publier ici. Il faut aussi que vous ayez la bonté de remercier de ma part M-r Heyse du souvenir flatteur qu'il a bien voulu me garder. Je n'ai pas reçu son volume non plus — mais je vais me le procurer ici chez Klinckstrick ou chez Franck — et je me réjouis d'avance du plaisir que j'aurai à le parcourir. J'espère que toute sa famille va bien à l'heure qu'il est. Ayez la complaisance de m'envoyer l'adresse des Khilkoff; je voudrais bien renouer correspondance avec eux. La princesse Olga est une nature aussi charmante que distinguée et je voudrais bien qu'elle put trouver un homme capable de la comprendre et de faire son bonheur. Mon nouveau roman ne paraîtra qu'au mois de Mars; je suis en train d'y faire quelques corrections importantes. A propos de correction je vous enverrai dans une dizaine de jours la liste des Errata dont je vous ai parlé.

Je vous prie de présenter à M-me Bodenstedt l'expression de mes hommages et de ma reconnaissance et vous serre la main avec les sentiments les plus affectueux et les plus dévoués J. Turgéneff.

III.

Paris, Rue de Rivoli, 210, le 24 Février 1862.

Si je ne vous ai pas écrit jusqu'à present, c'est que j'attendais toujours le moment ou je pourrais vous donner des nouvelles du manuscrit que vous avez envoyé à la rédaction du Contemporain; mais on ne me fait rien savoir là-dessus et je viens de récrire de nouveau une lettre pressante. J'ai hâte en même temps de vous remercier du charmant cadeau que vous venez de me faire. Franck m'a remis votre admirable traduction des sonnets de Shakespeare et voici trois jours que je me plonge dans ces flots de poésie qu'on avait oubliée de nos jours et que vous a été donné de revéler de nouveau. Je vous parlerai une autre fois de l'impression que j'en ai reçue, cette fois ci je ne veux que vous dire merci. Il y a tel sonnet qui vous entre dans l'âme et ne veut plus en sortir; c'est d'une douceur, d'une force et d'une jeunesse incomparables... Toute espèce d'impression de traduction disparait complètement: vos vers coulent de source avec une facilité merveilleuse — et ce n'est que plus tard qu'on réfléchit avec étonnement au tour de force accompli.

Digitized by Google

Il est hors de doute que ce livre va être appelé à un très grand succès—et je joins mes bravo à tous ceux que vous avez déjà entendus et que vous allez encore entendre.

Je reste encore deux ou trois mois à Paris—et je traverserai Münich à mon retour en Russie—comme l'année dernière — mais j'y resterai plus longtemps. Je n'ai pas fait grand chose depuis que je suis ici. Mon roman va paraître à Moscou dans le «Русскій Вѣстникъ».

Vous serez bien bon d'envoyer de ma part le billet ci joint à M-r Paul Heyse. Je vous prie en même temps de présenter mes respects à la famille Khilkoff. Saluez de ma part, s'il vous plait, tous les votres et croyez aux sentiments d'affection et d'estime véritable de votre dévoué J. Turgéneff.

IV.

Paris, rue de Rivoli, 210, le 19 (31) Octobre 1862.

Je suis arrivé à Paris depuis deux jours et l'on m'a remise la lettre que vous m'aviez écrite au mois de Mai, et qui jusqu'a présent a dû rester sans réponse, car elle ne m'a pas trouvé ici. J'étais parti pour la Russie, sans pouvoir, à mon grand regret, traverser Münich. Me voici de retour pour l'hiver et je m'empresse de me remettre en communication avec vous. Je ne puis m'empêcher de commencer par vous parler de la traduction de ma nouvelle «Faust», quoique ce soit un peu égoiste de ma part. Je viens de la lire et je suis resté ravi à la lettre—elle est tout simplement parfaite. (Je parle naturellement de la traduction, non de la nouvelle). Il ne suffit pas de connâitre à fond le Russe, il faut encore être grand styliste si même pour faire quelque chose d'aussi complétement réussi. Cette bonne fortune m'a fait venir l'eau à la bouche et voici ce que je me permets de vous proposer. Je serais très heureux de me faire connaître au public allemand par l'entremise d'un introducteur aussi excellent et aussi populaire que vous l'êtes, et si vous vouliez faire un choix de mes nouvelles pour les publier, je serais enchanté de tenir à votre disposition la somme que vous jugeriez suffisante pour vos honoraires—car je sais bien que les éditeurs actuels ne sont guère disposés pour tout ce qui est russe et ne se chargeraient tout au plus que de la publication. Si cette idée vous parait acceptable, dites moi un mot. Quant à moi, je pourrais aller aisément jusqu'à mille thalers. Ce n'est pas trop pour avoir la chance de se faire apprécier par un introducteur pareil au votre. En tous cas, vous seriez bien aimable de m'en dire votre avis.

Digitized by Google

Quant à cet infortuné article que vous avez envoyé à Pétersbourg—c'est une autre affaire. Il faut avouer que nous y avons joué de malheur.

Dans l'espace d'une année—cette revue (Le Contemporain) à perdu ses deux redacteurs, les plus influents, par la mort, deux autres ont été emprisonnés (Tchernichefsky va être jugé par le sénat)—enfin elle à été suspendue pour 8 mois - ce qui signifie pour toujours. Il y a toujours eu un peu de désordre dans ses papiers, maintenant c'est un chaos—et je crains fort ne pas pouvoir retrouver cet article. Cependant dans ce moment même un de mes amis est activement occupé à cette recherche, — et je ne désespère pas encore. Je vous écrirai immédiatement, dès que j'en aurai des nouvelles positives.

J'espère que votre santé est bonne et que vos yeux ne vous font pas souffrir. Présentez, s'il vous plaît, mes compliments à votre famille et rappelez moi au bon souvenir de M-r P. Heyse. Si vous voyez M-me Nelidoff, dites lui que j'attends une réponse à la lettre que je lui ai écrite de Bade. Je lui ai envoyé en même temps un exemplaire de mon dernier roman.

Demandez le lui, si cela vous interessait de le lire ou bien je vous en enverrai un d'ici. Je compte sur une prompte réponse et vous serre bien cordialement la main. Votre tout devoué J. Turgéneff.

V

Paris, rue de Rivoli, 210, le 6 Novembre 1862.

Votre lettre m'a fait beaucoup de plaisir, mon cher Monsieur Bodenstedt, et je suis heureux de vous voir accueillir si favorablement ma proposition. Je le répète—c'est une véritable bonne fortune pour moi de trouver un traducteur tel que vous et j'en suis tout fier d'avance. Quant au choix que vous me demandez de faire parmi mes productions, je crois que vous seriez beaucoup plus compétent que moi pour juger ce qui peut convenir au public allemand. Cependant je vais vous indiquer quelques titres pour me conformer à votre désir — à savoir: La Nichée de Gentilhommes (Дворянское гнѣздо), Roudine (Рудинъ), L'auberge de grand chemin (Постоялый дворъ), Le journal d'un homme de trop (Дневникъ лишняго человѣка), Un premier amour (Первая любовь), Annouchka (Ася), Les trois rencontres (Три встрѣчи), Antchar (Затишье), sans compter Moumou et Faust, que vous avez déjà traduits. On pourrait aussi y ajouter mon dernier roman: Les Pères et Enfants (Отцы и дѣти). Je vous l'enverrai dans deux ou trois jours. Je puis aussi vous envoyer la dernière édition complète de mes oeuvres, si vous ne l'avez pas. Je le répète, vous ferez ce que vous jugerez

Digitized by Google

convenable—et cela sera trés bien fait. Si vous voulez m'envoyer les manuscrits je vous promets de les garder le moins possible—et je ne sais pas même, si c'est nécessaire.

Mais je ne demande pas mieux que de me mettre à votre disposition. Si vous aviez besoin d'une partie de la somme indiquée, vous n'avez qu'à me le faire savoir.

Je vous remercie pour l'envoi du journal que je vous expédie sous bande. J'ai lu votre article avec le plus vif intérêt.

Je prends la plus grande part au malheur qui vient de frapper ce pauvre Heyse.

Présentez mes compliments à M-me Nelidoff si vous la voyez et recevez pour vous même l'assurance des mes sentiments les plus distingués J. Turgéneff.

VI.

Paris, rue de Rivoli, 210, le 16 Novembre 1862.

Le choix, que vous avez fait de mes oeuvres, me parait excellent—et je répète, je vous donne carte blanche. En même temps je me permets d'attirer votre attention sur un petit récit de quelques pages que mon dernier éditeur à inséré dans le 1-r volume parmi les «Записки охотника» et qui se nomme Поѣздка въ полѣсье. Cela à été traduit en français sous le titre: «Deux journées dans les grands bois».

Quant à la somme en question je m'empresse de vous avertir qu'elle vous sera envoyée dans deux ou trois jours, sans faute.

Je vous prie de présenter mes meilleurs compliments à M-r et M-me Nelidoff et de recevoir pour vous même l'assurance de mes sentiments les plus distingués J. Turgéneff.

VII.

Paris, rue de Rivoli, 210, le 10 Décembre 1862.

J'ai mille excuses à vous faire pour le retard que j'ai mis à vous envoyer les 500 thalers promis. Une foule de circonstances imprévues en a été la cause. Mais aujourd'hui elles sont écartées et j'écris au banquier F. Meyer de Bade de vous envoyer l'argent en question. Vous le recevrez dans deux ou trois jours au plus tard—et vous aurez l'obligeance de m'en accuser réception. J'espère aussi que vous me donnerez des nouvelles de votre travail et de vous même, surtout.

Digitized by Google

J'ai à vous remercier pour votre aimable envoi, qui ne m'est parvenu que ce matin. Je me fais une véritable fête de lire votre livre [1]).

Présentez, s'il vous plait, mes compliments à toute votre famille, à M-me Nelidoff et à M-r Heyse et recevez pour vous même l'expression de mes sentiments les plus distingués J. Turgéneff.

VIII.

Paris, rue de Rivoli, 210, le 29 Janvier 1863.

Je vous ai envoyé le manuscrit qui s'était égaré pendant si longtemps à la rédaction du «Contemporain», et j'espère qu'il vous sera parvenu sain et sauf. Je ne puis m'empêcher de regretter qu'un travail aussi consciencieux ait été perdu pour vous et pour le public — et je vous réitére mes excuses en mon nom et en celui de ces messieurs de Pétersbourg. J'espère en même temps que vous pouvez encore l'utiliser.

Je serais bien enchanté de recevoir de vos nouvelles: vous vous plaigniez de votre santé dans votre dernière lettre; vous allez bien maintenant, n'est ce pas?

Quant à moi, je reste encore ici jusqu'au mois de Mai — puis je retourne en Russie en traversant Munich, où je compte bien avoir le plaisir de vous voir.

En attendant un mot de réponse, je vous prie, cher monsieur, d'accepter l'expression de mes sentiments les plus affectueux J. Turgéneff.

IX.

Baden-Baden, Schillerstrasse, 277, d. 6 Juli 1863.

J'ai été bien peiné d'apprendre l'accident qui vous est arrivé et qui a failli vous estropier, j'espère que vous en êtes complètement remis. Vous avez eu un pénible hiver et vous feriez bien de venir vous reposer ici pendant une dizaine de jours: je n'ai pas besoin d'ajouter combien vous feriez plaisir à tous vos amis qui se trouvent ici. M-lle Steinbach, dont je viens de faire la connaissance, m'a dit que telle était votre intention: c'est une excellente idée, réalisez la. En même temps permettez moi de vous adresser une prière qui, je l'espère, ne vous sera pas désagréable. Voici de quoi il s'agit.

Une grande amie à moi, M-me Viardot (la célèbre cantatrice) a

---

[1]) Erzählungen von Friedrich Bodenstedt bei Rieger in München in demselben Verlag erschienen wie die Uebersetzungen von Turgénjew.

Digitized by Google

profité de son séjour à Bade pour composer avec un talent hors ligne— la musique de plusieurs poésies russes que je lui avais désignées (elle s'occupe aussi de notre langue). La valeur musicale de ces romances est si haute que nous nous sommes décidés à les publier en album à Carlsruhe avec le texte russe et un texte allemand en regard.

Du moment qu'il s'agit de traduction j'ai naturellement pensé à vous, le plus parfait et le plus délicat des traducteurs.

Aussi viens je vers vous en vous priant de vous allouer à cette publication. Le travail, comme vous verrez, n'est pas grand: l'album se composera des 6 pièces de vers de Pouschkine: «Заклинаніе», «Туча», «Цвѣтокъ», «Ночь», «На холмахъ Грузіи», «Для береговъ отчизны дальней» et des 5 pièces de Feth: «Топоръ», «Полуночные образы», «Тихая звѣздная ночь», «Залпъ», «Неподвижно», «Полно спать». Je vous les envoie ci joints. Il est possible que vous ayez déjà traduit quelques unes des pièces de vers de Pouchkine; cela vour facilitera la besogne. Il va sans dire qu'il faut garder exactement la mesure et le rhythme de l'original; mais vous vous jouez de ces difficultés-là.

En acceptant ce petit travail, vous nous feriez un véritable cadeau et nous serions bien heureux de vous en témoigner notre reconnaissance.

Ayez la bonté de me répondre en quelques mots et soyez bien persuadé de mon inaltérable amitié et estime J. Turgéneff.

X.

Baden-Baden, Schillerstrasse, 277, le 15 Juillet 1863.

Revenu d'une petite excursion de deux jours, j'ai été bien agréablement surpris en trouvant votre lettre avec la traduction des cinq pièces de vers de Pouchkine. Madame Viardot me charge de vous en témoigner toute sa reconnaissance—et de mon coté je vous prie de recevoir mes remerciments bien sincères pour cette nouvelle preuve de votre complaisance. Il va sans dire que votre traduction est excellente; je profite seulement de votre permission pour vous indiquer quelques petits changements à faire, nécessitées par la musique.

Je vous renvoie, selon votre désir, votre manuscrit et une dernière poésie de Feth, qui complète la douzaine. Si M-me Viardot a choisi des compositions de cet auteur, ce n'est pas qu'elle le trouve un grand poète — mes ses vers ont des rhythmes nouveaux qui prêtent à la musique.

Voici, mon cher monsieur, bien des ennuis pour vous, qui dans ce moment ne devez penser qu'à votre santé! Mais je m'encourage à l'idée

Digitized by Google

que vous faites de pareilles traductions en vous jouant. Je me suis fait venir un exemplaire de votre traduction de Pouchkine — et si la «Туча» et la «Ночная мгла» y vont mieux, nous les prendrons. Mais j'en doute—car les versions que vous avez envoyées sont parfaites.

Encore une fois mille remerciments et à revoir à Bade. Présentez mes compliments à tous les votres et croyez à mes sentiments bien dévoués J. Turgéneff.

XI.

Baden-Baden, Schillerstrasse, 277, 17 Juli 1863.

Je commence par vous remercier de nouveau pour votre complaisance et je passe aux observations, qui cette fois sont un peu plus nombreuses.

№ 1. (Flüstern H.).

V. 5 «Nächtlich Licht»—ce sont deux notes qui se suivent rapidement—et cela ferait lichlich [1]).

La seconde variante des derniers 4 vers est bonne, seulement comme la phrase s'arrête après: «und es glüht im Hag» — il faut remplacer le 11-me vers par quelque chose dans le genre:

„Wollustthränen, süsses Kosen".

№ 2. (Stille helle Sternennacht).

Le rhythme de l'original est autre. Je me permets de vous envoyer un monstre:

— ⏑ ⏑ — ⏑ ⏑ — „Ruhige, heilige Nacht,
Dämmerig scheinet der Mond;
Süss sind die Lippen der Frau
Während der ruhigen Nacht.
Freundin, im Dunkel der Nacht
Wie könnt ich traurig noch sein—
Du bist so hell wie das Licht
Während der ruhigen Nacht!
Freundin, die Sterne sind schön
Und auch die Trauer ist süss,
Du bist das Theuerste mir
In der so heiligen Nacht".

[1]) Das Wort hat im Deutschen keinen Sinn. F. B.

Digitized by Google

Das zweite und dritte Couplet müsste mit dem Worte «Freundin» oder einem gleichlautenden anfangen.

№ 3. (Ich starrte und stand).

V. 3 et 4.—doivent être à peu près ainsi:

Und da zwischen mir und den Sternen
Sich wob ein vertrauliches Band.

V. 7 et 8.—La phrase musicale va jusqu'au bout du vers 7, il faut donc dire à peu près:

Leis bebten die goldenen Sterne...
Nun lieb ich sie mehr als zuvor.

№ 5. (Mitternächtige Bilder).

Ici aussi le rhythme de l'original est autre. Il est ainsi: ⏑⏑ ‒ ⏑⏑ ‒ ⏑⏑ ‒ ⏑
Voici un monstre:

Mitternächtige Bilder erscheinen,
Funkeln hell in der schaurigen Nacht,
Doch mein Auge versteht nicht zu weinen,
Kann nicht fassen die schreckliche Pracht.

№ 6. (Puschkin's «Aus fernem Land»).

V. 2.—trieb Heimweh dich—est difficile à prononcer, car il y a 4 notes très rapides.—La même observation s'applique à:

V. 13.—Du sprachest: bald küss—il faudrait quelque chose comme:

„Du hübest an"—

V. 14.—L'accent musical est sur schattigen, ce qui est impossible.

V. 21.—L'observation déjà faite s'applique aussi à:

„So schwand dein Reiz"—

V. 22.—Der Accent liegt auf: wie — das geht nicht. La phrase musicale s'arrête après «den du mir» — ce qui doit faire changer le vers. Voici un monstre des 4 derniers vers:

So wundersam, so hingegeben
War nimmer jener schöne Kuss—
Zum Wiedersehn hatt ich das Leben—
Es ist genug — — das ist Genuss.

Vous voyez, cher monsieur, que la musique a des exigences très impérieuses — et je me reproche de ne vous avoir pas envoyé des

Digitized by Google

«monstres» dès ma première lettre: cela vous aurait évité ce double travail. Je vous en fais mes excuses et je compte sur votre bienveillance, et sur la facilité avec laquelle vous vous jouez des difficultés. (La traduction des sonnets de Shakespeare est pour moi le nec plus ultra dans son genre).

J'espère que votre guérison va bien et que vous nous arriverez ici bien portant et bien dispos. Il est possible que je me sois trompé sur le nom de mademoiselle Steinbach; mais c'est une personne de Münich, qui vous connait beaucoup et que j'ai rencontrée ici chez Madame Schumann. Madame Seebach (l'actrice) est aussi ici — c'est une très aimable personne. Il y a toute une colonie artistique à Bade—et vous y seriez naturellement le bien venu. A propos, le propriétaire des «Deutsche Jahrbücher», de Berlin, monsieur Oppenheim, m'a dit qu'il serait enchanté d'insérer dans un № de sa revue un article que vous feriez sur «Meine Gesammtwerke». Cela vous conviendrait-il? Mille amitiés—à vous de coeur J. Tourgéneff.

XII.

Jeudi, 23 Juillet 1863. Heidelberg.

Je vous écris d'ici où je suis venu pour consulter un médécin: je retourne à Bade aujourd'hui même. J'ai reçu vos corrections et vos variantes—et je ne sais comment vous remercier. Tout est excellent, il n'y a qu'une seule petite chose à refaire et c'est ma faute encore: j'aurais du vous dire que dans «Die Nacht» le vers 5: Von dir, est répété deux fois, de façon que le sens doit s'y arrêter. Je vous copie toute la pièce de vers:

Die Töne die sich lieb und sehnsuchtsvoll dir neigen,
Durchdröhnen spät der Nacht geheimnisvolles Schweigen.
Mein Licht glimmt neben mir, ein trauriger Gesell
Der Nacht; und voll von dir, rauscht hell mein Liederquell
Von dir, von dir allein! Ich seh' durch's nächt'ge Dunkel
Vor mir dein Auge glüht mit liebendem Gefunkel;
Es lächelt freundlich mir und selig klingt's dazu:
Mein Freund, mein lieber Freund, mein Glück... mein All bist du!

Il faudrait pouvoir dire (encore une monstre):

„Von dir, von dir allein in liebetrunknen Wogen,
„Vor mir dein Auge glüht durch dunkle Nacht gezogen".

En faisant ce petit changement vous acheverez la tâche que vous avec accepté avec tant de complaisance et remplie avec autant de

Digitized by Google

rapidité que de talent. Il va sans dire que dès que l'album sera publié, vous en aurez un exemplaire avant tout le monde.

M-me Viardot et moi comptons bien pouvoir vous remercier de vive voix à Bade, car j'espère que votre santé ne s'y opposera pas. Encore une fois — mille amitiés J. Turgéneff.

XIII.

Baden-Baden, Schillerstrasse, 277, le 13 Août 1863.

Mon cher ami (vous me permettrez d'écrire, pour plus de commodité, en français) —vous êtes resté ici plus de jours que vous n'aurez voulu et pourtant vous êtes parti si subitement que je n'ai pas eu le temps de vous serrer la main et de parler un peu de notre affaire. Je vais donc le faire par écrit. Vous m'aviez dit que vous désiriez une notice biographique, puis une autorisation ou plutôt une approbation de la traduction. Cette approbation je la donne aussi pleine et entière que possible, et s'il faut le faire d'une manière légale aux yeux de l'éditeur, je vous serais très reconnaissant si vous vouliez bien me faire un petit mot que je signerai les yeux fermés, tout en vous priant de vous rendre justice aussi complétement que (неразобрано). La notice biographique demande un peu plus de temps—les événements de ma vie sont peu de chose.

Je suis né à Orel en 1818, j'ai étudié à Moscou, puis à (неразобрано), puis à Berlin de 1835 à 1841. J'ai écrit mon premier livre en 1843—c'était un fort mauvais petit poème. J'ai été éxilé dans mes terres en 1852—1853,—et voilà à peu près tout, mais si vous désirez un petit aperçu de mon activité litteraire, il me faudra donner deux ou trois jours de temps.

Vous ne m'avez pas dit non plus quels sont les ouvrages de moi qui entreront dans le premier volume que vous aller publier. Ayez la complaisance de me faire savoir les titres et je vous enverrai sur le champ les numeros des pages de la traduction française, oú se trouvent les petites additions et restitution du texte que j'ai faite. En même temps je vous envoie le 2 feuilles de Shustine et une photographie de moi que je vous prie de garder en souvenir de quelques jours passés à Bade. Vous seriez très aimable de m'en envoyer une de votre coté. Viardot m'a dit que vous ne restiez qu'un jour à Fulda; faites moi savoir où vous allez de là. Veuillez me dire aussi quel est l'éditeur auquel vous vous êtes adressé?

Nous n'avons pas parlé non plus de l'article demandé par Oppenheim pour la revue. Voulez vous que je lui écrive pour qu'il précira

Digitized by Google

la grandeur de l'article et les honoraires qu'il compte donner. Recevez mes salutations, bien amicales, et croyez moi, votre devoué J. Turgéneff.

XIV.

Bade, Schillerstrasse, 277, le 8 Octobre 1863.

Je suis bien coupable envers vous et cette fois ci encore je ne vous envoie pas la petite esquisse promise,— mais je vous donne ma parole que vous l'aurez avant une semaine. Je viens de nouveau m'adresser à votre inépuisable complaisance. Il y a encore une petite pièce de vers à traduire—et cette fois-ci c'est moi qui l'ai faite, ce qui est bien plus extraordinaire encore. J'ai fait ces 4 petits couplets, assez insignifiants, en entendant chanter une mésange et M-me Viardot y a mis une musique ravissante, ce qui fait que je viens frapper à votre porte en vous suppliant d'excuser mon indiscrétion ainsi que la médiocrité de l'oeuvre, à laquelle vous allez travailler. Voici la chose en question:

СИНИЦА (die Meise).

Слышу я: звенитъ синица
Средь желтѣющихъ вѣтвей;
Здравствуй, маленькая птица,
Вѣстница осенних дней!

* * *

Хоть грозитъ онъ намъ ненастьемъ,
Хоть зимы онъ намъ пророкъ—
Дышетъ благодатнымъ счастьемъ
Твой веселья голосокъ.

* * *

Въ пѣсенкѣ твоей привѣтной
Слухъ плѣненъ ужели-жъ мой
Лишь природы безотвѣтной
Равнодушною игрой?

* * *

Иль безпечно распѣваетъ
И въ тебѣ охота жить
Та, что людямъ помогаетъ,
Смерть и жизнь переносить?

J'ai entendu dire avec peine que votre doigt vous fait toujours beaucoup souffrir; c'est un cruel accident. J'espère que cela finira par rentrer dans l'état normal. A bientôt et recevez d'avance avec tous mes remerciments, mes salutations les plus amicales J. Turgéneff.

Digitized by Google

XV.

St.-Pétersburg, Hôtel de France, Sonnabend, d. 25 Januar u. 6 Febr. 1864.

Ich habe eben Ihren Brief erhalten, mein verehrter Freund, und beeile mich Ihnen meinen wärmsten Dank auszudrücken. Die Uebersetzungen sind vortrefflich — das versteht sich von selbst, denn sie sind eben von Ihnen. Darüber ist auch hier nur eine Stimme. Sie kommen zur rechten Zeit — denn der Druck hat schon begonnen und wird jetzt rasch vor sich gehen. Ich gedenke in höchstens vier Wochen Petersburg zu verlassen—und bis dahin muss Alles fertig sein. Meine quasi politische Angelegenheit mit dem Senat (Sie werden wahrscheinlich davon gehört haben) hat eine schnelle und glückliche Wendung genommen: es war eigentlich blos um eine Formalität zu thun, die aber unentbehrlich war. In dieser Hinsicht, wie auch in mancher anderen, bin ich mit meiner Reise sehr zufrieden. Ich gehe jetzt nach Paris und werde da bis zum Frühjahr bleiben. Dann geh'ich nach Baden und freue mich schon jetzt auf Ihren Besuch, der hoffentlich länger währen wird, als im vorigen Jahr. Ich werde gern mit einigen hiesigen Buchhändlern wegen der Uebersetzungsangelegenheit sprechen: das Resultat werd ich Ihnen mittheilen. Sie sprechen mir wohl von Plackereien, die Sie ausgestanden haben — aber nicht von Ihrer Gesundheit. Ich deute dies Schweigen gut und hoffe dass Sie wenigstens körperlich nicht leiden. Mein Fussübel (das wahrscheinlich gichtischer Natur war) ist verschwunden—und ich fühle mich sonst wohl. Nur ist hier das Wetter so schlecht—kalt glauben Sie vielleicht? nein, nass und trüb. Grüssen Sie vielmals Frau Nelidoff und Heyse und empfangen Sie die Versicherung meiner Hochachtung. Ihr ergebener J. Turgéneff.

XVI.

Baden-Baden, Schillerstrasse, 277, Mittwoch, d. 16 März 1864.

Il y a quatre jours que je suis revenu de Pétersbourg à Bade — et je pars d'ici dans deux jours pour Paris, où je compte rester jusqu'à la fin d'Avril. J'ai rapporté plusieurs des albums de M-me Viardot et je me fais un véritable plaisir de vous en envoyer un. L'élégance parfaite et la fidélité de vos traductions ont été remarquées par tout le monde.

On n'a publié cette fois ci que 12 romances; trois ont été réservées pour l'album suivant qui paraîtra, il faut l'espérer, l'hiver prochain. Je compte revenir à Bade vers la fin du mois d'Avril et j'espère

Digitized by Google

bien que vous tiendrez votre promesse et que nous vous reverrons dans notre joli pays. Si dans le trouble et l'agitation où vous devez vous trouver maintenant à Münich, vous avez le temps de penser à moi, vous serez bien aimable de m'écrire deux mots à l'adresse suivante: Paris, rue de Rivoli, 210. En même temps je vous prierais de me dire franchement sans aucune de ces cérémonies, qui ne peuvent avoir place dans d'aussi bonnes relations que les notres, quel est l'honoraire que vous désirez pour votre puissante coopération à l'album que nous venons de publier? Je vous le ferai immédiatement parvenir et en attendant, je vous serre cordialement la main et vous prie d'accepter l'expression de mes sentiments les plus dévoués J. Turgéneff.

XVII.

Baden-Baden, Schillerstrasse, 277, d. 13 Juni 1864.

Mein lieber Freund, ich habe eben einen Brief von Frau Nelidoff aus Kissingen bekommen: sie spricht mir viel von Ihnen und unter Anderem auch von Ihrem Vorsatz, mein letztes Werkchen «Призраки» zu übersetzen. Es hat mich sehr gefreut, endlich etwas von Ihnen zu hören, da ich keine Antwort auf meinen letzten Brief bekommen habe und auch nicht weiss ob Sie das von mir herausgegebene Album der M-me Viardot besitzen. Ich hatte gleich nach meiner Rückkehr aus Russland ein Exemplar nach München geschickt. Sagen Sie mir was Sie vorhaben und wie es mit Ihrer Gesundheit steht. Ich bin wieder hier etablirt in dem alten Logis, wo ich das Vergnügen hatte Sie zu sehen—und es würde mir eine wahre Freude sein Sie nochmals während der schönen Saison hier in Baden zu bewilkommenen.

Kommen Sie doch — und wär' es auch nur auf ein paar Tage! — Es ist hier so schön, so frisch und so ruhig! — In der Hoffnung bald eine Antwort von Ihnen zu bekommen, bitt' ich Sie meinen herzlichen Gruss zu empfangen. Ihr ergebenster J. Turgéneff.

XVIII.

Baden-Baden, Schillerstrasse 277, Montag d. 27 Juni 1864.

Ich habe Ihren Brief mit dem beigelegten Packet soeben empfangen—und sage Ihnen meinen aufrichtigsten Dank. Das Buch hab' ich gleich zu M-me Viardot getragen, die Ihnen selbst schreiben wird — die Uebersetzung hab' ich durchgelesen und habe sie, wie es auch nicht

Digitized by Google

anders sein konnte, vortrefflich gefunden—wie auch Druck und Papier mir sehr gut gefallen haben; und was die Shakespeare—Gesellschaft betrifft, der ich als ein eifriger Shakespearianer das beste Gedeihen wünsche, so werden Sie aus den beigelegten Quittungen ersehen, dass meine Sympathie keine blos passive ist; auch will ich stets dafür werben. Ein Exemplar des Albums geht mit der heutigen Post für Sie ab und ich zweifle nicht daran, dass Sie es unter Ihre Protection nehmen werden.

«Ракита» heisst so viel als «Ива», Weide, franç.: «Saule». Schicken Sie mir gefälligst ein Verzeichniss aller nur zweifelhaften Wörter. Ich antworte gleich. Ich kann Ihnen zugleich als dem Herausgeber des Shakespeare-Jahrbuch's einige Details über die Schakespeare-Feier in Russland zukommen lassen. Bis so weit wäre Alles gut; das Schlimmste aber ist Ihr leidender Zustand.

Diese hartnäckigen Kopfschmerzen müssen eine wahre Pein sein! Am Besten wäre es vielleicht wenn Sie sich einen vollen Monat vollständigster Ruhe nebst Ortveränderung gönnen könnten—also nicht einmal correspondirten. Wenn Sie sich dazu entschliessen, so würde ich mich sehr freuen, wenn Ihre Wahl auf Baden fiele. So viel ich mich erinnere haben Sie sich hier im vorigen Jahr ganz gut gefühlt.

In der Hoffnung Sie hier zu begrüssen drück'ich Ihnen freundlichst die Hand und wünsche Ihnen und Ihrer Familie alles mögliche Gute. Ihr J. Turgéneff.

XIX.

Baden-Baden, Schillerstrasse, 277, d. 12 Juli 1864.

Ihrem Wunsche gemäss schick'ich Ihnen Ihre Vorrede zurück, die nur den einen Fehler hat, viel zu viel Schmeichelhaftes zu enthalten. Ich rechne es Ihrer freundschaftlichen Gesinung zu und kann nur dafür danken.

Vielleicht könnten Sie hinzufügen dass ich die Jahre 1852 und 1853 in einer sonst sehr wenig beschwerlichen Verbannung gelebt habe—die ich mir, dem Anschein nach—durch einen Artikel auf Gogol's Tod, der wahren Sache nach durch die Erscheinung meiner Jäger-Skizzen zugezogen hatte. Dies Exil hörte auf Verwendung des damaligen Tronfolgers (jetzigen Kaisers) auf. Die meisten dieser Skizzen waren im Ausland—in Paris in den Jahren 1847—1849 geschrieben und trugen deshalb einen fast melancholischen Anstrich, weil ich längere Zeit mit mir selbst uneinig war—ob ich nicht im Ausland auf

Digitized by Google

immer bleiben sollte, was ich glücklicherweise doch nicht gethan habe. Noch einmal vielen Dank und einen herzlichen Händedruck.

Die Bogen des «Wirthshaus» hab' ich bekommen—und die Vortrefflichkeit der Uebersetzung, wie immer, bewundert. Vergessen Sie nicht dass ich zu Diensten stehe, wegen etwaiger unverständlicher Worte in den Visionen. In alter Freundschaft der Ihrige J. Turgéneff.

XX.

Baden-Baden, Schillerstrasse, 277, d. 1 Aug. 1864.

Tausend Dank, mein werthester Freund, für das Manuskript. Heute lese ich es noch einmal mit M-me Viardot zusammen und schicke Ihnen morgen oder spätestens übermorgen meine Bemerkungen, die in sehr beschränkter Anzahl sein werden, da die Uebersetzung vortrefflich ist, wie immer. Heute bin ich sehr pressirt und sage Ihnen blos meinen verbindlichsten Dank. Mit wahrer Hochachtung Ihr ergebenster Turgéneff.

XXI.

Baden-Baden, Schillerstrasse, 277, d. 18 Oct. 1864.

Ich hätte längst auch auf Ihren Brief vom 4-ten antworten müssen—aber man ist eben jetzt im Strudel der Jagd — und dass ist meine—wenn auch nicht ganz gute Entschuldigung. Das Exemplar der «Erscheinungen» hab'ich zugleich bekommen. Was die Uebersetzung betrifft, so brauch'ich Ihnen nicht zu sagen, dass Sie wie immer, völlige «carte blanche» haben—und dass meine Verbesserungen blos auf den Sinn—nie auf die Form gingen—und ich Ihnen Ihre Freiheit ganz lasse. Der Buchhändler hat mir einige Exemplare geschickt, wofür ich Ihnen und ihm danke. Es thut mir wahrlich herzlich leid, dass es mit Ihrer Gesundheit immer noch so schlecht geht. Sie werden sehen, Sie siedeln noch nach Baden über, da die hiesige Luft auf Sie, wie es scheint so wohlthätig wirkt.

Niemand wird sich über einen solchen Entschluss mehr freuen als ich. M-me Viardot lässt Sie grüssen und ich drücke Ihnen die Hand auf's freundlichste mit dem Besten und Wärmsten für Ihr Wolhergehen bleib'ich Ihr ergebenster J. Turgéneff.

Digitized by Google

XXII.

Paris, d. 24 Nov. 1864.

Ich bin hier seit ein paar Tagen, mein werthester Freund — und kehre schon im Anfange der nächsten Woche nach Baden zurück — will Ihnen blos meinen Dank sagen für die zugeschickte sehr schmeichelhafte Recension und Sie bitten, Sie möchten doch so gut sein und mich wissen lassen, woraus der 2-te Band bestehen wird — Sie haben mir blos von Pasinkof und den «Erscheinungen» gesprochen. Ich möchte es wissen.

Wie steht es mit Ihrer Gesundheit? Will es sich noch immer nicht bessern? Sie müssen nach Baden kommen und sich da recht gründlich ausruhen. Ich hoffe auf ein paar Zeilen Antwort nach Baden-Baden und drücke Ihnen noch in aller Eile herzlich die Hand. Ist Frau Nelidoff nach München zurückgekehrt? Ihr getreuer J. Turgéneff.

XXIII.

Baden-Baden, Schillerstrasse, 277, Freitag, d. 23 Dec. 1864.

Fortwährende Jagdausflüge haben mich bisher verhindert, werthester Freund, auf Ihren Brief sofort zu antworten. Der Erfolg unseres ersten Bandes, den ich natürlich Ihrer poetischen Uebersetzung verdanke, hat mich sehr gefreut und die Auswahl der Erzählungen, die den zweiten Band ausmachen, scheint mir ganz gut getroffen. Lassen wir ihn also getrost von Stapel laufen; mit einem Steuermann wie Sie, kann er nicht untergehen.

Der schlimme Zustand Ihrer Gesundheit macht mir viel Sorge; ich fange an zu glauben, dass Ihnen das Münchner Clima nicht sonderlich convenirt. Es ist vielleicht ein bischen Egoismus in diesem Gedanken, denn ich komme immer auf mein—«prenez mon ours»—kommen Sie nach Baden. Versuchen Sie es zuerst auf ein paar Wochen; einen doppelten Haushalt brauchen Sie nicht zu führen, denn Sie wohnen selbstverstanden bei mir und sehen Sie dann ob es Ihnen gelingt. Solche nervösen Kopfleiden hängen mehr als irgend eine andre Krankheit mit der Qualität der Luft, des Wassers etc. zusammen. Reflectiren Sie darüber und seien Sie versichert dass es keine blosse Redensart ist wenn ich Ihnen sage dass ich Sie mit Freuden unter meinem Dach beherbergen würde.

Grüssen Sie vielmals Frau von Nelidoff und die anderen guten Bekannten—und Glück auf zum neuen Jahr. Ich drücke Ihnen herzlich die Hand. Ihr ergebener J. Turgéneff.

Digitized by Google

XXIV.

Baden-Baden, Schillerstrasse, 277, Dienstag, d. 7 März 1865.

Eben kehr' ich von einem kleinen Ausflug zurück und finde Ihren Brief und die № der Kölnischen Zeitung. Es freut mich sehr dass Ihre Arbeit Anerkennung findet und ich hoffe dass der 2-te Band von dem Sie mir schreiben, mit demselben Wohlwollen aufgenommen werden wird—da jetzt die Bahn einmal gebrochen ist.

Was Ihren Wunsch betrifft, so bin ich ganz bereit ihn zu erfüllen und muss nur um Entschuldigung bitten, dass ich zunächst nur die Hälfte der Summe schicken kann. Ich habe eben meine Tochter in Paris verheirathet (an Herrn Gaston Bruère) und das hat meinen Beutel fast bis auf den Grund geleert. Die zweite Hälfte wird, wo möglich, schnell nachkommen.

Es thut mir wirklich leid dass Sie schon so lange keine rechte Ruhe geniessen können: es ist ein schlimmes Ding wenn die Gesundheit im Hause fehlt. Wollen wir hoffen, dass der Frühling Linderung und Genesung bringen wird—und kommen Sie, wie Sie es versprochen —nach Baden—dessen Clima Ihnen so augenscheinlich wohlthut.

M-me Viardot, die Sie recht freunlich grüssen lässt, hat ein zweites Heft von abermals 12 russischen Liedern componirt; sechs davon sind nicht übersetzt. Würde es nicht zu viel von Ihrer Gefälligkeit verlangt sein—wenn ich mich wieder an Sie wenden sollte? Nur die Leichtigkeit, mit der Sie gleichsam spielend, solche Arbeiten zu Wege bringen, gibt mir den Muth, Sie damit zu belästigen. Sie müssen mir aber offenherzig sagen—ob es Ihnen gerade jetzt nicht vielleicht unangenehm sein würde?

Grüssen Sie Frau Nelidoff bestens — wenn sie noch in München weilt und empfangen Sie die Versicherung der aufrichtigsten Anhänglichkeit Ihres ergebenen J. Turgéneff.

XXV.

Baden-Baden, Schillerstrasse, 277, d. 2 April 1865.

Vielen Dank für Ihre Glückwünsche die meiner Tochter und mir gelten. Ich habe allen Grund mit dieser Heirath zufrieden zu sein: mein Eidam ist ein sehr liebenswürdiger, solider und guter Mensch:

Digitized by Google

diese drei Eigenschaften zusammen—sind bei einem Franzosen besonders sehr selten [1]).

Ihre kleine Quittung ist ganz in der Ordnung; die zweite Hälfte folgt sobald wie möglich.

Da Sie die Güte haben, Sich der Uebersetzung der Romanzen etc. unterziehen zu wollen, so schick' ich Ihnen die Texte mit einigen Bemerkungen. № 1, 2, 3 — die 3 Uebersetzungen lassen sich gut singen; № 3 ist aber ein bischen hart und holperig.

№ 4 und 5. Die Gedichte können reimlos bleiben; in № 5 blos jedesmal der zweite und vierte Vers; nur muss der Rythmus beibehalten werden.

№ 4: ´ ⏑ ´ ⏑ № 5: ⏑ ⏑ ´ ⏑ ⏑

№ 7 hab' ich nicht ganz ausgeschrieben, denn es ist die bekannte «Буря», die Sie in Ihrem Puschkin leicht finden werden; hätten Sie das Buch aber nicht, so brauchen Sie mir nur ein Wort zu schreiben und ich schicke Ihnen das Gedicht.

№ 8 ist aus Versehen ausgeschrieben, aber wir haben schon Ihre vortreffliche Uebersetzung. № 9 ist auch von Ihnen übersetzt worden und eben so gut—nur ist der Rhythmus nicht genau beibehalten und muss also der Musik wegen verändert werden, z. B.:

Ру-сал-ка плыла по рѣ-кѣ го-лу-бой—11 silabe.
Die Was-ser maid schwamm auf der blauen Flusz—10 silabe.
Озаряема полной луной—9 silabe.
Des Stromes in Mondesgluth (7 Sylben).

Ich brauche Ihnen nicht zu sagen, dass Sie die Arbeit ganz à loisir machen können ohne sich im Mindesten anzustrengen oder zu beeilen: wir betrachten es als eine sehr grosse Gefälligkeit — und wollen um keinen Preis Sie damit belästigen.

Grüssen Sie Frau Nelidoff und sagen Sie ihr—es wärde mich recht freuen, sie in Baden zu sehen. Ich bleibe hier länger als ich es geglaubt hatte, nämlich bis zum 10-ten Mai. Dann geh'ich nach Russland—hoffe aber schon am 1-ten Juli zurückzukommen—und sehe Sie dann doch gewiss bei mir in Baden?

Ich drücke Ihnen herzlich die Hand und bleibe in alter Freundschaft. Ihr ergebener J. Turgéneff.

P. S. Wann erscheint der 2 Theil? [2]).

---

[1]) Въ 1878 году И. С. Тургеневъ намъ разсказывалъ въ Парижѣ, что онъ горько разочаровался въ своемъ зятѣ и много горя отъ него вынесъ. Ред.

[2]) Diese Frage bezieht sich auf den 2 Theil meiner bei Rieger erschienen Erzählungen. F. B.

Digitized by Google

XXVI.

Baden-Baden, Schillerstrasse, 277, d. 23 April 1865.

Beiliegend werden Sie die beiden Gedichte en question finden — und da ich erst am 8-ten Mai von hier nach Russland abreise, so hoff'ich dass Sie einen geeigneten Moment zur Uebersetzung finden werden. Für die mitgetheilten Gedichte den besten Dank — Alles ist vortrefflich. Es würde mich sehr freuen — die Aushängebogen der «Erscheinungen» noch hier zu bekommen. Ich würde sie pünktlich zurückschicken. Ich gebe die Hoffnung nicht auf, Sie diesen Sommer noch in Baden zu sehen: alle Ihre hiesigen Freunde rechnen darauf.

Tausend Grüsse und Wünsche von Ihrem ergebenen J. Turgéneff.

XXVII.

Baden-Baden, Schillerstrasse, 277, d. 8 Mai 1865.

Tausend Dank für die Uebersetzungen und die Aushängebogen — Alles ist vortrefflich und kann gar nicht besser sein. Nur ein Vers in der «Буря» musste verändert werden, der Musik wegen. Man kann nämlich nicht sagen:

Weint bald wie—ein kleines Kind, könnte man es nicht so verändern:

Wimmert bald—als wie ein Kind? Sagen Sie gefälligst: ja—oder schicken Sie eine neue version.

Meine Abreise nach Petersburg ist auf den 15 dieses Monats — also in einer Woche festgesetzt. Ich hoffe nicht länger als 6 Wochen abwesend zu sein und erwarte Sie im Juli in Baden.

Es würde mich sehr freuen mit Frau Nelidoff einige Tage zusammen zu verbringen und es wird mir hoffentlich gelingen in Tegernsee oder anderwärts. M-me Viardot grüsst Sie auf das freundlichste und ich drücke Ihnen recht herzlich die Hand. Ihr ergebener J. Turgénéff.

XXVIII.

Baden-Baden, Schillerstrasse, 277, Sonnabend, d. 5 Aug. 1865.

Ich bin seit einigen zehn Tagen von Russland zurück und möchte wissen wie es Ihnen geht, was Sie thun und treiben, und ob Sie noch immer die Absicht haben, nach unserem schönen Baden zu kommen,

Digitized by Google

was uns unendlich erfreuen würde. Schreiben Sie mir doch ein paar Zeilen. Ich bleibe hier bis zum nächsten Frühjahr und möchte nur während der künftigen Woche einen kurzen Abstecher nach Frankreich machen, um meine verheirathete Tochter zu besuchen. Ich hoffe dass es Ihnen und Ihrer ganzen Familie wohl ergeht und drücke Ihnen recht freundschaftlich die Hand. Auf baldiges Wiedersehen, nicht wahr? J. Turgéneff.

XXIX.

Baden-Baden, Schillerstrasse, 277, d. 13 Sept. 1865.

Ich muss erröthen wenn ich das Datum Ihres Briefes aus Rottach (den 8 August) ansehe und bedenke dass ich Ihnen bis jetzt noch nicht geantwortet habe—und Ihnen auch den Dank schuldig geblieben bin für die Zusendung der Aushängebogen mit der ganz vortrefflichen Uebersetzung der «Erste Liebe». Als Entschuldigung — als schlechte Entschuldigung jedenfalls—diene das viele Jagen das been jetzt im vollsten Zuge ist. Ich weiss nicht einmal ob mein Brief Sie noch in Rottach antreffen wird und warte deshald mit der Absendung des 2-ten Liederalbums. Schreiben Sie mir gefälligst ein paar Worte über Ihren jetzigen Aufenthalt. Ich kann leider Baden nicht verlassen, hoffe aber Sie werden dennoch Ihr Versprechen halten und einige der herrlichen, uns noch bevorstehenden Herbsttage in unserem freundlichen Städtchen zubringen.

Dass Sie uns Allen eine grosse Freude machen würden und mir das Vergnügen zugestehen müssen, Sie zu beherbergen, versteht sich von selbst. Also—recht bald ein paar Zeilen—obschon ich die Punktlichkeit nicht verdient habe und einen herzlichen Händedruck von Ihrem ergebenen J. Turgéneff.

XXX.

Baden-Baden, Schillerstrasse, 277, Sonntag, d. 22 Oct. 1865.

Sind Sie schon aus Weimar zurückgekehrt und wie geht es Ihnen? Geben Sie doch ein Lebenszeichen von sich. Ich habe Ihnen nach Rottach geschrieben, glaube auch, dass mein Brief Sie getroffen hat, da ich kurz nachher eine Recension meiner Sachen von Ihnen zugeschickt bekam — möchte aber etwas positives wissen. Hat es seine Richtigkeit mit dem Amt dass Sie künftig bei der Münchener Hofbühne bekleiden wollen? Das wäre etwas für Sie — und da könnten

Digitized by Google

Sie viel Gutes thun. Ich muss Ihnen auch dass 2-te Album der Frau Viardot zusenden—auch möchte ich wissen, wie es mit dem 2-ten Theil unserer Uebersetzung steht, schreiben Sie mir ein paar Zeilen. Grüssen Sie Frau Nelidoff und Heyse und empfangen Sie den herzlichsten Händedruck Ihres ergebenen J. Turgéneff.

XXXI.

Baden-Baden, Schillerstrasse, 277, Freitag, d. 17 Nov. 1865.

Gestern hab'ich Ihnen endlich das Album der M-me Viardot abschicken können — und zugleich bitte ich Sie Ihrem Herrn Verleger für die Zusendung der 4 Freiexemplare in meinem Namen zu danken. Die Uebersetzung ist—brauche ich es noch zu sagen? — meisterhaft, besonders die «Erste Liebe» ist geradezu ein capo d'opera — und ich kann Ihnen nicht genug meine Bewunderung ausdrücken.

Sie sind wahrscheinlich gerade jetzt sehr beschäftigt—und wie geht es mit Ihrer Gesundheit? sagen Sie mir ein Wort darüber. Vielleicht komme ich noch im Laufe des Winters auf eine Woche nach München. Wie wird es mich freuen Sie zu sehen!

Grüssen Sie Frau Nelidoff und Heyse auf's Beste. Ist Ihre Stellung beim Hoftheater gesichert? Ich muss Sie auf einen Fehler im Album aufmerksam machen, der mir sehr unangenehm ist — aber leider erst in den nachfolgenden Exemplaren verbessert sein kann—ich meine die Uebersetzung der «Безсонница» («Schlaflos lieg'ich»); Sie hatten einige Veränderungen an meiner Version gemacht, die ich auch, pflichtschuldigst dem Petersburger Verlager zugeschickt habe, der hat sie aber verlegt — proprio sensu — und jetzt kann die Verbesserung erst später kommen. Sie müssen leider meine schlechte Waare mit Ihrem schönen Pavillon decken. M-me Viardot ist nach Berlin abgereist wo sie circa 6 Wochen bleiben wird — hat mir aber noch vor ihrer Abreise die besten Grüsse für Sie aufgetragen. Und nun drücke ich Ihnen herzlich die Hand und bleibe Ihr ergebener J. Turgéneff.

Сообщ. 21 марта (2 апрѣля) 1887 г. Фридрихъ фонъ-Боденштедтъ.

Digitized by Google

[Переводъ]. Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ [1])! Послѣ долгихъ поисковъ я нашелъ, наконецъ, въ своихъ старыхъ бумагахъ, относящихся къ первой половинѣ 1860-хъ годовъ, довольно изрядное количество писемъ моего покойнаго друга, Ивана Сергѣевича Тургенева, съ коихъ я охотно передаю вамъ копіи, для помѣщенія ихъ, согласно вашему желанію, въ вашей «Русской Старинѣ». пользующейся и въ Германіи большимъ успѣхомъ. Такъ какъ обнародованіе этихъ писемъ, послужившихъ уже источникомъ для нѣкоторыхъ историческихъ и литературно-историческихъ трудовъ, можетъ имѣть значеніе лишь въ виду несомнѣнной ихъ достовѣрности, то я охотно предоставлю вамъ возможность сличить копіи съ оригиналами, что будетъ весьма удобно, благодаря вашему продолжительному пребыванію въ Висбаденѣ.

Вамъ извѣстны, изъ нашихъ бесѣдъ, тѣ обстоятельства, при которыхъ писались эти письма; но для того, чтобы читатели «Русской Старины» могли составить себѣ о содержаніи ихъ болѣе ясное представленіе, необходимо предпослать имъ нѣкоторыя пояснительныя замѣчанія, въ которыхъ была бы указана извѣстная связь, существующая между ними. При этомъ я постараюсь быть по возможности краткимъ.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ (фамилію котораго я пишу всегда по нѣмецки такъ, что она по произношенію совершенно сходствуетъ съ русскимъ) посѣтилъ меня въ Мюнхенѣ впервые весною 1860 г. и съ первой же встрѣчи произвелъ на меня и на мое семейство самое отрадное впечатлѣніе; таково же было впечатлѣніе, произведенное имъ и во всѣхъ домахъ, куда я его ввелъ. Въ скоромъ времени Тургеневъ пожелалъ познакомиться съ Павломъ Гейзе (Heyse), съ которымъ онъ также переписывался впослѣдствіи и о которомъ часто упоминается въ нижеприведенныхъ письмахъ.

Пребываніе въ Мюнхенѣ такъ понравилось Тургеневу, что онъ посѣщалъ этотъ городъ неоднократно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и перезнакомился, такимъ образомъ, мало по малу, съ большинствомъ выдающихся ученыхъ, поэтовъ и художниковъ, проживавшихъ тамъ въ это время.

При первомъ же посѣщеніи Мюнхена, Тургеневу очень польстило то обстоятельство, что его «Записки охотника» были уже извѣстны въ нашемъ кружкѣ по переводамъ Больца (Boltz) и Фидлера и пріобрѣли ему нѣсколько искреннихъ поклонниковъ. Онъ же, какъ авторъ,

---

[1]) Писано къ редактору „Русской Старины"—М. И. Семевскому.

Digitized by Google

выказалъ себя весьма скромнымъ и сознался, что его первые поэтическія произведенія, писанныя стихами и риѳмованныя, имѣли мало успѣха; поэтому онъ долгое время сомнѣвался въ своемъ дарованіи и только начавъ писать прозою, будучи уже вдали отъ родины, онъ позналъ впервые что̀ такое успѣхъ, и тогда къ нему вернулась его прежняя самоувѣренность, которая, впрочемъ, никогда не переходила у него въ самомнѣніе, и онъ не разъ высказывалъ мнѣ свое сожалѣніе по поводу того, что онъ не можетъ писать также легко стихами, какъ прозою, такъ какъ въ прозаичной формѣ невозможно передать самыхъ сокровенныхъ чувствъ человѣческой души, подобно тому, напримѣръ, какъ «Фаустъ» Гете не можетъ быть переданъ прозою. Кстати будетъ замѣтить, что «Фаустъ» Гете былъ любимымъ стихотвореніемъ Тургенева; первую часть его онъ зналъ почти всю наизусть...

Большою отрадою для Ивана Сергѣевича было встрѣтить въ Мюнхенѣ одно семейство, пріѣхавшее изъ Россіи, съ которымъ онъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ. Это была княгиня Хилкова, съ своими двумя дочерьми, Пелагеей и Ольгой, съ которыми я часто видѣлся и которыя, благодаря прекрасному образованію и счастливой наружности, пользовались вообще большимъ расположеніемъ и уваженіемъ своихъ знакомыхъ въ Мюнхенѣ, гдѣ онѣ провели нѣсколько лѣтъ по возвращеніи изъ путешествія по Италіи. Княжна Ольга Хилкова вышла въ Мюнхенѣ замужъ за Нелидова, состоявшаго въ то время, въ качествѣ attaché, при русскомъ посольствѣ, нынѣ же занимающаго постъ русскаго посла въ Константинополѣ.

Здѣсь необходимо было коснуться этихъ лицъ и отношеній, такъ какъ о нихъ упоминается неоднократно въ письмахъ Тургенева. Помимо этого, содержаніе этихъ писемъ касается, главнымъ образомъ, трехъ обстоятельствъ, коими Тургеневъ чрезвычайно интересовался. Во-первыхъ, будучи весьма хорошо знакомъ съ моими трудами, онъ желалъ пріобрѣсти во мнѣ сотрудника для «Современника», сдѣлавъ меня, такимъ образомъ, соучастникомъ своихъ трудовъ, такъ какъ онъ самъ усердно писалъ для этого журнала, вступившаго въ свѣтъ съ обширной программой, долженствовавшаго сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ русскаго «Revue de deux Mondes» и которому Тургеневъ весьма покровительствовалъ.

Мои статьи должны были служить, главнымъ образомъ, для ознакомленія русской публики съ цѣлями и стремленіями нѣмецкой литературы нынѣшняго столѣтія.

Послѣ долгой борьбы я рѣшился, наконецъ, взяться за эту работу, которая отнимала у меня весьма много времени и, будучи предназначена для ограниченнаго круга читателей, должна была

Digitized by Google

впослѣдствіи утратить для меня всякое значеніе. Тѣмъ не менѣе, Тургеневъ, бывшій со мною всегда крайне любезенъ, съумѣлъ таки настоять на томъ, что я исполнилъ его желаніе, которое причинило мнѣ впослѣдствіи значительный убытокъ и массу непріятностей, чему, однако, онъ не былъ виною, и что случилось вслѣдствіе стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ, о которыхъ подробно говорится въ письмахъ.

«Современникъ» былъ запрещенъ по распоряженію правительства, одинъ редакторъ его былъ посаженъ въ тюрьму, другой (Михайловъ) сосланъ въ Сибирь и т. д., и только по истеченіи цѣлаго года мнѣ удалось, наконецъ, узнать что̀ сталось съ рукописями, посланными мною въ Петербургъ и заключавшими изрядное количество исписанныхъ листовъ...

Тогда Тургеневъ, желая до нѣкоторой степени вознаградить меня за понесенные убытки, сдѣлалъ мнѣ второе предложеніе, высказанное имъ въ весьма деликатной формѣ: а именно, онъ изъявилъ желаніе, чтобы я перевелъ, за приличный гонораръ, нѣкоторые изъ его разсказовъ на нѣмецкій языкъ. Наконецъ, третье предложеніе было сдѣлано мнѣ отъ имени и по порученію высокочтимой имъ г-жи Паулины Віардо-Гарсіа. Читатель познакомится съ этимъ эпизодомъ болѣе обстоятельно изъ самихъ писемъ, изъ коихъ нѣкоторые свидѣтельствуютъ о томъ, насколько Тургеневъ находился всецѣло подъ вліяніемъ этой замѣчательной женщины, которая съ 1866 г., т. е. съ того момента, когда вожделѣнія французовъ обратились снова къ Рейну, старалась до нѣкоторой степени оторвать его отъ Германіи, гдѣ ему жилось такъ хорошо. Онъ не могъ существовать безъ нея и послѣдовалъ за нею въ Парижъ, гдѣ и скончался на ея рукахъ. Болѣе нѣжныя отношенія не играли, насколько мнѣ извѣстно, никакой роли въ этой рѣдкой дружбѣ, которая можетъ, такимъ образомъ, служить доказательствомъ того, что между замужнею женщиною и холостымъ мущиною можетъ все-таки существовать настоящая, искренняя дружба. Тургеневъ ставилъ эту дружбу гораздо выше всякой любовной связи, поэтому-то выраженіе Гете «Du sollst entsagen» играетъ въ его сочиненіяхъ столь видную роль. Заканчиваю это прозаическое введеніе переведеннымъ мною трогательнымъ стихотвореніемъ: «Надъ могилой И. С. Тургенева» [1]), которое скончавшійся недавно молодой русскій поэтъ Надсонъ посвятилъ своему старшему собрату.

---

[1]) Переводъ этотъ см. выше, стр. 446.

Digitized by Google

Ив. Серг. Тургеневъ—Фр. Боденштедту.

I.

Парижъ, 10-го (22-го) декабря 1861 г.

Давно уже хотѣлось мнѣ напомнить вамъ о себѣ, и если я не сдѣлалъ этого до сихъ поръ, то отнюдь не потому, чтобы я объ этомъ не думалъ. Съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ, я провелъ около 7 мѣсяцевъ въ Россіи, и вотъ уже два мѣсяца какъ я возвратился сюда и устроился здѣсь на зиму. Мнѣ оказалось невозможнымъ вернуться черезъ Мюнхенъ, какъ я предполагалъ вначалѣ— и мнѣ удастся вновь посѣтить вашъ прелестный, веселый и гостепріимный городокъ только будущею весною. Надѣюсь, вы давно уже получили одинъ экземпляръ новаго изданія моихъ сочиненій, посланный вамъ мною изъ Москвы. Если вы дѣйствительно получили его, соблаговолите увѣдомить меня объ этомъ, тогда я вышлю вамъ списочекъ наиболѣе грубыхъ опечатокъ, коими изданіе это, къ сожалѣнію, изобилуетъ.

Въ этомъ году я работалъ довольно мало,—иныя заботы всецѣло поглощали мое время; тѣмъ не менѣе я окончилъ довольно большой романъ, который будетъ печататься въ самомъ началѣ будущаго года.

Ну, а вы, что подѣлывали и что печатали? Въ Парижѣ мало знаютъ о томъ, что дѣлается въ Германіи, въ особенности въ литературномъ мірѣ. Я былъ бы весьма благодаренъ вамъ, если бы вы сообщили мнѣ вкратцѣ о томъ, что случилось за это время наиболѣе интереснаго.

Находится-ли въ Мюнхенѣ семейство Хилковыхъ? Если они тамъ, то вы много обяжете меня, передавъ имъ мой привѣтъ. Прошу васъ также кланяться отъ меня г. Гейзе и прочимъ моимъ мюнхенскимъ знакомымъ.

Мнѣ было бы весьма пріятно получить отъ васъ въ отвѣтъ хотя нѣсколько словъ по слѣдующему адресу: rue Rivoli, 210. Само собою разумѣется, что вы можете писать мнѣ по нѣмецки; не понимаю, почему я самъ не пишу вамъ на этомъ языкѣ. Я не знаю вашего адреса, но онъ долженъ быть извѣстенъ въ Мюнхенѣ; всякая порядочная почта обязана знать адресъ такого человѣка, какъ вы.

Дружески жму вашу руку и желаю вамъ всего хорошаго И. Тургеневъ.

Digitized by Google

II.

Парижъ, 29-го декабря 1861 г.

Позвольте мнѣ начать это письмо изъявленіемъ самой искренней моей благодарности: вы отвѣтили мнѣ такъ скоро и такъ толково, что я готовъ закричать въ сотый разъ: да здравствуютъ нѣмцы (между тѣмъ я краснѣю за то, что пишу вамъ по французски, но на бумагѣ мнѣ положительно легче объясняться на этомъ языкѣ). Желая доказать вамъ, что я умѣю цѣнить подобную акуратность, я отвѣчаю вамъ немедленно.

Къ сожалѣнію, я не получилъ письма, адресованнаго вами въ Спасское; я уже выѣхалъ изъ деревни и не думаю даже, чтобы письмо дошло по назначенію, иначе мнѣ бы переслали его сюда. Проѣзжая черезъ Петербургъ, я не видѣлся съ редакторами «Современника»: надобно вамъ сказать, что въ этомъ году мы съ ними поразмолвились, отчасти вслѣдствіе разногласія въ нашихъ политическихъ взглядахъ, отчасти по той причинѣ, что я послалъ кое-что изъ моихъ работъ въ московскій журналъ («Русскій Вѣстникъ»), направленіе котораго противоположно ихъ взглядамъ. Однако, я увѣренъ, что они приняли бы съ радостью статью, написанную вами; но у нихъ бездна хлопотъ: дѣло студентовъ, въ которомъ они могутъ признать плоды своихъ ученій, смерть одного изъ ихъ главныхъ сотрудниковъ и критиковъ—и другія причины, перечислять которыя было бы здѣсь слишкомъ долго, объясняютъ мнѣ, до нѣкоторой степени, ихъ молчаніе. Но было бы весьма желательно, чтобы вашъ трудъ появился какъ можно скорѣе, и я предлагаю вамъ слѣдующее: я попрошу одного изъ моихъ пріятелей зайти отъ моего имени въ редакцію «Современника» и справиться получили-ли они вашу статью и намѣрены-ли печатать ее по 50 руб. сер. за листъ (кромѣ вознагражденія за переводъ); если они станутъ отнѣкиваться, то мой пріятель немедленно отнесетъ вашу статью въ редакцію другаго журнала «Время», съ которымъ я нахожусь въ наилучшихъ отношеніяхъ и который, не смотря на свое недавнее существованіе, завоевалъ уже себѣ весьма видное положеніе въ нашей прессѣ. «Время» было бы весьма радо помѣстить на своихъ столбцахъ вашу статью — и вы могли бы получить за нее деньги уже въ началѣ будущаго года.

Такъ какъ я надѣюсь на ваше согласіе, то напишу моему пріятелю, не ожидая отъ васъ отвѣта. Меня весьма радуетъ, что вы дѣятельно принялись за литературныя занятія и я ожидаю съ нетерпѣніемъ присылки вашего перевода сонетовъ Шекспира, о которомъ

Digitized by Google

слышны со всѣхъ сторонъ самые лестные отзывы и который, разумѣется, долженъ быть прекрасенъ, судя по тѣмъ переводамъ, которые уже сдѣланы вами. Я весьма горжусь тою честью, которую вы мнѣ оказываете, переводя также и мои сочиненія, и отъ души желаю, чтобы васъ не упрекнули за то, что вы потратили свой талантъ на переводъ оригинала, не стоющаго его. Я позволю себѣ выслать вамъ мои собственные переводы, которые будутъ здѣсь изданы. Будьте также столь добры, поблагодарить отъ меня г. Гейзе за лестную память, которую онъ сохранилъ обо мнѣ. Я не получилъ также его книги но пріобрѣту ее здѣсь у Клингштрика или у Франка—и заранѣе предвкушаю удовольствіе прочесть ее. Надѣюсь, что семейство его въ настоящее время здорово. Будьте столь любезны прислать мнѣ адресъ Хилковыхъ, я желалъ бы возобновить съ ними переписку. Княжна Ольга прелестная и весьма образованная дѣвушка и я очень желалъ бы, чтобы она могла встрѣтить человѣка, способнаго оцѣнить ее и составить ея счастіе.

Мой новый романъ появится не ранѣе марта мѣсяца; я занятъ въ настоящее время весьма серьезными поправками, которыя пришлось въ немъ сдѣлать. Кстати о поправкахъ: я пришлю вамъ, дней черезъ десять, списокъ тѣхъ опечатокъ, о которыхъ я уже говорилъ вамъ.

Прошу васъ передать г-жѣ Боденштедтъ увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и моей признательности; жму вашу руку съ чувствомъ самой искренней преданности И. Тургеневъ.

III.

Парижъ, rue de Rivoli, 210, 24 февраля 1862 г.

Я не писалъ вамъ до сей поры потому, что все поджидалъ той минуты, когда я буду, наконецъ, въ состояніи сообщить вамъ что-нибудь о рукописи, посланной вами въ редакцію «Современника»; но мнѣ ничего не сообщаютъ по этому поводу и я снова отправилъ туда письмо, настоятельно требуя отвѣта. Спѣшу, вмѣстѣ съ тѣмъ, поблагодарить васъ за прелестный подарокъ, сдѣланный мнѣ вами. Франкъ передалъ мнѣ вашъ превосходный переводъ сонетовъ Шекспира и я погрузился эти три дня въ волны поэзіи, забытой въ наше время и которую вамъ суждено было воскресить. Въ другой разъ я подѣлюсь съ вами впечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня этими стихами, теперь же только хочу сказать вамъ спасибо. Нѣкоторые изъ этихъ сонетовъ проникаютъ прямо въ душу и ихъ уже не выгонишь оттуда; по мягкости, силѣ и свѣжести они несравненны.... Впечатлѣніе того,

Digitized by Google

что это переводъ, совершенно сглаживается: ваши стихи льются съ изумительною плавностью и только прочитавъ ихъ — начинаешь думать съ удивленіемъ о трудности, которую вы осилили.

Не подлежитъ сомнѣнію, что эта книга будетъ имѣть огромный успѣхъ—и я присоединяю мое браво ко всѣмъ тѣмъ, которые вы уже слышали и которые вамъ придется еще услышать.

Я останусь еще мѣсяца два или три въ Парижѣ и буду въ Мюнхенѣ проѣздомъ въ Россію — какъ въ прошломъ году, но остановлюсь тамъ на болѣе продолжительное время. Я мало наработалъ съ пріѣзда сюда. Мой романъ появится въ Москвѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Весьма обяжете меня, отправивъ прилагаемую при семъ записочку, отъ моего имени, Павлу Гейзе. Прошу васъ также засвидѣтельствовать мое почтеніе семейству Хилковыхъ. Кланяйтесь отъ меня, прошу васъ, всѣмъ вашимъ и будьте увѣрены въ чувствахъ искренней преданности и совершеннаго почтенія преданнаго вамъ И. Тургенева.

IV.

Парижъ, rue de Rivoli, 210, 19-го (31-го) октября 1862 г.

Я пріѣхалъ въ Парижъ два дня тому назадъ и мнѣ передали письмо, написанное вами въ маѣ мѣсяцѣ и которое оставалось до сихъ поръ безъ отвѣта, такъ какъ оно не застало уже меня здѣсь. Я отправился въ Россію, не имѣвъ, къ величайшему моему сожалѣнію, возможности проѣхать черезъ Мюнхенъ. Теперь я возвратился на зимнюю квартиру и спѣшу возобновить нашу переписку. Не могу, прежде всего, не поговорить съ вами о переводѣ моей повѣсти «Фаустъ», хотя это будетъ нѣсколько эгоистично съ моей стороны. Я только что прочелъ его и былъ буквально въ восторгѣ,—онъ просто-на-просто восхитителенъ. (Я говорю, разумѣется, о переводѣ, а не о повѣсти). Не достаточно знать основательно русскій языкъ, надобно еще самому владѣть прекраснымъ слогомъ для того, чтобы произвести нѣчто столь совершенное. Эта удача разлакомила меня, и вотъ что я рѣшаюсь предложить вамъ. Мнѣ было бы весьма пріятно познакомить нѣмецкую публику съ моими произведеніями при посредствѣ столь превосходнаго и популярнаго переводчика, какимъ считаетесь вы, и если бы вы избрали нѣкоторыя изъ моихъ повѣстей съ цѣлью издать ихъ, то я былъ бы очень радъ предоставить въ ваше распоряженіе ту сумму, которую вы сочтете достаточнымъ вознагражденіемъ за вашъ трудъ, ибо я отлично знаю, что современные

Digitized by Google

издатели вовсе не расположены ко всему русскому, и самое бо́льшее— согласились бы принять на себя расходы по напечатанію. Если эта мысль покажется вамъ удобоисполнимою, то черкните объ этомъ словечко. Что касается меня, то я могъ бы охотно затратить на это дѣло до тысячи талеровъ. Это не будетъ слишкомъ много въ сравненіи съ счастьемъ пріобрѣсти извѣстность при посредствѣ такого переводчика, какъ вы. Что же касается злосчастной статьи, посланной вами въ Петербургъ—то это совсѣмъ иное дѣло. Надобно сознаться, что въ этомъ случаѣ намъ не повезло.

Въ теченіи года смерть похитила у этого журнала («Современника») его двухъ наиболѣе вліятельныхъ редакторовъ, двое другихъ— заключены въ тюрьму (Чернышевскій будетъ судимъ сенатомъ), наконецъ, изданіе пріостановлено на 8 мѣсяцевъ, что равносильно совершенному прекращенію. Въ бумагахъ его всегда былъ нѣкоторый безпорядокъ, который превратился нынѣ въ совершеннѣйшій хаосъ — и я весьма опасаюсь, что статья ваше не отыщется. Тѣмъ не менѣе, даже въ настоящую минуту, одинъ изъ моихъ пріятелей дѣятельно занятъ розыскиваніемъ ея — и я не теряю еще совершенно надежды. Буду писать вамъ немедленно, лишь только узнаю объ этомъ что-либо положительное.

Надѣюсь, что здоровье ваше хорошо и что вы не страдаете глазами. Засвидѣтельствуйте, пожалуйста, мое почтеніе вашей семьѣ и напомните обо мнѣ П. Гейзе. Если увидите г-жу Нелидову, скажите ей, что я жду отвѣта на письмо, которое я послалъ ей изъ Бадена. Я отправилъ ей одновременно одинъ экземпляръ моего послѣдняго романа.

Если вы поинтересуетесь имъ, то возьмите у нея для прочтенія или же я вышлю вамъ одинъ экземпляръ отсюда. Надѣюсь вскорѣ получить отъ васъ отвѣтъ и дружески жму вашу руку. Преданный вамъ И. Тургеневъ.

V.

Парижъ, rue de Rivoli, 210, 6 ноября 1862 г.

Письмо ваше доставило мнѣ много удовольствія, любезный г. Боденштедтъ, и я радуюсь тому, что вы отнеслись такъ сочувственно къ моему предложенію. Повторяю вамъ—для меня истинное благополучіе найти переводчика, подобнаго вамъ, и я заранѣе горжусь этимъ. Что же касается выбора, который вы предлагаете мнѣ сдѣлать изъ моихъ произведеній, то я полагаю—вы лучше меня можете судить

Digitized by Google

о томъ, что̀ именно будетъ наиболѣе подходящимъ для нѣмецкой публики. Однако, исполняя ваше желаніе, я намѣчу нѣкоторыя заглавія, а именно: «Дворянское гнѣздо», «Рудинъ», «Постоялый дворъ», «Дневникъ лишняго человѣка», «Первая любовь», «Ася», «Три встрѣчи», «Затишье», не считая «Муму» и «Фауста», уже переведенныхъ вами. Къ этому можно бы еще прибавить мой послѣдній романъ: «Отцы и дѣти». Я вышлю вамъ его дня черезъ два или три. Я могу также выслать вамъ послѣднее изданіе полнаго собранія моихъ сочиненій, если вы еще не имѣете его. Повторяю, переводите то, что вы найдете болѣе удобнымъ, и это будетъ прекрасно. Если вы желаете присылать мнѣ рукописи, то я обѣщаю задерживать ихъ какъ можно менѣе, но я не знаю, право, нужно ли это.

Впрочемъ, я вполнѣ готовъ отдаться въ ваше распоряженіе. Если бы вамъ понадобилась часть означенной суммы, то потрудитесь только сообщить мнѣ объ этомъ.

Благодарю васъ за присылку журнала, который я отправляю вамъ подъ бандеролью. Я прочиталъ вашу статью съ величайшимъ интересомъ.

Я принимаю живѣйшее участіе въ несчастіи, постигшемъ бѣднаго Гейза.

Передайте отъ меня поклонъ г-жѣ Нелидовой, еели вы ее увидите, и примите съ своей стороны увѣреніе въ моей совершеннѣйшей преданности И. Тургеневъ.

VI.

Парижъ, rue de Rivoli, 210, 16 ноября 1862 г.

Выборъ, сдѣланный вами изъ моихъ произведеній, я нахожу превосходнымъ и повторяю еще разъ—предоставляю вамъ полную свободу въ этомъ отношеніи. Въ то-же время я позволю себѣ обратить ваше вниманіе на маленькій разсказъ, всего въ нѣсколько страницъ, включенный моимъ послѣднимъ издателемъ въ I-й томъ, въ «Записки охотника», и называющійся «Поѣздка въ Полѣсье». Онъ былъ переведенъ на французскій языкъ подъ заглавіемъ: «Deux journées dans les grands bois».

Что же касается той суммы, о которой вы пишете, то она будетъ выслана вамъ дня черезъ два или три всенепремѣнно.

Прошу васъ передать отъ меня поклонъ г. и г-жѣ Нелидовой и принять съ своей стороны увѣреніе въ моемъ совершенномъ расположеніи И. Тургеневъ.

Digitized by Google

VII.

Парижъ, rue de Rivoli, 210, 10 декабря 1862 г.

Тысячу разъ извиняюсь передъ вами въ томъ, что я такъ замедлилъ высылкою обѣщанныхъ 500 талеровъ. Причиною тому была масса непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. Но въ настоящее время они устранены и я пишу банкиру Ф. Майеру въ Баденѣ, чтобы онъ препроводилъ вамъ сказанную сумму. Вы получите ее дня черезъ два или три самое позднее — и будете столь любезны извѣстить меня о полученіи. Надѣюсь, вы напишете мнѣ также—какъ идетъ ваша работа и кое что о васъ самихъ, въ особенности. Я долженъ поблагодарить васъ за вашу милую посылку, которую я получилъ сегодня утромъ. Предвкушаю удовольствіе прочесть вашу книгу [1]).

Прошу васъ передать отъ меня поклонъ всему вашему семейству, г-жѣ Нелидовой и г. Гейзе; примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ расположеніи. И. Тургеневъ.

VIII.

Парижъ, rue de Rivoli, 210, 29 января 1863 г.

Я отправилъ къ вамъ рукопись, затерявшуюся такъ долго въ редакціи «Современника»; надѣюсь, что она дойдетъ до васъ цѣла и невредима. Не могу не сожалѣть о томъ, что столь добросовѣстный трудъ потерянъ для васъ и для публики—и вновь извиняюсь передъ вами отъ своего имени и отъ имени этихъ петербургскихъ господъ. Я надѣюсь, однако, что вы можете еще воспользоваться имъ.

Мнѣ было бы весьма пріятно получить отъ васъ какое-нибудь извѣстіе: въ послѣднемъ письмѣ вы жаловались на свое здоровье; но теперь, не правда ли, вы уже поправились?

Что касается меня, то я пробуду здѣсь еще до мая мѣсяца, затѣмъ вернусь въ Россію черезъ Мюнхенъ, гдѣ я, конечно, буду имѣть удовольствіе повидать васъ.

Ожидая отъ васъ хоть самаго коротенькаго отвѣта, прошу васъ, милостивый государь, принять увѣреніе въ совершенной моей преданности И. Тургеневъ.

---

[1]) Erzählungen von Friedrich Bodenstedt bei Rieger im München, изданные тѣмъ же самымъ издателемъ, какъ и переводы соч. Тургенева.

Digitized by Google

IX.

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277, 6 іюля 1863 г.

Съ грустью узналъ я о несчастномъ случаѣ, приключившемся съ вами и чуть не сдѣлавшемъ васъ калѣкою; надѣюсь, что теперь вы уже совсѣмъ оправились. Эта зима была тяжелая для васъ, и вы-бы прекрасно сдѣлали, пріѣхавъ отдохнуть сюда дней на десять: излишне было-бы говорить, что вы доставили бы этимъ большое удовольствіе всѣмъ вашимъ друзьямъ, живущимъ здѣсь. M-lle Штейнбахъ, съ которою я недавно познакомился, говорила мнѣ, что таково ваше намѣреніе; это прекрасная мысль, приведите ее въ исполненіе. Въ то-же время позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ просьбою, которая, надѣюсь, не будетъ вамъ непріятна. Вотъ въ чемъ дѣло. Мой добрый другъ, г-жа Віардо (знаменитая пѣвица), воспользовалась своимъ пребываніемъ въ Баденѣ, чтобы переложить на музыку—поистинѣ съ неподражаемымъ талантомъ—нѣсколько русскихъ стихотвореній, на которыя я ей указалъ (она занимается также изученіемъ нашего языка).

Музыкальное значеніе этихъ романсовъ такъ велико, что мы рѣшились издать ихъ въ видѣ альбома въ Карлсруэ, съ соотвѣтствующимъ русскимъ и нѣмецкимъ текстомъ.

Когда дѣло коснулось перевода, то, весьма естественно, я подумалъ о васъ,—самомъ превосходномъ и искусномъ изъ переводчиковъ.

Поэтому я обращаюсь къ вамъ съ просьбою принять участіе въ этомъ изданіи. Работа, какъ увидите, будетъ не особенно велика: альбомъ будетъ состоять изъ 6 стихотвореній Пушкина: «Заклинаніе», «Туча», «Цвѣтокъ», «Ночь», «На холмахъ Грузіи», «Для береговъ отчизны дальней» и изъ 5 стихотвореній Фета: «Топоръ», «Полуночные образы», «Тихая звѣздная ночь», «Залпъ», «Неподвижно», «Полно спать». Стихотворенія эти я при семъ прилагаю. Можетъ быть, вами уже переведены нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній Пушкина; это облегчитъ вашъ трудъ. Само собою разумѣется, что необходимо сохранить въ точности размѣръ оригинала, но вы преодолѣваете эти трудности шутя.

Взявъ на себя эту маленькую работу, вы сдѣлаете намъ настоящій подарокъ и мы будемъ очень рады выразить вамъ за это нашу признательность.

Будьте столь любезны отвѣтить мнѣ нѣсколько словъ и не сомнѣвайтесь въ моемъ всегдашнемъ расположеніи и уваженіи.

И. Тургеневъ.

Digitized by Google

X.

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277, 15 іюля 1863 г.

Возвратившись изъ маленькой двухдневной экскурсіи, я былъ пріятно изумленъ, найдя ваше письмо съ переводомъ пяти стихотвореній Пушкина. Г-жа Віардо поручила мнѣ передать вамъ ея признательность,—я-же съ своей стороны прошу васъ принять мою искреннюю благодарность за это новое доказательство вашей любезности. Само собою разумѣется, что переводъ вашъ превосходенъ; я пользуюсь только вашимъ позволеніемъ, чтобы указать вамъ на нѣкоторыя измѣненія, требуемыя музыкою.

Посылаю вамъ обратно, согласно вашему желанію, вашу рукопись и еще одно послѣднее стихотвореніе Фета, такъ что ихъ будетъ всего двѣнадцать. Г-жа Віардо избрала стихотворенія Фета не потому, что она считаетъ его великимъ поэтомъ, но его стихотворенія имѣютъ новые размѣры, весьма удобные для музыки.

Мы доставили вамъ, любезный г. Боденштедтъ, много хлопотъ, тогда какъ въ настоящее время вамъ слѣдовало бы думать лишь о своемъ здоровьи! Но меня ободряетъ мысль, что вы дѣлаете подобные переводы шутя. Я выписалъ одинъ экземпляръ вашихъ переводовъ Пушкина, и если «Туча» и «Ночная мгла» тамъ лучше переведены, то мы возьмемъ ихъ. Но я сомнѣваюсь въ этомъ, ибо переводъ, присланный вами, превосходенъ.

Еще разъ премного благодарю васъ; до свиданія въ Баденѣ. Кланяйтесь всѣмъ вашимъ и будьте увѣрены въ моемъ искреннемъ расположеніи И. Тургеневъ.

XI.

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277, 17 іюля 1863 г.

Начинаю снова съ благодарности за вашу любезность и перехожу къ замѣчаніямъ, которыя на этотъ разъ будутъ нѣсколько многочисленнѣе.

№ 1. (Flüstern H.).

Ст. 5. «Nächtlich Licht» — тутъ двѣ ноты слѣдуютъ быстро одна за другою—поэтому вышло бы lichlich [1]).

[1]) Это слово не имѣетъ по-нѣмецки никакого смысла. Ф. Б.

Digitized by Google

Второй варіантъ послѣднихъ 4 стиховъ хорошъ, но такъ какъ фраза останавливается послѣ: «und es glüht im Hag»,—то слѣдуетъ замѣнить 11-й стихъ чѣмъ-нибудь въ родѣ:

„Wollusthränen, süsses Kosen".

№ 2. (Stillehelle Sternennacht).

Размѣръ оригинала иной. Я позволю себѣ послать вамъ слѣдующій monstre:

— ⏑ — ⏑ — „Ruhige, heilige Nacht,
Dämmerig scheinet der Mond;
Süss sind die Lippen der Frau
Während der ruhigen Nacht.
Freundin, im Dunkel der Nacht
Wie könnt ich traurig noch sein —
Du bist so hell wie das Licht
Während der ruhigen Nacht!
Freundin, die Sterne sind schön
Und auch die Trauer ist süss,
Du bist das Theuerste mir
In der so heiligen Nacht".

Второй и третій куплеты должны начинаться словомъ: «Freundin», или какимъ-нибудь другимъ однозвучнымъ съ нимъ словомъ.

№ 3. (Ich starrte und stand).

Ст. 3 и 4 — должны быть переданы приблизительно такъ:

Und da zwischen mir und den Sternen
Sich wob ein vertrauliches Band.

Ст. 7 и 8.—Музыкальная фраза тянется до окончанія 7 стиха, поэтому слѣдуетъ сказать приблизительно такъ:

Leis bebten die goldenen Sterne...
Nun lieb ich sie mehr als zuvor.

№ 5. (Mitternächtige Bilder).

И здѣсь также размѣръ оригинала иной. Онъ таковъ: ⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑. Вотъ monstre:

Mitternächtige Bilder erscheinen,
Funkeln hell in der schaurigen Nacht,
Doch mein Auge versteht nicht zu weinen,
Kann nicht fassen die schreckliche Pracht.

Digitized by Google

№ 6. («Aus fernem Land» Пушкина).

Ст. 2.—Trieb Heimweh dich—трудно выговорить, ибо тутъ 4 ноты весьма быстрыя.—То же самое замѣчаніе относится и къ

Ст. 13.—Du sprachest: bald küss—тутъ слѣдовало-бы что нибудь въ родѣ:

„Du hübest an".

Ст. 14.—Музыкальное удареніе приходится на schattigen, что совершенно невозможно.

Ст. 21.—Сдѣланное уже замѣчаніе примѣнимо и къ

„So schwand dein Reiz".

Ст. 22.—Удареніе падаетъ на: wie—это не годится. Музыкальная фраза останавливается послѣ «den du mir» — что измѣняетъ смыслъ стиха. Вотъ monstre послѣднихъ 4-хъ стиховъ:

So wundersam, so hingegeben
War nimmer jener schöne Kuss —
Zum Wiedersehen hatt ich das Leben—
Es ist genug — — das ist Genuss.

Какъ видите, любезный г. Боденштедтъ, музыка имѣетъ свои настоятельныя требованія и я сожалѣю о томъ, что не посылалъ вамъ своихъ «monstres» въ первомъ же письмѣ: это избавило бы васъ отъ двойной работы. Прошу васъ извинить меня за это и разсчитываю на ваше снисхожденіе и на легкость, съ которою вы преодолѣваете всякія трудности. (Переводъ сонетовъ Шекспира составляетъ для меня nec plus ultra въ своемъ родѣ).

Надѣюсь, что выздоровленіе ваше идетъ успѣшно и что вы пріѣдете сюда вполнѣ здоровый и бодрый. Весьма возможно, что я ошибся относительно фамиліи m-lle Штейнбахъ; во всякомъ случаѣ, это особа—пріѣхавшая изъ Мюнхена, которая знаетъ васъ хорошо и которую я встрѣтилъ здѣсь у г-жи Шуманъ. Г-жа Зебахъ (актриса) также находится здѣсь — это весьма милая личность. Въ Баденѣ находится цѣлая артистическая колонія — и вы были бы, разумѣется, для нея желаннымъ гостемъ. Кстати, собственникъ берлинскихъ «Deutsche Jahrbücher», Оппенгеймъ, говорилъ мнѣ, что онъ былъ бы очень радъ помѣстить въ одномъ изъ №№ своего журнала статью, написанную вами по поводу полнаго собранія вашихъ сочиненій (Meine Gesammtwerke). Будете-ли вы на это согласны? Желаю вамъ всего хорошаго. Сердечно преданный И. Тургеневъ.

Digitized by Google

XII.

Четвергъ, 23 іюля 1863 г., Гейдельбергъ.

Пишу вамъ отсюда, куда я пріѣхалъ съ цѣлью посовѣтываться съ докторомъ: сегодня же возвращаюсь въ Баденъ. Я получилъ ваши поправки и варіанты—и не знаю, какъ благодарить васъ. Все превосходно, остается передѣлать самую бездѣлицу и въ этомъ снова виноватъ я: мнѣ слѣдовало-бы сказать вамъ, что въ «Die Nacht» 5-й стихъ Von dir повторяется дважды, такъ что смыслъ долженъ заканчиваться этими словами. Переписываю вамъ все стихотвореніе:

Die Töne die sich lieb und sehnsuchtsvoll dir neigen,
Durchdröhnen spät der Hacht geheimnisvolles Schweigen.
Mein Licht glimmt neben mir, ein trauriger Gesell
Der Nacht; und voll von dir, rauscht hell mein Liederquell
Von dir, von dir allein! Ich seh'durch's nächt'ge Dunkel
Von mir dein Auge glüht mit liebendem Gefunkel;
Es lächelt freundlich mir und selig klingt's dazu:
Mein Freund, mein lieber Freund, mein Glück... mein All bist du!

Слѣдовало-бы сказать (еще monstre):

„Von dir, von dir allein in liebetrunknen Vogen,
„Vor mir dein Auge glüht durch dunkle Nacht gezogen".

Сдѣлавъ это маленькое измѣненіе, вы покончите трудъ, принятый на себя съ такою любезностью и исполненный вами такъ быстро и талантливо. Само собою разумѣется, что лишь только альбомъ будетъ изданъ, вы получите одинъ экземпляръ онаго прежде всѣхъ другихъ. Г-жа Віардо и я надѣемся лично поблагодарить васъ въ Баденѣ, такъ какъ я полагаю, что здоровье не будетъ вамъ помѣхою къ этой поѣздкѣ. Еще разъ—желаю вамъ всего хорошаго И. Тургеневъ.

XIII.

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277, 13-го августа 1863 г.

Мой дорогой другъ (вы мнѣ позволите писать вамъ для большаго удобства по французски), вы прожили здѣсь больше времени, нежели разсчитывали, и, однако, вы уѣхали такъ неожиданно, что я не имѣлъ времени пожать вамъ руку и переговорить о нашемъ дѣлѣ. Поэтому я дѣлаю это письменно. Вы мнѣ говорили, что вы желали бы имѣть біографическую обо мнѣ замѣтку и затѣмъ полномочіе или, вѣрнѣе, разрѣшеніе перевести ее. Разрѣшеніе это я дамъ вамъ полнѣйшее,

Digitized by Google

какое только возможно, и если потребуется облечь его въ легальную форму для издателя, я вамъ буду очень благодаренъ, если вы пришлете записочку, которую я подпишу не читая, прося васъ, во всякомъ случаѣ, быть настолько справедливымъ (не разобрано).

Біографическая замѣтка потребуетъ немного больше времени, такъ какъ жизнь моя не богата событіями. Я родился въ г. Орлѣ, въ 1818 г., учился я въ Москвѣ, потомъ (не разобрано), потомъ въ Берлинѣ съ 1835 по 1841 гг. Я написалъ мою первую книгу въ 1843 г. — это была очень плохая маленькая поэма. Я былъ сосланъ въ мои помѣстья въ 1852—1853 гг.,—и вотъ почти все; но если вы желаете имѣть краткій обзоръ моей литературной дѣятельности, то мнѣ необходимо для этого два или три дня времени.

Вы мнѣ также не сказали—какія именно мои произведенія войдутъ въ первый выпускаемый вами томъ. Будьте любезны, сообщите мнѣ заглавія—и я вамъ немедленно перешлю нумера страницъ французскаго перевода, гдѣ находятся сдѣланныя мною небольшія прибавленія и исправленія текста. Въ то же время я посылаю вамъ два листа Shustine и мою фотографическую карточку, которую прошу сохранить въ воспоминаніе о дняхъ, проведенныхъ вами въ Баденѣ. Вы были бы очень любезны, если-бъ вы, съ своей стороны, прислали мнѣ и свою карточку. Віардо мнѣ сообщила, что вы пробудете въ Фульдѣ только одинъ день; увѣдомьте меня—куда вы поѣдете оттуда. Потрудитесь сообщить мнѣ также—кто тотъ издатель, къ которому вы обратились?

Мы не переговорили также съ вами о статьѣ, которую просилъ Оппенгеймъ для журнала. Не желаете-ли вы, чтобы я написалъ ему, чтобы онъ точно опредѣлилъ объемъ статьи и гонораръ, который онъ разсчитываетъ дать.

Примите увѣренія въ моихъ истинно дружескихъ чувствахъ, преданный вамъ И. Тургеневъ.

XIV.

Баденъ, Schillerstrasse, 277, 8-го октября 1863 г.

Я много виноватъ передъ вами и этотъ разъ также еще не высылаю вамъ обѣщанный маленькій эскизъ, но даю вамъ слово, что вы получите его въ теченіи недѣли. Я прибѣгаю вновь къ вашей неистощимой любезности. Надобно перевести еще одно маленькое стихотвореніе—на этотъ разъ мое собственное произведеніе, что еще

Digitized by Google

болѣе необычайно. Я сочинилъ эти 4 маленькіе, довольно незначительные, куплета, слушая пѣніе синицы, и г-жа Віардо написала къ нимъ прелестную музыку, поэтому я обращаюсь къ вамъ, умоляя васъ извинить меня за мою нескромность и за ничтожность того произведенія, надъ которымъ вамъ придется трудиться. Вотъ стихотвореніе, о которомъ я говорю:

СИНИЦА (die Meise).

Слышу я: звенитъ синица
Средь желтѣющихъ вѣтвей;
Здравствуй, маленькая птица,
Вѣстница осеннихъ дней!

***

Хоть грозитъ онъ намъ ненастьемъ,
Хоть зимы онъ намъ пророкъ—
Дышетъ благодатнымъ счастьемъ
Твой веселья голосокъ.

***

Въ пѣсенкѣ твоей привѣтной
Слухъ плѣненъ ужели-жъ мой
Лишь природы безотвѣтной
Равнодушною игрой?

***

Иль безпечно распѣваетъ
И въ тебѣ охота жить
Та, что людямъ помогаетъ
Смерть и жизнь переносить?

Я съ грустью услыхалъ, что палецъ все еще причиняетъ вамъ страданіе; какой несчастный случай! Надѣюсь, что онъ придетъ, наконецъ, въ нормальное состояніе. До скораго свиданія; примите заранѣе вмѣстѣ съ моей благодарностью и мой дружескій привѣтъ И. Тургеневъ.

XV.

Спб. Hôtel de France, суббота, 25-го янв. и 6-го февр. 1864 г.

Только что получилъ я ваше письмо, многоуважаемый другъ мой, и спѣшу выразить вамъ мою живѣйшую благодарность. Переводы прекрасны — это само собой разумѣется, ибо они ваши. Объ этомъ и здѣсь всѣ говорятъ въ одинъ голосъ. Вы пріѣдете во-время, такъ какъ ихъ начали печатать, и это пойдетъ теперь быстро. Я намѣренъ

Digitized by Google

покинуть Петербургъ, самое бо́льшее, недѣли черезъ четыре—и къ этому времени все должно быть готово. Мое quasi-политическое дѣло въ сенатѣ (вы, вѣроятно, слыхали о немъ) приняло быстрый и благопріятный оборотъ: это была, въ сущности, одна формальность, впрочемъ, неизбѣжная. Въ этомъ отношеніи, а равно и въ нѣкоторыхъ другихъ, я весьма доволенъ моей поѣздкой. Я ѣду теперь въ Парижъ и останусь тамъ до весны, затѣмъ отправлюсь въ Баденъ и теперь уже радуюсь вашему посѣщенію, которое будетъ, надѣюсь, болѣе продолжительно, нежели въ прошломъ году. Я охотно переговорю съ здѣшними книгопродавцами по поводу переводнаго дѣла и сообщу вамъ о результатѣ. Вы пишете мнѣ о хлопотахъ, которыя вамъ пришлось имѣть, но ничего не говорите о своемъ здоровьи. Я считаю это умалчиваніе хорошимъ знакомъ и надѣюсь, что вы не страдаете, по крайней мѣрѣ, физически. Моя боль въ ногѣ (имѣвшая, вѣроятно, подагрическій характеръ) прошла, и я чувствую себя вообще хорошо. Только погода стоитъ здѣсь очень дурная—вы думаете, можетъ быть, что у насъ холодно? Нѣтъ, сыро и туманно. Кланяйтесь усердно г-жѣ Нелидовой и Гейзе и примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи. Преданный вамъ И. Тургеневъ.

XVI.

Баденъ-Баденъ. Schillerstrasse, 277. Среда, 16-го марта 1864 г.

Вотъ уже четыре дня, какъ я возвратился изъ Петербурга въ Баденъ—и отъ сего числа черезъ два дня отправляюсь въ Парижъ, гдѣ я намѣренъ остаться до конца апрѣля. Я привезъ съ собою нѣсколько альбомовъ г-жи Віардо и съ особеннымъ удовольствіемъ посылаю вамъ одинъ изъ нихъ. Замѣчательное изящество и точность перевода подмѣчены всѣми.

Покуда напечатано всего 12 романсовъ; остальные три оставлены для слѣдующаго альбома, который, надобно думать, будетъ изданъ будущую зиму. Я разсчитываю возвратиться въ Баденъ въ концѣ апрѣля, и надѣюсь, что вы сдержите свое обѣщаніе и что мы свидимся съ вами въ нашей прелестной странѣ. Если, при всей тревогѣ и безпокойствахъ, которыя вы испытываете, вѣроятно, въ Мюнхенѣ, вы имѣете время подумать обо мнѣ, то съ вашей стороны будетъ весьма любезно написать мнѣ хоть парочку словъ по слѣдующему адресу: Paris, rue de Rivoli, 210. Въ то-же время я попрошу васъ сказать мнѣ откровенно, безъ малѣйшаго стѣсненія, которое не должно имѣть мѣсто при столь добрыхъ отношеніяхъ, каковыя существуютъ

Digitized by Google

между нами, какой гонораръ желаете вы получить за ваше солидное сотрудничество въ альбомѣ, изданномъ нами? Я немедленно вышлю вамъ слѣдуемую сумму, а покуда дружески жму вашу руку и прошу васъ принять изъявленіе моей преданности И. Тургеневъ.

XVII.

Баденъ-Баденъ. Schillerstrasse, 277, 13-го іюня 1864 г.

Любезный другъ, сейчасъ получилъ письмо отъ г-жи Нелидовой изъ Киссингена: она много пишетъ мнѣ о васъ и, между прочимъ, о вашемъ намѣреніи перевести мое послѣднее произведеньице «Призраки». Я былъ весьма радъ узнать, наконецъ, что нибудь о васъ, такъ какъ я не получалъ отвѣта на мое послѣднее письмо и не знаю даже получили-ли вы изданный мною альбомъ г-жи Віардо; я отправилъ одинъ экземпляръ его въ Мюнхенъ тотчасъ по возвращеніи моемъ изъ Россіи. Сообщите мнѣ, что у васъ дѣлается и какъ ваше здоровье. Я снова поселился здѣсь на старой квартирѣ, гдѣ имѣлъ удовольствіе видѣть васъ—и для меня было бы истинное удовольствіе еще разъ привѣтствовать васъ здѣсь въ Баденѣ лѣтомъ. Пріѣзжайте, хотя бы на нѣсколько дней! Здѣсь такъ хорошо такъ прохладно и покойно! Въ надеждѣ вскорѣ получить отъ васъ отвѣтъ, прошу васъ принять мой привѣтъ. Преданный вамъ И. Тургеневъ.

XVIII.

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277. Понедѣльникъ, 27-го іюня 1864 г.

Только что получилъ ваше письмо и приложенный къ нему пакетъ—и приношу вамъ мою искреннюю благодарность. Книгу я отнесъ немедленно г-жѣ Віардо, которая будетъ сама писать вамъ. Переводъ прочелъ и нашелъ его, какъ и слѣдовало ожидать, превосходнымъ, шрифтъ и бумага также весьма понравились мнѣ; что же касается шекспировскаго общества, которому я, какъ ярый шекспиріанецъ, желаю полнаго преуспѣянія, то вы усмотрите изъ прилагаемой при семъ квитанціи, что моя симпатія къ нему не можетъ быть названа пассивною; я и впредь буду пещись о немъ. Одинъ экземпляръ альбома отправляется съ сегодняшнею почтою и я не сомнѣваюсь въ томъ, что вы возьмете его подъ свое покровительство.

«Ракита» то-же что «Ива», Weide, по франц. «Saule».

Digitized by Google

Пришлите мнѣ, пожалуйста, списокъ всѣхъ сколько нибудь сомнительныхъ словъ. Я отвѣчу немедленно. Я могу также сообщить вамъ, какъ издателю шекспировскаго ежегодника, нѣкоторыя подробности о шекспировскомъ празднествѣ въ Россіи. Итакъ, до сихъ поръ все идетъ благополучно; но хуже всего ваше болѣзненное состояніе. Эти упорныя головныя боли должны быть сущимъ мученіемъ! Можетъ быть, для васъ было бы всего лучше, если бы вы могли удѣлить себѣ съ мѣсяцъ полнаго отдыха, перемѣнивъ въ то-же время и мѣстожительство—и не занимаясь даже въ это время корреспонденціей. Если бы вы на это рѣшились, то я былъ бы очень радъ, если бы выборъ палъ на Баденъ. Насколько мнѣ помнится, въ прошломъ году вы чувствовали себя тутъ вполнѣ хорошо.

Въ надеждѣ увидѣться съ вами здѣсь, дружески жму вашу руку и желаю вамъ и вашему семейству всего хорошаго И. Тургеневъ.

XIX.

Баденъ-Баденъ. Schillerstrasse, 277, 12-го іюля 1864 г.

Согласно вашему желанію, посылаю вамъ обратно ваше предисловіе, въ которомъ есть только одинъ недостатокъ, а именно, что въ немъ высказано слишкомъ много похвалы. Я приписываю это вашему дружескому расположенію и могу только благодарить за него.

Можетъ быть, вы могли бы прибавить еще, что я провелъ 1852 и 1853 гг. въ изгнаніи, впрочемъ, не особенно тягостномъ, которое я навлекъ на себя, повидимому, статьею, написанною на смерть Гоголя, а въ сущности изданіемъ моихъ «Записокъ охотника». Изгнанію этому былъ положенъ конецъ по ходатайству тогдашняго наслѣдника (нынѣ царствующаго императора). Бо́льшая часть этихъ очерковъ написана мною за границею—въ Парижѣ, въ теченіи 1847—1849 гг., поэтому они отзываютъ грустью, такъ какъ я долгое время боролся самъ съ собою относительно того—поселиться-ли мнѣ навсегда за границей или нѣтъ, чего, къ счастію, я не сдѣлалъ. Еще разъ большое вамъ спасибо; дружески жму вашу руку.

Листы «Постоялаго двора» я получилъ—и по обыкновенію подивился мастерскому переводу. Не забудьте, что я къ вашимъ услугамъ относительно нѣкоторыхъ непонятныхъ словъ въ «Призракахъ».

Съ совершеннымъ расположеніемъ вашъ И. Тургеневъ.

Digitized by Google

XX.

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277, 1 августа 1864 г.

Тысячу разъ спасибо, многоуважаемый другъ мой, за рукопись. Сегодня я прочту ее еще разъ вмѣстѣ съ г-жею Віардо и завтра или, самое позднее, послѣ завтра отправлю къ вамъ мои замѣчанія, коихъ будетъ весьма ограниченное число, ибо переводъ, по обыкновенію, превосходенъ. Сегодня я очень спѣшу, поэтому ограничусь изъявленіемъ моей живѣйшей признательности. Съ истиннымъ почтеніемъ преданный вамъ Тургеневъ.

XXI.

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277, 18 окт. 1864 г.

Давно уже слѣдовало бы мнѣ отвѣтить на ваше письмо отъ 4-го числа, но теперь самый разгаръ охотничьяго сезона и это служитъ мнѣ, до нѣкоторой степени, извиненіемъ. Одновременно съ письмомъ я получилъ экземпляръ «Призраковъ». Что касается перевода, то мнѣ не къ чему говорить, что я даю вамъ всегда полную «carte blanche», что мои поправки касаются смысла, а отнюдь не изложенія, и что я предоставляю вамъ въ этомъ случаѣ полнѣйшую свободу. Книгопродавецъ выслалъ мнѣ нѣсколько экземпляровъ, за что я благодарю васъ и его. Меня поистинѣ огорчаетъ до глубины души, что здоровье ваше все еще такъ плохо. Вотъ увидите, вы еще надумаетесь переселиться въ Баденъ, такъ какъ здѣшній воздухъ, повидимому, дѣйствуетъ на васъ благотворно.

Ни одинъ человѣкъ не порадуется этому рѣшенію такъ искренно, какъ я. Г-жа Віардо кланяется вамъ, я же дружески жму вашу руку и съ самымъ искреннимъ пожеланіемъ вамъ всего хорошаго остаюсь преданный вамъ И. Тургеневъ.

XXII.

Парижъ, 24 ноября 1864 г.

Я пріѣхалъ сюда всего нѣсколько дней тому назадъ, многоуважаемый другъ мой, и въ началѣ будущей недѣли возвращаюсь уже обратно въ Баденъ; теперь же я хочу только поблагодарить васъ за присланную, весьма лестную, рецензію и вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ, будьте столь добры, увѣдомьте меня, изъ чего будетъ состоять 2-й

Digitized by Google

томъ—вы говорили мнѣ только о «Призракахъ». Мнѣ хотѣлось бы это знать.

Какъ ваше здоровье? Неужели оно до сихъ поръ не поправляется? Вы должны пріѣхать въ Баденъ и основательно отдохнуть тамъ. Я надѣюсь получить отъ васъ отвѣтъ нѣсколько строкъ въ Баденъ-Баденѣ и наскоро отъ души жму вашу руку. Возвратилась ли г-жа Нелидова въ Мюнхенъ? Преданный вамъ И. Тургеневъ.

XXIII.

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277, пятница, 23 декабря 1864 г.

Безпрестанныя поѣздки на охоту мѣшали мнѣ до сихъ поръ отвѣтить немедленно на ваше письмо, многоуважаемый другъ мой. Успѣхъ нашего перваго тома, который я приписываю, разумѣется, вашему поэтическому переводу, весьма порадовалъ меня и выборъ разсказовъ, которые составятъ второй томъ, кажется мнѣ вполнѣ удачнымъ. Поэтому смѣло пускайте его въ ходъ: съ такимъ кормчимъ, какъ вы, онъ не можетъ потерпѣть крушенія.

Плохое состояніе вашего здоровья причиняетъ мнѣ много заботъ; я начинаю думать, что климатъ Мюнхена не особенно благопріятенъ для васъ. Быть можетъ, въ этой мысли есть своя доля эгоизма, такъ какъ я снова повторяю старую пѣсню «prenez mon ours», пріѣзжайте въ Баденъ. Попробуйте сначала пріѣхать сюда на нѣсколько недѣль; вамъ не придется жить на два дома, ибо, само собою разумѣется, вы остановитесь у меня, и тогда увидите, насколько это будетъ для васъ полезно. Подобныя нервныя головныя боли зависятъ, болѣе нежели всякая иная болѣзнь, отъ качества воздуха, воды и т. п. Подумайте объ этомъ и будьте увѣрены, что я говорю совершенно искренно, увѣряя васъ, что я съ радостью предлагаю вамъ остановиться у меня.

Передайте мой усердный поклонъ г-жѣ Нелидовой и прочимъ хорошимъ знакомымъ и примите мои искреннія пожеланія къ новому году. Дружески жму вашу руку преданный вамъ И. Тургеневъ.

XXIV.

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277, вторникъ, 7 марта 1865 г.

Только что возвратился изъ маленькой поѣздки и засталъ ваше письмо и № Кельнской газеты. Меня очень радуетъ, что вашъ трудъ оцѣненъ по достоинству, и я надѣюсь, что 2-й томъ, о которомъ вы мнѣ пишете, будетъ принятъ также благосклонно, благо первый шагъ сдѣланъ.

Digitized by Google

Что касается вашего желанія, то я вполнѣ готовъ исполнить его и долженъ только просить у васъ извиненія въ томъ, что могу въ настоящее время выслать вамъ лишь половину этой суммы. Я только что выдалъ въ Парижѣ замужъ мою дочь (за Гастона Брюэра) и это обстоятельство опорожнило мой кошелекъ почти до дна. Остальную половину денегъ я вышлю, по возможности, въ самомъ непродолжительномъ времени.

Искренно сожалѣю о томъ, что вы такъ давно не имѣете покоя: плохое дѣло, когда болѣзнь поселится въ домѣ. Будемъ надѣяться, что весна принесетъ вамъ облегченіе и возстановитъ ваше здоровье; пріѣзжайте, какъ вы обѣщали, въ Баденъ, гдѣ климатъ, очевидно, для васъ весьма полезенъ.

Г-жа Віардо, которая, между прочимъ, посылаетъ вамъ дружескій привѣтъ, сочинила вторую тетрадь, состоящую также изъ 12 русскихъ пѣсенъ, изъ коихъ шесть не переведены. Не будетъ ли съ моей стороны слишкомъ большимъ посягательствомъ на вашу любезность, если я снова прибѣгну къ вамъ въ этомъ случаѣ. Только легкость, съ какою вы исполняете подобныя работы, какъ бы играючи, даетъ мнѣ смѣлость утруждать васъ этою просьбою. Но вы должны сказать мнѣ совершенно откровенно, не будетъ ли эта работа въ настоящее время въ ущербъ вашему здоровью.

Передайте мой усердный поклонъ г-жѣ Нелидовой, если она находится еще въ Мюнхенѣ, и примите увѣреніе въ совершенномъ расположеніи преданнаго вамъ И. Тургенева.

XXV.

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277, 2 апрѣля 1865 г.

Премного благодаренъ вамъ за ваши добрыя пожеланія относительно моей дочери и меня самого. Я имѣю полное основаніе быть довольнымъ этимъ бракомъ: мой зять весьма любезный, основательный и хорошій человѣкъ; эти три качества, вмѣстѣ взятыя, встрѣчаются у французовъ весьма рѣдко.

Ваша росписочка написана вполнѣ правильно, остальныя деньги будутъ высланы по возможности скоро.

Такъ какъ вы весьма обязательно изъявили готовность взяться за переводъ романсовъ и т. п., то я высылаю вамъ текстъ, съ нѣкоторыми примѣчаніями. № 1, 2, 3, всѣ 3 перевода удобны для пѣнія; только № 3 нѣсколько грубъ и шероховатъ.

№ 4 и 5. Стихотворенія эти могутъ быть безъ риемъ; въ № 5

Digitized by Google

только во второмъ и четвертомъ стихѣ долженъ быть соблюденъ размѣръ.

№ 4: ⏑ – ⏑ – ⏑ – № 5: – ⏑ ⏑ – ⏑ ⏑ –

№ 7 я не выписалъ цѣликомъ, такъ какъ это извѣстная «Буря», которую вы легко отыщете въ своемъ Пушкинѣ; но если бы этой книги у васъ не оказалось, то черкните словечко и я пришлю вамъ это стихотвореніе.

№ 8 выписанъ по ошибкѣ, но мы имѣемъ уже вашъ превосходный переводъ. № 9 также переведенъ уже вами и, равнымъ образомъ, вполнѣ хорошо—только размѣръ не соблюденъ въ точности, поэтому ради требованій музыки его необходимо измѣнить, напр.:

Ру - сал - ка плыла по рѣ - кѣ го - лу - бой—11 слоговъ.
Die Was-ser maid schwamm auf der blauen Flut—10 слоговъ.
Озаряема полной луной—9 слоговъ.
Des Stromes in Mondesgluth (7 слоговъ).

Излишне было бы говорить, что вы можете дѣлать эту работу à loisir, отнюдь не утомляясь и не спѣша; мы считаемъ этотъ трудъ большою любезностью съ вашей стороны и ни подъ какимъ видомъ не желали бы обременять васъ.

Кланяйтесь г-жѣ Нелидовой и скажите ей, что мнѣ было бы весьма пріятно увидѣться съ нею въ Баденѣ: я пробуду здѣсь долѣе, нежели предполагалъ, а именно до 10 мая. Затѣмъ отправлюсь въ Россію—надѣюсь, однако, вернуться 1 іюля и навѣрно увижусь тогда съ вами у себя въ Баденѣ, не такъ ли?

Отъ души жму вашу руку и остаюсь по прежнему дружески расположенный и преданный вамъ И. Тургеневъ.

P. S. Когда появится 2-я часть? [1]).

XXVI.

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277, 26 апрѣля 1865 г.

Вмѣстѣ съ симъ вы получите тѣ два стихотворенія, о которыхъ я говорилъ вамъ, и такъ какъ я выѣзжаю отсюда въ Россію лишь 8 мая, то надѣюсь вы улучите свободную минутку для перевода ихъ. За сообщенныя стихотворенія приношу вамъ величайшую благодарность—все превосходно. Мнѣ было бы весьма пріятно получить до моего отъѣзда пробные листы «Призраковъ». Я бы отослалъ ихъ обратно въ назначенный срокъ. Я не теряю надежду увидѣться еще

[1]) Этотъ вопросъ относится ко 2-й части изданныхъ у Ригера „Разсказовъ“. Ф. Б.

Digitized by Google

съ вами нынѣшнимъ лѣтомъ въ Баденѣ: на это разсчитываютъ всѣ ваши здѣшніе друзья.

Тысячу поклоновъ и пожеланій отъ преданнаго вамъ И. Тургенева.

XXVII.

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277, 8 мая 1865 г.

Тысячу разъ благодарю васъ за переводъ и за пробные листы—все превосходно и не можетъ быть лучше. Одинъ только стихъ въ «Бурѣ» долженъ быть измѣненъ ради требованій музыки. А именно, нельзя сказать:

Weint bald wie—kleines Kind; нельзя ли это измѣнить такъ:

Wimmert bald—als wie ein Kind? Скажите пожалуйста: да—или пришлите новый вариантъ.

Мой отъѣздъ въ Петербургъ назначенъ 15 сего мѣсяца, слѣдовательно черезъ недѣлю. Я разсчитываю пробыть въ отсутствіи не болѣе 6 недѣль и въ іюлѣ ожидаю васъ въ Баденъ.

Мнѣ было бы весьма пріятно провести нѣсколько дней съ г-жею Нелидовой и я надѣюсь, что намъ удастся встрѣтиться съ нею въ Тегернзе или гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ. Г-жа Віардо шлетъ вамъ дружескій привѣтъ; я же отъ всего сердца жму вашу руку. Преданный вамъ И. Тургеневъ.

XXVIII.

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277, суббота, 5 авг. 1865 г.

Дней съ десять тому назадъ я вернулся изъ Россіи; хотѣлось бы знать какъ ваше здоровье, что вы подѣлываете, чѣмъ заняты и имѣете ли вы, попрежнему, намѣреніе пріѣхать въ Баденъ, что безконечно порадуетъ насъ. Напишите-же мнѣ нѣсколько строкъ. Я остаюсь здѣсь до слѣдующей весны и желалъ бы только съѣздить на будущей недѣлѣ, на короткое время, во Францію, навѣстить мою замужнюю дочь. Надѣюсь, что вы и ваша семья пользуетесь добрымъ здоровьемъ, и дружески жму вашу руку. До скораго свиданья, не правда ли? И. Тургеневъ.

Digitized by Google

XXIX.

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277, 13 сент. 1865 г.

Я краснѣю, взглянувъ на число, коимъ помѣчено ваше письмо изъ Роттаха (8 августа), и подумавъ, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ вамъ—и даже не поблагодарилъ васъ еще за присылку пробныхъ листовъ съ прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ переводомъ «Первой любви». Извиненіемъ—во всякомъ случаѣ весьма недостаточнымъ—служитъ мнѣ то обстоятельство, что я провожу все время на охотѣ, которая находится теперь въ полномъ разгарѣ. Не знаю даже, застанетъ ли васъ мое письмо въ Роттахѣ и поэтому медлю отсылкою 2-го альбома пѣсенъ. Увѣдомьте меня, пожалуйста, хотя парою словъ о вашемъ теперешнемъ мѣстопребываніи. Къ сожалѣнію, я не могу покинуть Бадена, но не теряю надежды, что вы все таки сдержите свое обѣщаніе и проведете въ нашемъ прелестномъ городкѣ нѣсколько остающихся еще чудныхъ, осеннихъ дней, что вы порадуете этимъ всѣхъ насъ и не должны лишать меня удовольствія принять васъ въ моемъ домѣ, разумѣется само собою. Итакъ — ожидаю отъ васъ въ самомъ скоромъ времени нѣсколькихъ строкъ, хотя я и не заслужилъ этой акуратности; примите дружеское рукопожатіе отъ преданнаго вамъ И. Тургенева.

XXX.

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277, воскресенье, 22 окт. 1865 г.

Возвратились ли вы уже изъ Веймарна и какъ ваше здоровье? Подайте хоть признакъ жизни. Я писалъ вамъ въ Роттахъ, полагаю также, что мое письмо застало васъ тамъ, такъ какъ я получилъ отъ васъ вскорѣ рецензію о моихъ произведеніяхъ, но я желалъ бы знать о васъ что либо болѣе опредѣленное. Справедливъ ли слухъ о должности, которую вы будто бы желаете занять при придворномъ театрѣ въ Мюнхенѣ? Это было бы мѣсто вполнѣ подходящее для васъ—занимая его, вы могли бы принести много пользы. Я долженъ еще выслать вамъ 2-й альбомъ г-жи Віардо, и мнѣ хотѣлось бы также знать въ какомъ положеніи 2-я часть нашихъ переводовъ, напишите объ этомъ пару словъ. Кланяйтесь г-жѣ Нелидовой и Гейзе и примите искреннее рукопожатіе отъ преданнаго вамъ И. Тургенева.

Digitized by Google

XXXI.

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 277, пятница, 17 ноября 1865 г.

Я выслалъ вамъ, наконецъ, вчера альбомъ г-жи Віардо—въ то-же время прошу васъ поблагодарить отъ моего имени вашего издателя за присылку 4 оставшихся экземпляровъ (Freiexemplare). Переводъ—нужно ли повторять это еще разъ—сдѣланъ мастерски, въ особенности «Первая Любовь»—настоящая саро d'opera, и я не могу въ достаточной мѣрѣ высказать вамъ свое восхищеніе.

Въ настоящее время, по всей вѣроятности, вы чрезвычайно заняты—какъ же ваше здоровье? черкните объ этомъ словечко. Быть можетъ, въ теченіи зимы я пріѣду на недѣльку въ Мюнхенъ. Какъ я буду радъ повидать васъ!

Передайте мой усердный поклонъ г-жѣ Нелидовой и Гейзе. Утверждено ли за вами мѣсто при придворномъ театрѣ? Я долженъ обратить ваше вниманіе на одну ошибку въ альбомѣ, которая для меня весьма непріятна—но, къ сожалѣнію, можетъ быть исправлена только въ послѣдующихъ экземплярахъ—я говорю о переводѣ «Безсонницы»; вы сдѣлали нѣкоторыя измѣненія въ моемъ варіантѣ, которыя я счелъ себя обязаннымъ выслать петербургскому издателю—онъ же передѣлалъ его proprio sensu—и теперь это мѣсто можно будетъ исправить лишь впослѣдствіи. Къ сожалѣнію, вамъ приходится покрывать мой дурной товаръ вашимъ хорошимъ. Г-жа Віардо отправилась въ Берлинъ, гдѣ она пробудетъ около 6 недѣль—но передъ отъѣздомъ поручила мнѣ передать вамъ ея привѣтъ. Жму вашу руку и остаюсь преданный вамъ И. Тургеневъ.

Сообщ. 21 марта (2 апрѣля) 1887 г. Фридрихъ Боденштедтъ.

Перев. В. В. Тимощукъ.

Digitized by Google

IV.

ПОЭТЫ С. Я. НАДСОНЪ И ФР. БОДЕНШТЕДТЪ

1885—1887.

Въ апрѣлѣ 1885 г.—при письмѣ изъ Ниццы, С. Я. Надсонъ, два года спустя столь безвременно сошедшій въ могилу, — препроводилъ Ф. Боденштедту первое собраніе своихъ стихотвореній (Спб., 1885, въ м. 8 д., стр. 160).

Стихотворенія эти принадлежатъ поэту, которому было въ 1885 году всего лишь 21 годъ. Въ сборникъ, какъ объяснилъ намъ г. Боденштедтъ со словъ одного изъ ближайшихъ друзей С. Я. Надсона—г-жи Ватсонъ, не вошло, по цензурнымъ условіямъ, — нѣсколько весьма хорошихъ стихотвореній, а съ другой стороны для восполненія книжки до десяти печатныхъ листовъ, дабы она могла выйти въ свѣтъ безъ предварительной цензуры, включены стихотворенія «изъ старыхъ тетрадей», т. е. стихи того періода въ жизни С. Я. Надсона, когда ему было всего лишь 14 или 15 лѣтъ, впрочемъ, и въ этомъ отдѣлѣ—есть произведенія истиннаго таланта.

Въ настоящее время, именно послѣ столь преждевременной кончины талантливаго поэта, собранія его стихотвореній разошлись въ нѣсколькихъ изданіяхъ; но въ 1885 году они были мало извѣстны, такъ и мы, впрочемъ, къ стыду своему, лишь въ Висбаденѣ у г. Боденштедта впервые прочли этотъ прекрасный, въ особенности по формѣ очаровательнаго стиха, сборникъ.

Позволяемъ себѣ привести изъ него на стр. «Русской Старины» три стихотворенія:

Digitized by Google

I.

Памяти Ѳ. М. Достоевскаго.

(1881 г.).

Какъ онъ, измученный, влачился по дорогѣ,
Бряцая звѣньями страдальческихъ цѣпей,
И какъ томился онъ, похороненъ въ острогѣ,
. . . . . .
Объ этомъ пѣли вы; но изъ его страданій
Вы взяли только то, на пѣсни и цвѣты,
Что и безъ пошлыхъ фразъ и лживыхъ восклицаній
Сплело ему вѣнокъ нетлѣнной красоты...
. . . . . .
Но между строчками его болѣзненныхъ твореній
Прочли-ли вы о томъ, что тягостнѣй тюрьмы
И тягостнѣй его позора и лишеній
Былъ для него вашъ міръ торгашества и тьмы?
Прочли-ли вы о томъ, какъ онъ страдалъ душою,
Когда, уча любви враждующихъ людей,
Онъ слышалъ, какъ кричалъ, ломаясь предъ толпою,
Съ нимъ рядомъ о любви—корыстный фарисей?...
Сочтите-жъ, сколько разъ вы слово продавали,—
И новый,—можетъ быть, прекраснѣйшій цвѣтокъ,
И новый, можетъ быть, острѣйшій тернъ печали
Вплетете вы въ его страдальческій вѣнокъ!..

II.

Надъ могилой И. С. Тургенева.

(1883 г.).

Тревожные слухи давно долетали;
Бѣда не подкралась къ отчизнѣ тайкомъ,—
Бѣда шла открыто,—мы всѣ ее ждали,
Но всѣхъ взволновалъ разразившійся громъ:
И такъ ужъ немного вождей остается,
И такъ ужъ безлюдье насъ тяжко гнететъ,
Чье-жъ сердце на русскую скорбь отзовется,
Чья мысль ей укажетъ желанный исходъ?..

Digitized by Google

Больной и далекій,—въ послѣдніе годы
Не много ты далъ намъ, учитель и другъ:
Понять наши стоны и наши невзгоды
Тебѣ помѣшалъ безпощадный недугъ.
Но жилъ ты—и вѣрилось въ русскую силу,
И вѣрилось въ русской души красоту, —
Сошелъ, побѣжденный страданьемъ, въ могилу, —
И нѣтъ тебѣ смѣны на славномъ посту.

Не здѣсь, не въ мерцаньи свѣчей погребальныхъ,
Не въ пестрой толпѣ, не при громѣ рѣчей,
Не въ звукахъ молитвъ, заунывно-печальныхъ
Поймемъ мы всю горечь утраты своей,—
Поймемъ ее дома, поймемъ надъ строками
Высокихъ и свѣтлыхъ твореній твоихъ,
Заслышавъ, какъ сердце трепещетъ слезами, —
Слезами восторга и чувствъ молодыхъ!...

И долго при лампѣ вечерней порою,
За дружнымъ и тѣснымъ семейнымъ столомъ,
Въ студенческой кельѣ, въ саду надъ рѣкою,
На школьной скамейкѣ и всюду кругомъ—
Знакомыя будутъ мелькать намъ страницы,
Звучать отголоски знакомыхъ рѣчей,
И, словно живыя, вставать вереницы
Тобою возсозданныхъ русскихъ людей!...

III.

(1885 г.).

Нѣтъ, муза, не зови!.. Не увлекай мечтами,
Не обѣщай вѣнка въ дали грядущихъ дней!
Пѣвецъ твой осужденъ, и жадными глазами
Повсюду смерть слѣдитъ за жертвою своей...
Путь слишкомъ былъ тяжелъ... Сомнѣнья и тревоги
На части рвали грудь... Усталый пилигримъ
Не вынесъ всѣхъ преградъ мучительной дороги,
И гибнетъ, пораженъ недугомъ роковымъ...
А жить такъ хочется!... Страна моя родная,
Когда-бъ хоть для тебя я могъ еще пожить,
Какъ я-бъ любилъ тебя, всю душу отдавая
На то, чтобъ и другихъ учить тебя любить!...
Какъ пѣлъ-бы я тебя! Съ какимъ негодованьемъ
Громилъ твоихъ враговъ!.. Твой пѣсъ сторожевой,
Я-бъ жилъ одной тобой, дышалъ твоимъ дыханьемъ,
Горѣлъ твоимъ стыдомъ, болѣлъ твоей тоской!

Digitized by Google

Но—поздно! Смерть не ждетъ... Какъ туча грозовая,
Какъ вихрь несется смерть... Въ крови палящій жаръ,
Въ бреду слабѣетъ мысль, безсильно угасая...
Рази-жъ, скорѣй рази, губительный ударъ!

С. Я. Надсонъ.

Два послѣднія изъ приведенныхъ нами трехъ стихотвореній Надсона г. Боденштедтъ перевелъ на нѣмецкій языкъ.

Этотъ новый прекрасный переводъ русскихъ поэтическихъ произведеній—исполненъ маститымъ поэтомъ Германіи для помѣщенія въ «Русской Старинѣ»; это сообщеніе лучшее свидѣтельство того, какъ еще любитъ г. Боденштедтъ русскую поэзію, какъ живо интересуется ею и какъ талантливо воспроизводитъ онъ и мысль, и форму русскаго стиха на нѣмецкомъ языкѣ.

Помѣщаемъ вслѣдъ за симъ переводъ г. Боденштедта стихотворенія Надсона: «Нѣтъ, муза, не зови!...», а переводъ другаго стихотворенія: «Надъ могилой И. С. Тургенева» см. выше, въ III-й главѣ настоящей статьи, вслѣдъ за воспоминаніемъ г. Боденштедта объ И. С. Тургеневѣ (на стр. 446).

Nein, Muse, lock mich nicht mit glänzenden Geschicken
Und Kränzen einstigen Ruhms! Mein Urtheil ist gefällt,
Der Tod späht überall nach mir mit gierigen Blicken
Und hält sein Opfer fest... Zu schwer durch diese Welt
Ward mir der rauhe Pfad... Unrast und Zweifel nagen
An meiner wehen Brust... der müde Pilger kann
Des Martirweges Qual und Unbill nicht mehr tragen
Und schwankt zum Untergang in seines Schicksals Bann...
Doch lebt ich' noch so gern!.. Könnt ich für dich nur leben,
Mein theures Heimathland! wie hab'ich dich geliebt!
Könnt ich doch andrer Herz zu gleicher Lieb erheben
Wie meines für dich glüht, das sich dir ganz ergiebt!..
Dein Sänger würd'ich sein zu deiner Feinde Schrecken,
Doch dir zum Schutz gleichwie ein Wachthund treu und zahm;
Mir würde frische Kraft dein Lebenshauch erwecken,
Durchglüht von deiner Schmach, theilt'ich auch deinen Gram!
Zu spät!.. Schon dräut der Tod... Gleich dunklen Sturmeswettern
Zieht er umwölkt heran... Im Blut erlischt die Glut,
Im Wahn erlahmt der Geist... Hol'aus, mich zu zerschmettern,
Führ'den Vernichtungsschlag nur schleunig und triff gut!..

(Перевелъ) Friedrich Bodenstedt.

Wiesbaden, 25 März 1887.

Digitized by Google

У г. Боденштедта сохраняется письмо, при которомъ нашъ юный покойный поэтъ прислалъ помянутый выше, первый по времени, — сборникъ своихъ стихотвореній. Приводимъ, съ позволенія г. Боденштедта, письмо г. Надсона цѣликомъ въ подлинникѣ (автографъ Надсона), а затѣмъ въ переводѣ; приводимъ нѣмецкій текстъ, какъ свидѣтельство того, какъ хорошо зналъ этотъ языкъ С. Я. Надсонъ:

Nizza, 9 april 1885.

Vielleicht erinnern Sie sich noch, tiefgeehrter Herr Professor, jenes jungen kranken russischen Dichters, der diesen Herbst im Durchreisen in Wiesbaden es sich als ein besonderes Glück anrechnete Ihre Bekanntschaft gemacht, und ein Autograph von Ihnen auf Ihrer Photographie bekommen zu haben? Seinerseits wird er gewiss diesen Tag nie vergessen:

Es giebt im Leben Augenblicke
Die man «Momente» nennt...

Gerade so ein «Moment» war mir jene halbstündige Zusammenkunft, als Sie die Liebenswürdigkeit hatten mich, Leberberg № 1, zu besuchen. Da ich mich anmasse zur Zahl der gegenwärtigen russischen Litteraturkräfte, die im letzten Jahrzehnt auf der Litteraturbahn aufgetreten sind, zu gehören, und da ich weiss, wie Ihnen die russische Poesie nahe am Herzen liegt, bin ich recht glücklich die Möglichkeit zu haben, Ihnen, für Ihren so freundlich gegebenen Autograph die so eben erschienene Auflage meiner Gedichte schicken zu können. Mir scheint, das der Charakter meiner Poesien nicht ganz fremd dem der deutschen Poesie ist. Die Zeit des Mittelalters, der Minnesänger und der Ritterturniere — diese von Kraft und Poesie strotzende Jugend Germaniens ins besondere und Europas im Allgemeinen—machte noch auf der Schulbank einen grossen Eindruck auf mich. Sie werden sich leicht davon überzeugen, wenn Sie sich die Mühe geben würden das Gedicht «Грёзы» zu lesen, dass Sie in meinem Buche finden. Meine übrigen Gedichte tragen allesammt den Abdruck der Philosophie unseres Jahrhunderts und zeichnen sich meistentheils durch einen etwas dunklen Colorit aus. Ich überlasse übrigens es Ihnen selbst Ihre eigene Meinung zu fassen. Da ich Ihrer Adresse mich nicht erinnere, schicke ich Ihnen das Buch nicht geradewegs und bin also nicht ganz sicher, dass Sie es bekommen. Darum werde ich Ihnen recht dankbar sein, wenn Sie die Güte haben würden, mich mit ein paar Zeilen zu benachrichtigen, ob meine Gedichte richtig in Ihre Hände gelangt sind. Ich zeichne mich als tiefster Verehrer Ihres poetischen Talents S. Nadson.

Digitized by Google

[Переводъ]. Можетъ быть, вы еще помните, многоуважаемый господинъ профессоръ, того молодаго больнаго русскаго поэта, который эту осень, проѣзжая чрезъ Висбаденъ, счелъ за особенное счастье съ вами познакомиться и получилъ отъ васъ фотографическій портретъ съ вашею подписью. Я никогда этотъ день не позабуду: „Существуютъ въ жизни мгновенія, которыя называются моментомъ". Ваше посѣщеніе было для меня именно такимъ моментомъ. (Лебербергъ, № 1, Висбаденъ). Такъ какъ я имѣю смѣлость причислять себя къ числу русскихъ литературныхъ дѣятелей, которые въ послѣднее десятилѣтіе выступили на литературное поприще, и такъ какъ я знаю до какой степени вы интересуетесь русскою поэзіею, то считаю себя вполнѣ счастливымъ, что могу вамъ, за вашъ столь любезно данный мнѣ автографъ, препроводить только-что вышедшее изданіе моихъ стихотвореній. Мнѣ кажется, что характеръ моихъ стиховъ не совсѣмъ чуждъ нѣмецкой поэзіи. Средніе вѣка съ пѣвцами и турнирами, переполненные поэзіею, въ особенности въ Германіи и вообще въ Европѣ, сдѣлали на меня, еще на школьной скамьѣ, сильное впечатлѣніе. Вы легко въ этомъ убѣдитесь, если потрудитесь прочитать мое стихотвореніе: „Грёзы". Мои прочія стихотворенія всѣ носятъ отпечатокъ философіи нашего столѣтія и исполнены, большею частью, грустнаго колорита. Я предоставляю, впрочемъ, вамъ самимъ судить о моихъ стихахъ. Такъ какъ я не хорошо помню вашъ адресъ, то и не ручаюсь, что вы получите мою книгу. Я буду очень благодаренъ, если вы будете столь любезны извѣстить меня нѣсколькими строками о полученіи моихъ стихотвореній. Считаю себя глубочайшимъ почитателемъ вашего поэтическаго таланта. С. Надсонъ.

С. Я. Надсонъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ 1885 г. въ Ниццѣ; онъ жилъ тамъ (съ января до апрѣля) въ извѣстномъ русскомъ пансіонѣ, содержимомъ вдовою знаменитаго академика-гравера, Л. А. Сѣряковой.

— «Надсонъ,—пишетъ къ намъ Любовь Александровна,—былъ очень слабъ; ему передъ этимъ, въ половинѣ января, только-что сдѣлали операцію. Вставалъ онъ поздно, выходилъ въ садъ, гулялъ, затѣмъ читалъ, при чемъ особенно любилъ перечитывать Тургенева, наконецъ, до глубокой ночи работалъ и часто передѣлывалъ написанное; онъ былъ вслѣдствіе болѣзни чрезвычайно нервенъ и часто былъ недоволенъ своей работой.

Однажды онъ сказалъ мнѣ, что началъ романъ, но мнѣ неизвѣстно, что̀ стало съ его работой....

О смерти говорилъ онъ постоянно и былъ увѣренъ, что ему остается жить только два года. Любопытно, что, въ виду этой увѣренности, онъ часто позволялъ себѣ или длинную,—вопреки запрещенію доктора,—прогулку, или издержку лишняго франка. Онъ говорилъ при этомъ обыкновенно:

— «Все равно, черезъ два года—все будетъ кончено, я умру!»

Digitized by Google

Лѣтомъ ему была сдѣлана вторая операція и его повезли въ Россію очень слабымъ. Страшно скучалъ С. Я. Надсонъ по Россіи,—мечта его была жить на родинѣ.

Г-жа Ватсонъ заботилась о немъ, какъ сестра».

Ред.

V.

Перечень трудовъ Фр. Боденштедта

1874—1887.

Перечень этотъ сообщенъ намъ, по нашей просьбѣ, г. Фр. Боденштедтомъ, 21-го марта 1887 г., въ Висбаденѣ. Ред.

---

1. Einkehr und Umschau. Eine Sammlung neuer Gedichte. Jena bei Costenoble. 5 Auflage.
2. Shakespeare's Frauencharaktere. Berlin. Verlag des Allgemeinen deutschen Literaturvereins. 4 Auflage.
3. Eine Königsreise. (Erinnerungen an eine im Jahre 1858 in Begleitung des Königs Maximilian II von Bayern gemachte Alpenreise). Leipzig bei Albrecht.
4. Kaiser Paul. Tragödie. Berlin bei Grote.
5. Wandlungen. Lustspiel.
6. Alexander in Corinth. Schauspiel. Hannover bei Helwing.
7. Der Sänger von Schiras. Uebersetzungen aus dem Diwan des Hafis. Jena bei Costenoble. 4 Auflage.
8. Die Lieder und Sprüche des Omar Chajjâm. Aus dem Persischen übersetzt. Breslau bei Schletterne. 4 Auflage.
9. Aus Morgenland und Abendland. Gedichte. Leipzig bei Brockhaus.
10. Vom Atlantischen zum Stillen Ozean. Reisebilder aus den Jahren 1879—80. Leipzig bei Brockhaus.
11. Neues Leben. Gedichte. Breslau bei Schottlander.

Въ теченіи нынѣшняго года (1887 г.) будетъ издано — Адольфомъ Тице въ Лейпцигѣ — еще одно новое стихотвореніе Фр. Боденштедта: „Sacuntala“; это большое роскошное изданіе будетъ украшено иллюстраціями Александра Цика.

Digitized by Google

„Звѣрьяда".

Въ апрѣльской книгѣ всѣми уважаемаго журнала „Русская Старина" изд. 1887 г., на 250-й стр., помѣщено приглашеніе г. Е. А. Теляковскаго сообщить списокъ, будто бы сочиненной М. Ю. Лермонтовымъ, шутки-сатиры подъ названіемъ „Звѣрьяда".

Глубоко уважая талантъ великаго поэта и опасаясь, чтобы вслѣдствіе этого приглашенія не попала когда-нибудь въ число произведеній М. Ю. Лермонтова вещь, въ стихотворномъ отношеніи весьма слабая и не принадлежащая его перу, тороплюсь сообщить, что г. Е. А. Теляковскій ошибается. Шутка подъ названіемъ „Звѣрьяда" изъ-подъ пера Лермонтова никогда не выходила. Хотя я и не отрицаю весьма возможнаго, но намъ, питомцамъ школы конца 1840-хъ и начала 1850-хъ гг., совершенно неизвѣстнаго факта, что Лермонтовъ, во время пребыванія своего въ юнкерской школѣ, быть можетъ, и написалъ какое-нибудь стихотвореніе на бывшихъ тамъ преподавателей, но смѣю завѣрить, что это стихотвореніе, буде оно появлялось на свѣтъ, названія „Звѣрьяда" никогда не носило.

Въ первой редакціи шутки „Звѣрьяда" рѣчь идетъ о слѣдующихъ преподавателяхъ: закона Божія—объ отцѣ Кириллѣ Крупскомъ, франц. яз.—о г. Курнандѣ, нѣмецк. яз.—о г. Альберсѣ, тактики—о П. С. Лебедевѣ, фортификаціи—о А. З. Теляковскомъ, артиллеріи—шт.-капит. Линденѣ, топографіи—подполк. Пѣтуховѣ, законовѣдѣнія—профес. Палибинѣ и исторіи—А. В. Шакѣевѣ. Изъ всѣхъ этихъ лицъ при Лермонтовѣ въ школѣ преподавали только гг. Пѣтуховъ и Курнандъ; всѣ же остальные стали читать въ школѣ позже, а нѣкоторые, какъ, напр., П. С. Лебедевъ, не ранѣе 1852 г., слѣдовательно, долгое время спустя послѣ кончины Лермонтова. Вотъ, кажется, достаточное доказательство факта, что М. Ю. Лермонтовъ авторомъ „Звѣрьяды" быть не могъ. Если же этого мало, такъ какъ можетъ послѣдовать возраженіе, что „Звѣрьяда" съ перечисленными лицами представляетъ не первую, но одну изъ послѣдующихъ ея редакцій, то я поневолѣ признаюсь, что авторъ шутки съ заглавіемъ „Звѣрьяда" не кто иной, какъ вашъ покорный слуга, подписывающій эту замѣтку, что, надѣюсь, при надобности, подтвердятъ всѣ мои однокашники, т. е. юнкера эскадрона школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, окончившіе курсъ въ 1853 году.

Принимая въ соображеніе, что настоящее признаніе мое является только теперь, послѣ напечатанія въ „Русской Старинѣ" вышеуказаннаго приглашенія г. Теляковскаго и почти 35 лѣтъ спустя послѣ выхода моего изъ школы, никто, полагаю, не сочтетъ это признаніе за желаніе съ моей стороны хвастнуть моими стихотворными способностями. Повторяю, я считалъ себя обязаннымъ оградить великаго поэта отъ приписки ему произведенія, ему не принадлежащаго, и притомъ такого, которое могло бы дать совершенно невѣрное понятіе о силѣ его таланта въ періодъ его пребыванія въ стѣнахъ школы.

Т. Познанскій.

Апрѣля 10-го дня 1887 г.
г. Нижній-Новгородъ.

Digitized by Google

1787—1887 гг.

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

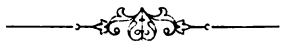
БАТЮШКОВЪ

род. 18-го мая 1787 г.

Очеркъ его жизни и дѣятельности.

Замѣтки о полномъ собраніи его сочиненій.

Помпей Николаевичъ Батюшковъ—издатель сочиненій его брата.



РОД. 1787 Г., † 7-ГО ІЮЛЯ 1855 Г.

ВЪ ВОЛОГДѢ.

Digitized by Google

Сочиненія К. Н. Батюшкова. Изданы П. Н. Батюшковымъ, со статьею о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковымъ, и примѣчаніями, составленными имъ же и В. И. Саитовымъ. Спб. 1885—1887 гг., въ большую 8-ю долю:

Томъ первый: Предисловіе издателя, стран. 1—XXVII; о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова,—изслѣдованіе Л. Н. Майкова, съ прилож. документовъ и указателя личныхъ именъ, стр. 1—360;—стихотворенія, стр. 1—298;—примѣчанія и указатель личныхъ именъ, стр. 299—463.

Къ первому тому приложенія: на мѣди гравированный профессоромъ И. П. Пожалостинымъ—портретъ К. Н. Батюшкова, исполненный, въ 1883 г., съ портрета знаменитаго Кипренскаго (1815 г.); два снимка съ гравированныхъ виньетокъ 1817 г. къ собранію сочиненій Батюшкова; снимокъ съ автографа—письма поэта Батюшкова.

Томъ второй: Проза, стр. 374;—примѣчанія и указатель личныхъ именъ, стр. 375—585.

Томъ третій: Письма, стр. XV+594;—примѣчанія, дополненія и указатель личныхъ именъ, стр. 595 по 804.

Digitized by Google

Столѣтняя годовщина дня рожденія славнаго русскаго поэта и писателя Константина Николаевича Батюшкова — ознаменована достойнымъ ему памятникомъ.

Заботами, энергіею и иждивеніемъ его брата, Помпея Николаевича Батюшкова, вся образованная Россія, — въ лицѣ любителей отечественной словесности и множества ученыхъ и учебныхъ заведеній,—получила роскошное изданіе полнаго собранія не только поэтическихъ и прозаическихъ сочиненій К. Н., какъ ранѣе изданныхъ, такъ доселѣ остававшихся неизданными,—но и всѣхъ сохранившихся гдѣ бы и у кого бы то ни было писемъ поэта и документовъ, имѣющихъ прямое отношеніе до его біографіи.

«Русская Старина», внимательно относясь ко всѣмъ достопамятнымъ дѣятелямъ отечественной исторіи и исторіи русской литературы, многократно останавливала вниманіе своихъ многочисленныхъ читателей на личности и трудахъ поэта Батюшкова.

Еще въ 1870 г. въ собственность «Русской Старины», при весьма обязательномъ посредствѣ достоуважаемаго ея сотрудника—П. А. Ефремова, поступило обширнѣйшее собраніе подлинныхъ писемъ Константина Николаевича; то были письма къ одному изъ самыхъ сердечныхъ его друзей, ближайшему наперснику всѣхъ его думъ и литературныхъ мечтаній и первому, по времени, издателю собранія его сочиненій—Николаю Ивановичу Гнѣдичу, съ 1807-го по 1821 годъ. Письма эти, а равно нѣсколько писемъ поэта къ роднымъ, были постепенно напечатаны на стр. «Русской Старины» съ подробными, какъ всегда, точными и заботливо составленными примѣчаніями П. А. Ефремова [1]).

---

[1]) См. „Русскую Старину", изд. 1870 г. томъ I, изд. первое, стр. 65—71; изд. второе, стр. 549; изд. третье, стр. 559—564; изд. 1871 г., т. III, стр. 208—236; изд. 1874 г., т. X, стр. 383—393; изд. 1883 г., т. XXXVII, стр. 647—664; т. XXXVIII,

Digitized by Google

Письма эти, введя читателя нашего изданія во всѣ подробности жизни, думъ и трудовъ поэта Батюшкова, воскресили безконечно симпатичный его образъ въ памяти русскихъ людей.

Къ сожалѣнію, однако, разбросанные въ «Русской Старинѣ» на пространствѣ 1870—1887 г., т. е. восемнадцати лѣтъ, документы эти не могли дать полнаго и яснаго образа одного изъ самыхъ лучшихъ представителей русскихъ писателей и весьма образованныхъ людей первыхъ двухъ десятилѣтій XIX-го вѣка.

И вотъ явилось нынѣ три громадныхъ тома: «Сочиненія К. Н. Батюшкова»,—въ роскошнѣйшемъ изданіи Помпея Никол. Батюшкова, и предъ Россіей стоитъ во весь ростъ, какъ живой, самый даровитый,—самый прелестный, по таланту, предшественникъ геніальнаго Пушкина.

Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ изданіи, напомнимъ, въ самомъ сжатомъ очеркѣ, главнѣйшіе факты жизни К. Н. Батюшкова. Этотъ коротенькій обзоръ будетъ не болѣе, какъ весьма сокращенный конспектъ обширной, превосходно составленной, монографіи Леонида Николаевича Майкова: «О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова», которую читатели найдутъ на трехъ стахъ шестидесяти страницахъ, въ первомъ томѣ помянутаго изданія.

Ред.

стр. 107—122, 333—350, 525—540; томъ XXXIX, стр. 21—42, 237—250 и т. XL, стр. 380; кромѣ того въ „Русской Старинѣ“ помѣщены разные матеріалы къ біографіи Батюшкова и произведенія его пера, смотр. „Русс. Стар.“ изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 201; изд. 1883 г., т. XXXIX, стр. 545—552; т. XL, стр. 415; изд. 1884 г., т. XLII, стр. 220, см. также изд. 1887 г., томъ LIV, апрѣль, стр. 240, стихотв. Батюшкова.

Digitized by Google

I.

Батюшковы — одна изъ старинныхъ дворянскихъ фамилій. Николай Львовичъ, отецъ поэта, началъ службу въ гвардіи, но затѣмъ провелъ свою молодость подъ опалой Екатерины II, въ деревенской глуши; онъ и умеръ въ своей усадьбѣ въ ноябрѣ 1817 г.

Константинъ Николаевичъ родился 18-го мая 1787-го года въ Вологдѣ. Въ 1795 году онъ лишился своей матери, которая умерла въ сумашествіи.

Воспитаніе свое поэтъ получилъ въ С.-Петербургѣ, первоначально въ пансіонѣ француза Жакино, дѣльнаго педагога, гдѣ пробылъ около четырехъ лѣтъ, и затѣмъ въ 1801-мъ году перемѣщенъ въ пансіонъ Триполи, учителя морскаго кадетскаго корпуса.

Въ обоихъ пансіонахъ Батюшковъ усвоилъ себѣ, между прочимъ, языки французскій и итальянскій, обучался языку нѣмецкому, но вообще курсъ въ обоихъ пансіонахъ былъ почти только элементарный и разсчитанъ на удовлетвореніе однихъ только тогдашнихъ свѣтскихъ потребностей.

На 14-мъ году Батюшковъ уже проявилъ большую любознательность; имъ овладѣла страсть къ чтенію, которая во многомъ довершила его образованіе. На 16-мъ году кончилось школьное обученіе юноши, но почти на зарѣ своей самостоятельной жизни (съ 1802-го года) онъ нашелъ руководителя въ другѣ и товарищѣ по службѣ своего отца—въ Михаилѣ Никитичѣ Муравьевѣ. То былъ мужъ замѣчательнаго ума, писатель, философъ, страстный ревнитель просвѣщенія. Вліяніе его на Батюшкова (1802 — 1807 гг.) было въ высочайшей степени благотворно. Между прочимъ, подъ вліяніемъ М. Н. Муравьева, Батюшковъ обратился къ занятіямъ классическимъ, усвоилъ латинскій языкъ, прочелъ всѣхъ значительныхъ римскихъ поэтовъ въ подлинникахъ; вліяніемъ Муравьева объясняется въ Батюшковѣ развитіе здраваго литературнаго вкуса.

Въ домѣ М. Н. Муравьева К. Н. (доводившійся ему племянникомъ) провелъ первые годы жизни по оставленіи пансіона.

Digitized by Google

Екатерина Ѳедоровна, жена Муравьева, женщина замѣчательнаго ума, любила племянника и заботилась о немъ, какъ мать о своемъ сынѣ... Службу поэтъ началъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, подъ крыломъ своего дяди М. Н. Муравьева. На литературное поприще онъ выступилъ не позже 1803 года, стихотвореніемъ. Къ тому же времени относится начало его дружбы съ Н. И. Гнѣдичемъ, его сослуживцемъ по министерству; въ 1805 г. К. Н. уже пишетъ Гнѣдичу посланіе въ стихахъ. Въ домѣ М. Н. Муравьева Батюшковъ встрѣчаетъ дѣятелей въ области литературы, искусствъ и наукъ, таковы: Державинъ, Львовъ, Капнистъ, Олениныъ, графъ А. С. Строгоновъ, Ив. Матв. Муравьевъ-Апостолъ. Поэтъ имѣетъ истинное для себя счастіе сдѣлаться другомъ Прасковьи Михайловны Ниловой и Анны Петровны Квашиной-Самариной, двухъ образованнѣйшихъ русскихъ женщинъ начала XIX-го вѣка, любительницъ отечественной словесности, составлявшихъ не совсѣмъ обыкновенное явленіе въ тогдашнемъ обществѣ.

Съ первыхъ же лѣтъ своей литературной дѣятельности Батюшковъ является энергическимъ, высокодаровитымъ и прекрасно подготовленнымъ (въ литературномъ отношеніи) ратоборцемъ за Карамзина,—какъ реформатора русскаго литературнаго языка и вообще преобразователя въ отечественной словесности.

Въ ряду цѣлой группы молодыхъ писателей,—ратовавшихъ за новыя формы прозы и стиха, Батюшковъ былъ самымъ замѣчательнымъ, самымъ даровитымъ. Съ 1805 года онъ является сотрудникомъ нѣсколькихъ журналовъ; по убѣжденіямъ и взглядамъ на многія явленія русской жизни—поклонникомъ знаменитаго Радищева и его «Путешествія изъ С.-Петербурга въ Москву».

Сближеніе съ А. Н. Олениныыъ, его семействомъ и многочисленными почитателями и посѣтителями этого замѣчательнаго въ первой четверти текущаго вѣка дома—внесло много свѣтлаго въ жизнь Батюшкова и его духовное развитіе; благородныя стремленія Оленинскаго кружка имѣли, для своего времени и для многихъ его участниковъ, самое жизненное значеніе. Здѣсь же Батюшковъ знакомится съ писателями В. А. Озеровымъ и С. Н. Глинкою.

Громадное ополченіе Россіи противъ Наполеона въ 1807 году увлекаетъ въ свои ряды молодаго поэта. 22-го февраля онъ

Digitized by Google

дѣлается сотеннымъ начальникомъ въ петербургскомъ милиціонномъ баталіонѣ. 24-го, 25-го и 29-го мая того же 1807-го года участвуетъ въ сраженіяхъ, въ предѣлахъ Пруссіи, съ французами. Въ бою подъ Гейльсбергомъ Батюшковъ тяжко раненъ; онъ отвезенъ въ Ригу, гдѣ лечится, выздоравливаетъ и влюбляется. Любовь его увѣнчивается взаимностію. Дни любви совпали съ днями выздоровленія,—то была счастливая пора въ жизни поэта, и онъ ее увѣковѣчилъ нѣсколькими прелестными стихотвореніями и самыми оживленными, вполнѣ художественными, письмами къ Н. И. Гнѣдичу и другимъ лицамъ. Но въ томъ же году его поражаетъ тяжкій ударъ: 30-го іюля 1807 г. скончался М. Н. Муравьевъ. Въ томъ же году состоялся вторичный бракъ отца поэта, Николая Львовича Батюшкова, и это событіе, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими обстоятельствами, поселило полное охлажденіе въ отношеніяхъ К. Н. къ его родителю.

Въ сентябрѣ 1807 г. К. Н. переведенъ въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ, гдѣ служилъ и другъ его, герой послѣдней войны—Петинъ.

Тяжкая болѣзнь поражаетъ въ 1807 году Батюшкова; А. Н. Оленинъ и его семья принимаютъ въ немъ самое сердечное участіе. Поэтъ выздоравливаетъ. Въ 1808 году—онъ сотрудничаетъ въ «Драматическомъ Вѣстникѣ». Басню Батюшкова «Пастухъ и Соловей», появившуюся въ этомъ журналѣ, восторженно привѣтствуетъ Озеровъ:—«Природа одарила Батюшкова,—пишетъ Озеровъ къ А. Н. Оленину,—одарила всѣми способностями быть великимъ стихотворцемъ, и онъ уже смолоду поетъ соловьемъ, котораго старыя пѣвчія птицы въ дубравѣ надъ Ипокреномъ заслушиваются и которымъ могутъ восхищаться».

Тотъ же писатель Озеровъ проявилъ живое сочувствіе поэтическому творчеству Жуковскаго.

Въ томъ же журналѣ, «Драматическій Вѣстникъ», и тогда же, въ 1808 г., впервые появляются въ печати труды Батюшкова изъ области итальянской словесности.

Весной 1808 г.—поэтъ въ походѣ, въ Финляндіи. Онъ принимаетъ участіе, въ рядахъ лейбъ-гвардіи егерскаго полка, въ русско-шведской войнѣ 1808—1809 гг. Плодомъ этого пребыванія въ Финляндіи является нѣсколько произведеній К. Н., сдѣлавшихся классическими, въ исторіи русской словесности,

Digitized by Google

предметами изученія, для современниковъ и потомковъ. Послѣ окончанія кампаніи, лѣтомъ 1809 г., поэтъ является въ Петербургъ, гдѣ оставляетъ военную службу.

Лѣто 1809-го года застаетъ К. Н. въ его деревнѣ Хантоново, Череповскаго уѣзда, Новгородской губерніи—гостемъ у сестеръ. Сельское хозяйство никогда не привлекало К. Н. Онъ вовсе не былъ помѣщикъ и агрономъ; всѣ заботы по сему предмету лежали на его сестрахъ. Въ тиши деревни, куда случалось нерѣдко, волею неволею, и время отъ времени удаляться Батюшкову—онъ всецѣло отдавался литературнымъ занятіямъ. По отношенію къ крѣпостному игу—это былъ платоническій пожелатель лучшаго устройства подчиненныхъ ему крестьянъ, «судьба которыхъ, какъ онъ говорилъ, лежитъ у меня на сердцѣ». Достойно вниманія, что припадки ипохондріи рано являются у Батюшкова: уже въ 1809 году онъ восклицаетъ: «Если я проживу еще десять лѣтъ, то сойду съ ума».

Тѣмъ не менѣе къ этому времени является полный разцвѣтъ замѣчательнаго его таланта. Боевыя тревоги и волненія любви—довершили воспитаніе его поэтическаго дарованія. Поэтъ нашелъ прекрасныя формы для своихъ разнообразныхъ произведеній, а жизнь дала содержаніе его творчеству.

Въ 1810-мъ году—мы его видимъ въ Москвѣ. Здѣсь онъ сближается съ писателями: В. Л. Пушкинымъ, В. А. Жуковскимъ, кн. П. А. Вяземскимъ и Н. М. Карамзинымъ. Довольно назвать эти имена, чтобы понять какъ важно было для развитія таланта Батюшкова сближеніе съ такими людьми, каковы, въ особенности, были Жуковскій и Карамзинъ.

Знакомство съ симъ послѣднимъ, между прочимъ, окончательно укрѣпило К. Н. въ сочувствіи къ новой литературной школѣ.

1810 и 1811 годы поэтъ нашъ—то въ своемъ деревенскомъ уединеніи, то въ шумной и крайне любезной ему Москвѣ; къ этимъ годамъ относится много его произведеній, между прочими, шутливо-сатирическія, какъ, напр.: «Видѣніе на берегахъ Леты», что все свидѣтельствовало о сильной умственной его дѣятельности. Въ Москвѣ Батюшковъ участвуетъ въ зачаткѣ литературнаго кружка «Арзамасъ», въ составъ котораго вошли самыя видныя, самыя свѣжія тогдашнія русско-литературныя

Digitized by Google

силы. Пылкій Батюшковъ съ страстнымъ увлеченіемъ отдается борьбѣ литературныхъ партій.

Между тѣмъ, на Россію надвигается туча нашествія Наполеона, и К. Н., уже славный писатель, только что пріютившійся на службѣ подъ сѣнь Императорской Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ, оставляетъ столицу и спѣшитъ, въ августѣ 1812 г., проводить, въ виду Наполеоновыхъ полчищъ, свою тетушку, Е. Ѳ. Муравьеву, изъ Москвы въ Нижній Новгородъ. Бѣдствія, причиненныя отечеству европейскими варварами, увлекаютъ поэта на поля битвы: 1813-й годъ онъ проводитъ въ походахъ, на конѣ, въ званіи адъютанта генераловъ Бахметева и знаменитаго Раевскаго. Съ нимъ вмѣстѣ, въ свитѣ трехъ монарховъ, Батюшковъ въѣзжаетъ, 19-го марта 1814 г., въ покоренный Парижъ.

Въ іюлѣ того же года онъ привѣтствуетъ стихами Александра I—по возвращеніи монарха въ С.-Петербургъ, и участвуетъ въ прелестномъ празднествѣ, данномъ «Освободителю Европы» императрицею Маріею Ѳедоровною въ Павловскѣ [1]).

Къ этому же времени относится страсть Батюшкова къ прелестной дѣвицѣ, жившей у Оленина, А. О. Фурманъ, едва не приведшая къ супружеству; не встрѣтивъ взаимности, Батюшковъ поборолъ свою страсть, и душевное волненіе разрѣшилось для него, въ началѣ 1815 г., сильнымъ нервнымъ разстройствомъ. Жизнь поэта была въ опасности, но его спасъ нѣжный материнскій уходъ Е. Ѳ. Муравьевой. Вторую половину 1815-го года поэтъ проводитъ въ Подоліи, въ г. Каменцѣ, въ качествѣ офицера и адъютанта генерала Бахметева.

Военная служба, увлекавшая поэта въ годины войнъ, тяготила его въ мирное время. Онъ сильно тосковалъ по своимъ литературнымъ друзьямъ; только чтеніе и труды въ области словесности спасали его; къ тому же времени относится возбужденіе въ немъ сильнаго религіознаго настроенія.

Въ самомъ началѣ 1816 года онъ окончательно покидаетъ военную службу, является въ Москву, сильно измѣняется въ своемъ характерѣ. Въ 1817-мъ году мы его видимъ въ деревнѣ,

[1]) См. нами составленную и роскошно изданную Е. И. В. Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ книгу: „Павловскъ, 1777—1877 гг.“ Ред.

Digitized by Google

гдѣ онъ, однако, не скучаетъ, какъ бывало въ прежніе годы; творчество охватываетъ все его существо. Батюшковъ пишетъ, въ числѣ прочихъ прелестныхъ произведеній словесности, свои наиболѣе знаменитыя статьи въ прозѣ: «Вечеръ у Кантемира», «Рѣчь о легкой поэзіи» и дивную историческую элегію: «Умирающій Тассъ», которыя и появляются, въ октябрѣ 1817 г., на страницахъ перваго собранія стиховъ и прозы Батюшкова.

Заслуги . Н. относительно русскаго стиха—окончательно опредѣляются; онѣ признаются уже всѣми его современниками, конечно, тѣми, которые интересовались русскою словесностью, и выясняются тогдашними критиками; прелестный, живой, образный стихъ Батюшкова, такъ сказать, воспитываетъ стихъ Пушкина, «ближайшимъ предшественникомъ и подготовителемъ» котораго былъ онъ, Константинъ Николаевичъ, и вотъ новое свѣтило, подъ благодатными лучами дарованія Батюшкова, восходитъ на горизонтѣ русской поэзіи,—то былъ Александръ Пушкинъ.

Въ іюнѣ 1818-го года Батюшковъ подалъ просьбу императору Александру о принятіи вновь на службу, и на этотъ разъ—по дипломатической части. Съ помощью друзей «Арзамасцевъ», изъ которыхъ уже тогда многіе были съ весьма замѣтнымъ положеніемъ и связями на службѣ государственной, Батюшковъ, въ іюлѣ 1818 г., получилъ мѣсто при русской миссіи въ Неаполѣ. Счастье, наконецъ, повидимому, улыбнулось поэту, но, увы, «не такова была, по словамъ его біографа, неустойчивая, вѣчно тревожная натура Батюшкова, всегда чего-то искавшая и ни въ чемъ не находившая себѣ удовлетворенія». Чувство разочарованія жизнію—стало просыпаться въ его душѣ...

Въ первой половинѣ 1819-го года онъ былъ, однако, уже въ Римѣ; впечатлѣнія, испытанныя имъ здѣсь, были сильны, но трезвы и свѣтлы. Онъ живо всѣмъ интересуется въ Италіи, при видѣ которой впечатлѣнія нахлынули на Батюшкова со всею своею силою.

— «Прелестная земля!» писалъ онъ (А. И.) Тургеневу. «Здѣсь бываютъ землетрясенія, наводненія, изверженія Везувія, съ горящей лавой и съ пепломъ; здѣсь бываютъ, притомъ, пожары, повальныя болѣзни, горячки. Цѣлыя горы скрываются и горы выходятъ изъ моря; другія вдругъ превращаются въ огнедышащія. Здѣсь отъ болотъ или испареній земли волканической воздухъ

Digitized by Google

заражается и рождаетъ заразу; люди умираютъ, какъ мухи. Но за то здѣсь солнце вѣчное, пламенное, луна тихая и кроткая, и самый воздухъ, въ которомъ таится смерть, благовоненъ и сладокъ! Все имѣетъ свою выгодную сторону: Плиній погибаетъ подъ пепломъ,—племянникъ описываетъ смерть дядюшки; на пеплѣ выростаетъ славный виноградъ и сочныя овощи».

Между тѣмъ, здоровье Батюшкова разрушалось; онъ это чувствовалъ и писалъ къ Жуковскому, что «ничто здоровье мое не можетъ исправить; оно, кажется, для меня погибло невозвратно». Имъ начинали овладѣвать унынiе и скука, занятія перестали развлекать его; уже въ августѣ 1819 г. онъ писалъ друзьямъ, что вовсе не можетъ сочинять стиховъ; для него наступалъ тотъ упадокъ духа, который не разъ овладѣвалъ имъ въ жизни. Но петербургскіе друзья, искренно любившіе Батюшкова и очень высоко цѣнившіе его талантъ, старались ободрить его. Во главѣ ихъ стоялъ Н. М. Карамзинъ. Вотъ что писалъ этотъ безсмертный мужъ къ своему пылкому почитателю и даровитому поэту:

— «Зрѣйте, писалъ Карамзинъ въ исходѣ 1819 года,— укрѣпляйтесь чувствомъ, которое выше разума, хотя любезнаго въ любезныхъ: оно есть душа души—свѣтитъ и грѣетъ въ самую глубокую осень жизни. Пишите, стихами-ли, прозою-ль, только съ чувствомъ: все будетъ ново и сильно. Надѣюсь, что теперь уже замолкли ваши жалобы на здоровье, что оно уже цвѣтетъ, и плодомъ будетъ милое дитя, съ вѣнкомъ лавровымъ для родителя: поэма, какой не бывало на святой Руси! Такъ-ли, мой добрый поэтъ? Говорю съ улыбкой, но безъ шутки. Сохрани васъ Богъ еще хвалить лѣнь, хотя бы и прекрасными стихами! Напишите мнѣ Батюшкова, чтобъ я видѣлъ его, какъ въ зеркалѣ, со всѣми природными красотами души его, въ цѣломъ, не въ отрывкахъ, чтобы потомство узнало васъ, какъ я васъ знаю, и полюбило васъ, какъ я васъ люблю. Въ такомъ случаѣ соглашаюсь долго, долго ждать отвѣта на это письмо. Спрошу: что дѣлаетъ Батюшковъ? Зачѣмъ не пишетъ ко мнѣ изъ Неаполя? и если невидимый геній шепнетъ мнѣ на ухо: Батюшковъ трудится надъ чѣмъ-то безсмертнымъ, то скажу: пусть его молчитъ съ друзьями, лишь бы говорилъ съ вѣками!»

Digitized by Google

Здоровье поэта, однако, все болѣе и болѣе разрушалось; онъ чувствовалъ и писалъ, что «климатъ Неаполя не очень благосклоненъ къ тѣмъ, которые страдаютъ нервами». Обычными явленіями этой болѣзни является раздражительность, обыкновенно вызываемая самыми ничтожными поводами; необыкновенная мнительность, недовѣріе къ людямъ, мысль у больнаго, что его окружаютъ недоброжелатели, даже враги,—малѣйшее недоразумѣніе въ отношеніяхъ къ окружающимъ—принимается какъ напасть и тяжкое огорченіе; способность заняться ослабѣваетъ и затѣмъ совсѣмъ исчезаетъ, человѣкъ неспособенъ ни интересоваться чтеніемъ, ниже написать письмо; больной дѣлается мраченъ, чрезвычайно блѣденъ и для всѣхъ видимо разстроенъ. Мысли одна другой чернѣе овладѣваютъ умомъ и изъ нихъ какая-нибудь одна мысль какъ винтомъ винтитъ мозгъ страдальца, не оставляя его ни днемъ, ни ночью, ни на одну минуту. Безсонница—обычная предшественница этого нервнаго состоянія, этого кануна сумасшествія, въ величайшей степени отнимаетъ силы, вызываетъ галлюцинаціи, наводитъ на неотвязную мысль о самоубійствѣ, къ попыткамъ на каковое прибѣгаетъ несчастный страдалецъ.

Въ такихъ случаяхъ нуженъ особенный уходъ и вниманіе къ больному со стороны окружающихъ и продолжительный отдыхъ отъ умственныхъ трудовъ. Но для Батюшкова обстоятельства сложились неблагопріятно, и это какъ разъ, когда болѣзнь — видимое ослабленіе нервной системы—овладѣла своею жертвою: онъ былъ совершенно одинокъ, подлѣ него былъ его начальникъ, русскій посланникъ при неаполитанскомъ дворѣ графъ Штакельбергъ, относившійся къ нему безучастно, какъ къ чиновнику (это къ славному-то поэту Батюшкову!!); черствый нѣмецъ дозволялъ даже себѣ напоминать ему, нашему несравненному поэту, что «онъ не имѣетъ права разсуждать!..»

Только годъ, годъ спустя—Батюшкову удалось освободиться отъ своего мучителя Штакельберга и перейти въ русскую миссію въ Римъ, но годъ, цѣлый годъ непріятныхъ треволненій отозвался уже разрушительно на его хиломъ здоровьѣ; раздражительность его увеличилась, ипохондрія его усилилась.

10-го января 1820 г. Батюшковъ написалъ, послѣднее въ свѣтломъ разсудкѣ, письмо къ А. И. Тургеневу, одному изъ своихъ пріятелей, письмо, въ которомъ сказывался еще живой,

Digitized by Google

увлекающійся и живо интересующійся литературой и дорожившій своими друзьями поэтъ.

Въ маѣ 1821 года онъ покинулъ Италію. Съ приближеніемъ къ отечеству вдохновеніе вновь посѣтило его: іюнемъ 1821 года помѣчено нѣсколько небольшихъ его стихотвореній.

Въ Теплицѣ онъ сталъ лечиться минеральными ваннами, бралъ ихъ съ какимъ-то ожесточеніемъ, по двѣ въ день, и это въ теченіи семидесяти дней сряду. Ванны оказались очень для него вредными; нервная система этого хилаго, маленькаго 33-хъ лѣтняго человѣка совсѣмъ ослабла и расшаталась; довольно было малѣйшаго нравственнаго толчка, чтобы умъ его окончательно помутился: такимъ толчкомъ явились, въ сущности ничтожныя, литературныя вѣсти изъ Россіи; здоровый человѣкъ принялъ бы ихъ съ шуткою, но Батюшкова онѣ доконали. Одно его стихотвореніе явилось въ «Сынѣ Отечества», безъ вѣдома поэта и съ искаженіями, и на стр. того-же журнала Воейковъ напечаталъ стихотвореніе—подъ заглавіемъ «Б.....въ изъ Рима (элегія)»,—стихотвореніе безъ подписи автора (П. А. Плетнева), плохое и дряблое, въ которомъ авторъ, отъ имени какого-то Б.....ва, дѣлалъ признаніе публикѣ, что онъ, т. е. Батюшковъ, скучаетъ за границей, забылъ забавы прежнихъ лѣтъ и влачитъ дни безъ славы.

Эти навязанныя поэту признанія наивнымъ стихотворцемъ Плетневымъ, человѣкомъ, впрочемъ, весьма добрымъ и умнымъ, сильно раздражили больнаго К. Н.; онъ принялъ ихъ за оскорбленіе своей чести. Читатели «Русской Старины», конечно, помнятъ, какія грозныя письма, проникнутыя величайшимъ и самымъ болѣзненнымъ раздраженіемъ, написаны были Батюшковымъ, по этому случаю, къ своему другу—Ник. Ив. Гнѣдичу.

Поврежденіе умственныхъ способностей Батюшкова сказалось уже для всѣхъ ясно. «Страстность натуры поэта, по свидѣтельству его біографа, внимательно изучившаго весь ростъ нравственнаго развитія духа поэта, была хорошимъ матеріаломъ для развитія въ немъ психической болѣзни, а обстоятельства и случайности жизни, отчасти въ самомъ дѣлѣ бѣдственныя, отчасти представлявшіяся ему таковыми, содѣйствовали развитію недуга».

Болѣзнь въ 1821 году сказывалась постоянною ипохондріею, удаленіемъ отъ людей, чрезвычайною раздражительностью и иногда сильными порывами страстей. Въ ноябрѣ 1821 года Батюшковъ

Digitized by Google

свидѣлся съ Жуковскимъ въ Дрезденѣ, куда заѣхалъ изъ Теплица,—и здѣсь К. Н. написалъ въ альбомъ своего друга то стихотвореніе, которое мы еще недавно прочли въ одномъ изъ альбомовъ В. А. Жуковскаго, сохраняемомъ его дочерью, баронессой А. В. Верманъ, въ Висбаденѣ, и напечатанное нами въ «Русской Старинѣ» 1887 г., апрѣль [1]).

Состояніе духа К. Н. было уже очень мрачное, онъ—уничтожилъ все имъ написанное въ Неаполѣ, повторялъ отказъ отъ литературной дѣятельности. Мысль о преслѣдованіи со стороны какихъ-то тайныхъ враговъ вполнѣ господствовала надъ поврежденнымъ умомъ несчастнаго поэта.

Зима съ 1821 на 1822 г. проведена Батюшковымъ въ Дрезденѣ; послѣдними поэтическими строками его было стихотвореніе, также извѣстное читателямъ «Русской Старины» въ сообщеніи, нынѣ уже покойнаго, поэта А. И. Подолинскаго:

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мельхиседекъ?
Рабомъ родится человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва-ли скажетъ—
Зачѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ.

Правительство, вслѣдствіе ходатайства друзей Батюшкова, обезпечило средства къ жизни страдальца. Отъ надеждъ на излеченіе его—близкіе къ поэту еще не отказывались: его возили въ Крымъ, гдѣ, въ припадкахъ душевнаго недуга, онъ три раза посягалъ на свою жизнь, возили въ Петербургъ,—гдѣ сдали на руки Е. Ѳ. Муравьевой, водворили со всѣми удобствами, на четыре года, въ Зонненштейнѣ, въ частномъ психіатрическомъ заведеніи, но ничто не облегчило его положенія. Въ 1828 г. больной, опять таки подъ заботливымъ попеченіемъ Е. Ѳ. Муравьевой, водворенъ былъ въ Москвѣ; въ 1829 г. его сестра, Александра Николаевна Батюшкова, заболѣла тѣмъ-же душевнымъ

[1]) Кстати отмѣтимъ, что въ этомъ стихотвореніи мы не разобрали имя писателя „Петрарка“. Стихотвореніе это не вошло въ изданіе 1885—1887 гг. соч. Батюшкова. Ред.

Digitized by Google

недугомъ, какъ и братъ. Въ 1833 году поэтъ-страдалецъ перевезенъ въ Вологду, въ домъ своего племянника Гр. А. Гревенса, у котораго и прожилъ болѣе двадцати лѣтъ.

К. Н. Батюшковъ скончался въ Вологдѣ, въ 5 часовъ пополудни, 7-го іюля 1855 года, отъ тифозной горячки. Прахъ его погребенъ въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ, въ 5 верстахъ отъ Вологды.

Заслуги К. Н. Батюшкова въ исторіи отечественной словесности—значительны. Скажемъ прекрасными словами его почтеннаго біографа:

— «Въ разработкѣ внѣшней поэтической формы и въ дѣлѣ внутренняго развитія поэтическаго творчества и, наконецъ, въ отношеніяхъ поэзіи къ обществу, художественная дѣятельность Батюшкова представляетъ счастливые начатки того, что получило полное осуществленіе въ дѣятельности геніальнаго Пушкина, потому-то Пушкинъ и признавалъ открыто свое духовное родство съ Батюшковымъ. Великій преемникъ заслонилъ собой даровитаго предшественника; но Батюшковъ не можетъ быть забытъ въ исторіи русской художественной словесности. При блескѣ солнца меркнетъ блѣдная луна; но въ Божьемъ мірѣ всему есть свой часъ и свое мѣсто».

II.

Мы напомнили лишь главнѣйшіе факты, такъ сказать, внѣшней жизни Батюшкова. Нашъ очеркъ мало знакомитъ съ прекрасною обширною монографіею Леонида Николаевича Майкова, которую читатели найдутъ въ первомъ томѣ роскошнаго изданія Помпея Николаевича Батюшкова.

Трудъ г. Майкова—цѣлая книга въ 360 стр. Мы ее прочли не отрываясь, изъ строки въ строку, такъ она интересна, такъ полно, такъ умѣло, прямо сказать — талантливо она составлена. И не мудрено: Л. Н. Майковъ—давній и опытный труженикъ на нивѣ отечественной словесности.

Помощникъ директора Императорской публичной библіотеки

Digitized by Google

въ С.-Петербургѣ, бывшій предсѣдатель, въ теченіи многихъ лѣтъ, этнографическаго отдѣленія Императорскаго географическаго общества, дѣятельный членъ Археографической коммиссіи и другихъ ученыхъ обществъ, редакторъ почтеннаго научнаго изданія «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», корреспондентъ Академіи Наукъ и магистръ русской словесности—Леонидъ Николаевичъ съ университетской еще скамьи заявилъ себя нѣсколькими трудами въ области исторіи русской литературы. Ему принадлежитъ редакція собранія сочиненій нѣкоторыхъ русскихъ писателей XVIII-го вѣка и, наконецъ, въ новомъ трудѣ своемъ: «О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова» и въ редакціи всего этого изданія онъ проявилъ дарованіе и научную подготовку къ своему дѣлу въ полной силѣ.

Это изслѣдованіе—вполнѣ образцовое.

Все, что когда-либо было писано и печатано о Батюшковѣ или самимъ поэтомъ, біографомъ его изучено, взвѣшено, сведено въ цѣлое, разработано, освѣщено правильно. Ни одно малѣйшее проявленіе постепеннаго роста и дѣятельности духовныхъ силъ Батюшкова—не ускользнуло отъ внимательнаго и талантливаго его біографа. Мельчайшія біографическія данныя, до жизни поэта относящіяся, приведены въ тѣсную связь съ характеристикою, въ высшей степени интересною, мѣстами весьма тонкою, всѣхъ лицъ, имѣвшихъ на нравственное и умственное развитіе К. Н. то или другое вліяніе; при этомъ очерчены направленія литературныхъ кружковъ, съ характеристикой различныхъ вѣяній какъ въ русскомъ обществѣ, такъ и въ литературахъ европейскихъ, но имѣвшихъ вліяніе на русскую словесность вообще и на творчество Батюшкова въ особенности. Журналы его времени изучены до мельчайшихъ подробностей, извлеченія изъ нихъ сдѣланы превосходно, въ особенности тамъ, гдѣ авторъ дѣлаетъ обозрѣніе разработки культурныхъ вопросовъ въ русскомъ обществѣ, и все это безъ излишнихъ длинноть, безъ общихъ мѣстъ, безъ повтореній!

Л. Н. Майковъ очень часто старается говорить словами Батюшкова. Сочиненія поэта и, въ особенности, его превосходныя письма даютъ ему богатый матеріалъ, и г. Майковъ пользуется имъ, опять-таки скажемъ, весьма талантливо. Мы съ удовольствіемъ замѣтили, что обширное собраніе писемъ Батюшкова къ Гнѣдичу (почти до 100 писемъ),—сообщенное на страницахъ

Digitized by Google

«Русской Старины» въ 1871—1884 гг.,—дало отличный матеріалъ для труда Л. Н. Майкова. Выписки изъ этихъ писемъ попадаются почти на каждой страницѣ и, вѣроятно, примѣчанія П. А. Ефремова были очень полезнымъ пособіемъ г. Майкову; между прочимъ, благодаря указаніямъ, въ этихъ письмахъ заключающимся, выяснено имъ время написанія, а иногда и принадлежность Батюшкову нѣкоторыхъ его произведеній.

Вообще, новый многолѣтній обширный трудъ Леонида Николаевича—вполнѣ академическій, въ отличномъ смыслѣ этого слова; изложеніе прекрасно и нѣтъ ничего такого, что не было бы тотчасъ-же подкрѣплено сноской на документъ. Если авторомъ не отдана дань похвалы тѣмъ, кто были предшественниками ему въ изслѣдованіи о жизни и творчествѣ Батюшкова, то нѣтъ ни одной, положительно ни одной, выходки противъ нихъ, а и это не маловажная защита, въ виду тѣхъ полемическихъ выходокъ, которыми, къ сожалѣнію, пестрятъ труды въ области исторіи литературы нѣкоторые наши библіографы и изслѣдователи. Повторяемъ, трудъ Л. Н. Майкова—академическій, гротовскаго характера и направленія, то есть полный, ясный, въ высокой степени обстоятельный, отличный по изложенію (на 360 стр. изслѣдованія и 600 стр. примѣчанія мы встрѣтили не болѣе трехъ, четырехъ словъ, не вполнѣ удачныхъ) [1]), законченный по богатству матеріаловъ и вполнѣ разумнымъ вѣрнымъ выводамъ.

Какъ академическое изданіе полнаго собранія сочиненій Державина—подъ редакціею Я. К. Грота—служитъ въ величайшей степени полезнымъ и необходимымъ источникомъ знанія для каждаго изучающаго русскую литературу XVIII-го вѣка, такъ отнынѣ трудъ Л. Н. Майкова, относительно сочиненій Батюшкова, послужитъ обильнымъ кладеземъ свѣдѣнія по отношенію къ отечественной словесности первой четверти XIX-го вѣка [2]).

---

[1]) Такъ, напр., „не смотря на болѣсти“ (т. I, 87); „стихъ не лишенъ красивости“ (т. I, 28); Наполеонъ I названъ проходимцемъ (т. I, 152); обѣднѣлыхъ бѣглецовъ (т. I, 172).

[2]) Въ числѣ приложеній особенно интересна обширная записка, на нѣмецкомъ языкѣ, доктора Антона Дитриха (февр. 1829 г.) о душевной

Digitized by Google

III.

Въ новомъ изданіи (1885—1887 гг.) собственно сочиненія К. Н. Батюшкова занимаютъ два съ половиною тома. Въ первомъ—помѣщено сто девятнадцать стихотвореній—съ 1802 г. по 1821 г., на 298-ми страницахъ; во второмъ—двадцать семь статей въ прозѣ (288 стр.); въ третьемъ—на 600-хъ страницахъ соединены письма Батюшкова, за время съ 6-го іюля 1797 по мартъ 1823 года, около 300 писемъ, а также нѣкоторыя изъ замѣтокъ, писанныхъ имъ во время душевной болѣзни (1823—1853 г.).

Позволимъ себѣ здѣсь привести нѣсколько стихотвореній поэта, въ виду столѣтней годовщины дня его рожденія.

Приводимъ образцы въ разныхъ родахъ и разнаго времени, но далеко не наилучшіе, частью потому, что вполнѣ дивныя произведенія Батюшкова, разсѣянныя въ хрестоматіяхъ и учебникахъ словесности, слишкомъ хорошо извѣстны каждому образованному русскому.

Итакъ, вотъ до десяти пьесъ, извлеченныхъ нами изъ I-го тома монументальнаго изданія П. Н. Батюшкова произведеній его брата-поэта:

XVI.

Къ Н. И. Гнѣдичу.

[1807 г.].

Только дружба обѣщаетъ
Мнѣ безсмертія вѣнокъ;
Онъ примѣтно увядаетъ,
Какъ отъ зноя василекъ.
Мнѣ оставишь ли для славы
Скромную стезю забавы?

болѣзни К. Н. Батюшкова. Записка эта (т. I, стр. 334—353) сообщена семействомъ покойнаго врача, чрезъ посредство священника въ Висбаденѣ, о. А. В. Тачалова. Монографія Л. Н. Майкова, какъ совершенно цѣльное изслѣдованіе, сопровождается алфавитнымъ указателемъ личныхъ именъ. Ред.

Digitized by Google

Путь къ забавамъ проложенъ,
Къ славѣ тѣсенъ и мудренъ!
Мнѣ ль за призракомъ гоняться,
Лавры съ скукой собирать?
Я умѣю наслаждаться,
Какъ ребенокъ, всѣмъ играть
И счастливъ!.. Досель цвѣтами
Путь ко счастью устилалъ,
Пѣлъ, мечталъ, подъ часъ стихами
Горесть сердца услаждалъ,
Пѣлъ отъ лѣни и досуга,
Муза мнѣ была подруга:
Не былъ ей порабощенъ.
А теперь весна, какъ сонъ
Легкокрылый, исчезаетъ
И собою увлекаетъ
Прелесть пѣсней и мечты.
Нѣжны мирты и цвѣты,
Чѣмъ прелестницы вѣнчали
Юнаго пѣвца, завяли.
Ахъ, уже ли наградитъ
Слава счастія утрату
И ко дней моихъ закату
Какъ нарочно прилетитъ?

XXVII.

Кротъ и Мышь.

(Басня).

[1809 г.].

Кротъ мыши разъ сказалъ: „Подруга, ну зачѣмъ
„На пыльномъ чердакѣ своемъ
„Царапаешь, грызешь и книги раздираешь,
А крошки въ нихъ ума и пользы не сбираешь?“
„Что нужды!“ мышь въ отвѣтъ, „ума ли я ищу?
„Я жить хочу“.
Не знаю, въ прокъ ли то, но баснь сія уликой
Тебѣ, сбрызганный чернилами Аристъ.
Зубами ты живешь, голодный журналистъ,
Да нужды жить тебѣ не видимъ мы великой.

Digitized by Google

XXX.

[1809 г.].

Какъ трудно Бибрису со славою ужиться!
Онъ пьетъ, чтобы писать, и пишетъ, чтобъ напиться!

Примѣч. Эпиграмма направлена на С. С. Боброва, см. о немъ примѣчанія къ соч. Батюшкова, т. I, стр. 322, и т. II, стр. 536—538.

XXXII.

Эпиграмма.

[1809 г.].

„Не годенъ ни къ чему Глупницкаго журналъ".
Зоилы дерзкіе, вы ль это говорите?
Неблагодарные, я развѣ не видалъ,
Когда бывало вы табакъ со мной курите,
Когда что завернуть понадобится вамъ,
Журналъ Глупницкаго всегда тутъ пригодится.
Но я васъ накажу: ни нумера не дамъ
Журнала этого, когда вамъ не заспится.

Примѣч. Эпиграмма, какъ кажется, направлена на Ар. Вл. Лукницкаго, издававшаго въ 1809—1811 гг. журналъ Сѣверный Меркурій. См. примѣч. къ I тому соч. Батюшкова, стр. 323, и т. III, стр. 618—619 (примѣч.).

XLIV.

[1810].

Извѣстный откупщикъ Ѳадѣй
Построилъ Богу храмъ... и совѣсть успокоилъ.
И впрямъ! На все цѣны удвоилъ:
Далъ Богу мѣдный грошъ, а сотни взялъ рублей
Съ людей.

XLVII.

Истинный патріотъ.

[1810 г.].

„О хлѣбъ-соль русская, о прадѣдъ Филаретъ,
„О милые остатки,
„Упрямство дѣдушки и ферези прабабки!

Digitized by Google

„Безъ васъ спасенья нѣтъ,
„А вы, а вы забыты нами!“
Вчера горланилъ Фирсъ съ гостями
И сидя у меня за лакомымъ столомъ,
Въ восторгѣ пламенномъ, какъ истый витязь русскій,
Съѣлъ соусъ, съѣлъ другой, а тамъ сальмисъ французскій,
А тамъ шампанскаго хлебнулъ съ бутылку онъ,
А тамъ... подвинулъ стулъ и сѣлъ играть въ бостонъ.

Примѣч. Л. Н. Майковъ предполагаетъ, что эпиграмма направлена на плохаго литератора начала XIX вѣка—Ѳедора Петровича Львова. См. примѣч. къ I тому Батюшкова, стр. 337, и т. III, стр. 632—633.

XLVIII.

Ложный страхъ.

Подражаніе Парни.

[1810 г.].

Помнишь-ли, мой другъ безцѣнный,
Какъ съ амурами тишкомъ,
Мракомъ ночи окруженный,
Я къ тебѣ прокрался въ домъ?
Помнишь-ли, о другъ мой нѣжной,
Какъ дрожащая рука
Отъ побѣды неизбѣжной
Защищалась, но слегка?
Слышенъ шумъ: ты испугалась,
Свѣтъ блеснулъ и въ мигъ погасъ,
Ты къ груди моей прижалась,
Чуть дыша... Блаженный часъ!
Ты пугалась, я смѣялся.
„Намъ ли вѣдать, Хлоя, страхъ!
„Гименей за все ручался,
„И Амуры на часахъ.
„Все въ безмолвіи глубокомъ,
„Все почило сладкимъ сномъ,
„Дремлетъ Аргусъ томнымъ окомъ
„Подъ Морфеевымъ крыломъ!“
Рано утреннія розы
Запылали въ небесахъ...
Но любви безцѣнны слёзы,
Но улыбка на устахъ,
Томно персей волнованье
Подъ прозрачнымъ полотномъ,
Молча, новое свиданье
Обѣщали вечеркомъ.

Digitized by Google

Еслибъ Зевсова десница
Мнѣ вручила ночь и день,
Поздно-бъ юная денница
Прогоняла черну тѣнь,
Поздно-бъ солнце выходило
На восточное крыльцо,
Чуть блеснуло-бъ и сокрыло
За лѣсъ рдяное лицо,
Долго-бъ тѣни пролежали
Влажной ночи на поляхъ,
Долго-бъ смертные вкушали
Сладострастіе въ мечтахъ!
Дружбѣ дамъ я часъ единый,
Вакху часъ и сну другой,
Остальною-жъ половиной
Подѣлюсь, мой другъ, съ тобой!

XLIX и L.

[1810 г.].

Совѣтъ эпическому стихотворцу.

Какое хочешь имя дай
Твоей поэмѣ полудикой:
Петръ длинный, Петръ большой, но только Петръ Великій
Ея не называй.

На поэмы Петру Великому.

Какъ страненъ здѣсь судебъ уставъ!
Пѣвцы Петровыхъ дѣлъ—несчастья жертвы:
Нашъ Пиндаръ кончилъ жизнь, поэмы не скончавъ,
Другіе живы всѣ, но ихъ поэмы мертвы!

Примѣч. Эпиграммы направлены противъ кн. С. А. Шихматова, бездарнаго эпическаго стихотворца. Пиндаромъ — Батюшковъ называетъ Ломоносова. См. примѣч. къ соч. Батюшкова, т. I, стр. 338—339.

LXXI.

Къ Д. В. Дашкову.

[1812 г.].

Мой другъ, я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары,
Враговъ неистовыхъ дѣла,

Digitized by Google

Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ,
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ;
Я на распутьи видѣлъ ихъ.
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной,
Среди развалинъ и могилъ,
Трикраты прахъ ея священной
Слезами скорби омочилъ.
И тамъ, гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней,
И тамъ, гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ,
И тамъ, гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады,—
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!...
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,
Безпечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость,
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы,
На голосъ мирныя цѣвницы
Сзывать пастушекъ въ хороводъ,
Мнѣ пѣть коварныя забавы
Армидъ и вѣтреныхъ Цирцей
Среди могилъ моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы!...
Нѣтъ, нѣтъ, талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нѣтъ, нѣтъ, пока на полѣ чести
За древній градъ моихъ отцовъ

Digitized by Google

Не понесу я въ жертву мести
И жизнь, и къ родинѣ любовь,
Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь,
Три раза не поставлю грудь
Передъ враговъ сомкнутымъ строемъ,—
Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды музы и хариты,
Вѣнки, рукой любови свиты,
И радость шумная въ винѣ!

LXXIV.

Пѣвецъ въ Бесѣдѣ Славянороссовъ.

(Эпико-лиро-комико-эпородическій гимнъ).

[1813 г.].

Пѣвецъ.

Друзья, всѣ гости по домамъ:
От чтенья охмелѣли!
Конецъ и прозѣ, и стихамъ —
До будущей недѣли!
Мы здѣсь одни... Что дѣлать? Пить
Вино изъ полной чаши.
Давайте въ запуски хвалить
Славянски оды наши!

Сотрудники.

Мы здѣсь одни... Что дѣлать? Пить, и проч.

Пѣвецъ.

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья, уже покойныхъ нѣтъ
Пѣвцовъ среди Бесѣды!
Ихъ вирши сгнили въ кладовыхъ
Иль съѣдены мышами,
Иль продаютъ на рынкѣ въ нихъ
Салакушку съ сельдями.
Но духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ:
Мы всѣ для славы дышемъ,
Равно здѣсь въ прозѣ и въ стихахъ,
Какъ Тредьяковскій, пишемъ.

Digitized by Google

Сотрудники.

Но духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ, и проч.

Пѣвецъ.

Чья тѣнь подъ самымъ потолкомъ
Предъ нашими глазами?
За нимъ, предъ нимъ—о страхъ!—полкомъ
Поэты со стихами!
Се Тредьяковскій въ парикѣ
Намасленномъ съ кудрями,
Съ Телемахидою въ рукѣ,
Съ Ролленемъ за плечами.
Почто на насъ, о мужъ сѣдой,
Вперилъ ты страшны очи?
Мы всѣ клялись, клялись тобой
Съ утра до полуночи
Писать какъ ты, тебѣ служить.
Мы всѣ съ разсудкомъ въ ссорѣ,
Для славы будемъ жить и пить,
Намъ по колѣни море!

Сотрудники.

Писать какъ ты, тебѣ служить, и проч.

Пѣвецъ.

Напьемся пьяны музамъ въ дань,
Какъ пили наши дѣды!
Разсудокъ къ чорту, вкусу брань,
Хвала сынамъ Бесѣды!
Пусть Ломоносовъ былъ уменъ,
А мы еще умнѣе;
За пьянство сталъ умнѣе онъ,
А мы еще пьянѣе.
Для славы будемъ жить и пить,
Врагамъ бѣда и горе!
На что разсудокъ намъ щадить?
Намъ по колѣни море!

Сотрудники.

Для славы будемъ жить и пить, и проч.

Пѣвецъ.

Друзья, большой бокалъ отцовъ
За лавку Глазунова!
Тамъ царство вѣчное стиховъ
Шихматова лихова.
Роднаго крова милый свѣтъ,

Digitized by Google

Знакомые подвалы,
Златыя игры первыхъ лѣтъ,
Невинны мадригалы,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О лавка дорогая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!

Сотрудники.

Что вашу прелесть замѣнитъ, и проч.

Пѣвецъ.

Тамъ все знакомо для пѣвцовъ,
Тамъ наши дѣтки милы,
Кладбище милое стиховъ,
Бумажныя могилы,
Тамъ царство тлѣнья и мышей,
Тамъ Николевъ почтенный,
И древній прахъ календарей,
И прахъ газетъ священный!

Сотрудники.

Тамъ царство тлѣнья и мышей, и проч.

Пѣвецъ.

Да здравствуетъ Бесѣды царь!
Цвѣти, его держава!
Бумажный тронъ твой—нашъ алтарь,
Предъ нимъ обѣтъ нашъ—слава.
Не измѣнимъ: мы отъ отцовъ
Пріяли глупость съ кровью.
Сумбуръ, здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
Къ тебѣ горимъ любовью!
Нашъ каждый писарь-славянинъ
Галиматьею дышетъ;
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ,
Кто галлицизмы пишетъ!

Сотрудники.

Нашъ каждый писарь-славянинъ, и проч.

Пѣвецъ.

Тотъ нашъ, кто день и ночь кадитъ
И намъ молебны служитъ!
Пусть публика его бранитъ,
Но онъ о томъ не тужитъ,
За насъ всегда стоитъ горой,

Digitized by Google

Въ Бесѣдѣ не зѣваетъ...
Прямой сотрудникъ, братъ прямой
И въ брани помогаетъ!

Сотрудники.

За насъ всегда стоитъ горой, и проч.

Пѣвецъ.

Хвала тебѣ, славянсфилъ,
О мужъ неукротимый!
Ты здѣсь разсудокъ побѣдилъ
Рукой неутомимой.
О, сколь съ наморщеннымъ челомъ
Въ Бесѣдѣ онъ прекрасенъ,
Сколь холоденъ передъ столомъ
И критикамъ ужасенъ!
Упрямство въ немъ старинныхъ лѣтъ...
Хвала сѣдому дѣду!
Друзья, онъ, онъ родилъ на свѣтъ
Славянскую Бесѣду!

Сотрудники.

Упрямство въ немъ старинныхъ лѣтъ, и проч.

Пѣвецъ.

Хвала тебѣ, о дѣдъ сѣдой,
Хвала и многи лѣта!
Ошую пусть сидитъ съ тобой
Осьмое чудо свѣта,
Твой сынъ наперсникъ и клеврет,
Шихматовъ безглагольный,
Какъ ты, славянъ краса и цвѣтъ,
Какъ ты, собой довольный!

Сотрудники.

Твой сынъ, наперсникъ и клеврет, и проч.

Пѣвецъ.

Хвала тебѣ, о Шаховской,
Холодныхъ шубъ кроитель,
Отецъ талантовъ, мужъ прямой,
Ежовой покровитель!
Тѣлецъ, упитанный у насъ,
О ты, болванъ болвановъ,
Хвала тебѣ, хвала сто разъ,
Раздутый Карабановъ!

Digitized by Google

Сотрудники.

Тѣлецъ, упитанный у насъ, и проч.

Пѣвецъ.

Хвала, читателей тиранъ,
Хвостовъ неистощимый,
Стихи твои какъ барабанъ
Для слуха нестерпимы!
Вездѣ съ стихами, тутъ и тамъ,
Вездѣ ты волкомъ рыщешь,
Пускаешь притчу въ тылъ врагамъ,
Стихами въ уши свищешь.
Лишь за поэму—прочь идутъ,
За оду—засыпаютъ,
Ты за посланье—всѣ бѣгутъ
И уши затыкаютъ.

Сотрудники.

Лишь за поэму—прочь идутъ, и проч.

Пѣвецъ.

Хвала, псаломщикъ нашъ, старикъ,
Захаровъ-преложитель,
Ревешь ты, какъ на волка быкъ,
Луговъ пустынныхъ житель!
Хвала тебѣ, протяжный Львовъ,
Ковачъ реченій смѣлый,
И Палицынъ, гроза чтецовъ,
Въ Поповкѣ посѣдѣлый!
Хвала, нашъ пасмурный Гервей,
Обруганный Станевичъ,
И съ польской лирою своей,
Халуй Анастасевичъ!

Сотрудники.

Хвала, нашъ пасмурный герой, и проч.

Пѣвецъ.

Друзья, сей ковшъ пивной большой
За здравье Соколова!
Онъ право чтецъ у насъ лихой
И созданъ для Хвостова.
Въ твоихъ устахъ стихи ревутъ,
Какъ волны пѣной плещутъ;
Отъ грома ихъ невольно тутъ
Всѣ барыни трепещутъ.
Хвала, Бесѣды сей дьячокъ,
Безумный Политковскій!

Digitized by Google

Жуешь, гнусишь и вдругъ стишокъ
Родишь славянороссκій.

Сотрудники.

Хвала, Бесѣды сей дьячокъ, и проч.

Пѣвецъ.

. . . . . .
. . . . . .
Ихъ груди каменной хвала,
Хвала скуламъ желѣзнымъ!
Но месть тому, кто насъ бранитъ
И точитъ эпиграммы,
Кто пишетъ такъ, какъ говоритъ,
Кого читаютъ дамы!

Сотрудники.

Но месть тому, кто насъ бранитъ, и проч.

Пѣвецъ.

Сей кубокъ мщенью! Други, въ строй,
И мигомъ перья въ длани!
Сразить иль пасть—нашъ роковой
Обѣтъ въ чернильной брани.
Вотще свои, о Карамзинъ,
Ты издалъ сочиненья:
Я, я на Пиндѣ властелинъ
И жажду лишь отмщенья!

Сотрудники.

Вотще свои, о Карамзинъ, и проч.

Пѣвецъ.

Нѣтъ логики у насъ въ домахъ,
Грамматикъ не бывало;
Мы прологъ въ руки—гибни, врагъ,
Съ твоей дружиной вялой!
Отвѣдай, дерзкій, что̀ сильнѣй —
Разсудокъ или мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей!
За глупыхъ Провидѣнье!

Сотрудники.

Отвѣдай, дерзкій, что̀ сильнѣй, и проч.

Пѣвецъ.

Друзья, прощанью сей стаканъ!
Ужь свѣчи погасили,
Пробили зорю въ барабанъ,

Digitized by Google

Къ заутренѣ звонили,
Пора домой, пора ко сну,
Отъ хмеля я шатаюсь...

Графъ Хвостовъ.

Дай, басню я прочту одну
И послѣ распрощаюсь.

Всѣ.

Ахъ, нѣтъ, друзья, домой, домой!
Чу, пѣтухи пропѣли!
Прощай, Шишковъ, нашъ дѣдъ сѣдой,
Прощай, мы охмелѣли,
Но ты насъ въ путь благослови!
А вы, друзья, лобзанья
Въ завѣтъ и новыя любви,
И новаго свиданья!

Примѣч. Это сатирическое стихотвореніе обошло Россію во множествѣ рукописныхъ спискахъ и только въ 1856 году впервые явилось въ печати, въ журналѣ «Современникъ». Въ собраніи соч. Батюшкова нынѣ напечатанъ самый исправный текстъ этого весьма остроумнаго произведенія; пропусковъ двухъ строкъ принадлежитъ изданію соч. Батюшкова. См. примѣч. къ I тому соч. Батюшкова стр. 375—383, гдѣ приведены весьма обстоятельныя свѣдѣнія о всѣхъ лицахъ, упоминаемыхъ пѣвцомъ въ «Бесѣдѣ Славянороссовъ».

А вотъ романсъ, облетѣвшій всю Россію и сдѣлавшійся вполнѣ народною пѣснію, причемъ поющіе, конечно, и не знаютъ, что авторъ его — К. Н. Батюшковъ.

LXXVI.

Разлука.

[1814 г.].

Гусаръ, на саблю опираясь,
Въ глубокой горести стоялъ;
Надолго съ милой разлучаясь,
Вздыхая онъ сказалъ:
„Не плачь, красавица, слезами
„Кручинѣ злой не пособить!
„Клянуся честью и усами
„Любви не измѣнить!
„Любви непобѣдима сила!
„Она мой вѣрный щитъ въ войнѣ;

Digitized by Google

„Булатъ въ рукѣ, а въ сердцѣ Лила, —
„Чего страшиться мнѣ?
„Не плачь, красавица, слезами
„Кручинѣ злой не пособить!
„А если измѣню,—усами
„Клянусь наказанъ быть!
„Тогда мой вѣрный конь споткнися,
„Летя во вражій станъ стрѣлой;
„Уздечка бранная порвися
„И стремя подъ ногой!
„Пускай булатъ въ рукѣ съ размаха
„Изломится, какъ прутъ гнилой,
„И я, блѣднѣя весь отъ страха,
„Явлюсь передъ тобой!"
Но вѣрный конь не спотыкался
Подъ нашимъ всадникомъ лихимъ:
Булатъ въ бояхъ не изломался,
И честь гусара съ ни
А онъ забылъ любовь и слезы
Своей пастушки дорогой
И рвалъ въ чужбинѣ счастья розы
Съ красавицей другой.
Но что же сдѣлала пастушка?
Другому сердце отдала.
Любовь красавицамъ—игрушка,
А клятвы ихъ — слова!
Все здѣсь, друзья, измѣной дышетъ,
Теперь нѣтъ вѣрности нигдѣ!
Амуръ смѣясь всѣ клятвы пишетъ
Стрѣлою на водѣ.

CIX.

Н. М. Карамзину.

[1818 г.].

Когда на играхъ Олимпійскихъ,
Въ надеждѣ радостныхъ похвалъ,
Отецъ исторіи читалъ,
Какъ Грекъ разилъ вождей азійскихъ
И силы гордыхъ сокрушилъ,—
Народъ, любитель громкой славы,
Забывъ пристанья и забавы,
Стоялъ и весь вниманье былъ.
Но въ сей толпѣ многонародной
Какъ старца слушалъ Ѳукидидъ,
Любимый отрокъ Аонидъ,
Надежда крови благородной!

Digitized by Google

Съ какою жаждой онъ внималъ
Отцевъ дѣянья знамениты
И на горящія ланиты
Какія слезы проливалъ!
И я такъ плакалъ въ восхищеньи,
Когда скрижаль твою читалъ,
И геній твой благословлялъ
Въ глубокомъ, сладкомъ умиленьи.
Пускай талантъ не мой удѣлъ,
Но я для музъ дышалъ не даромъ,
Любилъ прекрасное и съ жаромъ
Твой геній чувствовать умѣлъ.

Въ заключеніе нашихъ выписокъ стихотвореній Батюшкова, напомнимъ одно изъ послѣднихъ его произведеній,—это дивный отрывокъ изъ Чайльдъ Гарольда Байрона:

CXV.

[1819 г.].

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
Есть радость на приморскомъ брегѣ,
И есть гармонія въ семъ говорѣ валовъ,
Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
Я ближняго люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
И то, чѣмъ нынѣ сталъ подъ холодомъ годовъ.
Тобою въ чувствахъ оживаю:
Ихъ выразить душа не знаетъ стройныхъ словъ,
И какъ молчать объ нихъ, не знаю.

Шуми же, ты, шуми, угрюмый океанъ!
Развалины на прахѣ строитъ
Минутный человѣкъ, сей суетный тиранъ;
Но море чѣмъ себѣ присвоитъ?
Трудися, созидай громады кораблей...

Проза Батюшкова — также превосходна, какъ и его стихотворенія. Почти каждая, изъ напечатанныхъ во II-мъ томѣ его собранія сочиненій, статья навсегда будетъ служить предметомъ изученія для молодыхъ поколѣній какъ образцовая, каковою служила проза Батюшкова для насъ и отцовъ нашихъ.

Digitized by Google

Всѣхъ статей въ прозѣ двадцать семь, время написанія ихъ съ 1709 по 1817 г. включительно. Между ними всѣмъ извѣстныя со школьной еще скамьи: «Отрывокъ изъ писемъ русскаго офицера о Финляндіи», «Похвальное слово сну» (нынѣ явившееся въ двухъ редакціяхъ), «О сочиненіяхъ М. Н. Муравьева», «Прогулка въ Академію художествъ», «О поэтѣ и поэзіи» (особенно замѣчательная статья), «О характерѣ Ломоносова», «Вечеръ у Кантемира», «Рѣчь о вліяніи легкой поэзіи на языкъ» и пр.

Къ этимъ образцовымъ произведеніямъ русской прозы нынѣ присоединены статьи Батюшкова, недавно лишь найденныя, какъ напр. «Прогулка по Москвѣ», впервые явившаяся въ печати въ 1869 году, статья весьма интересная, и особенно любопытныя замѣтки: «Чужое — мое сокровище», — записная книжка К. Н. Батюшкова, 1817 г., въ которую онъ, живя въ деревнѣ, вносилъ выписки изъ прочитаннаго, свои замѣтки при чтеніи книгъ и воспоминанія изъ прошлаго.

«Записная книжка эта, довольно обширная (т. II, стр. 288—367), до сихъ поръ вовсе неизвѣстна и нынѣ впервые напечатанная,—по справедливому замѣчанію редакціи разсматриваемаго нами изданія,—составляетъ драгоцѣнный памятникъ занятій и размышленій нашего поэта въ періодъ высшаго развитія его таланта». Чтобы дать понятіе читателямъ «Русской Старины» въ какомъ родѣ эта книжка, какъ интересна она, по отношенію къ симпатичной личности писавшаго ее поэта, приводимъ изъ нея три или четыре страницы:

Мая 3-го, 1817 г.

Болѣзнь моя не миновала, а немного затихла. Кругомъ мрачное молчаніе, домъ пустъ, дождикъ накрапываетъ, въ саду слякоть. Что дѣлать? Все прочиталъ, что было, даже „Вѣстникъ Европы“. Давай вспоминать старину. Давай писать на-бѣло impromtu безъ самолюбія, и посмотримъ что̀ выльется; писать такъ скоро, какъ говоришь, безъ претензій, какъ мало авторовъ пишутъ, ибо самолюбіе всегда за полу дергаетъ и на мѣсто перваго слова заставляетъ ставить другое. Но Монтань писалъ, какъ на умъ приходило ему. Вѣрю. Но Монтань—человѣкъ истинно необыкновенный. Я сравниваю его умъ съ запруженнымъ источникомъ: поднимите шлюзу, и вода хлынетъ и течетъ безпрестанно, пѣнясь, кипя, течетъ всегда чистая, всегда здоровая—отъ чего? Отъ того, что резервуаръ былъ обиленъ. Съ маленькимъ умомъ, съ вялымъ и не быстрымъ, каковъ мой, писать прямо на бѣло очень трудно, но сегодня я въ духѣ и хочу сдѣлать tour de force. Перо немного разсѣетъ тоску мою. И такъ... Но вотъ ужь я и въ тупикъ сталъ. Съ чего начать? О чемъ писать? Отдавать себѣ отчетъ въ протекшемъ, описывать настоящее

Digitized by Google

и планы будущаго. Но это—признаться—очень скучно. Говорить о протекшемъ хорошо на старости, и то великимъ людямъ или богатымъ передъ наслѣдниками, которые изъ снисхожденія слушаютъ:

On en vaut mieux quand on est écouté.

Что говорить о настоящемъ! Оно едва ли существуетъ. Будущее... о, будущее для меня очень тягостно съ нѣкотораго времени! И такъ, пиши чемъ-нибудь; разсуждай! Разсуждать нѣсколько разъ пробовалъ, но мнѣ что-то все не удается: для меня, говорятъ добрые люди,—разсуждать все равно, что пиому умничать. Это больно. Отъ чего я не могу разсуждать?

Первый резонъ: малъ ростомъ.
2-й „ не довольно дороденъ.
3-й „ разсѣянъ.
4-й „ слишкомъ снисходителенъ.
5-й „ ничего не знаю съ корня, а одни вершки, даже и въ поэзіи, хотя цѣлый вѣкъ блѣднѣю надъ рифмами.
6-й „ не чиновенъ, не знатенъ, не богатъ.
7-й „ не женатъ.
8-й „ не умѣю играть въ бостонъ и въ вистъ.
9-й „ ни въ шахъ и матъ.
10-й „
11-й „ Послѣ придумаю остальные резоны, по которымъ разсудокъ заставляетъ меня смиряться. Но писать надобно. Мнѣ очень скучно безъ пера. Пробовалъ рисовать—не рисуется; писать вензеля—теперь ни въ кого не влюбленъ; что же дѣлать, научите добрые люди, а говорить не съ кѣмъ. Не знаю, какъ помочь горю. Давай подумаю. Кстати, вспоминаю чужія слова — Вольтера, помнится: et voilà comme on écrit l'histoire! Я вспомнилъ ихъ машинально, почему—не знаю, а эти слова заставляютъ меня вспомнить о томъ, чему я бывалъ свидѣтелемъ въ жизни моей, и что видѣлъ послѣ въ описаніи. Какая разница, Боже мой, какая! Et voilà comme on écrit l'histoire!

Простой ратникъ, я видѣлъ паденіе Москвы, видѣлъ войну 1812, 1813 и 1814, видѣлъ и читалъ газеты и современныя исторіи. Сколько лжи! И вотъ тому примѣръ въ Сѣверной Почтѣ.

Мы были въ Эльзасѣ, Раевскій командовалъ тогда гренадерами. Призываетъ меня вечеромъ кой о чемъ поболтать у камина. Войско было тогда въ совершенномъ бездѣйствіи, и время, какъ свинецъ, лежало у генерала на сердцѣ. Онъ курилъ очень много по обыкновенію, читалъ журналы, гладилъ свою американскую собачку—животное самое гнусное, не тѣмъ бы вспомянуть его, и которое мы, адъютанты, изподтишка били, и ласкали въ присутствіи генерала, что очень не похвально, скажете вы; но что же дѣлать? Примѣръ подавали свыше—другіе генералы, находившіеся подъ начальствомъ Раевскаго. Мало по малу всѣ разошлись, и я остался одинъ. „Садись!“ Сѣлъ. „Хочешь курить?“ „Очень благодаренъ“. Я изъ гордости не позволялъ себѣ никакой вольности при его высокопревосходительствѣ. „Ну, такъ давай говорить!“ „Извольте“. Слово за слово, разговоръ сдѣлался любопытенъ. Раевскій очень уменъ и удивительно искрененъ, даже до ребячества, при всей хитрости своей. Онъ же меня любилъ (въ это время), и слова лились рѣкою. Всѣмъ доставалось: Silis a cela de bon, c'est que quand il frappe, il assomme.

Digitized by Google

Онъ вовсе не ученъ, но что знаетъ, то знаетъ. Умъ его лѣнивъ, но въ минуты дѣятельности ясенъ, остеръ. Онъ засыпаетъ и просыпается. Но дѣло теперь о томъ, что онъ мнѣ говорилъ. Кампанія 1812 года была предметомъ нашего болтанья.

„Изъ меня сдѣлали Римлянина, милый Батюшковъ“, сказалъ онъ мнѣ,— „изъ Милорадовича—великаго человѣка, изъ Витгенштейна—спасителя отечества, изъ Кутузова—Фабія. Я не Римлянинъ, но за то и эти господа—не великія птицы. Обстоятельства ими управляли, теперь всѣмъ движетъ государь. Провидѣніе спасало отечество. Европу спасаетъ государь, или Провидѣніе его внушаетъ. Пріѣхалъ царь—всѣ великіе люди изчезли. Онъ былъ въ Петербургѣ—и карлы выросли. Сколько небылицъ напечатали эти карлы! Про меня сказали, что я подъ Дашковкой принесъ на жертву дѣтей монхъ. „Помню“, отвѣчалъ я,—„въ Петербургѣ васъ до небесъ превозносили“. „За то, чего я не сдѣлалъ, а за истинныя мои заслуги хвалили Милорадовича и Остермана. Вотъ слава, вотъ плоды трудовъ!“ „Но помилуйте, ваше высокопревосходительство, не вы ли, взявъ за руку дѣтей вашихъ и знамя, пошли на мостъ, повторяя: впередъ, ребята; я и дѣти мои откроемъ вамъ путь ко славѣ, или что-то тому подобное“. Раевскій засмѣялся. „Я такъ никогда не говорю витіевато, ты самъ знаешь. Правда, я былъ впереди. Солдаты пятились, я ободрялъ ихъ. Со мною были адъютанты, ординарцы. По лѣвую сторону всѣхъ перебило и переранило, на мнѣ остановилась картечь. Но дѣтей монхъ не было въ эту минуту. Младшій сынъ сбиралъ въ лѣсу ягоды (онъ былъ тогда сущій ребенокъ, и пуля ему прострѣлила панталоны); вотъ и все тутъ, весь анекдотъ сочиненъ въ Петербургѣ. Твой пріятель (Жуковскій) воспѣлъ въ стихахъ. Граверы, журналисты, нувеллисты воспользовались удобнымъ случаемъ, и я пожалованъ Римлянином. Et voilà comme on écrit l'histoire!“

Вотъ что мнѣ говорилъ Раевскій.

Но охотникамъ до анекдотовъ я могу разсказать другой, не менѣе любопытный, и который доказываетъ его присутствіе ума и обнажаетъ его душу. Онъ мнѣ не сдѣлалъ никакого добра, но хвалить его мнѣ пріятно, хвалить какъ истиннаго героя, и я съ удовольствіемъ теперь, въ тишинѣ сельскаго кабинета, воспоминаю старину. Подъ Лейпцигомъ мы бились (4-го числа) у краснаго дома. Направо, налѣво, все было опрокинуто. Одни гренадеры стояли грудью. Раевскій стоялъ въ цѣпи мраченъ, безмолвенъ. Дѣло шло не весьма хорошо. Я видѣлъ неудовольствіе на лицѣ его, безпокойства ни малаго. Въ опасности онъ истинный герой, онъ прелестенъ. Глаза его разгорятся, какъ угли, и благородная осанка его поистинѣ сдѣлается величественною. Писаревъ леталъ, какъ вихорь, на конѣ по грудамъ тѣлъ, точно по грудамъ, и Раевскій мнѣ говорилъ: „Онъ молодецъ“. Французы усиливались, мы слабѣли, но ни шагу впередъ, ни шагу назадъ. Минута ужасная. Я замѣтилъ измѣненіе въ лицѣ генерала и подумалъ: „Видно дѣло идетъ дурно“. Онъ, оборотясь ко мнѣ, сказалъ очень тихо, такъ что я едва услышалъ: „Батюшковъ, посмотри, что у меня“, взялъ меня за руку (мы были верхами) и руку мою положилъ себѣ подъ плащъ, потомъ подъ мундиръ. Въ торопяхъ я не могъ догадаться, чего онъ хочетъ. Наконецъ, и свою руку освободя отъ поводовъ, положилъ за пазуху, вынялъ ее и очень хладнокровно поглядѣлъ на капли крови. Я ахнулъ, поблѣднѣлъ. Онъ сказалъ мнѣ довольно сухо: „Молчи!“ Еще минута, еще другая, пули летали безпрестанно; наконецъ, Раевскій,

Digitized by Google

наклонясь ко мнѣ, прошепталъ: „Отъѣдемъ нѣсколько шаговъ: я раненъ жестоко". Отъѣхали. „Скачи за лѣкаремъ!" Поскакалъ. Нашли двоихъ. Одинъ рѣшился ѣхать подъ пули, другой воротился. Но я не нашелъ генерала тамъ, гдѣ его оставилъ. Казакъ указалъ мнѣ на деревню пикою, проговоря: „Онъ тамъ ожидаетъ васъ". Мы прилетѣли. Раевскій сходилъ съ лошади, окруженный двумя или тремя офицерами—помнится—Давыдовымъ и Медемомъ, храбрѣйшими и лучшими изъ товарищей. На лицѣ его видна блѣдность и страданіе, но безпокойство не о себѣ, о гренадерахъ. Онъ все поглядывалъ за вороты на огни непріятельскіе и наши. Мы раздѣли его; сняли плащъ, мундиръ, фуфайку, рубашку. Пуля раздробила кость грудную, но выпала сама собою. Мы суетились, какъ обыкновенно водится при такихъ случаяхъ. Кровь меня пугала, ибо мѣсто было весьма важно: я сказалъ это на ухо хирургу. „Ничего, ничего", отвѣчалъ Раевскій, который, не смотря на свою глухоту, вслушался въ разговоръ нашъ, и потомъ, оборотясь ко мнѣ,—„чего бояться, господинъ поэтъ" (онъ такъ называлъ меня въ шутку, когда былъ веселъ):

„Je n'ai plus rien du sang qui m'a donné la vie,
„Il a dans les combats coulé pour la patrie".

И это онъ сказалъ съ необыкновенною живостью. Изодранная его рубашка, ручьи крови, лѣкарь, перевязывающій рану, офицеры, которые суетились вокругъ тяжко раненаго генерала, лучшаго, можетъ быть, изъ всей арміи, безпрестанная пальба и дымъ орудій, важность минуты, однимъ словомъ—всѣ обстоятельства придавали интересъ этимъ стихамъ.

Вотъ анекдотъ. Онъ стоитъ тяжелой прозы „Сѣверной Почты": „Ребята, впередъ" и проч. За истину его я ручаюсь. Я былъ свидѣтелемъ. Давыдовъ, Медемъ и лѣкарь Винтенштейновой главной квартиры. Онъ тѣмъ болѣе важенъ, сей анекдотъ, что про Раевскаго набрать немного. Онъ молчаливъ, скроменъ отчасти, скрытъ, недовѣрчивъ, знаетъ людей, не уважаемъ ими. Онъ, однимъ словомъ, во всемъ контрастъ Милорадовичу и, кажется, находитъ удовольствіе не походить на него ни въ чемъ. У него есть большія слабости и великія военныя качества. Слишкомъ одиннадцать мѣсяцевъ я былъ при немъ не отлученъ, спалъ и ѣлъ при немъ; я его знаю совершенно, болѣе нежели онъ меня, и здѣсь, про себя, съ удовольствіемъ отдаю ему справедливость, не угожденіемъ, не признательностію исторгнутую. Раевскій славный воинъ и иногда хорошій человѣкъ, иногда очень странный.

Вотъ что я намаралъ не хѣря. Слава Богу! Часокъ пролетѣлъ, такъ что я его и не примѣтилъ. Я могу писать скоро, безъ поправокъ, и буду писать все, что придетъ на умъ, пока лѣнь не выдернетъ пера изъ руки.

Въ той же записной книжкѣ разсѣяно множество отдѣльныхъ мыслей К. Н. Батюшкова—и чужихъ и своихъ, весьма замѣчательныхъ, цѣлый конспектъ задуманной и не выполненной поэтомъ книги очерка исторіи русскаго языка и словесности, конспектъ чрезвычайно интересный (т. II, стр. 336—339); тутъ же находимъ—очеркъ Батюшкова, написанный имъ о самомъ себѣ, т. е. его собственную характеристику. Вотъ онъ:

Digitized by Google

Недавно я имѣлъ случай познакомиться съ стран нымъ человѣкомъ, какихъ много! Вотъ нѣкоторыя черты его характера и жизни.

Ему около тридцати лѣтъ. Онъ то здоровъ, очень здоровъ, то боленъ, при смерти боленъ. Сегодня безпеченъ, вѣтренъ, какъ дитя; посмотришь завтра — ударился въ мысли, въ религію и сталъ мрачнѣе инока. Лице у него точно доброе, какъ сердце, но столь же непостоянно. Онъ тонокъ, сухъ, блѣденъ, какъ полотно. Онъ перенесъ три войны и на бивакахъ былъ здоровъ, въ покоѣ—умиралъ! Въ походѣ онъ никогда не унывалъ и всегда готовъ былъ жертвовать жизнію съ чудесною безпечностію, которой самъ удивлялся; въ мирѣ для него все тягостно, и малѣйшая обязанность, какого бы рода ни было, есть свинцовое бремя. Когда долгъ призываетъ къ чему-нибудь, онъ исполняетъ великодушно, точно такъ, какъ въ болѣзни принимаетъ ревень, не поморщившись. Но что въ этомъ хорошаго? Къ чему служитъ это? Онъ мало вещей или обязанностей считаетъ за долгъ, ибо его маленькая голова любитъ философствовать, но такъ криво, такъ косо, что это вредитъ ему безпрестанно. Онъ служилъ въ военной службѣ и въ гражданской: въ первой очень усердно и очень неудачно; во второй удачно и очень не усердно. Обѣ службы ему надоѣли, ибо, поистинѣ, онъ не охотникъ до чиновъ и крестовъ. А плакалъ, когда его обошли чиномъ и не дали креста. Какъ растолкуютъ это? Онъ вспыльчивъ какъ собака и кротокъ какъ овечка. Въ немъ два человѣка: одинъ — добръ, простъ, веселъ, услужливъ, богобоязливъ, откровененъ до излишества, щедръ, трезвъ, милъ; другой человѣкъ—не думайте, чтобы я увеличивалъ его дурныя качества, право нѣтъ, и вы увидите сами почему,—другой человѣкъ—злой, коварный, завистливый, жадный, иногда корыстолюбивый, но рѣдко, мрачный, угрюмый, прихотливый, недовольный, мстительный, лукавый, сластолюбивый до излишества, не постоянный въ любви и честолюбивый во всѣхъ родахъ честолюбія. Этотъ человѣкъ, то-есть, черный, прямой уродъ. Оба человѣка живутъ въ одномъ тѣлѣ. Какъ это? Не знаю; знаю только, что у нашего чудака профиль дурнаго человѣка, а посмотришь въ глаза, такъ найдешь добраго: надобно только смотрѣть пристально и долго. За это единственно я люблю его! Горе, кто знаетъ его съ профили! Послушайте далѣе. Онъ имѣетъ нѣкоторые таланты и не имѣетъ никакого. Ни въ чемъ не успѣлъ, а пишетъ очень часто. Умъ его очень длиненъ и очень узокъ. Терпѣніе его, отъ болѣзни ли, или отъ другой причины, очень слабо; вниманіе разсѣянно, память вялая и притуплена чтеніемъ: посудите сами, какъ успѣетъ ему въ чемъ-нибудь? Въ обществѣ онъ иногда очень милъ, иногда очень нравился какимъ-то особеннымъ манеромъ, тогда, какъ приносили въ него доброту сердечную, безпечность и снисходительность къ людямъ; но какъ стали приносить самолюбіе, уваженіе къ себѣ, упрямство и душу усталую, то всѣ увидѣли въ немъ человѣка моего съ профили. Онъ иногда удивительно краснорѣчивъ: умѣетъ войти, сказать; иногда тупъ, косноязыченъ, застѣнчивъ. Онъ жилъ въ адѣ; онъ былъ на Олимпѣ. Это примѣтно въ немъ. Онъ благословенъ, онъ проклятъ какимъ-то геніемъ. Три дни думаетъ о добрѣ, желаетъ сдѣлать доброе дѣло — вдругъ недостанетъ терпѣнія, на четвертый онъ сдѣлается золъ, неблагодаренъ: тогда не смотрите на профиль его! Онъ умѣетъ говорить очень колко; пишетъ иногда очень остро на счетъ ближняго. Но тотъ человѣкъ, то-есть, добрый, любитъ людей и горестно плачетъ надъ эпиграммами чернаго человѣка. Бѣлый человѣкъ спасаетъ чернаго слезами передъ Творцомъ, слезами

Digitized by Google

живаго раскаянія и добрыми поступками передъ людьми. Дурной человѣкъ все портитъ и всему мѣшаетъ: онъ надменнѣе сатаны, а бѣлый не уступаетъ въ добротѣ ангелу-хранителю. Какимъ страннымъ образомъ здѣсь два составляютъ одно, зло такъ тѣсно связано съ добромъ и отличено столь рѣзкими чертами? Откуда этотъ человѣкъ, или эти человѣки, бѣлый и черный, составляющій нашего знакомца? Но продолжимъ его изображеніе.

Онъ—который изъ нихъ, бѣлый или черный?—онъ или они оба любятъ славу. Черный все любитъ, даже готовъ стать на колѣни и Христа ради просить, чтобы его похвалили: такъ онъ суетенъ; другой, напротивъ того, любитъ славу, какъ любилъ ее Ломоносовъ, и удивляется черному нахалу. У бѣлаго совѣсть чувствительна, у другаго мѣдный лобъ. Бѣлый обожаетъ друзей и готовъ для нихъ въ огонь; черный не дастъ и ногтей обстричь для дружества, такъ онъ любитъ себя пламенно. Но въ дружествѣ, когда дѣло идетъ о дружествѣ, черному нѣтъ мѣста: бѣлый на стражѣ! Въ любви... но не кончимъ изображеніе, оно и гнусно, и прелестно! Все, что ни скажешь хорошаго на счетъ бѣлаго, черный припишетъ себѣ. Заключимъ: эти два человѣка, или сей одинъ человѣкъ, живетъ теперь въ деревнѣ и пишетъ свой портретъ перомъ по бумагѣ. Пожелаемъ ему добраго аппетита, онъ идетъ обѣдать.

Это я! Догадались ли теперь?

Вотъ еще два отрывка изъ той-же записной книжки поэта (1817 г.):

У Гнѣдича есть прекрасное и самое рѣдкое качество: онъ съ ребяческимъ простодушіемъ любитъ искать красоты въ томъ, что читаетъ; это самый лучшій способъ съ пользою читать, обогащать себя, наслаждаться. Онъ мало читаетъ, но хорошо. И горе тому, кто раскрываетъ книгу съ тѣмъ, чтобы хватать погрѣшности, прятать ихъ и при случаѣ закричать: „Поймалъ! Смотрите! Какова глупость!“ Простодушіе и снисхожденіе есть признакъ головы, образованной для искусствъ. И впрямъ, мало такихъ произведеній пера, живописи, искусствъ вообще, въ которыхъ бы ничего занять было не возможно; иногда погрѣшности самыя наставительны. Съ одной стороны, и ученикъ опрокинетъ однимъ махомъ руки всѣ зданія Шекспира и Державина; съ другой стороны, основанія ихъ вѣчны. Станемъ наслаждаться прекраснымъ, болѣе хвалить и менѣе осуждать! Слова Спасителя о нищихъ духомъ, наслѣдующихъ царствомъ небеснымъ, можно примѣнить и къ области словесности.

Вспоминаю: Дмитріевъ разсказывалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ о Державинѣ, который очень любопытенъ для наблюдателя. Когда вышелъ Анахарсисъ Бартелеми, то Державинъ просилъ неотступно Дмитріева и Петрова („Агатонъ“ Карамзина) достать ему эту книгу. Промыслили нѣмецкій переводъ. Державинъ его продержалъ день, два, три, недѣлю и болѣе. „Прочитали ли вы?“ „Нѣтъ еще“. Приходятъ черезъ мѣсяцъ, требуютъ книгу. „Возьмите, вотъ она!“ И впрямъ, она лежала на столѣ, но вся въ пыли, въ пудрѣ. „Какъ понравился вамъ Анахарсисъ? Я, чаю, вы въ восхищеніи“, спрашивали Дмитріевъ и Петровъ. „Я, виноватъ, не прочиталъ ея. Началъ и не могъ кончить... отъ скуки“. У друзей опустились руки. Они поглядывали другъ на друга и не знали, вѣрить ли ушамъ своимъ. Но вотъ что

Digitized by Google

всего удивительнѣе: Державина зовутъ на обѣдъ — не ѣдетъ; на ужинъ, на балъ—не поспѣлъ и отговорился болѣзнію. Дмитріевъ, приглашенный въ тѣ же самые дома, узнаетъ о болѣзни Г. Р. и спѣшитъ навѣстить его и застаетъ растрепаннаго, въ шлафрокѣ, съ книгою въ рукахъ. „Вы не здоровы?“ „Нѣтъ“, отвѣчалъ стихотворецъ, разсмѣявшись, — „я залѣнился, и эта книжка меня удержала дома; не могъ разстаться съ нею!“ Отгадайте, какая это была книга? Ну, Пиндаръ, Анакреонъ, или проповѣдь Платонова, или что-нибудь новое о политикѣ? Совсѣмъ не то. Сокольничій уставъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ изданный!

Послѣ того позволено сказать: что можетъ быть страннѣе и упрямѣе головы великаго человѣка! Этотъ анекдотъ меня поразилъ и плѣнилъ, разсказанный Дмитріевымъ, который говоритъ, какъ пишетъ, и пишетъ также сладостно, остро и краснорѣчиво, какъ говоритъ.

Еще одна странность Державина. Когда появились его оды, то появились и критики. Чѣмъ болѣе хвалителей, тѣмъ болѣе и враговъ; это дѣло обыкновенное. Между прочими, г. Неплюевъ отзывался о Державинѣ съ презрѣніемъ, не только отрицалъ ему въ талантѣ, но утверждалъ рѣшительно, что Державинъ, котораго онъ лично не зналъ, долженъ быть величайшій невѣжда, человѣкъ тупой и тому подобное. Пересказываютъ Державину: онъ вспыхнулъ. На другой день поэтъ отправляется къ г. Неплюеву. „Не удивляйтесь, что меня видите. Вы меня бранили, какъ поэта; прошу васъ, познакомьтесь со мною, можетъ быть, найдете во мнѣ хорошую сторону, найдете, что я не такъ глупъ, не такой невѣжда, какъ полагаете; можетъ быть, смѣю ласкать себя надеждою, и полюбите меня“. Представьте себѣ удивленіе хозяина! Онъ и жена приглашаютъ Гавріила Романовича обѣдать, подчиваютъ, угощаютъ, не знаютъ, что сказать ему, гдѣ посадить его. Державинъ продолжаетъ ѣздить въ домъ и остается навсегда знакомымъ, даже пріятелемъ.

При чтеніи въ высшей степени интересной записной книжки Батюшкова за 1817 г., особенно становится грустно, когда узнаешь изъ разныхъ мѣстъ разсматриваемаго нами изданія, что поэтъ велъ записки и въ другіе годы своей жизни, такъ, напр., во время пребыванія въ Парижѣ (1814 г.), въ Одессѣ (1818 г.), въ Италіи (1819 г.) и пр., см. примѣч. ко II тому соч. Батюшкова, стр. 529—530. И эти драгоцѣнныя рукописи пропали, вѣроятно, безвозвратно!

«Письма Александра Ивановича Тургенева, по справедливому замѣчанію остроумнаго кн. П. А. Вяземскаго, большею частію образцы слога живой рѣчи. Они занимательны по содержанію своему и по художественной отдѣлкѣ, о которой онъ не думалъ, но которая выражалась, изливалась сама собою подъ

Digitized by Google

неутомимымъ перомъ его» (Примѣч. къ соч. Батюшкова, т. I, стр. 361).

Это замѣчаніе цѣликомъ, да еще въ сильнѣйшей степени, должно быть отнесено къ письмамъ поэта Батюшкова. Въ самомъ дѣлѣ, что за прелесть эти письма! Многія изъ нихъ—цѣлыя художественныя произведенія, богатыя иногда по содержанію, перемежаются зачастую прекрасными стихами, въ особенности же очаровательны по слогу.

Въ разсматриваемомъ изданіи соединено 293 письма К. Н. Батюшкова, за время съ 1797 по 1823 годъ, т. е. но то время, когда душевная болѣзнь окончательно затемнила разсудокъ этого даровитаго писателя. Изъ означеннаго количества — восемьдесятъ одно письмо Батюшкова, писанныхъ къ Гнѣдичу, и нѣсколько писемъ къ роднымъ, извѣстны читателямъ «Русской Старины», такъ какъ они были напечатаны нами, съ принадлежащихъ намъ подлинниковъ, на страницахъ этого журнала, съ обстоятельными примѣчаніями П. А. Ефремова. За всѣмъ тѣмъ, не только письма, появившіяся здѣсь, въ собраніи сочиненій Батюшкова, впервые или перепечатанныя изъ малоизвѣстныхъ изданій, но и помянутыя его письма къ Н. И. Гнѣдичу—въ высшей степени интересно перечитать вновь, такъ какъ они явились теперь въ общемъ хронологическомъ порядкѣ, съ письмами поэта къ другимъ лицамъ. Сколько тутъ ума, таланта, доброй природы автора! Сколько живыхъ очерковъ современнаго ему общества, событій, характерныхъ чертъ для обрисовки литературныхъ дѣятелей и ихъ отношеній въ первыя двадцать лѣтъ текущаго столѣтія, сколько драгоцѣннаго матеріала для обрисовки нравственнаго облика самого К. Н. Батюшкова, его жизни и литературной дѣятельности!

Мы не позволяемъ себѣ, однако, дѣлать выписокъ изъ этихъ писемъ, въ ряду которыхъ находимъ просто перлы отечественной словесности и живой укоръ письмамъ русскихъ людей позднѣйшихъ поколѣній, которыя, т. е. письма нашего времени, столь безжизненны, не интересны, скудны по содержанію и лишены всякаго стиля...

Почти треть вошедшихъ въ III-й томъ собранія сочиненій К. Н. Батюшкова писемъ суть его письма къ Н. И. Гнѣдичу (81), остальныя затѣмъ къ его сестрамъ, А. Н. Оленину,

Digitized by Google

В. Жуковскому, кн. П. А. Вяземскому, А. И. Тургеневу, К. Ѳ. Муравьевой, Е. Г. Пушкиной, Д. В. Дашкову, два три письма къ отцу, г-жѣ Петиной, М. Е. Лобанову, В. Л. Пушкину, А. Е. Измайлову, М. Н. Загоскину, Н. М. Карамзину, К. А. Карамзиной, И. И. Мартынову, И. И. Дмитріеву, С. С. Уварову и къ нѣкоторымъ другимъ, впрочемъ немногимъ еще, лицамъ.

Въ дополненіи къ письмамъ помѣщено нѣсколько замѣтокъ Батюшкова, написанныхъ въ многолѣтній періодъ его душевной болѣзни, и изъ этихъ документовъ нѣкоторые были также напечатаны въ «Русской Старинѣ».

IV.

Примѣчанія къ сочиненіямъ Батюшкова въ разсматриваемомъ изданіи составляютъ плодъ труда нѣсколькихъ лѣтъ (1883—1887 г.),—плодъ труда усидчиваго, добросовѣстнаго, съ полнымъ знаніемъ и любовью къ дѣлу совершеннаго.

Большинство примѣчаній—принадлежитъ опытной рукѣ Л. Н. Майкова, меньшія числомъ, но бо́льшія по размѣрамъ примѣчанія, вмѣщающія въ себѣ біографіи многихъ писателей русскихъ, съ самымъ обстоятельнымъ перечнемъ ими написаннаго и того, что́ и гдѣ о нихъ было напечатано—принадлежатъ В. И. Сеитову.

Въ лицѣ г. Сеитова въ послѣдніе три четыре года (кажется съ 1883 г.) выдвинулся замѣчательный библіографъ, который принесетъ, какъ надо надѣяться, большую пользу—въ дѣлѣ разработки матеріаловъ къ исторіи русской литературы.

Конечно, въ данномъ случаѣ, въ примѣчаніяхъ къ соч. Батюшкова, г. Сеитовъ грѣшитъ иногда длиннотами, приводитъ, напр. въ примѣчаніяхъ ко II тому, цитаты изъ писемъ Батюшкова, въ то время какъ довольно сослаться на страницы III тома, гдѣ эти же письма приведены цѣликомъ; иногда дѣлаются имъ примѣчанія слишкомъ мелочныя по содержанію, напр., о нѣкоемъ безвѣстномъ писателѣ Сиряковѣ; цитируются иностранные стихи и проза, имѣющіе, правда, отношеніе къ трудамъ Батюшкова, но нѣкоторыя изъ таковыхъ цитатъ могли бы быть

Digitized by Google

значительно короче; по поводу шуточно-сатирическаго слова Батюшкова — Сну — приводится цѣлая страница о подобныхъ шуткахъ-сатирахъ, прежде до него бывшихъ (т. II, 384), о книжныхъ лавкахъ, о томъ кто воспѣвалъ Московскій бульваръ, объ артисткѣ Жоржъ и проч. Къ чему также въ указателяхъ имена фантастичныхъ лицъ произведеній Батюшкова? Все это, однако, не важно—благо издатель, т. е. Помпей Николаевичъ, не скупился на издержки по изданію, не страшился утолстить объемъ томовъ своего изданія примѣчаніями. Важно, однако то, что все, что вошло въ примѣчанія, тщательно вывѣрено ихъ составителями—иногда по архивнымъ матеріаламъ, иногда даже въ иностранныхъ библіотекахъ!...

Приведены всѣ варьянты соч. Батюшкова, множество преинтересныхъ для исторіи русской литературы первой четверти XIX вѣка подробностей и зачастую совершенно новыхъ; вскрыты буквы именъ—къ кому писано то или другое произведеніе Батюшкова, либо на кого мѣтила его эпиграмма; указаны подробности о всѣхъ лицахъ, имъ упоминаемыхъ—не только русскихъ, но и иностранцевъ. Біографіи—очень хороши.

Прочтите, напр., въ примѣчаніяхъ къ разсматриваемому нами изданію, біографіи: Алекс. Ив. Тургенева—особенно хорошо составленную (т. I, стр. 355—372), Панина, Капниста, А. М. и В. Л. Пушкиныхъ, гр. А. С. Строгонова, М. Е. Лобанова, С. Н. Марина, Нелединскаго-Мелецкаго, А. Н. Оленина, А. А. Плещеева, Озерова, Мерзлякова, Макарова, Д. В. Давыдова, Д. В. Дашкова, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, А. А. Писарева, Муравьевыхъ (Мих. Никитича и Николая Назарьевича), И. М. Муравьева-Апостола, С. С. Боброва, кн. Ширинскаго-Шахматова, кн. Шаликова и мног. друг.

Съ какою заботливостью обставлены эти и другія біографическія и библіографическія замѣтки всѣми необходимыми данными, какъ добросовѣстно указаны источники—просто прелесть! Намъ также особенно понравилось то, что во всѣхъ трехъ громадныхъ томахъ, въ этой массѣ примѣчаній, составляющихъ болѣе шестисотъ страницъ мелкаго шрифта, нѣтъ ни малѣйшихъ выходокъ противъ кого-бы то ни было: если чье мнѣніе опровергается, то дѣлается это въ томъ тонѣ, который вполнѣ

Digitized by Google

соотвѣтствуетъ всему изданію такого превосходнаго писателя, какимъ былъ и есть Батюшковъ [1])!

V.

Изданіе сочиненій Батюшкова доставило намъ большое удовольствіе,—конечно, доставитъ таковое-же и каждому, кто пожелаетъ пріобрѣсти его для своей библіотеки или поспѣшитъ ознакомиться съ нимъ въ книгохранилищахъ общественныхъ или въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя, безъ сомнѣнія, сочтутъ нравственною обязанностью его выписать.

Въ виду этого долгомъ считаемъ остановиться здѣсь на заслугахъ, по отношенію къ сему изданію, Помпея Николаевича Батюшкова.

Обыкновенно мало обращаютъ вниманія на то, кто положилъ капиталъ на то или другое изданіе; заслуги издателя рѣдко замѣчаютъ и, во всякомъ случаѣ, заботы, хлопоты и труды его застилаются трудомъ редактора.

Въ данномъ случаѣ было-бы, однако, несправедливо умолчать объ издателѣ.

П. Н. Батюшковъ не только употребилъ весьма значительную сумму денегъ на это монументальное изданіе, но сдѣлалъ

---

[1]) Достойно подражанія многое, что принято издателемъ и редакціей „Сочиненій Батюшкова“; при печатаніи текста всего, что написано поэтомъ, такъ, напр., колоннъ-титлы надъ сочиненіями, расположеніе примѣчаній (надъ ними слѣдовало бы также имѣть объяснительныя колоннъ-титлы), указанія на примѣчанія въ оглавленіи при стр. текста, выборъ шрифтовъ, большія поля,— все это, скажутъ, мелочи,—да, но все это пріятно видѣть какъ доказательство заботливости о томъ, что относится до изданія твореній славнаго русскаго автора. Жаль, что наша Академія Наукъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи премій за изданія; настоящее изданіе соч. Батюшкова заслуживало бы таковую премію; что же касается до отличнаго изслѣдованія Л. Н. Майкова о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, то въ связи съ предъидущими трудами г. Майкова по исторіи литературы, казалось бы оно вполнѣ заслуживало бы признанія, со стороны одного изъ нашихъ университетовъ, почтеннаго автора—докторомъ русской словесности.

Ред.

Digitized by Google

это вполнѣ безкорыстно, такъ какъ у насъ на Руси таковыя изданія или вовсе не окупаются или капиталъ возвращается чрезъ многіе и многіе годы, но кромѣ денегъ Помпей Николаевичъ положилъ, такъ сказать, душу свою въ это особенно любезное ему дѣло. Съ энергіею и неутомимостью, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ собиралъ и собралъ отъ многихъ лицъ все, что только уцѣлѣло изъ сочиненій К. Н. Батюшкова или документовъ, до поэта относящихся;—обращался за содѣйствіемъ его труду ко многимъ лицамъ, о чемъ съ признательностью онъ и вспоминаетъ въ предисловіи,—пригласилъ въ лицѣ Л. Н. Майкова отличнаго, въ высокой степени свѣдущаго и трудолюбиваго редактора изданія, который, въ свою очередь, отыскалъ себѣ умѣлаго сотрудника въ лицѣ В. И. Сеитова.

Затѣмъ П. Н. украсилъ изданіе превосходнымъ портретомъ К. Н. Батюшкова въ гравюрѣ на мѣди профессора И. П. Пожалостина, кромѣ того тремя снимками—съ четырехъ другихъ изображеній поэта Батюшкова, снимками виньетокъ къ его сочиненіямъ въ изданіи 1817 г. и снимкомъ съ автографовъ поэта.

Изданіе—повторяемъ—роскошно по отношенію къ формату (большая осьмушка, съ большими полями), роскошно по шрифтамъ (особенно хорошъ первый томъ, отпечатанный въ типографіи В. С. Балашева, въ Спб.) и вполнѣ хорошо по бумагѣ, для него употребленной.

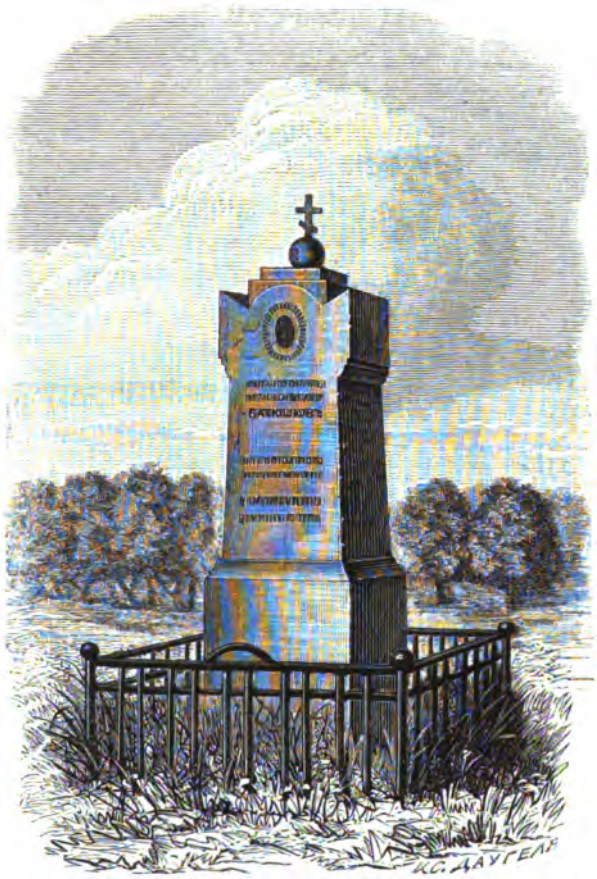
Таковыя заботы и издержки, употребленныя на изданіе трудовъ писателя столь отличнаго, каковъ К. Н. Батюшковъ, столь благотворно вліяющаго на умы молодыхъ поколѣній при его изученіи, составляетъ, безспорно, значительную для общества услугу, за которую каждый образованный русскій человѣкъ скажетъ сердечное спасибо.

А мы, съ своей стороны, не ограничиваясь этимъ спасибо, но сохраняя на стр. «Русской Старины» къ біографіямъ нашихъ уважаемыхъ современниковъ свѣдѣнія, приведемъ, вслѣдъ за симъ, замѣтку о трудахъ П. Н. Батюшкова и его общественной дѣятельности на пользу дорогаго нашего отечества. Замѣтка эта весьма обязательно доставлена намъ однимъ изъ сотрудниковъ «Русской Старины».

Мих. Семевскій.

15/27 апрѣля 1887 г.

Digitized by Google



На могилѣ К. Н. Батюшкова
† 7-го іюля 1855 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОМПЕЙ НИКОЛАЕВИЧЪ БАТЮШКОВЪ

его труды и общественная дѣятельность

въ 1850—1887 гг.

Въ 1887 году въ русскомъ литературномъ мірѣ наступило два юбилея: пятидесятилѣтній—со времени кончины величайшаго изъ русскихъ поэтовъ, А. С. Пушкина, и столѣтній—со времени рожденія одного изъ его предшественниковъ — К. Н. Батюшкова.

Память о невознаградимой и преждевременной утратѣ перваго изъ нихъ уже ознаменовалась въ печальныхъ воспоминаніяхъ, имѣвшихъ мѣсто 29-го января 1887 г. во многихъ городахъ Россіи, юбилею же поэта Батюшкова принадлежитъ день — 18-го мая 1887 года.

На страницахъ «Русской Старины» этому вѣковому юбилею посвящены особый очеркъ съ художественно исполненнымъ портретомъ поэта и обзоръ полнаго собранія сочиненій Константина Батюшкова, только-что появившагося въ свѣтъ.

Изданіе полнаго собранія сочиненій К. Н. Батюшкова предпринято и превосходно исполнено братомъ поэта-юбиляра, П. Н. Батюшковымъ [1]). Поэтому считаемъ вполнѣ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ объ издателѣ, который занимаетъ видное мѣсто въ ряду современныхъ дѣятелей на почвѣ науки, литературы и государственной службы.

---

[1]) Если не ошибаемся—Помпей Николаевичъ родился въ 1810 г.; о немъ съ нѣжностью, любовью и заботливостью часто упоминаетъ въ своихъ письмахъ, съ 1817 года, братъ его, поэтъ,—см. сочиненія К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 481, 482, 489, 506, 564 и др. Помпей Николаевичъ воспитывался въ Москвѣ, въ пансіонѣ, причемъ братъ его, поэтъ, въ 1818—1820 гг., платилъ за его образованіе—и принималъ въ немъ большое участіе. Ред.

Digitized by Google

I.

Младшій братъ поэта-юбиляра, Помпей Николаевичъ Батюшковъ, получивъ первоначальное образованіе въ Москвѣ, подъ наблюденіемъ директора гимназіи П. М. Дружинина, и потомъ въ Петербургѣ въ пансіонѣ пастора Муральта, поступилъ въ артиллерійское училище, гдѣ окончилъ курсъ въ академическихъ классахъ. Въ военной службѣ онъ находился непродолжительное время и, послѣ вступленія на гражданскую службу, по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, былъ назначенъ въ 1850 году Ковенскимъ вице-губернаторомъ, а вскорѣ послѣ того — помощникомъ попечителя Виленскаго учебнаго округа. Въ 1856 году онъ перешелъ на службу въ Петербургъ и получилъ здѣсь назначеніе на должность вице-директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій; въ то же время на него было возложено, по высочайшему повелѣнію, завѣдываніе дѣлами по устройству въ западныхъ губерніяхъ православныхъ церквей, которыя, подъ патронатствомъ польскихъ помѣщиковъ, дошли до постыднаго убожества. Дѣло это находилось въ рукахъ Батюшкова до 1867 года. Въ теченіи десяти лѣтъ было осмотрѣно, устроено и снабжено утварью и богослужебными принадлежностями болѣе четырехъ тысячъ храмовъ.

Успѣхъ дѣла вызвалъ сочувствіе всей Россіи, которое выразилось въ громадныхъ пожертвованіяхъ на обновленіе и украшеніе храмовъ. Особенное участіе въ этомъ дѣлѣ, съ благословенія достопамятнаго митрополита Филарета, приняли граждане Москвы, снабдившіе до двухъ тыс. церквей всѣми необходимыми, для безостановочнаго богослуженія, предметами. Полное вниманіе было оказано церквамъ и въ Бозѣ почившими Государыней императрицей и цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, равно другими членами императорскаго дома и, наконецъ, высшимъ обществомъ Петербурга.

Въ 1868 году Помпей Николаевичъ Батюшковъ назначенъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Постъ этотъ былъ ему предложенъ генералъ-губернаторомъ А. Л. Потаповымъ. Помпей Николаевичъ долго отказывался отъ этого предложенія, но, вслѣдствіе усиленной и настойчивой просьбы Потапова, вынужденъ былъ принять эту должность.

Въ завѣдываніи учебнымъ дѣломъ всего сѣверо-западнаго края П. Н. Батюшковъ не только не измѣнилъ направленія своихъ предшественниковъ, князя А. А. Ширинскаго-Шихматова и высокоуважаемаго И. П. Корнилова, но поставилъ себѣ правиломъ твердо и

Digitized by Google

неуклонно стремиться къ поддержанію и усиленію русскихъ началъ въ учебныхъ заведеніяхъ согласно потребностямъ края и историческому его значенію. Здѣсь-то и выказались та энергія, та настойчивость и патріотическое направленіе новаго попечителя учебнаго округа, которыя были причиною и поводомъ быстраго увольненія его изъ края.

Дѣйствуя въ чисто русскомъ направленіи, далеко несогласномъ съ системой административнаго управленія краемъ со стороны Потапова, П. Н. Батюшковъ исходатайствовалъ усиленіе состава инспекторовъ народныхъ училищъ назначеніемъ къ прежнимъ 14 еще 10 новыхъ должностей; положилъ основаніе высшему образцовому шестиклассному женскому институту въ Вильнѣ; закрылъ частные женскіе пансіоны, служившіе разсадниками польско-католическихъ идей; улучшилъ положеніе Молодечненской учительской семинаріи; привлекъ къ занятію учительскихъ вакансій лучшія русскія силы; испросилъ, чрезъ министерство народнаго просвѣщенія, высочайшее повелѣніе о недопущеніи вообще польскаго элемента къ преподаванію въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и т. п.

Какъ на одно изъ выдающихся распоряженій Помпея Николаевича по управленію Виленскимъ учебнымъ округомъ слѣдуетъ указать на переводъ католическихъ молитвенниковъ на русскій языкъ.

Въ числѣ воспитанниковъ въ школахъ Виленскаго учебнаго округа находились дѣти родителей, исповѣдывавшихъ католическую вѣру, но не принадлежавшихъ къ польской народности; одни изъ такихъ родителей считали себя, вопреки дѣйствительности, поляками, другіе— не желали измѣнять своему литовскому или бѣлорусскому происхожденію. Дѣтямъ такихъ родителей, наравнѣ съ дѣтьми коренныхъ поляковъ, преподавался законъ Божій на польскомъ языкѣ. Съ такимъ положеніемъ дѣла преподаванія закона Божія католическаго исповѣданія П. Н. Батюшковъ никакъ не могъ помириться. Онъ не могъ допустить, чтобы правительственная школа, путемъ искусственнаго привитія въ ней дѣтямъ не польскаго происхожденія чуждаго имъ языка, обратилась въ разсадникъ полонизма, а потому сдѣлалъ распоряженіе о переводѣ на русскій языкъ бывшаго въ употребленіи бѣлоруссовъ и нѣкоторыхъ литвинъ катехизиса и молитвенниковъ, каковые переводы были, затѣмъ, разсмотрѣны и одобрены духовными властями римско-католическаго исповѣданія и повсемѣстно введены въ учебныя заведенія округа. Мѣра эта была встрѣчена весьма сочувственно не только со стороны учениковъ-бѣлоруссовъ и ихъ родителей католиковъ, но даже и со стороны нѣкоторыхъ ксендзовъ, изъ числа которыхъ многіе начали преподавать по этимъ переводамъ законъ Божій. Впослѣдствіи переводы молитвенниковъ послужили

Digitized by Google

основаніемъ ко введенію русскаго языка въ такъ называемомъ «дополнительномъ» богослуженіи костеловъ; но описаніе дальнѣйшей судьбы этого дѣла, начавшагося въ Самогитской латинской епископіи и успѣшно привившагося въ другихъ мѣстностяхъ сѣверо-западнаго края, выходитъ изъ предѣловъ нашего очерка.

Не задаваясь широкой программой описанія дѣятельности П. Н. Батюшкова въ качествѣ попечителя Виленскаго учебнаго округа, не можемъ, однако, не отмѣтить еще одного факта, служащаго лучшимъ объясненіемъ его характера и направленія.

Въ вѣдѣніи Виленскаго учебнаго округа находился Музей древностей, учрежденный 1-го января 1856 года и удостоившійся чести быть принятымъ подъ покровительство покойнаго государя наслѣдника цесаревича Николая Александровича. По уставу, утвержденному высочайшею властію 25-го апрѣля 1855 г., музей долженъ состоять изъ предметовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи, способствовать сохраненію памятниковъ древности, доставлять возможность пользоваться ими для изученія края и, согласно рескрипту цесаревича, содѣйствовать «вящшему скрѣпленію узъ, соединяющихъ литовскія губерніи съ прочими частями имперіи». Но это научное учрежденіе, въ дѣйствительности, обратилось въ демонстративный польскій пантеонъ, подъ нейтральной кровлей котораго мѣстные поляки патріоты стремились укрѣпить за русской окраиной значеніе польской провинціи. Въ этихъ видахъ въ музеѣ были собраны по преимуществу коллекціи, относящіяся къ польскому народу и польской исторіи, при чемъ на первомъ планѣ были размѣщены такіе предметы, которые наиболѣе напоминали о временномъ владычествѣ Польши, и наоборотъ, предметы, касающіеся русскихъ историческихъ началъ въ краѣ, находились въ небреженіи и были запрятаны по угламъ, или застановлены коллекціями противоположнаго характера. Такое учрежденіе въ литовско-русскомъ краѣ обратило на себя вниманіе генералъ-губернатора М. Н. Муравьева, который учредилъ, въ февралѣ 1865 г., особую комиссію для разбора всѣхъ предметовъ, хранящихся въ музеѣ. Комиссія тщательно и добросовѣстно выполнила свою задачу, выдѣливъ изъ коллекцій музея 256 предметовъ, имѣвшихъ польско-демонстративное значеніе; но работы ея были окончены уже къ тому времени, когда въ краѣ царило анти-русское направленіе Потапова. Подъ вліяніемъ этого направленія разборъ коллекцій Виленскаго музея признавался уже не научнымъ, даже варварскимъ, а самые труды комиссіи близки были къ тому, чтобы быть поглощенными архивомъ генералъ-губернаторской канцеляріи.

Вотъ здѣсь-то и выступилъ Помпей Николаевичъ въ защиту

Digitized by Google

русскаго дѣла; желая во что бы то нистало осуществить патріотическую мысль объ очищеніи виленскаго хранилища древностей отъ польскихъ наносовъ, П. Н. Батюшковъ, съ свойственною ему энергіей и умѣньемъ, началъ защищать труды комиссіи и, послѣ борьбы съ мѣстною администраціею, настоялъ на исключеніи изъ музея всѣхъ 256 предметовъ, признанныхъ неподлежащими храненію въ немъ, и распорядился отправкой ихъ въ Московскій Румянцевскій музей.

Съ такою же энергіей Помпей Николаевичъ оградилъ русскихъ учителей отъ воздвигнутаго на нихъ гоненія со стороны Потапова и его клевретовъ.

Но чѣмъ плодотворнѣе было для русскаго дѣла управленіе П. Н. Батюшковымъ учебнымъ округомъ въ ополяченномъ краѣ, тѣмъ менѣе, конечно, можно было разсчитывать на продолжительность его пребыванія въ Вильнѣ при существовавшемъ тамъ въ ту пору режимѣ. Краемъ въ то время управлялъ генералъ Потаповъ, а въ Петербургѣ издавалась газета «Вѣсть», окрестившая всѣхъ русскихъ дѣятелей въ Вильнѣ «сонмищемъ мрака». Правда, Помпей Николаевичъ былъ приглашенъ на постъ попечителя самимъ Потаповымъ. Но вѣдь это было, кажется, обоюдное недоразумѣніе? Какъ бы то ни было, вскорѣ оказалось, что такая русская сила, какъ личность Помпея Николаевича, вовсе не въ духѣ Потапова, уже заручившагося и въ нѣкоторыхъ петербургскихъ сферахъ, и въ нѣкоторыхъ (весьма немногихъ) органахъ прессы сочувственнымъ откликомъ его анти-русскому направленію.

Совершилось все какъ-то неожиданно скоро. Помпей Николаевичъ отправился на нѣсколько дней въ Петербургъ. И въ обществѣ, и въ оффиціальномъ мірѣ онъ былъ встрѣченъ тамъ съ полнымъ вниманіемъ и любезностію. Когда же онъ возвратился въ Вильну, то въ одной изъ петербургскихъ газетъ неожиданно встрѣтилъ извѣстіе о переводѣ его въ Петербургъ членомъ совѣта при министрѣ народнаго просвѣщенія...

Для лица, не искавшаго того мѣста, съ которымъ неожиданно приходится разставаться, такая потеря не особенно чувствительна. Такъ и отнесся бы къ своему переводу П. Н. Батюшковъ, если бы неожиданный его вызовъ не былъ причиной горестной, невознаградимой для него, семейной утраты. Но это дѣло частное.

Оставляя Вильну, Помпей Николаевичъ, въ тѣсномъ кружкѣ своихъ сослуживцевъ, собравшихся на его проводы, выразилъ свой завѣтъ,—съ любовію, терпѣніемъ и самоотверженіемъ вести святое дѣло возстановленія и утвержденія русскихъ началъ въ учебныхъ заведеніяхъ сѣверо-западнаго края, дабы каждый изъ нихъ могъ спокойно сказать:

Digitized by Google

Я не сомкну очей въ дремотѣ,
Я не ослабну предъ борьбой,
Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь! для сѣва Твоего.

Изъ Вильны П. Н. Батюшковъ переѣхалъ на жительство въ Москву, гдѣ почти безвыѣздно оставался 12 лѣтъ. Тамъ, при открытіи миссіонернаго общества, онъ былъ единогласно избранъ помощникомъ предсѣдателя этого общества, высокопреосвященнаго митрополита Иннокентія, и, вмѣстѣ съ И. С. Аксаковымъ, вице-президентами Славянскаго Комитета, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ М. П. Погодина, а затѣмъ всемилостивѣйше назначенъ вице-президентомъ комиссіи по постройкѣ храма Христа Спасителя. Въ 1882 году П. Н. опредѣленъ почетнымъ опекуномъ московскаго присутствія опекунскаго совѣта, а съ 1884 года состоитъ на этомъ же постѣ въ Петербургѣ. Въ 1886 году ему всемилостивѣйше ввѣрено управленіе Вдовьимъ Домомъ, Домомъ призрѣнія бѣдныхъ дѣвицъ благороднаго званія и Воскресенскимъ соборомъ всѣхъ учебныхъ заведеній.

II.

Помимо дѣятельности на государственной службѣ, П. Н. Батюшковъ не мало положилъ энергіи, труда и умѣнья въ изданіи научныхъ изслѣдованій по исторіи и этнографіи находившихся нѣкогда подъ владычествомъ Польши, но издревле русскихъ окраинъ нашихъ.

Еще во время завѣдыванія дѣломъ по постройкѣ церквей въ западномъ краѣ, были собраны командированными, съ согласія военнаго министра, штабъ-офицерами генеральнаго штаба: Эртелемъ, Барановичемъ, Деливрономъ, Риттихомъ, Висковатовымъ, Гецемъ и Зеленскимъ, богатые матеріалы о мѣстномъ населеніи по исповѣданію и народности. Матеріалы эти, разработанные полковникомъ Риттихомъ, подъ наблюденіемъ П. Н. Батюшкова, послужили основаніемъ для составленія «Атласа народонаселенія западно-русскаго края по исповѣданіямъ». Атласъ выдержалъ два изданія и составляетъ теперь библіографическую рѣдкость. Появившись въ свѣтъ наканунѣ польскаго возстанія, онъ сослужилъ свою патріотическую службу не одному только церковно-строительному дѣлу, но во многихъ случаяхъ служилъ и служитъ до сей поры важнымъ пособіемъ для справокъ,

Digitized by Google

краснорѣчиво служа наглядным доказательством нелѣпости притязаній поляковъ на исконныя русскія области, православным русскимъ и литовскимъ народомъ населенныя.

Одновременно съ Атласомъ, П. Н. издалъ, при содѣйствіи академика, нынѣ профессора, д. ст. сов., Ѳ. Г. Солнцева, «Собраніе проектовъ, утвержденныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ на постройку православныхъ церквей въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ». Этотъ альбомъ составляетъ также библіографическую рѣдкость.

Лица, производившія этнографическія изысканія о населеніи западныхъ окраинъ, на пути своего слѣдованія нерѣдко встрѣчали замѣчательные памятники глубокой древности, какъ, напр., величественные остатки храма св. Василія Великаго въ г. Овручѣ, сооруженнаго равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ святымъ въ 997 г.; колоссальныя развалины Успенскаго собора въ г. Владимірѣ-Волынскомъ, построеннаго Мстиславомъ въ XII вѣкѣ; Обыденный и Зимнинскій храмы, освященные при св. Владимірѣ; легендарныя урочища въ видѣ «Ольгиныхъ бань», «могилы Олега» и многіе другіе. Осмотрѣвъ въ подробности всѣ эти историческія достопримѣчательности, П. Н. Батюшковъ распорядился изготовленіемъ рисунковъ и фотографическихъ снимковъ съ нихъ и, собравъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя историческія о нихъ свѣдѣнія и народныя преданія, повергнулъ добытые матеріалы, чрезъ посредство министра внутреннихъ дѣлъ, на благовоззрѣніе въ Бозѣ почившаго государя Александра Николаевича и затѣмъ получилъ высочайшее соизволеніе на изданіе ихъ. Вотъ какимъ образомъ получило свое начало превосходнѣйшее изданіе: «Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ».

Это монументальное изданіе раздѣляется на нѣсколько выпусковъ.

Выпуски I и II, изданные вмѣстѣ въ 1865 году, въ видѣ большаго in folio альбома, состоятъ изъ 14 листовъ рисунковъ памятниковъ древности Волынскаго края и текста къ нимъ, изложеннаго на альбомныхъ листахъ краткими монографіями.

Выпуски III и IV, появившіеся въ томъ же году, также въ одномъ альбомѣ, и касающіеся того же края, заключаютъ въ себѣ 16 листовъ рисунковъ и чертежей, съ краткимъ объяснительнымъ текстомъ на листахъ.

Выпускъ V, изд. 1872 г., относится къ сѣверо-западному краю и состоитъ изъ большаго альбома, съ 18 листами рисунковъ и отдѣльной книги in quarto, въ которой помѣщено начало очерка исторіи города Вильны профессора В. Г. Васильевскаго и краткій объяснительный текстъ къ рисункамъ.

Выпускъ VI, изд. 1874 г., составляющій продолженіе предъ-

Digitized by Google

идущаго, въ видѣ 18 листовъ рисунковъ и отдѣльной книги текста, въ которомъ трудъ профессора Васильевскаго доведенъ до послѣдняго раздѣла Польши.

Не смотря на ту пользу, которую безспорно приносило изданіе «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ», дальнѣйшіе выпуски ихъ были прекращены. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что и въ пріостановкѣ патріотическаго служенія Батюшкова дѣлу науки и исторіи выразилось то же «Потаповское» направленіе, которому Помпей Николаевичъ обязанъ увольненіемъ отъ должности попечителя Виленскаго учебнаго округа и которое то въ большей, то въ меньшей степени, такъ или иначе, проявлялось, съ небольшими промежутками, въ управленіи Виленскимъ краемъ почти до самаго вступленія на постъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Д. А. Толстаго.

Слѣдуетъ замѣтить, что графу Дмитрію Андреевичу и по завѣдыванію имъ греко-уніатскимъ дѣломъ Привислинскаго края (1868—1874 гг.), и по научнымъ его трудамъ въ разработкѣ исторіи иностранныхъ исповѣданій и римскаго католицизма въ Россіи, далеко не чужды были судьбы нашихъ окраинъ, пережившихъ польско-латинскій гнетъ, а въ томъ числѣ и судьбы Русскаго Забужья, извѣстнаго подъ названіемъ Холмско-Подляшскаго края (Люблинская и Сѣдлецкая губерніи варшавскаго генералъ-губернаторства); съ другой стороны въ распоряженіи П. Н. Батюшкова находился обильный матеріалъ, касающійся исторіи Холмщины. Вотъ почему, вскорѣ послѣ занятія графомъ Д. А. Толстымъ поста министра внутреннихъ дѣлъ, явилась возможность исходатайствовать высочайшее разрѣшеніе на продолженіе изданія «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ».

Такимъ образомъ, подъ руководствомъ П. Н. Батюшкова, появились въ свѣтъ:

Выпускъ VII, изд. 1885 г., состоящій изъ альбома, съ 16 листами рисунковъ и гравюръ и отдѣльной книги текста, и

Выпускъ VIII, изд. 1886 г., въ видѣ такого же альбома съ 15 листами рисунковъ и чертежей и большой книги текста, также иллюстрированной портретами, автографами и историческими картами.

Послѣдніе два выпуска, какъ и первые шесть, по внутреннему своему содержанію, равно и по внѣшнему виду, представляющему собою послѣднее слово рисовальнаго и графическаго искусства, могутъ быть, по справедливости, отнесены къ числу выдающихся изданій русской научной литературы. «Памятники» П. Н. Батюшкова открыли такія достопримѣчательности, которыя были или въ забвеніи, или въ совершенной неизвѣстности и которыя, подвергаясь вліянію

Digitized by Google

времени и варварскому уничтоженію, почти съ каждымъ годомъ сокращали свои историческія особенности. Многія изъ нихъ даже предназначались къ уничтоженію; такъ, напр., при обзорѣ древностей города Луцка П. Н. Батюшковъ узналъ, что одна изъ мѣстныхъ достопримѣчательностей—Крестовоздвиженская братская церковь, подъ сводами коей покоились останки основателей и членовъ братства, древнихъ русскихъ вельможъ, продана за тысячу руб. евреямъ, которые уже и приступили къ разбору кирпичей. Ревнитель русской старины поспѣшилъ, по телеграфу, довести объ этомъ прискорбномъ фактѣ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе чего дальнѣйшая разборка остатковъ древняго храма, по высочайшему повелѣнію, была тотчасъ же пріостановлена.

По ограниченному количеству изданныхъ экземпляровъ и по своей относительно высокой цѣнѣ «Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ» не могли, однако, имѣть широкаго распространенія въ публикѣ; между тѣмъ съ появленіемъ въ свѣтъ VII и VIII выпусковъ «Памятниковъ» высказывалась мысль о необходимости распространенія изданныхъ П. Н. Батюшковымъ научныхъ изслѣдованій, касающихся нашихъ западно-русскихъ окраинъ, въ видѣ отдѣльнаго, компактнаго и недорогаго изданія, которое служило бы пособіемъ для преподавателей въ школахъ и вообще для лицъ, близко стоящихъ къ народу. Эта полезная мысль была осуществлена при просвѣщенномъ содѣйствіи графа Д. А. Толстаго, который испросилъ высочайшее на то разрѣшеніе. Такимъ образомъ, въ началѣ 1887-го года, появилось новое изданіе П. Н. Батюшкова: «Холмская Русь. Историческія судьбы Русскаго Забужья», съ 2 хромолитографіями, 45-ю гравюрами и историко-географическою картою.

Послѣдній издательскій трудъ П. Н. Батюшкова выразился въ только-что вышедшемъ въ свѣтъ, роскошно изданномъ, «Собраніи сочиненій К. Н. Батюшкова»,—три огромныхъ тома съ портретами поэта, автографами и проч.

Всѣ изданія П. Н. Батюшкова, по своей солидности, содержательности и изяществу, составляютъ выдающееся явленіе въ русской литературѣ. Не ограничивая свою дѣятельность одною ролью издателя въ обще принятомъ значеніи этого слова, Помпей Николаевичъ близкимъ участіемъ своимъ руководитъ самымъ изданіемъ, выказывая при этомъ особенное умѣнье, энергію и знаніе дѣла. Труды его въ издательскомъ дѣлѣ получили уже должную оцѣнку съ высоты Монаршаго Престола пожалованіемъ чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника «за обширные труды по изданію Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ и Холмской Руси».

Digitized by Google

III.

Заканчивая краткій очеркъ многополезной дѣятельности П. Н. Батюшкова на поприщѣ государственной службы, русской науки и литературы, мы считаемъ себя не вправѣ умолчать еще объ одномъ родѣ служенія его на общую пользу.

Имя Помпея Николаевича пользуется заслуженною популярностію какъ въ Россіи, такъ и въ славянскихъ земляхъ. Популярность эта, кромѣ общеизвѣстной патріотической его дѣятельности служебной и научной, вызвана еще теплою, сердечною отзывчивостію его на всякое доброе и полезное дѣло.

Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Изъ Болгаріи, изъ монастыря Спаса Преображенія, близъ города Тырнова, получается извѣстіе о желаніи иноковъ обзавестись колоколами, звоны которыхъ въ теченіи вѣковъ не оглашали православной страны вслѣдствіе воспрещенія турецкихъ властей, и вотъ Помпей Николаевичъ приходитъ на помощь обители и находитъ средства къ осуществленію желанія иноковъ; къ празднику Вознесенія (1879 г.) окрестные жители обители были обрадованы доселѣ неслышаннымъ ими звономъ церковнаго колокола.

Во многихъ церквахъ юго-западнаго края мѣстныя чтимыя иконы имѣли скудныя украшенія въ видѣ скромныхъ, безъ всякой отдѣлки, ризъ. Мѣстные духовенство и ревнители православія обращаются по этому поводу къ П. Н. Батюшкову, который, изыскивая средства для украшенія св. православныхъ иконъ, представилъ объ этомъ въ Бозѣ почившей государынѣ Маріи Александровнѣ и вскорѣ получилъ отъ Августѣйшей покровительницы православныхъ церквей цѣлый ларецъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, которыми Помпей Николаевичъ и украсилъ ризы многихъ иконъ юго-западнаго края.

Холмское Православное Братство пресв. Богородицы, имѣющее счастье состоять подъ высочайшимъ покровительствомъ Государя Императора, давно предполагало распространить, среди возсоединеннаго изъ уніи православнаго населенія Холмщины и Подляшья, возможно точныя изображенія мѣстной чудотворной иконы Холмской Божіей Матери, писанной, по преданію, евангелистомъ Лукою и чтимой не въ одной Россіи, но и въ сосѣднихъ съ нею Галиціи, Буковинѣ и Угорской Руси. Не располагая необходимыми для того средствами, Братство прибѣгло къ содѣйствію издателя Холмской старины. По

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

П. Батюшковъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

всеподданнѣйшему докладу гр. Д. А. Толстаго, были отпущены соотвѣтственныя суммы для изготовленія 10.000 экземпляровъ копій съ Холмской иконы, которыя затѣмъ и были исполнены хромолитографически и отосланы въ Холмское Братство съ уступкою 50% стоимости изданія. Въ благодарность за оказанное содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, Братство избрало Батюшкова своимъ почетнымъ членомъ, прислав ему золотой братскій знакъ первой степени.

Наконецъ, передадимъ еще одинъ, намъ извѣстный, фактъ въ томъ же родѣ.

Въ небольшомъ городкѣ Кальваріи, Сувалкской губерніи, было получено извѣстіе, что уроженецъ этого города Агафонъ Микитинъ, бомбардиръ 21 артиллерійской бригады, при взятіи Геокъ-Тепе, подвергся страшнымъ мученіямъ, именно: текинцы, за отказъ Микитина, взятаго ими въ плѣнъ, стрѣлять по нашимъ войскамъ, отрубили у него пальцы и съ живаго содрали кожу со спины. Небольшой кружокъ русскихъ служащихъ людей города Кальваріи, желая почтить память героя-мученика, рѣшилъ соорудить въ этомъ городѣ, лишенномъ православнаго храма, церковь; помѣщеніе для этого нашлось въ видѣ маленькаго домика, пожертвованнаго городомъ, но на полное устройство церкви средствъ у мѣстныхъ жителей православнаго исповѣданія оказалось недостаточно. Ревнители православія и чтители памяти героя-мученика рѣшились обратиться къ содѣйствію П. Н. Батюшкова, который имѣлъ отраду получить изъ собственныхъ суммъ Государя Императора три тысячи рублей на украшеніе Кальварійской церкви, освященной во имя св. Агафона [1]).

Тѣми немногими словами, которыя мы сочли нужнымъ высказать о полезной и плодотворной дѣятельности Помпея Николаевича Батюшкова, «Русская Старина» желала только воздать дань уваженія и общественной признательности современному намъ дѣятелю на поприщѣ государственной службы, науки, литературы и благотворительности.

М. И. Г.

---

[1]) Замѣчательное совпаденіе: всемилостивѣйше пожалованная сумма была пожертвована Государемъ въ тотъ именно день, когда празднуется память преподобнаго Агаѳона (20-го февраля). М. И. Г.

Digitized by Google

Замѣтки и поправки.

(См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., книга IV).

Къ замѣткѣ о М. Е. Салтыковѣ.

Въ апрѣльской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1887 г., напечатана замѣтка о началѣ моей литературной дѣятельности. Совершенно справедливо сказано, что я началъ писать гораздо ранѣе 1847 года; писалъ стихи и мелкія рецензіи, но съ какого именно времени — этого я и самъ опредѣлить не могу, но вѣроятнѣе всего—около 1841 года.

Что касается до повѣсти „Забытое дѣло“, то такой я никогда не писалъ, а написалъ повѣсть „Запутанное дѣло“, которая была помѣщена въ мартовской книжкѣ „Отеч. Записокъ“ 1848 г., и затѣмъ перепечатана мною въ сборникѣ „Невинные разсказы“.

1-е апрѣля 1887 года. М. Е. Салтыковъ.

Къ статьѣ: Домъ и фамилія графовъ Строгоновыхъ.

Въ апрѣльской книгѣ „Русская Старина“ изд. 1887 г. напечатана статья: „Домъ и фамилія графовъ Строгоновыхъ“. Въ этой статьѣ, на стр. 83, сказано, что графъ Григорій Александровичъ Строгоновъ былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Сергѣевнѣ Трубецкой, отъ коей имѣлъ пять сыновей и одну дочь, но не упомянуто о томъ, что онъ былъ женатъ вторымъ бракомъ на графинѣ Юліи Петровнѣ, отъ коей, впрочемъ, дѣтей не имѣлъ.

Графиня Юлія Петровна была дочь португальскаго графа д'Алмонда д'Ойейгаузенъ и родилась въ 1783 году, а умерла въ С.-Петербургѣ 2-го ноября 1864 года. Живя въ Петербургѣ, она много лѣтъ, до самой своей смерти, была предсѣдательницею общества дѣтскихъ пріютовъ и довела это благотворительное дѣло до замѣчательнаго благоустройства. Въ составъ сего общества вошло много лицъ высшаго круга, а потому оно пользовалось сочувствіемъ какъ двора, такъ и всѣхъ жителей Петербурга. Въ средѣ графа Григорія Александровича, какъ замѣчательнаго русскаго дипломата въ наполеоновскую эпоху, состояли лучшіе люди своего времени, въ томъ числѣ и нашъ поэтъ—А. С. Пушкинъ. Графъ Г. А. Строгоновъ жилъ на углу Невскаго пр. и Михайловской улицы, въ домѣ г. Н. П. Строгоновой, впослѣдствіи перешедшемъ къ ея дочери, княгинѣ Мещерской, а потомъ въ собственность волжско-камскаго банка.

На той же 83-й страницѣ, въ первой строкѣ, пропущенъ годъ рожденія жены графа Григорія, Анны Сергѣевны,—именно 1765 годъ.

На стр. 72, въ 4 строкѣ снизу, напечатано: въ г. Петербургѣ, читай: въ г. Петергофѣ. Н. К.

Къ статьѣ: Рязанская ученая арх. комиссія.

На стр. 189, строки 20—21, напечатано: Кандріото Скандербекъ, слѣд. читать: Кастріото-Скандербекъ.

На той же 189 стр., строки 22—23, напечатано: Андрей Васильевичъ, читай: Алексѣй Васильевичъ.

На 190 стр. сказано, что комиссія приступила къ постройкѣ часовни на мѣстѣ храма и усыпальницы кн. рязанскихъ въ старой Рязани.—Это не точно: комиссія только возбудила вопросъ о сохраненіи остатковъ означеннаго храма, найденнаго въ 1836 г., и приняла мѣры къ тому, чтобы, подъ предлогомъ возведенія часовни на этомъ мѣстѣ, не могли быть уничтожены уцѣлѣвшіе слѣды древности.

На стр. 215а напечатано: архіепископъ Ѳеофилактъ, слѣд. читать: архіепископъ Ѳеоктистъ. А. С.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Ф. Солнцевъ

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

ІЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 12 МАЯ 1887 Г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВАСИЛІЙ НИКИТИЧЪ ТАТИЩЕВЪ

1686—1750 [1]).

«Пушкинъ назвалъ Ломоносова первымъ русскимъ университетомъ; названіе это въ значительной степени можетъ быть примѣнено и къ первоначальнику русской исторической науки — Татищеву».

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

I.

У цивилизованныхъ западно-европейскихъ народовъ для ихъ великихъ людей существуютъ Пантеоны, Вестминстерскія аббатства; у насъ могилы нашихъ замѣчательныхъ дѣятелей прошлаго времени находятся въ разрушеніи и въ забросѣ, и лишь по случаю празднованія ихъ юбилеевъ—недавно явившагося на Руси подражанія западно-европейскимъ обычаямъ,—производятся изслѣдованія о днѣ ихъ рожденія и о подробностяхъ кончины. Кому, напримѣръ, извѣстна заброшенная могила на погостѣ приходской церкви села Рождествена, Клинскаго уѣзда, Московской губерніи, въ 11 верстахъ отъ станціи Подсолнечной, Николаевской желѣзной дороги? Между тѣмъ въ этой могилѣ погребенъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ XVIII в., одинъ

[1]) Статья эта переработана изъ рѣчи, произнесенной нами въ торжественномъ собраніи императорскаго казанскаго университета 19 апрѣля 1886 г., въ память двухсотлѣтней годовщины дня рожденія Татищева.

Д. А. Корсаковъ.

Digitized by Google

изъ самыхъ сильныхъ русскихъ умовъ—Василій Никитичъ Татищевъ [1]). А большинству нашего такъ наз. образованнаго общества самъ Татищевъ едва-ли извѣстенъ и по имени. Вообще забывчива память русскихъ людей!... Много-ли мы знаемъ о сильныхъ духомъ и мыслію русскихъ дѣятелей XVIII вѣка, не говорю уже о вѣкахъ болѣе отдаленныхъ! Даже царь-богатырь Петръ Великій не изученъ въ достаточной полнотѣ, а между тѣмъ сколько замѣчательныхъ русскихъ людей рядомъ съ нимъ и послѣ него подвизалось на благо родной земли, и образы ихъ для насъ являются какими-то туманными пятнами. Исключеніе составляетъ развѣ только одинъ Ломоносовъ; а Татищевъ, кн. Кантемиръ, Посошковъ, Болтинъ, кн. Щербатовъ, Новиковъ, Радищевъ и другіе—все это почти что „образы безъ лицъ“ для большинства. Жизнь и дѣянія этихъ людей призваны изучать одни только спеціалисты — историки и историки литературы. Дѣла ихъ для большинства—„дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой“.

Особенно печальна судьба ученыхъ заслугъ Татищева. Какъ писателя, мыслителя—его мало знали при жизни. Тогда онъ былъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ инженеръ и чиновникъ-администраторъ, да еще вдобавокъ какъ чиновникъ, попадавшій весьма часто подъ слѣдствіе и судъ и умершій даже подъ арестомъ. Лишь послѣ смерти Татищева были изданы его „Исторія Россіи“ и открытые имъ „Русская Правда“ и „Царскій Судебникъ“, но ученая его репутація была еще болѣе запятнана, чѣмъ служебная. „Исторія Россіи“, которую онъ читалъ въ интимномъ кружкѣ своихъ друзей въ 1739 году, составила ему въ высшихъ кругахъ тогдашняго петербургскаго общества опасную репутацію „аѳеиста“; онъ долженъ былъ ее передѣлать, но и въ передѣланномъ видѣ она не могла появиться въ печати при его жизни. Тридцать лѣтъ упорнаго труда посвятилъ Татищевъ на составленіе своей „Исторіи“, и первый томъ ея былъ напечатанъ лишь въ 1768 году—18 лѣтъ спустя послѣ его смерти, по черновому списку и исправленный издателемъ. Бѣловой экземпляръ „Исторіи“, вмѣстѣ съ обширной библіотекой Татищева,

[1]) См. въ „Русской Старинѣ“ изд. 1879 г., т. XXVI, стр. 540 — 543, и изд. 1880 г., т. XXVIII, стр. 618—замѣтки о могилѣ В. Н. Татищева.

Digitized by Google

сгорѣлъ въ его подмосковной—въ с. Болдинѣ. Остальныя ученыя и публицистическія сочиненія Татищева появляются въ печати уже въ XIX в. Ученыя заслуги русскаго человѣка впервые повѣдалъ его соотечественникамъ замѣчательный русскій историкъ XVIII в.—Миллеръ. Нѣмецъ Миллеръ былъ первымъ издателемъ Исторіи и Судебника Татищева, и изданія эти могли появиться только въ царствованіе Екатерины II. Иначе, чѣмъ Миллеръ, отнесся къ Татищеву другой нѣмецъ, также извѣстный историкъ Россіи въ XVIII в.—Августъ Людвигъ Шлёцеръ. Увлеченный своимъ „Несторомъ", онъ обвинилъ Татищева почти что въ ученомъ подлогѣ Іоакимовой лѣтописи и заподозрилъ многія мѣста его исторіи въ достовѣрности.

Болѣе полустолѣтія тяготѣлъ надъ Татищевымъ укоръ Шлёцера, еще болѣе развитый Карамзинымъ, и лишь въ половинѣ 1850-хъ годовъ, слишкомъ черезъ столѣтіе послѣ кончины Татищева, раздались среди русскихъ ученыхъ голоса въ его пользу. То были авторитетныя мнѣнія С. М. Соловьева и П. А. Лавровскаго. Въ настоящее время, благодаря трудамъ названныхъ ученыхъ, а также изслѣдованіямъ Н. А. Попова, академиковъ А. А. Куника, П. П. Пекарскаго и К. Н. Бестужева-Рюмина, ученая добросовѣстность Татищева вполнѣ доказана [1])—и его

[1]) Впервые въ русской исторической литературѣ XIX в. мнѣніе за добросовѣстность Татищева было высказано въ 1840 г. П. Г. Бутковымъ въ его изслѣдованіи „Оборона лѣтописи русской Несторовой отъ навѣта скептиковъ".—С. М. Соловьева:—Разборъ историческихъ трудовъ Татищева, въ „Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній, относ. до Россіи", Н. В. Калачева; 1855 г., кн. II, 1-я полов., отд. III, с. 15—40.—П. А. Лавровскаго „Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской", Учен. зап. II отд. акад. н. 1855 г., кн. II и отд. изд. — Изслѣдованіе Н. А. Попова: „Татищевъ и его время", отрывки изъ котораго помѣщались въ „Московскихъ вѣдомостяхъ" 1859 и 1860 гг., вышло въ Москвѣ, въ 1861 г. Изъ рецензій на эту книгу самая замѣчательная акад. А. А. Куника въ 32-мъ присужденіи Демидовскихъ наградъ.—П. П. Пекарскаго: „Новыя извѣстія о Татищевѣ", въ Прилож. къ IV т. зап. акад. наукъ 1864 г.—Біограф. очеркъ Татищева К. Н. Бестужева-Рюмина въ „Древн. и Нов. Россіи" 1875 г. и въ „Біограф. и характерист.", изд. въ 1882 г.—Отмѣтимъ также монографіи объ историческихъ трудахъ Татищева профессоровъ двухъ духовныхъ академій: казанской—П. В. Знаменскаго: „Исторія Россійская Татищева по отношенію къ русск. церковн. исторіи," Труды кіевской духовн. акад. 1862 г., кн. 2, и московской—Е. Е. Голубинскаго: „О такъ назыв. Іоакимовской лѣтописи," Прибавл. къ Твор. Св. отцевъ 1881 г., ч. XXVIII. Профессоръ

Digitized by Google

„Исторія“ можетъ быть почтена замѣчательнымъ научнымъ трудомъ. Съ одной стороны, въ ней выразились своеобразныя воззрѣнія просвѣщеннаго русскаго человѣка прошлаго вѣка на историческую науку; съ другой — она представляетъ собою хранилище многихъ, весьма важныхъ, не дошедшихъ до насъ помимо ея, историческихъ источниковъ.

Но Татищевъ не былъ только историкомъ. На ряду съ Петромъ Великимъ и Ломоносовымъ, онъ является въ числѣ первоначальныхъ зодчихъ русской науки.

Математикъ, естествоиспытатель, горный инженеръ, географъ, этнографъ, историкъ и археологъ, лингвистъ, ученый юристъ, политикъ и публицистъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ просвѣщенный практическій дѣятель и талантливый администраторъ—Татищевъ, по своему обширному уму и многосторонней дѣятельности, смѣло можетъ быть поставленъ рядомъ съ Петромъ Великимъ. Татищевъ точно также, какъ и первый русскій императоръ, передъ памятью котораго онъ благоговѣлъ, былъ вѣчный работникъ. „Все, что имѣю,—говоритъ Татищевъ, — чины, честь, имѣніе, и главное надъ всѣмъ — разумъ, единственно по милости его величества имѣю: ибо, если-бы онъ въ чужіе краи меня не посылалъ, къ дѣламъ знатнымъ не употреблялъ, а милостію не ободрялъ, то бы я не могъ ничего того получить“. Татищевъ типическій представитель новыхъ русскихъ людей, созданныхъ реформой Петра Великаго, одинъ изъ лучшихъ „птенцовъ“ перваго императора. Практичность во всемъ, и въ дѣлахъ, и въ воззрѣніяхъ, полное отсутствіе идеализма, мечтательности и глубокое пониманіе сущности вещей, находчивость, умѣнье всегда ко всему приноровиться, необыкновенно здравое и мѣткое сужденіе обо всемъ и тонкая здравая логика—вотъ отличительныя черты интеллектуальнаго и нравственнаго образа Татищева. Вмѣстѣ съ тѣмъ у Татищева мы замѣчаемъ разладъ между мыслію и жизнію. Будучи одушевляемъ высокими стремленіями общественнаго служенія и умственнаго подвига на благо ближнему — Татищевъ на практикѣ, въ жизни, заявилъ себя самодурствомъ и

Голубинскій въ своихъ отрицательныхъ воззрѣніяхъ на Іоакимовскую лѣтопись идетъ даже дальше Шлецера и составляетъ среди русскихъ историковъ нашего времени исключеніе по отношенію къ Татищеву. Д. К.

Digitized by Google

лихоимствомъ. Достоинства Татищева составляютъ отличительныя черты русскаго человѣка вообще; недостатки являются характеристическими чертами времени, въ которое жилъ и дѣйствовалъ Татищевъ. Время Петровой реформы,—когда происходила такая страшная ломка всего политическаго, общественнаго и культурнаго строя Россіи—всего менѣе могло создавать цѣльные характеры, и всѣ русскіе люди первой половины XVIII вѣка не отличаются устойчивостью и выработанностью нравственныхъ принциповъ; противорѣчіе между мыслію и дѣйствительностью — ихъ стихія [1]). Таковъ былъ и Татищевъ.

II.

В. Н. Татищевъ родился 19-го апрѣля 1686 года въ Псковскомъ уѣздѣ, въ имѣніи своего отца, стольника Никиты Алексѣевича Татищева, и въ раннемъ дѣтствѣ, семи лѣтъ отъ роду, поступилъ на службу также стольникомъ ко двору царицы Прасковьи Ѳеодоровны (рожд. Салтыковой), жены царя Іоанна Алексѣевича, брата Петра Великаго [2]). Родъ Татищевыхъ, на ряду

---

[1]) Лихоимство было ахиллесовой пятой не только мелкихъ чиновниковъ, но и высшихъ сановниковъ эпохи реформы. Петръ Великій велѣлъ генералъ-прокурору сената, „оку государеву“, какъ онъ называлъ его, Ягужинскому написать строгій указъ о томъ, что каждый взяточникъ будетъ повѣшенъ. „Государь,—сказалъ Петру Ягужинскій,—неужели ты хочешь остаться императоромъ одинъ безъ подданныхъ и слугъ? Всѣ мы воруемъ, но одинъ больше, а другой меньше“. Д. К.

[2]) Кромѣ указанныхъ выше изслѣдованій Н. А. Попова и К. Н. Бестужева-Рюмина, свѣдѣнія о служебной дѣятельности Татищева находятся въ слѣдующихъ монографіяхъ: 1) С. М. Соловьева—въ его „Ист. Россіи съ древн. врем.“, т. XX, стр. 258—276 (1-го изд.); 2) Н. К. Чупина—„Первое управленіе Татищевымъ Уральскими заводами (по дѣламъ Екатеринбургскаго горнаго архива), въ „Пермскихъ губ. вѣд.“ 1867 г. и въ „Сборникѣ статей Чупина“, изд. Пермскимъ губ. земствомъ въ 1882 г.; 3) В. И. Рожкова—двѣ статьи по документамъ архива горнаго департамента: a) Дѣятельность артиллеріи капитана В. Н. Татищева на уральскихъ заводахъ въ царствованіе Петра Великаго — въ „Горномъ журналѣ“ 1884 г.; b) Бергъ-компанія въ царствованіе Анны Іоанновны. Тамъ-же, изд. 1885 г. См. также свѣдѣнія о В. Н. Татищевѣ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1873 г., т. VIII, стр. 985, статья Н. К. Чупина: „Татищевъ въ дѣлѣ Столѣтова“. Также: „Мысли

Digitized by Google

съ нѣкоторыми другими нетитулованными русскими дворянскими родами (Аладьиныхъ, Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ, Еропкиныхъ, Ляцуновыхъ, Мусоргскихъ, Ржевскихъ, Сатиныхъ и друг.)— происходитъ отъ владѣтельныхъ русскихъ удѣльныхъ князей: Татищевы ведутъ свой родъ отъ князей Смоленскихъ. Не столько княжеское происхожденіе Василія Никитича, сколько свойство его, черезъ Салтыковыхъ, съ царицей Прасковьей Ѳеодоровной, рано открыло передъ нимъ служебно-придворное поприще, а пребываніе при дворѣ царицы Прасковьи Ѳеодоровны и затѣмъ долголѣтнія близкія отношенія къ ней и ко всему ея семейству имѣютъ весьма важное значеніе въ жизни Татищева. Здѣсь онъ подробно познакомился съ вотчинно-царскимъ старо-русскимъ бытомъ и впервые въ обществѣ царицы Прасковьи, отличавшейся обрядовымъ богомоліемъ и любившей всякихъ блаженныхъ и юродивыхъ, запало въ практическій умъ Татищева отрицательное отношеніе къ суевѣрію, святошеству и пустосвятству. Татищевъ хорошо зналъ всѣхъ дочерей царицы Прасковьи и въ томъ числѣ Анну Іоанновну, будущую русскую императрицу, въ исторіи воцаренія которой игралъ онъ замѣтную роль. Обучался Татищевъ въ московской артиллерійско-инженерной школѣ, находившейся въ завѣдываніи извѣстнаго русскаго математика, астронома и инженера XVIII вѣка, графа Як. Виллим. Брюса. Близкія отношенія къ Брюсу, въ которыя вошелъ съ того времени Татищевъ, повліяли на всю его дальнѣйшую ученую и служебную карьеру, пристрастивши его къ математикѣ, географіи и горному дѣлу. Въ 1704 году, 18-ти лѣтъ отъ роду, Татищевъ поступаетъ на службу солдатомъ въ артиллерію и до 1717 года участвуетъ во всѣхъ важнѣйшихъ сраженіяхъ со шведами. Въ эти молодые годы, среди напряженной борьбы Петра Великаго съ „Шведскимъ львомъ“, Татищевъ находитъ досугъ обратить вниманіе на русскіе археологическіе памятники и начинаетъ собирать источники по русской исторіи. За это же время онъ три раза ѣздитъ за-границу, въ Польшу, Германію, Голландію и Швецію. Въ 1719 году Татищевъ опредѣленъ „къ землемѣрію

В. Н. Татищева о горнозаводской промышленности въ 1735—1738 гг.“, сообщ. г. Лисенко, „Русск. Старина“, изд. 1879 г., т. XXVI, стр. 35 и слѣд.

Д. К.

Digitized by Google

всего государства и къ сочиненію обстоятельной географіи съ ландкартами", а въ слѣдующемъ 1720 году онъ командируется въ Сибирскую губернію, на Кунгуръ и въ прочія мѣста, для отысканія рудъ и постройки горныхъ заводовъ. Три года проводитъ Татищевъ въ Зауральѣ, упорно трудясь надъ упорядоченіемъ тамъ горнаго дѣла, устраивая училища въ казенныхъ заводахъ, основывая новый центръ ихъ управленія — Екатеринискъ, теперешній Екатеринбургъ, вступая въ борьбу съ частными заводчиками, злоупотреблявшими казеннымъ интересомъ и стремившимися къ своимъ личнымъ выгодамъ. Во главѣ этихъ заводчиковъ стоитъ извѣстный Никита Демидовъ, которому до пріѣзда Татищева на Уралъ, по мѣткому выраженію послѣдняго, „никто не смѣлъ... слова выговорить и онъ здѣсь поворачивалъ, какъ хотѣлъ".

Въ 1724 г. Татищевъ командируется Петромъ В. въ Швецію, для лучшаго изученія горнаго дѣла и приглашенія ученыхъ въ задуманную императоромъ Академію Наукъ. Въ Стокгольмѣ застигла Татищева вѣсть о кончинѣ его „патрона" и благодѣтеля Петра Великаго. Онъ вернулся въ Россію, когда номинально на россійскомъ императорскомъ престолѣ находилась Маріенбургская плѣнница Марта Скавронская (Екатерина I), а фактическимъ правителемъ государства былъ „Левіафанъ"— какъ называетъ его Татищевъ—всесильный князь Меншиковъ. Пребываніе въ Швеціи имѣло большое вліяніе на ученыя и политическія воззрѣнія Татищева. Здѣсь, между прочимъ, удалось ему собрать очень много историческаго матеріала. При Екатеринѣ I и въ послѣдующее царствованіе Татищевъ занимаетъ скромное мѣсто члена монетной конторы—и выдвигается на политическомъ поприщѣ при воцареніи Анны Іоанновны, какъ авторъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ проектовъ измѣненій управленія русскаго государства, поданныхъ въ то время шляхетствомъ. Въ 1734 г. Татищевъ назначается начальникомъ Уральскихъ горныхъ заводовъ. Съ новой, еще бо̀льшей, чѣмъ прежде, энергіей принимается онъ за приведеніе ихъ въ порядокъ, составляетъ замѣчательный горный уставъ, открываетъ обильную желѣзную руду въ горѣ, названной имъ въ честь императрицы Анны Іоанновны Благодать (Анна—по еврейски— благодать) и мечтаетъ стать во главѣ всего горнаго управленія

Digitized by Google

въ Россіи, но это мѣсто получаетъ нѣмецъ Шомбергъ, одинъ изъ кліентовъ уже всесильнаго въ то время Бирона. Горное управленіе становится для Бирона источникомъ самаго позорнаго казнокрадства, и Татищевъ, вступивъ въ войну съ Шомбергомъ, конечно, не только не могъ разсчитывать на служебное повышеніе, но долженъ былъ почесть себя вполнѣ счастливымъ, что, получивъ чинъ тайнаго совѣтника, былъ назначенъ правителемъ Оренбургскаго края.

Это назначеніе открывало передъ нимъ новое административное поприще, весьма важное въ политическомъ отношеніи,— правильную постановку отношеній къ инородцамъ восточной Россіи: башкирамъ, калмыкамъ и киргизамъ, жившимъ недружелюбно съ русскимъ правительствомъ съ самаго XVI вѣка и заявлявшимъ это недружелюбіе цѣлымъ рядомъ бунтовъ и возстаній, которые тянутся черезъ все XVII столѣтіе и переходятъ въ XVIII-е. Съ 1736 г. Татищевъ послѣдовательно управляетъ Оренбургомъ, калмыками и Астраханской губ.—до 1745 года. Управленіе обширными областями сѣверо-восточной Россіи, нашего Пріуралья и Поволжья ознаменовалъ Татищевъ цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ административныхъ мѣропріятій и за все время этого управленія усердно занимался наукой. Онъ изучаетъ инородцевъ и географію мѣстности, обращаетъ вниманіе на вещественныя древности края и работаетъ надъ своей „Исторіей Россіи". Его переписка съ академіей наукъ изъ Уфы, Оренбурга и Астрахани полна глубокаго интереса. Его предложеніе о сочиненіи исторіи и географіи Россійской, посланное въ академію наукъ изъ Самары въ 1737 г., представляетъ обширную программу изученія Поволжья и Пріуралья, на разработку которой потребовалась бы совокупная дѣятельность нѣсколькихъ ученыхъ обществъ, нѣсколькихъ ученыхъ коммиссій, и вопросы которой не потеряли своего научнаго значенія и въ наше время, черезъ полтораста лѣтъ послѣ ея составленія. Изъ административныхъ предпріятій Татищева въ Пріуральи и Поволжьи важнѣйшими должны быть почтены мѣры къ усиленію среди башкиръ русскаго элемента. Татищевъ правильно поставилъ вопросъ о правительственной колонизаціи края, перенесъ на теперешнее мѣсто Оренбургъ, основанный его предмѣстникомъ Кириловымъ нѣсколько сѣвернѣе, и возвелъ по

Digitized by Google

южной окраинѣ башкирской земли двѣ укрѣпленыя черты, два ряда крѣпостей для защиты отъ набѣговъ киргизовъ и другихъ среднеазіятскихъ степняковъ. Одна изъ этихъ крѣпостей носитъ до сихъ поръ названіе, въ честь его, Татищевской. Взятіемъ этой крѣпости проявляется первый успѣхъ Пугачева, и подъ ней же наноситъ первое серьезное пораженіе полчищамъ самозванца князь Голицынъ.

Послѣднія пять лѣтъ своей жизни Татищевъ провелъ въ своей подмосковной, въ сельцѣ Болдинѣ, Клинскаго у., находясь подъ домашнимъ арестомъ. Онъ умеръ 15 іюля 1750 г. Въ семейныхъ преданіяхъ потомковъ Татищева сохранился умилительный разсказъ о послѣднихъ дняхъ его жизни. Этотъ разсказъ дополняется любопытными подробностями, найденными въ прошломъ году въ Соликамскѣ, въ одной современной Татищеву рукописи, трудолюбивымъ и талантливымъ изслѣдователемъ мѣстной пермской исторіи, преподавателемъ пермской гимназіи А. А. Дмитріевымъ [1]). Приводимъ это семейное преданіе о кончинѣ Татищева.

— „Наканунѣ своей смерти Василій Никитичъ поѣхалъ верхомъ, взявъ съ собою и внука своего Ростислава Евграфовича верхомъ же, къ слушанію божественной литургіи въ приходскую церковь, находящуюся въ трехъ верстахъ, въ село, куда приказалъ явиться мастеровымъ людямъ съ лопатками. По отслушаніи литургіи, взявъ священника на погостъ, показываетъ ему, гдѣ лежатъ тѣла его предковъ и родителей, и, избравъ порожнее подлѣ нихъ мѣсто, приказалъ рабочимъ людямъ готовить для себя могилу, и хотѣлъ было опять сѣсть на лошадь, но не былъ въ силахъ, а сѣлъ уже въ одноколку и съ вышеписаннымъ же своимъ внукомъ, приказавъ священнику назавтра пріѣхать къ себѣ для исповѣди его и со святыми дарами, и также чтобы пригласилъ съ собою священниковъ, назнача самъ оныхъ для соборованія его масломъ, и потомъ возвратился домой. Тамъ нашелъ присланнаго изъ Петербурга курьера съ указомъ отъ императрицы, что онъ найденъ невиннымъ, и присланъ ему орденъ св. Александра-Невскаго. Василій Никитичъ, написавъ

---

[1]) „Предсмертное увѣщаніе Татищева сыну“, напеч. въ апрѣльской книжкѣ Ж. М. Н. Пр., изд. 1886 г. Д. К.

Digitized by Google

благодарительное письмо къ государынѣ, отослалъ орденъ назадъ, потому что уже приближался конецъ его жизни, отпустилъ присланнаго, и тогда же снята была находящаяся при немъ стража. Въ вечеру, когда по обыкновенію пришелъ къ нему поваръ французъ для полученія приказанія, что готовить на слѣдующій день, то онъ сказалъ повару, что „уже я болѣе не хозяинъ вашъ, но гость, а вотъ хозяйка,—указывая на свою невѣстку, Евграфа Васильевича жену,—она тебѣ прикажетъ что надобно", примолвя, что „теленокъ начатъ и есть изъ чего готовить". На слѣдующій день священникъ со всѣмъ причтомъ въ назначенный часъ прибылъ, исповѣдалъ его и причастилъ Святыхъ Таинъ. Послѣ сего Василій Никитичъ приказалъ призвать сына своего Евграфа Васильевича съ женою и съ сыномъ ихъ Ростиславомъ Евграфовичемъ, простился съ ними, сдѣлалъ имъ нѣкоторыя приказанія и наставленія, призвалъ всѣхъ находящихся при немъ людей, простился и съ ними, наконецъ, приказалъ начать дѣйствіе соборованія масломъ и при чтеніи седьмаго Евангелія скончался, приказавъ напередъ, что когда примѣтятъ, что его душа будетъ разставаться съ тѣломъ, то чтобы не дѣлали никакого шуму, дабы не продлить мученія тѣла, когда оное разстается съ душою. Когда же хотѣли снять съ тѣла мѣрку для дѣланія гроба, то столяръ объявилъ, что онъ уже, по повелѣнію покойнаго, давно сдѣланъ, подъ который ножки онъ, покойный, самъ точилъ" [1]).

[1]) Въ концѣ принадлежащаго мнѣ экземпляра „Духовной" Татищева, изд. С. Друковцовымъ въ 1773 г., вплетены два листика почтовой бумаги, на которыхъ изложена, почеркомъ начала XIX вѣка, „Странная смерть В. Н. Татищева", записанная со словъ внука его, Ростислава Евграфовича Татищева, племянникомъ послѣдняго. Я привожу разсказъ о смерти Вас. Никит. по этому списку. Замѣчу здѣсь кстати, что экземпляръ „Духовной", о которомъ идетъ рѣчь, принадлежалъ моему тестю Дм. Дм. Благово (въ настоящее время о. архимандриту Пимену, настоятелю русской посольской церкви въ Римѣ), происходящему по женской линіи отъ В. Н. Татищева. Съ записи въ экземплярѣ „Духовной" Д. Д. Благово смерть Татищева разсказана въ печати М. П. Полуденскимъ (Библ. Зап. 1858 г., стр. 198—200) и Н. А. Поповымъ (въ его книгѣ о Татищевѣ, стр. 528—529). Г. Поповъ назвалъ эту „запись"—записками Благово, а за нимъ впалъ въ ту же ошибку и г. Дмитріевъ при изданіи „Предсмертнаго увѣщанія". Записокъ, собственно, Д. Д. Благово не существуетъ, но онъ записывалъ разсказы своей бабушки, Елиз. Петр. Яньковой (р. 24 марта 1768 г., † 3 марта 1861 г.), помѣщ. сначала въ „Русскомъ Вѣстникѣ", а въ 1885 г. изд. отдѣльно въ Спб. А. С. Суворинымъ. Въ этихъ разсказахъ кончина В. Н. Татищева изложена согласно съ вышеуказанною „записью". Д. К.

Digitized by Google

III.

Умоначертаніе, какъ выражались въ XVIII вѣкѣ, Татищева сложилось подъ вліяніемъ двухъ главнѣйшихъ факторовъ: 1) западно-европейскихъ мыслителей XVII и XVIII вѣковъ, 2) преобразовательной дѣятельности Петра Великаго. Свои философскія, религіозныя, политическія и общественныя убѣжденія Татищевъ выразилъ какъ въ „Исторіи Россіи“, такъ и въ другихъ ученыхъ и политическихъ трактатахъ, но не легко по его сочиненіямъ вполнѣ возстановить эти убѣжденія. Живя въ „опасное и суетное время“, какъ называли русскіе люди первую половину XVIII вѣка, Татищевъ не только не могъ высказываться откровенно, но долженъ былъ многое измѣнить въ своихъ писаніяхъ, боясь осужденія и кривотолка. Кромѣ того, мелкія сочиненія Татищева до сихъ поръ не всѣ изданы и не собраны въ одинъ сборникъ, и притомъ въ большинствѣ случаевъ изданы крайне небрежно. Въ этомъ отношеніи исключеніе составляетъ одна лишь „Духовная“ Татищева, изданная въ 1885 году почетнымъ членомъ казанскаго общества археологіи, исторіи и этнографіи, А. Н. Островскимъ,—вполнѣ научно и совершенно достойно памяти оригинальнаго русскаго мыслителя XVIII вѣка [1]).

---

[1]) Кромѣ „Исторіи“, убѣжденія Татищева всего болѣе выражены въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

1) Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ (1730 г.). Мнѣніе, поданное Татищевымъ Верх. Тайн. Совѣту при воцареніи Анны Іоанновны и подписанное сорока лицами, большею частью изъ высшаго шляхетства.

2) Напомнѣніе на присланное росписаніе высокихъ и нижнихъ государственныхъ и земскихъ правительствъ (1739—1740 гг.). Помѣщены въ сборникѣ Погодина „Утро“ на 1859 г.

3) Духовная (1734 г.) и сходное съ ней предсмертное увѣщаніе сыну, изданное А. А. Дмитріевымъ въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1886 г., апрѣль.—„Духовная“, изд. А. Н. Островскимъ, помѣщена въ IV т. „Извѣстій Казанскаго общества арх., истор. и этногр.“.

4) Экономическія записки для управляющаго деревнею. (Временникъ М. О. И. Д. Р., кн. XII).

5) Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ науки и училищъ (1733—1736 гг.) извѣстенъ до сихъ поръ лишь по выдержкамъ, находящимся въ статьѣ К. Н. Бестужева-Рюмина (см. Біографіи и характеристики, стр. 99—140). Н. А.

Digitized by Google

Татищевъ говоритъ, что „философіи онъ неученъ". Для объясненія его словъ слѣдуетъ припомнить, что въ первой половинѣ XVIII в. подъ философіей разумѣлось совсѣмъ не то, что въ наши дни. Въ то время, когда только что развивался въ Европѣ научный и религіозный скептицизмъ, путь къ которому былъ проложенъ мыслію Бэкона и Декарта; когда критическая мысль не могла еще какъ слѣдуетъ оріентироваться въ основныхъ вопросахъ, подлежащихъ рѣшенію философіи; когда деистическое направленіе въ религіозномъ воззрѣніи смѣнялось въ Германіи мистическимъ піетизмомъ; когда идеализмъ Лейбница и туманная натуръ-философія Вольфа заслоняли собою критицизмъ Бэкона — въ то время подъ философіей разумѣлось нѣчто весьма неопредѣленное. То было какимъ-то хаотическимъ собраніемъ разныхъ вопросовъ религіи, морали, политики. Философія не организовалась еще въ науку о человѣческомъ міросозерцаніи. Ея отдѣльныя вѣтви: логика, психологія, этика, эстетика—находились въ зародышѣ. Но если принимать философію въ теперешнемъ обширномъ ея смыслѣ науки о человѣческомъ міросозерцаніи, то Татищевъ былъ ей весьма научѐнъ.

Просвѣтительное западно-европейское движеніе охватило Татищева. Онъ основательно знакомъ съ твореніями корифеевъ европейской мысли XVII и начала XVIII в. Изъ нихъ наиболѣе симпатичны ему Бэйль, Локкъ, Гобессъ, Лейбницъ, послѣдователь и популяризаторъ послѣдняго Хр. Вольфъ и основатели науки, такъ наз., естественнаго права — Пуффендорфъ, Томазій и Гуго Гроцій. Христ. Вольфъ, по собственному сознанію Татищева, всего болѣе имѣлъ вліянія на его общее міросозерцаніе. Утилитарный складъ ума Татищева заставляетъ его искать въ знаніи, въ наукѣ, прежде всего, полезности, приложенія къ житейской практикѣ. Въ этомъ отношеніи онъ совершенно сходится съ Петромъ В. Но Татищевъ не ограничивается однимъ прикладнымъ знаніемъ, для него конечная цѣль знанія несрав-

---

Поповъ намѣренъ, какъ кажется, издать этотъ разговоръ въ скоромъ времени.

6) Предложеніе о сочиненіи Исторіи и Географіи Россійской (1737 г.). Поповъ, „Татищевъ и его время", приложеніе № 13.

7) Разсужденіе о ревизіи поголовной [2-й ревизіи 1742 г.] (1742 г.) напечатано въ книгѣ Попова: „Татищевъ и его время", приложеніе № 16.

Д. К.

Digitized by Google

ненно выше преходящихъ, временныхъ житейскихъ потребностей. Ученіе, развитіе разума, пріобрѣтеніе добра и отвращеніе отъ зла—вотъ задачи человѣческой жизни. Смыслъ науки—самосовершенствованіе и самопознаніе человѣка. Разумъ, по убѣжденію Татищева, есть основная движущая сила въ человѣкѣ. „Вѣкъ живи, вѣкъ учись“ — эта русская пословица положена Татищевымъ въ основу его доказательствъ необходимости ученія. Въ „разговорѣ о пользѣ наукъ“ Татищевъ подробно обозрѣваетъ ученіе, свойственное каждому изъ четырехъ возрастовъ человѣческихъ: 1) младенчеству (до 12 лѣтъ), 2) юношеству (до 25 лѣтъ), 3) мужеству (до 50 лѣтъ), 4) старости. Отъ обученія единичнаго человѣка Татищевъ переходитъ къ разсмотрѣнію умопросвѣщенія всего человѣчества, которое онъ дѣлитъ, сообразно съ возрастами человѣка, также на 4 періода [1]). Вопросы морали Татищевъ рѣшаетъ практически. Для него мораль есть выводъ изъ житейскаго опыта. Этотъ житейскій опытъ положенъ имъ въ основу его „Духовной“, въ которой преподаетъ онъ наставленія сыну.

Религіозныя убѣжденія Татищева, составившія ему между современниками репутацію аѳеиста и пугавшія многихъ своею смѣлостью, исходили изъ его философскихъ воззрѣній, но не отличались особою устойчивостью. Въ сферѣ религіозныхъ вѣрованій у Татищева проявлялось отмѣченное выше противорѣчіе между мыслію и жизнію. Теоретически—его религіозныя убѣжденія носили всѣ признаки раціонализма и даже частнѣе, такъ наз., деизма, бывшаго въ первой половинѣ XVIII в. въ большомъ ходу у образованныхъ людей Западной Европы. Полагая въ основу всего человѣческаго міросозерцанія разумъ, Татищевъ признавалъ Высшее Существо, Промыслъ Божій и загробную

[1]) Всѣ науки по Татищеву раздѣляются, прежде всего, на двѣ категоріи: 1) душевныя—богословіе, 2) тѣлесныя—философія. Другое раздѣленіе есть моральное, которое различествуетъ въ качествѣ, яко: 1) нужныя, 2) полезныя, 3) щегольскія или увеселяющія, 4) любопытныя или почетныя, 5) вредительныя. Всѣ эти науки распредѣляются по стану или состоянію человѣка, т. е. по общественному положенію или сословію, къ которому принадлежитъ человѣкъ. Въ этомъ видно практическое пониманіе вѣка, а въ особенности вліяніе воззрѣній Петра В. Татищевъ представляетъ затѣмъ цѣлую систему наукъ, обнимающую весь циклъ тогдашнихъ знаній. (Бестужевъ-Рюминъ, біографіи и характеристики, стр. 121—124). Д. К.

Digitized by Google

жизнь, высоко чтилъ Евангельское ученіе, но относился отрицательно къ вѣроученію положительныхъ христіанскихъ религіозныхъ исповѣданій. Высказывалъ онъ такія воззрѣнія весьма осторожно и нерѣшительно. Въ жизни же, на практикѣ, особенно подъ вліяніемъ личныхъ невзгодъ, онъ исполнялъ благочестивые православные обычаи предковъ и отличался даже набожностью. Это видно и изъ его Духовной и предсмертнаго увѣщанія сыну и изъ приведеннаго выше преданія о его кончинѣ. Татищевъ, какъ практикъ, обращаетъ въ своихъ писаніяхъ преимущественное вниманіе на практическое значеніе религіи въ жизни народной: онъ высоко ставитъ нравственно-воспитательное вліяніе христіанскаго ученія на народныя массы, нападаетъ на чрезмѣрное развитіе обрядности, на смѣшеніе въ религіи важнаго и первостепеннаго съ неважнымъ и второстепеннымъ и на неподобающее своему высокому положенію состояніе духовенства, этого проводника въ сознаніе народныхъ массъ религіозныхъ истинъ. Слѣдуя европейскимъ свободнымъ мыслителямъ своего времени, Татищевъ бичуетъ властолюбіе, корыстолюбіе и невѣжество духовенства и нападаетъ на распространеніе имъ въ народѣ суевѣрія и на эксплуатацію въ свою пользу невѣжественной массы. Съ одинаковою рѣзкостью и желчью преслѣдуетъ онъ духовенство за эти пороки, гдѣ бы, въ какомъ бы религіозномъ исповѣданіи они ни проявлялись: и въ буддійскомъ далайламствѣ, и среди языческихъ египетскихъ и римскихъ жрецовъ, и въ христіанскомъ римскомъ папствѣ и, наконецъ, въ православномъ духовенствѣ — византійскомъ и русскомъ. Татищевъ горячо возстаетъ противъ всякихъ суевѣрій: противъ боязни дьявола, противъ предсказаній, противъ „пустосвятства“ и „суесвятства“, и не понимая должнымъ образомъ настоящей причины возникновенія въ господствующей церкви ересей и расколовъ, объясняетъ ихъ появленіе желаніемъ „нѣкоторыхъ людей, любочестіемъ побѣжденныхъ“, ввести въ обманъ невѣжественныя народныя массы. Суевѣріе массъ, эксплуатируемыхъ духовенствомъ, у Татищева больное мѣсто. „Я не почитаю то въ диво,— говоритъ онъ, — когда слышу отъ людей къ знанію закона Божія неприлежащихъ и о разсужденіяхъ невнимающихъ, а вкорененныя имъ суевѣрныя бабьи басни и безумныхъ наукъ толкованія, за истину почитающихъ; но дивнѣе всего онаго,

Digitized by Google

когда видимъ и слышимъ нѣкоторыхъ тѣхъ, которые особливо народомъ и властію избраны и учреждены на проповѣдь слова и закона Божія къ наученію народа истинной вѣрѣ Христовѣ и благонравію, яко соль обуявшая—ни сами хотятъ законъ Божій разумѣть, ни народъ обучать, и еще того тягчѣе, когда слышимъ преданія и узаконенія человѣческія и для своихъ лакомствъ вымышленное — за сущее, яко спасенію нужное предаютъ" [1]). „Вѣра—говоритъ Татищевъ—не въ чинахъ и убранствахъ, какъ подлость разумѣетъ, но въ сущемъ признаніи истины недовѣдомыхъ состоитъ" [2]). Татищевъ высказывается въ одномъ изъ своихъ административныхъ проектовъ за полную вѣротерпимость не только всѣхъ христіанскихъ, но и нехристіанскихъ исповѣданій. Исключеніе составляютъ одни евреи. Для Татищева религія имѣетъ большое государственное значеніе и онъ подчиняетъ церковь государству. Польза религіи заключается въ охраненіи народной массы отъ пороковъ и преступленій.

Государство для Татищева, „птенца Великаго Петра"—есть высшее проявленіе общественной и умственной жизни народа.

Слѣдуя Вольфу, Татищевъ разсматриваетъ постепенное развитіе общежитія у людей, начиная съ супружества и семейства, и опредѣляя затѣмъ сообщество домашнее, отношеніе господина къ слугамъ, общество гражданское и, наконецъ, государство. Всѣ эти „сообщества" въ основѣ своей имѣютъ—договоръ, т. е. добровольное согласіе двухъ сторонъ. Переходя къ образованію государствъ, Татищевъ останавливается на четырехъ различныхъ формахъ правленія: демократической, аристократической, монархической и смѣшанной. „Невозможно сказать — говоритъ Татищевъ, — которое бы правительство было лучше и всякому сообществу полезнѣйшее; но нужно озирать на состоянія и обстоятельства каждаго сообщества, яко на положеніе земель, пространство, области и состоянія народа. Въ единственныхъ градахъ и малыхъ областяхъ политія или демократія удобно пользу и спокойность сохранить можетъ: въ величайшихъ, но отъ нападеній не весьма опасныхъ, яко окружены моремъ и непроходными горами, особливо, гдѣ

[1]) Исторія Россіи, т. II, примѣч. 134.
[2]) Тамъ-же примѣч. 180.

Digitized by Google

народъ науками довольно просвѣщенъ, аристократія довольно способною быть можетъ, какъ намъ Англія и Швеція видимые примѣры представляютъ: великія же области, открытыя границы, а наипаче, гдѣ народъ ученіемъ и разумомъ непросвѣщенъ и болѣ за страхъ, нежели отъ собственнаго благонравія въ должности содержатся, тамо оба первые не годятся, но нужна быть монархія.... и намъ достаточные приклады прежде бывшихъ сильныхъ греческихъ, римской и другихъ республикъ доказываютъ, что они дотолѣ сильны и славны были, доколѣ своихъ границъ не распространили, равно о монархіяхъ ассирійской, египетской, персидской, римской и греческой, какъ правленія древнія, и законы въ пользу общую хранили, дотолѣ власть ихъ почтенною и всѣмъ сосѣдамъ страшною представлялась; когда же подданные дерзнули для собственнаго любоиманія или властолюбія власть монарховъ уменьшать, тогда вскорѣ государство съ крайнею бѣдою прежде подвластнымъ бывшимъ въ рабство подвергнулось“ [1]).

Принадлежа, по политическимъ убѣжденіямъ, къ кружку, во главѣ котораго стоялъ Артемій Петров. Волынской, и высказывая въ своихъ политическихъ проектахъ воззрѣнія, весьма схожія съ воззрѣніями злосчастнаго кабинетъ-министра Анны Іоанновны, Татищевъ желалъ національнаго, русскаго направленія въ правительствѣ и былъ врагомъ Бирона и его нѣмецкой клики, но не могъ высказывать этого открыто. Примѣры изъ русской исторіи для подтвержденія того или другаго политическаго положенія въ большомъ ходу у Татищева. Въ мнѣніи, представленномъ Верх. Тайн. Совѣту въ 1730 году, Татищевъ постоянно прибѣгаетъ къ этимъ примѣрамъ. На вечерахъ у Волынскаго, читая свою „Исторію“, Татищевъ вмѣстѣ съ Волынскимъ и его конфидентами любили находить аналогію между прошлыми вѣками русской исторіи и современнымъ имъ положеніемъ дѣлъ. Бирона сравнивали они съ Борисомъ Годуновымъ, а князя А. М. Черкасскаго — съ Василіемъ Иванов. Шуйскимъ. Они видѣли сходство между событіями въ Полоцкѣ въ XIII вѣкѣ и современнымъ имъ положеніемъ дѣлъ въ русскомъ государствѣ, и между боярскими замыслами въ смутное время и замыслами верховниковъ при избраніи на престолъ Анны Іоанновны.

---

[1]) Исторія Россіи, т. I, ч. I, стр. 533—534.

Digitized by Google

Исходя изъ своихъ основныхъ воззрѣній о различныхъ формахъ правленія въ государствахъ, приведенныхъ выше, и увлеченный личностью и замыслами Петра Великаго, Татищевъ признавалъ самодержавіе единственной формой правленія, пригодной для Россіи. Въ „Исторіи“ онъ доказываетъ, что русскіе государи изначала были государями единодержавными и что лишь „безпутство“, какъ онъ выражается, нѣкоторыхъ изъ нихъ нарушило основной принципъ единовластія; „хотя и было нѣсколько независимыхъ государей по областямъ,—прибавляетъ онъ,—но вездѣ они были самовластны“. „Демократическія правительства“ въ Новгородѣ, Псковѣ и Полоцкѣ явились результатомъ ослабленія „самодержавства, силы и чести русскихъ государей“ во время междукняжескихъ распрей и татарскаго завоеванія. Іоаннъ III-й, котораго Татищевъ всюду называетъ Великимъ, великъ въ его глазахъ потому, что онъ, „испровергнувъ власть татарскую, паки совершенную монархію возставилъ“ [1]). Татищевъ былъ убѣжденнымъ противникомъ олигархическихъ замысловъ московскаго боярства и позднѣйшаго русскаго вельможества, считая эти замыслы несвойственнымъ русскому политическому строю проявленіемъ аристократизма. Петра Великаго онъ считаетъ идеаломъ монарха, идеаломъ самодержавнаго государя. Но иначе смотритъ онъ на положеніе монарха самодержавнаго, когда тотъ не обладаетъ столь высокими душевными свойствами, какими безспорно надѣленъ былъ Петръ Великій. Татищева озабочиваетъ вопросъ о положеніи русскаго государства, когда на престолѣ его оказывается „персона женская“, что такъ часто случалось на Руси въ XVIII вѣкѣ, или государь слабый. Вотъ какъ характеристично выражается Татищевъ по этому поводу въ мнѣніи, представленномъ имъ Верх. Тайн. Совѣту при избраніи императрицы Анны Іоанновны: „Хотя человѣкъ, конечно, всякій не безпогрѣшенъ, однако, государи имѣютъ совѣтниковъ, избирая изъ людей благоразсудныхъ, искусныхъ и прилежныхъ; и какъ онъ, яко господинъ въ своемъ домѣ, желаетъ оный наилучшимъ порядкомъ править, такъ онъ не имѣетъ причины къ раззоренію онаго умъ свой употреблять; но паче желаетъ для своихъ дѣтей въ добромъ порядкѣ содержать и

[1]) Исторія Россіи, т. I, ч. I, стр. 541—545.

Digitized by Google

пріумножить. Если же такой несмысленный случится, что ни самъ пользы не разумѣетъ, ни совѣта мудрыхъ не принимаетъ и вредъ производитъ, то можно принять за божеское наказаніе; но чтобъ для того чрезвычайнаго приключенія порядокъ прежній перемѣнить, оное не благоразсудно; и кто можетъ утверждать, если видитъ коего шляхтича, безумно домъ свой раззоряющаго, для того всему шляхетству волю въ правленіи отнявъ, на холопей оное положить; вѣдаю, что никто сего не утвердитъ. А понеже правительство государства должно по степенямъ всюду равно быть, то по состоянію власти шляхетской въ ихъ домѣ должна и государственная нѣколико согласовать, какъ то достаточно областьми доказать можно“ [1]).

„О государынѣ императрицѣ (Аннѣ Іоанновнѣ), — говоритъ Татищевъ въ томъ же мнѣніи,—хотя мы ея мудростію, благонравіемъ и порядочнымъ правительствомъ въ Курляндіи довольно увѣрены, однако-жъ, какъ есть персона женская, къ такимъ многимъ трудамъ неудобна; паче-же ей знаніе законовъ не достаетъ; для того на время, доколѣ намъ Всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ, потребно нѣчто для помощи ея величеству вновь учредить“ [2]). Это нѣчто состояло по проекту Татищева изъ двухъ камеръ, основанныхъ на оригинальномъ представительствѣ: 1) Вышнее Правленіе—сенатъ, изъ 21-го члена представителей высшихъ, родословныхъ „фамильныхъ“ людей, отъ каждой фамиліи по одному; 2) Нижнее Правленіе—по избранію отъ шляхетства—100 членовъ, раздѣленныхъ на 3 сессіи, по 30 слишкомъ лицъ въ каждой, которыя засѣдаютъ по очереди въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ... Эти постоянные члены нижняго правительства вѣдаютъ дѣла внутренней экономіи. Три раза въ годъ нижнее правительство для разсмотрѣнія важныхъ дѣлъ собирается въ полномъ своемъ составѣ, а въ экстренныхъ случаяхъ, какъ напр., объявленіе войны, кончина безнаслѣднаго государя,—сзывается полный составъ нижняго правительства въ общее засѣданіе съ Вышнимъ.

Престолонаслѣдіе въ государствѣ не можетъ быть приравнено

---

[1]) „Утро“, стр. 374.
[2]) Тамъ-же, стр. 357.

Digitized by Google

къ наслѣдію въ имуществѣ частномъ: „Государство, — говоритъ Татищевъ, — есть имѣніе нераздѣльное, хотя состоитъ изъ разныхъ малыхъ частей, но равно какъ тѣло человѣка безъ вреда раздѣлено быть не можетъ". Разсматривая разныя формы престолонаслѣдія въ государствахъ также, какъ и формы правленія: 1) по первородству въ мужскомъ и женскомъ колѣнѣ; 2) избраніе себѣ преемника царствующимъ государемъ по его личному усмотрѣнію; 3) избраніе народное въ случаѣ, если царствующій государь не оставитъ себѣ преемника (по первому и второму способу) — Татищевъ считаетъ для русскаго государства самою правильною вторую форму престолонаслѣдія, т. е. избраніе царствующимъ государемъ себѣ преемника кого заблагоразсудитъ. Эта форма престолонаслѣдія, по мнѣнію Татищева, ведется въ русскомъ государствѣ изначала отъ самаго Гостомысла, въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ наслѣдія престола по первородству. Въ такомъ исключительномъ случаѣ, когда умретъ государь, не оставивъ себѣ наслѣдника, ни по первородству, ни по своему назначенію, тогда долженъ быть избранъ государь по изволенію народа, но не какой нибудь произвольной группой олигарховъ, а порядочно, всенародно. Такимъ порядочнымъ, всенароднымъ избраніемъ считаетъ Татищевъ избраніе въ цари Михаила Ѳеодоровича Романова, а непорядочнымъ, коварнымъ— произвольное избраніе, олигархической кликой, царя Василія Шуйскаго и императрицы Анны Іоанновны.

Власть законодательная и высшая судебная принадлежатъ исключительно монарху. „Сіе утверждаетъ всѣ титулы древнихъ государей, яко царь, гех, βασιλεὺς, и проч.: все на тѣхъ языкахъ не иное значитъ, какъ судія или оборонитель", говоритъ Татищевъ въ одной изъ своихъ политическихъ записокъ [1]).

„Законоизданіе хотя состоитъ единственно во власти монаршеской, какъ о томъ выше показано, — говоритъ Татищевъ въ той-же запискѣ, — однако-жъ, разсудя намѣреніе государя, ни въ чемъ иномъ, какъ пользѣ общей и справедливости состоитъ, такъ оное точно наблюдать должно; и какъ ея величеству неудобно самой сочинять, но нужно кому-либо сочиненіе онаго повѣрить, въ которомъ опасность не малая, чтобъ кто по прихоти

[1]) „Утро", стр. 382.

Digitized by Google

чего непристойнаго и правости не согласнаго, или паче вреднаго, не внесъ; какъ то Петръ Великій, хотя и мудрый государь былъ, но въ своихъ законахъ многое усмотрѣлъ, что̀ перемѣнить нужно, для котораго велѣлъ, всѣ оные собравъ, разсмотрѣть и вновь сочинить; того ради лучше оное прежде изданія разсматривать, нежели издавъ перемѣнять, что̀ съ честію монарха не согласуетъ; оное же сочиненіе никакъ невозможно одному повѣрить, хотя-бъ онъ искусенъ и въ намѣреніи никоея собственныя страсти не имѣлъ, по природѣ легко погрѣшить можетъ; того ради какъ скоро ея величества повелѣніе будетъ какой законъ сочинить, оный послать во всѣ коллегіи, чтобъ довольно разсмотрѣли, и чрезъ нѣсколько дней сочиня каждая общее, или кто собственное свое, въ собраніи вышнему правительству объявили, и по довольномъ разсужденіи сочиня, ея величеству ко утвержденію представили“ [1]).

Просвѣщеніе народа является у Татищева главнѣйшею обязанностью государственной власти. Просвѣщеніе необходимо для всѣхъ классовъ русскаго народа, а прежде всего для шляхетства (т. е. дворянства), какъ высшаго, первенствующаго класса, и для духовенства, какъ учителя простаго народа. „Наученіе отъ младенчества разуму есть главная государству польза. Весьма нужно высокому правительству о томъ прилежать, понеже чрезъ обученіе разуму и премудрости, а съ оными всякъ себѣ и отечеству, или всему сообществу пользы пріобрѣтать, а вреды отвращать, и о всемъ правильно разсуждать способность возымѣетъ: для сего всѣ европейскія области, какъ монархіи, такъ и республики, ревностно прилежатъ и великихъ на то иждивеній полагать не жалѣютъ“ [2]).

Правосудіе есть вторая важнѣйшая обязанность государственной власти („есть главная должность и преимущество высокихъ властей“). „Войска хотя опасность внѣшнюю отвращаютъ, обиды нападшихъ непріятелей отмщаютъ, нѣкогда честь, славу и богатства умножаютъ,—говоритъ Татищевъ,—но, во-первыхъ, судейство тишину внутреннюю сохраняетъ и страхомъ наказанія всѣхъ въ тишинѣ и любви содержатъ, а вражды и междоусобія

[1]) „Утро“, стр. 376.
[2]) Тамъ-же, стр. 380 — 381.

Digitized by Google

пресѣкаетъ, безъ котораго если вражды умножатся, междоусобіе родится, и весь народъ легко въ смятеніе придти можетъ: тогда ни великія богатства, ни сила войскъ крайнему всего общества раззоренію воспрепятствовать не могутъ“ [1]). Весьма любопытны слѣдующія мысли Татищева о судоустройствѣ и судопроизводствѣ. „А понеже никакая власть гражданская не имѣетъ удобности всѣ распри судить,—говоритъ онъ,—а наипаче въ пространныхъ областяхъ не можетъ всюду оная распространиться, развѣ посредствомъ, т. е. чрезъ опредѣленныхъ судей, слѣдственно нужно во всѣхъ предѣлахъ имѣть достойныхъ того чина людей. Достоинство же оное состоитъ не въ чести породной, или заслугами пріобрѣтенномъ чинѣ, но въ природномъ умѣ, благонравіи и чрезъ науку пріобрѣтенной мудрости, дабы чрезъ глупость и злонравіе оныхъ честь царская не нарушалася и въ судахъ невинные обидъ не терпѣли“. „Законы какъ въ томъ Уложенье людьми, ни малаго просвѣщенія ума науками не имѣющими, такъ послѣдовавшими различными,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Татищевъ,—ово въ дополненіе, ово во исправленіе онаго изданными, въ наибольшее смятеніе судей, а судящихся къ коварствамъ и ябедамъ привело; что его императорское величество (Петръ Великій), съ великимъ сожалѣніемъ видя, повелѣлъ всѣ тѣ дополнительные указы собрать и вновь порядочное Уложенье сочинить и самъ почасту о томъ изволилъ сенату напоминать. Но какъ оное тѣмъ, которые обыкли съ большею ихъ пользою въ мутной водѣ рыбу ловить, было непріятно, и не имѣя инаго способа оному воспрепятствовать, избрали къ тому людей болѣе безсовѣстныхъ ябедниковъ, которые ово за распложеніемъ надъ потребностью, ово за спорами время туне провождали; и какъ ни единаго не токмо въ законѣхъ, но ни въ граматикѣ ученаго опредѣлено не было, такъ ихъ сочиненія противорѣчій и темностей, паче же противностей закону Божію, избѣжать не могли, для котораго оное близь тридцати лѣтъ безъ всякаго плода и надежды тянется, хотя бы оное искуснымъ въ годъ, а, конечно, не болѣе дву, сочинить возможно“ [2]).

Третья обязанность государственной власти выражается въ

---

[1]) „Утро“, стр. 381.
[2]) Тамъ-же, стр. 383.

Digitized by Google

общемъ попеченіи ея о благосостояніи экономическомъ и нравственномъ всѣхъ классовъ населенія страны. Татищевъ называетъ это попеченіе „мудростью экономіи". „О мудрости экономіи, яко части политической, писать было-бы пространно, — замѣчаетъ онъ,—но кратко заключу, она состоитъ въ пріобрѣтеніи и храненіи всѣхъ пользъ государственныхъ, яко: 1) во умноженіи народа; 2) въ довольствіи всѣхъ подданныхъ; 3) побужденіе и способы къ трудолюбію, ремесламъ, промысламъ, торгамъ и земскимъ работамъ; 4) во умноженіи всякихъ плодовъ отъ животныхъ и роденій; 5) въ наученіи страху Божію и благонравію; 6) въ умѣренномъ употребленіи имѣній, и проч. Чрезъ сіи способы всякъ собственно и все государство обогащается, усиливается и славу пріобрѣтаетъ" [1]).

Четвертая обязанность государства—управленіе центральное и областное. Въ основѣ всего государственнаго управленія, по убѣжденію Татищева, должно лежать начало коллегіальное, а всѣ важныя должности, какъ въ гражданской, такъ и въ военной службѣ, замѣщаются избраніемъ въ соединенномъ собраніи вышняго и нижняго правительствъ, о которыхъ рѣчь была выше. Татищевъ обращаетъ большое вниманіе на отношеніе областныхъ правителей къ центральной правительственной власти. Приводимъ его мысли о государственной службѣ вообще: „Сіе не довольно, что чины званіями разнствуютъ, но нужно разнствовать въ преимуществѣ и должности: въ преимуществѣ первое—честь, чтобы оная всякому по достоинству его чина дана была, которое намъ законъ Божій и правила благонравія опредѣляютъ, старѣйшихъ почитать и младшій отъ старшаго благословляется. Но старость, по Соломону, не въ числѣ лѣтъ считается. Ежели-жъ кто на чести оскорбленъ бываетъ, то, конечно, или въ вѣрности, или въ прилежности ослабѣваетъ; а изъ того иногда великій вредъ происходитъ. У насъ сей порядокъ неприлежной наблюдаютъ, напр., въ нѣкоторыхъ конторахъ и канцеляріяхъ главный полковникъ или бригадиры указы посылаютъ генералу или губернатору, правящему цѣлое царство; да еще съ неусыпными. Нужно по чину повѣренность и власть; а ежели сіе отымется, то не иначе какъ вѣрность и

[1]) „Утро", стр. 383.

Digitized by Google

ревность ко изобрѣтенію пользы отъемлется. Слѣдственно, чрезъ такія оскорбленія вредъ государству наносится или, по малой мѣрѣ, умноженіе пользы и доходовъ оставляется. А сіе оттого, что у насъ преимуществъ и должностей всѣхъ, такъ какъ воинскихъ, не описано; а хотя изданы губернаторскій и воеводскій наказъ, и паки въ уставѣ военномъ о преимуществѣ и должностяхъ губернатора и коменданта описано—токмо все во многомъ не ясно и не достаточно. Сія разность чиновъ временная, но другая есть пребывающая и наслѣдственная, яко шляхетство, гражданство и подлость; а нѣгдѣ четвертое счисляютъ—духовенство. У насъ въ уложеніи неколико шляхетство отъ прочихъ отмѣнено, токмо безъ основанія, недостаточно и не ясно; для того у насъ всякъ, кто только похочетъ, честь шляхетскую похищаетъ. О пресѣченіи сего великаго безпорядка и оскорбленій,—тѣмъ преимущество государя—видится забыто“ [1]).

Будучи противникомъ олигархіи и считая аристократическую форму правленія не соотвѣтствующею русскому государству, Татищевъ придаетъ большое значеніе въ русскомъ государственномъ строѣ шляхетству (т. е. дворянству), являющемуся у него первенствующимъ сословіемъ. Онъ выдвигаетъ на первый планъ древнее, родословное „фамильное“ шляхетство, пренебрежительно относясь къ шляхтичамъ, происшедшимъ посредствомъ чиновъ „изъ подлости“, т. е. изъ низшихъ классовъ. — „Благородный, сей титулъ у насъ лѣтъ предъ 50 никому, кромѣ дѣтей царскихъ, не давали—замѣчаетъ Татищевъ въ одномъ изъ примѣчаній къ „Судебнику“—но какъ начали германскаго языка учиться, то шляхетству, по обычаю ихъ знатному, давать стали благородіе; нынѣ-же въ такомъ оной уничиженіи, что, несмотря на свою породу—поповъ, подьяческой, холопей, или крестьянскій сынъ всегда токмо чинъ или рангъ достигъ майора, или подполковника, то благородіемъ гнушается, требуетъ высокородія, которое индѣ токмо графомъ дается, или высокоблагородный. Равно съ титуломъ сіятельства, или свѣтлости. По исторіи видимъ, что государи за великъ титулъ почитали свѣтлый, великій князь, а прочимъ владѣтельнымъ княземъ никакого приложенія не было. Нынѣ татарина, или мордвина

[1]) „Утро“, стр. 384.

Digitized by Google

съ пашни, крестя князем назовутъ, доколѣ чинъ достанетъ военной, или гражданской, которые нынѣ не очень дороги,—тотчасъ титулъ сіятельства; а когда познатнѣе требуетъ свѣтлости, отъ котораго уже не далеко пресвѣтлый и пресвѣтлѣйшій, а затѣмъ святѣйшій". Въ „мнѣніи", поданномъ верховникамъ, Татищевъ указываетъ, между прочимъ, на необходимость приведенія въ извѣстность подлиннаго шляхетства, отдѣливъ отъ него шляхетство, происходящее отъ солдатъ, гусаръ, однодворцевъ и подьячихъ. Изъ этихъ послѣднихъ признать въ шляхетствѣ только тѣхъ, которые имѣютъ на деревни жалованныя грамоты, а не имѣющихъ таковыхъ, хотя-бы и многія деревни имѣли, изъ шляхетства вовсе исключить [1]). Въ томъ-же мнѣніи Татищевъ предлагаетъ „лучшіе способы для прохожденія шляхетству военной и гражданской службы" [2]).

IV.

Шляхетство должно быть сословіемъ по преимуществу образованнымъ, ученымъ. Необходимости для шляхетства серьезнаго ученія посвященъ Татищевымъ особый трактатъ „Разговоръ о пользѣ наукъ". Въ этомъ разговорѣ Татищевъ останавливается подробно на домашнемъ воспитаніи „дѣтей шляхетскихъ", рисуя неприглядную картину этого воспитанія. Затѣмъ онъ переходитъ къ общественной школѣ и начинаетъ съ народныхъ училищъ. Указавъ на то, что этихъ училищъ мало и что они устроены не цѣлесообразно, Татищевъ передаетъ свой замѣчательный разговоръ съ Петромъ В. въ 1724 году, передъ отправленіемъ своимъ въ Швецію. Лейбъ-медикъ Петра В. Блюментростъ говорилъ Татищеву, чтобъ въ Швеціи искать ученыхъ людей въ учреждающуюся академію въ профессоры, на что Татищевъ, разсмѣявся, ему сказалъ: „Ты хочешь сдѣлать архимедову машину очень сильную, да подымать нечего и гдѣ поставить мѣста нѣтъ". На вопросъ государя, что онъ сказалъ, Татищевъ добавилъ:

---

[1]) „Утро", стр. 377.—Слич. „Судебникъ", 2-е изд., стр. 239.
[2]) „Утро", стр. 377.

Digitized by Google

„Блюментростъ ищетъ учителей, а учить некого, ибо безъ нижнихъ школъ академія оная съ великимъ расходомъ будетъ безполезна“ [1]). По мнѣнію Татищева необходимо посылать дѣтей учиться за границу, но посылать слѣдуетъ не всѣхъ, а „токмо знатныхъ, къ наученію способныхъ и надежныхъ людей“. Въ заключеніе „Разговора о пользѣ наукъ“, Татищевъ предлагаетъ учредить училища по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и городамъ на иждивеніи монастырскихъ и церковныхъ доходовъ, согласно плану Петра В., съ тѣмъ, однако, чтобы дѣти изъ шляхетства „особливо отъ подлости отдѣлены были“. Особыя шляхетскія школы, по мнѣнію Татищева, могли быть основаны на суммы, которыя составятся отъ экономіи въ шляхетскомъ корпусѣ. Такія шляхетскія училища должны быть основаны: въ Москвѣ, Кіевѣ, Казани, Воронежѣ, Нижнемъ, Смоленскѣ и Вологдѣ. Учителей надо приготовлять изъ русскихъ. Въ своей „Духовной“ Татищевъ указываетъ сыну также на необходимость ученія и излагаетъ цѣлую программу этого ученія, вполнѣ практическую, необходимую, по его мнѣнію, для русскаго шляхетства, чтобы служить съ пользой государству.

Матеріальный бытъ духовенства долженъ быть непремѣнно улучшенъ. Прежде всего нужно распространить среди невѣжественнаго сельскаго духовенства образованіе. „Духовенство въ ихъ доходахъ разсмотрѣть, чтобъ деревенскіе (духовныя лица) могли дѣтей своихъ въ училищахъ содержать и сами не пахать

---

[1]) Петръ Великій отвѣтилъ Татищеву: „Я имѣю жать скирды великія, только мельницы нѣтъ; да и построить водяную и воды довольства въ близости нѣтъ; а есть воды довольно въ отдаленіи, токмо каналъ мнѣ дѣлать уже не успѣть для того, что долгота жизни нашея ненадежна и для того перво мельницу строить, а каналъ велѣлъ только зачать, которое наслѣдниковъ моихъ лучше понудитъ къ построенной мельницѣ воду провести“. Мельница—академія, каналъ—школы математическія и епархіальныя, основанныя Петромъ. „Но сіе желаніе,—говоритъ Татищевъ,—и надежда его величества весьма обманула, ибо по его скорому представленію, хотя люди въ наукахъ преславные скоро съѣхались и академію основали, но по епархіямъ, кромѣ новгородской и бѣлгородской, не токмо школы вновь устроены, но нѣкоторыя и начатыя оставлены и раззорены; вмѣсто того архіереи конскіе заводы созидать прилежали“. (См. Бестужева-Рюмина „Біографіи и характеристики“, стр. 130 — 131). Варіантъ къ этому разговору см. въ письмѣ Татищева къ Шумахеру отъ 11-го авг. 1747 года, у Пекарскаго, въ „Ист. акад. наукъ“, томъ I, стр. XIII—XIV. Д. К.

Digitized by Google

(земли); а у которыхъ есть избытки, оные на полезныя Богу и государству дѣла употребить" [1]).

Купечество оградить отъ военныхъ постоевъ и отъ утѣсненій чиновниковъ и подать способъ къ размноженію мануфактуръ и торговъ. Кромѣ того, Татищевъ предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ улучшенію быта купечества и разныхъ отраслей фабричной и заводской промышленности въ разныхъ отдѣльныхъ „запискахъ", „меморіяхъ" и „проектахъ".

По понятіямъ своего времени, Татищевъ полагалъ, что вотчинникъ и помѣщикъ были законными господами крестьянъ и должны заботиться объ улучшеніи ихъ матеріальнаго и нравственнаго быта. Онъ считаетъ, что по естественному своему состоянію, крестьяне и холопы должны быть свободны, „но... замѣчаетъ онъ,—оное (свободное ихъ состояніе) съ нашею формою правленія монаршескаго не согласуетъ и вкоренившійся обычай неволи перемѣнить небезопасно"... Татищевъ посвящаетъ отдѣльное сочиненіе „Экономическія записки" вопросу о регулированіи отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ. На первомъ планѣ стоитъ у него нравственное благосостояніе крестьянъ. Прежде всего попеченіе о благолѣпіи церкви и о пріобрѣтеніи ученаго священника, „который-бы своимъ еженедѣльнымъ поученіемъ и предикою къ совершенной добродѣтели крестьянъ довести могъ". Затѣмъ слѣдуетъ забота о непремѣнномъ обученіи крестьянъ грамотѣ, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, и наученье мастерствамъ; попеченіе о здоровьѣ и призрѣніи крестьянъ (необходимость имѣть въ деревняхъ лекарей, больницы и богадѣльни). Татищевъ вслѣдъ затѣмъ излагаетъ подробное наставленіе относительно всего образа жизни крестьянина и всего обихода, регламентируя весь его хозяйственный и домашній распорядокъ, до послѣднихъ мелочей. По его убѣжденію, слѣдуетъ искоренять въ крестьянахъ лѣность и пріучать ихъ къ порядку и систематичности въ работахъ; надъ крестьянами имѣть строгій надзоръ; работой ихъ не утомлять; лѣтомъ давать большой отдыхъ въ жаръ; сначала производить барскую работу, а потомъ свою, крестьянскую. Наконецъ, Татищевъ преподаетъ также въ

[1]) „Утро", стр. 377.

Digitized by Google

„Экономическихъ запискахъ“ какъ вести барское хозяйство, сельское и домашнее.

V.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ убѣжденія Татищева философскія, религіозныя, политическія и общественныя.

На скрижаляхъ русской исторіи запечатлѣются неизгладимыми чертами несомнѣнно крупныя заслуги Татищева въ области научной, на поприщѣ государственной службы и въ сферѣ общественной дѣятельности; но рядомъ съ этими заслугами исторія должна отмѣтить и темныя стороны и несовершенства его нравственнаго характера, потому что исторія не въ правѣ искать въ своихъ дѣятеляхъ идеаловъ нравственности и должна быть безпристрастна. Съ обширнымъ умомъ весьма часто соединяются у людей крупные пороки, и сочетаніе широкаго умственнаго развитія съ высокими нравственными свойствами является, къ сожалѣнію, весьма рѣдкимъ исключеніемъ. По умственнымъ качествамъ, по научнымъ, служебнымъ и общественнымъ заслугамъ, Татищевъ, безспорно, принадлежитъ къ замѣчательнымъ и почетнымъ русскимъ историческимъ дѣятелямъ; а въ его нравственныхъ несовершенствахъ мы видимъ не его индивидуальныя черты, но черты времени, въ которое онъ жилъ и дѣйствовалъ. Татищевъ, вмѣстѣ съ Ломоносовымъ и цѣлой фалангой просвѣщенныхъ русскихъ людей первой половины XVIII вѣка—вынесъ на своихъ плечахъ реформу Петра В., доказавъ этимъ историческую необходимость и живучесть реформы, неразрывно связавшей русское просвѣщеніе съ просвѣщеніемъ западно-европейскимъ. Но Татищевъ, также какъ и самъ Петръ Великій и Ломоносовъ, держа „честно и грозно“ знамя европейской науки и европейскаго прогресса, постоянно продолжалъ оставаться истинно-русскимъ человѣкомъ. Умопросвѣщеніе—вотъ чего такъ ревностно желалъ онъ своему отечеству, но умопросвѣщеніе, основанное не на внѣшнемъ, рабскомъ подражаніи западу, а приноровленное къ умоначертанію русскаго народа, къ его дѣйствительнымъ потребностямъ и нуждамъ. Татищевъ является типическимъ представителемъ западниковъ XVIII в., во главѣ которыхъ стоитъ

Digitized by Google

Петръ Великій и которые, относясь отрицательно ко многимъ явленіямъ русской жизни, умѣли сохранить въ себѣ лучшія патріотическія стремленія и отождествить ихъ съ общечеловѣческими требованіями.

Заканчивая „припоминанья“ о Татищевѣ, невольно вспоминаешь пожеланія другаго замѣчательнаго западника XVIII вѣка—Ломоносова. Да осуществятся вполнѣ его пожеланія въ будущемъ; а начало имъ положено въ самомъ Ломоносовѣ и въ Татищевѣ.

„О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ —
О! ваши дни благословенны!...
Дерзайте нынѣ, ободренны
Раченьимъ вашимъ, показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Д. А. Корсаковъ.

Digitized by Google

ЕКАТЕРИНА II ВЪ ПЕРЕПИСКѢ СЪ ДОКТОРОМЪ ЦИММЕРМАННОМЪ

1784—1791.

IX [1]).

Содержаніе переписки Циммермана съ императрицею.—Орловы.—Изящная литература.

Переписка Екатерины съ Циммерманномъ представляла собою бесѣду о всевозможныхъ предметахъ и имѣла характеръ болтовни для развлеченія. О дѣлахъ говорилось лишь въ видѣ исключенія. Главнымъ содержаніемъ писемъ Циммерманна были комплименты; онъ не переставалъ повторять фразы о своемъ уваженіи къ императрицѣ. Вотъ нѣкоторые примѣры такой лести: «Письмо вашего величества заставило меня забыть, что я не въ Петербургѣ; моя душа всегда пребываетъ тамъ», или: «Мое сердце повторяетъ мнѣ постоянно, въ чемъ заключаются мои обязанности предъ вашимъ величествомъ... я по цѣлымъ часамъ нахожусь предъ вашимъ портретомъ». Когда Екатерина прислала ему экземпляръ положенія о дворянствѣ, Циммерманнъ хвалилъ написанное императрицею введеніе какъ верхъ совершенства въ области краснорѣчія, философіи, стиля и пр. Въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ онъ говорилъ, въ 1786 году, о предстоявшемъ путешествіи Екатерины въ Крымъ, о неслыханныхъ добродѣтеляхъ, украшающихъ ея тронъ, и пр. [2]).

Циммерманну хорошо было извѣстно, что Екатерина была сильно

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ изд. 1887 г., т. LIV, май, стр. 271—294.

[2]) См. Маркарда, 305, 316, 320, 349 и пр.

Digitized by Google

привязана къ Орловымъ, послѣ кончины князя Григорія Орлова почитала память бывшаго друга, не переставала уважать Алексѣя Орлова и пр. Такъ какъ Циммерманнъ, за нѣсколько лѣтъ до начала переписки съ императрицею, имѣлъ случай познакомиться съ братьями Орловыми, онъ въ своихъ письмахъ къ Екатеринѣ любилъ возвращаться къ тому впечатлѣнію, которое на него произвели и Григорій и Алексѣй Орловы. Такъ, напр., въ письмѣ Циммерманна, отъ 29-го марта 1785 года, сказано: «Я не могу не сказать нѣсколько словъ о князѣ Орловѣ, объ этомъ единственномъ въ своемъ родѣ человѣкѣ. Не успѣлъ я пробыть съ нимъ четверть часа, какъ уже полюбилъ его всѣмъ сердцемъ. Его откровенность, его радушіе, его доброта, проницательность его ума, сила и кротость—все это заставляло меня забыть о разстояніи, которое существовало между нами. Мы сдѣлались друзьями еще въ Ганноверѣ. Въ Эмсѣ я четыре недѣли былъ съ нимъ съ утра до вечера. Обнимая меня, онъ плакалъ, когда я ему объявилъ, что не могу провести съ нимъ всю жизнь. Его кончина заставила меня проливать слезы», и проч. Въ письмѣ Екатерины сказано: «Ваши мысли объ Орловѣ сходны съ моими. Да, точь въ точь вы описали сего единственнаго и истинно-великаго человѣка, котораго современники такъ мало понимали; вы и я всегда будемъ оплакивать его. Его неустрашимость и героическія добродѣтели имѣли два славные случая, гдѣ онѣ показались въ полномъ своемъ свѣтѣ. Память послѣдняго во время моровой язвы въ Москвѣ я предала потомству, воздвигнувъ въ Царскомъ Селѣ изъ мрамора тріумфальныя ворота. Въ надписи сказано просто, что Орловъ избавилъ городъ Москву отъ конечной погибели, что̀ столько же справедливо, какъ и надпись: «Россія таковыхъ сыновъ въ себѣ имѣетъ» на медали, которая вамъ понравилась и которую къ вамъ теперь посылаю. Вы получите ее вмѣстѣ съ другою, въ честь его брату, выбитою на случай славнаго сраженія при Чесмѣ», и проч. [1]). Въ письмѣ, отъ 31-го мая 1785 года, выразивъ свою благодарность за золотыя медали, Циммерманнъ говорилъ объ Алексѣѣ Орловѣ: «Онъ при первой встрѣчѣ тотчасъ же произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе; мнѣ казалось, что я вижу одного изъ героевъ древней Греціи. Онъ, впрочемъ, не въ такой мѣрѣ, какъ братъ, привлекалъ меня къ себѣ, и я его не столько полюбилъ, какъ князя, но спокойствіе и величіе въ его лицѣ, красота глазъ, рта, лаконическая, мягкая бесѣда, велича-

[1]) Маркардъ, 307, 311. Циммерманнъ, получивъ медали, благодарилъ Екатерину за эти „superbes images des deux plus grands hommes qui ont illustrés son regne“, стр. 312. Б.

Digitized by Google

вость его колоссальнаго стана—все это дало мнѣ убѣжденіе, что такіе люди, какъ братья Орловы, могутъ родиться лишь въ томъ царствѣ, которое въ настоящее время сдѣлалось предметомъ удивленія всѣхъ и каждаго. Съ тѣхъ поръ какъ я читалъ записки барона Тотта о туркахъ, я, смотря на медаль, выбитую въ память чесменской битвы, говорю про себя: вотъ рука, которая водрузитъ знамя Россіи на стѣнахъ Константинополя [1])».

Изъ всего этого видно, что Циммерманну очень хорошо было извѣстно, чѣмъ можно было угодить Екатеринѣ, чѣмъ можно было обрадовать ее. Какъ разъ въ это время она занималась восточнымъ вопросомъ; греческій проектъ, присоединеніе Крымскаго полуострова, административная дѣятельность Потемкина на югѣ, приготовленія къ путешествію въ полуденный край Россіи—вотъ что было предметомъ заботъ, желаній Екатерины. Впрочемъ, намекъ на политику въ письмѣ Циммерманна былъ какъ-то исключеніемъ. До 1787-го года главнымъ предметомъ переписки была литература.

Поводомъ къ сближенію между Екатериною и Циммерманномъ, какъ мы видѣли выше, служило сочиненіе «Ueber die Einsamkeit». Какъ скоро вышли третій и четвертый томы этого труда, Циммерманнъ отправилъ два экземпляра всей книги въ Петербургъ, чрезъ русскаго дипломата Гросса въ Гамбургѣ. Между тѣмъ Екатерина занималась сравнительнымъ языкознаніемъ, собираніемъ матеріаловъ для словаря. Объ этихъ занятіяхъ она довольно подробно писала къ Циммерманну: «Я сочинила реестръ двумъ или тремъ стамъ коренныхъ словъ русскаго языка, которыя велѣла перевесть на столько языковъ и нарѣчій, сколько ихъ найти могла, и число оныхъ превосходитъ уже вторую сотню. Каждый день брала я одно изъ этихъ словъ и писала его на всѣхъ языкахъ, какія только могла набрать. Такимъ образомъ я узнала, что языкъ цельтовъ походитъ на языкъ остяковъ, что слово, означающее на одномъ языкѣ небо, значитъ на другомъ облако, туманъ, сводъ; что слово Богъ на многихъ нарѣчіяхъ означаетъ Всевысочайшаго или благо, а на другомъ солнце или огонь. Прочитавши книгу о уединеніи, это занятіе мнѣ надоѣло. Но какъ при всемъ томъ жаль бы мнѣ было кинуть въ огонь столь большую кучу бумаги, притомъ залъ, длиною въ десять саженъ, въ которомъ я жила вмѣсто кабинета, въ моемъ эрмитажѣ, былъ и безъ того довольно тепелъ, то я велѣла позвать къ себѣ профессора Палласа, и признавшись ему искренно въ семъ грѣхѣ, я вмѣстѣ съ нимъ рѣшила напечатать эти переводы и этимъ оказать пользу

[1]) Маркардъ, 313—314.

Digitized by Google

желающимъ заниматься результатами скуки моей» и проч. Скоро послѣ этого Екатерина могла послать Циммерманну объявленіе, сдѣланное Палласомъ о словарѣ. Циммерманнъ, разумѣется, опять былъ въ восхищеніи и говорилъ о пользѣ, которую окажетъ трудъ Екатерины ученому міру, и пр. [1]).

Въ другихъ письмахъ была рѣчь о сочиненіяхъ извѣстнаго путешественника Кокса (Coxe). Его трудъ «Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark» явился въ Англіи въ 1784-мъ году. Циммерманнъ, прочитавъ эту книгу на подлинномъ языкѣ, рекомендовалъ Екатеринѣ нѣмецкій переводъ, появившійся въ Цюрихѣ [2]). Она отвѣчала: «Г. Коксъ, о которомъ вы говорите, былъ два раза въ Россіи и недавно еще насъ оставилъ. Я получила отъ него сочиненную имъ книгу, которую нѣсколько и просмотрѣла. Онъ пишетъ о вещахъ такъ, какъ объ оныхъ слышалъ; однако-жъ, часто и ошибается, но безъ намѣренія. Я куплю переводъ, потому что вы мнѣ его рекомендуете [3])».

Изъ переписки Циммерманна съ императрицею мы узнаемъ далѣе, что его сочиненіе «Vom Nationalstolz» въ то время было переведено на русскій языкъ, что Екатерина подарила Гёттингенскому университету экземпляръ напечатаннаго въ 1788-мъ году въ Петербургѣ алькорана, что Екатерина чрезъ Циммерманна получила сочиненія Вольнея «Sur la guerre actuelle des Turcs» и пр. [4]).

Екатерина желала, чтобы въ западной Европѣ знали о ея научныхъ и литературныхъ трудахъ. Вотъ почему она и Гримму, и Циммерманну писала столь подробно о своихъ занятіяхъ сравнительнымъ языкознаніемъ, исторіею и пр. Вотъ почему она отправляла къ Циммерманну свои драматическія произведенія, которыя она писала именно въ 1780-хъ годахъ, такъ сказать, наканунѣ турецкой и шведской войнъ.

Въ началѣ 1786 года Екатерина чрезъ Вейкарда послала Циммерманну свою комедію «Обманщикъ», въ которой былъ осмѣянъ Каліостро, подъ именемъ Калифакжерстонъ. Затѣмъ слѣдовала комедія «Обольщенный» [5]). 10-го января 1786 года Екатерина писала Циммерманну; «Наша публика очень полюбила эти комедіи, которыя и въ

---

[1]) Маркардъ, 309, 312, 317.

[2]) Маркардъ, 315. О разныхъ изданіяхъ Кокса см. Каталогъ „Russica“, Имп. Публ. Библ. I, 261—262.

[3]) Маркардъ, 318.

[4]) Маркардъ, 321, 372, 373.

[5]) Вейкардъ при этомъ случаѣ писалъ Циммерманну: „Вы найдете, что императрица, сочинивъ эту пьесу, обнаруживаетъ очень подробныя свѣдѣнія о тайнахъ мартинистовъ“. Маркардъ, 140. В.

Digitized by Google

самомъ дѣлѣ очень забавны. Я для того къ вамъ пишу объ этомъ, чтобъ вы знали, какъ здѣсь обходятся съ иллюминатами. Говорятъ, что Германія ими наполнена, и это, думаю, по модѣ, потому что французы восхищаются такими бреднями». Комедія «Обманщикъ» опять таки подала поводъ Циммерманну осыпать императрицу комплиментами. Онъ доходилъ до того, что писалъ: «Эти двѣ комедіи составятъ эпоху въ Европѣ. Не югъ просвѣщаетъ сѣверъ, какъ это прежде было, а сѣверъ просвѣщаетъ югъ; свѣтъ намъ сообщается съ береговъ Невы. Я умоляю ваше величество распорядиться о переводѣ этихъ пьесъ на нѣмецкій и французскій языки» [1]).

И Вейкардъ, и Циммерманнъ были завзятыми противниками всякаго рода мистицизма. Поэтому они и въ своихъ сочиненіяхъ и въ своихъ письмахъ нападали на такъ называемыхъ иллюминатовъ, орденъ, учрежденный профессоромъ каноническаго права въ Ингольштатѣ въ 1776 году. Понятно, что комедіи Екатерины, направленныя противъ духа, высказывавшагося въ характерѣ и цѣляхъ этого ордена, нравились Циммерманну, и что онъ былъ дѣйствительно радъ такой публицистической дѣятельности императрицы. Въ этомъ же вкусѣ была написана комедія «Шаманъ Сибирскій», которую Екатерина также отправила къ Циммерманну; она писала ему 17-го апрѣля 1786 г.: «Основою Шамана Сибирскаго послужила статья Theosophe въ энциклопедіи. Обѣ первыя пьесы («Обманщикъ» и «Обольщенный») имѣли преудивительный успѣхъ; партеръ (le parterre) не хотѣлъ и слышать о другихъ пьесахъ, онѣ доставили театру болѣе 20,000 рублей дохода» [2]). Изъ Кіева Екатерина писала Циммерманну: «Я очень рада, что вы хорошо отзываетесь о Сибирскомъ Шаманѣ, ибо я сама очень люблю сію пьесу, но опасаюсь, что она никого не исправитъ. Нелѣпости стойки; содержащіяся же въ этой пьесѣ вошли въ моду» и пр. А затѣмъ изъ Москвы: «Не знаю, будетъ ли..... столько смѣлъ перепечатать Шамана, Обманщика и Обольщеннаго, и думаю, что эти пьесы, по смыслу нынѣшняго времени, почитаются контрабандою. Я видѣла въ гамбургскихъ газетахъ возраженіе, сдѣланное вами страсбургскимъ магнетизёрамъ, и что вы при этомъ случаѣ упомянули и о сибирскихъ шаманахъ» и пр. [3]).

Наконецъ, еще о другой пьесѣ Екатерины идетъ рѣчь въ ея перепискѣ съ Циммерманномъ. Въ дневникѣ Храповицкаго, 6-го мая

---

[1]) Маркардъ, 328. См. объ этой пьесѣ статью Зотова „Каліостро“ въ „Русской Старинѣ“, изд. 1875 г., т. XII, стр. 67, 71 и 79.

[2]) Маркардъ, 337.

[3]) Маркардъ, 337, 352, 355.

Digitized by Google

1788 года, сказано: «Читано мнѣ письмо къ Циммерманну: оно наполнено шутками и къ нему посылается Разстроенная семья на нѣмецкомъ языкѣ и напечатанный здѣсь алкоранъ» [1]). Письмо, о которомъ говоритъ Храповицкій, напечатано Маркардомъ. Въ концѣ его сказано: «Посылаю вамъ при семъ комедію, вышедшую, въ продолженіе этой зимы, изъ той же фабрики, какъ три первыя,—желаю, чтобы вы сдѣлали ей честь хоть одною улыбкою, и чтобы вы никогда въ свѣтѣ не видали характера, похожаго вблизи или издали на этого Двораброда, о коемъ здѣсь идетъ рѣчь», и проч.

X.

Публицистическое значеніе переписки Екатерины съ Циммерманномъ.

Уже выше было замѣчено, что одною изъ цѣлей переписки Екатерины съ Циммерманномъ было распространеніе ея славы въ западной Европѣ. Знаменитый врачъ состоялъ въ связи со многими высокопоставленными лицами. Онъ любилъ говорить о своихъ сношеніяхъ съ императрицею. Она непремѣнно могла разсчитывать на то, что содержаніе ея писемъ сдѣлается извѣстнымъ многимъ людямъ. Обращаясь съ письмами къ Циммерманну, императрица, такъ сказать, писала для современниковъ вообще. Такимъ образомъ, эти письма имѣютъ, если такъ можно выразиться, значеніе офиціозной печати. Она надѣялась своею болтовнею о разныхъ современныхъ событіяхъ повліять на общее мнѣніе въ западной Европѣ.

При этомъ Екатерина, зная, что частныя письма подвергаются не только въ Россіи [2]), но и въ другихъ странахъ, а именно въ Пруссіи, такъ называемой «перлюстраціи», употребляла очень простое средство умножить число читателей писемъ, отправляемыхъ ею къ Циммерманну. Объ этомъ мы узнаемъ изъ дневника Храповицкаго слѣ-

---

[1]) „Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями“, см. соч. Екат., изд. Смирд., II, 283—367. По нѣмецки: „Der Familienzwist durch falsche Warnung und Argwohn“. См. Маркарда, 373. „Дворабродъ“, одно изъ дѣйствующихъ лицъ, переведено „Hausl öffer“.

[2]) См. мою статью „Вскрытіе чужихъ писемъ и депешъ при Екатеринѣ II“ въ „Русской Старинѣ“ 1873 г., т. VII, гдѣ и (на стр. 76) указано вкратцѣ на значеніе этихъ сношеній съ Циммерманномъ. В.

Digitized by Google

дующее. Тутъ сказано, между прочимъ: 17 авг. 1789 г.: «Писали объ оном (извѣстіи о событіяхъ во время шведской войны) къ Гримму и Циммерманну по почтѣ, чтобъ нарочно читали»; 26 января 1791 года: «Читано мнѣ письмо на французскомъ языкѣ, собственноручно къ Циммерманну писанное, которое нарочно чрезъ Берлинъ по почтѣ отправится, чтобъ тамъ, раскрывъ, увидѣли, что всѣ усилія враговъ Россіи произвели ея славу и побѣду: les soldats furent aguerris, le généraux experimentés etc. [1]). (Затѣмъ слова Екатерины, сказанныя Храповицкому): «Хочу доказать пруссакамъ, что ихъ не боимся; ils penseront deux fois, avant d'entreprendre quelque chose». Затѣмъ 6-го февраля 1791 года: «Послано письмо къ Циммерманну въ Ганноверъ по почтѣ, черезъ Берлинъ, дабы чрезъ то дать знать прусскому королю, что турокъ спасти не можетъ. (А далѣе слова Екатерины въ разговорѣ съ Храповицкимъ): я такимъ образомъ смѣнила Шуазёля, переписываясь съ Вольтеромъ» [2]). Далѣе Храповицкій пишетъ 6-го іюня 1791 года: «Переписанъ отпускъ съ письма къ Циммерманну, гдѣ говорится объ Англіи, что всегда сію націю любила и ласкалась, что англійскій дворъ и меня любитъ до тѣхъ поръ, какъ увидѣла разные происки англійскихъ министровъ при дворахъ чужестранныхъ. Мы никогда войны не начинаемъ, но защищаться умѣемъ; кончено стихомъ Расина: Je crains Dieu, cher Abner, et n'ai point d'autre crainte. Письмо сіе отправлено по почтѣ черезъ Берлинъ» [3]). 5-го августа 1791 г. въ дневникѣ Храповицкаго сказано: «Въ продолженіе разговора я напоминалъ о смѣнѣ Шуазёля перепискою съ Вольтеромъ и что нынѣ по корреспонденціи съ Циммерманномъ смѣнили Герцберга. (Затѣмъ слова Екатерины): И впрямь такъ; я и забыла». Наконецъ, еще 16 сентября 1791 года въ дневникѣ Храповицкаго сказано: «Еще письмо къ Циммерманну нарочно по почтѣ отправлено, чтобы прусскій король вошелъ съ войсками во Францію. (Далѣе слова Екатерины): Il peut s'il le veut! Я, такимъ образомъ, подъучила короля шведскаго» [4]).

Письмо, о которомъ говоритъ Храповицкій 16 сентября 1791 г. въ изданіи Маркарда, напечатано не цѣликомъ, а съ пропусками [5]). Замѣчанія секретаря императрицы даютъ намъ болѣе точное понятіе о содержаніи этого письма, а, главнымъ образомъ, и о значеніи его.

---

[1]) Это письмо напечатано у Маркарда, стр. 387—391.

[2]) Какъ кажется, тутъ идетъ рѣчь о томъ же самомъ письмѣ отъ 26-го января. Въ концѣ его говорится о туркахъ.

[3]) Это письмо напечатано у Маркарда, стр. 392—394.

[4]) См. Храповицкаго въ изд. Н. П. Барсукова, стр. 304, 337, 364, 370, 375.

[5]) Маркардъ, 395—396. Б.

Digitized by Google

Вообще случайные, отрывистые отзывы Храповицкаго заключаютъ въ себѣ очень важную характеристику корреспонденціи Екатерины съ Циммерманномъ. Изъ этихъ замѣчаній Храповицкаго можно усмотрѣть, какова была главная цѣль писемъ Екатерины къ знаменитому врачу въ Ганноверѣ.

Впрочемъ, есть разница между письмами Екатерины, писанными къ Циммерманну до 1787 года, и ея перепискою съ авторомъ сочиненія «Ueber die Einsamkeit», въ то время, когда императрица была занята восточнымъ вопросомъ и шведскою войною, а къ тому же считала возможнымъ разрывъ съ Пруссіею и Англіею. Въ первые годы литературныхъ сношеній Екатерины съ Циммерманномъ она писала къ нему гораздо рѣже. Цѣня въ немъ автора книги, чрезвычайно ей понравившейся, охотно выслушивая его панегирики и комплименты, императрица, быть можетъ, безъ всякой задней мысли, не примѣшивая сюда политики, занималась письменною бесѣдою съ знаменитымъ писателемъ для собственнаго развлеченія. Начиная съ 1787 года, Екатерина пишетъ чаще да чаще, разсуждаетъ постоянно о политикѣ, составляетъ, такъ сказать, въ своихъ письмахъ, передовыя статьи оффиціозной газеты, обращаетъ переписку съ Циммерманномъ въ политическое орудіе. Показывая видъ, будто занимается лишь частнымъ дѣломъ, говоря въ тонѣ совершенно непринужденной болтовни о разныхъ предметахъ, Екатерина производила сильное давленіе на своихъ недоброжелателей. Такимъ образомъ, ея письма къ Циммерманну имѣли значеніе сильныхъ дипломатическихъ нотъ. Разсчитывая на то, что эти письма непремѣнно будутъ читаться въ томъ мѣстѣ, откуда именно въ это время Россіи грозила нѣкоторая опасность, а именно въ Берлинѣ, Екатерина надѣялась, что такого рода «avis au lecteur» не останутся безъ послѣдствій, произведутъ свое дѣйствіе. Какъ кажется, она имѣла основаніе хвалиться нѣкоторымъ успѣхомъ. Въ февралѣ 1791 года было отправлено письмо къ Циммерманну, въ которомъ былъ подвергнутъ сильной критикѣ образъ дѣйствій прусскаго кабинета въ отношеніи къ Турціи. Все сказанное Екатериною при этомъ случаѣ было, главнымъ образомъ, направлено противъ министра короля Фридриха Вильгельма II, графа Герцберга. Скоро послѣ этого онъ подалъ въ отставку. Храповицкій говорилъ о связи между этимъ событіемъ и письмомъ къ Циммерманну.

Достойно вниманія еще слѣдующее ебстоятельство, подтверждающее, если мы не ошибаемся, наше предположеніе о публицистическомъ значеніи писемъ Екатерины къ Циммерманну. Въ коллекціи писемъ, изданныхъ Маркардомъ, корреспонденція оканчивается сентябремъ

Digitized by Google

1791 года. Циммерманнъ оставался въ живыхъ до 1795 года. Рождается вопросъ: прекратилась-ли переписка между императрицею и знаменитымъ врачемъ осенью 1791 года или нѣтъ? Если же нѣтъ, то рождается другой вопросъ—продолжалась-ли переписка до кончины Циммерманна въ томъ же видѣ, тонѣ и объемѣ, какъ она велась до сентября 1791 года?

Намъ кажется вѣроятнымъ, что на этотъ счетъ происходила какая-либо перемѣна, при чемъ мы руководствуемся слѣдующими соображеніями. Едва-ли какое-либо другое обстоятельство, какъ отсутствіе писемъ или же скудость содержанія слѣдующихъ послѣ сентября 1791 года писемъ, заставило Маркарда ограничиться изданіемъ корреспонденціи до 1791 года. Затѣмъ у Храповицкаго о дальнѣйшихъ сношеніяхъ Екатерины съ Циммерманномъ, послѣ 16-го сентября 1791 года, не говорится вовсе [1]). Наконецъ, намъ кажется очень важною перемѣна, происшедшая въ политическомъ состояніи Россіи около того времени, къ которому относится дошедшее до насъ послѣднее письмо Екатерины къ Циммерманну.

Бо̀льшее число писемъ Екатерины писано во время турецкой и шведской войнъ, т. е. отъ 1787 до 1791 годовъ. Особенно опаснымъ было положеніе Россіи около того времени, когда къ этимъ войнамъ, требовавшимъ крайняго напряженія силъ Россіи, присоединилась опасность нападенія на Россію Пруссіи и Англіи. Такое критическое положеніе дѣлъ въ области внѣшней политики заставляло Екатерину особенно энергично посвятить себя публицистическимъ трудамъ. Вскорѣ обстоятельства измѣнились къ лучшему. Верельскій миръ со Швеціею былъ заключенъ въ августѣ 1790 года. «Одну лапу изъ грязи вытащили», писала тогда Екатерина къ Потемкину, «какъ вытащимъ другую, то пропоемъ аллилуія». Вытащить другую лапу изъ грязи удалось какъ разъ осенью 1791 года. Тогда уже были подписаны прелиминарныя условія мира съ Турціею. Къ тому же сближеніе Австріи съ Пруссіею во время царствованія Леопольда II содѣйствовало устраненію опасности, грозившей Россіи со стороны Пруссіи. Англія также успокоилась.

Такимъ образомъ, къ концу 1791 года и дальше Екатерина не столько, сколько прежде, нуждалась въ Циммерманнѣ, какъ посредникѣ для разглашенія по всему свѣту политическихъ видовъ Россіи.

---

[1]) Въ два года 1789—1791 гг. о немъ у Храповицкаго упомянуто семь разъ; затѣмъ молчаніе, хотя дневникъ продолжается до сентября 1793 г.

В.

Digitized by Google

Вотъ почему мы считаемъ болѣе или менѣе вѣроятнымъ, что переписка Екатерины съ Циммерманномъ съ сентября 1791 года или вовсе прекратилась, или ограничивалась обмѣномъ гораздо менѣе важныхъ записокъ, изданіе которыхъ казалось дѣломъ лишнимъ.

Укажемъ на нѣкоторые примѣры публицистики въ письмахъ Екатерины къ Циммерманну.

Во время своего путешествія въ южную Россію, имѣвшаго важное политическое значеніе и заключавшаго въ себѣ сильную демонстрацію противъ Оттоманской порты, императрица считала для себя выгоднымъ громко хвалить Потемкина, занимавшагося до этого приведеніемъ въ надлежащее состояніе войска и флота для турецкой войны. Вотъ почему и въ письмахъ къ Циммерманну встрѣчаются сильныя выраженія оптимизма. Ей хотѣлось, чтобы всему міру было извѣстно, въ какой степени она была довольна пріобрѣтеніемъ Крыма, военною организаціею, флотомъ, городами, крѣпостями, столь важными мѣстами, каковы были Херсонъ, Николаевъ, Севастополь и проч. Въ этомъ смыслѣ она писала къ разнымъ лицамъ. И въ письмахъ къ Циммерманну она съ восторгомъ говорила о богатствѣ Россіи, о благопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ тѣхъ странъ, черезъ которыя она проѣзжала, и проч. Въ то же время, однако, она старалась разсѣять опасенія, возникшія въ политическомъ мірѣ по поводу этого путешествія. Говоря, напримѣръ, въ письмѣ изъ Кіева о множествѣ пріѣзжихъ, представителей разныхъ народовъ, она замѣчаетъ: «трудно отгадать, что̀ ихъ привлекло въ Кіевъ, ибо нельзя полагать, чтобы всѣ они были обмануты нѣкоторыми газетами, которыя изо всей силы объявляли о предстоявшемъ будто моемъ коронованіи въ Тавридѣ или здѣсь, о чемъ никогда я и не думала». А также и въ другомъ письмѣ изъ Москвы: «не знаю къ чему столько заботятся говорить слишкомъ хорошо и слишкомъ худо о семъ путешествіи... напрасно свѣту было угодно придать ему важность, о которой я никогда не могла и подумать» [1]).

Послѣ разрыва съ Оттоманскою портою, Екатерина въ тонѣ шутки писала о событіяхъ войны и о причинахъ разрыва. Такъ, напримѣръ, въ ея письмѣ отъ 3-го декабря 1787 года сказано: «министру моему въ Константинополѣ сдѣлали запросто предложеніе возвратить Тавриду,—бездѣлица, которую легко сказать, но тутъ не доставало двухъ вещей, съ одной стороны—общаго смысла, съ другой—возможности на

[1]) Маркардъ, 352 и 354.

Digitized by Google

то согласиться. Сверхъ того, у насъ не считаютъ великимъ благополучіемъ лишиться одной или двухъ провинцій. Намъ кажется, что государства не имѣютъ свойства рвовъ, изъ коихъ чѣмъ больше вырываютъ земли, тѣмъ больше они становятся», и проч.

Осенью 1787 года Россія въ борьбѣ съ Турціею не дѣйствовала особенно успѣшно. Нападеніе турокъ на Кинбурнъ было опаснымъ дѣломъ для Россіи. Русскій флотъ сильно пострадалъ вслѣдствіе бури на Черномъ морѣ. Князь Потемкинъ до того упалъ духомъ, что даже сдѣлалъ предложеніе уступить Крымъ туркамъ. Понятно, что за границею ходили слухи о невыгодномъ положеніи Россіи. Узнавъ объ этомъ, Екатерина писала Циммерманну 3-го декабря, 1787 года: «странно видѣть подлыя уловки, употребляемыя противу насъ нашими завистниками; каждый почтовый день они лгутъ, даютъ деньги газетчикамъ и заставляютъ ихъ регулярно бить насъ въ газетахъ дважды въ недѣлю. То же самое дѣлали и въ прошедшую войну; но происшествія, а особливо миръ, доказали, кто таковы лжецы и кого побивали. Если вамъ скажутъ, что турки взяли Кинбурнъ на островѣ Таманѣ (sic), что они подступили къ Таганрогу и Азову, что севастопольскій флотъ истребленъ—не вѣрьте ни одному слову. Флотъ, дѣйствительно, нѣсколько пострадалъ отъ сильнаго вѣтра во время равноденствія и даже лишился одного корабля и одного фрегата; турецкій же флотъ претерпѣлъ больше, нежели вдвое, да и то умѣренно полагаю; но, впрочемъ, мы не потеряли земли ни одного вершка» [1]).

Вольтеръ во время первой турецкой войны императрицы Екатерины надѣялся на побѣду Россіи, говорилъ объ изгнаніи турокъ изъ Европы и проч. Теперь же Циммерманнъ, вмѣсто Вольтера, желалъ успѣха Екатеринѣ и говорилъ о предстоявшей важной перемѣнѣ, т. е. о сокрушеніи Турціи. Екатерина возразила: «одна часть Европы старается разглашать, что я хочу ниспровергнуть Турецкую имперію; хотѣлось бы мнѣ сдѣлать ей вопросъ: думаете-ли вы, что это дѣло возможное? Обширная имперія, съ безчисленнымъ народонаселеніемъ, у которой денегъ и средствъ по горло и въ которой принимаютъ участіе такъ много кабинетовъ въ Европѣ, не можетъ быть опрокинута въ какія-нибудь двѣ кампаніи; вы согласитесь съ этимъ» [2]).

Лѣтомъ 1788 года происходили сраженія между русскими и турец-

---

[1]) Маркардъ, 358.

[2]) Маркардъ, 363. Этого письма нѣтъ въ изданіи Смирдина. За то оно напечатано въ Сборникѣ Историческаго Общества, XXVII, 471—472, съ русскимъ переводомъ. В.

Digitized by Google

кими эскадрами въ Очаковскомъ лиманѣ. Екатерина считала нужнымъ, въ собственноручномъ письмѣ къ Циммерманну, указать подробно на эти военныя дѣйствія, выставляя на видъ, что Россія осталась въ выигрышѣ. Останавливаясь на частностяхъ этихъ событій, императрица пересчитывала потери турокъ, и замѣтила: «всего чрезвычайнѣе въ семъ дѣлѣ то, что гребныя суда съ помощью, правда, батарей съ Кинбурнской косы, могли истребить столь знатный флотъ», и далѣе: «надѣюсь, что эти добрыя вѣсти васъ порадуютъ; замѣтьте, что севастопольскій флотъ совсѣмъ не участвовалъ въ этихъ двухъ сраженіяхъ», и проч.

Въ томъ же самомъ письмѣ подробно говорится о разрывѣ съ Швеціею и о незаконныхъ дѣйствіяхъ при этомъ случаѣ короля Густава III. При этомъ случаѣ Екатерина объясняла довольно обстоятельно, почему въ спорѣ съ шведскимъ королемъ на ея сторонѣ правда и законность. «Ласкаюсь, что Европа отдастъ мнѣ справедливость», сказано, между прочимъ, въ этомъ письмѣ Екатерины [1]). Затѣмъ Екатерина постоянно сообщала Циммерманну новости о ходѣ войнъ со шведами и съ турками. Реляція битвы при Гохландѣ была отправлена къ Циммерманну особымъ пакетомъ [2]). Екатерина писала ему о взятіи Хотина, о стараніяхъ Густава III заручиться помощію другихъ державъ, при чемъ насмѣхалась надъ образомъ дѣйствій своего противника. Все это должно было подѣйствовать чрезъ Циммерманна на общее мнѣніе въ западной Европѣ. Такъ, напр., когда осенью, 1788 года, адмиралъ Грейгъ заболѣлъ опасно, Екатерина писала: «Если случится, что распустятъ молву о смерти адмирала Грейга, не вѣрьте: онъ боленъ горячкою, но, по новымъ извѣстіямъ, мною полученнымъ, ему лучше». Это было писано 11 октября, а недѣлею позже Екатерина получила извѣстіе о кончинѣ адмирала въ Ревелѣ [3]).

Лѣтомъ 1788 года Екатерина и Густавъ обмѣнялись декларацiями о причинахъ разрыва. Декларація Россіи была написана самою императрицею. Нѣсколько недѣль она занималась составленіемъ этого труда, который и явился въ печати въ видѣ политической брошюры [4]). Нѣмецкій переводъ этого полемическаго труда, сдѣланный Кохомъ, былъ отправленъ къ нѣкоторымъ лицамъ; между ними, какъ

---

[1]) Маркардъ, 367—368.

[2]) См. дневникъ Храповицкаго 10 іюля 1788 г.

[3]) Маркардъ, 376. Дневникъ Храповицкаго 18 октября 1788 г.

[4]) См. мое соч.: Война Россіи со Швеціею. Спб., 1869 г., стр. 56 и слѣд.

В.

Digitized by Google

видно изъ дневника Храповицкаго [1]), былъ и Циммерманнъ. Какъ скоро было получено извѣстіе о взятіи Очаковской крѣпости, Екатерина писала объ этомъ важномъ событіи къ Циммерманну [2]).

Около этого же времени Пруссія стала враждебно относиться къ Россіи. Екатерина, раздраженная образомъ дѣйствій короля Фридриха Вильгельма II, нарочно отправила письмо къ Циммерманну, чтобы дать почувствовать Пруссіи свой гнѣвъ. Въ ея письмѣ отъ 29 января 1789 года сказано, между прочимъ: «У насъ еще не забыли, что во время семилѣтней войны, не смотря на геніальность прусскаго короля, на сокровища, истраченныя Англіею, на героевъ, начальствовавшихъ арміями, покойный король былъ лишенъ своей столицы, и что въ 1762 году Екатерина Вторая имѣла честь возвратить сему государю прусское королевство и знатную часть Помераніи» [3]).

Екатеринѣ было очень хорошо извѣстно, что не только въ Россіи, но и за границею, сильно порицали образъ дѣйствій Потемкина по случаю осады Очакова. Ему приписывали медленность операцій, имѣвшую слѣдствіемъ необходимость приступа при нѣсколько неблагопріятныхъ условіяхъ. И вотъ Екатерина въ письмѣ къ Циммерманну, оправдывая во всѣхъ отношеніяхъ Потемкина, подробно объясняла, почему нельзя было приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ турецкой крѣпости раньше, какъ именно зимою, во время жестокихъ морозовъ. Отдавая справедливость князю, императрица продолжаетъ: «Но терпѣливость горячихъ головъ и молодыхъ храбрыхъ людей, также полуголовъ, не видящихъ дальше своего носа, трехчетвертныхъ головъ, толкующихъ криво, завистниковъ, враговъ явныхъ и тайныхъ, все это въ подобномъ случаѣ есть дѣло самое непріятное, и отъ всего онаго чрезвычайно много должна была терпѣть твердость и постоянство фельдмаршала. Въ моихъ глазахъ дѣлаетъ ему величайшую честь то, что онъ, въ числѣ другихъ великихъ и похвальныхъ качествъ, имѣетъ еще способность прощать своимъ непріятелямъ, дѣлать имъ добро и, такимъ образомъ, умѣетъ торжествовать надъ своими противниками; на этотъ разъ онъ побилъ турокъ и злословниковъ въ полтора часа», и пр.

Намѣреніе императрицы, при составленіи такихъ писемъ, бросается въ глаза. Такими манифестаціями офиціальнаго оптимизма она

---

[1]) Стр. 202.

[2]) Храп., 220. Къ сожалѣнію, этого письма нѣтъ въ коллекціи Маркарда.

[3]) Маркардъ, 380. Б.

Digitized by Google

старалась производить давленіе на публику. Извѣстно, что Екатерина вообще любила говорить о могуществѣ и славѣ Россіи. Такою oratio pro domo было и то письмо къ Циммерманну, въ которомъ она говорила о патріотизмѣ, обнаруживавшемся въ Россіи во время шведской войны, о готовности городовъ, деревень, всѣхъ сословій жертвовать и людьми, и деньгами для государства и пр. [2]). Едва ли цѣль, которую имѣла въ виду Екатерина, достигалась при такомъ нѣсколько гиперболическомъ самохвальствѣ. Въ сущности, однако, правительства при подобныхъ случаяхъ выражаются въ своихъ манифестахъ и дипломатическихъ нотахъ не иначе, какъ въ тонѣ, обнаруживающемъ самое сильное чувство собственнаго достоинства, самое явное сознаніе собственной добродѣтели и пр. Чрезмѣрный оптимизмъ въ письмахъ Екатерины къ Циммерманну развѣ только потому производитъ не во всѣхъ отношеніяхъ пріятное впечатлѣніе, что она въ этомъ тонѣ пишетъ не въ официальной бумагѣ, а въ частномъ письмѣ. Однако, въ томъ-то и дѣло, что письма Екатерины къ Циммерманну имѣли значеніе публицистическихъ трудовъ, носили на себѣ печать офиціозныхъ передовыхъ статей, были своего рода «communiqués».

Образчикомъ такой передовой статьи можетъ служить слѣдующая выходка противъ Пруссіи въ письмѣ Екатерины, писанномъ лѣтомъ 1789 года: «Я придерживаюсь мнѣнія тѣхъ, которые увѣрены, что Фридрихъ Второй никогда не одобрилъ бы поведенія, столь противнаго тому, которое онъ наблюдалъ постоянно съ 1762 года. Нынѣ приняли въ политикѣ правила господина Шуазёля, надъ которыми Фридрихъ II смѣялся. Всѣ знаютъ, чего намъ стоила политика Шуазёля. Онъ опасался чрезмѣрнаго величія Россіи и этими опасеніями прикрывалъ страсть, ненависть, зависть, двоедушіе. Онъ хотѣлъ было вредить мнѣ, но вмѣсто того обнаруживалъ только собственную слабость и турецкую, которую вовлекъ въ хлопоты. У него всегда были на языкѣ вѣсы Европы, метафизическіе вѣсы, отъ которыхъ всегда лишались равновѣсія всѣ державы, опиравшіяся на этихъ словахъ. Они служили ему для того, чтобы пускать пыль въ глаза многимъ и прикрывать виды и намѣренія порочныя и бездѣльныя, когда онп заступали мѣсто правосудія, которое есть основаніе всѣхъ государствъ и связь человѣческаго общества. Я думаю и въ томъ увѣрена, что добрая слава кабинетовъ подобна доброй славѣ частныхъ людей; посѣвающій вражду между своими сосѣдами не можетъ внушить къ

---

[2]) Маркардъ, 382.

Digitized by Google

себѣ довѣренности или заслужить себѣ другой славы, кромѣ приписываемой зажигальщикамъ. Двоедушіе есть худой путь къ славѣ, и употребляющіе оное могутъ только быть обмануты собственнымъ своимъ дѣломъ; многіе люди знаютъ только двѣ вещи въ политикѣ: лить масло въ огонь и ловить рыбу въ мутной водѣ, и вотъ что во всѣхъ столѣтіяхъ было причиною кровавыхъ зрѣлищъ, войнами называемыхъ, гдѣ государи пылкаго ума, сами или находившись подъ вліяніемъ своихъ министровъ, чувствуютъ раскаяніе не прежде, какъ пожертвовавъ своими подданными», и пр. [1]).

Не даромъ такія письма отправлялись нарочно по почтѣ чрезъ Берлинъ, чтобы ихъ тамъ читали. Этотъ способъ сообщенія прусскому кабинету соображеній императрицы представлялъ собою большія удобства. Въ дипломатическихъ нотахъ нельзя было говорить столь откровенно, высказывать свое мнѣніе столь рѣзко. Чрезъ русскаго посла въ Берлинѣ нельзя было выставлять на видъ на сколько образъ дѣйствій Пруссіи, желавшей помочь и туркамъ, и шведамъ въ борьбѣ съ Россіею, не нравился Екатеринѣ. Польза «перлюстраціи» была очевидною.

Въ этомъ же духѣ Екатерина писала Циммерманну и дальше о «завистникахъ Россіи, которые рано или поздно должны погубить себя», объ успѣхахъ русскаго оружія въ Финляндіи, объ образѣ дѣйствій Россіи въ Польшѣ и о восточномъ вопросѣ. Такъ, напр., въ одномъ изъ ея писемъ сказано: «Никогда не было у меня въ головѣ сдѣлаться императрицею грековъ или Греціи; я умѣю себя ограничивать. Но я желаю, чтобы греки сдѣлались свободными и счастливыми подъ властью государя христіанскаго, ихъ исповѣданія, и чтобы они перестали стенать подъ игомъ ужаснымъ и безчеловѣчнымъ», и пр.

Вотъ еще нѣкоторыя произведенія публицистики въ письмахъ Екатерины къ Циммерманну въ то время, когда она со дня на день ожидала нападенія на Россію англичанъ и пруссаковъ: «Если происшествія въ теченіе XVIII вѣка доставили Россіи славу, такъ что завистники были поражаемы отъ удивленія, то не надобно искать тому другой причины, кромѣ самыхъ козней и ухищреній враговъ Россіи; желая причинить ей великія бѣдствія, они принудили ее открыть способы, о которыхъ никто бы не думалъ, потому что главные участники въ этомъ предпріятіи знали Россію худо и еще хуже ея пособія. Войны, противъ насъ затѣваемыя, никогда не имѣли другихъ

---

[1]) Маркардъ, 383—384.

Digitized by Google

послѣдствій, какъ только сдѣлать войска наши побѣдоносными, и помогли намъ столько податься впередъ, что послѣ семилѣтней войны.... [1]), а послѣ первой войны съ Портою я имѣла честь возвратить блистательной Портѣ три области вдвое больше прусскаго королевства и несравненно лучше климатомъ и мѣстоположеніемъ, не считая Тавриды и острововъ въ Архипелагѣ. Не смотря на все это, тогда говорили то самое, что говорятъ и теперь, что у насъ нѣтъ ни денегъ, ни войскъ, ни пособій. И тогда платили деньги газетчикамъ и теперь дѣлаютъ то же самое, чтобы они писали нелѣпости о мнимыхъ затѣяхъ Россіи, будто она старается опрокинуть всѣ правительства кознями, деньгами, силою. Здѣсь они сами себѣ противорѣчатъ, ибо у кого нѣтъ ни денегъ, ни силы, тотъ не можетъ давать первыхъ или употреблять послѣдней. Козни бываютъ средствами слабыхъ, клеветы—средствами злобныхъ. Ни тѣ, ни другія не пристойны для великой имперіи; онѣ не вяжутся съ откровенностью, правотою и величіемъ души, которыхъ всѣ желаютъ видѣть въ людяхъ, призванныхъ къ управленію судьбою человѣческою; и вотъ именно то, въ чемъ насъ обвиняютъ. Богъ вѣдаетъ, что уже не я же занимаюсь кознями и что мои намѣренія не подлы и не злы. Но также увѣряю, что никакая сила человѣческая не принудитъ меня сдѣлать что-либо противное пользѣ моей имперіи и несообразное достоинству короны, которую ношу; а, впрочемъ, какъ Богу угодно. Вражда къ Россіи въ нѣкоторыхъ людяхъ доходитъ до того, что они ненавидятъ и частныхъ людей. Слыша ихъ рѣчи и читая ихъ сочиненія, невольно подумаешь, что у насъ нѣтъ людей вообще, ни даже военныхъ. Однако же, кажется, что наши генералы должны бы имѣть нѣкоторое право на ихъ почтеніе, такъ какъ служили въ разныхъ войнахъ, выиграли столько сраженій, взяли столько городовъ, побили столько войскъ въ Европѣ и Азіи, завоевали столько областей, что на свѣтѣ много цѣлыхъ поколѣній, которыя сдѣлали и видѣли меньше, нежели у насъ одинъ человѣкъ. По крайней мѣрѣ, по справедливости нужно бы имъ приписать нѣкоторую опытность, соединенную съ благоразуміемъ, нужнымъ для преодолѣнія своихъ непріятелей. Можетъ быть насъ считаютъ страдающими безденежіемъ, потому что мы вынимаемъ деньги изъ сундуковъ своихъ безъ всякихъ обрядовъ, которые бы придавали тому важность. И то еще правда, что казначейства помѣщены не въ

---

[1]) Вѣроятно, въ этомъ мѣстѣ, выпущенномъ Маркардомъ, говорится о возвращеніи Пруссіи земель, завоеванныхъ Россіею. В.

Digitized by Google

самыхъ погребахъ моихъ покоевъ; а какъ эти погреба, я думаю, пусты, то и говорятъ, что они не наполнены, и въ этомъ случаѣ говорятъ правду. Но до сихъ поръ, слава Богу, когда надобны были деньги, мы давали ихъ безостановочно. Налоговъ не налагала, а войска всегда были на военной ногѣ; содержать же ихъ другимъ образомъ у насъ и не знаютъ. Впрочемъ, я очень миролюбива и желаю мира со всѣми моими сосѣдами; не имѣю намѣренія начинать войны съ кѣмъ либо, но сколь скоро на меня нападутъ, то, кажется, уже доказала, что защищаться умѣю. Думаю, что легче всего имѣть дѣло съ неблагодарными; правое дѣло—есть первая ступень къ славѣ, и что бы ни говорили, ничто въ свѣтѣ не можетъ прикрыть несправедливыхъ поступковъ, еще менѣе высокомѣрія въ глазахъ даже современниковъ, а еще меньше въ глазахъ потомства. Если на меня нападутъ, то буду сражаться одна или съ помощью союзниковъ. Вы можете быть увѣрены, что ни на что болѣе не полагаюсь, какъ на единую помощь Божескаго благословенія, на мое правое дѣло и на усердіе моихъ подданныхъ, которымъ я служу въ качествѣ ходатая и которые, конечно, не покорятся никакому повелѣнію, кромѣ моего, основаннаго на ихъ интересахъ и на достоинствѣ моей власти. Наконецъ, желательно бы было, чтобы за всѣми хитрыми затѣями политики и за шумомъ сраженій послѣдовала тишина. Никто въ томъ столько не нуждается, какъ бѣдные турки, которые уже при послѣднемъ концѣ и которыхъ проводятъ пустыми обѣщаніями. Они погибнутъ, безъ сомнѣнія, если только война будетъ продолжаться; сколько ни постараются обманываться на счетъ ихъ судьбы, однако-жъ, кто не находитъ помощи въ себѣ самомъ, тотъ не можетъ найти и въ другомъ мѣстѣ; сколько ни расточаютъ всевозможныхъ сокровищъ, однако-жъ, не воскресятъ тѣмъ ни одного умершаго» и пр. [1]).

Около этого времени императрица могла гордиться новыми успѣхами въ борьбѣ съ турками. Крѣпость Измаильская была взята штурмомъ не за долго до этого письма Екатерины къ Циммерманну. За то Россіи именно около этого времени грозила опасность разрыва съ Англіею. Между тѣмъ какъ въ англійскомъ парламентѣ оппозиціонная партія не желала войны, министерство принимало рѣшительныя мѣры къ открытію военныхъ дѣйствій. Русскій посолъ въ Англіи, Семенъ Романовичъ Воронцовъ, всевозможными средствами старался дѣйствовать въ пользу сохраненія мира, поддерживая опозиціонную партію и оказывая вліяніе на общественное мнѣніе Англіи, въ политическихъ

[1]) Маркардъ, 387—391.

Digitized by Google

брошюрахъ и газетныхъ статьяхъ выставляя на видъ миролюбіе Россіи и указывая на уваженіе императрицы къ англійскому народу. Въ этой борьбѣ противъ англійскаго министерства участвовала и Екатерина. И при этомъ случаѣ она воспользовалась, какъ полезнымъ орудіемъ, своею перепискою съ Циммерманномъ. Уже въ Швеціи ей неоднократно удавалось сѣять раздоръ между королемъ Густавомъ III и оппозиціоннымъ дворянствомъ. Теперь же ей представился случай возбуждать сильную партію въ англійскомъ парламентѣ противъ Питта.

Она писала Циммерманну 19-го апрѣля 1791 года: «я все это время была занята распоряженіями, относящимися къ встрѣчѣ англійскаго флота, который скоро насъ посѣтитъ. Увѣряю васъ, что дѣлаю все возможное, чтобы принять этотъ флотъ достойнымъ образомъ; надѣюсь, что пріемъ во всѣхъ отношеніяхъ будетъ полный. Какъ скоро англійскій флотъ пройдетъ Зундъ, то думаю, что не ловко будетъ писать ни вамъ ко мнѣ, ни мнѣ къ вамъ; и какъ, по моему мнѣнію, чрезъ нѣсколько дней, я получу извѣстіе о прибытіи англійскаго флота въ Балтійское море, то сегодня съ вами прощаюсь. Однако-жъ, взамѣнъ того, ласкаю себя, что вы обо мнѣ услышите; пусть на меня сдѣлаютъ нападеніе, но ни въ какомъ случаѣ не услышите, чтобъ я приступила къ какимъ-либо недостойнымъ средствамъ, кои мнѣ предписать осмѣлятся».

Разрыва не было; однако, натянутыя отношенія между Россіею и Англіею продолжались, что̀ заставило императрицу обратиться опять къ Циммерманну съ письмомъ отъ 6-го іюня 1791 года. Тутъ сказано: «я рада, что до сихъ поръ наша переписка еще не прервана, и какъ англійскій флотъ, сколько мнѣ извѣстно, не прошелъ еще чрезъ Зундъ, то могу отвѣчать на ваше письмо отъ 24-го мая. Довольно я знаю исторію Англіи, знаю, что великобританскій парламентъ, лучше сказать, большинство голосовъ, всегда въ рукахъ у министерства, и пока оное тамъ будетъ, то никакіе доводы не устоятъ противъ его мнѣнія. Знаю также и то, что всякій министръ, желающій сохранить свое мѣсто, всегда благоразумно поступитъ, когда свои предпріятія будетъ соображать съ желаніемъ народа, потому что если поступитъ иначе, то можетъ лишиться большинства голосовъ и мѣста. Впрочемъ, во всю мою жизнь я очень дорожила почтеніемъ англійскаго народа, думала также, что могу льститься дружбою и двора. Сіе предубѣжденіе питала я въ себѣ до тѣхъ поръ, пока поведеніе господина Энсли [1]) и чрезвычайное пристрастіе всѣхъ

[1]) Англійскаго посла въ Константинополѣ, особенно дѣятельно возбуждавшаго Порту противъ Россіи. Б.

Digitized by Google

дипломатовъ при разныхъ дворахъ, изъявленное со стороны Англіи за турокъ и противъ Россіи, заставили меня думать совсѣмъ противное. Предубѣжденіе очень сильное, такъ, что могутъ быть уничтожены всѣ прежнія правила, въ дѣйствіи которыхъ пока, сколько я знаю, никто не сомнѣвался, правила о томъ, что между Россіею и Великобританіею существуютъ общіе политическіе интересы; эти правила не иначе могутъ быть забыты, какъ по личной ненависти, про которую я смѣло скажу, что въ ней нѣтъ никакой цѣли и мало христіанства; это значитъ: отдать себя страстямъ другихъ. Итакъ, эти люди, побуждаемые страстями, страдаютъ отъ собственныхъ козней, и были бы весьма счастливы, если бы скорѣе могли отъ того освободиться. Но какой отчетъ они должны будутъ отдать Богу и потомству, если, по своимъ безчеловѣчнымъ прихотямъ, они прольютъ еще много неповинной крови,—за кого? за прекрасныхъ турокъ, за Очаковскую степь, за это смѣшное равновѣсіе, которое будто опрокидывается этою степью... Я никогда не любила войны, никогда ни на кого не нападала, но защищаться умѣю. Вы одни почитаете меня столь храброю; что же касается до моихъ собратій, то они, конечно, не имѣютъ столь хорошаго обо мнѣ мнѣнія и поэтому всегда пугаютъ меня. Смѣю сказать, что они дѣлаютъ это по недостатку здраваго разсудка; возможно-ли мнѣ страшиться, управляя народомъ, который цѣлыя сто лѣтъ побиваетъ своихъ непріятелей», и проч. [1]).

Еще нѣсколько мѣсяцевъ позже, а именно въ сентябрѣ 1791 года, такъ сказать, наканунѣ заключенія мира съ Турціею, Екатерина считала возможными враждебныя дѣйствія Англіи, и поэтому въ письмѣ къ Циммерманну, не безъ намѣренія, возвращалась къ этому предмету: «уваженіе англійскаго народа», сказано въ этомъ письмѣ, «всегда было мнѣ пріятно; признаюсь также, что и мое къ нему предпочтеніе было несуетное», и проч. [2]).

---

[1]) Маркардъ, 392—394.
[2]) Маркардъ, 395.

Digitized by Google

XI.

Заключеніе.

Таковъ характеръ переписки императрицы Екатерины съ докторомъ Циммерманномъ. Понятно, что письма послѣдняго уступаютъ значеніемъ письмамъ Екатерины, и потому едва-ли можно сожалѣть о томъ, что далеко не всѣ письма Циммерманна изданы. Въ письмахъ Екатерины къ нему упомянуто о семнадцати письмахъ Циммерманна. Въ изданіи Маркарда помѣщено не болѣе восьми.

За то можно считать вѣроятнымъ, что почти всѣ письма Екатерины къ Циммерманну сдѣлались извѣстными чрезъ сочиненіе Маркарда и чрезъ изданіе въ Сборникѣ историческаго общества. Недостаетъ лишь очень немногихъ, которыя находятся, безъ сомнѣнія, въ ганноверской библіотекѣ. Нельзя не сожалѣть, однако, о томъ, что Маркардъ напечаталъ письма съ пропусками. Поэтому было бы дѣломъ не лишнимъ сравнить изданіе Маркарда съ подлинниками, хранящимися въ Ганноверѣ, и сообщить кое-какія болѣе или менѣе важныя дополненія.

Поводомъ къ этой перепискѣ служило сочиненіе Циммерманна «Ueber die Einsamkeit». Затѣмъ, однако, тутъ играетъ очень важную роль политика. О медицинѣ почти вовсе не говорится въ этихъ письмахъ. Намъ извѣстны лишь два случая, въ которыхъ Екатерина обращалась къ Циммерманну, какъ къ медику. Однажды, какъ мы видѣли, она чрезъ него рекомендовала прусскому королю Фридриху II Бестужевскія капли противъ головныхъ болей. Другой разъ, она просила совѣта Циммерманна по поводу болѣзни одной дѣвицы въ Петербургѣ [1]).

Что послѣ изданія Маркарда еще можно открыть кое-какія не вошедшія въ его книгу письма Екатерины, видно изъ письма, помѣщеннаго въ XXVII томѣ Сборника Историческаго Общества (397—398). Тутъ говорится о художникѣ Рейнольдсѣ и о его картинѣ, которую императрица купила при посредничествѣ Циммерманна. Въ

---

[1]) См. изд. Маркарда, 363. Этого письма нѣтъ въ изданіи Смирдина. За то оно напечатано въ Сборникѣ Ист. Общества, XXVII, 470—471. Объ этой дѣвицѣ говорится впервые въ томъ письмѣ (безъ числа), которое исключительно издано въ XXVII-мъ томѣ Сборника Ист. Общества. См. далѣе Маркарда, 364. Б.

Digitized by Google

концѣ этого письма сказано: «Ожидаю вашего увѣдомленія о цѣнѣ картины, по поводу которой я уже говорила съ вами въ другомъ письмѣ». Этого другаго письма мы пока не знаемъ.

Далѣе не было бы лишено интереса знать кое-что о другихъ сношеніяхъ доктора Циммерманна съ Россіею. Такъ, напр., Вейкардъ писалъ однажды къ Циммерманну: «Ваше письмо къ княгинѣ Дашковой я доставлю. Но я самъ къ ней не пойду. Я не нахожусь съ нею въ дружескихъ отношеніяхъ и не могу искать дружбы всевозможныхъ лицъ [1]). Объ этихъ сношеніяхъ Циммерманна съ княгинею Дашковою мы ничего не знаемъ. За то есть кое-какія свѣдѣнія о сношеніяхъ Циммерманна съ Безбородкою [2]). Въ письмахъ Циммерманна далѣе упоминается о ея личномъ знакомствѣ съ докторомъ Роджерсономъ, который, посѣтивъ Циммерманна въ Ганноверѣ, произвелъ на него чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе [3]), а въ свою очередь Роджерсонъ, въ бесѣдѣ съ императрицею, хвалилъ Циммерманна [4]). Достойны вниманія кое-какія замѣчанія Циммерманна о его бесѣдахъ съ Фридрихомъ II во время послѣдней болѣзни короля, при чемъ говорили и о Екатеринѣ, далѣе характеристика прусскаго министра, маркиза Лукезини и пр. [5]).

Въ заключеніе нашего очерка о сношеніяхъ Екатерины съ Циммерманномъ мы позволимъ себѣ указать на характеристику Екатерины, ею самою составленную въ одномъ изъ ея писемъ къ знаменитому доктору. Тутъ сказано: «Мой вѣкъ напрасно меня боялся, я никогда не хотѣла кого-либо пугать, а желала быть любимою и почитаемою, если того стою,—и больше ничего. Всегда я думала, что всѣ клеветы на меня происходятъ отъ того, что меня не понимали. Я знала весьма многихъ людей, которые были гораздо умнѣе меня, но я никогда не имѣла противъ кого-либо злобы; никогда я не завидовала кому-либо. Мое желаніе и удовольствіе состояло въ томъ, чтобъ осчастливить всѣхъ; но такъ какъ всякій хочетъ быть счастливымъ по своему, или сообразно со своимъ нравомъ, то желанія мои часто находили препятствія, которыхъ я не понимала. Конечно, не было злости въ моемъ честолюбіи (ambition), но, можетъ быть, что я слишкомъ много предпринимала, полагая, что люди способны сдѣлаться

---

[1]) Маркардъ, 142.

[2]) Письмо Циммерманна къ Безбородкѣ о докторѣ Штейнѣ напечатано въ изданіи Маркарда, стр. 342—346. См. также Маркарда, стр. 229.

[3]) Маркардъ, 348.

[4]) Маркардъ, 234.

[5]) Маркардъ, 340, 348.

А. Ю.

Digitized by Google

разсудительными, справедливыми и счастливыми. Родъ человѣческій, вообще, наклоненъ къ безразсудству и несправедливости, которыя мѣшаютъ счастью. Если бы онъ придерживался правилъ разсудка и справедливости, тогда бы и въ насъ нужды не было; что же касается до счастья, то всякій, какъ я уже сказала, понимаетъ его по своему. Я уважала философію, потому что въ душѣ моей была всегда отмѣнною республиканкою. Признаюсь, что такое расположеніе души моей можетъ казаться противорѣчащимъ моей неограниченной власти; однако-жъ, въ Россіи никто не скажетъ, что я злоупотребляла своею властью. Люблю художества по истинной склонности. Собственныя мои сочиненія почитаю бездѣлками. Я писала въ разныхъ родахъ и все написанное мною кажется мнѣ посредственнымъ, почему я не придавала своимъ сочиненіямъ какого-либо значенія; они служили для меня лишь забавою. Въ политическомъ моемъ образѣ дѣйствій я старалась слѣдовать начертанію, которое мнѣ казалось полезнѣйшимъ для моего государства и сноснѣйшимъ для другихъ; если-бъ я знала лучшее, конечно, я бы предпочла оное. Европа напрасно опасалась моихъ намѣреній, которыя, напротивъ, для нея были совершенно полезны. Мнѣ часто платили неблагодарностью, но никто не скажетъ, чтобы я была неблагодарна. Я нерѣдко мстила своимъ непріятелямъ, дѣлая имъ добро, или прощая ихъ. Вообще, человѣчество имѣло во мнѣ друга, который не измѣнялъ ему ни въ какомъ случаѣ» [1]).

А. Г. Брикнеръ.

---

[1]) Маркардъ, 377—379.

Digitized by Google

ЗАМѢЧАНІЯ НА ЗАПИСКИ О РОССІИ

генерала Манштейна,

изданныя въ 1879 г. подъ именемъ графа Петра Панина,

1725—1744 гг.

[Переводъ В. В. Тимощукъ съ нѣмецкой рукописи].

III [1]).

Текстъ «Замѣчаній на Записки Манштейна» представляется въ такомъ видѣ:

1) Авторъ сообщаетъ намъ въ нихъ (стр. 369), что герцогъ Голштейнскій многаго ожидалъ отъ конгресса въ Суассонѣ, открывшагося въ половинѣ 1728 года, и отправилъ на него посломъ графа Бассевича. Этотъ послѣдній получалъ ежегодно на свое содержаніе 50,000 рейхсталеровъ, которые герцогъ, въ свою очередь, получалъ отъ вѣнскаго двора. «Посланникъ жилъ пышно, давалъ пиры, но ничего не исходатайствовалъ. Кардиналъ Флери сказалъ однажды: «не понимаю, какъ государь, жалующійся на скудное положеніе свое, можетъ производить каждый годъ 50 тысячъ рейхсталеровъ на прожитокъ своему министру». Какъ извѣстно, молодой Минихъ (Зап., стр. 38 и слѣд.) также находился въ то время на конгрессѣ въ Суассонѣ, въ свитѣ графа Головкина, который немедленно посѣтилъ кардинала Флери и, безъ сомнѣнія, тогда-же взялъ съ собою своего любимца (стр. 38, 39). Впослѣдствіи Минихъ-сынъ остался въ качествѣ представителя Россіи во Франціи и передъ отъѣздомъ своимъ (въ началѣ 1733 г.) лично откланивался кардиналу (Зап., 57), съ которымъ онъ, слѣдовательно, былъ знакомъ и котораго, можетъ быть, нерѣдко посѣщалъ. Точно также, безъ сомнѣнія, онъ былъ знакомъ и съ графомъ Бассевичемъ, повелитель котораго находился, къ тому-же, въ близкихъ отношеніяхъ къ Россіи, и поэтому могъ знать о доходахъ и о широкомъ образѣ жизни Бассевича. Вышеприведенное случайное замѣчаніе Флери,

[1]) См. „Русск. Стар.“ изд. 1887 г., т. LIV, май, стр. 309—328.

Digitized by Google

одного изъ извѣстнѣйшихъ людей своего времени, вѣроятно такъ запечатлѣлось въ памяти юнаго дипломата, что онъ не позабылъ его и по прошествіи 40 лѣтъ. Иначе какъ-бы онъ могъ запомнить столь маловажное обстоятельство и впослѣдствіи разсказывать о немъ?

Панинъ, напротивъ того, имѣлъ въ эпоху суассонскаго конгресса только около 7 лѣтъ отъ роду, и безъ сомнѣнія не могъ особенно интересоваться ни этимъ конгрессомъ, ни малозначащими словами кардинала Флери объ иноземномъ посланникѣ.

2) На стр. 389 авторъ «Замѣчаній» высказываетъ по поводу письма фельдмаршала Миниха къ князю Лобковицу (1739 г.), которое приведено въ Запискахъ Манштейна во французскомъ переводѣ, что оно лучше написано на нѣмецкомъ языкѣ, нежели переведено на французскій [1]), слѣдовательно, онъ читалъ его въ нѣмецкомъ оригиналѣ.

Но кто-же имѣлъ болѣе удобный случай просмотрѣть нѣмецкій оригиналъ, нежели сынъ самого фельдмаршала? Безъ сомнѣнія, тотъ же Эрнстъ Минихъ доставилъ и Бюшингу «точную копію» съ этого письма, помѣщенную въ седьмомъ томѣ Бюшингова Магазина (1773 г.) [2]). Было бы весьма неправдоподобно допустить, что Панинъ ознакомился съ этимъ письмомъ впервые изъ изданія Бюшинга (и въ такомъ случаѣ «Замѣчанія» должны были быть написаны только послѣ изданія (1773) Бюшингова сборника) и сталъ сравнивать его съ таковымъ же письмомъ, напечатаннымъ у Манштейна; гораздо правдоподобнѣе будетъ допустить, что сынъ зналъ объ этомъ письмѣ своего отца и сравнилъ его съ переводомъ, сдѣланнымъ Манштейномъ. Къ тому же Панинъ былъ русскій; могъ ли онъ обратить вниманіе на неправильности французскаго перевода сравнительно съ нѣмецкимъ оригиналомъ? Тѣмъ болѣе, какъ старый воинъ, онъ врядъ ли обратилъ бы вниманіе на педантично точный переводъ, а развѣ провѣрилъ бы общій смыслъ и историческіе факты. Зато Эрнстъ Минихъ, какъ нѣмецъ и какъ человѣкъ, получившій научное образованіе (см. Зап., стр. 16 и 24), гораздо легче могъ сдѣлать подобное филологическое замѣчаніе.

3) Подробности, сообщаемыя о дѣлѣ Волынскаго (Зам., стр. 390—392), изобличаютъ въ авторѣ человѣка придворнаго, хорошо знавшаго всѣ обстоятельства дѣла и бывшаго, повидимому, очевидцемъ этого событія. Все это какъ нельзя болѣе подходитъ къ Миниху-сыну.

4) «Г. Манштейнъ не могъ достовѣрно знать о подробностяхъ, происхо-

---

[1]) „Письмо сіе, лучше написанное на нѣмецкомъ языкѣ, нежели переведенное на французскій“, и пр.

[2]) Стр. 233—240. Также и „отвѣтъ“ (Antwort), составляющій часть Записокъ Миниха-сына, напечатанный въ IX томѣ, свидѣтельствуетъ о таковомъ отношеніи Миниха-сына къ Бюшингу. А. Ю.

Digitized by Google

дившихъ во время болѣзни императрицы Анны Іоанновны, ни о происках герцога Бирона, въ послѣдніе дни жизни благодѣтельницы его употребленных, почему почитаю нужнымъ поправить погрѣшности сего сочинителя». Такъ говоритъ авторъ «Замѣчаній» (стр. 392) и трактуетъ объ этихъ событіяхъ положительно, какъ очевидецъ, который, въ противуположность Манштейну, одинъ могъ знать о нихъ что либо положительное.

Все, что онъ сообщаетъ затѣмъ объ этомъ событіи, согласуется также почти буквально съ «Записками» Миниха-сына, но, какъ показываетъ слѣдующій примѣръ, въ «Замѣчаніяхъ» встрѣчаются еще нѣкоторыя незначительныя подробности, которыя отсутствуютъ въ Запискахъ (см. «Записки» Миниха-сына, стр. 162, и «Замѣчанія», стр. 392 и слѣд.) [1]):

«6 числа октября (1740 г.) императрица (Анна Іоанновна), сѣвши за столъ (съ герцогомъ Курляндскимъ и его супругою) и покушавъ немного, вдругъ сдѣлался съ нею обморокъ, и безъ памяти отнесли ее въ постель (въ почивальную). Герцогъ Курляндскій, (приведенный симъ внезапнымъ несчастіемъ въ крайнее смятеніе, выбѣжалъ въ переднюю, дабы послать за врачами, и усмотрѣвъ тутъ президента коммерцъ-коллегіи, барона Менгдена, обыкновенно въ сей часъ пссѣщавшаго его, поручилъ ему, какъ можно поспѣшнѣе увѣдомить графа Миниха о болѣзни императрицы и просить его немедленно пріѣхать во дворецъ), въ то же мгновеніе приказалъ позвать къ себѣ отца моего, двухъ кабинетскихъ министровъ, князя Черкасскаго и тайнаго совѣтника Бестужева и оберъ-маршала графа Левенвольда. (Графъ Минихъ немедленно пріѣхалъ во дворецъ, гдѣ нашелъ уже оберъ-гофмаршала г. Левенвольда)».

Эти дополненія къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ «Запискахъ» Миниха, служившихъ, несомнѣнно, основаніемъ для этого разсказа, наводятъ насъ необходимо на мысль, что оба сочиненія написаны однимъ и тѣмъ же авторомъ, дополнившимъ свой прежній разсказъ нѣкоторыми подробностями, сохранившимися въ его воспоминаніи и коихъ онъ былъ очевидцемъ.

Между тѣмъ, Панинъ не былъ ни человѣкомъ придворнымъ, ни очевидцемъ этихъ событій, и намъ кажется крайне неправдоподобнымъ, чтобы онъ могъ заимствовать изъ какого-нибудь другаго источника столь маловажныя подробности и дополнить ими въ «Замѣчаніяхъ» разсказъ, списанный имъ изъ «Записокъ».

Впрочемъ, эти дополненія не единственныя, встрѣчаемыя нами въ «Замѣчаніяхъ», мы находимъ подобнаго же рода добавленія и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ (напр., сравн. «Замѣчанія», стр. 567, и «Записки» Миниха-сына, стр. 187 и пр.).

5) На стр. 573 авторъ «Замѣчаній» сообщаетъ въ одномъ примѣчаніи свѣдѣнія о личности дѣйств. тайн. сов. барона Х. Миниха, брата фельд-

[1]) Мы приводимъ здѣсь текстъ Записокъ Миниха-сына буквально; дополненія къ нему, встрѣчаемыя въ „Замѣчаніяхъ“, заключены въ скобкахъ.

А. Ю.

Digitized by Google

маршала, и говоритъ, что онъ скончался въ 1768 году и пр. Весьма понятно, что Эрнстъ Минихъ, воспользовавшись случаемъ, пожелалъ сказать нѣсколько словъ о своемъ дядѣ, который, вообще говоря, не представляетъ особенно большаго интереса въ историческомъ отношеніи. Но трудно допустить, чтобы Панинъ сталъ утруждать себя, сообщая эти подробности о человѣкѣ, болѣе или менѣе для него чуждомъ.

6) Авторъ «Замѣчаній» упоминаетъ, между прочимъ, съ похвалою (стр. 407 и послѣд.) «особенно объ учрежденіи знаменитаго кадетскаго корпуса, обогатившаго Россію превосходными офицерами, и въ ксемъ, при самомъ зарожденіи онаго, для Беллоны образовался славный Румянцевъ, для Мельпомены явился Сумароковъ», что привлекаетъ «благодарность нашу къ именамъ тѣхъ знаменитыхъ мужей, предстательствомъ коихъ заведенія сіи получили начало свое». Этотъ кадетскій корпусъ былъ созданъ фельдмаршаломъ Минихомъ. Помимо того, что и здѣсь намъ бросается въ глаза восхваленіе косвеннымъ образомъ Миниха, каковое нерѣдко встрѣчается въ «Замѣчаніяхъ», невольно обращаютъ на себя наше вниманіе классическія выраженія, употребленныя авторомъ. Они какъ нельзя болѣе подходятъ къ графу Эрнсту Миниху, получившему классическое воспитаніе, который и въ «Запискахъ» своихъ говоритъ иногда этимъ стариннымъ слогомъ. Такъ, напр., онъ примѣняетъ Цесарево «veni, vidi, vici» къ побѣдѣ своего отца подъ Очаковымъ въ 1737 г. (Зап., 119), подобно тому, какъ онъ примѣшиваетъ тутъ Беллону и Мельпомену.

Въ другомъ мѣстѣ онъ сравниваетъ походъ фельдмаршала въ степи съ шествіемъ Моисея въ пустынѣ (Зап., стр. 109).

Панинъ, напротивъ того, посвятилъ себя съ молодыхъ лѣтъ военной службѣ и врядъ ли обладалъ, какъ можно предположить съ значительною вѣроятностью, тѣми классическими познаніями, слѣды коихъ замѣтны иногда въ изложеніи автора «Замѣчаній».

Послѣдній относится, какъ видно, также съ признательностью и къ «славному» Румянцову, ученику и поклоннику фельдмаршала, съ которымъ онъ находился въ довольно близкихъ отношеніяхъ. Румянцовъ считался, вообще, и впослѣдствіи «большимъ пріятелемъ и покровителемъ нѣмцевъ» [1]). Поэтому намъ весьма понятна симпатія молодаго Миниха къ поклоннику и ученику его отца; точно также какъ и уваженіе Румянцова къ Миниху было искренне и глубоко.

Бюшингъ высказалъ ему, однажды, свое удивленіе по поводу того, что генеральскій чинъ, по его замѣчанію, не пользуется въ обществѣ особымъ почетомъ.

---

[1]) См. Büschings eigene Lebensgeschichte.

Digitized by Google

— «Вы правы», отвѣчалъ Румянцевъ, «когда я былъ еще генералъ-адъютантомъ генералъ-фельдмаршала графа фонъ-Миниха, то я считалъ себя совсѣмъ инымъ парнемъ — при этомъ онъ ударилъ себя въ грудь, — нежели теперь, когда я сталъ генералъ-аншефомъ.»

«Генералъ-фельдмаршалъ держалъ себя какъ царь и заставилъ всѣхъ при дворѣ относиться къ офицерамъ съ такимъ уваженіемъ, что даже прапорщику оказывался почетъ. Теперь иное дѣло. Мнѣ остается получить только чинъ генералъ-фельдмаршала; пробывъ таковымъ нѣкоторое время, я могу мгновенно сдѣлаться такимъ же ничтожествомъ, какое представляютъ изъ себя многочисленные генералъ-фельдмаршалы, окружающіе насъ» [1]).

7) Авторъ «Замѣчаній» говоритъ (стр. 408) о постройкахъ, воздвигнутыхъ при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, и сознается, что архитектура ихъ была не особенно изящная и «состояла изъ смѣшенія итальянской, французской и голландской архитектуры». Эти отзывы также болѣе всего подходятъ къ личности Миниха-сына, который посѣтилъ Италію, Францію и Голландію [2]) и видѣлъ ихъ архитектурныя произведенія. Кромѣ того, онъ занимался рисованіемъ (впрочемъ, Панинъ также любилъ рисованіе), а въ ссылкѣ — математическими науками (ср. Зап., стр. 24 и 25).

Однако, по всей вѣроятности, авторъ и тутъ заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ сочиненія графа Альгаротти, который, какъ человѣкъ весьма образованный и знатокъ искусства, вѣроятно, былъ знакомъ въ совершенствѣ съ архитектурными стилями. Какъ бы то ни было, оба разсказа поражаютъ своимъ сходствомъ:

Замѣчанія, стр. 408.

Хотя, впрочемъ, надлежитъ признаться, что вкусъ въ зодчествѣ былъ не самый изящнѣйшій: онъ представлялъ смѣшеніе италіанской, французской

Algarotti, Viaggi di Russia. (Opere, tomo VI, p. 64. Cremona, 1780).

Regna qui una maniera di architettura bastarda tra la Italiana,

[1]) Büschings eigene Lebensgeschichte (Halle, 1789), стр. 485—487. „Sie haben Recht", antwortete Rumiänzew, „als ich noch Generaladjutant des General-feldmarschalls Grafen von Münnich war, glaubte ich ein ganz anderer Kerl zu sein — hiebei schlug er an seine Brust — als ich mich jetzt fühle, da ich General en chef bin. Der General-feldmarschall gab sich das Ansehn eines Kaisers, und verschaffte allen Officiers am Hofe ein solches Ansehen, dasz man vor einem Fähnrich Respect hatte. Nun ist es ganz anders. Für mich ist nur noch übrig, General-feldmarschall zu werden, und wenn ich dieses eine Zeit lang gewesen bin, so kann ich plötzlich eben eine solche Nulle werden, als die vielen General-feldmarschälle, die hier herumgehen". Срав. также Büsch. Magazin, III, стр. 534, внизу.

[2]) Панинъ, насколько намъ извѣстно, не былъ въ этихъ странахъ.

А. Ю.

Digitized by Google

и голландской архитектуры. Послѣдней наиболѣе слѣдовали, вѣроятно, потому, что великій преобразователь Россіи почерпнулъ таковой вкусъ во время пребыванія своего въ Саардамѣ, гдѣ державная длань сего чудеснаго мужа, излившая безчисленныя щедроты на подданныхъ, не возгнушалась, въ поученіе россіянъ, упражняться въ строеніи кораблей.

la Francese e la Olandese. Domina però la Olandese. E non è maraviglia. In Olanda fece il Czar, per così dire, i primi suoi studi; e a Sardam, quasi nuovo Prometeo, prese quel fuoco, di cui animo dipoi la sua nazione.

8) Далѣе авторъ «Замѣчаній» перечисляетъ наиболѣе замѣчательныхъ дѣятелей царствованія Анны Іоанновны (стр. 409); во главѣ всѣхъ стоитъ фельдмаршалъ Минихъ, за нимъ упоминается Румянцевъ, Кейтъ и Левендаль. Къ числу наиболѣе значительныхъ сановниковъ причисляется, правда, также одинъ Панинъ, однако, это не есть предполагаемый авторъ «Замѣчаній», о которомъ нигдѣ не упомянуто, но его братъ, Никита Ивановичъ. Можно ли допустить вѣроятнымъ, чтобы авторъ при этомъ совершенно умолчалъ о себѣ? Между тѣмъ, въ этомъ же сочиненіи говорится, далѣе, въ отдѣльной замѣткѣ о Минихѣ-сынѣ, историческое значеніе котораго было крайне ничтожно.

9) На стр. 587 приведена рѣчь фельдмаршала Миниха къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, содержаніе которой заимствовано изъ «Записокъ» его сына (стр. 226 и послѣд.); но подъ конецъ авторъ «Замѣчаній» прибавляетъ четыре фразы, очевидно, по своимъ собственнымъ воспоминаніямъ, и затѣмъ снова продолжаетъ выписку изъ Записокъ Миниха [1]). Слѣдовательно, мы видимъ и тутъ, что авторъ «Замѣчаній», Минихъ-сынъ, дополняетъ разсказъ списанный имъ изъ Записокъ, нѣкоторыми подробностями, пришедшими ему на память впослѣдствіи.

Откуда могъ бы Панинъ заимствовать эти весьма несущественныя добавленія къ рѣчи, произнесенной фельдмаршаломъ, да и вообще, какимъ образомъ могъ бы онъ обратить на это вниманіе? Тогда какъ сынъ фельдмаршала, къ тому же человѣкъ придворный, могъ быть очевидцемъ этого событія и имѣлъ возможность не разъ переспросить отца по поводу его рѣчи.

10) Точно также бросается въ глаза то, что̀ авторъ «Замѣчаній» говоритъ въ оправданіе фрейлины баронессы Менгденъ (стр. 591), которую,

---

[1]) На 569 стр. „Замѣчаній“ также сдѣлана выписка изъ Записокъ Миниха (Зап., стр. 191 и 192), но авторъ прибавляетъ тамъ, по своимъ собственнымъ воспоминаніямъ, фамиліи: „Ханыковъ“ и „Аргамаковъ“, которыя не приведены въ Запискахъ. Также на стр 572 „Замѣч.“ прибавлена фамилія Грамматина (ср. Зап., стр. 197). А. Ю.

Digitized by Google

очевидно, онъ очень хорошо зналъ лично. Минихъ-сынъ былъ женатъ, какъ извѣстно, на баронессѣ Менгденъ и вышеупомянутая дѣвица Менгденъ была, вѣроятно, близкой родственницей его жены. Какъ придворный, очень хорошо знавшій всѣхъ фрейлинъ, онъ могъ сообщить о нихъ болѣе подробныя свѣдѣнія, тогда какъ отъ Панина этого ожидать нельзя.

11) На стр. 596 мы читаемъ: «Изображеніе великой княгини Анны Карловны, представленное г. Манштейномъ, есть вымышленное. Вотъ какъ описываетъ ее одинъ человѣкъ, имѣвшій честь знать сію государыню коротко». За симъ слѣдуетъ обстоятельная характеристика, заимствованная отчасти изъ Записокъ Миниха-сына (стр. 212). Если бы человѣкъ, «коротко знавшій великую княгиню», не былъ самъ авторъ «Замѣчаній», то врядъ-ли онъ прибавилъ бы слова: «имѣвшій честь». Эрнстъ Минихъ, ея гофмаршалъ и довѣренное лицо, былъ именно такимъ человѣкомъ, какой тутъ описывается. Мы можемъ привести изъ Записокъ Миниха-сына (стр. 186) примѣръ, свидѣтельствующій о томъ, что, говоря объ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, Минихъ выражался подобнымъ же почтительнымъ образомъ, почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ: «Я былъ одинъ изъ тѣхъ, кои пользовались честью ей прислуживать».

12) Характеристика фельдмаршала Миниха (стр. 600—602), написанная въ опроверженіе неблагопріятнаго отзыва о немъ въ Запискахъ Манштейна, несомнѣнно производитъ, какъ уже замѣтилъ Щебальскій, такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ считаетъ этотъ вопросъ своимъ собственнымъ, личнымъ дѣломъ. Авторъ признаетъ, до нѣкоторой степени, въ фельдмаршалѣ «вспыльчивость» и «честолюбіе»—недостатки, присущіе иногда и «великимъ людямъ», но хочетъ оградить его отъ упрека въ скупости, проявлявшейся временами (срав. Mémoires de Manstein, Leipz, 1771 г., стр. 429), и говоритъ: «домашніе расходы его несоразмѣрны были доходамъ».

Какимъ образомъ могъ Панинъ знать такъ обстоятельно домашніе доходы и расходы Миниха? Какимъ образомъ могло ему быть извѣстно, что фельдмаршалъ «о предпріятіяхъ своихъ рѣдко открывался?» («Замѣчанія», стр. 601). Вѣдь Панинъ не былъ его довѣреннымъ лицомъ, которому онъ повѣрялъ свои мысли; только сынъ могъ претендовать на такое довѣріе, да развѣ адъютанты его могли знать достовѣрно подобныя вещи. Допустить же, что Панинъ заручился у нихъ этими свѣдѣніями, было бы крайне неправдоподобно.

13) На стр. 606 и 607 «Замѣчаній» дѣлается поправка къ примѣчанію Губера (Huber), помѣщенному во французскомъ изданіи Манштейна (Лейпцигъ, 1771 г., стр. 431 и 432), въ которомъ говорится о возвращеніи Миниха изъ Сибири и о послѣдующихъ годахъ его жизни. Авторъ «Замѣчаній» говоритъ по этому поводу: «сынъ графа Миниха, сопровождаемый своими дѣтьми, тремя сыновьями и двумя дочерьми, рожденными во время ссылки его въ Вологдѣ, прибылъ въ Петербургъ за нѣсколько недѣль прежде родителя своего.

Digitized by Google

Тутъ онъ нашелъ уже пріѣхавшими изъ Риги старшую дочь свою и супругу ея, барона Фитингофа» и т. д.

Весьма неправдоподобно, чтобы Панинъ могъ знать въ подробности всѣ эти семейныя отношенія! За то отецъ тѣхъ трехъ сыновей и двухъ дочерей, родившихся въ Вологдѣ, могъ и по прошествіи десяти лѣтъ живо помнить всѣ подробности той великой и радостной минуты, въ которую онъ свидѣлся съ отцомъ послѣ 20-лѣтней разлуки! [1]).

14) Авторъ «Замѣчаній» сообщаетъ намъ (стр. 608), что имѣніе графини Минихъ было конфисковано; далѣе онъ говоритъ (стр. 600), что Миниху-сыну «ни полушки не выдали» изъ принадлежавшаго ему и конфискованнаго движимаго имущества и драгоцѣнностей, и не подлежитъ особенному сомнѣнію, что онъ видѣлъ деревню, назначенную Миниху-сыну первоначально мѣстопребываніемъ, такъ какъ онъ называетъ ее «самой бѣдной». Ему также извѣстны доходы Миниха-сына, въ разное время его ссылки. Врядъ-ли кто иной, кромѣ самого Эрнста Миниха, могъ сообщить подобныя, чисто личныя, подробности [2]). Онѣ были слишкомъ маловажны для того, чтобы гр. Панинъ собиралъ о нихъ свѣдѣнія.

Этихъ примѣровъ, намъ кажется, достаточно для того, чтобы придти къ убѣжденію, что авторомъ «Замѣчаній на записки Манштейна» не могъ быть не кто иной, какъ тайный совѣтникъ гр. Эрнстъ Минихъ.

Тѣ противорѣчія, на которыя мы натолкнулись при этомъ, оказались весьма несущественными и хотя они были, до извѣстной степени, совмѣстимы съ предположеніемъ объ авторствѣ Петра Панина, но при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается, что они все-таки говорятъ скорѣе въ пользу Миниха.

Для того, чтобы устранить послѣднее сомнѣніе, слѣдовало бы собрать болѣе точныя свѣдѣнія о продолжительности пребыванія китайскаго посольства, пріѣхавшаго въ Россію въ 1732 году, такъ какъ это обстоятельство нѣсколько затруднило наше изслѣдованіе.

Главный аргументъ, на которомъ мы основываемъ наши доказательства, самъ по себѣ достаточно убѣдителенъ, но онъ пріобрѣлъ еще бо́льшую долю вѣроятія послѣ того, какъ намъ удалось подкрѣпить его новыми доводами и сопоставленіями, которые отдѣльно взятые могли только казаться правдоподобными, т. е. были еще сомнительны, а не казались неопровержимыми.

---

[1]) Разсказъ о поведеніи Миниха при сверженіи Петра III, сообщаемый въ „Замѣчаніяхъ“ (стр. 607), подтверждается Рюльеромъ (Rulhière, Histoire ou Anecdotes sur la révolution de Russie, en l'année 1762. Paris, 1797, p. 116—136).

[2]) Автору „Замѣчаній“ также извѣстно (стр. 578), что Манштейнъ пользовался многими благодѣяніями Миниха, и онъ обвиняетъ его въ неблагодарности. А. Ю.

Digitized by Google

Масса новыхъ данныхъ, заимствованныхъ нами изъ самаго текста «Замѣчаній» и говорящихъ въ пользу авторства гр. Миниха, навсегда, кажется, устраняетъ мысль о томъ, что гр. Панинъ могъ быть авторомъ этого сочиненія.

IV.

Если мы зададимся теперь вопросомъ, при какихъ обстоятельствахъ и съ какою цѣлью были написаны «Замѣчанія», то, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ, мы будемъ вынуждены ограничиться въ этомъ случаѣ однѣми догадками, которыя мы не можемъ выдавать за неопровержимую истину, но которыя могутъ объяснить намъ нѣкоторые факты, оставшіеся бы иначе сомнительными и загадочными.

Въ 1770 и 1771 гг. появились въ печати Записки Манштейна [1]) (на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ), въ которыхъ были высказаны довольно рѣзкія сужденія о фельдмаршалѣ Минихѣ и осуждались нѣкоторые его дѣйствія и мотивы, руководившіе иногда его поступками. Сынъ его, тайн. сов. Эрнстъ Минихъ, считалъ своимъ долгомъ возстановить репутацію отца, насколько это было возможно, не искажая истины; при этомъ у него явилось также желаніе возстановить въ истинномъ свѣтѣ нѣкоторые факты и событія, описанные Манштейномъ изъ той эпохи, которой онъ самъ былъ очевидцемъ, и нарисовать вѣрными красками портреты нѣкоторыхъ личностей, которыя были ему извѣстны или стояли къ нему близко, и защитить ихъ, по мѣрѣ возможности, отъ нападковъ Манштейна. Занятіе исторіей было всегда любимымъ препровожденіемъ времени для Миниха-сына и его Записки свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ занимался и ранѣе писаніемъ замѣтокъ, въ родѣ тѣхъ, каковыми оказались «Замѣчанія».

Вотъ какимъ образомъ возникли, по всей вѣроятности, «Замѣчанія на Записки Манштейна»! При томъ ихъ авторъ просматривалъ, какъ намъ кажется, нѣмецкое и французское изданіе Записокъ Манштейна 1771 года [2]). То сказаніе Бюшинга [3]), помѣщенное въ примѣчаніи [4]) Манштейна, къ которомъ

---

[1]) О разныхъ изданіяхъ Записокъ Манштейна см. стр. 447—452 нашего изслѣдованія: Manstein's Memoiren und seine Quellen für die Belagerung Danzigs (1734) und den Türkenkrieg (1736 — 1739), въ журналѣ „Russische Revue", St.-Petersburg, 1886, IV, 438—491.

[2]) Leipzig, 1771, Weidmanns Erben und Reich.

[3]) Не „Бишенга"!

[4]) См. нѣмецкое изданіе Манштейна, стр. 360. Въ этомъ примѣчаніи сообщается, что фельдмаршалъ Минихъ стремился сдѣлаться герцогомъ украинскимъ или господаремъ молдавскимъ. Авторъ „Замѣчаній" ошибается, однако, считая Бюшинга авторомъ этого извѣстія. Слова Бюшинга приведены тутъ только въ примѣръ для разъясненія спорнаго пункта. А. Ю.

Digitized by Google

авторъ «Замѣчаній» дѣлаетъ поправку (стр. 578), упоминается съ именемъ Бюшинга только въ нѣмецкомъ изданіи, тогда какъ обширная замѣтка о возвращеніи Миниха изъ ссылки, о которой говорится въ «Замѣчаніяхъ» на 606 и послѣд. страницахъ, помѣщена лишь во французскомъ изданіи (Губера) Записокъ Манштейна.

Затѣмъ надобно допустить, что графъ Эрнстъ Минихъ имѣлъ твердое намѣреніе опубликовать свои «Замѣчанія», съ цѣлью поправить или опровергнуть печатно только что появившіяся Записки Манштейна, ибо только подъ этимъ условіемъ ихъ цѣль становится намъ понятною. Хотя Минихъ-сынъ былъ уже, повидимому, знакомъ съ Записками Манштейна въ рукописи въ то время, когда онъ писалъ свои собственныя Записки (1758 г.), и пользовался ими какъ источникомъ; однако, только при появленіи ихъ въ печати, у него явилась мысль написать, въ видѣ опроверженія на нихъ, свои «Замѣчанія», при чемъ онъ воспользовался своими «Записками», писанными ранѣе, и выписалъ изъ нихъ нѣкоторыя мѣста почти буквально.

Однако, ему было неловко издать эти полемическія замѣтки подъ своимъ именемъ, ибо читатели не отнеслись бы къ нему тогда съ такимъ довѣріемъ, могли обвинить его въ пристрастіи, такъ какъ почти половина этого сочиненія (около 40 печатныхъ страницъ) посвящена защитѣ его отца противъ неблагопріятныхъ отзывовъ и исторически невѣрныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ о немъ Манштейномъ. Кромѣ того, авторъ „Замѣчаній“ поправляетъ и тѣ мѣста въ Запискахъ Манштейна, въ которыхъ говорится о самомъ Минихѣ-сынѣ.

Въ виду этого ему необходимо было остаться неизвѣстнымъ, дабы заслужить довѣріе читателя, и по этой именно причинѣ для него было весьма важно, чтобы его сочли за человѣка вполнѣ русскаго, и какъ таковой, онъ долженъ былъ высказать свое мнѣніе объ иностранцахъ и нѣмцахъ, не смотря на то, что его собственный отецъ былъ иностранецъ и что онъ самъ болѣе чѣмъ на половину былъ и остался нѣмцемъ, хотя былъ совершенно преданъ русскому царствующему дому и Россіи. Такимъ образомъ объясняется чувство національной гордости и чисто русскій патріотизмъ, выраженіе котораго мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „Замѣчаній“ [1]). А такъ какъ графъ Эрнстъ Минихъ провелъ уже часть своей молодости въ Россіи, безъ сомнѣнія, зналъ хорошо русскій языкъ, и эта страна стала для него вторымъ отече-

---

[1]) Такъ, напр., „Замѣчанія“, стр. 382: „Свѣтъ видѣлъ съ великимъ успѣхомъ россіяне дѣйствовали въ сей войнѣ“ (въ Польшѣ), стр. 392. „Анна, управляемая иноплеменнымъ извергомъ (т. е. Бирономъ). Стр. 404: „словесность наша“. Стр. 578: „Любовь къ отечеству... руководствовали знаменитаго полководца“ (т. е. Миниха). На стр. 600, отзываясь съ величайшей ироніей о Шетарди и прусскомъ посланникѣ, лишавшихъ Россію ея лучшихъ силъ, онъ замѣчаетъ: „Такъ во всѣ времена гг. иностранцы доброхотствовали нашему отечеству“. А. Ю.

Digitized by Google

ствомъ, такъ сказать, новой родиной, а судьба его съ молодыхъ лѣтъ была связана съ русскимъ дворомъ, то этотъ русскій патріотизмъ является у него лишь искреннимъ выраженіемъ его личныхъ чувствъ и пригодился ему какъ нельзя лучше для его защитительной цѣли.

Что онъ старается говорить безпристрастно и желаетъ быть справедливымъ, видно изъ того, что онъ не закрываетъ глаза на недостатки отца и упоминая, между прочимъ, о его вспыльчивости и чрезвычайномъ честолюбіи, отзывается о нихъ съ явнымъ неодобреніемъ и отнюдь не старается игнорировать эти недостатки, тогда какъ въ своихъ Запискахъ, писанныхъ для дѣтей, онъ опускаетъ, разумѣется, подобные неблагопріятные отзывы объ ихъ дѣдѣ; было бы непедагогично, какъ уже сказано, говорить съ неодобреніемъ о такой личности, которая должна была служить для нихъ авторитетомъ.

Объ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ также высказано въ „Замѣчаніяхъ“ строгое сужденіе и на нее возлагается тяжкая вина (стр. 410): смерть Волынскаго ставится ей въ укоръ, ибо она допустила совершиться казни.

Между тѣмъ, какъ «Записки» свои Минихъ писалъ въ ссылкѣ и могъ считать неудобнымъ признать въ нихъ недостатки отца и не безопаснымъ осуждать коронованныхъ особъ, въ „Замѣчаніяхъ“, писанныхъ имъ гораздо позднѣе, онъ могъ позволить себѣ гораздо болѣе вольныя сужденія.

Очевидно, онъ не имѣлъ намѣренія издать свои «Записки», ибо въ такомъ случаѣ не помѣстилъ бы изъ нихъ такъ много выписокъ въ «Замѣчаніяхъ», такъ какъ это могло выдать его инкогнито и на основаніи этихъ выписокъ можно было бы доказать, что онъ именно есть авторъ этихъ Замѣчаній. Издавая эти послѣднія анонимно, онъ надѣялся, что они будутъ казаться вслѣдствіе этого болѣе достовѣрными и что это обстоятельство придастъ ему видъ очевидца описываемыхъ имъ событій и даже походовъ. Хотя онъ и осуждалъ въ нихъ отца въ нѣкоторомъ отношеніи, за то въ общемъ могъ восхвалять и защищать его, что онъ и считалъ, безъ сомнѣнія, своимъ сыновнимъ долгомъ и что было, вѣроятно, главной побудительной причиной для составленія имъ «Замѣчаній».

Мы можемъ привести еще одинъ примѣръ того, что гр. Эрнстъ Минихъ, кромѣ «Замѣчаній», брался иногда за перо съ цѣлью оправдать кого нибудь или возстановить историческіе факты въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Уже послѣ окончанія «Замѣчаній», въ 1775 г., онъ издалъ часть своихъ Записокъ съ цѣлью оправдать своего отца, фельдмаршала Миниха, противъ обвиненій, взведенныхъ на него въ сочиненіи Бирона! Это сочиненіе Бирона на французскомъ языкѣ [1]) было издано Бюшингомъ въ его извѣстномъ Сборникѣ (Magazin, IX, 383—398) и при немъ былъ приложенъ въ видѣ опроверженія, написанный

[1]) Русскій переводъ этого сочиненія помѣщенъ въ Арх. кн. Воронцова. т. XXIV (1880 г.), 12—36. А. Ю.

Digitized by Google

на нѣмецкомъ языкѣ, «отвѣтъ — (Antwort) и т. д. одного изъ ближайшихъ родственниковъ фельдмаршала графа Миниха [1])». Отвѣтъ этотъ оказывается отрывкомъ изъ Записокъ Миниха-сына (Записки Миниха-сына, стр. 161—175 и 187—207).

По всей вѣроятности, онъ же сообщилъ Бюшингу для напечатанія «письмо фельдмаршала Миниха къ кн. Лобковицу» (напеч. въ Büschings Magazin, VII, 235—240), такъ какъ онъ называетъ французскій переводъ этого письма, помѣщенный въ Запискахъ Манштейна, плохимъ [2]), о чемъ выше было уже говорено.

Наконецъ, мы упомянемъ еще о томъ, что авторъ «Замѣчаній», очевидно, воспользовался во многихъ мѣстахъ «Записками Миниха» и сдѣлалъ изъ нихъ выписки; этотъ фактъ также говоритъ въ пользу авторства Миниха. Его «Записки» были уже написаны въ 1758 г. и значительную часть ихъ мы находимъ въ «Замѣчаніяхъ»; но надобно замѣтить, что «Записки» эти не были еще изданы въ то время, а находились въ рукописи и, кромѣ того, имѣли совершенно частный характеръ и цѣль; онѣ были написаны для семейства, для дѣтей и какъ таковыя держались, вѣроятно, въ тайнѣ отъ посторонннихъ; никто, даже самъ Бюшингъ, пользовавшійся большимъ довѣріемъ семейства Миниха и описавшій жизнь фельдмаршала, не упоминаетъ въ то время объ ихъ существованіи. Даже по случаю изданія вышеупомянутаго «отвѣта» (Antwort) онъ не говоритъ о томъ, что отвѣтъ этотъ составляетъ часть обширныхъ «Записокъ Миниха-сына»; допустивъ даже, что онъ зналъ о существованіи ихъ, во всякомъ случаѣ онъ нигдѣ объ этомъ не упоминаетъ.

Какимъ же образомъ могъ Панинъ имѣть въ своемъ распоряженіи эту семейную рукопись? Намъ неизвѣстно даже о существованіи между нимъ и гр. Эрнстомъ Минихомъ какихъ либо близкихъ и особенно дружественныхъ отношеній.

Въ «Замѣчаніяхъ» приведены, зачастую, довольно подробныя и даже пространныя выдержки изъ этихъ «Записокъ», хотя онѣ сдѣланы по большей части не совсѣмъ буквально, но довольно произвольно и нерѣдко съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями; иногда же онѣ приводятся почти съ буквальною точ-

---

[1]) Отвѣтъ этотъ совершенно напрасно переведенъ недавно (Арх. кн. Воронцова, т. XXIV, 37—56) на русскій языкъ, такъ какъ онъ уже имѣется на русскомъ языкѣ какъ часть Записокъ Миниха-сына.

[2]) Русскіе переводы этого письма помѣщены въ „Чтеніяхъ въ имп. ист. общ.“ 1863 г., IV, V, 74—80 (гдѣ, однако, невѣрно число, коимъ помѣчено это письмо) и въ „Русской Старинѣ“, въ текстѣ перевода рукописи Записокъ Манштейна, изд. 1875 г., сентябрь, стр. 168. — Въ „Сборникѣ русск. ист. общ.“, т. XIX (1876 г.), 3—12, напечатанъ другой, французскій, переводъ этого письма, также съ невѣрнымъ числомъ. Кромѣ того это письмо было неоднократно издано и въ другихъ мѣстахъ. А. Ю.

Digitized by Google

ностью, при чемъ косвенная рѣчь «Записокъ» замѣняется обыкновенно въ «Замѣчаніяхъ» прямою [1]).

Тогда какъ «Записки» и упомянутый отвѣтъ (Antwort) относятся другъ къ другу какъ переводъ къ оригиналу, «Замѣчанія» являются, до нѣкоторой степени, какъ бы передѣлкой Записокъ, при чемъ нерѣдко цѣлые періоды въ обоихъ сочиненіяхъ совершенно тождественны по содержанію, но различествуютъ по изложенію. Мѣстами въ текстѣ «Замѣчаній» сдѣланы добавленія, какъ уже сказано.

Въ изслѣдованіи П. Н. Петрова, прибавленномъ новѣйшему изданію «Замѣчаній», не выяснена эта связь, существующая между ними и «Записками», не смотря на то, что о ней давно уже извѣстно.

Вѣроятно, нѣкоторые изслѣдователи будутъ намъ признательны, если мы укажемъ здѣсь на параллельныя мѣста въ обоихъ сочиненіяхъ. Съ этой цѣлью нумерація тѣхъ страницъ въ «Запискахъ Миниха-сына» (Спб., 1817 г.), которыя соотвѣтствуютъ подобнымъ мѣстамъ въ «Замѣчаніяхъ на Записки Манштейна», поставлена нами въ скобкахъ; мы цитируемъ здѣсь «Замѣчанія» по послѣднему изданію въ «Русской Старинѣ» (1879 г., т. XXVI) точно также, какъ цитировали и до сихъ поръ, и присовокупляемъ къ этому заголовокъ отдѣльныхъ главъ:

Продолженіе о Биронѣ 376 (49). О размолвкѣ гр. Миниха съ Бирономъ: 379 (61), 380 (62, 64), 381 (64).

Отправленіе гр. Миниха въ Польшу: 381 (71).

Прибытіе французской флотиліи: 382 и 383 (81).

Объ отправленіи франц. военно-плѣнныхъ: 383 (89).

О покореніи Очакова: 387 (119).

Описаніе послѣднихъ дней имп. Анны Іоанновны: 392 (162), 393 (162—164), 394 (164—166), 395 (167—168), 396 (169—171), 397 (171—173), 398 (173—174), 399 (175).

Нѣкоторыя подробности и т. д.: 400 (186 и 187, 183, 184, 180), 401 (184, 185, 182), 402 (179(?), 180, 181), 405 (185, 186), 408 (178).

Обозрѣніе Бирона регентства: 567 (187, 188), 568 (188, 189), 569 (190, 191, 192), 570 (193, 194), 571 (194, 195), 572 (196, 197), 573 (198, 199), 574 (200, 201), 575 (201—204), 576 (204, 205), 577 (205, 206).

Вступленіе принцессы Анны въ управленіе и поведеніе... Миниха: 578 (207, 208), 579 (208, 209).

Милости, оказанныя правительницею: 580 (210, 211), 581 (211, 212).

---

[1]) Напр., сравни „Записки“, стр. 226, и „Замѣчанія“, стр. 587 наверху; также Зап., стр. 228, и Зам., стр. 588. Слова Бирона, Зап., 162, въ косвенной рѣчи (oratio obliqua), Зам., 393, въ прямой. А. Ю.

Digitized by Google

Возвращеніе... маркиза де-Ботта: 584 (221).

Замѣшательства россійскаго двора: 584 (221, 222), 585 (222, 223).

Происки вѣнскаго министерства: 585 (223), 586 (224, 225, 226).

Мнѣніе гр. Миниха: 587 (226, 227).

Объясненіе гр. Миниха: 587 (227), 588 (228).

Увольненіе гр. Миниха: 588 (228, 229), 589 (229, 230).

Ожиданія вѣнскаго кабинета не сбылись: 589 (230, 231), 590 (231, 232).

Изображеніе Анны Карловны: 596 внизу (215 внизу и 212 внизу), 597 (213, 214, 215).

Біографическое извѣстіе о гр. Минихѣ: 602 (8, 10, 11), 603 (11, 12, 13, 14), 604 (14, 15, 17, 19 (?), 20, 21), 605 (29, 57 (?)).

Кажется вотъ и всѣ параллельныя мѣста, которыя могутъ броситься въ глаза читателю при просмотрѣ обоихъ сочиненій.

V.

Теперь рождаются вопросы: когда и гдѣ именно были написаны Минихомъ «Замѣчанія»?

На оба эти вопроса мы можемъ отвѣтить только болѣе или менѣе правдоподобными предположеніями.

Такъ какъ авторъ ссылается на изданіе Записокъ Манштейна 1771 г., то этотъ годъ и былъ, вѣроятно, самою раннею эпохою, въ которую онъ началъ писать.

Намъ неизвѣстно также, когда онъ окончилъ свои «Замѣчанія», но мы знаемъ, что онъ скончался 24 января 1788 года. Впрочемъ, можно было бы попытаться извлечь изъ самаго содержанія этого сочиненія какія нибудь данныя для болѣе точнаго опредѣленія хронологіи этого вопроса; но онъ не представляетъ для насъ особенной важности. Весьма возможно, что «Замѣчанія» были написаны въ Петербургѣ, но страннымъ можетъ показаться, почему они не появились въ печати при жизни Эрнста Миниха.

Предположеніе Щебальскаго о томъ, что оригиналъ былъ написанъ на нѣмецкомъ языкѣ, кажется намъ довольно правдоподобнымъ; только нельзя теперь еще согласиться съ его мнѣніемъ, что русскій текстъ написанъ первымъ издателемъ «Замѣчаній», такъ какъ по слогу они не подходятъ къ половинѣ прошлаго столѣтія, какъ утверждаетъ Щебальскій. Слогъ «Замѣчаній» весьма сходенъ съ русскимъ слогомъ «Записокъ» [1]) и, насколько мы

---

[1]) Слѣдуетъ обратить вниманіе на выраженія, встрѣчающіяся въ нихъ, какъ, напр., стр. 585 (Замѣч.): не токмо; стр. 576: двадесять и т. п. А. Ю.

Digitized by Google

можемъ судить, не вдаваясь спеціально въ изученіе языка, весьма подходитъ къ слогу того времени. Разумѣется, старинныя нарѣчія и союзы встрѣчаются въ нихъ не такъ часто, какъ въ «Запискахъ».

Послѣдній издатель «Замѣчаній» (см. «Русск. Стар.», изд. 1879 г., томъ XXVI, 360), т. е. редакторъ «Русской Старины», пріобрѣвшій въ собственность, изъ бумагъ военнаго историческаго писателя Висковатова, ту же рукопись «Замѣчаній на записки Манштейна», каковая была въ распоряженіи, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, П. Свиньина (изд. «Отечеств. Записокъ»), перваго издателя «Замѣчаній»,—не можетъ, однако, сказать намъ по этому поводу ничего положительнаго. Если оригиналъ, дѣйствительно, былъ написанъ по-нѣмецки, то остается пожалѣть, что онъ еще не былъ найденъ и ни разу не былъ напечатанъ на этомъ языкѣ.

Исторія русской рукописи также остается для насъ неизвѣстною. Было бы весьма желательно, чтобы этотъ вопросъ былъ нѣсколько разъясненъ.

Что касается того, заслуживаетъ ли это сочиненіе довѣріе читателя, то несомнѣнно, что оно должно было явиться болѣе или менѣе тенденціознымъ уже потому, что сынъ задался въ немъ цѣлью оправдать отца.

Тѣмъ не менѣе мы не можемъ отрицать въ немъ честнаго стремленія къ истинѣ и объективности; взгляды Манштейна, видѣвшаго недостатки Миниха черезъ «увеличительное стекло»—чего нельзя вполнѣ отрицать—опровергаются иногда весьма убѣдительно. Впрочемъ, иной разъ встрѣчаются и ошибки, которыя мы отнюдь не считаемъ себя вправѣ признать умышленными. Такъ, напр., авторъ утверждаетъ, что фельдмаршалъ Минихъ не принималъ ни малѣйшаго участія въ убійствѣ Синклера (стр. 390). Между тѣмъ, нынѣ мы вполнѣ убѣждены въ его винѣ изъ собственноручнаго приказа, даннаго имъ по этому поводу (см. Соловьевъ, «Ист. Россіи», XX, приложеніе), слѣдовательно, въ этомъ случаѣ Манштейнъ былъ правъ.

Далѣе, разсказъ о томъ, что Минихъ стремился сдѣлаться герцогомъ украинскимъ или господаремъ молдавскимъ (ср. Mémoires de Manstein, Leipz., 1771 г., стр. 356), называется въ «Замѣчаніяхъ» вымышленною сказкою. По недостатку иныхъ данныхъ, мы не можемъ высказать по этому поводу рѣшительнаго мнѣнія, однако, Бюшингъ также повторяетъ этотъ разсказъ, сообщенный Манштейномъ, а надобно замѣтить, что Бюшингъ весьма заслуживаетъ довѣріе.

На стр. 375 авторъ «Замѣчаній» говоритъ, что Манштейнъ приводитъ нѣкоторыя рѣчи, которыя никогда произнесены не были; въ этомъ случаѣ онъ, можетъ быть, правъ.

Тонъ «Замѣчаній» замѣтнымъ образомъ разнствуетъ отъ тона «Записокъ»; первыя имѣютъ болѣе полемическій характеръ и авторъ высказываетъ въ нихъ свои мнѣнія болѣе рѣзко и энергично.

О характерѣ Бирона и о его вліяніи онъ отзывается съ дурной стороны

Digitized by Google

и противъ самой императрицы Анны Іоанновны взводитъ тяжкое обвиненіе въ томъ, что въ ней не было самостоятельности и что она легко поддавалась постороннему вліянію; подобный же упрекъ дѣлается императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

О фельдмаршалѣ Минихѣ и его генералахъ говорится подробно.

«Замѣчанія» служатъ дополненіемъ къ «Запискамъ» Манштейна, а равно и къ «Запискамъ» самого Миниха-сына, несмотря на то, что бо́льшая часть ихъ заимствована изъ этихъ же послѣднихъ. Однако, вчитавшись въ нихъ повнимательнѣе, мы увидимъ, что въ нихъ все таки есть много самостоятельнаго и важнаго; такова, можно сказать, половина всего сочиненія.

«Замѣчанія» заслуживаютъ также вниманія, какъ матеріалъ для біографіи фельдмаршала. Хотя большинство фактовъ, касающихся его жизни, заимствовано изъ «Записокъ Миниха-сына», но въ «Замѣчаніяхъ» мы находимъ оцѣнку его дѣйствій и его характера, что придаетъ этому сочиненію значительный интересъ.

Доказавъ такимъ образомъ, что Минихъ-сынъ есть, дѣйствительно, авторъ этихъ «Замѣчаній», мы можемъ теперь воспользоваться ими какъ источникомъ для его біографіи, такъ какъ мы узнаемъ изъ нихъ нѣкоторыя подробности о его общественныхъ отношеніяхъ, которыя до сихъ поръ были намъ неизвѣстны.

Итакъ, поблагодаривъ читателя за терпѣніе, съ коимъ онъ слѣдилъ за нашимъ подробнымъ и кропотливымъ изслѣдованіемъ, которое, именно въ силу этой обстоятельности, врядъ ли можетъ быть кѣмъ либо опровергнуто, мы намѣрены въ заключеніе сообщить краткій очеркъ жизни несомнѣннаго уже теперь автора «Замѣчаній на Записки Манштейна».

Digitized by Google

VI.

Жизнь графа Миниха-сына (1708—1788).

До сихъ поръ мы не имѣемъ сколько нибудь обстоятельной біографіи гр. Эрнста Миниха. Въ своихъ «Запискахъ» онъ знакомитъ насъ довольно подробно съ своимъ образомъ жизни до 33 лѣтняго возраста (т. е. приблизительно до 1741 г.). Составленная по нимъ краткая біографія его помѣщена въ «Словарѣ достопамятныхъ людей русск. земли» Бантыша-Каменскаго (Москва, 1836, т. III, стр. 345—349), къ которой присоединено еще нѣсколько замѣтокъ о немъ, заимствованныхъ у Манштейна, но не упомянуто даже въ которомъ году Минихъ-сынъ скончался.

Было бы весьма желательно, чтобы всѣ имѣющіяся о немъ замѣтки были собраны и по нимъ была бы составлена біографія Миниха-сына, который представляетъ собою личность довольно интересную, какъ сынъ столь знаменитаго отца и какъ авторъ извѣстныхъ «Записокъ» и «Замѣчаній на Записки Манштейна».

Мы попытаемся изобразить здѣсь главнѣйшіе моменты его жизни.

Эрнстъ фонъ-Минихъ [1]),—впослѣдствіи, по отцѣ, также графъ,—родился 10 января 1708 г. [2]) въ Гейнсфуртѣ близъ Эттингена, въ то время, когда отецъ его, бывшій въ ту пору гессенъ-кассельскимъ маіоромъ и участвовавшій въ войнѣ за испанское наслѣдство, только что возвратился изъ Верхней Италіи и отправился въ Нидерланды. Жена будущаго русскаго фельдмаршала, рожденная фонъ-Вицлебенъ, сопровождала своего супруга въ походахъ; за годъ передъ тѣмъ у нихъ уже родился около Майланда сынъ, названный также Эрнестомъ, но прожившій всего четыре недѣли [3]). Второй сынъ, названный тѣмъ же именемъ, остался живъ. «Его звали просто Эрнстъ, а не Эрнстъ Іоаннъ, а также и не Іоаннъ Эрнестъ, какъ встрѣчается въ нѣкоторыхъ печатныхъ сочиненіяхъ» [4]).

Когда отецъ его поступилъ впослѣдствіи въ польскую службу (1717),

---

[1]) Было бы вѣрнѣе писать „Мюннихъ“ (Münnich).

[2]) По нов. стилю—слѣд. по стар. стилю въ 1707 году, см. его Записки, 5.

[3]) См. дневникъ Миниха въ Запискахъ одесск. Общ. ист. и древн., IV, изд. 1858 г., стр. 431 и слѣд.

[4]) Гадебушъ, Ист. лифляндск. дворянства, т. II, стр. 201, нѣмецкая рукопись, находящаяся въ Дерптѣ. Срав. „Russische Revue“, 1886, III, стр. 333 и послѣд. А. Ю.

Digitized by Google

то 9 лѣтній мальчикъ былъ уже произведенъ въ прапорщики вновь учрежденной Минихомъ «польской коронной гвардіи» (Записки Миниха-сына, изд. 1817 г., стр. 8 и 9). Въ концѣ 1721 г. Минихъ поступилъ въ русскую службу и проѣздомъ въ Петербургъ оставилъ своего сына въ Ригѣ съ его воспитателемъ Виллишемъ (Willisch), получившимъ въ тамошней школѣ мѣсто субъ-конректора [1]). Эту школу посѣщалъ четырнадцатилѣтній мальчикъ, жившій въ это время у ректора Горника, и учился съ большимъ прилежаніемъ; онъ занимался латинскимъ и греческимъ языками, но другихъ не изучалъ, о чемъ онъ впослѣдствіи сожалѣлъ (Записки, 16). Года два спустя (1723 г., февр.), отецъ вызвалъ его въ Петербургъ и предоставилъ ему сдѣлать выборъ между карьерою военною и поприщемъ «ученаго». Сына болѣе прельщало это послѣднее и онъ уѣхалъ, видавъ Петра Великаго послѣдній разъ въ декабрѣ мѣсяцѣ,—въ Женеву, гдѣ слушалъ лекціи философіи, исторіи, права и т. д., изучалъ новѣйшіе языки и занимался искусствами (танцами, фехтованіемъ и музыкой, Зап., 26), хотя по врожденной робости избѣгалъ общества, гдѣ онъ, по своему собственному сознанію, между открытыхъ и оживленныхъ людей „часто игралъ прежалкую роль нѣмаго“ (Зап., 26). Такимъ образомъ онъ провелъ въ Женевѣ нѣсколько лѣтъ, пока отецъ не послалъ его весною 1727 года въ Италію, откуда онъ возвратился, наконецъ, въ августѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ, сдѣлавъ по пути еще много знакомствъ въ высшемъ кругу въ Германіи. Въ скоромъ времени, при помощи Остермана, онъ получилъ мѣсто при русскомъ посольствѣ [2]), отправленномъ на конгрессъ въ Суассонъ (Soissons); Головкинъ отнесся къ нему съ полною готовностью быть ему полезнымъ. Во время этой поѣздки молодой Минихъ познакомился въ одномъ обществѣ въ Брюсселѣ съ французскимъ поэтомъ Жаномъ Батистомъ Руссо († 1741) и во время пребыванія во Франціи вообще хорошо освоился съ французскимъ языкомъ. Въ маѣ 1729 г. онъ былъ въ Суассонѣ, а затѣмъ отправился въ Парижъ. Тутъ онъ узналъ, въ 1731 г., о назначеніи его камеръ-юнкеромъ русскаго двора. Когда Головкинъ, относившійся къ нему какъ къ родному сыну, отправился въ Гаагу, то Эрнстъ фонъ-Минихъ остался въ Парижѣ въ качествѣ „повѣреннаго въ дѣлахъ во Франціи“ (Зап., стр. 56) съ 3,000 р. жалованья. Онъ былъ представленъ королю и гордился тѣмъ, что въ 23 года занималъ уже оффиціальную должность при одномъ изъ первыхъ дворовъ Европы (Зап., 56).

Однако, онъ получилъ вскорѣ приказаніе возвратиться въ Петербургъ, куда и прибылъ послѣ пятилѣтняго отсутствія, въ апрѣлѣ 1733 г., посѣтивъ

---

[1]) См. „Familienbuch“ въ Mittheilungen aus dem Gebiet der Geschichte Liv-, Est- und Curlands, 1843, стр. 356 и послѣд.

[2]) Какъ „дворянинъ посольства“, Зап., 34 („Gentilhomme d'Ambassade“, Manstein, Mém., Leipz., изд. 1771 г., 433). А. Ю.

Digitized by Google

по пути Ригу и Дерптъ. Тотчасъ по пріѣздѣ онъ былъ представленъ императрицѣ, а также великимъ княжнамъ, Аннѣ и Елисаветѣ, которыя при этомъ милостиво поцѣловали его въ щеку, чѣмъ молодой Минихъ былъ крайне польщенъ, такъ какъ подобная честь оказывалась только наиболѣе почетнымъ лицамъ.

Бракъ, который имѣлъ въ виду для него отецъ съ одной изъ родственницъ Бирона, не состоялся, такъ какъ благоволеніе императрицы къ отцу его начинало уже колебаться (Зап., 60). Въ 1736 г. молодой придворный былъ посланъ въ Варшаву къ королю Августу III, съ порученіемъ вручить ему орденъ св. Андрея. Августъ наградилъ его по-царски, пожаловавъ ему перстень, осыпанный брилліантами, и нѣкоторую сумму денегъ (Зап., 99). Возвратившись въ Петербургъ, Минихъ узналъ о побѣдоносномъ вступленіи своего отца въ Крымъ (1736). 1737 годъ проведенъ имъ, повидимому, въ Петербургѣ, гдѣ онъ видѣлъ добычу, привезенную изъ Очакова и военноплѣнныхъ (Зап., стр. 117 и слѣд.), и радовался тому, что при дворѣ къ его отцу примѣняли старинныя слова: veni, vidi, vici. Въ томъ же году онъ былъ пожалованъ императрицей въ дѣйствительные камергеры [1]).

Между тѣмъ какъ на югѣ все болѣе и болѣе разгоралась война, въ сердцѣ молодаго Миниха возгоралась любовь къ молодой фрейлинѣ, баронессѣ Аннѣ Доротеѣ Менгденъ; императрица вполнѣ одобряла эту привязанность, о которой съ радостью узналъ и его отецъ. Однако, юный женихъ, не смотря на благоволеніе къ нему судьбы, былъ вынужденъ отправиться, по болѣзни, для пользованія горячими источниками, въ Ахенъ, и съ этою цѣлью выѣхалъ изъ Петербурга въ февралѣ мѣсяцѣ 1738 года. По возвращеніи его состоялась, наконецъ, свадьба, 20-го февраля 1739 г. [2]); празднества и церемоніи, сопровождавшія ее, подробно описаны въ «Запискахъ» (127 и послѣд. стр.). Фельдмаршалъ также присутствовалъ на свадьбѣ своего сына, хотя ему предстояло снова отправиться въ походъ и онъ подарилъ, по этому случаю, новобрачному помѣстье Ранценъ въ Лифляндіи (около 20 гакеновъ земли, стоимостью въ 22,000 руб.) [3]).

Молодой камергеръ пользовался довѣріемъ и благосклонностью императрицы Анны Іоанновны, которая украсила его послѣ заключенія мира орденомъ св. Александра Невскаго, а когда отецъ сталъ хлопотать о назначеніи его посланникомъ при датскомъ дворѣ, то ему было объявлено, что государыня не можетъ отпустить его, такъ какъ она слишкомъ къ нему привыкла.

Послѣ смерти императрицы принцесса Анна Леопольдовна также относилась къ Миниху-сыну весьма благосклонно; онъ былъ назначенъ ея гофмей-

---

[1]) См. Familienbuch, Mittheilungen (1843), III, 357.

[2]) Въ Familienbuch она считается 3-го марта, слѣд. по новому стилю.

[3]) Тамъ-же. А. Ю.

Digitized by Google

стеромъ и остался камергеромъ при ея сынѣ, младенцѣ-императорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ. Дежуривши однажды при немъ въ одну темную ноябрьскую ночь, 1740 года, и внезапно проснувшись, увидѣлъ онъ принцессу, сидѣвшую у его кровати; чрезвычайно встревоженная и взволнованная, она сообщила ему, что его отецъ приказалъ въ этотъ самый часъ арестовать ненавистнаго регента. Они провели нѣкоторое время въ томительномъ ожиданіи и оба одинаково желали этому предпріятію благополучнаго исхода.

На слѣдующій день послѣ сверженія Бирона, оба Миниха, отецъ и сынъ, и баронъ Менгденъ имѣли совѣщаніе о наградахъ, которыя слѣдовало раздать вельможамъ и сановникамъ государства. Сынъ записывалъ то, что диктовалъ ему отецъ, но удержалъ его отъ честолюбиваго намѣренія сдѣлаться генералиссимусомъ, сказавъ, что это званіе принадлежитъ отцу молодаго императора, а ему слѣдуетъ довольствоваться постомъ перваго министра.

Въ этотъ день принцесса пожаловала бывшаго камергера обергофмаршаломъ и подарила ему соотвѣтствующій этому званію экипажъ и домъ вблизи отъ дворца. Онъ былъ постоянно признателенъ ей за эти милости («Зап.», 215).

Въ это время король прусскій, стараясь пріобрѣсти расположеніе перваго министра, прислалъ ему свой портретъ, осыпанный брилліантами, 30,000 рейхсталеровъ деньгами и пожаловалъ ему помѣстье Бигенъ [1]). Минихъ-отецъ оставилъ себѣ только портретъ короля, а объ другія милости перешли, съ дозволенія правительницы, къ его сыну [2]), получившему также отъ короля Августа орденъ Бѣлаго Орла («Зап.», 220).

Когда фельдмаршалъ получилъ отставку, то его сыну, вмѣстѣ съ графомъ Левенвольдомъ, было поручено сообщить ему эту вѣсть, такъ какъ никто другой не дерзалъ этого сдѣлать.

Наконецъ, при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ фельдмаршалъ Минихъ подвергся окончательной опалѣ и сынъ раздѣлилъ его участь. Онъ былъ арестованъ въ тотъ-же день, какъ и отецъ (25-го ноября 1741 г.), хотя онъ вовсе не былъ причастенъ политическимъ интригамъ, и Елисавета Петровна въ сущности благоволила къ нему [3]), однако, подъ пустымъ предлогомъ онъ былъ лишенъ мѣста и чиновъ. Его помѣстья въ Лифляндіи: Луніа, Мойзекацъ и Пёльксъ [4]) были конфискованы [5]), но взамѣнъ ихъ ему дали деревню въ Россіи, гдѣ ему было назначено жить.

Въ одномъ донесеніи Пецольда, отъ 30-го января 1742 г. (въ «Сборникѣ русск. истор. общ.», т. VI, стр. 409 и слѣд.), мы читаемъ слѣдующее: «Сынъ

---

[1]) „Das „Amt" Biegen.

[2]) Familienbuch, стр. 358. „Записки", 219.

[3]) Familienbuch, стр. 358 и послѣд. „Записки", 219.

[4]) Гадебушъ, Ист. Лифл. дворян., т. II, стр. 203.

[5]) Замѣчанія на Зап. Манштейна, „Русская Старина", т. XXVI, изд. 1879 г., стр. 608 и слѣд. А. Ю.

Digitized by Google

генералъ-фельдмаршала Миниха получаетъ подъ Москвою деревню, съ правомъ совершенно свободно проживать въ оной съ своею семьею; эта милость, а равно и то, что онъ не былъ выведенъ на лобное мѣсто и о немъ произнесенъ особый приговоръ, заслужена имъ тѣмъ, что, бывъ допрошеннымъ при первомъ допросѣ прежде всѣхъ остальныхъ, онъ говорилъ въ своихъ показаніяхъ совершенную правду, не утаивъ и не скрывъ ни малѣйшаго извѣстнаго ему обстоятельства».

Въ другомъ донесеніи къ Брюлю, отъ 3-го февраля 1742 года (ibid., стр. 410 сл.), Пецольдъ разсказываетъ:

— «Молодой гр. Минихъ также увѣрялъ, въ присутствіи одного преданнаго мнѣ друга, который вчера лично разговаривалъ съ нимъ, что несправедливо утверждаютъ, будто бы онъ другихъ выдалъ своими показаніями, и что онъ можетъ приписать оказанную ему милость только тому, что невинность его признана».

Изъ движимаго имущества и драгоцѣнностей ему «ни полушки не выдали». Деревня, назначенная ему мѣстопребываніемъ, была «самая бѣдная», поэтому онъ хлопоталъ о томъ, чтобы вмѣсто нея ему выдавали ежегодно извѣстную сумму денегъ.

Просьба его была уважена и ему было повелѣно жить подъ присмотромъ полиціи въ Вологдѣ, въ 400 верстахъ приблизительно отъ Москвы, гдѣ въ то время было много голландскихъ купцовъ [1]). На содержаніе ему отпускалось ежегодно 1,000 р., а подъ конецъ ссылки эту сумму увеличили до 1,400 р. [2]).

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно въ точности, когда именно онъ оставилъ Петербургъ и когда переѣхалъ изъ той русской деревни въ Вологду.

Передъ отправленіемъ его отца въ Сибирь изъ крѣпости, Эрнстъ Минихъ и его жена получили дозволеніе повидаться и проститься съ нимъ. Бывшій фельдмаршалъ подарилъ ему при этомъ случаѣ перстень съ своего пальца съ великолѣпнымъ брилліантомъ, оцѣненнымъ въ то время въ 4,000 руб., который существуетъ и по настоящее время [3]).

Когда отецъ его былъ сосланъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1742 г., въ Сибирь, то Миних-сынъ принялъ въ свое управленіе, до возвращенія фельдмаршала, его помѣстья въ герцогствѣ Ольденбургскомъ.

Императрица Елисавета Петровна подарила, въ 1744 г., брату [4]) фельд-

---

[1]) Manstein, Mémoires (1771, Leipzig), p. 433.

[2]) Замѣчанія на „Записки“ Манштейна, „Русская Старина“, т. XXVI, 1879 г., 608 и слѣд.

[3]) См. Familienbuch, стр. 359. Я видѣлъ этотъ перстень въ бывшемъ имѣніи Миниха Луніа. Онъ принадлежитъ нынѣ барону Нолькену, живущему тамъ.

[4]) Julius Eckardt сообщаетъ намъ интересныя подробности о немъ и его семействѣ въ своемъ сочиненіи: „Jungrussisch und Altlivländisch“. (Лейпц., 1871 г., стр. 344—375). А. Ю.

Digitized by Google

маршала, обергофмейстеру барону Христіану Миниху (1686—1768 гг.), который находился у нея въ милости, лифляндскія помѣстья племянника: Луніа, Мойзекацъ и Пёлькъ (Pölks). Имѣніе Ранценъ также было конфисковано у молодаго Миниха (Familienbuch, стр. 358), но по возвращеніи изъ ссылки онъ получилъ взамѣнъ его Шванебургъ, а затѣмъ Петръ III-й возвратилъ ему и прочія помѣстья [1]).

Отъ брака Эрнста Миниха съ баронессой Менгденъ родилось 4 сына и 3 дочери; бо́льшая часть этихъ дѣтей родились во время ссылки.

Точно также, какъ фельдмаршалъ выказалъ себя по отношенію къ дѣтямъ отцомъ любящимъ и заботливымъ, чему яснымъ доказательствомъ служитъ его семейная книга, Familienbuch, о которой уже неоднократно упоминалось нами выше, и графъ Эрнстъ Минихъ заботился, по мѣрѣ силъ, о благѣ своихъ сыновей, желалъ дать имъ приличное воспитаніе и солидное, основательное и разностороннее образованіе, подобное тому, какое онъ самъ получилъ въ молодости, и старался о томъ, чтобы ихъ познанія были не поверхностныя, а имѣли бы прочное научное основаніе. Но обстоятельства значительно затрудняли выполненіе этихъ родительскихъ желаній. Живя въ ссылкѣ, будучи въ немилости у царствующей императрицы Елисаветы и къ тому же имѣя крайне ограниченныя средства, ему приходилось письменно обращаться къ своимъ родственникамъ за помощью и содѣйствіемъ.

Трогательно и интересно читать тѣ письма [2]), преисполненныя отеческою заботливостью, которыя онъ писалъ въ то время (1756—1758 гг.) своему дядѣ барону Христіану Миниху, неустанно прося его выхлопотать своему старшему сыну дозволеніе слушать лекціи въ одномъ изъ германскихъ университетовъ, что, по случаю семилѣтней войны, было сопряжено съ особыми затрудненіями.

---

[1]) Гадебушъ, 204.

[2]) Изданіемъ этихъ весьма интересныхъ писемъ, впервые появившихся въ 1887 г. въ печати („Русская Старина", 1887 г., февраль, стр. 465—469), мы обязаны графу Д. А. Толстому, который воспользовался ими для опроверженія одного, недавно высказаннаго мною, предположенія, къ которому я пришелъ, по неимѣнію въ то время какихъ либо положительныхъ данныхъ относительно этого обстоятельства. (См. „Русская Старина" изд. 1887 г., январь, стр. 225—234).

Я охотно готовъ согласиться съ тѣми доводами, которые противупоставлены моему мнѣнію, въ виду ихъ бо́льшаго правдоподобія.

Но какъ бы то ни было, нельзя отрицать самого факта, который явствуетъ изъ письма фельдмаршала къ гувернеру его внуковъ Рунцэ—что оба эти, довольно уже взрослые, сыновья графа Эрнста Миниха не были образцами благовоспитанныхъ юношей и причиняли своимъ родителямъ много заботъ и досады.

Судя по этимъ письмамъ графа Эрнста Миниха, относительно его старшаго сына, мы имѣемъ полное право ожидать, что онъ заботился искренно

Digitized by Google

Бюшингъ (Büsching) также сообщаетъ намъ о немъ въ своихъ Запискахъ («Eigene Lebensgeschichte», Halle, 1789, стр. 488): «Когда, во время ссылки отца, Минихъ былъ вынужденъ жить въ Вологдѣ, то онъ переписывался со мною въ Геттингенѣ по поводу своего старшаго сына, графа Іоанна Готлиба, бывшаго моимъ сотрапезникомъ вмѣстѣ съ своимъ воспитателемъ Рунцэ, и по поводу домашняго учителя для своихъ младшихъ дѣтей». Шмидтъ-Физельдэкъ, извѣстный авторъ «Матеріаловъ къ русской исторіи» [1]), рекомендованный Миниху Бюшингомъ, былъ также «нѣсколько лѣтъ гувернеромъ младшихъ сыновей тайн. сов. графа фонъ-Миниха въ Вологдѣ и короткое время въ С.-Петербургѣ» (Büsching, Wöchentliche Nachrichten, 1773, стр. 188).

Итакъ, видно, что Минихъ-сынъ пользовался въ Вологдѣ довольно большою свободою, особенно въ сравненіи съ отцомъ, хотя онъ долженъ былъ жить очень скромно, не имѣлъ тутъ «собственныхъ каретъ» и довольствовался вмѣстѣ съ семьей самымъ простымъ столомъ [2]).

Тутъ же въ ссылкѣ написаны имъ, въ 1758 г. (Зап., 233), «Записки», предназначенныя для дѣтей, чтобы служить имъ указаніемъ того, что слѣдовало дѣлать и чего надлежало избѣгать (Записки, 25).

Жена Миниха, съ которой онъ жилъ весьма счастливо [3]), скончалась въ Вологдѣ въ 1760 г. [4]) и, такимъ образомъ, онъ остался вдовцомъ, со своею склонностью къ «докучливымъ мыслямъ» (Зап., 24); наукамъ было суждено разогнать эту грусть и, не смотря на преклонныя лѣта, онъ «ломалъ еще

и неусыпно о воспитаніи и всѣхъ остальныхъ своихъ сыновей. Почему же его заботы, по отношенію къ этимъ двумъ сыновьямъ, не увѣнчались успѣхомъ?

Графъ Эрнстъ Минихъ былъ человѣкъ спокойный, солидный и серьезный, а фельдмаршалъ имѣлъ нравъ вспыльчивый, былъ честолюбивъ и тщеславенъ (см. фельетонъ „St.-Petersburger Zeitung“, 1886, 12-го мая), и даже въ преклонныхъ лѣтахъ былъ склоненъ къ странностямъ (см. Архивъ князя Воронцова, II, стр. 507—509, два письма гр. Миниха къ графинѣ Строгановой). А такъ какъ иногда бываетъ, что свойства дѣда проявляются, даже въ болѣе сильной степени, во внукахъ, то повидимому и въ данномъ случаѣ нѣкоторыя особенности фельдмаршала унаслѣдовались молодыми графами и не были своевременно и достаточно энергично урегулированы воспитаніемъ.

Однако, не будемъ болѣе вдаваться въ область предположеній. Служа иногда для разъясненія сомнѣній, они рѣдко кажутся достаточно убѣдительными. А. Ю.

[1]) „Materialien z. d. russ. Gesch“.

[2]) См. Письмо фельдмаршала къ воспитателю Рунцэ, „Русская Старина“ изд. 1887 г., I, стр. 225—234.

[3]) Familienbuch, 357.

[4]) Гадебушъ, 208. А. Ю.

Digitized by Google

голову», по его выраженію, надъ математическими книгами (Записки его, стр. 25 и послѣд.). Занятіе науками ему не возбранялось и книги доставлялись ему, по его желанію, тогда какъ отецъ его былъ стѣсненъ въ этомъ отношеніи. Петръ III возвратилъ обоихъ Миниховъ изъ ссылки.

Эрнстъ Минихъ прибылъ съ своими дѣтьми въ Петербургъ за нѣсколько недѣль прежде родителя своего и выѣхалъ ему на встрѣчу за 30 верстъ отъ столицы. Старый испытанный воинъ увидѣлъ молодое поколѣніе внучатъ, выросшихъ во время его ссылки («Замѣчанія на Записки Манштейна», «Русск. Стар.» изд. 1879 г., т. XXVI, 606).

Миниху-сыну были возвращены его помѣстья Петромъ III, который хотѣлъ также отправить его посланникомъ въ Стокгольмъ, но это назначеніе не состоялось.

Екатерина II также относилась весьма благосклонно къ Миниху-сыну, назначила его главнымъ начальникомъ таможень (directeur général des péages de toutes les douanes de l'empire, сообщаетъ прусскій посланникъ Сольмсъ, 1763 г., 31 окт., см. «Сборникъ русск. ист. общ.,» XXII, 156). Въ 1767 г., онъ былъ назначенъ депутатомъ въ законодательную комиссію, учрежденную Екатериною (см. Гадебушъ). Въ чинахъ онъ дослужился до тайнаго совѣтника (уже въ 1762 году). Императрица удостоивала его своимъ довѣріемъ и часто переписывалась съ нимъ. Въ имѣніи Луніа, близь Дерпта, хранится донынѣ 16 писемъ къ нему императрицы отъ 1765 — 1775 гг., въ коихъ она просила его о присылкѣ книгъ и сообщала ему о своихъ литературныхъ занятіяхъ. Однажды, она пригласила его отобѣдать съ нею наединѣ въ ея комнатѣ, принимая на себя отвѣтственность, какъ она шутливо выразилась, за скандалъ, который могъ бы отъ этого произойти.

Эрнстъ Минихъ скончался 24 янв., ст. ст., 1788 г., въ С.-Петербургѣ, слишкомъ 80 лѣтъ отъ роду. Имѣнія Луденгофъ и Виксусъ принадлежали ему также до его кончины.

Онъ погребенъ въ Луніи, гдѣ покоятся и останки его отца, фельдмаршала Миниха.

Что касается характера Эрнста Миниха, то Манштейнъ говоритъ (Mém., 433) о немъ, что «онъ не имѣлъ блистательныхъ качествъ своего отца, но наслѣдовалъ многія его хорошія свойства, не получивъ ни одного изъ дурныхъ. Онъ имѣетъ ровный и основательный умъ и чрезвычайно честенъ».

— «Мнѣ говорили», передаетъ Гадебушъ, какъ выше было замѣчено, «что при взиманіи пошлины онъ не дѣлалъ снисхожденія даже родному отцу». Онъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для того, чтобы блистать въ министерствѣ, гдѣ, безъ сомнѣнія, его оцѣнили бы вполнѣ, если бы Анна Леопольдовна прожила долѣе».

Дѣйствительно, графъ Эрнстъ Минихъ обладалъ весьма основательными

Digitized by Google

познаніями, въ особенности, въ политической экономіи [1]), для коихъ послужили хорошей подготовкой его серьезныя занятія юридическими и политико-экономическими науками во время молодости, за границей.

Въ Луніи виситъ поясной портретъ гр. Эрнеста Миниха въ натуральную величину [2]). Всматриваясь въ его грустные, задумчивые глаза съ отяжелѣвшими вѣками, невольно приходитъ на мысль, что его печальная участь и несчастіе, постигшее его отца, нанесли его сердцу тяжкую рану, которую самое время не могло вполнѣ залечить.

А. Я. Юргенсонъ.

[Перевела съ нѣмецкой рукописи автора В. В. Тимощукъ].

---

[1]) Ср. „Русскую Старину“ 1887 г., февраль, 465, статью графа Д. А. Толстаго.

Въ имѣніи Луніа, близь Дерпта, я нашелъ рукопись въ 106 страницъ въ четвертую долю листа, тщательно переписанную на бѣло на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Essai Politique sur la Nature et les Avantages du Commerce de Russie“. Въ этомъ сочиненіи трактуется о торговлѣ Россіи съ разными странами и оно заключаетъ нѣсколько статистическихъ таблицъ касательно различныхъ предметовъ торговли. Я предполагаю, что авторъ этого сочиненія графъ Эрнстъ Минихъ, который владѣлъ этимъ имѣніемъ и, въ качествѣ главнаго начальника таможень, могъ имѣть самыя точныя и полныя свѣдѣнія о русской торговлѣ, къ тому же и по времени эта статья какъ разъ подходитъ къ нему (въ ней упоминается, однажды, 1773 годъ).

[2]) Гравированный портретъ, приложенный къ сочиненію Н. А. Полеваго „Русскіе полководцы“ (Спб., 1845, стр. 83), исполненъ, повидимому, съ этого портрета. Но Полевой ошибся, принявъ его за портретъ фельдмаршала.

Нѣкоторые матеріалы объ Эрнестѣ Минихѣ находятся еще въ „Русск. Архивѣ“ 1866 г., 1544—1567. А. Ю.

Digitized by Google

Замѣтка.

Въ замѣткѣ, предпосланной, въ февральской книгѣ «Русской Старины» изд. 1887 г., къ письмамъ сына фельдмаршала Миниха, указывается на фактъ назначенія графа Эрнста Миниха, въ 1792 г., помощникомъ къ И. И. Бецкому. Считаемъ нелишнимъ, въ оправданіе этого сообщенія, привести рескриптъ императрицы Екатерины II къ И. И. Бецкому; онъ напечатанъ въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ» за 1863 г., книга IV, отдѣлъ смѣсь, стр. 91—92. Вотъ этотъ документъ:

„Иванъ Ивановичъ! Видя, сколь много обременены вы дѣлами, по особой нашей довѣренности на васъ возложенными, въ которыхъ не имѣете пособія отъ назначеннаго вамъ преемника, по причинѣ болѣзненнаго его состоянія, восхотѣли мы облегчить труды ваши, всегда намъ благоугодные и для службы нашей полезные. Въ семъ уваженіи всемилостивѣйше опредѣляемъ, въ должность преемника вамъ, нашего тайнаго совѣтника графа Миниха, бывъ увѣрены, что вы не оставите руководствовать его вашими совѣтами къ благоуспѣшному исполненію всего того, что къ сохраненію порядка, пользѣ и выгодамъ Воспитательнаго дома и всѣхъ заведеній въ юномъ относиться можетъ. Желая, чтобъ таковое облегченіе бремени трудовъ вашихъ послужило къ укрѣпленію вашего здоровья, колико числомъ лѣтъ, столь не меньше важными и безпрерывными въ дѣлахъ упражненіями отягченнаго, пребываемъ всегда вамъ благосклонны Екатерина".

Въ С.Петербургѣ.
Февраля 27-го дня 1792 г.

Позволяемъ себѣ дополнить интересную статью г. Юргенсона о Минихѣ-сынѣ указаніемъ на то, что съ 1764 по 1788 годъ онъ былъ членомъ коммиссіи о коммерціи, что видно изъ недавно изданнаго г. Кайдановымъ описанія архива департамента внѣшней торговли.

Вѣроятно, по этой должности и по близкому знакомству Эрнста Миниха съ таможеннымъ дѣломъ, и подавалъ онъ, въ 1771 году, свое мнѣніе «о русской торговлѣ съ Пруссіею» (см. Архивъ князя Воронцева, книга XXVI, стр. 237—241).

Т.

11-го апрѣля 1887 г.

Digitized by Google

Вызовъ на дуэль князя Меттерниха императоромъ Александромъ I.

Эпизодъ Вѣнскаго конгресса [1]).

Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, которыхъ рѣшеніе ожидалось на Вѣнскомъ конгрессѣ, былъ вопросъ о притязаніяхъ Россіи на Польшу и Пруссіи на Саксонію. При этомъ дипломатическій талантъ австрійскаго канцлера былъ подвергнутъ тяжкому испытанію. Россія и Пруссія явились на конгрессъ связанными солидарностію своихъ желаній и съ твердымъ намѣреніемъ не отступать отъ своихъ честолюбивыхъ требованій. Прочія державы, дабы избѣгнуть преждевременныхъ несогласій, уклонялись высказаться по этому вопросу, или, вѣрнѣе, не желали противиться планамъ императора Александра I и короля Фридриха Вильгельма III. Однако-жъ, на первыхъ же засѣданіяхъ конгресса разнообразные интересы участвующихъ произвели, по поводу этого вопроса, непріятныя столкновенія. Скрываемыя до поры до времени соперничества не замедлили обнаружиться, благодаря интригѣ французскаго посланника князя Талейрана: пользуясь ролью лица незаинтересованнаго въ этомъ вопросѣ, онъ, съ обычною ему ловкостью, успѣлъ возбудить ревность между союзниками. «Какъ можете вы смотрѣть равнодушно, сказалъ онъ Меттерниху, на намѣреніе Россіи составить какъ-бы поясъ около вашихъ главныхъ провинцій, Венгріи и Богеміи? Удивляюсь, что вы можете допустить, чтобы наслѣдство вашего стариннаго и добраго сосѣда (Саксоніи) могло перейти въ руки вашего врага и что именно мы должны протестовать противъ этого». Мнѣніе Талейрана, конечно, вполнѣ раздѣлялось Меттернихомъ, особенно горячо желалъ тотъ уберечь отъ хищности Пруссіи Саксонію, но онъ выжидалъ лишь благопріятнаго момента, чтобы сказать свое вѣсское слово, и этотъ моментъ наступилъ, когда лордъ Кастльри, представитель Англіи, объявилъ себя противникомъ часто-

---

[1]) Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, classés et réunis par M. A. de Klinkowstroem.

Digitized by Google

любивыхъ плановъ Россіи и Пруссіи, когда даже мелкіе германскіе дворы, съ необыкновенною имъ энергіею, объявили себя противъ поглощенія Саксоніи Пруссіей.

Но споръ изъ-за Саксоніи былъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о герцогствѣ Варшавскомъ. Императоръ Александръ, разсказываетъ Меттернихъ въ своихъ мемуарахъ, наслаждаясь въ гостиныхъ Вѣны своимъ торжествомъ, льстилъ себя надеждой, что желанія его будутъ закономъ для другихъ и что всѣ подчинятся его могущественной силѣ. Тономъ счастливаго побѣдителя и со страстностью самодержавца обсуждалъ онъ судьбы Европы. Виды свои на Польшу онъ обнаружилъ въ разговорѣ съ Талейраномъ съ первыхъ же дней конгресса. Представитель Франціи, знакомый императору еще по Тильзиту и Эрфурту, коснувшись Польши, упомянулъ было о правѣ, но получилъ въ отвѣтъ: «скорѣе рѣшусь на новую войну, чѣмъ уступить то, что я уже занимаю!... У меня въ герцогствѣ, продолжалъ Александръ Павловичъ, 200,000 солдатъ: пусть попытаются меня оттуда выгнать. Вы любите ссылаться на принципы, но ваше публичное право для меня ничего не значитъ (n'est rien pour moi). Я не хочу знать что̀ это такое. Для меня стоитъ выше всего мое слово. Давъ его, я съ умѣю его сдержать. При заключеніи нашего союза я обѣщалъ прусскому королю Саксонію, и онъ будетъ королемъ Пруссіи и Саксоніи, точно также какъ я—императоромъ Россіи и королемъ Польши». Впрочемъ, императоръ не столько горячился противъ возраженій Талейрана, который своимъ хладнокровіемъ и удачными отвѣтами умѣлъ его сдерживать, сколько возбуждали въ немъ гнѣвъ, холодность и педантичность лорда Кастльри. Но еще въ болѣе сильной степени обнаружилось его негодованіе на Меттерниха. Съ этихъ поръ началось между русскимъ царемъ и австрійскимъ канцлеромъ тайное единоборство, питаемое личными страстями и тщеславіемъ. Авторъ Записокъ, въ припадкѣ самообожанія, восклицаетъ по сему случаю: «мнѣ предназначено было самой судьбой бороться съ такими монархами, какъ Наполеонъ и Александръ,—и побѣдить ихъ».

Замѣтимъ, однако-жъ, что начало антагонизма между импер. Александромъ и кн. Меттернихомъ относится ко времени до Вѣнскаго конгресса; онъ начался еще въ кампанію трехъ союзниковъ, вслѣдствіе того, что Меттернихъ воспротивился желанію русскаго государя назначить главнокомандующимъ союзныхъ войскъ Моро и настоялъ на назначеніи князя Шварценберга. Эта непріязнь получила новую пищу, когда австрійскія войска, вопреки обѣщанію Александра Павловича сохранить нейтралитетъ Швейцаріи, вторглись во Францію черезъ эту страну. Затѣмъ и въ Парижѣ не мало было поводовъ къ разногласію между русскимъ императоромъ и австрійскимъ канцлеромъ. Во время своего пребыванія въ Вѣнѣ, Александръ I окончательно убѣдился въ желаніи Меттерниха вездѣ становиться поперегъ его намѣреній и проектовъ. Авторъ увѣряетъ, что успѣхи Меттерниха выводили изъ себя Александра I, и что тотъ, въ вѣн-

Digitized by Google

скихъ гостиныхъ, осыпалъ его самыми странными сарказмами и отзывами (mauvais propos). Увѣренный въ поддержкѣ своего государя, канцлеръ увѣряетъ, что ко всему этому относился онъ весьма равнодушно, что Александра I приводило еще въ бо́льшее раздраженіе, когда затронутъ былъ вопросъ о Польшѣ и Саксоніи и потому взрывъ отъ столкновенія самолюбій не замѣдлилъ послѣдовать: произошла сцена самаго страннаго характера и вскорѣ слухъ о ней распространился по всему городу. Талейранъ передаетъ о ней такъ.

Въ одно октябрьское утро, передъ своей поѣздкой въ Венгрію, въ разговорѣ съ Меттернихомъ Александръ I третировалъ его съ высокомѣріемъ и страстностью (violence), какія поразили бы всякаго даже по отношенію къ собственной прислугѣ (ses serviteurs). А именно, Меттернихъ замѣтилъ императору, что они, австрійцы, также могли бы поднять вопросъ о Польшѣ. Канцлеръ этими словами, конечно, желалъ намекнуть, что такъ какъ австрійцы участвовали въ раздѣлѣ Польши, то въ настоящее время могутъ потребовать также своей доли. Такое замѣчаніе императоръ Александръ назвалъ непристойнымъ, невѣжливымъ и увлекся до того, что назвалъ рѣчь Меттерниха возмутительною (ton de révolte) и сказалъ, что, исключая его, канцлера, никто не позволилъ бы себѣ говорить съ нимъ такимъ тономъ. Разсказывали, что, будто-бы, въ отвѣтъ на эти слова русскаго государя, Меттернихъ заявилъ, что будетъ просить своего государя назначить на конгрессъ другаго министра. Лица, стоявшія близко къ канцлеру, увѣряли, что никогда не видѣли его въ такомъ возбужденномъ состояніи, какъ послѣ приведеннаго разговора. Таково было пресловутое согласіе среди союзниковъ!

Но этимъ разговоромъ непріятности, происшедшія между Александромъ Павловичемъ и Меттернихомъ 24 октября 1814 г., не окончились: послѣдствіемъ ихъ былъ слѣдующій, необыкновенно странный, эпизодъ. Въ одномъ разговорѣ съ прусскимъ канцлеромъ Гарденбергомъ, Меттернихъ, не безъ ехидства, далъ понять ему, что русскій императоръ, повидимому, болѣе заботится о Польшѣ, чѣмъ о Саксоніи. Встревоженный этой инсинуаціей, Гарденбергъ поспѣшилъ сообщить ее импер. Александру, а тотъ отправился тотчасъ же къ импер. Францу I и объявилъ, что, лично оскорбленный его канцлеромъ, онъ рѣшился вызвать Меттерниха на дуэль. Австрійскій императоръ всячески старался успокоить своего раздраженнаго союзника, впрочемъ, замѣтилъ, что если онъ желаетъ настоять на своемъ намѣреніи, то Меттернихъ, конечно, не откажетъ дать ему должное удовлетвореніе и приметъ его вызовъ, хотя не мѣшало бы имъ предварительно объясниться. Это объясненіе состоялось при посредствѣ генералъ-адъютанта Ожаровскаго. Меттернихъ оправдывался отчасти глухотой прусскаго канцлера и что тотъ его не совсѣмъ понялъ. Этимъ объясненіемъ все дѣло о дуэли и покончилось. Однако-жъ, Александръ Павловичъ не могъ забыть этой выходки своего политическаго антагониста и уже болѣе не являлся на вечерахъ и балахъ Меттерниха, хотя и не запрещалъ посѣщать ихъ великимъ

Digitized by Google

князьямъ и княгинямъ. При встрѣчѣ съ Меттернихомъ въ вѣнскихъ салонахъ,—а это случалось почти ежедневно,—антагонисты показывали видъ, что не замѣчаютъ другъ друга. Ихъ сношенія съ этого времени носили чисто оффиціальный характеръ. Авторъ Записокъ приписываетъ императору Александру намѣреніе уничтожить въ глазахъ Франца I кредитъ Меттерниха, но что это ему не удалось вслѣдствіе спокойствія и твердой воли австрійскаго государя, не перестававшаго, по прежнему, довѣрять своему министру. Францъ I даже иногда, съ свойственнымъ ему простодушіемъ, изволилъ потѣшаться надъ фантазіями своего царственнаго друга.

Пріязненныя отношенія, по крайней мѣрѣ наружныя, между Александромъ I и Меттернихомъ возобновлены были не ранѣе, какъ черезъ три мѣсяца, когда сей послѣдній, 19 марта 1815 г., по приказанію своего государя, явился къ русскому государю съ извѣстіемъ о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы. Императоръ Александръ, переговоривъ поспѣшно о мѣрахъ, которыя по сему случаю необходимо было принять, присовокупилъ: «намъ нужно покончить съ нашей личной распрей. Мы христіане, наша святая вѣра предписываетъ намъ забывать обиды. Обнимемъ другъ друга и предадимъ бывшее между нами забвенію». Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ Записокъ, мелкія ссоры поглощаются великими событіями.

Сообщ. **А. А. Чумиковъ.**

Гавріилъ Степановичъ Батенковъ.

Къ матеріаламъ для его біографіи.

Гавріилъ Степановичъ Батенковъ служилъ при Сперанскомъ и остался въ Томскѣ инженеромъ, выстроилъ мостъ чрезъ Умайну, этапныя и почтовыя станціи. Съ 1825 года пробылъ въ Петропавловской крѣпости 21 годъ, въ 1846 г. прибылъ въ Томскъ, почти полупомѣшанный, на поселеніе. Прежде обратился къ чиновнику Ивану Дмитріевичу Осташеву съ просьбою помѣститься жить, но тотъ ему отказалъ, затѣмъ Батенковъ обратился къ чиновнику Ивану Петровичу Пономареву, отъ котораго также получилъ отказъ. Наконецъ, помѣстился онъ у Альбиноса (его такъ называли, какъ совершенно бѣлаго). Батенковъ былъ приглашенъ секретаремъ сибирскаго общественнаго банка, учрежденнаго на капиталъ, пожертвованный Андреемъ Яковлевичемъ Поповымъ.

Г. С. былъ приглашенъ на жительство Николаемъ Ивановичемъ Лучшевымъ, гдѣ Г. С., въ знакъ благодарности, обучалъ дѣтей, оставшихся послѣ смерти брата его, Эпината Ивановича Лучшева; вдову его (Ольга Павловна, рожденная Масляникова) и двухъ дѣтей Батенковъ перевезъ въ Бѣлевъ Калужской губ., а потомъ въ Калугу, гдѣ Ольга Павловна вышла замужъ за совѣтника казенной палаты.

Записано со словъ Александра Степановича Попова, лично знавшаго Гаврила Степановича Батенкова въ Сибири.

12 февраля 1866 года.

Сообщ. **Андр. Ив. Янъ.**

Digitized by Google

ЗАПИСКИ Н. Н. МУРЗАКЕВИЧА

1806—1883.

XVI [1]).

„Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму", сочиненіе Никол. Никиф. Мурзакевича (1837).—Оставленіе службы попечителемъ одесскаго округа Н. Ѳ. Покровскимъ.—Пріѣздъ кн. П. А. Дондукова-Корсакова.—Гр. П. А. Разумовскій.—Характеристика Н. Ѳ. Покровскаго.—Новый уставъ Ришельевскаго лицея. — Поѣздка въ Петербургъ.—Министръ народнаго просв. С. С. Уваровъ.—Гр. Н. А. Протасовъ; кн. П. А. Ширинскій-Шихматовъ; М. А. Корнуновъ.—Затрудненія въ Публичной библіотекѣ.—Назначеніе попечителемъ Одесскаго округа Д. М. Княжевича.—Новгородъ и Юрьевъ монастырь.—Поѣздка въ Тр.-Серг. лавру вмѣстѣ съ Шуховымъ и Солнцевымъ.—Путешествіе въ Кіевъ съ О. М. Бодянскимъ.—Кончина митрополита Евгенія; переписка съ нимъ.

Теперь возвращусь къ прерванному разсказу.

Въ декабрѣ князь Воронцовъ передалъ нѣсколько иностранныхъ сочиненій, упоминающихъ о генуэзскихъ колоніяхъ въ XIII и XIV вѣкахъ, процвѣтавшихъ въ Крыму, съ желаніемъ, чтобы я изъ всѣхъ ихъ составилъ статейку для журнала. Вникнувъ въ сочиненія Одерико, Серры, Саули, Форналеона, я увидѣлъ, что съ прибавкою еще нѣсколькихъ подобныхъ авторовъ можно будетъ написать нѣчто пространнѣе и дѣльнѣе. Сообщенная мысль понравилась князю, и онъ, пользуясь пребываніемъ въ Одессѣ его давняго пріятеля сардинскаго посланника,

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1887 г., томъ LIII, январь, стр. 1—46; февраль, стр. 263—298; мартъ, стр. 651—666, т. LIV, апрѣль, стр. 129—144.

Digitized by Google

графа Симонетти, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ доставилъ мнѣ еще десятокъ авторовъ. Присоединя къ нимъ и то, что у меня находилось, я засѣлъ прилежно за работу; дѣло мое подвигалось впередъ такъ, что въ апрѣлѣ наступившаго 1837 года, рукопись свою, подъ названіемъ: „Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму“, я представилъ князю, прибывшему въ Одессу на нѣсколько дней изъ Крыма. Въ концѣ этого года кончилъ свою службу Н. Ѳ. Покровскій съ пенсіею и чиномъ тайнаго совѣтника. Выходъ его изъ службы ускорили: невниманіе министерства къ его дѣйствительно мало практическимъ проэктамъ лицея, а также и пріѣздъ с.-петербургскаго попечителя, князя П. А. Дондукова-Корсакова, для осмотра одесскихъ учебныхъ заведеній, хотя настоящая причина посылки Дондукова имѣла другую цѣль.

Въ Одессѣ съ давняго времени жилъ уединенно, на загородномъ хуторѣ предмѣстья Молдаванки, одинъ изъ потомковъ графовъ Разумовскихъ, графъ Петръ Алексѣевичъ. Общество его составляли два или три иностранца, служившіе ему факторами при займѣ денегъ, которыя добрые пріятели, Гульельмуччи и Гогель, давали за страшные проценты. Деньги эти Разумовскій истрачивалъ на безтолковыя и безполезныя постройки, по временамъ, имъ самимъ разрушаемыя. Говорятъ, что издержки такія отшельникъ отъ свѣта дѣлалъ съ намѣреніемъ, чтобы ничего не осталось его родственникамъ, почему-то имъ не любимымъ. Сверхъ богатой библіотеки, Разумовскій владѣлъ картинами, статуями, антиками, богатою мебелью и прочими затѣями старыхъ русскихъ баръ. Въ іюнѣ или іюлѣ Разумовскій умеръ. Явились наслѣдники: князь В. Н. Рѣпнинъ, князь Урусовъ, а со стороны министра просвѣщенія С. С. Уварова (женатаго на сестрѣ покойнаго)—князь П. А. Дондуковъ-Корсаковъ. Въ нѣсколько недѣль все имущество, мебель и книги были съ аукціона распроданы за безцѣнокъ, а еще болѣе растащены нѣкіими изъ охранителей; картины, статуи и дорогія вещи раздѣлены между представителями наслѣдниковъ. Итакъ, вотъ истинная причина пріѣзда Дондукова. Невольно вспомнишь Пушкина стихи: „На выздоровленіе Лукулла“. Справедливъ былъ въ своей холодности Разумовскій къ родственникамъ. Надъ его могилою и теперь еще нѣтъ надгробія, даже какого-нибудь.

Digitized by Google

А вещи и земли достались наслѣдникамъ богатыя. И съ Потемкинымъ богатые наслѣдники поступили точно также.

Не бойкимъ, въ своемъ дѣлѣ, показалъ себя лицею с.-петербургскій попечитель: онъ въ восторгѣ остался отъ наглой болтовни учителя исторіи, Жукова [1]). Покровскій и всѣ мы сначала приняли было восторгъ Дондукова за мистификацію; но послѣ оказалось, что сіятельный хвалилъ отъ всего прямаго сердца. Еще ему лицей обязанъ вызовомъ въ с.-петербургскій университетъ, на каѳедру ординарнаго профессора, нашего греколатиниста Фрейтага. Когда, въ слѣдующемъ году, привелось мнѣ быть въ С.-Петербургѣ и познакомиться съ профессоромъ А. В. Никитенко, то онъ разсказалъ мнѣ, что въ совѣтѣ университета было положено дать Фрейтагу другаго помощника, чтобы студенты лучше могли понимать его филолого-грамматическія тонкости.

Значеніе Покровскаго въ учебной жизни лицея, впрочемъ, было великое. Не будь Покровскаго и его полезныхъ, практическихъ реформъ въ методѣ обученія и воспитанія, а также въ лицахъ наставниковъ, послѣдующія реформы не легко бы привились и удались. Покровскій, удаливъ неспособныхъ и безполезныхъ преподавателей и учителей, открылъ дорогу молодымъ дарованіямъ. Какова бы ни была ученая дѣятельность, впослѣдствіи, профессоровъ: Зеленецкаго, Петровскаго и учителя Протопопова, но пріобрѣтеніемъ этихъ лицъ лицей былъ обязанъ Покровскому, первому возъимѣвшему мысль — способныхъ людей посылать для усовершенствованія въ университеты. Правильный ходъ ученія, согласный съ точно-опредѣленными программами, общій порядокъ, строгія испытанія и при томъ нелицепріятныя, составляютъ не совсѣмъ обыкновенное явленіе въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Я знаю кандидатовъ с.-петербургскаго и кіевскаго университетовъ, которые трехъ строкъ не напишутъ безъ грамматическихъ ошибокъ. Покровскій всюду руководилъ разумно, а главное хладнокровно. Не похвально, впрочемъ, было его слѣпое пристрастіе къ нѣкоторымъ лицамъ,

---

[1]) Этотъ Жуковъ прежде обучалъ танцованію, а въ концѣ 1860-хъ годовъ былъ штатнымъ смотрителемъ Керченскаго уѣзднаго училища.

Кн. В. Д.

Digitized by Google

и въ особенности къ нѣмцамъ, и привязанность къ латыни, которую самъ сбивчиво зналъ. Что однимъ преподавателямъ не спускалось, то другимъ—благополучно сходило съ рукъ. Такъ, за несообразное съ его планомъ преподаваніе, Покровскій предложилъ Розбергу и очень дѣльному учителю Золотову уволиться изъ лицея, а законоучителя Порфирія (жившаго въ домѣ лицейскомъ), профес. Нордмана, Г. Бруна, весьма часто уклонявшихся отъ лекцій, оставлялъ безъ взысканія; Генрихъ Брунъ, впрочемъ, вслѣдствіе одного рѣзкаго объясненія, удалился изъ лицея. Заграничнымъ титулованнымъ докторамъ Покровскій предоставлялъ безусловно профессорскія мѣста, а отъ русскихъ требовалъ выполненія труднаго экзамена. Всѣмъ извѣстна легкость полученія докторскихъ дипломовъ въ заграничныхъ университетахъ; цѣнность ихъ простирается отъ 50 до 100 талеровъ. Не выѣзжая изъ Одессы, Филиппъ Брунъ (братъ Генриха) получилъ дипломъ доктора наукъ изъ Іенскаго университета. Покровскій также надѣлалъ довольно вреда матеріальнаго лицею: a) уничтожилъ права, дарованныя лицею въ отношеніи чиновъ отъ XIV до IX класса. Если до него права легко раздавались, то ничто не мѣшало ими послѣ дорожить и давать достойнымъ; b) отказался отъ таможеннаго сбора въ пользу лицея, взимаемаго по указамъ 1817—1819 годовъ, съ отвозной пшеницы по $2^1/_2$ коп. съ четверти, впредь до закрытія въ Одессѣ порто-франка, а удовольствовался слишкомъ умѣренною суммою, предложенною министромъ финансовъ; c) за безцѣнокъ распродалъ огромный участокъ земли, гдѣ Ришелье предполагалъ развести обширный ботаническій садъ. Здѣсь теперь дачи: Сафонова, Кошелева, Ралли, Папудова, Радоконаки и друг.; d) изъ личнаго каприза отказался отъ огромнѣйшаго зданія, именуемаго казармами Собаньскаго, гдѣ предполагалось устроить новый лицей, а князь Воронцовъ готовъ былъ дать мѣсто для сада воспитанникамъ до самой крѣпости. Къ казармамъ принадлежалъ еще домъ, который Покровскій намѣревался занять для себя, и др. Но когда графъ Виттъ взялъ этотъ домъ подъ свой штабъ, то Покровскій все дѣло постройки въ зданіи Собаньскаго бросилъ; e) довѣривъ хозяйственную часть ловкому Симоновичу, и особенно внутреннюю отдѣлку лицея, онъ способствовалъ безполезной затратѣ свыше 40,000 рублей.

Digitized by Google

Чудакъ, въ дряхлыхъ лѣтахъ, женился на бывшей директриссѣ одесскаго института, Суковой, рожденной англичанкѣ, поселился въ Крыму и тамъ въ 1837 г. умеръ.

1837 годъ начался для меня при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ апрѣлѣ кончилъ печатаньемъ „Исторію генуэзскихъ поселеній". Наконецъ, вышелъ давно желанный новый уставъ Ришельевскаго лицея, и сверхъ чаянія совершилась поѣздка въ Петербургъ. Книга моя, напечатанная на собственный счетъ, обошлась въ 700 рублей, доставила же чистой выручки 125 рублей. Часть экземпляровъ роздалъ безденежно, другую отдалъ на продажу, по коммиссіи, въ Москвѣ Ширяеву, а въ С.-Петербургѣ Ильѣ Глазунову. Первый вознаградилъ другими сочиненіями, а Глазуновъ и до сей минуты не выслалъ мнѣ ни копѣйки, хотя продаетъ экземпляры по 2 и 3 р. с. Вотъ доходъ и выгода русскихъ писателей!

На основаніи нововышедшаго устава, лицей былъ рѣзко отдѣленъ отъ сліянія съ гимназіею. На первый разъ составлены были, кромѣ общихъ предметовъ, два отдѣленія: физико-математическое и юридическое съ присовокупленіемъ особаго института восточныхъ языковъ, переформированнаго изъ училища восточныхъ языковъ, учрежденнаго въ 1828 г. княземъ Воронцовымъ. Для желающихъ быть профессорами и адъюнктами уставъ требовалъ магистерской степени. Всѣ нѣмцы, благоразумно запасшіеся легкополучаемыми докторскими дипломами, имѣли законное право тотчасъ на занятіе каѳедръ; мы же, русскіе, Зеленецкій, Левтеропуло, Архангельскій и я (какъ претендентъ), обязаны были держать установленный экзаменъ. По множеству предметовъ, почти не касающихся къ прямому дѣлу, тогдашніе экзамены на доктора и магистра были крайне обременительны, а посему мало было на нихъ желающихъ. Университеты же и лицеи нуждались въ преподавателяхъ. Чтобы помочь нуждамъ университетовъ, министерство впослѣдствіи дозволило: тѣхъ лицъ, которыя пріобрѣли себѣ опытность долговременнымъ преподаваніемъ, не подвергая установленному экзамену, допустить только на этотъ разъ къ защищенію написанной диссертаціи. Волею или неволею надлежало ѣхать въ какой либо университетъ. Скромные денежные мои запасы ушли на печатаніе книги, жалованья далеко недоставало на дорогу и

Digitized by Google

прожитье, къ займу денегъ никогда не прибѣгалъ, взять у Кирьякова гордость не позволяла. Въ такомъ раздумьѣ я находился нѣсколько дней. Но свѣтъ не безъ добрыхъ людей! Добрый нашъ директоръ, управлявшій въ это время округомъ, безъ моего вѣдома написалъ письмо къ директору канцеляріи министра, а тотъ доложилъ С. С. Уварову, и вотъ мнѣ, предполагающему занять отдѣльную каѳедру русской исторіи въ лицеѣ, разрѣшено прибыть въ С.-Петербургъ и тамъ заняться дополненіемъ начатаго мною описанія русскихъ памятниковъ. Получивъ прогоны, подорожную и командировку на ..... мѣсяца, я покатилъ въ сѣверную столицу. Въ Москвѣ нѣсколько дней посвятилъ на осмотръ собранія старопечатныхъ и старописанныхъ книгъ и древнихъ иконъ И. Н. Царскаго, и затѣмъ явился въ С.-Петербургъ. На другой день представился С. С. Уварову, который принялъ меня весьма благосклонно, разспросилъ о моихъ трудахъ, и по случаю отъѣзда его въ Варшаву, поручилъ мнѣ во всемъ нужномъ обращаться къ управляющему министерствомъ, графу Н. А. Протасову. Съ своей стороны я, по порученію директора, объяснилъ нужды лицея, заключающіяся въ немедленной поправкѣ зданія, по случаю скораго пріѣзда въ Одессу Государя Императора, на что были тотчасъ сдѣланы нужныя распоряженія. На другой день я испыталъ и перечувствовалъ многое, когда пришелъ въ департаментъ министерства. Начиная отъ служителя, экзекутора, столоначальниковъ, я ни отъ кого не удостоился получить отвѣта на вопросъ: когда могу видѣть директора департамента и управляющаго министерствомъ? Важный чиновникъ (Берте), къ которому я рѣшился обратиться, не сказавъ ни слова, только рукою величественно указалъ мнѣ на залу, куда я пошелъ. Лысый, плотный старикъ, случайно вышедшій изъ двери дальняго кабинета, въ который стоящій служитель никого не пропускалъ, спросилъ что мнѣ угодно? Я отвѣчалъ: такой-то и оттуда-то! „Такъ это о васъ мнѣ вчера приказывалъ Сергій Семеновичъ.“—Затѣмъ пустился въ разспросы разные и кончилъ тѣмъ, чтобы я завтра, въ 11 часовъ, пришелъ представиться графу Протасову. Этотъ благодушный старикъ былъ князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шахматовъ. На завтра та же встрѣча департаментскихъ чиновъ, смягчившихся только, когда меня весьма любезно принялъ управ-

Digitized by Google

ляющій министерствомъ. Здѣсь подошли ко мнѣ многіе, а затѣмъ прибѣжалъ откуда-то старый, добрый мой, нѣкоторое время сожитель по № 14 въ университетѣ, пріятель Мих. Андр. Коркуновъ. Съ скорбію я разсказалъ ему мой пріемъ, и онъ душевно сѣтовалъ о своихъ сослуживцахъ. Пользуясь неограниченнымъ срокомъ откомандировки, я пустился по библіотекамъ.

Въ публичной библіотекѣ отъ суббиблiотекарей я ничего не могъ добиться. Хаосъ былъ образцовый. Рѣдко являлись на должность библіотекари именитые и не было полныхъ каталоговъ. Мнѣ нужна была: „Martini Broniovii, tartaria;“ ее въ теченіи 3-хъ дней не могъ найти самъ А. Х. Востоковъ. Въ библіотекѣ же генеральнаго штаба эту книгу отыскали въ 5 минутъ. Въ Румянцевскомъ музеѣ, также какъ и въ публичной, отвѣчали, что теперь не время для занятій, теперь вакаціи. Я отвѣчалъ, что для прибывшаго за 2,000 верстъ нѣтъ вакацій, и когда для него сдѣлано министерское особое распоряженіе. На требованіе нѣкоторыхъ рукописей, получилъ отвѣтъ, что онѣ далеко закладены, да въ нихъ нѣтъ ничего. Мой отвѣтъ былъ: видѣніе паче слуха! И этотъ пререкатель былъ добрый чудакъ А. В. Терещенко. На просьбу у директора публичной библіотеки, А. Н. Оленина, дозволить моему рисовщику скопировать нѣсколько рисунковъ изъ извѣстнаго „Ермолаевскаго сборника“, получилъ чистый отказъ, бездоказательный. Вотъ-те и столица просвѣщенія! За то удивили меня сговорчивостью въ библіотекѣ академіи наукъ — Брандтъ, давшій мнѣ на квартиру столько книгъ, сколько мнѣ понадобилось, и въ Артиллерійскомъ арсеналѣ, въ историческомъ отдѣленіи—полковникъ А. А. Эрдманнъ, съ любезностію мнѣ показавшій все до мелочи. И я съ своей стороны сдѣлалъ ему пріятное, списавъ въ его списокъ древнихъ оружій неудобочитаемыя надписи на старинныхъ пушкахъ и знаменахъ. Въ музеѣ академіи наукъ меня удивило то, что въ числѣ восточныхъ сосудовъ съ надписями и безъ оныхъ находился серебряный ковшъ съ русскою надписью (вязью) о принадлежности его удѣльному князю. Въ эрмитажное нумизматическое отдѣленіе не добрался, по случаю болѣзни хранителя — Кёлера. Три мѣсяца по утрамъ я добросовѣстно трудился, а вечера дѣлилъ то съ братьями Ильею и Константиномъ, то съ нашими лицеистами: Костандою, Живковичемъ

Digitized by Google

Протопоповымъ, то съ Я. А. Познякомъ, Коркуновымъ и изрѣдка Ареѳьевымъ. Въ это время назначенъ былъ попечителемъ лицея д. с. с. Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ, до сего 35 лѣтъ служившій въ департаментѣ государственнаго казначейства. Явясь къ нему на дачу, въ Лѣсномъ Институтѣ, я былъ любезно принятъ, а затѣмъ онъ сдѣлалъ меня неотлучнымъ спутникомъ по всѣмъ с.-петербургскимъ учебнымъ заведеніямъ, имъ для образца осматриваемымъ. Лучшій методъ ученія, въ то время, намъ показался въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, руководимымъ по учебной части калѣкою (пропускъ). Княжевичъ получилъ образованіе въ Казанской гимназіи и не далѣе, но обладалъ силою ума и практичности.

Въ первыхъ числахъ сентября я выѣхалъ изъ Петербурга съ полнымъ портфелемъ. Добрый князь Ширинскій-Шахматовъ снабдилъ меня неожиданнымъ пособіемъ въ 300 р. Деньги употребилъ я на обзоръ Новгорода съ его монастырями. Въ Юрьевѣ монастырѣ видѣлъ, нѣкогда игравшаго важную роль, во времена аракчеевскія, архимандрита Фотія, слывшаго смиреннымъ постникомъ, но жившаго въ богатоубранныхъ кельяхъ; видѣлъ смиренную графиню Ан. Ал. Орлову. Съ грустію я обходилъ отдаленныя церкви новгородскія, уже носящія въ себѣ переходъ отъ византійской архитектуры къ западно-католической. Еще жальче мнѣ стало св. Софіи, безобразно застроенной дрянными архіерейскими палатами, въ казарменномъ вкусѣ. При лунномъ освѣщеніи дальнія новгородскія пустынныя церкви являлись какъ-бы привидѣніями, поднявшимися изъ своихъ могилъ. Въ монастырѣ Антонія Римлянина, ни отъ ректора, ни отъ инспектора тамошней семинаріи не добился видѣть библіотеку. На опытѣ узналъ правдивость словъ М. Т. Каченовскаго. Въ Твери, въ Отрочѣ монастырѣ открылъ, случайно, заброшенный портретъ несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, да въ одной церкви маленькія, такъ называемыя, „царскія двери“, времени Іоанна IV Грознаго.

Изъ Москвы, въ сопутствіи Ѳ. Г. Солнцева и Е. Шухова, отправился въ Троице-Сергіеву лавру. Этотъ разъ осмотръ мой былъ безпрепятственнѣе. Такимъ образомъ открылъ я въ ризницѣ: чашу В. К. Василія Темнаго, кафтанъ татарскій царя Іоанна IV, въ кельяхъ—портретъ знаменитаго защитника лавры отъ поляковъ, архимандрита Діонисія. Надъ лаврскою трапез-

Digitized by Google

ною палатою есть чердакъ, и въ немъ я нашелъ множество древнеписныхъ церковныхъ книгъ на пергаментѣ. Давъ совѣтъ сопровождавшему меня монаху хорошенько переплести почтенные останки старины, я тѣмъ пріобрѣлъ себѣ услужливѣйшаго пріятеля; онъ съ такимъ добродушіемъ предлагалъ свое гостепріимство и хлѣбъ-соль, что я и Шуховъ при отъѣздѣ подарили ему прекрасно сдѣланный видъ лавры. Солнцевъ здѣсь остался на нѣсколько недѣль, онъ заготовлялъ прекрасные рисунки для вышедшаго въ 18... г. въ свѣтъ роскошнѣйшаго изданія: „Древности государства россійскаго“; мы же вдвоемъ поѣхали мимо Виѳаніи въ знаменитую Александрову слободу. Да, царь Иванъ Васильевичъ Грозный не веселое избралъ себѣ мѣстечко! Александровъ не казистъ и теперь, что же былъ во времена восточно-пьянаго терроризма? Монастырь, въ настоящее время женскій, занялъ меня на цѣлую недѣлю. Не смотря на осенніе заморозки, съ утра и до сумерекъ сидѣлъ я въ холодномъ корридорѣ и списывалъ надписи. Это были мѣдныя позолоченныя двери, которыя въ 1336 г. новгородскій архіепископъ св. Василій сдѣлалъ для Софійскаго собора; но Грозный, въ періодъ погрома, постигшаго новгородцевъ, увезъ оттуда и поставилъ въ любимомъ своемъ монастырѣ. Памятникъ, до меня никѣмъ неописанный. Знали нѣкоторые, и то по слухамъ [1]). Въ кельѣ игумены я нашелъ портретъ царевны-монахини, Маѳы Алексѣевны, насильно постриженной Петромъ I. Въ Переяславлѣ Залѣсскомъ видѣлъ знаменитый древностью Спасскій соборъ. Указалъ на возможность, по снятіи нѣсколькихъ слоевъ побѣлки, открыть древнія фрески, которыя гораздо послѣ меня, дѣйствительно, нашли. Такое-же предположеніе насчетъ открытія фрескъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ сообщилъ и Ѳ. Г. Солнцеву. Хотѣлъ было отправиться во Владиміръ, но легонькая шинель давала мнѣ чувствовать приближеніе морозовъ. Итакъ, побывъ нѣсколько дней въ Москвѣ, подъ гостепріимнымъ кровомъ А. Д. Черткова, я собрался въ Одессу. Графъ С. Г. Строгановъ, узнавъ о скоромъ моемъ выѣздѣ, предложилъ мнѣ взять спутникомъ до Кіева,

---

[1]) Описаніе см. въ „Журналѣ Мин. Народн. Просв.“ на 1837 г., т. XVI, № 12, подъ заглавіемъ: „Васильевскія двери въ городѣ Александровѣ“.

Н. М.

Digitized by Google

ѣхавшаго за границу для усовершенствованія въ славянскихъ нарѣчіяхъ, магистра І. М. Бодянскаго. О многомъ съ нимъ было переговорено и воспомянуто. Грустно мнѣ было, когда я, пріѣхавъ въ Кіевъ, не засталъ въ живыхъ моего учителя и благожелателя, незабвеннаго митрополита Евгенія. Многолѣтній старецъ успокоился отъ трудовъ еще въ февралѣ, 23-го числа. По обычаю онъ занимался епархіальными дѣлами цѣлое утро, и отпуская докладчика, сказалъ: „довольно, пора отдохнуть!“ уснулъ сномъ праведника. „Sit tibi terra levis!“—Митрополитъ Евгеній весьма желалъ, чтобы я перешелъ въ новооткрытый университетъ св. Владиміра, для совмѣстныхъ занятій кіевскими древностями; добрымъ вниманіемъ онъ ободрялъ первые мои труды и иногда дѣлалъ на нихъ свои замѣчанія. Вотъ выписки изъ нѣкоторыхъ его писемъ, которыми меня одолжалъ „старецъ добрый“: a) отъ 6-го апрѣля 183... г. „Наша комиссія объ отысканіи древностей спитъ безпробуднымъ сномъ, да и не умѣетъ приняться, а о заведеніи Историческаго общества и слуху нѣтъ. Ваше одесское предваритъ его“. О мысли моей учредить въ Одессѣ общество исторіи и древностей я предварительно писалъ митрополиту 22 марта; b) отъ 14 сентября. „Мы съ Максимовичемъ [1]) весьма желаемъ перемѣстить васъ въ Кіевъ. Здѣсь вы сдѣлались-бы и редакторомъ журнала и основателемъ русскаго историческаго общества, о чемъ здѣшніе ученые и не думаютъ, да и не умѣютъ приняться. Комитетъ древностей описалъ, что прежде его открыто, а самъ ничего не открылъ“; c) 21 декабря: „Совѣтовалъ-бы я вамъ послать просьбу министру просвѣщенія объ опредѣленіи васъ въ кіевскій университетъ. Труды и способности ваши ему уже извѣстны, а университетъ былъ-бы счастливъ вами“. Въ отвѣтѣ моемъ я сообщилъ митрополиту, что я писалъ, еще 29 мая, попечителю Брадке о желаніи моемъ занять мѣсто преподавателя русской исторіи въ университетѣ. Совѣтъ университета отвѣтилъ, что это мѣсто замѣщено по распоряженію министра студентомъ педагогическаго института; d) Предсмертное, отъ 16 февраля 1837 г.: „При

---

[1]) Мих. Александр. Максимовичъ—проф. русской словесн. и ректоръ кіевскаго университета, авторъ сборн. южнорусск. пѣсенъ, исторіи русской словесн., книги Наума и др. Кн. В. Д.

Digitized by Google

нашемъ университетѣ думаютъ отдѣлить минцъ-кабинетъ и составить музей кіевскихъ древностей. Надняхъ, видѣвшись съ попечителемъ, я ему совѣтовалъ васъ опредѣлить хранителемъ и надзирателемъ сей части. Конечно, жалованье небольшое, но въ Кіевѣ много пансіоновъ и дорого платятъ учителямъ"; е) отъ 6 апрѣля 1836 г.: „Письмо ваше, съ приложеніемъ краткой исторіи Херсона, я получилъ и прочелъ съ удовольствіемъ. Но вы слишкомъ много приписываете мнѣ чести, назвавъ меня первымъ изслѣдователемъ русскихъ древностей. Я учился онымъ уже у другихъ. Несправедливо также, что будто взятыя Владиміромъ въ Херсонѣ иконы донынѣ сохраняются въ Кіевѣ. Нѣтъ ни одной, даже и Корсунскою именуемой; да и въ другихъ городахъ Корсунскими именуемыя—не Корсунскія, а по Корсунской школѣ въ Россіи писанныя. Въ Софійскомъ соборѣ нѣтъ также никакихъ штучныхъ Корсунскихъ половъ и налѣпковъ, а мозаика греками въ немъ дѣлана на мѣстѣ. Не вѣрю я Михалону Литвину, что будто Болеславъ увезъ изъ Кіева Корсунскія ворота. Поляки выдумали „Щербецъ", коимъ Болеславъ будто ударилъ въ „Золотыя ворота", коихъ при немъ еще и не было. Впрочемъ, вы довольно собрали свѣдѣній о Херсонѣ, а греческая надпись немаловажная къ ней прибавка, но мало намъ оставили древніе свѣдѣній о семъ славномъ городѣ". Для критической исторіи русскихъ древнихъ памятниковъ, надобно желать, чтобы Евгеніева переписка съ П. И. Кеппеномъ, И. М. Снѣгиревымъ и др. была собрана и напечатана.

Digitized by Google

XVII.

Чума въ Одессѣ (1837 г.).—Градоначальникъ А. И. Левшинъ.—Мѣры противъ заразы, принятыя гр. Воронцовымъ.—Введеніе попечителемъ Княжевичемъ новаго лицейскаго устава; вновь сформированный личный составъ лицея.—Прекращеніе чумы въ Одессѣ (1838 г.).—Новыя ученыя работы Николая Никифоровича.—Пріѣздъ въ Одессу архіепископа Херсонскаго и Таврическаго Гавріила (Розанова).—Дѣятельность попечителя Княжевича по округу.—Новая поѣздка Никол. Никиф. Мурзакевича въ Петербургъ; знакомство съ Н. И. Надеждинымъ.—Пріѣздъ въ Москву и защищеніе магистерской дисертаціи (1838 г.).

Поспѣшая въ Одессу, на Лысогорской станціи, почтовый смотритель сказалъ мнѣ по секрету, что ночью проѣзжавшая генеральша Захаржевская (Елена Алексѣевна, дочь Потемкинскаго фаворита, графа Самойлова) сообщила, что въ Одессѣ открылась чума. Зная умъ и благоразуміе этой дамы, я не могъ предположить, чтобы она могла разсѣвать такіе нелѣпые слухи. Но приближаясь къ Одессѣ, я постоянно выслушивалъ уклончивые отвѣты станціонныхъ смотрителей, говорившихъ, что въ Одессѣ что-то не хорошо. Подъѣзжая къ сухопутной таможнѣ, я увидѣлъ оцѣпленные солдатами таможенные барьеры и убѣдился въ справедливости слуха, разсѣяннаго по дорогѣ. Ямщикъ со станціи у заставы готовъ былъ передать мои вещи городскому. На заставѣ предупредили меня, что я могу еще вернуться туда, куда мнѣ угодно; но, проѣздивши около пяти тысячъ верстъ въ неприхотливой перекладной, мнѣ хотѣлось отдохнуть. Пересѣвъ въ другую повозку, я двинулся къ лицею. Въ 1830 году въѣхалъ я въ Одессу, только что кончившую карантинную обсерваціо, а въ 1837 г. вступилъ уже въ полную строгость карантинныхъ правилъ. Движенія народнаго по улицамъ было весьма немного, ѣдущихъ почти никого. Пустота всеобщая и какое-то безпокойство, видимое на всѣхъ лицахъ, приводили въ невольное смущеніе, и все отъ того, что свобода произвольныхъ сношеній людскихъ стѣснялась, а можетъ быть и прекращалась на неопредѣленное время... Вотъ какое чувство производитъ чума на крѣпконервныхъ, но крайне дурное на малодушныхъ, трепещущихъ ежеминутно за свою жизнь. Чума

Digitized by Google

въ Одессу, въ городъ, была пропущена изъ карантина, вслѣдствіе внутреннихъ безпорядковъ, тамъ водворившихся, и контрабанды, оттуда легко пропускаемой чиновниками, а болѣе солдатами карантинной-же стражи. Изъ турецкихъ владѣній была привезена женщина, съ признаками чумы. Нѣкоторые карантинные медики признали было ее чумною; но повелительный голосъ въ это время могущественнаго градоначальника Левшина:—„вы только и думаете какъ-бы стѣснять торговлю“,—побудилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отступиться отъ своего мнѣнія. Тѣло умершей, какъ бы отъ горячки, погребено было въ карантинѣ, но вещи, попавшія въ руки „гвардіановъ“ (смотрителей надъ оцѣпленными и чумными), черезъ городъ перешли въ солдатскую карантинную слободку. Внезапная смерть нѣкоторыхъ лицъ заставила градоначальника внимательно взглянуть на дѣло. Совѣтъ медиковъ смертные случаи призналъ несомнѣнною чумою, а Левшинъ такъ растерялся, что 1) прежде, чѣмъ оцѣпить городъ, выслалъ изъ него нѣсколько сотенъ чумацкихъ подводъ, привозившихъ въ Одессу пшеницу изъ разныхъ губерній; 2) послалъ въ Ялту пароходъ, въ практическомъ, а не карантинномъ положеніи, съ извѣстіемъ къ князю Воронцову объ открывшейся чумѣ; 3) всенародно велѣлъ карантиннымъ порядкомъ очищать Покровскую церковь, гдѣ отпѣвалась одна чумная, что раздражило чернь, и 4) безъ карантинной окурки послалъ пакетъ съ донесеніемъ государю о чумной заразѣ. Быстрый пріѣздъ князя въ Одессу, впрочемъ, успокоилъ всѣхъ. Въ прежнюю чуму 1828—29 годовъ, князь Воронцовъ, своими благоразумными и своевременными мѣрами, такъ умѣлъ привлечь къ себѣ всеобщее довѣріе, что, отъ одного его слова, толпы черни, возбуждаемыя невѣрующими въ чуму, немедленно и притомъ мирно расходились. Одного изъ невѣрующихъ въ чуму, недобросовѣстнаго поджигателя черни, князь, для удостовѣренія, приказалъ отправить въ чумный кварталъ, гдѣ показали ему умирающихъ. Разумѣется, невѣрный Ѳома превратился въ вѣрующаго, и уже болѣе не подстрекалъ черни противъ предохранительныхъ карантинныхъ мѣръ.

Войдя въ лицей и на свою казенную квартирку, гдѣ нѣкоторое время я давалъ пристанище проф. Розбергу и Нордману, я услышалъ, что новый попечитель, Княжевичъ, живетъ въ самомъ

Digitized by Google

лицеѣ. Разумѣется, встрѣча моя была пріятная. Въ числѣ прочаго, я передалъ Дмитрію Максимовичу предложеніе, сдѣланное мнѣ графомъ Строгоновымъ, на что попечитель наговорилъ мнѣ множество комплиментовъ и далъ слово, что мою поѣздку заграницу и онъ можетъ устроить. Такимъ образомъ я написалъ въ Москву, что остаюсь въ Одессѣ. Обѣщанное, однако, никогда не исполнилось. Княжевичъ прибылъ въ Одессу за нѣсколько дней до объявленія чумы. Свободное по городу сообщеніе разрѣшалось жителямъ, съ совѣтомъ избѣгать посѣщенія чужихъ домовъ и по возможности избѣгать соприкосновенія. Мы, живущіе въ зданіи лицея, рѣдко выходили на улицу: это внутренне не долюбливали ни попечитель, ни директоръ, какъ семейные люди. Не смотря, однако-же, на всѣ эти мѣры предосторожности, однажды начальство сильно было перепугано, когда экзекуторъ сказалъ, что у учителя Хрисохооса головокруженіе и тошнота. Все это произошло отъ того, что грекъ объѣлся халвы и угорѣлъ въ своей квартиркѣ.

Внутренняя учебная жизнь текла своимъ порядкомъ; воспитанники лицея, живущіе въ зданіи онаго, ежедневно, по заведенному порядку, занимались уроками. Недостатокъ учителей, жившихъ въ городѣ и посему недопускаемыхъ внутрь зданія, всѣ мы, живущіе въ лицеѣ, согласились восполнить собою. Невольно и нечаянно возникъ въ стѣнахъ лицея тотъ стройный порядокъ, который былъ при его основателѣ, аббатѣ Николѣ. Октября ..... мы испытали паническій страхъ отъ довольно сильно чувствуемаго землетрясенія. Всѣ мѣры, нужныя къ преобразованію лицея, по новому уставу, попечителемъ были приняты и министромъ утверждены. Вотъ тогдашній наличный составъ лицея: преподаватель догматическаго богословія іеромонахъ Порфирій [1]). Объявленныя имъ руководства по сему предмету: Бреннера и Бретшнейдера, а по церковной исторіи—Грейлинга, Гесса и Неандера, надѣлали было хлопотъ и ему, и совѣту лицея; но благодаря сговорчивости мѣстнаго архіепископа Гавріила, дѣло обошлось безъ дурныхъ послѣдствій

---

[1]) Порфирій Успенскій, впослѣдствіи первый ректоръ херсонской духовной семинаріи въ Одессѣ, епископъ Чигиринскій, извѣстный изслѣдователь византійскихъ древностей. Кн. В. Д.

Digitized by Google

для Порфирія, тогда какъ подобное дѣло въ 1823 году, за богослова Шуберта, въ московскомъ университетѣ кончилось удаленіемъ профессора священника Григ. Левитскаго. Психологію и нравственную философію преподавалъ, по старымъ братнимъ запискамъ, Дудровичъ, въ этотъ годъ кончавшій свой служебный 25-ти лѣтній срокъ. Древнюю исторію преподавалъ профес. Ф. Брунъ, словесность и исторію русской литературы—Зеленецкій, магистръ московскаго университета; зоологію проф. Нордманъ; аналитическую геометрію проф. Григ. Брунъ, вновь поступившій на службу; минералогію — Гассгагенъ, опытный химикъ и отличный препараторъ; физику и метеорологію — Левтеропуло; энциклопедію правъ и законы Россійской имперіи — проф. Архангельскій, подобно Дудровичу, дослуживавшій свой срокъ; римскую словесность адъюнктъ Беккеръ; коммерцію Симоновичъ, сколько дрянной для заведенія инспекторъ и хозяинъ, столько хорошій профессоръ; русскую исторію и статистику—я; итальянскую литературу — проф. Пиллеръ; французскую литературу—лекторъ Фавръ; нѣмецкую литературу—лекторъ Эртель; новогреческій языкъ—учитель Палеологъ; искусства: рисованіе—учитель Рыбниковъ, музыку—директоръ одесскаго оркестра Буфье, танцованье Бушъ. Директоромъ состоялъ прежній—Николай Ивановичъ Синицынъ; объ инспекторѣ шла переписка; приглашался извѣстный литераторъ Михаилъ Даниловичъ Деларю. Бѣдный! онъ потерпѣлъ за переводъ стихотворенія Виктора Гюго, помѣщеннаго въ „Библіотекѣ для чтенія“: по жалобѣ с.-петербургскаго митрополита Серафима, императоръ велѣлъ выключить Деларю изъ канцеляріи военнаго министра, гдѣ поэтъ былъ въ числѣ секретарей.

Открытіе лицея по новому уставу семейнымъ образомъ мы отпраздновали . . . . . 1838 г., когда кончился сорокодневный срокъ карантиннаго оцѣпленія, считая оный отъ послѣдняго чумнаго случая. Надобно было видѣть и чувствовать ту общую радость, которая выражалась на лицахъ богатаго и бѣднаго жителя [1]). Хотя обѣдни, по благоразумному распоряженію архіепископа, не прекращались, однако, изъ опасенія заразиться, входили въ церковь только тѣ, кому это было необходимо, какъ-то:

[1]) Первый звонъ къ обѣднѣ слушали всѣ съ набожною торжественностью. Н. М.

Digitized by Google

для крещенія, погребенія. Была даже обвѣнчана одна свадьба двухъ влюбленныхъ особъ, князя Алекс. Кантакузена и дѣвицы М. Рено. Медовый мѣсяцъ, однако, не выдержавъ своего срока, обратился въ разъѣздъ, а затѣмъ и въ разводъ: promessi sposi, только въ своемъ родѣ. Во время карантиннаго срока, на досугѣ, отъ уроковъ, изготовилъ я двѣ статейки: 1) „Нынѣшнее состояніе просвѣщенія у болгаръ“ и 2) „О пушечномъ литейномъ искусствѣ въ Россіи“, помѣщенныя въ журналѣ „Министерства Народнаго Просвѣщенія“, кн. XIX, стр. 114 и 529.

Болгары съ 1833 года стали обращать на себя мое вниманіе. Имѣя въ 3 классѣ гимназіи трехъ братьевъ Мушевыхъ, я случайно спросилъ, какой они націи?—отвѣчали: болгаре. Привыкнувъ съ университета считать болгаръ потомками болгаръ волжскихъ, слѣд. мусульманами, обратился я къ лучшему изъ нихъ, Дмитрію: „какимъ языкомъ пишутъ у васъ и читаютъ?“—„Почти такимъ, какъ и русскіе!“ На другой урокъ они принесли мнѣ печатанныя, церковно-славянскія, книжечки и тѣмъ разрушили мое понятіе о ихъ татаро-турецкомъ происхожденіи и, напротивъ, убѣдили въ славянскомъ единоплеменствѣ. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней, въ которые я иногда обѣдалъ у почтеннаго генерала И. Н. Инзова, я встрѣтился съ прибывшимъ въ прошломъ году изъ Екатеринослава архіепископомъ херсонскимъ и таврическимъ, Гавріиломъ Розановымъ. Иванъ Никитичъ насъ познакомилъ, и наше знакомство, постепенно переходя во взаимную пріязнь, обратилось потомъ въ дружбу, по самый конецъ его существенно полезной жизни. Вотъ подробности учрежденія въ Одессѣ архіерейской каѳедры.

Бывшій въ это время оберъ-прокуроромъ синода С. Д. Нечаевъ прибылъ въ Крымъ съ больною женою, урожденной Мальцевой. На поклоненіе страшному оберъ-прокурору со всѣхъ сторонъ стекались духовныя лица, „чающія движенія воды“—архіерейства. Между прочими явился и нашъ законоучитель, іером. Порфирій, ловкій въ обращеніи съ дамами, которыхъ онъ въ Одессѣ сдѣлался единственнымъ духовникомъ. Порфирій умно и дѣльно сталъ доказывать надменному оберъ-прокурору о полезности учрежденія викаріата въ Одессѣ, такъ какъ архіепископъ екатеринославскій, херсонскій и таврическій съ трудомъ могъ слѣдить за улучшеніемъ своей обширнѣйшей епархіи. Понятно,

Digitized by Google

что умный и честолюбивый докладчикъ мѣтилъ на себя, въ чемъ сочувствовалъ ему и Нечаевъ. Проэктъ викаріата одесскаго пошелъ въ синодъ на разсужденіе, и имѣлъ тотъ результатъ, что рѣшили: въ Одессу послать „опытнаго пастыря", а въ Екатеринославѣ учредить особаго епископа, подчинивъ ему только одну губернію; Херсонскую и Таврическую сосредоточить въ управленіи архіепископа, долженствующаго жить въ Одессѣ. Не очень радушно былъ встрѣченъ въ Одессѣ архіепископъ. Градоначальникъ Левшинъ не сдѣлалъ обыкновенной учтивости— освѣдомиться о первомъ помѣщеніи почетнаго гостя. Полупьяненькое же соборное духовенство не нашло лучшаго помѣщенія для своего архіепископа, какъ нанявъ квартиру въ домѣ Каліо, гдѣ въ нижнемъ этажѣ помѣщалась чарочная и ведерная продажа водки. Квартира, кромѣ шума внизу, оказалась холодною и почти безъ мебели. Здѣсь полубольной, озабоченный дѣлами устроенія новой епархіи, бѣдный старикъ Гавріилъ долженъ былъ терпѣть и холодъ, и нужду, во время карантиннаго оцѣпленія. Жить въ монастырѣ (за 12 верстъ отъ города) онъ считалъ для своихъ подчиненныхъ разорительнымъ. Гавріилъ не владѣлъ краснорѣчивымъ даромъ слова, и потому не кидался въ глаза, но имѣлъ основательное образованіе, владѣлъ свободно греческимъ и латинскимъ языками, имѣлъ большую начитанность и обладалъ практическою полезною дѣятельностью.

Княжевичъ, съ жаромъ, ему свойственнымъ, принялся за преобразованіе не только лицея, но и всего учебнаго округа, который, постепенно составляясь, съ 183... года окончательно обозначился тремя новороссійскими губерніями, т. е. Херсонскою, Екатеринославскою и Таврическою, съ присоединеніемъ еще и Бессарабской области. Нѣкоторыя мои мнѣнія, основанныя на семилѣтней учительской опытности, ему понравились, а еще болѣе моя дѣятельность; сойдясь непримѣтно съ его кипучимъ нравомъ и неугомонною дѣятельностью, я сдѣлался при немъ почти необходимымъ, такъ что объѣзды по округу онъ дѣлалъ со мною. Первый пріѣздъ нашъ былъ въ Таврическую губернію. Изъ Крыма Княжевичъ поѣхалъ въ С.-Петербургъ, куда пригласилъ и меня съ собою, но я уже послѣ него туда отправился, для окончанія магистерскаго экзамена. Въ Петербургѣ весьма внимательно и любезно приняли меня министръ Уваровъ

Digitized by Google

и князь Ширинскій-Шихматовъ, видѣвшіе мои труды. Разумѣется, „Исторія генуэзскихъ поселеній“ мнѣ служила новою рекомендаціею. Министръ указалъ мнѣ на московскій университетъ. До выѣзда своего, около двухъ недѣль я провелъ въ гостепріимномъ семействѣ Д. М. Княжевича. Онъ же познакомилъ меня съ Н. И. Надеждинымъ [1]), только что, по ходатайству Дмитрія Максимовича и генерала Я. И. Ростовцева, выпущеннымъ изъ Усть-Сысольскаго заточенія. Разумѣется, сладкія рѣчи Надеждина, чуть что не политическаго преступника, расчувствовали всѣхъ, въ томъ числѣ и меня. Дѣло было такъ, по словамъ заточенника. Въ издаваемомъ имъ въ свободное время отъ профессорской должности въ московскомъ университетѣ „Телескопѣ“ онъ помѣстилъ, по просьбѣ одного изъ своихъ знакомыхъ, извѣстную статью отставнаго гвардейскаго ротмистра Чаадаева: „Философическія письма“ (Телескопъ, 1836, № 4).

Бывшія въ тотъ моментъ разныя критическія обстоятельства (о которыхъ онъ не упоминалъ не только своимъ хорошимъ знакомымъ, но и Д. М. Княжевичу, пріютившему его въ Одессѣ, въ своемъ семействѣ) заставили его, безъ внимательнаго просмотра, напечатать статью въ издаваемомъ имъ сказанномъ журналѣ; только по выходѣ книжки въ свѣтъ, Надеждинъ увидѣлъ, что сдѣлалъ большой промахъ, вооружившій противъ него чуть ли не всю Москву. Дѣло пошло по жандармеріи; его императоръ сослалъ въ Усть-Сысольскъ; цензора, ректора университета Болдырева, уволили отъ должности и службы; Чаадаева признали умопомѣшаннымъ. Дѣйствительно было почти такъ, да не все. Не говоря о духѣ статьи Чаадаева, считавшаго себя почему-то обиженнымъ по службѣ, (сказываютъ за то, что не дали флигель-адъютантства, обѣщаннаго Александромъ I, но не даннаго за то, что онъ, бывъ въ 1820 г. въ ноябрѣ посланъ курьеромъ къ императору въ Троппау, съ серьезнымъ донесеніемъ о возмущеніи Семеновскаго полка, опоздалъ съ извѣстіемъ, а его предупредилъ австрійскій курьеръ къ Меттерниху, отъ

---

[1]) Н. И. Надеждинъ, сынъ священника изъ села Бѣлаго-Омута, обучался въ рязанской семинаріи, потомъ въ московской духовной академіи, откуда вышелъ магистромъ, и при посредствѣ М. Т. Каченовскаго былъ принятъ профессоромъ московскаго университета. Н. М.

Digitized by Google

котораго, будто-бы, и узналъ императоръ), въ ней заключались мысли противныя правительству и господствующей религіи, якобы стѣсняющихъ всякій умственный прогрессъ. Надеждинъ былъ, дѣйствительно, виноватъ тѣмъ: a) что хорошо зналъ и понималъ духъ статьи; b) посылая листки журнала къ цензору, написалъ, чтобы онъ не опасался: что „ихъ поддержутъ", вѣроятно, благопріятели, и c) что не спроста или по невниманію пропустилъ ее, но по разсчету. А именно вотъ какому.

Надеждинъ (не знаю точно—въ это время, или немного раньше) жилъ домашнимъ учителемъ въ домѣ богатаго московскаго помѣщика Сухово-Кобылина и давалъ уроки его несовершеннолѣтней дочери. Съ разсчетомъ или безъ разсчета, страстишки учителя разыгрывались, и кончились было тѣмъ, что дѣвушка, въ одинъ вечеръ, должна была захватить съ собой материнскій ларецъ, тихонько выдти и обвѣнчаться. Все дѣло увоза обѣщалъ устроить Чаадаевъ. Неизвѣстно, почему планъ разстроился и какъ въ семьѣ обнаружился; но Надеждинъ, именно за эту услугу, пропустилъ статью въ печать, и даже присоединилъ свое хвалебное примѣчаніе, что ей будетъ продолженіе, котораго за прекращеніемъ редакціи и журнала, разумѣется, не явилось. Вотъ какъ мнѣ все это дѣло изложилъ Ѳ. Л. Морошкинъ, жившій послѣ Надеждина въ домѣ Сухово-Кобылиныхъ. Это же подтвердилъ и А. Д. Чертковъ.

По пріѣздѣ въ Москву, первымъ дѣломъ моимъ было побывать у Черткова, Каченовскаго и графа Строгонова. Затѣмъ подалъ прошеніе въ совѣтъ университета о допущеніи меня къ диспуту на степень магистра, вслѣдствіе временнаго распоряженія министерства. Совѣтъ разсмотрѣлъ представленную ему „Исторію Генуэзскихъ поселеній въ Крыму", разрѣшилъ допустить меня къ диспуту 1-го сентября. Оппонентами были: ректоръ Каченовскій, деканъ И. И. Давыдовъ, изъ сторонніхъ Г. И. Спасскій (извѣстный авторъ „Азіятскаго Вѣстника"), знатокъ Крыма, въ которомъ онъ служилъ нѣсколько лѣтъ, да еще отставной генералъ-маіоръ Мих. Ѳед. Орловъ, братъ графа Алексѣя Ѳедоровича, авторъ соч. „О государственномъ кредитѣ" и извѣстный по дѣлу 14 декабря 1825 г. Намѣревался придти и Ю. И. Венелинъ, почтенный воскреситель болгарской исторіи, но по болѣзни не явился. Бѣдный труженикъ въ это время

Digitized by Google

озлобленъ былъ почти на весь ученый московскій міръ, за мнимыя или истинныя преграды, ему, будто-бы, поставляемыя. Диспутъ мой кончился тѣмъ, что меня признали магистромъ; но почему именно „философіи“, какъ о томъ напечаталъ совѣтъ въ дипломѣ, не понимаю. Развѣ историческія свѣдѣнія не та же наука? При прощаніи, между прочимъ, А. Д. Чертковъ передалъ мнѣ порученіе гр. Строгонова: не пожелаю ли я перейти преподавателемъ въ университетъ, съ тѣмъ, чтобы я прежде съѣздилъ для усовершенствованія заграницу, разумѣется, на счетъ московскаго университета. Съ удовольствіемъ я бы принялъ предложеніе, но положительнаго отвѣта не далъ, не переговоря съ Д. М. Княжевичемъ, показавшимъ мнѣ столько ласки и довѣрія. Каченовскому на вопросъ: правда ли, что попечитель Княжевичъ беретъ себѣ помощникомъ въ Одессу Надеждина, отвѣчалъ: не знаю. Тогда Каченовскій пожалѣлъ о столь слѣпо ввѣряющемся добромъ человѣкѣ.

„Онъ ко мнѣ подъѣхалъ,—сказалъ Каченовскій — вмѣшался въ редакцію издаваемаго мною „Вѣстника Европы“, и своими грубыми и опрометчивыми статьями ввелъ меня въ ссору почти со всѣми журналистами, такъ что я вынужденъ былъ „Вѣстникъ“, и безъ того уже несоотвѣтствующій духу времени—прекратить. Это boa constrictor!“

Николай Никиф. Мурзакевичъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

Рязанцы.

(См. „Русск. Стар.“ изд. 1887 г., апрѣль, стр. 185—216).

Въ перечисленіи болѣе или менѣе извѣстныхъ рязанцевъ, я, хотя и давно оставившій Рязанскую губернію (мою родину), къ названнымъ прибавилъ бы образцовыхъ земскихъ дѣятелей: А. И. Кошелева, князя Волконскаго, Офросимова, Дашкова и др., которыхъ Д. Л. Мордовцевъ въ своемъ „Десятилѣтіи русскаго земства“ совершенно справедливо назвалъ „солью русскаго земства“. М. Д. Скобелевъ былъ также рязанецъ; статистикъ кн. А. Мещерскій, который такъ сильно двинулъ изученіе ку старной промышленности въ Россіи,—тоже рязанецъ, и много другихъ.

М. И. Венюковъ.

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО УЧИТЕЛЯ И. К. ЗАЙЦЕВА

1805—1887.

I.

Въ Пензенской губерніи, Керенскаго уѣзда, въ селѣ Архангельскомъ, жили были три брата помѣщики, по фамиліи Ранцевы; всѣ трое молодые, неженатые. Послѣ смерти матери, они подѣлили имѣнія на три части, и во владѣніи у нихъ оказалось слишкомъ 2,000 душъ. Одному досталось село Архангельское, другому Сосновка, а третьему имѣніе въ Костромской губерніи, Кинешемскаго уѣзда, сельцо Высоково; въ каждомъ имѣніи числилось до 700 душъ. У молодыхъ господъ дворовая прислуга была довольно многочисленная, состоявшая изъ разныхъ мастеровыхъ, музыкантовъ, пѣвчихъ, живописцевъ, псарей и т. д.

Я родился въ 1805 году, и когда помѣщики Ранцевы дѣлили наслѣдство—мнѣ было 13 лѣтъ. Я хорошо помню, жили мы въ селѣ Архангельскомъ, близъ церкви, въ одномъ изъ флигелей, построенныхъ для старухъ келейницъ. Семья наша была большая: отецъ, мать и пятеро дѣтей. Отецъ мой былъ хорошій живописецъ; онъ, по фантазіямъ своихъ господъ, выполнялъ ихъ приказанія: красилъ полы, комнаты, расписывалъ потолки, писалъ портреты, цѣлые иконостасы и даже такія картины, которыя не дозволяется смотрѣть открыто; эти картины были слишкомъ гадки и неприличны. Отецъ скрывалъ ихъ въ одномъ чуланѣ, подъ замкомъ; но для насъ, дѣтей, то-то и интересно, что запрещается, и я ухитрялся поглазѣть на нихъ и до сихъ поръ еще помню всѣхъ этихъ бахусовъ, вакханокъ и силеновъ.

Грамотѣ я началъ учиться 8 лѣтъ у оригинальнаго старика—учителя пѣнія, который съ перепою тянулъ преуморительно: утъ, ре, ми, фа, соль,—точно хриплый баранъ, учениковъ тузилъ дланью по головамъ, а иногда и пучки розогъ пускалъ въ ходъ. Я учился читать, вѣроятно, недурно, потому что ни разу не былъ наказанъ. Ну, и

Digitized by Google

дѣйствительно, какъ, бывало, начну наизусть: «Азъ—Ангелъ, Ангельскій, Архангелъ, Архангельскій, Буки—Богъ, Божество, Богородица, блаженъ, благословенъ» и т. д., потомъ число церковное и цифирное, и какъ дойду до «Буди благочестивъ, уповай на Бога и люби его всѣмъ сердцемъ», такъ учитель и по головкѣ погладитъ. Въ три года я вызубрилъ Часовникъ и Псалтырь почти что наизусть, а потомъ сталъ читать Четьи-Минеи и Прологъ. Бывало, какое торжество, когда слушателей соберется толпа! Я имъ и Варвара разбойника, и Алексѣя Божія-человѣка, и Варвару мученицу, и Савву освященнаго... А они-то и рты разинутъ, и ахаютъ, и хвалятъ. Тоже, бывало, на клиросѣ, какъ запоемъ втроемъ, съ отцомъ и братомъ, такъ, при выходѣ изъ церкви, всѣ и облепятъ насъ, хвалятъ и благодарятъ. Ну, а потомъ меня отдали къ попу учиться писать. Отецъ Павелъ былъ человѣкъ молодой, впрочемъ, у него былъ уже сынъ въ семинаріи. Славный юноша! мы съ нимъ познакомились до того, что онъ меня сталъ учить по латынѣ и имѣлъ ко мнѣ довѣріе; это видно изъ того, что однажды секретно, подъ полою сюртука, вынесъ онъ казацкую нагайку и просилъ меня ее спрятать подальше, потому что о. Павелъ этой нагайкой слишкомъ больно поучалъ свою попадью, Анну Петровну. Нагайку я унесъ и спряталъ въ чуланѣ, гдѣ стояли бахусы и вакханки.

Изъ моего ранняго дѣтства помню еще одинъ случай: вышелъ я разъ вечеромъ на барскій дворъ, гдѣ увидалъ много собравшагося народу, и всѣ смотрятъ на небо. Что такое? спрашиваю. «А вонъ, говорятъ, звѣзда съ хвостомъ, комета; это, говорятъ, Бонапартъ идетъ на Москву». Какъ теперь гляжу на эту комету, очень была блестяща. А послѣ кампаніи 1812 года приходилось мнѣ видать и плѣнныхъ французовъ.

Проходилъ 1818 годъ, когда мнѣ было, какъ я уже сказалъ, 13 лѣтъ, и въ декабрѣ мѣсяцѣ все наше семейство, съ прибавкою къ нему бабушки и двухъ моихъ кузинъ-сиротъ, должны были отправиться въ дальній путь за 700 верстъ въ Костромскую губернію, въ сельцо Высоково, на жительство къ своему настоящему владѣльцу, которому досталось это село по раздѣлу. Ѣхали мы въ двухъ кибиткахъ, на долгихъ, недѣли три, дневали и ночевали по деревнямъ. Одною ночью пришлось проѣзжать намъ Саровскимъ лѣсомъ, гдѣ въ то время водились разбойники; для ихъ острастки, мой отецъ все дѣлалъ выстрѣлы изъ ружья, благодаря чему мы Саровскую пустынь миновали благополучно. Проѣзжая черезъ г. Арзамасъ, мы тамъ ночевали и отецъ мой разсказывалъ, что онъ тутъ учился живописи. Утромъ онъ навелъ справки, существуетъ ли тамъ школа рисованія, и оказалось, что школа есть и отличная — академика Ступина,

Digitized by Google

въ которую, впослѣдствіи, и я поступилъ. Но не буду забѣгать впередъ и поведу разсказъ по порядку.

Въ сельцо Высоково мы дотащились благополучно. На новомъ мѣстѣ я началъ учиться рисовать, подъ руководствомъ отца. Родитель мой занимался въ домовой конторѣ письмоводствомъ, счетами и разсчетами и назывался земскимъ; управлялъ же вотчиною бурмистръ, мужичекъ-бородачъ. Мнѣ назначено было съ однимъ изъ дворовыхъ людей присматривать за господскимъ домомъ и даже тамъ ночевать. Въ этомъ домѣ находилась библіотека—довольно большое собраніе книгъ. Я такъ пристрастился къ чтенію, что цѣлые дни и ночи готовъ былъ читать. Боже мой, сколько я перечиталъ! однихъ путешествій нѣсколько томовъ: и Крузенштерна, и Лепехина, и Кука,—не могу вспомнить даже всѣхъ фамилій; также историческими и романтическими книгами зачитывался, а въ особенности я любилъ сценическія произведенія,—это было моимъ наслажденіемъ. Шиллеръ въ переводѣ Шишкова, плодовитый Коцебу—всѣ были прочитаны, и даже смѣшно сказать,—я самъ рѣшился сочинять комедіи! Разумѣется, все это маранье послѣ выкинуто въ сорную яму, а все таки любовь къ книгамъ принесла мнѣ огромную пользу; онѣ меня научили всему тому, чему другіе учатся въ школахъ и заведеніяхъ отъ учителей. Я даже пріобрѣлъ самоучителей нѣмецкаго и французскаго языка, пытался учиться. Нѣмецкій языкъ мнѣ не нравился, въ особенности форма буквъ, а французскій, напротивъ, я довольно изучилъ и могъ читать. Но это не проходило мнѣ даромъ: отецъ частенько тузилъ меня за то, что я трачу время на пустяки, на чтеніе какихъ-то глупыхъ книгъ, а рисованіемъ, какъ слѣдуетъ, не занимаюсь. Я прожилъ въ Высоковѣ пять лѣтъ; мнѣ было уже 18 лѣтъ и я порядочно рисовалъ. Тамъ же я полюбилъ ружейную охоту, а еще больше рыбную ловлю.

Помѣщикъ въ эти пять лѣтъ разновременно пріѣзжалъ отъ братьевъ въ свою вотчину и проживалъ иногда по году. Онъ служилъ недолго въ военной службѣ, получилъ чинъ поручика и вышелъ въ отставку. Другіе два брата его тоже были холостяки и только младшій изъ нихъ потомъ женился, а старшій и средній продолжали, по прежнему, вести холостую жизнь,—да и на что, къ чему имъ было жениться? Они какъ сыръ въ маслѣ катались: у нихъ было по 700 душъ крестьянъ, а сверхъ того были и женскія души, слѣдовательно, и женъ они имѣли, сколько хотѣли. Правда, они не заводили гаремовъ такихъ, какъ у магометанъ, но тѣмъ не менѣе, въ каждомъ семействѣ, крестьянина и дворовaго, гдѣ имѣется дочь, каждая изъ нихъ неизбѣжно дѣлалась жертвою своего султана-помѣщика,—этому помогала ревизская сказка. Помѣщикъ ложится въ постель, беретъ въ руки

Digitized by Google

ревизскую сказку, читаетъ и видитъ, напримѣръ, что у Ѳедора значится дочь 16 или 17 лѣтъ; зоветъ лакея и приказываетъ ему идти къ тому Ѳедору и привести его дочь Акульку,—ну, вотъ тебѣ и жена, а на завтра другая Ѳедорка и т. д. А чѣмъ же еще помѣщикъ занимался? А занимался онъ еще осушеніемъ бутылокъ съ мадерою, это былъ его любимый напитокъ. Ежемѣсячно изъ Костромы ему привозили цѣлые ящики этой мадеры. Бывало, вечеромъ ложится въ постель, у кровати стоитъ столикъ, а на столѣ бутылка мадеры,—и вотъ онъ, какъ говорится, не черезъ часъ по ложкѣ, а черезъ нѣсколько минутъ пропускалъ по глотку прямо изъ горлышка бутылки. Коли скучно ему, а читать лѣнь или не можетъ, посылаетъ за мною; онъ уже зналъ, что я читаю недурно, и бывало, по цѣлымъ ночамъ, читаю ему—и все болѣе путешествія въ полярныя страны. Но я не буду слишкомъ распространяться о жизни нашихъ помѣщиковъ; вообще она была для православнаго люда наказаніемъ Божіимъ, бичемъ варварскаго деспотизма. Я не могу равнодушно говорить и теперь, черезъ семьдесятъ почти лѣтъ, о тѣхъ отвратительныхъ картинахъ, какія и мнѣ и другимъ случалось видѣть. Но за то нѣкоторые изъ нихъ дорого поплатились за свои безчеловѣчныя дѣянія. Да, я даже знаю три случая, за то время, въ предѣлахъ Костромской губерніи: одного варвара-помѣщика поваръ зарѣзалъ за жену свою; другой убитъ изъ ружья въ окно; у третьяго дворовый человѣкъ отъ истязаній бѣжалъ и подъ самой Костромой на дорогѣ убилъ старуху-нищую, для того, чтобы идти въ Сибирь и не возвращаться къ помѣщику, а одну барыню двѣ горничныя задушили въ постели подушками. Слава Господу Богу и вѣчная слава Государю—избавителю отъ такого позорнаго рабства!

Въ 1823 году Александръ Ивановичъ Ранцевъ, нашъ благодѣтель, изволилъ отправиться къ своему братцу Роману Ивановичу въ Пензенскую губернію, и мы до 1824 года жили на свободѣ, какъ говорится, припѣваючи.

Въ маѣ мѣсяцѣ того же года бурмистръ получилъ приказаніе отправить въ Пензу къ барину четверку лошадей съ коляскою и при нихъ кучера, лакея и меня грѣшнаго. По пріѣздѣ въ Сосновку, жизнь моя пошла ни то, ни се; на что меня вытребовали туда—я не зналъ; по вечерамъ читалъ у моего благодѣтеля въ спальнѣ, днемъ же онъ иногда заставлялъ меня рисовать съ эстамповъ, а больше я шатался. Вдругъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, для меня неожиданный сюрпризъ! Приказъ: отправить лошадей и коляску обратно въ Кострому, а съ ними управляющаго Алексѣевцева, довезти меня до Арзамаса и тамъ сдать академику Ступину въ ученье живописи. Господи, я не вѣрилъ своему

Digitized by Google

счастью! Оказалось, что мой отецъ неоднократно на колѣняхъ просилъ и умолялъ барина объ этомъ, и, наконецъ-то, исполнилось желаніе наше.

И вотъ я въ Арзамасѣ, въ школѣ Ступина. Управляющій сдалъ меня съ рукъ на руки, сдѣлавъ съ учителемъ какое-то условіе. Съ этого дня началась моя новая жизнь—и какая жизнь! не та отвратительная, подлая и грязная, нѣтъ, совсѣмъ не та. Я жилъ теперь между такими людьми, какими я ихъ воображалъ себѣ, читая романы, а тутъ, на самомъ дѣлѣ, встрѣтилъ ихъ лицомъ къ лицу! Впрочемъ, и не мудрено: я попалъ въ среду своихъ сверстниковъ, такихъ же сучениковъ. Каждый изъ нихъ ко мнѣ относился радушно и привѣтливо; наперерывъ старались ознакомить меня со всѣми порядками и правилами школы. Они были не дѣти, не школьники, каждый зналъ по себѣ, что новичку нужны участіе и совѣты. Всѣхъ учениковъ было около 20 человѣкъ, не моложе меня каждый изъ нихъ; между ними были и не ученики, а такъ сказать, помощники учителя. Двое изъ нихъ получали плату за то, что исполняли заказныя работы: иконостасы, картины и проч., имъ было лѣтъ по 30, по 40. Самъ г. Ступинъ былъ человѣкъ отличный, добрый, деликатный и гуманный, знатокъ своего дѣла и семьянинъ: у него были жена, сынъ и дочь. Я сказалъ, что г. Ступинъ былъ человѣкъ гуманный, а потому и помощники его и старшіе ученики были такіе же. Не могу назвать ни одного случая, чтобъ кто-нибудь изъ нихъ когда нибудь позволилъ себѣ не только щипнуть или ударить кого изъ учениковъ, но даже выбранить кого неприлично, а ужъ о тѣлесномъ наказаніи и говорить нечего—и не слыхано!

Домъ Ступина былъ обширный: въ двухъ залахъ размѣщались ученики, въ третьей—помощники. Была также особо построенная большая галлерея для статуй, античныхъ головъ и массы картинъ. Всѣ эти пособія то пріобрѣтались покупкою въ Петербургѣ, то присылались академіею въ подарокъ Ступину. У него было безчисленное множество эстамповъ, академическихъ рисунковъ и этюдовъ,—все это для учащихся служило богатымъ подспорьемъ, рисовали съ оригиналовъ, со статуй и даже съ натуры, т. е. нанимались и натурщики. Ступинъ бралъ заказы на цѣлые иконостасы и отправлялъ каждогодно работы на Нижегородскую, тогда еще Макарьевскую, ярмарку. Занятія наши шли систематично и успѣшно. Лучшія работы учениковъ посылались, разъ въ годъ, въ академію художествъ, на экзаменъ, и нерѣдко случалось, что академія удостоивала и высылала ученикамъ въ награду серебряныя медали, разумѣется, только ученикамъ свободнаго званія, а не крѣпостнымъ, хотя крѣпостныхъ-то и было наибольшее число; но въ школѣ различія между тѣми и

Digitized by Google

другими никакого не было, — жили, какъ говорится, душа въ душу, одинъ за другаго готовы были умереть, а во главѣ всѣхъ стоялъ сынъ г. Ступина, Рафаилъ Александровичъ. Ему мы многимъ обязаны.

Эхъ, славное было время, незабвенное, беззаботное и веселое житье между друзей-товарищей! пріятно и полезно проводили мы часы и праздничные дни, свободные отъ серьезныхъ занятій. У г. Ступина была большая библіотека, и мы вполнѣ были ея хозяевами, одинъ изъ насъ былъ и библіотекаремъ, и мы, такъ сказать, зачитывались до опьяненія. Страсть къ чтенію и декламаціи была возбуждена въ насъ примѣромъ Рафаила Александровича. Онъ воспитывался въ академіи художествъ; кончивши курсъ и получивши нѣсколько наградъ за успѣхи, возвратился къ отцу и былъ его помощникомъ въ школѣ. Онъ былъ человѣкъ образованный, развитой; въ академіи за его время бывали домашніе спектакли, въ которыхъ онъ участвовалъ. Дирижировать академическою труппою приглашали извѣстнаго тогда трагика Яковлева изъ императорскаго театра,—и ему-то молодой Ступинъ былъ обязанъ тѣмъ искусствомъ, съ которымъ онъ впослѣдствіи такъ превосходно и увлекательно читалъ какъ сценическія, такъ и лирическія произведенія поэтовъ. Отъ него-то и мы, такъ сказать, заразились поэзіею до того, что я, напримѣръ, переписалъ кучу балладъ и разныхъ стихотвореній Жуковскаго и Пушкина; кромѣ того, зналъ наизусть, съ начала до конца, «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», «Свѣтлану», «Варвика», «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскаго, оду «Богъ» и «Киргизскую царевну»—Державина, «Кавказскаго плѣнника», «Цыганъ» и «Бахчисарайскій фонтанъ»—Пушкина, затѣмъ могъ читать на память много сценическихъ произведеній, какъ-то: Озерова «Эдипъ въ Аѳинахъ» и «Димитрія Донскаго» и ужъ не помню чьи комедіи: «Своя семья» и «Слуга двухъ господъ».

Каждый годъ, на святкахъ, у насъ непремѣнно устроивался театръ — и какой театръ! Заѣзжія труппы передъ нимъ пасовали; арзамасская публика была отъ него въ восторгѣ. Роли дѣвицъ, вообще женскія роли, исполнялись нами же и до того искусно, что однажды пріѣхавшіе въ отпускъ два офицера, одинъ Бутурлинъ, другаго не упомню, забрались было за кулисы, съ цѣлію-де поблагодарить Лизу за искусную игру, ну и, конечно, познакомиться съ хорошенькой дѣвушкой; но когда эта Лиза, снявши платье, представилась имъ въ мужскомъ дезабилье, то они растерялись и съ удивленіемъ спросили: какъ, развѣ это вы были Лизою? п—вышла закулисная комедія! сколько было смѣху! Съ одной заѣзжей труппой попалъ къ намъ въ Арзамасъ извѣстный въ то время московскій актеръ Ширяевъ. Онъ, говорили, поссорился съ директоромъ театровъ, за то, что любилъ выпить;

Digitized by Google

ему, вѣроятно, отказали и онъ присталъ къ странствующей труппѣ. Мы затащили его къ себѣ на домашній спектакль, и вотъ онъ въ антрактахъ читалъ нѣкоторыя сцены изъ Озерова — и какъ читалъ! Я до сихъ поръ не могу вспомнить его безъ восхищенія. Его декламація, мимика, вся фигура поражали не только насъ, молодежь, незнакомыхъ съ столичными театрами, но и тѣхъ изъ публики, которые въ нихъ бывали и видали все лучшее. По отъѣздѣ труппы, Ширяевъ остался въ Арзамасѣ, жилъ въ номерѣ гостинницы и продолжалъ декламировать свои монологи всѣмъ приходящимъ въ трактиръ, кто его попотчуетъ водкой или напоитъ чаемъ. Нѣсколько разъ и мы заходили туда, и онъ всегда начиналъ любимый свой монологъ изъ Эдипа: «Ты зри мою главу, лишенную волосъ; грусть изсушила ихъ и вѣтеръ ихъ разнесъ», и пр. Впослѣдствіи онъ куда-то скрылся, вѣроятно, уѣхалъ въ какую нибудь другую труппу. Да, славное было наше житье въ дорогой школѣ, которая не только съ удовольствіемъ, но какъ святыня вспоминается.

Въ день ангела нашего учителя соберутся, бывало, къ нему гости; карты тогда не были въ ходу, чѣмъ же заняться? Вотъ и пригласятъ насъ. «Ну-ка, ребятушки, скажетъ, по обыкновенію, нашъ Александръ Васильевичъ, потѣшьте насъ и почтенныхъ гостей». (Онъ имѣлъ особый костромской выговоръ на *о*). Ну вотъ мы и составимъ, бывало, хоръ пѣсенниковъ и—пошла писать! Сначала: «Чарочки по столику похаживаютъ», потомъ «Выйду-ль я на рѣченьку», «Лишь только занялась заря», а тамъ усядемся на полу въ два ряда, изобразимъ собою лодку и гребцовъ, а на кормѣ хозяина, и грянемъ: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» и пр. Послѣ пѣнія, отправляемся въ столовую: по рюмкѣ вина, ужинъ и пиво въ честь имянинника, ура ему и... на боковую!

Скажу еще нѣсколько словъ о Клавдіи Александровнѣ, дочери нашего дорогаго учителя. Она была милая, добрая и привѣтливая особа, хорошенькая брюнетка. Признаться, мы почти всѣ въ нее были влюблены; одинъ несчастный нашъ товарищъ Гриша Мясниковъ, первый ученикъ по успѣхамъ, влюбился до того, что, впослѣдствіи, не видя средствъ къ свободѣ, а потому и возможности жениться на той, которая и сама была къ нему неравнодушна, въ античной галлереѣ застрѣлился изъ пистолета съ отчаянія. Я тоже написалъ ей нѣсколько стиховъ, но это такъ, изъ самолюбія, похвастаться, что вотъ-де и я стихотворецъ! Послѣ, когда ужъ меня не было въ Арзамасѣ, она вышла замужъ тоже за нашего товарища Алексѣева, который и сдѣлался хозяиномъ школы, но потомъ уѣхалъ въ Петербургъ и тамъ исполнялъ работы въ Исакіевскомъ соборѣ.

Digitized by Google

II.

Три незабвенныхъ въ моей жизни года не прошли, а пролетѣли въ арзамасской школѣ, и я снова долженъ былъ возвратиться къ той неприглядной и постылой жизни, какую проводилъ прежде. Пришло извѣстіе, что помѣщикъ нашъ Ранцевъ померъ, и учитель мой Ступинъ предложилъ мнѣ ѣхать домой, потому что за меня за все время ни гроша не заплатили. Нанявъ пару лошадокъ за 18 рублей и получивъ на дорогу отъ учителя 10 рублей, я отправился въ Кострому и на пятый день, 13-го декабря 1827 года, пріѣхалъ въ Высоково. Не буду распространяться, какъ меня встрѣтили родные и знакомые, разумѣется, въ восторгомъ и радушіемъ. Я чувствовалъ, что всѣ на меня смотрятъ съ особеннымъ вниманіемъ и любопытствомъ, и это, конечно, щекотало мое самолюбіе. Вяло, впрочемъ, цѣлый годъ я маячилъ время. Изрѣдка рисовалъ портреты, которые мнѣ заказывали сосѣдніе помѣщики, по цѣлымъ недѣлямъ пропадалъ на охотѣ, съ ружьемъ и собакой, удилъ рыбу и даже ухаживалъ за прекраснымъ поломъ — что грѣха таить! Но всему бываетъ конецъ, и вотъ разнеслась грозная вѣсть, что наслѣдники Ранцева костромское имѣніе продали какому-то петербургскому барину г. Греку. И дѣйствительно, въ началѣ 1829 года пріѣхалъ новый владѣлецъ и сдѣлалъ свои распоряженія. Между прочимъ, выбравъ изъ дворовыхъ людей по нѣсколько душъ мужескаго и женскаго пола, онъ приказалъ отправить ихъ въ Петербургъ; въ числѣ избранныхъ очутился и я.

Въ мартѣ 1829 года, въ числѣ 12 чел., мы отправились въ двухъ кибиткахъ въ дорогу, мужчины въ одной, а женщины въ другой кибиткѣ. На длинномъ пути нашемъ не встрѣтилось ничего замѣчательнаго, кромѣ того, что впереди насъ въ двухъ же крытыхъ саняхъ ѣхали въ Петербургъ молодые ярославцы наниматься въ разносчики, буфетчики, мясники, огородники и пр. И вотъ на одномъ косогорѣ опрокинулись ихъ сани и изъ нихъ человѣка три вывалились въ сугробъ. Поѣздъ нашъ остановился, и мы увидѣли, что эти вывалившіеся молодцы совершенно нагіе, какъ изображаютъ праотцевъ въ раю. Чтобы это значило, спрашиваемъ ихъ, а они намъ отвѣчаютъ: «мы-де всегда такъ ѣздимъ по зимамъ, когда очень морозно, чтобъ не озябнуть; мы раздѣваемся до-нага, подстилаемъ тулупы и на нихъ двое-трое ложимся, обнимаемся и, прижавшись другъ къ другу, сверху еще покрываемся тулупами; и намъ такъ тепло, какъ въ банѣ». Вотъ она, смѣтка-то русскаго человѣка! поди-жъ ты! можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ такъ теплѣе.

Digitized by Google

По пріѣздѣ въ Петербургъ, отыскали мы домъ Классена, на углу Гороховой и Малой Морской, гдѣ была квартира нашего господина Грека, предстали предъ очи новыхъ владѣльцевъ Петра Осиповича, супруги его Марьи Осиповны и дѣтокъ ихъ, Саши и Жени. Осмотрѣли они насъ и затѣмъ распредѣлили—кому на кухню, кому въ буфетъ, кому въ кучерскую, дѣвичью, а меня, какъ писаку, засадили въ домашнюю контору. Г. Грекъ занимался по дѣламъ несостоятельныхъ должниковъ и былъ куратором по конкурсамъ, и у него въ квартирѣ по этому случаю открыта была контора. Письменной работы было довольно, въ конторѣ сидѣли двое дѣлопроизводителей и переписчики, вотъ я и попалъ въ ихъ число. Независимо отъ этого, я въ свободные часы продолжалъ заниматься живописью, и г. Грекъ предложилъ мнѣ нарисовать портретъ съ его дочери Жени; я нарисовалъ—и вышло удачно. Это заставило Петра Осиповича дать мнѣ возможность усовершенствоваться въ искусствѣ, и онъ нашелъ мнѣ учителя—знакомаго ему живописца француза Тейссера. Я сталъ ходить къ нему и копировать этюды съ его произведеній. Но не прошло и полугода, какъ я его оставилъ. Это было такъ: г. Тейссеръ квартировалъ вмѣстѣ съ другимъ учителемъ, англичаниномъ Варрандтомъ, который тогда давалъ уроки великимъ князьямъ, дѣтямъ государя Николая Павловича. У Тейссера былъ слуга, говорившій хорошо по французски, а у Варрандта свой слуга Тузовъ, отлично знавшій англійскій и французскій языки; оба они были русскіе, но долго жили за границей. Со мною они сблизились коротко. Разъ я копировалъ портретъ съ Тейссеровской знакомой, приходитъ Варрандтъ, обращается къ Тейссеру и съ усмѣшкою началъ говорить ему что-то такое, по французски; я ничего не понялъ, но замѣтилъ на лицѣ Тейссера гримасы неудовольствія и пренебреженія. Тузовъ тутъ же убиралъ комнаты, все слышалъ и послѣ объяснилъ мнѣ, что Варрандтъ смѣялся надъ Тейссеромъ, говорилъ, что ученикъ скоро его перегонитъ, прямо даже сказалъ: «посмотри, какая бойкая кисть, не то, что твое лизанье!» А Тейссеръ отвѣчалъ ему съ пренебреженіемъ: «по вашему, если бойко мазать, это и значитъ достоинство» и проч. въ этомъ же родѣ. Какъ бы тамъ ни было, но съ этой минуты Тейссеръ сталъ ко мнѣ какъ-то холоденъ и началъ замѣтно придираться. Недѣлю спустя послѣ этого разговора, я въ сосѣдней комнатѣ растиралъ на плитѣ краски и, по разсѣянности, позволилъ себѣ насвистывать тихонько какую-то пѣсенку. Тейссеръ выбѣжалъ изъ своей мастерской и напалъ на меня съ ругательствами, чуть не съ кулаками. Я промолчалъ и, кончивши работу, принесъ ему краски и сказалъ: «вотъ ваши краски, а я больше не желаю у васъ заниматься»,

Digitized by Google

и ушелъ домой. Онъ долго кричалъ, бѣсился, но съ тѣмъ и остался. Явившись къ г. Греку, я рѣшительно заявилъ ему: «извините, я больше не могу заниматься у г. Тейссера, я не могу выносить его оскорбленій, тѣмъ болѣе, что не вижу для себя никакой пользы отъ такого учителя, которому еще самому нужно много учиться. Дѣлайте изъ меня, какъ изъ воску, все, что вамъ угодно, — воля ваша, а къ Тейссеру я больше не пойду».

— А! такъ вотъ ты какой!.. Хорошо... поди... вонъ!

Ну, думаю, пропала моя головушка! Проходитъ день, два, три,— ничего, потомъ призываетъ меня къ себѣ и говоритъ:

— Ну, я рѣшился дать тебѣ возможиость окончить начатое образованіе. Все, что нужно, сдѣлано. Ты пойдешь въ академію, къ конференцъ-секретарю Василію Ивановичу Григоровичу, и вотъ отдашь ему эти бумаги и письмо.

Я понялъ въ чемъ дѣло и—бухъ ему въ ноги.

— Встань, сказалъ онъ, но помни, что если ты поведешь себя дурно и не оправдаешь моихъ благодѣяній, тогда ты будешь солдатъ! Съ этимъ условіемъ дана тебѣ свобода.

Господи, Господи, одна минута—и я могъ бы сгибнуть, какъ волдырь на водѣ, а между тѣмъ... Я и теперь не могу, безъ слезъ радости, вспомнить эту рѣшительную для всей моей жизни минуту!

Собравъ мои арзамасскіе рисунки и другія малеванья, я отправился къ г. Григоровичу. Разсмотрѣвъ мои работы, онъ мнѣ сказалъ, что я могу поступить прямо въ гипсовый классъ и назначилъ, чтобы я пришелъ въ академію черезъ мѣсяцъ, потому что въ это время классы были закрыты, по случаю небывалой еще никогда прежде болѣзни: holera morbus. Это было въ 1830 году, когда мнѣ исполнилось 25 лѣтъ. Скажу мимоходомъ: страшное это было время. Мы тогда жили на дачѣ на Выборгской сторонѣ, на берегу Малой Невы, и сами нерѣдко видѣли, какъ православный людъ, сѣрый народъ, расправлялся съ мнимыми докторами и поляками, которые, будто-бы, отравляли и морили людей, бросая въ рѣку и колодцы мышьякъ цѣлыми кулями.

Поймаютъ, бывало, на улицѣ проходящаго барина, похожаго, на ихъ взглядъ, на доктора или поляка, особенно, если найдутъ у него съ чѣмъ нибудь склянку или какой нибудь порошокъ, сейчасъ требуютъ, чтобы онъ это пилъ и ѣлъ, и если онъ станетъ доказывать, что этого пить нельзя, что это вакса или тамъ сѣрная кислота,—«ага, ребята, кричатъ, самъ сознается, что у него отрава! Лупи его»!—и пойдетъ расправа. Много было несчастныхъ жертвъ грубаго невѣжества. Страшно было выдти со двора, и поневолѣ всѣ, кому было можно,

Digitized by Google

сидѣли дома. Не знаю, до чего бы это могло дойти, если бы энергическій и грозный окрикъ въ Бозѣ почившаго императора Николая Павловича не образумилъ обезумѣвшую толпу черни на Сѣнной площади. Но, слава Всевышнему, миновало это страшное бѣдствіе.

Наступилъ 1831 г. Въ началѣ весны истинный благодѣтель мой, П. О. Грекъ, поѣхалъ съ семействомъ въ Кострому, въ свое купленное имѣніе, а меня оставилъ на дачѣ, въ видѣ хозяина-распорядителя. Живя на готовой квартирѣ и продовольствіи, я ежедневно путешествовалъ пѣшкомъ съ Выборгской стороны, для занятій въ академіи, которыя шли у меня успѣшно.

Въ 1833 году я уже переѣхалъ на Васильевскій островъ, имѣлъ уже возможность жить самостоятельно, такъ сказать, оперился. Были у меня заказныя работы, писалъ я и портреты и картины (послѣднія ставилъ на выставку поощренія художествъ, къ г. Прево). Квартировалъ не одинъ, а съ товарищами. Къ тому времени съѣхалось въ Петербургъ не мало и прежнихъ арзамасскихъ соучениковъ; одни были уже свободные, а другіе еще крѣпаки, но и эти послѣдніе, впослѣдствіи, всѣ кое-какъ повысвободились. Одному изъ нихъ, именно арзамасцу Каширину, помѣщикъ никакъ не хотѣлъ дать вольную даромъ, а требовалъ выкупа тысячу рублей. Гдѣ же ему, бѣдному, было взять такую сумму? Вотъ мы, его товарищи, обратились ко всѣмъ знакомымъ художникамъ и ученикамъ съ предложеніемъ—пожертвовать картинами, у кого какая найдется, и розыграть лотерею; всѣ единодушно согласились, и лотерея дала намъ слишкомъ 1000 р. Каширинъ потомъ сдѣлался художникомъ, получилъ двѣ медали 1-го и 2-го достоинства и служилъ учителемъ въ Аракчеевскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ и скончался. Подобно ему, многіе изъ моихъ прежнихъ товарищей арзамасцевъ были хорошими учителями и художниками.

Въ теченіи пяти лѣтъ я продолжалъ заниматься въ академіи и копировалъ въ Императорскомъ эрмитажѣ картины извѣстныхъ мастеровъ. Въ 1834 году, 1-го мая, я получилъ отъ академіи за портретъ, написанный мною съ самого себя, серебряную медаль, а въ 1835 г., 24-го декабря, таковую же другую за рисунокъ группы съ натурщиковъ. Затѣмъ мнѣ былъ выданъ аттестатъ на званіе художника и я сдѣлался небезправною птицею. Работы мои увеличились и средства къ жизни также. Въ это время прибыли изъ Италіи К. П. Брюловъ съ своею картиною «Послѣдній день Помпеи», потомъ Бруни тоже съ картиною «Мѣдный змій», а также французскій художникъ Вернетъ. Имъ устраивали встрѣчи, овацiи, выставки ихъ картинъ и пр. Все это услаждало, ободряло и развлекало насъ, молодыхъ художниковъ;

Digitized by Google

публика массами стекалась въ академію. Да, неизъяснимо пріятное осталось у меня до сихъ поръ воспоминаніе объ этихъ пяти годахъ, проведенныхъ въ академіи! Сколько довелось видѣть интересныхъ личностей: Пушкина, Жуковскаго, Крылова, Кольцова, Кукольника, Воейкова, Греча, Булгарина; стариковъ нашихъ профессоровъ: Егорова, Шебуева, Басина, Варнека, Воробьева, Иванова; артистовъ: Каратыгиныхъ, Самойлова, Асенкову, Воротникова, Брянскаго, Дюра и бездарнаго смѣшилу Толченова и др.

Театръ былъ моимъ любимымъ развлеченіемъ. Тогдашніе артисты, имена которыхъ я назвалъ, были истинные таланты; съ какимъ удовольствіемъ, бывало, пролетитъ время спектакля. Видалъ я и Мочалова, московскаго артиста. Каратыгинъ и Мочаловъ—это были два трагика, два, такъ сказать, свѣтила и соперника. Москвичи превозносили Мочалова, а петербуржцы Каратыгина; и тѣ, и другіе спорили между собою за своихъ любимцевъ. Но я скажу безпристрастно, что они оба были превосходны, и все-таки даю преимущество Каратыгину. Сама природа стоитъ за него: Каратыгинъ былъ одаренъ и наружными, и внутренними качествами трагика. Его фигура, ростъ, выразительныя черты лица, изящныя позы, звучный голосъ, декламація, — все это рѣзко отличало его отъ Мочалова; кромѣ того, Каратыгинъ съ перваго же монолога выдерживалъ свою роль одинаково вѣрно до самаго конца; тогда какъ Мочаловъ, при своей фигурѣ некрасивой, приземистой и плотной (я видѣлъ его въ Гамлетѣ), мало подходилъ къ дѣйствующему лицу. Но, не смотря на эти внѣшніе недостатки, въ нѣкоторыхъ сценахъ онъ просто поражалъ своею игрою, и вотъ въ эти-то моменты начнешь сравнивать его съ Каратыгинымъ и отдашь, пожалуй, первенство Мочалову. Но вѣдь это бывало только въ нѣкоторыхъ сценахъ пьесы, за то другія явленія проходили у него, по бо̀льшей части, вяло, холодно и заурядно.

Любилъ я еще другаго въ высшей степени симпатичнаго артиста г. Самойлова, отца недавно умершаго артиста В. В. Самойлова. Но несчастный человѣкъ погибъ въ волнахъ Финскаго залива. Это случилось въ тотъ годъ, какъ было бракосочетаніе великой княгини Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ. Въ честь этого торжества назначено было въ Петергофѣ народное гулянье. Съ ранняго утра еще начала публика толпиться на набережной Невы, около пристаней. Пароходы и катера наполнялись пассажирами и плыли въ Петергофъ. Къ 10 часамъ дня погода начала портиться, подулъ сильный вѣтеръ, быстро набѣжали темныя тучи. Въ это самое время я шелъ отъ Голландской биржи и едва дошелъ до зданія академіи наукъ, какъ вдругъ налетѣлъ страшный ураганъ. Я взглянулъ и вижу:

Digitized by Google

съ Выборгской стороны, отъ Вознесенскаго моста, опустился какъ-будто занавѣсъ сѣро-желто-темнаго цвѣта, перерѣзалъ Неву, закрылъ ея даль и быстро-быстро несется ко мнѣ. Я плотно прижался къ стѣнѣ зданія и почувствовалъ, что стѣны задрожали. Закрывъ глаза отъ несущейся на меня пыли, песку и довольно крупныхъ камешковъ, я услышалъ какое-то хаотическое смѣшеніе звуковъ: шумъ, громъ, визгъ, свистъ, звонъ, стукъ—и все это слилось вмѣстѣ, ужасно! Весь этотъ бурный ураганъ несся по теченію Невы прямо въ Финскій заливъ. Но скоро все стихло, небо просіяло и даже солнце выглянуло изъ-за окраинъ сѣрыхъ облаковъ. Интересуясь знать, что напроказила бѣшеная буря, я протеръ глаза и увидѣлъ неприглядную, скверную картину. Желѣзныя крыши со многихъ домовъ сорваны, стекла въ окнахъ выбиты, ставни изуродованы, горшки съ цвѣтами, сбитые съ балконовъ и окошекъ, валяются по улицѣ; на Невѣ, на судахъ снасти оборваны, реи и мачты поломаны, нѣкоторыя лодки и барки опрокинуты; на поверхности воды, по всей рѣкѣ, плывутъ дрова, доски, бревна, ящики, корзины, разбитыя бочки и проч.; мостовыя только выметены чисто. Часовъ въ 6 вечера я прошелся по Васильеостровской набережной до Морскаго корпуса и увидѣлъ толпы народа, зѣвающаго на незѣвающихъ, а усердно занимающихся ловлею всего, что плыло по рѣкѣ. Многіе горшками и ковшами собирали съ поверхности воды разлившееся постное масло изъ разбившихся бочекъ. Этимъ ловомъ занимались и женщины, стоя по поясъ въ водѣ, около берега. Тутъ-то я узналъ, что изъ Петергофа вернулись нѣкоторые пароходы и привезли извѣстіе, что нѣсколько катеровъ съ пассажирами, плывшими на гулянье, погибли, много людей потонуло и между ними погибъ и Самойловъ.

Упомяну о нѣкоторыхъ моихъ петербургскихъ знакомствахъ. Между прочимъ, мнѣ случилось познакомиться съ однимъ статскимъ совѣтникомъ — Михаиломъ Максимовичемъ Поповымъ. Меня рекомендовали ему, какъ художника, чтобы сдѣлать съ него портретъ, а также копію съ портрета романиста Лажечникова. Послѣднюю я снялъ карандашемъ на бумагѣ, и съ нея уже на литографическомъ камнѣ было отпечатано нѣсколько экземпляровъ. Г. Поповъ заплатилъ мнѣ за работы щедро и просилъ меня бывать у него на вечерахъ, по четвергамъ. Онъ былъ тогда человѣкъ холостой, жилъ на вольной квартирѣ, а служилъ въ III отдѣленіи собственной его величества канцеляріи, при начальникахъ Дубельтѣ и Бенкендорфѣ. Симпатичный, образованный и добрый, онъ въ душѣ былъ истинный поэтъ и артистъ; всѣ его любили и уважали; вечера у него проходили въ литературныхъ чтеніяхъ и бесѣдахъ о наукахъ и изящныхъ искусствахъ;

Digitized by Google

у него-то, на вечерахъ, я и встрѣчалъ много извѣстныхъ личностей изъ литературнаго, художественнаго и артистическаго міра. Это знакомство продолжалось до самаго моего отъѣзда изъ Петербурга, до 1848 года. Я многимъ былъ обязанъ г. Попову, и опять повторю, что онъ былъ рѣдкій, прекрасной души, человѣкъ.

Также я близко былъ знакомъ съ однимъ собратомъ по профессіи, который занимался подрядами—росписывалъ стѣны и плафоны въ домахъ и церквахъ, а также писалъ образа въ иконостасы. Фамилія его—Ширяевъ; у него сотрудничалъ по найму бывшій мой арзамасскій товарищъ Бобровъ. Я нерѣдко бывалъ у Ширяева и мы бесѣдовали по вечерамъ; иногда я у него читалъ и декламировалъ произведенія Пушкина и Жуковскаго. Въ это время въ сосѣдней комнатѣ, у растворенныхъ дверей, постоянно стояли два мальчика, лѣтъ 16—17-ти, ученики хозяина, которые были у него на побѣгушкахъ, терли краски и рисовали немного, пока учитель не доставилъ имъ возможность посѣщать академическіе классы. Все, что я читалъ, мальчики слушали очень внимательно. Почему-же, спросятъ меня добрые люди, я распространяюсь съ такими подробностями о какихъ-то мальчикахъ? Потому, отвѣчу я, что одинъ изъ нихъ сдѣлался впослѣдствіи любимымъ малороссійскимъ поэтомъ,—то былъ Тарасъ Шевченко, а другой мальчикъ—Ткаченко, служившій послѣ учителемъ рисованія въ Полтавской гимназіи. Случилось, что я какъ-то довольно долго не былъ въ этомъ домѣ; потомъ встрѣтилъ г. Ширяева на улицѣ; между прочимъ, онъ и говоритъ мнѣ: «А знаете-ли, вѣдь нашему Тараскѣ загнули салазки»!—Что такое? спрашиваю я. «А то, что его, раба божьяго, отправили въ солдатской шинели, куда Макаръ телятъ гоняетъ, а за что—неизвѣстно».

Но буду продолжать свою біографію. Мы, молодые художники, будучи знакомы по античному классу со всѣмъ миѳологическимъ міромъ, больше были преданы Аполлону, музамъ и граціямъ, впрочемъ не чуждались иногда Бахуса и вакханокъ; частенько поклонялись и Афродитѣ, и бѣдокуръ-Купидошка, премилый, но порою злой и прехитрый мальчишка, и съ нами продѣлывалъ прегадкія штуки; иначе и быть не могло: въ столицѣ соблазну много, на каждомъ шагу искушеніе. Объ этихъ штукахъ я умолчу, а лучше разскажу, какъ я женился, обзавелся дѣтками и какъ продолжалъ свое житье-бытье.

Случилось мнѣ какъ-то писать портретъ съ одной дѣвицы. Она была привезена теткой въ столицу изъ Чердыни, Пермской губерніи купеческая дочь, и проживала въ семействѣ у генерала Анненскаго, въ качествѣ камеръ-фрау и компаньонки при его дочеряхъ. Бесѣдуя съ нею во время сеансовъ, я узналъ, что она порядочно образована,

Digitized by Google

знаетъ хорошо хозяйство и многія женскія работы, вообще очень трудолюбива, и я началъ часто бывать въ этомъ домѣ. Замѣтивши склонность этой дѣвицы ко мнѣ грѣшному, я сдѣлалъ предложеніе и получилъ согласіе. Бракъ нашъ состоялся 7-го октября 1837 года. Передъ этимъ мнѣ были заказаны отъ академіи три образа для орловскаго собора: два оригинальныхъ и третій — копія съ Николая Чудотворца, профессора Шебуева, находящагося въ церкви Спаса Преображенія. За труды свои я получилъ 300 руб., слѣдовательно, справить свадьбу средства были, и мы повѣнчались у Спаса же Преображенія. Съ этого началась моя новая жизнь.

Мѣсяца черезъ два послѣ нашей свадьбы, именно 18-го декабря 1837 года, произошолъ пожаръ Зимняго дворца. Это было страшное зрѣлище, которое врѣзалось у меня въ памяти. Дворецъ загорѣлся въ то время, какъ царская фамилія была въ театрѣ. Когда объ этомъ тихо доложили государю, онъ всталъ и сказалъ императрицѣ, чтобы ѣхала съ дѣтьми послѣ спектакля въ Аничковскій дворецъ, а самъ вышелъ и поскакалъ на пожаръ. Я тоже тогда побѣжалъ на дворцовую площадь, и глазамъ моимъ представилась такая картина: крыша и потолки горѣли, въ окнахъ верхняго этажа огромные огненные языки лизали стѣны, балки падали съ громомъ; дворцовые часы пробили десять и вскорѣ рухнули. Пожарные и солдаты выносили изъ дворца драгоцѣнности и сваливали ихъ въ кучу передъ живою цѣпью солдатъ съ ружьями, за которыми стояла огромная масса народа. Спасти дворца не было никакой возможности, и государь повелѣлъ оставить дворецъ на волю Божію, чтобы не мучить понапрасну людей, а принять только мѣры къ защитѣ Эрмитажа. Тогда пожарные и солдаты бросились закладывать кирпичемъ окна и двери, смежныя съ Эрмитажемъ, и этимъ спасли драгоцѣнное хранилище искусствъ. Дворецъ горѣлъ совершенно свободно всю ночь, но тишина на площади была страшная, не смотря на тысячи народа. И на другой день дворецъ еще дымился, а вынесенныя вещи и цѣнности переносили и перевозили въ Аничковъ дворецъ; однако-же, говорятъ, не мало было украдено дворцоваго серебра дворцовыми же крысами. Но менѣе чѣмъ черезъ годъ, Зимній дворецъ былъ реставрированъ и, какъ фениксъ, возникъ изъ пепла съ новой красотой.

Въ томъ же, помнится, году была другая катастрофа, на той-же Адмиралтейской площади. Во время масляницы сгорѣлъ одинъ изъ балагановъ Лемана, болѣе сотни погибло народу. Тяжелое было зрѣлище, особенно когда собрали и уложили обгорѣлые и задавленные трупы на снѣгу и толпы народа ходили около нихъ, отыскивая—кто дѣтей, кто мать, отца, брата, жену... Ужасно!!

Digitized by Google

Я съ женою поселились въ Лештуковомъ переулкѣ, въ домѣ Жукова. Вскорѣ я узналъ, что женатая жизнь далеко не то, что холостая. Я, по прежнему, занимался живописью, но заказовъ, однако, было мало, для удовлетворенія семейныхъ нуждъ, тѣмъ болѣе, что черезъ годъ у меня родилась дочь. Нужно было подумать о болѣе вѣрномъ обезпеченіи. Михаилъ Максимовичъ Поповъ посовѣтовалъ мнѣ опредѣлиться на службу, чтобы имѣть постоянное жалованье, даже нашелъ для меня мѣсто въ департаментѣ внѣшней торговли, и я, по необходимости и крайнимъ обстоятельствамъ, очутился въ канцеляріи и началъ переписывать бумаги о какихъ-то таможняхъ, товарахъ и контрабандахъ. Противно мнѣ было это занятіе и все окружающее. Прослуживши слишкомъ годъ въ департаментѣ, я откровенно высказался Попову, что вовсе не по мнѣ канцелярская работа. Къ счастью для меня, пришелъ къ нему въ то время жандармскій полковникъ Кувшинниковъ, вслушался въ нашъ разговоръ и предложилъ свое участіе похлопотать найти мнѣ мѣсто учителя въ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ ему хорошо были знакомы директоръ и инспекторъ. Благодаря этой счастливой случайности, я получилъ возможность оставить департаментъ и былъ принятъ учителемъ рисованія въ 1-й кадетскій корпусъ. Это случилось въ октябрѣ 1839 года, какъ разъ въ то время, какъ у меня родилась уже вторая дочь.

III.

Директоромъ 1-го кадетскаго корпуса былъ тогда генералъ-лейтенантъ Годеинъ, а инспекторомъ—статскій совѣтникъ А. Я. Кушакевичъ, извѣстный математикъ, дававшій уроки царскимъ дѣтямъ. Помощниками инспектора состояли поручики Кори и Выходцевскій, послѣдній былъ при неранжированной ротѣ. При корпусѣ находилась также школа кантонистовъ, въ которой я тоже давалъ уроки. Когда я опредѣлился въ должность, кромѣ меня, былъ еще старый учитель рисованія г. Рыбинъ. Въ концѣ курса, во время экзаменовъ, труды кадетъ выставили, по обыкновенію, въ залѣ для осмотра начальствомъ. Результатъ выставки показалъ, что у г. Рыбина кадеты рисуютъ такъ великолѣпно, что впору такъ рисовать самому учителю. Что за чудо, думаю, неужели его ученики въ состояніи рисовать, да еще акварелью, такіе сложные пейзажи. Странно! Но, продолжаю думать, можетъ быть, Рыбинъ, какъ старый учитель, подобралъ себѣ лучшіе классы. Разсчитавши, что на будущій годъ эти мастера будутъ въ

Digitized by Google

предсказываю вамъ, что долго здѣсь не прослужите. Вотъ вы увидите на общей выставкѣ всѣхъ корпусовъ, какіе тамъ будутъ рисунки Дворянскаго полка и Пажескаго корпуса. Тамъ, батинька, особенно пажи, рисуночки-то заказываютъ художникамъ, по 25 руб. платятъ за штучку. Я тамъ учу и хорошо это знаю. Да, батинька, вы еще молоды, а послужите, узнаете, что́ и какъ!

И что-жъ? впослѣдствіи, какъ это ни было тяжело и грустно, но я убѣдился, что старикъ Рыбинъ говорилъ правду.

Въ тѣ годы главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній былъ великій князь Михаилъ Павловичъ, а начальникомъ штаба состоялъ при немъ Я. И. Ростовцевъ.

Вел. кн. Михаилъ Павловичъ былъ человѣкъ серьезный, строгій, гроза всѣхъ военныхъ, хотя въ душѣ былъ добрый и великодушный. Я склоняюсь къ тому мнѣнію, что онъ только маскировался грозою, для большаго внушенія военнымъ дисциплины. Начать съ того, что онъ только во время смотровъ являлся суровымъ и придирчивымъ, а какъ кончался смотръ, дѣлался простъ и обходителенъ, входилъ, обыкновенно, въ кругъ кадетъ, кого потреплетъ за ухо, кого погладитъ по головѣ, и многихъ зналъ въ лицо и по фамиліямъ. Однажды, послѣ смотра, онъ приказалъ подать себѣ верховую лошадь, чтобы ѣхать во дворецъ. Въ эту минуту одинъ кадетъ, выскочивъ изъ рядовъ, подбѣгаетъ къ великому князю, становится передъ нимъ на четвереньки и говоритъ: «готово, ваше высочество, садитесь». Великій князь только засмѣялся, оттолкнулъ тихо шалуна ногою и сказалъ: «пошелъ прочь, задавлю, не вынесешь». Всѣ присутствующіе, конечно, тоже разсмѣялись, а товарищи закричали: «ай да молодецъ, Покатиловъ, молодецъ!»

Вотъ примѣръ истиннаго великодушія князя, который я доподлинно знаю, но не назову имени лица, о которомъ поведу рѣчь, изъ опасенія, что оно, очень можетъ быть, и донынѣ живо. Одинъ молодой офицеръ, извѣстный князю лично, приходитъ однажды во дворецъ, во время пріема, гдѣ уже было нѣсколько посѣтителей. При выходѣ князя изъ кабинета, этотъ офицеръ выступилъ нѣсколько впередъ.

— «Что ты?» — спросилъ его князь.

— Ваше высочество, прошу аудіенціи, сказалъ офицеръ.

— «Это что такое? ну, иди сюда».

Они вошли въ кабинетъ. — Ну? спросилъ князь. Офицеръ упалъ передъ нимъ на колѣни и говоритъ:

— Ваше высочество, спасите меня, я погибъ!

— «Что такое, объяснись».

Digitized by Google

— Виноватъ, ваше высочество, вчера я былъ командированъ отвезти казенныя деньги, но зашелъ къ одному товарищу по службѣ, который былъ имянинникъ. Мы порядкомъ выпили, сѣли играть въ карты и я проигралъ казенныя деньги. Заплатить нечѣмъ, и мнѣ остается отъ стыда умереть.

— «А сколько проигралъ?»

— 500 рублей.

— «Встань», сказалъ Михаилъ Павловичъ, и, давая офицеру деньги, прибавилъ:—«вотъ возьми, но дай мнѣ честное слово больше въ карты не играть, и о деньгахъ никому ни слова, слышишь, никому ни слова».

Между прочимъ, великій князь былъ острякъ и каламбуристъ. По тогдашнему обыкновенію, мы всѣ служащіе военно-учебныхъ заведеній собирались въ его дворецъ два раза въ годъ (на Новый годъ и на Пасху), для поднесенія ему поздравленія. Однажды на Пасхѣ мы явились въ полномъ составѣ и выстроились по чинамъ и по предметамъ наукъ. Войдя въ залъ, великій князь поздравилъ всѣхъ присутствующихъ и началъ, по порядку, со всѣми христосоваться. Подойдя къ муллѣ (это былъ законоучитель магометанъ; въ то время у насъ воспитывались въ корпусѣ черкесы и между ними былъ даже сынъ Шамиля), сказалъ: «Христосъ воскресе». Мулла отвѣчалъ: «во истинну воскресе». —«А! сказалъ князь, признаешь?! и, проходя рядами, весело повторялъ: признаетъ, господа, признаетъ!»... Продолжая обходъ, онъ дошелъ до Дворянскаго полка, во главѣ котораго стоялъ директоръ генералъ Пущинъ. Подойдя къ нему, великій князь остановился и, вмѣсто того, чтобы похристосоваться, смотритъ Пущину въ лицо и говоритъ: «Ты боленъ? да, да, боленъ!» и, обратясь къ группѣ врачей, кликнулъ: «г. Сольскій!» Тотъ подбѣжалъ.—«Осмотри его, онъ боленъ».—Докторъ въ недоумѣніи смотритъ то на того, то на другаго.—«Да, да, я говорю, что онъ боленъ,—и ткнувъ пальцемъ директору въ животъ, продолжалъ: смотри, онъ кадетской каши объѣлся, ему нужно непремѣнно лечиться, ѣхать куда нибудь, на воды, что-ли?» и отошелъ отъ директора, не похристосовавшись. Вскорѣ мы узнали, что Пущинъ, дѣйствительно, уѣхалъ за границу, а мѣсто его занялъ другой, потому что по корпусу открылись какіе-то безпорядки, а главное—недочеты.

Проживши 19 лѣтъ въ Петербургѣ такъ, какъ я описалъ мою жизнь, я въ 1847 году опасно заболѣлъ и, по выздоровленіи, все-таки чувствовалъ себя нехорошо. Главный наставникъ наблюдатель по начертательнымъ искусствамъ, генералъ Сапожниковъ, принимая во мнѣ участіе, подалъ мнѣ мысль перемѣнить мѣсто службы, ѣхать куда нибудь на югъ, гдѣ и климатъ лучше, и жизнь дешевле, и тутъ же

Digitized by Google

предложилъ, если я желаю, перевестись въ Полтавскій кадетскій корпусъ, гдѣ открылась вакансія учителя рисованія. Кстати, и инспекторъ того корпуса, г. Ницкевичъ, находился въ Петербургѣ. Я явился къ нему, чтобы узнать, какое будетъ мнѣ жалованье и будетъ-ли мнѣ казенная квартира, и, получивши обѣщаніе послѣдняго относительно квартиры, я рѣшился принять предложенное мнѣ новое мѣсто. Распродавъ ненужный домашній скарбъ и заручившись прогонными деньгами, я нанялъ тройку лошадей, кибитку, и съ женою и двумя малолѣтними дочками, 29-го августа тронулся въ путь. По дорогѣ мы останавливались въ Москвѣ на цѣлый день и побывали въ трехъ соборахъ и въ женскомъ монастырѣ, а въ Орлѣ я посѣтилъ бывшаго моего товарища по академіи Александрова, который тоже былъ учителемъ въ Орловскомъ кадетскомъ корпусѣ. Мы ѣхали слишкомъ мѣсяцъ и только 2-го октября пріѣхали въ Полтаву, слава Богу, благополучно; говорю: «слава Богу», потому что годъ тотъ былъ страшный, холерный.

Когда изъ Харькова мы повернули на Полтаву, намъ невольно бросилась въ глаза украинская природа; въ октябрѣ мѣсяцѣ мы видѣли передъ собою деревья еще въ листьяхъ,—какое разнообразіе и прелесть для живописца! передъ нами были: пирамидальные тополи, берестъ, кленъ и разныя фруктовыя деревья, одни ярко желтыя, другія оранжевыя, третьи красныя, тогда какъ тамъ, на сѣверѣ, въ это время красуются одни голые прутья... розги!

Но вотъ показалась и Полтава. «Берегъ, берегъ, воскликнулъ я, конецъ нашему плаванію». Мы увидѣли за рѣкой Ворсклой, прежде всего, монастырь на горѣ, а потомъ возвышенную гористую мѣстность, съ нѣсколькими оврагами и долинами, облѣпленную домами и хатами, надъ которыми рельефно возвышались три-четыре церкви и зданія кадетскаго корпуса и института. Крутые и обрывистые спуски представлялись какими-то брустверами, окопами, укрѣпленіями, недоставало лишь амбразуръ съ орудіями, и невольно думалось, не остатки-ли это окоповъ славной полтавской битвы Петра Великаго со шведами? Поднимаясь на гору по вязкой, грязной дорогѣ, мы, наконецъ, достигли постоялаго двора. На утро слѣдующаго дня, расплатившись съ извощикомъ, я отпустилъ его и, напившись чаю, надѣлъ вицъ-мундиръ и отправился въ корпусъ представиться директору генералу Струмиллѣ.

На вопросъ директора, я объяснилъ подробно — почему рѣшился перевестись въ Полтавскій корпусъ и переговоры мои по этому дѣлу съ инспекторомъ Ницкевичемъ. Директоръ, выслушавъ меня, сказалъ: «вы, господа столичные, очень ошибаетесь, полагая, что въ провинціи

Digitized by Google

и климатъ лучше, и жить дешевле, легче и покойнѣе. Вотъ поживете здѣсь, увидите сами, что эта за Аркадія! Квартиръ казенныхъ учителямъ не полагается; вы получите, конечно, квартирныхъ денегъ и за уроки рублей 300—400, ну вотъ и наслаждайтесь провинціальною жизнію». Пошелъ я отъ него, повѣся носъ, и даже пожалѣлъ, зачѣмъ я отпустилъ извощика. Но что дѣлать! посмотрю, что дальше будетъ.

На третій день я нанялъ себѣ квартиру, а черезъ недѣлю другую, поближе къ корпусу, а тутъ вернулся изъ Петербурга г. Ницкевичъ. Я пошелъ къ нему и разсказалъ, какъ встрѣтилъ меня директоръ. Онъ усмѣхнулся и замѣтилъ: «это пустяки, успокойтесь, все будетъ такъ, какъ я вамъ обѣщалъ». Дѣйствительно, все такъ и исполнилось, но не долго мнѣ пришлось служить при Струмиллѣ, котораго кадеты звали Страшилломъ. Онъ былъ человѣкъ тяжелый, неделикатный и крайне самолюбивый. Излишнее самолюбіе его и погубило, и вотъ какимъ образомъ: 1-го января 1849 года все полтавское дворянство, въ залѣ дворянскаго собранія, встрѣчало новый годъ; тутъ же находились и корпусные чины съ директоромъ во главѣ. Во время тостовъ, инспекторъ корпуса, полковникъ Скалонъ, почтенная личность, обратился съ бокаломъ прежде всего къ губернатору Озноби шину, какъ и слѣдовало. Это оскорбило Струмиллу—и онъ въ дерзкихъ словахъ сдѣлалъ Скалону, при всемъ собраніи, выговоръ за то, что тотъ не обратился съ первымъ тостомъ къ своему начальнику. Скалонъ счелъ себя обиженнымъ, дворянство приняло его сторону, и случай этотъ кончился весьма неблагопріятно для директора. Въ февралѣ мѣсяцѣ уже заговорили, что онъ выходитъ въ отставку, а въ маѣ уже пріѣхалъ на его мѣсто ген. Врангель [1]).

Въ теченіе семилѣтняго управленія корпусомъ директора Врангеля, все шло, какъ по маслу; всѣмъ жилось хорошо и счастливо. У меня было довольно частныхъ уроковъ, заказныхъ работъ, а также уроки въ институтѣ. За это-же время въ корпораціи институтскихъ, корпусныхъ и гимназическихъ учителей возникла благородная мысль объ открытіи въ Полтавѣ женской гимназіи. Средства для этого были добыты энергическими трудами и пожертвованіями учителей. Мы устраивали спектакли, литературныя чтенія, лотереи; сами и семейства наши лицедѣйствовали; на лотереи жертвовали вещами; я, напримѣръ, отдалъ копію съ картины Тиціана: «Воздадите божія Богови и кесарева кесарю», стоившую 100 рублей. Прочіе тоже жертвовали цѣнныя вещи, и такимъ образомъ составился достаточный капиталъ; гимназію открыли и мы всѣ обязались прослужить въ ней семь лѣтъ безвозмездно,

---

[1]) См. Воспомин. о Полтавскомъ корпусѣ въ „Русск. Ст.“ изд. 1876 г., томъ LII, стр. 717—723. Ред.

Digitized by Google

и прослужили. Послѣ гимназія перешла въ вѣдомство императрицы Маріи и получила возможность существовать самостоятельно.

Но вотъ наступилъ 1856 годъ. Добрѣйшій и почтеннѣйшій нашъ Егоръ Петровичъ Врангель оставилъ службу по слабости здоровья. На мѣсто его прибылъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, съ Кавказа какой-то генералъ Юрьевъ, съ супругой и дочкой—тутъ уже пойдетъ иная исторія, извѣстная въ преданіяхъ Полтавскаго корпуса подъ названіемъ Юрьевской эпохи. Впрочемъ, слава Богу, эпоха эта не была продолжительна, не болѣе двухъ съ половиной лѣтъ, но стоитъ десяти. Итакъ, генералъ Юрьевъ прибылъ къ намъ съ Кавказа; какими доблестями онъ тамъ отличался—неизвѣстно; но сдѣлавшись начальникомъ военно-учебнаго заведенія, онъ выказалъ вполнѣ анти-педагогическія способности по управленію корпусомъ.

Юрьевъ былъ человѣкъ не злой, съ воспитанниками даже добрый, но тѣмъ не менѣе самолюбивый, рѣзкій и вспыльчивый. Онъ считалъ себя за энциклопедиста всѣхъ знаній, старался показать каждому преподавателю, что онъ лучше его знаетъ учебный предметъ, и для этого, вмѣсто инспектора, на которомъ лежитъ наблюденіе за учебною частью, самъ ежедневно ходилъ по классамъ, сопровождаемый обыкновенно своей свитой, состоявшей изъ батальоннаго командира, его помощника, помощника инспектора, ротнаго капитана и дежурнаго офицера. Вся эта свита, бывало, входитъ въ классъ, дежурный кадетъ, по заведенному порядку, рапортуетъ, учитель раскланивается, и лекція продолжается. Минутъ черезъ пять-шесть директоръ начинаетъ прерывать учителя, дѣлаетъ свои замѣчанія; учитель сначала молчитъ, потомъ излагаетъ собственныя разъясненія, директоръ возражаетъ, завязывается споръ. Въ спорѣ директоръ пылитъ, позволяетъ себѣ рѣзкія выходки и съ неудовольствіемъ идетъ въ другой классъ. Тамъ повторяется та же исторія, но оканчивается скорѣе, потому что директоръ уже предварительно раздраженъ, и съ подобными перерывами каждодневно проходили лекціи.

Разскажу два-три случая, характеризующіе вмѣшательство директора въ педагогическія дѣла.

Однажды учитель физики и естественныхъ наукъ, Котельниковъ, читалъ кадетамъ о свѣтилахъ небесныхъ, а кстати о кометахъ, потому что въ томъ году появилась комета. Директоръ въ это время вошелъ въ классъ и, вслушавшись о чемъ идетъ рѣчь, спросилъ одного воспитанника, знаетъ-ли онъ, что такое комета. Тотъ отвѣчалъ, что слышалъ отъ учителя, и упомянулъ, между прочимъ, что это блуждающія звѣзды.

— Врешь, сказалъ директоръ,—кто это тебѣ навралъ? Комета—это

Digitized by Google

есть посланница небесъ. А знаешь ли, гдѣ она находится? Въ десницѣ всемогущаго Бога,—и съ этими словами вышелъ изъ класса.

Въ другой разъ, въ классѣ, гдѣ стояли шкафы съ чучелами звѣрей, птицъ и насѣкомыхъ, тотъ же преподаватель Котельниковъ читалъ лекцію объ ящерицахъ. Директоръ вдругъ прерываетъ его и спрашиваетъ:

— А есть ли въ корпусномъ собраніи двухголовыя ящерицы?

— «Какія это, ваше п—во, двухголовыя ящерицы? Извините, я никогда не слыхалъ о такихъ».

— Какъ же, у насъ, на Кавказѣ, возражаетъ директоръ,—водятся двухголовыя ящерицы. Я самъ своими глазами видѣлъ.

И только Юрьевъ вышелъ за двери—весь классъ разразился хохотомъ. «Тсс... тсс... тише, тише, господа, замолчите!» останавливаетъ учитель, а кадеты кричатъ: «Двухголовая ящерица, двухголовая ящерица!» Насилу онъ унялъ ихъ.

А вотъ еще случай въ моемъ классѣ рисованія. Входитъ директоръ со свитой и спрашиваетъ кадетъ:

— Что вы тутъ дѣлаете?

— «Рисуемъ».

— Что-же вы рисуете?

— «Геометрическія тѣла».

— Ну, съ чего ты начинаешь? обратился онъ къ одному воспитаннику.

— «Съ основанія, отвѣчаетъ кадетъ. Я провожу основную линію, потомъ отвѣсныя, перпендикулярно основанію, и отмѣриваю высоту. Потомъ»...

— Я тебя не о томъ спрашиваю, я спрашиваю, что ты прежде всего дѣлаешь?

Кадетъ растерялся и замолчалъ. Директоръ обращается къ другому съ такимъ же вопросомъ, та-же исторія; затѣмъ—ко мнѣ, и говоритъ:

— Они ничего не понимаютъ, вы имъ не объясняете, такъ учить нельзя.

Я заявилъ: «ученики, ваше пр—во, отвѣчаютъ правильно, согласно программѣ и руководству, по методѣ Сапожникова; а вопроса вашего, извините, я тоже не понимаю».

— Вы?.. Вы меня не понимаете? Это что такое? закричалъ генералъ.—Что это? Какъ вы смѣли? Да я васъ подъ арестъ посажу!

Въ эти минуты я стоялъ и чувствовалъ, что по мнѣ дрожь пробѣгаетъ.

Обратясь къ свитѣ, директоръ кричитъ:

Digitized by Google

— Что это за учитель? Какой онъ учитель! Покажите мнѣ сейчасъ, какая тамъ метода или руководство Сапожникова!

Исправляющій должность инспектора, Дудышкинъ, принесъ руководство. Перелистывая его, ходя по корридору, онъ разспрашивалъ Дудышкина обо мнѣ, что я такое, давно ли въ корпусѣ. Тотъ ему объяснилъ, что я изъ Петербурга, столько-то лѣтъ служу, что я на хорошемъ счету, ежегодно получаю за успѣхи воспитанниковъ похвальные отзывы отъ главнаго наблюдателя и даже отъ начальника военно-учебныхъ заведеній Я. И. Ростовцева. Тогда Юрьевъ, бросивъ руководство на полъ, сказалъ:

— Чортъ знаетъ, что тутъ за чепуха! Можетъ быть, онъ и хорошій учитель, но это дерзость—сказать при ученикахъ, что онъ меня не понимаетъ. Скажите ему, чтобы впередъ былъ остороженъ.

Продѣлывая подобныя штуки съ учителями и со всѣми подчиненными, Никаноръ Ивановичъ дошелъ, наконецъ, до того, что стало всѣмъ невыносимо. Слѣдующій случай вывелъ насъ всѣхъ изъ терпѣнія. Дѣло было такъ: появилось пасквильное сочиненіе на Юрьева, подъ названіемъ акаѳиста. Оно было подкинуто въ двухъ экземплярахъ: одинъ былъ положенъ въ фуражку директора, другой одному изъ преподавателей, поручику Коллерту, который и прочиталъ его публично въ учительской комнатѣ, во время перемѣны. Директоръ, захвативъ найденное въ фуражкѣ, отправился домой и, прочитавъ посвященный ему акаѳистъ, конечно, разозлился, но рѣшился молчать до времени, пока не отыщется дерзкій памфлетистъ. Какъ всегда бываетъ, нашелся угодникъ и передалъ Юрьеву, что акаѳистъ прочитанъ поручикомъ Коллертомъ въ учительской. Содержаніе этого акафиста было курьезное, въ немъ перечислялись всѣ содѣянныя Юрьевымъ глупости, за два года его управленія. Я помню этотъ акаѳистъ только отрывками и приведу въ томъ видѣ, какъ мнѣ сохранила его память:

Радуйся, блаженный Никаноре, радуйся,
Радуйся, великій глуподѣе, радуйся!
Радуйся, двухголовыхъ ящерицъ ловящій,
Радуйся, кометы за посланницы небесъ считающій,
Радуйся, ворота отъ сквозныхъ вѣтровъ затворяющій,
Радуйся, учителей экзаменующій,
Дураками ихъ ругающій!
Радуйся программы вздоромъ называющій
И на полъ ихъ швыряющій,
Радуйся швейцара за кадета принимающій
И въ лысину его лобызающій,
Радуйся, лбомъ церковный полъ обивающій,
Радуйся, жениховъ для своей Людмилы ловящій! и т. д.

Digitized by Google

Носились слухи, что этотъ пасквиль написалъ кадетъ спеціальнаго класса, было даже подозрѣніе, что сочиненіемъ руководилъ бывшій тогда инспекторъ Бодянскій, у котораго воспитанники собирались по вечерамъ, но настоящій авторъ такъ и не былъ узнанъ.

Когда дошло до директора, что акаѳистъ публично прочитанъ Коллертомъ между учителями, онъ на слѣдующій день, придя на лекцію Коллерта, придрался къ нему, вышелъ изъ себя и сдѣлалъ при воспитанникахъ крайне непозволительную сцену, сказалъ, что онъ, Коллертъ, безчеститъ военный мундиръ, и посовѣтовалъ ему снять его и надѣть фракъ, приличный костюмъ для дурака.—«Послѣ такого незаслуженнаго оскорбленія я больше не могу здѣсь оставаться», проговорилъ Коллертъ и вышелъ изъ класса, за нимъ слѣдомъ вышелъ и директоръ, и раздраженный ушелъ домой. Во время перемѣны всѣ учителя собрались въ учительской, гдѣ происшедшее было разсказано Коллертомъ и подтверждено свидѣтелями. Что-же это такое, господа, долго-ли мы еще будемъ терпѣть такія вещи? говорили фрачники, къ нимъ пристали и мундиры,—и послѣ серьезнаго совѣщанія сообща порѣшили потребовать, чтобы Юрьевъ передъ Коллертомъ извинился. Для объясненія объ этомъ съ директоромъ, по мысли Бодянскаго, выбранъ былъ депутатъ изъ среды учителей. Эту миссію принялъ на себя, согласно выбору, молодой гвардейскій поручикъ Риттеръ, преподаватель фортификаціи и военныхъ наукъ вообще, человѣкъ очень сдержанный, скромный и находчивый. Явившись къ директору въ полной формѣ, онъ отъ лица всего общества учителей высказалъ все, что слѣдуетъ.

— «Это что такое?—воскликнулъ директоръ,—чего-же вы отъ меня хотите?»

— Желаемъ, чтобы вся эта непріятность загладилась и умиротворилась.

— «Какимъ-же образомъ?»

— Вамъ, ваше пр—во, лучше знать къ этому средства.

— «Ужъ не прикажете-ли мнѣ, вашему директору, просить прощенія у этого мальчика?»

— Это какъ вамъ угодно.

— «Пойдите и скажите имъ, чтобы они и не смѣли думать объ этомъ».

— Въ такомъ случаѣ...

— «Ну, что-же въ такомъ случаѣ?»

— Я обязанъ исполнить порученіе моихъ товарищей и предупредить васъ, что на васъ будетъ подана жалоба главному начальнику генералу Ростовцеву.

Digitized by Google

— «Меня этимъ не испугаете, жалуйтесь, сколько угодно... Иди вонъ, а не то я прикажу арестовать тебя».

Въ тотъ-же вечеръ всѣ учителя собрались въ квартирѣ Риттера; посовѣтовавшись, написали жалобу и всѣ подъ нею подписались. Рѣшили: нанять эстафету и когда ее повезутъ, то чтобы двое преподавателей верхами проводили эстафету до первой почтовой станціи, изъ опасенія, чтобы мѣстный почтмейстеръ, по просьбѣ знакомаго съ нимъ Юрьева, не остановилъ ея.

На другой день, 25-го января 1859 года, эстафета была отправлена, а г. Риттеръ снова явился къ Юрьеву съ докладомъ, что жалоба на него послана. Боже мой, что тутъ было! Директоръ внѣ себя отъ бѣшенства бранится, топаетъ ногами, жена его съ рыданіями и криками: «Злодѣи, варвары, что вы съ нами дѣлаете?» падаетъ въ истерикѣ, дочь, тоже въ слезахъ, бросается къ матери. «Позвать сюда Дубровина», кричитъ Юрьевъ. Приходитъ батальонный командиръ Дубровинъ. «Арестовать его!» кричитъ онъ, указывая на Риттера. Риттеръ вынулъ и отдалъ свою шпагу, которую положили подъ корпусное знамя, бывшее тогда въ квартирѣ директора. Риттеръ былъ наказанъ домашнимъ арестомъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1859 г. полученъ былъ приказъ передать на время исправленіе должности директора инспектору Бодянскому, а черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ изъ Петербурга, для разбора дѣла, генералъ Шлиппенбахъ и остановился въ домѣ директора въ бель-этажѣ; директоръ же помѣстился вверху. Дѣло, думаемъ, не ладно. Однако, сомнѣнія были напрасны. Слѣдователь изолировалъ себя совершенно и велъ слѣдствіе на чистоту; всѣхъ насъ призывалъ по одиночкѣ, разспрашивалъ и удивлялся самодурству директора. Онъ всѣмъ намъ говорилъ одно и то-же, что мы поступили противъ закона, подписавъ жалобу скопомъ, что Государь этимъ недоволенъ. «Вы имѣли право жаловаться, объяснялъ онъ, но подписать долженъ былъ кто-нибудь изъ старшихъ служащихъ». На это мы отвѣчали, что не сдѣлали этого изъ опасенія, чтобы за всѣхъ насъ не пострадалъ одинъ. Когда я вошелъ въ кабинетъ къ Шлиппенбаху, онъ взглянулъ на меня и съ удивленіемъ воскликнулъ:

— А! старый сослуживецъ, г. Зайцевъ, вы какъ здѣсь, давно-ли?

— «Да ужъ десять лѣтъ, говорю, ваше пр—во».

— Скажите, а я и не зналъ. Садитесь, пожалуйста, и разскажите, что у васъ здѣсь вышло, за что вы такъ не взлюбили директора. Говорите откровенно, какъ бывшему вашему сослуживцу.

Я разсказалъ подробно все, что зналъ.

— Странный чудакъ, замѣтилъ Шлиппенбахъ.—Жаль мнѣ васъ,

Digitized by Google

господа; я буду держать вашу сторону, сколько могу, но бѣда въ томъ, что Государь Императоръ очень недоволенъ тѣмъ, что вы всѣ подписали жалобу. Это называется скопъ .. незаконно. Не знаю, что будетъ, но Богъ милостивъ, не унывайте!

Съ этимъ я отъ него и вышелъ. 14-го апрѣля Шлиппенбахъ уѣхалъ, а за нимъ вскорѣ выѣхалъ и Юрьевъ въ Петербургъ, для оправданія. Мы слышали потомъ, что когда онъ явился къ Государю, то Государь спросилъ его: «Что ты сдѣлалъ съ моимъ корпусомъ?» Тогда Юрьевъ упалъ на колѣни и просилъ прощенія, но ему дана была отставка.

Съ отъѣздомъ Шлиппенбаха, мы, учителя, пріуныли, стали думать что-то съ нами будетъ, не разсѣютъ ли насъ по всѣмъ уголкамъ матушки Россіи? Думали, гадали и на память другъ о другѣ сняли съ себя, на всякій случай, фотографическую группу, которая и доселѣ красуется у меня на стѣнкѣ.

Болѣе половины этихъ лицъ уже нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ.

Прошли недѣли, мѣсяцы—съ нами ничего особеннаго не послѣдовало. Вскорѣ, по отъѣздѣ Юрьева, къ намъ былъ опредѣленъ новый директоръ, генералъ Тихоцкій, изъ Харькова, и все пошло своимъ чередомъ. Вдругъ слышимъ, что Государь Императоръ будетъ проѣздомъ въ Полтавѣ. Всѣ засуетились, хлопочутъ, приготовляются къ встрѣчѣ высокаго гостя. И вотъ государь въ Полтавѣ и остановился въ домѣ губернатора Волкова; на другой день поѣхалъ осматривать учебныя заведенія и началъ съ нашего корпуса. Пока государь обозрѣвалъ церковь, лазаретъ, столовыя, роты, насъ всѣхъ учителей построили въ корридорѣ. Выйдя къ намъ, Государь поклонился и, окинувъ всѣхъ взоромъ, сказалъ:

— Я вами недоволенъ, вы поступили незаконно, подписали свою жалобу, что называется, скопомъ; вамъ должны быть извѣстны законы, въ особенности вамъ (обратясь къ военнымъ) непростительно. Но Богъ съ вами, надѣюсь, что впередъ этого не будетъ.

Мы всѣ низко поклонились. Государь, кивнувъ головою, промолвилъ: «прощайте», и уѣхалъ изъ корпуса. Слава Богу, повторяли мы всѣ, крестясь отъ радости, все кончено! и зажили съ новымъ директоромъ по божески.

Генералъ Тихоцкій былъ хорошій человѣкъ, общительный, незаносчивый, вообще добрый. Мы бывали съ нимъ даже на охотѣ. Но, увы! съ кѣмъ грѣха не бываетъ, отъ бѣды не спасешься. Не болѣе года пробылъ онъ директоромъ, какъ опять случилась катастрофа. Въ концѣ курса, передъ экзаменами, кадеты старшихъ классовъ просили нѣкоторыхъ учителей и инспектора дать имъ для повторенія

Digitized by Google

научныхъ предметовъ часъ, назначенный для фронтоваго ученья. Инспекторъ согласился, но не предупредилъ объ этомъ баталіоннаго командира. Въ назначенный часъ батальонный приходитъ и приказываетъ офицеру построить кадетъ на ученье. Офицеръ рапортуетъ, что кадеты строиться не хотятъ, говорятъ, что имъ нужно заниматься повтореніемъ. Батальонный вскипѣлъ, пошелъ самъ по классамъ съ крикомъ: «строиться!», но воспитанники и ему отвѣчали, что имъ нужно заниматься. Батальонный немедленно донесъ объ этомъ директору. Тихоцкій прибѣжалъ въ корпусъ и велѣлъ кадетамъ построиться. Тѣ повиновались и выстроились въ ряды. Директоръ скомандовалъ: «направо, маршъ!» но кадеты ни съ мѣста. Я вамъ говорю: «маршъ!» повторилъ онъ, а кадеты стоятъ. Тогда Тихоцкій, въ раздраженіи, ударилъ по щекѣ фланговаго кадета въ передней шеренгѣ. Въ эту минуту послѣдовалъ общій взрывъ въ рядахъ кадетъ: «Какъ, насъ бьютъ, по лицу бьютъ! Что это такое? Мы тебѣ не кантонисты достались!» За симъ массой устремляются на директора, съ крикомъ: «Мы тебя съ лѣстницы спустимъ!».. Но солдаты-служителя и офицеры бросились и остановили кадетъ, а тѣмъ временемъ Тихоцкій сбѣжалъ съ лѣстницы и ушелъ на квартиру. Кадетамъ объявили, что для возстановленія порядка потребуютъ роту вооруженныхъ солдатъ, и это водворило дисциплину. Тѣмъ не менѣе, одинъ изъ кадетъ явился къ губернатору съ жалобой, что ихъ бьютъ; разумѣется, кадета солдаты привели въ корпусъ. Завязалось дѣло. Послѣдовали донесенія въ гл. управленіе в.-учебн. заведеній какъ отъ директора, такъ и отъ губернатора. Назначено было слѣдствіе. Эта исторія кончилась тѣмъ, что изъ кадетъ человѣкъ пять-шесть, признанныхъ зачинщиками, были отправлены въ юнкера, а директоръ вышелъ въ отставку.

На мѣсто его къ намъ пріѣхалъ изъ новгородскаго корпуса генералъ баронъ Икскуль и перевелъ съ собою на службу своего инспектора полковника Кузьмина-Короваева, который былъ его достойный помощникъ и довѣренное лицо. Баронъ Икскуль откровенно признавался, что не безъ опасенія и страха рѣшился онъ на переводъ въ Полтавскій корпусъ, заявившій себя безпокойнымъ и опаснымъ заведеніемъ, изъ котораго въ два года вытѣснили двухъ директоровъ: одного—учителя, а другаго кадеты, и принялъ должность только съ тѣмъ, чтобъ съ нимъ былъ переведенъ Григорій Павловичъ Короваевъ. Однако, опасенія барона Икскуля были напрасны, время его управленія прошло великолѣпно: онъ не могъ нахвалиться нами, а мы имъ.

Въ 1864 г. Г. П. Короваевъ былъ переведенъ въ московскій корпусъ, а директоръ Икскуль, по случаю преобразованія корпусовъ въ гимназіи, оставилъ въ 1865 году службу, вмѣстѣ съ инспекторомъ

Digitized by Google

Руммелемъ, занявшимъ мѣсто послѣ Короваева. Начальникомъ полтавской военной гимназіи назначенъ былъ извѣстный математикъ и педагогъ Ф. И. Симашко—и 20 лѣтъ этотъ почтенный, убѣленный сѣдинами мужъ управлялъ преобразованнымъ заведеніемъ, съ истиннымъ гуманно-педагогическимъ тактомъ.

При ген. Симашко я и закончилъ мою дѣятельность, вышелъ въ отставку, съ чиномъ статскаго совѣтника, кавалеромъ св. Станислава, Анны и Владиміра и награжденный за свою 46-ти-лѣтнюю учительскую службу пенсіономъ, которымъ и живу помаленьку донынѣ, вмѣстѣ съ незамужней моей дочерью. Мнѣ уже 82 года, но я, благодаря Бога, еще бодръ и крѣпокъ и одно только чувствительно измѣнило мнѣ за послѣднее время — это зрѣніе; читать и писать могу не иначе, какъ съ помощію лупы.

Въ заключеніе моихъ незатѣйливыхъ воспоминаній, снисходительно принятыхъ почтеннымъ редакторомъ «Русской Старины» на страницы этого уважаемаго журнала,—приведу списокъ директоровъ и инспекторовъ, перемѣнившихся за время моего 46-ти-лѣтняго учительства:

Въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ Петербургѣ,

съ 1839 по 1848 годъ:

Директоры:	Инспекторы:
1. Годеинъ.	1. Кушакевичъ.
2. Шлиппенбахъ.	2. Кори.
3. О. С. Лихонинъ.	3. Выходцевскій.

Въ Полтавскомъ корпусѣ,

съ 1848 по 1885 годъ:

Директоры:	Инспекторы:			
4. Струмилло.				
5. Врангель.	4. Ницкевичъ.	9. Короваевъ.	14. Боголюбовъ.	
6. Юрьевъ.	5. Скалонъ.	10. Руммель.	15. М. Ѳ. Де-Пуле.	
7. Тихоцкій.	6. Андріяновъ.	11. Кругликовъ.	16. Смирновъ.	
8. Икскуль.	7. Дудышкинъ.	12. Фонъ-Боль.	17. Кудрявый.	
9. Симашко.	8. Бодянскій.	13. Котельниковъ.	18. Анчутинъ.	

И. К. Зайцевъ.

г. Полтава.
1886 г.

Digitized by Google

Испанія и Россія.

Шутка-стихотвореніе И. Колошина.

Колошинъ, нынѣ покойный, былъ писатель талантливый, изд.-ред. „Московскаго Наблюдателя“, человѣкъ весьма образованный; печатаемое ниже шутливое его стихотвореніе было написано имъ до реформъ — административной и судебной — Государя-Освободителя, обновившихъ весь внутренній строй нашего отечества, и потому не имѣетъ никакого современнаго значенія, а относится цѣликомъ къ старой дореформенной Россіи. Ред.

Князей Варяжскихъ призывая,
Славянскій порѣшилъ совѣтъ
Сказать имъ: наша Русь большая,
Но на Руси порядка нѣтъ.

* * *

За Пиринейскими горами
Лежитъ такая-же страна;
Богата дивными дарами,
Но безъ порядка и она.

* * *

Здѣсь также куча грязныхъ станцій,
И недостатокъ лошадей;
Такое-жъ множество инстанцій
И подкупаемыхъ судей.

* * *

Тутъ есть кремли, есть и соборы,
Клоповъ и тутъ не перечесть;
Есть и рекрутскіе наборы,
Въ пѣхотѣ даже каски есть.

* * *

Здѣсь конституція созрѣла,
Но вышло какъ-то на одно:
Лишь явится какое дѣло,
Его здѣсь также подъ сукно.

* * *

Гитара—та же балалайка;
Цыганки—равно какъ у насъ;
Чиновниковъ такая-жъ шайка;
Отвѣтъ „ahora“—нашъ „сейчасъ“.

* * *

Порядкомъ изучивъ испанцевъ,
Я къ заключенью прихожу,
Что, кромѣ свѣжихъ померанцевъ,
Все тоже дома нахожу.

Мадридъ.
2 (14) марта 1861 г.

И. Колошинъ.

[Изъ собранія автографовъ Е. Н. Муромцовой].

Сообщ. А. В. Селивановъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

офицерами и даже ротными командирами. Съ уничтоженіемъ тѣлесныхъ наказаній, которыя въ корпусахъ служили однимъ изъ средствъ воспитанія, начальствующія лица въ Константиновскомъ корпусѣ потеряли весь свой авторитетъ. Нужно было установить дисциплинарныя отношенія, основанныя не на страхѣ къ начальнику, а на уваженіи къ его власти, къ его достоинству, къ долгу службы. Но обучающіеся кадеты не могли имѣть понятія о долгѣ службы — ихъ продолжали вести какъ мальчиковъ, а умѣнью уважать власть въ дѣтскіе годы многіе изъ нихъ научались только подъ розгами.

Батальонный командиръ полковникъ Эллiотъ, человѣкъ почтенный, но взыскательный до мелочности, для сдержанія строптивыхъ и непокорныхъ имѣлъ въ рукахъ только одно дѣйствительное средство— представленіе къ исключенію изъ корпуса. Поощрялись доносы, развилось между кадетами наушничество и шпіонство. Нерѣдко, за недостаткомъ доказательствъ, кадета исключали изъ корпуса только по одному подозрѣнію. Этою крайнею мѣрою стали злоупотреблять. Новое вино, влитое въ старые мѣха, обнаружило броженіе, мѣха не выдержали. Однажды за ужиномъ кадеты всего корпуса слишкомъ гласно выразили свое неудовольствіе на эконома. Подобныя исторіи, какъ извѣстно, и прежде случались; но на этотъ разъ такой кадетской шалости корпусное начальство придало значеніе бунта, о чемъ и дано знать Ростовцеву, бывшему въ то время въ Москвѣ. На встрѣчу Ростовцеву пошло, между тѣмъ, обширное посланіе отъ кадетъ, въ которомъ они, откровенно и правдиво изложивъ всѣ обстоятельства дѣла, раскаивались въ своемъ проступкѣ, считали себя заслуживающими самаго строгаго наказанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ просили начальника главнаго штаба по военно-учебнымъ заведеніямъ снизойти къ ихъ единогласной просьбѣ и обратить вниманіе на унизительное обращеніе съ ними офицеровъ, какъ съ мальчишками общихъ классовъ. Ростовцевъ отнесся ко всей этой исторіи съ большимъ тактомъ: прочитавъ письмо передъ собраніемъ всѣхъ кадетъ и офицеровъ, онъ заключилъ свою грозную рѣчь тѣмъ, что поставилъ всѣхъ на колѣни. Стали на колѣни и офицеры.

Дѣло это, окончившееся въ сущности пустымъ наказаніемъ, заставило Ростовцева призадуматься надъ всею системою корпусовъ и прежде всего обратить серьезное вниманіе на внутренній порядокъ названнаго заведенія; но для исправленія порядка, какъ оказалось, недостаточно было пальятивовъ, а нужно было произвести коренную реформу во всемъ быту воспитанниковъ и, прежде всего, установить правила воинской дисциплины, то есть взрослыхъ воспитанниковъ обратить въ служебный военный чинъ и считать ихъ

Digitized by Google

на дѣйствительной службѣ, подобно юнкерамъ въ войскахъ. Образецъ подобному заведенію былъ въ Воронежѣ и объ этомъ Ростовцевъ зналъ давно отъ Герштенцвейга. Осенью 1858 г., отъ вернувшагося оттуда генералъ-квартирмейстера барона Ливена, онъ узналъ и объ устройствѣ этой военной школы для юнкеровъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ. Совершенно больной директоръ Воронецъ лѣтомъ 1858 г. отправился для леченія за границу и на его мѣсто былъ вызванъ изъ Полоцка директоръ корпуса П. П. Киновичъ, опытный администраторъ, боевой генералъ и весьма осторожный начальникъ. Выборъ оказался весьма удачнымъ. Рѣшено было къ лагерямъ 1858 г. произвести усиленный выпускъ въ офицеры, такъ что въ лагерь выступило лишь 199 кадетъ, въ составѣ одной строевой служебной роты, вмѣсто четырехъ ротъ. Осенью же 1858 г., вмѣстѣ съ прибытіемъ кадетъ изъ губернскихъ корпусовъ въ 3-й спеціальный классъ, въ Константиновскій корпусъ были открыты настежъ двери для приходящихъ экстерновъ, подъ которыми разумѣлись молодые люди, окончившіе курсъ гимназій, потомственные дворяне, а также тѣ изъ недворянъ, которые имѣли право поступать въ военную службу на правахъ вольноопредѣляющихся 1-го разряда. Воспитанники кадетскихъ корпусовъ, вмѣстѣ съ экстернами, составили въ строевомъ отношеніи 4-хъ ротный батальонъ юнкеровъ съ правами и обязанностями дѣйствительной службы. Директору Киновичу предписано было составить особое «Положеніе» для Константиновскаго корпуса, въ которомъ надлежало опредѣлить внутренній порядокъ примѣняясь, по возможности, къ порядкамъ внутренней службы въ войскахъ, и установить дисциплинарныя отношенія между офицерами и юнкерами, а затѣмъ, по мѣрѣ опыта, составить правила относительно поведенія юнкеровъ внѣ заведенія и порядка классныхъ занятій. Положенія и правила были одобрены Ростовцевымъ въ видѣ опыта, а 14 мая 1859 года Константиновскій кадетскій корпусъ былъ переименованъ въ «Константиновское военное училище» (прик. по в.-учебн. зав. № 2,645).

Между тѣмъ работа надъ организаціей преобразуемаго заведенія производилась подъ непосредственнымъ надзоромъ Якова Ивановича Ростовцева, который, не смотря на свои усиленныя занятія, въ качествѣ предсѣдателя редакціонныхъ комитетовъ по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, каждую пятницу посѣщалъ училище и заботливо слѣдилъ за привитіемъ къ юнкерамъ новыхъ правилъ. Юнкерамъ предоставлены были широкія льготы, они могли выходить со двора во всякое свободное отъ занятій время и, находясь въ отпуску,

Digitized by Google

должны были соблюдать всѣ правила, предписанныя нижнимъ чинамъ въ войскахъ.

Многое оставалось еще сдѣлать, чтобы дать твердую постановку заведенію, совершенно уже не похожему на прежній кадетскій корпусъ, когда скончался Ростовцевъ (6 февраля 1860 года).

Положеніе объ училищѣ и правила внутренняго войсковаго порядка, благодаря неусыпнымъ заботамъ П. Киновича, получали постепенно дальнѣйшую обработку и были примѣнены, съ одной стороны, къ внутреннему порядку въ кадетскомъ корпусѣ, съ исключеніемъ требованій, не свойственныхъ взрослымъ юношамъ, а съ другой—къ войсковымъ требованіямъ; отмѣнены мѣры поощренія и взысканій за успѣхи и неуспѣхи въ наукахъ, опредѣленъ служебный кругъ обязанностей юнкеровъ по соблюденію порядка и дисциплины, дано основаніе артельному хозяйству.

Такимъ образомъ съ 1859 г. въ средѣ вѣдомства военно-учебныхъ заведеній уже началось раздвоеніе: явилось «училище», которое по своему положенію существенно отличалось отъ всѣхъ кадетскихъ корпусовъ и по своему уставу во многихъ отношеніяхъ совпадало съ «училищемъ подпрапорщиковъ 4-го корпуса» съ тою, конечно, разницею, что юнкера новаго военнаго училища, по предварительному общему образованію, стояли значительно выше юнкеровъ воронежскаго училища, послѣдніе же превосходили первыхъ служебною опытностью, знаніемъ порядковъ дѣйствительной службы и практически знакомы были съ военной дисциплиной. Константиновское военное училище стало образчикомъ для устройства военныхъ училищъ, подобно тому, какъ воронежское училище (бывшаго 4-го корпуса) стало образчикомъ для организаціи юнкерскихъ училищъ.

Двухъ или трехъ-лѣтній опытъ дѣйствія Константиновскаго военнаго училища указывалъ его директору на необходимость существенныхъ поправокъ, которыя, какъ онъ убѣдился изъ хода занятій, не могли быть выполнены по его собственной иниціативѣ: во 1-хъ, офицеровъ-наставниковъ, отвыкшихъ отъ служебныхъ требованій въ войскахъ и недостаточно знакомыхъ съ порядкомъ строевыхъ занятій, нужно было замѣнить новыми и, притомъ, по возможности съ высшимъ военнымъ образованіемъ; во 2-хъ, обратить особенное вниманіе на индивидуальное развитіе юнкеровъ по строевой службѣ; въ 3-хъ, ограничить слишкомъ широкія требованія въ военныхъ наукахъ, отмѣнивъ 3-й спеціальный классъ, какъ излишнюю роскошь для офицера, готовящагося къ строевой службѣ, и въ 4-хъ, въ лагерное время помѣщать училище съ войсками, а не съ отрядомъ кадетскихъ корпусовъ. Эти соображенія П. П. Киновича, представленныя въ 1862 г.

Digitized by Google

главному начальнику военно-учебныхъ заведеній, великому князю Михаилу Николаевичу, совпали съ рѣшеніемъ его высочества образовать особый комитетъ съ цѣлью начертанія основаній для преобразованія военно-учебныхъ заведеній.

V.

Въ 1862 году произошли крупныя перемѣны въ личномъ составѣ военнаго министерства. Военнымъ министромъ былъ назначенъ Д. А. Милютинъ, который послѣ покоренія Кавказа занималъ постъ товарища военнаго министра и ясно видѣлъ необходимость ряда коренныхъ преобразованій по всему военному вѣдомству.

Отъ нѣкоторыхъ лицъ высшаго государственнаго управленія, а также отъ нѣкоторыхъ служащихъ въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній, поступили въ штабъ его высочества по военно-учебнымъ заведеніямъ мнѣнія, съ изложеніемъ соображеній о необходимости сдѣлать болѣе или менѣе существенныя измѣненія въ устройствѣ кадетскихъ корпусовъ, имѣя въ виду двоякую цѣль: съ одной стороны улучшить пріемы военнаго воспитанія кадетъ младшихъ возрастовъ, а съ другой—сблизить спеціальное военное образованіе съ тѣми новыми требованіями дѣйствительной военной службы въ офицерскихъ чинахъ, какія называются условіями новѣйшаго военнаго искусства. Достигнутыя же сбереженія отъ преобразованія частью обратить на устройство въ войскахъ юнкерскихъ училищъ, частью же на потребности народнаго просвѣщенія.

Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ его высочества главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, назначенный по высочайшему повелѣнію осенью 1862 г., приступилъ къ занятіямъ 14 октября, а въ декабрѣ представилъ основанія для предстоящаго преобразованія кадетскихъ корпусовъ и самаго управленія, съ подчиненіемъ таковыхъ вѣдѣнію военнаго министра.

Военно-учебныя заведенія, требуя на свое содержаніе болѣе 4.700,000 руб. (со включеніемъ % стоимости зданій, въ которыхъ кадетскіе корпуса помѣщались), не приносили ожидаемой отъ нихъ пользы ни въ числѣ, ни въ качествѣ выпускаемыхъ ими на службу офицеровъ. Въ послѣдніе годы они давали среднимъ числомъ по 612 офицеровъ, образованіе которыхъ обходилось въ 7,700 руб.; а по исключеніи изъ общаго числа выпускныхъ всѣхъ окончившихъ неудовлетворительно и предназначенныхъ на службу въ линейные батальоны,

Digitized by Google

внутреннюю стражу и въ гражданскую службу, стоимость образованія въ корпусахъ каждаго офицера исчислялась въ 9,538 руб. И эти затраты государство дѣлало для укомплектованія преимущественно гвардіи и спеціальныхъ родовъ войскъ. Число-же воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ, поступавшихъ въ армію до 1862 года, было крайне ограниченное. За укомплектованіемъ стрѣлковыхъ баталіоновъ и гренадерскаго корпуса на долю армейской пѣхоты оставались единицы.

Объ офицерахъ изъ кадетскихъ корпусовъ въ комитетѣ составилось слѣдующее мнѣніе, очевидно, подъ впечатлѣніемъ неудачъ послѣдней Восточной войны, вызвавшихъ переломъ во взглядѣ относительно желаемаго типа строеваго офицера, который долженъ самостоятельно руководить обученіемъ солдата съ первыхъ дней своей службы, а не быть ученикомъ старослужащаго унтеръ-офицера.

«Выпущенные изъ кадетскихъ корпусовъ отличаются совершеннымъ невѣдѣніемъ военнаго быта и военной дисциплины, не имѣютъ основательныхъ научныхъ знаній, пренебрегаютъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей и самою службою, нерѣдко относятся съ неуваженіемъ къ старшимъ и, вообще, вносятъ съ собою такое нравственное направленіе, отъ котораго можно опасаться вредныхъ послѣдствій для самой арміи. Вмѣсто того, чтобы быть руководителемъ солдатъ и надежнымъ помощникомъ начальника, офицеръ, выпущенный изъ корпуса, самъ нерѣдко нуждается въ дядькѣ; самоувѣренность же, развитая въ немъ, препятствуетъ ему на службѣ пріобрѣсти необходимую практичную подготовку, что въ послѣднее время побуждало бо́льшую часть начальниковъ въ арміи искать для своихъ частей офицеровъ изъ юнкеровъ, хотя и менѣе образованныхъ, чѣмъ кадеты, но за то болѣе полезныхъ для службы своимъ знакомствомъ съ условіями военнаго быта и воинскихъ требованій».

Такой рѣшительный приговоръ въ то время не могъ быть пріятенъ большинству директоровъ кадетскихъ корпусовъ и многимъ почитателямъ Ростовцева. Какъ и всегда, въ новомъ начинаніи явились защитники существующаго положенія дѣла, которое, по ихъ мнѣнію, нуждалось лишь въ нѣкоторыхъ несущественныхъ поправкахъ. Придавая преувеличенное значеніе внѣшней формѣ, они, между тѣмъ, не могли ничего предложить серьезнаго, чтобы съ отмѣною стараго режима можно было въ корпусахъ достигать положительныхъ воспитательныхъ цѣлей. Реформѣ необходимо было коснуться основанія всей воспитательной системы, затронуть всю глубину стараго режима, развернут во всю ширь неприглядныя стороны кадетскаго быта и

Digitized by Google

государя императора Александра II, приступить къ реформѣ неотлагательно.

VI.

Между тѣмъ, съ призваніемъ великаго князя Михаила Николаевича къ управленію кавказскимъ краемъ, произошло измѣненіе и въ самомъ составѣ вѣдомства военно-учебныхъ заведеній, отъ которыхъ отошли въ соотвѣтственныя спеціальныя установленія военнаго министерства военныя академіи, а равно артиллерійское, инженерное и военно-юридическое училища. Главный штабъ начальника военно-учебныхъ заведеній, съ присоединеніемъ къ нему управленія училищъ военнаго вѣдомства (бывшаго до того въ завѣдываніи департамента генеральнаго штаба), переименованъ въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, какъ одна изъ составныхъ частей военнаго министерства, наравнѣ съ другими управленіями того вѣдомства, и начальникомъ военно-учебныхъ заведеній назначенъ свиты его вел. генералъ-маіоръ Н. В. Исаковъ, а его помощникомъ—свиты его вел. генералъ-маіоръ Корсаковъ. Ходъ преобразованія военно-учебныхъ заведеній въ свое время былъ описанъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, и потому мы можемъ ограничиться только общими его результатами [1]).

Взамѣнъ спеціальныхъ классовъ столичныхъ и губернскихъ корпусовъ, кромѣ Константиновскаго военнаго училища (существовавшаго съ 1859 года), устроены въ 1863 году еще два пѣхотныя военныя училища: Павловское—въ Петербургѣ и Александровское—въ Москвѣ. Курсамъ военныхъ училищъ данъ общій военный характеръ съ исключительнымъ назначеніемъ готовить учащихся къ службѣ въ пѣхотѣ, съ комплектомъ въ 900 обучающихся юнкеровъ. Кромѣ того, съ цѣлью образованія офицеровъ для службы исключительно въ Оренбургскомъ краѣ и въ Сибири, устроено въ 1866 году (изъ спеціальныхъ классовъ военной гимназіи) четвертое училище въ Оренбургѣ, которое, впрочемъ, вскорѣ оказалось нужнымъ упразднить. Для образованія же юнкеровъ по кавалерійской спеціальности, школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ преобразована, въ 1865 году, въ Николаевское кавалерійское училище, на

---

[1]) Между прочимъ, статья: „Реформа военно-учебныхъ заведеній“ (1862—1869 гг.) въ „Педагогическомъ Сборникѣ“ за 1869 годъ.

Digitized by Google

одинаковыхъ основаніяхъ съ пѣхотными военными училищами, при чемъ дано большее развитіе занятіямъ въ соотвѣтствіи съ требованіями отъ кавалерійскаго офицера. Для ознакомленія юнкеровъ съ бытомъ войсковымъ, лѣтомъ лагерь военныхъ училищъ назначенъ вмѣстѣ съ войсками гвардіи — въ Петербургѣ и арміи — въ Москвѣ. При второмъ военномъ Константиновскомъ училищѣ сохраненъ особый одногодичный спеціальный курсъ для молодыхъ людей, окончившихъ общее образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а съ 1867 года открытъ приготовительный классъ для юнкеровъ гвардіи съ цѣлью подготовленія ихъ къ держанію офицерскаго экзамена на одинаковыхъ основаніяхъ съ юнкерами, окончившими курсъ военныхъ училищъ.

Общіе классы столичныхъ и губернскихъ кадетскихъ корпусовъ преобразованы въ военныя гимназіи съ замѣною строеваго дѣленія на роты, дѣленіемъ на два возраста—старшій (изъ двухъ старшихъ классовъ) и младшій, подраздѣленный на два отдѣла (изъ остальныхъ четырехъ классовъ), каждый классъ, составлявшій отдѣленіе въ 25—30 воспитанниковъ, порученъ завѣдыванію особаго воспитателя съ предоставленіемъ ему самостоятельнаго положенія.

Воспитанниковъ военныхъ гимназій на лагерное время положено увольнять въ отпускъ къ родителямъ, а не воспользовавшихся этимъ правомъ выводить въ мѣста загороднаго расположенія. Для занятія должности воспитателя установленъ извѣстный учебный цензъ съ допущеніемъ въ должность воспитателя безразлично какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ лицъ. Мѣра эта казалась необходимою, такъ какъ для замѣны корпусныхъ наставниковъ новыми лицами не было въ то время возможности пріискать въ войскахъ достаточное число офицеровъ, соотвѣтствовавшихъ условіямъ ценза.

По первоначальному разсчету, для укомплектованія военныхъ училищъ воспитанниками, окончившими курсъ шести классовъ военныхъ гимназій, съ присоединеніемъ 100 молодыхъ людей изъ числа окончившихъ курсъ гражданскихъ гимназій, каковые молодые люди ежегодно опредѣлялись со стороны для полученія военнаго образованія въ военныхъ училищахъ, полагалось имѣть девять военныхъ гимназій, со штатомъ на 2,700 воспитанниковъ (по 300 воспит. въ каждой). Но эти предположенія, впослѣдствіи, измѣнились, вслѣдствіе необходимости пополнять воспитанниками военныхъ гимназій два спеціальныя военныя училища — Михайловское артиллерійское и Николаевское инженерное (отошедшихъ въ вѣдѣніе соотвѣтственныхъ вѣдомствъ), Николаевское кавалерійское и Оренбургское военное училища. Такимъ

Digitized by Google

образомъ, число всѣхъ военныхъ гимназій доведено до двѣнадцати [1]) и, сверхъ того, при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ учрежденъ приготовительный пансіонъ (извѣстный подъ именемъ пансіона Шакѣева). Военныя гимназіи могли быть въ 400 составѣ и общее число воспитанниковъ въ названныхъ заведеніяхъ назначено 4,300. Наконецъ, Пажескій его императорскаго величества корпусъ въ 1866 году получилъ видоизмѣненіе въ соотвѣтствіе съ общимъ планомъ преобразованія воспитательной части, т. е. спеціальные классы образовали роту, а общіе классы приравнены къ военнымъ гимназіямъ, какъ по учебному курсу пяти классовъ гимназій, такъ и по раздѣленію на возрасты; младшій же классъ корпуса обращенъ въ приготовительный для экстерновъ.

Затѣмъ, пѣхотныя училища составили три баталіона, съ подраздѣленіемъ на роты (по четыре въ каждомъ), взводы и отдѣленія, четвертое пѣхотное Оренбургское и спеціальные классы Пажескаго корпуса—роты, а Николаевское кавалерійское училище—эскадронъ.

Кромѣ военныхъ училищъ и военныхъ гимназій, образованныхъ изъ кадетскихъ корпусовъ, въ вѣдѣніи главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній оставленъ Финляндскій кадетскій корпусъ съ тремя спеціальными классами, тремя общими и однимъ приготовительнымъ, для подготовленія офицеровъ изъ финляндскихъ уроженцевъ.

Корпусъ этотъ былъ устроенъ и развивался на основаніи положенія 25-го апрѣля 1865 года съ комплектомъ въ 120 воспитанниковъ.

Всего, въ пяти военныхъ училищахъ, двухъ кадетскихъ корпусахъ (Пажескомъ и Финляндскомъ), двѣнадцати военныхъ гимназіяхъ и приготовительномъ пансіонѣ, по штатамъ и положеніямъ 1866, 1867 и 1868 годовъ, опредѣлено 5,760 юнкеровъ и воспитанниковъ, съ ежегоднымъ выпускомъ въ офицеры отъ 500 до 600 человѣкъ.

Слѣдуетъ упомянуть еще объ учрежденіи въ 1865 г. при второмъ кадетскомъ корпусѣ педагогическихъ курсовъ для молодыхъ людей, получившихъ высшее университетское образованіе, съ цѣлью подготовленія изъ нихъ преподавателей-педагоговъ, при чемъ изъ кандидатовъ-педагоговъ полагалось выпускать ежегодно отъ 7 до 10 учителей, практически подготовленныхъ къ преподаванію одного предмета, кромѣ русскаго языка, основательное знакомство съ которымъ дѣлалось обязательнымъ для каждаго.

---

[1]) Въ С.-п.-бургѣ двѣ—1-я и 2-я; въ Москвѣ двѣ—1-я и 2-я; въ Нижнемъ-Новгородѣ (перевед. изъ Новгорода), Полоцкѣ, Кіевѣ, Полтавѣ, Орлѣ, Воронежѣ, Оренбургѣ и Омскѣ.

Digitized by Google

Въ устройствѣ военныхъ училищъ на новыхъ началахъ, какія намѣчены были въ Константиновскомъ военномъ училищѣ, дѣятельное участіе принимали, кромѣ П. П. Киновича, вновь назначенные начальники пѣхотныхъ военныхъ училищъ: П. С. Ванновскій — Павловскаго, Б. П. Шванебахъ—Александровскаго (въ Москвѣ). Всѣ три названные начальника военныхъ училищъ имѣли боевую опытность и, кромѣ того, генералъ Ванновскій, прошедшій стрѣлковую офицерскую школу, былъ извѣстенъ какъ свѣдущій генералъ по строевой, особенно же по стрѣлковой части, на которую послѣ Восточной войны обращено особое вниманіе. Къ названнымъ тремъ начальникамъ пѣхотныхъ училищъ слѣдуетъ присоединить устроителя кавалерійскаго училища, барона Таубе.

Должности баталіоннаго и ротныхъ командировъ и офицеровъ въ каждомъ военномъ училищѣ, по выбору самихъ начальниковъ, заняли, большею частью, офицеры съ высшимъ военнымъ образованіемъ въ одной изъ академій или отличавшіеся служебно-строевою опытностью, особенно по стрѣлковой части.

Въ первый же учебный годъ (1863—1864 гг.), благодаря заботливости и энергіи своихъ начальниковъ и соединеннымъ трудамъ офицеровъ, внесшихъ въ бытъ юнкеровъ надлежащія понятія о военной службѣ, дисциплинѣ и строевомъ дѣлѣ, военныя училища стали на твердую ногу и въ первый же лагерь съ войсками подъ Краснымъ селомъ, въ строевомъ отношеніи и въ стрѣльбѣ, не уступали лучшимъ частямъ гвардіи.

Болѣе затрудненій представляло преобразованіе общихъ классовъ кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи. Приходилось создать, такъ сказать, типъ такого учебно-воспитательнаго заведенія, которое могло бы удовлетворять требованіямъ современной педагогіи и соотвѣтствовать цѣлямъ военнаго образованія. Явилась военная гимназія съ курсомъ реальнаго характера, въ которомъ дано преобладающее развитіе математикѣ и естествовѣдѣнію. Весь же учебный шестилѣтній курсъ раздѣленъ на подготовительный, или пропедевтическій и систематическій.

Прежде всего возникла вторая военная гимназія, преобразованная изъ втораго кадетскаго корпуса; она и служила моделью для устройства прочихъ военныхъ гимназій. Въ директоры ея избранъ Г. Г. Даниловичъ, опытный преподаватель и просвѣщенный педагогъ, который и былъ ближайшимъ сотрудникомъ Н. В. Исакова по устройству военныхъ гимназій изъ кадетскихъ корпусовъ.

При отсутствіи у насъ образцовъ, опытомъ которыхъ можно было бы пользоваться при реформѣ кадетскаго корпуса въ новое заведеніе,

Digitized by Google

труды Даниловича и избранныхъ имъ воспитателей, съ надлежащимъ нравственнымъ направленіемъ и солидною подготовкою къ педагогической дѣятельности, служили, такъ сказать, практическимъ указаніемъ, какъ опытъ для дальнѣйшихъ преобразованій прочихъ корпусовъ. Поэтому преобразованіе кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи дѣлалось послѣдовательно, когда въ наличности являлись достаточныя педагогическія силы, способныя удовлетворить сложнымъ требованіямъ, какъ отъ каждаго новаго директора, такъ и отъ каждаго вновь назначеннаго воспитателя-педагога, въ рукахъ котораго реформа сосредоточила всю отвѣтственность за нравственность и образованіе мальчиковъ. Вся сила устройства военныхъ гимназій заключалась въ умѣніи обставить заведенія достойнѣйшими воспитателями; при недостаткахъ таковыхъ въ войскахъ, нужно было искать соотвѣтственныхъ людей въ гражданскомъ вѣдомствѣ. И это обстоятельство, именно трудность создать въ короткое время достаточный контингентъ надежныхъ воспитателей изъ военныхъ, было, какъ оказалось впослѣдствіи, ахиллесовою пятою военныхъ гимназій.

Каждый директоръ и воспитатели вновь учрежденной военной гимназіи должны были предварительно ознакомиться съ веденіемъ дѣла во второй с.-петербургской гимназіи, которая ранѣе всѣхъ вступила на путь преобразованія. Въ слѣдующемъ 1864 году образованы были гимназіи: Тульская, Александровская (впослѣдствіи упраздненная), первая петербургская, первая и вторая московскія и орловская Бахтина; въ 1865 году — петровская, полтавская, михайловская, воронежская, владимірская, кіевская и полоцкая; въ 1866 году—нижегородская графа Аракчеева (изъ нижегородскаго кадетскаго корпуса), оренбургская, неплюевская и сибирская (въ Томскѣ). Положенія, штаты и табели всѣхъ гимназій удостоились высочайшаго утвержденія въ 1866 году, сибирской военной гимназіи въ 1867 году и Пажескаго его величества корпуса—1868 г.

Принимаемыя въ каждомъ заведеніи воспитательныя мѣры, годовые отчеты начальниковъ гимназій, отчеты лицъ, инспектировавшихъ военныя гимназіи, опытные уроки, а также теоретическіе и практическіе опыты современной педагогики, которые стекались въ центральномъ управленіи, печатались въ журналѣ «Педагогическомъ Сборникѣ», издаваемомъ подъ редакціей Н. Х. Весселя, извѣстнаго своею издательскою дѣятельностью педагога. Этотъ журналъ замѣнилъ прежній журналъ для воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, котораго кадеты никогда и не читали.

Тогда же было положено основаніе педагогическому музею,

Digitized by Google

проекты, положенія программъ, штатовъ и табелей для юнкерскихъ училищъ, которые, получивъ обработку въ законодательномъ порядкѣ, высочайше утверждены (прик. по воен. вѣд. 26 марта 1869 года, № 86). Нормальный штатъ для училищъ принятъ: пѣхотныхъ въ 200 юнкеровъ (гельсингфорское въ 100 юнк.), кавалерійскихъ— тверскаго въ 90 и елизаветградское въ 150 юнкеровъ, оренбургскаго въ 80 пѣх. юнкеровъ и 120 казач. урядниковъ.

Въ 1869 году были открыты еще два училища: петербургское пѣхотное и новочеркасское казачье на 120 урядниковъ донскаго и астраханскаго казачьихъ войскъ, а 1870 г. открыто другое казачье училище ставропольское на 30 кавал. и 90 казач. юнкеровъ.

Къ открытію сихъ послѣднихъ училищъ военное министерство было вынуждено настоятельнымъ ходатайствомъ главнокомандующихъ петербургскаго и кавказскаго военныхъ округовъ великихъ князей Николая Николаевича Старшаго и Михаила Николаевича и наказнаго атамана войска донскаго—генер.-адъютанта Потапова, а за нимъ и Черткова.

Такимъ образомъ, въ теченіе семи лѣтъ, открыто и устроено 16 юнкерскихъ училищъ пѣхотныхъ, кавалерійскихъ и казачьихъ на 3,270 юнкеровъ и урядниковъ, въ которыхъ могло быть ежегодно подготовлено къ выпуску для производства въ офицеры до 1,300 чел., а именно: въ пѣхоту — 1,070, въ конницу — 100, въ казаки — 130.

Мнѣнія экзаменныхъ комиссій съ заключеніями начальника военнаго штаба, ежегодные отчеты начальниковъ юнкерскихъ училищъ и періодическіе отчеты лица, инспектировавшаго юнкерскія училища, послѣ статистической обработки, печатались въ «Педагогическомъ Сборникѣ», отчасти и въ «Военномъ Сборникѣ». Кромѣ того, въ «Русскомъ Инвалидѣ» помѣщались общія статистическія данныя о ходѣ юнкерскихъ училищъ, такъ что войска и военныя установленія имѣли возможность постоянно знакомиться съ положеніемъ и состояніемъ этихъ новыхъ войсковыхъ учебныхъ учрежденій.

Послѣ австро-прусской войны государственныя соображенія потребовали увеличенія состава дѣйствующихъ войскъ, а вслѣдствіе этого военное министерство признало необходимымъ въ 1869 г. увеличить штаты нѣкоторыхъ пѣхотныхъ и обоихъ кавалерійскихъ юнкерскихъ училищъ; пѣхотныхъ до 300 и даже 400 состава, кавалерійскихъ до 300 и 150 чел. Съ приведеніемъ въ исполненіе всѣхъ предположеній, сдѣланныхъ въ 1870 году во всѣхъ училищахъ, положено было имѣть до 4000 обучающихся съ ежегоднымъ выпускомъ отъ 1,500 до 1,600 кандидатовъ на производство въ офицеры, а именно:

Digitized by Google

Обучающихся по штатамъ.		Ежегодно можетъ быть выпущено для произв. въ офицеры.	
Пѣхотныхъ	3,110	Въ пѣхоту	1,200
Кавалерійскихъ . . .	480	» кавалерію	200
Казачьихъ	480	» казаки	200

Въ 1869 году реформы по военно-учебному вѣдомству можно было считать оконченными, но еще каждому заведенію оставалось не мало работы надъ развитіемъ деталей. Въ совокупности въ училищахъ обѣихъ категорій могло быть ежегодно подготовлено такое число юнкеровъ, какое въ то время требовалось для укомплектованія открывавшихся офицерскихъ вакансій, а явившаяся неожиданно надобность увеличить комплектъ офицеровъ застала военное министерство вполнѣ готовымъ, чтобы удовлетворить этой потребности. Въ проектѣ было уже намѣчено также учрежденіе юнкерскихъ училищъ на отдаленныхъ восточныхъ окраинахъ—въ Иркутскѣ и Ташкентѣ.

VII.

Считаемъ нужнымъ сказать еще нѣсколько словъ о судьбѣ бывшихъ баталіоновъ военныхъ кантонистовъ, которые до Восточной войны, въ теченіи болѣе ста лѣтъ, имѣли особое значеніе для русской арміи: ими комплектовались не только писаря, музыканты и даже нѣкоторые мастеровые въ войскахъ, но и унтеръ-офицерскія мѣста, откуда бывшимъ кантонистамъ, по прослуженіи извѣстныхъ сроковъ или за отличіе, легко открывался доступъ къ офицерскому чину. На содержаніе этихъ учрежденій расходовалось ежегодно болѣе одного милліона рублей.

Система воспитанія военныхъ кантонистовъ имѣетъ свою особую исторію; но слѣдуетъ сказать здѣсь, что судьба баталіоновъ военныхъ кантонистовъ вмѣстѣ, съ департаментомъ военныхъ поселеній, была рѣшена подъ Севастополемъ. Въ 1856 году баталіоны военныхъ кантонистовъ были упразднены; вмѣсто ихъ съ цѣлью призрѣнія дѣтей военно-служащихъ, преимущественно нижняго званія, а равно для образованія приспособленныхъ людей на нѣкоторыя нестроевыя должности, предложено было учредить въ имперіи 22 училища военнаго вѣдомства на 10,000 воспитанниковъ въ вѣдѣніи генер. департамента штаба (Положеніе 10 іюля 1858 г.). Въ началѣ 1863 г. (высоч. пов. 21 января) эти училища, вмѣстѣ съ управленіемъ, переданы въ завѣдываніе главному начальнику военно-

учебныхъ заведеній Исакову, но тогда-же потребности военнаго вѣдомства указали уже не только на необходимость уменьшенія состава училищъ (до 5 тыс. в.), но и на возможность дать имъ другую организацію, съ цѣлью комплектованія спеціальныхъ военныхъ школъ низшаго разряда: технической и пиротехнической, артиллерійскаго вѣдомства, военно-чертежной, учительской семинаріи (подготовлявшей учителей изъ нижнихъ чиновъ) и фельдшерскихъ школъ при госпиталяхъ. Начальникъ управленія училищъ военнаго вѣдомства, Е. К. Баумгартенъ, въ 1864 г. былъ назначенъ директоромъ 1-й военной гимназіи, а въ 1866 году, взамѣнъ училищъ военнаго вѣдомства, устроены военно-начальныя школы, съ четырехъ-лѣтнимъ курсомъ (прик. по воен. вѣд. № 147).

Работы, по устройству этихъ школъ, поручены были состоящему при управленіи полковнику Лалаеву, который и былъ ближайшимъ сотрудникомъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній по устройству названныхъ школъ низшаго порядка. Между тѣмъ, въ войскахъ стала особенно развиваться грамотность. Для образованія унтеръ-офицеровъ въ полкахъ, съ 1866 года, устраивались учебныя команды; при резервныхъ баталіонахъ учреждались особыя писарскія школы; взглядъ на призрѣніе дѣтей нижнихъ чиновъ, посредствомъ образованія ихъ на средства военнаго вѣдомства—измѣнился; артиллерійскія и инженерныя школы, между тѣмъ, находили достаточное число учениковъ, подготовленныхъ помимо начальныхъ военныхъ школъ; наоборотъ — число дѣтей потомственныхъ дворянъ, поступавшихъ въ военныя гимназіи, сильно возрастало и поступленіе таковыхъ въ эти заведенія тѣмъ болѣе затруднялось, что въ военныхъ гимназіяхъ признано было нужнымъ поднять требованія вступительной программы. Всѣ эти обстоятельства и другія соображенія побудили главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній измѣнить первоначальную цѣль учрежденія начальныхъ военныхъ школъ и образовать изъ нихъ военныя прогимназіи съ общеобразовательнымъ элементарнымъ курсомъ на 2,300 воспитанниковъ (высочайш. одобр. предположенія главн. управл. воен.-учебн. зав., 6 іюля 1868 г.). Не попадавшіе въ военныя гимназіи воспитанники могли поступать въ военныя прогимназіи; туда-же направлялись и воспитанники военныхъ гимназій, подлежавшіе исключенію за неуспѣхи или дурное поведеніе. Цѣль такого перемѣщенія состояла въ томъ, чтобы дать возможность менѣе способнымъ воспитанникамъ не теряться безъ всякой пользы для военнаго вѣдомства. Окончившіе курсъ военныхъ прогимназій поступали юнкерами въ войска и наравнѣ съ вольноопредѣляющимися должны были проходить курсъ юнкерскаго училища.

Digitized by Google

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ военно-учебныя заведенія всѣхъ категорій были переполнены учащимися и всѣмъ имъ была открыта прямая дорога въ войска.

VIII.

Военно-учебная реформа, начатая въ 1856 г. и окончившаяся въ концѣ 1860-хъ годовъ, продолжаясь непрерывно въ теченіи пятнадцати лѣтъ, то есть въ первую половину царствованія императора Александра II, привела къ слѣдующимъ фактическимъ результатамъ:

1) Военно-учебныя заведенія, сближаясь съ войсками, вошли въ составъ военнаго министерства, не составляя особаго самостоятельнаго вѣдомства, лишеннаго возможности постоянно повѣрять личный составъ учебныхъ заведеній.

2) Увеличены способы для образованія офицеровъ въ пѣхоту, кавалерію и казачьи войска:

	До преобразованія въ 1862—63 гг.	Послѣ преобразованія въ 1869—71 гг.
Военно-учебн. заведен. для образованія офицер. (кромѣ артил. и инженернаго училищъ)	21 [1])	36 [2])
Обучающихся воспитанниковъ и юнкеровъ .	7,970	9,840 [3])
Ежегодный выпускъ съ производствомъ въ офицеры (изъ военныхъ училищъ и 2-хъ корпусовъ)		

[1]) Константиновское военное училище, Пажескій его имп. велич. корпусъ, Финляндскій кадетскій корпусъ и 18 столичныхъ и губернскихъ кадетскихъ корпусовъ.

[2]) Пять военныхъ училищъ (кавалерійское, 3 пѣхотн. и оренб.), 2 кадетскихъ корп., 16 юнкерск. училищъ (2 кавалер., 11 пѣхотн., 1 смѣшанное (пѣхотн. и казач.), 2 казачьихъ), 12 военныхъ гимназій и 1 приготовительный пансіонъ на правахъ военной гимназіи.

[3]) Въ числѣ 9,840 чел. считается юнкеровъ въ военныхъ училищахъ 1,160, юнкеровъ въ юнкерскихъ училищахъ 4,070, кадетъ и воспитанниковъ военныхъ гимназій 4,610 чел.

Digitized by Google

или съ правами на производство въ офицеры на открывающіяся вакансіи, по удостоенію военныхъ начальниковъ (изъ юнкерскихъ училищъ) . . .	758	2,200 [1])
изъ нихъ: въ пѣхоту. .	327	1,590
» » » кавалерію.	227	350
» » » казачьи войска. .	—	200
» » » артиллерію.	140	Предназн. въ артил. и саперы
» » » саперы. .	63	перевод. въ артил. и инжен. учил. въ числѣ 60 чел.

Такимъ образомъ, способы для образованія офицеровъ увеличены: въ пѣхоту въ 5 разъ, кавалерію $1^1/_2$ раза, въ казачьи же войска прежде выпускались изъ корпусовъ случайныя единицы.

3) Преобразованіе кадетскихъ корпусовъ и училищъ военнаго вѣдомства доставило сбереженія болѣе, чѣмъ на полумилліона рублей, изъ числа которыхъ: оставлено въ государственномъ казначействѣ 152,000 руб., предназначено къ передачѣ въ министерство народнаго просвѣщенія для развитія общаго образованія въ государствѣ 262,000 рублей, передано въ различныя управленія военнаго министерства для содержанія различныхъ учебныхъ спеціальныхъ заведеній до 78,000 рублей, обращено къ своимъ источникамъ (въ земскіе сборы и др.) до 68,000 руб.

До преобразованія въ 1863 г. на содержаніе штаба военно-учебныхъ заведеній (258,485 руб.), Пажескаго, Финляндскаго и прочихъ кадетскихъ корпусовъ требовалось 3.298,192 руб. (не считая $^0/_0$ со стоимости зданій), да на училища военнаго вѣдомства 1.032,991 р. (на 7,200 воспитанниковъ), всего требовалось ежегоднаго отпуска 4.482,285 руб., при чемъ подготовлялось въ офицеры не болѣе 760 человѣкъ (если считать выпускаемыхъ въ офицеры артиллеріи и саперные).

Послѣ преобразованія въ 1869 г., на содержаніе главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній (103,265 руб.) и на заведенія, образованныя изъ кадетскихъ корпусовъ, отпускалось 3.298,193 руб.; на военныя прогимназіи, учительскую семинарію и военно-чертежную школу 697,322 руб. (на 3,173 воспит.), и, наконецъ, на содержаніе

---

[1]) Въ томъ числѣ: изъ военныхъ училищъ и двухъ кадетскихъ корпусовъ—600 чел. и изъ юнкерскихъ училищъ—1,600 чел.

Digitized by Google

юнкерскихъ училищъ поступило изъ смѣты вѣдомства военно-учебныхъ заведеній и изъ другихъ источниковъ въ интендантское вѣдомство—318,000 руб. [1]).

Сведя итоги, получимъ стоимость военно-учебныхъ заведеній, которыя въ 1868 г. подготовляли уже до 1,600 офицеровъ, въ 4.313,515 рублей.

4) Въ прежней системѣ военно-учебныхъ заведеній средства для образованія офицеровъ были сконцентрированы исключительно въ Петербургѣ, причемъ большинство офицеровъ каждаго выпуска обращалось на укомплектованіе гвардейскаго корпуса, артиллеріи, саперъ и стрѣлковыхъ баталіоновъ, на долю же армейской пѣхоты и конницы доставались единицы, остававшіяся, за укомплектованіемъ сказанныхъ родовъ войскъ, изъ числа бывшихъ въ хвостѣ по успѣхамъ въ наукахъ и поведеніи воспитанниковъ. Затѣмъ, государство затрачивало болѣе милліона на образованіе унтеръ-офицеровъ и мастеровыхъ изъ кантонистовъ.

Вся же масса молодыхъ людей, служившая для комплектованія офицерами армейской пѣхоты, конницы и казачьихъ войскъ, лишена была возможности и средствъ для образованія.

Въ новой системѣ военно-учебныхъ заведеній способы для образованія офицеровъ расширены и распространены, кромѣ столицъ, по всѣмъ главнымъ центрамъ имперіи, при чемъ ни гвардія, ни спеціальныя войска не лишены прежнихъ источниковъ для комплектованія офицеровъ. Во всѣхъ главныхъ центрахъ имперіи, при юнкерскихъ училищахъ образовались постоянныя комиссіи для производства испытаній на производство въ офицеры и въ вольноопредѣляющіеся, а это дало единство для оцѣнки людей, добровольно избирающихъ военную службу.

5) Военно-учебная реформа непосредственно помогла: установленію надлежащей системы для боевой подготовки войскъ въ мирное время, устройству въ полкахъ учебныхъ командъ для образованія унтеръ-офицеровъ и спокойному переходу отъ рекрутскаго набора къ общеобязательной воинской повинности.

Можетъ быть многаго оставалось желать въ отношеніи военнаго теоретическаго образованія той значительной массы офицеровъ, которая

---

[1]) Собственно изъ сбереженій отъ преобразованій военно-учебныхъ заведеній на содержаніе юнкерскихъ училищъ перечислено изъ смѣты военно-учебныхъ заведеній 242,204 руб. Но по штатамъ въ 1868 г. въ 13 училищахъ на 2,130 обучающихся юнкеровъ требовалось къ отпуску 318,000 руб. Сюда не входитъ обмундированіе и вооруженіе юнкеровъ.

Digitized by Google

должна пройти черезъ юнкерскія училища, но здѣсь военное вѣдомство въ правѣ ожидать содѣйствія отъ общей школы, отъ развитія общеобразовательныхъ школъ и отъ энергіи министерства народнаго образованія. Пока не разовьется общая школа, военному министерству придется простирать свои заботы и на общее образованіе, недостаточность котораго служитъ тормазомъ для поднятія въ военныхъ школахъ теорическаго образованія. Благодаря могуществу общей школы въ Пруссіи, военное образованіе офицеровъ ограничивается тамъ однимъ лишь годомъ въ «Kriegs-Schulen» (т. е. въ военныхъ школахъ), у насъ же, въ юнкерскихъ училищахъ, приходится одинъ годъ отдавать на общее образованіе, чтобы уничтожить пробѣлы въ умственномъ развитіи, хотя-бы пополнить недочеты въ знаніи русской грамоты, русской географіи и отечественной исторіи.

Итакъ, военно-учебная реформа императора Александра II-го была отвѣтомъ на живую потребность русской арміи и плодомъ цѣлаго ряда практическихъ опытовъ, многосторонникъ изслѣдованій надъ историческими фактами и соображеній государственныхъ и военныхъ. И какихъ усилій, осторожности и предусмотрительности требовалось въ то время для осуществленія этой крупной реформы для спокойнаго перехода къ новой системѣ воспитанія въ военныхъ гимназіяхъ и военнаго образованія въ военныхъ и юнкерскихъ училищахъ.

***

Одинъ изъ питомцевъ Дворянскаго полка

А. А. Тилло.

Въ спискѣ воспитанниковъ Дворянскаго полка, составившихъ себѣ почетное имя въ наукѣ, слѣдуетъ помѣстить А. А. Тилло, теперешняго начальника штаба 1-го армейскаго корпуса и, конечно, самаго дѣятельнаго и свѣдущаго физико-географа и геодезиста въ Россіи; этому замѣчательному русскому дѣятелю на одномъ венеціанскомъ конгрессѣ присуждены были двѣ золотыя медали, лейпцигскій университетъ поднесъ ему дипломъ доктора наукъ; карты Россіи гипсометрическія и магнитныя — составленныя г. Тилло—пользуются европейскою извѣстностью, также какъ изслѣдованія его о магнетизмѣ, о рѣчныхъ разливахъ, о разныхъ нивеллировкахъ и пр.

Питомецъ Дворянскаго полка, А. А. Тилло прошелъ черезъ академіи артиллерійскую и генеральнаго штаба (геодезич. отд.), а до того служилъ въ Конногренадерскомъ полку, въ гвардіи [1]). **М. И. Венюковъ.**

---

[1]) Съ удовольствіемъ помѣстивъ эту замѣтку, просимъ бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго полка сообщать дальнѣйшія поправки къ нашей статьѣ объ этомъ учрежденіи. **Ред.**

Digitized by Google

ѲЕДОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ СОЛНЦЕВЪ

профессоръ археологической живописи.

Шестидесятилѣтній юбилей

1825—1885.

Наука русскихъ древностей—археологія—и императорская академія художествъ имѣютъ въ лицѣ Ѳедора Григорьевича Солнцева наистарѣйшаго и, можно прямо сказать, нандостойнѣйшаго представителя.

Академія художествъ и всѣ любители археологіи еще недавно, въ 1886 г., почтили свыше шестидесятилѣтнее служеніе Ѳ. Г. Солнцева Россіи на поприщѣ изученія и высокохудожественнаго воспроизведенія памятниковъ старины.

Государь Императоръ явилъ высочайшую милость пожалованіемъ маститаго художника (по докладу президента академіи художествъ) чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Редакція „Русской Старины“, имѣющая истинное удовольствіе видѣть въ числѣ своихъ ближайшихъ друзей и сотрудниковъ этого 86-ти-лѣтняго патріарха современныхъ русскихъ художниковъ и археологовъ, долгомъ считаетъ сохранить память о минувшемъ юбилеѣ LX-ти лѣтняго служенія Ѳедора Григорьевича Россіи—изданіемъ его портрета, въ гравюрѣ на мѣди, исполненной Ѳ. А. Мѣркинымъ, и представленіемъ очерка его многолѣтней труженической жизни,—безупречной, всецѣло посвященной служенію горячо любимому имъ искусству, во славу дорогаго нашего отечества.

Напомнимъ читателямъ, что въ 1876 году мы имѣли удовольствіе участвовать въ торжествѣ чествованія Ѳ. Г. Солнцева по случаю пятидесятилѣтняго юбилея его археологическо-художественной дѣятельности и тогда-же представили на стр. „Русской Старины“ (изд. 1876 г., томы XV и XVI) обширный, безъискусственный, но полный правды и интереса, разсказъ самого Ѳедора Григорьевича о жизни и трудахъ его.

Дай, Господи, видѣть его LXXV-лѣтній юбилей. Ред.

Digitized by Google

I.

Ѳедоръ Григорьевичъ [1]) родился 14-го апрѣля 1801 года, въ селѣ Верхне-Никульскомъ, Мологскаго уѣзда (Ярославской губерніи), отъ семьи, принадлежавшей къ крестьянскому сословію, но въ которой сохранилось преданіе, что ея родъ ведется отъ князей Солнцевыхъ и что имъ нѣкогда принадлежала усадьба, остатки которой виднѣлись на сосѣдней живописной горѣ, отдѣленной отъ села рѣкой Ильтой. Разсказывали, что послѣдній владѣлецъ—князь Иванъ Егоровичъ Солнцевъ—разорился и пропалъ безъ вѣсти, послѣ чего усадьба стала переходить изъ рукъ въ руки и, наконецъ, досталась гр. Мусину-Пушкину. Такое преданіе, само по себѣ, не представляетъ ничего невѣроятнаго, потому что подобная судьба постигла потомковъ многихъ дворянскихъ и даже княжескихъ родовъ на Руси; но въ виду давняго времени, въ большинствѣ случаевъ, не сохранилось никакихъ подробностей о томъ, какъ совершился этотъ переходъ. Такъ и здѣсь: между мѣстными жителями ходилъ только легендарный разсказъ о таинственномъ исчезновеніи кн. Ивана Егоровича Солнцева, о его богатырской силѣ и пр.

Какъ-бы то ни было, потомки его уже не имѣли княжескаго титула и числились крестьянами. Отецъ будущаго художника-археолога былъ крѣпостнымъ гр. Мусина-Пушкина и жилъ обыкновенно въ Петербургѣ, гдѣ занималъ мѣсто кассира при импе-

---

[1]) Цѣль настоящаго очерка, составленнаго по желанію редакціи „Русской Старины",—представить краткую и болѣе или менѣе послѣдовательную біографію нашего извѣстнаго художника-археолога, и въ то-же время на основаніи его личныхъ объясненій пополнить, по возможности, пробѣлы напечатаннаго матеріала, см. ст.: „Моя жизнь и археологическіе труды". Разсказъ проф. Ѳ. Г. Солнцева, 1802—1876 гг., въ „Русск. Стар." изд. 1876 г., тт. XV и XVI, №№ 1, 2, 3, 5 и 6-й; „Русск. Стар.", изд. 1881 г., кн. IV, „Ѳ. Г. Солнцевъ и новое собраніе его рисунковъ-акварелей" (283); также „Вѣстникъ изящныхъ искусствъ", изд. при имп. акад. худ. подъ ред. А. И. Сомова, т. I, 1883 г., статья Н. П. Собко „Ѳедоръ Григорьевичъ Солнцевъ и его дѣятельность", стр. 471—482, которая можетъ служить для провѣрки хронологическихъ данныхъ, такъ какъ авторъ пользовался для своего изслѣдованія документами архива академіи художествъ „Сборникомъ матеріаловъ по исторіи спб. акад. худ.", изд. подъ редакціей П. Н. Петрова, и другими изданіями. Н. В.

Digitized by Google

раторскихъ театрахъ, а въ деревню пріѣзжалъ изрѣдка лѣтомъ и на короткое время. Такимъ образомъ, Ѳ. Г. съ меньшими братьями и сестрой находился на попеченіи матери, доброй и благочестивой женщины, которая вела скромную, уединенную жизнь и пользовалась общимъ уваженіемъ въ селѣ, гдѣ ее называли Солнчихой. Постоянно занятая дѣломъ, особенно лѣтомъ, когда ей приходилось присматривать за наемными работниками въ полѣ, она предоставляла полную свободу своимъ дѣтямъ, которыя проводили цѣлые дни на берегу Ильты. У рѣки былъ большой лугъ, на которомъ весной послѣ разлива водились всякія птицы, особенно иволги или луговки, по мѣстному названію, и вили гнѣзда въ травѣ, что особенно занимало дѣтей. Взбирались они часто и на сосѣднюю гору, расположенную тремя уступами, гдѣ были остатки усадьбы съ старымъ запущеннымъ садомъ и полуразрушеннымъ домомъ.

Сельская жизнь съ ея просторомъ и красивая мѣстность рано пробудили въ Ѳ. Г. его природную склонность къ живописи. Глазъ его пріучался къ разнообразію линій и въ то-же время, въ теченіи многихъ лѣтъ, видѣлъ онъ все тотъ-же ландшафтъ и тѣ-же предметы, и онъ невольно сталъ присматриваться къ нимъ. У него явилось безотчетное желаніе воспроизвести ихъ; онъ сталъ собирать мягкіе цвѣтные камни, которые онъ растиралъ съ водой, и добывалъ такимъ образомъ первобытную красную и синюю краску. Срисовывалъ онъ лубочныя картины, иконы, видѣнныя въ церкви, крестные ходы и выходы на Іордань, которые особенно дѣйствовали на его воображеніе. Живопись его была крайне своеобразная, потому что въ селѣ не было ни одного человѣка, который могъ-бы объяснить ему технику рисованія. Тѣмъ не менѣе проснувшаяся страсть къ живописи все усиливалась въ немъ и отвлекала отъ грамоты, которой онъ началъ сперва учиться у матери, но дѣло подвигалось такъ плохо, что она отдала его въ ученіе старику управляющему гр. Мусина-Пушкина, также не особенно искусному педагогу, часто прибѣгавшему къ наказанію. Но ничто не помогало и учебныя тетради Ѳ. Г. были неизбѣжно испещрены рисунками.

Ѳ. Г. пошелъ четырнадцатый годъ. Мать, въ безпокойствѣ за его будущность, рѣшилась при первомъ-же лѣтнемъ пріѣздѣ мужа пожаловаться ему, что ихъ второй сынъ ничего не

Digitized by Google

дѣлаетъ, а только рисуетъ, и въ подтвержденіе своихъ словъ принесла испачканныя учебныя тетради. Отецъ Ѳ. Г — ича внимательно пересмотрѣлъ ихъ и тогда-же увезъ сына съ собой въ Петербургъ.

Здѣсь Ѳ. Г. поселился на Адмиралтейской площади въ домѣ гр. Кутайсова, вмѣстѣ съ отцемъ и старшимъ братомъ Денисомъ Григорьевичемъ (служившимъ на Сестрорѣцкомъ заводѣ), который получилъ хорошее по тому времени образованіе, такъ какъ воспитывался въ іезуитской школѣ, хотя вышелъ оттуда до окончанія курса, вслѣдствіе стремленія патеровъ обратить его въ католичество [1]). Подъ его руководствомъ Ѳ. Г. началъ учиться ариѳметикѣ, французскому и нѣмецкому языку, а также рисованію, что продолжалось полтора года; ему-же, какъ въ это время, такъ и послѣ, обязанъ онъ своимъ нравственнымъ воспитаніемъ. Отецъ, хотя всегда ласково обращался съ нимъ, но держался какъ-то въ сторонѣ и когда Ѳ. Г. обращался къ нему за совѣтомъ, то получалъ одинъ отвѣтъ: „какъ знаешь, твое дѣло!“ и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ему что не нравилось, то дѣлалъ выговоры черезъ старшаго сына.

II.

Въ началѣ 1817 года отецъ Ѳ. Г. сталъ хлопотать объ опредѣленіи сына въ академію художествъ, куда онъ былъ принятъ, въ число своекоштныхъ воспитанниковъ, 8-го января того-же года. Жить приходилось ему въ самомъ зданіи академіи, которая находилась тогда въ состояніи полнаго упадка: воспитанниковъ одѣвали и содержали плохо, ученіе шло также крайне неудовлетворительно. Но не далѣе какъ черезъ четыре мѣсяца послѣ поступленія Ѳ. Г. въ академію, президентомъ ея былъ назначенъ А. Н. Оленинъ и все измѣнилось къ лучшему,

---

[1]) Вообще отецъ Ѳ. Г., повидимому, заботился о воспитаніи сыновей; третій сынъ его окончилъ курсъ въ „высшемъ училищѣ“ (нынѣшняя вторая гимназія), а младшій былъ принятъ на казенный счетъ въ академію художествъ за успѣхи Ѳ. Г. въ живописи, затѣмъ перешелъ на мозаичное отдѣленіе и былъ посланъ въ Италію, гдѣ умеръ въ 1830 году. Н. В.

Digitized by Google

начиная съ содержанія воспитанниковъ, число которыхъ было значительно сокращено [1]). Новый президентъ старался поднять уровень художественнаго образованія учениковъ академіи, сдѣлалъ попытку ввести археологію въ общій курсъ преподаванія, устроилъ манекенный классъ для рисованія костюмовъ, обогатилъ академическія коллекціи многими цѣнными предметами. Кромѣ того, онъ выхлопоталъ у министра народнаго просвѣщенія, которому была тогда подчинена академія художествъ, до 500,000 р. асс. на разныя нужды и на перестройку всего зданія, почему воспитанники были отпущены на четыре мѣсяца. Но обыкновенно лѣтніе каникулы продолжались всего одинъ мѣсяцъ; въ праздники и воскресные дни воспитанниковъ отпускали послѣ обѣдни до семи часовъ, въ Пасху и Рождество на недѣлю, во время масляницы на три дня.

Ѳ. Г. оказалъ большіе успѣхи въ рисованіи; въ два года прошелъ онъ рисовальный, гипсовый и натурный классы; въ 1819 (24-го марта) былъ назначенъ въ классъ портретной живописи. При такомъ быстромъ переходѣ изъ класса въ классъ или „возрастъ“, Ѳ. Г—ичу было очень трудно поспѣвать въ ученіи за другими воспитанниками, а тѣмъ болѣе при отсутствіи систематической подготовки. Въ 1821—1823 гг. получилъ онъ вторую и первую золотую медали, а въ 1825 г. вторую золотую медаль за исполненіе программы „Крестьянское семейство передъ обѣдомъ“ и оставленъ былъ пансіонеромъ при академіи, „для вящаго усовершенствованія“, какъ тогда выражались, и „съ порученіемъ заниматься по части археологической и этнографической“. Занятія археологіей происходили подъ непосредственнымъ наблюденіемъ А. Н. Оленина, который собственно первый занялся воспроизведеніемъ остатковъ древне-русскаго искусства съ пониманіемъ дѣла, чему помогало его многостороннее образованіе и знакомство съ иностранной литературой, вслѣдствіе знанія языковъ. Тогда уже Ѳ. Г. обратилъ на себя вниманіе Оленина, который нерѣдко заставлялъ его рисовать

---

[1]) Между прочимъ, исключили всѣхъ учениковъ крѣпостнаго состоянія, но такъ какъ Ѳ. Г. былъ оставленъ, то, слѣдовательно, въ это время онъ уже не былъ крѣпостнымъ гр. Мусина-Пушкина, хотя не помнитъ, когда собственно его выпустили на волю. Н. В.

Digitized by Google

въ своемъ кабинетѣ въ числѣ лучшихъ учениковъ, и постоянно оставался доволенъ его исполнительностью, хотя, по своему обыкновенію, былъ скупъ на похвалы, а въ 1826 году устроилъ ему командировку въ Кострому и Ярославль для исполненія рисунковъ древностей.

Помимо академическихъ занятій, у Ѳ. Г., благодаря рекомендаціи Оленина, были работы на сторонѣ, какъ, напр., въ церкви патріотическаго института и въ Казанскомъ соборѣ, гдѣ онъ рисовалъ апостола Матѳея (въ 1826 г.), и пр. Въ то-же время онъ писалъ картину: „Спаситель передъ фарисеями“, на первую золотую медаль, которую получилъ въ 1827 году, а затѣмъ, въ ожиданіи связанной съ этимъ поѣздки за границу на казенный счетъ, отправился въ деревню къ матери. Она была рада видѣть его, но мысль о предстоящей разлукѣ съ сыномъ не покидала ее и она не разъ говорила:

— „Значитъ, ты уѣдешь, Ѳедя?“

Этимъ только и выражалось томившее ее ожиданіе долгой разлуки. Ѳ. Г. отправился въ Петербургъ полный надеждъ; ему уже не пришлось больше увидѣться съ матерью, которая вскорѣ послѣ того скончалась.

Но вмѣсто поѣздки за границу, Ѳ. Г. предложили отправиться въ Китай на четыре года. Сначала онъ изъявилъ было свое согласіе, но послѣ бесѣды съ ученымъ о. Іакинфомъ Бичуринымъ, къ которому явился съ письмомъ Оленина, рѣшилъ отказаться отъ поѣздки, тѣмъ болѣе, что Бичуринъ говорилъ не по наслышкѣ, а самъ прожилъ много лѣтъ въ Китаѣ.

Оленинъ былъ крайне недоволенъ отказомъ Ѳ. Г. и совѣтъ академіи постановилъ, что „если Ѳ. Солнцевъ не желаетъ ѣхать въ Китай, то лишается права быть посланнымъ за границу!“ [1]). Въ отказѣ Ѳ. Г. видѣли ничѣмъ не мотивированный капризъ; то-же повторяли за начальствомъ и нѣкоторые изъ воспитанниковъ академіи и сторонились отъ него. Все это такъ раздражало Ѳ. Г., что онъ рѣшился выйти изъ числа пансіонеровъ академіи

---

[1]) Впослѣдствіи Ѳ. Г. два раза предстояло отправиться за границу. Такъ, Олениинъ хотѣлъ взять его съ собой въ заграничное путешествіе, но умеръ, не осуществивъ этого намѣренія; затѣмъ, императоръ Николай Павловичъ обѣщалъ послать его въ Палестину и Римъ, но наступившая война и кончина государя разстроили и эту поѣздку. Н. Б.

Digitized by Google

и хлопоталъ о полученіи мѣста рисовальщика въ тогдашнемъ „Институтѣ гражданскихъ инженеровъ“, но это не удалось ему.

III.

Ѳ. Г., по выходѣ изъ академіи, поселился вмѣстѣ съ отцомъ и сталъ заниматься частными работами: рисовалъ портреты, дѣлалъ рисунки съ труповъ и анатомическихъ изданій для И. В. Буяльскаго, давалъ уроки рисованія у Кутузовыхъ, Уваровыхъ, Дериныхъ и въ другихъ домахъ. Между прочимъ, онъ училъ дѣтей знаменитыхъ въ то время актеровъ: Самойлова (отца), Асенковой, Рамазанова и друг., и пробивался такимъ образомъ около двухъ лѣтъ; конечно, о достаткѣ не могло быть и рѣчи.

Разъ, возвращаясь съ урока, онъ проходилъ мимо подъѣзда Оленина, у котораго стоялъ его камердинеръ Богучаровъ, и спросилъ — почему его такъ давно не видно? Ѳ. Г. отвѣтилъ, что боится показаться на глаза А. Н. Оленина, который, вѣроятно, все еще сердится на него. Камердинеръ совѣтовалъ зайти, говоря, что Алексѣй Николаевичъ боленъ и подумаетъ, что бывшій воспитанникъ, узнавъ объ этомъ, самъ пришелъ къ нему. Ѳ. Г. послушался; дѣйствительно, Оленинъ радушно встрѣтилъ его и тутъ-же сказалъ:

— „Кстати пришелъ, мнѣ нужно нарисовать академическіе мундиры, потому что нынѣшніе предполагается измѣнить. Да, вотъ еще „Липецкое сраженіе“ меня мучитъ,—мнѣ рисовали многіе, да мнѣ не нравится. Но прежде сдѣлай мундиры...“

Ѳ. Г. явился на слѣдующій день и принялся за работу, по окончаніи которой слѣдовали другія: рязанскія древности, народныя одѣянія, рисунки къ „Иліадѣ и Одиссеѣ“ по поводу перевода Гнѣдича, рисунки керченскихъ и фанагорійскихъ древностей и проч., и проч. Ѳ. Г. приходилось рисовать въ кабинетѣ Оленина и подъ его непосредственнымъ руководствомъ, что было особенно важно для начинающаго художника-археолога, такъ какъ требовательность Алексѣя Николаевича, относительно занимающихся у него художниковъ, доходила до педантизма, а тѣмъ болѣе утромъ, когда онъ бывалъ особенно строгъ и взыскателенъ.

Digitized by Google

До этого у Оленина работало четырнадцать человѣкъ и, въ томъ числѣ, его камердинеръ Богучаровъ, крѣпостной человѣкъ, который умѣлъ рисовать и гравировать на мѣди, но никто не могъ угодить Оленину. Впослѣдствіи Богучаровъ сознавался Ѳ. Г., что изъ ревности хотѣлъ разстроить его занятія и наговаривалъ на него своему господину, да и самъ Оленинъ говорилъ Солнцеву-отцу, что его сынъ едва-ли выдержитъ, и, вѣроятно, откажется отъ работы [1]).

Дѣйствительно, Ѳ. Г. пришлось пройти не легкую школу; кромѣ безусловной точности и законченности рисунка, Оленинъ требовалъ отъ него вполнѣ сознательнаго отношенія къ дѣлу, спрашивалъ: почему такой-то древній предметъ называется такъ, а не иначе, почему именно относится къ такому-то времени? и проч. При этомъ онъ заставлялъ Ѳ. Г. наводить справки въ книгахъ своей богатой библіотеки, и если замѣчалъ, что Ѳ. Г. слишкомъ скоро переворачивалъ листы, то останавливалъ и совѣтывалъ не торопиться и быть внимательнѣе. Самого Оленина упрекали въ мѣшкотности, но дѣло археологіи, говоритъ Ѳ. Г., не терпитъ скороспѣлой работы и, въ этомъ отношеніи, придирчивость строгаго учителя имѣла для него важное воспитательное значеніе [2]). При этомъ пріобрѣлъ онъ привычку къ усидчивому труду, которая уже никогда не оставляла его; зиму и лѣто проводилъ онъ почти цѣлые дни за работой. Олениинъ, чтобы принудить его рисовать и вечеромъ, часто оставлялъ его у себя обѣдать.

Но тѣмъ больше наслаждался Ѳ. Г. немногими часами, проводимыми въ семьѣ Оленина, нерѣдко среди многочисленнаго и разнообразнаго общества. Здѣсь, на ряду съ первоклассными художниками, въ лицѣ К. П. Брюлова и друг., и извѣстными литераторами, какъ Пушкинъ, Жуковскій, Крыловъ,

---

[1]) Ѳ. Г. работалъ безъ жалованья и долженъ былъ каждый мѣсяцъ заявлять Олениину, что у него вышли всѣ деньги, что также было не всегда удобно.

[2]) Самъ Олениинъ много работалъ въ области художественной археологіи; но только черезъ двадцать лѣтъ послѣ его смерти, а именно, въ 1873 году, при Имп. Арх. Общ. образовалась особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ Н. И. Стояновскаго, для изданія многочисленныхъ трудовъ А. Н. Оленина, составившихъ четыре тома, въ которые вошло болѣе 100 снимковъ, нарисованныхъ Ѳ. Г. Солнцевымъ, подъ руководствомъ Оленина. Н. В.

Digitized by Google

Гнѣдичъ, Батюшковъ, и знаменитостями, какъ А. Гумбольдтъ, во время пребыванія послѣдняго въ Петербургѣ, собиралось не мало и обыкновенныхъ смертныхъ, потому что президентъ академіи, членъ всевозможныхъ ученыхъ обществъ, держался крайне просто и былъ одинаково привѣтливъ со всѣми. Разговоры, въ большинствѣ случаевъ, были настолько живы и занимательны, что Ѳ. Г. невольно заслушивался ихъ и пріобрѣлъ, такимъ образомъ, много разнообразныхъ свѣдѣній, особенно полезныхъ для него, какъ художника-археолога.

Всего привольнѣе было гостямъ въ Пріютинѣ, дачѣ Оленина за пороховыми заводами, гдѣ, кромѣ опредѣленныхъ часовъ для чая и ѣды, всѣмъ предоставлялось заниматься чѣмъ угодно, кромѣ Ѳ. Г. Солнцева, которому для работы отведена была особая комната, съ прекраснымъ видомъ на окрестности и рѣку, откуда постоянно слышался однообразный шумъ водяной мельницы. Если устраивалось общее катанье или прогулка, и кто-нибудь спрашивалъ о Солнцевѣ, то у Оленина былъ всегда одинъ отвѣтъ:

— „Оставьте его, онъ занятъ!“

Въ началѣ 1830 года Ѳ. Г. окончилъ рисунки керченскихъ и фанагорійскихъ древностей [1]). Олениnъ остался очень доволенъ рисунками и представилъ ихъ, вмѣстѣ съ другими, императору Николаю Павловичу, любителю археологіи, съ цѣлью заручиться высочайшимъ покровительствомъ для своего ученика, что благодѣтельно отразилось на дальнѣйшей будущности Ѳ. Г. и было особенно важно для него при тѣхъ печальныхъ условіяхъ, въ какихъ находилась тогда археологія.

---

[1]) Керченскія и фанагорійскія древности изданы, по высочайшему повелѣнію, въ гравюрахъ и хромолитографіяхъ съ рисунковъ Солнцева и друг. подъ заглавіемъ: „Antiquités du Bosphore Cimmerien conservées au Musée Imperial de l'Ermitage“. Древности Босфора киммерійскаго, хранящіяся въ имп. музеѣ эрмитажа. Спб. 1854 г., въ л. (Съ текстомъ Жиля на двухъ языкахъ).

Примѣчаніе. Въ этомъ изданіи Ѳ. Г. Солнцеву принадлежатъ рисунки, сдѣланные красками, остальные въ контурахъ—рисованы другими. Н. В.

Digitized by Google

IV.

9-го мая того-же 1830-го года Ѳ. Г. получилъ, по высочайшему повелѣнію, командировку въ Москву и въ другіе русскіе города „для срисовыванія старинныхъ предметовъ, какъ-то: одѣяній, оружія, церковной и царской утвари, скарба, конской сбруи и прочихъ предметовъ, имѣющихъ значеніе или историческиархеологическое, или этнографическое“. Оленинъ, по этому поводу, долго бесѣдовалъ съ своимъ ученикомъ и на ряду съ практическими совѣтами, относительно укладки красокъ, способа путешествія и проч., далъ наставленія другаго рода. Онъ убѣждалъ Ѳ. Г. не считать что-либо маловажнымъ, а рисовать все, на что онъ обратитъ свое вниманіе, не думая, что успѣетъ сдѣлать послѣ, потому что завтра его займетъ другое, а не сдѣланное будетъ забыто. При этомъ Оленинъ припомнилъ изреченіе автора „Тарантаса“, что „у насъ не путешествуютъ, а ѣздятъ“, и добавилъ, что такая ѣзда окончательно не примѣнима къ художественной археологіи. Совѣтовалъ онъ также Ѳ. Г. не вѣрить на слово наименованіямъ старинныхъ вещей и росказнямъ о принадлежности предмета тому или другому лицу, а наводить точныя справки по существующимъ описямъ и другимъ документамъ. То-же повторилъ Оленинъ, еще съ бо́льшими подробностями, въ одномъ изъ своихъ писемъ, въ которыхъ продолжалъ давать разные совѣты и порученія [1]).

Ѳ. Г. буквально слѣдовалъ всѣмъ устнымъ и письменнымъ наставленіямъ Оленина и ему никогда не приходилось раскаиваться въ этомъ.

Онъ пріѣхалъ въ Москву съ рекомендательными письмами къ митрополиту Филарету и президенту московской дворцовой конторы князю Н. Б. Юсупову, вслѣдствіе чего былъ допущенъ въ оружейную палату и могъ немедленно приняться за работу. Мѣсяца черезъ полтора послалъ онъ изъ Москвы сдѣланные имъ рисунки и прориси А. Н. Оленину, который, одобривъ ихъ,

---

[1]) Письмо это напечатано въ „Русской Старинѣ“ изд. 1876 года, кн. III, стр. 636—638.

Digitized by Google

послалъ ему предписаніе съѣздить въ Троицко-Сергіеву лавру, а также въ города: Владиміръ, Тверь и Юрьевъ-Польскій для воспроизведенія археологическихъ и историческихъ древностей, и, кромѣ того, по дорогѣ завернуть въ село Лыково для срисовыванія женскихъ крестьянскихъ костюмовъ и провѣрки найденныхъ здѣсь старинныхъ вещей. Ѳ. Г. отправился въ это путешествіе въ августѣ того же года; за этимъ слѣдовалъ цѣлый рядъ лѣтнихъ, почти ежегодныхъ, поѣздокъ г. Солнцева въ разные старинные города, монастыри и историческія мѣстности Россіи [1]).

Эти командировки, совершаемыя, бо́льшею частью, по высочайшему повелѣнію, были связаны съ немалыми затрудненіями, особенно въ первое время. Ѳ. Г. долженъ былъ положить начало совершенно новому дѣлу, во многихъ случаяхъ создать самый способъ воспроизведенія нѣкоторыхъ предметовъ, которые не поддавались обычнымъ пріемамъ, и въ то же время придумать методъ научнаго изслѣдованія, потому что наука археологіи находилась тогда въ Россіи въ зачаточномъ видѣ. Оленинъ могъ заочно дать только общія указанія, непримѣнимыя въ отдѣльныхъ случаяхъ, и чуждый мелочнаго, ложнаго самолюбія, вскорѣ убѣдился, что Ѳ. Г. не нуждается больше въ его наставленіяхъ и писалъ ему: „ученаго учить—только портить“.

Если Оленина могли упрекнуть, что онъ, до извѣстной степени, украшаетъ воспроизводимые имъ предметы, то ничего подобнаго нельзя было найти въ рисункахъ его ученика, которые достигали фотографической точности. При этомъ Ѳ. Г. подвергалъ тщательной исторической оцѣнкѣ копируемые имъ предметы, провѣрялъ время сооруженія храмовъ, выдѣлки утвари и оружія, покроя тѣхъ или другихъ одѣяній, съ помощью лѣтописей, монастырскихъ грамотъ, описей и пр. Благодаря этому,

---

[1]) Лѣтомъ 1832 года Ѳ. Г. посѣтилъ старую и новую Рязань; въ 1833 г.—Новгородъ и Ярославль; въ 1834 г.—Новгородъ, Торжокъ, Москву, Троицкую лавру, Смоленскъ; въ 1835 г.—Москву; въ 1836—39 Псковъ, Печору, Рязань, Москву, Троицкую лавру, Новый Іерусалимъ, Звенигородъ и другія мѣста. Онъ ѣздилъ также въ Бѣлозерскъ, Изборскъ, Ладогу, Коломну, Осташковъ, Орелъ, Суздаль, Витебскъ, Могилевъ и пр. Въ 1843 начались его работы въ Кіевѣ, гдѣ онъ бывалъ каждое лѣто, въ продолженіе десяти лѣтъ. Въ это же время Ѳ. Г. посѣтилъ многіе старинные города и монастыри южной Россіи. Н. В.

Digitized by Google

ему удалось сдѣлать нѣсколько важныхъ археологическихъ открытій, доказать подлинность вещей, древность которыхъ считалась сомнительною, и открыть, что другіе предметы, которые признавались древними, принадлежатъ новому и даже новѣйшему времени. Случалось, что ризничіе, изъ боязни доносовъ, намѣренно скрывали отъ него существующія описи, что заставило его прибѣгнуть къ другимъ пріемамъ. Въ большинствѣ случаевъ онъ выдавалъ себя за странствующаго богомольца, знакомился съ настоятелемъ монастыря, нерѣдко рисовалъ даромъ портреты настоятеля, монаховъ и священниковъ, что имѣло особенную цѣну при отсутствіи фотографій, и тогда уже не встрѣчалъ никакихъ препятствій для своихъ изслѣдованій. Одновременно съ этимъ шли его занятія по этнографіи: онъ срисовывалъ народныя одѣянія, представлявшія еще въ то время, т. е. въ 1830 годахъ, такія рѣзкія особенности въ разныхъ губерніяхъ, уѣздахъ и даже отдѣльныхъ деревняхъ и, которыя съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе выходятъ изъ употребленія, уступая мѣсто новымъ одеждамъ [1]). Чтобы узнать мѣстное названіе того или другаго стариннаго костюма или утвари, онъ подолгу бесѣдовалъ съ крестьянами, разспрашивалъ подробно объ ихъ бытѣ, обычаяхъ и обрядахъ.

---

[1]) Но при тогдашнемъ состояніи этнографіи и археологіи у насъ такъ мало придавали цѣны такимъ занятіямъ, что рисунки народныхъ костюмовъ, привезенные Ѳ. Г. изъ разныхъ мѣстъ и отданные имъ въ Петербургѣ въ одно изъ учрежденій, исчезли безслѣдно. Н. В.

Digitized by Google

V.

Постоянное занятіе археологіей, преимущественно церковной, цѣлые дни, проводимые среди торжественной обстановки православныхъ церквей и монастырей, среди полнаго безмолвія, временно нарушаемаго приливомъ богомольцевъ, не замедлило отразиться на всемъ строѣ мыслей Ѳ. Г. Чувство благочестія, развитое въ немъ въ дѣтствѣ набожной матерью и ослабѣвшее съ поступленіемъ въ академію, подъ вліяніемъ товарищей—опять воскресло въ его сердцѣ съ новой силой.

Онъ живо помнитъ моментъ своего религіознаго возрожденія. Это было въ Новгородѣ, куда его командировали лѣтомъ 1833 года для археологическихъ занятій: онъ зашелъ утромъ въ церковь, гдѣ въ это время служилась ранняя обѣдня и никого не было, кромѣ священника и чтеца. Первыя, услышанныя имъ. слова: „Пріидите, поклонимся цареви нашему Богу!“, совпадавшія съ его душевнымъ настроеніемъ, произвели на него такое сильное впечатлѣніе, что слезы умиленія полились изъ его глазъ. Съ этой минуты всѣ сомнѣнія оставили его, и религіозное чувство усиливалось въ немъ съ годами, чему впослѣдствіи не мало способствовало многолѣтнее занятіе кіевскими церковными древностями.

Пребываніе въ Новгородѣ въ 1833 году памятно для Ѳ. Г. и въ другомъ отношеніи, такъ какъ къ этому времени относится печальная и несложная исторія его единственной серіозной привязанности. Въ женскомъ Духовомъ монастырѣ обратила на себя его вниманіе молодая красивая дѣвушка, которая, по наведеннымъ справкамъ, оказалась племянницей игуменьи и жила при ней въ монастырѣ. Ѳ. Г. явился къ игуменьѣ и попросилъ у ней дозволенія осмотрѣть монастырь, со стороны древностей, на что получилъ согласіе и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашеніе пить чай, что доставило ему особенное удовольствіе, потому что молодая дѣвушка еще больше понравилась ему, когда онъ увидѣлъ ее вблизи и разговорился съ нею. Такимъ образомъ началось ихъ знакомство, которое продолжалось около четырехъ мѣсяцевъ и кончилось глубокою взаимною привязанностью обоихъ.

Digitized by Google

Игуменья, видѣвшая ихъ вмѣстѣ, безпрекословно изъявила свое согласіе, когда Ѳ. Г. посватался къ ея племянницѣ; весной назначено было обрученіе. Вскорѣ послѣ того Ѳ. Г. уѣхалъ въ Петербургъ, куда должна была прибыть его невѣста съ теткой для знакомства съ его родными. Но вмѣсто ожидаемаго свиданія онъ получилъ извѣстіе, что молодая дѣвушка простудилась дорогой и должна была вернуться въ Новгородъ, гдѣ ее постигла преждевременная смерть.

Это внезапное горе тяжело поразило Ѳ. Г., и, въ связи съ другими обстоятельствами, обрекло на послѣдующую одинокую жизнь. Нѣсколько лѣтъ спустя, знакомые два раза собирались женить его, но, по странной случайности, и эти, не имъ выбранныя, невѣсты умерли до формальнаго обрученія, а затѣмъ ему пришлось бросить и самую мысль о женитьбѣ.

Смерть старшаго брата, не оставившаго никакихъ средствъ, побудила его взять къ себѣ въ домъ овдовѣвшую невѣстку съ семью дѣтьми, а черезъ нѣсколько лѣтъ на рукахъ его очутились еще трое дѣтей воспитанной имъ племянницы и дочь его меньшаго, также умершаго, брата. Забота о многочисленной семьѣ, какъ бы усыновленной Ѳ. Г., и забота о воспитаніи этихъ дѣтей лишила возможности Ѳ. Г. думать объ устройствѣ личной жизни.

Но тѣмъ сильнѣе увлекла его археологія; онъ всецѣло предался ей и находилъ въ ней утѣшеніе отъ житейскихъ невзгодъ, неизбѣжныхъ огорченій и непріятностей. Если, съ одной стороны, Ѳ. Г. удавалось сохранить неизмѣнно хорошія отношенія съ бывшими товарищами по академіи и художниками вообще, что отчасти объясняется его исключительными занятіями, то съ другой, вслѣдствіе своихъ нововведеній въ области художественной археологіи, не могъ онъ избѣгнуть столкновеній съ представителями ученаго міра. Такъ Вельтманъ, Снегиревъ и нѣкоторые другіе подчасъ крайне недоброжелательно относились къ критическимъ замѣткамъ Ѳ. Г. о находимыхъ имъ древностяхъ и, по возможности, противодѣйствовали ему. Они отрицали приводимыя имъ улики, относительно хронологическихъ несообразностей въ нѣкоторыхъ укоренившихся преданіяхъ, и утверждали, съ точки зрѣнія тогдашней оффиціальной археологіи, что „пре-

Digitized by Google

данія, освященныя давностью, не должны подлежать критической оцѣнкѣ, которая колеблетъ народное уваженіе къ старинѣ".

Но ничто не могло заставить Ѳ. Г. усумниться въ вѣрности избраннаго имъ пути, ни ослабить его энергіи въ трудѣ. Съ ранняго утра садился онъ за работу и проводилъ за нею цѣлые дни; если уходилъ изъ дому, то, большей частью, куда нибудь на работу и по возвращеніи опять принимался за кисть. Читалъ онъ почти исключительно по археологіи, исторіи и этнографіи; всѣ остальныя книги мало занимали его. Зимой онъ обыкновенно приводилъ въ порядокъ и додѣлывалъ рисунки, привезенные имъ изъ лѣтнихъ командировокъ, при этомъ Оленинъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы засадить его за ту или другую работу.

VI.

Въ 1835 году Оленинъ предложилъ совѣту академіи задать Ѳ. Г. Солнцеву, въ видѣ программы, на званіе академика, „нарисовать акварелью, въ живописныхъ группахъ, собраніе найденныхъ въ Россіи произведеній древне-греческаго и скиѳскаго искусства и особенно русскихъ старинныхъ издѣлій и нѣкоторыхъ русскихъ старобытныхъ костюмовъ, уцѣлѣвшихъ между простолюдинами". Но Ѳ. Г. задумалъ исполнить акварелью другую программу, гдѣ были соединены въ одномъ изображеніи предметы древне-русскаго и древне-греческаго искусства, а именно свиданіе кн. Святослава Игоревича съ греческимъ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ на Дунаѣ. Эта трудная программа, возможная только при основательномъ знаніи археологіи, была съ успѣхомъ выполнена Ѳ. Г. (чему также способствовалъ Оленинъ своими совѣтами и указаніями), и въ сентябрѣ 1836 г. онъ получилъ званіе академика.

Въ то-же время Ѳ. Г. занимался рисунками для возстановленія кремлевскихъ церквей и теремовъ въ Москвѣ, которые были возобновлены подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, на основаніи сохранившихся тамъ вещей, равно и найденныхъ на чердакахъ и въ подвалахъ загородныхъ дворцовъ Измайловскаго,

Digitized by Google

Коломенскомъ и др. Кромѣ того, Ѳ. Г. принялъ участіе въ устройствѣ Большаго Московскаго дворца, гдѣ ему поручено было составить рисунки деревянныхъ дверей для парадныхъ залъ, рисунки паркетовъ и ковровъ. Эти занятія задержали его долѣе обыкновеннаго въ Москвѣ, хотя онъ бывалъ здѣсь почти ежегодно, потому что, на ряду съ лѣтними командировками въ разныя мѣстности Россіи, нерѣдко получалъ онъ изъ Петербурга предписанія срисовать тѣ или другія московскія древности, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ. Ему приходилось работать въ Оружейной палатѣ, въ Симоновомъ и другихъ монастыряхъ, въ Новомъ Іерусалимѣ, въ бывшей Александровской слободѣ и пр. Онъ дѣлалъ рисунки евангелій, иконъ и крестовъ, церковной утвари и облаченій, предметовъ древняго царскаго обихода, всякаго оружія, конской сбруи, одѣяній, старинной столовой и домашней утвари, рисовалъ фасады древнихъ храмовъ и т. п., и, не ограничиваясь полученными инструкціями, срисовывалъ все то, что казалось ему достойнымъ вниманія—археолога и историка.

Ежегодно, изъ каждой своей поѣздки въ Москву или другіе города, Ѳ. Г. неизмѣнно привозилъ съ собой или посылалъ въ Петербургъ болѣе или менѣе значительное количество снимковъ.

Такимъ образомъ, въ нѣсколько лѣтъ составилось постепенно огромное собраніе рисунковъ, писанныхъ большей частью акварелью, которые сначала хранились въ с.-петербургской эрмитажной библіотекѣ, а затѣмъ, по высочайшему повелѣнію, были переданы въ московскую Оружейную палату.

Еще въ 1838 году, по иниціативѣ Оленина, сдѣланы были опыты литографированія рисунковъ Ѳ. Г. для полнаго изданія „Древностей Россійскаго государства“, которое по дороговизнѣ не могло быть выполнено на частныя средства, кромѣ единичной попытки [1]), и состоялось послѣ смерти Оленина, въ 1846—1853 гг. Императоръ Николай Павловичъ съ этой цѣлью пожертвовалъ, изъ собственныхъ суммъ, 100,000 р. асс. и приказалъ возложить изданіе на особый комитетъ, „составивъ оный въ

---

[1]) Въ 1843 году, на средства московскаго книгопродавца Семина, изданы были тридцать рисунковъ Ѳ. Г. Солнцева, съ текстомъ Снегирева составившихъ одинъ томъ. Н. В.

Digitized by Google

Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ попечителя московскаго учебнаго округа гр. С. Г. Строгонова, изъ директора Оружейной палаты М. Н. Загоскина, помощника его Вельтмана, члена археологической коммисіи П. Строева, гг. профессоровъ московскаго университета: Погодина и Шевырева, а также художника Солнцева, во время его нахожденія въ Москвѣ".

Обработка текста была довѣрена Вельтману и Снегиреву. Издано было, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, до 700 рисунковъ, составившихъ семь томовъ, которые, большею частью, разошлись заграницей, что отчасти объясняется дороговизною, потому что каждый экземпляръ стоилъ 200 р. [1]). При этомъ редакторы изданія отнеслись далеко недружелюбно къ Ѳ. Г., такъ что на первыхъ оттискахъ рисунковъ не допустили подписи его имени... На это обстоятельство обратилъ вниманіе императоръ Николай Павловичъ и, сдѣлавъ выговоръ коммисіи „за это небреженіе къ трудамъ художника", государь повелѣлъ, чтобы имя Солнцева выставлено было на каждомъ листѣ рисунковъ.

VII.

Послѣ смерти Оленина, послѣдовавшей въ апрѣлѣ 1843 г., императоръ Николай Павловичъ принялъ Ѳ. Г. подъ свое непосредственное покровительство и, помимо матеріальнаго обезпеченія и разныхъ милостей, постоянно доставлялъ ему возможность примѣнять съ пользою свой трудъ и пріобрѣтенныя знанія. Теперь, передъ каждой командировкой, онъ получалъ инструкціи отъ министра двора кн. П. М. Волконскаго, а по возвращеніи сдѣланные имъ рисунки представлялись прямо

---

[1]) Къ сожалѣнію, это драгоцѣнное изданіе осталось неоконченнымъ. До сихъ поръ въ Оружейной палатѣ хранится до 3,000 рисунковъ Ѳ. Г., приготовленныхъ къ изданію; всѣ они одного формата, кромѣ костюмовъ, которые нарисованы въ меньшихъ размѣрахъ. Ими могутъ пользоваться не только лица, занимающіяся русской исторіей, археологіей и этнографіей, но также техники и даже простые мастера, потому что съ этою цѣлью Ѳ. Г. рисовалъ предметы съ лицевой, боковой и оборотной стороны; къ рисункамъ и чертежамъ церквей и теремовъ приложены планы съ масштабами, къ рисункамъ одѣяній—выкройки. Н. В.

Digitized by Google

государю, и его величество внимательно разсматривалъ ихъ, обращаясь за объясненіями къ Ѳ. Г. Солнцеву, котораго для этой цѣли призывали во дворецъ.

Въ 1843 году Ѳ. Г. долженъ былъ, по высочайшему повелѣнію, отправиться въ Кіевъ, для провѣрки сдѣланнаго кѣмъ-то доноса о порчѣ древней живописи Успенскаго собора, вслѣдствіе поправокъ, производимыхъ по распоряженію кіевскаго митрополита Филарета. Порученіе было щекотливое, но Ѳ. Г. не могъ не исполнить его; по счастью, доносъ оказался ложнымъ, о чемъ онъ и написалъ въ Петербургъ. Филаретъ былъ очень доволенъ этимъ, сталъ приглашать Ѳ. Г. къ себѣ, называлъ „роднымъ братомъ“ и вообще относился къ нему настолько милостиво, что поручилъ ему составить смѣту для починки Кіево-Софійскаго собора, который былъ въ сильномъ запустѣніи. Но Ѳ. Г., обозрѣвая по этому поводу соборъ, замѣтилъ въ куполахъ, подъ штукатуркой, живопись, которая показалась ему очень древнею, и немедленно сообщилъ объ этомъ митрополиту, добавивъ, что если онъ напишетъ государю, то его содѣйствіе такому важному открытію можетъ принести ему честь. Но митрополитъ выразилъ желаніе, чтобы Ѳ. Г. не упоминалъ больше о сдѣланной находкѣ, говоря, что „въ Кіевѣ его каѳедра, и онъ не желаетъ вмѣшательства, — пришлютъ комиссію, а онъ будетъ устраненъ“.

Тѣмъ не менѣе Ѳ. Г. не считалъ себя вправѣ исполнить требованіе митрополита, и воспользовался пріѣздомъ императора въ Кіевъ, въ сентябрѣ того-же года, чтобы довести до свѣдѣнія его величества о найденной живописи.

Государь велѣлъ немедленно открыть ее, и когда отбитъ былъ кусокъ наносной штукатурки, то явственно обозначились двѣ фигуры, съ которыхъ Ѳ. Г. нарисовалъ кроки. Такимъ образомъ ему удалось открыть, извѣстныя въ археологіи, мозаики Кіево-Софійскаго собора, принадлежащія къ XI вѣку [1]).

Лѣтомъ слѣдующаго 1844 г. Ѳ. Г. былъ посланъ въ Кіевъ, по высочайшему повелѣнію, для открытія и возобновленія древ-

---

[1]) Въ 1843 году, вслѣдъ за открытіемъ древнихъ фресокъ, кіевское археологическое общество приступило къ изданію снятыхъ съ нихъ рисунковъ Ѳ. Г., но дѣло ограничилось пятью снимками, по недостатку средствъ.

Н. В.

Digitized by Google

ней живописи Кіево-Софійскаго собора. Затѣмъ слѣдовали его ежегодныя лѣтнія командировки въ Кіевъ съ той-же цѣлью, а также въ другіе южно-русскіе города для снятія древностей, что продолжалось до 1853 года. Въ Кіевѣ, помимо занятій въ Софійскомъ и Успенскомъ соборахъ, онъ дѣлалъ снимки въ Кіево-Печерской лаврѣ и иллюстрировалъ ея изданія, принималъ участіе въ трудахъ временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній, учрежденной по высочайшему повелѣнію въ 1844 г., подъ предсѣдательствомъ военнаго губернатора Д. Г. Бибикова. Равнымъ образомъ, изготовлялъ онъ рисунки для серебряной раки и сѣни надъ нею въ церковь св. мученицы Варвары въ Михайловскомъ Златоверхнемъ монастырѣ, составилъ проектъ бронзовой ниши и каменнаго гроба лѣтописца Нестора, по заказу А. Н. Демидова и проч.

Зимы въ десятилѣтіе отъ 1843 по 1853 г. Ѳ. Г., по обыкновенію, проводилъ въ Петербургѣ; и тутъ опять-таки приходится удивляться его разнообразной и неустанной дѣятельности. Помимо окончательной отдѣлки множества рисунковъ, привозимыхъ имъ изъ лѣтнихъ поѣздокъ, онъ принялъ на себя, въ 1844 г., преподаваніе иконописанія и живописи въ с.-петербургской духовной семинаріи. Здѣсь онъ засталъ до 70-ти учениковъ, но потомъ ихъ было не болѣе 15-ти, потому что Ѳ. Г. самъ уговорилъ неспособныхъ бросить живопись, которая представляла для нихъ напрасную трату времени [1]). Около этого-же времени началъ онъ работать для синода, что продолжалось нѣсколько лѣтъ, а также исполнялъ заказы съ Аѳонской горы отъ Пантелеймонова монастыря и Андреевскаго скита. Помимо того, у него были почти постоянные заказы отъ императорской фамиліи. Такъ, напримѣръ, ему нерѣдко приходилось рисовать пейзажи, на которыхъ императоръ Николай Павловичъ, особенно любившій военные сюжеты, изображалъ потомъ солдатъ, лагери и пушки, что было возможно, такъ какъ картины эти писались

[1]) Преподаваніе Ѳ. Г. въ с.-петербургской духовной академіи продолжалось двадцать пять лѣтъ, послѣ чего онъ вышелъ въ отставку; изъ его учениковъ оказали наибольшіе успѣхи: Ширевъ—который до сихъ поръ пишетъ образа и портреты, затѣмъ Маловъ, Звонцовъ и особенно даровитый Мансвѣтовъ, рано умершій. Н. В.

Digitized by Google

масляными красками. Но государь не желалъ, чтобы кто-нибудь зналъ, что онъ занимается живописью, и обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ запиралъ дверь своего кабинета.

Императрица Александра Ѳедоровна, съ своей стороны, заставляла Ѳ. Г. рисовать костюмы русскихъ крестьянокъ, которыми особенно интересовалась, и даже носила тверской кокошникъ, сдѣланный по его рисунку. Онъ также составлялъ рисунки платьевъ, аграфовъ, браслетовъ, и другихъ крестиковъ украшеній для государыни и великихъ княгинь.

На ряду съ этимъ, Ѳ. Г. иллюстрировалъ молитвенники и другія книги духовнаго содержанія для особъ императорской фамиліи. Затѣмъ княгиня М. П. Волконская, бывшая невѣста Каподистріо (супруга сына министра двора), устроила у себя, для иллюстрированія молитвенниковъ и евангелія, рисовальные вечера, подъ наблюденіемъ Ѳ. Г., которые продолжались около десяти лѣтъ. Съ этою-же цѣлью Ѳ. Г. былъ приглашенъ къ княгинѣ Меншиковой, невѣсткѣ фельдмаршала, но здѣсь занятія очень скоро прекратились.

Въ 1846—1848 гг., по случаю свадьбы его императорскаго высочества Константина Николаевича, поручено было Ѳ. Г. сдѣлать рисунки для разной утвари: фарфора, хрусталя, бронзы, золотыхъ и серебряныхъ вещей въ русскомъ стилѣ, что было тогда нововведеніемъ.

Англійскій магазинъ отказался сдѣлать вещи по приготовленнымъ рисункамъ, находя, что они будутъ недостаточно красивы, и выписалъ образцы изъ Англіи. Рисунки Ѳ. Г. были выполнены Сазиковымъ; вещи оказались лучше тѣхъ, какія были выставлены англійскимъ магазиномъ, и удостоились высочайшаго одобренія [1]).

Между тѣмъ, 22-го ноября 1848 года, въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ“ появилась статья г. Смирновскаго подъ заглавіемъ: „Художественное извѣстіе“, гдѣ авторъ, расточая щедрыя похвалы фабриканту Сазикову, превозносилъ его не только за работу, но и за самую идею.

---

[1]) Впослѣдствіи, когда вошли въ моду вещи въ русскомъ вкусѣ, не только русскіе фабриканты, но и англійскій магазинъ не разъ обращался къ Ѳ. Г. съ просьбою о рисункахъ. Н. В.

Digitized by Google

Ѳ. Г. хотя и не придалъ особаго значенія панегирику г. Смирновскаго, но счелъ нужнымъ возстановить истину и возражалъ ему въ „Сѣверной Пчелѣ“. Указавъ на крупныя погрѣшности автора статьи противъ русскаго искусства, Ѳ. Г. заявилъ, что идея воспроизведенія вещей въ русскомъ вкусѣ принадлежитъ его императорскому высочеству Константину Николаевичу и осуществлена имъ, Солнцевымъ, на основаніи многолѣтняго изученія русской народности и русскихъ древностей въ Москвѣ и другихъ старинныхъ городахъ. При этомъ онъ добавилъ, что дѣло Сазикова состояло только въ точномъ выполненіи готовыхъ рисунковъ и что онъ, дѣйствительно, доказалъ, что „русскіе фабриканты могутъ прекрасно работать“, но отсюда нельзя дѣлать никакихъ выводовъ объ ихъ способности къ творчеству и патріотизмѣ, какъ это дѣлаетъ авторъ статьи.

VIII.

Лѣтомъ 1853 г. Ѳ. Г. отправился въ Кіевъ, въ свою послѣднюю оффиціальную командировку, и дополнилъ новыми работами богатую коллекцію сдѣланныхъ имъ рисунковъ кіевскихъ древностей. Вопросъ объ изданіи ихъ былъ поднятъ въ с.-петербургскомъ (нынѣ императорскомъ) археологическомъ обществѣ, но дѣло разстроилось вслѣдствіе наступившей войны и кончины императора Николая Павловича.

Съ тяжелымъ чувствомъ глубокаго огорченія шелъ Ѳ. Г. за торжественной погребальной процессіей, провожая тѣло своего высокаго покровителя, хотя, конечно, не могъ тогда предвидѣть, насколько эта потеря отразится на всей его дальнѣйшей будущности.

Императоръ Александръ II, занятый освобожденіемъ крестьянъ и другими великими реформами, которыми ознаменовалъ свое царствованіе, не обращалъ большаго вниманія на археологію, не имѣвшую прямаго отношенія къ интересамъ текущей жизни. Естественно, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны были прекратиться широкія археологическія предпріятія прошлаго царствованія, неосуществимыя на частныя средства. Теперь для Ѳ. Г. была

Digitized by Google

закрыта возможность примѣнять, въ прежнихъ размѣрахъ, свои силы, пріобрѣтенныя знанія и усовершенствованную технику. Только въ первое время послѣ кончины императора Николая Павловича, какъ-бы въ силу свѣжей традиціи, а именно въ 1858 году, получилъ онъ еще одно значительное порученіе отъ министерства государственныхъ имуществъ, которое пригласило его завѣдывать работами по изготовленію иконостасовъ для церквей западныхъ губерній, число которыхъ дошло до 200. Эскизы для изображеній святыхъ, крестовъ, хоругвей и пр. составлялъ Ѳ. Г., а писали ихъ подъ его наблюденіемъ другіе художники. Около того-же времени Ѳ. Г. былъ порученъ надзоръ за учениками академіи художествъ изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, которые воспитывались на казенный счетъ, что дѣлалось съ цѣлью открыть доступъ въ академію наиболѣе способнымъ изъ нихъ [1]).

Затѣмъ оффиціальная дѣятельность Ѳ. Г. ограничивалась преподаваніемъ въ с.-петербургской духовной семинаріи и работами для синода, начатыми еще въ прошлое царствованіе [2]).

Время отъ времени получалъ онъ заказы отъ царской фамиліи, но они носили болѣе случайный характеръ: ему приходилось рисовать красками солдатскіе мундиры, а также дѣлать рисунки ковчеговъ для храненія государственныхъ грамотъ. Между прочимъ, ему поручали иллюстрировать молитвенники для высочайшихъ особъ, рисовать складни для императрицы Маріи Александровны и пр.

---

[1]) Изъ нихъ получили золотыя медали: граверъ И. Пожалостинъ, нынѣ профессоръ, В. Максимовъ, Х. Платоновъ, И. Творожниковъ, И. Масаловъ, А. Швайкевичъ, В. Бочинъ. При этомъ неизмѣнное покровительство воспитанникамъ изъ бывшихъ госуд. кр. оказывали въ министерствѣ: Н. П. Мансуровъ, В. Д. Заика, В. Л. Поповъ.

[2]) Въ 1843 г. Ѳ. Г. написалъ антиминсъ, печатные снимки котораго до сихъ поръ разсылаются по всѣмъ православнымъ церквамъ Россіи; въ 1845—1846 гг. рисунки для большаго Евангелія; въ 1859—1860 гг. дѣлалъ рисунки для полнаго молитвослова, посланнаго Наполеону III-му и отпечатаннаго потомъ хромолитографически. Ѳ. Г. сочинялъ также проэкты для образовъ и иконостасовъ въ разныя церкви и наблюдалъ за живописными работами въ соборѣ Александро-Невской лавры; но едва ли не самою значительною работою его для синода нужно считать святцы, которые онъ писалъ полтора года. При этомъ подъ рукой у него находилось 9 рукописныхъ подлинниковъ, между которыми были относящіеся къ XIV и XV вв. Н. Б.

Digitized by Google

Въ 1867 году Ѳ. Г. долженъ былъ опять заняться кіевскими древностями, вслѣдствіе изданія сдѣланныхъ имъ нѣкогда рисунковъ, предпринятаго императорскимъ русскимъ археологическимъ обществомъ. Но такъ какъ прошло четырнадцать лѣтъ со времени послѣдней поѣздки Ѳ. Г. въ Кіевъ и многія подробности изгладились изъ его памяти, то ему пришлось опять отправиться туда какъ для провѣрки прежнихъ рисунковъ, такъ и для новыхъ снимковъ.

По прибытіи на мѣсто онъ сдѣлалъ опытъ примѣненія фотографіи, но это оказалось невыполнимымъ, и для точности снимковъ съ древнихъ мозаикъ и фресокъ онъ покрывалъ ихъ киноварью, разведенною медомъ, а затѣмъ накладывалъ пропускную бумагу, причемъ получалось вполнѣ вѣрное изображеніе. Въ этотъ разъ въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ Ѳ. Г., былъ Из. Ив. Срезневскій, выѣхавшій одновременно изъ Петербурга, такъ какъ онъ собирался написать текстъ къ изданію, но не выполнилъ этого намѣренія. Полученныя упомянутымъ способомъ прориси были переданы ему и сняты фотографически для хромолитографированія; но сами прориси, къ сожалѣнію, не сохранились [1]).

По окончаніи этой работы, для Ѳ. Г. опять наступилъ долгій перерывъ, но привычка къ любимому труду была настолько сильна въ немъ, что не оставляла его. Онъ попрежнему продолжалъ работать цѣлые дни, исполнялъ частные заказы, приводилъ въ порядокъ и додѣлывалъ этнографическіе и археологическіе снимки, собранные имъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Такимъ образомъ, составилось у него новое собраніе рисунковъ, писанныхъ акварелью и исполненныхъ съ необыкновеннымъ изяществомъ и живостью красокъ; въ числѣ ихъ входятъ снимки древнихъ и новѣйшихъ духовныхъ облаченій, не исключая и старообрядческихъ, съ нѣсколькими портретами, боярскія, посольскія и царскія одежды московскаго періода съ портретами, польскія одежды 1790 годовъ, малороссійскія древнія и новыя одежды казаковъ и гетмановъ съ портретами, старинная и новая одежда татаръ и пр.

---

[1]) Рисунки съ древностей Кіево-Софійскаго собора, изданные въ хромолитографіяхъ, подъ заглавіемъ: „Древности Россійскаго Государства. Кіево-Софійскій соборъ. Изд. имп. рус. археол. общ. Спб. 1871 г.“. Изданіе это было предпринято еще въ 1856 г., но было оставлено, какъ указано выше, вслѣдствіе кончины императора Николая Павловича. Н. В.

Digitized by Google

До настоящаго времени Ѳ. Г. можно всегда застать за работой, благодаря хорошо сохранившемуся зрѣнію, и онъ не позволяетъ себѣ пользоваться вполнѣ заслуженнымъ отдыхомъ, хотя число работъ его такъ велико, что самъ художникъ затруднился бы перечесть ихъ [1]), и онъ трудится, такимъ образомъ, болѣе шестидесяти лѣтъ.

Въ 1876 году исполнился пятидесятилѣтній юбилей его художественной дѣятельности.

По этому поводу, согласно постановленію совѣта императорской академіи художествъ, академикъ Солнцевъ, „въ уваженіе отличныхъ познаній въ искусствѣ“, возведенъ въ званіе профессора, о чемъ ему объявлено 18 мая 1876 года.

Вслѣдъ затѣмъ 20 мая, въ общемъ собраніи импер. русск. археологическаго общества, помощникъ предсѣдателя, кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, поднесъ юбиляру большую золотую медаль съ его портретомъ на одной сторонѣ и съ слѣдующею надписью на другой сторонѣ медали:

„Въ память 50-ти лѣтней археологической его дѣятельности отъ императорскаго русскаго археологическаго общества, 1824—1874 гг.“ При этомъ дѣйствительный членъ императорскаго археологическаго общества, М. И. Семевскій, въ рѣчи, имъ сказанной, представилъ обзоръ художественно-археологическихъ трудовъ Ѳедора Григорьевича и указалъ на ихъ многостороннее значеніе для науки и искусства [2]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что имя такого честнаго и талантливаго труженника, какъ Ѳ. Г. Солнцевъ, навсегда останется въ исторіи русской науки, потому что ему обязана она сохраненіемъ многихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ для археологіи, отечественной исторіи и для бытоописанія русскаго народа, воспроизведенныхъ съ величайшею точностью въ его рисункахъ, одинаково важныхъ для русскихъ историковъ, ученыхъ, бытовыхъ писателей и художниковъ. До сихъ поръ Ѳ. Г. остается самымъ выдающимся представителемъ въ области художественной археологіи и этнографіи и не имѣетъ вполнѣ достойныхъ преемниковъ,

[1]) Большинство работъ Ѳ. Г. перечислено въ отчетахъ имп. акад. худож. за 1842—1880 гг. См. Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ, ст. Н. П. Собко: „Ѳедоръ Григорьевичъ Солнцевъ и его дѣятельность“, стр. 476—477 и 482.

[2]) Рѣчь эта напечатана въ „Русск. Стар.“ 1876 г., т. XVI, стр. 303—308.

Н. Б.

Digitized by Google

что отчасти объясняется исключительными условіями, способствовавшими развитію его таланта. Хотя тяжелой, кропотливой работой всей жизни и нелегкой борьбой составилъ онъ себѣ почетное имя въ художественномъ и ученомъ мірѣ, но борьба эта, во всякомъ случаѣ, была облегчена содѣйствіемъ такого наставника, какъ А. Н. Оленинъ, и высокимъ покровительствомъ любителя археологіи и отечественной старины—государя Николая Павловича. Благодаря этимъ условіямъ, Ѳ. Г. могъ всецѣло предаться любимому труду.

Невѣроятное количество трудовъ почтеннаго художника-археолога показываетъ, что̀ можетъ произвести одинъ человѣкъ своими единичными силами, если исключительно посвящаетъ ихъ избранному имъ дѣлу, не отвлекаясь другими интересами.

Н. А. Бѣловерская.

Четверостишіе Н. Н. Забудскаго.

Въ сообщеніи В. Н. Давыдова („Русск. Стар." изд. 1887 г., № 4) упомянуто четверостишіе, вотъ вполнѣ точный его текстъ:

Для дружбы двухъ державъ, Россіи и Ирана,
И изъ почтенья къ вамъ, степеннѣйшій посолъ,
Готовъ-бы я себя зарѣзать, какъ барана;
Но какъ-же быть тутъ?—я оселъ.

Дѣйствительные авторы этой эпиграммы или, просто, насмѣшки—Н. Н. Забудскій, бывшій въ 1840-хъ гг. молодымъ офицеромъ генеральнаго штаба, и прежній ставропольскій полиціймейстеръ, кажется, Ѳедоровъ. Они написали эту эпиграмму на тогдашняго ставропольскаго губернатора, Волоцкаго (нынѣ покойнаго), который ѣздилъ извиняться къ возвращавшемуся изъ С.-Петербурга персидскому послу въ томъ, что ему, на этотъ разъ, не былъ на порогѣ зарѣзанъ баранъ, какъ то было сдѣлано въ передній путь. Посолъ, имѣвшій европейское образованіе, много смѣялся надъ этимъ извиненіемъ, а присутствовавшій при этомъ полиціймейстеръ, не любившій губернатора, разсказалъ случай Забудскому, который и сочинилъ, при содѣйствіи его, приведенное четверостишіе. Въ 1872 или 1873 гг. я помѣстилъ его въ „Голосѣ", въ одной статьѣ, имѣвшей видъ корреспонденціи изъ Ставрополя. На Кавказѣ, лѣтъ 25 тому назадъ, это было извѣстно каждому, наравнѣ съ анекдотомъ о Іедлинскомъ, который, въ отвѣтъ Мих. Ник. Муравьеву (мин. гос. им.), назвавшему его „превосходительствомъ", потому что на папахѣ его былъ красный верхъ, отвѣчалъ, что „онъ только полковникъ и что нынче генераловъ узнаютъ—по ногамъ".

М. И. Венюковъ.

Digitized by Google

Отечественная война.

[Письмо П. Кикина къ матери] [1]).

20-е сентября (1812 г.). Вороново.

Давно уже Матушка! неимѣю отъ васъ извѣстія боюсь здоровы ли вы и страшусь чтобы вы обо мнѣ небезпокоились тѣмъ болѣе, что я совершенно здоровъ, но страдаю Сердцемъ и отъ хлопотъ которыя Еще усилились; ибо изъ 2-хъ арміи Составилась одна и я Попался Жертвою т: е: Оставленъ при Арміи Дежур. Генераломъ.—я къ вамъ изредко таки пишу; незнаю получали ли вы?—Хотѣлъ бы увѣдомленія; что вы Соединились и всѣ вмѣстѣ; какъ скоро кончатся наши Плохія дѣла то Первое Стремленіе мое будетъ къ вамъ пристать и уже Навсегда.—

Растопчинъ вчерашнѣе Число изъ своихъ рукъ Зажегъ свой прекраснѣйшій домъ въ Вороновѣ, чтобъ Недоставался въ руки Непріятеля.—

Чемъ кончится Наша Компанія Неизвѣстно, что будетъ угодно Богу, но Непріятель самъ весьма не въ хорошемъ положеніи. Ежедневно беремъ у Него плѣнныхъ, Шатающихся Посторонамъ За Хлѣбомъ въ чемъ имъ Не малая Нужда, какъ равно и въ фуражѣ.—братъ простился съ Домомъ—мнѣ досталось Часть вина, которое за Его Здоровье попиваю;—картины спасъ; боюсь хорошо ли будутъ довезены; но за то Ненамѣренъ ихъ отдавать дураку Наслѣднику, которой Незнавъ ихъ цѣны, Кинулъ напроизволъ. уберу ими деревенской свой домъ, которой препоручаю Начинать Строить брату.—я Надѣюсь, что въ Симбирскѣ далѣе Поста братъ непроживетъ, то инехудо Заготовить для житья какую нибудь Хату. — Москвы жаль да не совсѣмъ. Теперь по необходимости Дворянѣ будутъ жить въ своихъ имѣніяхъ отъ чего и имъ и крестьянамъ, такъ какъ и общей пользѣ, нехудо будетъ—Нѣтъ худа безъ добра.—Но того исмотри, что какъ Тараканы опять туда Скоро Наползутъ.—

Всѣмъ роднымъ мое Почитаніе и Любезному Нашему Сушкову съ семьею также—Цалую ихъ всѣхъ отъ души.—Богъ Милостивъ авось либо Соберемся вмѣстѣ и послѣ бури насладимся Тишиной и Спокойствіемъ.—

Цалую ваши Маминька ручки и прошу вашего Спасительнаго благословенія обожающій вашъ Сынъ Петръ Кикинъ.

Брата Цалую и прошу хотя иногда неполѣниться ко мнѣ Писнуть. — я безъ тебя былъ хозяинъ, но Не очень Спасительной; ибо все пошло на воздухъ Жалѣть Нечего,—богъ Милостивъ проживемъ.—Нестыдно ли тебѣ оставить Книги мои?—Сооруди непремѣнно мнѣ избу, гдѣ бы я могъ съ Эстампами и рисунками Подъ Старость какъ Инвалидъ помѣститься.

Ея Высокоблагородію Милостивой Государынѣ Маріѣ Федоровнѣ Кикиной. Въ Симбирскѣ.

Письма писать ко мнѣ чрезъ Калугу въ армію первую Западную.

Сообщ. Н. П. Карповъ.

---

[1]) Напечатано съ точнымъ сохраненіемъ орѳографіи подлинника. Ред.

Digitized by Google

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДРУЖИНИНЪ.

> ... la petite critique venimeuse... c'est moins le livre qu'elle examine que l'écrivain et moins encore l'écrivain que l'homme!
>
> E. Pelletan.

Замѣчательнѣйшіе литературные дѣятели нашего времени тепло и сердечно почтили память А. В. Дружинина, единогласно признавъ его даровитымъ писателемъ, замѣчательно добросовѣстнымъ труженикомъ, «неподдѣльно любящимъ родную словесность» и крайне симпатичнымъ, честнымъ, безупречной жизни человѣкомъ. Казалось-бы—чего лучше и яснѣе!

Но по какимъ-то особымъ побужденіямъ, силу которыхъ не ослабили многіе годы, истекшіе послѣ смерти Дружинина, г. Старчевскій предпринялъ обширный трудъ, на страницахъ одного изъ петербургскихъ журналовъ, съ цѣлью «изобразить А. В. въ настоящемъ свѣтѣ, чтобы читатель могъ составить себѣ возможно вѣрное понятіе о его личности и нравственной физіономіи», т. е. иными словами—совсѣмъ не такимъ, какимъ его всѣ признаютъ. Задача не легкая! Но при опытности «стараго журналиста», съ помощью неразборчиваго подбора фактовъ, выдержекъ изъ разныхъ писемъ и статей, извращенныхъ толкованій, г. Старчевскій одолѣваетъ затрудненія и представляетъ изумленному читателю статью, по истинѣ замѣчательную въ своемъ родѣ.

По причинамъ исключительнымъ, разборъ этой статьи мнѣ приходится начинать съ конца.

Digitized by Google

I.

Понадобилось г. Старчевскому обвинить А. В. Дружинина, между прочимъ, въ трусости, доходившей до «боязни своей тѣни...» Но надо же было изъ чего нибудь это вывести, чѣмъ нибудь доказать и объяснить,—и вотъ онъ пишетъ:

«Четвертое несчастіе Дружинина то, что онъ былъ вхожъ въ домъ д. с. с. Ливенцова, служившаго въ третьемъ отдѣленіи; что принятый какъ свой въ домѣ лица, служившаго въ такомъ учрежденіи, Дружининъ, нѣтъ сомнѣнія, получалъ тамъ внушенія величайшей осторожности и осмотрительности въ поступкахъ и сочиненіяхъ, чтобы не сдѣлаться предметомъ наблюденія со стороны разнаго рода соглядатаевъ и навлеченіемъ на себя подозрѣній въ неблагонадежности не скомпрометировать посѣщаемаго имъ дома; что знакомство съ домомъ Ливенцова имѣло сильное вліяніе на развитіе таланта Дружинина и на избраніе имъ направленія; что — не то вышло бы изъ Дружинина, если бы онъ не попалъ въ этотъ магическій кружокъ», и проч.

И читатель, конечно, безусловно вѣритъ, что былъ такой страшный домъ, гдѣ коварными совѣтами, изъ личныхъ видовъ и удобствъ, губились талантъ, направленіе и дѣятельность Дружинина! «Да и какъ же не вѣрить?» — скажетъ читатель, — вѣдь г. Старчевскій говоритъ это утвердительно, значитъ онъ знаетъ, что было именно такъ; онъ не ссылается даже на слухи, а прямо заявляетъ, какъ несомнѣнную истину; да и слухи такого рода преступно было бы повторять безъ провѣрки ихъ несомнѣнной дѣйствительности. Притомъ же г. Старчевскій замѣчаетъ, что онъ «не знаетъ только какъ познакомился Дружининъ съ Ливенцовыми», значитъ самый фактъ интимнаго знакомства его съ домомъ чиновника третьяго отдѣленія не подлежитъ сомнѣнію. Вѣдь выдумать подобныя вещи невозможно: это было бы поступкомъ, которому и названія не подберешь! Вѣдь распространеніе такихъ извѣтовъ даже не продѣлка, а просто уголовщина, такъ сказать, вопросъ общественной безопасности!... Возможно-ли же это допустить?»

Говоря такъ, читатель будетъ совершенно правъ, а между тѣмъ, во всемъ написанномъ г. Старчевскимъ нѣтъ ни одного слова правды.

Во-первыхъ, отецъ мой, умершій въ 1869 году, заслуженный, израненный военный генералъ, прослужившій 57 лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ, никогда не числился гражданскимъ чиномъ и

Digitized by Google

въ третьемъ отдѣленіи не служилъ, въ чемъ легко убѣдиться самою простою справкою, гдѣ слѣдуетъ.

Во-вторыхъ, генералъ А. М. Ливенцовъ былъ человѣкъ рѣдкаго ума, истинно рыцарскаго благородства, честный и прямой, никому въ жизни не сдѣлавшій ни малѣйшаго зла. Память о немъ живетъ и чтится всѣми, кто его зналъ. Вліяніе такого человѣка могло быть только благотворное во всякомъ направленіи, но на Дружинина онъ не могъ имѣть ни хорошаго, ни дурнаго вліянія, по той простой причинѣ, что никогда знакомъ съ нимъ не былъ и лишь одинъ разъ, въ пріѣздъ мой въ Петербургъ въ 1855 г., встрѣтился съ нимъ у меня въ кабинетѣ, обмѣнявшись нѣсколькими привѣтливыми фразами. Все это могутъ удостовѣрить родные Дружинина, живущіе въ Петербургѣ, и его многочисленные друзья.

Да и странно было бы даже вообразить себѣ блестящаго и веселаго А. В. Дружинина вхожимъ какъ свой въ уединенную квартирку, гдѣ скромно и тихо, почти никого не видя, проживала престарѣлая чета моихъ почтенныхъ родителей, вдвоемъ коротая вѣкъ, ложась спать и вставая съ зарею.

При такомъ разъясненіи, само собою разумѣется, что и все приводимое г. Старчевскимъ о гибельномъ вліяніи на Дружинина знакомства съ такимъ домомъ—чистѣйшій вздоръ и злостный вымыселъ.

Въ этомъ странномъ эпизодѣ, помимо его неприглядности, усматривается непростительная оплошность г. стараго журналиста: если ужъ ему непремѣнно нужно было оговорить кого-либо, то слѣдовало выбрать для того лицо, или дѣйствительно служившее въ третьемъ отдѣленіи, или — несомнѣнно знакомое съ Дружининымъ, конечно, также изъ умершихъ, благо вся статья его представляетъ какое-то злобное глумленіе надъ покойниками. Но почему выборъ палъ на моего покойнаго отца, ни въ чемъ не повиннаго и не причастнаго ни къ какимъ дрязгамъ,—объяснить трудно.

Воздерживаясь дать названіе поступку г. Старчевскаго, представляю таковой на судъ общественный.

Digitized by Google

II.

Отнестись серьезно къ статьѣ г. Старчевскаго, въ остальныхъ ея частяхъ, нѣтъ никакой возможности: она представляетъ такой рѣдкій примѣръ путаницы понятій, искаженія истины, нелогическихъ выводовъ, излишнихъ, не идущихъ къ дѣлу, выписокъ изъ писемъ и статей, осужденій, оканчивающихся похвалами, и похвалъ, влекущихъ за собою осужденія,—что изъ всего этого сумбура ясно и четко выступаютъ только—глубокая непріязнь автора къ Дружинину и стремленіе набросить тѣнь на его личность во что бы то ни стало, какъ попало и не смотря ни на что. Поэтому мы ограничиваемся возможно краткимъ указаніемъ на особенно выдающіяся несообразности и несправедливости, придерживаясь исключительно того лишь, что говоритъ самъ авторъ.

Недружелюбіе г. Старчевскаго къ Александру Васильевичу проявляется съ первыхъ же строкъ. Указывая на причины, пробудившія его воспоминанія о Дружининѣ, г. Старчевскій говоритъ:

Что «вопросы о томъ, какъ достигъ и воспользовался А. В. такъ легко добытою имъ извѣстностью, что̀ это была за личность, что̀ она могла дать обществу, въ какой средѣ вращалась, какими располагала нравственными и интеллектуальными силами,—почти никѣмъ не были затронуты и точно съ намѣреніемъ игнорированы и обойдены; какъ-будто съ этой стороны можно было и слѣдовало обойти эту личность молчаніемъ, какъ-будто она не заслуживала болѣе внимательнаго къ ней отношенія».

И г. Старчевскій горячо протестуетъ противъ такого, имъ же самимъ придуманнаго, взгляда на Дружинина, заявляя, что «личность Дружинина вполнѣ заслуживаетъ быть выясненною...» и что «это можетъ быть даже назидательно для начинающихъ писателей, которымъ необходимо знать: какихъ засадъ и подкоповъ слѣдуетъ избѣгать».

Частная и общественная жизнь и дѣятельность Дружинина были у всѣхъ на виду; секретовъ въ нихъ никакихъ не имѣлось; кружки и среда, въ которыхъ онъ вращался, всѣмъ также хорошо извѣстны; никакимъ засадамъ и подкопамъ онъ никогда, до настоящаго случая, не подвергался, а общее уваженіе при жизни и славная память послѣ смерти могли быть достояніемъ только честнаго, вполнѣ безупречнаго человѣка. Поэтому никакихъ невыгодныхъ на его счетъ предположеній никто не дѣлалъ и не сдѣлаетъ, кромѣ г. Старчев-

Digitized by Google

скаго, которому это понадобилось для его цѣли. Но если допустить даже, что г. Старчевскій дѣйствительно такъ подумалъ, то «для восполненія этого пробѣла» что слѣдовало ему сдѣлать? Казалось бы прежде всего надлежало точно, внимательно и добросовѣстно ознакомиться со всѣми подробностями жизни А. В., узнать достовѣрно о его семьѣ, друзьяхъ и домахъ, наиболѣе имъ посѣщавшихся... Но г. Старчевскій не позаботился о томъ нисколько и о частной жизни Дружинина ровно ничего не знаетъ. Такъ, напримѣръ, онъ вскользь упоминаетъ о его отцѣ, говоритъ, что мать А. В. видѣлъ нѣсколько разъ и она ему, Старчевскому, не понравилась; что былъ у Дружинина старшій братъ, который умеръ, а отъ другаго старшаго брата его, живущаго и теперь въ Петербургѣ, о чемъ упоминается даже въ статьѣ, Старчевскій почему-то отрекается, уклоняясь говорить; затѣмъ, дѣлаетъ предположеніе, что баронесса В. — сестра А. В. тогда какъ никакого родства между ними нѣтъ, и, наконецъ, называетъ одинъ лишь интимный домъ, въ которомъ А. В. бывалъ какъ свой, и именно тотъ, въ которомъ онъ никогда не бывалъ. Все это несомнѣнно доказываетъ, что намѣреніе выяснить частную жизнь Дружинина было только маскою, прикрывавшею настоящія цѣли г. Старчевскаго, какія—увидимъ далѣе.

Обѣщавъ свою защиту памяти Дружинина отъ воображаемыхъ враговъ, которые «точно съ намѣреніемъ игнорируютъ его личность», г. Старчевскій не выдерживаетъ, и съ первыхъ же словъ круто переходитъ въ огульное осужденіе и непріязненные оговоры какъ самой личности, такъ и всѣхъ дѣйствій Дружинина. Постараемся доказать это въ возможно-послѣдовательномъ порядкѣ.

Признавъ необходимымъ похвалить «Полиньку Сакъ», первое произведеніе Дружинина, «давшее ему широкую (?) извѣстность», г. Старчевскій говоритъ, что «повѣсть эта облетѣла всю Россію, что не было русскаго семейства, гдѣ бы и матери и дочки не засыпали (?) съ этою повѣстью въ рукахъ; что каждая дама того времени считала за счастіе хотя украдкою взглянуть на автора «Полиньки»; что если-бы Дружининъ посвятилъ себя изученію типа нашей (?) женщины, то произведеніямъ его позавидовали бы и Тургеневъ, и графъ Л. Н. Толстой», и проч.

Ну, кажется, все благополучно: похвалилъ! Но чрезъ нѣсколько строкъ читаемъ что-то другое: «Полинька Сакъ» обзывается «литературнымъ волчкомъ»; доказывается, что идея повѣсти заимствована у французскихъ энциклопедистовъ и у Жоржа-Занда; съ сокрушеніемъ говорится, что «сонмъ Полинекъ Сакъ (?), предательски усыпивъ нравственную предусмотрительность Дружинина, свелъ его въ могилу;

Digitized by Google

что А. В. спасовалъ предъ русской здоровой и молодой женщиной и не исполнилъ того, что всѣ имѣли право ожидать отъ него (?)».

Развѣ-жъ не сумбуръ? Но еще куріезнѣе слѣдующее прибавленіе:

«Но что Дружининъ? Съ русской женщиной не справились вполнѣ ни Тургеневъ, ни гр. Л. Н. Толстой, ни прочіе наши писатели...»

Ну, вотъ подите жъ! а мы то, въ простотѣ души, восхищались и вѣровали, что всѣ эти Аси, Лизы, Елены, Наташи Ростовы, Анны Каренины, Ольги (въ «Обломовѣ»), и проч.—настоящіе типы русской женщины! Вѣдь вотъ и г. Старчевскій, несомнѣнно, читалъ чарующія строки нашихъ лучшихъ беллетристовъ, однако же, его не подкупила художественность изображенія: онъ почуялъ фальшь и рѣшилъ, что предъ русской женщиной и Дружининъ спасовалъ, да и Тургеневъ съ гр. Л. Н. Толстымъ и прочими писателями вполнѣ не справились съ нею! Что тутъ подѣлаешь, хоть начинай сначала! Судя по строгости приговора надъ лучшими литераторами, можно предположить, что г. Старчевскій намѣревается самъ изобразить настоящіе типы нашей русской женщины. Очень было бы любопытно!

«За то русская женщина,—продолжаетъ авторъ,—не дождавшись дѣльнаго путеводителя, сама пустилась по новому пути... и теперь ни одна развитая дѣвушка не станетъ уже тратить время на чтеніе «Полиньки Сакссъ».

Если г. Старчевскій изучалъ спеціально только этихъ, ему одному извѣстныхъ, женщинъ, «пустившихся по новому пути безъ путеводителя», то становится понятнымъ, почему ни Тургеневъ, ни гр. Толстой, ни другіе писатели не могли потрафить на его вкусъ.

Все сказаніе о «Полиньки Сакссъ», натурально, пересыпано самыми безцеремонными эпитетами по адресу Дружинина:

«Этотъ смѣлый рыцарь не кто другой, какъ очень юный офицерикъ... смазливый, деликатный, съ вѣчно опущенными глазами, вѣчно застѣнчивый и пугливый (?)... съ его мягкими манерами, вкрадчивостью и впечатлительностью фотографическаго негатива» (?), и проч.

Вотъ такъ защита!

Digitized by Google

III.

Объ отцѣ Дружинина говорится только, что, по слухамъ, «это былъ добрѣйшій человѣкъ, извѣстный хлѣбосолъ; что онъ былъ въ такомъ чинѣ, который, при протекціи, открылъ сыновьямъ его двери пажескаго корпуса...»

Неясно. Одно изъ двухъ: или чинъ «такой» давалъ право на опредѣленіе дѣтей въ это заведеніе, и тогда протекція тутъ не причемъ, или же не давалъ,—значитъ, чинъ былъ не «такой».

О матери А. В. сообщается болѣе. Бѣдная Марья Павловна, не смотря на всеобщее къ ней уваженіе, положительно не понравилась г. Старчевскому. Вотъ что онъ пишетъ:

«Мнѣ удалось нѣсколько разъ видѣть мать Дружинина... это была простая, повидимому добрая старушка, всею душою любившая сына, не представительная, съ обыкновенными чертами лица, ровно ничего не выражавшаго (?), и съ обыкновенными манерами и пріемами, свойственными зажиточной чиновницѣ (?), что представляло рѣзкій контрастъ съ тѣмъ тономъ, котораго держался А. В... Для меня достаточно было нѣсколькихъ посѣщеній, чтобы вполнѣ убѣдиться, что такая мать ничего не могла дать своему дѣтищу... И дѣйствительно, Дружининъ ничего не вынесъ изъ своего роднаго гнѣзда».

Какъ же такъ? а рѣдкій умъ, замѣчательный талантъ, честность и чистота теплой души, доставившіе Дружинину общественный почетъ, дружбу лучшихъ людей и надгробный стихъ извѣстнаго поэта:

Изнемогающій, больной,
Души ты не утратилъ силу,
И жизни мутною волной
Ты чистымъ вынесенъ въ могилу.

И все это ничего? Да что же лучшаго можетъ дать своему дѣтищу любящая мать, какое наслѣдіе лучше этого? Но, вѣроятно, г. Старчевскій находитъ все это малоцѣннымъ наслѣдіемъ и полагаетъ, что изъ роднаго гнѣзда слѣдовало вынести болѣе матерьяльныя блага.

«Это былъ юноша, — говоритъ г. Старчевскій далѣе о Дружининѣ, — выдресированный по всѣмъ правиламъ извѣстнаго искусства (?)... Все въ немъ было заученное, усвоенное изъ иной среды, въ которой онъ очутился, вылетѣвъ изъ теплаго чиновничьяго гнѣздышка».

Напоминаемъ, что это — защита.

Digitized by Google

Затѣмъ, г. Старчевскій продолжаетъ:

«Въ кругу другихъ дѣятелей на поприщѣ литературы, развившихся на свободѣ, безъ предохранительныхъ корсетовъ,—дѣятелей, окунувшихся уже въ житейскомъ морѣ и извѣдавшихъ его глубину и мели, Дружининъ казался какою-то мимозой... старался держать себя въ извѣстномъ тонѣ, говорить осмотрительно и осторожно, не довѣряя своимъ силамъ и сознавая ихъ слабость, съ опущенными внизъ (отчего не вверхъ?) глазами... тщательно наблюдалъ за собою, взвѣшивалъ каждое слово, и слѣдовательно объ откровенности не могло быть и помину».

Ну вотъ это, дѣйствительно, не хорошо со стороны А. В., тѣмъ болѣе, что со всѣми своими литературными пріятелями и съ хорошими знакомыми онъ былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ: откровеннымъ до задушевности, говорливымъ до усталости и безъ всякаго взвѣшиванія своихъ словъ. Смотрѣлъ онъ прямо и хорошо своими честными, нѣсколько близорукими глазами. Зачѣмъ же это онъ съ господами, развившимися на свободѣ, безъ корсетовъ, и окунувшимися въ пучину житейскаго моря,—былъ такою мимозою? Очень это дурно. Но съ другой стороны, отчего г. Старчевскій не хочетъ допустить, что бываютъ личности антипатичныя, нерѣдко такія, что смотрѣть на нихъ вовсе не весело, а иногда даже — просто стыдно и противно, и что поневолѣ приходится опускать внизъ глаза. Опять тоже насчетъ осторожности и осмотрительности... Ну, право же нельзя за это не похвалить Дружинина: очень благоразумно поступалъ онъ, особенно по отношенію къ «нырятелямъ», извѣдавшимъ глубину и мели моря житейскаго, такъ какъ эти чудища, развившіяся безъ всякихъ нравственныхъ корсетовъ, народъ весьма опасный, способный безъ зазрѣнія совѣсти извратить каждое слово и ни за что оклеветать человѣка даже послѣ его смерти, и особенно послѣ смерти: при жизни—это не совсѣмъ удобно и не всегда безопасно.

Далѣе слѣдуетъ «остроумное» сравненіе Дружинина и «морскихъ» его собратій по литературѣ съ двумя дѣвицами: «одна, получившая воспитаніе въ домѣ родителей (это безкорсетные дѣятели), а другая въ Смольномъ монастырѣ (это Дружининъ) — и что же? — одна живая натура, человѣкъ, каковъ онъ есть, съ дурными и хорошими сторонами (это — чудища), а другая не принадлежитъ себѣ и есть продуктъ Смольнаго монастыря, —таковъ Дружининъ, у котораго былъ неоспоримый талантъ, но этотъ талантъ сжималъ пажескій корсетъ, отъ котораго онъ (талантъ или Дружининъ?) не могъ отвыкнуть всю свою жизнь».

Очень мило и весьма грамотно! Бѣдный Дружининъ: и Смольный

Digitized by Google

монастырь, и пажескій корсетъ, и своеобразная грамматика «стараго журналиста»!

Пажескій корпусъ, почему-то, сильно не нравится г. Старчевскому, и въ статьѣ своей онъ неоднократно возвращается съ упреками Дружинину за воспитаніе въ этомъ заведеніи.

«По своему воспитанію,—пишетъ онъ, — Дружининъ былъ пажъ въ дѣйствительности, остался пажемъ въ обществѣ, пажемъ въ кругу дамъ, пажемъ въ литературѣ и въ чемъ угодно (?). Притомъ же по своему сложенію (?) онъ былъ тщедушенъ, слабъ здоровьемъ и лишенъ всякой энергіи. Впрочемъ, по внѣшнему его виду, манерамъ и сдержанному обращенію съ посторонними, нѣкоторые (?) считали его аристократомъ»...

Не правда ли: совсѣмъ грамотно?

...«а въ томъ числѣ (считалъ его аристократомъ) и Кирпичниковъ, рѣшившійся написать о немъ кое-что».

Въ началѣ г. Старчевскій протестовалъ, что никто не пишетъ о Дружининѣ, а тутъ — какъ-бы упрекаетъ г. Кирпичникова за его рѣшимость. «Но въ Дружининѣ,—продолжаетъ г. Старчевскій,—кто съ нимъ близко былъ знакомъ (это тоже грамотно?), не было ничего истинно аристократическаго, въ немъ все было—imitation, накладное, какъ бываетъ накладное серебро» и т. п.

Остроумная защита!

Что г. Старчевскій знаетъ толкъ въ серебрѣ и легко отличитъ настоящее отъ накладнаго,—это болѣе, чѣмъ вѣроятно; но чтобы онъ былъ также компетентенъ по части аристократизма—позволяемъ себѣ усомниться. Притомъ же трудно угадать, съ какого рода аристократами сталкивался въ жизни г. Старчевскій, какія, по его понятію, несомнѣнныя свойства настоящаго аристократа и чѣмъ отличаетъ онъ таковаго отъ imitation, накладнаго. Но во всякомъ случаѣ, тѣхъ качествъ, которыя г. Старчевскій предполагаетъ у аристократовъ, Дружининъ не имѣлъ и не могъ имѣть. Да и вообще А. В., по своей прямой натурѣ, желалъ всегда казаться только тѣмъ, чѣмъ былъ дѣйствительно, т. е. джентльменомъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Digitized by Google

IV.

Продолжая описаніе первыхъ годовъ жизни и воспитанія Дружинина, г. Старчевскій задается такимъ важнымъ, по его мнѣнію, вопросомъ: «Почему А. В., предназначавшійся родителями къ военной карьерѣ, предпочелъ ей литературную?»—и хотя тутъ же отвѣчаетъ себѣ замѣчаніемъ, что «послѣдняя доставила ему то, чего никогда не дала бы первая»,—но не удовлетворяется тѣмъ и обѣщаетъ «постараться рѣшить этотъ вопросъ, за отсутствіемъ документальныхъ данныхъ, чисто логическимъ путемъ».

Направляясь по сему скользкому и коварному пути, г. Старчевскій говоритъ:

«Имѣя въ виду добиться принятія сына въ Пажескій корпусъ, отецъ Дружинина долженъ былъ дать мальчику домашнее воспитаніе на иностранный ладъ, чего, конечно, не могла сдѣлать мать, насколько мы можемъ судить (?) по знакомству, хотя и не продолжительному съ этою личностью (опять! да что такое сдѣлала эта кроткая старушка г. старому журналисту?)—поэтому надо было взять гувернантку и исключительно француженку... притомъ же мальчику надо было привить хорошія манеры и умѣніе держать себя, а кто же лучше хорошей француженки можетъ это дать? Поэтому, до вступленія въ корпусъ, А. В. и сданъ былъ безотчетно на французскія руки, которыя, надѣвъ на него французскую рубашку, совершенно обезсилили его русскую натуру и мальчика превратили въ слабую, робкую, застѣнчивую дѣвушку, — et il est devenu tout à fait efféminé».

Руки, надѣвъ французскую рубашку, обезсилили русскую натуру и превратили мальчика въ дѣвочку! Вотъ куда завелъ логическій путь!

Далѣе, все въ томъ же тонѣ и направленіи, подъ руководствомъ чистой логики, приводится: что «такимъ, т. е. слабой, застѣнчивой дѣвушкой, — его сдали въ корпусъ, гдѣ онъ очутился, не имѣя ничего общаго со своими товарищами (еще бы, слабая дѣвушка съ пажами!) — большею частію аристократами, смотрѣвшими на него, конечно, свысока; что ему оставалось одно убѣжище — это чтеніе — чего?—да всего, что попадалось;.. что—слабый организмъ, искусственная среда и фальшивое положеніе (почему?) помѣшали Дружинину поступить въ гвардейскую артиллерію, онъ вышелъ въ молодую гвардію, и тутъ, вполнѣ убѣдившись, что онъ плохой воинъ (?), уступилъ своему влеченію къ литературѣ и перешелъ въ канцелярію военнаго министра, чтобы посвятить себя русской литературѣ».

Digitized by Google

Во-первыхъ, въ канцеляріи поступаютъ для служебныхъ занятій, а во-вторыхъ, не проще ли было сказать, что Дружининъ посвятилъ себя литературѣ—по страсти и влеченію къ ней? Конечно, при этомъ осужденіе утратило бы нѣкоторую силу, но за то логика много бы выиграла, не говоря уже о правдѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ сбивчивый разсказъ о вступленіи Дружинина въ литературные кружки; какъ онъ примкнулъ было къ «Современнику», гдѣ «его стали подготовлять въ томъ духѣ, въ какомъ велся этотъ органъ», но что «знакомства и связи Дружинина старались удержать его въ тѣхъ началахъ, въ которыхъ укрѣпили его въ Пажескомъ корпусѣ»; что «въ концѣ концовъ Дружининъ рѣшилъ служить теоріи—искусство для искусства, — которой и остался вѣренъ до гробовой доски»; что «легкая, развлекающая и фривольная литература была его любимымъ конькомъ»; что «прекрасно владѣя слогомъ, не задаваясь никакими глубокими идеями, притомъ допустивъ всякую фривольность мыслей (?!), всевозможные толки, большею частію легкаго сатирическаго характера, о текущихъ литературныхъ дѣлахъ, вводя всевозможныя тривіальности и особенныя слова въ родѣ ерунды и т. п., толкуя вкривь и вкось на распашку (?), Иванъ Чернокнижниковъ ловко дѣлалъ свое дѣло»... каковой трудъ — «въ сущности, былъ не болѣе, какъ игривая болтовня, въ родѣ нелюбо—не слушай, а лгать не мѣшай».

Надо сознаться, что болѣе деликатную по формѣ, выраженіямъ и грамотности защиту Дружинина отъ воображаемыхъ враговъ — трудно придумать.

«Дамы, — говоритъ далѣе Старчевскій, — осаждавшія Дружинина перепискою и заводившія съ нимъ интриги (это со слабою-то дѣвушкою?), ему, наконецъ, надоѣли, и А. В. рѣшился заняться чѣмъ нибудь серьезнымъ».

Самая здравая логика!

Обращаясь затѣмъ къ краткому очерку состоянія журнала «Библіотека для чтенія», въ которомъ г. Старчевскій былъ редакторомъ по хозяйственной части, подъ главенствомъ О. И. Сенковскаго,— г. старый журналистъ говоритъ о томъ, какимъ образомъ Дружининъ «перенесъ изъ «Современника» въ «Библ. для чтенія» свой литературный раекъ; указываетъ, между прочимъ, на то, что Дружининъ былъ западникъ, самъ Альбертъ Викентьевичъ Старчевскій «стоялъ за новое направленіе (?), не допуская лишь крайностей и увлеченій, а Сенковскій бросалъ бомбы въ этотъ лагерь (мы не понимаемъ—за какое новое направленіе могъ стоять завѣдывающій хозяйственною частію журнала и почему, въ такомъ случаѣ,

Digitized by Google

г. Сенковскій не бросалъ бомбы въ собственную редакцію?); что признано было необходимымъ «предложить страницы журнала новымъ литературнымъ дѣятелямъ, занимающимся въ другихъ журналахъ», и что «удалось перетянуть изъ «Современника» въ «Библ. для чтенія» А. В. Дружинина».

Такимъ образомъ, оказывается, что А. В. вовсе не навязывался въ сотрудники «Библ. для чтенія» и что, напротивъ, объ этомъ сильно хлопотала редакція этого журнала.

V.

Все разсказываемое въ дальнѣйшихъ главахъ даетъ замѣтить, что, вскорѣ по вступленіи Дружинина въ сотрудники «Библіотеки для чтенія», между нимъ и редакціею стали возникать несогласія, недоразумѣнія и взаимное раздраженіе, быстро перешедшія въ глухую борьбу и вражду. Послѣдствіемъ такихъ отношеній и слѣдуетъ считать появленіе воспоминаній г. Старчевскаго. По этому предмету у меня хранится много весьма любопытныхъ писемъ А. В., но, согласно обѣщанію, я буду пока касаться лишь того, что говоритъ г. старый журналистъ.

Всѣ упреки, дѣлаемые Дружинину въ этомъ отдѣлѣ, кромѣ ихъ крайней несправедливости, нерѣдко — просто забавны по наивности, такъ, напримѣръ: первый упрекъ состоитъ въ томъ, что г. Старчевскій съ г-жею Ахматовою ожидали отъ сотрудничества Дружинина «золотыхъ горъ», но эти надежды и ожиданія не осуществились.

Въ чемъ же тутъ повиненъ А. В.? Ожиданіе «золотыхъ горъ», да еще за чужую работу, вообще влечетъ за собою разочарованіе.

Второй упрекъ: «Мы,—говоритъ Старчевскій,—разсчитывали, что съ переходомъ къ намъ изъ «Современника» Дружинина, при содѣйствіи его, перейдутъ и другіе сотрудники въ «Библ. для чтенія», но обманулись въ разсчетѣ».

Но развѣ Дружининъ обязывался это сдѣлать? Извѣстно, однако же, что онъ очень хлопоталъ о томъ, въ видахъ улучшенія журнала, въ которомъ сталъ сотрудничать, и дабы обставиться своимъ кружкомъ, но «Библ. для чтенія» была уже настолько дискредитирована, что трудно было перетянуть въ нее кого либо изъ извѣстныхъ литераторовъ.

Тутъ же приводятся такія жалобы:

Что «Д. В. Григоровичъ далъ журналу единственную повѣсть «Свистулькинъ», чѣмъ дѣло и кончилось».

Digitized by Google

Но г. Григоровичъ, при его громкой и заслуженной извѣстности, имѣлъ свободный доступъ во всѣ журналы, наиболѣе распространенные въ публикѣ, и если онъ рѣшился дать въ «Библ. для чтенія» «Свистулькина», то, конечно, изъ пріязни къ Дружинину и по его просьбѣ.

Что «рекомендація въ сотрудники М. Л. Михайлова доставила журналу одну возню и хлопоты съ нимъ: пришлось уплачивать его долги, устраивать на новой квартирѣ и проч., но Михайловъ написалъ для журнала двѣ статьи и тѣмъ дѣло кончилось: онъ сталъ странствовать по другимъ журналамъ».

М. Л. Михайловъ, какъ извѣстно, весьма даровитый писатель, и если бы редакція «Библ. для чтенія», кромѣ оказаннаго ему на первыхъ порахъ благодѣянія, хорошо оплачивала его труды, то онъ, вѣроятно, не предпринялъ бы странствованія по другимъ журналамъ, о чемъ А. В. въ письмѣ своемъ и предупреждалъ г. Старчевскаго.

Что «вторая рекомендація въ сотрудники г. Ливенцова, т. е. меня,—еще менѣе удачна».

Сотрудничество мое въ «Библ. для чтенія» при г. Старчевскомъ выразилось единственно помѣщеніемъ одной только повѣсти «Грузинская идиллія». Какъ видно изъ приводимаго письма А. В., повѣсть эта была передана имъ на полное усмотрѣніе редакціи, причемъ Дружининъ скорѣе дурно, чѣмъ хорошо отозвался о ней.

Редакція признала возможнымъ помѣстить эту вещь въ журналѣ и Дружининъ въ томъ не виноватъ.

Когда названная повѣсть появилась въ обезображенномъ редакціею видѣ, то я немедленно сообщилъ А. В. просьбу объ исключеніи меня изъ числа сотрудниковъ, и болѣе въ этомъ журналѣ при г. Старчевскомъ ничего не помѣщалъ. (Письмо Дружинина).

Третій упрекъ еще болѣе курьезенъ: «Дружининъ предложилъ мнѣ,—пишетъ г. Старчевскій,—помѣстить въ «Библ. для чтенія» его компиляцію «Джонсонъ и Боевель». Не думая, чтобы статья была слишкомъ велика, я согласился, назначивъ за нее гонораръ, какъ за критику (т. е. по 50 руб. за листъ); но Дружининъ вздумалъ напечатать цѣлый рядъ статей о Джонсонѣ—около десяти; тогда, желая деликатно отдѣлаться отъ такого непрошеннаго сюрприза, я назначилъ на будущее время гонораръ за эту компиляцію 25 р. съ листа (т. е. половину договореннаго), въ надеждѣ, что Дружининъ откажется продолжать ее. Однако, онъ не думалъ отказываться, а сталъ мнѣ читать наставленія и даже угрожать, что совсѣмъ оставитъ «Библіотеку». Разумѣется, все кончилось ничѣмъ, виноватъ былъ Дружининъ, растянувъ своего «Джонсона» до безконечности», и проч.

Digitized by Google

Понятіе г. Старчевскаго о деликатности — безподобно! Онъ находитъ естественнымъ, среди печатанія статьи, уменьшить договоренную плату на половину и удивляется еще, что Дружининъ не прекратилъ печатаніе своей статьи. Да какой же авторъ согласится прервать свой трудъ на половинѣ и не предпочтетъ окончить его хотя бы даромъ, оставляя за собою лишь грустное утѣшеніе—читать наставленія и грозить уходомъ. Все это подтверждается и приводимымъ тутъ же письмомъ А. В., которое, конечно, не могло подѣйствовать на такую суровую и экономную редакцію, дѣйствовавшую такъ, вѣроятно, вслѣдствіе новаго направленія по хозяйственной части, и г. Старчевскій торжествующимъ тономъ замѣчаетъ, что «переговоры (?) съ Дружининымъ о Джонсонѣ не остались безъ послѣдствій. Онъ рѣшился въ двухъ статьяхъ покончить эту канитель».

Что же ему оставалось дѣлать? Но странно, что г. Старчевскій не помнитъ, какъ онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что «всѣ статьи по-англійской литературѣ написаны А. В. по его, Старчевскаго, внушенію и порученію... для чего онъ, Старчевскій, «снабдилъ Дружинина матеріалами, касающимися «Джонсона и Боевеля», а въ другомъ мѣстѣ утверждаетъ, будто бы А. В. самъ предложилъ составленіе этой статьи.

VI.

Повѣствуя о сближеніи Дружинина съ О. И. Сенковскимъ, г. Старчевскій заявляетъ, что «Дружининъ, съ перваго же раза, показался ему, Старчевскому, довольно страннымъ, т. е. застѣнчивымъ, будто неразвязнымъ, будто скрытнымъ; что Сенковскій привыкъ къ посѣщеніямъ Дружинина, былъ къ нему расположенъ, тѣмъ болѣе, что Дружининъ развлекалъ честную компанію разными фривольными разсказами и анекдотами (это застѣнчивый, неразвязный и скрытный!) Старика полубольнаго развлекали такія бесѣды (какъ это похоже и на Сенковскаго, и на Дружинина!), но Осипъ Ивановичъ не придавалъ Дружинину особеннаго значенія, не ожидалъ большаго прогресса въ его развитіи, потому что видѣлъ (?), что Дружининъ упустилъ время, вступивъ на литературное поприще именно въ тотъ возрастъ (?), когда дамскіе турнюры (анахронизмъ!) и шлейфы играютъ важную роль».

Мы рѣшительно недоумѣваемъ: почему г. Старчевскій такъ укорялъ

Digitized by Google

Дружинина за употребленіе слова «ерунда», безъ котораго иногда положительно невозможно обойтись.

«Нѣтъ сомнѣнія,—продолжаетъ г. Старчевскій, — что, привлекая въ сотрудники «Библ. для чтенія» Дружинина, дамочки (которыя вообще бѣгали за нимъ) надѣялись, что онъ займетъ его, Старчевскаго, мѣсто»; что «когда къ Сенковскому пріѣхала изъ Литвы его племянница, молодая, хорошенькая дамочка, Дружининъ безвыходно по вечерамъ засиживался у Сенковскаго, было ясно, что Дружинина прочили на его, Старчевскаго, мѣсто; быть можетъ, объ этомъ не разъ были толки у племянницы съ дядюшкой».

Это послѣднее обстоятельство, конечно, не могло быть пріятнымъ и должно было очень встревожить г. Старчевскаго. Вслѣдствіе ли того или по другимъ причинамъ, въ редакціи названнаго журнала начался цѣлый рядъ шикановъ, подвоховъ и интригъ противъ Дружинина, что усматривается изъ всего приводимаго самимъ г. Старчевскимъ. Такъ, напримѣръ, убѣдили Сенковскаго, что «письма иногороднаго подписчика» втягиваютъ журналъ въ полемику и было прекращено печатаніе этихъ писемъ. Понятно, какъ не хладнокровно долженъ былъ отнестись А. В. къ воспрещенію помѣщенія писемъ, доставившихъ ему такую громкую извѣстность. «Запрещеніе писемъ о журналистикѣ,—пишетъ онъ Старчевскому,—прямо ведетъ къ прекращенію моего сотрудничества».

Затѣмъ является странный случай уменьшенія на половину договоренной платы за статью, заказанную редакціею. Потомъ выставляется на видъ Сенковскому, что отъ Дружинина проку мало: что надежды на золотыя горы разлетѣлись въ прахъ; что онъ не переманилъ ни одного изъ извѣстныхъ литераторовъ въ сотрудники журнала, а рекомендованные имъ молодые писатели — никуда не годились, и, наконецъ, увѣрили Сенковскаго въ слѣдующемъ преступленіи Дружинина:

Что «Дружининъ, обманутый въ надеждѣ, при всемъ (?) ходатайствѣ о немъ племянницы Сенковскаго, занять мѣсто втораго редактора «Библ. для чтенія», рѣшился тиснуть въ «Современникѣ» статью противъ «Библ. для чтенія»; между тѣмъ какъ наканунѣ онъ провелъ вечеръ у Сенковскаго, какъ другъ дома».

Мы не знаемъ про какую статейку идетъ рѣчь, была ли таковая, дѣйствительно ли ее тиснулъ А. В., что̀ заключалось въ ней оскорбительнаго для журнала, и насколько, въ послѣднемъ случаѣ, наканунѣ проведенный вечеръ у Сенковскаго обязывалъ Дружинина этого не дѣлать? Обо всемъ этомъ г. Старчевскій умалчиваетъ, но намъ казалось бы, что, не говоря уже о деликатности, простая

Digitized by Google

осторожность должна бы была побудить его говорить яснѣе, дабы обвиненіе не показалось несправедливымъ.

«Эта выходка Дружинина, — продолжаетъ Старчевскій, — ужасно взволновала Сенковскаго. Я прочелъ эту нападку Дружинина поутру и не хотѣлъ обращать на нее вниманіе Ос. Ив., но Сенковскій встрѣтилъ меня уже совсѣмъ разстроенный, со словами: читали вы какую пакость навалялъ на насъ Дружининъ? Я отвѣчалъ, что читалъ и замѣтилъ: стоило вамъ раздражаться и придавать этому значеніе. Нѣтъ, мой другъ, возразилъ Сенковскій: ни одинъ порядочный человѣкъ этого не сдѣлалъ бы, послѣ того какъ еще вчера въ два часа ночи мы разстались съ нимъ друзьями. За то и я доставлю ему удовольствіе. Я сейчасъ написалъ ему письмо. Я вамъ прочту его». И Ос. Ив. тутъ же прочелъ мнѣ это письмо, за которое я много бы далъ теперь—такъ бойко, такъ умно, такъ деликатно и вмѣстѣ такъ ѣдко и зло было написано оно. Ос. Ив. отдѣлалъ Дружинина какъ нельзя лучше. (Напоминаемъ, что это говоритъ защитникъ А. В.).

Я не помню теперь содержанія этого письма (какъ же такъ, развѣ «отдѣланіе какъ нельзя лучше» не составляетъ его содержаніе?), но помню только одно, что рѣчь идетъ о зеленомъ ослѣ, за котораго будто бы Дружининъ принималъ Сенковскаго. Неужели этого геніальнаго письма Дружининъ не сохранилъ (верхъ наивности!) и его не оказалось въ его бумагахъ, доставшихся П. В. Анненкову, который, впрочемъ, вовсе не воспользовался ими, а между тѣмъ Дружининъ такъ его уважалъ, любилъ и такъ горячо за него заступался» (въ чемъ и передъ кѣмъ?).

Мы положительно сомнѣваемся въ правдивости всей этой исторіи, по слѣдующимъ причинамъ:

Во-первыхъ, Дружининъ былъ не таковъ, чтобы навалять на кого либо пакость въ журналѣ; во-вторыхъ, г. Сенковскій былъ настолько умный человѣкъ, что не сталъ бы обзывать Дружинина такими словами, не смотря ни на какія подстрекательства, особенно послѣ того, какъ онъ наканунѣ провелъ съ нимъ вечеръ какъ съ другомъ дома; въ-третьихъ, такъ какъ статейка, которую навалялъ Дружининъ, появилась на другой день послѣ дружеской вечеринки и, слѣдовательно, составлена была гораздо прежде, то какимъ образомъ г. Сенковскій могъ сказать, что «ни одинъ порядочный человѣкъ не сдѣлалъ бы этого послѣ того, какъ еще вчера, въ два часа ночи, мы разстались съ нимъ друзьями». Ясно, что Сенковскій не говорилъ тѣхъ словъ, которыя приводитъ Старчевскій, и въ-четвертыхъ, чѣмъ объяснить, что г. Старчевскій, повторяя такъ отчетливо каждое ругательное выраженіе Ос. Ив. противъ Дружинина, могъ забыть даже содержаніе

Digitized by Google

этого геніальнаго письма? Почему г. Старчевскій, болѣе 20 лѣтъ старательно собиравшій все, что могло пригодиться ему современемъ для защиты Дружинина, не припряталъ копію со столь важнаго документа, если таковой дѣйствительно существовалъ, и изъ всего бойкаго, деликатнаго и умнаго въ памяти его удержалось только сказаніе о зеленомъ ослѣ, дающее весьма неопредѣленное понятіе о степени геніальности письма г. Сенковскаго.

Предположимъ, однако, что Сенковскаго съумѣли такъ подстроить, что у него вырвались рѣзкія выраженія противъ Дружинина, въ надеждѣ, конечно, что соръ изъ избы не вынесется, и что онъ дѣйствительно написалъ ѣдкое письмо къ А. В., но казалось бы, уже по причинѣ бездоказательности того и другаго, г. Старчевскому никакъ не слѣдовало выводить такихъ дрязгъ, особенно въ виду той благородной защиты, которую онъ великодушно предпринялъ противъ недоброжелателей покойнаго А. В. Дружинина.

VII.

Неоднократно и съ особенною горечью упрекаетъ въ своей статьѣ г. Старчевскій Дружинина за рекомендацію въ сотрудники «Б. д. Ч.» своего любимца г. Ливенцова, т. е. меня. Главная сущность этихъ укоризнъ заключается въ томъ, что, «рѣшившись для поощренія начинающаго автора тиснуть его разсказъ, г. Старчевскій, при сообщеніи о томъ Дружинину, «второпяхъ упустилъ изъ виду поговорить объ условіяхъ, полагая», что если самъ Дружининъ не придавалъ этому труду особенной цѣны, то рукопись будетъ напечатана безвозмездно» (каламбуръ!). «Но я жестоко ошибся, — пишетъ г. Старчевскій, — лишь только повѣсть появилась въ своемъ грузинскомъ костюмѣ передъ публикою, пріѣхалъ А. В. съ вопросомъ: когда можетъ онъ получить деньги для отправки г. Ливенцову, по разсчету 50 руб. за листъ?» Не трудно себѣ представить какое впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ сюрпризъ. Пошли у насъ споръ, разъясненіе дѣла и проч.». Возвращаясь далѣе къ этому грустному сюрпризу, г. Старчевскій говоритъ, что «Дружининъ, по пріятельству, хотѣлъ услужить своему однокашнику (?) Ливенцову и не только добиться, чтобы его грузинская идиллія была напечатана (выше г. Старчевскій утверждалъ, что Дружининъ просто предложилъ, «не придавая этому труду никакой цѣны», а не добивался), но и послать ему гонораръ за его первый литературный трудъ, показавъ

Digitized by Google

этимъ, что трудъ его оцѣненъ по достоинству и что Ливенцовъ можетъ и долженъ продолжать занятія литературою. Много крови испортила мнѣ эта идиллія, а все-таки пришлось заплатить».

Какъ жаль, что г. Старчевскій не поясняетъ: когда, какъ и сколько заплатилъ онъ! а это болѣе чѣмъ любопытно, какъ увидимъ ниже.

Затѣмъ, слѣдуютъ укоризны, что изъ-за Ливенцова у него, Старчевскаго, «съ Дружининымъ было много колкихъ разговоровъ и пререканій, крупныя объясненія и даже угрозы со стороны Дружинина порвать совсѣмъ съ редакціей «Б. д. Ч.».

Опять жаль, что г. Старчевскій не договариваетъ: по какому предмету происходили у него съ Дружининымъ изъ-за меня такія непріятности! Какъ объяснено выше, въ литературномъ отношеніи по поводу меня не было и не могло быть никакихъ сценъ и несогласій; всѣ же крупныя объясненія съ Дружининымъ имѣли причиною лишь то, что г. Старчевскій не желалъ исполнить договора о гонорарѣ, а А. В. настаивалъ.

Наконецъ, упрекается Дружининъ въ томъ, что онъ увѣрилъ г. Старчевскаго, что «Ливенцовъ человѣкъ съ истиннымъ талантомъ и имя его будетъ громко года черезъ два»; что «Дружининъ горой стоялъ за Ливенцова и возлагалъ на него большія надежды»; но что «Ливенцовъ не вышелъ въ замѣчательные писатели, что такъ чистосердечно предвѣщалъ Дружининъ», и что «сколько ни хлопоталъ Дружининъ о своемъ другѣ и protégé, а все-таки имя Ливенцова, какъ писателя, не сдѣлалось громкимъ и общеизвѣстнымъ, и новое поколѣніе не имѣетъ о Ливенцовѣ ни малѣйшаго понятія».

Все, что говоритъ г. Старчевскій о моей неудавшейся литературной карьерѣ и безталантливости, совершенно вѣрно и составляетъ едва-ли не единственныя справедливыя строки во всей его статьѣ. Но упрекать Дружинина въ такой «чистосердечной» ошибкѣ, по меньшей мѣрѣ, несправедливо, тѣмъ болѣе, что я одинъ виноватъ во всемъ.

Характеръ и размѣры настоящей замѣтки не позволяютъ говорить подробно о знакомствѣ моемъ и сближеніи съ А. В. Дружининымъ. Излишнимъ считаю также пускаться въ объясненія: почему А. В. предположилъ у меня литературный талантъ и отчего я не оправдалъ его надеждъ и ожиданій. Скажу только то, что идетъ къ настоящему дѣлу.

Въ 1851 году, на курсѣ минеральныхъ водъ, въ г. Пятигорскѣ, случайно познакомился я и скоро сошелся съ А. В. Дружининымъ. Все лѣто провели мы неразлучно. А. В. уговорилъ меня попытать

Digitized by Google

силы на литературномъ поприщѣ, обѣщаясь принять на себя всѣ хлопоты по помѣщенію въ журналахъ моихъ статей и по заключенію условій съ редакціями. Разставаясь, онъ взялъ съ меня слово, къ концу года прислать повѣсть и непремѣнно изъ мѣстныхъ кавказскихъ или грузинскихъ нравовъ. Въ декабрѣ я отправилъ къ А. В. обѣщанное мое первое рукодѣлье, а въ февралѣ слѣдующаго года получилъ отъ него извѣщеніе, что моя «Грузинская идиллія» будетъ помѣщена вскорѣ въ «Б. д. Ч.», при чемъ Дружининъ сообщалъ, что договорился съ редакціею этого журнала производить мнѣ гонораръ по 50 руб. съ листа.

То же самое подтвердилъ въ своемъ письмѣ ко мнѣ и г. Старчевскій, безъ всякихъ оговорокъ, но съ присовокупленіемъ совѣта: не обращаться въ другіе журналы, такъ какъ «редакціи оныхъ платятъ скупо и не аккуратны въ разсчетахъ». Затѣмъ, имѣлъ я еще письмо отъ А. В., извѣщавшее, что г. Старчевскій далъ слово разсчитаться со мною при первыхъ деньгахъ.

Наконецъ, появилась въ печати «Грузинская идиллія». Весь смыслъ этого разсказа вертѣлся исключительно на небрачныхъ отношеніяхъ героевъ; но редакція, по цензурнымъ соображеніямъ, сочла нужнымъ обвѣнчать любящихся,—вышла, конечно, чепуха! Кромѣ того, всѣ похожденія героини, послѣ бѣгства ея отъ любовника (мужа), въ тѣхъ же видахъ, были выброшены и редакція не позаботилась даже согласовать концы, отчего, во времени, образовалась безсмыслица. Понятно, что при такой перекройкѣ и безъ того плохая повѣсть не могла выиграть. Тогда я просилъ Дружинина объявить, что не желаю болѣе участвовать въ журналѣ подъ редакціею г. Старчевскаго. (Письмо Дружинина).

Слѣдуетъ исторія о гонорарѣ.

По этому поводу въ статьѣ приводятся слѣдующія данныя:

Г. Старчевскій говоритъ, что Дружининъ сталъ требовать съ него деньги для отправки мнѣ, но что онъ, Старчевскій, былъ этимъ очень удивленъ, такъ какъ «второпяхъ упустилъ изъ виду поговорить съ Дружининымъ объ условіяхъ, полагая, что рукопись будетъ напечатана безвозмездно».

Въ приведенномъ же письмѣ Дружинина къ г. Старчевскому значится, между прочимъ: «но вспомните одно только: десять разъ мнѣ лично вы давали обѣщаніе при первыхъ же деньгахъ уплатить вашъ долгъ г. Ливенцову. Вы сами писали ему объ этомъ... Теперь вы отвергаете долгъ, о которомъ разсуждали со мною же, какъ о долгѣ признанномъ. Отчего, принимая «Грузинскую идиллію», вы не сказали, что желаете печатать ее даромъ. Я-бы вамъ ея не отдалъ,» и проч.

Digitized by Google

Двухъ этихъ выписокъ нахожу совершенно достаточными для выясненія сути дѣла и указанія тѣхъ единственныхъ поводовъ, по которымъ происходили изъ-за меня у Старчевскаго съ Дружининымъ ссоры, непріятности и пререканія, такъ какъ не могу допустить, чтобы кто-либо усомнился въ справедливости того, что утверждалъ въ своемъ письмѣ Дружининъ. Для большей же ясности считаю полезнымъ присовокупить слѣдующее:

Огорченный искаженіемъ моей повѣсти, я вовсе не думалъ и не заботился о гонорарѣ; но А. В., честный въ разсчетахъ до щепетильности, и признававшій себя какъ бы отвѣтственнымъ за несоблюденіе заключенныхъ имъ отъ моего имени условій, настаивалъ на требованіи уплаты. Тѣмъ не менѣе, по разнымъ обстоятельствамъ, дѣло это затянулось почти на десять лѣтъ. Дружининъ сердился, упрекалъ меня и, наконецъ, заявилъ: что если я буду продолжать бездѣйствовать, то онъ подумаетъ, что я съ него желаю получить эти деньги. Тогда я вынужденъ былъ сдѣлать два визита г. Старчевскому.

Надо замѣтить, что ни до того, ни послѣ того, никогда и нигдѣ не встрѣчался я съ г. Старчевскимъ, знакомства съ нимъ не водилъ и никакихъ непосредственныхъ дѣлъ и сношеній съ нимъ не имѣлъ, равно какъ и всѣ мои родные. При посѣщеніи моемъ г. Старчевскій, конечно, долго сопротивлялся и возражалъ, но въ концѣ-концовъ, ссылаясь на бѣдность и безденежье, упросилъ меня сдѣлать уступку гонорара на половину. Обращеніе съ такою просьбою къ молодому, небогатому офицеру, со стороны человѣка, живущаго въ купленномъ имъ роскошномъ и всѣмъ извѣстномъ домѣ Монферана, показалось мнѣ настолько забавнымъ, что я поторопился согласиться и получилъ—росписку, съ обязательствомъ уплатить 160 руб. чрезъ три мѣсяца. Росписку эту, при выѣздѣ изъ Петербурга, я передалъ одному моему знакомому, И. Ф. М., и только чрезъ годъ получилъ отъ него деньги и не лишенное интереса описаніе тѣхъ трудностей, съ которыми сопряжена была эта операція. Такимъ образомъ, чрезъ десять лѣтъ получена была мною половина условленнаго гонорара. Вотъ и всѣ мои счеты и разсчеты съ г. Старчевскимъ, доставившіе ему столько огорченій и порчи крови. Я самъ теперь очень сожалѣю, что не сдѣлалъ тогда уступку всего гонорара: быть можетъ не пришлось бы писать настоящаго возраженія.

Заканчивая мои личныя объясненія, считаю долгомъ вторично согласиться со справедливымъ замѣчаніемъ г. Старчевскаго, что я «не вышелъ въ замѣчательные писатели, какъ предсказывалъ Дружининъ. Но едва-ли справедливо укорять кого-либо въ неимѣніи

Digitized by Google

таланта, особенно если этотъ неталантливый, послѣ первыхъ опытовъ, замолчалъ и ничего не печаталъ.

Совершенно вѣрно также и указаніе г. Старчевскаго на то, что имя мое «не сдѣлалось громкимъ и общеизвѣстнымъ», и что «новое поколѣніе не имѣетъ обо мнѣ ни малѣйшаго понятія», тогда какъ и старому и новому поколѣнію хорошо извѣстно имя Альберта Викентьевича Старчевскаго! Но—кому изъ насъ отъ этого лучше?

VIII.

Замѣтка наша не была бы полна, если бы мы не обратили вниманіе читателя еще на нѣкоторые странныя особенности статьи г. Старчевскаго.

Пообѣщавъ «изобразить личность и нравственную физіономію А. В. Дружинина въ настоящемъ свѣтѣ», г. Старчевскій не пожалѣлъ для того самыхъ темныхъ красокъ; но въ перемежку съ осужденіями и наговорами, часто смѣшными, наивными и малограмотными, но всегда возмутительными, авторъ, съ непонятной неосмотрительностью, помѣщаетъ множество писемъ, выписокъ изъ статей и т. п., и какъ бы не желаетъ замѣтить, что эти выдержки безпощадно опровергаютъ все, что онъ говоритъ дурнаго о Дружининѣ. Изъ такой странности нельзя не вывести заключенія, что г. Старчевскій вознамѣрился соединить пріятное съ полезнымъ, т. е. удовлетворить душевному побужденію и составить статейку на гонораръ. При послѣднемъ условіи—выбросить всѣ письма и выдержки, значило-бы, во-первыхъ, лишить статью единственныхъ грамотныхъ и осмысленныхъ строкъ, и во-вторыхъ, умеиьшить число листовъ наполовину, что было бы и убыточно и неудобно, тѣмъ болѣе, что г. Старчевскій съ такою заботливостью старался придать своему произведенію наружный видъ настоящей серьезной статьи, для чего даже вставилъ два, позаимствованныхъ изъ гимназическихъ тетрадей, латинскихъ цитата, которые, впрочемъ, при враждебномъ тонѣ и явной неправдѣ всей статьи, являются горькою ироніей противъ самого же автора.

Что г. Старчевскій не могъ сойтись съ А. В., это весьма понятно: между ними была такая громадная разница во всемъ: и въ воспитаніи, и въ правилахъ, и въ родѣ занятій. Они принадлежали къ различнымъ общественнымъ и литературнымъ кружкамъ; Дружининъ, по выраженію Тургенева, «имѣлъ неподдѣльную любовь къ родной словесности», г. Старчевскій—хлопоталъ лишь о выгодахъ журнальнаго

Digitized by Google

дѣла. Наконецъ, Дружининъ оказалъ большія услуги русской литературѣ, оставилъ капитальныя произведенія, г. Старчевскій — ничего не оказалъ и талантовъ пока не обнаружилъ. Но отсюда еще далеко до причинъ той упорной враждебности, которая поражаетъ и возмущаетъ читателя въ «воспоминаніяхъ» г. стараго журналиста о Дружининѣ.

Необъяснимо также, для чего г. Старчевскій, съ рѣдкимъ злорадствомъ взводившій множество невозможныхъ обвиненій и нареканій на А. В., въ то же время призналъ нужнымъ увѣрять въ своей къ нему любви и уваженіи? Зачѣмъ это? Кто это дѣлаетъ?

Въ заключеніе повторяю, что частная жизнь и литературная дѣятельность честнаго, безупречнаго и даровитаго А. В. Дружинина не нуждается въ защитѣ противъ жалкихъ нападокъ г. Старчевскаго, и я, конечно, не предпринялъ бы настоящаго возраженія, если бы не былъ вынужденъ къ тому вопіющимъ оклеветаніемъ памяти моего покойнаго отца.

М. А. Ливенцовъ.

20-го ноября 1886 года.
г. Омскъ.

Примѣчаніе. Ред. „Русской Старины“ съ самого основанія этого журнала, т. е. въ теченіе восемнадцати лѣтъ, постоянно отстраняла отъ себя напечатаніе возраженій, поправокъ, объясненій, вызываемыхъ съ чьей-бы то ни было стороны статьями, явившимися въ другихъ журналахъ и изданіяхъ.

Редакція „Русской Старины“ исходила въ этомъ случаѣ изъ той вѣрной мысли, что каждое возраженіе должно явиться на страницахъ именно того-же изданія, въ которомъ явилась вызвавшая возраженіе статья.

Обширный очеркъ г. Старчевскаго напечатанъ въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ. Почему М. А. Ливенцовъ, обратившійся къ намъ (въ мартѣ 1887 г.), чрезъ посредство уважаемаго В. П. Гаевскаго, не пожелалъ, чтобы его возраженіе г. Старчевскому было напечатано тамъ-же, гдѣ помѣстилъ свою статью г. старый журналистъ—мы не знаемъ; но въ виду того, что память Александра Васильевича Дружинина дорога каждому изъ русскихъ писателей послѣдней четверти вѣка, что А. В. Дружининъ, кромѣ несомнѣнныхъ заслугъ, оказанныхъ его оригинальными и переводными трудами отечественной литературѣ, увѣковѣчилъ свое имя въ семьѣ русскихъ писателей основаніемъ „Литературнаго фонда для пособія нуждающимся ученымъ и писателямъ“, мы не сочли себя вправѣ отклонить отъ себя исполненіе желанія г. Ливенцова—видѣть его статью на стран. „Русской Старины“.

Ред.

Digitized by Google

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА ВЪ БОЛГАРІИ

1877—1878.

Изъ разсказовъ вольноопредѣляющагося.

I.

Я поступилъ на поприще военной службы совершенно случайно и былъ зачисленъ рядовымъ, вольноопредѣляющимся, въ Минскій пѣхотный полкъ, 14 пѣхотной дивизіи, въ то время, когда на Востокѣ дѣла приняли такой оборотъ, въ которомъ казалось необходимымъ вмѣшательство русскаго оружія. Мнѣ тогда было 17 лѣтъ.

Не прошло и трехъ дней послѣ зачисленія меня въ полкъ, какъ высочайшимъ манифестомъ была объявлена война съ Турціей и войска наши двинулись къ границѣ.

14-го апрѣля 1877 г. полкъ нашъ тоже выступилъ изъ г. Кишинева, гдѣ были наши постоянныя квартиры. Картина была самая характерная: сотни жителей, мужчинъ, женщинъ и дѣтей провожали насъ, кто отца, кто сына, кто брата, а кто и просто вышелъ поглазѣть на выступающія войска, сказать на прощанье доброе напутственное слово.

Послѣ краткаго напутственнаго молебна за городомъ и пожеланія начальства и присутствовавшей публики,—всего лучшаго и счастливой дороги, при громкихъ крикахъ «ура», мы окончательно распростились съ городомъ и медленно двинулись по дорогѣ.

Всѣ шли подъ тяжелыми впечатлѣніями, не смотря на то, что каждый старался принять веселый и беззаботный видъ. Первые наши шаги мало предвѣщали хорошаго въ будущей походной жизни; погода сдѣлалась самая отвратительная; мелкій дождь моросилъ какъ чрезъ сито; грязь съ каждымъ шагомъ становилась все больше и невылазнѣе. Мы уже часа два тащились; дождь не переставалъ; измученныя, еще не привыкшія, лошади совсѣмъ выбивались изъ силъ, такъ что

Digitized by Google

намъ приходилось ежеминутно имъ помогать, вывозя на своихъ плечахъ какъ обозъ, такъ и орудія. Солдаты, не привыкшіе еще къ походу, въ полной аммуниціи, въ разбродъ тащились усталые по грязной дорогѣ.

Рота, въ которой я состоялъ, была назначена караульной при обозѣ и мы должны были оставаться при немъ и, по мѣрѣ надобности, помогать усталымъ лошадямъ.

Обозъ весьма медленно двигался впередъ и далеко отсталъ отъ всего полка. Съ неимовѣрными усиліями, окончательно выбившись изъ силъ и испачкавшись въ грязи по самыя уши, наконецъ, къ полночи прибыли мы, съ частью обоза, къ первой попавшейся намъ на дорогѣ деревушкѣ, куда уже прибылъ, часа три тому назадъ, и расположился на квартиры нашъ полкъ.

Насъ встрѣтили квартирьеры и размѣстили по не совсѣмъ удобнымъ квартирамъ; я, по какой-то случайности, попалъ на довольно порядочную квартиру, отведенную фельдфебелю съ ротнымъ писаремъ, съ которыми помѣстился и я. Подкрѣпивъ силы кое-какимъ ужиномъ, состоявшимъ изъ кукурузнаго хлѣба съ море [1]), добытыхъ у хозяевъ, залегли мы спать кто куда попало; я улегся на скамейкѣ къ окну и старался поскорѣе уснуть, но, не смотря на сильную усталость, не могъ сомкнуть глазъ; холодъ въ хатѣ былъ страшный и охватывалъ и безъ того мои окоченѣвшіе и промокшіе члены.

Нужно замѣтить, что я съ самаго Кишинева вышелъ въ походъ безъ шинели, въ легкомъ пиджачкѣ, и промокъ поэтому до костей. Въ Кишиневѣ меня не успѣли еще обмундировать, по случаю скораго выступленія, и безъ того хлопотъ у каждаго было, какъ говорится, полонъ ротъ; купить же себѣ самому сшитую шинель, мундиръ и т. п. было мнѣ не на что. Такъ, въ чемъ я былъ, т. е. въ пиджачкѣ, въ томъ и отправился въ походъ.

И теперь только, лежа на скамейкѣ, въ нетопленной хатѣ, я понялъ свое грустное положеніе. Что тутъ дѣлать? Пришлось успокоивать себя мудрою пословицею: «Терпи казакъ—атаманомъ будешь». Но терпѣть козаку скоро было положительно не въ силахъ. Холодъ все становился чувствительнѣе и чувствительнѣе, я всталъ и рѣшился осмотрѣть комнату, не найдется ли чѣмъ прикрыться? Дождь прекратился, небо немного разъяснилось, луна свѣтила изъ-за тучи и косой лучъ ея падалъ въ горницу. Осмотрѣвшись хорошенько, я увидѣлъ, къ немалой своей радости, нѣсколько бараньихъ шкуръ, лежащихъ въ сторонѣ, подъ лавкой; ими я тотчасъ же воспользовался и, на-

[1]) Море—молдаванское кушанье, разсолъ отъ капусты.

Digitized by Google

крывшись, не смотря на страшную отъ нихъ вонь, скоро согрѣлся и затѣмъ крѣпко заснулъ.

Проснулся я на слѣдующее утро довольно поздно, а въ полдень полкъ выступилъ далѣе; наша же рота осталась въ деревушкѣ, дожидаться остальной части обоза.

По приказанію ротнаго командира, меня обмундировали, хотя и не совсѣмъ. Обмундировка моя состояла покамѣсть изъ мундира, брюкъ и кепи, взятыхъ, за неимѣніемъ другихъ, у деньщика ротнаго командира. Вещи оказались довольно подержанными, хотя и пришлись мнѣ какъ разъ въ пору. Свое же платье я отдалъ деньщику. Такимъ образомъ обмундировавшись, все еще, впрочемъ, безъ шинели, которой лишней нигдѣ не оказалось, я путешествовалъ до самаго Дуная и тамъ уже только гдѣ-то на стоянкѣ сшили мнѣ всю новую полагавшуюся обмундировку.

На другой день рота выступила вмѣстѣ съ обозомъ далѣе, вслѣдъ за полкомъ, который далеко ушелъ впередъ: намъ пришлось догонять его, по мерзѣйшей дорогѣ, замедлявшей движеніе тяжелаго обоза на цѣлыхъ десять дней, во время которыхъ мы перешли за границу и вступили въ Румынію. Эти десять дней похода были сущимъ наказаніемъ для насъ всѣхъ и остались памятными всей ротѣ, а въ особенности мнѣ, которому, наравнѣ со всѣми солдатами, приходилось терпѣть всѣ труды и лишенія, переносить холодъ и дождь, ночевать на сырой землѣ, и все это безъ шинели, которой у меня не было и негдѣ было достать.

Не помню, на пятый или на шестой день достигли мы перваго румынскаго города Лёве. Здѣсь узнали мы, что полкъ только что выступилъ изъ него и, переправившись черезъ р. Прутъ, пошелъ далѣе. Намъ пришлось остановиться въ Левѣ на дневку. Все время своего пребыванія въ Левѣ я провелъ довольно весело съ вольноопредѣляющимся Ивановымъ. Съ Ивановымъ я познакомился случайно на походѣ; онъ находился по болѣзни глазъ въ обозѣ при околодкѣ; сначала онъ произвелъ на меня дурное впечатлѣніе. Нѣженка, подумалъ я, вишь въ фургонѣ ѣдешь, лѣнь идти съ полкомъ, не выноситъ, а тутъ тащись съ ружьемъ и ранцемъ; но потомъ, когда я узналъ его ближе, то перемѣнилъ о немъ свое мнѣніе. Во время дороги я провелъ нѣкоторое время съ нимъ вмѣстѣ въ фургонѣ.

Пріѣхавъ въ Леве, мы отправились осматривать съ нимъ же городъ. Городъ оказался очень мало похожимъ на городъ; въ немъ было нѣсколько лавокъ и лачужекъ, два-три кабака и одинъ ресторанъ, походящій скорѣе на трактиръ низшаго разбора; населеніе его было также самое жалкое: жиды и молдаване; однимъ, чѣмъ бы могъ онъ

Digitized by Google

похвалиться, такъ это своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ. Прутъ проходитъ подъ городомъ, стоящемъ на одномъ изъ его живописныхъ крутыхъ береговъ, и изгибаясь, широко течетъ, образуя множество поросшихъ островковъ.

На базарной площади толпился народъ; все имѣло видъ ярмарочнаго дня; при этомъ поражали явившіеся на базаръ наши солдаты; они, казалось, вѣкъ жили въ городишкѣ и со всѣми давнымъ давно были знакомы; тотчасъ же начали оживленную торговлю и промѣнивали жидамъ на сахаръ, чай и водку свои лишніе сапоги, изношенные брюки, старые мундиры, хлѣбъ и т. п.

На слѣдующій день была дневка, почему я рѣшился хорошенько еще разъ осмотрѣть городъ и цѣлый день прошлялся. Переночевавъ все тамъ же, въ фургонѣ, чуть свѣтъ, выступили мы далѣе и подошли, послѣ непродолжительнаго перехода, къ мѣстечку Фальчи, гдѣ должны были, переночевавъ, переправиться чрезъ Прутъ. Ночевали мы у Прута на бивуакахъ, въ болотѣ. Мерзость страшная. На другое утро переправа произошла на паромѣ, со всевозможными трудностями и въ продолженіи чуть не всего дня; обозъ приходилось переправлять по одной только фурѣ. Переправившись на другой берегъ въ Фальчи, я съ Ивановымъ отправился путешествовать по городу, который оказался также весьма похожимъ на Леве; въ немъ не было, однако же, такого оживленія.

Въ Фальчи мы пробыли весь остатокъ этого дня; обѣда намъ здѣсь не варилось и пришлось поэтому питаться кто чѣмъ могъ. Мы съ Ивановымъ упражнялись надъ довольно уже попорченной вяленой рыбой, запивая ее чаемъ.

Солдатикъ нашей роты, Банниковъ, пройдоха первой руки, досталъ и приготовилъ намъ какую-то похлебку. Онъ прислуживалъ мнѣ въ ротѣ добровольно, не безъ выгодъ нѣкоторыхъ, конечно, и для себя: то чайку попьетъ, то пообѣдаетъ вмѣстѣ со мною. Я ему, однако, во многомъ благодаренъ. Не мало разъ выручалъ онъ меня изъ бѣдъ. Онъ, да еще унтеръ-офицеръ Сардакъ были моими пріятелями въ ротѣ.

Выступивъ изъ Фальчи, мы, по хорошей дорогѣ, стали дѣлать 40 и 50 верстъ въ сутки и, наконецъ, на второмъ или третьемъ переходѣ догнали у какой-то деревушки свой полкъ.

Мы очень обрадовались, когда, наконецъ, послѣ тринадцатидневной муки у обоза, насъ смѣнили и мы, при звукахъ музыки, пошли по хорошему шоссе.

До Галаца оставалось совсѣмъ немного и мы бодро двигались, подходя къ нему. Чѣмъ болѣе мы подходили, тѣмъ чаще стали намъ

Digitized by Google

попадаться на дорогѣ другія войска, двигавшіяся все туда-же, къ Дунаю. Дорога была веселая.

Кажется, послѣ трехъ-четырехъ переходовъ отъ Прута, увидали мы, наконецъ, вдали серебристыя волны Дуная и большія строенія Галаца.

Оставалось всего какихъ-нибудь десять-пятнадцать верстъ, которыя мы живо, весело отмахали и въ 3-мъ часу пополудни разбивали уже въ окрестностяхъ города палатки. Тотчасъ по прибытіи войскъ, по приказанію начальства, была выставлена цѣпь въ предупрежденіе въ городѣ пьянства и дебоширства.

Но, не смотря на эту мѣру, многимъ солдатикамъ все-таки удалось проникнуть въ городъ и очутиться въ лавочкахъ и кабачкахъ, гдѣ, конечно, не обошлось безъ нѣкоторыхъ скандальчиковъ,—къ поздней ночи румынская полиція приводила въ лагери нашихъ подгулявшихъ воиновъ.

Полкъ простоялъ въ Галацѣ трое сутокъ. За все это время я бо́льшую часть дня провелъ въ городѣ, вмѣстѣ съ Ивановымъ; мы исходили весь городъ, побывали во всѣхъ его заведеніяхъ: кофейняхъ, ресторанахъ и проч. Галацъ произвелъ на меня впечатлѣніе весьма хорошее; это довольно обширный, чистый торговый городъ, весь въ садахъ и садикахъ, которыми окружены почти всѣ его чистые, хорошенькіе домики. Набережная и пристань кишатъ народомъ; множество судовъ, лодокъ и барокъ снуютъ туда и сюда по Дунаю; на берегу выстроено большое количество складовъ, переполненныхъ всевозможными товарами.

По случаю прибытія войскъ, дороговизна на все стала страшная, ни къ чему приступа не было. За всѣ три дня нашей стоянки намъ выдавалось по громадному бѣлому хлѣбу въ день; обѣдъ и ужинъ готовились изъ хорошаго мяса и риса.

День солдаты проводили въ отдыхѣ; часто, впрочемъ, командами насъ водили купаться на Дунай, гдѣ солдатики мыли свое бѣлье; я тоже раза три выкупался въ мутныхъ водахъ. По вечерамъ въ лагеряхъ играла музыка.

3-го мая, рано утромъ, мы выступили изъ Галаца. День еще съ утра обѣщалъ быть жаркимъ и мы шли поэтому до наступившей жары форсированнымъ шагомъ. Сдѣлавъ на дорогѣ два-три привала, къ вечеру достигли мы, наконецъ, мѣста бивуака, оказавшагося очень неудобнымъ, на какой-то низменности, въ родѣ болота. Что-же дѣлать? кое-какъ переночевали. Слѣдующіе дни похода продолжались тѣмъ же порядкомъ,—всѣ дни жара стояла невыносимая; на ночлегъ мы располагались, по бо́льшей части, въ грязныхъ плохихъ деревушкахъ, на тѣсныхъ квартирахъ, а иногда и бивуакомъ; вообще

Digitized by Google

пришлось помаяться, хотя иногда мы и приходили на порядочныя стоянки, гдѣ и поѣсть можно было достать кое-чего и отдохнуть. На дневкахъ мы располагались до Бухареста всего раза два. Тогда всѣ вполнѣ отдыхали отъ похода; я отсыпался и пилъ невѣроятное количество чая съ Банниковымъ или съ кѣмъ либо другимъ изъ солдатиковъ. На одномъ изъ переходовъ, самомъ большомъ, я сильно натеръ себѣ до крови ноги; солдаты меня научили вымазать ихъ на ночь саломъ и, послѣдовавъ этому совѣту, къ моему удивленію, на утро ноги окончательно зажили, такъ что я свободно могъ, обвернувъ ихъ въ мягкія портянки, идти дальше. Вообще натираніе ногъ въ походѣ до крови было не рѣдкость.

Не мало пришлось мнѣ пострадать по ночамъ отъ холоду и дождя. Какъ сейчасъ помню, послѣ одной очень холодной ночи, прозябнули мы до крайности и выступили чуть свѣтъ. Начался небольшой дождичекъ и продолжался до полудня; всѣмъ приказано было надѣть шинели, я же, за неимѣніемъ ея, шелъ накрывшись палаткой; меня, конечно, промочило до костей. Окончательно окоченѣвшій отъ холода, я чуть не плакалъ на свою горькую судьбину. Банниковъ и унт.-офицеръ Кузнецовъ утѣшали меня, говоря, что «кто вымочитъ, тотъ и обсушитъ», — слова ихъ оправдались: къ полудню поднялся легкій вѣтерокъ и разогналъ тучи, просіяло солнышко и я вскорѣ немного обсохъ и согрѣлся.

Пройдя еще нѣсколько переходовъ, во время которыхъ прошли мы мимо г. Браилова, откуда доносились до насъ выстрѣлы изъ орудій, дошли мы до г. Бухареста. Не доходя до него десяти верстъ, полкъ остановился на дневку въ небольшой деревнѣ; здѣсь было предназначено хорошенько оправиться и приготовиться къ вступленію въ столицу Румыніи.

Подъ вечеръ, на этой стоянкѣ были пойманы и приведены солдатами какія-то довольно подозрительныя личности, принятыя за шпіоновъ, коихъ можно было легко здѣсь ожидать. Ихъ немедленно засадили подъ сильнымъ карауломъ, куда-то въ сарай, гдѣ они и пробыли цѣлую ночь; на утро, когда, по доставленнымъ изъ Бухареста свѣдѣніямъ, оказалось, что это какіе-то мелкіе торговцы, ихъ немедленно выпустили.

13-го мая мы были уже у Бухареста; здѣсь также, какъ у Галаца, насъ поставили лагеремъ вблизи города.

На другой день мы выступили далѣе и чрезъ два дня дошли, безъ особыхъ приключеній, до г. Фратешти, лежащаго недалеко отъ полотна желѣзной дороги и отъ г. Журжева, на самомъ Дунаѣ, противъ Рущука, до котораго было отъ насъ какихъ-нибудь 15 верстъ.

Digitized by Google

Въ Фратешти находилось уже много войскъ, которыя, послѣ нашего прибытія, скоро отошли къ Дунаю.

Насъ поставили на хорошихъ квартирахъ и мы здѣсь простояли довольно долго. Мнѣ и еще двумъ солдатикамъ, не имѣвшимъ казеннаго платья, сшили здѣсь ротные портные всю новую обмундировку. Наконецъ-то, я былъ какъ слѣдуетъ одѣтъ и имѣлъ шинель.

Время въ Фратештахъ проводилось въ ротныхъ ученіяхъ; я же отдѣльно обучался всей солдатской службѣ—съ дядькой Кузнецовымъ; послѣ ученія я отдыхалъ или шелъ куда-нибудь гулять по окрестностямъ; часто же проводилъ время у В. или у маркитанта-румына. Солдаты же бо́льшую часть дня спали или такъ кое-чѣмъ занимались по службѣ или по своимъ дѣламъ. Банниковъ странствовалъ по всѣмъ избамъ и всегда что-нибудь приносилъ съѣдобнаго, добытаго всевозможными правдами и неправдами. Какъ-то разъ я отдыхалъ послѣ утомительнаго ученія, вдругъ слышу страшный шумъ и возгласы; прислушиваюсь и слышу, что шумъ съ улицы, выбѣгаю, вижу Банникова, дерущагося изъ-за какой-то доски съ здоровеннѣйшею дѣвкою; собрались другія бабы и дѣвки, Банникову пришлось отступить; тутъ его всѣ солдаты подняли на смѣхъ: «Баба побила», дразнили его со всѣхъ сторонъ. Банниковъ страшно обидѣлся и озлился за это, и возненавидѣлъ съ тѣхъ поръ всѣхъ румынъ. «Мамалыга проклятая», сталъ онъ называть ихъ постоянно.

Въ Журжевѣ стояла пятая рота нашего полка, гдѣ былъ мой товарищъ Ивановъ. Разъ я вздумалъ отпроситься у ротнаго командира въ городъ, для покупокъ; онъ отпустилъ меня, и я, наскоро собравшись, отправился пѣшкомъ по полотну желѣзной дороги и часа черезъ два пришелъ въ Журжево. У самаго вокзала стояла именно та рота, въ которой былъ Ивановъ; рота находилась здѣсь для охраненія полотна желѣзной дороги. Найдя Иванова, который очень мнѣ обрадовался, я объявилъ ему, что пришелъ къ нему на цѣлый день и что прошу его показать мнѣ городъ; онъ съ радостью согласился и мы отправились.

Наканунѣ этого дня турки бомбардировали съ противоположнаго берега городъ, и нѣкоторыя зданія Журжева были поэтому попорчены и пробиты гранатами, въ особенности тѣ, которыя были ближе къ берегу. Я осмотрѣлъ всѣ эти мѣста, побывалъ на нашихъ батареяхъ, гулялъ въ городскомъ саду, въ которомъ, не смотря на вчерашнюю бомбардировку, гуляющихъ было много; вообще жители какъ-то хладнокровно относились ко вчерашнему происшествію и лишь меньшая часть выѣхала изъ города.

Въ этотъ же день прибылъ сюда и осмотрѣлъ попорченныя

Digitized by Google

бомбардировкою зданія великій князь Николай Николаевичъ младшій; въ тотъ же день онъ обратно отправился въ Бухарестъ. Вечеромъ мы пошли въ здѣшній временный циркъ; въ немъ представленіе шло очень вяло, артисты были очень плохіе. Переночевавъ у Иванова, утромъ я отправился обратно въ Фратешти.

Придя туда, я сильно былъ озадаченъ, не заставъ полкъ на прежнемъ мѣстѣ; къ счастію, обозъ еще не ушелъ. Я отправился къ В., но онъ мнѣ ничего опредѣленнаго сказать не могъ, куда именно выступилъ полкъ, и я узналъ только, что по экстренному приказанію вчера еще вечеромъ выступили, но куда—неизвѣстно. Обозъ отправлялся также чрезъ два дня. Я рѣшился идти обратно въ Журжево, въ надеждѣ узнать что-нибудь. На дорогѣ меня встрѣтилъ ѣхавшій изъ Журжева командиръ нестроевой роты, который на мои разспросы объяснилъ, что полкъ выступилъ къ Дунаю, по направленію въ Журжево. Я отправился далѣе, но въ Журжевѣ никого не оказалось; за то узналъ уже достовѣрно, что полкъ пошелъ вправо отъ Журжева, къ мѣст. Парапаны. Путь лежалъ мнѣ вверхъ по теченію Дуная и я снова двинулся далѣе.

Выкупавшись на пути раза два, три, и прошагавъ весь день, достигъ я, наконецъ, къ вечеру Парапана, гдѣ оказался нашъ полкъ. Парапаны довольно обширная деревня на Дунаѣ, съ громаднымъ въ немъ барскимъ домомъ, окруженнымъ великолѣпнымъ садомъ.

Насъ поставили здѣсь для прикрытія отряда, назначеннаго произвести минное загражденіе на Дунаѣ, и, кромѣ того, выстроить береговую батарею.

Батарею мы строили безостановочно и черезъ нѣсколько дней возвели огромное укрѣпленіе,—въ скоромъ времени были поставлены на него громадныя орудія, привезенныя незадолго изъ Журжева. Простояли мы тутъ около двухъ недѣль слишкомъ.

7-го іюня пріѣхали на подводахъ откуда-то стрѣлки и ночью же вмѣстѣ съ моряками заложили мины на Дунаѣ.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня мы услышали отчаянную перестрѣлку на Дунаѣ и узнали, что она завязалась между нашими и турками, но мины все таки успѣли заложить въ указанныхъ мѣстахъ. Къ восьми часамъ утра едва наши на лодкахъ вернулись послѣ этой работы, какъ показался турецкій мониторъ, пришедшій изъ Рущука, помѣшать минерамъ; но было уже поздно и мониторъ встрѣтили выстрѣлами съ батареи; мониторъ, впрочемъ, не думалъ удаляться и наши продолжали по немъ стрѣлять, но, къ сожалѣнію, не принеся ему никакого вреда. Весь этотъ день я пробылъ на батареѣ. Къ 5 часамъ вечера, когда мониторъ невредимо удалился, прибыла турецкая

Digitized by Google

полевая артиллерія и начала жарить изъ орудій къ намъ въ Парапаны; переполохъ поднялся страшный, нѣсколько турецкихъ гранатъ попали въ большой домъ, гдѣ помѣщался штабъ полка и раненые наканунѣ; чуть не убило часоваго, стоящаго здѣсь у денежнаго ящика. На площадку передъ домомъ, гдѣ стояло нѣсколько десятковъ казаковъ, упало тоже двѣ-три гранаты, но не причинило ни кому вреда; во-время успѣли снять казаковъ. Проходя по этой же площадкѣ, я тоже чуть не былъ убитъ, упавшею въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, гранатой. Къ сумеркамъ, однако, все прекратилось и мы, послѣ долгихъ толковъ о канонадѣ въ ротѣ, кое-какъ заснули уже на разсвѣтѣ.

На слѣдующее утро канонада началась снова, гранаты стали летать уже къ намъ въ садъ, сумятица опять поднялась у насъ ужасная. Первое крещеніе,—какъ же тутъ не всполошиться! Солдаты страшно засуетились, не зная куда дѣться, но суетились, суетились, да такъ и остались, какъ были, на тѣхъ же мѣстахъ. Къ счастію, стрѣльба скоро прекратилась, не причинивъ особаго вреда. Вечеромъ того же дня, какъ только наступили сумерки, мы выступили тихо изъ Парапанъ.

За все время перестрѣлки, убитыхъ оказалось три человѣка; ихъ на другой же день похоронили, тутъ же возлѣ церкви, а раненыхъ всего нѣсколько человѣкъ нижнихъ чиновъ и два офицера; убыль произошла въ людяхъ, участвовавшихъ при минномъ загражденіи, у насъ же какъ раненыхъ, такъ и убитыхъ не было.

Изъ Парапанъ мы двинулись въ селеніе Беи; шли всю ночь и прибыли туда часовъ въ десять утра. Здѣсь былъ собранъ весь нашъ корпусъ; всѣ войска стояли лагеремъ, близь небольшой рѣчки; какъ только мы пришли, я отправился немедленно купаться. Подъ небольшимъ мостикомъ сотни солдатъ барахтались въ водѣ, которая вскорѣ превратилась въ жидкую грязь; два-же какихъ-то солдата, вымазавшись черною грязью, придѣлавъ изъ нея же и нѣчто въ родѣ роговъ на головѣ, голые прогуливались при громкомъ смѣхѣ остальныхъ. Это было наканунѣ переправы!

Въ Беи мы простояли два дня; здѣсь мнѣ произвели экзаменъ на унтеръ-офицера, который я и выдержалъ. Здѣсь же намъ объявилъ начальникъ дивизіи, генералъ Драгомировъ, что государь императоръ честь переправиться первымъ возложилъ на насъ и что онъ, начальникъ дивизіи, надѣется, что мы не обманемъ надежды государя и съ честью исполнимъ это дѣло; рѣчь была имъ сказана въ короткихъ словахъ, просто, съ неподдѣльнымъ чувствомъ. Въ концѣ рѣчи онъ прослезился; мы отвѣчали ему единодушными криками «ура».

Digitized by Google

II.

13 іюня 1877 г., на разсвѣтѣ, мы выступили къ Дунаю и къ полдню были въ небольшой котловинѣ, гдѣ остановились переждать день, чтобы ночью подойти къ самому Дунаю, въ г. Зимницы, до котораго оставалось всего верстъ пять.

Весь остатокъ этого дня мы простояли подъ нестерпимыми лучами палящаго солнца и только вечеромъ двинулись къ самому Дунаю. Въ 7 часовъ вечера снялись съ бивуака и черезъ часъ вступили въ Зимницу. Насъ размѣстили по квартирамъ, по окраинамъ города. Слѣдующій день мы провели въ какомъ то тревожномъ настроеніи и въ приготовленіяхъ къ переправѣ. Намъ роздали сухарей и мяса на четыре дня, патроны были выданы тоже въ удвоенномъ количествѣ, все это дѣлалось поспѣшно, каждый чувствовалъ близость важнаго событія.

Наступилъ вечеръ; всѣмъ велѣно было приготовиться, осмотрѣться. Каждый приспособливалъ на себѣ поудобнѣе провіантъ и патроны. Приказано было соблюдать при переправѣ слѣдующія правила: садиться на суда безъ шуму и суеты, по порядку, какъ это примѣрно было повторено прежде нѣсколько разъ; далѣе, соблюдать возможную тишину, двигаясь по рѣкѣ, и какъ только приблизимся къ берегу, безъ шуму вылѣзть и, не производя ни одного выстрѣла, хотя бы насъ и осыпали пулями, ударить въ штыки, стараясь выбить съ позиціи непріятеля; въ случаѣ же неудачи, окопаться данными шанцевыми инструментами и отстрѣливаться, давая возможность приплыть слѣдующимъ эшелонамъ. Приказъ этотъ былъ строго на строго внушенъ каждому солдату.

Переправа предполагалась съ разсвѣтомъ или даже ночью, передъ зарей.

До времени переправы оставалось еще 5—6 часовъ; намъ было приказано лечь отдохнуть и собраться съ силами.

Одѣтые и готовые, улеглись мы, кто куда попало, желая по возможности если не заснуть, то сколько нибудь забыться, но это врядъ ли кому удалось тогда. Что касается меня, то я глазъ сомкнуть не могъ: какая-то духота, какое-то напряженное состояніе мѣшало мнѣ спать, а думы одна другой тяжелѣе такъ и лѣзли въ голову, мозгъ усиленно работалъ, слухъ напрягался, малѣйшій шорохъ возбуждалъ вниманіе. Время тянулось убійственно долго. Я, наконецъ, всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ, стараясь разогнать мрачныя думы.

Digitized by Google

Издали доносился смѣхъ и громкій разговоръ. Шумъ слышался изъ обоза.—Не спятъ, смѣются, подумалъ я, счастливцы, они здѣсь останутся, не пойдутъ на переправу, а мы-то..... и кровь приливала къ вискамъ и холодѣла въ жилахъ. Я отправился въ обозъ. Изъ освѣщенной палатки слышались громкіе голоса; заглянувъ во внутрь, я увидѣлъ В. и еще кого-то,—они пили чай съ коньякомъ. Я вошелъ къ нимъ, мнѣ предложили чаю. Я усѣлся и сталъ съ жадностію глотать горячую влагу.

— «Что же вы коньячку-то? важно съ чайкомъ, тѣмъ болѣе сейчасъ въ бой пойдете, все лучше для храбрости».—Я наотрѣзъ отказался, говоря, что крѣпкихъ напитковъ вовсе не пью.

— «Какъ знаете»,—продолжалъ В., — «а мы такъ вотъ уважаемъ»—и онъ старательно подливалъ его какъ сосѣду, такъ и себѣ въ чай. Далѣе разговоръ зашелъ о предстоящей переправѣ. Лица невольно у всѣхъ приняли серьезное, озабоченное выраженіе; предполагали, толковали, выставляли всѣ выгоды какъ нашего, такъ и турецкаго положенія, и проч., но пришли все таки къ тому заключенію, что наше положеніе не въ примѣръ хуже и невыгоднѣе, чѣмъ турецкое, а, впрочемъ, одинъ Богъ знаетъ, чья возьметъ. Въ этихъ разговорахъ мы провели время вплоть до 12 часовъ ночи. Я вышелъ изъ палатки; темень была страшная, не смотря на звѣздное небо. Придя къ ротѣ, я снова улегся куда-то; наконецъ, усталость и молодость взяли свое—я заснулъ.

Не знаю сколько времени я спалъ; помню, что сильная суета и сдержанный говоръ вокругъ заставили меня вскочить на ноги, какъ ужаленнаго, всюду слышалось: «на переправу, скорѣе на переправу».

Разбирались ружья и люди строились; я сталъ на свое мѣсто; могильная тишина сдѣлалась повсюду; какъ-то сдержанно, какимъ-то полутономъ говорили и отдавали приказанія. Вышелъ ротный командиръ, вкратцѣ повторилъ намъ, какъ себя вести, повторилъ кому заступать въ случаѣ убыли начальниковъ; снялъ шапку, широко перекрестился, что и мы всѣ сдѣлали, и скомандовалъ «впередъ». Мы пошли. Разговоровъ не было, всѣ шли молча, сознавая всю важность предстоящаго дѣла, слышенъ былъ лишь стукъ отъ ногъ, да изрѣдка звяканье штыка о штыкъ. До Дуная оставалось версты три; мы шли по извилистымъ переулкамъ окраинъ города. Свѣтъ чуть брезжилъ на востокѣ, предметы все таки можно было различать довольно ясно.

Выйдя изъ города, намъ предстояло пройти еще большую равнину, отдѣлявшую городъ отъ Дуная. Стало свѣтло. Мы двигались скорымъ шагомъ. Издали доносились ружейные выстрѣлы, то уже было на переправѣ; мы удвоили шагъ. Вдругъ раздался гулъ пушечнаго выстрѣла

Digitized by Google

и вслѣдъ за этимъ, въ то время, какъ мы проходили чрезъ какой-то мостикъ, перекинутый чрезъ ручей, граната со свистомъ пролетѣла у насъ надъ головами и врѣзалась неподалеку въ грязь, ее не разорвало; многіе набожно перекрестились; но не успѣли мы сдѣлать еще нѣсколько шаговъ, какъ вторая граната хватила въ самую середину роты и разорвалась—пять человѣкъ осталось тутъ же, на мѣстѣ, два убитыми наповалъ, трое ранеными; ихъ куда-то оттащили въ сторону. Кровь—это ужасная вещь,—при видѣ крови человѣкъ буквально шалѣетъ, и мы ошалѣли. Я не помню, какъ мы дошли до самаго берега, гдѣ была переправа. Подъ частыми выстрѣлами легли всѣ на берегу, въ ожиданіи очереди садиться на суда. Стало совершенно свѣтло и мы ясно могли видѣть весь турецкій берегъ; наши переправлялись на понтонахъ, многіе были уже на томъ берегу и бой кипѣлъ. Въ насъ и въ переправляющихся на понтонахъ сыпались гранаты.

Мы лежали подъ выстрѣлами, какъ на угольяхъ, ожидая ежесекундно, что вотъ-вотъ попадетъ граната и вырветъ нѣсколько человѣкъ. Вблизи разорвалась одна граната, убила двоихъ, потомъ другая, тамъ третья. Одна граната ударила въ середину лошадей, которыхъ держалъ казакъ, лошади шарахнулись и разбѣжались, казака же я увидѣлъ въ верхъ ногами летѣвшаго въ канаву; двѣ гранаты почти одновременно, вдругъ, хватили по сосѣдству, вправо отъ насъ, гдѣ стояла наша артиллерія,—раздались стоны и на носилкахъ потащили обезображенные трупы. Лежали мы, такимъ образомъ, на берегу не помню сколько времени, но оно показалось вѣчностію. Каждый лежалъ не смѣя пошевельнуться, сдерживая дыханіе, и слѣдилъ лихорадочно за всякимъ показывавшимся на томъ берегу клубомъ дыма, означавшимъ выстрѣлъ. Страху я лично никакого не испытывалъ, а какое-то оцѣпенѣніе: неопредѣленное состояніе всего существа, мнѣ какъ-то не вѣрилось въ возможность быть убитымъ, на меня нашло какое-то хладнокровіе. Сидя въ небольшомъ углубленіи, вмѣстѣ съ нашимъ офицеромъ подпоручикомъ О., я ѣлъ яйца и говядину, вынимая все это изъ сумки. О. въ это время потягивалъ преисправно изъ висѣвшей у него фляги. Вдругъ къ намъ подбѣжалъ какой-то генералъ и приказалъ немедленно садиться на суда. Мы отправились. Когда мы дошли до кустовъ, гдѣ происходила самая посадка, въ насъ хватила граната, матросъ и еще двое повалились; мы засуетились и кое какъ поспѣшно стали садиться въ понтонъ. Всѣ перекрестились. Отчалили отъ берега; но не успѣли отъѣхать отъ него и пяти саженей, какъ на то самое мѣсто, гдѣ мы только что толпились, упала граната и разворотила весь кустъ.

Digitized by Google

Тѣ чувства, которыя переиспыталъ я при самой переправѣ черезъ Дунай, описать очень трудно, тѣмъ болѣе, что ихъ хорошо и не упомню. Помнится только, что я ругалъ турокъ на чемъ свѣтъ стоитъ во все время переправы, хотя меня и останавливалъ унтеръ-офицеръ Тихановъ и другіе, говоря, что меня перваго убьетъ за это, приводя даже какіе-то примѣры.

Какъ мы переправились и какъ приблизились къ берегу—объяснить не могу хорошенько, главнымъ образомъ взоры всѣхъ устремлялись на турецкую батарею, откуда то и дѣло летѣли гранаты. Во время переправы въ насъ не попало ни одной гранаты, хотя по близости и хватила одна въ сосѣдній понтонъ и разворотила его; минута была ужасная, все пошло ко дну, спаслось два или три человѣка, не болѣе. Весь ужасъ нашего положенія рисовался намъ теперь яснѣе, еще одна мѣткая граната и мы сдѣлаемся добычею волнъ; спасеніе было немыслимо, мы находились на серединѣ рѣки. Лица у всѣхъ были блѣдны, какъ полотно, не слышалось ни единаго слова, гробовое молчаніе нарушалось только порывистымъ всплескиваніемъ веселъ, которыми усердно работали матросы. Мы все болѣе и болѣе приближались къ берегу, наконецъ, до него оставалось нѣсколько саженей и мы всѣ, чуть не по горло въ водѣ, повыскакивали и добрались до суши. Тутъ всѣ вздохнули свободнѣе. Насъ построили и повели по узкой, только что проложенной, тропинкѣ; берегъ былъ чрезвычайно крутой. Взобравшись, мы очутились на довольно обширной площади, куда собралась и вся рота, ожидая дальнѣйшихъ приказаній.

Кругомъ кипѣлъ бой, то усиливаясь, то затихая на время. Раненыхъ таскали въ нашу сторону; мы увидѣли ротнаго командира стрѣлковой роты С., его несли на носилкѣ: шея была обвязана и изъ нея сочилась кровь; на безжизненномъ лицѣ виднѣлись слѣды мученій; невольно отвернувшись отъ этого тяжелаго зрѣлища, я вдругъ увидалъ Иванова, его тоже несли на носилкахъ, онъ былъ легко раненъ пулею въ бедро; солдаты, глядя на него, набожно крестились.

— «Вотъ-ты, поди тутъ! Гляди, барчука тоже сшибло. Должно быть не убило совсѣмъ. Вишь сердечный».

Черезъ нѣсколько времени прибѣжалъ полковой адъютантъ и отдалъ приказаніе командира полка: немедленно идти въ атаку на мельницу, находившуюся у насъ почти въ тылу, гдѣ засѣли турки и бьютъ нашихъ. Скомандовали: ружья вольно, шагомъ маршъ—и мы двинулись. Сердце уменя невольно замерло. Тѣмъ временемъ бой кипѣлъ повсюду и былъ во всемъ разгарѣ, по всей мѣстности вплоть до самаго Систова. Мы двинулись влѣво, по какой-то узкой дорогѣ

Digitized by Google

между кустовъ. До мельницы оставалось немного. Выстрѣлы все явственнѣе и явственнѣе доносились до насъ. Мы ускорили шагъ. За поворотомъ, какъ-то сразу, неожиданно показалась мельница; насъ осыпали градомъ пуль. Я былъ вторымъ съ фланга, рядомъ съ унтеръ-офицеромъ Ѳедоровымъ, обстрѣленнымъ солдатомъ, отходившимъ хивинскій походъ. Мнѣ мелькнула мысль, что если идти такъ, какъ мы шли, подъ градомъ пуль, то не дойти намъ до мельницы, перебьютъ. «Ѳедоровъ! крикнулъ я, махнемъ разомъ!»—«Махнемъ», крикнулъ онъ! Я заоралъ, что было мочи, ура! и бросился какъ стрѣла на мельницу, за мной бросилась вся наша полурота; я первый влетѣлъ съ двумя солдатами на крышу мельницы, упиравшуюся одною стороною, скатомъ, въ косогоръ, — и началъ въ какомъ-то остервенѣніи бить вправо и влѣво. Другая полурота кинулась на мельницу съ фронта. Черезъ нѣсколько минутъ мельница была сверху разломана и разбита въ дребезги, не смотря на сотни залповъ изнутри: Турки были почти всѣ перебиты, исключая нѣсколькихъ, засѣвшихъ въ погребѣ и все еще отстрѣливавшихся; подступить къ нимъ и забрать ихъ или перебить не было возможности—рѣшено было сжечь мельницу. Въ одну секунду было навалено всевозможнаго хламу вокругъ, и чрезъ нѣсколько минутъ всю мельницу охватило со всѣхъ сторонъ пламя; черезъ полъ-часа ея не стало, но мы не дождались конца дѣла рукъ нашихъ, ибо должны были двинуться далѣе, подкрѣпляя нашу выбивавшуюся изъ силъ передовую цѣпь.

Къ восьми часамъ утра бой видимо началъ принимать выгодный для насъ оборотъ и картина боя окончательно выяснилась.

Турки отступили на всѣхъ пунктахъ; въ это время мы увидали приближавшійся пароходъ со стороны Никополя, тихо шедшій къ мѣсту переправы; у всѣхъ невольно защемило сердце, невольно представлялось, что это турецкій мониторъ и что онъ подходитъ отрѣзать намъ переправу; ну какъ дѣло, такъ славно начавшееся и уже приходящее почти къ концу, кончится столь грустно? Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ, что будетъ. Однако-же, дѣло скоро разъяснилось; оказалось, что это нашъ пароходъ, пришедшій къ переправѣ, находившійся до этого времени гдѣ-то подъ Никополемъ и до самой переправы удачно скрытый.

Съ прибытіемъ парохода дѣла наши значительно улучшились и переправа ускорилась; стали перевозить артиллерію, въ которой мы такъ нуждались, выбивая непріятелей одними только ружейными выстрѣлами и штыками.

Къ 10 часамъ турки отступили повсюду.

Положеніе наше было совершенно опредѣленное, мы уже шли

Digitized by Google

бодро, изрѣдка пріостанавливаясь и стрѣляя въ отступающихъ турокъ; наконецъ, мы и это прекратили и залегли всею цѣпью на холмахъ. Турки окончательно отступали и были далеко отъ насъ.

Наша рота цѣпью расположилась недалеко отъ берега, тутъ же стоялъ турецкій покинутый кордонъ; я отправился, по приказанію ротнаго командира, съ нѣсколькими солдатиками, осмотрѣть его, нѣтъ ли засѣвшихъ, оставшихся турокъ. Кордонъ состоялъ изъ небольшаго четырехъ-угольнаго зданія, стоявшаго на крутомъ возвышенномъ берегу Дуная, предназначеннаго для турецкаго караула, приблизительно человѣкъ на 15 или болѣе; одна стѣна его была пробита нашею попавшею гранатою. Войдя и удостовѣрившись, что никого нѣтъ, я приступилъ къ подробному осмотру внутренности. Помѣщеніе было раздѣлено на двѣ комнаты съ кухней. Первая была кухня; въ ней находились всевозможныя необходимыя кухонныя принадлежности: на таганьчикѣ стояла сковородка и на ней лежала жареная рыба, только что приготовленная; тутъ же на полу, подъ скамейкой, стояла корзина съ личею, нѣсколько кострюль и другой посуды, которая, разбросанная, валялась на полу и на печкѣ.

Въ слѣдующей, очень большой, комнатѣ, предназначавшейся для жилья всего караула, обстановка была слѣдующая: по одной стѣнѣ тянулись нары съ разбросаннымъ на нихъ всевозможнымъ платьемъ; въ углу, подъ печкой, была навалена цѣлая куча хлѣбцевъ, которые валялись и по полу; столъ въ другомъ углу былъ также весь заваленъ всевозможными пожитками; скамьи были всюду повалены, хаосъ былъ полнѣйшій. Очевидно было, что турокъ застали врасплохъ, такъ что они выбѣжали, захвативъ лишь оружіе. Осмотрѣвъ хорошенько все и захвативъ корзинку съ личею, я отправился въ цѣпь, гдѣ и доложилъ, что ничего подозрительнаго въ кордонѣ не оказалось. Личу въ цѣпи скоро уничтожили. Мы простояли въ цѣпи весь остатокъ этого памятнаго дня; на ночь насъ передвинули вправо и впередъ отъ того мѣста, гдѣ мы стояли. Эту ночь мы провели самымъ непріятнымъ образомъ, ежеминутно ожидая, что вотъ-вотъ нагрянутъ турки; но ночь, благодаря Бога, прошла благополучно.

Къ 11 часамъ утра мы замѣтили влѣво отъ насъ шедшихъ по Дунаю отъ Рущука нѣсколько турецкихъ мониторовъ, какъ видно, спѣшившихъ къ переправѣ; но прибывшая тотчасъ же наша полевая артиллерія скоро заставила ихъ снова удалиться къ Рущуку.

Черезъ часъ насъ смѣнили съ цѣпи другія войска. Мы пошли къ Систову. Дорога пролегала по садамъ и виноградникамъ; намъ пришлось пройти не мало мѣстъ, гдѣ, какъ видно, была жестокая рукопашная схватка. Мнѣ ясно представились всѣ ужасныя, происходившія

Digitized by Google

на этихъ мѣстахъ, картины. Одно проходимое нами мѣсто имѣло видъ будто здѣсь умышленно было все изрыто, истоптано и исковеркано— это былъ виноградникъ, но отъ котораго осталось одно воспоминаніе; лозы были повырваны и поломаны и большею частію потоптаны; тутъ еще валялись клочья одежды и изломанныхъ ружей, нѣсколько исковерканныхъ ранцевъ и всюду кровь и трупы; раненые были уже убраны. Это мѣсто мнѣ сильно врѣзалось въ памяти.

Небольшое разстояніе, какое оставалось пройти до Систова, мы почти незамѣтно прошли и пришли, наконецъ, къ его окрестностямъ, гдѣ насъ и расположили на крутомъ берегу, въ садахъ.

Какъ только мы прибыли, я тотчасъ же отпросился у ротнаго командира пойти въ городъ. Меня отпустили. Я отправился вмѣстѣ съ Банниковымъ, который умолялъ меня взять его съ собой. Подходя къ самому городу, я увидѣлъ цѣлыя партіи солдатъ, шедшихъ туда и оттуда. Шедшіе оттуда были нагружены всевозможною добычею: тащили тюки товару и табаку, несли мѣшки муки, крупъ, тащили одѣяла, кожу, носильное платье, оружіе и т. д.; нѣкоторые до того были нагружены, что едва тащились, бросая бо́льшую часть ноши тутъ же по дорогѣ.

Картина эта невольно подзадоривала, и всѣ шедшіе въ городъ, подходя ближе къ нему, взапуски бѣжали; я насилу сдерживалъ Банникова.

— Успѣешь, успѣешь, куда спѣшить, и такъ дойдемъ, говорилъ я ему.

— Да какъ-же не спѣшить-то, помилуйте, вишь народъ-то какъ претъ, все растащутъ, право, оправдывался Банниковъ.

Въ городѣ поистинѣ былъ, какъ говорится, дымъ коромысломъ, настоящій Содомъ и Гоморра. Въ той улицѣ, куда мы вошли, царилъ такой хаосъ, что и вообразить себѣ трудно; всюду разбивались турецкіе лавки, погреба, склады и подвалы, все расхватывалось, уносилось, уничтожалось въ одно мгновеніе. Отъ одной разбитой лавки солдаты переходили къ другой, третьей и т. д., всякій бралъ, что ему нравилось и что ему угодно. Мы протискались въ одну только что разбитую колоніальную лавку, въ ней всѣ полки и перегородки были уже поломаны, товаръ повыкиданъ, поразсыпанъ и все перемѣшалось. Въ недоумѣніи остановился я, прижавшись къ стѣнкѣ, смотря на происходившее. Банниковъ, какъ только добрался до продуктовъ, то началъ безъ разбору набирать всего, что попадалось подъ руку.

— Идемте, баринъ, крикнулъ онъ,—довольно, тутъ неча дѣлать, эвона у насъ сколько,—и онъ указалъ на мѣшокъ за спиною и страшно оттопырившіеся карманы.

Digitized by Google

Выйдя изъ лавки, Банниковъ объяснилъ мнѣ, что онъ успѣлъ набрать: кофе, муки, сахару и еще всевозможной мелочи.

— Ну, а вы, баринъ, чего-же набрали? спросилъ Банниковъ.

Я отвѣтилъ, что ничего.

— Э-хъ, плохи же вы, баринъ, замѣтилъ онъ.

Мы пошли далѣе, всюду было то же.

Всѣ турки, безъ исключенія, покинули городъ, и все, что послѣ нихъ оставалось, растаскивалось, какъ болгарами, такъ и нашими солдатами. Какое-то особенное, непонятное чувство удовольствія доставляло, напримѣръ, стуломъ или скамейкой вышибить цѣлую раму и видѣть, какъ она съ шумомъ и звономъ летѣла внизъ на мостовую и тамъ въ дребезги разобьется. Въ слѣдующіе дни, когда брать и расхищать было нечего, такъ какъ все было уже растаскано, солдаты шлялись изъ дома въ домъ, били стекла, ломали мебель, рвали и уничтожали оставленныя вещи, книги и старое негодное платье. Для чего это дѣлалось,—объяснить не могу.

Я ходилъ на ту батарею въ городѣ, на берегу, откуда турки такъ мѣтко въ насъ били; орудій тамъ уже не было—турки успѣли вовремя ихъ увезти; но ясно было, что ихъ тамъ было немного. Носила она названіе «Золотой». Говорили, что ей дано было это названіе инженеромъ англичаниномъ, строившимъ ее и нашедшимъ тутъ, во время земляныхъ работъ, нѣсколько крупинокъ золота.

Осмотрѣлъ я также берегъ Дуная, въ одномъ его мѣстѣ, въ самомъ удобномъ и доступномъ для высадки войскъ; здѣсь турки ожидали нашей переправы, и горько въ томъ ошиблись.

Они устроили въ этомъ мѣстѣ все, чтобы встрѣтить насъ убійственнымъ огнемъ изъ великолѣпно скрытыхъ ложементовъ. Было ихъ воздвигнуто нѣсколько рядовъ и такъ хорошо замаскированы, что съ берега трудно было сразу ихъ замѣтить, но мы высадились гораздо ниже, у самаго неприступнаго мѣста берега. Вообще же берегъ на нѣсколько верстъ вправо и влѣво представлялъ отвѣсныя скалы и проходя теперь подъ ними, я невольно остановился съ ужасомъ, глядя на то самое мѣсто переправы, гдѣ подъ скалой была перебита цѣлая рота нашего полка—тамъ приходилось влѣзать не иначе, какъ становясь другъ другу на плечи и цѣпляясь руками за кустарникъ.

На Дунаѣ строился на понтонахъ мостъ, немного правѣе отъ мѣста высадки войскъ, ближе къ Систову. На третій день онъ былъ совершенно готовъ и по немъ день и ночь потянулись наши войска всѣхъ родовъ оружія, а также обозы, фуры и т. д.

На другой же день послѣ переправы прибылъ въ Систовъ Государь Императоръ. Войска выстроились шпалерами по дорогѣ къ Систову,

Digitized by Google

провожая его громкими криками „ура“. Государь объѣхалъ всѣ войска и благодарилъ тѣхъ, которые участвовали въ переправѣ.

Въ этотъ день были представлены отличившіеся къ Георгіевскимъ крестамъ; я былъ также представленъ, какъ одинъ изъ первыхъ, вскочившихъ на взятую штурмомъ мельницу.

Радости было много.

Потрясенія этихъ дней не прошли даромъ. Ночью произошла страшная, непонятная тревога отъ самыхъ пустыхъ причинъ и, собственно говоря, имѣвшая характеръ какого-то нервнаго настроенія всѣхъ войскъ. Дѣло было такъ: мы, какъ я уже упомянулъ, стояли въ садахъ, между виноградниками, а не въ палаткахъ; размѣстились кто какъ попало; на ночь всѣ одѣвались по походному: шинели—въ рукава, съ подсумками; однимъ словомъ, вполнѣ готовыми, при первой тревогѣ, вступить въ бой; ранцы клались вмѣсто подушекъ подъ головы, ружья стояли у всякаго по близости, подъ рукою, гдѣ-нибудь прислоненными къ дереву. По обыкновенію, послѣ вечерней переклички и молитвы, всѣ заваливались спать. Часовъ до одиннадцати шли, по обыкновенію, разговоры и разсказы; наконецъ, все понемногу смолкало и погружалось въ крѣпкій сонъ. Часовой ходилъ по намѣченному пространству, зорко глядя по сторонамъ.

Въ этотъ вечеръ всѣ улеглись тѣмъ же порядкомъ; ночь, какъ на грѣхъ, была темная; луна всходила очень поздно.

Я тоже, какъ и всѣ, улегся совсѣмъ одѣтый, прислонивъ голову къ вьючному сѣдлу, за которое была привязана чья-то лошадь. Я лежалъ на спинѣ, заложивъ руки подъ голову, размышляя о минувшемъ днѣ, и, наконецъ, заснулъ.

Вдругъ я проснулся отъ сильнаго толчка и страшнаго крика кругомъ; ошеломленный этимъ, вскочилъ я на ноги, схватилъ первое попавшееся мнѣ въ руки ружье, все еще не понимая, что такое происходитъ вокругъ меня.

Сотни голосовъ кричали «ура», метаясь во всѣ стороны, какъ угорѣлые, и хватая въ руки что ни попало; одинъ солдатъ возлѣ меня схватилъ палку и, неистово размахивая ею во всѣ стороны, оралъ во все горло что-то непонятное.

Нѣсколькимъ выскочившимъ офицерамъ удалось кое-какъ успокоить солдатъ.

Что такое произошло? Всѣ ничего не понимали и недоумѣвали въ чемъ дѣло.

Дѣло, наконецъ, разъяснилось. Стоявшій на часахъ солдатъ объяснилъ, что онъ услыхалъ гдѣ-то крикъ «ура», произведенный, можетъ быть, кѣмъ нибудь во снѣ, и этого было достаточно: какъ по

Digitized by Google

волшебству, вдругъ этотъ крикъ подхватили вскочившіе съ просонья и ничего не понимающіе солдаты, по всей вѣроятности, думая, что вся турецкая армія напала на насъ. Эта тревога не прошла, однако, же, благополучно; многіе за нее поплатились. Полковаго нашего доктора, выскочившаго на страшный шумъ изъ своей палатки въ одномъ бѣльѣ и, къ несчастію, въ турецкой фескѣ на головѣ, которую онъ надѣлъ на ночь отъ холоду, одинъ солдатъ пырнулъ штыкомъ, воображая, что колетъ турка. Насилу докторъ могъ, наконецъ, объяснить, закричавъ изъ всѣхъ силъ, что онъ свой—русскій, а не турокъ, но все-таки ему штыкомъ повредили сильно ногу. Такимъ же образомъ многіе въ этой суматохѣ переранили другъ друга. Подобныя тревоги, какъ я узналъ впослѣдствіи, происходили не у насъ однихъ, а и въ другихъ частяхъ войскъ. Объяснить это можно наэлектризованнымъ состояніемъ каждаго, настолько сильнымъ, что малѣйшая причина могла производить тревогу, въ родѣ нашей. Впрочемъ, у насъ тревоги впослѣдствіи не повторялись.

Простояли мы у Систова до 27-го іюня; въ это время насъ перевели на другую стоянку, тутъ же неподалеку отъ первой, но болѣе удобную. Время мы проводили въ отдыхѣ и въ легкихъ ротныхъ ученіяхъ.

Въ ротѣ у насъ совершенно все преобразилось: солдаты въ свободное время нѣжились на одѣялахъ и коврахъ, покуривали турецкій табакъ, котораго было у всякаго большой запасъ; у многихъ появлялись всевозможныя матеріи, изъ которыхъ кроились и шились разныя принадлежности солдатскаго бѣлья. У нѣкоторыхъ появились деньги.

Писарь Полещукъ притащилъ огромную пачку турецкихъ денегъ каиме [1]), объясняя, что половину онъ порасшвырялъ, впослѣдствіи же болгары брали ихъ за уменьшенную цѣну. Вообще турецкихъ каиме было уничтожено страшное количество. Солдаты ихъ брали для крученія себѣ папиросъ.

Говорили, что одинъ какой-то солдатъ музыкантской команды, изъ евреевъ, добылъ ожерелье изъ жемчуговъ, которое и продалъ за большую сумму маркитанту. Такимъ образомъ, многіе поправили свои дѣла; но вскорѣ пришлось выступить далѣе и кинуть набранные ковры, подушки, одѣяла и многое другое, что неудобно было взять съ собою. Собственно говоря, все, что добывалось изъ Систова, было оставлено турками и потому бралось безъ насилія, такъ какъ самихъ хозяевъ, турокъ, не было; всѣ бѣжали, кинувъ все. Впрочемъ, попользоваться лучшею частью оставленнаго имущества пришлось не

[1]) Каиме—турецкіе кредитные билеты. С. С.

Digitized by Google

намъ, а болгарамъ; чуть не въ каждомъ домѣ болгарскомъ были награбленныя турецкія вещи, и если мнѣ и пришлось, напримѣръ, встрѣтить въ одномъ разграбленномъ турецкомъ домѣ убитаго турка, то всего вѣроятнѣе, что это было дѣло болгаръ. Благо случай есть,—ну, и душй своихъ бывшихъ мучителей.

На второй или третій день нашей стоянки, когда мостъ былъ совершенно наведенъ, ротный командиръ отправилъ меня съ письмами, для сдачи ихъ на почту, находившуюся на противуположномъ берегу въ Зимницѣ.

Придя въ Зимницу, я былъ сильно удивленъ происшедшей въ городѣ перемѣной. Тамъ находилась наша главная квартира и оживленіе было громадное. Понаѣхало множество торговцевъ румынъ, открылись рестораны, лавки, чайныя заведенія и т. д.

Пробывъ въ городѣ часа два, я вернулся въ свою роту.

Слѣдующій день ознаменовался великимъ торжествомъ въ нашемъ полку: утромъ, послѣ краткаго молебна передъ цѣлымъ полкомъ и потомъ панихиды по убитымъ воинамъ, были розданы Георгіевскіе кресты. Для этого были вызваны всѣ, кому они предназначались, въ середину полка. Начальникъ дивизіи велѣлъ скомандовать полку «на караулъ», и при звукахъ музыки самъ собственноручно пришпилилъ каждому Георгіевскій крестъ; затѣмъ поздравилъ насъ съ этой наградой, произнесъ небольшую рѣчь и пожелалъ всѣмъ заслужить то-же.

Я былъ единственный изъ вольноопредѣляющихся всей нашей дивизіи, получившій крестъ; зависть въ остальныхъ моихъ товарищахъ была страшная. Рота меня съ радостью встрѣтила и поздравила; качали меня чуть не до обмороковъ. То былъ день полнѣйшаго для меня торжества. Съ блестящими крестиками на груди, мы всѣ, георгіевскіе кавалеры, по полученіи ихъ, отправились въ городъ; на насъ съ завистью посматривали встрѣчающіеся. Весь этотъ день я буквально былъ самъ не свой.

Каждую ночь кругомъ Систова выставлялась цѣпь, отъ стоящихъ здѣсь частей, и нашему полку пришлось заступить на ночь въ цѣпь. Послѣ сумерекъ мы двинулись за городъ въ назначенное мѣсто. Пройдя верстъ пять, мы расположились въ сторожевую цѣпь; это было на третій или четвертый день послѣ переправы. Хотя нападенія турокъ было и трудно ожидать, но все-таки, стоя въ цѣпи въ темную ночь, въ буеракѣ, какъ-то невольно морозъ пробѣгалъ по кожѣ при первомъ шелестѣ. Я простоялъ свою смѣну и улегся на мягкой травѣ, предполагая заснуть нѣсколько часовъ. Вдругъ, чрезъ нѣсколько минутъ послѣ моей смѣны, послышался невдалекѣ на посту чей-то громкій окликъ: «кто идетъ», затѣмъ вторичный, еще громче, и, нако-

Digitized by Google

нецъ, третій и послѣдній, за нимъ послѣдовалъ выстрѣлъ. Всѣ въ главномъ караулѣ всполошились, бо́льшая часть людей не спала и повскакала съ мѣстъ, схвативъ ружья, ежеминутно ожидая, что вотъ-вотъ пойдетъ перестрѣлка. «Турки лѣзутъ! не даромъ тревога!» Но прошла минута, другая, ничего не видать и не слыхать; посланный патруль вернулся и объявилъ въ главномъ караулѣ, что турецкіе лазутчики подкрадываются къ цѣпи. «Сами слышали явственно, да и стрѣлявшій солдатъ Пивненко даромъ шуму не подыметъ». Тотчасъ же была послана часть солдатъ отъ главнаго караула хорошенько разслѣдовать, какъ и что произошло; не успѣли они отойти нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ съ другой стороны раздались выстрѣлы—одинъ, затѣмъ другой, третій и т. д. Ну, подумали мы, формальное нападеніе!—и всѣ встали въ полной готовности отстаивать позицію. Но вдругъ все сразу прекратилось, тишина опять стала всюду. Прошло нѣсколько минутъ—все тихо; потомъ слышимъ легкій шумъ, говоръ голосовъ и смѣхъ; появляется снова патруль и старшій съ улыбкою докладываетъ о случившемся. Оказалось, что, стоя на часахъ, Пивненко первый услыхалъ неподалеку близь себя, что кто-то, стараясь, какъ ему показалось, потише подлѣзть къ цѣпи, сталъ какъ бы отъ усталости уже совсѣмъ близко тяжело дышать, когда же онъ окликнулъ, то тотъ притаился; послѣ третьяго безотвѣтнаго оклика, Пивненко выстрѣлилъ и въ ту-жъ минуту, какъ ему показалось, отъ него бросились нѣсколько турокъ въ сторону. На дѣлѣ же оказалось, что всю эту тревогу надѣлала какая-то безпріютная корова, которая, подойдя близко къ цѣпи ночью, при возбужденномъ состояніи каждаго, въ темнотѣ принята за подползавшихъ турокъ; послѣ перваго выстрѣла она перепугалась и пустилась прочь отъ Пивненко вдоль цѣпи, гдѣ, перепугавъ другихъ часовыхъ, была, наконецъ, кѣмъ-то изъ солдатъ нечаянно убита.

Такія недоразумѣнія не разъ случались въ дальнѣйшей нашей военной жизни.

Простоявъ подъ Систовомъ до 27-го іюня и вполнѣ отдохнувъ и оправившись, въ четыре часа пополудни, когда жара начала спадать, мы выступили далѣе.

Пришлось идти по довольно хорошей дорогѣ, влѣво отъ Систово на д. Царево.

Бѣднымъ солдатамъ пришлось разстаться съ подушками, одѣялами и прочими пріятными, но неудобными для похода, какъ лишняя тяжесть, вещами; все это досталось добычей братушкамъ [1]).

---

[1]) Братушками звали насъ болгары и мы величали ихъ этимъ же именемъ. С. С.

Digitized by Google

Часа черезъ три мы остановились отдохнуть въ дер. Царево.

Въ Царево были расположены на стоянкѣ какія-то войска; отдохнувъ здѣсь съ часъ, мы пошли далѣе.

Начинало смеркаться и сталъ накрапывать крупный дождь, который превратился вскорѣ въ ужасный ливень, при страшнѣйшей грозѣ, какой я никогда въ жизнь свою не видѣлъ. Это продолжалось до самаго прихода на ночлегъ, который былъ назначенъ на холмѣ, вблизи совершенно раззоренной деревушки. До него пришлось ползти еще добрыхъ два часа. Ночевать пришлось подъ открытымъ небомъ.

Трудно себѣ представить до чего мы были вымочены дождемъ. Не смотря на то, что тотчасъ же по прибытіи на мѣсто были разведены костры, но просохнуть или заснуть никто до самаго разсвѣта не могъ.

Къ 2 часамъ ночи дождь пересталъ и на утро слѣдующаго дня, когда погода прояснилась и выглянуло солнышко, солдатамъ было выдано мясо и всѣ принялись готовить себѣ на кострахъ въ котелкахъ обѣдъ.

Обсушившись и закусивъ какою-то бурдою, приготовленною Банниковымъ, я велѣлъ ему заварить чаю, которымъ и упивался до самаго выступленія.

Въ 12 часовъ дня мы выступили далѣе. Жара становилась все болѣе и болѣе чувствительною, мы же, какъ нарочно, должны были въ этотъ день пройти огромный переходъ. Только къ вечеру мы дошли до мѣста. Неподалеку отъ опустошенной турецкой деревни, на небольшой площадкѣ, расположился весь полкъ. Ночь была невыносимо холодна, пришлось сжечь цѣлый стогъ стоявшаго невдалекѣ сѣна.

На утро, чуть свѣтъ, пошли далѣе и, пройдя опустошенную деревню, поднялись на возвышенную мѣстность. Къ полдню мы пришли къ большой богатой болгарской деревнѣ, у которой былъ сдѣланъ привалъ.

Отправившись съ Банниковымъ въ деревню, я купилъ за нѣсколько галагановъ: утку, яицъ и хлѣба, и затѣмъ, пообѣдавъ, легъ отдохнуть.

Въ 4 часа мы выступили далѣе и къ полуночи достигли обширной равнины, гдѣ и расположились лагеремъ. Наша рота на ночь пошла въ цѣпь; утромъ, по смѣнѣ цѣпи, нѣсколько солдатъ отправились въ сосѣднюю деревню, совершенно покинутую жителями,—оттуда они принесли множество куръ, гусей, индюшекъ, абрикосовъ, сливъ, личи и т. п.

Въ ротѣ снова происходитъ варево и парево. Къ несчастію, только недоставало хлѣба.

Digitized by Google

Провіантъ сухарей намъ не раздавался съ самаго Систова, такъ что пришлось замѣнить хлѣбъ пшеницею, которая уже поспѣла и которую мы жали, растирали и, паря въ котелкахъ, употребляли ее вмѣсто хлѣба.

Само начальство приказывало намъ это дѣлать. Въ этомъ мѣстѣ мы простояли нѣсколько дней.

Въ первый же день нашей стоянки насъ экстренно подняли, въ количествѣ двухъ баталіоновъ, часа въ два пополудни, и приказали немедленно выступить въ горы, въ какое-то турецкое селеніе, для завладѣнія оставшимся тамъ скотомъ.

Мы выступили. Пройдя нѣсколько верстъ по довольно хорошей дорогѣ, пришлось идти по низменной мѣстности, пересѣченной множествомъ рѣчекъ и ручейковъ, довольно широкихъ и глубокихъ. Переправъ, кромѣ бродовъ, никакихъ не было; пришлось снимать все платье и нагишемъ шествовать въ такомъ видѣ нѣсколько верстъ подрядъ; признаюсь, картина была оригинальная.

Пройдя эту мѣстность, мы поднялись на возвышенности и скоро совсѣмъ вступили въ горы. Живописныя мѣста вполнѣ были достойны кисти художника.

Пройдя верстъ десять, мы уже совсѣмъ ночью вступили въ селеніе, которое немедленно было оцѣплено солдатами. Скота было повсюду много, видно было, что турки недавно и съ возможною поспѣшностію кинули свои жилища, не успѣвъ угнать даже всего скота.

Всю ночь въ ротѣ шла стряпня; мяса было въ волю, всѣ котелки были переполнены. Все бы ничего, но хлѣба не было; впрочемъ, солдаты и съ этимъ недостаткомъ умѣли примириться, замѣнивъ хлѣбъ отчасти тѣмъ же мясомъ или, правильнѣй сказать, печенкой.

— «Очень похоже», говорили солдаты, «думай только, что хлѣбъ— и совсѣмъ будетъ похоже».

Утромъ было предположено собрать всю, какая есть, скотину и затѣмъ выступить съ нею обратно на нашу стоянку. Загонъ скота продолжался чуть не до 2 часовъ дня.

Затѣмъ мы выступили изъ этого селенія и гнали до тысячи головъ разнаго скота.

Къ вечеру мы добрались до подошвы горъ, гдѣ былъ сдѣланъ привалъ.

Я, не дожидаясь, когда онъ кончится, вмѣстѣ съ нѣкоторыми солдатами отправился впередъ къ мѣсту стоянки полка. Добрались мы до него къ поздней ночи.

Переночевалъ въ палаткѣ у одного офицера; утромъ мнѣ пришлось заступить въ караулъ, назначенный для охраненія пригнаннаго скота.

Digitized by Google

Весь этотъ скотъ былъ раздѣленъ между всей нашей дивизіей. Каждому полку пришлось по изрядному количеству рогатаго скота, да кромѣ того у каждаго офицера, сходившаго въ эту экспедицію, было двѣ-три турецкія лошади, тамъ же добытыя. У насъ же въ ротѣ была дойная корова, къ сожалѣнію не долго просуществовавшая и въ минуту жизни трудную зарѣзанная и съѣденная гдѣ-то за Тырново.

Въ караулѣ мнѣ пришлось сдавать скотъ по полкамъ, при чемъ оказалась одна лишняя по счету корова; Банниковъ первый замѣтилъ это и распорядился съ нею весьма скоро; она была зарѣзана, а мясо раздѣлено между карауломъ.

Весь слѣдующій день былъ проведенъ довольно весело и оживленно; шли толки о скоромъ выступленіи далѣе къ Тырнову; вечеромъ была устроена заря съ церемоніей. Всѣ эти дни я чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо, жара и утомленіе отразились на мнѣ болѣзненно; утромъ слѣдующаго дня былъ принужденъ отправиться въ околотокъ, гдѣ меня и оставили, найдя неспособнымъ быть долѣе въ строю.

С. Соболевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Digitized by Google

ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ САМОЙЛОВЪ.

(Читано въ обществѣ любителей сценическаго искусства).

Да! скоро и безслѣдно передъ мыслью
Скользитъ искусство пламенное мима,
А образцы рѣзца и пѣснь поэта
Тысячелѣтья могутъ пережить.

Какъ глубока и справедлива эта мысль Шиллера по отношенію къ безслѣдному удѣлу артиста-мима въ области искусства!

Умираетъ художникъ-живописецъ,—намъ выставляютъ его произведенія; умираетъ композиторъ,—изучаются его малѣйшіе наброски музыки; ваятель оставитъ статую, неконченный слѣпокъ; поэты, писатели — цѣлые памятники уму и сердцу человѣка.

Что-же оставляетъ послѣ себя этотъ мимъ съ его пламеннымъ искусствомъ? Остается-ли, въ самомъ дѣлѣ, хоть какой-нибудь слѣдъ того, чѣмъ онъ такъ поражалъ, такъ свѣтло, благотворно озарялъ глухія, темныя мѣста на пути нашей жизни, возжигалъ потухавшій огонь добра и свѣта въ душѣ человѣка, и силой своего огня-таланта то неудержимый смѣхъ, то слезы вызывалъ въ тысячахъ зрителей!

Какъ дать его понять тому, кто не слыхалъ его, кто опоздалъ его увидѣть?

Актеръ до тѣхъ поръ и актеръ, пока онъ живъ. Онъ не изъ тѣхъ счастливыхъ избранниковъ искусства, творенія которыхъ и послѣ смерти ихъ «глаголомъ жгутъ сердца людей».

Digitized by Google

Достаточно сказать, что поэта не надо видѣть, чтобы знать, понимать и чувствовать его; актера неизбѣжно надо видѣть и слышать для этого; безъ самой личности актера нѣтъ ничего. Актеръ-сонъ. Правда, тѣмъ, кто видѣлъ этотъ сонъ въ образахъ тѣхъ немногихъ избранниковъ, къ какимъ принадлежалъ Самойловъ, тѣмъ часто надолго нельзя отрѣшиться отъ него, нельзя забыть, какъ что-то такое, что хоть и исчезло, ушло навсегда, но что было здѣсь, было несомнѣнно и оставило въ умѣ и сердцѣ что-то неизгладимо-прекрасное, чудно-высокое, что такъ и хочется вспоминать чаще и чаще и сожалѣть о томъ, что оно не повторится больше, что оно ушло отъ насъ навсегда!

А участь смерти человѣка, вызывающаго въ насъ такія чувства—прекрасна!

И вотъ такимъ-то чуднымъ сномъ для насъ былъ почившій нашъ почетный членъ, нашъ русскій артистъ-художникъ Василій Васильевичъ Самойловъ.

Въ моихъ воспоминаніяхъ о немъ я не буду говорить ни о біографіи покойнаго, ни о началѣ и развитіи его сценической дѣятельности,—они, полагаю, достаточно знакомы всѣмъ тѣмъ болѣе, что мы еще такъ недавно имѣли случай читать объ этомъ во время пышнаго празднованія 50-лѣтняго юбилея покойнаго артиста, когда онъ, гордость наша, былъ награжденъ вниманіемъ съ высоты трона, когда онъ получилъ орденъ св. Владиміра.

Я позволю себѣ обратиться только къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ о покойномъ, къ тому времени, когда я, бывши еще воспитанникомъ спб. театральнаго училища, участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ во многихъ пьесахъ, исполняя роли мальчиковъ. Пьесы эти—«Ночное», «Разрывъ», «Актеръ Яковлевъ», «Ледяной домъ», «Провинціалка», «Гувернеръ» и др. [1]). Здѣсь долженъ я оговориться, что только къ этому времени, т. е. почти къ моему дѣтству, и могутъ отчетно отнестись всѣ мои воспоминанія о покойномъ, такъ какъ позднѣе я разстался съ нимъ и 12 лѣтъ игралъ въ провинціи. Ни до этого времени, т. е. до 1860-хъ годовъ, ни послѣ я не видалъ Самойлова на сценѣ.

Это была самая блестящая пора въ сценической дѣятельности Самойлова, и можно смѣло и безошибочно сказать, что бо̀льшая

[1]) Въ афишахъ я назывался „Воспитанникъ Козіенко“. П. С.

Digitized by Google

часть репертуара пьесъ, въ которыхъ игралъ Самойловъ (исключая, конечно, классическаго), только ему, его художественной игрѣ и были обязаны, благодаря чему больше 10 лѣтъ и держались на сценѣ. Стоитъ вспомнить комедіи Дьяченко, чтобы убѣдиться въ сказанномъ.

Къ этому-же времени, т. е. къ началу 1860-хъ годовъ, относятся и чудныя созданія его—Нарцисъ, Кромвель, Кинъ, Гамлетъ, Шутники, Дмитрій Самозванецъ, Разбойники, Кречинскій, Старый Баринъ и Ришелье, роли и типы, въ облики которыхъ воплощался артистъ, какъ могучій чародѣй, такъ сказать, какъ художникъ-оборотень, и внѣшне и внутренне преображаясь въ названные типы; я сказалъ: и внѣшне и внутренне, потому что, не говоря уже о голосѣ, выговорѣ, тонѣ въ каждой роли, Самойловъ, по искусству своему въ гриммировкѣ, былъ до такой степени поразителенъ, что въ новыхъ пьесахъ и роляхъ, которыхъ публика еще не знала, очень часто выходилъ неузнаваемымъ публикою и, уже только произнеся нѣсколько словъ, покрывался шумомъ привѣтственныхъ рукоплесканій посреди различныхъ возгласовъ удивленія зрителей.

И этотъ художественный обманъ, это сценическое очарованіе давались Самойлову съ легкостью, доходившею иногда до шалости. Когда В. В., играя драматическую роль, бывалъ въ веселомъ расположеніи духа, онъ дѣлалъ впечатлѣніе, объяснить которое, по меньшей мѣрѣ, очень трудно.

Я никогда не забуду своего тягостнаго состоянія, когда я, бывши мальчикомъ, стоя въ уголкѣ первой кулисы, весь обливаясь слезами, глядѣлъ на умиравшаго станціоннаго смотрителя... вотъ прошло 25 лѣтъ, а я и сейчасъ не могу равнодушно вспомнить этой сцены, когда Самойловъ, поднимаясь съ палатей, говоритъ предсмертныя слова, затихаетъ и, вытянувшись, дрогнувъ всѣмъ тѣломъ—умираетъ... Что-же онъ сдѣлалъ? Повернувши голову въ ту сторону, гдѣ я стоялъ въ кулисѣ, замѣтивши мою заплаканную, искаженную страхомъ, физіономію, онъ, ловко воспользовавшись моментомъ шума, движенія, аплодисментовъ и слезъ въ публикѣ, сдѣлалъ мнѣ пресмѣшную гримасу... и высунулъ языкъ. Въ это время зрители чуть не рыдали въ залѣ. Но случалось и такъ, что Самойловъ до такой степени входилъ въ роль, такъ увлекался и жилъ ею, что по опущеніи

Digitized by Google

занавѣса едва приходилъ въ себя и долго не могъ выходить на восторженные вызовы публики.

Самойловъ очень туго училъ свои роли и постоянно жаловался на свою плохую память. Кто зналъ его, тотъ не можетъ не помнить, что для В. В. въ самомъ простомъ разговорѣ часто было затрудненіемъ вспомнить чью нибудь фамилію, имя и отчество, не говоря уже о названіяхъ того множества пьесъ, что онъ переигралъ въ своей жизни, и о чемъ, естественно, ему, какъ артисту, чаще всего приходилось говорить въ жизни. Въ такихъ разсказахъ и разговорахъ онъ, бывало, безпрестанно останавливался, теръ себѣ лобъ, щелкалъ пальцами и съ досадой повторялъ: «ну, этотъ, какъ его?» и потомъ прибѣгалъ уже къ описанію внѣшнихъ признаковъ воспоминаемаго лица и ужъ за то здѣсь такъ характерно, художнически ставилъ его передъ вашими глазами, что разъ и вы знавали того, чье имя онъ не могъ вспомнить, то сію же минуту называли его... «Ну, вотъ! вотъ!» вскрикивалъ В. В.—и разсказъ шелъ дальше, до слѣдующаго препятствія въ этомъ-же родѣ, которое, однако, не заставляло себя ждать.

Въ пьесахъ онъ постоянно забывалъ имена дѣйствующихъ лицъ.

«Для меня эти Матрены Степановны, Петры Иванычи, говаривалъ онъ,—c'est la mer à boire! а ужъ Островскій...», тутъ онъ просто махалъ рукою, обвиняя покойнаго А. Н. въ выборѣ «мудреныхъ именъ» въ его комедіяхъ.

Не смотря на такой недостатокъ памяти, В. В. являлся, въ особенности въ роляхъ, которыя ему бывали по душѣ, являлся на первую-же репетицію, что называется, во всеоружіи. Дома у него уже былъ набросанъ красками (а часто и законченно нарисованъ) типъ изображаемаго имъ лица: онъ уже зналъ всесторонне съ кѣмъ имѣетъ дѣло, сразу же высказывалъ режиссеру, какъ, по его соображенію, должны вестись сцены, кто какъ одѣтъ, гдѣ что стоитъ и т. д. и т. д. до подробностей. При этомъ не лично однимъ собою былъ занятъ В. В., онъ одинаково заботился о каждомъ дѣйствующемъ лицѣ въ пьесѣ и не одинъ изъ современныхъ ему артистовъ обязанъ былъ ему, какъ художественному руководителю, не одинъ пользовался его мѣткими указаніями и совѣтами.

Digitized by Google

Пьеса, въ которой игралъ Самойловъ, рѣзко отличалась отъ пьесъ, поставленныхъ безъ его участія, не смотря на руководство прекраснаго режиссера того времени, Евг. Ив. Воронова. Репетиціи того времени навсегда останутся у меня въ памяти: это была до такой степени кипучая работа, такой отпечатокъ страстности лежалъ на всемъ, въ театрѣ, съ чѣмъ связаны у меня воспоминанія о Самойловѣ, что до сихъ поръ мнѣ истинно отрадно вспоминать малѣйшія подробности того времени.

Помню эту суетню въ антрактахъ между дѣйствіями пьесы на репетиціи, эти озабоченныя лица, горячіе споры въ уборныхъ, когда, кончивши актъ, уходили актеры курить; помню затѣмъ, какъ раздавался звонокъ, призывая актеровъ продолжать репетиціи, и—какъ все стихало, удалялась бѣготня рабочихъ, плотниковъ и бутафоровъ и наступала благоговѣйная тишина; только слышался легкій шопотъ суфлера, актеры говорили свои роли, Самойловъ читалъ свой монологъ, самъ къ себѣ прислушиваясь, такъ сказать, примѣряя его, какъ тогда говорилось, «къ вечеру», т. е. къ спектаклю, хотя бы онъ былъ черезъ недѣлю. Постановки каждой новой пьесы съ Самойловымъ публика ожидала какъ событія. Да и было чего ожидать! Вотъ онъ только что подарилъ публику замѣчательнымъ созданіемъ типа дворника въ комедіи «Легкая надбавка», а затѣмъ является Кромвелемъ, Ліромъ, Михѣичемъ (въ Ночномъ), Іоанномъ Грознымъ, Францомъ Мооромъ... Часто, какъ и у всѣхъ талантливыхъ и геніальныхъ артистовъ замѣчаемъ мы это, Самойловъ былъ неровенъ, мѣстами былъ слабѣе, мѣстами поражалъ глубиною, силою своего могучаго таланта, но всегда въ то-же время былъ вѣренъ типу, былъ художественъ во всякой роли, и вотъ въ числѣ такихъ неровныхъ, но поразительныхъ исполненій ролей привелось мнѣ видѣть его, въ 1867 году, въ роли Фр. Моора въ «Разбойникахъ». До этого знаменательнаго для меня спектакля старики спрашивали меня, бывало, видѣлъ ли я Щепкина, Каратыгина, Ольдриджа, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, говорили: «значитъ, вы ничего не видѣли», и я соглашался съ ними Но послѣ названнаго спектакля на такіе же вопросы я отвѣчалъ имъ совершенно сознательно: «да, ихъ я не видалъ, но я видѣлъ Самойлова въ роли Ф. Моора». И я былъ правъ, говоря такимъ образомъ, и это подтвердилъ бы всякій, бывшій

Digitized by Google

въ этомъ замѣчательномъ спектаклѣ! Какъ я уже сказалъ, было это въ 1867 году, въ февралѣ или мартѣ мѣсяцѣ, и именно въ пятницу. Я особенно запомнилъ этотъ день, потому что на другой день, т. е. въ субботу, нѣмецкая труппа давала «Die Roebern», и бывшій въ то время режиссеромъ нѣм. труппы Толлертъ ознаменовалъ исполненіе роли Фр. Самойловымъ оригинальною покойному похвалою, которую я приведу ниже. Помню, что, въ общемъ, спектакль былъ далеко неудовлетворителенъ и самъ Самойловъ былъ, что называется, не въ ударѣ. Насталъ послѣдній актъ. Казалось, Василій Васильевичъ предчувствовалъ необъятный приливъ творчества къ этому времени и потому-то и былъ вялъ въ предъидущихъ сценахъ: онъ точно берегъ свои силы, точно боялся не выдержать до конца наплыва своего вдохновенія.

Вотъ, наконецъ, настаетъ I-я картина 5-го дѣйствія. Даніель сказалъ свой небольшой монологъ... за сценой слышится отчаянный крикъ Франца, и вотъ онъ, полураздѣтый, съ постели, съ шандаломъ въ рукѣ, выбѣгаетъ на сцену.

«Измѣна! измѣна! Духи встаютъ изъ гробовъ! Царство мертвыхъ взываетъ ко мнѣ: убійца! убійца! Кто это тамъ шевелится?»

Уже эта одна тирада была произнесена такъ, что театръ замеръ въ ожиданіи чего-то грандіознаго. И ожиданія зрителей не обманулись, они росли по мѣрѣ того, какъ артистъ все болѣе и болѣе овладѣвалъ напряженнымъ вниманіемъ всего зрительнаго зала, который смолкъ и замеръ, наконецъ, до такой степени, что всѣ казались прикованными, неподвижно сидящими на своихъ мѣстахъ, безжизненными фигурами. Францъ, съ искаженнымъ ужасомъ лицомъ, разсказывалъ свой сонъ Даніелю,—страшный судъ и видѣніе того старца, «руки у котораго по локоть были обглоданы отъ голода», и затѣмъ, какъ онъ слышалъ гремящій голосъ среди шума и дыма: Милосердіе, милосердіе каждому грѣшнику земли и преисподней—ты одинъ отринутъ.—«Ну, что-жъ ты не смѣешься?» проговорилъ онъ какъ-то неестественно судорожно, обращаясь къ Даніелю? И здѣсь я въ первый и до сихъ поръ въ послѣдній разъ былъ свидѣтелемъ того, что можетъ сдѣлать актеръ со зрителями. Когда онъ произнесъ свои послѣднія слова,—все затихло, замерло, точно въ цѣломъ театрѣ никого кромѣ него, да актера, игравшаго Даніеля, и не было.

Digitized by Google

Никто не шелохнулся, никто не двинулся съ мѣста, точно боясь нарушить что-то торжественное, чарующее, уносящее далеко отъ дѣйствительности, отъ сознанія, что всѣ сидятъ въ театрѣ, а передъ ними играетъ актеръ Самойловъ... и вотъ, когда, наконецъ, это сознаніе наступило таки, всѣ очнулись отъ того, куда и сердцемъ и умомъ увлекъ всѣхъ Самойловъ, театръ дрогнулъ, застоналъ, какъ что-то цѣлое, какъ одинъ человѣкъ, и долго, долго не умолкали восторженные крики и рукоплесканія.... Въ ложахъ и партерѣ всѣ стояли... Это было какое-то неистовство, какой-то хаосъ...

Я не помню какъ кончился спектакль. Помню только, что въ антрактѣ, послѣ этой сцены, Толлертъ явился къ Самойлову въ уборную и сказалъ ему по-нѣмецки: «Я не умѣю вамъ выразить своего восторга и удивленія вашей необыкновенной игрѣ въ этой сценѣ. Завтра, въ субботу, мы тоже играемъ «Разбойниковъ», не приходите смотрѣть насъ, если не хотите, чтобы актеры отказались играть».

Не смотря на всю необъятность своего таланта, Самойловъ, сравнительно съ могучими своими предшественниками, не былъ такъ популяренъ, какъ они, да и теперь не совсѣмъ безпрепятственно записывается рядомъ съ ихъ именами. Это объясняется тѣмъ, по моему, что это былъ артистъ, прежде всего, изящно-эстетическаго направленія, чуждый тому слѣпому и безграничному поклоненію реальности въ искусствѣ, которое такъ многихъ заставляло заблуждаться и доходило до абсурда въ своемъ народничаньи и игрѣ «нутромъ». Какъ человѣкъ отъ природы такъ богато одаренный талантами (онъ былъ и пѣвецъ, и художникъ-живописецъ), онъ гордо по своему берегъ все то, чѣмъ обладалъ въ такомъ совершенствѣ, и никогда ни въ чемъ и ничѣмъ не поступался въ искусствѣ въ угоду чему-бы то ни было, а шелъ своимъ, разъ на всегда намѣченнымъ, путемъ и не сворачивалъ съ него. Артистъ этотъ, если можно такъ выразиться, былъ аристократиченъ въ искусствѣ. Онъ былъ гордъ сознаніемъ своихъ достоинствъ, онъ не старался вразумлять тѣхъ, кто не понималъ его; онъ довольствовался и тѣми, кто сразу, глубоко, всецѣло оцѣняли его, и такихъ было не мало. Какъ чутко оберегалъ Самойловъ все то, что присуще искусству, какъ онъ понималъ его, и какъ безпощадно

Digitized by Google

гналъ и уничтожалъ все унижающее высокое назначеніе искусства—знаютъ и помнятъ тѣ, кому приходилось сталкиваться съ нимъ на этомъ поприщѣ.

Существовало мнѣніе, что у Самойлова недостаточна искренность чувства, и я намѣренно затѣмъ-то и упомянулъ о его исполненіи смерти станціоннаго смотрителя; но если-бы обвиненіе это и имѣло цѣну, то для кого оно важно и чѣмъ оно умаляло обаяніе, которымъ онъ покрывалъ зрителей?

Нѣтъ, это былъ артистъ отъ головы до ногъ, это былъ жрецъ, достойный своего алтаря, достойный горячаго нашего сожалѣнія объ его утратѣ! Въ 1853 году, въ день празднованія 50-лѣтняго юбилея М. С. Щепкина, жившіе въ Спб. литераторы послали ему въ Москву свое привѣтствіе, гдѣ, между прочимъ, говорилось: «Въ эти полвѣка тысячи тысячъ зрителей, постепенно смѣняясь, покидали театръ съ сердцемъ, умягченнымъ благодатью безкорыстныхъ, прекрасныхъ слезъ, добраго, свѣтлаго смѣха,—и какъ сосчитать, сколько благородныхъ движеній пробуждено артистомъ, сколько готовыхъ навсегда погаснуть чувствъ вызвано изъ усыпленія и оживотворено имъ» [1])? Отголосокъ этихъ словъ, подписанныхъ именами 27 представителей нашей литературы, отношу я безбоязненно, хоть и не столь цѣлостно, къ дѣятельности покойнаго Самойлова.

И онъ служилъ театру въ этомъ смыслѣ, и онъ стяжалъ право на безсмертіе имени своего въ дорогихъ для насъ скрижаляхъ русскаго театра.

За драгоцѣнными именами Щепкина, Мочалова, Асенковой, Мартынова мы скорбно, но почстно поставимъ имя—Самойлова.

П. Свободинъ.

---

[1]) Письмо это подписано слѣдующими именами: А. Никитенко, А. Писемскій, А. Краевскій, М. Михайловъ, Л. Мей, Ѳ. Тютчевъ, В. Бенедиктовъ, Е. Ковалевскій, И. Гончаровъ, И. Тургеневъ, А. Дружининъ, гр. А. Толстой, И. Панаевъ, Е. Коршъ, Я. Полонскій, А. Жемчужниковъ, А. Потѣхинъ, С. Дудышкинъ, гр. Левъ Толстой, С. Максимовъ, кн. П. Вяземскій, П. Плетневъ, А. Майковъ, И. Сухонинъ, Г. Данилевскій, Н. Некрасовъ и графъ В. Соллогубъ. П. С.

Digitized by Google

По поводу статьи: „Второе сраженіе подъ Плевно 18 іюля 1877 г.".

Въ январьской книгѣ «Русской Старины» 1887 года напечатана статья ген.-отъ-инф. барона Криденера, по поводу моихъ сообщеній, въ 1886 году, въ штабѣ войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа и въ инженерномъ училищѣ. Выступая въ печать съ этой статьей, бывшій командиръ 9-го корпуса тѣмъ самымъ предоставляетъ право и мнѣ дать нѣкоторыя объясненія по этому поводу на страницахъ того-же уважаемаго журнала.

При всемъ моемъ глубокомъ почтеніи къ боевымъ заслугамъ моего оппонента, долгомъ считаю, прежде всего, выяснить слѣдующее: во-первыхъ, мои сообщенія въ штабѣ округа не могли имѣть того общедоступнаго характера, какой желаетъ придать имъ авторъ статьи, такъ какъ были читаны для ограниченнаго кружка лицъ, сообщеніе же въ стѣнахъ инженернаго училища далеко не изобиловало тѣми подробностями, какія имѣли первыя. Во-вторыхъ, всѣ соображенія моего высокочтимаго оппонента основаны на личныхъ разсказахъ и рецензіяхъ газетъ, за дословную точность которыхъ я отвѣтственности на себя принять не могу. Мои же сообщенія еще не напечатаны и не готовы въ рукописи, и прежде я предполагалъ, закончивъ ихъ, предложить автору статьи для прочтенія и замѣчаній. Теперь же починъ появленія въ печати нѣкоторыхъ частей моего сообщенія идетъ не отъ меня.

Не имѣвъ чести участвовать въ кампаніи 1877—1878 гг., я старался на своихъ сообщеніяхъ совершенно объективно, на основаніи подлинныхъ документовъ, воспроизводить разсказываемыя мною событія, не имѣя при этомъ никакихъ помысловъ противъ героевъ прошлой войны, крайне почетное мѣсто въ ряду которыхъ занимаетъ авторъ статьи. Не виноватъ я, если по имѣющимся у меня документамъ на бѣломъ фонѣ выступаютъ и темныя пятна. Никакихъ упрековъ

Digitized by Google

я никому не дѣлалъ. Излагая факты, какъ они происходили, я предоставлялъ каждому слушателю самому дѣлать выводы. Въ концѣ сообщенія я привелъ мнѣнія ген. Куропаткина, по поводу изложенныхъ событій, изъ его извѣстнаго историческаго труда: «Плевно, Ловча и Шейново», а также отвѣтъ на нихъ ген. Криденера, помѣщенный въ «Военн. Сборникѣ» 1881 г., № 3. Единственное мѣсто подвергъ я личному разбору, о чемъ и буду говорить ниже,—это то, что относится къ подготовкѣ русскими поля сраженія въ инженерномъ отношеніи.

Конечно, въ настоящее время мнѣ придется измѣнить методъ, котораго я держался прежде, и придать моей замѣткѣ характеръ, подобный статьѣ, ее вызвавшей, т. е. поневолѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ коснуться критической оцѣнки событій.

I.

На стр. 182 авторъ статьи, бывшій командиръ 9-го корпуса, выясняетъ стратегическое значеніе крѣпости Никополя и указываетъ на необходимость овладѣнія этою крѣпостью, прежде чѣмъ идти на Плевно. Въ своемъ сообщеніи я не отрицалъ важнаго значенія этого пункта. Мною лишь выяснено было то обстоятельство, что, по общимъ стратегическимъ соображеніямъ, главная квартира арміи считала необходимымъ выбрать операціонное направленіе къ Никополю не прямо отъ Систово, а чрезъ Плевно. Письменныя директивы частямъ дѣйствующей арміи гласили по этому поводу слѣдующее: «на 25 іюня 9 корпусу переправиться [1]) и расположиться у Систова по пути на Плевно» [2]). Затѣмъ на второй день по переправѣ 9-му корпусу предписывался переходъ по пути на Плевно и Никополь, и уже на третій день весь корпусъ съ кавказской бригадой долженъ былъ направиться по распоряженію своего командира [3]). Такое же указаніе далъ лично Августѣйшій Главнокомандующій командиру 9-го корпуса по переходѣ Дуная: «сначала занять Плевно, а потомъ уже двигаться для овладѣнія Никополемъ» [4]),—бывшій же командиръ 9-го корпуса, проникнувшись убѣжденіемъ, что для успѣха кампаніи прежде всего

---

[1]) Черезъ Дунай.

[2]) Приказаніе по войскамъ дѣйств. арміи на 25 іюня 1877 г.

[3]) Маршруты частей дѣйств. арміи за іюнь 1877 г.

[4]) Подлинныя слова бывшаго Августѣйшаго Главнокомандующаго.

П. В.

Digitized by Google

нужно было овладѣть Никополемъ, какъ это сказано на стр. 182, упустилъ изъ виду выполнить указанія Главнокомандующаго.

На той же стр. говорится: «полковникъ Вороновъ ставитъ мнѣ въ упрекъ позднее выступленіе изъ Никополя», которое, «въ виду требованій главной квартиры о скорѣйшемъ занятіи Плевно, не только было возможно, но даже необходимо». Для возстановленія исторической истины авторъ статьи утверждаетъ, что раннее выступленіе войскъ 9-го корпуса изъ-подъ Никополя въ Плевно было невозможно по слѣдующимъ причинамъ: необходимо было успокоить раненыхъ, устроить войска, пострадавшія отъ упорнаго боя, организовать санитарную часть, похоронить убитыхъ, пополнить снаряды и патроны, привести въ порядокъ крѣпость, накормить 7 тысячъ плѣнныхъ и 700 женщинъ и дѣтей, подумать объ отправленіи ихъ подъ конвоемъ, устроить ихъ путевое довольствіе и организовать пріемъ турецкаго имущества. Наконецъ, румынскія войска не могли перейти Дунай и смѣнить въ Никополѣ войска 9-го корпуса, какъ того требовала главная квартира.

Всѣ вышеизложенныя соображенія уважаемаго оппонента чрезвычайно важны, и всѣ ихъ я и перечислилъ въ моемъ сообщеніи, какъ данныя, имѣвшія вліяніе на позднее выступленіе войскъ 9-го корпуса изъ-подъ Никополя въ Плевно, при чемъ изъ числа ихъ призналъ главными три: 1) неприбытіе румынъ, 2) недостатокъ снарядовъ (значительный некомплектъ снарядовъ съ ударной трубкой, израсходованныхъ изъ батарей и изъ парковъ корпуса, такъ какъ повозки, отправленныя за этими снарядами въ мѣстные парки, еще не прибыли [1])), и 3) 7 тысячъ плѣнныхъ. По имѣющимся документамъ выходитъ, что эти три главныя причины не были устранены и къ ночи съ 8-го на 9-е іюля, когда почти [2]) всѣ войска никопольскаго гарнизона выступили, наконецъ, въ Плевно, ибо 1) румыны еще не заняли Никополя, въ который они прибыли лишь 17-го іюля [3]); 2) снаряды съ ударными трубками въ это время выступали изъ Бонеасъ и Александріи, т. е. находились въ разстояніи 110 — 80 верстъ отъ Никополя [4]), и 3)

---

[1]) Изъ числа этихъ причинъ 5 іюля 1877 г. командиръ 9 корпуса считалъ главнѣйшей причиной, препятствовавшей идти на Плевно, недостатокъ снарядовъ, какъ это значится въ его нижеприводимой телеграммѣ начальнику штаба дѣйств. арміи отъ 5 іюня за № $^{207}/_{435}$, гдѣ сказано: „необходимо пополнить снаряды, прежде нежели идти на Плевно“.

[2]) За исключеніемъ 20 ротъ Пензенскаго и Тамбовскаго полковъ, 2 батарей и $3^1/_2$ сотенъ казачьяго № 34 полка.

[3]) Телеграмма капит. 1-го ранга Новосильскаго ген. Непокойчицкому отъ 17 іюля за № 1,132.

[4]) Телеграммы полк. Варпаховскаго и Каннабиха начальнику арт. дѣйств. арміи отъ 6—8 іюля, изъ Бухареста. П. В.

Digitized by Google

6 тысячъ плѣнныхъ и 700 женщинъ и дѣтей все еще оставались въ Никополѣ [1]).

Слѣдовательно, выступленіе въ Плевно замедлено было не этими тремя главными причинами, а остальными вышеуказанными, которыя, смѣю думать, не настолько были важны, чтобы хотя часть войскъ 9-го корпуса не могла выступить въ Плевно 5-го іюля по приказанію Главнокомандующаго.

Ходъ дальнѣйшихъ событій, изложенный бывшимъ командиромъ 9-го корпуса на стр. 183 и 184, во многомъ разнится съ сохранившимися документами, по которымъ событія по сдачѣ Никополя представляются въ слѣдующемъ видѣ:

4-го іюля, въ 4 ч. 20 м. утра, палъ Никополь и командиромъ 9-го корпуса отправлена депеша Главнокомандующему о сдачѣ крѣпости. Въ отвѣтъ на нее Великій Князь Главнокомандующій посылаетъ телеграмму № 98 изъ Тырново, черезъ Турно-Магурели, въ Никополь, командиру 9-го корпуса, 4-го іюля, въ 2 ч. 35 м. дня: «Ура кричитъ со мной вамъ весь отрядъ мой; молодецъ, отъ всей души благодарю васъ и молодецкія войска ваши. Прикажите румынскимъ войскамъ занять немедленно Никополь, поручите ген. Столыпину, который въ Турно, описать все имущество съ нужнымъ числомъ офицеровъ, а сами съ войсками направьтесь въ Плевно и тамъ ждите приказаній. Плѣнныхъ отправьте въ Бухарестъ, въ распоряженіе ген. Каталея. Оружіе сложите въ Никополѣ, чтобы вооружить болгаръ». Телеграмма эта получена въ ночь съ 4 на 5, въ Турно-Магурели, въ 12 ч. 35 м., и съ разсвѣтомъ около 4 часовъ 5 іюля доставлена въ Никополь въ штабъ корпуса [2]).

Въ нашей главной квартирѣ знали о выступленіи турецкихъ войскъ изъ Виддина, но о томъ, куда именно направляются эти силы, точно извѣстно не было; главное, чего тамъ (въ главной квартирѣ) желали, это предупредить турокъ въ Плевно, гдѣ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, былъ незначительный отрядъ. Вышеизложенное обстоятельство крайне безпокоило Главнокомандующаго и было причиной посылки командиру 9-го корпуса второй телеграммы № 125 [3]): «Дайте скорѣе знать, скоро ли пойдете въ Плевно», и далѣе: «необходимо прикрыться скорѣй въ Плевно отъ возможнаго наступленія

[1]) Лишь передъ самымъ выступленіемъ въ Плевно, 1,000 плѣнныхъ, подъ конвоемъ 9-й и 10-й рот. 122 пѣх. Тамбовск. полка, выступили въ Систово. (Дневникъ полка, стр. 41).

[2]) Дѣло штаба 9 корпуса № 4, стр. 80.

[3]) Тамъ-же, стр. 14.

П. В.

Digitized by Google

войскъ [1]) изъ Виддина. Много ли убито и ранено офицеровъ и нижнихъ чиновъ?» [2]).—Эта телеграмма, № 129, была получена въ Турно-Магурели въ 10 ч. вечера 5-го, и черезъ три часа была доставлена въ штабъ корпуса [3]). Въ отвѣтъ на первую № 98 депешу Великаго Князя, командиръ 9-го корпуса послалъ начальнику штаба дѣйств. арміи слѣдующую телеграмму № $^{207}/_{435}$, отъ 5-го іюля, 2 ч. 30 м. дня: «Для девяти-фунтовыхъ батарей нѣтъ ни въ ящикахъ, ни въ паркахъ снарядовъ съ ударной трубкой; часть пустыхъ фуръ и ящиковъ, отправленная еще 20-го іюня въ Бонеасъ изъ Александріи, еще не возвратилась. Необходимо пополнить снаряды прежде, нежели идти на Плевно, гдѣ, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ полковникомъ Тутолминымъ, находились 4 баталіона низама съ орудіями, 2 эскадронами и черкесами, которые укрѣплялись. Замѣтно движеніе туда войскъ изъ Софіи. Никополь ожидалъ оттуда и изъ Виддина подкрѣпленій». Далѣе говорится о расположеніи 9-го корпуса.

Телеграмма эта получена въ Тырново 6-го іюля, въ 1 ч. 50 м. пополуночи.

Между тѣмъ, Главнокомандующій, безпокоясь о томъ, что 9-й корпусъ не идетъ на Плевно, и не получая изъ Никополя по этому поводу никакихъ извѣстій, приказалъ своему начальнику штаба отправить командиру 9-го корпуса, 5-го іюля въ 2 ч. 40 м. дня [4]), третью телеграмму за № 124 [5]): «Если не можете выступить тотчасъ въ Плевно со всѣми войсками, то пошлите туда немедленно казачью бригаду Тутолмина и часть пѣхоты. Ген.-адъют. Непокойчицкій».

Телеграмма эта была получена въ Турно-Магурели 6-го іюля, въ 6 ч. 10 м. утра, и въ 8 ч. утра доставлена въ штабъ 9-го корпуса.

Только по этой третьей телеграммѣ послѣдовало выступленіе частей корпуса въ Плевно, выразившееся въ слѣдующемъ предписаніи ген. Шильдеръ-Шульднеру, отъ 6-го іюля за № 1721 [6]), которое начинается такъ: «Вслѣдствіе полученнаго отъ начальника штаба

---

[1]) Турецкихъ.

[2]) Въ никопольскомъ сраженіи.

[3]) При сношеніи телеграммами за 4-е, 5-е и 6-е іюля передача ихъ черезъ зимницкую станцію производилась крайне медленно, по случаю грозы и скопленія депешъ на этой станціи, происшедшаго въ ночь на 4 іюля; во время тревоги станція временно снялась и этимъ задержала впослѣдствіи массу депешъ.

[4]) Т. е. почти одновременно съ вышеприведенной телеграммой командира 9 корпуса.

[5]) Дѣло штаба 9 корпуса № 4, стр. 15.

[6]) Тамъ-же, стр. 3. П. В.

Digitized by Google

дѣйствующей арміи предписанія по телеграфу, часть пѣхоты ввѣреннаго мнѣ корпуса должна быть двинута немедленно къ Плевно, поэтому предлагаю вашему превосходительству» и т. д. Затѣмъ непосредственное выполненіе третьей телеграммы главной квартиры о немедленномъ движеніи на Плевно состоялось лишь вечеромъ 6-го іюля, такъ какъ Архангелогородскій полкъ выступилъ въ $7^1/_2$ час., а Вологодскій въ 6 час. вечера [1]).

Слѣдовательно, повелѣніе Главнокомандующаго было приведено въ исполненіе не безотлагательно, какъ говоритъ на стр. 184 авторъ статьи, а лишь по третьей № 124 телеграммѣ начальника штаба дѣйств. арміи. Отъ полученія перваго приказанія о выступленіи около 4 час. утра 5-го до исполненія по третьей телеграммѣ въ 6 часовъ вечера 6-го прошло болѣе полутора сутокъ (38 час.) [2]).

На страницѣ 183 сказано, что въ 9 корпусѣ не имѣлось никакихъ данныхъ о близко грозящей для Плевно опасности. Между тѣмъ, въ вышеприведенной телеграммѣ № 129, посланной Главнокомандующимъ командиру 9-го корпуса, сказано: «Необходимо прикрыться скорѣй въ Плевно отъ возможнаго наступленія войскъ [3]) изъ Виддина». Телеграмма эта, какъ выше сказано, получена была въ штабѣ 9 корпуса въ ночь на 6-е іюля. Слѣдовательно, указаніе объ опасности, грозящей Плевно, было дано совершенно опредѣленно. Кромѣ того, бывшій командиръ 9-го корпуса, въ своей телеграммѣ отъ 5 іюля за № $^{207}/_{435}$ начальнику штаба дѣйств. арміи, говоритъ: «Никополь ожидалъ изъ Виддина подкрѣпленій». Очевидно, что, послѣ занятія Никополя русскими, подкрѣпленія изъ Виддина могли прибыть и въ Плевно, занятое тогда слабымъ турецкимъ отрядомъ. При этомъ считаю долгомъ привести еще документъ, къ сожалѣнію, на стр. 183 отрицаемый авторомъ статьи, а именно: въ описаніи дѣйствій осадной артиллеріи изъ Турно-Магурели, противъ Никополя,

---

[1]) Дневникъ Архангелогородскаго полка и описаніе дѣйствій Вологодскаго полка.

[2]) Затѣмъ уже 7 іюля, въ 8 час. 30 мин. вечера, по выступленіи войскъ ген. Шильдеръ-Шульднера въ Плевно, командиръ 9 корпуса послалъ Главнокомандующему телеграмму за № 592 о томъ, что „румыны не могутъ ни дать гарнизона въ Никополь, ни конвоировать плѣнныхъ, и поэтому командиръ 9 корпуса предполагалъ бы оставить здѣсь первую бригаду 31 пѣх. дивизіи при двухъ батареяхъ и 4 сотняхъ, а съ остальными войсками, по перевозкѣ раненыхъ въ Турно, выступить завтра или послѣ завтра вслѣдъ за генер. Шильдеръ-Шульднеромъ на Плевно". Телеграмма эта получена въ главной квартирѣ въ Тырновѣ 9 го іюля.

[3]) Турецкихъ. П. В.

Digitized by Google

на стр. 10, читаемъ: «5-го іюля полковникъ Анчутинъ получилъ донесеніе штабсъ-капитана Столѣтова съ батареи у Карабіи, что тамъ было замѣчено движеніе турецкой арміи, которая, не доходя Рахова, повернула на югъ». Донесеніе это, 6-го іюля, было передано полковникомъ Анчутинымъ ген.-лейтенанту барону Криденеру [1]).

О томъ, что 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи была выдвинута на слѣдующій день по сдачѣ Никополя, т. е. 5-го іюля, «эшелономъ къ сторонѣ Плевно, а за ней и Галицкій полкъ», какъ это напечатано на стр. 183, въ приказаніи по войскамъ 9-го корпуса за № 26 ничего не сказано, а предписано на 5-е іюля перейти Архангелогородскому полку съ двумя батареями въ Градешти, а Вологодскому въ Шамли [2]),. т. е. къ западу къ Рахову и Виддину, а не на югъ, эшелономъ къ Плевно, какъ говоритъ авторъ статьи. Изъ этихъ селеній оба полка выступили въ Плевно къ вечеру 6-го іюля [3]).

На стр. 184 сказано, что въ отвѣтъ на первую телеграмму Главнокомандующаго «9-му корпусу идти въ Плевно, предоставивъ Никополь румынамъ», послѣдовало донесеніе командира 9-го корпуса, что румыны сначала не хотѣли переходить черезъ Дунай, считая себя не подчиненными русскому Главнокомандующему, и, кромѣ того, не могли этого сдѣлать по неимѣнію перевозочныхъ средствъ. Въ отвѣтъ на это донесеніе командира 9-го корпуса, послѣдовала телеграмма изъ главной квартиры: «послать два полка для занятія Плевно» [4]).

Вышеизложенное по документамъ представляется такъ:

Въ отвѣтъ на первую телеграмму Главнокомандующаго, какъ уже было сказано выше, командиръ 9-го корпуса послалъ депешу № $^{207}/_{435}$, что «прежде, нежели идти на Плевно, необходимо пополнить снаряды», а телеграмма командира 9-го корпуса № 592 о томъ, что румыны не могли дать гарнизона въ Никополь и конвоировать плѣнныхъ, послана 7-го іюля въ 8 час. 30 м. вечера, т. е. по выступленіи отряда ген. Шильдеръ-Шульднера въ Плевно. Что же касается до телеграммы о невозможности румынамъ переправиться въ Никополь, по недостатку перевозочныхъ средствъ, то таковая послана не 5-го іюля, какъ

---

[1]) Описаніе дѣйствій осадной артиллеріи у Турно-Магурели, стр. 10.

[2]) Журналъ военныхъ дѣйствій 9 корпуса. Приложеніе, литера А, стр. 20, приказаніе № 26.

[3]) Описаніе дѣйствій этихъ частей за 6 іюля и предписаніе начальника 5-й пѣх. див. 6 іюля 1877 г. № 1,721.

[4]) Телеграмма эта, за № 163, была уже четвертымъ приказаніемъ командиру 9 корпуса, и получена въ Никополѣ лишь 7-го, уже по выступленіи оттуда войскъ. П. В.

Digitized by Google

заявляетъ авторъ статьи, а 12 го [1]), т. е. тогда, когда почти всѣ войска Никопольскаго гарнизона уже были передъ Плевно у Брестяницы.

Слѣдовательно, изложенное на стр. 184 совершенно расходится съ подлинными телеграммами главной квартиры и самого командира 9-го корпуса.

На стр. 184 авторъ статьи говоритъ, что русскимъ невозможно было занять Плевно ранѣе турокъ. Турецкій же историкъ повѣствуетъ, что Османъ-паша, двигаясь изъ Виддина на Плевно, лишь вечеромъ 5-го іюля выступилъ изъ Алтемира [2]). Алтемиръ отстоитъ отъ Плевно на 70 верстъ, а Никополь на 40. Предоставляю судить каждому, кто изъ нихъ могъ бы ранѣе занять Плевно, двинувшись къ этому городу 5-го іюля. Отсюда ясно, что если бы отрядъ ген. Шильдеръ-Шульднера выступилъ 5-го по первой телеграммѣ Главнокомандующаго, то несомнѣнно онъ подошелъ бы къ Плевно ранѣе Османа-паши, 6-го іюля, съ 12 баталіонами, 18 эскадронами и 40 орудіями, выбилъ бы оттуда слабый турецкій отрядъ и, расположившись на высокомъ правомъ берегу Вида, отразилъ бы утомленныя форсированнымъ маршемъ войска Османа, до прибытія прочихъ русскихъ войскъ изъ Никополя.

II.

На стр. 185 авторъ статьи говоритъ. «Болѣе всего ставятъ мнѣ въ упрекъ, что я болѣе далъ вѣры собраннымъ мною на мѣстѣ свѣдѣніямъ о силѣ непріятельскихъ войскъ, нежели полученнымъ о нихъ въ главной квартирѣ полковникомъ Артамоновымъ и мнѣ сообщеннымъ. Подобнаго сообщенія я, однако, не получилъ».

Никакого упрека въ своихъ сообщеніяхъ автору статьи я не дѣлалъ, а выяснилъ лишь то обстоятельство, что свѣдѣнія, добытыя въ главной квартирѣ о числѣ турокъ въ Плевно, очень близко подходятъ

---

[1]) Телеграмма командира 9 корпуса начальнику штаба дѣйств. арміи изъ Турно-Магурели въ Тырново № 859 подана 12 іюля 9 ч. 45 м. пополуночи, получена 7 час. 20 м. пополудни. Въ этой телеграммѣ вначалѣ указано о переговорахъ по занятію румынами Никополя, заканчивается же она такъ: „необходимо доставить средства для переправы этихъ (румынскихъ) войскъ черезъ Дунай и постояннаго подвоза имъ продовольствія, обоза они не имѣютъ".

[2]) Таль-Атъ, стр. 11. Военная исторія Плевно. „Военный Сборникъ" 1885 г., № 1. П. В.

Digitized by Google

къ турецкимъ источникамъ [1]), и что послѣднія значительно расходятся съ данными, полученными въ 9 корпусѣ.

Относительно же неполученія бывшимъ командиромъ 9-го корпуса отъ главной квартиры свѣдѣній о числѣ турокъ подъ Плевно, отвѣчу выпиской изъ отзыва полеваго штаба командиру 9-го корпуса, отъ 13 іюля за № 820 [2]), гдѣ, между прочимъ, сказано: «Въ отношеніи силъ противника донесенія различны. По донесенію Тутолмина, у Плевно собрано до 60 тысячъ человѣкъ, при 65 орудіяхъ; ваше превосходительство считаете силу противника до 50 тысячъ. И то, и другое едва ли не увеличиваетъ дѣйствительность вдвое. Трудно допустить, чтобы турки могли собрать 60 таборовъ. Надо полагать, что maximum у нихъ 40—45 таборовъ, а это не можетъ составить и 25 тысячъ пѣхоты» [3]).

Дальнѣйшія разсужденія автора на стр. 185 и 186 о личной рекогносцировкѣ командира 9-го корпуса, а также и о томъ, что я не принялъ въ разсчетъ одного важнаго фактора на войнѣ—времени, я на свой счетъ принять не могу, такъ какъ въ сообщеніи моемъ о повѣркѣ личной рекогносцировкой я ничего не говорилъ, въ виду отсутствія данныхъ по этому поводу въ документахъ.

На стр. 186 авторъ статьи говоритъ, что войска (кн. Шаховскаго), лѣвой колонны не имѣли права двигаться впередъ до тѣхъ поръ, пока правый флангъ (у Гривицы) стоялъ на мѣстѣ.

Дѣйствительно, на сообщеніи я сказалъ, что войска кн. Шаховскаго, по смыслу диспозиціи, имѣли право начать наступленіе. Эта часть диспозиціи [4]) выражена такъ: «Отряду кн. Шаховскаго выступить изъ Порадима въ 5 ч. утра и, направившись между дд. Сгалуицъ и Пелишатъ, атаковать непріятельскія войска къ сѣверу отъ Радишева. По овладѣніи этой позиціей, отряду продолжать подвигаться на Плевно, стараясь занять артиллеріей такія позиціи на высотахъ лѣваго, южнаго, берега Гривичскаго ручья, съ которыхъ они могли бы поражать во флангъ и тылъ непріятеля, расположеннаго

---

[1]) Таль-Атъ. Описаніе военныхъ дѣйствій подъ Плевно, стр. 95, „Воен. Сборн.“ 1885 г., № 2.

[2]) Дѣло штаба 9 армейскаго корпуса № 4, стр. 82.

[3]) Конечно, въ штабѣ 9 корпуса было въ то время не безъизвѣстно, что свѣдѣнія о числѣ и расположеніи турокъ собирались въ главной квартирѣ штабъ-офицеромъ надъ вожатыми, полковникомъ Артамоновымъ.

Примѣчаніе. Конвертъ съ этимъ отзывомъ былъ врученъ адъютанту Главнокомандующаго утромъ 13 іюля, въ Тырновѣ, для доставки въ штабъ 9 корпуса, что и было выполнено 14 іюля.

[4]) Диспозиція на 18 іюля 1877 г. То-же дѣло № 4, стр. 32. П. В.

Digitized by Google

у Гривича и къ сѣверу отъ Плевно. Дальнѣйшія же дѣйствія сообразовать съ ходомъ боя у Гривича, сохраняя съ нимъ самую тѣсную связь».

По прочтеніи этихъ строкъ становится яснымъ, что войска князя Шаховскаго, прибывъ утромъ 18-го іюля на радишевскія высоты и выстроившись на нихъ въ боевой порядокъ, имѣли право двигаться впередъ.

III.

На стр. 187 и 188 авторъ статьи пишетъ, что когда онъ 18-го іюля 1877 г. подъѣхалъ къ артиллеріи, то всѣ 5 девятифунтовыхъ батарей и часть четырехъ-фунтовыхъ были выставлены на позиціи; эти послѣднія батареи, по случаю недолета снарядовъ, приказано было убрать. Другой болѣе удобной позиціи въ этомъ раіонѣ не представлялось; когда же пѣхота была двинута впередъ, то тяжелыя и легкія батареи двинулись съ нею вмѣстѣ, стали на ружейный выстрѣлъ около редута, въ близкомъ отъ него разстояніи, и превосходно стрѣляли, при чемъ командиру 9-го корпуса было ясно видно, какъ шрапнельныя гранаты разрывались надъ редутомъ.

Дѣйствительно, въ моемъ сообщеніи относительно употребленія въ дѣло артиллеріи гривицкаго отряда, я, на основаніи рапортовъ о боѣ командировъ батарей 5-й, 30-й и 31 артиллерійскихъ бригадъ и описанія дѣйствій этихъ бригадъ, долженъ былъ сгруппировать факты совершенно иначе, чѣмъ изложено выше.

А именно, по документамъ этимъ пользованіе артиллеріей гривицкаго отряда представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Когда командиръ 9-го корпуса, въ 9½ час. утра 18-го іюля, подъѣхалъ къ боевымъ линіямъ, то на позиціи были не всѣ девятифунтовыя батареи, какъ то сказано на стр. 187, а лишь три (1-я, 2-я и 3-я батареи 31-й арт. бригады) и часть четырехъ-фунтовыхъ. Первый выстрѣлъ съ этихъ батарей произведенъ въ 9 час. 5 минутъ утра [1]).

Всѣхъ же девяти-фунтовыхъ батарей при гривицкомъ отрядѣ было не пять, какъ изложено на стр. 187, а шесть, именно: 1-я и 2-я батареи 5-й, 2-я батарея 30-й, 1-я, 2-я и 3-я батареи 31-й артил-

[1]) Журналъ воен. дѣйствій 9 корпуса, л. 49. П. В.

Digitized by Google

лерійскихъ бригадъ. Около часу дня была вызвана на позицію 1-я батарея 5-й артиллерійской бригады [1]). На первой позиціи, отстоявшей отъ непріятеля на 1,150—1,500 саж., можно было, по свойствамъ мѣстности, расположить остальныя 9-ти-фунтовыя батареи на мѣсто снятыхъ, по приказанію командира 9-го корпуса, 4-хъ-фунтовыхъ батарей. Около четырехъ часовъ дня начались атаки Пензенскаго, Козловскаго и Тамбовскаго полковъ на оба гривицкихъ редута [2]) и лишь послѣ 5 часовъ были выдвинуты на позицію вторыя батареи 5-й и 30-й артиллерійскихъ [3]) бригадъ, а за ними почти всѣ батареи отряда [4]). Слѣдовательно, изъ шести девяти-фунтовыхъ батарей, съ 9 час. до 1 ч. дня, дѣйствовали три, до четырехъ часовъ четыре, и передъ рѣшительной атакой еще двѣ девяти-фунтовыхъ батареи остались въ резервѣ, а не всѣ девяти-фунтовыя батареи отряда были сначала выдвинуты на позицію, какъ говоритъ авторъ статьи.

Отъ турецкаго расположенія наши батареи отдѣлялись двумя крайне крутыми, тянущимися параллельно нашей позиціи, оврагами: гривицкимъ и началомъ буковлекскаго. Оба оврага разъединялись узкимъ перешейкомъ, по которому, такъ сказать, представлялся естественный путь для движенія впередъ.

Передъ движеніемъ артиллеріи на вторую позицію, т. е. съ началомъ атаки вышеуказанныхъ трехъ полковъ, и не была достаточно обрекогносцирована новая позиція артиллеріи, двинувшейся впередъ и остановившейся, не знаю по чьему приказанію, въ узкомъ перешейкѣ, гдѣ могло помѣститься ограниченное число орудій. Въ этомъ мѣстѣ батареи стали на самыхъ тѣсныхъ интервалахъ, ниспадая своими флангами въ оба оврага [5]). Со второй позиціи подготовка атаки

---

[1]) Описаніе дѣйствій батарей 5-й артил. бригады, стр. 25. Рапортъ начальника 5-й пѣх. дивизіи отъ 25 іюля за № 2,759, стр. 140. Рапортъ командира 31 артилл. бриг. отъ 23 іюля, № 1,763, л. 176.

[2]) Въ статьѣ на стр. 188 и 190 указывается, что подъ Гривицей у турокъ былъ одинъ редутъ, тогда какъ ихъ было два (Таль-Атъ. „Воен. Сборн.“ 1885 г., № 2, стр. 96).

[3]) Описаніе дѣйствій этихъ батарей 18 іюля.

[4]) За исключеніемъ 6-й батареи 30-й бригады, направленной съ Коломенскимъ полкомъ.

[5]) Стоило продвинуться нѣсколько далѣе, и условія мѣнялись, но по диспозиціи батареямъ запрещалось передвигаться впередъ безъ приказаній. (Диспозиція на 18 іюля 1877 г.).

Быть можетъ, мнѣ скажутъ, что хорошо теперь, сидя въ кабинетѣ, разсуждать о рекогносцировкѣ и свойствахъ мѣстности, разсматривая послѣднюю по точному мензульному плану, а въ бою дѣло иначе. Я вполнѣ призналъ бы правильность этого разсужденія, если бы въ рядахъ 9 корпуса

Digitized by Google

была самая кратчайшая. Когда же три вышеуказанные полка пошли, усиленные впослѣдствіи 1-й бригадой 5-й пѣхотной дивизіи, чтобы ударить въ штыки, то послѣ 5 часовъ почти вся артиллерія была двинута впередъ для поддержки атаки пѣхоты. Батареи выдвинулись на третью позицію въ сферу сильнаго ружейнаго огня. На подготовку атаки съ этой позиціи артиллеріи пришлось потратить немного времени, такъ какъ пѣхота, энергично двинувшись впередъ и достигши своими передовыми частями почти самыхъ редутовъ, залегла вблизи ихъ и стала сообщать батареямъ, чтобы онѣ прекратили огонь по прежнимъ цѣлямъ. Тогда батареи открыли огонь по непріятельскимъ батареямъ, расположеннымъ въ значительномъ отдаленіи. Въ болѣе лучшихъ условіяхъ находилась 4-я батарея 5-й артил. бригады, расположенная на позиціи къ западу отъ Гривицы и стрѣлявшая по первому редуту. Вѣроятно, разрывы снарядовъ этой батареи и видѣлъ авторъ статьи. Вскорѣ затѣмъ стемнѣло [1]).

Итакъ, на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ, далеко не оказывается, чтобы въ 9 корпусѣ 18-го іюля 1877 г. были отданы распоряженія, по которымъ всѣ 110 орудій отряда могли бы помочь взятію турецкой позиціи. Напротивъ, всѣ распоряженія относительно пользованія этой массой орудій были таковы, что она не могла оказать надлежащаго содѣйствія своей пѣхотѣ при атакѣ обоихъ гривицкихъ редутовъ. Съ первой дальней позиціи въ продолжительной подготовкѣ атаки приняли участіе изъ шести девятифунтовыхъ батарей только три, усиленныя потомъ четвертой батареей. Со второй позиціи подготовка атаки велась самое короткое время. Пензенскій, Тамбовскій и Козловскій полки пошли въ атаку, а изъ всѣхъ 14 батарей отряда 8 остались въ резервѣ, при чемъ двѣ изъ нихъ были девятифунтовыя: 2-я 5-й и 2-я 30-й артилл. бригадъ.

не находились люди, исходившіе эту мѣстность вдоль и поперегъ, оказавшіе на ней блистательные подвиги и гнавшіе съ нея турокъ 8-го іюля почти до самаго Плевно. Это были чины 19 пѣхотн. Костромскаго полка и 5-й батареи 31 артиллер. бригады, съ своимъ знаменитымъ командиромъ батареи, подполковникомъ Сѣдлецкимъ, оказавшимъ въ этомъ бою чудеса храбрости и распорядительности. Насколько извѣстно, никого изъ чиновъ этихъ частей, знавшихъ хорошо мѣстность, не спросили ни разу, а отправили, для пополненія потерь, всѣхъ въ Никополь, не смотря на просьбу подполковника Сѣдлецкаго къ ком. 31 арт. бриг. взять его въ бой 18 іюля.

[1]) Дневникъ 2-й батареи 30-й арт. бригады, стр. 38.—Описаніе дѣйствій 2-й батар. 31-й бригады, стр. 26.—Описаніе дѣйствій 4-й батар. 31-й бригады, стр. 35—37.—Описаніе дѣйствій 5-й артилл. бриг., стр. 26.—Рапортъ командира 2-й батар. 5 арт. бригады отъ 20 іюля № 1,017. П. В.

Digitized by Google

При дальнѣйшемъ наступленіи почти всѣ батареи-резервы были двинуты въ боевую линію, но уже энергичнаго содѣйствія своимъ баталіонамъ оказать не могли, такъ какъ русская пѣхота прикрыла собой турецкіе редуты.

Очевидно, что, при такомъ изложеніи хода боя, съ моей стороны не могло быть сдѣлано ни одного упрека славнымъ батареямъ 5-й, 30-й и 31-й артил. бригадъ, и никогда я не порицалъ артиллеріи гривицкаго отряда. Объ этомъ можетъ засвидѣтельствовать каждый, слышавшій мои сообщенія, и напрасно утверждаетъ противное бывшій командиръ 9-го корпуса.

Относительно отступленія послѣ сраженія, которое, по словамъ автора, «было совершено спокойно и въ порядкѣ, такъ что никакого особаго хладнокровія со стороны ген. Похитонова не понадобилось» (стр. 188), я позволю себѣ отвѣтить выпиской, изъ хроники одной изъ артиллерійскихъ частей, о боѣ 18 іюля, гдѣ мы читаемъ:

«Послѣ отбитія нашихъ атакъ, въ отрядѣ наступилъ полнѣйшій хаосъ. Наступила уже темнота; перемѣшались между собой не только части разныхъ полковъ и дивизій, но даже и корпусовъ. Да и частей, въ строгомъ смыслѣ слова, не было: за убылью начальниковъ, оставались безформенныя кучи людей, въ разбродъ и по одиночкѣ уходившіе отъ непріятеля. Куда идти—не знали, да и никто не зналъ. Съ гордостью можно сказать, что въ это время 5-я артиллерійская бригада явила собой примѣръ образцоваго порядка и дисциплины. Батареи снимались съ позиціи не иначе, какъ по приказанію командира бригады, и направлялись по его приказанію къ мѣсту, гдѣ былъ расположенъ первоначально резервъ. Во избѣжаніе усиленія безпорядка, подъ опасеніемъ смерти, было запрещено идти рысью. Когда батареи всѣ собрались въ одномъ мѣстѣ, ген. Похитоновъ, съ помощью офицеровъ, приступилъ къ собиранію пѣхотнаго прикрытія. Черезъ два часа, останавливая мимо идущихъ пѣхотныхъ солдатъ, удалось собрать довольно значительную толпу, которую тотчасъ подѣлили на части, раненыхъ уложили на лафеты и зарядные ящики, и бригада въ такомъ порядкѣ шагомъ двинулась въ колоннѣ въ одно орудіе далѣе; офицеры и прислуга шли на уставныхъ мѣстахъ. Проѣзжавшій въ это время мимо командиръ 9-го корпуса приказалъ идти въ Турскій Трестеникъ, куда бригада и прибыла на разсвѣтѣ 19 іюля [1])».

На моихъ сообщеніяхъ я никогда не говорилъ, что ген. Похитоновъ командовалъ всей артиллеріей корпуса, а старался оттѣнить его

[1]) Краткое описаніе движеній и дѣйствій 5-й артиллерійской бригады, стр. 27—28. П. В.

Digitized by Google

управленіе, въ бою 3-го іюля, центральной сорока-орудійной батареей. Между тѣмъ, бывшій командиръ 9-го корпуса, говоря о своемъ уваженіи къ этому боевому дѣятелю, награжденному, по его представленію, высшей военной наградой, приводитъ факты, которые какъ бы уменьшаютъ заслуженную боевую репутацію высокочтимаго генерала. Во-первыхъ, относительно сраженія 18-го іюля мною только что было указано, насколько умаляются авторомъ статьи заслуги ген. Похитонова въ тяжелыя минуты отступленія въ этотъ день и насколько этотъ отзывъ нашего оппонента разнится съ вышеприведеннымъ документомъ. Во-вторыхъ, на стр. 187 напечатано, что и подъ Никополемъ всѣ указанія командира 9-го корпуса для артиллеріи центра приводилъ въ исполненіе ген. Калачевъ, а не ген. Похитоновъ; послѣдній, по словамъ автора статьи, лишь выбралъ мѣсто и устроилъ закрытія для центральной батареи.

Въ подлинномъ рапортѣ бывшаго командира 9-го корпуса о никопольскомъ боѣ, дѣйствительно, указано, что «наши батареи, руководимыя начальникомъ артиллеріи корпуса, ген. Калачовымъ, начали переходить съ замѣчательнѣйшимъ порядкомъ и спокойствіемъ съ одной позиціи на другую, преодолѣвая всѣ мѣстныя затрудненія» [1]); тѣмъ не менѣе, это не подтверждается подлинными донесеніями командировъ 1-й и 2-й батарей—5-й и 1-й, 2-й и 3-й батарей—31-й артиллерійскихъ бригадъ, въ которыхъ нигдѣ не указано, что батареи эти управлялись ген. Калачовымъ, руководство же центральной батареей въ бою всецѣло приписывается ген. Похитонову, получившему за это дѣло Георгіевскій крестъ [2]).

Изъ всей боевой дѣятельности генерала Похитонова управленіе центральной батареей подъ Никополемъ, а также прикрытіе отступленія 8-го іюля и хладнокровная распорядительность къ вечеру 18-го іюля дали ему наиболѣе выдающіеся лавры за всю прошлую войну.

На стр. 188 сказано о вяломъ дѣйствіи кавалеріи ген. Лошкарева. Не обсуждая подробностей дѣйствій этого отряда, я позволилъ бы себѣ предложить автору статьи на разрѣшеніе слѣдующій вопросъ: какой эпитетъ онъ придастъ дѣятельности 10 эскадроновъ и 6 конныхъ орудій, отъ которыхъ, не говоря уже ни о чемъ другомъ, во всѣхъ дѣлахъ корпуса, въ теченіи 18 и 19 іюля, нѣтъ и слѣдовъ боевыхъ донесеній?

---

[1]) Донесеніе о никопольскомъ боѣ командира 9 корпуса.
[2]) Подлинные рапорты командировъ этихъ батарей. П. В.

Digitized by Google

IV.

На стр. 189 авторъ статьи говоритъ, что при 9-мъ корпусѣ не было саперъ и что люди, обученные саперному дѣлу при войскахъ, не были выдѣлены въ особую команду и не были снабжены лопатами. Между тѣмъ, въ дневникѣ 1-й роты 5-го сапернаго баталіона, а также во многихъ предписаніяхъ штаба корпуса, значится, что рота эта, въ составѣ 3 офицеровъ, 33 унтеръ-офицеровъ и 150 человѣкъ, подъ командой поручика Яковлева, а также выдѣленные въ особую команду саперы, въ составѣ 400 человѣкъ, снабженныхъ лопатами [1]), имѣли за собой солидныя саперныя работы: постройку батарей у Вублы, постройку моста черезъ Осьму у Дебо 2-го іюля, укрѣпленіе послѣ 8-го іюля позиціи у Бресляницы и послѣ 18-го іюля у Булгарени. За исключеніемъ второй работы, они служили для войскъ 550 саперами руководителями, которые существовали при корпусѣ не безрезультатно.

Далѣе долженъ я повторить, что критическаго разбора сраженія 18-го іюля 1877 г., какъ то утверждаетъ авторъ статьи, я на моихъ сообщеніяхъ не дѣлалъ, а привелъ разборъ сраженія ген. Куропаткинымъ и отвѣтъ на него автора статьи («Военный Сборникъ» 1881 г. № 3).

Только въ одномъ мѣстѣ я позволилъ себѣ выразить слѣдующее: Получивъ приказаніе атаковать съ 20 тысячами позицію укрѣпленную, обороняемую 60—50 тысячами [2]), какъ это представлялось тогда въ штабѣ 9-го корпуса, и имѣя 550 саперъ руководителей и 6,600 лопатъ, вѣрнѣе было бы окопаться на булгаренскомъ шоссе; тогда можно было-бы смѣлѣе маневрировать въ важнѣйшемъ направленіи и, усиливъ войска кн. Шаховскаго хотя тремя полками, произвести демонстрацію отъ Гривицы, сопровождая ее усиленнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Турецкій историкъ повѣствуетъ [3]),

---

[1]) Дневникъ 1-й роты 5-го саперн. баталіона.—Предписаніе штаба 9 корпуса командиру 1-й роты 5-го сапернаго баталіона и завѣдующему сборной командой для саперн. работъ отъ 6-го іюля 1877 г. № 1,720. — Дневникъ Архангелогородскаго полка, стр. 2, 3. — Предписаніе штаба 9 корпуса отъ 7 іюля, № 1,730.

[2]) Рапортъ командира 9 корпуса Главнокомандующему отъ 14-го іюля, № 1,772.

[3]) Таль-Атъ, стр. 105, въ „Воен. Сборникѣ“ 1885 г. № 2. Библіографія.

П. В.

Digitized by Google

что 18-го іюля Османъ-паша израсходовалъ весь резервъ и окончательный ударъ нанесъ отряду князя Шаховскаго послѣдними четырьмя ротами. Смѣю думать, что при такомъ положеніи дѣлъ атака трехъ полковъ, подкрѣпившихъ войска кн. Шаховскаго, рѣшила бы дѣло въ нашу пользу и никакой переходъ въ наступленіе турокъ отъ Гривицы противъ 15 баталіоновъ, стоявшихъ за окопами на булгаренскомъ шоссе, не имѣлъ бы успѣха. Во всякомъ случаѣ, если бы позиція была окопана, то, пожалуй, и не было бы повода къ отступленію въ Булгарени.

Относительно дѣйствій 119 пѣх. Коломенскаго полка, авторъ татьи приводитъ строки изъ рецензіи о моемъ сообщеніи: «Въ то время, когда чисто роковая случайность, состоящая въ горячности и неумѣстномъ увлеченіи ординарца кн. Шаховскаго, увлекшаго Коломенскій полкъ, отправленный генераломъ Криденеромъ къ князю Шаховскому въ сферу огня турокъ, ранѣе чѣмъ онъ прибылъ къ Радишеву»... и затѣмъ идетъ разсказъ автора, какъ происходило это дѣло.

Я излагалъ все событіе въ томъ же смыслѣ, на основаніи записокъ того лица, которому бывшій командиръ 9-го корпуса поручилъ вести Коломенскій полкъ, на основаніи дневника этого полка и описанія дѣйствій 6-й батареи 30 артил. бригады, направленной съ этимъ полкомъ. Въ вышеприведенной рецензіи, отвѣтственности за которую я на себя принять, конечно, не могу, сдѣланъ пропускъ нѣсколькихъ фразъ. Дѣйствительно, фразу, подобную приведенной рецензіи, я говорилъ приблизительно такъ: къ сожалѣнію, неумѣстная горячность офицера, прибывшаго отъ кн. Шаховскаго съ просьбой о подкрѣпленіи, не умѣвшаго указать пунктъ, куда подкрѣпленіе должно было слѣдовать, и было причиной того, что полкъ этотъ, направленный въ подкрѣпленіе къ кн. Шаховскому, былъ вовлеченъ въ огонь ранѣе, нежели того желалъ кн. Шаховской, т. е. до прибытія полка къ Радишеву, такъ какъ подлинная записка командира 11-го корпуса была получена позже отправленія полка.

Digitized by Google

V.

Въ заключеніе, бывшій командиръ 9-го корпуса приводитъ мои слова, на основаніи рецензіи № 69 «Русскаго Инвалида», гдѣ сказано, что послѣ сраженія 18-го іюля «состояніе духа войскъ было угнетенное, они чувствовали себя какъ бы виноватыми».

Здѣсь мнѣ опять остается пожалѣть, что подлинное мое сообщеніе еще не напечатано, а его разбираютъ на основаніи рецензій, за которыя отвѣчать я не могу. Словъ: «они чувствовали себя какъ бы виноватыми», я не говорилъ, такъ какъ цѣлью моего сообщенія было выяснить, насколь геройски были всѣ усилія войскъ въ этотъ день. Для выясненія же того положенія, въ которомъ находились части войскъ дѣйствительно, а не такъ, какъ полагаетъ авторъ статьи, за неимѣніемъ мѣста, приведу лишь нѣсколько строкъ изъ одной безпристрастной и правдивой хроники прошлой войны, гдѣ на стр. 14 читаемъ: «20-го іюля, батарея, по полученіи приказа, перешла изъ Булгарени въ Турскій Трестяникъ, и здѣсь намъ пришлось праздновать свой батарейный праздникъ. Не веселъ, но печаленъ онъ былъ. По обыкновенію, отслужили молебенъ, затѣмъ панихиду по убіеннымъ. Священникъ сталъ говорить рѣчь, въ которой силился ободрить солдатъ, поднять упавшій духъ, но усилія его были напрасны, слишкомъ свѣжо было у каждаго впечатлѣніе роковаго 18-го іюля. Тихо и смутно было на бивакѣ, не слышно было пѣсенъ, не видно было оживленныхъ лицъ. Духъ поднялся послѣ объѣзда нашихъ войскъ Главнокомандующимъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ. Солдаты, видя его веселое лицо, слыша благодарность за сраженіе 18-го іюля и получивъ награду по три знака отличія военнаго ордена на роту и батарею, замѣтно оживились».

Вотъ всѣ мои объясненія; справедливость ихъ подтверждается несомнѣнно существующими документами, я же предоставляю читателямъ судить о томъ, опровергаются ли мои выводы и моя группировка фактовъ соображеніями, изложенными въ статьѣ моего оппонента.

Въ прежнее время историки выставляли однѣ свѣтлыя стороны, и въ результатѣ при новыхъ кампаніяхъ повторялись прежніе недостатки. Даже хваленая исторія войны 1870—1871 гг. германскаго генеральнаго штаба изображаетъ одни блестящіе подвиги нѣмецкой арміи, умалчивая о всемъ слабомъ и нигдѣ не дѣлая ссылокъ на документы.

Digitized by Google

Въ этомъ отношеніи своимъ умышленнымъ искаженіемъ правды она превосходитъ полубаснословный разсказъ Михайловскаго-Данилевскаго и напоминаетъ собой хвалебные гимны прусской арміи послѣ эпохи Фридриха Великаго, передъ грозными событіями Іены и Ауерштедта. Такая односторонность породила даже въ современной Германіи цѣлую литературу противъ достовѣрности этого историческаго труда. Русскіе историки въ настоящее время держатся совершенно инаго метода: слабыхъ сторонъ не скрываютъ и, пользуясь ихъ трудами, русская армія, подъ руководствомъ своего Верховнаго Вождя и его ближайшихъ помощниковъ, усердно работаетъ надъ своимъ усовершенствованіемъ послѣ войны 1877—1878 гг.

Высокому примѣру нашихъ историковъ слѣдовалъ и я въ моихъ скромныхъ сообщеніяхъ.

Работа моя значительно облегчалась тѣмъ, что я пользовался крайне цѣнными источниками, а именно описаніями дѣйствій (хрониками) различныхъ частей.

Хроники эти получили наибольшее развитіе съ 1879 года, когда Августѣйшій Командиръ гвардейскаго корпуса, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, а также и Августѣйшій Главнокомандующій войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, въ своихъ приказахъ обращали особое вниманіе на неотложную необходимость всесторонняго составленія хроникъ частей [1]). Благодаря этимъ хроникамъ, мнѣ и представилась возможность излагать факты объективно,—такъ, какъ они происходили въ дѣйствительности.

Павелъ Вороновъ.

---

[1]) Въ приказахъ этихъ, между прочимъ, говорилось: „Правдивые и систематическіе очерки эти представятъ цѣнный вкладъ для военной исторіи — этого дорогаго хранилища боеваго опыта, изученіе котораго для каждаго военно-служащаго, въ особенности при современномъ состояніи военнаго дѣла, есть непремѣнное условіе свято исполненнаго служебнаго долга".

П. В.

Digitized by Google

Ecce Homo.

Въ увеселеніяхъ безвредныхъ
Спектаклей, баловъ, лоттерей,
Весь годъ я тѣшилъ въ пользу бѣдныхъ
Себя, жену и дочерей.
Для братій сирыхъ и убогихъ
Я вовсе выбился изъ силъ:
Я хлопоталъ для хромоногихъ,
Я для голодныхъ пилъ и ѣлъ;
Рядился я для обнаженныхъ,
Для нищихъ сдѣлался купцомъ,
Для погорѣлыхъ, раззоренныхъ
Отдѣлалъ заново свой домъ.
Моихъ малютокъ милыхъ кучу
Я человѣчеству обрекъ:
Плясала Машенька качучу,
Дивила полькою Сашокъ;
Къ несчастнымъ дѣтямъ безъ пріюта
Питая жалость съ раннихъ лѣтъ,
Занемогла моя Анюта
Съ базарныхъ фруктовъ и конфетъ.
Я для слѣпыхъ пошелъ въ картины
И отличался какъ актеръ;
Я для глухихъ пѣлъ каватины,
Я для калѣкъ катался съ горъ.
Вѣдь мы не варвары, не турки,
Кто слезы отереть не радъ?
Ну, какъ не проплясать мазурки,
Когда страдаетъ меньшій братъ?
Во всемъ прогрессъ по волѣ неба,
Законъ развитія во всемъ;
Людей безъ крова и безъ хлѣба
Все больше будетъ съ каждымъ днемъ,
И съ большей жаждой дѣлъ прекрасныхъ
Пойду, храня священный жаръ,
Опять на все я за несчастныхъ:
На балъ, на раутъ, на базаръ!

Н. Павловъ.

Сообщ. В. Н. Поливановъ.

Digitized by Google

Стихотворенія И. С. Аксакова.

Въ декабрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1886 г. помѣщены сохранившіяся у меня стихотворенія И. С. Аксакова. Въ подстрочномъ примѣчаніи къ первому изъ нихъ 3-й выпускъ училища правовѣдѣнія, къ которому принадлежалъ покойный, ошибочно названъ 2-мъ; а въ примѣчаніи 3-мъ къ моему предисловію сказано о воспитанникѣ того-же выпуска—П. А. Сазоновѣ, что онъ теперь въ отставкѣ и живетъ въ своемъ рязанскомъ имѣніи. Послѣднее было вѣрно тому нѣсколько лѣтъ; но оказалось, что г. Сазоновъ недавно переѣхалъ въ Москву. Узнавъ это, я поспѣшилъ извиниться передъ нимъ въ томъ, что, не зная опредѣлительно его мѣстопребыванія, предалъ гласности посланіе, лично адресованное ему нашимъ дорогимъ товарищемъ.

Сожалѣю, что редакція „Русской Старины“ не напечатала того письма, при которомъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1886 года, я отправилъ въ нее стихотворенія И. С. Аксакова: въ этомъ письмѣ было заявлено, что на напечатаніе этихъ стихотвореній я заручился согласіемъ вдовы покойнаго и что А. Ѳ. Аксакова именно желала, чтобы они появились на страницахъ „Русской Старины“.

Бар. Ѳ. А. Бюлеръ.

Москва.
7 мая 1887 г.

Поправки.

(См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., книги IV и V).

					Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
131	стран.,	17	строка	сверху	шайки	шавки
166	—	14	—	снизу	ѣла	дѣла
226	—	8	—	сверху	богатство страны	богатство фауны
238	—	27	—	—	Роопъ	Роонъ
243	—	2	—	снизу	Андрея Ивановича	Андрея Васильевича
414	—	3	—	—	Въ двадцать шесть лѣтъ	Въ тридцать шесть лѣтъ
443	—	9	—	сверху	Turgéniew	Turgénjew
446	—	24	—	—	Herzengefunkel	Kerzengefunkel
450	—	14	—	снизу	Si même	Soi même
457	—	5	—	—	une monstre	un monstre
—	—	1	—	—	avec acceptė	avez acceptée
458	—	1	—	—	précira	précisera
463	—	2	—	—	Wolhergehen	Wohlergehen
465	—	16	—	—	freunlich	freundlich
466	—	21	—	сверху	11 silabe.	11 Sylben.
—	—	22	—	—	Flusz—10 silabe.	Flut—10 Sylben.
537	—	2	—	—	1709	1809
546	—	16	—	снизу	Панина	Петина.

Digitized by Google

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1887 г.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТР.

I. Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII вѣкѣ. Составилъ Гельбигъ, секретарь саксонскаго посольства при Екатеринѣ II. Перев. съ нѣм. изд. 1809 г., съ предисловіемъ и примѣч., В. Б. . . . . 35—46

Петръ Завадовскій (35). — Александръ Безбородко I (36). — Безбородко II (44). — Лазаревъ (45).

II. Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ, 1806—1883 гг. Автобіографія. Гл. XIII—XVII. Біографич. очеркъ и примѣч. сост. кн. В. Д. Дабижа. . 129—144; 643—652

III. Воспоминанія стараго учителя И. К. Зайцева, 1805—1887 гг. . . . . 663—691

IV. Русско-турецкая война въ Болгаріи, 1877—1878 гг. Изъ воспоминаній вольноопредѣляющагося. Сообщ. С. Соболевъ . . . . . 761—784

V. Воспоминанія врача о М. Д. Скобелевѣ, 1880—1881 гг. Сообщ. О. Ф. Гейфельдеръ. Перевела съ нѣмецкой рукописи В. В. Тимощукъ. . . . . 217—239

Digitized by Google

Историческіе и біографическіе очерки. Переписка, разсказы, матеріалы, замѣтки.

стр.

I. Пріобрѣтеніе Пскова и Смоленска Василіемъ III. Сообщ. проф. Д. И. Иловайскій . . . . . 1—34

II. Аламъ. Сообщ. А. Труворовъ. . . . . 255—262

III. Василій Никитичъ Татищевъ, 1686—1750. Сообщ. проф. Д. А. Корсаковъ. . . . . 563—590

IV. Доносы фискаловъ на Никиту Демидова. Изъ исторіи отечественнаго горнозаводства въ царствованіе Петра I, 1711—1717 гг. Сообщ. В. Рожковъ. . . . . 329—344

V. Замѣчанія на Записки о Россіи генерала Маштейна, изданныя въ 1879 г. подъ именемъ гр. Петра Панина, 1725—1744 гг. Изслѣдованіе А. Я. Юргенсона. Перевела съ нѣмецкой рукописи В. В. Тимощукъ . . 309—328; 613—637

VI. Гр. Эрнстъ Минихъ, 1792 г. Замѣтка. Сообщ. Т. . . . 638

VII. На пороховыхъ заводахъ въ 1779—1781 гг. . . . 245—248

VIII. Екатерина II въ перепискѣ съ докторомъ Циммерманномъ 1784—1791 гг. Очеркъ профес. А. Г. Брикнера. 271—294; 591—612

IX. Екатерина II во время войны съ Швеціею. Письма и повелѣнія графу В. П. Мусину-Пушкину 1788—1789 гг. Съ предислов. и примѣч. В. А. Бильбасова. Письма сообщ. кн. Ив. Гагаринъ. . . . . 47—70; 295—308

X. Многознающій учитель-иностранецъ. Сообщ. г. Ланкенау. 240

XI. Отечественная война. Письмо П. Кикина къ матери 1812 г. Сообщ. Н. П. Карповъ. 738

XII. Вызовъ на дуэль кн. Меттерниха имп. Александромъ I. Эпизодъ вѣнскаго конгресса. Сообщ. А. А. Чумиковъ. 639—642

XIII. Заводчикъ Александръ Яковлевъ. 1828 г. . . . . 263—264

XIV. Эпизодъ изъ быта помѣщиковъ, 1847 г. Сообщ. Я. Есманъ. 269—270

XV. Орудіе пытки въ 1847 г. Сообщ. Г. И. Студенкинъ. 249—250

XVI. Вольныя и невольныя дѣянія стараго суда. Сообщ. А. Н. Кузнецовъ . . . . . 265—267

XVII. Флигель-адъютантъ Михаилъ Андреевичъ Шумскій въ Соловкахъ, 1836—1851 гг. Сообщ. М. А. Колчинъ. 145—154

XVIII. Фрейганги. Сообщ. Н. Палибинъ. 243

Digitized by Google

СТР.

XIX. Гавріилъ Степановичъ Батенковъ. Къ матеріаламъ для его біографіи. Сообщ. Андр. Ив. Янъ 642

XX. Въ виду крымской войны. Замѣтки дипломата при петербургскомъ и лондонскомъ дворахъ, 1852—1855 г. . 367—404

XXI. Императоръ Александръ II въ Александрійскомъ институтѣ въ Новой Александріи. Сообщ. Л. . . . . 241—243

XXII. Памяти Якова Александровича Соловьева въ 26-ю годовщину освобожденія крестьянъ: письмо Николая Алекс. Милютина 1864 г. . . . . 181—184

XXIII. Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, † 1865 г. Сообщ. кн. Д. В. Друцкой-Соколинскій 268

XXIV. Кн. Багратіонъ-Мухранскій. Сообщ. Н. Палибинъ. . 248

XXV. Къ исторіи военно-учебной реформы императора Александра II, 1856—1870 гг. . . . . 345—366; 693—712

XXVI. По поводу статьи: Сраженіе подъ Плевно 18-го іюля 1877 г. Сообщ. П. Н. Вороновъ . . . . . 793—810

XXVII. Николай Ивановичъ Пироговъ въ его посмертныхъ Запискахъ. Сообщ. Ред. . . . . 251—253

XXVIII. Домъ и фамилія графовъ Строгоновыхъ, 1752—1887 гг. Очеркъ Н. М. Колмакова. . . . . 71—94

Замѣтки и поправки. Сообщ. Н. М. Колмаковъ. 562

XXIX. Рязанская ученая архивная комиссія 1884—1887 г. 185—216а.

Поправки. Сообщ. А. С. 562

XXX. Рязанцы. Замѣтка М. И. Венюкова 662

XXXI. Александръ Константиновичъ Абрамовъ, † 26-го октября 1886 г. Сообщ. Е. Сысоева 184

XXXII. С. И. Зарудный. Замѣтка Ред. 270

XXXIII. Одинъ изъ питомцевъ Дворянскаго полка, А. А. Тилло. Сообщ. М. И. Венюковъ. 712

XXXIV. 19-е февраля 1887 года. Замѣтка Ред. 180

XXXV. Поправки и опечатки. . . . . 270 и 812

Исторія русской литературы.

I. Поэтъ Д. В. Веневитиновъ. Сообщ. П. Устимовичъ. 404

II. Василій Андреевичъ Жуковскій.
Его альбомы, хранящіеся въ Висбаденѣ. Сообщ. Ред. . . 240

III. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.
1. Отзывы одесскихъ газетъ 1837 г. о смерти Пушкина. Сообщ. Л. С. М—чъ. . . . . 155—160

Digitized by Google

стр.

2. Квартира Александра Сергѣевича Пушкина въ концѣ января 1837 г. Сообщ. В. Н. Давыдовъ. . . 161—164

Замѣтка къ статьѣ В. Н. Давыдова: Четверостишіе Н. Н. Забудскаго. Сообщ. М. И. Венюковъ 737

3. На смерть Александра Пушкина, стихотв. Абр. Серг. Норова. Сообщ. П. Семеновъ 250

IV. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.
Изъ его альбома предсмертныхъ стихотвореній 1841 г. Сообщ. проф. П. А. Висковатый . . . . . 405—406

V. Николай Васильевичъ Гоголь.
Тарасъ Бульба. Главы неизданной редакціи. Сообщ. проф. Н. С. Тихонравовъ . . . . . 95—128

VI. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ.
Очеркъ его жизни и дѣятельности. — Замѣтки о полномъ собраніи его сочиненій. — Помпей Николаевичъ Батюшковъ — издатель сочиненій его брата . . . . . 505—561

VII. Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ.
Мнѣніе о лучшемъ способѣ разработки вопроса объ освобожденіи крестьянъ 1857 г. Сообщ. профессоръ Д. А. Корсаковъ. . . . . 165—179

VIII. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.
А. С. Хомяковъ въ эпоху освобожденія крестьянъ. Письмо его къ Л. М. Муромцеву. Сообщ. А. В. Селивановъ. . 254

IX. И. Колошинъ. Его шутка-стихотвореніе, 1861 г.: «Испанія и Россія». Сообщ. А. В. Селивановъ. 692

X. Александръ Васильевичъ Дружининъ. Сообщ. М. А. Ливенцовъ . . . . . 739—760

XI. Иванъ Сергѣевичъ Акасаковъ.
Замѣтка къ стихотвореніямъ его, напечатаннымъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1886 г., книга XII, стр. 637—652. Сообщ. бар. Ѳ. А. Бюлеръ. 812

XII. Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ.
Замѣтка о началѣ его литературной дѣятельности . . . 244

Поправка. Сообщ. М. Е. Салтыковъ 562

XIII. Поэтъ и проф. Фридрихъ Боденштедтъ, 1819—1887 гг.
1. Фр. Боденштедтъ, очеркъ его біографіи. . . . 407—422
2. Воспоминанія его о Россіи въ 1841—1845 гг. . 423—442
3. Переписка Ив. Серг. Тургенева съ Фр. Боденштедтомъ въ 1861—1865 гг. . . . . 443—496
4. Поэтъ С. Я. Надсонъ и Фр. Боденштедтъ въ 1885—1887 гг. . . . . 497—503

Digitized by Google

стр

XIV. Ecce Homo. Стихотвореніе Н. Павлова. Сообщ. В. Н. Поливановъ 811

XV. Звѣрьяда. Сообщ. Е. А. Теляковскій и Т. Познанскій. 250 и 504

Исторія искусствъ.

I. Василій Васильевичъ Самойловъ. Читано въ обществѣ любителей сценическаго искусства. Сообщ. П. Свободинъ. 785—792

II. Ѳедоръ Григорьевичъ Солнцевъ, профессоръ археологической живописи. Біографическій очеркъ. Состав. Н. А. Бѣлозерская . . . . . 713—737

Портреты и гравюры.

I. Портретъ Константина Николаевича Батюшкова, гравир. на мѣди акад. И. П. Пожалостинъ.
(См. стр. 271).

II. Портретъ ген.-адъют. графа Сергѣя Григорьевича Строгонова, гравир. художн. Г. И. Грачевъ.
(См. стр. 1).

III. Портретъ проф. живописи Ѳедора Григорьевича Солнцева, гравировалъ на мѣди художн. Ѳ. А. Мѣркинъ.
(См. стр. 563).

IV. Портретъ Помпея Николаевича Батюшкова, гравировалъ К. Вейерманъ.
(См. стр. 560).

V. Памятникъ на могилѣ Конст. Ник. Батюшкова, гравиров. А. И. Даугель.
(См. стр. 548).

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Ученическіе годы Гоголя.—Біографическія замѣтки В. Шенрока. Москва. 8 д., 1887 г., стр. 130. (На оберткѣ IV-й книги „Русской Старины“ изд. 1887 г.).
2. О. К. Нотовичъ: Еще немножко философіи. (Къ вопросу о свободѣ воли). Софизмы и парадоксы. Спб., 1887 г., въ 8 д., стр. 216 (Тамъ-же).
3. Воспоминанія крестьянина села Угодичъ, Ярославской губерніи, Ростовскаго уѣзда, Александра Артынова, съ преди-

Digitized by Google

словіемъ А. А. Титова. М. 1883 г. (Оттискъ изъ „Чтеній Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при московскомъ университетѣ), въ 8 д., стр. 164. (Тамъ-же).

4. Lettres de la Marquise de Coigny et de quelques autres personnes appartenant à la société française de la fin du XVIII siècle. Paris, 1884 г., въ 8 д., стр. IV+320, съ прилож. портрета маркизы де-Coigny и четырехъ снимковъ съ ея письма и друг. лицъ. (Тамъ-же).
5. Wie Russland Europäisch wurde. Studien zur Kulturgeschichte. Von Ernst Freicherrn von der Brüggen. Leipzig, 1885 г., въ 8 д., стр. VIII+514. (Тамъ-же).
6. Историческое обозрѣніе Сибири. П. А. Словцова. Спб. 1886 г., 326+364. (На оберткѣ V-й книги „Русской Старины" изд. 1887 г.).
7. Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго. Т. X, 1853—78 гг. Изд. гр. С. Д. Шереметева. Спб., 1886 г., 316+82 стр. (Тамъ-же).
8. Императоръ Александръ I и идея священнаго союза. Проф. В. К. Надлера. Т. I, 378; т. II, 384 стр. Кіевъ, 1886 г. (Тамъ-же).
9. Матеріалы по исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній. Вып. IX, акты XVII и XVIII столѣтій, собр. А. Б. Вейнбергомъ. Воронежъ, 1886 г., стр. 766—871. (Тамъ-же).
10. Бѣлгородъ съ уѣздами, историко-статистическій очеркъ 1593 — 1886 гг. Изд. второе, дополненное, съ планомъ. А. М. Дренякина. Харьковъ, 1886 г. (Тамъ-же).
11. Historischer Ueberblick der Entwickelung der Kaiserlich Russischen Akademie der Künste in St.-Petersburg. Ein Beitrag zur Geschichte der Kunst in Russland von Jus. Hasselblatt. S.-Pb., 1886 г., въ 8 д., стр. 194, съ приложеніемъ двухъ рисунковъ: наружнаго фасада и внутреннихъ залъ Акад. Худож. въ Спб. (Тамъ-же).
12. Сборникъ русскаго историческаго общества. Т. LIII, 252 стр.; т. LV, 503 стр. 1886 — 87 гг. (На оберткѣ VI-й книги „Русской Старины" изд. 1887 г.).
13. Архивъ князя Воронцова. Книга XXXIII. М., 1887 г., 480+40 стр. (Тамъ-же).
14. Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской духовной академіи. Ч. II. Казань, 1885 г., 581+LXIII стр. (Тамъ-же).
15. Историческія розысканія въ южно-русскихъ архивахъ. А. С. Лебедева. Вып. I. М., 1886 г., 103 стр. (Тамъ-же).
16. Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи. Въ воспоминаніе 50-лѣтія со дня смерти поэта 29-го января 1887 г. Собралъ В. А. Яковлевъ. Одесса. 1887 г. (Тамъ-же).

Примѣчаніе. Отзывы о книгахъ №№ 6—9 и 12—16 принадлежатъ проф. В. С. Иконникову, № 1—5 и 11 — Ред. и № 10 — Н. А. Бѣлозерской.

Digitized by Google